

Эннио Ди Нольфо

ИСТОРИЯ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ

1918—1999

*ПРЕДИСЛОВИЕ
К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ*

Обращаясь к будущим читателям русского перевода этой книги, считаю необходимым, прежде всего, выразить мою искреннюю благодарность тем, кто сделал возможным этот перевод, кто предоставил для этого материальные средства, а также тем, кто осуществил перевод и тем, кто курировал всю работу в научном плане. В первую очередь я должен поблагодарить Михаила Наринского, проф. МГИМО, который обеспечил высокий научный уровень издания, Артема Мальгина, доцента МГИМО, оказавшего горячую поддержку и содействие публикации. Наряду с ними я должен поблагодарить за многотрудную и скрупулезную работу по переводу книги кандидата исторических наук Тамару Павлову (Институт сравнительной политологии РАН) и Галину Михайлову, наконец, я хочу выразить особую благодарность доктору Манфреди Филипацци (университет Флоренции), который курировал всю работу, как в техническом, так и в научном плане. Особую благодарность мне хотелось бы высказать в адрес ИНО-Центра, его Президента Андрея КОРТУНОВА и исполнительного директора Ирины ЛАКТИОНОВОЙ, которые предоставили финансовые и организационные ресурсы для издания настоящей книги.

Я хорошо понимаю, что речь идет об издании, потребовавшем больших усилий многих людей, и надеюсь, что проделанная работа будет оценена читателями.

Книга получила широкое признание в Италии и других странах, выдержав четырнадцать изданий. Она стала необходимым подспорьем для изучающих историю и внешнюю политику. Те, кто прочтут ее, поймут, что, автор, соблюдая, насколько это возможно, точность при изложении многочисленных событий, ставил своей целью не проследить ход событий в узко хронологическом плане, а прежде всего выявить основные проблемы, показать закономерности развития, отметить структурные элементы, характерные для международных отношений в XX веке. Автор стремился не столько сконцентрировать внимание на хронологии, сколько показать, что прошлое можно понять только в том случае, если при его изучении будут выделены особые темы, которые

будут рассмотрены в своем развитии. Выводы не являются и не должны быть окончательными.

Книга должна помочь в изучении истории международных отношений и получении справочных сведений, но в еще большей мере предоставить возможность для размышлений. Я хотел бы надеяться, что книга благосклонно будет принята новыми читателями, которые, преодолев внешнюю сложность, оценят последовательность изложения и относительную простоту аргументации, получат стимул для размышления над сложностью и разнообразием аспектов, которые могут служить инструментами для понимания проблем международных отношений.

Эннио Ди Нольфо

Апрель 2003, Флоренция

*ПОСЛЕСЛОВИЕ:
НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК?*

Итальянское издание этой книги было написано в 1999 — начале 2000 г. Хотя в ней анализируется почти весь XX век, однако, совершенно ясно, что в начале 2003 г., т.е. спустя два года, некоторые замечания, имеющиеся в последней части книги, должны быть обновлены. Впрочем, ни одна книга по истории не является окончательной; все исторические реконструкции свидетельствуют о состоянии знаний на момент, когда они создаются, и отражают способность автора понять прошлое. Кроме того, чтобы в 2003 г. соответствующим образом и, по возможности, точно обновить материал, недостает необходимой исторической дистанции, необходимой для преобразования хроники событий в их первое историческое осмысление. Поэтому сегодня возможны только некоторые общие замечания.

Структура книги в целом не претерпела изменений. Она стала результатом работы, проделанной в Италии, и потому в большей степени, чем это обычно принято, отражает внимание автора к внешней политике этой страны. Возможно, некоторые небольшие детали могли бы быть изменены в соответствии с источниками, опубликованными в последнее время, но в подобных уточнениях больше нуждаются монографии, чем подобная работа синтетического характера. Общая историческая реконструкция здесь строится в большей мере на соответствующей аргументации, чем на непрерывном обновлении хронологического материала. Последнее станет возможно только в будущих, более отдаленных изданиях. Впрочем, уже в последней главе ясно говорится, что воссозданная история 90-х годов отражает скорее поиск общих тенденций, чем полностью отстоявшийся синтез исторических событий. Именно в этом плане события, происшедшие между 2000 г. и первыми месяцами 2003 г., позволяют внести некоторое возможное дополнение.

Прежде всего оптимизм, пронизывающий некоторые страницы, не всегда находит фактическое подтверждение. Хотя и оказалось верным, что в ведущих странах, переживших глубокие изменения, не произошло резких потрясений, и только в наиболее нестабильных частях земного шара особые события привели к ши-

рокомасштабным и глубоким переменам. Оптимизм, проявленный относительно возможности серьезной преемственности в проведении политики реформ и во внешней политике Российской Федеративной Республики, нашел свое подтверждение. Внутренняя стабильность и очевидное возрождение ее международной роли, кажется, позволили России преодолеть переходный период, последовавший за окончанием холодной войны. В Китайской Народной Республике, по крайней мере до апреля 2003 г., преобразования также не знали сбоев. Экономический рост сопровождался интенсивным процессом модернизации, и хотя Китаю еще предстоит преодолеть огромное различие между городом и деревней, он уже выдвигается на первые позиции на международной арене. Наконец, продолжается экономический рост в Индии, что, возможно, позволит ей, несмотря на относительную изоляцию, постепенно стать одной из опор нового международного порядка.

В странах Юго-Восточной Азии (в Индонезии и на Филиппинах) внутренняя напряженность, напротив, препятствовала экономическому росту и укреплению позиций этих стран в международной жизни. В Латинской Америке, где, казалось, идет, хотя и медленно, процесс демократической стабилизации и постепенно происходит оживление экономики, у руля правления не всегда стояли политики, способные решать проблемы, поставленные временем. В таких странах, как Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Колумбия, Перу (которые служат наиболее ярким примером) не был преодолен дуализм, связанный с ростом рынка труда и ценой экономического развития. Таким образом, все западное полушарие оставалось нестабильным и находилось под влиянием интервенционистской политики США и крупных международных экономических организаций, которые руководствовались различными критериями.

Еще более тяжелым было положение в странах Африки, переживавших период упадка. Умиротворение в Анголе и Мозамбике, а также аналогичный процесс, на который надеялись в Конго (Заир), оказались иллюзорными; Южно-Африканская Республика также с трудом преодолевает трудности, связанные с первым этапом самоуправления. Еще хуже обстоят дела в таких странах, как Сомали, где никому не удалось восстановить государственную власть; в таких странах, как Либерия, Кот-д'Ивуар, Эритрея племенная борьба привела к войнам, в которые зачастую оказались вовлеченными страны региона Великих африканских озер. Африка, этот беспокойный континент, не является больше ареной столкновения держав биполярной системы; она прилагает все усилия, чтобы самой найти выход из экономической отсталости.

В международных организациях, которые, как представлялось в 2000 г., смогут подавить наиболее острые внутренние конфликты, в 2003 г., несмотря на успехи НАТО и ООН в решении югославского кризиса, выявились глубокие внутренние противоречия. Скрытые в прошлом, они вспыхнули в конце 2002 — начале 2003 г. и привели к глубокому расколу, что значительно ограничило их дееспособность. Европейский союз санкционировал в апреле 2003 г. прием новых членов, расширив число участников до 25. Это привело к росту трудностей, связанных как с разработкой нового общего устройства, подготовленного на основе соответствующего Соглашения, так и вследствие сохранения старой традиции проведения державной политики.

Между тем, наряду с этими изменениями и помимо них, произошёл поворот во внешней политике Соединенных Штатов после избрания в ноябре 2000 г. на президентский пост Джорджа Буша. «Нерешительная» гегемония, о которой говорилось на предыдущих страницах, подверглась суровому испытанию — террористической атаке исламских фундаменталистов на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в сентябре 2001 г. С этого момента Вашингтон строит свои международные отношения как ответ на агрессию (или на настоящую войну), развязанную невидимым врагом, который только случайно разместил свои базы в Афганистане. Вторжение в Афганистан и разгром режима талибов, вдохновителем которых был Усама бен Ладен, свидетельствовали о коренном пересмотре американской политики в мире. Этот пересмотр в конце 2002 — начале 2003 г. касался в наибольшей мере Ирака, которым еще управлял Саддам Хуссейн. Вторжение в Ирак в марте—апреле 2003 г. и быстрое падение режима Хуссейна наглядно показали, что Соединенные Штаты в своей внешней политике перешли от нерешительности и концепций многосторонности к более определенным односторонним действиям. Во всей своей сложности вновь возникает вопрос о мировом развитии, встает проблема противостояния технологически развитых стран и стран, все еще отсталых или находящихся на пороге утраты своего прежнего статуса. Эти вопросы затрагивают все силы и субъекты, действующие на международной арене. Эти строки пишутся именно в тот момент, когда события развиваются, и не представляется возможным сделать какие-либо выводы, остается только отметить абсолютную неясность вопроса о формировании Нового Международного Порядка.

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемая читателю книга — результат многолетних трудов профессора Эннио Ди Нольфо. Он является известным специалистом в области истории международных отношений, руководителем ряда интернациональных проектов в этой области. В настоящее время профессор Ди Нольфо занимает пост вице-президента Университета Флоренции, где он создал известную школу историков-международников.

Книга профессора Ди Нольфо — обобщающий обзорный труд, предназначенный для студентов и аспирантов, изучающих историю международных отношений. Работа удачно дополняет публикуемые в настоящее время МГИМО учебники по данной дисциплине: она привлекает громадным фактическим материалом в сочетании с собственными оригинальными концепциями автора по проблемам истории международных отношений.

Предлагаемый читателю труд охватывает историю международных отношений от завершения Первой мировой войны до формирования нового миропорядка в 90-е годы XX века. При этом автор не ограничивается освещением внешней политики ведущих держав, он рассматривает весь комплекс явлений и событий в сфере мировой политики соответствующего периода. Читатель узнает о развитии процессов не только в Европе и Восточной Азии, но и в Латинской Америке, Африке, Азиатско-Тихоокеанском регионе. История международных отношений предстает в глобальных измерениях и взаимосвязях. Автор создает впечатляющую картину приобретения международной политикой подлинно всемирного измерения с нарастанием разнообразных взаимосвязей между государствами и народами различных континентов и регионов. Не случайно в книге уделяется столь большое внимание процессам национального освобождения, судьбам государств Азии, Латинской Америки, Африки. В этом смысле подход профессора Ди Нольфо помогает отойти от европоцентристского взгляда на мировые события и явления.

Рассмотрение глобальных процессов удачно сочетается в публикуемом труде с показом региональной интеграции. Так, автор

тщательно анализирует зарождение, формирование и развитие западноевропейской интеграции: от концепций Жана Монне до конструирования институтов Европейского союза.

Профессор Эннио Ди Нольфо последовательно проводит системный подход к международным отношениям, при котором они воспринимаются как целостное комплексное явление (система), общие характеристики которого не сводятся к совокупности свойств составляющих его компонентов. Отсюда — внимание автора к основным характеристикам системы, закономерностям ее развития, трансформации ее свойств. Поэтому громадный фактический материал книги четко организован по проблемно-хронологическому принципу с выделением наиболее важных узлов и поворотных пунктов в развитии международной жизни.

Публикуемая книга — это не история дипломатии и даже не только история международной политики в узком смысле этого слова. Автор уделяет очень большое внимание экономическим, финансовым, военным аспектам рассматриваемых событий, зачастую остающихся вне поля зрения отечественных авторов. Несомненный интерес представляет его трактовка проблем реконструкции после Первой и Второй мировых войн. При этом экономика, финансы, политика предстают в неразрывном единстве и взаимопереплетении. Итальянский ученый уделяет большое внимание такой важной проблеме, как роль естественных ресурсов и их влияние на развитие международных отношений. Конечно, роль различных ресурсов изменялась, но сама проблема оставалась. К сожалению, освобождение от псевдомарксистских догм сопровождалось в нашей исторической науке некоторым пренебрежением к экономическим и финансовым процессам. Профессор Ди Нольфо убедительно показывает, что без анализа этих важных ингредиентов невозможно правильно понять политико-дипломатическую историю. Отсюда его внимание к энергетическому кризису середины 70-х годов XX века, к финансовым потрясениям в западном мире. В этом плане труд профессора Э. Ди Нольфо важен для российского читателя как отход от традиционной политико-дипломатической истории, как движение к комплексному, многофакторному рассмотрению истории международных отношений.

Несомненное достоинство труда итальянского автора — отражение неразрывной связи внешней политики с внутренней, с характером различных политических режимов и особенностями их устремлений на международной арене. История международных отношений XX века неотрывна от сложных взаимодействий демократии тоталитаризма, капитализма и «реального социализ-

ма», реформизма и консерватизма. Именно анализ наиболее значимых внутренних процессов позволяет лучше понять эволюцию внешнеполитических курсов ведущих государств и основных тенденций в интернациональной политике. Это в полной мере относится к развитию Советского Союза: сталинизм, хрущевская «оттепель», последующий застой, горбачевская перестройка. Конечно, при тактовке этих событий возможны некоторые мелкие неточности, но автор совершенно справедливо полагает невозможным обойти название явления.

Профессор Эннио Ди Нольфо не только повествует о событиях и явлениях в международных отношениях, но и предлагает их собственное осмысление, оригинальную интерпретацию, а порой и концепции, отличающиеся от общепринятых. Так, он считает, что классическая холодная война закончилась в середине 50-х годов с завершением определения сфер влияния в Европе и формированием противостоявших военно-политических блоков. Последующие периоды автор определяет как «сосуществование — соперничество» и «большую разрядку». При этом итальянский ученый привлекает внимание к тому обстоятельству, что две сверхдержавы, игравшие определяющую роль в биполярной системе, выступали не только как противостоявшие антагонисты, но и как «игроки», имевшие общие интересы. Сложное переплетение этих противоречивых тенденций и определяло, по мнению Э. Ди Нольфо, картину международных отношений со второй половины 50-х годов. Излагая свои соображения, выдвигая свои концепции, профессор Ди Нольфо остается историком, избегающим столь модных ныне политологических спекуляций.

Предлагаемая читателю книга, несомненно, вносит много нового в наши представления о внешней политике Италии. Как мне кажется, особенно это относится к периоду 30-х годов. Автор рукой мастера блестяще рисует картину международной политики фашистской Италии, внешнеполитических комбинаций и дипломатических маневров Муссолини. Большой фактический материал убедительно опровергает традиционное «черно-белое» изображение событий, характерное для советской историографии. В предложенном контексте профессор Ди Нольфо по-новому представляет такие хорошо известные в истории дипломатии явления, как попытка заключения «пакта четырех» (1933 г.) или создание «фронта Стрезы» (1935 г.).

Хотелось бы отметить также такт и осторожность, с которыми автор книги говорит о формировании нового миропорядка в 90-е годы XX столетия и в первые годы XXI века. Профессору Ди Нольфо,

как мне кажется, удалось вычленить некоторые важные тенденции развития, избегая слишком категорических суждений.

Книга Эннио Ди Нольфо не обещает читателю легкого, развлекательного чтения. Она насыщена громадным фактическим материалом в сочетании с интересными, оригинальными соображениями и концепциями автора. Работа написана ярким и непростым языком со сложным развитием мысли автора по присущей ей внутренней логике, в которую желательно вникнуть. Именно для вдумчивого читателя предлагаемый труд заиграет всеми своими красками.

Деление книги на части осуществлено самим профессором Ди Нольфо в соответствии с его концепцией эволюции международных отношений в XX веке.

Переводчики и научный редактор стремились донести до читателя не только суть рассуждений профессора Ди Нольфо, но и некоторые особенности его манеры изложения, языка этого труда. Так, например, в книге пишется «Советы», как это принято на Западе, когда речь идет о Советском Союзе, об СССР. В некоторых, очень редких, случаях научный редактор и переводчики позволили себе сделать оговоренные примечания, содержащие пояснения и уточнения для читателей русского перевода книги Эннио Ди Нольфо.

Книга профессора Эннио Ди Нольфо — результат плодотворного сотрудничества Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России с Университетом Флоренции. Основным инициатором и организатором этого сотрудничества с итальянской стороны неизменно выступает профессор Эннио Ди Нольфо. Не могу не отметить то внимание и тщательность, с которой он отнесся к подготовке издания своей книги на русском языке. Хотелось бы выразить особую благодарность доктору Манфреди Филипацци за его энергичное и эффективное содействие.

Особые слова признательности я обращаю к переводчикам этой книги, Галине Михайловой и Тамаре Павловой, за терпение и старательность в работе над рукописью труда.

Профессор М.М. Наринский

Посвящается моей жене

ВВЕДЕНИЕ

В период до начала «великой войны» 1914–1918 гг. для системы международных отношений были характерны господствующее положение Европы, гегемония империй, первые проявления глобальной роли двух государств — Соединенных Штатов и царской России — плюрализм державной политики, первые шаги в направлении институционализации. В начале XXI века в мире, вступившим в переходный период, контуры которого пока едва угадываются, все это представляется далеким прошлым, перечеркнутым двумя мировыми войнами и холодной войной. Однако то обстоятельство, что эти столкновения охватили большую часть XX века, позволяет, как никогда ранее, воссоздать целостную историю международной жизни данного периода.

Намерение развернуть дискурс, касающийся международных отношений XX века, означает в общем-то поставить перед собой беспредельно сложную задачу, то есть такую, которая касалась бы всех аспектов жизни общества. Сегодня стало очевидным то, что несколько десятилетий назад казалось намеренным преувеличением немногих исследователей: не существует аспектов жизни общества, которые избежали бы воздействия международных факторов. Экономика, политика, право, торговля, туризм, образование, культура, спорт — все эти области, а также бесчисленное множество других (их здесь незачем перечислять) следует иметь в виду тому, кто захочет дать исчерпывающий анализ системы международных отношений. Для достижения ясности профессионального анализа необходимо сделать выбор в пользу одного из доминирующих аспектов этого многообразия факторов — политического аспекта. Картина, которую предполагается воссоздать в данном труде, касается прежде всего политической истории международных отношений. Это сознательный выбор, самоограничение, что не исключает рассмотрения других тем, а предполагает его использование для выстраивания политического дискурса.

Здесь также уместно пояснить, что термин «политический» используется не как синоним или расширительное толкование термина «дипломатический». Когда-то, вероятно в период до Французской революции, а во многих случаях и вплоть до Первой мировой войны можно было ограничить анализ «дипломати-

ческим» ракурсом, то есть деятельностью в сфере международных отношений с точки зрения ее осуществления дипломатией (людьми и используемыми ими методами). Трансформация структуры референтных национальных групп, изменение роли династий, сдвиги в социальном составе и в экономическом развитии отдельных стран, изменения социальных и политических систем, за которыми последовала трансформация процессов принятия решений в вопросах внутренней политики, — все это лишило «дипломатию» монополии в сфере международных отношений. А это означает, что если стремление свести анализ международной политической жизни к сфере дипломатической активности и было более или менее обоснованным для начала Новейшего времени, то к настоящему моменту оно себя исчерпало. Речь идет в данном случае о теме, повлиявшей на методологическую дискуссию о характере истории международных отношений и вызвавшей критические отклики и проявления часто плохо скрываемого недовольства.

Критика некоторой ограниченности традиционной дипломатической истории представляется обоснованной, потому что и сегодня все еще полагают возможным реконструировать с ее помощью весь политический процесс изменений в международной жизни. Если же речь идет о политических процессах, характерных для *ancien regime*, то такая практика представляется лишенной основания. Следует добавить, что существует немало примеров того, когда на смену геометрической простоте чисто дипломатической модели реконструкции, простоте, являющейся синонимом ясности, а следовательно, ощущения понимания реальных процессов международной жизни, вытесненного за пределы восприятия именно все возрастающим числом новых, явно не дипломатических мотиваций в международных процессах, пришло другое упрощение при рассмотрении данной темы. Речь идет о хронологическом методе, в котором в качестве систематизирующего критерия модели реконструкции служит последовательность событий, диктуемая их расположением относительно друг друга во времени.

Однако даже если порядок, диктуемый расположением событий во времени, не может быть искажен, поскольку *posterius* (последующее) не может объяснить *prius* (предшествующее), остается то обстоятельство, что использование хронологического метода приводит всего лишь к каталогизации событий, почти всегда связанных своим следованием друг за другом, а не их расположением внутри проблемного поля, которое способствует их пониманию. Действительно, хронологический критерий не является аналитическим. Напротив, для того чтобы сделать дискурс понятным,

следует «вычленить проблемы», в данном случае проблемы политической истории международных отношений. И хотя это предполагает потери с точки зрения полноты (но не тщательности), однако позволяет выделить перспективные темы, этапы их эволюции по мере постановки определенных проблем, в общем не прибегая к обременительной и докучливой хронологической детализации. Впрочем, при таком подходе даже хронологические построения приобретают больший смысл и значение.

Метод изучения проблем в процессе их эволюции означает рассмотрение того, как осуществляются взаимосвязи между внешними факторами (множественным рядом переменных) и действиями людей или же институциональными факторами (разнонаправленной переменной). Это объясняет, почему в ходе проблемной реконструкции сущностное должно преобладать над отдельными событиями, представляющими его моментальные иллюстрации. Последние являются частью первых и проясняют их. Некое соглашение или договор — это выражение момента кристаллизации некоей изменяющейся реальности. Важно понять, каковы слабые стороны этой реальности и каким образом это определенное соглашение (или событие) пытается зафиксировать ее в стабильном состоянии. И хотя соглашение это, естественно, не удается, оно служит своего рода катализатором, выявляющим состояние рассматриваемой проблемы.

Как всякий исторический дискурс, тот, что разворачивается на последующих страницах, предполагает жертвоприношение богине Истины. Однако именно эта богиня может рассматриваться только как мифологическое понятие. Историческая истина есть лишь субъективная логика. Прошлое, которое каждый автор хотел бы или пересказать, или реконструировать, или объяснить, или понять, есть неповторимое переплетение событий, стимулирующих его культурное и политическое восприятие. Необходимо обладать вкусом, чтобы придать смысл этому переплетению, а не питать иллюзию относительно возможности воссоздания всей его целостности.

Это предполагает выбор и структурирование тем в связи с политическими интерпретациями. Автор не считает, что существует единственное объяснение фактов прошлого, а также не думает, что есть единственная доктрина, способная представить их как научные. Подобная вера в истинность и завершенность, которая здесь сознательно отвергается, принадлежит иным временам. Многие пытались осуществить ее с помощью вариантов дискурса, наполненных, в отличие от абстрактности политического дискурса, конкретным содержанием. Одной из наиболее привлекательных

методологий представляется методология, опосредованно вдохновленная марксизмом и разработанная Пьером Ренувеном как концепция «глубинных сил», то есть как исследование взаимосвязи между политической хроникой и некоторыми структурными факторами (демографией, торговлей, общественным мнением).

Сегодня никто не может отрицать, что за авансценой политики действуют: демографические единицы; производственные, торговые и финансовые ресурсы, то есть экономические единицы; армия, флот, авиация, ракетные боеголовки — военные единицы. И еще в меньшей степени можно сегодня отрицать роль общественного мнения, поскольку одно из наиболее глубоких изменений, происшедших в XX веке, это переход политики (и не только международной) от действий безответственных элит к действию элит ответственных или, как бы то ни было, вынужденных (в эпохи диктатур или же в странах с диктаторским режимом) поддерживать консенсус с массами. Демократизация процессов принятия решений и манипуляция массовым сознанием оказываются двумя способами выражения одного и того же явления — наступления эпохи, когда индивиды становятся субъектами, требующими, чтобы с ними считались, даже если это всего лишь иллюзия.

Политические деятели в условиях демократических систем и, в неменьшей степени, оказавшиеся в авторитарных системах, не являются более единственными, кто участвует в процессе принятия решений. Массы, которые больше не согласны ощущать себя пассивным объектом политических решений, наблюдают за ними, советуют им, контролируют, одобряют их, восхищаются ими, боготворят, критикуют, ненавидят. Инструменты этой взаимосвязи постепенно становятся настолько самостоятельными, что нередко оказываются невольными протагонистами истории. Печать, кино, радио, телевидение, мультимедийные средства и власть, которую эти средства коммуникации приобретают благодаря их способности распространять широчайшим, а сегодня и мгновенным способом то, что происходит в «глобальной деревне», власть, не зависящая от природы посланий различных *media*, сопровождают трансформацию международной жизни.

Однако для того, чтобы избежать превращения всего этого в изложение либо слишком общего, либо слишком узкого характера (посильного для одного автора и ограниченного уровнем его знаний), следует выделить определенный аспект и следить за его изменениями, как, впрочем, это происходит во всех науках, независимо от того, ставят ли они перед собой в качестве цели исследование «обобщений» или же занимаются конкретными явлениями и проблемами. Альтернативой является риск банально-механичес-

кого использования схем, которые привели однако Ренувена к столь новаторским результатам. Таков генезис метода, на котором основывается данная книга. Выбор одного типа дискурса в качестве *доминирующего* не означает, что игнорируются другие аспекты. Они найдут свое место в каждом отдельном случае в рамках рациональной структуры конкретного изложения, имеющего свои объективные ограничители.

Выбор, предполагающий абстракции, связан с риском сползания к преимущественно теоретическому подходу. Автор хорошо осознает опасность такого риска и хочет должным образом подчеркнуть тот факт, что его работа вписывается в круг исторических исследований. В изучении международных проблем, которые только в последние десятилетия в силу своей значимости стали предметом самостоятельных трактовок, — за исключением разве что *jus gentium* (международного права), сопутствовавшего формированию так называемого «Европейского концерта» к середине XVIII века — многое требует прояснения. Более того, часто наложение друг на друга разных исследовательских методов приводит к определенному смещению концепций. Как и во всех отраслях научных знаний — от физики до химии, от физиологии до патологии, от экономики до политической экономики, от литературы до истории литературы, от политической истории до политической науки — так и в «международных исследованиях» существуют различные походы разных авторов к одним и тем же проблемам.

Если отвлечься от международного права, родившегося одновременно с международным сообществом, состоящим из отдельных, а не универсальных субъектов (то есть не управляемых внутренними нормами, присущими субъекту), то «международные исследования» предоставляют материал для изучения экономистам, юристам, стратегам, социологам, психологам, психоаналитикам и политикам. Предоставляют они его и историкам. Тесная взаимосвязь между историческим и политико-теоретическим дискурсом приводила и до сих пор приводит к определенному их тематическому и лингвистическому перекрещиванию. Однако различие в интенциях и научном качестве этих двух областей знания совершенно очевидно, даже если оно не всегда четко осознается. Первая ищет в многообразии казусов обобщение, вторая изучает *многообразие* казусов и может воспользоваться обобщениями для прояснения отдельного казуса. Различие в целях и функциях остается неизменным. Как и во всех науках, теоретический ракурс сочетается с экспериментальным и историографическим и, как и во всех науках, может случиться так, что один из двух аспектов этого знания будет иметь отличающуюся от другого традицию

или содержательную наполненность, поскольку один — результат недавних открытий, а другой — давних напряженных усилий. Ибо на конкретном примере легко заметить, что историографическая традиция, хотя и разделенная на разные школы, имеет за плечами гораздо более богатый опыт, чем теоретическая, и гораздо более существенные результаты, чем доступные историку ограниченные обобщения, сделанные до настоящего времени теорией международных отношений.

Остается, наконец, вновь вернуться к первоначальной концепции данного введения. Период, о котором идет речь в этой книге, почти полностью включает три радикальные изменения в международной жизни. Первое из таких изменений касается вторжения масс в международную жизнь.

Второе — тесным образом связанное, впрочем, с предыдущим — выдвижение Соединенных Штатов Вудро Вильсона и революционной России в качестве новых и потенциально доминирующих на международной сцене субъектов. С 1917 г. начинается противостояние, которое, сначала подспудно, а позднее (с 1947 г.) — открыто влияло на значительную часть международной жизни всего мира до тех пор, пока проблема, возникшая в 1917 г. не была разрешена в 1991 г. в результате распада Советского Союза и наступления совершенно нового этапа международной политики. Таким образом, попытка исторической реконструкции, предпринятая в этой книге, приобретает — конечно, не в силу ее достоинств, а благодаря внешним обстоятельствам — совершенную законченность, которую еще недавно было невозможно представить, и теперь открывает веер возможностей для наблюдений, способствующих разъяснению прошлого и прогнозированию будущего.

Третье изменение возвращает к техническим способам осуществления политических процессов в целом и международных, в частности. XX век начался в разгар второй промышленной революции, благодаря которой произошли изменения в производственных методах, вызванные возросшим использованием новых энергетических ресурсов — нефти и электричества, взамен традиционных — сжатого пара и угля. С тех пор технологические сдвиги приобрели столь быстрые темпы, что выявление всякой корреляции между ними и политическими изменениями стало невозможно (разве что с точки зрения истории науки). Технологическая революция стала константой, сопутствующей любому проявлению все более быстрых изменений форм жизни общества, в том числе форм международных отношений.

Глубокие изменения претерпел сам способ проявления этих форм, и историк должен иметь в виду эти перемены для того,

чтобы лучше оценить новую роль «временного фактора» в политической жизни. Если после Сараевского убийства понадобились недели, чтобы разразилась Первая мировая война, то с начала гитлеровского нападения на Польшу в сентябре 1939 года оказалось достаточно нескольких дней, чтобы началась Вторая мировая война. А позднее, во времена так называемого «равновесия страха» время на реакцию по поводу возможного конфликта сократилось до часов, а затем — и до нескольких минут. Достаточно этих примеров, относящихся к периоду времени, который рассматривается в этой книге, чтобы понять очевидность процесса ускорения и возрастания взаимозависимости всех проявлений международной жизни.

Осталось, наконец, прояснить еще один момент. Книга обобщающего характера, за отдельными исключениями, не может быть результатом оригинального исследования. Она может и должна анализировать лишь то, относительно чего в исторических исследованиях существуют достаточно устоявшиеся данные. На сегодняшний день (1999 г.) такая ситуация, можно сказать, существует лишь в отношении периода до конца 70-х годов. И даже в отношении этого периода уместно отметить, что обновление российской историографии и историографии стран Восточной Европы, начавшееся несмотря на многочисленные препятствия в самое последнее время, подталкивает сегодня к важным изменениям в направлении исследования или в расстановке акцентов, в том числе и в отношении тем, являвшихся уже объектом устоявшихся интерпретаций. Писать в 1999 г. означает сообщать нечто отличное от того, что можно было писать всего десять лет тому назад. Период, последовавший за 1980 г., предоставляет, напротив, богатство еще мало изученных тем, которые только постепенно, шаг за шагом можно будет рассмотреть более полно или более убедительно, хотя уже сейчас могут быть выдвинуты приемлемые научные гипотезы на основе доступных исследователю материалов и тех способов его освещения, которые диктуют эти материалы.

По поводу первого издания этой работы и сегодня, просмотрев немало критических замечаний, я считаю себя обязанным выразить многочисленные благодарности. В первую очередь я признателен всем коллегам сектора международной истории Отдела изучения государства факультета политических наук «Чезаре Альфьери» во Флоренции. Я смог преодолеть свои колебания именно благодаря царящей там обстановке страстной увлеченности наукой, увлеченности, питающей непрерывный «круговорот идей», в котором участвуют преподаватели, молодые исследователи,

соискатели на ученую степень доктора и, не в последнюю очередь, студенты, в частности, дипломники. Эта благодарность — не риторическая, а вдохновленная ясным осознанием того, что уже немолодой исследователь может получить, более или менее непосредственно, от сопоставления с подчас первыми проявлениями свежей и неиссякаемой любознательности.

Многие друзья и коллеги согласились прокомментировать, откорректировать, подсказать варианты исправлений, указать на концептуальные или же фактические ошибки, содержащиеся в первой редакции этой книги. Я бесконечно благодарен тем, кто мне помогал, читая рукопись, а также после публикации в 1994 г. первого издания. Для меня стали очень ценными стимулы, полученные от этого дружественного сотрудничества, поскольку благодаря им во многих случаях удалось избежать неубедительных или неясных интерпретаций, ошибок или опечаток. В частности, я хочу еще раз поблагодарить Джанлуку Андрэ, Джузеппе Аре, Бруну Баньято, Паолу Олла, Джованни Буччанти, Фульвио д'Амоя, Марию Грацию Энарду, Леопольдо Нути, Пьетро Пасторелли, Марту Петриколи, Илларию Поджолини, Лучано Този, Антонио Варсори (неоценимое сотрудничество с которым помогло мне также при составлении именного указателя). Эта помощь и высказанные мнения стали для меня ориентиром и помощью в процессе выверки работы, за которую, разумеется, я несу всю ответственность.

Я считаю своим долгом выразить особую благодарность профессору Массимилиано Гудерцо и доктору Ренцо Растрелли за сотрудничество в работе над основным исследованием соответственно по темам деколонизации и по проблемам Юго-Восточной Азии; профессору Марко Муньяини, от которого я получил замечания, советы и материалы, очень полезные для понимания проблем Латинской Америки; докторам Беатриче Беноччи и Кристине Панераи, участвовавшим в правке корректуры.

Другие коллеги и друзья приняли участие в дискуссиях, которые послужили мне очень полезными стимулами для размышлений или же подсказками. Среди них с благодарностью называю Бруно Арчидьяконо, Данило Ардия, Лучано Катальди, Дэвида Эллува, Луиджи Витторио Феррариса.

Для того, чтобы оценить эффективность работы в качестве учебного текста я попросил нескольких студентов факультета «Чезаре Альфьери» прочесть почти всю рукопись. Джанлука Бонаюти, Эмилио Диодато и Эмануэле Жофре взяли на себя эту задачу и я очень им обязан, поскольку они помогли мне обойти немало формальных ловушек и избежать некоторых двусмысленностей.

Особого рода благодарность я считаю своим долгом выразить докторам Лидии Казалини и Лучано Баньоли. Без их терпения и тщательности я бы, вероятно, не смог начать и осуществить столь длительную и трудную работу.

Это переработанное и обновленное издание не было бы, однако, возможно без вклада многих читателей, указавших мне на ошибки или опечатки, подлежащие исправлению. Среди них особую благодарность я должен выразить профессору Федерико Арджентьери, Массимо Костальдо, доктору Сандре Каваллуччи, профессору Фабио Моньол, доктору Альберто Тонини, а также особо профессору Массимилиано Гудерцо, внимательному, скрупулезному и умному читателю, неистощимому источнику советов, полезных для прояснения некоторых непонятных мест и более упорядоченного изложения весьма сложного материала. Я также благодарю доктора Аннализу Ломбардо, которая помогла мне обновить хронологию, относящуюся к самым последним годам и доктора Карло Майнарди, взявшего на себя труд составить предметный указатель. Неоценимым концептуальным вкладом в мою работу послужил обмен идеями с профессором Джампаоло Прандстраллеро.

Наконец, и прежде всего, моя семья: мои дочери Изабелла и Федерика, которые по-прежнему воспринимают мое «отсутствующее» присутствие как естественное явление, что, однако, ограничило мои возможности принимать активное участие в событиях и их собственных переживаниях; и моя жена Алессандра, которой я благодарен за то, что она терпела все это, и за то, что она создала вокруг моей работы прочную и постоянную защитную сеть, и ей почти всегда удавалось обеспечить спокойствие, необходимое для ее осуществления.

Э.Д.Н.

Флоренция, 1999

Часть первая

**ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ**

Глава первая

**НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ
И ИЛЛЮЗИИ СТАБИЛИЗАЦИИ**

*1.1. Реконструкция европейской системы:
общие аспекты*

Сразу же после окончания Первой мировой войны перед победителями, в меньшей степени также и перед побежденными, встала задача переустройства внутренних и международной систем. Война, и не только война, привела к стольким изменениям, оставила после себя столько руин, что задача построения мира представлялась как никогда неразрешимой.

Это была война, отличная от предыдущих. Впервые (за исключением гражданской войны в Америке) речь шла о войне не только в собственно военном смысле, но также о войне гражданской и массовой. Прошло время, когда конфликты, даже самые длительные и изматывающие, хотя и вели к разрушению общественного устройства, распределения властных полномочий, религиозных верований, однако в период военного столкновения затрагивали ограниченную часть территории, через которую проходили голодные, грабительские войска, в то время как остальная ее часть ощущала на себе отдаленные и косвенные отголоски событий. Между 1914 и 1918 гг. война стала первым крупным столкновением внутри индустриального общества, и, следовательно, первым пожаром, способным привести к массовым разрушениям. Фронт сражений растянулся вдоль всей границы воюющих стран: Рейнской области, всей области Венето, огромных территорий вдоль границы между империями центральной Европы и Россией. Километры траншей, миллионы сражающихся, сотни тысяч

единиц огнестрельного оружия, все более разрушительного. И, следовательно, страны, территорию которых сровняли с землей, и жертвы — сотни тысяч, а в конечном итоге — миллионы.

С точки зрения восприятия и массовой культуры война все в меньшей степени касалась только правящих классов и военных, в любом случае вынужденных сражаться, подчиняясь правилам призыва на военную службу. Она затрагивала всех граждан и оказывала на них разнородное воздействие: разжигала национализм и ненависть по отношению к противнику; подталкивала к участию в военных действиях; порождала ошибочное представление о войне как о средстве решения политических конфликтов; приводила к пониманию того, что жизнь всех государств зависит от субъективных расчетов небольшой группы правителей и, следовательно, ставила вопрос о контроле за действиями этих руководителей. Первая мировая война, таким образом, превращала также и международную политику из царства тайной дипломатии в область, открытую для демократического контроля, или, по крайней мере, для требования контроля, которого на практике, однако, было трудно достигнуть. С другой стороны, война вынудила правителей использовать более утонченные, а зачастую и обманчивые средства для достижения ставшего необходимым общественного консенсуса. Все это в результате привело к воспеванию противоположных ценностей, таких, как пацифизм и интернационализм или же национализм и милитаризм, что способствовало отдалению культуры простого народа и даже размышлений интеллектуалов от действительно фундаментальных ценностей человечества.

Не менее важными были социальные перемены. В течение четырех или пяти лет миллионы людей, принадлежавших к более молодым и поэтому более активным в производственном отношении поколениям, были оторваны от своих привычных занятий и поставлены под ружье. По возвращении они должны были интегрироваться в гражданскую жизнь, забыв о привычках и образе мышления, связанных с военной службой. Однако не всегда это возвращение оказывалось легким; часто оно сопровождалось долгими периодами безработицы и дезадаптации, которые выталкивали людей на обочину социальной жизни или же приводили к разжиганию политических страстей. Рождался мир «ветеранов» и «ветеранства» как новых социальных категорий, которыми нельзя было пренебречь, поскольку они охватывали миллионы молодых людей и целых два поколения.

Не все те, кто возвращался с войны, были так же здоровы, как уходившие на войну. Инвалидов и раненых на поле боя на-

считывалось в Европе несколько миллионов; часто они были нетрудоспособны и всегда заслуживали поддержки нации. Вставали проблемы коллективного вспомоществования, которые должно было взять на себя все общество и которые имели очень высокую цену, как в финансовом отношении, так и с точки зрения нормализации социальной жизни. Не менее важной была проблема семей жертв войны. Часто у погибших оставались только плачущие родители, потерявшие опору на молодую рабочую силу. Их доход таким образом уменьшался, а горе росло, однако при этом оно не принимало такого драматического характера, как в том случае, когда погибшими были мужья или отцы семейств, у них остались жены и дети, предоставленные в решении проблем своего будущего самим себе. Это были почти всегда очень молодые жены и дети, которым надо было заново устраивать свою жизнь — новый социальный класс (масштабы явления позволяют использовать этот термин) сирот и вдов войны. До 1914 г. никто не думал, что эта проблема станет одной из основных в последующий за военными сражениями период.

Были также и экономические последствия. В каждой стране длительная война привела к тяжелым лишениям с точки зрения условий жизни. Еще более серьезными оказались последствия в системе производства, которую пришлось перестроить в соответствии с потребностями военной экономики. С макроэкономической точки зрения эта перестройка не всегда была негативным явлением в стратегическом плане, поскольку она привела к укреплению тяжелой промышленности, в особенности металлургии, и росту прибылей, которые в послевоенный период могли быть инвестированы в восстановление экономики. Однако в смысле непосредственных последствий война деформировала экономическую жизнь всех стран, изменив структуру потребления, а также состав рабочей силы. Впервые старикам и женщинам пришлось заменить молодежь. С точки зрения эмансипации женщин это было, вероятно, позитивное явление, однако оно являлось, конечно, отклонением, не являвшимся функциональным для экономической системы мирного времени. Таким же образом можно рассматривать как позитивные активные усилия по обновлению и модернизации предприятий, связанные с военными потребностями, в результате которых в момент перехода к мирной экономике и после преодоления трудностей этого переходного периода была создана система новых промышленных предприятий и самых передовых технологий.

Однако в целом экономическая система перенесла сильное потрясение, от которого она с трудом оправилась и которое ус-

губилось также в результате революционных испытаний послевоенного периода. К этому добавились проблемы перестройки экономики, никогда в прошлом не представавшие в столь целостном виде. Еще не было разрушений, сравнимых с теми, что стали к 1945 г. следствием Второй мировой войны, однако уже тогда все территории, по которым прошли войска, и все те (достаточно ограниченные), что подверглись воздушным бомбардировкам, столкнулись с проблемой восстановления зданий и инфраструктуры. Готовиться к миру означало приступить к решению задач, связанных с восстановлением.

Все это ставило в повестку дня различные внутренние и международные проблемы. Военные расходы вынудили правительства различных стран усилить налоговый пресс. Но прежде всего они заставили их прибегнуть к помощи международного финансового рынка. Великобритания, страна, наименее пострадавшая от тягот, связанных с военными действиями, являлась первым финансовым рынком союзников; в меньшей степени таким рынком выступала Франция. К концу войны Великобритания предоставила союзникам займы на 1740 миллионов фунтов стерлингов; Франция — на 355 миллионов. Эта задолженность внутри союза сопровождалась параллельной задолженностью Великобритании, Франции, Италии и других стран антигерманского блока Соединенным Штатам. Проблема уменьшения обязательств по задолженности сохранялась в течение ряда лет и превратилась в порочный круг, когда победители соединили в одной запутанной триаде возвращение военных долгов с выплатой немецкой стороной соответствующих репараций для компенсации платежей по окончательным расчетам.

За сценой (или на авансцене?) всех этих событий вырисовывалась новая ситуация, сложившаяся в России после революций 1917 г. и, в особенности, после Октябрьской революции. Если кто-то и находился во власти иллюзии, что революция потерпела поражение или на худой конец оставалась в границах старой царской империи, то эта иллюзия быстро рассеялась. Рабочее движение имело слишком глубокие корни в индустриальных странах и поэтому часть социалистического движения не могла не почувствовать притягательную силу призыва, брошенного Лениным. Отголоски революции в Германии и на Балканах, чарующее воздействие, которое она оказала на итальянских и французских левых; влияние, испытываемое *даже* теми социалистическими партиями, которые из принципиальных соображений отвергали насильственные и противоречащие демократической традиции западного социализма формы борьбы и концепцию, состоявшую в том, что диктатуру пролетариата следует насаждать с помощью переворо-

тов, подобных тому, что был осуществлен Лениным и его соратниками против российского Учредительного собрания — все это не способствовало уменьшению привлекательности партии, провозглашавшей себя представительницей трудящихся для всего мирового социализма. Каждая европейская страна должна была считаться с собственной внутренней ситуацией; страны-победительницы кроме того должны были найти общий способ противостоять ситуации, сложившейся в России, при этом они вовсе не были едины в мнении о том, что же надо препринимать по существу. Хотя в мирных конференциях не участвовал ни один представитель революционного правительства, проблема революции всегда присутствовала — и как всеобщая обеспокоенность, и как конкретная проблема, оказывавшая воздействие на выработку подхода к отношениям с Германией и, более того, подхода к решению проблем, касавшихся Центральной и Южной Европы.

В действительности, с точки зрения сложившейся политической ситуации, обстановку, в которой приходилось вести переговоры о мире и осуществлять реконструкцию европейской политической системы, определял в конечном счете исключительный масштаб политико-институциональных изменений, имевших место в результате войны в Центральной, Восточной и Южной Европе. Четыре империи исчезли или же находились в состоянии полной агонии. Потрясенная поражением Германская империя стала демократической республикой. Российская империя была разрушена революцией. Однако как Германия, так и Россия, а также территории, от них зависевшие, в основном сохраняли свою целостность (за исключением территорий, которые победители отняли у Германии, и без учета существовавших сомнений относительно возможных последствий окончательной победы большевистской революции).

Совершенно иной была ситуация, вызванная крахом Австро-Венгерской империи, завершившимся возникновением некоего временного устройства, неустойчивого и неопределенного. И столь же сложной была ситуация, связанная с окончательным кризисом Оттоманской империи, которая, хотя все еще существовала на карте, была окружена врагами, лишившими ее значительной части территорий, что и привело к ее распаду. Это был институциональный и династический переворот — вряд ли это было ранее возможно в Европе. Династии, находившиеся у власти веками, исчезали в одно мгновение в результате военного поражения. Таким образом, не только русская революция, но также и институциональные изменения порождали новые проблемы. В такой общий контекст вписывались конкретные вопросы, которые должна была решить Парижская мирная конференция.

Главную задачу государственных деятелей, собравшихся в Париже 18 января 1919 г. для переговоров о заключении мирных договоров, следует рассматривать в свете решений, которые они предлагали для всех этих проблем. Точнее, они пытались выявить, каким образом в этих проблемах отражались конфликты, породившие развязывание войны.

Выявление таких конфликтов, то есть поиск причин Первой мировой войны, позволяет определить постоянные или вновь возникающие пункты противоречий, или же проявления соперничества, порожденного разными темпами роста (или кризисом) крупных и средних держав, составлявших европейскую международную систему. Это позволяет также более ясно понять глубокое соперничество, вызванное ростом мощи Германии. Он обострил противоречия с Францией, привел к морскому и колониальному противостоянию с Великобританией, вызвал обеспокоенность России относительно будущего Балканского полуострова и Османской империи, породил соперничество с другими индустриально развитыми европейскими странами. В конце концов Германия создала прочный и компактный демографический фронт. Тем более компактный, поскольку кризис Габсбургской империи, обозначившийся между 1859 и 1866–1967 годами, начиная с 1879 г. породил тесный и длительный союз, который на практике ограничил свободу маневра Австро-Венгерской империи, связав ее обязательствами и подчинив Германской империи.

Росту германской мощи противостояли старые и новые соперники. Старые, такие как Франция, которая с 1871 г. мечтала о реванше; новые, например, панславистски настроенная Россия, оказывавшая давление на небольшие балканские нации, династически не связанные с Берлином, побуждая их видеть в австро-германской оси не только препятствие для их роста, но и потенциальную угрозу после того, как Германия установила протекторат над Османской империей. Проект железной дороги Берлин—Багдад почти наглядно выражал задуманную экспансию с целью господства, на пространстве от Берлина до Индийского океана, где находилось новая точка столкновения интересов (помимо тех, что существовали в Северном море и в целом в Атлантике), с другим новым противником, Великобританией, которая пятнадцать последних лет наблюдала за тем, как ее давний, на протяжении всего XIX века, союзник превращается в конкурента в области промышленности, торговли и внедрения новых технологий. Когда германская мощь проявилась на море и получила там новую подпитку, соперничество с Британией стало неизбежным. Таким

образом на предвоенном континенте сформировалась новая взрывоопасная сила, обладавшая необходимыми средствами и исходными позициями для того, чтобы ее восприняли как угрозу. Старых и новых противников Германии подталкивали таким образом к союзу, который, нанося ей поражения, ограничивал бы риски, подтачивал бы новую силу.

Если старые соперничества были очевидны и предсказуемы, то именно новые противоречия придавали динамизм антигерманской коалиции. Соперничество с Британией, проявившееся, когда стал очевиден глобальный масштаб существующей угрозы, и соперничество с Россией, которое восходило к традиционным континентальным противоречиям, порождалось прежде всего таким неожиданным противодействием как утверждение славянских народов, таких как сербы и болгары, и вековым проектом развала Оттоманской империи. Тевтонское клеймо на Османской империи, ставшее еще более очевидным после революции младотурок в 1908 г., отодвинуло на второй план колониальные противоречия (как это, впрочем, уже произошло с Францией и Великобританией в 1904 г.), и создало благоприятные условия для поиска разумных компромиссов на важных, хотя и не имеющих первостепенного значения территориях (таких, как Персия, Афганистан и другие объекты англо-русского соглашения 1907 г.).

К этой совокупности основных конфликтов, породивших в 1914 г. войну, добавились другие кризисные моменты: одни были связаны с главными конфликтами, как, например, напряженность на Балканах и проявления национализма в Центральной Европе (Польша, Богемия—Моравия, Словакия); другие, потенциально неустойчивые вследствие объективной двойственности проявившихся интересов, как это было в случае Италии.

Поражение, понесенное державами Центральной Европы в 1918 г., теоретически позволяло преодолеть довоенную напряженность за счет Германии и против Германии. В действительности новые явления, созревшие или проявившиеся во время войны, ограничили свободу маневра победителей и впервые определили то, что *ни одна* европейская держава не могла больше решить самостоятельно проблемы, связанные с мирными договорами и с определением нового соотношения сил на континенте.

В самом деле, Парижские мирные договоры лишь отчасти устранили причины войны. Вероятно, это объяснимо, поскольку победа не означала *debellatio* (то есть исчезновения в качестве государства) Германии, но приобрела форму перемирия, подписанного 11 ноября 1918 г. Германией с Соединенными Штатами и державами Антанты на основе «14 пунктов» Вильсона, однако

с оговоркой союзников относительно репараций и свободы навигации. Это также объяснимо, ибо на Западе победители приложили больше усилий для демонстрации масштаба своего успеха, в то время как исчезновение трех империй в Центральной и Восточной Европе сделало менее ясными направления построения нового европейского порядка. В итоге новый европейский порядок *не был* построен, а возникли, напротив, новые причины для антагонизма — возможно, меньшие, но не менее острые и, вероятно, более опасные — которые добавились к накопившимся проявлениям недовольства, подпитываемым несбывшимися ожиданиями. Теперь, по прошествии стольких лет, поражает, почему авторы Парижских договоров не отдавали себе отчет в том, что они создают новый «беспорядок», содержащий в себе более многочисленные и серьезные причины для конфликта, которые Лига Наций, конечно, не сможет устранить. В самом деле, совокупность этих договоров не обеспечивала окончательного результата, а предоставляла только некую передышку, паузу, во время которой европейские противоречия вновь проявились в обостренной форме, а за пределами Европы назрели перемены, представшие в конце концов в качестве доминирующих элементов новой глобальной ситуации.

1.2. Лига Наций

С точки зрения американского президента В. Вильсона, сыгравшего определяющую роль в первые месяцы Парижской конференции, предпосылки европейской реконструкции заключались в осуществлении некоторых программных положений, содержащихся в военном «манифесте» Соединенных Штатов, а именно — в создании организации, которая, институционализируя международные конфликты, облегчила бы возможность их мирного разрешения или сделала бы возможным коллективный ответ, направленный на пресечение действий агрессоров или на их военное поражение. В прошлом выполнение этой задачи отводилось тайной дипломатии с ее утонченными методами. Однако с 1917 г. именно против нее было развернуто наступление (часто носившее демагогический характер) тех, кто усматривал в ней главного виновника возникновения цепи обязательств, сделавшей в 1914 г. неизбежным развязывание войны. Вследствие разнородного давления, направленного на формирование более демократической процедуры принятия решений в сфере международной политики, обращалось внимание на симптом, хотя и важный, но без понимания того, что он лишь выражал более глубокие тенденции.

Предполагалось, что для устранения такого симптома (в надежде уничтожить «зло» «великодержавной политики») была необходима «открытая» псевдодипломатия (как этого потребовал Вильсон в первом из своих «14 пунктов»), воплощенная в «Лиге Наций», явившейся плодом интернационализма американского президента.

Однако была ли Лига Наций в самом деле организацией, способной утвердить мировое видение проблем, или ее сразу захлестнули грубые реалии политики силы? Учредительный документ Лиги Наций (*Covenant* — устав) был включен в текст Версальского договора в качестве его первой части. В своих 26 статьях он содержал положения, следование которым должно было способствовать мирному разрешению конфликтов еще до того, как какая-либо страна—член Лиги сочтет себя вправе прибегнуть к силе, а также положения, направленные на пресечение агрессии, как только одно из государств-членов или другие государства, не входящие в организацию, поставят себя в положение «нарушивших договор», то есть прибегнут к военным средствам для решения своих проблем.

Основными органами Лиги являлись Ассамблея, Совет и постоянно действующий Секретариат (ст. 2). Ассамблея формировалась из представителей всех стран-членов и не имела четко очерченных полномочий. Совет состоял из представителей «основных держав-союзниц и объединившихся с ними государств», а также из четырех других членов, назначаемых Ассамблеей на основе ротации, однако на произвольных основаниях. Его состав мог изменяться простым голосованием той же Ассамблеи. Совет занимал ключевое положение в системе органов Лиги, поскольку он мог заниматься «любыми вопросами, которые входят в сферу компетенции Лиги или касаются мира во всем мире». Как Совет, так и Ассамблея принимали свои решения единогласно, за исключением сторон, вовлеченных в конфликт. Задачи Секретариата не уточнялись, однако подразумевалось, что они состояли в координации деятельности организации.

В целях поддержания мира предусматривались превентивные меры (третейский суд, посредничество, вмешательство Совета, приговоры постоянной палаты международного правосудия, имевшие юридическую силу — ст. 11–14), а также политическое вмешательство Совета; в случае нарушений международного права, не нашедших мирных способов разрешения, принятие ряда санкций — от экономических и торговых вплоть до использования военной силы (ст. 15 и 16), которую должны были предоставить государства-члены по требованию Совета. Другие нормы способствовали поддержанию мира косвенным образом. Они касались обязательства не заключать секретных договоров и пере-

смотря договоров, ставших неактуальными или оказавшихся не выполнимыми; обязательства содействовать разоружению; учреждения мандатов Лиги в качестве модели реформистского решения и, в отдельных случаях, мирного перехода к независимости колониальных стран.

Система, созданная Лигой Наций, основанная на принципе коллективной безопасности, была весьма характерным проявлением благородного продвижения в направлении институционализации международных отношений с целью вписать их в юридическую схему, способную возобладать над силой и дать гарантии адекватного силового решения для блокирования правовых нарушений. Однако при создании этой схемы, порожденной определенной культурой, не было учтено разнообразие форм, в которых может выражаться политика силы, и в результате очень быстро стала очевидна неосуществимость вильсоновских устремлений. Несостоявшаяся ратификация американским сенатом Версальского договора, доминирующей частью которого концептуально был Устав, лишила Лигу Наций единственной силы за пределами Европы, способной выступать посредником в традиционных конфликтах Старого Света. Сознательное исключение Советского Союза, позднее, его отсутствие в организации, расценивавшейся им вплоть до 1933–1934 гг. как выражение «капиталистической дипломатии», также вносило неустойчивость в эту международно-правовую структуру также. Отсутствие потерпевшей поражение Германии и относительное безразличие Японии по отношению к проблемам за пределами Тихоокеанского региона, привели к тому, что Лига оказалась под влиянием главных держав-победительниц, то есть Великобритании и Франции, за которыми следовала, на некотором расстоянии, Италия. Иными словами, женеvская организация (Устав устанавливал местопребывание Лиги — Женеву) с самого начала не была, отчасти случайно, отчасти в результате сознательного выбора, универсальной организацией, необходимой для сохранения мира. Более того, из-за политического веса, который имели в ней Великобритания и Франция, Лига неизбежно демонстрировала черты организации, подчиненной интересам крупнейших европейских империалистических держав (даже в тех случаях, когда это было совсем не так). Кроме того, правило, что решения, не являвшиеся чисто процедурными, должны были приниматься единогласно, практически обеспечивало право всеобщего вето, способного парализовать деятельность организации в любой момент. Таким образом, то хорошее, что удалось сделать Лиге Наций за период своего существования для формирования международной организации, было перечеркнуто крупными политическими недостатками, характерными для ее деятельности.

1.3. Франко-германский мир и проблема безопасности Франции

1.3.1. ВЕРСАЛЬСКИЙ ДОГОВОР

Все главные темы, касавшиеся переустройства Европы, и, в первую очередь, германский вопрос, рассматривались в рамках, установленных концепцией Вильсона, с одной стороны, и трактовок европейских политических деятелей, с другой. Длительные переговоры по этой проблеме завершились заключением 28 июня 1919 г. Версальского договора между Германией и 27 державами-союзницами и объединившимися с ними странами (Францией, Великобританией, Италией, Соединенными Штатами, Японией и другими менее крупными государствами). Имевшиеся противоречия разрешились итоговым компромиссом. На первый взгляд, речь шла о длительном и жестком мире, который немцы воспринимали как *диктат*, навязанный им обманом и силой. С формальной точки зрения, суждение немцев не было таким уже необоснованным, как впоследствии это хотели представить победители. В самом деле, переговоры проходили только между победителями таким образом, что немцы не имели возможности высказать свое мнение ни в какой форме. Текст договора был представлен им вместе с «разрешением» письменно сформулировать контрпредложения, которые почти полностью были отвергнуты, за исключением тех, что касались будущего Силезии, а также связанных с некоторыми аспектами ситуации в Сааре. После этого, в середине июня, они получили ультиматум: если в течение семи дней они не подпишут договор, не требуя внесения других поправок, то снова начнутся военные действия. Кроме всего прочего, Германии угрожала и морская блокада союзников, и поэтому ее правители не могли позволить себе слишком большой риск. Им пришлось уступить, однако с тех пор ощущение того, что они стали объектом жестокого диктата, укоренилось в общественном сознании немцев и в результате создало условия для оправдания любой попытки реванша.

С другой стороны, если посмотреть внимательно, то такое настроение основывалось только на сиюминутных обстоятельствах, поскольку в действительности мирный договор оставил в неприкосновенности производственный потенциал Германии и сохранял возможность того, чтобы через несколько лет немецкие товары и капиталы стабыли способны вновь завоевать мировые рынки и контроль над ними, не выполняя при этом дорогостоящих обязанностей по управлению теми колониальными территориями, от

которых Германия была вынуждена отказаться. В 1919 году победители для того, чтобы «наказать» Германию, освободили ее, впервые в мировой истории, от «колониального бремени» и тем самым от тягот, которые все еще воспринимались другими как преимущества. Они вынудили ее действовать только по правилам мирового рынка, то есть по правилам более выгодным для динамичной промышленной и торговой системы.

Для Франции, Бельгии, Нидерландов, Дании и для таких новых государств, как возрожденная Польша или вновь созданные Чехословакия и Австрия или, более косвенно, для Югославии и Италии единственное окончательное решение, способное ликвидировать опасность со стороны Германии, состояло в уничтожении территориального единства Германии. Не случайно, именно эта тема вызвала самые острые столкновения во время Парижских переговоров и, в особенности, внутри Совета четырех (Жорж Клемансо от Франции, Ллойд Джордж от Великобритании, Витторио Эмануэле Орландо от Италии и Вудро Вильсон от Соединенных Штатов), который принимал принципиальные решения, касающиеся мирных договоров.

Именно на этих переговорах (в соответствии с принципами «открытой дипломатии», которые проповедовал Вильсон, они должны были проходить публично, однако в действительности, напротив, они носили совершенно секретный характер) произошло столкновение между позициями или политическими интересами Франции и Соединенных Штатов. Вильсон ответил категорическим отказом на требования французов (предусматривавшие, помимо возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии, уже совершенного при заключении перемирия, создание независимой Рейнской зоны, которая могла быть связана с Францией и Бельгией договором о таможенном союзе) и вынудил их уступить его устремлениям, в том числе и благодаря отсутствию поддержки позиции Парижа со стороны Великобритании и Италии. Клемансо должен был довольствоваться не очень удачным паллиативом, отчасти санкционированным Версальским договором, а отчасти — англо-американским договором о гарантиях. Версальский договор в основном сохранял целостность западной части Германии. В соответствии с ними на западе к Франции переходили управление Саарской областью и собственность на угольные копи, расположенные на ее территории, с условием, что через 15 лет состоится референдум о принадлежности Саара. По договору некоторые территории в округах Эйпен и Мальмеди переходили к Бельгии, а на севере с помощью плебисцита определялась граница с Данией в районе Шлезвига. Кроме того, предусматривалось,

что Германия отказывается от всех своих колоний. С военной точки зрения, договор, учитывая обеспокоенность, проявленную французами относительно опасности внезапного нападения, обязывал сократить германскую армию до 100 тыс. человек (включая 4000 офицеров), рекрутируемых на основе добровольности, при запрете обязательного призыва; он устанавливал также демилитаризованную зону, включавшую левый берег Рейна и 50-километровую полосу вдоль правого берега реки с условием, что в этой зоне немецкое правительство не должно иметь ни войск, ни каких-либо военных сооружений (обязательство, нарушение которого впоследствии взорвет договор об англо-американских гарантиях). Договор, наконец, устанавливал, что войска союзников должны оккупировать левобережье Рейна, разделенное на три сектора — соответственно на период пять, десять и пятнадцать лет, за исключением возможного сокращения сроков, связанного с корректным выполнением договора Германией или, в противном случае — их продления.

Отказ от принятия максимальных требований французской стороны в общем компенсировался заключением договора о гарантиях в пользу Франции, подписанного Соединенными Штатами и Великобританией и направленного против возможных нарушений Германией Версальского договора. Это были гарантии, почти сразу же утратившие всякую ценность из-за отказа американской стороны ратифицировать сам договор (20 ноября 1919 г.), что лишило смысла компромисс, принятый французами.

Не считая особых статей, также имевших определенное конъюнктурное значение, главной проблемой переговоров по рейнскому вопросу — и это показало франко-американское столкновение — было именно то, что Клемансо оказался вынужден принять концепцию Вильсона, представшего в Париже не в качестве обычного союзника, но почти как *deus ex machina*, и выразившего стремление Соединенных Штатов фактически стать сверхдержавой. Вильсон не только диктовал установления, касавшиеся конкретной проблемы, но вписывал эту проблему (рейнского урегулирования) в рамки процесса утверждения правил, касавшихся всей международной жизни. Он делал это весьма энергичным образом, доказывая, что Соединенные Штаты не только внесли решающий вклад в победу держав Антанты над Германией, но и оказывали определяющее влияние своим вмешательством (с помощью «14 пунктов») и своим участием в осуществлении мирных договоренностей, то есть в принятии новых принципов, на формирование пресловутого нового мирового порядка. Позиция Франции подкреплялась тем вкладом, который французы внесли в поражение Германии

и силой исторической традиции, однако принцип самоопределения (торжественно провозглашенный в преамбуле «14-ти пунктов Вильсона») возобладали над фактами. В самом деле, уместно задать вопрос: было ли возможно, чтобы несколько абстрактных принципов возобладали над фактами? Ответ, конечно, может быть только негативным, поскольку отвлеченные принципы не действуют в конкретных ситуациях. Однако в те дни принципы Вильсона казались менее абстрактными, напротив, они приобрели более сильное звучание вследствие американского военного вмешательства на стороне Антанты и финансовой помощи, оказанной ей Соединенными Штатами. В итоге интересы Франции были принесены в жертву американским концепциям.

К тому же, если оценить в целом компромисс, достигнутый по германскому вопросу, то он не кажется таким негативным, как его оценивали те, кто добивался более радикальных решений. Уязвимым моментом этой ситуации был уже тогда вопрос, который неоднократно вставал на протяжении всего века и, в особенности, с 1947–1948 гг. до 1990 г. Вопрос касался реальности американских гарантий. Не было оснований для сомнений в решительном проиводействии Великобритании попыткам реванша со стороны Германии в отношении Рейнской зоны. Поэтому с этой стороны гарантия договора, предоставленная Франции, не подвергалась опасности. Однако было множество причин для того, чтобы сомневаться в надежности обязательств американской стороны. Еще до того, как американский сенат отказался ратифицировать Версальский договор, изоляционистские течения, особенно в республиканской партии выразили свое глубокое несогласие с Вильсоном. Но еще большую роль играло общее настроение и традиционное отсутствие обязательств со стороны Соединенных Штатов в отношении Европы. Вероятно, с точки зрения политических принципов Соединенные Штаты уже стали лидером мировой системы, однако они не стали таковыми с точки зрения реально взятых на себя обязательств. Таким образом достаточно было момента слабости или кризиса президентской власти для того, чтобы поставить под сомнение то, что уже было обещано. Это и произошло в действительности.

1.3.2. РЕПАРАЦИИ И ДОЛГИ СОЮЗНИКОВ

Вовлечение Соединенных Штатов в решение проблемы отношений с Германией проявлялось также и в экономическом плане, который, с другой стороны, и составлял основу карательных мер в отношении побежденных. Включение в Версальский договор

статьи 231-й, в которой победители объявляли, а немцы «признавали» ответственность Германии и ее союзников за вооруженную агрессию и обязались возместить ущерб, понесенный «союзниками и объединившимся с ними странами», открывало путь для постановки вопроса о репарациях, которые следовало наложить на Германию.

Масштаб обязательств и часть, которую должна была получить Франция, установленная в принципе, а не в виде конечной суммы, продемонстрировали, что финансовый механизм понимался тогда как еще один способ разрушения германской мощи. Однако то обстоятельство, что решения по данному вопросу были приняты после несостоявшейся ратификации Версальского договора сенатом Соединенных Штатов, позволяет понять, каким образом французы стремились компенсировать в этом плане то, что они потеряли с точки зрения территориальных и политических гарантий. Приняв установленные им обязательства по платежам, немцы тем самым согласились взять на себя значительную часть экономических издержек, связанных с войной, также и в отношении Соединенных Штатов. Это означало, что фактически возникала весьма тесная связь между ситуацией с долгами союзников Соединенным Штатам и долгами Германии в отношении союзников.

Именно благодаря наличию такой связи даже после несостоявшейся ратификации договора европейцы все еще располагали сильным средством давления на Соединенные Штаты: ибо в политическом плане было очевидно, что выплата репараций приоритетна по отношению к выплате долгов. И если Германия не будет платить, то и Соединенные Штаты ничего не получают. Отсюда возникал своего рода «порочный круг», в результате которого способность немцев осуществлять платежи становилась важным моментом для американских финансов. Иными словами, реализация Версальского договора (и последующих решений победителей, принятых в отсутствие американских представителей) имела практическое значение и для Соединенных Штатов. Последние были изолированы от пагубного влияния европейской политики, однако они тем не менее зависели от европейской экономики а, следовательно, — и от европейской политики, которую нельзя было, конечно, отделить от самой экономики. На заднем плане просматривался также и другой аспект ситуации: если Германия должна была платить, она должна была обладать способностью платить. А для этого следовало восстановить ее производственный потенциал, преодолев послевоенный кризис, чтобы его последствия не сказывались также и на победителях.

Таким образом, территориальные и финансовые статьи Версальского договора образовывали одно неразрывное целое; от их осуществления зависело реальное значение военной победы Франции над Германией. Однако с того момента, когда Соединенные Штаты поколебали политическое основание этой победы, а немцы в разгар экономического кризиса поколебали ее финансовое основание, начав после выплаты первых платежей фактически проводить политику, направленную на затягивание выплат и изменение решений, принятых по вопросу о репарациях, французы столкнулись с сокращением довольно значительной части своих военных трофеев. В итоге они пришли к выводу, что подобно тому, как остались неудовлетворенными максималистские требования, представленные в Париже военными, например, маршалом Фошем, также не будут осуществлены и компромиссные решения. Это означало, что через некоторое время германский вопрос встанет во всей его остроте и значимости.

1.3.3. ФРАНЦУЗСКАЯ «ПОЛИТИКА ГАРАНТИЙ» И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

На этой основе выстраивались две темы, ставшие на определенный период преобладающими во французской внешней политике: «политика гарантий» выполнения Версальского договора и безопасность. «Политика гарантий» означала стремление французов воспрепятствовать тому, чтобы Германия хотя бы в малейшей степени уклонялась от выполнения условий мирного договора. Иными словами, это было требование строгости исполнения наказания, которая должна была обеспечить устранение разрывов в ткани юридических договоренностей. Однако самой по себе этой позиции было, конечно, недостаточно для того, чтобы ослабить опасения, порождаемые ходом событий. Достаточно вспомнить в данной связи постоянно возникавшие новости о всплесках национализма в Германии, а также не умолкающую критику консервативного и реакционного правого крыла, направленную против берлинского правительства за его вообразимую уступчивость в отношении Франции. Предположение, что Германия, лишь незначительно сократившаяся в размерах, захлестываемая мощными волнами национализма, представляет собой потенциальную опасность для Франции, выдвигала другую тему французской внешней политики — тему безопасности. Она стала центральной осью, вокруг которой формировалась европейская политика Франции и на основе которой принимались принципиальные решения относительно союзов. *A posteriori* можно констатировать,

что озабоченность французов не была необоснованной, хотя в течение двадцати лет, между двумя войнами, Франция и внесла заметный вклад в то, чтобы сделать возможной новую агрессию Германии.

Безопасности не существовало, поскольку потенциальная военная сила Германии осталась нетронутой, англо-американские гарантии не вступили в силу, Лига Наций была неэффективна, Великобритания не разделяла французскую точку зрения относительно способа решения проблем Восточной Европы, а Италия проводила колеблющуюся и малоубедительную политику. В связи с этим Франция вынуждена была разрабатывать собственную стратегию, целиком направленную на то, чтобы создать на односторонней основе ту безопасность, которую ей не давали международные гарантии. Это была позиция (не считая некоторых оттенков), не вызывавшая разногласий между французскими политическими силами. От Бриана до Пуанкаре и Эррио — все правительства, сменявшиеся в эти годы в Париже, преследовали одну и ту же цель: восстановить юридически или посредством возможного использования силы ту безопасность, отсутствие которой ощущали французы.

Предпринятые Мильераном и Брианом в 1921 г. попытки найти решение через экономическое сближение с Германией не привели ни к какому результату, несмотря на иллюзии, вызванные открытостью министра иностранных дел Германии Ратенау. Неудачи Каннской конференции в январе 1922 г. и Генуэзской конференции в апреле того же года привели лишь к разжиганию французских страхов. Германский финансовый кризис вынудил берлинское правительство попросить о моратории на дальнейшие репарационные выплаты в финансовом и натуральном выражении. Этот вопрос безрезультатно обсуждали две конференции, состоявшиеся в Париже в декабре 1922 г. и в Лондоне в январе 1923 г.

Перед лицом этих почти предрешенных неудач новый премьер-министр Франции, представитель националистической правой партии Раймон Пуанкаре разработал проекты одностороннего решения. 11 января 1923 г. французские и бельгийские войска оккупировали Рурский угольно-металлургический бассейн с открытым намерением взять в свои руки «продуктивный залог», который служил бы гарантией «хорошего поведения» немцев в будущем и свидетельством решимости французов не отказываться от прав, утвержденных договорами, и, более того, при возможности, даже выйти за их пределы. Деятельность французов одобрило итальянское правительство (его уже возглавил Муссолини). Англичане, расхившиеся с французами в подходе к проблемам безопасности

и не доверявшие гегемонистским поползновениям своих союзников, напротив, расценивали оккупацию как пагубную ошибку, которая ничего не решит, а будет лишь способствовать усилению противоречий. Первая реакция немцев показала обоснованность британской точки зрения. В самом деле, берлинское правительство провозгласило формулу «пассивного сопротивления» в отношении акта, предпринятого на основании законных предложений, однако диктуемого стремлением использовать насилие. Пассивное сопротивление означало отказ со стороны немцев обеспечить нормальное функционирование угольно-металлургического комплекса, в котором были заняты немецкие трудящиеся, и прекращение выплат репарационных платежей. Раз «залог», оккупированный Францией, оказался «продуктивным», то есть способным заменить невыплаченные репарации, то французскому, бельгийскому и итальянскому персоналу следовало занять место германского с тем, чтобы сделать возможным функционирование предприятий Рура. А это ставило очень сложные технические проблемы и порождало очаги локальной напряженности.

В этих условиях французы быстро осознали, что их инициатива привела к новой тактической и стратегической неудаче, из которой не видно было выхода, несмотря на попытки британского посредничества, последовавшие за первой резкой реакцией на происшедшее. В Лондоне французскую акцию расценили как самое яркое проявление гегемонистских устремлений Парижа в отношении всего европейского континента. Выход предложили немцы. Когда, в августе 1923 г. Густав Штресеман стал канцлером и министром иностранных дел Веймарской республики, он инициировал весьма резкий поворот во внешней политике. Штресеман был ностальгирующим националистом, но он также, и прежде всего, являлся реалистом. Он не усматривал никакой пользы в сохранении напряженности в Германии и полагал, что сделать первый шаг надлежит тому, кто от смягчения напряженности получит наибольшие преимущества, то есть самой Германии. Штресеман был убежден, что главная проблема германской внешней политики состоит в восстановлении ее «нормального» положения в Европе — положения, которое избавило бы ее от страхов и тревог, связанных с империалистическим наследием Второго рейха, сделав возможным возвращение Германии в сообщество наций в качестве государства, в отношении которого не требуется особого контроля, поскольку оно не делает ничего, что противоречило бы интересам всеобщего мира. Парадоксальным образом это условие было единственной возможной предпосылкой, способной, по мнению Штреземана, вернуть Германии *в будущем* полную

свободу действий. С восстановлением доверия исчезнут подозрительность со стороны других европейских держав, и тогда можно будет выдвинуть предложения по пересмотру наиболее «вопиющих» статей мирных договоров, не опасаясь вызвать страх и чрезмерную реакцию.

Исходя из этих предпосылок, Штреземан 26 сентября 1923 г. приказал прекратить «пассивное сопротивление», и приступил к переоценке всей ситуации в целом. В этот момент возобновление переговоров по вопросу о репарациях стало неизбежным. Таким образом на короткий период германское правительство создало у Пуанкаре иллюзию успеха. Англичане и прежде всего американцы отказались от своих негативных позиций и занялись поиском экономического и политического компромисса. Это была попытка, подпитываемая желанием удовлетворить французов и предложить выход из тупика, в котором они оказались благодаря Пуанкаре.

Раймон Пуанкаре проиграл свою политическую битву и в мае 1924 г. на выборах потерпел поражение от левого блока, его сменил на посту председателя совета министров Эдуард Эррио, но права Франции на получение репараций были еще раз подтверждены. Однако в действительности в результате компромисса победителем оказался Штреземан, поскольку ему удалось утвердить положение Германии в качестве субъекта, к которому больше неприменимы методы диктата в отношении побежденного в 1918 г., но с которым необходимо вести переговоры о путях выхода из сложившейся ситуации. Это был, следовательно, весьма важный шаг вперед.

1.3.4. ПЛАН ЭРРИО И ЖЕНЕВСКИЙ ПРОТОКОЛ

Эррио стремился восстановить в политическом плане то, что Франция потеряла в плане экономического. Соответствующая возможность представилась ему на сессии Ассамблеи Лиги Наций, состоявшейся в Женеве в сентябре того же 1924 года. Эррио надеялся, что его предложения получат благосклонный прием у нового британского правительства, также левой ориентации, которое, впервые в английской истории, возглавил лейборист Рамсей Макдональд. Эррио размышлял о создании плана «абсолютной безопасности». Дополнив тезисы англичан, он предложил, взяв за основу идею чешского представителя Бенеша, подписать протокол, который бы утверждал три принципа «арбитраж, безопасность и разоружение» в качестве несущей опоры для системы гарантий, основанной на *принудительном третейском суде*. К последнему должны были прибегать члены Лиги Наций, обязуясь, в случае

невыполнения решений арбитража, использовать по итогам голосования большинством репрессивные нормы, содержащиеся в самом Уставе Лиги наций и предусматривавшие (ст. 16) применение силы против его нарушителей.

В обстановке, получившей название «дух Женевы», протокол был быстро одобрен и подписан. Его вступление в силу означало бы удовлетворение французских амбиций, поскольку он превратил бы Лигу Наций в организацию, реально обеспечивающую сохранение мира, и действительно привел бы к повороту в европейской политике. В самом деле, суть протокола состояла не столько в той формулировке, которую он утверждал (учитывая тот факт, что на момент его подписания ни Германия, ни Соединенные Штаты не входили в Лигу Наций и что Италия едва не поставила под сомнение свое присутствие в Лиге в связи с событиями на Корфу¹ и продолжала афишировать высокомерное отстранение от женевской Лиги), сколько в том, что он недвусмысленно вовлек Великобританию в процесс сохранения *status quo* в Европе и, другими словами, возрождал гарантии, потерпевшие фиаско в 1920 г.

Однако утверждение этого проекта не состоялось. Благоприятный исход был обусловлен ратификацией протокола заинтересованными правительствами. Макдональд находился у власти благодаря хрупкому лейбористско-либеральному большинству. После поражения на выборах в ноябре 1924 г. ему на смену пришел Бонар Лоу, а министром иностранных дел стал Остин Чемберлен, убежденный консерватор, полный решимости отказаться от обязательств, взятых его предшественником. Предлог относительно мнения доминионов в отношении обязательств, носивших глобальный характер, был не слишком убедительным. Чемберлен укрылся за требованием консультаций, предоставив Муссолини в декабре 1924 г. возможность похоронить Женевский протокол.

Итало-французская идилия, продлившаяся с декабря 1922 до середины 1924 г., была разрушена антифашистской позицией французских левых, занятой ими в связи с убийством Маттеоти, одного из виднейших представителей итальянского социализма, сомнительными личностями, представлявшими фашистский экстремизм, от которых Муссолини не удалось отмежеваться.

---

¹ Имеется в виду итало-греческий конфликт в августе-сентябре 1923 г., вызванный попыткой Италии захватить остров Корфу, важный стратегический пункт на Адриатике. 31 августа итальянские войска оккупировали остров. Греция апеллировала в Совет Лиги Наций. Решительное противодействие Великобритании вынудило Италию отступить и эвакуировать свои войска с острова Корфу в конце сентября 1923 г. — *Прим. переводчика.*

Диктатура в Италии стала пускать корни, а Франция превращаться в убежище для преследуемых антифашистов. Между Италией и Францией все более четко проявлялось глубокое размежевание. Именно это подтолкнуло Муссолини к сближению с позицией Великобритании. В декабре 1924 г., в разгар кризиса в связи с убийством Маттеоти, Чемберлен, отправляясь в Рим для участия в Ассамблее Лиги Наций, встретился с Муссолини и продемонстрировал таким образом, что тот все еще пользуется доверием Великобритании, получив взамен освобождение от трудной миссии — первым похоронить Женевский протокол. В самом деле, Муссолини взял на себя эту тяжелую обязанность и в результате в Европе сложились тесные итало-британские отношения, продлившиеся, хотя и с перерывами, вплоть до 1935 г., а по некоторым аспектам вплоть до Второй мировой войны. Вместе с тем у французов появилась еще одна причина для обеспокоенности. Действительно, тема безопасности Франции возникала уже не только в связи с отношениями с Германией, но и в связи с проблемой альпийской границы страны.

1.3.5. ЛОКАРНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ

Несостоявшаяся ратификация Женевского протокола привела к вакууму и вновь обострила опасность конфликтов. Чемберлен не считал, что следует вернуться к атмосфере января 1923 г. и что озабоченность французов должна быть хотя бы частично удовлетворена. В этом плане его международная деятельность в принципе сочеталась с деятельностью Штреземана. Если целью немецкого государственного деятеля была нормализация положения Германии (нормализация, достижение которой Женевский протокол делал гораздо более сложным, если не невозможным), то в атмосфере, сложившейся в результате политики, проводившейся Чемберленом, возникали возможности для того, чтобы сделать еще один шаг вперед после компромисса по репарациям, предложенного планом Дауэса.

Такие соображения породили идею заменить проект всеобщей гарантии предложением частичной гарантии, ограниченной только Рейнской зоной. Инициативу вновь проявил Штреземан, который прислушался к совету британского посла лорда д'Абернона и выступил в благоприятный момент, когда Германия выходила из экономического кризиса. Франция должна была оправиться от только что перенесенных дипломатических поражений, но и быть готовой к отводу войск, предусмотренному самим Версальским договором, поскольку истек первый из трех пятилетних сроков для эвакуации Рейнской зоны.

В такой атмосфере в феврале 1925 г. Штреземан выдвинул идею, согласно которой после завершения освобождения Рура Германия может признать границу по Рейну, установленную в Версале, с возвращением Франции Эльзас-Лотарингии и обязательством не стремиться к ее изменению применением силы. Речь шла о важных уступках, которые меняли внешние очертания германской территории и которые Штреземан предлагал дополнить международными гарантиями. Франко-германский диалог оказался бы таким образом прямым, непосредственным и контролируемым извне, в особенности Великобританией, чья посредническая функция была бы высоко оценена.

Предложение Штреземана представляло собой еще один шаг к созданию атмосферы взаимного доверия. Оно, однако, имело два неясных момента, поскольку не касалось вопроса о восточных границах Германии и умалчивало о ее южных границах. С такими ограничениями позиция Германии имплицитно содержала разъяснение стратегического смысла политики Штреземана. Впрочем, в письме, отправленном Штреземаном 17 сентября 1925 г. бывшему кронпринцу, откровенно говорилось, что «рейнское» предложение — первый шаг на пути выжидательной тактики, благодаря которой можно будет восстановить свободу маневра в отношении возможного аншлюса Австрии и ревизии восточных границ. Это письмо отнюдь не было проявлением желания завоевать поддержку германских монархических кругов, поскольку источники, относящиеся к немецкой дипломатии, позднее показали, что Штреземан ясно представлял реальный масштаб своих проектов.

В действительности, отказаться от распространения гарантий на восточные и южные границы означало в некотором роде пойти навстречу требованиям англичан, то есть согласиться с британскими оговорками в отношении территориального урегулирования, которое никогда не было ими одобрено, оговорками, усиленными в 1925 г. столь недальновидной позицией доминионов, несогласных с предоставлением гарантий территориям, находящимся далеко от центра европейских конфликтов. Но это означало также, и прежде всего (как заметила итальянская дипломатия за месяцы переговоров, когда Муссолини в обмен на согласие Италии пытался добиться как уступок в отношении колоний, так и распространения гарантий на границу между Италией и Австрией на Brenнере в преддверии вполне вероятного аншлюса), что в Европе могли существовать два типа территориального урегулирования. Первый из них — тот, что нуждался в особых гарантиях и, следовательно, не мог быть изменен без риска разжигания всеобщего конфликта. Второй — тот, что нуждался в простых гарантиях, га-

рантиях, предоставленных мирными договорами, и который, из-за того, что он не требовал дополнительных гарантий, был низведен до такого типа урегулирования, которое может быть изменено возможно даже ценой глобального конфликта, как это подтвердили события 1938 г., продемонстрировавшие стратегическую ограниченность британского видения европейской политики. В действительности, соглашение, предлагавшееся Штреземаном, могло показаться привлекательным для французов, было полезным для немцев, однако прежде всего оно представляло британское понимание проблем безопасности континентальной Европы.

Кроме того, Штреземану посчастливилось найти во Франции подходящего собеседника: им стал Аристид Бриан, бывший председатель совета министров и министр иностранных дел в начале 20-х годов, а с апреля 1925 г. снова министр иностранных дел (в этой должности он пробыл до 1932 г.) в правительстве Поля Пенлеве, сменившем правительство Эррио. Бриан верил в необходимость примирения. Он думал, что, несмотря на недостатки германских предложений, было бы полезно предпринять шаги в направлении нормализации ситуации, поскольку считал, что Франция сама по себе может двигаться в двух направлениях: предоставление односторонних гарантий странам Восточной Европы, не охваченным гарантиями, предусмотренными Штреземаном, с тем, чтобы укрепить свою ведущую роль в сфере европейской безопасности, и в то же время добиваться соглашения непосредственно с Германией, которое увело бы немцев как от пагубного влияния сотрудничества с Советами, так и от ориентации на преимущественное сотрудничество с Великобританией. Германия не должна была выступать европейским конкурентом французскому гегемонизму (согласно британскому видению), но должна была стать серьезным партнером Франции на европейском континенте, партнером, который сотрудничал бы в целях сглаживания противоречий, унаследованных от войны, и, следовательно, способствовал бы в более общем плане укреплению безопасности Франции.

Переговорный процесс по главным названным темам развивался достаточно быстро. По вышеназванным причинам отказ Британии от распространения гарантий на восток Европы был благосклонно воспринят французами и гораздо менее благосклонно — Муссолини, который еще накануне подписания соглашения колебался относительно позиции, которую следует занять Италии. Однако ситуация с подписанием соглашений приобретала значимость благодаря роли согаранта, придаваемой Италии, и в связи с тем, что в случае своего отсутствия Италия осталась бы в изоляции. Поэтому, в конце концов, фашистский диктатор преодолел свои колебания.

Итак, 16 октября 1925 г. для парафирования новых соглашений о гарантиях в Локарно собрались Штреземан, Бриан, Остин Чемберлен, Муссолини и министр иностранных дел Бельгии Эмиль Вандервельде. Основной договор был торжественно подписан в Лондоне 1 декабря в обстановке, которую, казалось, стремились представить антитезой подписанию Версальского *диктата*. Франция, и что было более важно, Германия брали на себя обязательство не стремиться к изменению с помощью силы границы, установленной между двумя странами, и между ними и Бельгией в 1919 г. Германия, кроме того, подтверждала свое согласие с демилитаризацией Рейнской зоны. Великобритания и Италия должны были играть роль держав-гарантов соглашения. Каким образом они будут осуществлять эти гарантии предусмотрительно умалчивалось; констатировалось лишь, что агрессия должна быть признана таковой Лигой Ниций. Кроме того, был подписан ряд арбитражных договоров между Германией, с одной стороны, и Францией, Бельгией, Польшей и Чехословакией, с другой, — по сути почти пустые слова, за которыми скрывалось отсутствие подлинных гарантий. В обмен на эти договоры французское правительство подписало договоры о союзе и взаимопомощи с Чехословакией и Польшей, касавшиеся ситуации возможного нападения со стороны Германии. Это были *два* исключения по отношению к общему обязательству французов, выраженному в главном договоре — не нападать на Германию. Речь идет о детали, которую следует иметь в виду в связи с франко-советским договором 1935 г. Последний, доведя число исключений из обязательства не нападать на Германию до *трех*, позволил Гитлеру протестовать против нарушения Локарнского пакта. В целом это и был пакет документов, позднее получивший известность как Локарнские соглашения. Очевидно, что только первый из них имел реальное политическое значение. Другие же или являлись стыдливым прикрытием неприятной реальности или же — выражением плохо скрытых надежд или даже отступлением от существовавших ранее соглашений.

1.3.6. ПОСЛЕ ЛОКАРНО

Эти соглашения положили начало этапу большого оптимизма в европейской жизни. Они явились еще одним компромиссом. По видимости, он также имел антигерманскую направленность, поскольку Германия теперь демонстрировала готовность добровольно отказаться от того, что было у нее отнято. В действительности компромисс означал стремление возобновить диалог. Каждая держава-участница надеялась на то, что результаты такого диалога

позволят впоследствии проводить политику, стратегически выгодную именно для нее.

Бриан предпринял в этом плане весьма решительные шаги для получения гарантий против британского превосходства. Он обещал немцам в 1926 г. досрочно вывести оккупационные войска из Кельна в обмен на вступление Германии в Лигу Наций с постоянным местом для нее в Совете в качестве залога немецкого участия в системе всеобщей безопасности. Кроме того, он продвинулся в направлении более тесного сотрудничества между двумя бывшими противниками и пробудил большие надежды, когда высказал намерение тайно встретиться с Штреземаном в местечке Туари, расположенном недалеко от Женевы на французской территории, во время сессии Лиги Наций, санкционировавшей вступление в нее Германии. Это выглядело так, как будто он хотел продемонстрировать рождение соглашения между двумя странами, имевшего совершенно особое значение для европейского будущего. Однако нельзя умолчать о том факте, что для расширения своей свободы маневра Германия 24 апреля 1926 г. подписала договор о нейтралитете и ненападении с Советским Союзом, показавший, что «дух Рапалло» вовсе не исчез. Об этом свидетельствовали и продолжавшие осуществляться сверхсекретные соглашения о подготовке германских вооруженных сил на советской территории, подписанные так, будто они касались только военной техники.

Таким образом, 1925 год явился поворотным моментом в развитии европейских противоречий. Это был как бы момент триумфа воли к воссозданию (реконструкции) над силами саморазрушения. В начале 1926 г. Лига Наций, казалось, продвигалась к новой эпохе: она не являлась более инструментом победителей для контроля над побежденными, а действительно становилась форумом для созидания мира и международной безопасности. «Дух Локарно» стал формулой, использовавшейся и в последующих ситуациях для определения стремления к преодолению старых конфликтов.

В действительности, подлинное примирение было невозможно. Локарно явилось только паузой. Хотя в проектах Штреземана не было ничего похожего на крайний ультра национализм и ставку на насилие, которые несколько лет спустя стали характерными для политики Гитлера, все-таки стратегическое направление деятельности Штреземана, хорошо известно, — оно предусматривало ревизию мирных договоров. А это влекло за собой, в качестве предпосылки и в качестве следствия, то, что Локарнские соглашения могли трактоваться как момент формальной «нормализации»

европейской жизни, а не как момент принципиального «примирения». Соглашения не разрешили ни одного конфликта. Они лишь подтвердили, что, по крайней мере в течение некоторого времени, на рейнской границе не произойдет драматических событий. Все другие конфликты, оставшиеся открытыми или связанные с завершением Первой мировой войны, так и оставались нерешенными. Более того, они в определенном смысле обострились, поскольку нормализация ситуации в Рейнской зоне была оплачена ценой возросшего недоверия между Францией и Британией в отношении взаимных намерений, связанных с контролем над европейским континентом; глубокой неудовлетворенностью Муссолини в связи с несостоявшимися гарантиями границы на Бреннере, в которой можно справедливо усмотреть отсутствие заинтересованности двух западных держав и, прежде всего, Великобритании в будущей независимости Австрии; чувством тревоги и неуверенности, которое новое положение Германии, ставшей еще большим источником угрозы в результате обновления соглашения с Советами, распространяло на всю Центральную и Восточную Европу, сконструированную Парижскими договорами.

1.4. Изменения в мировой экономической системе. Вопрос о репарациях в период с 1920 г. до плана Дауэса

1.4.1. ПРЕДЕЛЫ ПОДЪЕМА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Во время дипломатических переговоров значение экономических и связанных с ними финансовых и денежно-валютных проблем проявилось со всей очевидностью не только для отношений внутри капиталистической системы, но также и в связи с серьезными вопросами, поставленными советским революционным движением. Революция бросила вызов системе рыночной экономики. Протагонисты рыночной экономики должны были показать способность принять вызов, брошенный революцией в качестве альтернативной модели развития современного общества, и на него ответить. Эта ситуация имела политические и финансово-экономические, то есть структурные аспекты, вокруг которых должна была развернуться настоящая схватка (по крайней мере в соответствии с марксистскими постулатами).

Послевоенное развитие стало периодом осознания этого выбора и попыткой ответить на него, конечно, не в форме теоретического проекта, но посредством последовательных и продуманных действий, рациональных с точки зрения демонстрации того,

что полученный удар был не смертельным, а только раной, способной зажить со временем. В течение какого времени и с какими трудностями? Мало кто тогда отдавал себе отчет в том, что понадобится несколько пятилетий, и что трудности будут непредвиденными, связанными с проявлением противоречий внутри капиталистической системы, в отношении которых марксистская критика была обоснована (хотя марксистско-ленинская практика и, в еще большей степени, решение экономических проблем по сталински вели лишь к отсталости экономики и общества).

Впервые с 1919 г. стало очевидно, что, помимо политико-дипломатических конструкций, смягчавших остроту некоторых коллизий и разрешавших старые противоречия в соответствии со сложившимся соотношением сил, экономические отношения между государствами были обусловлены не только конкретной экономической ситуацией отдельных стран, но также и системой торговых, денежно-валютных и финансовых отношений, сформировавшейся в мире за период с последних десятилетий XIX века и до Первой мировой войны. Эта система оказалась в кризисе и отчасти была разрушена вследствие революции в России, однако сохранила свое значение в качестве фона, на котором развивались политические события.

Иными словами, концепция, по которой рыночная экономика, в ее капиталистическом и реформистском вариантах, приобрела в силу своей природы масштаб, выходящий за пределы национальных границ (хотя ей и не удавалось разрушить их), и предполагала систему взаимозависимостей в соответствии с присущими ей правилами функционирования, нашла в эти последние десятилетия свое подтверждение, как казалось, за пределами политико-экономического национализма. Противоречия, вызванные соперничеством национальных и финансовых групп интересов, сначала носили мирный характер или же перемещались в сферу колониальной конкуренции, а с начала века под давлением промышленной конкуренции обострились до крайности и привели к войне 1914 г. Исследование причин Первой мировой войны шло и идет многими путями, однако нельзя игнорировать то обстоятельство, что война была результатом противостояния экономических систем, не интегрированных полностью в глобальную логику экономического развития и, напротив, вынужденных искать свое собственное место за счет конкурентов.

В колониальных странах и Османской империи финансовая мощь Германии противостояла мощи Британии и Франции; финансовое влияние Соединенных Штатов постепенно охватывало всю Латинскую Америку и распространялось на Азию и Европу;

финансовое влияние Франции получило развитие в колониальной сфере и в капиталовложениях, сделанных в России. Другими словами, это была по природе своей гомогенная система, разделенная, однако, на части в соответствии с националистическими мотивациями, которые невозможно было отделить от финансовых, поскольку финансиста, как, с другой стороны, политика, нельзя разделить на части: как человек он представляет собой единое целое и руководствуется не только профессиональной логикой, поэтому тема прибыли у него связывается — иногда слабо, иногда неразрывно — с национальной темой, в зависимости от силы внутренних импульсов.

В целом, подобно тому как в пролетарском интернационализме при испытании жизнью, обнаружились глубокие трещины, порожденные чувством национальной принадлежности (чувством, которое в конце концов более, чем какое-либо другое доминировало в XX веке), в финансовой системе логика национальной принадлежности также смешивалась с логикой экономической целесообразности, хотя и не всегда первой удавалось одержать победу. Война обострила эти противоречия, и тем не менее она выявила наличие системы торговых, денежно-валютных и финансовых отношений, приведенной в расстройство военным конфликтом.

Это не означало, что из пепла схватки за соперничество между капиталистическими державами и нациями возник новый мировой экономический порядок, гомогенный и готовый сформироваться на основе общей задачи дать отпор наступлению коммунизма. Напротив, это означало, что возвращение к нормальной жизни проходило также и через выбор внутренней и международной экономической политики: выбор торговой политики, валютно-финансовой политики и способность системы рыночной экономики возобновить свою нормальную деятельность с тем, чтобы обеспечить капиталистическим субъектам и потребителям растущие потребности и столь же растущие прибыли. А это предполагало преодоление немалого количества препятствий.

Можно было бы даже сказать, что надежда создать мировую революционную систему во главе с русскими большевиками породила в противоположном лагере если не надежду, то стремление со стороны протагонистов капиталистической экономики и политики, состоявший в способности сложить кусочки мозаики, разрозненные войной, для того, чтобы открыть путь к усилению интеграции, которая давала бы жизненные силы рыночной экономике. Существовали противоречия и проблемы, осложнявшие этот процесс. Он начался в двадцатые годы, но только после Второй мировой войны его правила и направленность проявились достаточно ясно и однозначно.

Сразу же после Первой мировой войны все стало, напротив, более противоречивым из-за политических изменений, вызванных военным конфликтом, и возникновения новых ситуаций. Существовали проблемы культурного влияния и значения количественного измерения; встал вопрос о неадекватности европейского «масштаба» задачам контроля над финансовыми рынками. Первенство Лондона, являвшегося вплоть до 1914 г. мировым финансовым центром, было поставлено под сомнение (по крайней мере в перспективе) растущим значением Нью-Йорка; появление новых субъектов за пределами старого континента, таких, как Соединенные Штаты или, в менее заметной степени, Япония, создавало новые ситуации. Если «система» капиталистической экономики должна была возродиться как организационная модель мировой экономической жизни (что в начале двадцатых годов могло представлять, по меньшей мере, объект дискуссии, а в 1929 г. стало предметом для беспокойства и сомнения), то это могло произойти путем выработки направленных на достижение этого результата действий, которые политическая и экономическая власть разных стран (общественная или частная) могла бы реализовать. Центром этих событий оказались Соединенные Штаты, чья роль в предпринимавшихся попытках нормализации была доминирующей, по крайней мере на первом этапе. Это противоречило в экономическом (то есть определяющем) плане изоляционизму, который республиканская партия стремилась навязать в политическом плане, то есть в дипломатии. И тем не менее третий из «14 пунктов Вильсона» подтверждал необходимость борьбы с торговыми барьерами и отстаивал политику «открытых дверей».

Изоляционизм в американской политике являлся следствием попытки европейских союзников сразу же переложить бремя урегулирования межсоюзнических долгов на Соединенные Штаты, заставив таким образом самих американцев заплатить германские репарации, отказавшись от требования выплат своих кредитов, предоставленных европейским странам-победительницам. В действительности американцы готовы были обсудить эту проблему, но при условии, что европейцы сразу же примут принцип «открытых дверей» в том, что касается торгового урегулирования. Европейцы, однако, переживали слишком серьезный финансовый кризис для того, чтобы приспособливаться к американским схемам, и хотели, чтобы нормализация основывалась на соглашениях, учитывавших этот фактор.

Такая позиция не принимала во внимание аспекты проблемы, связанные с внутривнутриполитической ситуацией в Соединенных Штатах: США не имели возможности в 1919–1920 гг. взвалить на

свои финансы издержки войны, начатой европейцами и нашедшей свое разрешение только благодаря американскому вмешательству именно в то время, когда экономика Соединенных Штатов переживала период спада, закончившийся лишь в конце 1921 г. Экономический сепаратизм превалировал до тех пор, пока политико-экономический кризис 1923 г. в Европе не вынудил американский финансовый мир изменить свои приоритеты.

Это произошло после того, как стали очевидными европейские проблемы. В конце войны, в 1919 г., еще не встала общая проблема реконструкции (восстановления экономики). Хотя война продолжалась так долго и проходила на стольких фронтах, проблема реконструкции конкретно касалась только северной Франции, Бельгии, и области Венето в Италии, а также территорий вдоль границы с Россией, вовлеченных в боевые действия и оставшихся вне контроля большевиков. В последних, однако, преобладали задачи, вытекавшие из существования экономической системы с преобладанием экстенсивной сельскохозяйственной экономики, которая не всегда и весьма своеобразно ощущала на себе разрушения, вызванные военными действиями. Восстановление в наиболее крупных масштабах понадобилось из-за многочисленных последствий военных действий для инфраструктуры и промышленных предприятий, оказавшихся в тылу длительной окопной войны на Марне (около 100 км железных дорог, 6000 мостов, 9000 промышленных предприятий). Прошло очень немного лет, и материальные последствия войны были устранены.

Однако достигнуть устойчивого подъема производства, по крайней мере вплоть до 1924–1925 гг., не удавалось (красноречивым и не случайным выглядит сопоставление с политико-дипломатическим аспектом). Существовали проблемы, связанные с неполученной прибылью в результате социальных волнений; проблемы конверсии предприятий с военного производства на гражданское, проблемы, связанные с возвращением мужской рабочей силы, занятой ранее на фронте. Наряду с этими конъюнктурными проблемами появились и новые: возрастающее непосредственное включение государства в экономическую жизнь; большая жесткость рынка труда, где свободной контрактации в отношении заработной платы, противостояли профсоюзы в обстановке, когда идея о необходимости определенной регламентации стала достоянием общественного сознания. Утвердились также новые производственные потребности, выявившиеся в результате военного опыта и технологического прогресса, как, например, стремление к исследованиям в области синтетических материалов, что привело к выдвиганию на первый план химической промышленности

и должно было служить средством или амортизатором для регулирования колебаний цен на сырье на мировом рынке. Наряду с этим, появление новой продукции (соответственно и таких же новых отраслей производства), зачастую испытанной во время войны, но ставшей полезной, а со временем и необходимой в мирное время: автомобилей, самолетов, радиоприемников, материалов, связанных с электрической промышленностью и распространением электрификации как главного энергетического ресурса в производственных процессах и в то же время товаром массового потребления также оказывало влияние на движение цен на рынке.

Нижеследующая таблица, взятая из «*World Economic Survey*» Лиги Наций, иллюстрирует тенденции развития промышленного производства в странах, о которых в первую очередь идет речь. За понятным исключением Советского Союза, чей производственный индекс изменялся под влиянием сначала политической ситуации, а позднее — пятилетних планов, эти данные показывают, что за небольшим подъемом производства 1919–1920 гг., связанным главным образом с необходимостью восстановления товарных запасов, последовал ощутимый спад производства во всех европейских странах, за исключением Италии (демонстрировавшей постоянно растущий начиная с 1922 г. индекс производства), а за пределами Европы — Японии и Соединенных Штатов (не считая американской рецессии 1920 г.).

Индексы промышленного производства с 1913 по 1930 г.
(1913 г. = 100%)

Год	Страна							
	Весь мир	США	Германия	Великобритания	Франция	СССР	Италия	Япония
1913	100	100	100	100	100	100	100	100
1920	93,2	122,2	59,0	92,6	70,4	12,8	95,2	176
1921	81,1	98,0	74,7	55,1	61,4	23,3	98,4	167,1
1922	99,5	125,8	81,8	73,5	87,8	29,9	108,1	197,9
1923	104,5	141,4	55,4	79,1	95,2	35,4	119,3	206,4
1924	111,0	133,2	81,8	87,8	117,9	47,5	140,7	223,3
1925	120,7	148,0	94,9	86,3	114,3	70,2	156,8	221,8
1926	126,5	156,1	90,9	78,8	129,8	100,3	162,8	264,9
1927	134,5	154,5	122,1	96,0	115,6	114,5	161,2	270,0
1928	141,8	162,8	118,3	95,1	134,4	143,5	175,2	300,2
1929	153,3	180,8	117,3	100,3	142,7	181,4	181,0	324,0
1930	137,0	140,0	101,6	91,3	139,9	235,5	164,0	294,9

Наиболее ощутимыми были трудности, с которыми Германия, Великобритания и в меньшей степени Франция, то есть три страны, доминировавшие в европейской индустриальной жизни, переходили к устойчивому подъему экономики. Только начиная с 1925 г. развитие производственной системы этих стран ускорилося, хотя временами оно еще шло замедленными темпами. Если во Франции экономический подъем был отчетливо выражен, то в Великобритании и в Германии он происходил с гораздо большими трудностями. Лишь в конце двадцатых годов, то есть накануне «великой депрессии» европейская индустриальная система, казалось, на время вернулась к довоенному динамизму, впрочем, несравнимому с динамизмом экономики Соединенных Штатов, Японии, а также и Советского Союза. Эти трудности проявлялись в постоянной массовой безработице, которую уже не мог поглотить сельскохозяйственный сектор, поскольку рационализация и механизация сокращали там потребность в количестве работников. В Германии безработица составляла вплоть до 1922 г. около 3% рабочей силы, в 1923 г. она поднялась почти до 10%, а в 1924 г. — до 13,5%. В Великобритании она достигла 15% рабочей силы, а с 1924 г. оставалась на уровне 10%. Во Франции и в Италии она установилась на том же уровне. Таким образом, можно сказать, что стабилизация экономики, наметившаяся с 1924 г., оплачивалась в том числе тем, что безработица на уровне около 10% была признана нормальным фактором экономической жизни отдельных стран.

Не менее серьезным был вопрос инфляции. Более того, именно в этом пункте сходились в конечном итоге все другие явления. Если принять за основу 1913 год с индексом 100, то в 1922 г. в Великобритании индекс цен в среднем равнялся 150, во Франции — 420, в Италии — 580 и в Германии — 342 000. В 1923 г. в Германии, когда французы оккупировали Рур, дело дошло даже до гиперинфляции, почти совсем обесценившей немецкую марку, так что когда в ноябре немецкая валюта стабилизировалась, обменный курс между старой и новой маркой был зафиксирован на уровне одна к миллиарду.

Инфляция имела для Германии разрушительные последствия. Она сделала возможными огромные изменения в распределении реального капитала, поскольку позволила погасить старые долги и открыть дорогу новым инвестициям, которые все-таки финансировались твердой валютой и, следовательно, способствовали росту самой инфляции. С социальной точки зрения инфляция сильно ударила по среднему классу. Поскольку она была напрямую связана с французской оккупацией Рура, инфляция воспри-

нималась как еще одно доказательство стремления Франции переложить издержки войны на одних немцев и таким образом в определяющей мере способствовала формированию взрывоопасного сочетания социальной деградации и франкофобии — идеальной культурной почвы для националистического реваншизма, который со всей силой проявил себя только лишь в 1928 г. Вопреки надеждам, порожденным политикой Штреземана, начавшийся экономический кризис возродил в памяти немцев призрак 1923 г. В этом смысле можно признать правоту историков, указывавших на оккупацию Рурской области и связанную с ней немецкую гиперинфляцию как на главную причину кризиса 1929 г., самого трудного момента, пережитого капиталистической системой.

1.4.2. РЕПАРАЦИИ И МЕЖСОЮЗНИЧЕСКИЕ ДОЛГИ

Вопрос о репарациях приводит нас к доминировавшей в экономической и финансовой жизни послевоенного периода проблеме и к ее осознанию политико-экономическими элитами — вопросу о долгах. Во время и сразу же после войны, в непосредственной связи с финансовыми потребностями, порожденными войной, возникла совершенно особая ситуация, которую не так просто объяснить и которую следует поэтому представить наглядно. Данные, заимствованные из книги Дж.М. Кейнса «Экономические последствия Версальского мирного договора», опубликованной в 1919 г., складываются в убедительную общую картину (хотя и с оговоркой, что год публикации делает эти данные отчасти неточными).

Предоставленные займы (в млн фунтов стерлингов)	Соединенными Штатами	Великобританией	Францией	Всего
Великобритания	842	—	—	842
Франция	550	508	—	1058
Италия	325	467	35	827
Россия	38	568	160	766
Бельгия	80	98	90	268
Сербия и Югославия	20	20	20	60
Другие	35	79	50	164
Всего	1900	1740	355	3995

Из этой таблицы видно, что общая сумма межсоюзнических долгов достигала 4000 млн фунтов стерлингов; что Соединенные Штаты были единственной страной, которая была только креди-

тором; что Великобритания предоставила кредитов на сумму, вдвое превышавшую ту, что она получила; Франция получила втрое больше того, что она дала в долг. Другие союзники были только должниками.

Урегулирование этих долгов могло происходить разными путями. По мнению Кейнса, Соединенные Штаты могли отказаться от выплат по своим кредитам при условии, что другие кредиторы сделают то же самое. Однако Франция теоретически получила бы в таком случае выигрыш в 700 млн (теоретически, поскольку значительную часть ее кредитов составляли займы, предоставленные России, которые в тот момент невозможно было взыскать), а Италия — 800 млн. Британский экономист основывал свое предложение об отказе американцев от выплаты им межсоюзнических долгов на оценке пропорциональности вклада Европы и Соединенных Штатов в ведение войны. Но это было политическое соображение. Если американцы продолжали по-прежнему расценивать займы как инвестиции (они так и делали), то их выплаты должны были состояться в любом случае в определенные сроки.

Здесь вставала проблема германских репараций. В самом деле обе проблемы были связаны в политическом и в финансовом плане. В политическом — поскольку, только если бы побежденные оплатили ущерб, нанесенный войной, виновниками которой они были признаны, было бы возможно поставить с ними в один ряд займы, сделанные с целью борьбы за общее дело. В финансовом — поскольку немецкие выплаты могли бы облегчить бремя выплат взаимных долгов стран-победительниц. В этой корреляции просматривается также и главная проблема: Соединенные Штаты смогут получить платежи по своим кредитам, предоставленным Европе, только урегулировав финансовую ситуацию с Германией.

Во избежание дополнительных трудностей, помимо тех, что создавала немецкая сторона в процессе подписания сурового мирного договора и последующей его ратификации, вопрос о выплате репараций был решен Версальским договором в целом, а не с определением их точных сумм. Более детально он обсуждался на межсоюзнической конференции в Спа в июле 1920 г. В ходе конференции было достигнуто соглашения о следующем распределении немецких платежей: 52% — Франции, 22% — Великобритании, 10% — Италии и 8% — Бельгии. Не было, однако, достигнуто соглашение относительно общей суммы, которую должна была определить комиссия по репарациям: в ее задачу входило установление общей цифры возмещения ущерба, нанесенного войной, основываясь на критерии платежеспособности Германии.

Комиссия завершила свою работу только в конце апреля 1921 г., постановив, что, помимо пошлины в 26% на германский экспорт в течение последующих 42 лет, Германия должна выплатить репарации деньгами и товарами на общую сумму 132 млрд золотых марок (или 31, 35 млрд золотых долларов). К определенным таким образом 132 млрд добавлялись 5,5 млрд военного долга Бельгии, однако вычитались 11 млрд — во столько было оценено государственное имущество, оставленное Германией на утраченных территориях. Реальная общая сумма, следовательно, выросла до 126,5 млрд золотых марок.

Все репарации были, тем не менее, разделены на три вида долговых обязательств с различным сроком действия: категория А (12 млрд) категория В (38 млрд) — для них предусматривался точный календарь выплат — и категория С (76 млрд), для которой не была точно определена дата эмиссии соответствующих ценных бумаг, что порождало неуверенность относительно конечного результата всех предпринятых действий и той суммы репараций, которую в действительности заплатит Германия. Участники переговоров со стороны Германии стремились противостоять фиксации столь высоких общих сумм, однако перед ультиматумом союзников в мае 1921 г. им пришлось уступить. Они смирились на словах, но на деле, конечно, собирались действовать в противоположном направлении (и, следовательно, подверглась сомнению вся система межсоюзнических долгов), используя в том числе противоречия, существующие между странами-победительницами.

Это стало очевидным достаточно быстро. В январе 1922 г. немцам удалось добиться того, чтобы Верховный совет союзников, собравшийся в Каннах, учитывая тяжелый экономический кризис, в который вступала Германия, обсудил требование моратория на платежи, и вырвать у союзников временный мораторий. В течение всего 1922 г. требование принять окончательное решение сохранялось, вплоть до того момента, пока французская оккупация Рура не поставила по-новому всю проблему в целом.

Вообще говоря, самое простое решение проблемы состояло в том, чтобы немцы могли и хотели платить, компенсируя полностью или частично долги стран-победительниц Соединенным Штатам. Это стало неотложной необходимостью с того момента, когда американские власти, ведшие переговоры о выплате этих долгов, ввели норматив, категорически запрещающий снижение размера сумм, которые должны были поступать от союзников (февраль 1922 г.). Именно это решение выявляло связь, существовавшую между двумя аспектами финансовых проблем, переживаемых тогда Европой. В самом деле, было очевидно, что чем

труднее будет получить немецкие платежи, тем более неохотно будут платить свои долги европейцы, что в целом приведет к запутанной ситуации валютно-финансового беспорядка.

1.4.3. ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И РАПАЛЛЬСКИЙ ДОГОВОР

Последней попыткой, предпринятой для того, чтобы старый континент вышел из сложившейся кризисной ситуации, стала Генуэзская конференция (апрель 1922 г.). Конференция была созвана по инициативе Верховного совета союзников, собиравшегося в Канне, однако она являлась результатом более широкого и амбициозного замысла по переосмыслению почти всех проблем европейской международной жизни. Ее вдохновителем был прежде всего Ллойд Джордж, выдвинувший вместе с министром иностранных дел Германии Вальтером Ратенау в качестве цели — поиск совместного решения двух крупных проблем, в то время главных для Европы: проблемы полного включения Германии в европейскую жизнь, с тем, чтобы облегчить подъем производства, который сделал бы менее острым вопрос о репарациях, и проблемы Страны Советов, чей тотальный отрыв от Европы еще не считался само собой разумеющимся. Напротив, начало проведения «новой экономической политики» (НЭП) позволяло надеяться на общий подъем экономики, в рамках которого многие проблемы могли бы найти решение, основанное на разумном компромиссе.

Этот амбициозный замысел не удался отчасти именно из-за его грандиозности, предполагавшей радикальные изменения французской политики в отношении Германии, отчасти поскольку поставленные вопросы были слишком сложны для того, чтобы их можно было решить посредством в общем-то импровизированных усилий. Как отмечает Дениз Арто, проекты Ллойда Джорджа могли иметь успех, только если Генуэзская конференция рассмотрела бы также вопрос о репарациях, определявший позицию французов. Начиная с последних месяцев 1921 г. парижское правительство настаивало на приоритете выплаты репараций по отношению к выплате долгов и требовало, чтобы долги были связаны с репарациями категории С, что означало, что Франция не выплатит Соединенным Штатам ничего до тех пор, пока не получит немецкие платежи. Чем меньше заплатит Германия, тем меньше выплатит Франция.

В такой ситуации принципиальных различий между французской «политикой гарантий» и британской политикой «восстановления экономики» соглашение было невозможно. Французы

почувствовали, что теряют влияние внутри коалиции, и приготовились к принятию односторонних решений. Поэтому наиболее важный результат Гёнуэзской конференции был достигнут не непосредственно на самой конференции, а за ее рамками, что означало победу политики национального интереса над политикой международного сотрудничества. В самом деле, 16 апреля дипломатический мир был потрясен сообщением о том, что в этот день представитель Германии В. Ратенау и советский комиссар иностранных дел Г. Чичерин подписали договор о взаимном отказе от платежей по репарациям и в связи с ущербом, нанесенным войной, и о взаимном дипломатическом признании, направленный на нормализацию отношений между двумя странами. Это событие поубавило надежды правительств-кредиторов на получение долгов царской империи, но прежде всего продемонстрировало эффективность, с которой Советы осваивали традиционные методы дипломатии, в частности, использование существующих в капиталистическом мире противоречий между побежденными и победителями для того, чтобы вбить между ними клин и цинично утвердить национальные интересы Советской России.

Односторонние действия Франции привели к оккупации Рура, юридически обоснованной признанием комиссией по репарациям постоянных несвоевременных выплат Германией репараций натурой и, в особенности, углем и телеграфными столбами (sic!). В действительности действия Франции выражали ее стремление навязать силой выгодное Парижу решение как по политико-территориальным, так и по финансовым вопросам, поставив союзников и Германию перед твердой решимостью парижского правительства не утратить преимущества, полученные в результате войны и не уступить предложениям сомнительного, с его точки зрения, компромисса.

Однако политика «пассивного сопротивления», проводившаяся по приказу германского правительства, привела к катастрофическим последствиям и сделала французскую акцию бессмысленной. Берлинское правительство взяло на себя обязательство возмещать неполученные платежи тем, кто отказывался от сотрудничества с французами. Французы, в свою очередь, должны были взять на себя финансовое бремя, связанное с эксплуатацией ресурсов Рурского бассейна, оказавшееся непредвиденно тяжелым. Несмотря ни на что, этот столь трудный для международной денежно-финансовой системы момент имел по крайней мере один позитивный результат: он убедил не только английские правящие круги, уже осознавшие это, но также и американское правительство и финансовые учреждения США в необходимости определенного

реагирования во избежание краха системы с возможными непредсказуемыми последствиями. В целом, речь шла о том, чтобы продемонстрировать, что при сохранении здоровой финансовой системы управление рыночной экономикой было все еще возможно, и о том, чтобы избежать преждевременного подтверждения популярных тогда советских пророчеств о распаде капиталистической системы.

1.4.4. ПЛАН ДАУЭСА

В декабре 1923 г. французы, англичане, немцы и американцы после закрытых переговоров пришли к соглашению об учреждении двух комитетов экспертов. Один (не имевший, по мнению американского историка европейских финансов Чарльза П. Киндельбергера, никакого другого смысла, кроме удовлетворения французского самолюбия) во главе с британским банкиром Реджинальдом Маккена должен был следить за экспортом капиталов, осуществлявшимся немцами после окончания военных действий с целью избежать бремени платежей. Другой, чьим председателем стал Чарльз Г. Дауэс, глава *United States Bureau of the Budget*, должен был разработать способ осуществления контроля над германским бюджетом, стабилизации рынка и определения уровня ежегодных выплат в счет репараций, соответствующего платежеспособности Германии.

Важным аспектом создания двух комитетов было принятие на себя ответственности американской стороной. Назначение Дауэса председателем комитета официально поддержал госсекретарь Чарльз Э. Хьюз. С Дауэсом работал также другой американский финансист Оуэн Д. Юнг, позднее президент «Дженерал электрик» и директор Нью-Йоркского Федерального резервного банка, которым помогали представители банка Моргана. Хотя госсекретарь настаивал на четком разграничении вопросов о репарациях и о межсоюзнических долгах, массивное присутствие американцев и их влияние на работу комитета подтверждали, что, несмотря на несостоявшуюся ратификацию Соединенными Штатами Версальского договора, взаимозависимость между европейской и американской финансовыми системами была уже столь сильной, что диктовала определенные требования.

План, представленный комитетом Дауэса в апреле 1924 г. после длительной и трудной подготовительной работы, явился промежуточным этапом на пути к окончательному урегулированию рассмотренных вопросов. Тем самым он положил начало процессам огромного масштаба. План предусматривал, что Гер-

мания возобновит свои платежи в соответствии с ежегодно возрастающими квотами, которые начинались с миллиарда золотых марок в первый год и достигали 2,5 млрд к пятому году (не считая изменений, связанных с колебаниями цен на золото). Общий объем репараций, подлежащих изъятию из Германии, не уточнялся. Национальный немецкий банк подвергся реорганизации в целях поддержания новой немецкой валюты *Reichsmark*, заменившей *Rentenmark*. В Берлине было создано «Агентство по репарациям», которое должно было осуществлять контроль за получением сумм в счет репараций и вмешиваться в вопросы об отсрочке платежей в случае конъюнктурного кризиса.

Центральный момент компромисса представляло, однако, решение разместить заем в 800 млн золотых марок в различных финансовых столицах Запада под гарантии акций немецких железных дорог («продуктивный залог», как того хотели французы) и ипотечных обязательств, обеспеченных доходами бюджета. Заем должен был размещаться также и на французском и английском рынках, что представлялось не очень легким делом, поскольку он превращался фактически в англо-французское финансирование Германии с тем, чтобы она возвращала его в виде «репараций». Давление американцев и то обстоятельство, что сами они обязались разместить на своем рынке около половины займа, вынудили в итоге обе европейские державы подчиниться. Однако результат отличался от прогнозов. При квоте займа в 110 млн долларов, доверенной банку Моргана и предназначенной для размещения на рынке Соединенных Штатов, была выпущена подписка на сумму в 10 раз превышающую сумму предложенных ценных бумаг. Заем, отмечает Киндельбергер, «стал водоразделом в финансовой деятельности Соединенных Штатов за границей». За ним последовала волна экспорта американского капитала: в Японию, еще до плана Дауэса, затем во Францию, затем в ряд германских промышленных предприятий (таких, как Тиссен и Крупп) и провинциальные немецкие предприятия. Это был поворот, превративший американское финансовое присутствие в доминирующий элемент европейской экономической жизни. Но еще в большей степени, в общеполитическом плане, это был поворот, благодаря которому Европа перестала видеть в экономических последствиях войны наследие, от которого было невозможно избавиться, и стала представлять видеть в будущем перспективу возобновления всеобщего экономического роста.

В августе 1924 г., после обсуждения всеми заинтересованными сторонами, план Дауэса официально вступил в силу. В этой ситуации Рейхсбанк, президентом которого стал Х. Шахт, становился

независимым, хотя и с обязательством минимального покрытия 40% задолженности, на три четверти золотом и остальное — валютой. Это предполагало проведение политики дефляции, которая привлекла капиталы на немецкий рынок и впервые привела к заметному подъему германского промышленного производства.

В более свободной политической обстановке, возникшей вследствие Локарнских соглашений, стабилизация немецкой экономики явилась главным признаком нормализации экономики в европейском регионе, где, наконец (благодаря взятию на себя ответственности американцами) стала осуществимой задача возвращения к стабильности в денежно-финансовой сфере и урегулирования военных долгов. И здесь политический аспект поворота также превалял над экономическим. В самом деле, хотя в краткосрочной перспективе план Дауэса представлял собой крупный успех, а в среднесрочной оказался маргинальным по отношению к большому экономическому кризису, разразившемуся в 1929 г., он свидетельствовал об осознании того, что благосостояние Европы — Европы, рассматриваемой как единое целое, без учета националистического соперничества, продолжавшего наносить ущерб — было необходимо также и для Соединенных Штатов, поскольку система рыночной экономики — это комплекс взаимозависимых отношений, в рамках которого моменты кризиса могут и должны преодолеваться исходя из общего интереса.

Стабилизация Германии открыла путь британской стабилизации. В то же время американское вмешательство оказалось первым сигналом опасности, указывавшим на то, что контроль над мировым финансовым рынком ускользает от Сити (то есть комплекса финансовых институтов, банков, страховых обществ и т.п., расположенного в сердце Лондона) и перемещается в Нью-Йорк. Это было неизбежно в среднесрочном плане, как многие хорошо понимали, и это означало в будущем конец глобального господства Европы.

Однако в 1924–1925 гг. ситуация еще не претерпела таких изменений. Поэтому главенствующее положение Лондона было неизменной целью британской финансовой политики, которую собирались проводить в 1925 г., издав 14 мая *Gold Standard Act*, вновь определявший курс золотого фунта стерлингов на уровне его довоенных значений — 4,86 доллара за фунт. Это был завышенный курс, который привел бы к росту цен на английскую продукцию на международном рынке, если бы он не сопровождался сильным давлением с целью ограничения издержек производства и заработной платы, что было, однако, чревато усилением социальной напряженности. Однако главная причина этого решения была названа канцлером казначейства Уинстоном Черчиллем: «Я пола-

гаю, что было бы грубой ошибкой думать, что если английский фунт стерлингов перестанет быть мерой, которую все знают и которой все доверяют, понятной каждому, служащей для всех единой основой, то все транзакции в Британской империи и во всей Европе могут совершаться не в фунтах, а в долларах». Сохранение превосходства требовало больших жертв, но последние позволяли Великобритании продолжать реализацию глобальной политики.

Французы стабилизировали франк летом—осенью 1926 г. на низком уровне, сознательно заниженном по отношению к международному финансовому рынку, то есть на уровне пятой части своего довоенного паритета, что составляло 124 франка по отношению к фунту стерлингов (3,92 по отношению к доллару). На деле решение, вернувшее франк в число сильных валют, создавало диспропорцию между реальной стоимостью валют. В 1929 г. оно частично защитило Францию от кризиса, но при этом нанесло вред всей валютно-денежной системе в целом.

Менее важным с количественной точки зрения был процесс стабилизации итальянской лиры, проходивший синхронно с теми же процессами в двух крупнейших европейских странах. Стоимость лиры на мировом рынке снизилась вследствие более высокого уровня внутренней инфляции, и, несмотря на наблюдавшийся экономический рост итальянской промышленности, ухудшение положения в валютно-финансовой сфере в послевоенный период продолжалось. Здесь отрицательно сказывалась невыплата немецких и, прежде всего, австрийских репараций, а также бремя долгов Франции, Великобритании и Соединенным Штатам. Давление американцев с целью стабилизации лиры осуществлялось в русле общих ориентаций американской финансовой системы. Они настаивали на урегулировании вопроса о долгах, что и было сделано в конце 1925 — 1926 году. Тем самым был открыт путь для предоставления кредитов банком Моргана, который выпустил заем для стабилизации лиры. Однако совокупность обстоятельств, связанных с положением в промышленности и торговле, привела к растущему давлению на итальянскую валюту начиная с середины 1926 г., что вынудило Муссолини и, в особенности, министра финансов Вольпи радикально вмешаться в этот процесс.

В августе 1926 г. Муссолини произнес в Пезаро речь, в которой придал «битве за лиру» демагогический характер. В действительности речь шла о том, чтобы выдать за общественно значимую меру то, что касалось в первую очередь финансового мира и что впоследствии вылилось в ощутимое снижение заработной платы. Было решено, что котировка лиры не должна опускаться ниже 90 по отношению к фунту стерлингов (в момент речи в Пезаро она составляла 149,13). Цель была достигнута посредством увеличе-

ния уровня учетной ставки до 5% и принудительной конвертации государственного долга в долгосрочные обязательства. Ревальвации такого масштаба и дефляции, необходимой для ее достижения, как замечает Чарльз Майер, не желал никто, кроме Муссолини, но поскольку обменный курс был действительно доведен до 90, то на итальянское правительство не оказывали давление с тем, чтобы оно изменило политическую линию, которая была предвестником жертв, вызванных кризисом 1929 г.

Все это вместе взятое: план Дауэса, возвращение к «золотому стандарту» и финансовая стабилизация, хотя и сопровождалось сохранением ограничительных мер в торговле, распространявшихся практически на все страны мира, что противоречило ориентации Лиги наций на свободу торговли — решающим образом способствовало формированию обстановки оптимизма и надежды, порожденной чисто политическими событиями. С другой стороны, хотя различные аспекты ситуации и излагались здесь по отдельности в целях их лучшего анализа, следует учитывать, что в реальности разнообразные сферы деятельности были всегда тесно связаны и часто зависимы друг от друга.

Нормализация франко-германских отношений, по крайней мере временное решение вопроса о репарациях, вопрос о межсоюзнических долгах, возвращение Соединенных Штатов на европейскую сцену составляли цепь, которую нельзя было разорвать (разве что *a posteriori* или абстрактно), и служили рамкой, внутри которой осуществлялся подъем производства, характеризовавшийся, хотя и не в равной мере, годы с 1924 по 1929. Составной частью этой цепи оставалось осуществление плана Дауэса.

За пять лет его реализации немцы без труда справлялись с возложенными на них растущими платежами. В 1927 г. Лига Наций взяла на себя инициативу новой всеобщей дискуссии по экономическим проблемам и собрала в Женеве всемирную конференцию, посвященную вопросу о протекционизме. Конференция не дала никаких результатов, кроме того, что послужила фоном для выработки проекта договора Бриана–Келлога. Однако она стала свидетельством постоянного внимания к проблемам мировой экономической системы.

1.4.5. ПЛАН ЮНГА И ОКОНЧАНИЕ ВЫПЛАТЫ РЕПАРАЦИЙ

В 1928 г. верховный комиссар по репарациям С. Паркер Джильберт, работавший в Берлине в соответствии с договоренностями, принятыми в рамках плана Дауэса, подчеркнул в своем ежегодном докладе необходимость заново оценить ситуацию,

учитывая, что срок действия плана истекал, и что до сих пор немецкие платежи обеспечивались преимущественно внешними займами, а это ставило вопрос об определении реальной платежеспособности Германии в нормальных условиях. Заинтересованность в наиболее полном решении вопроса была связана также с тем, что французы настаивали на определении общей суммы репараций, которые должны заплатить немцы, в то время как немцы надеялись на уменьшение своих ежегодных платежей и на получение, в конечном счете, политических уступок в отношении все еще осуществлявшегося над ними контроля и пребывания оккупационных войск на их территории.

Именно совпадение этих устремлений облегчило созыв в Париже в феврале 1929 г. комитета экспертов во главе с американцем Юнгом, участвовавшим еще в разработке плана Дауэса. Доклад комитета Юнга обсуждался в августе 1929 г., был принят в январе 1930 г. и вступил в силу в апреле того же года. В политическом плане он предусматривал ликвидацию агентства и комиссии по репарациям; оккупационные войска, все еще находившиеся в Германии, должны были покинуть ее до июня 1930 г., на пять лет раньше предусмотренного Версальским договором срока. В экономическом плане он устанавливал, что в погашение оставшейся части репараций в 109,6 млрд золотых марок немцы должны будут вносить платежи в течение 59 лет (вплоть до 1988 г.). В течение первых 36 лет немцам надлежало выплачивать ежегодно немногим более 2 млрд — треть в виде обязательных платежей, другие две трети — при условии, что не будет трудностей, связанных с выплатой межсоюзнических долгов (это означало первое признание американцами такой взаимозависимости, которую Соединенные Штаты всегда категорически отвергали). Впоследствии платежи должны были снизиться до ежегодных взносов в 1,6–1,7 млрд долларов, соотносимых с продолжением выплаты долгов (пункт, по которому, впрочем, отсутствовало согласие правительства Соединенных Штатов). Для того, чтобы контролировать выполнение договоренностей и сделать технически возможным перевод валюты, был создан Банк международных расчетов, расположенный в Базеле; наконец, с целью запустить механизм новых платежей, был выпущен заем в 300 млрд долларов, разделенный на две части — 200 млрд для стран-кредиторов и 100 — для немцев. Стоит отметить, что план Юнга обсуждался в 1929 г. Брианом и Штреземаном во время их последней встречи. Несколько месяцев спустя, в октябре 1929 г., министр иностранных дел Германии умер, как бы обозначив конец эпохи.

Хотя план Юнга и был задуман весьма хитроумно, он отправлялся в плавание по бурным водам. Англичане согласовали поря-

док выплаты своего долга Соединенным Штатам начиная с 1923 г., а незадолго до одобрения плана Юнга французская палата депутатов ратифицировала соглашение Меллона—Беранже 1926 г., которое теоретически урегулировало выплату французского долга Соединенным Штатам. Казалось бы, взаимосвязь между долгами и репарациями была разорвана. Но на практике события развивались в другом направлении. Экономический кризис тяжело поразили Соединенные Штаты, Германию, Великобританию и, в меньшей степени, Францию. Когда в начале 1930 г. план Юнга вступил в силу, кризис начинал распространяться по всей Европе. Взаимосвязь, отрицавшаяся на бумаге, подтверждалась в действительности. И, следовательно, не оставалось ничего другого, как учитывать новую ситуацию.

В самом деле, когда экономический кризис полностью охватил Германию, немецкий президент Гинденбург попросил Соединенные Штаты о вмешательстве. Американский президент Герберт Гувер положительно ответил на просьбу и высказался в том духе, что платежи как в счет репараций, так и по межсоюзническим долгам могут не осуществляться с 1 июля 1931 г. по 30 июня 1932 г. Своим предложением, которое сразу вступило в действие, Гувер подтвердил типичное для американцев разделение между долгами и репарациями, но в то же время открыл путь для окончания выплат последних. Годичный срок был использован для поиска всеобъемлющего решения. Затем обсуждение темы было продолжено на новой международной конференции, проходившей в Лозанне с 26 июня по 9 июля 1932 г. На ней было решено закрыть тему, положив конец немецким платежам и назначив символическую цифру заключительной выплаты — 3 млрд рейхсмарок, которую следовало осуществить до 1935 г. и которая в действительности никогда не была выплачена. Теоретически открытым оставался только вопрос о долгах Соединенным Штатам. Ни Гувер, ни Рузвельт, впервые избранный президентом в ноябре 1932 г., не хотели соглашаться с их аннулированием. Британская сторона признавала законность своих обязательств в отношении Соединенных Штатов и до тех пор, пока это было возможно, платежи продолжались. Французы в конце 1932 г. решили прервать выплату суммы, причитавшейся с них. Оставалось совсем немного до прихода к власти Гитлера, и этот аспект международной финансовой жизни лишь подтверждал хрупкость нормализации. В конце 1932 г. было отчетливо видно, что она была всего лишь иллюзией, сохранявшейся в течение нескольких лет, и что конфликты, унаследованные от войны, вновь вставали в еще более обостренной форме.

1.5 Урегулирование в Центральной Европе и советская проблема

1.5.1. «СТРАХ» ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ. РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ ПОБЕДИТЕЛЯМИ

Темы, связанные с устройством границы по Рейну, с проблемами франко-германских отношений и безопасности Франции в ее политических и финансовых аспектах, были, конечно, наиболее нашумевшими из тех, что обсуждались в Париже в 1919 г. Однако столь же важной и, конечно, более насыщенной переменными и неизвестными величинами была тема урегулирования в Центральной и Восточной Европе, которой Парижская конференция посвятила серию отдельных договоров — по одному на каждую из стран-союзниц Германии. Доминирующим в комплексе этих проблем был российский кризис, проявившийся сначала в гражданской войне (1919–1920 гг.), а затем — в явном утверждении революционной власти (1920–1922 гг.). Именно успех силы, поставившей в центр своей политической деятельности идею мировой революции, и отклик, вызванный этим призывом в остальной Европе, обусловили восприятие их западными государственным деятелями, которые не обращали должного внимания на трудности самой советской власти и не понимали того, что триумф ленинизма с самого начала — это триумф власти, основанной на силе и на бюрократическом аппарате. Такая власть была, следовательно, вынуждена в первую очередь укреплять себя саму и только в следующую очередь думать о мировой революции. Это означало, что в отсутствие немедленных откликов на события в Москве и Петрограде концепция мировой революции приобретала скорее ценность лишь идеологического инструмента, чем реальной политической перспективы, и превращалась в превентивное оружие для противодействия инициативам, которые могли предпринять капиталистические страны. В самом деле, чего могли ожидать Советы от распространения революции, если не усиления давления на них и возросшего риска проиграть гражданскую войну с коалицией, в которой участвовали бы все европейские страны, объединив побежденных и победителей? Не представлялась реалистичной и гипотеза о расширении революции, поскольку после того, как немногочисленные вспышки были погашены, их результат остался ограничен дискуссиями внутри европейских социалистических партий, в которых с тех пор преобладал дуализм выбора между революцией и реформами. Однако страх (это понятие в данном случае не преувеличено) во-

зобладал над реализмом, и выбор, сделанный в Париже, был в значительной степени отражением этого страха.

Помимо этого общего настроения существовали и радикальные новшества, выдвинутые войной на передний план. Одновременный конец трех многонациональных империй (Австро-Венгерской, Российской и Германской) и смертельный кризис, к которому двигалась Оттоманская империя, делали особенно важным национальный вопрос. Вильсоновский принцип самоопределения привел к исчезновению империи Габсбургов и лежал в основе значительной части других территориальных решений, принятых в Париже, хотя практическое применение самого принципа сразу же натолкнулось на сложность ситуаций, сложившихся на этой территории, породив новые противоречия и новые элементы противостояния.

В Центральной и Дунайско-Балканской Европе история работала настолько основательно, и этнические группы и национальные культуры смешались настолько, что какое бы решение не было принято, какие-то требования остались бы неудовлетворенными и возникли бы новые обстоятельства, способные породить кризис. Таким образом созданная совершенно новая система государств, организованная в соответствии с новыми границами, таила в себе новые угрозы, то есть возникала неустойчивая ситуация, в которой доминировали перспектива нестабильности и страх перемен (или надежда на них). Ревизионистские устремления проявились еще до того, как договоры вступили в силу, и, по крайней мере в одном случае — в Турции, они оказались успешными.

Все это было тесно связано с политикой трех крупнейших европейских держав: Франции, Великобритании и Италии. Франция, постоянный оплот политики по сдерживанию Германии, являлась естественным союзником любого, кто в Восточной Европе и на Балканах мог бы внести вклад в достижение этой цели. До тех пор, пока казалось возможным поражение советской власти, французы надеялись на возрождение их традиционного союзника, хотя это могло возродить и мечту о «великой России», доминировавшей во всей Восточной Европе. Для Франции это было бы гарантией против любой попытки возрождения Германии. Но когда в начале 1920 г. советский режим одержал победу над контрреволюционными силами, ситуация изменилась также и для Франции, и тема безопасности Восточной Европы приобрела новое звучание. Если раньше можно было размышлять о безопасности применительно к возрождению германской угрозы, то теперь необходимо было иметь в виду присутствие советского коммунизма и его способность проникать в остальную часть Европы.

*1.5.2. МАЛЫЕ МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ: ВОЗРОЖДЕНИЕ ПОЛЬШИ,
СОЗДАНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ, ВЫДЕЛЕНИЕ АВСТРИИ
В САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО*

В этой ситуации позиция средних государств, созданных или признанных мирными договорами, становилась совершенно иной, поскольку они должны были выступать оплотом против двух потенциальных угроз: Германии и Советской России. Это было важно, в особенности для Польши, в отношении которой последствия изменения внешних обстоятельств были гораздо более заметны; они могли быть важными, хотя и в меньшей степени, также для Чехословакии. Вместе с тем, Франция могла стать, при определенных обстоятельствах, опорой политики сохранения *status quo* на Балканах, в том случае, если эта политика приобрела бы характер ответа на возобновление давления России или на слишком активное стремление Италии навязать свое господство в Дунайско-Балканском регионе.

Великобритания заняла в этих вопросах сдержанную политическую позицию. Установка на то, чтобы наблюдать за Европой извне и использовать возникающие на континенте противоречия в своих интересах, как это было возможно до 1914 г., не позволяла англичанам понять, что рейнский конфликт был уже исторически решен и стал бы вновь актуальным только в случае всеобщего военного конфликта. Эта позиция мешала им также понять и то, что причины для возникновения новой войны вытекали из потенциальной нестабильности на территории, расположенной к юго-востоку от Германии. Правда, англичане не скрывали своей неудовлетворенности тем, как решались проблемы (в особенности, касающиеся Польши), но эта неудовлетворенность сопровождалась явным отказом от обязательств относительно практических инициатив, которые следовало предпринять для предупреждения рисков, связанных с нестабильностью. И если сначала последствия этого отказа не были очевидными, то всего через несколько лет Локарнские соглашения выявили наличие такой проблемы. Именно в такой обстановке принимались все решения, касавшиеся Центральной и Южной Европы. Место трех «определенностей» (какими бы подавляющими они ни были) заняла всеобщая неопределенность, целый комплекс проблем, требовавших немедленного решения или изменения ранее принятых решений.

С точки зрения территориальной решения, принятые в Париже и непосредственно относившиеся к Германии, касались возрождения Польши, создания Чехословакии и сохранения независимой Австрии, сокращенной, однако, до минимальных территориальных

размеров. Решения, напрямую не затрагивавшие Германию, касались рождения сербо-хорвато-словенского государства (позднее — Югославия); создания независимой Венгрии; создания, фактически заново Румынии, поскольку с точки зрения территории она расширилась почти вдвое против своих прежних размеров; признания независимости Албании; уменьшения размеров Болгарии; увеличения греческой и итальянской территорий.

Оттоманская империя уже в течение нескольких десятилетий не являлась с территориальной точки зрения проблемой для Европы. В результате балканских войн 1912–1913 гг. она была почти полностью вытеснена с континента. Однако вопрос проливов непосредственно касался европейских стратегических интересов, и о судьбе Оттоманской империи велись наиболее дискутируемые дипломатией переговоры в период войны. Судьба, которую предназначали ей союзники (то есть стремление довести ее до состояния государства-призрака), пришла, однако, в столкновение с первым послевоенным подъемом антиколониального движения.

Каждое из таких урегулирований создавало новые проблемы.

Сен-Жерменский мирный договор (10 сентября 1919 г.), касавшийся устройства территорий, ранее принадлежавших Австро-Венгерской империи, как и Версальский договор, открыли путь к возрождению Польши. Хотя решение об этом было определенным и исправляло одну из величайших несправедливостей, совершенных династической дипломатией в конце XVIII века, границы, в которых должно было осуществляться такое решение, были гораздо менее определенными. Польша рождалась, получив австрийскую Галицию, Померанию и часть Силезии. Ее восточная граница оставалась неопределенной, в то время как южная граница была достаточно четко определена благодаря географическому положению — ее расположению по хребту карпатской гряды — все другие границы являлись предметом для обсуждения. Как можно было сочетать восстановление исторической справедливости с принципом самоопределения на землях, где присутствие многих этнических групп сделало ситуацию трудно разрешимой? Это касалось как Силезии, так и Померании, а также границы с Россией, Белоруссией и Украиной. Кроме того, вставал вопрос выхода к морю. Можно ли было возродить великое польское государство, не предусмотрев, чтобы оно имело выход к Балтийскому морю? Но где? Достаточно перечислить эти проблемы для того, чтобы понять, как в каждой из них присутствовали причины для противоречий с побежденными немцами, с австрийцами, также побежденными, и с русскими, в каком бы то ни было качестве — побежденных или революционеров. Решение

относительно Верхней Силезии было доверено плебисциту (он состоялся в 1921 г. и предоставил объективные данные, если так можно выразиться, для определения границы в соответствии с преобладанием тех или иных этнических групп). Относительно Померании решение было принято державами Антанты. Германскую территорию разрезали для выделения «коридора», который обеспечил бы Польше выход к морю. Польше предоставлялся также порт города Данциг (сейчас — Гданьск), получивший статус свободного города под контролем Лиги Наций. Таким образом, с созданием Восточной Пруссии, отрезанной от остальной Германии новыми польскими территориями, Германия утрачивала свою территориальную целостность.

Еще более сложным был вопрос о восточной границе, неразрывно связанный с действиями советского правительства. Оно уже отказалось от польских территорий (так же как и от территорий Финляндии, Латвии, Эстонии и Литвы) по Брест-Литовскому договору 3 марта 1918 г., положившему конец войне с имперской Германией, являвшейся в тот момент победительницей на восточном фронте. Поражение Германии позволило создать Польское государство, во главе которого встал маршал Юзеф Пилсудский, президент республики и главнокомандующий армии. Эта армия бесстрастно наблюдала за ходом гражданской войны в ожидании того, что ситуация позволит заинтересованным сторонам решить проблему границы с революционной Россией. Пилсудский ошибочно верил в прочность независимости Украины, санкционированной в Брест-Литовске. В самом деле, это дало бы независимым полякам серьезную поддержку в сопротивлении русским. Однако, когда успехи революционных сил продемонстрировали, что эта вера была плохо обоснована и что Красная армия приближается к польской территории, Пилсудский перешел в наступление и в период с апреля по август 1919 г. сумел отвоевать территорию, уже захваченную Советами, и дойти до Белоруссии.

Успех так вдохновил его, что в последующие месяцы и, в частности, в ноябре 1919 — январе 1920 г. он отверг советы Ллойда Джорджа о том, что надо искать компромиссное решение с силами русской революции. Напротив, весной 1920 г. он вступил в союз с украинским лидером Симоном Петлюрой, укрывшимся в Польше, с целью ведения совместной борьбы с Красной армией. Наступление имело большой успех и довело поляков до Киева, однако молниеносная реакция Советов драматическим образом опрокинула ситуацию. Появилась опасность того, что революция, не вспыхнувшая спонтанно, будет впервые экспортирована совет-

ской армией, которая в июне—августе 1920 г. вернула себе всю утраченную территорию и стала даже угрожать Варшаве. В условиях обострения ситуации Ллойд Джордж вновь предложил свое посредничество, однако и на этот раз предложение было опровергнуто молниеносным польским контрнаступлением (определенную помощь ему оказали французские военные), в результате которого в августе 1920 г. Советам было нанесено сокрушительное поражение и они были вынуждены поспешно отступить.

Пилсудский согласился вести переговоры с позиции силы. Поэтому сформулированное англичанами предложение о пограничной линии, соответствовавшей в общих чертах старой восточной границе Варшавского герцогства (известной как линия Керзона, по имени британского министра иностранных дел) не было тогда воспринято серьезно. После поражения Красной армии и в преддверии зимы возобладала потребность в заключении мира. Советы согласились в октябре на перемирие, оставлявшее им значительную часть Украины (которую они потеряли по Брест-Литовскому договору), но уступали Польше обширные территории, населенные украинцами и белорусами, вдоль пограничной линии, сохранившейся до Второй мировой войны (перемирие превратилось в окончательное соглашение в результате Рижского договора 18 марта 1921 г.). Таким образом создавалось крупное государство, опирающееся на сильное национальное чувство, на стремление вновь добиться былого величия, и возглавляемое такой сильной личностью, как Пилсудский, который в своей политической деятельности руководствовался авторитарно-консервативными моделями. В определенном смысле — прекрасный оплот против Советов. Однако оставались открытыми все проблемы противоречий с Германией и некоторые проблемы противоречий с Литвой (по поводу обладания городом Вильнюсом) и с Чехословакией (по поводу судьбы территории Тешинской Силезии).

На юго-восточной границе Германии, на развалинах Габсбургской империи, возникла Чехословакия. Богемский национализм был вознагражден за свою многолетнюю деятельность и за активность, проявленную во время войны. Это движение, возглавлявшееся Эдуардом Бенешем (чехом), Томашем Масариком (чехом, но словаком по матери) и словаком Миланом Штефаником, пережило значительный подъем в последний год войны, когда ему удалось убедить крупнейшие державы в необходимости разрушить империю Габсбургов и открыть путь формированию национальных правительств.

В действительности то образование, о котором было заявлено в конце октября 1918 г. и которое создало в сентябре этого года

временное правительство, не было национальным государством в полном смысле этого слова. Богемия и Моравия, имевшие глубокие культурные традиции и высокий уровень промышленного развития, объединялись со Словакией, тогда еще по преимуществу сельскохозяйственной и находившейся под властью католического духовенства. В основе объединения лежало обязательство признать автономию Словакии, которое чехи впоследствии не очень-то соблюдали и которое оказалось причиной вечных конфликтов между двумя сообществами. Кроме того, угрозой гомогенности нового государства было то обстоятельство, что оно включило в себя все территории Судетской области, населенные немцами и прежде относившиеся к Габсбургской империи. Это была еще одна причина потенциальной нестабильности, которую не учли страстные разрушители Австро-Венгерской империи. Впрочем, Бенеш и Масарик пользовались большим авторитетом и это позволило им сразу же выступить на международной сцене в качестве представителей нового порядка, сложившегося в Европе, и в качестве гарантов территориального барьера, отделявшего Германию от ее балканских соседей.

Новые границы Германии на юге в основном повторяли старые; здесь не было территориальных изменений, как на рубежах с Австрией. Рождение Австрийской республики было самым заметным знаком разрыва с прошлым. Создание этого маленького государства с населением немногим более 6,5 млн человек, четверть из которых была сосредоточена в его столице — Вене (возникшей как центр империи, чья территория была в четыре раза больше маленькой республики, создаваемой победителями), служило символом разрушения старой системы. Австрия также считалась побежденным государством, подлежащим разоружению и выплате репараций, и, прежде всего, подчиненным важнейшему политическому условию — запрету объединяться с Германией, установленному как Версальским, так и Сен-Жерменским договором.

Из всех «творений» победителей в 1919–1920 гг. создание Австрийской республики было, вероятно, самым необоснованным и чреватым потенциальными негативными последствиями: создавалось государство, жизнеспособности которого никто не мог дать реалистическую оценку. Более того, многие были настолько убеждены в невозможности его выживания, что считали единственной серьезной альтернативой присоединение Австрии к Германии. Однако это договоры предусмотрительно запрещали. В международном плане Австрия оказывалась окруженной потенциальными врагами: чехословаками, только что освободившимися от габсбургского господства, югославами, сделавшими то же самое. Что ка-

сается итальянцев, то вызванная лишь стратегическими соображениями уступка Италии Альто-Адидже (Южного Тироля), населенного в подавляющем большинстве австрийцами, создавала повод для постоянных разногласий, что не могло не привести ни к чему другому, как подтолкнуть австрийцев к поиску поддержки именно у Германии.

Тема приобретает еще большее значение, если считать, что маленькая Австрийская республика представляла собой (конечно, помимо воли тех, кто принимал касавшиеся ее решения) один из важных элементов всей системы нового равновесия, которую выстраивали (или пытались выстроить) мирные договоры. Действительно, независимая (от Германии или, парадоксальным образом, от Италии) Австрия была пунктом, где пересекались все возможные ревизионистские тенденции, возникшие в результате Парижских договоров. Ее независимость гарантировала Италии защиту от чрезмерного германского давления на границу в районе Бреннера, а Балканский полуостров — от возобновления сильного политического, торгового, финансового давления, которое Германия оказывала на него до 1914 г. То же самое относилось и к Франции, и к Великобритании. Впрочем, не имея общих с Австрией границ, эти страны были менее чувствительны к возникшей деликатной теме. Кроме того, неизбежно напрашивался прогноз (как это показало письмо Штреземана бывшему кронпринцу Германии спустя несколько лет), что как только Германия вернет себе определенную свободу действий, она обратит свой взор на Австрию, с которой она была связана узами языка, культуры, старых союзов. И все-таки, несмотря на все это, столь важная геополитическая роль была отведена хрупкому государству, экономически потрясенному поражением, деморализованному, неустойчивому. Что это было? Шедевр непредусмотрительности, последствий которого кое-кому следовало опасаться. Но кому? Парадоксальным было и то, что все державы-победительницы и, в особенности, Франция и Италия, перекладывали друг на друга эту задачу, что в итоге открыло в 1938 г. путь гитлеровскому ревизионизму.

1.6. Хрупкость нового порядка в Дунайско-Балканском регионе

1.6.1. СОЗДАНИЕ ЮГОСЛАВИИ

Если исходить из концепции, что главной причиной конфликта было стремление пресечь гегемонизм Германской империи, то урегулирование проблем Балканского полуострова нельзя

связывать напрямую с противоречиями, вызвавшими войну. Однако правда и то, что война была зажжена балканской искрой, то есть столкновением сербского национализма с империей Габсбургов. Идея «великой Сербии» или независимого государства для всех южных славян (словенцев, хорватов, сербов и черногорцев) долгое время присутствовала в европейской жизни XIX и первых лет XX веков. В отличие от проблем, касавшихся Германии, являвшихся настолько очевидными, что они не требовали комментариев, сербский национализм распространялся на регион, слишком насыщенный противоречиями и контрастами, и бросал вызов откровенными амбициями существующей реальности. Сербы — естественные союзники царской России — их интересы зависели от успехов этой страны, как их надежной защитницы, способной противостоять упорной враждебности Габсбургской империи и, в частности, Венгрии.

К тому же сербы должны были считаться с другой реальностью или тем, что от нее осталось: Османской империей, то есть государствами, занявшими ее место. Если отношения с болгарами вплоть до Второй балканской войны, показавшей связь Болгарии с Германией, были традиционно хорошими, то отношения с Румынией на севере, с Албанией на юго-западе и с Грецией на юге были далеки от стабильности, и интересы сербов лишь эпизодически совпадали с интересами этих стран.

В отношении происшедших радикальных изменений позицию Сербии (какой бы она ни была — маленькой или великой) предстояло еще выработать во всех ее аспектах. Тем более что к уже названным субъектам, действовавшим на довоенной политической сцене, следует добавить Италию, с ее надеждами на достижение территориальной целостности Истрии. Волновало ее и положение в регионах со смешанным населением, таких, как Далмация, где стратегические цели преобладали над демографическими обоснованиями, и Фиуме, где демографические соображения были принесены в жертву чужим стратегическим интересам. Когда Италия вела переговоры о заключении Лондонского договора 1915 г. (26 апреля 1915 г.), устанавливавшего условия ее вступления в войну, она добилась обещания границы на Бреннере, территорий Истрии и Далмации до мыса Планка, но она не требовала Фиуме, исходя из предпосылки, что это был необходимый выход к морю для Австро-Венгерской империи в ситуации, когда ее лишили Триеста.

Восстановить территориальное равновесие на полуострове, являвшемся первым театром военных действий, где проявлялось столько объективных противоречий, лишь внешне казалось более легким с окончанием войны, сопровождавшимся распадом Австро-

Венгерской империи и поражением Османской империи. Балканский полуостров оставался, в определенном смысле, «чистым листом» (за исключением обязательств, взятых в отношении Италии), в отношении которого были возможны различные варианты урегулирования. Однако на заднем плане вырисовывалась совсем не второстепенная проблема: кто будет осуществлять ту геополитическую роль, которую история доверила империи Габсбургов? Достаточно ли было положиться на национальный принцип в качестве регулирующего элемента нового балканского порядка? Можно ли было использовать на Балканах национальный принцип? Габсбургская империя в условиях нарастающего ослабления Османской империи занимала в геополитическом плане промежуточное положение — это касалось и проникновения Германии и устремлений России — выполняя таким образом функцию сдерживания и поддержания равновесия в регионе, подверженном частым импульсам к переменам. Кроме того, она регулировала в институциональном плане (хотя и не идеальным образом из-за враждебного отношения Венгрии к новым институциональным изменениям 1867 г.¹) сосуществование разных национальностей, предотвращая взрыв разрушительных конфликтов. Империя дорого заплатила за эту свою роль, поскольку была разрушена центробежными импульсами, исходившими от разных национальностей. Вместо многонациональной империи создавалось множество новых государств, каждое из которых претендовало на то, чтобы быть выражением национального принципа. Однако в случае с Чехословакией это было, конечно, не так. То же самое можно сказать и о Югославии.

Представители этнических групп южных славян договорились (провозгласив Корфскую декларацию 20 июля 1917 г.) о создании независимого государства, чья этническая структура характеризовалась присутствием по крайней мере трех крупных национальных групп (сербов, хорватов и словенцев), а также черногорцев, македонцев, албанцев, венгров и итальянцев, придававших временный характер новому государству, устойчивость которого могла поддерживаться только извне. В равной степени Румыния, побежденная австрийцами и немцами на поле боя и принужденная к заключению унижительного мира 7 мая 1918 г., моментально воспользовалась распадом Габсбургской империи и кризисом России для присоединения всей Трансильвании, населенной в значительной мере венграми и немцами, Бессарабии и Буковины,

¹ В 1867 г. Австрийская империя была преобразована в двуединую (дуалистическую) Австро-Венгерскую монархию. — *Прим. редакции.*

отторгнутых от Украины, и Южной Добруджи, отторгнутой от Болгарии. Таким образом рождалось другое многонациональное государство, создавая ситуацию по меньшей мере парадоксальную: только побежденные страны становились этнически однородными. Это Венгрия и Болгария (чья судьба была определена соответственно Трианонским — 4 июня 1920 г. — и Нейским — 27 ноября 1919 г. — договорами), конечно, не испытывавшие внутренних противоречий, однако, разьедавшиеся изнутри горечью поражения и стремлением к реваншу.

Если ситуация с Грецией и Албанией, связанными с судьбой Оттоманской империи, требует отдельного разговора, то для того, чтобы охарактеризовать балканскую систему, остается прояснить новую роль, которую играла на полуострове единственная великая держава, непосредственно граничащая с полуостровом или обращенная к нему, а именно — Италия. Лондонский договор, текст которого в послевоенный период был уже известен, предусматривал урегулирование вопроса о границе, не учитывавшее национальный принцип в отношении Словении, а также в отношении Фиуме, хотя большинство его населения составляли тогда итальянцы.

В 1915 г. итальянцы не выдвигали требование относительно этого города, предполагая, что сохранится Габсбургская империя. Когда это предположение отпало, националистические импульсы внутри Италии побудили итальянских делегатов на Парижской конференции потребовать, чтобы, кроме территорий, предусмотренных Лондонским договором, Италия получила бы также Фиуме. Вильсон, не подписавший Лондонский договор, выступил против как передачи Италии всей Истрии и Далмации, так и против передачи ей Фиуме. Возникшее в результате острое столкновение обусловило неспособность держав в конечном счете решить вопрос о восточной границе Италии. Сен-Жерменский договор, передававший Италии Триест и Истрию, но не Далмацию, отложил решение вопроса о границе до прямых переговоров между двумя заинтересованными сторонами.

Эти переговоры состоялись год спустя, при совсем иных обстоятельствах, и по Рапальскому договору 12 ноября 1920 г. устанавливалось, что Италия получает всю Истрию, до Монте Невозо, а также город Зара в Далмации; город Фиуме превращается в свободный порт под эгидой Лиги Наций. Это было временное решение, с учетом диспропорции в соотношении сил и напористости, с какой итальянские националисты поставили вопрос о Фиуме, где группа волонтеров во главе с поэтом Габриэле Д'Аннунцио, захва-

тившая его в сентябре 1919 г., установила автономное «управление» в качестве предпосылки для дальнейшей аннексии его Италией, и откуда их требовалось выдворять силой, когда итальянское правительство захотело выполнить условия Рапалльского договора. Однако неустойчивость урегулирования с Фиуме делала ситуацию нестабильной. В Югославии были гораздо более серьезные внутренние проблемы и она не могла позволить себе иметь открытую рану на границе с Италией. Вопрос решился окончательно (на тот момент) с заключением Римского договора 24 января 1924 г., в соответствии с которым «свободное государство» Фиуме было разделено между Италией, получившей Фиуме, и Югославией, получившей бухту Сусак. В будущем конвенция должна была соответственно урегулировать экономические вопросы.

Так же, как и в отношении германской проблемы, победители выработали ряд противоречивых решений, не способных удовлетворить основные заинтересованные в данном случае стороны, возможно, за исключением Польши и Чехословакии. На Балканском полуострове победители заменили довоенный порядок системой отношений, которая непомерно преувеличивала роль Югославии и Румынии, не способных к самостоятельной консолидации и кроме того принесенные в жертву этому новому устройству государства были преисполнены обидами.

Разумеется, такое урегулирование разрушало военный союз, поскольку им была очень недовольна Италия, одна из двух держав, которая могла бы вместе с Францией способствовать большей стабильности нового устройства на Балканах. Но именно вследствие разногласий по поводу Адриатики и той враждебности или безразличия, с какими рассматривались претензии Италии во время Парижской конференции, она оказалась в лагере недовольных и потенциальных ревизионистов. Более того, ее подтолкнули к тому, чтобы она проводила на Балканах собственную политику, не учитывая французские интересы и часто, напротив, вступая с ними в противоречие. Компромисс 1920 г., который не признавал за ней все то, что гарантировал Лондонский договор, способствовал нарастанию волны национализма, приведшей к власти фашизм. Муссолини впоследствии превратил ревизионизм в одно из знамен своей внешней политики. Так вырисовался еще один элемент нестабильности в регионе, который нуждался как раз в противоположном для достижения подлинного мира. Напротив, неудовлетворенность и разногласия, посеянные авторами договоров 1919–1920 гг., привели лишь к созданию ситуации постоянного потенциального конфликта.

1.7. Нормализация дипломатических отношений с СССР

1.7.1. ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ ПРИЗНАНИЕ

В 1922 г. все европейские правительства осознали, что попытка воспрепятствовать созданию коммунистического и советского государства вместо царской империи провалилась. Это был тезис, отстаиваемый Ллойд Джорджем, вписывавшим его в свой проект, направленный на пересмотр важнейших проблем, оставшихся в наследство от мирных договоров. Результатом его воздействия было приглашение Советам прислать своего представителя (министра иностранных дел Чичерина) на Генуэзскую конференцию в мае 1922 г.

Советы также стали бо2льшими реалистами, а именно — отказались от немедленного осуществления проекта мировой революции. Тяжелая болезнь, которая поразила Ленина в мае 1922 г. и привела к его смерти в январе 1924 г., положила начало жесткому соперничеству за его наследство. Сталин, избранный Генеральным секретарем ЦК РКП(б) в 1922 г., используя личное и политическое соперничество, взял верх над представителями других партийных фракций. Он отстранил от власти (а в последующие годы и уничтожил физически) таких людей, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин. С самого начала Сталин был среди сторонников НЭП (новая экономическая политика). НЭП состояла по существу в замене принципа принудительного изъятия сельскохозяйственной продукции на налог, оставлявший крестьянам часть произведенного, которую они могли бы реализовывать, восстанавливая сельскохозяйственный «рынок». Однако, руководствуясь прежде всего мощными националистическими импульсами, Сталин стал свертывать эту политику уже с 1924 г., когда его влияние становилось преобладающим. Сталин отстаивал и осуществлял концепцию о возможности осуществить социальную революцию в одной стране, СССР. При этом под социальной революцией понималось преобразование советской экономической системы в строго плановую экономику, в соответствии с последующими пятилетними планами и ставящую своей целью быструю индустриализацию, которая изменила бы состав национального производства и уменьшила экономическое и политическое влияние крестьянского мира (в особенности, это касалось мелких собственников, которых Сталин считал неминуемыми врагами революции, подлежащих уничтожению как класса).

Начавшиеся перемены сделали возможным возобновление отношений с остальным миром. Сталин утверждал, что «победа социализма в одной стране, даже если эта страна менее развита в капиталистическом отношении, а капитализм продолжает существовать в других странах, хотя и более развитых в капиталистическом отношении, совершенно возможна и вероятна». Следовательно, налицо была также и гарантия приведения идеологии в соответствие с нормализацией международных отношений. В этом процессе участвовали без всякого предубеждения все европейские страны. Они увидели в новой экономической системе Советского Союза потенциальное поле для экспорта товаров, капиталов и технологий, то есть считали еще возможным воссоздать систему традиционных связей мирового рынка с огромной геополитической зоной, от которой остальная часть мира была отделена лишь на очень короткий период, но которая теперь могла вновь занять свое место среди взаимозависимых наций.

Некоторое время спустя западный мир осознал, что он исходил из глубоко ошибочной трактовки того способа, каким Сталин собирался трансформировать советскую экономику из отсталой и развивающейся в экономику, способную сделать очень быстрый рывок вперед к индустриализации. Однако в течение весьма недолгого времени, когда такая иллюзия еще сохранялась, европейские державы устроили настоящее соревнование с целью присоединиться к Германии и стать странами, имеющими нормальные дипломатические отношения и, если возможно, торговые договоры с советским режимом. Состязание выиграли английские лейбористы, которые признали *de jure* советское правительство 2 февраля 1924 г.; несколько дней спустя за ними последовала фашистская Италия, заявившая о своем признании 7 февраля. Затем, в 1924–1925 гг., последовали в порядке очередности Норвегия, Австрия, Греция, Швеция, Дания, Мексика, Венгрия, Франция, Япония. Советский Союз вновь вошел, таким образом, в мировое сообщество, хотя и заняв в нем обособленную позицию: он не вступил в Лигу Наций и не получил признание Соединенных Штатов, состоявшееся только в 1933 г. после избрания президентом Франклина Д. Рузвельта.

1.7.2. ОГРАНИЧЕННАЯ НОРМАЛИЗАЦИЯ

Пределы этих формальных изменений не замедлили проявиться, поскольку на деле они были вызваны соображениями целесообразности и не учитывали реальной ситуации. С одной стороны, идея о том, что империалистические страны стремились

использовать каждый удобный случай для возобновления наступления против СССР, имела глубокие корни в менталитете Сталина (и осталась в нем вплоть до его смерти). С другой, — иллюзии относительно того, что признание приведет к изменению методов советской дипломатии, или к отказу от связей с мировым коммунистическим движением, оказались необоснованными. Таким образом, за кратким периодом нормализации последовал период кризиса, в течение которого Советский Союз остался почти полностью оттеснен от большой мировой политики и от европейских споров, и всю свою энергию направил на выполнение первого пятилетнего плана (1928—1932 гг.).

Первым симптомом кризиса были Локарнские соглашения, которые Советы по двум причинам рассматривали как дипломатическое соглашение, потенциально направленное против них. Во-первых, никто не попытался вовлечь СССР в систему разрабатывавшихся соглашений, что означало признание бесполезности или даже опасности присоединения московского правительства к соглашению, которое изменило не только международное положение Германии, но и положение Советского Союза. Во-вторых, статьи Локарнских соглашений были явно несбалансированными (и это было общеизвестно) в том, что касалось устройства Восточной Европы. За этим могло скрываться намерение, которое в последующие годы не раз становилось главным мотивом советской внешней политики, — придать немецкому ревизионизму заданное направление. Это было, по всей видимости, маловероятно в 1925 г., поскольку предполагало отказ Франции от ее позиций в Восточной Европе, шаг, который парижское правительство еще не было готово совершить. Но это могло показаться возможным тем, кто с подозрением рассматривал всякую капиталистическую инициативу в Европе.

Другие признаки кризиса проявились затем в 1926 г., когда франко-румынское соглашение нанесло первый удар по советским надеждам воспрепятствовать окончательной аннексии Бессарабии Румынией. Через некоторое время итало-румынское соглашение стало последним актом, необходимым для введения в действие протокола 1920 г. об аннексии Бессарабии Румынией¹. Итало-советские отношения также вступили в фазу кризиса (между тем, однако, СССР и Германия подтвердили свою дружбу договором 24 апреля 1926 г., уравновесившим Локарнские соглашения). Еще более тяжелой была серия инцидентов, приведшая к разрыву дипломатических отношений между Москвой и Лондоном.

¹ 28 октября 1920 г. Парижским протоколом Англия, Франция, Италия и Япония признали захват Бессарабии Румынией. — *Прим. редакции.*

Британские коммунисты имели тесные связи с Коминтерном и в 1925 г. создали Англо-русский комитет единства, который должен был служить центром притяжения для движения трудящихся по всей Европе. В мае 1926 г. британские тред-юнионы, возглавляемые профсоюзом горняков, провозгласили всеобщую забастовку. Замешательство и угрозы правительственных репрессий, последовавших за объявлением забастовки, вынудили тред-юнионы после восьми дней борьбы аннулировать свое решение. Однако коммунисты, связанные с Коминтерном, истолковали забастовку как предвестник неминуемого великого революционного взрыва. Стачка шахтеров не была прервана и продолжалась более шести месяцев, усилив в результате решимость правительства Болдуина принять меры, ограничивающие право на забастовку.

В плане международных отношений это спровоцировало дипломатическое столкновение, приведшее почти на грань разрыва отношений с СССР, обвиненного во вмешательстве в британскую внутреннюю жизнь в нарушение обязательств, принятых еще в 1921 г., когда двумя странами было подписано первое торговое соглашение. Впрочем, разрыв был лишь отсрочен и состоялся в следующем году, когда британская полиция обыскала помещение советской торговой миссии в поисках документов, способных доказать причастность Советов к профсоюзным волнениям. Хотя обыск и оказался безрезультатным, он, однако, стал предлогом для разрыва дипломатических отношений между двумя странами. А это, наряду с другими моментами, приведшими к дипломатической изоляции Советского Союза, способствовало возникновению в Москве ощущения, что новое наступление «империалистов» неизбежно. Это ощущение усиливалась также кризисом отношений с Германией, вызванным арестом некоторых немецких специалистов, работавших в СССР. Вероятно, Сталин хотел создать атмосферу «осажденной крепости» для того, чтобы было легче осуществлять политическое давление, которое сопровождало выполнение первого пятилетнего плана. Но это была атмосфера, ставившая под сомнение форму, если не само содержание, нормализации.

В самом деле, в действительности кризис обозначил этап возврата назад в самой советской политической линии в большей степени, чем возобновление фронтального столкновения. Это был уже факт прошлого. Советская политика, хотя и представляла исключение с точки зрения критериев и подходов к проблемам европейского переустройства, вновь превратилась в эти годы в почти нормальный элемент дипломатических отношений между государствами. По отношению к наследию Первой мировой войны —

хотя соглашения с Турцией в 1921 г. и с Германией в 1922 г. и в 1926 г. продемонстрировали намерение использовать «противоречия» капиталистической системы к собственной выгоде — советский метод (который сам Ленин рассматривал как концептуальный момент, лежавший в основе Рапалльского договора) был ничем иным, как повторением наиболее проверенной тактики традиционной дипломатии.

1.8. Ситуация в Дунайско-Балканском регионе между стабилизацией и ревизионизмом

1.8.1. ПРЕДЕЛЫ ЛОКАРНО

Франко-германское примирение, обозначенное Локарнскими соглашениями, представлялось поворотным и умиротворяющим моментом в европейской международной жизни. В месяцы, предшествовавшие заключению соглашений, и в последовавшие за ними годы, вплоть до 1929 г. (смерть Штресемана и начало «Великой депрессии») казалось, что восстановилась нормальная атмосфера и началась новая эра мира, отмеченная «духом Локарно». После того, как взаимная резкая критика Франции и Германии, веками определявшая развитие международных отношений в Европе и провоцировавшая последствия для всего мира, завершилась достойным компромиссом, можно было предположить, что на основе этого духа умиротворения могут быть решены все другие существующие конфликты.

В действительности Локарнский компромисс был важным, хотя и ограниченным. За пределами и внутри Европы возникали новые конфликтные ситуации, которые даже отдаленно не были связаны с развитием франко-германских отношений. На всех континентах происходили изменения, в то время не улавливаемые или малозаметные, но серьезно подрывавшие идею о том, что мир может строиться вокруг франко-германского компромисса и дополнений к нему.

Учитывая эту ограниченность, не следует, однако, недооценивать тот факт, что между двумя мировыми войнами этап после Локарно был действительно уникальным периодом, когда иллюзия мира, казалось, трансформировалась в близкую и легко достижимую реальность. Основные участники международной жизни не отдавали себе отчет в том, что именно решения, с которыми они связывали эту иллюзию, подготавливали изменения в противоположном направлении, а именно, в направлении создания новых центров силы или конфликтов вне Европы, способных подорвать надежду на восстановление гегемонии.

В такой контекст вписывалась сеть соглашений, которые теоретически могли бы сформировать основу для рождения новой континентальной гегемонии Франции. В самом деле, правящие круги Великобритании, как бы удовлетвоваввшись дипломатическими успехами, подтвержденными Локарнскими соглашениями, после 1925 г. едва интересовались европейскими противоречиями, за исключением случаев, когда требовалось непосредственное присутствие Великобритании, и, поглощенные колониальными и имперскими проблемами (преобразованием Империи в Содружество), предпочли путь, близкий к изоляционизму. Следовательно, именно на плечи французов и итальянцев преимущественно выпала задача дополнить установление мирных договоров, сделав заслуживающими доверия разрозненные и противоречивые решения. Оба правительства действовали в полном согласии по крайней мере до конца 1923 г., несмотря на некоторые колебания, вызванные внутренней нестабильностью в обеих странах, и несмотря на приход Муссолини к власти в октябре 1922 г. Лишь в 1924 г. после победы на выборах левого блока во Франции, то есть откровенно антифашистской коалиции, Муссолини изменил свой курс и превратился, по крайней мере, до 1929–1930 гг. в усердного соучастника и инструмент политики, которую стремились навязать ему англичане с целью осуществления своей тактики отстраненности.

Регионом, по отношению к которому обе державы должны были определить свою линию, были Центральная Европа и Балканский полуостров. В обоих секторах деятельность французов, по крайней мере вплоть до 1922 г. была гораздо более динамична и, после преодоления некоторых краткосрочных сомнений, однозначна. Для Франции обязательным мерилom являлась Польша, поскольку она служила сдерживанию Германии и препятствовала непосредственному давлению Советского Союза на Центральную Европу. Сильная Польша была противовесом в отношении сначала гипотезы, а затем и реальности германско-советского сотрудничества. Единственным ограничителем такой позиции оставалось стремление не предоставлять излишней свободы действий крайнему национализму новых польских руководителей во главе с амбициозным Пилсудским. Это не помешало парижскому правительству подписать 19 февраля 1921 г. договор о союзе с Польшей, дополненный двумя днями позже секретным соглашением о военных консультациях. Оба соглашения были задуманы с целью защитить Польшу от опасности нападения на двух фронтах для того, чтобы заложить основы францужско-польского соглашения, которое Париж ошибочно считал вечным.

Вместе с тем, но в менее срочном порядке, 25 января 1924 г. был заключен договор о союзе с Чехословакией, который также сопровождался секретными военными статьями, содержащимися в письмах, которыми обменялись стороны и дополнявшими взаимные обязательства по региональным консультациям и сотрудничеству. Военное содержание обоих договоров было отчасти выхолащено Локарнскими соглашениями, то есть новыми договорами, подписанными 16 октября 1923 г. между Францией, с одной стороны, и Польшей и Чехословакией, с другой. Последние заменяли автоматические действия сторон на основе союзов 1921 г. и 1924 г. обязательством проводить предварительные консультации с Лигой Наций и политическими условиями, которые признавала Франция, соглашаясь на гарантирование Великобританией и Италией Рейнского пакта.

Более сложной была, однако, картина в Дунайско-Балканском регионе, поскольку там ситуация оказалась гораздо более нестабильной, и внутри самого французского правительства существовали заметные разногласия по данному вопросу. Наибольшее количество неизвестных таила в себе обстановка в Венгрии и именно это стало отправной точкой для последующего выбора. В самом деле, в Венгрии в ноябре 1918 г. было создано республиканское правительство, в котором доминировали консервативные партии. После провала коммунистического эксперимента Бела Куна французы сочли возможным прибегнуть к такой сильной и внушающей доверие власти, как власть представителя династии Габсбургов. Для этого они поддержали попытку возвращения на трон экс-императора Карла, в 1917 г. унаследовавшего титул от умершего Франца Иосифа и вынужденного затем покинуть собственную страну.

Сложилась очень непростая ситуация, поскольку контрреволюционные силы уничтожили республику и объявили о введении в Венгрии монархического режима, провозгласив регентом адмирала Миклоша Хорти. Это регентство (которое планировалось как временное, но продлилось, напротив, вплоть до Второй мировой войны) теоретически должно было предшествовать реставрации монархии Габсбургов. В течение некоторого времени это была карта, на которую ставили французы, действуя в том числе и в антикоммунистических целях, когда в марте 1921 г. приветствовали кратковременную попытку императора Карла вступить на престол в Будапеште. Тем самым, однако, парижское правительство совершило серьезную ошибку в оценке ситуации, поскольку этой единственной акцией достигло результатов, противоречащих его собственным интересам: Италия стала внушать

больше доверия в качестве гаранта нового соотношения сил на Балканах (стоит отметить, что компромиссный договор по границе в Венеции-Джулии, подписанный в Рапалло 12 ноября 1920 г.¹, совпал с этим этапом), а у новых балканских государств возникли опасения, что они не смогут в будущем рассчитывать на поддержку Франции.

1.8.2. МАЛАЯ АНТАНТА

Эти опасения лежали в основе проекта соглашения Румынии, Чехословакии и Югославии о взаимопомощи, что предусматривалось серией общих договоров. Они создали между 1920 и 1921 гг. так называемую Малую Антанту в качестве антиревизионистского, антигабсбургского союза в ответ на колебания и двойственность позиции французов. Теоретически лучшим союзником Малой Антанты могла бы быть Италия, вдохновительница «Антигабсбургской конвенции» 12 ноября 1920 г. Однако отношения между Италией и Югославией были по-прежнему отравлены вопросом о границе в Венеции-Джулии и тем, что фактически Рапалльский договор 1920 г. не действовал, поскольку Фиуме по-прежнему оставался оккупированным регулярными итальянскими войсками, хотя состоявшиеся в апреле 1921 г. выборы обеспечили успех сторонникам его автономии.

Структурно Малая Антанта возникла в результате подписания трех двусторонних соглашений: оборонительного союза между Чехословакией и Югославией (14 августа 1920 г.), договора между Чехословакией и Румынией (5 июня 1921 г.), направленного против венгерского и болгарского ревизионизма и, в завершение, соглашения между Румынией и Югославией (7 июня 1921 г.), имевшего такую же ориентацию. Превосходство Чехословакии в этой системе было несомненным, и это было препятствием к развитию отношений с Польшей, в свою очередь враждебно настроенной в отношении Чехословакии из-за разногласий, касавшихся определения границы в горно-рудном бассейне в районе города Тешина, решенных в пользу Чехословакии. Провенгерский выбор, сделанный в Париже, где такая ориентация аргументировалась недоверием к неявному антикоммунизму Бенеша и убежденностью в том, что Венгрия занимала ключевое положение с точки зрения любого варианта долгосрочного урегулирования в Дунайско-Балканском регионе, предоставил Италии в 1920–1921 гг. возможность осуществить сближение с Чехословакией и Югославией.

¹ Нет сноски.

Впрочем, известие о соглашении, достигнутом 2 августа 1920 г. итальянским и албанским правительствами об отводе итальянских войск, оккупировавших Влёру и ее побережье, в обмен на предоставление Албанией Италии права занять остров Сазани (Сасено), малозначимый со стратегической точки зрения, действовало в том же самом направлении, избавляя балканский имидж Италии от последствий разоблачений секретных соглашений, подписанных в июле 1919 г. министром иностранных дел Томмазо Титтони и премьер-министром Греции Элефтериосом Венизелосом. По этим соглашениям албанская территория делилась на две части. Одна отходила Греции, другая — передавалась Италии в качестве подмандатной территории (чтобы понять значение этих соглашений, следует учесть, что они предшествовали Севрскому договору и представляли собой попытку урегулирования противоречивых устремлений итальянцев и греков в отношении всего наследия Оттоманской империи).

Приход к власти Муссолини вначале разрушил благоприятное восприятие политики Италии на Балканах. В течение некоторого времени фашистский лидер проводил курс на войну с Югославией с целью завоевания Фиуме и осуществления еще более радикальных изменений, чем те, что были закреплены мирными договорами. Однако затем Муссолини отказался от этих устремлений, и Италия вернулась к добрососедскому сотрудничеству с Югославией, упроченному, помимо подписания соглашений по Фиуме, договором о дружбе и сотрудничестве (27 января 1924 г.), дополненным параллельным соглашением с Чехословакией в июле того же года.

1924 год был годом, когда Италия развернула активную деятельность по сближению с Малой Антантой в атмосфере, еще не отравленной напряженными отношениями с Францией. Между тем парижское правительство изменило свои ориентации на Балканах и начало проводить новую, более последовательную политическую линию, формально обозначенную соглашением января 1924 г. с Чехословакией. Трудно сказать, стимулировалась ли эта акция стремлением противостоять росту влияния Италии на Балканах или же вписывалась в проект объединения всех антиревизионистских сил вокруг общей программы. Условия стали другими: отношения с Советским Союзом были, с формальной точки зрения, урегулированы, политика поддержки гражданской войны в России отвергнута, внутреннее положение в Венгрии существенно изменилось. В сложившейся ситуации мотивации, пришедшие французским стратегическим интересам, стали отличаться от ориентаций итальянцев, делавших упор на политико-дипломатическое урегулирование на базе антиревизионистских позиций.

Французские интересы состояли теперь в создании стабильной и устойчивой дипломатической системы во всей Центральной и Юго-Восточной Европе. Следовало дополнить ее недостающими звеньями, то есть Румынией, Югославией и, возможно, Грецией. Соглашение с Румынией было подписано в январе 1926 г. по инициативе румын, требовавших признания аннексии Бессарабии, закрепленной протоколом, подписанным с западными державами и Японией, однако не ратифицированного Францией и Италией. Договор Парижа с Бухарестом, предусматривавший признание румынских границ, был шагом в этом направлении. Договор, подписанный Румынией с Италией в сентябре 1926 г., имел те же последствия и завершил международную легитимизацию румынского суверенитета над аннексированной территорией.

Французская политика безопасности на Балканах, направленная на сближение с Румынией, не противоречила, следовательно, итальянским интересам и даже совпадала с ними, если учитывать то, что Италия согласилась добавить к договору о дружбе 1926 г. секретную статью, предусматривавшую подписание военных соглашений по защите румынских границ. Важнейшим характерным моментом во французской политике стала ее направленность на изменение отношений с Югославией, соседкой и союзницей-соперницей Италии. Взаимоотношения этих трех стран превратились в конце концов в определяющий элемент выбора различных ориентаций в балканской политике.

Первоначальной идеей Франции, не отвергавшейся *a priori* итальянцами, был договор трех сторон: соглашение, которое не подвергало бы риску будущее сотрудничество и не раскололо бы антиревизионистскую коалицию, быстро сформировавшуюся для противодействия Венгрии и Болгарии. Однако осуществление соглашения трех сторон стало невозможным в результате эволюции итальянской политики в Албании, реакции югославов на нее, а также характера, который приобрели в конце концов франко-югославские отношения, и позиции обеих сторон в отношении Италии. Все это имело пагубные кратковременные и долговременные последствия для региональной стабильности.

1.8.3. АЛБАНСКИЙ ВОПРОС

Итало-югославский договор о дружбе от января 1924 г., был дополнен в июле 1925 г. Неттунскими соглашениями, о решении экономических и технических проблем, которые Римский договор оставил открытыми. В этих документах содержалась, в частности, взаимная договоренность о невмешательстве в дела Албании.

Однако ни одна из сторон не выполняла это обязательство. Каждая из них, используя соперничество феодальных и политических группировок, боровшихся за преобладание в новом государстве, продолжала вмешиваться в албанские дела с тем, чтобы обратить ситуацию себе на пользу и имея в виду далеко идущие цели: от поиска преданных союзников до территориальных аннексий. Ситуация осложнялась частыми изменениями ориентаций различных албанских группировок, опиравшихся, в зависимости от соображений сиюминутной целесообразности, или на Италию, или на Югославию. Уже в конце 1924 г. борьба между православным епископом Фан Ноли и президентом, а затем монархом Ахмет-бей Зогулли (известным как Зогу), вписывалась в эту схему. Муссолини с самого начала соблюдал нейтралитет, затем принял сторону епископа, наконец, стал финансировать Зогу, чтобы привлечь его на итальянскую сторону, хотя тот и являлся ранее должником гораздо более бедных югославов.

Экономические соглашения, заключенные в марте 1925 г. между Италией и Албанией, которые предусматривали создание Национального банка Албании и Общества по экономическому развитию Албании, обязанного действовать исключительно при участии итальянских предприятий, открыли дорогу к окончательному сближению Зогу с Италией. Однако наиболее важным шагом в этом направлении был секретный военный пакт от 25 августа того же года, благодаря которому Италия приобретала, как отмечает Пьетро Пасторелли, «албанский плацдарм» и «более тесно привязывала к себе Албанию Зогу», хотя она была связана секретным обязательством, оставлявшим за албанским президентом определенную свободу их интерпретации с тем, чтобы он не подвергался непосредственным ответным мерам со стороны югославов. Процесс укрепления отношений между двумя странами достиг очевидного завершения в 1926 г. после подписания 22 ноября договора об оборонительном союзе, открыто утверждавшего господство Италии над маленькой балканской страной и делавшего очевидным антиюгославский выбор, осуществленный Муссолини.

Итальянская инициатива была расценена югославами как нарушение дружбы, провозглашенной в 1924 г. С другой стороны, политическая деятельность белградского правительства стала более решительной вследствие того, что в 1925 г. ведущий хорватский политический деятель Степан Радич, положив конец длительному периоду пребывания во внутренней оппозиции, изменил свой курс, выразил готовность сотрудничать с сербами и согласился войти в правительство во главе с М. Нинчичем. Первой жертвой этих изменений стали Неттунские соглашения, которые югослав-

ский парламент отказался ратифицировать из-за очевидного влияния хорватских элементов на урегулирование в отношении некоторых территорий, ранее принадлежавших древнему Хорватскому королевству.

К совокупности этих обстоятельств добавилось подписание 5 апреля 1927 г. договора о дружбе и секретного соглашения о консультациях между Италией и Венгрией. Пакт ограничивался тем, что провозглашал мир и вечную дружбу между двумя странами, однако имел далеко идущие потенциальные последствия, поскольку намечал ревизионистский поворот в итальянской политике.

В целом, эти изменения подрывали доверие к трехстороннему договору о дружбе. Париж оказался перед необходимостью выбора — продолжать двусторонние переговоры или переосмыслить свою балканскую политику. Однако в атмосфере изменения общего отношения во Франции к фашистской Италии франко-югославский договор от 11 ноября 1927 г. о дружбе, союзе и арбитраже приобрел в этой обстановке весьма определенный смысл. В самом деле, он завершал серию соглашений, необходимых для французской безопасности, но в то же время делал очевидным то, что ранее было лишь потенциальным, а не явным аспектом скандальной балканской ситуации: новый порядок характеризовался не сотрудничеством, а соперничеством Италии и Франции.

1.8.4. ИТАЛЬЯНСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ И ДУНАЙСКО-БАЛКАНСКАЯ СИТУАЦИЯ

Определенный проюгославский выбор Франции вызвал ответную ревизионистскую реакцию Италии, реакцию, к которой лично Муссолини был очень даже склонен, призывая к ней еще до своего прихода к власти. Однако результат состоял в том, что на смену ситуации хаоса приходило итало-французское соперничество, и его театром стал Балканский полуостров. Обстановка в целом осложнялась глубокими противоречиями, подрывавшими союз с Францией и проявившимися в последующем. В июне 1928 г. Муссолини в краткой речи, посвященной первому пятилетию его внешней политики, открыто затронул тему ревизионизма как одной из главных целей итальянской внешней политики и, в частности, ревизионизма в отношении Венгрии в качестве одного из основных условий европейского мира. Это означало, что Италия сдвигалась к ревизионистскому фронту, в то время как ее коренные интересы состояли прежде всего в соблюдении договоренностей, закрепленных мирными договорами, и, в особенности, в сохранении независимости Австрии.

Австрийская независимость являлась стержнем новой европейской системы и, следовательно, была также стержнем французских обязательств в Центральной Европе, если вообще восточная политика безопасности, направленная против Германии имела какой-либо смысл. Однако Франция и Италия, хотя и связанные этим общим интересом, сталкивались с противоречиями в отношении главной проблемы, доминировавшей в их политических акциях: исполнять или изменять мирные договоры; исполнять ли их в интересах победителей или же открыть пути для их пересмотра, которые позднее сможет использовать заметно усилившийся германский ревизионизм.

Отсутствие согласия по политике в отношении Югославии имело, следовательно, гораздо более важное значение, чем это казалось на первый взгляд. Поэтому ответ на вопрос о том, исходила ли Франция в своей политике на Балканах из потребностей французской безопасности или же из намерения противостоять формированию некоей итальянской системы, оказывался неоднозначным. Конечно, во французской политике приоритетной была цель обеспечения безопасности. Однако эта цель достигалась посредством действий, противоречивших итальянским интересам, и таким образом, в более долгосрочном плане расходилась с основными интересами французской внешней политики и содержала в себе будущие элементы конфликта.

Если прибавить к этому активность венгерского ревизионизма, которую итальянская дипломатия не упускала возможности поддержать; если добавить то обстоятельство, что в Австрии демократический режим укреплялся с трудом; что Болгария, изолированная из-за традиционной враждебности от остальной части Балканского полуострова, подпитывала как общую ревизионистскую ориентацию, так и самую настоящую войну банд, прежде всего в югославской и греческой Македонии; что исторический конфликт между греками и югославами оставался неурегулированным и еще более обострился с усилением Греции, происшедшим несмотря на ее военное поражение в столкновении с турецкими националистами, — то становится очевидным, что стабильность была лишь иллюзией. Она не отражала ни реальных успехов балканской политики Франции, ни нарастания итальянских устремлений — возникали новые мотивы для конфликтов, что делало будущее все более непредсказуемым.

В этой расстановке сил Греция занимала относительно маргинальное положение. Она была больше связана с Великобританией, чем с Францией и, следовательно, в большей степени участвовала в политике, касавшейся Восточного Средиземноморья, чем балканских событий. Однако даже Греция не могла быть изолирова-

на от совокупности проблем полуострова, в отношении которых она проводила неоднозначную политику. Корни этой политики питались крахом имперской мечты Венизелоса, который, вступив в войну в 1917 г. на стороне Антанты, надеялся построить на развалинах Османской империи «великую Грецию», бесспорную владычицу Эгейского моря, обладавшую господством над Албанией и Болгарией. Соглашения Титтони–Венизелоса 1919 г. являлись одним из воплощений этого проекта, так же как и поспешный десант в Смирне и фатальная ошибка, состоявшая в занятии передовых позиций в войне с турецкими националистами при поддержке Великобритании. Поражение, понесенное от турок Исмет-паши, поспешная эвакуация войск из Смирны, вынужденный и безоговорочный отказ от Додеканесских островов, утрата надежд на южную албанскую территорию, соперничество с Болгарией и возвращение Турции Восточной Фракии, — все это были примеры, на которых афинское правительство могло увидеть свидетельство не только более или менее явной французской оппозиции, но и итальянской враждебности. Преемник Константиноса Георгиос II, вступивший на трон в 1922 г. после вынужденного отречения отца в результате понесенного поражения, не смог воспрепятствовать ухудшению социально-политической ситуации, что привело в марте 1924 г. к провозглашению республики. Как страна, имевшая выход к Адриатическому и Ионическому морям, Греция была унижена нападением итальянцев на Корфу. Компромиссных формулировок, изобретенных на конференции послов, было недостаточно для спасения престижа Греции в ситуации злоупотребления силой со стороны Италии. Здесь также, следовательно, не просматривались признаки мирного и окончательно установленного порядка. Тем более что спору между Грецией и ее соседями суждено было длиться многие годы, вплоть до возвращения к власти престарелого Венизелоса, подписавшего в 1928 г. соглашение с Италией и в 1930 г. — с Турцией, а возможно и до реставрации монархии в 1932 г.

1.9. Кризис и конец Османской империи. Кемалистская Турция. Мандатная система на Ближнем Востоке

1.9.1. СЕКРЕТНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ ПЕРИОДА ВОЙНЫ

На протяжении второй половины XIX века европейские державы обсуждали возможный распад Османской империи и вели секретные переговоры по этой проблеме. Вплоть до начала XX века

константинопольский султан находил силы для сохранения империи в поддержке, предоставлявшейся ему Великобританией в целях защиты торговых путей в Восточном Средиземноморье, ведущих к Индии, и Францией — в целях защиты ее традиционных интересов на восточном побережье Средиземного моря. Когда англо-французское и англо-русское соглашения укрепили дипломатический фронт, потенциально враждебный интересам Оттоманской империи и в особенности полному контролю со стороны Константинополя за проходом судов через проливы Босфор и Дарданеллы, стало очевидно, что появилась явная угроза. Обстановка осложнялась также переориентацией региональных союзов: Оттоманская империя, еще до Младотурецкой революции, происшедшей в 1908 г., сблизилась с Германской империей и стала все более тесно сотрудничать с ней. Воплощением этого сотрудничества стала постройка железной дороги, соединявшей Берлин с Багдадом, и, что не менее важно, доминирующее влияние, которое приобрели немецкие военные, помогая укрепить турецкие вооруженные силы.

Эта перестройка союзов отражала не только изменившуюся значимость проливов в глазах западных держав, но была вызвана также новыми явлениями в арабском мире, все еще формально подчиненном власти Порты. Зарождение арабского национализма, который в некоторых случаях начинал приобретать антибританский оттенок, но был, конечно, враждебно настроен к гегемонии константинопольского султана и турецкой нации, подпитывалось политикой младотурок.

Когда разразилась война, эти обстоятельства привели к тому, что Константинополь сделал выбор в пользу участия в конфликте на стороне Центральных держав, будучи убежден — и не без основания — в том, что это единственный путь к спасению. В действительности три крупнейших участника Антанты быстро пришли к согласию относительно планов развала Оттоманской империи, отмены «старого правила», предоставлявшего ей контроль за проходом через проливы, и предоставления серьезных территориальных уступок в Армении царской России.

Кроме того, Франция и Великобритания заключили двусторонние договоренности относительно раздела территории так называемого «плодородного полумесяца», то есть всего пространства от Восточного Средиземноморья до Месопотамии, на две сферы влияния. Соответственно Франции отводилась территория современных Ливана и Сирии, а Великобритании — территория, сегодня занятая Ираком и государствами на палестинской территории (соглашения Сайкс–Пико в мае 1916 г.). Кроме того, для

того, чтобы предупредить последствия «священной войны», которую султан в качестве «халифа» исламских верующих объявил западным державам, англичане подписали серию соглашений с «великим шерифом» (хранителем) Мекки, эмиром Хусейном, главой династии Хашимитов. Хусейн был привлечен к делу арабского национализма и в ходе переговоров с британским верховным комиссаром в Египте сэром Генри Мак-Магоном договорился с ним о том, что выступив против оттоманского правления в войне за освобождение арабов, он будет способствовать созданию великого независимого арабского государства, простирающегося на север до 37-й параллели, на восток — до иранской границы и на запад — до районов Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо, за несомненным исключением побережья Сирии и Ливана, но не Палестины, судьба которой оставалась неопределенной.

В июне 1916 г. Хусейн объявил о начале арабского восстания, и в ноябре он провозгласил себя королем арабов. Он еще ничего не знал о соглашениях англичан с Францией. Он не знал также, что год спустя, 2 ноября 1917 г. британский министр иностранных дел лорд Бальфур от имени правительства Великобритании в декларации, касавшейся еврейского народа, высказал пожелание, чтобы последний создал себе «национальный очаг» на территории Палестины. Так в отношении одной и той же территории был принят ряд противоречивых дипломатических обязательств, полных неясностей и порожденных опасной неосторожностью. Все это было позднее дополнено соглашениями между державами Антанты и Италией от апреля 1917 г. о предоставлении ей обширной зоны влияния — помимо Южной Анатолии (Адалии), что уже зафиксировал Лондонский договор, — в Смирне и ее *hinterland*, отчасти в противоречии с передачей Смирны Греции в мае 1919 г. как компенсации за вступление в войну в июле 1917 г. (когда соглашения с Италией утратили силу из-за их несостоявшейся ратификации Россией в связи с Февральской революцией).

Следовательно, и в этом регионе речь шла о замене все более слабеющего, но определенного и признанного господства новой системой государств, способной удовлетворить интересы победителей с учетом сложившихся противоречивых обязательств. К этой ситуации добавлялось новое обстоятельство — Октябрьская революция, которая совсем по-иному, чем в прошлом, поставила вопрос о свободе доступа к Черному морю — в зависимости от того, собирались ли утопить в нем революционную заразу или же переправлять по его водам помощь русским контрреволюционным силам от антикоммунистических держав.

1.9.2. СЕВРСКИЙ ДОГОВОР

В Париже эта проблема рассматривалась двояко. С формальной точки зрения, та часть, которая касалась Османской империи, утверждалась Севрским договором от 10 августа 1920 г. (это был последний из Парижских договоров). В соответствии с ним территория Османской империи сокращалась до Анатолийского полуострова и небольших площадей в Европе. На карте, поскольку Восточная Фракия была передана Греции вместе со всеми островами Эгейского моря (за исключением Додеканесских островов, оккупированных итальянцами), только полоса, прилегающая к проливам в Европе, также как и аналогичная полоса на азиатской территории номинально оставалась под властью империи. Однако эта территория была демилитаризована и поставлена под контроль международной комиссии, которая должна была обеспечивать право на свободный проход через проливы в мирное и военное время для всех типов судов под эгидой Лиги Наций. Это означало, что в тот момент союзники считали для себя полезным свободное использование проливов для оказания помощи белому движению в России.

Вторая часть касалась всей оставшейся территории бывшей Османской империи. Последняя отказывалась от всех прав на Египет, Судан, Ливию и Додеканесские острова и признавала французский протекторат в Тунисе и Марокко. В свою очередь Египет, ставший в 1914 г. английским протекторатом, боролся за достижение полной независимости (предоставленной ему в 1922 г.). Что касается стран «плодородного полумесяца» и Аравийского полуострова, то проблемы выявились очень скоро. Еще до заключения Севрского договора на конференции в Сан-Ремо (апрель 1920 г.) союзники решили использовать формулу «мандат типа А», предусмотренную статьей 22 Устава Лиги Наций, передав Сирию и Ливан в качестве подмандатных территорий Франции, Месопотамию (т.е. Ирак) и всю Палестину (т.е. земли к востоку и западу от Иордана) — Великобритании. Был ли мандат типа А скрытой формой колонизации или же первым шагом к независимости — этот вопрос остается открытым, подлежащим дискуссии. Однако очевиден тот факт, что решения, принятые в Сан-Ремо, заметно расходились с обязательствами, взятыми перед эмиром Хусейном.

Таким образом, в постановлениях, принятых союзниками (как в том, что касалось Османской империи, так и территорий, отнятых у нее), содержалось много оснований для сомнений в том, что они уважают принцип самоопределения и что он применен на практике. Поэтому сегодня не вызывает удивления факт,

что эти решения, напротив, послужили началом двух первых эпизодов открытой антиколониальной войны, которые не были случайными и не были вызваны просто вспышкой ксенофобии, возможно, направляемой местными властями, чьи привилегированные интересы были затронуты. То, что происходило в Турции в 1921–1923 гг., в Сирии, Ираке и Палестине — в 1920–1921 гг. было, напротив, первым этапом длительной борьбы между ведущими империалистическими державами и народами, боровшимися за свою независимость, которая продолжалась вплоть до шестидесятых годов.

1.9.3. КЕМАЛИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ И ЛОЗАННСКИЙ ДОГОВОР

Турецкие националисты, наследники движения младотурок собрались под руководство Мустафы Кемалю, который реорганизовал армию, опираясь на восточные провинции Анатолии, и бросил ее на войну с греками, высадившимися в Смирне благодаря солидной британской поддержке, в то время как итальянцы и французы заняли выделенные им зоны влияния. Мустафе Кемалю удалось мобилизовать значительные силы, которым противостояла слабая и отдаленная от своей оперативной базы греческая армия и уставшие от сражений за пять лет войны основные армии союзников. Кемаль быстро дошел до Анкары, ставшей с тех пор столицей Турции, и созвал там Национальное собрание, оно отказалось ратифицировать Севрский договор. Сразу же после этого он установил дипломатические отношения с другим правительством, боровшимся в тот момент с западными союзниками, — советским правительством.

«Антиимпериалистические» силы установили первый дипломатический контакт, заключив 16 марта 1921 г. договор, по которому Турции возвращались районы Карса и Ардагана. Тем самым территориальные проблемы решались за счет Армении, подавленной могущественными соседями и низведенной до положения республики в составе формирующегося Советского Союза. На смену вековой вражде между русскими и турками на несколько лет пришел союз, позволявший обеим странам выйти из дипломатической изоляции и действительно поддержать друг друга. В то время как для Советов это был первый важный шаг в формировании их внешней политики (а также в блокировании антиреволюционной волны на южном фронте), для турок речь шла действительно об освободительной войне против экстремальных требований империалистической политики европейских держав.

Французы, итальянцы и американцы (поддержавшие независимость Армении) отдавали себе отчет в невозможности выполнения Севрского договора. Власть султана все еще сохранялась, но становилась все более призрачной. Французские войска были выведены из Южной Анатолии, и Париж подписал с Кемалем соглашение об определении границы с Сирией южнее, чем это предусматривалось в Севре. Сразу же после этого итальянские войска также покинули Анатолию, и Рим выработал с правительством Кемаля договоренность о принципах дальнейшего экономического сотрудничества. Французы и итальянцы готовились отвести соответствующие воинские контингенты из зоны проливов, демонстрируя свое видение турецкой проблемы, в отличие от англичан.

Оставался открытым лишь греко-турецкий фронт. В августе 1922 г. Исмет-паша нанес жесточайший удар грекам и вынудил их поспешно покинуть Смирну. Около миллиона беженцев укрылось в Греции, чтобы избежать кровавых турецких преследований. На поле боя оставались только англичане, готовые противостоять установлению контроля турецких националистов над проливами, однако вынужденные в силу военной ситуации искать дипломатическое решение кризиса. Правительство султана было брошено на произвол судьбы (оно прекратит свое существование в соответствии с заключенным впоследствии мирным договором). Война была завершена подписанием Муданийского перемирия (11 октября 1922 г.), открывшего путь к переговорам о заключении нового мирного договора, который должен был заменить Севрский договор, подписать его могли только представители Турецкой республики — теперь уже единственные, кто владел ситуацией.

Переговоры, начатые в Лозанне месяц спустя после окончания военных действий, были завершены 24 июля 1923 г. в том же самом городе подписанием договора, положившего конец этому последнему акту политико-дипломатической борьбы, не завершённой Первой мировой войной. Лозаннский договор со всей очевидностью отражал новое реальное соотношение сил, сложившееся в регионе, и вынужденный поворот в политике западных стран, связанный с окончанием гражданской войны в России. Что касалось территории, то новая Турция вернулась к своим европейским границам 1914 г. с небольшими изменениями в пользу Болгарии, отдала в Эгейском море острова Греции, но приобрела контроль над ближайшими к проливам островами. Архипелаг Додеканес был окончательно передан Италии (владевшей им на временных основаниях со времен Ливийской войны); был подтвержден статус английской колонии для Кипра. Определение

границы с подмандатными территориями было отложено до последующих соглашений (только в 1926 г. вилайет (район) Мосула, важный для разведки нефтяных ресурсов, был отнесен к территории будущего Иракского государства).

В обмен на все это Турция получила: право не платить репарации; окончание системы капитуляций, которая с XVI в. ограничивала юридическую власть Оттоманской империи в случаях споров, касавшихся граждан крупнейших европейских стран; восстановление полного суверенитета над проливами, за исключением ограничений, предусмотренных в специальной конвенции по режиму судоходства, подписанной одновременно с Лозаннским договором. В конвенции предусматривалась демилитаризация региона и свободный проход для торговых судов и для определенного типа небольших военных кораблей в мирное время. В военное время порядок устанавливался исходя из участия или неучастия Турции в конфликте. В случае ее нейтралитета судоходство должно было оставаться совершенно свободным. В том случае, если бы Турция стала воюющей стороной, разрешался проход нейтральных судов, но с ограничением количества и тоннажа. Эти статьи несомненно отражали как еще относительно слабые позиции Турции, так и стремление западных стран иметь свободный доступ в Черное море в случае конфликта с Советским Союзом.

Более энергично развивалась реализация соглашений в Сан-Ремо относительно мандатов¹, однако и в них содержалось множество моментов, предвещавших трудное будущее. Создание крупного арабского государства, обещанного англичанами, оказалось мимолетной мечтой. Каковы бы ни были реальные намерения французов и англичан, мандатная система являлась предательством по отношению к обещаниям, данным Хусейн-паше, обещаниям, которые арабские народы стремились осуществить еще до принятия союзниками соответствующих решений.

После окончания военных действий один из сыновей Хусейна эмир Фейсал был назначен военным губернатором Дамаска. Сирийские националисты оказывали на него сильное давление с тем, чтобы он возглавил движение за независимость. В марте 1920 г. они собрали в Дамаске «Сирийский национальный конгресс», представлявший, по крайней мере по замыслу, также всю Палестину. Конгресс провозгласил Фейсала королем Сирии. Хотя Фейсал и был связан проходившими дипломатическими перего-

¹ Речь идет о заседании Верховного совета держав Антанты в г. Сан-Ремо (Италия) 19–26 апреля 1920 г. По решениям конференции в Сан-Ремо Великобритания получила мандаты на Палестину и Иран с Мосулом, Франция — на Сирию и Ливан. — *Прим. редакции.*

ворами с союзными правительствами, он принял предложение и не слишком позаботился о том, чтобы согласовать его с намерениями французов. Это привело к военному столкновению, которое закончилось быстрым поражением хашимитского правителя в августе того же 1920 г. и тяжелым унижением арабского народа.

В Месопотамии народ также пытался противостоять решениям союзников. Иракские националисты предложили корону своей страны брату Фейсала эмиру Абдулле. В этом случае восстановление порядка и контроля над ситуацией было бы задачей английских войск. Существовали, однако, явные различия между французской мандатной политикой, откровенно интервенистской, и британской, более склонной к формам непрямого управления и поиску сотрудничества с арабским миром.

В марте 1921 г. лондонское министерство по делам колоний (*Colonial Office*), в то время возглавлявшееся Уинстоном Черчиллем, созвало конференцию экспертов в Каире для принятия решения об упорядочивании системы мандатов. Это было стремление хотя бы отчасти уменьшить недовольство арабов. Иракскую корону предложили самому эмиру Фейсалу, который с помощью брата готовился вновь захватить Сирию. Трон эмира Трансиордании, то есть часть территории Британии под мандатом в Палестине, расположенной к востоку от реки Иордан и Мертвого моря, был предложен Абдаллаху (надеявшемуся в будущем стать сувереном всей Сирии). Абдаллах согласился, хотя его правление под британским контролем было обусловлено границами применения и реальной эффективностью декларации Бальфура.

1.10. Послевоенная ситуация на Дальнем Востоке. Вашингтонская конференция и японская политика

1.10.1. ЯПОНИЯ НА ПАРИЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Во время войны Япония, союзник держав Антанты, развивала параллельную деятельность, которая непосредственно затрагивала республиканский Китай, ослабленный борьбой между силами Гоминьдана, лояльными императорской власти, и так называемыми «милитаристскими кликами», то есть крупными латифундистами, формировавшими свои собственные вооруженные силы для того, чтобы предотвратить наступление революции. Эта борьба, закончившаяся лишь в 1927 г., оказывала непосредственное влияние на ход войны, поскольку она способствовала проникновению в Китай японцев, союзников Антанты. Только Соединенные Штаты

противостояли действиям Японии, однако их собственные связи с державами Антанты являлись ограничителем для планов прямого вмешательства, основанного на принципе «открытых дверей», который они неоднократно провозглашали в качестве основы политики в отношении Китая (и в целом — мировой торговой политики). Американская поддержка способствовала смягчению давления Японии на Китай, становившегося все более сильным после того, как Токио, признав соглашения периода войны между западными державами на случай поражения Германии и в связи с устремлениями России в отношении проливов, а также относительно Оттоманской империи, получил от них взамен признание японских притязаний как на Шаньдун, контролируемый тогда немцами, так и на острова в Тихом океане к северу от экватора, также входившие в состав Германской империи.

Вступление в войну Китая (17 августа 1917 г.), немного спустя после Соединенных Штатов (2 апреля 1917 г.), изменило это соотношение сил, баланс которых был столь явно нарушен в пользу Японии. Китайцы имели немало причин для того, чтобы с тревогой оценивать как политику России, так и политику Японии, и полагали, что Германия может противостоять этому давлению. Именно такие мотивации препятствовали принятию китайцами решения ранее. Глубокие противоречия внутри китайского политического истеблишмента привели к тому, что когда пекинское правительство решило объявить войну, в Китае углубилась постоянная борьба между противоборствующими сторонами. Само политико-территориальное единство Китая было разрушено столкновением группировок, столкновением, которое, впрочем, разделяло также и Гоминьдан. Его главные руководители сформировали революционное правительство в Кантоне, в то время как в Пекине республиканское правительство сохраняло свою власть, становившуюся все более хрупкой.

На практике военные действия с участием китайцев велись только внутри страны с целью подавления восстания и завершились в 1927 г. успехом Гоминьдана, поддержанного коммунистами. Однако вступление Китая в войну имело большое дипломатическое значение, поскольку оно способствовало выявлению сил, враждебных японскому империализму, прежде всего определению позиции Соединенных Штатов Америки. Естественно, что токийское правительство поспешило прояснить отношения с американцами, что привело к заключению в ноябре 1917 г. соглашения, носившего двойственный характер, поскольку оно содержало признание американцами особых интересов Японии в той части Китая, которая соприкасалась с ее владениями, и признание, помимо принципа «открытых дверей», независимости самого Китая.

Русская революция и поражение немцев сделали возможным участие Японии и Китая в Парижской конференции в ситуации, осложненной тем обстоятельством, что японские территории на Азиатском континенте (Корея) служили опорной базой для наступления против России (во Владивостоке) и базой для действий, которые пытались развить из Сибири в западном направлении в помощь русским белогвардейцам чехословацкие войска (состоявшие из бывших военнопленных, находившихся в России).

Позиция японцев в Париже была, следовательно, гораздо более сильной, чем китайская. Это отразилось на окончательных японских требованиях. Архипелаги в Тихом океане к северу от экватора, а именно Маршалловы, Каролинские и Марианские острова были отняты у немцев и переданы японцам как подмандатные типа С (категория мандата, в отношении которого мандатарии предоставлялись наиболее обширные полномочия по вмешательству). Требование получить контроль над Шаньдунем натолкнулось на оппозицию китайцев, однако было решено в пользу Японии благодаря ее соглашениям периода войны с державами Антанты, несмотря на попытку Вильсона добиться компромиссного решения. В итоге китайская делегация была вынуждена покинуть конференцию и отказалась подписать мирный договор с Германией.

Япония становилась таким образом великим победителем в войне в зоне Тихого океана. Ее войска контролировали через Корею Восточную Сибирь и оккупировали Шаньдун. Для того чтобы ограничить масштаб этого успеха (после тщетных попыток Вильсона во время Парижской конференции), администрация президента Хардинга стала действовать с большей решительностью. Хотя она и руководствовалась изоляционистскими концепциями, но не преминула решительно выступить против Японии. В результате этой активности она добилась от англичан отсрочки обновления союза с Японией, действовавшего с начала века. Англо-японское соглашение было вызвано двумя угрозами — российской и германской, которые теперь перестали существовать. Напротив, перед угрозой потенциального конфликта между Соединенными Штатами и Японией британцы имели веские основания для сближения с американскими позициями. К середине 1921 г. англо-японский союз распался.

Это было также и выражением стремления Великобритании, поддержанной некоторыми доминионами, непосредственно заинтересованными в развитии ситуации в Тихоокеанском регионе (такими, как Канада и Австралия), избежать того, чтобы проблема нового соотношения сил в этом огромном океанском бассейне

привела к морскому соперничеству с Соединенными Штатами, результатами которого могла воспользоваться Япония к собственной выгоде.

1.10.2. ВАШИНГТОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Пытаясь совместить эти устремления с безболезненным отказом от союза с Японией, английский кабинет предложил американцам «пригласить державы, непосредственно заинтересованные в участии в конференции для обсуждения проблем Дальнего Востока и Тихого океана с целью достижения коллективного согласия, которое обеспечило бы отказ от войны и ограничение морских вооружений мирными средствами». Предложение было принято с легкостью, и конференция состоялась в Вашингтоне с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. с участием представителей Великобритании, Соединенных Штатов, Японии, Франции, Италии, Китая, Бельгии, Голландии и Португалии.

Сложные переговоры, проходившие на конференции, привели к ряду важных соглашений как по вопросам, касающимся Тихоокеанского региона, так и по более общей проблеме морского разоружения. Первым из этих соглашений был «договор четырех держав» (Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции и Японии), подписанный 13 декабря 1921 г. Он должен был создать своего рода дипломатическую рамку, в которую следовало вписать новые отношения между державами-победительницами, включая и пересмотренный англо-японский союз. С британской стороны имелось определенное стремление добиваться у союзников признания особых интересов Японии и самой Великобритании в некоторых районах Китая. Этот тезис, по которому они, естественно, были согласны с японцами, категорически отвергался американцами, добившимися преобладания своей точки зрения.

Тихоокеанский пакт, как назвали соглашение от 13 декабря, обязывал стороны, подписавшие договор, к поддержанию на деле *status quo* и к проведению консультаций как для разрешения возникающих противоречий, так и для ответа на возможные угрозы существующей ситуации. Включение Франции в пакт, касавшийся территорий, далеких от французских владений в Юго-Восточной Азии, являлось уступкой пожеланию американского госсекретаря Хьюза с целью компенсировать французам потери, которые налагало на них морское соглашение.

Договор об ограничении морских вооружений был подписан 5 февраля 1922 г. Соединенными Штатами, Великобританией, Францией, Японией и Италией. Он включал реальные ограничи-

тельные меры, поскольку обязывал договаривающиеся стороны прекратить на десять лет строительство линкоров и боевых крейсеров. Договор также предусматривал уничтожение уже построенных или строящихся кораблей таким образом, чтобы существующее соотношение по тоннажу между флотами крупнейших держав соответствовало следующей пропорции: Соединенные Штаты, Великобритания, Япония, Италия и Франция как — 5–5–3–1,75–1,75. Наконец, он устанавливал ряд ограничений по тоннажу и вооружениям линейных кораблей. В отсутствие соответствующего соглашения договор ничего не говорил о подводных лодках.

Значение соглашения заключалось прежде всего в трех пунктах: в признании Великобританией военно-морского паритета с Соединенными Штатами; в признании Францией военно-морского паритета с Италией (признание, которое французы не считали справедливым и которое они приняли только потому, что Франция находилась в тот момент в ситуации серьезной дипломатической изоляции); в том, что согласно статье 29 договора, договаривающиеся стороны обязались впоследствии не сооружать военные базы под своим контролем во всем Тихоокеанском регионе. Именно это позволило Японии согласиться с подчиненным по отношению к двум крупнейшим морским державам положением, поскольку обязательство не создавать военно-морские базы вблизи Японии обеспечивало японскому флоту возможность осуществлять контроль в окружающих Японию морях, в особенности в Китайском море.

Наконец, 6 февраля был подписан документ, являвшийся потенциально наиболее обязывающим из тех, что были приняты конференцией, а именно, «договор девяти держав» о политике «открытых дверей» (девять держав составляли те, кто подписал военно-морские соглашения, плюс Бельгия, Голландия, Португалия и Китай). Этого активно добивались Соединенные Штаты с целью обязать подписавшие договор государства уважать суверенитет, независимость, территориальную и административную целостность Китая; побудить их помочь Китаю в достижении политической стабильности и развитии экономики и воздержаться от инициатив, противоречащих интересам дружественных держав; наконец, вынудить их уважать принцип «открытых дверей», то есть отказаться от требования особых привилегий (торговых или монопольных преференций) в торговле с Китаем.

Кроме того, наряду с «договором девяти» и при англо-американском посредничестве 4 февраля было подписано китайско-японское соглашение, по которому Япония отказывалась от своего присутствия в Шаньдуне, возвратив Китаю бывшую немецкую территорию Цзяоджоу (в то время как Великобритания в одно-

стороннем порядке отказывалась от находившейся неподалеку базы Вэйхайвэй). Японии, со своей стороны, удалось сохранить (под гарантию займа, предоставленного Китаю) контроль на пятнадцать лет над железной дорогой Цзинань-Циндао также значительную часть концессий, полученных в Маньчжурии, в особенности в сфере железных дорог.

Таким образом, в результате серии компромиссов на некоторый период был установлен новый порядок в Тихоокеанском регионе и прежде всего были определены рамки, в которых мог бы находиться под контролем японский экспансионизм, а Китай мог бы укрепиться в качестве обновленного и самостоятельного субъекта в Азии. Последствием достигнутого компромисса было недовольство французского правительства, которое вынудили смириться с уменьшением своей роли в сравнении с Италией. Однако главная опасность состояла в том, что все принятые решения были слишком нечеткими и двойственными для того, чтобы действительно сдерживать поползновения заинтересованных сторон (иными словами, Япония) к утверждению своей воли путем агрессии. На тот момент зона Тихого океана строго контролировалась англичанами и американцами. Несколько лет спустя интересы Великобритании переместились на другие направления, в то время как после 1929 г. ситуация внутреннего кризиса в Соединенных Штатах предоставила свободу рук японцам для возобновления их кампании против Китая.

1.11. Последние иллюзии коллективной безопасности

1.11.1. ПАКТ БРИАНА–КЕЛЛОГА

В довершение представления о том, что «дух Локарно» открыл путь к длительной стабилизации европейской ситуации и мира во всем мире, в 1927–1930 гг. произошли другие дипломатические события того же плана. Первым из этих событий было заключение 5 июня 1928 г. пакта Бриана–Келлога, декларировавшего незаконность использования войны в качестве инструмента для решения международных споров. Пацифистское движение и движения, которые выступали за объявление войны вне закона, были многочисленны во всем мире и в особенности распространены в англосаксонских странах. Чтобы пойти навстречу общественному мнению, не слишком доброжелательному по отношению к Франции, не выполняющей своих обязательств по межсоюзническим долгам, и движимый намерением восстановить сопричастность Соединенных Штатов к решению европейских проблем, 6 апреля

1927 г., в десятую годовщину вступления Соединенных Штатов в Первую мировую войну А. Бриан обратился к американскому народу с призывом, вдохновленным и, по сути, написанным, профессором Джеймсом Т. Шотвеллом из Колумбийского университета. В нем тема отказа от войны предлагалась в качестве предмета двустороннего соглашения Франции и Соединенных Штатов. Связь с темой европейской безопасности была очевидной, и это объясняет задержку американского ответа, поскольку двусторонний договор, каким бы ни было его содержание, в конце концов был очень близок к договору о союзе.

Несколько недель спустя, в июне 1927 г., объективно оценивая недостатки первоначального предложения, Бриан сформулировал новое, носившее более общий характер, и придал ему форму проекта договора между ведущими державами. Только через шесть месяцев после получения текста Бриана, в конце декабря 1927 г., госсекретарь Фрэнк Б. Келлог направил свое контрпредложение, в соответствии с которым проект Бриана мог быть принят, но с условием превращения в открытое и многостороннее соглашение. Это создавало юридические трудности для стран, вступивших в Лигу Наций и связанных возможностью применения статьи 16, которая в отношении санкций против агрессора не исключала применения военной силы. Необходимо было найти промежуточную формулу, на практике оставлявшую потенциальным участникам договора свободу для выполнения этого обязательства. Что касается многосторонности, то проблема была разрешена путем распространения предложения на Германию, Италию, Великобританию, Японию и ряд малых стран (общей численностью 15), которые 27 августа 1928 г. подписали в Париже основной документ. Он подтверждал осуждение войны в качестве инструмента для решения международных споров и обязывал участников во всех случаях пытаться найти мирное решение любого конфликта, который мог возникнуть с их участием.

Этот документ также, казалось, означал начало новой эпохи. К нему быстро присоединились одна за другой многие страны, всего — 57, не все из них были членами Лиги Наций. Однако за подписью не всегда следовала ратификация, и продекларированные намерения редко соответствовали реальным целям. Огрубляя, можно было бы сказать, что договор являлся сознательным обманом, осуществленным адептами державной политики. Достаточно вспомнить все, что происходило начиная с 1929 г. на Дальнем Востоке и позднее во всем остальном мире, чтобы понять, насколько смесь утопизма и цинизма, столь характерная для внешней политики Бриана, была лишена политического смысла. Однако не стоит доводить эту критическую оценку до крайности,

поскольку пакт создавал действительную юридическую основу для всех пацифистских движений и закладывал логические и идеологические основания для любого последующего осуждения актов агрессии. Это был символический жест, и в качестве такового он был осмеян циничными реалистами, такими как Муссолини (хотя Италия и была в числе подписавших документ государств). Однако, как и все долговечные символы, он был подхвачен позднее, когда идея войны стала синонимом всеобщего апокалипсиса.

С другой стороны, представление о практической неэффективности пакта Бриана–Келлога должно быть хотя бы отчасти скорректировано: хотя и отсутствовали непосредственные результаты его применения, атмосфера, укреплению которой он способствовал, помогала продвинуться по пути нормализации франко-германских отношений. Во время визита в Париж для подписания пакта Штреземан поднял перед Брианом и Пуанкаре вопрос об оккупации Рейнской области, отчасти уже решенный Локарнскими соглашениями, но частично еще ограниченный статьями Версальского договора, предусматривавшего окончание оккупационного периода в 1935 г. По мнению Штреземана, после принятия пакта Бриана–Келлога присутствие иностранных войск на германской территории не имело больше никакого смысла. Аргументация была формально безупречной, хотя французы и рассматривали оккупацию в том числе и как гарантию непрерывности платежей, которые все еще должны были поступать в качестве военных репараций. Поэтому когда вопрос был вновь поднят на сентябрьской сессии Ассамблеи Лиги наций, французы согласились его обсуждать одновременно с возобновлением переговоров по репарациям, приведших в 1929 г. к принятию плана Юнга. Во время Гаагской конференции в августе 1929 г. было решено, что эвакуация союзных войск из двух зон Рейнской области, все еще оккупированных ими, должна начаться в сентябре 1929 г. и завершиться до 30 июня 1930 г. Первыми должны были эвакуироваться бельгийские и английские войска, затем — французские (американские оккупационные войска были выведены в 1923 г. после несостоявшейся ратификации Версальского договора сенатом Соединенных Штатов).

1.11.2. ПРЕДЛОЖЕНИЕ БРИАНА О СОЗДАНИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Те же самые импульсы лежали в основе другой инициативы того же Бриана — его проекта создания Европейского федерального союза. Европейистский утопизм делал тогда свои первые шаги (если не считать пророчеств прошлых веков). В 1923 г. авст-

рийский граф Рихард Куденхове-Калерги опубликовал в Вене книгу под названием «Пан-Европа» и три года спустя основал движение с таким же названием. Цель состояла в том, чтобы убедить политические элиты в необходимости объединения Европы для избавления ее от водоворота саморазрушительных внутренних войн и вернуть ей самостоятельную роль в мировой политике. Калерги не обладал возможностями влиять на массы, а европейская жизнь в те годы готовила их к восприятию скорее проповедей националистического экстремизма, чем европейского пацифизма. Движение имело, таким образом, незначительные практические результаты. Однако деятельность Калерги задела за живое многих политиков, разделявших ее исходные установки (можно, к примеру, среди других назвать Уинстона Черчилля), или считавших европеизм сверхидеей, полезной для мобилизации дипломатии в желаемом и надежном направлении. В эту вторую категорию входили А. Бриан и генеральный секретарь Министерства иностранных дел Алексис Леже.

Объединение Европы в конце 20-х годов в атмосфере, созданной франко-германским союзом и пактом Бриана-Келлога, могло означать добавление важного штриха к теме европейской безопасности. Бриан был вдохновлен идеей Калерги, и 9 сентября 1929 г. произнес речь на заседании Европейской комиссии Лиги Наций (в ней были представлены 27 стран), где он представил великий идеал европейского объединения в качестве инструмента борьбы за мир. Затем он преобразовал свою речь в меморандум, переданный Лиге Наций 1 мая 1930 г. Изучение меморандума проясняет политический проект, которому Бриан придавал форму Европейского федерального союза. В действительности речь шла о создании Ассоциации европейских государств внутри Лиги Наций и подчиненной ей, основанной на принципе уважения независимости и национального суверенитета (формулировка, таким образом, противоречила на практике понятию федерального союза); ее задачей была регламентация политических вопросов, касающихся европейского сообщества посредством практического распространения международных гарантий, впервые зафиксированных в Локкарнских соглашениях. В контексте многих других пожеланий сотрудничества в различных областях социально-экономической жизни, представленных в виде туманных и расплывчатых формулировок, политическая сердцевина предложения состояла, следовательно, в расширении гарантий, достигнутых в Локкарно. Сопутствующие формулировки могли лишь частично приукрасить данный аспект проекта, а это означало, что за видимостью атмосферы всеобщего примирения скрывались вновь разгоревшиеся

сильные опасения французов относительно своей безопасности. Но в 1930 г. это было более чем обоснованно. Ситуация быстро и радикально менялась, и идеям Бриана суждено было остаться на бумаге. Решение провести по ним дискуссию в Ассамблее Лиги Наций привело к обсуждению в сентябре 1930 г., выявившему многообразие точек зрения. Вопрос был отложен до работы комиссии, в недрах которой предложение Бриана после года бесплодных дискуссий исчезло как воспоминание об утраченных надеждах, символе несостоявшейся стабилизации.

1.11.5. ПРОБЛЕМА РАЗОРУЖЕНИЯ. ЛОНДОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО МОРСКОМУ РАЗОРУЖЕНИЮ

Последняя политическая тема, в отношении которой после Локарно, и еще в большей степени после пакта Бриана–Келлога, казался возможным компромисс, направленный на укрепление общей атмосферы примирения, лишь косвенно касалась Германии и, напротив, наиболее непосредственным образом затрагивала итало-французские интересы. Эта тема была связана с формированием политики дестабилизации, которую пытался проводить Муссолини, и выражала намерение французов смягчить по крайней мере этот фронт их отношений с Италией, не делая реальных уступок Муссолини, а, напротив, вынуждая его следовать логике превосходства французских интересов в вопросах европейской безопасности, той самой логике, которая диктовала инициативы К. д'Орсе после окончания войны.

Статья 8 Устава Лиги Наций утверждала принцип сокращения вооружений «до возможно низкого уровня, совместимого с национальной безопасностью, и обязательным следованием общим инициативам, вытекающим из международных обязательств». Совет Лиги Наций, должен подготовить, — добавлялось в статье, — планы разоружения для правительств разных стран. Поскольку Устав являлся частью Версальского договора, то из этого следовало, что союзники в тот самый момент, когда они вынуждали Германию разоружиться, брали на себя обязательство сделать то же самое во избежание легитимации возможного неисполнения обязательств немецкой стороной.

Вопрос разоружения реально вставал тогда только для обычных наземных и морских вооружений. Что касается наземных вооружений, то подготовительная комиссия по разоружению, созданная в 1925 г., начала свою работу только в мае 1926 г. из-за трудностей в определении предварительной формы соглашений. Ее задача состояла в подготовке схемы договора, который пред-

стояло вынести на рассмотрение международной конференции. Однако эта работа была закончена лишь к концу 1930 г., а Международная конференция по разоружению была созвана в 1932 г., когда изменения, происшедшие в Германии за это время, снизили эффективность подготовительной работы. Более быстро шел процесс в отношении морских вооружений. Эта тема была затронута в 1921–1922 гг., во время первой конференции по морскому разоружению, состоявшейся в Вашингтоне. Тогда пять крупнейших морских держав (Великобритания, Соединенные Штаты, Япония, Франция и Италия) сумели достигнуть соглашения, касавшегося боевых кораблей. Разногласия по другим пунктам вынудили участников вашингтонских переговоров отложить дальнейшие дискуссии.

В 1927 г. американский президент Кулидж предложил созвать новую конференцию, но работа, начатая в Женеве (с участием наряду с Соединенными Штатами только Великобритании и Японии, поскольку Италия и Франция предпочли присутствовать лишь в качестве наблюдателей), продвинулась не очень далеко из-за англо-американских разногласий по кораблям среднего водоизмещения. Наконец, в 1928 г. атмосфера оптимизма, созданная пактом Бриана-Келлога, создала более благоприятный фон для возобновления переговоров. Результатом насыщенной и трудной дискуссии стал проект созыва в третьей декаде января 1930 г. международной конференции по морскому разоружению после того, как все моменты противоречий между заинтересованными сторонами были решены путем ряда компромиссов, касавшихся также и темы наземного разоружения.

Плохим предзнаменованием стало разоблачение того факта, что накануне подписания пакта Бриана–Келлога французы и англичане достигли сепаратного секретного соглашения, в соответствии с которым англичане, в обмен на поддержку Британии в области морского разоружения, обязывались признать точку зрения французов в сфере наземного разоружения. Муссолини получил возможность протестовать против методов, использованных двумя державами, и занять тактически выгодную позицию. Италия готова была согласиться на ограничение собственных вооружений до возможно более низкого уровня, лишь бы он не был превзойден ни одной другой континентальной европейской державой. Что касается морского разоружения, то Италия считала (в противовес тому, о чем договорились англичане и французы), что основой подсчетов должны были стать не отдельные категории кораблей, а определение общих пределов водоизмещения флотов. Две эти темы — паритет с наиболее хорошо вооруженной

континентальной державой (Францией) и подсчет в соответствии с общим тоннажем — остались основными в позиции Италии и определили ход конференции. С другой стороны, фашистское правительство Муссолини не могло принять соглашения, закреплявшего результаты, меньшие, чем те, что были достигнуты в Вашингтоне дофашистским правительством, а именно — паритет с Францией.

В такой малообещающей атмосфере началась конференция, созванная в Лондоне 21 января 1930 г. и продолжившая полемику, которая по своему политическому значению стала преддверием нового этапа все более глубоких конфликтов. В основе полемики лежала обеспокоенность Франции активностью фашистов на Балканском полуострове и в Средиземноморье, а также намерение Муссолини придать символическое значение способности итальянского флота контролировать Средиземное море (которое фашистская риторика через несколько лет станет называть старым латинским названием *Mare Nostrum*). В такой атмосфере конференция безрезультатно работала до весны, когда было принято решение о подписании лишь части соглашений — той, что не касалась итало-французских отношений.

Подписание состоялось 22 апреля 1930 г. Великобритания и Соединенные Штаты достигли компромисса, подтверждавшего их фактический паритет, в том числе и по количеству крейсеров, в то время как японцы добились того, что отведенная им пропорция выросла с 6 до 7 на каждые 10 американских или британских боевых кораблей. Устанавливался также потолок, налагавший действенные ограничения на строительство новых линкоров и сокращавший на уже начатые программы. Соглашение было достигнуто также относительно подлодок и эсминцев, на строительство которых были наложены наибольшие ограничения, и подтверждения соотношения 10 к 7 между двумя англо-саксонскими странами и Японией. Договор должен был вступить в силу 1 января 1931 г. и действовать в течение пяти лет. Итальянцы и французы продолжили поиск компромисса, переживая надежды и разочарования. Муссолини передал руководство министерством иностранных дел Дино Гранди, игравшему роль ретранслятора импульсов внутренней пропаганды дуче на международной сцене.

Однако на деле на другой день после подписания Лондонских соглашений римское правительство приняло серьезную программу строительства новых военных кораблей. Два ответственных за переговоры, француз Рене Массигли и итальянец Аугусто Россо, работали почти год над бесчисленными техническими деталями под давлением американцев и англичан для того, чтобы соглашение

было достигнуто. Была выработана формулировка, в соответствии с которой обе державы должны были информировать о своих программах строительства, осуществляя их независимо, но согласовывая их объем. Таким образом удавалось избежать принятия формального решения о принципе паритета и все-таки сформулировать положения, которые, хотя и сохраняли небольшое французское превосходство, предусматривали также сокращение соответствующего тоннажа, что в конечном счете создавало равновесие, благоприятное для Италии. Итогом длительной дискуссии стал, следовательно, компромисс, утвержденный 31 марта 1931 г. и позволивший французам считать себя удовлетворенными, а Муссолини кичиться определенным успехом. Но в целом это был весьма грустный эпилог.

1.12. Несостоявшаяся социально-экономическая стабилизация и внутренняя политика

1.12.1. ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Невозможно говорить о нормализации, ограничиваясь проблемами международных отношений и военными проблемами. Война — это не только столкновение армий и послевоенный период был отмечен не только дипломатической борьбой. Кризис оказался гораздо глубже, поскольку он охватил все другие аспекты социально-экономической жизни. В какой степени мирные договоренности поставили и решили эти проблемы? В какой степени новые темы и новые конфликты были упорядочены?

На первом плане стоял вопрос о новых отношениях между господствующими социальными группами. До 1914 г. гегемония буржуазии не подвергалась сомнению. Наступление социализма было подавлено или поглощено первыми экспериментами в области социальной политики. Во многих странах социалистические партии интегрировались в парламентскую систему и избрали путь реформизма. Сама дискуссия, сопутствовавшая началу войны, об отношении социалистических партий к кризису, спровоцированному, по определению, империализмом и буржуазным национализмом, выявила трудности социалистического движения, когда перед ним встал вопрос о противоречии между интернационализмом и лояльностью к своему государству-нации. Это была нерешенная проблема, остававшаяся таковой по крайней мере до окончания Второй мировой войны. Она представляла как один из моментов наибольших трений, с которыми пришлось иметь дело довоенным руководящим группам социалистического

движения. В самом деле, по окончании конфликта, после того, как все социалистические партии проявили солидарность (хотя и с некоторыми нюансами и в разное время) с войной, трудно было представить себе, что старое политическое равновесие будет восстановлено быстро и без потрясений. Тем более после событий в России 1917 г. Октябрьская революция дала стимул всем социалистическим партиям для усиления максималистских течений. Они стремились следовать в направлении, указанном Лениным для соответствующих партий, или же, если это оказывалось невозможно, разрывали единство социалистических движений с целью создания коммунистических революционных партий. Эти партии сразу же противопоставили себя казавшейся им ограниченной позиции тех, кто отстаивал путь постепенных изменений перед лицом якобинского порыва сторонников немедленного восстания. Национальные ситуации и революционный миф становились лимитами, в рамках которых должно было действовать международное социалистическое движение. Но была ли в действительности возможна мировая революция? Было ли возможно, чтобы посланный революционным Петроградом 8 ноября 1917 г. призыв трудящимся всего мира к свержению своих правительств и созданию интернационала народов как единственно возможной гарантии мира вызвал отклик в остальном мире или, по крайней мере, в Европе?

Хотя с точки зрения марксистского теоретического анализа революция являлась продуктом крайней стадии развития капитализма и самосознания движения промышленного пролетариата, события, произошедшие в России, продемонстрировали, что революция могла пойти и другими путями. Первое различие в данной связи вытекало из деления стран на страны-победительницы и страны-побежденные. В побежденных странах делигитимация правительств, связанная с поражением, всегда сопровождалась концом определенных государственно-политических режимов. В Германии, Австрии и Венгрии поражение означало также падение имперского режима и рождение республиканского правления. Республиканского и буржуазного? Ответ не был ни легким, ни быстрым.

1.12.2. ПОБЕЖДЕННЫЕ: ГЕРМАНИЯ, АВСТРИЯ И ВЕНГРИЯ

В Веймарской республике поражение вызвало острый кризис, который зачастую перерастал в классовую борьбу и переплетался с борьбой за установление демократического режима и преодоление экономического кризиса. С 1919 по 1924 г. республика пережила

одно за другим серьезные потрясения, контрапунктом которых стал экономический кризис, наглядно выразившийся в астрономической инфляции. Первое политическое столкновение, сопровождавшее само рождение республики, произошло при попытке группы «спартаковцев» (коммунистической группы под руководством Карла Либкнехта и Розы Люксембург, образовавшейся внутри социал-демократической партии и преобразованной в начале 1919 г. в коммунистическую партию Германии) осуществить революционное восстание по ленинскому образцу и создать республику советов, основанную на силе пролетарского движения, самого мощного в Европе. Было ли в международном плане это событие, столь ожидавшееся всеми революционными силами и, в особенности, в Москве, сигналом к подъему революционной волны, которая должна была снести буржуазный порядок?

В начале января 1919 г. Берлин стал сценой революционного эксперимента, сразу же потопленного в крови (в том числе и в крови его главных героев). Временное правительство во главе с социал-демократом Фридрихом Эбертом не колеблясь обратилось за помощью к армии. С того момента был заключен пакт о сотрудничестве всех сил против коммунистов, исключивший всякую надежду на осуществление революции. Коммунистическая партия в течение определенного времени находилась вне институциональной системы и не участвовала в выборах в Учредительное собрание, которые выиграла социал-демократы Эберта, не получившие, однако, достаточного числа голосов для того, чтобы самостоятельно сформировать правительство. Начался период коалиционных правительств, включавших умеренные католические партии и либералов, на долю которых выпала трудная роль сдерживания напряженности, переживаемой страной, разорванной на части войной и охваченной страхом перед революцией. В феврале—мае попытки революционных выступлений были предприняты в Мюнхене, в Баварии. Курт Эйснер сформировал социалистическое правительство, выступавшее за отделение Баварии от Германии, однако 21 февраля он был убит. На другой день после этого преступления в Мюнхене была провозглашена советская республика, которая просуществовала дольше, чем берлинская, но была подавлена с помощью военной силы в конце апреля, подобно тому, как месяц спустя завершилась аналогичная попытка в Саксонии.

Кроме выступлений слева правительство должно было остерегаться также сторонников правых авторитарных режимов. С апреля 1919 г. по июнь 1920 г. оно столкнулось с восстанием германских войск в Прибалтике, возглавленным Рюдигером фон дер Гольцем. В марте 1920 г. настала очередь попытки переворота,

предпринятой ультранационалистами во главе с Вольфгангом Каппом и бароном Вальтером фон Лютвицем. Гораздо более опасной была фронда военных, которую возглавлял маршал Эрик фон Людендорф. В основе политики правых лежала другая концепция, не менее опасная и гораздо более конкретная, чем революционная: идея о том, что Германия проиграла войну только потому, что возглавлявшие ее политики предали страну, а затем хотели подчиниться *диктату*, навязанному державами-победительницами в виде мирного договора, — *диктату*, который противоречил обязательствам, взятым на себя самими союзниками, когда они согласились на капитуляцию Германии — не безусловную, а на основе 14 пунктов Вильсона. В этом политическом кредо содержался крайний и агрессивный национализм, уходивший корнями в военную и буржуазную среду и представлявший собой идеальную культурную почву для экстремистского ревизионизма.

В январе 1919 г. была основана национал-социалистическая партия Германии (NSDAP), к которой немного спустя присоединилась темная личность австрийского происхождения Адольф Гитлер. Партия выражала накопленные обиды и популистские, националистические, авторитарные настроения. Тогда никто не думал, что она может привлечь на свою сторону значительное число сторонников. Это казалось еще в меньшей степени возможным после провалившейся попытки путча, инсценированной Вольфгангом Каппом (март 1920 г.) — своего рода сигнала опасности, предупреждавшего о поддержке, которую могли получить реакционные силы.

В то время как Учредительное собрание занималось разработкой в Веймаре новой федеральной конституции для Германии, в тени экономического кризиса под покровом недовольства назревала буря. Немцы не смирились ни с унижениями, связанными с поражением, ни с ролью страны, поставленной под контроль, о котором державы-победительницы, и прежде всего французы, не уставали напоминать. Убийство в июне 1922 г. Вальтера фон Ратенау, еврея и министра иностранных дел, пытавшегося вплоть до Генуэзской конференции продолжать путь нормализации отношений с остальной Европой, стало еще одним симптомом этого затишья перед бурей. Революция в Германии потерпела свое самое громкое поражение, но победителем из него вышел слишком хрупкий союз между социал-демократами, центристскими силами и откровенно националистическими партиями.

Буржуазия отпраздновала свой триумф над военно-аристократической традицией и в течение нескольких лет жила надеждами, на культурное и политическое возрождение, которое Германия редко переживала в прошлом. Можно даже говорить освоеннообраз-

ной культурной атмосфере, являвшейся плодом Веймарской республики. Однако этом триумфу буржуазии угрожало все более явное отстранение военной верхушки, растущее расхождение позиций крупных финансовых кругов и фанатичного национализма, посредниками между которыми пытались стать такие люди, как Штреземан, не способные скрыть подлинные цели своих действий. Господствующая буржуазия была, следовательно, готова продолжать гегемонистский курс, который Вильгельм II оставил ей в наследство и который был лишь на некоторое время прерван поражением.

Государственное устройство стало более неустойчивым в результате отказа от лояльности династии и трудностей формирования консенсуса вокруг правительственных формул, принуждавших к существованию глубоко враждебные партии, поддерживаемые столь же противоположными социальными силами. Однако постепенное стирание границ между публичной и частной сферами, предопределенное пассивным сопротивлением, борьбой против инфляции и потребностями восстановления экономики, создавало другую социальную базу, в которой нацизму легче будет укорениться.

В начале 1925 г. этот поворот уже висел в воздухе, хотя отрыв от начал проявляться только пять лет спустя. А тогда, после смерти социал-демократа Эберта, состоялись президентские выборы, и старый фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, монархист и кандидат от консервативных партий, был избран небольшим перевесом голосов, победив кандидата лево-центристской коалиции Вильгельма Маркса, католика, представителя партии «Центра», против которого голосовали коммунисты. Выдвинув на выборах своего кандидата, они фактически передали президентство в руки человека, приведшего Гитлера к власти.

Австрия и Венгрия переживали те же проблемы в сложных условиях территориального раскола, вызванного распадом Габсбургской империи. В Австрии с чувством горечи смирялись с переходом от руководства великой империи к руководству небольшим государством. Социал-демократы во главе с Карлом Реннером и Отто Бауэром начали движение за создание демократической, парламентской и прогрессивной республики. Однако если в Вене они имели сильную базу, то на остальную часть страны, где доминировала католическая христианско-социальная партия, они не могли рассчитывать. Существовало нестабильное равновесие между «красной» столицей и консервативно настроенной страной. Столкновения между правым правительством и социал-демократическим муниципалитетом Вены стали обычным явлением австрийской жизни.

В международном плане это имело важные последствия. Социал-демократы смотрели на республиканскую и политически более передовую, как тогда считалось, Германию, не скрывая стремления к аншлюсу в поисках выхода из промежуточной ситуации, когда правые силы обладали непропорционально большим весом. Христианско-социальная партия была против такой перспективы, лишившей бы ее правящего положения. В отличие от Германии проблема стабилизации в Австрии наталкивалась на серьезные политические препятствия, которые разнонаправленно воздействовали на ситуацию и отражали реальность новой страны, не основанную на автономной и сложившейся экономической структуре. Индустриальное общество и крестьянская традиция не могли выработать компромисса, и это создавало неуверенность как внутри страны, так и в международном плане, поскольку ставило под сомнение жизнеспособность республиканского государства.

В Венгрии не существовало социальных условий для столь глубокого раскола. В марте 1919 г. Бела Кун, лидер коммунистов и друг Ленина, едва вернувшись из Москвы, сумел после установления единого фронта с социалистами, захватить власть и навязать режим «революционного террора», против которого летом выступили французские, итальянские, румынские и югославские войска. В августе внутренним контрреволюционным силам, благодаря этой поддержке, и в особенности, румынской интервенции, удалось свергнуть коммунистическое правительство, развязав столь же жестокие, что и «революционный террор», репрессии. Впрочем, попытка Куна не имела ни малейшей перспективы в стране, где отсутствовало действительно широкое социалистическое движение, где было мало передовой, демократической буржуазии и где все еще господствовало социальное наследие габсбургского правления. Ностальгия аристократов и обида по поводу жесткости Трианонского договора играли, вероятно, объединяющую роль в государстве, которое насильственным образом стало однородным с этнической точки зрения, но которое испытывало горечь по поводу утраты территорий, отошедших к Югославии, Чехословакии и, прежде всего, Румынии. В Трансильвании население венгерского происхождения являлось постоянной причиной трений и нестабильности.

1.12.3. ПОБЕДИТЕЛИ: ВЕЛИКОБРИТАНИЯ, ФРАНЦИЯ, ИТАЛИЯ

Но и победителям не суждено было прожить первые послевоенные годы в атмосфере социального мира. Конечно, деятели, добившиеся для своих стран победы, пользовались авторитетом,

которому правители побежденных стран могли только позавидовать. Англия и Франция ожидали от своих ставших еще более обширными империй ресурсов для восстановления экономики. Возможно, только в Италии существовали условия для возникновения кризиса, способного подорвать основы системы. Поэтому в названных странах Европы не имела места связь между поражением и революцией, и чувствовался лишь отзвук, более или менее отдаленный, революции в России, но при этом — с совершенно различными акцентами.

В Великобритании сразу же после войны и завершения периода существования коалиционного правительства с участием лейбористов и консерваторов лидер либералов Дэвид Ллойд Джордж назначил новые выборы (декабрь 1918 г.), впервые на основе всеобщего избирательного права и с предоставлением права голоса женщинам. Сам премьер-министр вышел из состязания победителем, но его партия — Либеральная партия — была почти сметена с британской политической сцены и практически стала исчезать. Победа на выборах досталась прежде всего Консервативной партии во главе со Стэнли Болдуином, получившей подавляющее большинство голосов.

Лейбористы также впервые добились внушительного успеха и стали второй партией, завоевав таким образом положение официальной оппозиции в палате общин. Они преодолели расколы, имевшие место в их рядах во время войны и реорганизовали партию под влиянием группы интеллектуалов-реформистов, объединенных в Фабианское общество (*Fabian Society*). В 1920 г. им удалось создать новую структуру, органически объединявшую партию с Национальным советом труда (*National Council of Labour*), то есть с конфедерацией профсоюзов. Марксистское влияние в этой партии ограничивалось преобладанием реформизма фабианского толка. Когда в 1920 г. была создана независимая Коммунистическая партия Великобритании, обратившаяся с просьбой о вступлении в лейбористскую партию (*Labour Party*), она получила категорический отказ. В 1924 г. съезд лейбористов заявил о несовместимости принадлежности к лейбористской партии с членством в компартии. Это было откровенное и четкое разделение, не мешавшее, однако, английским социалистам с симпатией относиться к советской революции, а правительству способствовать установлению дипломатических отношений между Великобританией и СССР. Четкие различия сохранялись в определении политических целей и средств для их достижения. Таким образом социальное брожение, характерное для того периода и в Британии, также никогда не принимало разрушительного характера, какой оно имело в побежденных странах и в Италии.

Переход от военной экономики к мирной экономике был трудным, в том числе и для британцев. Инфляция и безработица вызвали ряд забастовок по всей стране, однако, за исключением отдельных случаев, не было необходимости прибегать к насильственному их подавлению. Напротив, профсоюзы сопровождали забастовки сильным давлением в поддержку конструктивных переговоров, способных найти решение насущных проблем.

Консервативно-либеральное правительство Ллойд Джорджа не всегда было на высоте ситуации. Связанное ходом Парижских переговоров и обязательством пересмотреть свою колониальную политику, оно не сумело устранить экономические и социальные причины волнений. В 1919 г. бастовала даже полиция. Протекционистские меры, принятые в 1921 г., не привели к снижению безработицы и дискредитировали Ллойд Джорджа. Впрочем, ему не удалось даже отстоять те международные проекты реконструкции, в результате осуществления которых должен был начаться, как он надеялся, производственный подъем, что помогло бы экономическому возрождению страны. Эти неудачи привели к падению его правительства. Его заменил сначала консерватор Бонар Лоу, а канцлером казначейства стал Болдуин. Были назначены новые выборы, единственным результатом которых стала демонстрация парламентского влияния лейбористов. Болезнь и смерть Бонара Лоу привели к формированию первого правительства Болдуина в мае 1923 г.

Результаты последовавших затем выборов были неожиданными, поскольку благодаря мажоритарной системе незначительное изменение количества голосов (сокращение на 0,1% у консерваторов и увеличение на 1,1% у лейбористов) привело к значительному уменьшению количества мест в парламенте консерваторов и они получили лишь относительное большинство. Лейбористы при поддержке либералов смогли в январе 1924 г. сформировать свое первое в истории Англии правительство во главе с Макдональдом, получившим полный контроль над партией. Именно тогда Великобритания, казалось, вышла из мрачной атмосферы военных лет. Хотя лейбористское правительство было лишь интермедией, оно впервые продемонстрировало желание решительно поставить ряд социальных проблем (таких, как безработица), которые до сих пор представлялись неразрешимыми. Возникло ощущение, что Великобритания вновь способна вернуться на путь постепенного социально-экономического реформизма, соответствовавшего характеру ее жизни в течение прошлого века.

Однако в октябре 1924 г. под давлением консерваторов слабое большинство Макдональда распалось. Были еще раз назначены

выборы, во время которых лейбористы расплатились за обвинения в просоветской позиции, основанные на письме с призывом к совершению революции, направленном Зиновьевым от лица Коминтерна Компартии Великобритании. Публикация письма накануне выборов положила тень подозрений в антинациональной позиции не только на коммунистов, но на всех британских левых. Консерваторы выиграли выборы, получив подавляющее большинство голосов. Болдуин вновь вернулся к власти; министром иностранных дел стал Остин Чемберлен. Все это имело прямые последствия для международной жизни, поскольку расположенность, демонстрировавшаяся Макдональдом в отношении Эррио при подписании Женевского протокола¹ была отвергнута в пользу возвращения к более традиционным подходам.

Во Франции тему мирных переговоров было труднее отделить от проблем социального характера. Социалисты СФИО (*SFIO — Section Francaise de l'Internationale Ouvriere*) участвовали в правительстве национального единства (*Union Sacree — «священное единение»*), преодолевая большие внутренние разногласия. После окончания военных действий они вышли из коалиции, возглавлявшейся до выборов ноября 1919 г. Жоржем Клемансо, главным действующим лицом последнего этапа борьбы с Германией, а также противостояния коммунистической опасности и угрозе ее распространения по Европе. Эту угрозу необходимо было предотвратить созданием «санитарного кордона», способного ограничить распространение заразы, с ней следовало также бороться, помогая русским контрреволюционерам. В 1919 г. интересы национальной политики одержали верх над социально-экономическими интересами. На выборах в ноябре социалисты и радикал-социалисты, бывшие триумфаторами в 1914 г., потерпели безусловное поражение (более явное по числу мест в парламенте, чем по числу голосов) от Национального блока, в который вошли традиционные националистические силы французской светской буржуазии и умеренного радикализма. Подавляющее большинство, которым они обладали, позволило говорить о «серо-голубой палате», по цветам мундиров многих избранных в парламент военных. Это было большинство (возглавляемое Клемансо, а с января 1920 г. — Александром Мильераном), которое стремилось урегулировать внутренние проблемы с помощью политики «твердой руки». Социальные волнения января-июня 1919 г. были успешно подавлены. Впрочем, социалистам не удалось распространить их

¹ Имеется в виду протокол «О мирном урегулировании международных конфликтов», принятый на ассамблее Лиги Наций 2 октября 1924 г. Ввиду англо-французских противоречий протокол не был ратифицирован. — *Прим. редакции.*

за определенные рамки, тем более что в июле 1919 г. они решили не присоединяться к международной забастовке протеста против контрреволюционной интервенции в России.

Социалистическое движение было сильным, однако гегемония буржуазии, преобладание проблем внешней политики, внутренний конфликт, приведший в декабре 1920 г. к расколу (о котором было заявлено на съезде в Туре, когда была основана Французская коммунистическая партия), ослабили его. В этой политической ситуации парламентское большинство, хотя и разнородное по своему политическому составу, оставалось сплоченным в проведении политики дефляции и проецирования внутренних противоречий на международную сферу.

Активность с целью утверждения ведущей роли Франции на континенте получила наибольший импульс, когда премьер-министром стал эльзасец Раймон Пуанкаре (1922–1924 гг.). В январе 1923 г. эта тенденция нашла воплощение в оккупации Рурской области. Во Франции, следовательно, численный и парламентский потенциал левых сдерживался прочностью бастиона умеренно-центристских светских сил, укреплявшегося за счет националистической кампании и недоверия к Германии. По существу, даже когда особый этап первых послевоенных лет закончился, и в 1924 г. в результате победы на выборах Левого блока, образованного радикалами и социалистами, было создано правительство Эррио (а министром иностранных дел стал Аристид Бриан), международная ориентация Франции не изменилась, хотя и стала проявляться менее явно. Не случайно, Бриан смог продолжать руководить французской внешней политикой — хотя и в череде сменяющих друг друга вариантов правительственного большинства — также и после возвращения к власти в 1926 г. Пуанкаре. Это было показателем глубокой стабильности основополагающего блока власти и интересов. Впрочем, и во Франции, хотя несколькими месяцами позже Великобритании, начиная с 1925 г. экономический подъем также способствовал излечению многих ран, нанесенных войной, и период материального благополучия, казалось, сделал ощутимой нормализацию.

Из стран-победительниц Италия в наибольшей степени испытывала последствия войны. Следы длительной полемики, предшествовавшей ее вступлению в войну в 1915 г., продолжали давать о себе знать, а то, как итальянские требования рассматривались на Парижской конференции лишь обострило — на двух противоположных фронтах — существовавшие в стране противоречия. Это ожесточило оппозиционные правительству силы, обвинявшие итальянских представителей на Парижской конференции

(Витторио Эмануэле Орландо и Сиднея Соннино) в неспособности отстоять свою точку зрения, что внесло вклад в основание мифа об «искаленной победе» (по выражению поэта Габриэле Д'Аннунцио), то есть теории, согласно которой итальянцы добились видимой победы, а по сути — поражения, оплаченного ценой больших человеческих и социально-экономических жертв, и имели, следовательно, более серьезные основания для включения в ревизионистский блок, чем для солидаризации с «удовлетворенными» державами (если допустить, что таковые были). Такую ситуацию обостряли и те, кто, особенно в лагере социалистов и демократической левой, считал ошибкой и даже преступлением участие в войне — ошибкой или преступлением, бесплодность которых подтверждалась фактами. Следствием этой неудовлетворенности была серия политических волнений, делавших еще более трудным возвращение к нормальной ситуации. Захват Д'Аннунцио Фиуме¹ был лишь первым из серии эпизодов, связанных с новой международной позицией Италии, эпизодом, обозначившим путь нарушения законности и авантюризма, по которому Муссолини спонтанно следовал в последующие годы.

С другой стороны, во внутренней социально-политической ситуации также не наблюдалось быстрой стабилизации. Проблемы, существовавшие во всех странах, которые участвовали в конфликте, переживались слабой итальянской экономикой и хрупкой политической организацией страны еще более болезненно. Правда, структура экономики укрепилась в результате войны, потребовавшей крупных инвестиций в тяжелую промышленность, что ускорило темпы роста индустрии и темпы роста прибыли в соответствии с тенденцией предшествовавшего десятилетия. Однако послевоенная конверсия промышленности, сохраняющаяся бедность в деревне, нищета на юге усугубились после окончания военных действий из-за проблемы включения в производственную жизнь ветеранов войны.

В этой экономической обстановке назрели новые важные политические события. В январе 1919 г. дон Луиджи Стурцо основал народную партию, первую организацию католического направления, вошедшую в качестве автономного субъекта в политическую жизнь страны. Социалистическая партия, основанная в 1892 г. и превратившаяся уже в предвоенный период в мощную притягательную силу для трудящихся классов, все более укреплялась

---

¹ В сентябре 1919 г. итальянский писатель и политический деятель Д'Аннунцио возглавил экспедицию, захватившую югославский город Риеку (Фиуме), на который претендовала Италия. Д'Аннунцио объявил Фиуме итальянским городом и оставался его комендантом до декабря 1920 г. — *Прим. редакции.*

и стала в конце концов главной политической организацией Италии. Партиям довоенной демократии не удалось приспособиться к изменениям. Когда в ноябре 1919 г. впервые состоялись выборы, основанные на всеобщем избирательном праве и пропорциональном представительстве, социалисты получили почти 32% голосов, пополари¹ — немногим более 20%. Все вместе новые партии получили больше голосов, чем партии, которые вели свое происхождение от политической традиции *пострисорджименто*. Это было изменение, указывавшее прежде всего на усиление левых, в отношении которых католическое движение не могло оставаться индифферентным, хотя его лидеры были склонны к союзу с буржуазными силами.

На фоне такой политико-экономической ситуации нарастали социальные волнения. Забастовки следовали одна за другой; социалистическая партия находилась под огромным влиянием русского опыта и ощущала близость революции. Реформистское крыло стало меньшинством по отношению к максималистам, которые группировались слева вокруг группы «*Ордине Нуово*», основанной в январе 1921 г. Итальянскую коммунистическую партию. Правительства Нитти (1919 г.) и Джолитти (1919–1921 гг.) стремились смягчить кризис и ослабить напряженность, связанную с забастовочной борьбой, используя метод заключения коллективных договоров. Ни одному из них не удалось получить поддержку, достаточную для осуществления последовательных программ. Столкновение по вопросам внешней политики (в особенности по вопросу о границе в Джулии) и последовательная светская ориентация Джолитти ограничивали поддержку, которой могли располагать оба государственных деятеля, и те политические силы, на которые они опирались. Наиболее сильный удар системе был нанесен, однако, неожиданным обострением общенационального кризиса к середине 1921 г.

Такому обострению ситуации способствовали два ряда событий, совершенно противоположные по своей направленности: деятельность фашистского движения и революционный подъем, приведший в августе-сентябре 1920 г. к занятию рабочими основных предприятий Севера. Фашистское движение было основано Муссолини в марте 1919 г. Бенито Муссолини в прошлом являлся социалистом-максималистом, затем горячим интервенционистом, а позднее — представителем мира фронтовиков. Его личность и движение воплощали в себе в 1919 г. ряд противоречивых чаяний:

¹ Пополари (*popolari*) в Италии называли членов Итальянской народной партии — Partito popolare italiano. — *Прим. перев.*

жесткую оппозицию по отношению к традиционным правящим классам, виновным в проведении недостаточно активной политики в отношении союзников (Муссолини поддержал, хотя и с некоторыми оговорками, поход Д'Аннунцио), но в то же время и столь же жесткую враждебность в отношении социалистов, обвинявшихся в предательстве национальных ценностей. Он уловил признаки упадка довоенных политических сил и трудности создания новых правящих коалиций и пытался найти пространство для утверждения формирующихся сил с неясными программами, но движимых желанием навязать смену правящей политической элиты, а также — воинствующими антисоциализмом. Ограниченность фашистского движения была связана с его неспособностью получить поддержку средней и мелкой буржуазии из-за насильственных методов, использовавшихся фашистскими отрядами в их акциях против социалистов.

Это отношение изменилось в конце 1920 — 1921 г. 1920 год стал годом, когда в Италии было отмечено наибольшее число забастовок. Огромный страх, который профсоюзное движение и левые партии вызывали в предпринимательских кругах, укрепил фашистское движение (которое, в свою очередь, усиленно акцентировало свой антисоциалистический характер). Разрешение Джолитти ситуации путем активизации деятельности предприятий методами, широко признанными в истории за их эффективность, не было воспринято их владельцами и буржуазным миром с необходимой прозорливостью. Нараставший гул революции усилил позиции тех, кто выступал за жестокие репрессии.

Фашистское движение начало расти. Его отряды, выступавшие против рабочих и батраков, формировались в городах и в деревнях. Они превратились в светскую власть, осуществлявшую репрессии от имени предпринимателей. С политической точки зрения деятельность Муссолини считалась оправданной, поскольку буржуазные партии полагали, что фашизм был всего лишь болезнью, краткой, но необходимой. По их мнению, кратковременное применение репрессивного насилия должно было смягчить ситуацию, и фашисты также вынуждены будут адаптироваться к наступившему порядку. Именно поэтому фашистские кандидаты на выборах в мае 1921 г. были включены в «национальный блок» в качестве представителей буржуазного порядка, который они призывали уничтожить и в защитников которого они превратились. В ноябре 1921 г. фашистское движение сформировалось в партию. Муссолини удалось столь искусно и эффективно маневрировать в парламенте и в стране, что в конце концов он предстал в качестве единственного человека, способ-

ного устроить Италии спасительную встряску, которая, хотя и была бы кратковременной, позволила бы стране выйти из длительного периода послевоенного хаоса и правительственной нестабильности. Социалисты не смогли достаточно решительно контратаковать его позиции.

В октябре 1922 г. после марша фашистских отрядов на Рим, организованного при многочисленных актах попустительства со стороны правительства, Муссолини был уполномочен королем Виктором Эммануилом III Савойским сформировать правительство. Для Италии начинался новый исторический период, хотя и не все полностью отдавали себе в этом отчет. В самом деле, Муссолини возглавлял партию, которая имела в палате депутатов только тридцать представителей. Ему нужно было создать себе абсолютное большинство, и он добился этого, приняв несправедливый мажоритарный закон и проведя затем избирательную кампанию в обстановке запугивания.

После выборов в ноябре 1923 г., результаты которых подтвердили его предрешенную победу, новое правительство вступило в самый трудный этап своего существования. Методы, использованные фашистами во время выборов, возмутили как их политических противников, так и многих представителей симпатизировавших им сил. Когда в июне 1924 г. был убит депутат-социалист Джакомо Маттеотти, протестовавший именно против незаконности результатов выборов, Муссолини называли виновным в убийстве или, по крайней мере, вдохновителем преступления. В течение полугодя его положение оставалось неустойчивым. В конце 1924 г. ему удалось вновь получить необходимую поддержку и доверие короля. В январе 1925 г. он начал осуществлять ряд законодательных мер, которые в последующем превратят итальянское либеральное государство в авторитарный режим, а несколько лет спустя — в личную диктатуру. Италия была первой из крупных европейских стран, переживших такую трансформацию.

Муссолини, придя к власти в Италии, не сразу проявил свою агрессивность в сфере международной жизни. Начиная с 1922 г. он стремился удовлетворить две потребности: предстать внутри страны как подлинный творец итальянского величия и мощи и добиться от других держав признания роли Италии в Европе и в мире. В 1923 г. он продемонстрировал небольшой пример своей способности вносить беспорядок в международную жизнь. Но мало кто захотел принять всерьез его действия. Впрочем, эпизод был незначительный, и можно было притвориться, что его не заметили.

В ответ на убийство в августе 1923 г. итальянского генерала Энрико Теллини, возглавлявшего международную комиссию экспертов, уполномоченную провести границу между Грецией и Албанией, итальянское правительство выдвинуло греческому правительству ультиматум с нереальными условиями (именно так, поскольку в нем требовалось поймать и осудить виновных за несколько дней). В качестве наказания за неизбежное неисполнение греческой стороной условий ультиматума после морской бомбардировки, приведшей к большому числу жертв, Муссолини отдал приказ оккупировать остров Корфу, имея в виду, что эта оккупация со временем может стать постоянной, если позволят обстоятельства. Муссолини действовал подобным образом, поскольку, находясь у власти менее года, он нуждался в шумных успехах, поднимающих его престиж, которые возвестили бы Италии и всему миру о повороте, осуществленном с приходом к власти будущего диктатора.

В свою очередь, греческое правительство, потерпевшее поражение от Турции, отреагировало весьма энергично, передав вопрос в Совет Лиги Наций, который должен был принять решение как по поводу требований, содержащихся в итальянском ультиматуме, так и по поводу протестов Греции. Это решение, однако, не было принято, поскольку Совет предпочел отказаться от своей компетенции в этом вопросе, сочтя, что данную проблему прежде всего должна была обсудить конференция послов, то есть орган, созданный державами Антанты для контроля за практическим исполнением мирных договоров — его уполномоченным и был генерал Теллини. Отказ от реализации собственных полномочий отражал ситуацию, складывавшуюся в международно-правовом плане. Муссолини предупредил других членов Совета, что в случае, если они будут обсуждать вопрос о протесте Греции, Италия может даже выйти из Лиги Наций. В то же время Франция, в обмен на поддержку, полученную от Италии во время оккупации Рура, предложила в качестве выхода юридический компромисс. Однако этот компромисс не служил обнадеживающим симптомом относительно эффективности Лиги Наций в выполнении задач, поставленных перед ней Уставом. В то же время это был удручающий симптом в отношении подчинения интересов всеобщего мира и международного права потребностям державной политики.

Несмотря на тревожный симптом кризиса вокруг Корфу и той грубой полемики, посредством которой Муссолини в конце 1924 г. помог Чемберлену провалить проект Женевского протокола, подготовленного Эррио и Макдональдом, в итальянской внешней политике в течение нескольких лет, казалось, преобладало

стремление способствовать восстановлению нормального климата в Европе. Однако при более внимательном рассмотрении за пацифизмом Муссолини с самого начала скрывалось двуличие и обиды, не отличавшиеся от тех, что испытывали другие европейские страны. Однако фашистский вождь намеревался как можно скорее добиться их реализации на практике. Главное в его двуличии состояло в абсолютной свободе выбора средств, с помощью которых можно было достигнуть укрепления имперских позиций Италии и ее позиций в Средиземноморье и на Балканах.

Муссолини рассуждал в категориях чисто державной политики и не заметил, за исключением разве что русского вопроса, масштаба происходивших изменений. Его глубочайшая неприязнь к Вильсону, сформировавшаяся во время кризиса 1919 г. вокруг Фиуме, переросла в психологическом плане в серьезные затруднения, не позволявшие ему рассматривать Соединенные Штаты иначе, чем финансовую державу, пренебрегая при этом их политическим потенциалом. Поэтому его дипломатическая стратегия базировалась на подспудном противопоставлении в европейской жизни сил, стремящихся к порядку, и сил, стремящихся к переменам. Он выбирал для Италии позицию в зависимости от обстоятельств, а не на основе постоянного и продуманного замысла. До тех пор, пока ситуация в Европе контролировалась державами-победительницами, его свобода маневра оставалась ограниченной. Однако способ, каким он перешел с профранцузской позиции 1923–1924 гг. к проанглийской в 1924–1929 гг. (за исключением периодов кратковременных разногласий) предвосхищал ненадежность его обязательств.

Вероятно, для английской дипломатии могла быть полезной возможность рассчитывать на силу, которая в Европе и в Средиземноморье противостояла французской гегемонии. Однако, отвлекаясь от такой трактовки, следует учитывать, что существовала определенная направленность итальянской политики, а именно — склонность к беспринципности, которая воплотила в себе всю хрупкость иллюзорных представлений относительно нормализации европейской ситуации. Впрочем, итальянская политика на Балканском полуострове и в области морского разоружения лишь подтверждала эти тенденции. И, следовательно, в самой слабой из держав-победительниц процесс восстановления осуществлялся новыми методами, сопровождавшимися возрождением старых амбиций, которые утверждались, однако, с новой энергией и которые отбрасывали зловещую тень на все то, что произошло позднее, когда обстоятельства изменились.

Глава вторая

**«ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ»
И ПЕРВЫЙ КРИЗИС
ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ**

2.1. Общие соображения

2.1.1. МЕЖДУНАРОДНАЯ ФИНАНСОВАЯ СИСТЕМА

На первый взгляд, экономическая депрессия, начавшаяся крахом на Нью-Йоркской фондовой бирже 24 октября 1929 г. и достигшая кульминации в Европе в 1932 г., а затем постепенно уступившая место подъему экономики, по-разному протекавшему в различных странах и продолжавшемуся до Второй мировой войны, противоречит отмеченной в предыдущей главе способности международной финансовой системы управлять мировой экономикой благодаря глубокому пониманию протагонистами этой системы основных проблем и их политических взаимосвязей. Кроме того, экономическая депрессия требует более точного определения границы между проблемами финансов и производства и международной политической жизнью. Иными словами, она ставит задачу установления причинно-следственных взаимосвязей между различными элементами международной жизни. В частности, требуется дать ответ на вопрос, неоднократно ставившийся в историографии, относительно связи между коллапсом мировой экономической системы и политическими процессами происхождения Второй мировой войны.

Действительно, в подходе к экономическому кризису необходимо, в частности, избежать слишком схематичной и прямолинейной трактовки связи между экономическими фактами и политическими аспектами международных отношений. Модель рыночной экономической системы восходит к периоду промышленной революции. Она получила законченный вид в XIX веке, когда это понятие стало совпадать с понятием капиталистической экономики. Однако полное совмещение этих понятий не было возможно никогда, поскольку первое делало акцент на существовании рынка как регулирующего элемента экономической жизни, а второе — на накоплении капитала в качестве характерной черты, часто преобладающей над категориями рыночной экономики,

хотя и восходящей к прошлым векам. Первая мировая война выявила разного рода противоречия и проблемы, которые следовало решать, вновь обращаясь к ним как к опыту, подлежащему рассмотрению и исправлению, но не полному отрицанию.

Хотя способ действий создателей Версальской системы допускал критический анализ как с политической, так и с экономической точки зрения, результаты такого анализа не могли быть плодом размышлений одного или нескольких теоретиков системы. Это могло быть верным в отношении антикапиталистических концепций, выводящих из критики экономической системы ряд субъективных предложений в пользу создания другой, частично или радикально модифицированной, системы. При этом не ощущалась необходимость *a priori* проводить сравнение с другими явлениями, кроме проявившихся в экономической жизни последних лет. Деятели, которые после 1919 г. должны были в рамках существующей системы отвечать на вызовы времени, то есть на периодически возникавшие проблемы, не могли иметь в своем распоряжении набора уже опробованных средств, поскольку проблемы были новыми, а готовых рецептов их решения не существовало.

Иными словами, мировая финансовая система управлялась крупными частными банкирами, руководителями наиболее значительных государственных банков, министрами финансов ведущих держав, которые впервые оказались перед необходимостью реагировать на глобальный вызов, не обладая проверенными способами «лечения». План Дауэса инициировал процесс краткосрочного оздоровления экономики. В начале 1929 г., года окончания его действия, никто не мог предусмотреть, будет ли это временное средство эффективным также и с точки зрения структуры в целом и решит ли новые проблемы, которые оставила в наследство война, а они вовсе не ограничивались только вопросами долгов и репараций. Вопреки односторонним интерпретациям, больше всего в этой ситуации поражает неспособность согласовать в своих решениях финансово-экономические аспекты с политическими, неспособность представителей деловых кругов воспринимать новые проблемы или же их медленная адаптация к новым обстоятельствам, а также способность политиков «придумывать» кризисные ситуации.

Для того, чтобы привести некоторые примеры таких противоречий, достаточно вспомнить, что финансовая система задумывалась как независимая, в то время как торговая система формировалась со все большими трудностями. Только англичане и только до 1931 г. последовательно придерживались принципов свободной торговли. Соединенные Штаты, сделавшие принципы свободной

торговли при Вильсоне своим знаменем, защищали свой рынок высокими тарифами, и хотя международная экономическая конференция, созванная Лигой Наций в Женеве в 1927 г., рекомендовала приостановить их действие, в 1930 г. законом Холи–Смута (Smooth–Hawley Tariff Act) они ввели ультрапротекционистские тарифы, скопированные в то же самое время европейскими странами и Японией. Однако самой сложной была ситуация в Австрии и в других вновь образовавшихся странах. Они должны были доказать и внутри своей страны и внешнему миру свою экономическую самостоятельность, но сделать это им удалось только с помощью жесточайшей протекционистской политики.

2.1.2. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ОТВЕТ НА АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ

Два других характерных явления тех лет состояли в быстром изменении социальной структуры в отдельных отраслях производства, связанном с реорганизацией механизированного труда, и в общей неопределенности отношений между социальными классами. В 1922–1923 гг. страх перед неминуемой революцией уступил место восстановлению контроля правящих кругов за ситуацией с помощью традиционных инструментов или же прибегая к авторитаризму. Однако, когда исчез страх, осталась главная проблема, а именно — не был дан однозначный ответ на вопрос, поставленный кризисом, о взаимосвязи между правительствами и массовым обществом. Стало очевидно, что сами массы не хотели революции и были не в состоянии ее осуществить; но было также очевидно и то, что они не удовлетворялись возвращением к довоенному положению эксплуатируемых, и что их невозможно побудить забыть о своих собственных интересах во имя высшего национального интереса, как это происходило во время войны. Избежать столкновения классов было возможно, но ценой осуществления реформистской политики — пронизанной патернализмом в авторитарных режимах или же согласованной с социалистическими силами, как это происходило во Франции и в Великобритании, несмотря на элементы острых внутренних противоречий, сопровождавших процессы подобной перестройки. Иными словами, каким бы ни был политический режим, возникший в результате послевоенного кризиса, политические и экономические действия всех правительств мира обуславливались необходимостью по-новому определять отношения с социальными классами.

Фоном всех этих процессов и десять лет спустя после войны продолжало оставаться все еще сохраняющееся соперничество

двух держав: Франции и Германии. Эпоха Бриана и Штреземана исчерпала себя, приведя к некоторым поверхностным изменениям, сгладившим острые углы, но не устранившим глубинные причины враждебности. *A posteriori* трудно разобраться, был ли оптимизм второй половины двадцатых годов плодом наивности, простодушия, доброй воли тех, кто ограничивался построением словесных конструкций, или же это был результат взаимного и сознательного обмана, направленного на то, чтобы отложить подведение итогов до того момента, когда жертвы, только что принесенные войне, отойдут в прошлое в сознании людей и вновь станет возможным появление старого и нового национализма в старой и новой Европе. Однако в целом эти черты международной жизни препятствовали тому, чтобы размышления о мировых проблемах в категориях рационализации управления глобальными финансами, столкнулись бы с реальностью, пропитанной обидами, преобладающими над строгой рациональностью и порождающими конфликты.

Прежде чем конкретно анализировать политическое значение экономического кризиса 1929–1932 гг. следует учесть эти основополагающие моменты. В самом деле, они демонстрируют невозможность дифференциации различных проектов развития международных отношений. Следовательно, исходя из опыта первого послевоенного десятилетия, нельзя не учитывать взаимодействие между различными аспектами политики, проводимой каждым отдельным правительством.

2.2. Финансовый кризис и кризис производства

2.2.1. КРАХ НА УОЛЛ-СТРИТ

24 октября 1929 г. на фондовой бирже на Уолл-стрит в Нью-Йорке раздался первый серьезный сигнал тревоги: 13 млн. акций были проданы по рекордно низким ценам. Это было только начало. «Черным вторником» американской фондовой биржи стало 29 октября, когда после недели непрекращавшегося падения стоимости акций было продано еще 16 миллионов. Несмотря на некоторые моменты улучшения ситуации, падение стоимости акций продолжалось на протяжении всего ноября, затем остановилось приблизительно на год и продолжалось почти безостановочно, достигнув минимального значения в июне 1932 г. Лишь в 1936 г. стоимость акций поднялась до докризисного уровня. В 1932 г. средние котировки основных мировых бирж снизились на величину от трети до четверти по сравнению с уровнем 1927 г., и без

того низким. Вначале кризис создавал впечатление биржевого кризиса, связанного прежде всего с ажиотажными спекуляциями, искусственно вызвавшими повышение цен, с излишней ролью трестов и инвестиционных компаний в американской финансовой жизни, что увеличивало долю капитала, подверженного риску, и смешивало солидные предприятия с авантюрными. Кредитные ужесточения выявили перепроизводство товаров (автомобилей, продукции строительной отрасли), а также серьезные трудности, связанные с падением цен на сельскохозяйственные и продовольственные товары, такие как зерно, хлопок и мясо, составлявшие главные статьи в американском продовольственном экспорте, и затрагивавшие государства, традиционно важные для американской экономики.

Безработица возросла до 1 млн 600 тыс. человек, что еще не являлось тревожным признаком, в том числе и потому, что биржевой кризис не привел немедленно к краху производственной деятельности. Напротив, она достигла в целом в 1929 г. более высокого по сравнению с индексом 1913 г. (взятым за 100) индекса — 180, 08 пунктов, а в 1930 г. индекс производства оставался еще достаточно высоким — 148. В определенном смысле, именно искусственный рост производства в 1929 г. увеличил масштаб катастрофы, когда производство снизилось в 1932 г. ниже уровня, взятого в качестве параметра, — до индекса 93,7.

2.2.2. ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕВРОПЫ

Если бы американский биржевой кризис остался ограниченным Соединенными Штатами, то, вероятно, он развивался бы в рамках циклического, а не структурного кризиса. Однако, он повлиял на ситуацию в Европе, в которой несколько месяцев спустя после краха на Уолл-стрит начали проявляться признаки ухудшения ситуации. В Германии приостановка потока долгосрочных кредитов из Соединенных Штатов, связанная с ростом в 1928 г. и в первой половине 1929 г. котировок на Нью-Йоркской бирже и, соответственно, с меньшей склонностью американских финансистов к инвестициям за границей, привела к резкому инфляционному скачку и кризису производства. В 1932 г. число немецких безработных достигло почти 6 млн человек (больше американского уровня), что составляло около половины всех наемных рабочих.

Связь между прекращением кредитования и безработицей очень важна. Политические последствия были неизбежными, ибо вновь возрождались страхи и недовольство, характерные для 1923 г. Когда рост пособий, выплачиваемых безработным, привел к труд-

ностям в системе социального обеспечения, существовавшей для преодоления кризисных моментов, канцлер Брюнинг и министр финансов Лютер начали проводить дефляционную политику, лишившую их поддержки социалистов. В течение нескольких месяцев Брюнинг управлял посредством декретов, затем он попытался обойти растущую оппозицию в рейхстаге, назначив на сентябрь 1930 г. новые выборы. Результат оказался обеспокаивающим, поскольку нацистская партия Адольфа Гитлера, которая до того момента имела незначительное представительство, получила более чем 100 мест. Сочетание национализма с экономическим кризисом дало свой первый результат. Брюнинг пытался найти выход с помощью проведения более динамичной внешней политики, не добившись никакого успеха, но нанеся при этом серьезный ущерб финансовой сфере, поскольку иностранные банки и, в особенности, американские, поспешно вывели свои капиталы, вложенные в экономику Германии и Австрии.

Пытаясь создать таможенный союз двух стран, Брюнинг только взбудоражил их, добившись роста недоверия к намерениям немцев. Другой сигнал был послан полупровалом займа, предоставленного по плану Юнга.

В Великобритании кризис характеризовался безработицей, явившейся следствием снижения конкурентоспособности британских товаров в результате искусственно завышенного курса фунта стерлингов. Тот же самый феномен был характерен для Италии как следствие политики «квоты 90», введенной Муссолини. Летом 1930 г. ряд итальянских банков столкнулся с серьезными трудностями, вынудившими правительство и Банк Италии осуществить меры по вмешательству, сохранявшиеся в секрете (и, следовательно, не повлиявшие на общественные настроения), в результате которых был запущен механизм спасения сначала банков, а затем промышленности, давший впоследствии жизнь Институту промышленной реконструкции (IRI).

В течение 1930 г. американский кризис начал, следовательно, сказываться на странах Европы, не проявляясь, однако, в шокирующих формах (за исключением Германии). Именно стремительное развитие ситуации в Австрии вновь поставило этот вопрос и привело к проявлению непосредственной и очевидной связи между положением в Европе и Америке, сведя на нет частичное восстановление экономики по ту сторону Атлантики в конце 1930 — начале 1931 г.

Австрийская экономика так и не оправилась от ударов, нанесенных политическим урегулированием в Дунайско-Балканском регионе по Сен-Жерменскому договору, и не восстановила спо-

способность существовать автономно. В Австрии экономическая система основывалась на тесных связях между банками и промышленностью, позволявших осуществлять движение капиталов, необходимое для инвестиций. С утратой территории империи и, в особенности, порта Триест и района Судет, наиболее выгодных для австрийской промышленности, зоны торговли оказались оторванными от производителей, сталкивавшихся с постоянными трудностями и пережившими существенное сокращение рабочей силы. Безработица до момента кризиса колебалась в диапазоне 10–15% рабочей силы; некоторые промышленные предприятия были вынуждены уступить ценные бумаги, стоимость которых падала, банкам, оказавшимся обремененными этими обязательствами. Только займы, предоставленные Лигой Наций, создавали минимальный зазор в этих экономических тисках.

Главным австрийским банком был Кредитенштальт, объединивший под своим контролем ряд небольших банков. Он получил от них в качестве взноса промышленные акции, приносившие больше потерь, чем прибылей. Когда в мае 1931 г. руководство банка оказалось перед необходимостью проверить состояние своих финансов, то выяснилось, что пассивы превышали активы, а это вело к краху. Затем последовали попытки спасения, как внутри страны, так и извне, тесно связанные с полемикой по поводу австро-германского таможенного союза, который пытались создать и отказом от которого французы обусловили свое вмешательство. Только в августе Лиге Наций удалось собрать сумму в 250 млн австрийских шиллингов, в результате чего австрийская финансовая жизнь была практически поставлена под иностранный контроль — так, как будто бы речь шла о протекторате. Тем временем случилось самое худшее. Из австрийского банка и из Австрии вывели капиталы все те, кто мог это сделать (как австрийцы, так и иностранцы), приведя в движение волну паники, охватившей весь мир, за исключением Советского Союза, осуществлявшего в изоляции свой первый пятилетний план (1928–1932 гг.). Кризис, до того являвшийся только американским и лишь частично европейским, превращался в великую мировую депрессию, мощный удар для всей финансовой системы, настолько сильный, что приходилось сомневаться в самой возможности ее выживания.

Летом 1931 г., в то время как происходили попытки спасти Кредитенштальт, весь механизм, связанный с репарациями и межсоюзническими долгами, оказался заблокированным. Платежи были прекращены, инвестиции и перемещение капиталов парализовано, банки один за другим терпели крах. В Америке финансовый кризис перерос в экономический кризис.

После Соединенных Штатов, Германии, Италии и Австрии настала очередь Великобритании. Тот факт, что сохранялся «золотой стандарт» (*Gold Standard*) фунта стерлингов, неизбежно привел к напряженности в финансовой сфере, поскольку потенциально британская валюта становилась валютой-«прибежищем». В реальности фунт стерлингов был переоценен по отношению к своей покупательной способности на мировом рынке, а золотой стандарт был связан со стабильностью мировой экономической ситуации. Растущая напряженность обнажила хрупкость британской финансовой системы. Золотые резервы и валюта Английского банка сократились до более чем рискованного предела. Тому, кто претендовал на проведение политики глобального валютно-финансового превосходства, неоткуда было ждать помощи.

Английское правительство, вверенное в тот момент Рамсею Макдональду, возглавлявшему коалицию «национального единства», было вынуждено 21 сентября отказаться от «золотого стандарта», что вызвало обесценивание всех валют, связанных с британской: валют стран Содружества, Северной Европы, части Центральной и Средиземноморской Европы, Латинской Америки. В общей сложности британскому примеру последовали 25 валют, что оказалось пагубным и для Соединенных Штатов, все еще привязанных к «золотому стандарту». Массы обладателей долларов поспешили потребовать их обмена на золото, что в итоге создало трудности для Федерального резервного банка Нью-Йорка (*Federal Reserve Bank*), вынужденного за несколько дней постепенно поднять учетную ставку с 1,5 до 3,5%. Поспешная конвертация долларов в золото немедленно сказалась и на американских ценах, которые, не будучи девальвированы, мгновенно привели к трудностям в связи с торговой конкуренцией на мировом рынке, несмотря на протекционистские меры, установленные в 1930 г. законом Хаули—Смута.

2.2.3. АМЕРИКАНСКИЙ ОТВЕТ

Иллюзия относительно того, что худший момент кризиса 1929 г. прошел, была жестоко уничтожена. Мировая экономика и, в частности, американская, коснулась дна. В Соединенных Штатах индекс производства составлял в 1932 г. 93,7 (за точку отсчета берется по-прежнему 1913 г.), что составляло половину индекса 1929 г., цены в сельском хозяйстве достигли самого низкого уровня; безработица возросла до 12 млн человек. Вашингтонская администрация, возглавлявшаяся президентом Гербертом Гувером, пыталась противостоять кризису с помощью ряда мер, но не до-

билась ощутимых результатов. На выборах 1932 г. он потерпел поражение от Франклина Д. Рузвельта, который вновь привел к власти демократическую партию, но которому не удалось сразу же осуществить поворот. Подъем экономики с трудом начался после отказа также и со стороны Соединенных Штатов от «золотого стандарта» и начала проведения политики «нового курса». Однако только в период Второй мировой войны были окончательно стерты следы пережитого потрясения.

«Новый курс» был сочетанием политики государственного вмешательства кейнсианского образца и социальных мер, направленных на облегчение положения самых обездоленных с гуманитарной точки зрения слоев. Он отвечал также ожиданиям профсоюзов, которые в те годы достигли наибольшего влияния. Таким образом был постепенно запущен производственный механизм, хотя, впрочем, мир американских финансистов вовсе не был склонен поддерживать ту смесь реформизма и осторожности, что лежала в основе рузвельтовской правящей коалиции.

Важно, однако, заметить в данном случае, что в самый драматичный момент кризиса международные согласования по видимости стали более частыми, в то время как в реальности каждая страна старалась найти внутренние ресурсы для преодоления кризиса и соответствующие рецепты. В июне 1933 г. Лига Наций предприняла последние усилия, и даже с участием Советского Союза, и созвала международную финансово-экономическую конференцию, которая должна была перестроить валютно-финансовую систему в соответствии с золотым содержанием различных валют. Однако Рузвельт отправил в Женеву однозначное послание: «Прочность внутренней экономической ситуации государства, а не стоимость его валюты, — говорил он, — является самым важным элементом благосостояния... Старые фетиши международных банкиров постепенно заменяются усилиями по созданию национальных валютных систем с целью придать валюте постоянную покупательную способность... Соединенные Штаты стремятся к устойчивому доллару, который и через поколение имел бы такую же покупательную способность и такую же способность оплаты долгов, какую мы надеемся приобрести в ближайшем будущем.... В широком смысле наша цель — стабилизация валюты каждой нации... Когда во всем мире будут согласованы варианты политики, способные достигнуть равновесия платежного баланса с помощью собственных ресурсов, тогда мы сможем обсуждать лучшее распределение золота или серебра в мире».

Речь шла о жесткой позиции, контрастировавшей со свободой торговли, о приверженности к которой заявляли тогда Соединенные

Штаты. В действительности, это был призыв ко всем странам мира, чтобы каждая из них привела в порядок собственную экономическую систему, с целью последующего возобновления на новой основе международного финансового сотрудничества. Однако в тот момент слова Рузвельта являлась также выражением изоляционистских настроений и национального подхода к проблемам. Впрочем, американский президент лишь адаптировался к тому, что уже имело место в действительности.

2.2.4. ЕВРОПЕЙСКИЙ И ЯПОНСКИЙ ОТВЕТ

В 1932 г. англичане приняли решение, имевшее, помимо экономического, большое политическое значение. Поскольку Лондон не мог больше считаться доминирующей площадкой международных финансов, а фунт стерлингов был вынужденно девальвирован, решение состояло в поиске более ограниченной зоны влияния, практически сводившейся к Британской империи в новой форме Содружества, которую она принимала, и к странам, с ней связанным. Имперская конференция в Оттаве в августе 1932 г. утвердила ряд решений, принятых в предыдущие месяцы: о создании преференциальной зоны обмена, защищенной особыми тарифами; о контроле за стоимостью фунта стерлингов с последующей корректировкой и без возвращения к «золотому стандарту»; о политике, направленной на оживление инвестиций в целях преодоления кризиса производства. С 1934 г. в Великобритании возобновился экономический рост, и экономика вернулась к довоенному уровню — чего с ней не случалось ранее, за исключением 1929 г. — ее рост был хотя и медленным, но достаточным.

Франция, защищенная финансовыми мерами, принятыми в 1925 г., и своими солидными золотыми запасами, вплоть до 1931 г. была едва затронута кризисом. В определенном смысле она даже извлекла из него выгоду, поскольку приостановка платежей по немецким репарациям (на которые она уже давно перестала рассчитывать) позволила ей без колебаний отвергнуть требование американцев о продолжении выплаты долга. Это решение было узаконено Лозаннской конференцией в 1932 г. В то же время французское правительство, которое могло рассчитывать на «зону франка» в границах своих имперских владений, столкнулось с гораздо более сложной политической ситуацией по сравнению с Германией и Австрией. При этом оно стремилось расширить свое финансовое влияние и устранить последствия экономической дестабилизации в европейском регионе, представлявшем собой наиболее сложное сочетание неустойчивости и двойственности —

в Дунайско-Балканском. Франция постаралась создать своего рода дунайскую зону свободного обмена, способную регулировать свою внешнюю торговлю благодаря стабилизационному валютному фонду, формируемому богатыми странами, что на деле в 1932 г. означало финансирование единственной страной — Францией.

Немецкий ответ на кризис был сконцентрирован на двух основных моментах: дефляционной политике и строгом контроле за биржевыми операциями. Иными словами, создавалась система, в которой опасности рецессии компенсировались тенденциями к протекционистской защите внутреннего производства и внушительного экспортного потока на Балканский полуостров на основе компенсационных принципов, делавших возможным сбыт товаров по отложенным платежам, но способствовавших подъему германской экономики и приемлемых для стран-клиентов. Позднее, после прихода Гитлера к власти, подъем экономики ориентировался еще более на протекционизм, с акцентом на крупные программы внутренних инвестиций в инфраструктуру и в военную промышленность. Это была политика, не лишенная риска, поскольку в основе перестройки экономики лежало почти насильственное изъятие внутренних ресурсов. Однако импульс этой политики исходил от протекционистского выбора Соединенных Штатов, Великобритании и Франции. Она также вдохновлялась ревизионистскими замыслами Гитлера, и именно ими и определялась.

Что касается Италии, то в равной степени и ее экономический подъем достигался авторитарными методами, типичными для фашистского режима. Система биржевых операций была поставлена под государственный контроль через создание Национального института внешней торговли (*Istituto nazionale per i cambi con l'Estero*), а проблему концентрации финансовых ресурсов должен был решить Итальянский институт движимого имущества (*Istituto mobiliare italiano* — ИМИ), в обязанности которого входил банковский контроль за инвестиционными капиталами. Наконец, главная задача вновь созданного Института промышленной реконструкции (*Istituto per la ricostruzione industriale* — ИРИ), определялась как содействие возобновлению заблокированной экономической деятельности или облегчение положения предприятий, оказавшихся в кризисе из-за рецессии. Однако ИРИ быстро превратился из инструмента спасения в инструмент автаркической экономической политики фашистского правительства. Когда он создавался в 1933 г., то рассматривался как временный институт, предназначенный для регулирования продаж частным лицам улучшенных им активов. В 1936 г. от этого пути отказались. «Банковский закон» запретил депозитным коммерческим банкам предоставлять

кредиты промышленным предприятиям. Однако это была скорее не мера, связанная с проектом государственного вмешательства в экономику, а симптом (как, впрочем, и существование ИРИ) слабости рынка капиталов в Италии и необходимости — порожденной также провалом попыток выработки международных соглашений, от которых Италия могла бы выиграть, — создания протекционистской системы под государственным контролем.

Япония, в свою очередь, лишь в незначительной степени почувствовала на себе кризис перепроизводства. Ей удалось избежать его последствий в сфере торговли благодаря механизму гибкого обменного курса, принятого как раз в 1931 г., и благодаря последующему введению тарифных барьеров в 1932 и 1933 гг. Политика снижения процентной ставки, проводившаяся Банком Японии, и правительственных инвестиций, инициированных министром финансов Корекийо Такахаси, оказалась достаточной для того, чтобы обеспечить подъем экономики и быстрое возвращение к ускоренным темпам роста промышленности.

2.2.5. В ПОРЯДКЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Один из крупнейших историков «великой депрессии» Чарльз П. Киндельбергер, анализируя вопросы, возникающие при попытке объяснить происходившее, предлагает следующий ряд утверждений (это *одно* из возможных объяснений, по его собственному мнению, а не *единственно возможное*):

«Депрессия 1929 г. была настолько обширной, глубокой и длительной, поскольку международная экономическая система оказалась нестабильной вследствие неспособности Великобритании и отсутствия желания со стороны Соединенных Штатов принять на себя ответственность за стабилизацию в трех сферах: а) поддержать достаточную открытость рынка для товаров широкого потребления; б) обеспечить долгосрочные кредиты для противодействия циклическому кризису; в) осуществлять учетные операции, несмотря на кризис. Шоковые потрясения, которые испытала система в результате перепроизводства некоторых основных продуктов, таких как зерно; снижения процентных ставок в США в 1927 г. (если оно было таковым); блокирования предоставления займов Германии в 1928 г. и биржевого краха в 1929 г., — не были чем-то исключительным... Мировая экономическая система все равно сохраняла бы нестабильность, если бы ее не стабилизировали некоторые страны, как это делала Великобритания в XIX веке, вплоть до 1913 г. В 1929 г. Великобритания была не в состоянии, а Соединенные Штаты не проявляли желания сделать то же самое.

В тот момент, когда каждая страна захотела защитить непосредственно собственные национальные интересы, общемировые интересы были погублены, а вместе с ними — и частные интересы всех”.

Таким образом, близорукость государственной политики доминировала над экономическими решениями. В 1924 г. некоторые американские финансисты рассматривали вопрос о необходимости вмешательства в Европе, поскольку это отвечало не только их краткосрочным интересам, но и долгосрочным интересам всей мировой рыночной системы. Это вмешательство не являлось бы плодом теоретического, научного осмысления проблемы. Литература, касавшаяся необходимости вмешательства и его форм в ситуации кризиса экономического цикла, еще не была в достаточной степени систематизирована, чтобы иметь то значение, которое она приобрела лишь с появлением работ Кейнса и более поздних исследований, ставших отражением депрессии 1929 г. Вмешательство американских государственных деятелей и банкиров вдохновлялось тонким и открытым по отношению к внешнему миру пониманием уникальности системы и необходимости вмешиваться даже в отдаленные зоны кризиса, поскольку общее благосостояние системы было полезно и необходимо прежде всего для тех, кто занимал в системе центральное место. Но именно потому, что вмешательство являлось результатом определенного процесса, а не долгосрочного проекта, оно было ограничено временным характером принимаемых мер и осторожностью, с какой они осуществлялись. По существу, план Дауса — это удачная попытка внушить, вопреки всяким ожиданиям, доверие американским вкладчикам к выпущенным ценным бумагам для предоставления займа Германии.

Несмотря на эту ограниченность, американское вмешательство вызвало ответы двоякого рода: с одной стороны, участие с целью привести в движение буксующий механизм; с другой — участие с целью выявления способности Соединенных Штатов принимать решения и доминировать. После того, что произошло во время Первой мировой войны, когда все союзники прибегали к американскому кредиту для поддержания военных усилий, это не выглядело большим новшеством. Но в определенном смысле новшеством было то, что несмотря на политику изоляционизма, американцы захотели продемонстрировать свои финансовые «мускулы». И это «открытие» повлияло на принятие решений Великобританией и Францией в 1925–1926 гг., направленных на сохранение, насколько это было возможно, центральной роли Европы в мировой финансовой системе, то есть превалирования лондонской биржи и господства фунта стерлингов в качестве средства обмена, а также особого положения франка, подкрепленного солидными золотовалютными ресурсами.

В этих вариантах действий, когда политика брала верх над экономикой, подсказывавшей, напротив, необходимость уменьшения стоимости фунта, просматривалось недостаточное понимание глобального значения данной проблемы (как было очевидно уже в 1923 г. в ходе оккупации Рура и реакции на это Германии, состоявшей в «пассивном сопротивлении» и свободном падении марки). Существовало два ограничителя, не позволявших понять необходимость такой связи: иллюзия того, что удалось изолировать революционную опасность, сведя ее к внутреннему делу Советской России, и неспособность предвидеть результаты, которые этот разрыв рыночной системы может иметь в момент, когда движение в направлении деколонизации еще только делало свои первые шаги, но уже проявилось вполне отчетливо и было достаточно изучено, чтобы наиболее опытные политики могли осмыслить то влияние, которое оно будет оказывать на мировые финансы. Поэтому американское финансовое участие казалось неким вмешательством и лишь обозначило направление, по которому должна была следовать европейская экономическая жизнь для того, чтобы действительно начался процесс оздоровления. Однако ни в Америке, ни в Европе оно не сопровождалось последовательными согласованными действиями. В результате возродились старые противоречия, к которым война добавила неприязнь и ненависть.

Таким образом, после 1932 г. началось оздоровление, однако оно пошло путями, усугубившими противоречия и обострившими их до крайности. При этом почти исчезла способность Европы выжить до того момента, пока действительно не появится повсеместное стремление встать над вечным межнациональным соперничеством и решать проблемы с точки зрения общих интересов, как это и произошло в 1947 г.

Атмосфера периода 1924–1929 гг. породила надежду на обновление способности находить мирные решения политических проблем, поскольку эти решения строились на преодолении экономического наследия, которое оставила война. Немцы согласились выплачивать репарации, поскольку знали, что они являлись частью спасительного круга, созданного Соединенными Штатами. Когда этот спасительный круг был разорван, и стало понятно, что националистические политические интересы берут верх над международным экономическим сотрудничеством, американцы первыми отступили и отказались от своего плана (или отложили его) стать гарантами экономической стабильности, финансового мира и, в конечном счете, политического порядка в системе международных отношений. В результате кризис стал распространяться подобно масляному пятну за пределы той области, где он

обнаружился ранее, и таким образом было положено начало самой острой фазе проявления национализма в европейских странах. Война 1914–1918 гг. оставила слишком много нерешенных проблем, чтобы можно было о них забыть, за исключением тех случаев, когда их преодоление навязывалось извне. Война даже не уничтожила иллюзию некоторых крупнейших европейских держав (Великобритании, Франции и Германии) относительно способности доминировать на континенте и в мире. А ее возрождение радикально изменило политическую картину, характерную для периода до начала 30-х годов, и внезапно превратило атмосферу пацифизма в атмосферу почти фатального ожидания решающего и саморазрушительного столкновения.

2.3. Политические последствия экономического кризиса. Рост нацизма в Германии

2.3.1. ЗАКАТ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ ГИТЛЕРА

Экономический кризис вновь обнажил раны в политике, которые едва начали затягиваться, и показал, что, напротив, они все еще оставались открытыми и, вероятно, сделались более глубокими от накопившихся претензий националистического характера. Раньше других стран испытали на себе его политические последствия Германия и Австрия, быстро лишившиеся свободы выбора в международной деятельности. С момента ее рождения Веймарская республика управлялась коалицией центристски ориентированных партий, часто при доминировании Социал-демократической партии, а также коалицией между ней и Демократической партией (*Demokratische Partei*) либерально-демократического направления, Немецкой народной партией (*Deutsche Volkspartei*), к которой принадлежали Штреземан и Шахт, националист и либерал-демократ, и католической партии «Центра». Правая оппозиция до прихода фашистов к власти возглавлялась Немецкой национальной народной партией, а левая — Коммунистической партией Германии (*Kommunistische Partei — KDP*). Отношения между этими партиями определялись сомнительной приверженностью правых и умеренных модели республиканской конституции, выработанной в Веймаре, и расколом левых после неудачи революционной попытки 1919 г. Для коммунистов немецкая социал-демократия являлась, в соответствии со сталинской концепцией, социал-фашизмом, с которым нельзя было сотрудничать. Результатом стало саморазрушающее столкновение.

Несмотря на глубокие политические противоречия и непомерные экономические трудности, культурная жизнь Веймарской республики представляла собой своего рода горнило, в котором переплавлялись культурные тенденции и различные течения европейской мысли. Значительная часть того, что было выработано общественной мыслью Австрии в период, предшествовавший распаду империи (а в некоторых случаях — также и в последующие годы), или Франции в первые годы XX века, вновь зазвучала в Германии в устах выдающихся представителей культуры и искусства, способных, казалось, вдохнуть в молодые республиканские установления необычайную жизненную силу. Однако достаточно было обжигающего дыхания кризиса, чтобы продемонстрировать, что все это — лишь тонкий слой иллюзий интеллектуалов. Немцы уже в 1928 г. почувствовали результаты движения американских капиталов. Приостановка предоставления долгосрочных займов привела к значительному росту безработицы и возродила призраки 1923 г. Со смертью Штреземана в октябре 1929 г. закончилась эпоха сотрудничества с западными державами с целью восстановления позиций Германии в Европе. Впрочем, ликвидация иностранного военного присутствия в стране по плану Юнга стала важным шагом в направлении освобождения от выполнения условий Версальского договора.

Спустя несколько недель правительство Германа Мюллера, возглавлявшееся социал-демократами, было распущено. В марте 1930 г. президент Гинденбург поручил формирование правительства Генриху Брюнингу, лидеру партии «Центра». Так начался период, когда социал-демократы перешли в оппозицию, правительство оказалось в ситуации нарастающей нестабильности, а его внешняя политика приобретала более явно ревизионистский характер. Этот поворот был связан с ростом влияния Национал-социалистской рабочей партии (*National sozialistische deutsche Arbeiterpartei* — NSDAP), которая, получив 107 мест на выборах в сентябре 1930 г., превратилась в одну из главных германских политических групп — силу, выступавшую против всех аспектов политики правительства. Во время выборов июня 1932 г. Национал-социалистская партия получила 230 депутатских мест и стала ведущей партией в стране. Лишь в конце 1932 г., на новых выборах в ноябре, проявились признаки исчерпанности ресурсов, и численность депутатов НСДАП снизилась до 196. Но поскольку она продолжала оставаться самой значительной по сравнению с другими партиями, то канцлерство Адольфа Гитлера становилось неизбежным.

Фигура Гитлера, который в течение двенадцати лет доминировал в политической жизни Германии, оставив после себя неиз-

гладимый след, не может быть перечеркнута несколькими росчерками пера и осуждена как проявление безумия человека, движимого экстремистскими идеями и антиеврейским фанатизмом и вовлекшего свою страну в самый обширный и кровавый конфликт, когда-либо имевший место в истории человечества, оставив за собой след из нескольких десятков миллионов жертв и ужас предумышленного убийства шести миллионов евреев. Господство Гитлера уходило корнями в глубинную жизнь Германии и Европы. В его фигуре, которая может показаться потомкам даже карикатурной, причудливым образом слились воедино основные мотивы политической и культурной жизни Германии с элементами, отнесенными также и к роли Европы в мировой истории.

Гитлер родился в Австрии в среде, пропитанной антисемитским фанатизмом, пангерманизмом и враждебностью к либерал-демократической культуре. В молодые годы он испытал в Вене бедность и одиночество, что повлияло на формирование его характера и личности — вспыльчивой, интровертной, жестокой, с неуправляемыми эмоциями, которые он способен был передавать другим и отравлять ими, что было доказано уже в двадцатые годы. Заядлый и беспорядочный читатель книг, созвучных его менталитету, он, в конце концов переварил их и жил в своего рода абсолютном и последовательном мистицизме, возделенной целью которого было утверждение превосходства «арийской расы» и освобождение Германии, Европы и человечества от врагов, которые мешали их самоутверждению и способствовали их деградации. Этими врагами были прежде всего евреи и принадлежавшие к «низшим расам»: еврей-капиталисты, осуществлявшие свою грабительскую финансовую деятельность (которых Гитлер противопоставлял германским капиталистам, выполнявшим творческую и плодотворную задачу); славяне — в любом случае, а также поскольку они испытали влияние марксистской идеологии и ленинской практики; рабочие, которых Гитлер знал по Вене как воплощение «кошмаров» развращающего социализма.

Идеи примата нации, ее очищения и миссии, извлеченные из беспорядочного чтения, составили нагромождение программных положений, к которым Гитлер добавил свой суровый жизненный опыт. Пойдя добровольцем в немецкую армию и получив ранение на французском фронте, он счел себя предназначенным для выполнения миссии отмщения за Германию темным силам, унижившим ее. Он возродил старые мечты и мифы о величии, придав им искаженную и патологическую форму и утверждая их при этом с огромной энергией, придававшей его обращениям безграничную силу убеждения. Как оратор он был способен довести

толпу до пароксизма и заставить ее вслепую «загореться» какой-либо целью.

Оправившись от ран войны и поражения, он сразу же бросился в политику, сначала устроив попытку путча, участником которого оказался маршал Людендорф, а затем занявшись созданием Национал-социалистской партии. За участие в провалившемся путче, предпринятом в конце 1923 г. Густавом фон Каром в Мюнхене, его приговорили к тюремному заключению сроком на пять лет. Сидя в камере он написал свое «евангелие» — «Mein Kampf» («Моя борьба»), два тома, появившиеся в 1925 и 1927 гг., в которых развивалась нацистская программа 1920 г., переработанная в соответствии с видением мира, где доминировало стремление бороться за спасение Германии, Европы и всего человечества. Это должно было стать делом немецкого руководящего класса, «избранного народа», которому следовало использовать безо всяких ограничений программу очищения расы и переустройства всего континента с целью спасти его будущее от господства еврейских финансов и плутократии и тем самым предопределить его грядущее величие, в центре которого засияет возрожденная европейская цивилизация. Цивилизация, построенная на трупах жертв, необходимых для очищения, подобно тому, как это происходит в скандинавских сагах, — безумная мечта, которая развивалась, однако, элементы, уже в течение десятилетий присутствовавшие в британской, французской, немецкой культуре. Именно этот момент не позволяет утверждать, что Гитлер был изолированным проявлением личной харизмы и способности манипулировать массовым сознанием, а, напротив, вынуждает отметить, что нацистская «культура» — это результат (конечно, побочный и экстремистский) семян, пустивших корни в цивилизации Западной Европы и приносивших плоды благодаря скрещению людей, идей и политико-экономических ситуаций, которые придавали неожиданную силу этому смешению и необычайную отравляющую способность нацизму. Такой эффект усугублялся еще и тем, что Гитлер утверждал, что он является немецким последователем своего итальянского предшественника Муссолини, тогда как у Муссолини и фашизма, являвшегося плодом авторитарной инволюции итальянской буржуазной мысли, общими с нацизмом были лишь политические формы режима, который уже установился в Италии и который еще предстояло установить в Германии.

Когда в 1930 г. нацизм стал одной из основных сил в германской политической жизни, никто не мог питать иллюзий, что ситуация останется неизменной. Жизнь страны уже определялась ревизионистской истерией, являвшейся прелюдией к соответствующей

щей практике. В сложившейся ситуации правительство должно было немедленно сменить курс во внутренней и внешней политике. В том, что касается последней, оно вынуждено было поспешно придать международной деятельности Германии откровенно наступательный характер, который в корне противоречил методам (если не целям) политики Штреземана. Ужесточение или неожиданную смену курса, осуществленную Брюнингом в отношении международной деятельности Германии, можно понять, только если иметь в виду, что на него постоянно нажимал противник, вынуждавший, под угрозой обвинений в предательстве национальных интересов, все время повышать ставки. Далеко не весь немецкий правящий класс считал нужным дистанцироваться от нацистов. Достаточно привести пример Шахта, осуществлявшего политику оздоровления в качестве руководителя *Deutsche Bank* начиная с конца 1923 г. В октябре 1931 г. он оставил свой пост, сблизился с нацистами и вернулся в *Deutsche Bank* после назначения нацистского вождя рейхсканцлером.

2.3.2. ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА С АВСТРИЕЙ

Брюнинг отреагировал на экономический кризис, выявивший тесную связь Германии с Соединенными Штатами и Дунайско-Балканской Европой, дефляционной политикой, которая за короткий срок привела к невиданному росту безработицы: более 3 млн безработных в начале 1930 г. и 5–6 млн — в конце 1931 г. Для того, чтобы компенсировать жесткость французской позиции в финансовой сфере и протекционизм других держав, он попытался выработать новую торговую политику, сориентированную в первую очередь на Австрию. Жизнь Австрии всегда была весьма неустойчива с экономической точки зрения. Только ряд займов, гарантированных Лигой Наций, позволили молодой республике выжить в условиях аннексионистских попыток со стороны Германии (надежда на аншлюс) и французской и итальянской оппозиции в отношении того, что представлялось грубым нарушением Сен-Жерменского и Версальского договоров и территориального урегулирования, достигнутого союзниками. В случае аннексии Австрии Германия не замедлила бы снова дать почувствовать (как ранее в 1914 г.) свою экономическую и политическую роль на Балканском полуострове в ущерб влиянию, за которое соперничали Франция и Италия.

Франция и Италия являлись естественными гарантами австрийской независимости, однако руководствовались при этом раз-

ными намерениями и вели себя по-разному. В Париже австрийская проблема рассматривалась как аспект общего центрально-европейского урегулирования. Для Италии этот вопрос имел двойное значение: с одной стороны, подтверждался факт исчезновения Габсбургской империи, исторического противника итальянской нации, но, с другой стороны, он служил также элементом, осложняющим отношения между Италией и Германией. Последние могли бы быть прекрасными, как в годы Тройственного союза, если бы этому не препятствовало то обстоятельство, что Италия рассматривала австрийскую независимость как безусловное благо для итальянской безопасности. Поэтому после аннексии в 1919 г. Южного Тироля (Альто-Адидже) она развернула в этой провинции политику насильственной италянизации, создавшей противоречия как с венским правительством, вынужденным защищать национальные права своих соотечественников, находящихся под суверенитетом другой страны, так и с берлинским правительством. Последнее, едва только после заключения Локарнских соглашений улучшились отношения с Францией, не колеблясь стало защищать интересы немцев, оказавшихся на территориях, аннексированных Италией. В результате австрийский вопрос и вопрос об Альто-Адидже превратился в фактор расхождений, препятствовавший итало-немецкому сближению и вынуждавший Италию Муссолини ограничить свою дипломатическую деятельность франко-британской альтернативой.

На этом потенциальном противоречии между итальянским и французским подходами к австрийской независимости играла начиная с 1930 г. австрийская дипломатия, которая в улучшении отношений с Италией искала противовес прохладному отношению Франции к стремлению существенно укрепить отношения между двумя странами с целью защитить Австрию от никогда не скрывавшейся склонности немецкой стороны (и многих австрийских кругов) к аншлюсу. 6 февраля 1930 г. устремления Австрии, по-видимости, увенчались подписанием в Риме договора о дружбе с Италией, лишенного, однако, реального политического смысла, за исключением того, какой хотели придать ему австрийцы в связи со своими проектами соглашения с Германией.

Инициатива Брюнинга вписывалась в этот контекст и быстро привела к разрушительным последствиям. Идея таможенного союза (*Angleichung*) между Австрией и Германией также восходила к февралю 1930 г., когда австрийский министр иностранных дел Шобер и преемник Штреземана на Вильгельмштрассе Курциус договорились о заключении соглашения по этому вопросу. Это была, как можно догадаться, процедура, требовавшая одновре-

менно осторожности и готовности к риску. Осторожности, поскольку надо было изощренным образом обойти запрет на аншлюс, наложенный мирными договорами, готовности к риску — поскольку процесс переговоров, прерванный на некоторое время, был завершен затем соглашением, которое должно было оставаться секретным и которое было скреплено обменом нотами между двумя правительствами 19 марта 1931 г.

Однако эта новость не осталась в тайне, и оба правительства были вынуждены сообщить ее официально Франции, Великобритании и Италии 21–23 марта, раскрыв таким образом, что они действовали скрытно для того, чтобы с помощью проекта «своего рода таможенного союза» (как его определили в Берлине) уклониться от выполнения важных обязательств. Если не юридически, то фактически этот союз мог нарушать мирные договоры. Как бы то ни было, он означал поворот в германской внешней политике в направлении, которое не могло понравиться ни Парижу, ни Риму. Кроме того, с итальянской точки зрения, он приобретал характер давления на Италию с тем, чтобы она выбирала — поддерживать ли Австрию, и, если поддерживать, то как, — укрепляя при этом отношения с Германией в соответствии с только что заключенным договором о дружбе, или же присоединиться к французской дипломатии в ее противодействии соглашению.

Проблема осложнилась другими аспектами того фона, на котором развивались события. Франция и Чехословакия немедленно выступили против соглашения, в то время как реакция Италии сначала казалась гораздо более мягкой именно из-за необходимости дистанцироваться от реакции Франции. Однако по существу Италия в 1931 г. была очень далека от того, чтобы одобрительно отнестись к изменению своей политики, направленной против аншлюса. Не подействовали ни обещания немцев, что это сможет улучшить отношения между Берлином и Римом, ни намерения австрийцев превратить угрозу создания таможенного союза в инструмент для получения более определенной итальянской (и французской) поддержки. Основополагающие долгосрочные интересы возобладали над краткосрочными дипломатическими соображениями.

В середине 1931 г. вопрос был передан на рассмотрение Лиги Наций на основе соглашения с британским правительством и в результате итальянско-британской инициативы, проявленной двумя странами как «гарантами» системы Локарно, в которую австрийский вопрос не входил юридически, но вписывался политически. Французы продолжали придерживаться уже упоминавшегося подхода, в соответствии с которым Лига Наций должна подготовить

план общего экономического соглашения, основанного на французской финансовой помощи, при условии, что обе стороны откажутся от проекта таможенного союза. Англичане, отметив, что они не имеют принципиальных возражений против австро-германского таможенного союза (поскольку они считали аншлюс «фатальным событием»), предложили в качестве выхода из положения передать вопрос в Международный суд в Гааге. Позиция Англии, направленная на оказание помощи Брюнингу в его затруднениях, оставляла итальянцев одних перед лицом австрийского вопроса. Тем самым Италия вынуждена была искать соглашения с Францией в момент, когда балканская политика и морское разрушение противопоставляли интересы обеих держав на европейской арене. Идея итальянцев сводилась к использованию возможности для приобретения Римом той решающей роли, которую он мог бы сыграть в случае присоединения к одной из заинтересованных сторон. Вынужденное сближение с французами стало, напротив, показателем наличия общего интереса, состоявшего в защите *status quo* в Европе от ревизионистских поползновений, к которым Муссолини был столь чувствителен.

Так начинало выявляться одно из стратегических противоречий, приведших ко Второй мировой войне. Это было противостояние, вынуждавшее Францию и Италию сделать принципиальный выбор перед лицом реального наступления германского ревизионизма. Конкретно вопрос был решен 5 сентября 1931 г., когда Гаагский суд 8 голосами против 7 (среди которых был голос британского представителя) вынес решение о несовместимости проекта таможенного союза и протокола, подписанного Австрией с Лигой Наций в 1922 г. в качестве условия предоставлявшегося тогда займа. Курциус вынужден был подать в отставку, и его сменил Брюнинг, сохранив также пост канцлера. Австрийский вопрос оставался открытым и поставил перед Италией новые проблемы, тем более что действия Германии все в большей степени приобретали ревизионистский характер.

Предложение о создании австро-германского таможенного союза, тот факт, что в то же самое время (между принятием плана Юнга и Лозаннской конференцией) изживала себя система репараций в атмосфере обид по поводу лишь частичного выполнения Германией обязательств, наложенных на нее в связи с ответственностью за развязывание Первой мировой войны, а также тот факт, что этому предшествовало полное освобождение немецкой территории от войск союзников, которые должны были гарантировать выполнение условий мирного договора, — все это явные аспекты и симптомы первого кризиса, который испытала Версальская система и который быстро привел к ее разрушению.

Кризис не означал, однако, что Германия вновь заняла центральную и доминирующую роль в европейской жизни, поскольку ни внутренняя, ни международная экономическая и политическая ситуация не позволяли совершить такой радикальный поворот. Уже при Штресемане Германия восстановила свое положение равной среди европейских держав, однако речь шла о равенстве, направленном на сохранение стабильности, на выражение стремления к компромиссу и сотрудничеству с победителями. Поворот, навязанный немецкой внешней политике после смерти Штресемана, был важен, ибо он выражал изменение стратегии. Впрочем, он мог произойти и при жизни Штресемана, поскольку вытекал из изменения ситуации, предполагавшей разноплановые действия. Из фронта стран, действовавших в интересах поддержания стабильности, Германия довольно резко переходила во фронт стран, выступавших за изменения (ревизию). Хотя ревизионистская кампания еще не приобрела те акценты неистовства, которые придавал ей позднее Гитлер (но которые, однако, уже использовал Муссолини на Балканском полуострове), внешняя политика Германии выражала, вольно или невольно, стратегию пересмотра существующего в Европе соотношения сил. Однако придавать этому повороту громкое звучание не свойственно таким правительствам, каким правительство Брюнинга. Тем не менее он обозначил крутой вираж в европейской политике.

2.4. Последствия кризиса для балканской политики. Италия и Франция перед лицом возрождения влияния Германии

2.4.1. БАЛКАНСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ГЕРМАНСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО РЕВИЗИОНИЗМА

Так же как и Австрия, весь остальной Дунайско-Балканский мир был охвачен глубоким экономическим кризисом. Система равновесия и раздел на сферы влияния, сложившиеся в первой половине 20-х годов и существовавшие до 1927 г., были нарушены теми возможностями для вмешательства, которые кризис предоставил великим державам, приведя к обострению итало-французского соперничества и в особенности — к неожиданному возобновлению активности Германии в этой части Европы, проявившемуся в попытке создания австро-германского таможенного союза. Кроме того, эта часть Европы была ближайшей к Советскому Союзу территорией и, наряду с Польшей, Балтийскими государствами и Германией, наиболее восприимчивой к постепенному изменению

уровня международного присутствия СССР, сделавшемуся возможным в результате завершения первого пятилетнего плана.

Вплоть до начала кризиса положение в этой зоне определялось доминированием Франции и Италии и их противоречиями. Несмотря на военные соглашения, связывавшие Францию с Малой Антантой, ни одна из сфер влияния не была устойчивой и стабильной. В самом деле, три государства, входившие в Малую Антанту, заметно отличались друг от друга и не могли составлять единое целое. Чехословакия, создавшая достаточно прочные демократические институты, которые, однако, по существу мало соблюдались в области охраны прав словацкой нации, была не только политически связана с Францией, разделяя с ней общие антиревизионистские устремления, но проявляла также склонность одобрительно относиться к улучшению отношений с Советским Союзом, что как бы уравнивало польские претензии на ведущую роль в регионе (страсти, кипевшие вокруг района Тешина, еще не улеглись).

Со своей стороны Румыния, которую разделял с Советским Союзом спор из-за Бессарабии, отличалась от Чехословакии, поскольку ее внутренний режим все более отчетливо тяготел к авторитарным формам. И если она оставалась в рамках Малой Антанты по причинам принципиального антиревизионизма, то в то же время не отказывалась и от сохранения хороших отношений с Италией, с коей ее связывал договор о дружбе 1926 г. и традиционное совпадение позиций.

Что касается Югославии, то и эта страна испытывала сильное притяжение общности геополитических интересов с Францией, однако она должна была всегда учитывать свою близость к Италии и последствия возможного вмешательства Рима в албанскую жизнь. Близость Австрии, которая в перспективе делала Белград открытым для давления Германии, внутреннее политическое устройство, со слабым проявлением, в отличие от Чехословакии, демократического духа, сильное неурегулированное соперничество различных наций, составлявших Королевство сербов, хорватов и словенцев (как вплоть до 1929 г. официально называлась Югославия), — все это осложняло положение страны.

Поэтому в целом Малая Антанта представляла собой ненадежного союзника для Франции. Ее активность могла, впрочем, интенсивно развиваться в направлении консолидации по мере того, как начиная с 1926 г. во внешней политике Германии возобладала ее традиционная направленность на юго-восток.

Система итальянских союзов также не была особенно прочной, хотя на бумаге она и могла показаться устойчивой благодаря

объединяющей силе ревизионистских предложений, которые Муссолини более четко сформулировал после 1927 г. В самом деле, внутри самой итальянской системы присутствовало коренное противоречие, подрывавшее ее единство. И вот почему. Итальянское присутствие на Балканах характеризовалось контролем над Албанией, от которого президент А. Зогу, провозгласивший себя королем Албании в 1928 г., пытался избавиться. Оно включало также тесный союз с Венгрией. Начиная с подписания договора о дружбе 1927 г. (не считая короткой паузы пребывания у власти правительства Карольи в 1931–1932 гг.) венгерские премьер-министры Бетлен и Гёмбёш были горячими сторонниками ориентации на Италию как способа утверждения своих ревизионистских требований. Наконец, итальянское присутствие ощущалось также благодаря растущим взаимосвязям с Австрией, которая с 1929 г. колебалась между прогерманской тенденцией и тенденцией к укреплению независимости, опирающейся на тесный союз с Италией и Венгрией.

Источником внутреннего противоречия этого международно-го альянса было то обстоятельство, что его объединял принцип ревизионизма. Однако в тот момент, когда ревизионизм стал реальной политикой, Австрия оказалась в сфере влияния Германии, так что Италия была вынуждена удерживать в своей орбите Венгрию с помощью ревизионистской теории, но противодействовать этой теории в том, что касается Австрии, поскольку противоположная позиция привела бы к прорыву балканского фронта, связанного с самой Италией. Кроме того, по этому конкретному вопросу, то есть по вопросу о защите независимости Австрии, итальянская политика неизбежно соприкасалась с идентичными интересами Франции и Чехословакии. Так во время дискуссий, которые итальянцы и французы часто вели в период с 1924 по 1935 г., гипотеза относительно потенциального и реального совпадения позиций между Италией и Францией всегда сопровождалась согласием относительно принципа совместной защиты независимости Австрии в качестве общей цели двух стран. Принципиальный разрыв между ними произошел, когда Рим и Париж заняли по данному вопросу разные позиции.

2.4.2. ПОСЛЕДСТВИЯ КРИЗИСА В ДУНАЙСКО-БАЛКАНСКОМ РЕГИОНЕ

Для изучения периода между 1929 и 1933–1934 гг., необходимо прояснить, каким образом два новых крупных явления — экономический кризис и усиление нацизма в Германии — изменили

только что описанные международные союзы, не останавливаясь здесь, за исключением отдельных случаев, на внутреннем развитии стран Дунайско-Балканского региона, слишком сложном для того, чтобы убедительно реконструировать его в сжатом виде, и к тому же всегда испытывавшем доминирующее воздействие международной политики. Действительно, Балканский полуостров являлся тогда характерным примером того, каким образом так называемый «международный контекст» влиял на внутреннюю политическую жизнь малых стран.

Кризис затронул разные страны региона в различной степени. Австрия и Чехословакия, тесно связанные с индустриальной и финансовой системой Запада и принадлежавшие к индустриальному миру, пострадали от него в разной степени [одна драматическим (как уже было показано), другая — тяжелейшим образом]. Безработица в Австрии в период 1929–1933 гг. почти утроилась; промышленное производство упало почти вдвое; уровень цен свидетельствовал о дефляционной политике правительства. В Чехословакии безработица, практически отсутствовавшая накануне кризиса (42 тыс. безработных на всю совокупность рабочей силы), в 1932 г. возросла более чем в десять раз и достигла 552 тыс. человек, а в 1933 г. она увеличилась еще больше — до 738 тыс. Напротив, в Румынии, Югославии, Болгарии — странах с преобладанием сельскохозяйственного производства, и, в любом случае, где сельскохозяйственный сектор все еще представлял стеновой хребет экономики — эти же самые явления оставались гораздо более ограниченными, поскольку ни в одном из случаев численность безработных не превысила в период рецессии нескольких десятков тысяч человек. Это означало, что отсталая сельскохозяйственная экономика, безусловно, гораздо легче переносила промышленные кризисы. Следовательно, только Австрия была подвержена воздействию всего комплекса отрицательных последствий экономического и политического кризиса, поскольку Чехословакию от него защищали дипломатические аспекты. В преимущественно аграрных странах кризис отразился прежде всего на ценах как в результате падения мирового спроса (прежде всего европейского), так и вследствие протекционистских мер, часто составлявших костяк правительственной политики.

С международной точки зрения поиск возможного ответа на кризис проходил в двух направлениях: поиск схем общего соглашения, которое стало бы всеобщей надеждой на спасение или же заключение двусторонних соглашений между различными державами. Путь двусторонних соглашений, по которому пошли только после того, как общие договоренности оказались невозможны,

был выражением политического противостояния крупнейших европейских держав в Дунайско-Балканском регионе, то есть отражением экономического национализма и политических амбиций Франции, Италии, Великобритании, а затем и Германии. Однако именно изменение политической ситуации делало невозможным достижение общего соглашения.

Вероятно, общая договоренность по вопросу об экономической стабилизации в регионе была бы возможна, если бы существующее соотношение сил не изменило появление нового (или возрожденного) фактора германского влияния, заставившего Францию предпринимать изнурительные (и почти всегда бесполезные) усилия, чтобы сочетать поиск общих договоренностей с дипломатическими гарантиями, которые подтвердили бы силу гарантий в отношении Германии. Французское правительство предприняло шаги в этом направлении в 1927 г., когда предложило создать конфедерацию государств-преемников Австро-Венгерской империи, однако предложение не имело успеха из-за оппозиции Штресемана и враждебного отношения Италии, обусловившего отрицательную позицию Австрии. На данном этапе французская политика все еще представляла собой зондаж возможности объединить усилия европейских государств, с которым Бриан связывал надежды на безопасность Франции. Эта ориентация была возобновлена в 1929–1930 гг. в форме его предложений по созданию Европейского союза.

В 1931 г. французы в сотрудничестве с чехословацким правительством вновь выдвинули свои предложения по созданию конфедерации, учитывая опыт только что провалившегося проекта австро-германского таможенного союза. По существу, их план предусматривал создание системы таможенных, тарифных, торговых и финансовых связей между Австрией, Чехословакией, Югославией, Румынией и Венгрией с перспективой все более тесной экономической, а затем и политической интеграции. Как отмечает Д'Амоия, «консервативные цели плана были даже слишком очевидны. Австрия и Венгрия, более слабые в экономическом отношении из-за промышленного и торгового превосходства Чехословакии и, кроме того, зависящие от финансовой поддержки Франции, оказались бы в подчиненном положении по отношению к Малой Антанте и вынуждены были бы признать *status quo*».

На стороне Франции была мощь ее финансовых ресурсов. Не будучи еще серьезно затронута рецессией и обладая внушительными запасами золота, она могла предоставлять «политические» займы на хороших условиях. С противоположной стороны ни Италия, ни Германия (которые по этому поводу попытались пред-

принять согласованные шаги в противодействие Франции) не располагали сравнимыми ресурсами. Кроме того, они занимали соперничающие позиции в отношении *Angeleichung*. Реализация французского проекта несколько продвинулась вперед, и в апреле 1932 г. Франция и Великобритания приняли решение организовать международную конференцию по проблемам «оздоровления» Дунайской Европы. Такая конференция открылась 5 сентября 1932 г. в г. Стреза с целью выработать предложения по оздоровлению рынка капиталов, улучшению условий торгового обмена, сбалансированию цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию и контролю за ними в регионе Дунайского бассейна и в сопредельных странах.

Концепции проблем региона, противостоявшие друг другу с самого начала, проявлялись во время работы конференции. Ее главные участники сделали все возможное для утверждения соответствующих точек зрения. В какой-то момент показался возможным компромисс относительно предложения, допускавшего принцип заключения многосторонних соглашений при условии, что будут соблюдаться уже существующие двусторонние соглашения. Однако такая концепция, поддерживавшая позиции Франции и Италии, оспаривалась немцами, которые стремились истолковать ее как способ сдерживать их инвестиции в Австрии увязав это с общим сотрудничеством на Балканском полуострове. Таким образом, конференция завершилась практически ничем, приняв решения о мерах общего характера, богатых по концепциям, но чрезвычайно бедных по своей эффективности. «Спасение дунайских государств, — замечают по этому поводу Жиро и Франк, — происходило посредством их вхождения одного за другим в “клиентелу” одной из великих держав». Чехословакия, Югославия и Румыния (но эта последняя с множеством оговорок) были связаны с Францией; Венгрия, Австрия и Болгария, в большей степени выбивавшаяся из общего ряда, сближались с Италией, однако были готовы также воспользоваться плодами германского подъема; Албания контролировалась Италией и Великобританией; Греция была частью британской средиземноморской системы.

Ощущение (более или менее обоснованное), что французы хотели воспользоваться своим финансовым превосходством для того, чтобы извлечь из него политические преимущества, в конце концов обернулось им во вред. За несколько недель, в то время как Чехословакия оставалась связанной с Францией, весь Балканский полуостров вступил в этап развития, сопровождавшийся важными новшествами, и чреватый серьезными последствиями. В Югославии, где в начале 1929 г. король Александр I осуществил

преобразование королевства в авторитарном духе, отменив сербо-хорватско-словенское деление и распустив политические партии, набирали силу этнические противоречия. Ужесточение авторитарной политики, инициированное королем в середине 1932 г., привело к обострению противостояния с оппозицией. Враждебное отношение хорватов к централизации выражалось частично легально, частично нелегально. Сепаратистская группа раскололась, а ее лидеры Густав Перчеч и Анте Павелич укрылись один в Болгарии, другой в Италии, где они искали поддержку для борьбы против белградского правительства. Югославы в ответ попытались затруднить положение албанского короля Зогу и вывести его из-под итальянского контроля. Подобным же образом изменилась ситуация и в Румынии, где король Кароль II способствовал замене либерального правительства авторитарным, важную роль в котором играл министр иностранных дел Николае Титулеску. Договор о дружбе с Италией, срок которого уже истек, был продлен, и румыны продолжали колебаться в своей ориентации между Малой Антантой, Италией, а теперь — и Германией. Титулеску отстаивал возможность итало-французского соглашения, в результате которого обе державы оказались бы во главе Малой Антанты.

Более важными были изменения в Венгрии и в Австрии, а также поворот, который совершила в это время в своей международной политике Италия в результате того, что пост министра иностранных дел снова занял Муссолини. В Венгрии министерство Карольи (август 1931 — сентябрь 1932 г.) заняло не столь явно ревизионистскую позицию по сравнению с графом Бетленом, его предшественником. Экономический кризис вынудил Будапешт не обострять отношения с Францией. Однако не случайным было то, что окончание конференции в Стресе, продемонстрировавшее отсутствие результатов в этом направлении, подтолкнуло крайние силы венгерского ревизионизма к тому, чтобы способствовать приходу к власти генерала Дьюлы Гёмбёша, главы контрреволюционного движения, подавившего в 1919 г. режим Бела Куна. Гёмбёш был ярким националистом, поклонником Муссолини, антисемитом и, следовательно, потенциальным союзником Гитлера. При Гёмбёше — одном из вдохновителей секретных военных соглашений с Италией, сопровождавших договор о дружбе 1927 г., — ревизионистская политика возобновилась в полную силу. Первый осуществленный им визит за границу был визит в Рим, в октябре 1932 г. Гёмбёш намеревался поставить взаимодействие с Италией на новую основу и продвигался в направлении, указанном Бетленом, — очень тесного экономического сотрудничества между Венгрией, Австрией и Италией.

Внутренняя ситуация в Австрии изменилась с середины 1932 г., когда канцлером был назначен Энгельберт Дольфус, представитель Христианско-социальной партии. В течение некоторого времени Дольфус, не располагавший твердым парламентским большинством, размышлял над созданием правительства национального сотрудничества, которое включило бы в коалицию социал-демократов и сделало бы страну управляемой. Австрия, глубоко потрясенная экономическим кризисом, оказалась в весьма тяжелых международных условиях, связанных с отчаянной потребностью в финансовых ресурсах и с озабоченностью, вызванной проектом *Angleichung*. В международной сфере первым шагом Дольфуса было сближение с Францией, от которой зависела поддержка независимости Австрии и финансирование нового международного займа, который просило венское правительство. Франция благосклонно ответила на эти *avances*, однако обусловила предоставление займа в 300 млн австрийских шиллингов (который должен был состоять из вкладов различных стран) обязательствами выступать против аншлюса и поддерживать проекты, предлагавшиеся французами для Дунайского региона. Дольфус согласился с условиями займа, но позднее осознал, что по воле французов страна оказалась под контролем со стороны Лиги Наций, еще более суровому, чем тот, что был установлен в отношении займа 1922 г., и предоставившем юридический повод прибегнуть к помощи Гаагского суда в борьбе с *Angleichung*.

К тому же Дольфус должен был признать, что французы (с мая месяца во Франции вернулся к власти левый блок) двояко относились к австрийской социал-демократии: поддерживали ее в усилиях по созданию в Австрии правительства национального единства (необязательно во главе с Дольфусом), но не доверяли ей из-за склонности к объединению с Германией, которая была свойственна австрийским социал-демократам вплоть до прихода нацизма к власти.

Эта двойственность привела к отсрочке ратификации французами соглашения о займе, что встревожило Дольфуса. Существование его правительства опиралось в парламенте на поддержку крайне правых и, в особенности, — группы депутатов, принадлежавших к организациям хеймвера (*Heimwehren* — «Союз защитников родины»), националистической и антикоммунистической группировки, возглавляемой таким весьма сомнительным персонажем, как Эрнст Штаремберг, антинацистски настроенный сторонник независимости, который хотел стать героем возрождения своей родины — Австрии. Поэтому когда Муссолини установил с ним контакт, ему было легко настроить Штарембера против Гитлера и подтолкнуть к поддержке политики Дольфуса.

Контакты Штаремберга с Муссолини укрепились начиная с июня 1932 г., месяц спустя после создания кабинета Дольфуса. Муссолини пригласил главу австрийского правительства в Рим, и тот после периода колебаний, предшествовавшего конференции в Стресе, когда он пытался держать открытыми двери французской и одновременно итальянской ориентации, в конце октября принял приглашение. Это было начало сотрудничества, которое впоследствии станет все более тесным и перерастет в личную дружбу (если об этом можно вообще говорить применительно к международным отношениям). Однако Дольфус отнесся к итальянскому лидеру на первых порах с осторожностью. Поддержка хеймвера была нужна ему в парламенте; поддержка же Италии могла бы стать в переходный период слишком стесняющей.

Неудача конференции в Стресе, приход к власти Гитлера и его непосредственные последствия в Австрии, где сразу же заметно активизировалась нацистская и пангерманская деятельность, подтолкнули Дольфуса к поиску все более решительной поддержки со стороны Муссолини. Это сближение прошло через этап непосредственного сотрудничества между Австрией и Венгрией, которые в 1932 г. начали переговоры о заключении нового торгового договора, быстро завершившиеся в декабре этого же года.

Событие, произошедшее в январе 1933 г., сделало сближение более отчетливым и более спорным. Речь идет о «деле Хиртенберга», то есть о посылке Италией оружия хеймверу под легальным прикрытием, но в нарушение статей Сен-Жерменского и Трианонского договоров, поскольку транспортировка осуществлялась через венгерскую территорию. Отправка оружия велась почти открыто, поскольку оно принадлежало к итальянским военным трофеям 1918 г., а предлогом служило объяснение, что оружие следовало отправить на место изготовления с целью вновь привести его в боеготовность. В действительности, намерения итальянцев состояли в том, чтобы более прочно вовлечь австрийцев в тройственный союз с Венгрией. Муссолини подтолкнул Дольфуса, ослабленного полемикой по «делу Хиртенберга» в парламенте, к установлению авторитарного правления с опорой на «патриотический фронт», дистанцировавшийся от традиционных политических сил. Это была попытка почти повторить в Австрии то, что было сделано в Италии. Дольфус подтвердил свой политический курс, когда в феврале 1934 г. подавил в Вене силой выступления социалистов против его политики. Таким образом, всякая связь с прошлым была оборвана, а Дольфус действительно превратился в инструмент итальянской политики. 17 марта 1934 г. в Риме были подписаны пакт о консультациях и экономические

протоколы, которые на бумаге создавали таможенный союз между двумя странами. То, что не удалось сделать Франции, казалось, удалось Муссолини, хотя все это уже сопровождалось ростом влияния нацистской Германии.

Особенности данного этапа итальянской политики в Дунайско-Балканском регионе объясняются тем, что в середине 1932 г. Муссолини решил осуществить поворот в итальянской внешней политике, взяв в свои руки министерство иностранных дел и назначив на пост замминистра Фульвио Сувича, бывшего представителя национализма Триеста и естественного выразителя «дунайского компонента в итальянской внешней политике». В таком изменении была заинтересована не только Италия. Оно касалось всей международной ситуации в целом. В самом деле, Муссолини предугадал в изменениях, происходивших в Германии, неизбежный приход к власти политической силы, которая приведет к потрясениям и изменениям в Европе. Он предполагал достичь некоторых целей итальянской внешней политики до того, как станут ощутимыми результаты деятельности нацистов. Итальянские интересы заключались в присутствии на Балканском полуострове и территориальной экспансии в Эфиопии. Колониальная кампания была имперской мечтой Муссолини. Но для того, чтобы она стала возможной, необходимо было гарантировать ситуацию на Балканах от неожиданностей. Отсюда — необходимость действовать быстро с целью обеспечить надежную базу в Адриатике и в Средиземноморье в преддверии военных действий в Эфиопии, которые итальянский Главный штаб начал готовить именно в 1932 г. В тот период Муссолини было выгодно использовать ту тревогу, которую рост нацизма вызывал в европейских странах-победителях. В этой ситуации ему удалось усилить итальянские позиции в ущерб французскому влиянию на страны Малой Антанты еще до того, как Гитлер получил какую-либо свободу маневра.

2.5. Германская внешняя политика и проблема всеобщего разоружения от Брюнинга до Гитлера

2.5.1. ЖЕНЕВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ

Изменения в германской политике ясно проявились на международной конференции по разоружению, начавшейся в Женеве 2 февраля 1932 г. после семи лет подготовительной работы. Завязавшиеся дискуссии были провозглашены началом новой эпохи, как это всегда случается, когда собираются международные кон-

ференции с «высокими» целями. Количество присутствовавших делегаций (целых 62), часто представленных на самом высоком уровне, создавало впечатление «напыщенности». В действительности, за этой внешней картиной со все большей остротой проявлялись давние проблемы. Французская сторона во время подготовительного этапа всегда связывала вопрос о всеобщем разоружении с проблемой мирного урегулирования, то есть с необходимостью всеобщих соглашений, которые вписали бы разоружение в систему безопасности, что по сути воспроизводило предложения 1924 г. (Женевский протокол — арбитраж, безопасность, разоружение) как три взаимосвязанных принципа, один из которых обуславливал другой в иерархическом порядке. В 1932 г. перед лицом возрождения немецкого национализма французам не удалось выработать иной путь, чем путь возврата к гарантиям коллективной безопасности в качестве условия уступок в вопросе о разоружении.

В соответствии с этими установками план, представленный Андре Тардье, военным министром в первом правительстве Лавалея, находившемся тогда у власти, предлагал двухэтапное разоружение: первый этап — количественный (ограничение численности личного состава) и второй — качественный (отказ от части тяжелого вооружения). В дополнение предлагалось создать международные вооруженные силы под эгидой Лиги Наций. С английской и американской стороны не было столь же проработанных предложений, тогда как Дино Гранди, итальянский министр иностранных дел с 1929 г., инициатор и поборник политики примирения с западными державами, предложил достаточно внушительный ряд качественных сокращений, заявив о готовности Италии (наиболее слабой из европейских держав) согласиться с минимальным уровнем вооружений, который решат установить крупнейшие европейские страны. Но в то же самое время он избежал всякого упоминания об укреплении Лиги Наций и связал тему сотрудничества с темой международной «справедливости», где термин «справедливость» следовало понимать как расположенность к ревизионизму, то есть как прямо противоположное предложениям французов.

2.5.2. ПРОБЛЕМА РАВЕНСТВА ПРАВ (GLEICHBERECHTIGUNG)

Для немцев вопрос, однако, стоял иначе. Канцлер Брюнинг, уже в течение почти двух лет сдерживавший наступление нацистов, нуждался в безусловной победе для укрепления своего неустойчивого положения. Он предложил англичанам и американцам компромисс, который должен был противостоять непреклонности

французов. Тем временем правительство Лавалья пало, и 20 февраля сам Тардьё сформировал новое министерство, в котором он занял пост министра иностранных дел, что являлось подтверждением французской непримиримости. Брюнинг потребовал освобождения Германии от обязательств, которые налагал на нее Версальский договор. Основываясь на невыполнении другими сторонами требований Лиги Наций в сфере разоружения, он предложил ряд односторонних гарантий с немецкой стороны (таких, как отказ от выдвижения территориальных вопросов в течение определенного периода и согласие на разоружение под международным контролем) в обмен на признание принципа *Gleichberechtigung*, то есть равенства прав немцев на вооружение с другими державами. Признание такого принципа сделало бы возможным заключение обязывающих стороны соглашений ранее, чем любые принципы заменит суровый факт одностороннего перевооружения Германии в обход договоров.

Впрочем, германский Генеральный штаб уже тайно проводил перевооружение, в том числе и благодаря секретным военным соглашениям с Советским Союзом, заключенным начиная с 1921 г. Они позволяли немецким подразделениям испытывать новые виды вооружений и проводить учения на территории СССР. Следовательно, наступил момент чрезвычайной важности, поскольку постоянному требованию французской стороной безопасности была противопоставлена реальность происшедшего в Германии поворота и необходимость выработки позиции, которую европейские державы должны были занять в отношении этого поворота: сопротивляться ли ему; противостоять ли с помощью силы, которая впрочем отсутствовала; или же идти на уступки в надежде смягчить германский ревизионизм, способствуя выполнению канцлером Брюнингом роли посредника с учетом давления, оказываемого на него нацистами. Начиналась эпоха выбора между политикой твердости по отношению к ревизионизму и политикой гибкости, предварявшей то, что несколько лет спустя будет названо *appeasement* (умиротворение).

Англичане и американцы, отдавая себе отчет в трудностях Брюнинга, были не прочь согласиться с предложениями немцев. Итальянцы занимали промежуточную позицию, поскольку они готовились вести переговоры по интересующим их проблемам (как уже было в прошлом и как будет в ближайшем будущем) в условиях благоприятного отношения западных держав к международным амбициям Муссолини. Гранди открыто связывал проблему разоружения с проблемой итальянской колониальной экспансии: «Если постепенно придти к признанию новых ситуаций

и новых политических потребностей, — заявил он 4 мая в своей речи в палате депутатов, — то невозможно пренебречь признанием колониального фактора, представленного Италией». Однако Тардьё не изменил позицию и Франция сохраняла категорическую враждебность в отношении принципа равенства. В мае 1932 г. конференция была заблокирована этими непримиримыми позициями. Изменению ситуации не помогло и то, что в результате выборов во Франции 8 мая вместо правой коалиции к власти пришли представители левого блока, все еще возглавляемого Эррио.

В действительности Эррио стремился сблизить французскую позицию с англо-американской, смягчая не только принципиальные противоречия, выявившиеся в Женеве, но также и разногласия между двумя сторонами по проблеме Маньчжурии. Если бы англо-франко-американская позиция 1919 г. была каким-то образом восстановлена, тема безопасности предстала бы совершенно по-иному, и даже возросла бы расположенность французов к уступкам в сфере разоружения. Эррио обсудил проблему отдельно с англичанами и американцами, и в начале июня, казалось, стала вырисовываться общая позиция. Эта позиция выводила Францию из изоляции, мешала Италии наращивать свои амбиции до роли посредника и открывала диалог (на определенных условиях, касавшихся приоритета действующих норм в области безопасности) по проблемам качественного и количественного разоружения, хотя и не содержала ответа на главный вопрос, поднятый немцами.

Однако если позиция французов была смягчена, то германская, напротив, — ужесточена. Брюнинг, под давлением экономической ситуации и полемики, которую вызвали его предложения по аграрной реформе, а также неудач во внешней политике, в конце мая подал в отставку. Был распущен рейхстаг и назначены новые выборы. В результате было сформировано правительство «национального согласия» с преобладанием правых, возглавленное Францем фон Папеном, способным манипулятором, лишенным самостоятельного политического веса, ранее принадлежавшим к партии «Центра», но постепенно приблизившимся к авторитарным позициям, пользовавшимся благосклонностью президента Гинденбурга и поддержкой Гитлера.

Последний со своей стороны одержал громкую победу на выборах, состоявшихся 3 июня, и стал лидером самой влиятельной политической силы в Германии. В стране стало невозможно править, выступая против нацизма. Запреты, наложенные правительством Брюнинга на нацистские военизированные формирования, были немедленно отменены. В международной сфере фон Папен мог лишь с возросшей непримиримостью отстаивать позиции

своего предшественника. В серии встреч один на один Эррио пытался найти промежуточное решение. В свою очередь президент Гувер, связанный целями предстоящей президентской избирательной кампании (в ходе нее произойдет громкое избрание Рузвельта президентом Соединенных Штатов), считал необходимым предпринять одностороннюю инициативу, которая имела безусловный пропагандистский эффект с точки зрения общественного мнения его страны, но которая не учитывала реального хода дискуссий в Женеве. 22 июня он представил проект, предусматривавший общее сокращение всех вооружений приблизительно на одну треть. Таким образом Гувер демонстрировал, что он не считает пересмотр соглашения между французами и англичанами серьезным компромиссом. Единственным делегатом, горячо одобрявшим его предложения, был итальянец Гранди, для которого главная проблема состояла в привязке позиции Италии к позиции какой-либо другой великой державы. Для других делегатов это означало бы необходимость начать все сначала.

В конце июня конференция, работавшая параллельно с конференцией по репарациям в Лозанне, оказалась в тупике. В Лозанне принятие решения об окончании выплаты репараций сопровождалось англо-французским пактом о консультациях, частично секретным и направленным на согласование соответствующих действий в случае, если Германия вознамерится разорвать обязательства, наложенные на нее Версальским договором. Очевидно, что англичане проводили крайне двойственную и нечеткую политику, поскольку заявляли об отсутствии принципиальных возражений в отношении пересмотра определенных статей мирных договоров, а затем демонстрировали желание сделать уступки позициям французов, диаметрально противоположным такому пересмотру. Надежда на то, что можно возродить *l'entente cordiale*, была иллюзорной, так как Великобритания в эти месяцы «создавала» своего рода протекционистскую крепость, получившую название «стерлинговый блок», и каждое политическое соглашение должно было подчиняться этой цели, которую Лондон считал главной.

Поэтому Женевская конференция стала постепенно заходить в тупик. Когда 20 июля главный докладчик министр иностранных дел Чехословакии Бенеш представил свой доклад, то ни на один из главных вопросов в нем не было четких ответов. Доклад был поставлен на голосование, и делегации четко разделились: итальянцы воздержались, немцы голосовали против. 22 июля делегат от Германии Надольный объявил о своей позиции, сопроводив это заявлением о том, что Германия не будет участвовать в работе конференции до тех пор, пока не будет признано ее юридическое

и фактическое равноправие. Хотя большинство одобрило почти неоспоримым большинством доклад Бенеша (41 голос за, 2 против — среди которых вместе с немецким был также советский голос — и 8 воздержавшихся), было очевидно, что перерыв в работе конференции до конца сентября являлся не только технической мерой, но и «политическим перерывом». Будущее конференции зависело от решения германского вопроса.

Когда конференция возобновилась, позиции остались без изменений. Появилась необходимость еще раз отложить ее работу на три месяца, в течение которых германский внутренний кризис лишь усугубился. В ноябре канцлер фон Папен назначил новые выборы, и несмотря на то, что они показали некоторые подвижки в результатах, полученных Национал-социалистской партией, ему пришлось отказаться от власти. Канцлером был назначен генерал Курт фон Шлейхер, покровительствовавший Гитлеру. В этот момент французы осознали необходимость сделать наконец уступку, которая, впрочем, была уже бесполезной. В декларации, обнародованной 11 декабря 1932 г., французское, английское и итальянское правительства заявили о признании принципа *Gleichberechtigung*. Практически предшественнику Гитлера уступили в том, в чем отказывали Брюнингу, консервативно настроенному канцлеру, который, впрочем, еще был склонен попытаться возродить демократический опыт правительств левоцентристской коалиции. Это был бесполезный и ошибочный шаг. Когда Гитлер 30 января 1933 г. стал канцлером, он не приказал своему министру иностранных дел Константину фон Нейрату немедленно прекратить участие в работе конференции. Еще в течение девяти месяцев ее работа продолжалась почти в сюрреалистической атмосфере взаимных обвинений и протестов, которые не стоит анализировать. Очевидно, что Гитлер стремился заставить конференцию признать не только равноправие, но прямо-таки право Германии на перевооружение.

В мае 1933 г. конференция оказалась в состоянии полного кризиса. Гитлер уже занял позиции, делавшие невозможным соглашение, поскольку он требовал, чтобы решение, принятое 11 декабря, было реализовано, и уровень вооружений союзников был немедленно снижен до уровня вооруженной Германии. Иными словами, он требовал разоружения Франции в качестве условия того, что Германия не будет перевооружаться, и отталкиваясь от обоснованных юридических позиций, пошел на политический шантаж. 14 октября 1933 г. немцы покинули конференцию по разоружению. В тот же день они заявили, что Германия выходит из Лиги Наций. 12 ноября результаты плебисцита подтвердили, что 99% немцев были согласны с этим шагом.

2.6. Общие соображения относительно поворота, происшедшего в первой половине 30-х годов

Экономический кризис выявил проблемы, присущие капиталистической системе, основанной на рыночной экономике. Их переосмысление было необходимо для усовершенствования способности этой системы структурировать социальные и производственные изменения и служить регулирующим механизмом экономической жизни. Джон Мейнард Кейнс стал самым авторитетным выразителем необходимости такого переосмысления. Его «Трактат о деньгах», опубликованный в 1930 г. — за ним последовал целый ряд других работ, в том числе вышедшая в 1936 г. «Общая теория занятости, процента и денег» — явились своего рода манифестом нового понимания рыночной экономики: не как ее примитивная ориентация на прибыль, а как обновление ее функциональных правил с целью вернуть системе жизнеспособность. Осторожность в финансовой сфере, повсюду свойственная господствующему политическому классу, препятствовала тому, чтобы рост массового предложения сопровождался параллельным ростом массового спроса. А это оказывало непосредственное влияние «на уровень прямых инвестиций и, понижая его, следовательно, на показатели максимальной эффективности капитала» (А. Негри). Отсюда необходимость регулировать будущее развитие посредством комплекса мер государственного вмешательства, которое, не устраняя риска, внутренне присущего экономической деятельности капиталистической системы, послужило бы способом выхода из стагнации и кризиса. Новая теория требовала размышлений над задачами государства в экономике и над характеристикой производительных сил в качестве рыночных в общей капиталистической системе.

Эти размышления получили живой отклик в Соединенных Штатах, где политика Нового курса испытала явное влияние кейнсианства, позволившего стране трансформировать каждый последующий кризис в простую рецессию и пойти по пути стабильного экономического роста, что укрепило глобальное превосходство Соединенных Штатов сначала в экономической сфере, а затем, после Второй мировой войны, — в политической. В Европе глубокие межгосударственные противоречия помешали выработке общей стратегии восстановления экономики. Атмосфера политических опасений обусловила выбор экономической стратегии. Кризис способствовал принятию решений, которые не столько

ориентировались на экономически стабильные пути, сколько диктовались националистическими соображениями.

В этой атмосфере конец репараций в результате экономического кризиса и отказа немцев от их уплаты, а также неудача попытки напрямую увязать тему германских долгов с проблемой межсоюзнических долгов, подтвердили неспособность политических деятелей быстро построить, помимо политических связей, также и связи в экономической и финансовой сфере между Союзенными Штатами и Европой. Различные системы сосуществовали по-отдельности, и каждая руководствовалась своими собственными интересами. Противоречия одержали верх над осознанием необходимости создания глобальной взаимозависимой системы, которая могла бы противостоять внешним вызовам только в случае, если бы она признала свое существование в качестве единого целого.

В политическом плане поворот начала 30-х годов выявил исчезновение духа Локарно. Некоторые формальные моменты соглашений могли еще действовать, но начиная с 1929–1930 гг. Германия демонстрировала, что в своей внешней политике она стремится отойти от сотрудничества с Францией и формировать собственную политику в другом направлении. В первую очередь это означало — в направлении Австрии и Балканского полуострова. Затем — также и Польши. В этот поворот — вызванный смертью Штресмана, но более глубоко уходящий корнями в практический поиск Германией самостоятельного пути, который вернул бы ей пространство для внешней политики и торговой экспансии, отобранное в результате контроля французов, — вписалась новая позиция Великобритании. Неоднократные выступления англичан, ставшие еще более откровенными после конференции в Оттаве в 1932 г. и начала создания Содружества, отчетливо демонстрировали, что в Лондоне смотрели на аншлюс как на неизбежное событие и что в целом англичане оставались скорее индифферентными в отношении планов ревизии территориального устройства стран Восточной Европы и Балканского полуострова.

Италия, со своей стороны, продолжала проникновение на Балканы и вела военную подготовку колониальных кампаний, проводя неоднозначный курс во внешней политике, требовавший многочисленных издержек. Новый немецкий самостоятельный курс способствовал воспроизводству еще не совсем отчетливого дуализма, который возвращал Италии то поле для маневра, которое было отнято у нее соглашением Бриан–Штресман. Отношения с Францией колебались между моментами жестких столкновений и

вариантами компромисса в контексте совпадения многочисленных европейских интересов. Наиболее постоянной характеристикой итальянской международной деятельности было, однако, согласие с Великобританией. Средиземноморское соперничество еще не разгорелось. До тех пор, пока не приобрел актуальность колониальный вопрос, общая заинтересованность в сохранении *status quo* в Средиземноморье и общая склонность попустительствовать «ревизионистским» позициям сближали политику обеих стран.

Таким образом, вплоть до прихода к власти Гитлера в начале 1933 г. и еще в течение нескольких месяцев после этого поворота Франция оставалась одна в своих попытках укрепить антиревизионистский фронт, не стремясь при этом к поиску компромиссов с другими странами, которые раньше не были с ней связаны, а лишь обуславливая финансовую помощь и политические переговоры подтверждением антиревизионистских гарантий.

Это была слишком хрупкая последняя точка для того, чтобы биться до конца. Политический кризис, порожденный экономическим кризисом, не был разрешен. Противоречия продолжали обостряться. Приближался момент подведения итогов. Кризис Версальской системы трансформировался в ее крах. Европейская модель демонстрировала остальному миру внутренне присущую ей хрупкость. Только Соединенные Штаты и Советский Союз смогли бы поддержать ее существование, но ни одна из двух стран не была тогда способна, да и не стремилась, действовать в этом направлении. Слишком много было внутренних причин, слишком очевидно было различие целей и слишком сильна была враждебность в отношении сохранения вечных причин для европейского соперничества, чтобы две державы преждевременно вышли из своей изоляции. В этой обстановке за пределами Европы начала разрушать мировой порядок Япония. Муссолини, движимый стремлением избежать того, чтобы неминуемый европейский пожар воспрепятствовал осуществлению его «ревизионистских» планов, подготовился подражать ей.

Глава третья
**КРИЗИС И КРАХ
ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ**

*3. 1. Внешняя политика Японии
и захват Маньчжурии*

3.1.1. ПРЕВРАЩЕНИЕ ЯПОНИИ В ВЕЛИКУЮ ДЕРЖАВУ

Определение «Версальская система», в узком смысле слова, включает не только проблемы, связанные с Парижскими договорами, но и переустройство территорий государств, являвшихся их объектами. В действительности, это определение, в сжатой форме синтезировало сложную, но однозначную реальность — оно представляло собой одну из бесчисленных попыток, но в крайней форме, адаптировать глобальные международные отношения к модели, принятой европейской дипломатией, несмотря на ее ограниченность, проявившуюся в 1914 г., в 1919 г. и в последующий период.

Более широкое толкование самой концепции этой модели позволяет утверждать, что переход от кризиса к слому системы, конец *status quo*, крушение иллюзий, родившихся в Париже в 1919 г., началось за пределами Европы — на Дальнем Востоке. Маньчжурский кризис, спровоцированный Японией, хотя и был далек от европейских противоречий, явился их отражением, по крайней мере, с того момента, когда в начале XX века японская дипломатия связала свою судьбу с европейской внешней политикой.

Этот кризис стал начальным этапом распада системы, так как основная парадигма развития кризиса открыто противоречила тому, что до 1932 г. пытались делать в Европе, где неустанно искали дипломатические решения всех споров. Только действия Муссолини и Гитлера в 1935 г. прервали эту цепь изнурительных переговоров. Кроме того, Маньчжурский кризис стал возможен именно потому, что Европа и Соединенные Штаты были слишком далеки от региона развития событий и были слишком погружены в распутывание клубка собственных экономических и политических проблем, чтобы быстро реагировать на происходящее (допуская, конечно, что у них было такое желание).

То, что произошло в Маньчжурии, было жизненно важно для сущности самой Версальской системы и затрагивало интересы

многих ведущих держав (прежде всего Соединенных Штатов, Советского Союза и Великобритании), но геополитическая удаленность страны сделала ее легкой добычей Японии. Европейская модель захватнической войны была воспроизведена в самом худшем виде, оставив после себя бездыханный труп «коллективной безопасности», т.е. Лиги Наций. Кризис развивался очень быстро: от заявлений японцы перешли к реальным конкретным акциям — это стало началом краха системы.

Превращение Японии в великую державу на Тихом Океане началось с признания этого факта в последнем десятилетии XIX века. Участие в коалиции победителей во время Первой мировой войны содействовало ее дальнейшему усилению. После войны в Японии произошли глубокие политические преобразования, начался бурный экономический рост. Политические изменения были связаны с тем, что милитаристская (или самурайская) олигархия, которая управляла страной, уступила место гражданскому правительству из представителей партий, опиравшихся на парламент, в выборах которого с 1925 г. участвовало все мужское население.

Среди наиболее крупных партий была *Сэйюкай*, которую отличала четко выраженная консервативная ориентация, так как она была связана с интересами крупных промышленников, а также крупных и мелких землевладельцев и проводила империалистическую внешнюю политику, в особенности в Северном Китае, Маньчжурии и Монголии. Другую партию — *Минсэйто* характеризовала либеральная тенденция, поскольку она была связана с деловыми и торговыми кругами и заинтересована в осуществлении торговой экспансии. Обе партии зависели от двух ведущих монополистических групп, которые господствовали в японской экономике: *Сэйюкай* от группы Мицуи и *Минсэйто* от группы Мицубиси.

Позиции двух партий — согласно Джорджу Борса — выражали интересы двух группировок. Консерваторы защищали империалистическую политику, потому что интересы Мицуи были особенно сильны в Маньчжурии. Минсэйто выступала за проведение более либеральной политики, поскольку интересы группы Мицубиси сосредоточивались преимущественно в торговле. Эта обусловленность политической деятельности экономическими интересами была настолько глубокой, что породила цепь зависимости по типу клиентелы и реакционных маневров — все это привело к кризису хрупкой японской демократии. С другой стороны, при сложившемся режиме Япония добилась значительных экономических успехов, и ее промышленное производство в 1929 г. возросло на 300% в сравнении с довоенным уровнем.

В целом, в этой азиатской стране отразились все противоречия бурного роста и нерегулируемой модернизации. Она преодолела экономический кризис, который незначительно поразил ее на короткий период (в 1930–1931 гг.), в результате протекционистских мер, принятых на международном рынке по отношению к экономике, ориентированной на экспорт. Тем не менее, уже в 1932 г. ее подъем был мощным и очевидным.

3.1.2. ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ МАНЬЧЖУРИИ И ЛИГА НАЦИЙ

Внешняя политика Японии находилась в тесной зависимости от внутренней ситуации, но в целом была очень осторожной, хотя и не могла не считаться с необходимостью сотрудничества-соперничества с Китаем и его все более растущим давлением в отношении наращивания инвестиций в Маньчжурию.

«Особые интересы» Японии в этом регионе были признаны русско-японским мирным договором 1905 г. и заключенными вслед за ним китайско-японскими соглашениями. В особенности это относилось к контролю над полуостровом Ляодун и трансманьчжурской железной дорогой, к правам на разработку залежей полезных ископаемых и к признанию привилегий японских граждан в сельскохозяйственной, промышленной и торговой деятельности. Договор с Китаем от мая 1915 г., еще более ужесточил условия реализации этих уступок. Для Китая складывалась неприемлемая ситуация, в особенности потому, что последствия кровавого перехода к послереволюционному устройству становились все тяжелее. Это объясняет, почему правительство Китая стремилось либо добиться отмены этих привилегий, либо лишить их действительности.

Китайцы пытались заблокировать право японских граждан на приобретение земель в Южной Маньчжурии, на осуществление железорудных разработок, а также на эксплуатацию железных дорог в этом регионе. Речь шла об очень важных вопросах, относительно которых существовали сложные юридические установления. На основе договоров японцы получили в свое управление железную дорогу в Южной Маньчжурии, а вместе с тем приобрели также «все привилегии, права и собственность на всю железнодорожную сеть этого региона». Эта была статья, которую японцы стремились толковать слишком широко, в ущерб китайской юрисдикции. К этому добавлялся еще и тот факт, что японцы совершенно не желали отказаться от права инвестировать в дальнейшее строительство железных дорог. В 1931 г. они построили

во всей Маньчжурии около 1000 километров железных дорог, утверждая, что хотели тем самым содействовать экономическому росту региона.

Здесь в сложном клубке сплелись разные интересы. К этому следовало добавить также вопрос о почти миллионе корейских эмигрантов в Маньчжурии, которых китайцы расценивали как авангард японского вторжения, поскольку Корея была тогда частью империи Восходящего Солнца, что подрывало власть китайского правительства и ставило под вопрос возможность Токио влиять на ситуацию.

В эти годы в Японии у власти находилось правительство под председательством Осати Хамагути, сформированное партией Минсэйто. В 1930 г. он вступил в острое столкновение с военными кругами и с Частным Советом короны в связи с тем, что на Лондонской конференции по судоходству принял условия, которые были расценены как унижительные реакционными руководителями японского военно-морского флота. В ноябре 1930 г. на Хамагути было совершено покушение фанатиком-националистом. Он умер спустя несколько месяцев, в апреле 1931 г.; на посту главы правительства его сменил другой представитель той же партии, барон Рейхиро Вакацуки, который затем представлял Японию на Лондонской конференции. Барон Хихуро Сидэхара стал министром иностранных дел. Но если Хамагути был сильной личностью, способной разрешать внутренние политические противоречия, то новый глава правительства не обладал достаточным авторитетом и не был способен противостоять давлению милитаристских кругов, действовавших в Маньчжурии.

Когда 18 сентября 1931 г. несколько военных частей, находившихся под японским командованием в Маньчжурии, заняли Мукден, главный город региона, и продолжили свое продвижение по территории Маньчжурии под предлогом защиты железных дорог, находившихся в японской собственности и якобы подвергавшихся постоянным нападениям со стороны китайских нерегулярных формирований, то правительство Токио оказалось перед свершившимся фактом. Спустя три дня китайское правительство обратилось в Лигу Наций и как участник пакта Бриана-Келлога к американскому правительству. Ситуация была сложной и требовала осторожного подхода. За пределами Японии никто не хотел создавать трудности для ее слабого правительства и министра иностранных дел Сидэхара, противопоставляя их националистической и милитаристской реакции, что произошло бы в случае осуждения за рубежом акции, которая была предпринята без одобрения правительства, с целью поставить его в затруднительное положение.

Обращение Китая в Лигу Наций было рассмотрено на основании ст. 11 ее Устава, определяющей способы политического вмешательства Лиги в случае конфликта. Совет Лиги 22 сентября единодушно (т.е. даже с участием в голосовании японского представителя) одобрил резолюцию, предлагавшую сторонам воздержаться от шагов, которые могли бы усложнить ситуацию и отвести свои войска на исходные позиции. Китай с одобрением отнесся к вмешательству Женевской организации, Япония, напротив, будучи более сильной в военном отношении, настаивала на необходимости прямых переговоров, утверждая, что уже начала отвод войск, которые и были использованы лишь в предупредительных целях.

Положение оставалось нестабильным, Лига Наций, продолжая свои попытки умиротворения, обратилась к Соединенным Штатам с предложением присоединиться к ее акциям. Американцы поддержали ее миротворческую деятельность и предприняли ряд односторонних шагов, которые понуждали японцев соблюдать договоры. Японцы продолжали свои уловки. Правительство Токио оказалось зажатым в тисках противоречивой ситуации: с одной стороны, оно испытывало международное давление, а с другой, должно было противостоять власти и силе милитаристских кругов внутри страны.

Кризис вяло развивался в этом ключе в течение нескольких недель, вплоть до 24 октября, когда Лига Наций, вопреки мнению японского правительства, четко потребовала от Токио вывести свои войска до 16 ноября. Отказ японцев принять это требование заставил Вашингтон направить 24 ноября Японии весьма решительный протест, в ответ на который министр Сидэхара обязался прекратить продвижение войск. Сидэхара выполнил свое обязательство и добился согласия генералов приостановить военные действия. Кроме того, японское правительство согласилось на создание международной комиссии и даже потребовало ускорить отправку в Маньчжурию комиссии по расследованию во главе с лордом Литтоном, которая в действительности была сформирована лишь *шесть месяцев спустя*, в июне 1932 г. Именно затяжка назначения комиссии Литтона свидетельствует, что под покровом доброй воли таились намерения и цели, далеко не столь решительные и принципиальные, как это декларировалось ранее.

Сидэхара израсходовал весь свой политический ресурс для проведения курса на умиротворение. Его резко критиковали за сговорчивость, и на следующий день после принятия решения о назначении комиссии, 11 декабря 1931 г., он был вынужден подать в отставку. Так, пока дипломаты вели переговоры, военным удалось устранить основное препятствие для свободы своих дей-

ствий. Военные операции в Маньчжурии были возобновлены, а оккупация всего региона завершилась к началу января 1932 г. Когда Литтон прибыл в Маньчжурию, то ему пришлось иметь дело с совершенно иным положением вещей, чем то, которое существовало в момент принятия решения о создании комиссии.

Резкий поворот японской политики к милитаризму означал отказ от проводившегося в послевоенное время политического курса, что привело к завершению прежней эпохи преобладания политических партий и к началу нового этапа быстрого, хотя и постепенного возврата к господству военных. В международном плане это вызвало острую реакцию со стороны американцев. Государственный секретарь Генри Стимсон направил в Токио и Пекин жесткую дипломатическую ноту, получившую позднее известность как «доктрина Стимсона».

В ней утверждалось, что правительство Соединенных Штатов не может допустить «законность любого положения *de facto*, и оно также не намерено признавать какой бы то ни было договор или соглашение между правительствами или их агентами, которые могли бы нанести ущерб правам США или правам их граждан в Китае, на основе существующих трактатов, включая те, которые относятся к вопросам суверенитета, независимости или территориальной и административной целостности Китайской Республики, касающиеся международной политики в отношении Китая, известной под названием “политики открытых дверей”. Правительство США также не намерено признавать какое-либо положение, договор или соглашение, которое будет совершено методами, противоречащими статьям Парижского пакта (пакта Келлога) от 27 августа 1928 г., участниками которого являются и Китай, и Япония, а также США».

К этому дипломатическому давлению следует добавить робкие шаги, предпринятые Лигой Наций, в ответ на брошенный открытый вызов. Осторожные (или бессильные) деятели европейской дипломатии, напротив, предпочитали укрыться за хитроумными формулами, согласно которым прежде, чем занять какую-либо позицию, следовало бы дождаться отчета комиссии расследования (с назначением ее, однако, не торопились).

Таким образом, японцы получили свободу для продолжения военной акции уже за пределами Маньчжурии, на китайской территории. Некоторые инциденты между китайцами и японцами, имевшие место в порту Шанхая, послужили предлогом для обстрела города с японских военно-морских судов, за которым последовала высадка войск (конец января 1932 г.). Впервые вооруженные силы двух государств вступили в прямое столкновение. Китайское

сопротивление даже в большей мере, чем вмешательство Лиги Наций, заставило японцев положить конец военным действиям. 5 мая бои в Шанхае прекратились, и некоторое время спустя японцы вывели свои войска.

Итак, благодаря отвлекающему военному столкновению в Шанхае, японцы взяли Маньчжурию под свой полный контроль. 18 февраля 1932 г. они преобразовали регион в независимое государство под названием Маньчжоу-Го и спустя некоторое время назначили его правителем бывшего императора Китая Пу И, лишившегося трона в юном возрасте и теперь получившего новое имя Канг Те. В сентябре между Японией и Маньчжоу-Го был подписан союзный договор, в котором подтверждалась зависимость Маньчжоу-Го от Японии. Эти события оказали воздействие на и без того неустойчивую ситуацию в Китае, они стали предвестником экспансионистских действий Японии, что нашло подтверждение несколько лет спустя.

Хотя американцы не очень четко выразили свое отношение к свершившемуся факту, но подтвердили позицию «непризнания» его, которую разделяла и Лига Наций — японское правительство осталось к этому равнодушным. Из опубликованного 1 октября доклада комиссии Литтона стали известны уже очевидные факты: существующие японские интересы в Маньчжурии заслуживали защиты, но создание искусственного государства Маньчжоу-Го было неоправданным произволом, потому что было бы достаточно, если бы Китай предоставил широкую автономию Маньчжурии, сохранив свой суверенитет на эту территорию.

В дальнейшем историки восхваляли объективность доклада комиссии, но в действительности было бы более справедливым отметить содержащиеся в нем очевидные и бесполезные банальности. Обычно достаточно легко дать формальную оценку свершившимся фактам, особенно если отсутствует стремление представить пусть слабые, но конкретные объяснения случившегося.

Ни одна из европейских держав не была в состоянии в тот момент действовать против Японии. Великобритания, чрезмерно поглощенная заботами о восстановлении своей имперской мощи и не намеревалась подрывать традиционную дружбу, которая связывала ее с Японией. У Советов были совершенно иные заботы, требовавшие их внимания, хотя акция Японии представляла для них реальную угрозу, поскольку исходила от ближайшего соседа. Американцы, которые переживали самый тяжелый период экономического спада, были заняты избирательной кампанией, требовавшей осторожных действий во внешнеполитических вопросах. Французы могли бы предвосхитить мировое значение «разрыва», несущего угрозу всей Версальской системе, но у них, конечно, не

было ни сил, ни возможностей, ни политической воли действовать в одиночку, в то время как Германия и Италия готовились предпринять свои акции в Европе.

В этой ситуации Японии ничего не оставалось, как вести короткую арьергардную кампанию против признания Лигой Наций доклада Литтона. Затем, когда Женевская ассамблея в феврале 1933 г. одобрила рекомендации комиссии расследования и потребовала, чтобы Япония подчинилась им, то японцы заявили о своем выходе из международной организации. Лига Наций могла лишь с горечью констатировать свой провал при первом же серьезном испытании, которому она была подвергнута (в 1923 г. Лига уклонилась от непосредственного участия в решении кризиса на Корфу). Японцы не остановились в Маньчжурии и начали постепенно просачиваться в Северный Китай, уверенные в тот момент, что никто им не помешает.

3.2. Колебания Муссолини между германским ревизионизмом и политикой европейской безопасности. Австрийский вопрос

3.2.1. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МУССОЛИНИ

С тех пор, как Муссолини пришел к власти, установив затем личную диктатуру, он по существу не изменил основные направления итальянской внешней политики, и, по крайней мере до 1927–1928 гг. не сменил даже лиц, которым был вверен международный курс Италии. Лишь в 1928–1932 гг. он пытался провести некоторую фашизацию внешней политики, но результаты были скромными, так как международные концепции, за небольшим исключением (в частности, взгляды князя Карло Сфорца, министра иностранных дел в 1920–1921 гг.), совпадали с представлениями национализма, характерного для идеологии Муссолини.

Муссолини изменил лишь внешние характеристики традиционных концепций, что выразалось в двух аспектах. Первое новшество было связано с обостренным восприятием Муссолини проблем внутреннего консенсуса и поддержки общественного мнения: поэтому формировалась постоянная потребность обращаться к пропаганде — сфере, где Муссолини в течение долгих лет был искусным мастером. Он умел убедить как итальянцев, так и зарубежных государственных деятелей, что после 28 октября 1922 г. ситуация изменилась коренным образом, что даже поражения, резкие выражи или тактические отступления были ни чем иным, как попыткой Италии играть новую роль в Европе и мире.

Другое новое качество, которое Муссолини придал традиционной дипломатии, было ощущение неотложности, нетерпения или неспособности ждать, пока обстановка созреет. Подобная окрашенность внешнеполитической деятельности была непосредственно связана с пропагандистским аспектом, который порождал потребность непрерывно демонстрировать дипломатические победы; но эта сторона внешней политики была тесно связана с исторической ситуацией, сложившейся в те годы в Европе.

После 1919 г. на континенте господствовали только французы и итальянцы. Все другие великие державы переживали последствия войны либо испытывали трудности во внутренней и внешней политике, что парализовало их деятельность. Не надо было обладать проницательностью гениального государственного деятеля, чтобы понять временный характер сложившейся ситуации и что рано или поздно, по крайней мере, Германия и Россия, или Советский Союз (как страна стала называться с 1922 г.) снова станут главными участниками событий на мировой и европейской арене, а Италия неизбежно окажется государством более низкого ранга. И это вынуждало Муссолини добиваться осуществления своих амбициозных целей, прежде чем произойдет подобное возвращение на круги своя.

Определить эти цели в течение всего фашистского эксперимента, не составляло большого труда. Вкратце можно сказать, что они заключались в способности развеять впечатление «увечной неполноценной победы», в умении получить компенсацию в колониальной сфере в тех же пропорциях, что получали (или думали, что получают) англо-французы с приобретением мандатов, в частности типа А.

Главная цель была связана с положением Италии на Балканском полуострове. Здесь итальянцы всегда играли значительную роль, которую теперь хотели усилить, создав на полуострове систему союзов, чтобы контролировать весь бассейн Адриатического моря. Это могло бы послужить предпосылкой для создания обширной зоны влияния, по согласованию с Великобританией, во всем Средиземноморье — от Испании до Ближнего Востока.

Что касается колониальных амбиций, Муссолини стремился к тому, чтобы Италия получила, хотя бы один мандат на опеку. Во всяком случае, он намеревался вернуть Ливию, которая во время войны фактически вышла из-под контроля Италии, и, прежде всего, ставил своей задачей добиться подтверждения привилегированной позиции в Эфиопии, признанной за Италией в 1906 г. по договорам с Францией и Великобританией. Особое положение Италии могло выражаться в разных формах: от экономического

преобладания на той или иной территории до протектората и прямой колонизации, которую Муссолини расценивал как наиболее дорогостоящий вариант.

Италия сама не имела достаточного международного веса, чтобы добиться подобных результатов. Для их реализации необходимы были два условия: существенная международная поддержка и благоприятные обстоятельства. Именно в тот момент благоприятные обстоятельства существовали, и сложились они еще в 1934–1935 гг.; вопрос заключался в получении международной поддержки. Здесь возникает проблема отношений фашистского режима с другими европейскими державами. Сложности в отношениях с Великобританией не возникали, по крайней мере, до 1935 г. Проблемы существовали в отношениях с Францией.

Притеснения, испытанные на протяжении веков в качестве жертвы других более сильных государств, придали дипломатии итальянских государств особый характер, который часто расценивался поспешными историографами как негативный аспект итальянской политики. Но в действительности это было проявление духа выживания, и особый характер объяснялся вечным стремлением увеличить собственные силы (почти всегда ничтожные) с помощью подходящих союзов с гораздо более мощными соседями, которые зачастую сражались на итальянской земле. Подходящие союзы означали союзы, продиктованные требованиями момента, которым изменяли в соответствии с изменением обстоятельств, потому что не было никакого смысла соблюдать лояльность к установленным соглашениям в мире и в эпоху, когда для всех привычным было именно обратное отношение. Конечно, в трудные моменты более сильным было легче обвинять более слабых в вероломстве. Но кто всерьез мог бы принять эти обвинения, предъявленные только одной стороне?

Эта традиция оставила глубокие корни в итальянской дипломатии. К ней прибегали и до объединения страны, и с приходом Кавура, и после объединения. В конце XIX века некоторые государственные деятели в возникновении двух различных систем союзов, разделявшихся растущим соперничеством, увидели расширение возможностей для итальянской политики маневрирования, т.е. средства для придания нового веса ограниченной итальянской мощи, превратив Италию в стрелку европейских весов. На практике это означало заключение в 1882 г. соглашения с Францией, которое изменяло соотношение сил, ослабив исключительные связи в рамках Тройственного союза с Германией и Австро-Венгерской империей.

Эта политика требовала присутствия двух разных и различных субъектов, между которыми можно было бы вклиниться, чтобы усилить собственную позицию. В 1919 г. подобной ситуации больше не существовало. В 1923 г., в первый год внешней политики Муссолини, казалось, что обстоятельства вновь стали благоприятными в связи с оккупацией Францией Рура, но ситуация сразу же изменилась, поскольку Штреземан произвел поворот во внешней политике своей страны. Пока Штреземан оставался у власти, и франко-германское сотрудничество превалировало в европейских отношениях, возможности для маневра у Муссолини были ограничены, и вся итальянская внешняя политика строилась на устойчивых отношениях с Великобританией и менее устойчивых с Францией. Именно поэтому итало-французским отношениям придавалось столь важное значение в период фашизма, с 1926 по 1936 г., и, возможно, вплоть до Второй мировой войны. Итак, не имея альтернативы, Муссолини был вынужден в своей международной деятельности ориентироваться на Францию, а когда возникали альтернативные ситуации, то он оказывался перед серьезной проблемой выбора в противоречивых и порой трудных обстоятельствах, хотя иногда международные коллизии складывались для него необычайно благоприятно.

Итало-французские отношения лишь частично зависели от неприязни левоцентристских правительств Франции к фашизму. В некоторых случаях это обстоятельство имело определенное значение, но, в общем, не мешало развитию реалистических отношений вплоть до 1936 г., когда одновременно произошли два важных события — было сформировано первое правительство Народного фронта во Франции и вспыхнула гражданская война в Испании. Но на ход итало-французских отношений в большей степени влияли конкретные вопросы соотношения сил и интересов.

До 1934 г. обе страны стремились перейти друг другу дорогу. Это взаимовраждебное отношение сохранялось, хотя в австрийском вопросе их мнения совпадали. И Франция, и Италия не хотели аншлюса Австрии к Германии. Но в отличие от Италии, Франция не имела возможности непосредственно воздействовать на Австрию и вынуждена была проводить свою политику через Чехословакию или Италию. Таким образом, отношение Италии к ситуации в регионе обуславливалось не только ее спецификой. Если Чехословакия последовательно выступала с антиревизионистских позиций в силу жизненных интересов, то этого нельзя было сказать об Италии, как показали некоторые ее колебания в связи с вопросом о признании принципа равенства прав в области вооружений.

Балканская и австрийская проблемы, в их совокупности не создавали неизбежных противоречий между Францией и Италией. Обе страны, если бы захотели, могли согласовать общую политическую линию. Если бы они стремились выработать совместную позицию, то французы согласились бы на то, что итальянцы просили с 1919 г., т.е. на выполнение обязательств по Лондонскому пакту 1915 г., который предусматривал урегулирование колониального вопроса с учетом интересов Италии в случае победы над Германией и увеличения колониальных владений союзников. Именно на решении колониального вопроса настаивали итальянские правительства и до прихода к власти фашистов. С теми же требованиями более или менее агрессивно, в зависимости от обстоятельств, выступал Муссолини. Кроме того, он предъявил, не уточняя, новые запросы, в которых легко читалось предложение отдать Эфиопию под полный контроль Италии, что не вызывало возражения французов. С решением этих проблем было связано и два небольших спорных вопроса: один касался статуса итальянских граждан в Тунисе, это обсуждалось на протяжении десятилетий (с 1896 г.); другой — требования Италии играть более важную роль (какую-нибудь роль) в управлении Суэцким каналом, к которому Рим проявлял растущий интерес.

Муссолини и Дино Гранди, занимавший в 1929–1932 гг. пост министра иностранных дел Италии, связывали, постоянно и последовательно, возможность соглашения с Францией по европейским вопросам с решением колониальных проблем. С 1922 г., когда Муссолини впервые встретил Пуанкаре и лорда Керзона, накануне открытия конференции в Лозанне, и до 1932 г. все его предложения, касающиеся компромисса в вопросах разоружения или конференции о Балкано-Дунайском урегулировании, включали и требования Италии. Но если до 1929 г. у Франции не было причин прислушиваться к заявлениям Италии, а между 1930 и 1931 г. появились некоторые основания, то, начиная с предложения признать принцип равенства прав в области вооружений и до значительных успехов нацистов на выборах в Германии, аргументация итальянцев обрела вес. «Определяющий вес», по выражению Муссолини и Гранди, ставшему затем привычным для характеристики этого периода фашистской внешней политики.

3.2.2. МУССОЛИНИ И НАЦИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ: ПАКТ ЧЕТЫРЕХ

С момента прихода нацистов к власти в Германии и до 1935 г. можно утверждать, что позиция Италии в Европе была действительно «определяющей», но не благодаря особым заслугам итальянцев.

янской дипломатии или мощи страны, а скорее в силу общей ситуации на континенте. Другими словами, этот «вес» определялся не соотношением сил; он был приобретен после того, как Великобритания дала понять французам, что склонна считать аншлюс не отрицательным явлением, а скорее неизбежным и даже желательным. В тот период сравнительно небольшой (хотя и не минимальный) вес Италии в европейских масштабах того времени становился ключевым элементом в соотношении сил в Европе, когда Германия не успела еще перевооружиться, а Гитлер маскировался под пацифиста.

Муссолини остро почувствовал это изменение ситуации, что подтверждает факт возвращения под его прямой контроль министерства иностранных дел в середине 1932 г. Об этом же свидетельствует передача министерства в июне 1936 г., спустя месяц после окончания акции в Эфиопии, в руки Галеаццо Чиано, считавшегося тогда поборником союза с Германией. Это назначение, возможно невольно, стало объективным отражением того, что период свободы маневра близился к завершению, и наступали другие времена, когда Италии предстояло сделать свой выбор. Будучи хорошим тактиком во внешней политике (и посредственным стратегом), Муссолини стремился извлечь максимум выгоды из сложившейся ситуации.

Первый шаг, который Муссолини предпринял в новых условиях, был весьма амбициозным: он постарался избежать затруднений, связанных с выбором между двумя ориентациями (что, в сущности, свойственно любой политике, основанной на тактике маневрирования между двумя противоположными полюсами), заняв позицию посредника и арбитра. После нескольких месяцев подготовки, в марте 1933 г., Муссолини сформулировал предложение пакта четырех в виде записки, представленной министерством иностранных дел. Формально его целью было сдвинуть с мертвой точки работу конференции по разоружению, которая зашла в тупик после признания принципа равенства прав в области вооружений и прихода Гитлера к власти.

Проект Муссолини предусматривал соглашение между Италией, Германией, Францией и Великобританией. В действительности он был нацелен на создание своего рода европейской директории, аналогичной той, что была создана на основе Локарнских соглашений, но в отличие от нее, ориентировалась бы на принцип регламентации ревизионизма, и даже более того — на его предупреждение. В задачу директории входило бы обязать подписавшие соглашение страны проводить подлинную политику мира, в соответствии с пактом Бриана–Келлога, осуществлять политику

и принимать решения, приемлемые в случае необходимости для третьих стран.

Это обязательство, которое теоретически закладывало основы мощной коалиции, должно было сопровождаться применением принципа ревизии мирных договоров в тех ситуациях, когда назревал конфликт, но в соответствии с нормами, предусмотренными ст. 19 Устава, и «благодаря взаимопониманию и согласованию совместных интересов» (это частично обходило нормы Лиги Наций). Проект предусматривал, что принцип равенства прав в области вооружений, признанный за Германией в декабре 1932 г., будет осуществляться бы ею постепенно, в соответствии с соглашениями, которые предстояло выработать. Срок действия пакта устанавливался в десять лет.

Цель, которую преследовал Муссолини, была достаточно очевидной: с одной стороны, признание ревизионизма могло привести к разрешению проблемы Данцигского коридора (так он говорил представителям Германии); с другой, пакт позволял бы контролировать темпы вооружения Германии. В более общих чертах, пакт создавал бы правовые рамки, в которые был бы заключен взрывоопасный потенциал германского ревизионизма. При этом антагонизм Франции и Германии контролировался бы Великобританией и Италией, которые выступали уже не в качестве гарантов, как это предусматривалось Локарнскими соглашениями 1925 г., а в качестве государств-балансиров, обеспечивающих постепенный характер перемен.

Замысел пакта был весьма амбициозным и выражал стремление до конца использовать возможности итальянской позиции. Муссолини доверительно говорил, что новое французское правительство, которое возглавлял Эдуард Даладьё с Жозефом Поль-Бонкурром в качестве министра иностранных дел, намеревалось приблизиться к его позициям, а назначение Бертрана де Жувенеля новым послом в Риме свидетельствовало об очевидном намерении Парижа улучшить отношения с Италией. Что касается англичан, то визит в Рим премьер-министра Макдональда и министра иностранных дел Саймона предоставил дуче возможность добиться их сближения с его концепцией. Теоретически это было возможно, но англичане не могли согласиться с фактическим перечеркиванием Версальских решений, что имплицитно предлагалось в документе Муссолини.

Затем в течение нескольких недель никто не хотел разочаровывать Муссолини, потому что никто не намеревался подтолкнуть его к отходу от позиции равноудаленности, которую он тогда афишировал; все стремились смягчить документ и даже лишить его

реального политического содержания. К тому моменту, когда Муссолини и послы трех государств-участников официально подписали разработанный документ, он полностью утратил свой оригинальный характер и превратился в расплывчатые обязательства о консультациях «с оговоркой относительно обязательности решений органов Лиги Наций», включая выполнение некоторых статей ее Устава (ст. 10 о взаимных консультациях в случае агрессии, ст. 16 о процедуре осуществления санкций против агрессора и ст. 19 о пересмотре договоров). Подписанный документ содержал также обязательство обеспечить успех конференции по разоружению, которая катилась к провалу, а также декларировал намерение сконцентрироваться на экономических вопросах, представляющих общий интерес. От новизны, характерной для первого варианта документа Муссолини, не осталась и следа, договор, действительно, превратился в «клочок бумаги», относительно которого ни у кого не осталось иллюзий. Когда пакт четырех был официально подписан — 15 июля 1933 г., он уже отставал от развития событий.

Муссолини первым осознал иллюзорность своих надежд стать, возможно, в сотрудничестве с Великобританией, арбитром европейской ситуации. Действительность состояла в том, что сложились две противоположные группы государств, интересы которых со всей очевидностью были несовместимы. Новая ситуация требовала от дуче, как стали в Италии называть Муссолини, изменить дипломатическую тактику.

3.2.3. АВСТРИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ИТАЛИЕЙ

Германия не проявляла намерений немедленно добиваться аннексии Австрии, она стремилась сначала устранить канцлера Дольфуса, как проводника итальянского влияния, заменив его правительством, которое контролировалось бы нацистами. Эта ситуация заставила Муссолини действовать по двум направлениям, которые не требовали от него немедленного выбора, но позволяли ему определить границы возможного маневра. С одной стороны, следовало выяснить, до какого предела немцы намерены действовать в Австрии, а, с другой — на какие уступки по колониальному вопросу согласно было бы французское правительство. Установив эти две неизвестные величины, Муссолини располагал бы составляющими дипломатического выбора, или знал бы, каковы его возможности заставить учитывать вес Италии, по крайней мере, в течение некоторого времени.

Итальянская политика в отношении Австрии часто оценивалась слишком односторонне. Поддержка, оказанная Дольфусу,

жесткое противостояние маневрам Германии, намеренное внешнее дистанцирование, продемонстрированное фашизмом относительно австрофашизма, и, наконец, подписанные в марте 1934 г. соглашения об ограниченном таможенном союзе между Австрией, Венгрией и Италией — все это позволяло думать, что Муссолини выступал тогда ревностным защитником независимости Австрии, и подобная позиция составляла основу итальянской внешней политики. В действительности, ситуация была несколько иной. Прежде всего, оппозиция политике нацистов не была столь твердой, как казалось внешне, потому что заключавшиеся в это время секретные контакты противоречили официальной линии. И даже поддержке Дольфусу были свойственны оговорки и ограничения. Более того, чтобы выявить возможности компромисса с Германией, Муссолини в июне 1934 г. согласился встретиться с Гитлером.

Встреча в Стра-Венеция, первая между двумя диктаторами, состоялась 14–15 июня 1934 г. В целом, это событие было недооценено, обычно его интерпретировали как первое сближение между «учителем и учеником», и подобного рода замечаниями пестрели публицистика и мемуары того и более позднего времени. В действительности, встреча имела совершенно иное значение. Основной темой во время переговоров был австрийский вопрос. Гитлер в пяти пунктах изложил свой проект соглашения, в котором повторялись уже известные позиции: аншлюс был для немцев делом решенным; требовалось лишь сменить руководство Австрии и провести новые выборы, в результате которых австрийские национал-социалисты вошли бы в правительство. Все экономические вопросы, касающиеся Австрии, должны были решаться по взаимному согласию между Германией и Италией. Муссолини не вдавался в детали предложений. Но оба собеседника признали, «что австрийский вопрос не был и не может быть препятствием для развития их отношений». Переговоры отнюдь не стали столкновением интересов, они были первым важным шагом в направлении преодоления еще имевшихся серьезных разногласий, и два года спустя, в 1936 г., привели к австро-немецким соглашениям.

Между тем, переговоры с Гитлером были лишь одним из аспектов деятельности фашистской Италии. Тогда у Муссолини не было никакого намерения жертвовать Австрией в угоду германскому ревизионизму. Он хотел лишь выяснить подлинные планы Германии и готовность Гитлера учитывать потребности Италии, прежде чем оказать серьезную поддержку Дольфусу, либо избрать другую ориентацию и пойти на соглашение с Францией.

Ясный и весьма убедительный ответ германской стороны на итальянские вопросы пришел весьма быстро. Внутренняя вражда между фракциями Патриотического фронта, который объединял сторонников Дольфуса, не прекращалась; такая же вражда между нацистскими группировками привела 30 июня 1934 г. к кровавой чистке. Гитлер с трудом удерживал под контролем в столь сложный момент все австрийские нацистские движения, развязавшие 25 июля вооруженный путч, во время которого был убит Дольфус (хотя путч и завершился провалом). Муссолини без колебаний возложил на Гитлера ответственность за то, что произошло в Австрии. И хотя отсутствуют доказательства личной ответственности германского канцлера, нельзя отрицать, что убийство Дольфуса связано с политической деятельностью национал-социалистской партии. Об этом свидетельствует тот факт, что в ходе силовых действий путчистов было назначено временное правительство во главе с одним из вождей австрийских нацистов Антоном Ринтеленем.

Разочарование было полнейшим: попытки нацистов провалились, и их противники смогли создать новое правительство под руководством деятеля социал-христианской партии Курта фон Шушнига. Муссолини стало ясно, что в австрийском вопросе и в отношениях с Германией он не может рассчитывать на достаточное продолжительный спокойный период для свободного решения других — колониальных проблем, если бы Италия располагала более определенным согласием французов.

Менее чем через месяц после путча Муссолини встретился с новым австрийским канцлером. На предложение Муссолини поддержать вступление Италии на территорию Австрии для оказания военной помощи в противостоянии Гитлеру, Шушниг ответил отрицательно, мотивируя отказ тем, что итальянские действия могли бы спровоцировать реакцию Югославии и Чехословакии, а также тем, что у Австрии, впрочем, есть достаточно сил, чтобы контролировать ситуацию. Ввиду равнодушия англичан и слабого интереса французов к тому, что произошло в Вене, Муссолини пришел к заключению: предотвратить аншлюс собственными силами невозможно. Единственная надежда, возможно, в том, чтобы отсрочить его.

Подтверждением этого вывода послужила реакция других европейских стран на венские события. Муссолини приказал некоторым итальянским частям провести в Венето передислокацию в направлении Бреннера, однако воздержался от отправки двух корпусов итальянских вооруженных сил непосредственно на Бреннер, как об этом обычно говорят, потому что эта акция была бы бесполезной, способной вызвать лишь реакцию, о которой говорил Шушниг и которую дуче предвидел сам.

Муссолини стремился произвести военными перемещениями дипломатический эффект, поскольку он организовал их в тот момент, когда даже французы, будучи наибольшими сторонниками австрийской независимости, не смогли пойти дальше простого выражения протеста. Убедившись, что ни роль арбитра, ни осторожные переговоры с Гитлером не дали результатов, Муссолини, при поддержке прессы, направляемой Римом, и громких антигерманских выступлений, дал маятнику итальянской внешней политики резкий толчок в противоположном направлении. Впервые за более чем десять лет острой взаимной вражды, он почувствовал расположенность Парижа. В период между началом 1933 г. и летом 1934 г. произошли весьма важные события, и Франция осознала, что настал момент изменить свою политику в отношении Италии. У Муссолини появилась возможность убедиться, что, используя «определяющий вес» Италии в пользу французской политики, он, «может быть», не упустит некоторые ощутимые результаты.

3.3. Реакция Франции на приход Гитлера к власти. Поиск новых союзов: Италия и СССР

3.3.1. ОТВЕТ ФРАНЦИИ НА ГЕРМАНСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ

Жан-Батист Дюрозель точно и красноречиво озаглавил свою работу, посвященную французской внешней политике с 1932 по 1939 г., одним словом: «Упадок». В действительности, после фактического, если не юридического, краха Локарнской системы в 1932 г., французы не смогли создать вместо нее стратегию внешней политики, которая была бы в состоянии учитывать изменения, свершившиеся в Европе. Они оказались зажатыми между концепцией безопасности и стремлением постоянно уточнять ее содержание, что в результате вело их от одного разочарования к другому, вплоть до психологического ощущения бессилия. В решающие моменты это мешало им сделать смелый выбор без предвзвешивания, связанный с трудными временами. Так, ослабление способности контролировать европейскую систему, которое восходит к поражению Наполеона I (что не исключало длительные периоды другого характера), привело к уменьшению значимости французской позиции в мире.

Этот длительный процесс, связанный с неспособностью к обновлению французской политики, проявился в конце деятельности Бриана. Он был вызван и нестабильностью правительственных коалиций, и противоречиями между формулами лево- и правополитического большинства, что приводило к непрерывной смене

руководителей французской политической жизни. Все это сопровождалось резкими, хотя и не всегда оправданными поворотами, порождавшими растущее чувство пессимизма в коллективном менталитете французов. Единственным свидетельством преемственности в министерстве иностранных дел оказался генеральный секретарь Алексис Леже, который в марте 1933 г. пришел на смену Филиппу Бертело, не изменив, однако, по существу концепции Бриана. Авторитетный французский журналист Андре Жеро, писавший под псевдонимом Пертинакс, так излагал идеи Леже в статье, которую процитировал Дюрозель: «Приоритет принадлежит согласию и сотрудничеству с Великобританией, необходимо сохранять союз с Польшей и Чехословакией, развивать отношения с Советским Союзом, чтобы дистанцировать его от Германии, преобразовать Лигу Наций ввиду возникающих моментов опасности в военный и экономический союз, который оказывал бы поддержку западным державам».

Но эти положения не учитывали нацистский динамизм, итальянские амбиции, замыслы Советов, двойственность англичан и, прежде всего, развитие кризиса вследствие роста противоречий между европейскими державами.

В левоцентристском правительстве, сформированном Эррио в июне 1932 г. после победы на выборах левого блока, премьер-министр оставил за собой министерство иностранных дел, но проводил колеблющуюся линию по вопросам разоружения. Международные переговоры по этим вопросам зашли в тупик, и это вызывало тревогу в связи с сообщениями о военных ассигнованиях, утвержденных декретом Гитлера. Внешнеполитическая линия Эррио колебалась между перспективой примирения с Германией (что гитлеровская дипломатия вначале демонстративно принимала как некое продолжение духа Локарно и как выражение анти-советского поворота, который Германия открыто одобряла) и противоположной политикой, направленной на углубление контактов с Москвой после долгих лет враждебности или взаимного равнодушия. В этой обстановке Эррио под давлением англичан и итальянцев признал принцип равенства прав победителей и побежденных, который в свое время не признавал его предшественник Тардье.

Характер этого согласия был тот же, что позже пытался реализовать, но с другими намерениями, Муссолини в пакте четырех. В обоих случаях целью ставилось создание группы европейских государств, которая изолировала бы Советы. Последние после прихода к власти Гитлера значительно сблизились с международным сообществом; они отказались от предвзятого подхода (но не

от принципа) их сущностного отличия от капиталистического лагеря и согласились участвовать в общей конференции по разоружению. Именно с целью уравновесить уступку, сделанную Германией, Эррио намеревался возобновить, наконец, переговоры, которые в течение многих лет советская дипломатия пыталась вести с Францией.

Еще с 1927 г. правительство Москвы предлагало пакт о ненападении, что резко противоречило секретным соглашениям об осуществлении германского вооружения на советской территории. Но в 1932 г. даже Сталин почувствовал необходимость, по крайней мере внешне, показать свою враждебность германскому ревизионизму: это был самый подходящий путь, чтобы убедить французов принять предложение советского министра иностранных дел Максима Литвинова и подписать 29 ноября 1932 г. пакт о ненападении между двумя державами. Для Франции это был, пусть небольшой, шаг вперед, который мог привести к весьма заметным результатам.

Правительство Эррио пало в конце 1932 г. Во Франции наступил смутный период, отмеченный финансовыми скандалами и бурными политическими событиями. Если до 1931 г. экономический кризис еще не давал о себе знать во Франции, то в 1932 г. французы почувствовали его воздействие: безработица, падение промышленного производства, трудности в торговой сфере, рост напряженности в международных отношениях. В результате Франции становится все труднее добиваться реализации своего курса: оказание финансовой помощи в обмен на обязательства участвовать в ее системе безопасности.

В течение года сменилось пять различных правительств, хотя на Кэ д'Орсе до начала 1934 г. оставался Жозеф Поль-Бонкур. Деятельность этого министра резко осудил Дюрозель за его приверженность формуле «коллективной безопасности» именно в то время, когда японцы завершали захват Маньчжурии, а в Берлине перешел в наступление Гитлер. В этих новых обстоятельствах Поль-Бонкур долгое время льстил себя надеждой на сближение с Германией. Гитлер демонстрировал французам свои добрые устремления к достижению взаимного компромисса, в особенности потому что, как считали англичане и американцы, в ситуации, когда конференция по разоружению продолжала свою работу, хотя и дышала на ладан, именно французы должны были бы проявить добрую волю. По мнению США и Великобритании, вопрос о безопасности мог серьезно рассматриваться только *после* того, как Франция предпримет символический шаг по сокращению своих вооруженных сил, которые казались им весьма мощными

в сравнении с германскими, существовавшими еще только в планах Гитлера, а не в действительности.

Как и планы Муссолини, нацеленные на подрыв Локарнских соглашений, предложение Германией компромисса с Францией было ни чем иным, как уловкой с целью воспользоваться случаем и оттянуть время, чтобы потребовать от конференции по разоружению принять календарь реконструкции германской военной машины. Это стало абсолютно ясно в конце 1933 г., когда, воспользовавшись отказом других стран поддержать предложения Германии, Гитлер спровоцировал выход Германии из Лиги Наций с шумным скандалом. Его аргументы сводились к тому, что другие державы, признав и для Германии положение о равенстве прав в области вооружений, препятствовали его практической реализации. Таким образом, Франция утратила инициативу, внимая циничным посулам Гитлера и погрязнув в безрезультатных переговорах по пакту четырех.

3.3.2. СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ СБЛИЖЕНИЕ

Отношения с Советским Союзом стали единственным направлением внешней политики Парижа, которое получило определенное развитие. Обмен краткими визитами привел к подписанию в августе 1933 г. временного торгового протокола, трансформированного 9 января 1934 г. в окончательное соглашение. Наиболее важным элементом была идея пакта о взаимопомощи, выдвинутая Советским Союзом и содержащая в зародыше будущее соглашение 1935 г. Сближение этих двух стран вызывало тревогу и опасения восточных союзников Франции, прежде всего, Польши, которая не случайно 26 января 1934 г. подписала с Германией пакт о ненападении. Это не было разрушением старой системы союзов, но сама акция была воспринята как призыв к Франции и к Европе в целом обратить внимание на то, с какой быстротой разворачиваются события в Германии, и на то, что новая международная ситуация таит опасность для Франции.

Эти страхи передались по наследству Луи Барту от его предшественника Поля-Бонкура. Придерживаться неизменной концепции безопасности означало суметь преобразовать ее в систему эффективных, не противоречивых союзов. Единственный союз, который мог приобрести подобный характер, был союз Франции и Великобритании, т.е. единственный, который не был оформлен договором, но существовал по самой природе вещей, хотя и находился постоянно под угрозой в связи с тем, что англичане относились с опасением к претензиям французов на гегемонию.

Все другие соглашения были либо слишком хрупкими, либо противоречивыми. Соглашение с Чехословакией не было прочным, потому что это государство раздирали межнациональные противоречия и к нему враждебно относилась нацистская Германия. Столь же непрочным было и соглашение с Югославией, которую пытались использовать как инструмент в противоборстве с Италией, что потенциально вело к изоляции Франции в Европе, если иметь также в виду возможность итало-германского соглашения. Полна противоречий была и система соглашений с Советским Союзом.

Эта система явилась результатом параллельных действий Советов и Франции, которые должны были привести к единому результату, но они были настолько полны противоречий, что вызывали страх и опасения тех, кто боялся претензий Франции на гегемонизм, либо реакции Германии, и даже просто усиления влияния Советского Союза с его коммунистическим режимом.

Во внешнеполитической деятельности Франции выделяются несколько четких этапов, связанных с переговорами по экономическому урегулированию в Балкано-Дунайском регионе, началом которых послужили конференции в Лондоне и в Стресе. Прежде всего был обновлен договор о дружбе с Югославией (вместе с его секретными статьями). В феврале 1933 г. государства Малой Антанты подписали организационный пакт, направленный на укрепление их отношений: с этой целью создавались постоянные консультационные органы. В эту линию с трудом встраивается пакт о Балканской Антанте, подписанный 9 февраля 1934 г. между Югославией, Румынией, Турцией и Грецией, поскольку что отсутствие Чехословакии и включение Греции, если не искажали антиревизионистской направленности Антанты и, следовательно, ее курса на поддержку Франции, то со всей очевидностью придавали соглашению антисоветский характер.

Балтийская Антанта, созданная 3 ноября 1934 г. Литвой, Латвией и Эстонией, также имела антиревизионистскую направленность, но в то же самое время участие Литвы расценивалось как предупреждение Польше. Антисоветская окраска Балтийской Антанты несомненна, хотя по существу соглашение было ограничено консультациями на случай кризисных ситуаций.

В свою очередь, Советы, выражая свое глубокое стремление участвовать в системе всеобщей безопасности, в начале июля 1933г. заключили ряд соглашений с пограничными странами. 3 июля они подписали общую конвенцию об определении агрессии с Афганистаном, Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией и Персией; на следующий день было подписано аналогичное согла-

шение с Малой Антантой в целом и Турцией; наконец, 5 июля состоялось подписание сепаратного соглашения с Литвой, которая не участвовала в общем соглашении, так как не хотела присоединяться к нему из-за участия Польши. Литву и Польшу разделял спор о границе в районе Вильнюса, возврата которого требовали литовцы.

Советы продолжали сплочение антигерманского фронта. Они добились соглашения с Италией сначала в экономической сфере, а затем и в политической, и 2 сентября 1933 г. подписали с ней договор о ненападении и нейтралитете. В начале 1934 г. они заявили о своей готовности вступить Лигу Наций и даже подписать соглашения о взаимопомощи с Францией, Бельгией, Чехословакией, Польшей, Латвией, Литвой, Эстонией и Финляндией. Они проявили готовность полностью поддержать позиции Франции по проблемам безопасности, так что, казалось, их взгляды целиком совпадают и грядущий союз неизбежен. Советский Союз таким образом продемонстрировал, что в его политике произошел поворот в сторону Лиги Наций и подтвердил свое намерение участвовать в этой организации. И, действительно, 18 сентября 1934 г. (почти год спустя после скандального выхода Германии) подавляющим большинством голосов он был принят в Лигу Наций, получив постоянное членство в ее Совете. Несмотря на все это, система безопасности оставалась нерешенной проблемой, хотя и сохранила основное, ключевое значение для будущего Европы.

Франция и Советский Союз проводили два параллельных и, казалось, совпадающих курса с целью формирования системы союзов, способной изолировать Германию. Однако ни во Франции, ни в остальной Европе, заинтересованной в создании подобной системы, не сложилось единого мнения относительно места, которое должен был занимать в ней Советский Союз. Признание Советским Союзом идей коллективной безопасности могло объясняться внутренними причинами, связанными с завершением первого этапа выполнения пятилетних планов и укреплением власти Сталина. Возможно, это было продиктовано международной ситуацией и было условием Франции, которая хотела выявить подлинность поворота в политике СССР, а также реальность прекращения его двойственных отношений с Германией. Немецкое государство было не только «бельмом на глазу» для западных держав, но представляло реальную опасность и для Советского Союза. У Сталина, как и у его соратников, не могло быть иллюзий на этот счет — они знали, что в соответствии с нацистской доктриной «жизненное пространство» Германии распространялось на Восточную Европу и Украину.

Но тогда вопрос ставился иначе: в каких пределах западные державы могли бы доверять Советскому Союзу, которого они не признавали в качестве партнера по антигерманскому и антиревизионистскому соглашению. Корни трудностей для демократических капиталистических стран заключались в том, что они не могли согласиться с необходимостью возможного сотрудничества с классовым врагом в целях противоборства с грозящим господством нацизма, считавшегося внутренней проблемой капиталистической системы. На эти же трудности наталкивались многие инициативы западных держав в периоды до и после Второй мировой войны, что предоставляло свободу беспринципным действиям Гитлера и Сталина.

3.3.3. ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ БАРТУ И «ВОСТОЧНОЕ ЛОКАРНО»

В условиях продолжения политики постепенного окружения Германии 9 февраля 1934 г. во Франции к власти пришло правительство национального единства под руководством Гастона Думерга, в котором пост министра иностранных дел занял Луи Барту, получивший в наследство результаты деятельности Поля-Бонкура. С приходом Барту на Кэ д'Орсе французская политика стала более последовательной и динамичной. Дюрозель видел в нем единственного французского государственного деятеля, обладавшего стратегическим, а не доктринерским видением проблем внешней политики. Более того, можно сказать, что его политика была жестко реалистической, она не зависела от идеологии, на нее не давил груз традиций недавнего прошлого. Это было и преимуществом и вместе с тем недостатком, потому что в случае неудачи после Барту остались бы руины того, что он разрушил.

Диагноз Барту был точен: подлинным врагом Франции оставалась Германия, но проблему безопасности нельзя было решить с помощью формулы коллективных соглашений. Они потерпели провал, а проще говоря, были изжиты в связи с изменением ситуации. Продолжать политику, руководствуясь прежними установками, означало проводить политику, опираясь на пустоту. На смену коллективной безопасности должна была прийти система союзов. Это не означало безразличия к Лиге Наций, в которой действовало соглашение с Великобританией и куда должен был вступить (как это и случилось) Советский Союз.

Наряду с Лигой Наций на континенте должна быть создана система союзов, более эффективная и четкая, чем та солидарность, которую готова продемонстрировать Великобритания. Но порой

англичане, и до и после Локарно, проявляли полное равнодушие к некоторым вопросам, как это произошло во время международного обсуждения скользких проблем Восточной Европы. В таком случае собеседников не выбирали, они были predetermined: это были традиционные союзники по балкано-дунайской системе соглашений, Советский Союз и, наконец, Италия, относительно которой, как считал Барту, настало время изменить политику.

Внешним выражением этих перемен стал документ, разработанный под руководством Барту, принятый французским правительством и опубликованный 17 апреля. В нем было недвусмысленно заявлено, что Франция считает бесполезным продолжать переговоры с Германией, начатые Полем-Бонкуром и которые правительство Берлина пыталось возобновить в первые месяцы 1934 г. Барту прочел «Майн Кампф» и не принимал уверения тех, кто оценивал эту работу как обычную книгу, не имевшую конкретного политического содержания. Произведение Гитлера распространялось в Германии миллионными тиражами, что убеждало Барту в обратном: Гитлер излагал в своей книге цели, в которые продолжал верить.

Принимая во внимание эти факты, Барту провел, как всегда лично, широкие консультации, чтобы выявить возможности заключения договора о гарантиях. Этот договор никогда не был подписан, но он вошел в историю как «Восточное Локарно», хотя в нем было очень мало и даже почти ничего не было от духа Локарно. В конце апреля Барту отправился в поездку по Восточной Европе. Он начал с Варшавы, столицы государства, вызывавшего недоверие Парижа после заключения соглашения с Германией и укрепления авторитарного режима Пилсудского. Затем Барту посетил в Прагу, где последовательность Бенеша не вызывала никаких сомнений, проследовал в Бухарест и прибыл, наконец, в Белград, где он пригласил короля Александра посетить Францию 9 октября 1934 г.

Предметом переговоров Барту было предложение пакта о взаимопомощи и взаимных гарантиях, в котором должна была участвовать также и Германия. В тексте договора было много сложных формулировок, что отражало переплетение тайного и явного соперничества в вопросах, затронутых в проекте. Сложность проекта была связана с позицией, которая отводилась Советскому Союзу в рамках соглашения. Поэтому с самого начала предпочтительной была формулировка об «особой конвенции между Францией и СССР», направленной против возможности германской агрессии (именно в этом отличие от Локарно 1925 г.) и не связанной с проблемой всеобщих гарантий. Это был уже значи-

тельный шаг в направлении двустороннего соглашения между Францией и СССР.

Нерешенными оставались две проблемы: Великобритания и Италия. Англичане реагировали на беспокоящие Барту проблемы с опасной легкостью. Им казалось, как говорил министр иностранных дел сэр Джон Саймон, что идея защититься от германской угрозы является «безрассудной». Англичане были непреклонны в своем убеждении, что не следует проявлять предпочтений в отношении французов, которые решительно создавали новые союзы, по возможности, *с участием* Великобритании, но если необходимо, то и *без* нее, т.е. с Советами. В результате англичане поддерживали, хотя сдержанно и уклончиво, проект Барту.

Что касается Италии, то реакция Муссолини на попытку путча в Австрии и убийство Дольфуса убедила Барту в отказе Рима от политики равноудаленности по отношению к Гитлеру. Хотя предшественник Барту в сотрудничестве с англичанами и немцами спровоцировал провал пакта четырех, но в Париже сохранилось активное стремление к компромиссу и даже к более тесному союзу. В подтверждение этих намерений Поль-Бонкур, после провала миссии Жувенеля, направил в Рим нового посла, настроенного в пользу заключения подобного соглашения, графа Шарля де Шамбрена.

Как только Париж смог преодолеть недоверие, вызванное односторонними действиями Рима в отношении Австрии и Венгрии (протоколы по экономическим вопросам от 17 марта 1934 г.), позиция Франции стала более позитивной. Роль Италии становилась особенно значимой из-за трудностей, с которыми столкнулся проект «Восточного Локарно» в связи с прохладным отношением к нему Германии, двойственной реакцией Польши и безразличием Великобритании.

В начале сентября планы Барту совершить визит в Рим приобрели конкретные очертания. Проблемы, разделявшие обе страны с 1919 г., стали обсуждаться более тщательно и детально. В новой атмосфере сотрудничества было нетрудно определить вопросы, относительно которых был возможен компромисс. Но основным препятствием оставались взаимные амбиции общего характера. Барту думал, что сможет убедить итальянцев проводить единую политику на Балканах, и вместе с тем надеялся убедить Югославию улучшить отношения с Италией (в этом заключался один из резонов приглашения короля Югославии во Францию). В свою очередь, Муссолини считал, что ситуация изменилась настолько, что Италия может ставить более амбициозные цели, чем просто решение «зависших» проблем в отношениях с Францией.

Такова была ситуация в конце сентября 1934 г. Напомним: Советский Союз был только что принят в Лигу Наций, а сроки визита Барту в Рим были назначены на 4–11 ноября. И вдруг внезапная трагедия парализовала все. Король Югославии Александр I на борту крейсера «Дубровник» 9 октября 1934 г. прибыл с официальным визитом в порт Марселя, где его встречал сам Барту. Оба стали жертвами хорватских экстремистов, принадлежавших к группировке усташей, руководимой Кватерником и Павеличем, которых в определенной мере поддерживал Муссолини. Противоречия нарастали вопреки интересам Италии, хотя она и не несла прямой ответственности за трагедию, подготовленную в другом месте (на территории Германии?).

Смерть Барту означала конец правительства Думерга. Месяц спустя премьер-министром был избран Пьер-Этьен Фланден, министром иностранных дел стал Пьер Лаваль. Французская внешняя политика утратила ясность и определенность. Прежняя твердая антигерманская позиция Барту стала менее четкой. Лаваль, не придерживавшийся устойчивых принципов, отказался от целостной стратегии Барту. По его мнению, игра была еще не сыграна: можно было вернуться к тактике Поля-Бонкура и его предшественников и соглашению с Советским Союзом попытаться противопоставить компромисс с Германией, который к тому же можно уравновесить рядом других договоров, прежде всего, более тесными соглашениями с Италией и Великобританией. Лаваль не стремился выработать собственно «французскую» внешнюю политику, он вернулся к неустойчивой политике колебаний в быстро менявшейся ситуации.

3.3.4. МАКИАВЕЛЛИЗМ ЛАВАЛЯ И РИМСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ ЯНВАРЯ 1935 г.

Иллюзорность возможности умиротворить Гитлера вскоре подтвердилась во время решения проблемы Саара. Согласно Версальскому договору, через пятнадцать лет после его вступления в силу в области следовало провести референдум, и население должно было решить вопрос о принадлежности области Саара Франции или Германии. Уже за несколько месяцев до голосования французы заняли твердую позицию и готовы были всеми средствами бороться с прогерманской пропагандой.

Лаваль отказался от этой линии поведения и согласился с тем, что референдум пройдет под контролем международных сил и под эгидой Лиги Наций. Этот поворот породил настроения равнодушия, что помогло произойти тому, что, возможно, и долж-

но было произойти — победе прогерманских сил. Отсутствие подлинной заинтересованности, проявленное Францией, привело к тому, что результаты референдума носили характер снежного обвала, так как 90% саарцев проголосовали (13 января 1935 г.) за возвращение к Германии (ставшей нацистской); это перечеркивало другой результат, достигнутый в итоге Первой мировой войны, и позволило Гитлеру положить начало расширению территории Германии. Однако политика отстраненности, проводимая Францией, не принесла ожидаемых результатов: франко-германские отношения не улучшились, доказательством чему стало германское заявление, сделанное 16 марта 1935 г., о восстановлении обязательной воинской повинности.

Продолжение диалога с Италией было более плодотворным и потенциально эффективным как в краткосрочном, так и в долгосрочном плане. На него не повлияло компромиссное отношение Рима к хорватскому сепаратизму, от которого Муссолини поспешил в это время дистанцироваться, отдав необходимые распоряжения полиции. Планы визита Лавалья в Рим возродились. Решение о дате визита, намеченного на 4–7 января 1935 г., было принято несколько дней спустя после инцидента, происшедшего 5 декабря в Уаль-Уале, на границе итальянского Сомали с Эфиопией, где несколько итальянских военных были убиты эфиопами. В связи с этим инцидентом правительство Парижа выступило с осуждением Эфиопии.

Визит Лавалья в Рим ознаменовал собой новый этап в отношениях между двумя странами, которые, особенно после 1924 г., были проникнуты острыми противоречиями почти по всем направлениям европейской политики. Во время визита, 7 января 1935 г., было подписано несколько соглашений, которые помогли поставить точку в ряде долговременных спорных проблем. Но самым важным результатом визита стало то, что обе стороны поверили в возможность достижения столь желаемого стратегического соглашения.

Преамбула документов, подписанных 7 января, содержала общее заявление, в котором правительства обеих стран обязывались «сотрудничать в духе взаимного доверия в целях сохранения всеобщего мира». Затем следовал протокол, в котором обе стороны признавали взаимную заинтересованность в сохранении стабильности в Центральной Европе, и в частности в Австрии; они обязывались не вмешиваться во внутренние дела этого региона и способствовать подписанию общей конвенции, к которой присоединились бы все заинтересованные страны. В ожидании подобной конвенции Франция и Италия договорились о взаимных

консультациях, а также о консультациях с Австрией, если этого потребует угроза независимости этой страны или ее территориальной целостности. В другом протоколе говорилось, что в случае принятия Германией одностороннего решения отказаться от своих обязательств в области вооружений и ее действий согласно принципу полной свободы, вооружения Франция и Италия определят совместный согласованный ответ.

За этими предваряющими документами следовал двусторонний договор, касавшийся интересов обеих стран в Африке. Первым рассматривался давний вопрос об итальянских гражданах, проживавших в Тунисе, статус которых определялся конвенцией, подписанной в 1896 г., но в 1918 г. денонсированной Францией. Оба правительства договорились подписать новую конвенцию, согласно которой вопрос решался постепенно в течение тридцати лет и в соответствии с пожеланиями французов, т.е. статус всех детей, родившихся в Тунисе у итальянских родителей, регулировался бы нормами, установленными для французских граждан.

Вопрос о «компенсациях», предусмотренных Лондонским пактом (1915 г.), был решен с некоторыми поправками в интересах Италии в отношении Берега Сомали и с уступкой 113 000 км территории в южной Ливии в соответствии с географической картой, прилагавшейся к договору. Кроме того, французское правительство обязалось уступить Италии 2500 акций компании, владевшей железной дорогой Джибути—Аддис Абеба (это подтверждалось обменом письмами).

Эти колониальные компенсации значили для Италии не очень много и были бы недостаточны, чтобы развеять сомнения Муссолини, если бы договор не сопровождался двумя протоколами, которые не предназначались для публикации и касались вопроса об Эфиопии в целом. В первом из этих протоколов итальянское правительство обязывалось не возводить укреплений на побережье Эритреи напротив Баб-эль-Мандебского пролива. Во втором протоколе (который был оформлен обменом нотами между Муссолини и Лавалем), французское правительство, обращаясь к трехстороннему итало-франко-британскому соглашению 1906 г., обязывалось не преследовать в Эфиопии иных интересов, кроме связанных с экономическими вопросами эксплуатации железной дороги Джибути—Аддис Абеба. Такова была формулировка, которая выражала отказ Франции от претензий в отношении Эфиопии или, если угодно, предоставление Италии «свободы рук» в этом регионе.

Сложный характер соглашения, а также вызванная им полемика требуют некоторых пояснений.

Основной обмен мнениями между Муссолини и Лавалем происходил в присутствии лишь одного заместителя министра Сувича, который подготовил очень краткое и полное недоговоренностей изложение беседы, поэтому только изучение секретных документов позволяет объяснить, в пределах возможного, полемику, вспыхнувшую между двумя государственными деятелями. Когда Лавала обвиняли в том, что он способствовал агрессии Италии в Эфиопии, французский министр, защищаясь, утверждал, что предоставил Италии «свободу рук» только в целях *экономической*, а не *политической* экспансии в Эфиопии. Этот аргумент представляется лишенным основания по очевидной причине: в начале 1935 г. предоставить Муссолини «свободу рук» в Эфиопии означало отказаться от определения точного значения этой формулы. Дуче еще в 1932 г. отдал приказ о подготовке итальянских вооруженных сил к предстоящим действиям в Эфиопии, а 30 декабря 1934 г. внес уточнение в военные приказы, определив, что их целью является «уничтожение абиссинских вооруженных сил и полное завоевание Эфиопии». (Нужна была именно такая формулировка в одном из секретных военных планов, целью которых было достижение максимального результата, если это станет необходимым.)

Эти уточнения, на первый взгляд слишком категоричные, были сделаны, хотя наряду с военными планами, давно готовилось альтернативное соглашение с державами-участницами договора от 1906 г. Предусматривалось, что они, предоставив Италии «свободу рук», позволят ей установить контроль над Эфиопией, формы и методы которого еще предстояло определить (при этом обеспечивались экономические интересы этих держав). Радикальные формулировки («полное уничтожение» и т.п.) использовались лишь в «секретнейшем» военном плане, утвержденном Муссолини 30 декабря. Накануне встречи с Лавалем Муссолини поспешил уточнить, что подобные действия должны быть осуществлены быстро и эффективно, чтобы опередить реакцию Франции и Великобритании. Правда и то, что после встречи с Лавалем Муссолини писал Дино Гранди, бывшему тогда послом Италии в Лондоне: «Моя задача решить проблему Эфиопии радикальным образом либо установлением нашего прямого господства, либо в какой-то иной форме в зависимости от обстоятельств».

Итак, в то время как военные осуществляли приготовления в соответствии с намеченными планами, дипломаты отвечали на запросы из Лондона и Парижа в связи с замыслами Муссолини. При этом помимо радикальных действий рассматривалась так же возможность эффективных и менее затратных альтернативных решений, например, установление протектората, либо изменение границ между Эритреей и Сомали (в прошлом колонии Италии),

либо короткая символическая война с изолированным и беззащитным противником, прежде чем перейти к массированному вооруженному нападению.

Однако предложение компромисса в виде соглашения Хора–Лавалья, сделанное год спустя, в декабре 1935 г., когда война уже началась, было встречено Муссолини весьма доброжелательно. Это свидетельствует, что он даже тогда был готов к иному решению, не предусматривавшему полную победу над Эфиопией и ее ликвидацию. Причина такого отношения очевидна, поскольку связана с проблемой военных ресурсов, которые требовались Италии для установления полного контроля над обширной территорией Эфиопии, населенной различными этническими группами, приверженными своей идентичности и, следовательно, прямой контроль над которыми было очень трудно установить. Итак, содержание уступок Лавалья было неясным, потому что не были определены и оперативные планы Муссолини. Из протокола беседы двух государственных деятелей, который сделал Сувич, следует, что Муссолини информировал Лавалья о намерениях Италии завершить полное «проникновение» в Эфиопию, соблюдая при этом экономические интересы Франции и Великобритании.

Необходимо подчеркнуть политическое значение намечавшегося союза, от которого неотделимо тайное соглашение Муссолини–Лавалья. Точнее говоря, намечавшийся союз был возможен на основе соглашения о том, что Франция и Италия проводят единую политику в отношении Австрии, по вопросу вооружения Германии и, с многочисленными оговорками, по балканским проблемам.

Это соглашение было уступкой, сделанной Италией Франции, и означало готовность Муссолини предоставить Лавалю то, чего его предшественники не могли добиться от Рима. Но уступка была сделана также в связи с обсуждением *статуса* итальянских граждан в Тунисе, а, возможно, и в обмен на *соответствующие* уступки, сделанные Францией в колониальном вопросе. Между тем, определять публично согласованные в Риме уступки по колониальным проблемам как «соответствующие», в этом случае было бы смехотворным, если не принимать во внимание, что они дополнялись полнейшим отказом Франции в пользу Италии от ее позиций в Эфиопии. В общем, как писал Лефевр д’Овидио, «итальянская сторона во всех письмах поясняла, что Эфиопия должна стать подлинной компенсацией в колониальном вопросе».

Впрочем, обмен нотами между Муссолини и Лавалем имел определенное значение, поскольку французский министр утверждал, что его правительство стремится решить в Эфиопии только ограниченные экономические задачи, касающиеся железной доро-

ги Джибути -Аддис Абеба, при соблюдении итальянских интересов. Соблюдение интересов в каком случае? Именно этот вопрос неизбежно приводит к выводу: в случае акций, которые итальянское правительство сочтет необходимым предпринять в Эфиопии. В договоре от 1906 г. зона французских интересов была определена как «зона возможного политического влияния» в случае, если целостность Эфиопии будет нарушена. Теперь Лаваль изменил характер и территориальные границы зоны французских интересов. Уступка Италии, сформулированная от противного, была своего рода уловкой, предназначенной избежать слишком явной компрометации Франции, когда договор будет опубликован и расхождения текстов будут представлены в Лиге Наций.

Основная характерная черта соглашения Муссолини — Лаваль состояла в том, что Муссолини открыто склонялся к сотрудничеству с Францией, чтобы на волне неприятия нацистской политики в Австрии создать противовес Германии. Военные переговоры, которые маршал Бадольо, начальник итальянского генерального штаба, начал несколько дней спустя после заключения соглашения Муссолини — Лаваль со своим французским коллегой генералом Гамеленом были конкретным доказательством избранного курса, имевшего более общее значения. Переговоры проходили регулярно с марта по июнь 1935 г. и позволили во время визита Гамелена в Рим (несколько дней спустя после подписания 16 июня англо-германского соглашения о морских вооружениях) подписать протокол, который предусматривал военное взаимодействие между сторонами в случае германской акции в Австрии. Стоит добавить, что это соглашение между генеральными штабами обеих стран сохраняло силу вплоть до Второй мировой войны.

Это был самый благоприятный период в итало-французском сближении. «Латинские сестры», казалось, нашли основу для постоянного союза. Но союзу угрожала нерешенная проблема политической двойственности. Это касалось не столько формы заключенных соглашений, сколько их политического значения. Для Муссолини они стали этапом в выполнении программы и открывали ему путь в Эфиопию после одобрения Великобританией его африканской акции. Вместе с тем, соглашения призваны были способствовать тому, чтобы его действия не подорвали позиции Италии в Европе. Для Лавала соглашение было ни чем иным, как одним из аспектов его европейской политики, этапом в решении проблемы создания различных союзов. В январе Германия еще не объявила ему шах, приняв решение об обязательной воинской повинности.

Когда стало известно об этом решении, ограниченный характер соглашений, подписанных в Риме, стал очевидным.

3.4. Противоречия «фронта Стрезы». Советско-французский договор и англо-германское соглашение по морским вооружениям

3.4.1. «ФРОНТ СТРЕЗЫ»: ПЕРВЫЙ ЭТАП УМИРОТВОРЕНИЯ

Лавалю требовалось прояснить отношения с Великобританией и Советским Союзом, чтобы реализовать недостающие вектора его политики. Не следует забывать о том, что политика французского министра иностранных дел постоянно была направлена на противостояние нарастающей германской опасности. Соглашение с Италией стало для него одним из способов блокировать проникновение Германии на Балканы, но позиция Великобритании оставалась весьма неопределенной.

Правительство Лондона не разделяло опасений Франции, оно проявляло большую озабоченность как имперскими поползновениями Италии, так и попыткой Франции предусмотреть более конструктивную роль в Европе для Советского Союза. Великобритания была склонна вытеснить СССР на задворки Европы и питала иллюзорные надежды возобновить переговоры в рамках конференции по разоружению. Немцы не оказывали открытого противодействия этим переговорам, потому что, как уже было в 1932–1933 гг., невыполнение другими своих обязательств давало им возможность законно предпринимать односторонние действия.

Впервые попытку прояснить отношения с партнерами Лаваль сумел в связи с одной из таких акций Германии: 16 марта 1935 г. в нарушение ст.173 Версальского договора она объявила о возобновлении обязательной воинской повинности. Это был первый серьезный удар, нанесенный по Версальской системе в международно-правовом плане. Он должен был незамедлительно вызвать суровую отповедь. В действительности, это привело лишь к созданию эфемерного антиревизионистского «фронта Стрезы», который предоставил возможность трем заинтересованным европейским державам (Франции, Италии и Великобритании) свободно продолжать односторонние действия: каждая из них стремилась к реализации собственных национальных целей, которые имели мало общего с проблемой международной безопасности и очень много со старой традицией державной политики.

Акция Гитлера свидетельствовала о ловкой тактике немецкого диктатора, который отлично понимал, что европейские противники действуют по разным направлениям. Еще в 1934 г. он пред-

ложил англичанам заключить соглашение по регламентации воздушных вооружений (предполагая подтолкнуть Великобританию к укреплению ее вооруженных сил, он рассчитывал включить в этот процесс и Германию), что привело к разногласиям между англичанами, французами и итальянцами. Убийство Дольфуса не позволило англичанам принять предложения Германии, в результате Гитлер почувствовал себя свободным в реализации концепции «равенства» воздушных вооружений для Германии, о которой была достигнута предварительная договоренность в декабре 1932 г.

Когда стих резонанс австрийских событий, специальный посол Гитлера в Лондоне фон Риббентроп встретился в ноябре 1934 г. с министром иностранных дел Великобритании Саймоном и Антони Иденом, бывшим тогда лордом-хранителем королевской печати, чтобы обсудить с ними другую важную проблему: ограничение морских вооружений.

Затем, спустя нескольких месяцев, Гитлер продемонстрировал английскому правительству свою готовность подписать соглашение, в соответствии с которым соотношение между британским и германским флотом (Берлин питал надежды на его восстановление) составило бы 100 к 35. Саймон планировал свой визит в Берлин на 7 марта 1935 г., чтобы обсудить условия соглашения, которое позволяло Германии иметь внушительный флот. Он представлял это решение как меру контроля над вооружением Германии. 4 марта англичане обнародовали свои предложения относительно воздушных вооружений, чем воспользовался Гитлер для реализации одной из своих самых жестких политических акций. Он отложил визит Саймона и вскоре, 16 марта, объявил о восстановлении обязательной воинской повинности.

На этом этапе существовавшие противоречия еще не проявились открыто. Франция шла своей дорогой (соглашение с Италией, переговоры с СССР, особое внимание к Балканским проблемам, продолжение осторожного обмена мнениями с Великобританией); Италия была нацелена на реализацию эфиопской акции; Великобритания не доверяла никому, в том числе и Гитлеру, но именно потому, что правительство Лондона предчувствовало опасность со стороны Германии, оно считало уместным действовать в отношении нее осторожно, так осторожно, что закрывало глаза на все.

Нарушение ст. 173 Версальского договора было настолько возмутительной акцией, что могло бы привести к возрождению единства трех европейских держав, одержавших победу над Германией, при условии, что каждая получила бы что-то от других или уступила бы в чем-то. Встреча в Стрезе (11–14 апреля 1935 г.), созванная для реализации этой возможности, завершилась совме-

ственным коммюнике, которое подтверждало общее стремление не допускать нарушений Версальского договора и предупреждало об «опасности для мира в Европе». После этого совещания несколько недель говорили о так называемом «духе Стрезы», о вновь обретенном согласии, о восстановлении прочного антиревизионистского фронта, но по существу это был самообман и обман друг друга — все это лишь на короткое время беспокоило Гитлера.

Официально ничего не было сказано о том, что все знали, — о проблеме Эфиопии. Трое главных участников, Муссолини, Лаваль и Макдональд, не проронили ни слова, и даже министры иностранных не касались этого вопроса. Дипломаты меньшего ранга, в особенности английские и итальянские, в длительных дискуссиях искали подходящую формулировку, которая соответствовала бы договору 1906 г., что было одобрено Лавалем, т.е. позволила бы ограничить интересы Великобритании вопросом о водах озера Тана и другими экономическими, а не политическими проблемами. Англичане не согласились с таким подходом. Муссолини уехал из Стрезы, уверенный, что молчание союзников не было выражением их негативного отношения, и у него осталась возможность маневрировать. Разочарованные французы покинули Стрезу, убедившись в бесполезности слов и в необходимости идти по намеченному пути. Такую же позицию занимали англичане.

3.4.2. СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ДОГОВОР ОТ 2 МАЯ 1935 г.

В этой ситуации, очень подходящей для эффектных акций Гитлера, был заключен советско-французский договор о взаимопомощи. Именно проблема вооружений Германии (к тому моменту как наземных, так и воздушных) подтолкнула к действиям в этом направлении. В действительности, Лаваль не был, как Барту, решительным сторонником подписания договора с Советами, в то время как Сталин и его министр иностранных дел Литвинов предлагали заключить соглашение, которое связывало бы Москву и Париж обязательствами об автоматическом оказании взаимопомощи. В апреле вопрос был решен, и 2 мая 1935 г. в Париже был подписан советско-французский договор о взаимопомощи. Он обязывал обе стороны немедленно оказывать друг другу помощь и поддержку в случае «невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства».

Стремясь успокоить встревоженных англичан, французы настаивали на том, чтобы статьи договора были связаны с Локарнскими соглашениями и Лигой Наций. Агрессия, рассматривав-

шаяся как *casus foederis*, должна была, следовательно, признаваться как таковая Советом Лиги Наций в соответствии со ст. 16 ее Устава. Но именно время с момента агрессии и вплоть до решения Совета Лиги Наций исключало возможность автоматически реализовать гарантии, что и было характерно для всех пактов о взаимопомощи, подписанных на таких условиях.

Кроме того, договор учитывал два немаловажных аспекта: возможность нападения со стороны Японии (тогда весьма вероятное), а также то обстоятельство, что при отсутствии общих границ между Францией и СССР необходимо было предусмотреть позицию Польши или ее условия, чтобы получить практические выгоды от пакта о взаимопомощи. Позиция Польши стала ключевой проблемой, как выяснилось в 1939 г. Подписание этого документа и последовавшее заключение 16 мая 1935 г. соглашения о взаимопомощи между СССР и Чехословакией с оговоркой об обязательном участии Франции в его реализации, если Чехословакия подвергнется нападению, имели большое политическое значение, поскольку позволяли Франции укрепить свою систему союзов антигерманской направленности.

Все эти союзы были непрочными, обусловленными рядом сомнительных уступок и двусмысленных оговорок, но вместе с тем могли бы создать впечатление о формировании разветвленной дипломатической системы, альтернативной той, которую Гитлер стремился полностью разрушить, если бы не новое англо-германское соглашение о морских вооружениях: оно поставило под вопрос прочность антиревизионистского фронта.

3.4.3 АНГЛО-ГЕРМАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О МОРСКИХ ВООРУЖЕНИЯХ

Несмотря на решение Берлина восстановить обязательную воинскую повинность и «соглашения Стрезы», несмотря на то, что 17 апреля Ассамблея Лиги Наций заявила о своем осуждении нарушения Германией условий Версальского договора, переговоры между англичанами и немцами не были прерваны. Саймон и Иден в середине марта нанесли визит Гитлеру в Берлин с предложением общего союза против большевистской угрозы в мире. Они также высказали свое мнение о том, что германские военно-воздушные силы получили большое развитие и уже стали более мощными, чем британские.

В начале июня Гитлер приказал фон Риббентропу возобновить переговоры о соглашении по морским вооружениям, что впервые поставило англичан перед стратегическим выбором. В прошлом

они, в отличие от французов, часто недооценивали опасность со стороны Германии. Теперь они должны были решить, пойти ли на соглашение с Гитлером, чтобы понять, в какой мере возможно контролировать его, или же твердо противостоять ему и поддерживать «общий фронт», о котором было заявлено несколько недель назад в Стрезе.

Иначе говоря, та же проблема стояла перед Муссолини, когда в 1933 г, но в совершенно другой обстановке, он выступил с предложением пакта четырех. Но тогда речь могла идти о предотвращении германских вооружений прежде, чем Гитлер начнет их; теперь же стояла задача их сдерживания после того, как немцы достигли превосходства в воздухе, а на земле добились весьма существенных результатов. Великобритания приняла решение после нескольких дней переговоров. 18 июня 1935 г. было подписано соглашение о морских вооружениях. Чтобы подсластить горькую пилюлю, Гитлер дипломатически «поставил» условие, что договор станет предпосылкой к созыву всеобщей конференции по ограничению морских вооружений.

Соглашение явилось полной неожиданностью для европейской дипломатии. В его оправдание Великобритания использовала аргументацию, ставшую привычной для политики «умиротворения». В действительности, договор, значение которого англичане стремились преуменьшить, был первым крупным успехом гитлеровской дипломатии, потому что он вызвал недоверие между ее противниками, подорвал их единство и узаконил морское вооружение Германии.

Как писал Курт Брахер, договор стал поворотным моментом необычайной важности, его значение было больше символическим, чем практическим. Договор стал знаковым актом для тех, кто верил в возможность договориться с Гитлером и сотрудничать с ними в иной форме, чем согласились поляки или той, что грозила австрийцам. Гитлеровская дипломатия приобрела некоторую респектабельность, которую придавало ей именно сотрудничество с англичанами. Договор стал своеобразным водоразделом в период распада Версальской системы: между этапом скрытого развала и явного краха. Эта система пала не под ударами судьбы, а в результате соучастия жертв ее развала. Более того, договор подпитывал надежды Гитлера на реализацию его проекта стратегического соглашения с Великобританией (и Италией), чтобы добиться мирового господства.

К тому же, договор разрушил антиревизионистский «общий фронт» Стрезы и ставил французов перед необходимостью в следующие недели решать: следует ли преодолеть антибританские

настроения или пассивно следовать курсу на изоляцию Италии. Действительно, англичане подчеркивали, что договор о морских вооружениях является выбором Великобритании между двумя ревизионизмами: германским в Европе и итальянским в Средиземноморье и Африке. Англичане решили поддержать первый. Молчание Идена в Стресе по эфиопскому вопросу приобрело новый смысл.

3.5. Итальянская агрессия в Эфиопии и ее последствия

3.5.1. ИТАЛИЯ И ЭФИОПИЯ

Нападение Италии на Эфиопию, предпринятое 3 октября 1935 г., было первой широкомасштабной военной акцией, осуществленной европейской страной после окончания Первой мировой войны. Оно послужило началом серии конфликтов, затем один за другим охвативших Европу и вылившихся во Вторую мировую войну. Кроме того, оно стало последней завоевательной колониальной войной, которую помнит история. Тем не менее, несмотря на все эти замечания, итальянскую акцию в Эфиопии трудно назвать поворотным событием, четко обозначившим конец европейского мира и движение в сторону всеобщего конфликта, либо определившим этап более масштабный, чем предшествовавший захват Маньчжурии Японией. Напротив, сегодня кажется, что итальянская агрессия в Африке скорее принадлежит завершавшейся эпохе, а не наступавшей эпохе нового грандиозного конфликта.

Многие наблюдения приводят к этому суждению. Акция Муссолини принадлежала прошлому. Она не давала Италии конкретных и ощутимых преимуществ, а лишь позволяла ей произвести впечатление сильной державы. Рим не мог один контролировать столь обширную территорию, раздробленную этнически, очень отсталую и остро нуждающуюся в инвестициях, чтобы потенциал ее ресурсов был оценен по достоинству. Даже в конце XX века Эфиопия все еще была среди самых бедных стран в мире (также в силу плохого управления, от которого она всегда страдала), а в 1935 г. она скорее стала тяжелым грузом, чем представляла выгоду для такой небогатой и не модернизированной страны, как Италия того времени. Все положительное значение акции Муссолини касалось имиджа государства, так как завоевание весьма обширной территории создавало бы Италии и внутри страны, и вне ее образ великой колониальной державы, которая владела уже не

«коллекцией пустынь» (какой считалась тогда Ливия), а «империей», достойной этого названия.

Так реализовывались неудовлетворенные империалистические устремления, уходящие корнями в XIX век, которые сохранились в Италии, где их подпитывали сильные националистические настроения и римские традиции, культивировавшиеся Муссолини. Имперские завоевания означали для дуче конкретное достижение того подлинного равенства среди великих держав, которого Италия прежде пыталась добиться дипломатическим искусством. Превратившись в империалистическую державу, Италия больше не испытывала неудовлетворенных амбиций и могла бы войти в число «довольных» стран Европы.

Менталитет прошлого, который привел к завоеванию Эфиопии, подтверждается тем фактом, что эта акция готовилась итальянской дипломатией (как и ливийская в 1911 г.) в течение десятилетий. После поражения при Адуа в 1906 г., показавшего ограниченность любого империалистической трактовки Тройственного союза, Италия постоянно стремилась добиться от международного сообщества признания ее права на опеку над территорией Абиссинии. В 1906 г. это право было частично признано договором, подписанным с Францией и Великобританией, который определял соответствующие сферы политических и экономических интересов трех стран на территории Эфиопии.

С 1919 г. правительство Рима требовало, чтобы, согласно Лондонскому договору от 26 апреля 1915 г., французское Сомали (Джибути), английское (Бербера), Джубалэнд в южном Сомали и часть области на севере страны, пограничной с Эритреей, до Кассала, были переданы Италии как выражение возвращения Эфиопии под преобладающее итальянское влияние. Все эти требования не были услышаны, и после провала острого дипломатического столкновения Муссолини решил в 1923 г. поддержать предложение Франции о принятии Эфиопии в Лигу Наций (28 сентября 1923 г.) наравне с другими участниками со всеми вытекающими правами и обязанностями.

2 августа 1928 г. эта политика поддержки Абиссинии (Муссолини все еще надеялся превратить ее в опеку) была закреплена подписанием договора о дружбе и арбитраже во время визита в Рим эфиопского регента Тафари Маконнена, ставшего в 1930 г. императором под именем Хайле Селассие. В то время он нуждался в поддержке, так как соперничал за власть с другими вождями эфиопских племен. Подобное соглашение служило своего рода ширмой, скрывавшей подлинные намерения Муссолини в отношении Эфиопии. Вместе с тем, две европейские державы, Вели-

кобритания и Франция, вовлеченные в дела этого региона, были заинтересованы в сохранении внешней лояльности Муссолини.

В действительности, правительство Рима уже в 1925 г. вернулось к намерению изменить положения договора 1906 г. В обмене нотами между Италией и Великобританией 14 и 25 декабря 1925 г. обе стороны дали новую интерпретацию договору от 1906 г., согласно которой признавалось право англичан защищать свои интересы в районе озера Тана в связи с сооружением плотины и в бассейне Голубого Нила. При этом они не проконсультировались с Францией, действуя в духе личного сотрудничества, которым были проникнуты отношения между Муссолини и Остином Чемберленом. Практически Италия получила больше, чем Великобритания, которая обязалась содействовать Риму в строительстве железной дороги между итальянскими колониями Эритреей и Сомали, что фактически подразумевало рост политического влияния Италии в Эфиопии.

Короче говоря, с 1906г., или, по крайней мере, с 1925 г. признавалось, как и прежде, своего рода преобладание итальянских интересов в Эфиопии. Соглашения Муссолини–Лаваль лишь завершали серию актов, признавших приоритет Италии в этом регионе, добавив одобрение Франции. Однако итальянская дипломатия не сумела добиться поддержки со стороны англичан. Хотя интересы правительства Лондона в Эфиопии были связаны лишь с экономическими вопросами, но во время последующих переговоров на конференции в Стресе и даже во время встречи непосредственно между Муссолини и Иденом в июне 1935 г. в Риме, недоверие англичан проявилось весьма четко. В Лондоне были согласны пойти на некоторые уступки Италии, но не соглашались отдать Эфиопию под полный контроль Рима. Это расценивалось как более тяжелый удар по имперским интересам Великобритании, чем ревизионистские акции Гитлера в Центральной Европе.

У Муссолини не было ясного понимания глубины разногласий, и он полагал, что даже Лондон, в конце концов, не будет протестовать против военных действий Италии в Эфиопии. Его могли обмануть слова британского министра иностранных дел Саймона, который характеризовал сотрудничество с Италией в Европе (в духе фронта Стрезы) как «более ценное, чем суверенитет Абиссинии».

В действительности, англичане не придавали никакого значения «фронту Стрезы» и готовы были нарушить его основополагающие положения, как показал договор с Германией о морских вооружениях. В начале июня 1935 г. кабинет министров лейбориста

Макдональда сменило правительство во главе с консерватором Болдуином, министром иностранных дел стал Самюэль Хор и министром без портфеля Иден, в круг обязанностей последнего входили отношения с Лигой Наций. Новое правительство Его Величества считало возможным сделать некоторые уступки Муссолини, чтобы предотвратить разрастание эфиопского кризиса, его переход из дипломатической стадии (вызванной обсуждением инцидентов в Уал Уале и доклада комиссии по расследованию, работавшей тогда в Женеве) в стадию откровенного военного конфликта. Но Великобритания стремилась только утихомирить Муссолини, чтобы его действия оставались в допустимых границах, не обостряли международную ситуацию и не подрывали авторитет Лиги Наций.

Иден прибыл в Рим и предложил Муссолини согласиться, чтобы Великобритания передала Эфиопии порт Зейла в британском Сомали в обмен на уступку Эфиопией провинций Огаден Италии. Но эти незначительные уступки не могли удовлетворить претензии дуче. Иден встретился с Муссолини в обстановке, которую он сам назвал «скорее грустной, чем враждебной». К тому же, правительство Лондона испытывало давление британского общественного мнения, поскольку оно одобряло соглашение о морских вооружениях, оценивая его как миролюбивую акцию, а Муссолини не посчитал нужным маскировать откровенно агрессивный характер своих действий. Постепенно стала проявляться деструктивная сущность, скрытая за псевдопацифистскими выступлениями политики умиротворения, популярными тогда в Лондоне.

Лига Наций провела с помощью международных организаций опрос по проблемам мира, результаты которого были опубликованы в июле 1935 г. Он показал, что 90% англичан проголосовало в поддержку Лиги Наций, разоружения и невоенных санкций против стран-агрессоров. Значительно меньшее число (58,6%) высказалось за военные санкции. Правительство было скованно в своих действиях, так как опасалось общественной критики накануне ноябрьских выборов, до проведения которых оставалось несколько недель.

Более того, Хор и Иден в Женеве обещали, что Великобритания выполнит свои обязательства. 18 сентября в Женеве обсуждался доклад Комиссии, которая должна была уладить итало-эфиопские разногласия относительно инцидента в Уал Уале. Хотя ее тон был доброжелателен в отношении Италии настолько, что в историографии доклад характеризовался почти как предоставление Риму мандата на свободу действия, но Муссолини получил эту информацию слишком поздно, когда итальянское общественное мнение уже ожидало быстрого успеха легкой военной акции в Эфиопии.

3.5.2. НАПАДЕНИЕ ИТАЛИИ НА ЭФИОПИЮ

В этой международной обстановке агрессия Муссолини против Эфиопии стала не просто авантюрой неуравновешенного диктатора, а рассчитанной акцией, направленной на достижение успеха для укрепления его собственного престижа. При этом он спекулировал на всеобщем стремлении к миру и высокомерно считал, что одобрение, хотя и косвенное, его действий практически получено. Хотя на словах государства-члены Лиги Наций демонстрировали свое решительное неприятие итальянской акции, но делали они это потому, что Эфиопия, как это ни парадоксально, именно благодаря Италии, стала членом Лиги.

Если бы Эфиопия не была членом Лиги Наций (поскольку не располагала для этого необходимыми данными, но ее гарантами выступили в свое время Франция и Италия), итальянская акция имела бы совершенно иные последствия, чем она действительно вызвала, и которые были, в сущности, достаточно мягкими, хотя и широко афишированными по форме. Иначе говоря, итальянская агрессия рассматривалась как чрезмерная реакция на спорный казус, а не как акт, неприемлемый с точки зрения международного права.

Итак, когда 5 октября правительство Эфиопии обратилось в Женеву с протестом против итальянской агрессии, то 9 октября в ответ ей сообщили, что в соответствии со ст. 16 Устава Лиги Наций к Италии применены экономические санкции. Однако из них были исключены такие стратегически важные товары, как железо, сталь, медь, цинк, свинец, хлопок, шерсть. Примечательно, что санкции не касались и поставок нефти, хотя одной этой меры было бы достаточно, чтобы парализовать действия Италии, особенно если бы был закрыт Суэцкий канал, чего заинтересованные стороны не сделали.

Эта водевильная обстановка вызвала в Италии подъем националистических чувств и недовольство действиями западных империалистических стран. Впервые Муссолини «во имя любви к родине» получил неожиданную поддержку, столь широкую, что она включала даже часть коммунистов, находившихся в изгнании. Лига Наций предприняла неубедительную попытку притормозить или прервать агрессию. Эти «благородные» намерения выглядели еще менее убедительными, поскольку одновременно продолжались секретные англо-французские переговоры о компромиссной формуле, которая позволила бы вернуть Муссолини в число участников «фронта Стрезы» (с поощрительной премией за агрессивную акцию) в обмен на прекращение вооруженных действий, а это

можно было бы назвать успехом политики Лиги Наций. Такова была обстановка, в которой вызревала дипломатическая формула, известная как «компромисс Хора–Лавалья».

3.5.3. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ КОМПРОМИСС ХОРА–ЛАВАЛЯ

Великобритания и Франция в период с конца сентября до середины октября договорились о совместных действиях на случай, если итальянская акция приведет к вооруженному столкновению в Средиземноморье. Тем временем, военные действия в Эфиопии разворачивались с трудом, натолкнувшись на неожиданное сопротивление абиссинцев, а также в связи с неумелым командованием итальянскими вооруженными силами, которое было поручено генералу Де Боно, преданному Муссолини. Медлительность военных объяснялась также желанием сохранить силы в ожидании закулисных решений. Весь комплекс сложившихся обстоятельств таил возможности для возобновления дипломатического диалога. Целью была формула, предложенная в сентябре комиссией по расследованию: как можно ближе подойти к тому, что называлось «мандатом Италии», либо найти другие формы, но в любом случае постараться избежать обвинений в том, что международное сообщество поддерживает агрессора.

В начале ноября компромисс был намечен, его проект в течение первой недели декабря получил в целом одобрение Муссолини, что подразумевалось само собой, так как в его подготовке участвовал лично Дино Гранди. Проект предусматривал, что Италия получает большую часть областей Тигре и Огаден и возможность расширить свое экономическое влияние на обширной территории Южной Эфиопии под определенным контролем со стороны Лиги Наций. В обмен на это Эфиопия получала в качестве уступки коридор до порта Ассаб, обеспечивавший ей выход к морю. Фактически, компромисс предоставлял Италии контроль над двумя третями абиссинской территории. И это при том, что Италия в военных операциях не добилась значительных успехов. Эти уступки были сделаны в надежде предотвратить сближение Муссолини с Гитлером.

В Лондоне текст документа вызвал бурю в правительстве. Обсуждалось, следует ли направить проект одновременно Италии и Эфиопии, а также возможно ли снять самые острые моменты, связанные с уступкой английских и французских портов Эфиопии. В действительности, речь шла о дискуссии, лишенной смысла, так как предпринятая инициатива не была личным проектом Хора, а результатом тщательной работы кабинета консерваторов (того самого, который незадолго до этого победил на выборах

благодаря обещаниям никогда не нарушать утвержденных Лигой Наций обязательств относительно санкций против агрессоров). Итальянская дипломатия тщательно следила за ходом подготовительных работ в то время, как эфиопская, возможно, не была осведомлена вообще или знала очень немного.

Муссолини задержал на несколько дней ноту с изложением итальянской позиции, и этого промедления оказалось достаточно, чтобы спровоцировать резкий политический поворот, последствия которого нельзя было даже предположить. Возможно, благодаря информации, полученной от дипломатов, враждебно относившихся к политике уступок в пользу Муссолини (как считает Алексис Леже), текст проекта компромисса 13 декабря был опубликован во французских газетах «Эвр» Женевьевой Табуи и А. Жераром (Пертинаксом) в парижской «Эко».

18 декабря Муссолини созвал фашистский Большой Совет, чтобы объявить о готовности Италии вести переговоры на основе англо-французского проекта, но реакция англичан на опубликование проекта подсказала ему, что было бы более целесообразно отложить на несколько недель определение итальянской позиции. Только 5 марта итальянское правительство заявило о своей готовности к компромиссу на иных условиях, когда в пылу полемики превратилась в пепел всякая возможность подобного компромисса.

Взрыв негодования против сторонников международного права, готовившихся вознаградить агрессора, вызвал острую реакцию в Великобритании. Хор вынужден был подать в отставку, а Болдуин 19 декабря заявил, что проект компромисса «безоговорочно и полностью погребен». С этого момента пути для дипломатического разрешения кризиса были перекрыты. Муссолини решил отправить в Эфиопию более мощные силы, заменил Де Боно гораздо более способным генералом Пьетро Бадольо, который произвел реорганизацию войск и в начале мая добился военного успеха. Итальянские войска 5 мая вошли в Аддис-Абебу, а 9 мая Муссолини объявил об аннексии Эфиопии и торжественно возложил на голову Виктора Эммануила III Савойского корону императора, ставшую символом амбициозной и дорогостоящей авантюры, в тот момент представленной в качестве демонстративного триумфа. Это торжество происходило в обстановке серьезных перемен в международных отношениях.

Итальянская дипломатия действовала в традиционном контексте и в столь же традиционном ключе пожинала плоды своей деятельности. Агрессия против Эфиопии началась с одобрения французов и продолжалась в двойственной международной обстановке. Гитлер не мог не заметить антигерманский характер объеди-

ненного «фронта Стрезы» и оказал военную помощь Эфиопии еще до начала войны.

Со своей стороны, Муссолини высказался вполне определенно, как бы это ни выглядело жестко. В речи, произнесенной 25 мая 1935 г., он кратко охарактеризовал итальянскую внешнюю политику в последние месяцы. По мнению дуче, «Фронт Стрезы» показал, что Италия может войти в число стран, готовых встать на защиту европейской системы и, в частности, выступить в защиту Австрии. Но эту позицию Италии Муссолини не считал окончательной и вечной. Австрийский вопрос разделяет Италию и Германию, но, уточнил Муссолини, Италия не намерена «окаменеть на Бреннере», отказавшись от активных действий в остальной части мира. Вопрос о независимости Австрии является проблемой не итальянского, а общеевропейского масштаба. Итак, вся Европа должна нести это бремя. «Фашистская Италия, — изрекал Муссолини, — не намерена ограничить свою историческую миссию только одной политической проблемой, только одной военной задачей, которая заключается в защите границы, которая может быть чрезвычайно важной, как граница на Бреннере, потому что границы и метрополий, и колоний, все без исключения границы священны, их следует бдительно охранять и защищать от любой, даже потенциальной угрозы».

Выступление было очень ясным, а сопровождавшие его комментарии итальянских дипломатов делали его еще более четким: Италия со всей определенностью встала на сторону «фронта Стрезы», потому что ждала от него солидарной поддержки или терпимого отношения к своим эфиопским планам. Если это условие не выполняется, то Италия сохраняет за собой свободу действий. Это не означало еще заключения союза с Германией, но означало, что нельзя больше рассчитывать на участие Италии в проведении политики сдерживания германского ревизионизма. Становится ясно, почему французы гораздо более последовательно, чем англичане придерживались разработанного ими курса в то время, как Великобритания занимала колеблющуюся позицию по проблемам Средиземноморья, поскольку ее раздражало чрезмерное усиление Италии в этом регионе. Двойственное отношение англичан к проблемам Центральной Европы было также общеизвестно.

3.5.4. ПРИЗНАКИ ИТАЛО-ГЕРМАНСКОГО СБЛИЖЕНИЯ

Трагическим последствием происшедших событий стало возвращение Италии к тактике лавирования, ставшей своего рода реакцией и на действия Германии. Если на первом этапе итало-

абиссинской войны Германия занимала проэфиопскую позицию, то в дальнейшем она быстро изменила свою ориентацию. Ее отношение стало более благоприятным для Италии, когда в полемических спорах по проекту Хора–Лавалья стужевался антигерманский характер итальянской акции. Не случайно, 6 января 1936 г., в напряженной обстановке тех недель, Муссолини принял германского посла фон Хасселя и сказал ему, что «фронт Стрезы» окончательно мертв, и что позиция Италии в отношении нацистского проникновения в Австрию не создает трудностей для Германии.

Это еще не было решительным поворотом, а лишь предвестником возможных перемен. Муссолини наращивал военные действия в Эфиопии, думая, что он заручился согласием сил, доминирующих в европейской политической системе. Буря, разразившаяся в середине декабря 1935 г., показала, что он ошибался, потому что правительства западных держав не были в состоянии обеспечить ему какие-либо гарантии. К тому же французское правительство, оказавшись перед выбором между британской позицией и соблюдением соглашений Муссолини–Лавалья, предпочло двусмысленность английских письменных формулировок, чтобы восстановить более тесное сотрудничество с Великобританией.

С тех пор как тактика лавирования и маневрирования во внешней политике Италии перестала быть новостью для кого бы то ни было, никто не думал, что произошло что-то непоправимое. Тем не менее, это непоправимое случилось, и затронуло оно глубинные пласты в отношениях между европейскими державами. Система отношений в Европе, сложившаяся после Первой мировой войны и выжившая, несмотря на изменения политических режимов в отдельных странах, а также формирование авторитарного государства в Италии и диктатуры в Германии, дала глубокую трещину. Если до недавнего времени тяга к объединению или компромиссу превалировала над тенденциями к расколам и кризисам, то теперь начали действовать подспудные причины, которые вели к укреплению разделительных барьеров между странами. Разрушительные тенденции преобладали над стремлением к стабильности.

Может показаться странным и абсурдным, что все это относилось к такому маргинальному аспекту европейской жизни, каковым была внешняя политика Италии. Но в эти месяцы основное направление в европейских международных отношениях определялось, прежде всего, ориентацией, выбранной Италией. До 1934–1935 гг. тенденции к кардинальному распаду системы европейских отношений сдерживались пониманием, не всегда

осознанным и порой только интуитивным, необходимости сохранить фундаментальные элементы стабильности. Каждый находил свою выгоду в ситуации, регулируемой критериями державной политики, прикрытыми положениями Устава Лиги Наций. Но с тех пор, как гитлеровская Германия избрала курс на радикальное разрушение европейской системы в соответствии со своими глобальными планами, сторонники сохранения стабильности стремились поставить заслон на пути реализации этих замыслов.

Конечно, это был нелегкая и непростая задача. Англичане повели себя так, что подобное стремление к сопротивлению не вызывало доверия; итальянцы, придерживаясь свойственной им тактики маневрирования, ясно показали, что они с пониманием относятся к проблеме нарастающего противостояния. Лучше других осознавали опасность французы, поскольку она угрожала, в первую очередь, им и неизменно приковывала их внимание, но Париж не смог действовать последовательно, адекватно осложнявшейся ситуации. Таким образом, заслон, который должен был преградить путь гитлеровской агрессии, дал трещины прежде, чем было закончено его сооружение. Разочарование Италии действиями западных держав стало выражением происшедших разрывов.

В начале 1936 г. с «окончательным крахом фронта Стрезы» сложились условия для образования новых трещин в системе, которая шла к своему краху. Французская дипломатия долго работала над проектом «средиземноморского пакта», который в январе 1936 г. был предложен Риму Фланденом, министром иностранных дел в новом правительстве Сарро (пришедшем на смену кабинету Лавала в том же январе), с целью вернуть Италию в сообщество стран, стремившихся к укреплению европейской безопасности, в условиях, когда остро ощущалась бесцеремонность германской дипломатии в связи с новым отношением Муссолини к австрийскому вопросу. Отказ Рима рассмотреть проект «средиземноморского пакта» стал символом глубоких расхождений и той трудной работы, которую предстояло проделать для их преодоления, если вообще сохранилась такая возможность.

Иден, ставший министром иностранных дел Великобритании после Хора, упорно добивался, чтобы Лига Наций применила против Италии санкции — эмбарго на импорт нефти, и одновременно стремился к сближению с Германией, надеясь изолировать своего соперника в Средиземноморье и вместе с тем подтвердить свой прогерманский выбор. Те способы, которыми Гитлер сумел извлечь выгоду из сложившейся ситуации, свидетельствовали о масштабах происшедшего переворота. Он затронул не только Европу, но также Ближний и Дальний Восток, и способствовал падению престижа Лиги Наций.

Действительно, положение в Западном Средиземноморье было спокойным до 1935 г., благодаря хорошим отношениям Италии с Великобританией и Испанией. В Восточном Средиземноморье после инцидента с Корфу в итало-британских отношениях не было, за исключением проблемы Адриатики, сложностей. Каждая из стран избрала взаимоприемлемую линию поведения, чтобы не ставить под вопрос интересы друг друга. Но акция Италии против Эфиопии не могла не повлиять на все Средиземноморье по двум причинам: во-первых, фашизм в момент, когда он стал главным проводником империалистической политики, не мог не распространить ее на античную традицию Италии и не поставить вопрос о будущем Средиземноморья. Во-вторых, Восточное Средиземноморье было непосредственно затронуто итальянской акцией как в связи с проходом через Суэцкий канал судов, шедших в Эфиопию, так и в связи с реакцией на войну общественного мнения и политических сил всех стран региона.

Это сочетание различных резонансов поставило проблемы перед Великобританией, считавшей столь радикальное изменение соотношения сил в Средиземноморье неприемлемым. Великобритания в то время должна была учитывать два аспекта быстро меняющейся ситуации. Во-первых, в сердце Европы набирала силу Германия, господство которой в будущем казалось нереальным (хотя хватало пророков, видевших опасность намерений Гитлера). Болдуин и Иден не скрывали своего желания достигнуть компромисса с Германией, в том числе и по колониальным проблемам. Во-вторых, ситуация в Средиземноморье представляла реальную стратегическую опасность. Попытки найти компромисс, предпринятые Муссолини до и после начала военных действий в Эфиопии, поддерживались французами, но наталкивались на глухое сопротивление Форин Оффиса, в недрах которого зрели опасения, что Италия намерена «господствовать в Центральном Средиземноморье и играть первостепенную роль в Западном Средиземноморье, оставив Великобритании своего рода коридор для коммуникаций с Египтом и Дальним Востоком» (ноябрь 1935 г). Подобного рода опасения заставляли Великобританию стремиться к более тесному союзу с Германией и, таким образом искать противовес французской политике безопасности (советско-французский пакт и серия договоров Франции с Италией).

В ситуации, когда в Эфиопии начались военные действия, а поиски компромисса Хора–Лавалья оказались безуспешными, французы с беспокойством наблюдали за итало-германским сближением, опасаясь, что оно может перерасти рамки эпизода, каким оно представлялось в первых числах января. Проект «средизем-

номорского пакта», разработанный министром иностранных дел Фланденом в расчете на то, что он позволит «вновь включить Италию в орбиту политики европейской безопасности», не вызвал достойного отклика, более того, он был встречен с недоверием. Таким образом, к окончанию конфликта с Эфиопией еще ничего не было решено.

Именно Италия быстро сменила курс, выступив с рядом политических заявлений, сделанных специально, чтобы успокоить прибрежные страны Средиземноморья. Кроме того, Рим тем самым надеялся подготовить почву для того, чтобы Великобритания выступила за отмену решения Лиги Наций о введении санкций против Италии. Муссолини разъяснил, что у Италии нет никакого намерения угрожать интересам Великобритании, и правительство Лондона с одобрением отнеслось к его заверениям. Это способствовало общей нормализации ситуации и имело важные последствия как в правовом плане, так и в отношении позиций Великобритании в Египте.

3.5.5. ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ ПОСЛЕ ВОЙНЫ В ЭФИОПИИ

Наиболее важным изменением в правовом плане стала конвенция, принятая в Монтрё (20 июля 1936 г.), она устанавливала новый режим судоходства через проливы взамен режима, определенного в 1923 г. Лозаннским договором. Конвенция отражала перемены в политической ситуации. Если в 1923 г. при определении норм судоходства руководствовались стремлением запретить Советский Союз в Черном море, хотя ему оставляли выход во внешние воды, то в 1936 г. новое влияние СССР и его значение для политики сдерживания Германии, по крайней мере, в глазах французов, не позволяли пренебрегать интересами Советов. Кроме того, если в 1923 г. конвенцию можно было навязать Турции, которая, хотя и входила в число стран-победительниц, переживала кризисную ситуацию, то в 1936 г. для принятия конвенции необходимо было вести переговоры с государством, игравшим теперь важную роль в судьбах Восточного Средиземноморья. Становится ясным, почему в новой конвенции принцип безопасности Турции и причерноморских государств возобладал над принципом свободы судоходства через проливы, который превалировал в прежней конвенции.

Суверенитет Турции в области судоходства был полностью восстановлен. Она должна была соблюдать правила свободы торговли в мирное время и приобретала законное право на собствен-

ную защиту (включая право на ремилитаризацию проливов) в случае войны или угрозы войны. За причерноморскими странами (т.е. за Советским Союзом) было признано право проводить в мирное время через проливы военные суда, но речь шла только о надводных судах любого тоннажа. В этом было существенное отличие от стран, не имевших выхода к Черному морю и потому обязанных соблюдать строгие ограничения. Кроме того, причерноморским странам разрешалось проводить через проливы в надводном положении подводные лодки, построенные или приобретенные за пределами Черного моря.

В англо-египетских отношениях также произошли существенные изменения. В 1922 г. правительство Лондона действовало в рамках признания ограниченной независимости Египта. Международный кризис, вспыхнувший в 1936 г. позволил националистам из партии ВАФД (с 1919 г. главной националистической силы Египта) начать переговоры с Великобританией о признании полной независимости страны. Англичане с легкостью пошли на признание суверенитета Египта в обмен на обширные уступки, добившись сохранения своих военных баз по берегам Суэцкого канала. Соответствующий договор был подписан 26 августа 1936 г. Это был договор о союзе между двумя независимыми странами на неограниченный срок, благодаря которому англичане получили право держать гарнизон в 10 000 человек по берегам канала, а также 400 лоцманов для прохода судов по водному пути.

3.6. Ремилитаризация Рейнской области и создание «Оси»

3.6.1. НЕМЕЦКАЯ АКЦИЯ В РЕЙНСКОЙ ОБЛАСТИ

По Версальскому договору (ст. 42 и 43) было установлено, что германское левобережье Рейна и полоса немецкой территории шириной в 50 км на правом берегу реки должна быть демилитаризована, т.е. правительство Германии не могло размещать здесь свои войска, ни, тем более, возводить оборонительные сооружения. Эти статьи были уступкой Франции, не получившей границы по Рейну. В 1925 г. эти условия были подтверждены Локарнским договором. Берлин согласился на включение в договор статьи, согласно которой введение немецких войск в демилитаризованную зону рассматривалось бы как нарушение договора, т.е. как акт агрессии. Эта статья была очень важна для Франции, так как позволяла ей проводить военную стратегию «активной обороны». Французы могли беспрепятственно войти в Рейнскую область

и легко достигнуть Рура, парализовав действия немцев. Возможность «активной обороны» косвенным образом способствовала укреплению союза Франции с Польшей и Чехословакией.

Гитлер и нацисты постоянно протестовали против несправедливого характера этих статей, и в мире росло убеждение, что рано или поздно немцы попытаются внезапно захватить территорию, которая, к тому же, принадлежала им. Однако никто не мог предвидеть момент, когда Гитлер предпримет какие-либо действия, потому что германская дипломатия продолжала твердить об абсолютной лояльности Берлина в отношении Локарнского договора.

Эта лояльность, тем не менее, не была лишена и полемической направленности в связи с оценкой Германией советско-французского договора о взаимопомощи, подписанного 2 мая 1935 г. и еще не ратифицированного в начале 1936 г. По мнению Берлина, договор противоречил Локарнским соглашениям. Это было абсолютно неверно, поскольку договор опирался на ст. 16 Устава Лиги Наций. Но отношение Германии к советско-французскому соглашению было для Франции немаловажным, поскольку оказывало влияние на полемику внутри страны по вопросу о его ратификации, отражалось на советско-французских отношениях. Кроме того, германская дипломатия умело использовала этот аргумент и в дальнейшем.

В конце февраля 1936 г. Гитлер дал интервью Бертрану де Жувенелю, в котором заверял, что питает самые дружеские чувства к Франции. Интервью было опубликовано с некоторым опозданием, и произошло это, по воле случая, на следующий день после того, как 27 февраля французская палата депутатов ратифицировала договор с Советским Союзом. Гитлер расценил совпадение как личное оскорбление и немедленно заявил французскому послу об изменении «своих чувств». Не говоря ничего о том, каковы будут последствия подобного изменения, он в тот же день, 2 марта, отдал распоряжение своему военному министру занять до 7 марта Рейнскую область германскими войсками.

Всего несколько дивизий были готовы к выступлению, и только 36 000 человек приняли участие в германской акции. Даже сегодня можно сказать, что если бы французы и другие гаранты сохранения статус-кво в Рейнской области или союзники Франции отреагировали бы незамедлительно, то они, несомненно, нанесли бы Гитлеру поражение. Никто не посмел или не захотел ничего предпринять. Никто не сознавал, насколько слабы были войска Гитлера. Сами французы думали, что в операции участвовало не менее двадцати дивизий и более 100 000 человек. Они заблуждались. Между тем войска вермахта были триумфально

встречены населением Рейнской области. Некоторое время спустя Гитлер отдал приказ о строительстве мощной системы оборонительных сооружений вдоль границы с Францией, линии Зигфрида, которая должна была идти параллельно уже существующей линии Мажино, возводившейся французами с 1930 г. Этот шаг означал одновременно и вызов, и демонстративное самоограничение обороной.

В еще большей степени, чем решение о возвращении к обязательной воинской повинности, новая акция Гитлера была ошеломляющей, нацеленной против обязательств, добровольно принятых по Локарнскому договору. Гитлер показал, что намерен сбросить «цепи» сковывавшие Германию, даже если для этого придется действовать внезапно и применять силу. Более того, Гитлер со свойственным ему коварством решил осуществить свою акцию в субботу, чтобы захватить своих противников врасплох во время отдыха.

Но если в 1935 г. германская акция вызвала к жизни пусть эфемерный, но обладавший потенциальными возможностями противодействия, «фронт Стрезы», то в 1936 г. гораздо более серьезное нарушение осталось почти без ответа и, более того, реакция на него оказалась таковой, что Гитлер почувствовал возможность действовать безнаказанно и в будущем. Его свобода действий была следствием изменения международных отношений в Европе. «Фронт Стрезы» полностью распался. Муссолини заявлял об этом неоднократно с января 1936 г. Иден пытался вести диалог с Германией и заключить соглашение об ограничении (а точнее о наращивании) военно-воздушных сил и постоянно посылал в Берлин ободряющие сигналы.

Реакция Италии и Великобритании на агрессивную акцию Гитлера после 7 марта была по-своему последовательной, потому что Муссолини одобрял Гитлера в связи с враждебной позицией Великобритании по эфиопскому вопросу, в то время как Иден побуждал Гитлера заключить соглашение, которое укрепило бы англо-германский союз. Такова была ситуация накануне ремилитаризации. Даже французы не имели политической воли и не думали всерьез о военном демарше в ответ на акцию Гитлера. Более того, они все больше уповали на стратегию «пассивной обороны», символом которой стала линия Мажино: эта стратегия подрывала доверие союзников Франции в странах Восточной Европы. Потеряв возможность заблокировать Гитлера, французы сникли, не имея ни силы, ни воли к активным действиям.

Но если причины отношения Италии были понятны, то позиция Великобритании и инертность Франции трудно объяснить.

Дело в том, что для англичан не существовало серьезного основания для того, чтобы прибегнуть к войне только потому, что «германские войска произвели передвижения внутри своей государственной территории», а, значит, Великобритания поступила правильно, «приготовившись к новому Локарно с Гитлером вместо Штреземана». Иден, в свою очередь, видел опасность со стороны Германии, но полагал возможным отвести угрозу с помощью уступок немцам в Восточной Европе, поэтому давал понять, что верит обещаниям, которые в этот раз, как обычно случалось и в прошлом и в будущем, раздавал Гитлер, дабы подсластить горькую пилюлю нарушения ранее принятых обязательств. И, действительно, он выступил с оправданием германской акции, которая, по его мнению, явилась следствием ратификации советско-французского пакта, нарушавшего Локарнский договор, потому что само соглашение было направлено, как утверждал Гитлер, против Германии. Кроме того, фюрер напыщенно заявлял о готовности Германии подписать с Францией договор о ненападении сроком на двадцать пять лет и зондировал возможность возвращения Германии в Лигу Наций.

Иден верил этим обещаниям, потому что его концепция европейской политики основывалась на необходимости заключить англо-франко-германский союз против советской угрозы, а потому он стремился достигнуть соглашения с Германией не только в сфере воздушных вооружений, но также в вопросе о территориальном переустройстве Центральной и Восточной Европы. Иден полагал возможным, как он говорил 12 марта во время заседания английского правительства, на этой основе заключить с Берлином ряд пактов о ненападении, имея в виду возвращение Германии в Лигу Наций.

Совершенно очевидно, что подобная позиция вела к скоропалительному одобрению германского ревизионизма в отношении Польши, Австрии и Чехословакии, а также к тому, что Франция, лишенная поддержки, оказалась подчиненной воле Гитлера. Отказавшись от реализации плана Барту и более ограниченного, но ориентированного в том же направлении плана Лавалья, Франция оказалась ввергнутой в глубокий кризис своего внешнеполитического курса. Утратившая иллюзии Италия противодействовала Франции, истерзанной внутривнутриполитической борьбой, а Великобритания не оказывала Парижу действенной поддержки.

Таким образом, становится ясно, почему реакция на ремилизацию Рейнской области свелась к короткой и пустой дипломатической инсценировке, благодаря которой итальянцы продемонстрировали насколько это было возможно, что они остались

вне игры. Совет Лиги Наций провел ряд заседаний и осудил Германию за нарушение договоров, но смягчил это осуждение, приняв во внимание обещания Гитлера о будущем сотрудничестве. Он предложил Германии воздержаться от строительства укреплений в полосе шириной 13 миль, но Гитлер проигнорировал это требование, показав тем самым несостоятельность всех своих *миротворческих* обещаний.

3.6.2 АВСТРО-ГЕРМАНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ ИЮЛЯ 1936 г.

Освободившись от забот на западном фронте, Гитлер смог возобновить акции в Австрии, прерванные событиями 1934 г. Он добился бесспорного контроля над нацистской партией и германским государством, особенно после смерти Гинденбурга (2 августа 1934 г.), когда стало возможным с помощью голосования на манер плебисцита возглавить рейх. Теперь не существовало препятствий и со стороны Италии, более того, отношения с Римом развивались так, что позволяли рассчитывать на его иное, более благоприятное отношение к германской акции в Австрии. Конечно, Рим еще одобрял аншлюс полностью, но уже наблюдался его отход от стратегии превращения Австрии в оплот исключительно итальянской политики.

Провал соглашения с Францией убедил Муссолини в невозможности вместе с Парижем защищать независимость Австрии и укрепил его мнение о неизбежности аншлюса. После окончания эфиопского кризиса Муссолини стремился занять равноудаленную позицию, но так, чтобы это было не слишком заметно для его международных партнеров. Однако намеки, сделанные в январе фон Хасселю и повторенные в дальнейшем, затем пассивность Италии во время кризиса, вызванного ремилитаризацией Рейнской области, убедили Гитлера в том, что позиция Рима изменилась. Отказ Муссолини выполнять в дальнейшем функции министра иностранных дел и назначение на этот пост (10 июня 1936 г.) Галлеаццо Чиано, зятя дуче и сына старого представителя национал-фашизма, горячего сторонника союза Италии с Германией, свидетельствовали об этих переменах.

Так сложились новые, более благоприятные для Гитлера обстоятельства для возобновления диалога с Австрией, начатого еще в июне 1934 г. Гитлер приступил к реализации своих планов в свойственной ему манере: он провозгласил обещания, которые собирался вскоре нарушить, предварительно получив тактическую выгоду. После кратких переговоров с представителями правительства Шушнига между Австрией и Германией 11 июля было

подписано соглашение, которое завершало период напряженности в отношениях между двумя странами и подготавливало условия для последующей германской акции.

Германия признавала суверенитет Австрии, и это основное положение договора позволяло Муссолини считать его успехом для Италии. Германия и Австрия обещали не вмешиваться во внутренние дела друг друга. Австрийская политика по отношению к Германии должна была учитывать характер «немецкого государства», свойственный также и Австрии. Одновременно снимался запрет, наложенный в 1934 г., на деятельность нацистской партии, которая с тех пор приобрела право на участие в правительстве. Более того, два деятеля, близкие к нацистской партии вошли в правительство Шушнига, а один из них, Гвидо Шмидт, получил пост министра иностранных дел. Жертвой этого соглашения стал князь Штаремберг, который был доверенным лицом Муссолини. Князь стоял во главе национал-патриотического движения «Хеймвер» и поддерживал Дольфуса, а также правительство Шушнига на первом этапе его деятельности. Муссолини перестал оказывать ему доверие, а канцлер Австрии в мае 1936 г. изгнал его из правительства.

Итак, Гитлер расчистил дорогу для нацистского движения в Австрии и сгладил острые углы итальянского противодействия. Отношения между Италией и Германией неожиданно быстро улучшились также благодаря сходной позиции в отношении гражданской войны в Испании. Немцы оказывали давление на Италию, чтобы добиться еще большего сближения. Это противоречило намерениям Муссолини, который, после завоевания Эфиопии и, в еще большей степени, после значительного внешнеполитического успеха, связанного с решением Лиги Наций от 4 июля об отмене санкций против Италии, наложенных вследствие этого завоевания, намеревался сохранить свободу рук и полностью вернуться к политике равноудаленности. Тем не менее, определенное сближение с Германией было полезно в тот момент, когда даже Великобритания шла в этом направлении.

3.6.3. СОЗДАНИЕ «ОСИ БЕРЛИН–РИМ»

Граф Чиано, ставший протагонистом важнейших перемен во внешней политике Италии, 20 октября 1936 г. прибыл в Берлин. В действительности, Гитлер приглашал Муссолини, но тот не хотел излишне откровенно отдаться в метафоричные объятия нацизма. Во время визита Чиано правительства обеих стран решили признать генерала Франко в качестве главы правительства Испа-

нии; кроме того был подписан ряд протоколов, подготовленных во время предшествующих дипломатических переговоров и предусматривавших сотрудничество в ряде областей (участие Италии в Лиге Наций, борьба против большевизма, австрийский вопрос, колониальные проблемы и признание итальянского господства в Эфиопии, проблемы Дунайского региона).

24 октября Чиано посетил Гитлера в его частной резиденции Берхтесгаден в Баварских Альпах. Чиано заверил фюрера, что Муссолини «всегда питал» к нему симпатию и проявлял «живейший интерес к его деятельности даже в самые сложные моменты». Гитлер ответил, что «Муссолини является первым в мире государственным деятелем, с которым никто не может сравниться». В этой обстановке взаимных реверансов оба партнера обсуждали, прежде всего, отношения с Великобританией, которая в это время стремилась усилить свою роль на континенте и, вместе с тем, подчеркнуть свое присутствие в Средиземноморье. Чиано преподнес Гитлеру как большой подарок досье под названием «Германская угроза», которое подготовил министр иностранных дел Великобритании Иден в начале 1936 г. Оно содержало ряд дипломатических сообщений, попавших в руки итальянцев, которые воспользовались ими, чтобы очернить намерения англичан. Возможно, Гитлер не очень удивился при чтении документов, где содержались известные ему сведения, которые он намеревался при удобном случае использовать в своих контактах с правительством Великобритании. Во время встречи с Чиано он предпочел больше заняться прогнозами о будущем итало-германских отношений: необходим наступательный союз, чтобы поколебать позиции Великобритании, и Германия будет готова к этому лет через пять.

«Основой сотрудничества в тактическом плане, — вспоминает Петерсон, — должна была стать борьба против большевизма. Итало-германский союз, как барьер на пути внутреннего и внешнего большевизма, мог бы привлечь многие страны, которые в другом случае из страха перед пангерманизмом и итальянским империализмом, остались бы в стороне. Средиземноморье определялось как жизненное пространство Италии. Любое изменение равновесия в Средиземноморье должно происходить в пользу Италии. Германия должна иметь свободу действий на Востоке и на Балтике».

Разница в направлении их действий предотвращала возможное столкновение интересов двух держав.

Из этих заявлений фюрера ясно, что уже тогда Гитлер задумал полностью привлечь Италию на свою сторону, вынудив ее следовать в фарватере своей внешней политики. Впрочем, Германия

в эти дни предпринимала и автономные шаги: 23 октября в Берлине она парафировала Антикоминтерновский пакт с Японией (подписанный 25 ноября).

Между тем, Муссолини, хотя и был готов принять некоторые аспекты германской политики, отнюдь не желал подчиниться воле Гитлера. 1 ноября 1936 г. во время выступления в Милане он восхвалял дружбу с Германией и объявил о подписании Берлинских протоколов. Муссолини заявил: «Эти соглашения, которые освящены в соответствующих протоколах... эта связующая вертикаль Берлин—Рим представляет собой не отгораживающую «диафрагму», это скорее ось, вокруг которой может строиться взаимодействие европейских государств, воодушевленных стремлением к миру и сотрудничеству».

В дальнейшем, в последующие месяцы и годы, термин «ось» был воспринят политиками и историками как синоним итало-германского союза, и стал даже более точным выражением, чем стальной пакт. Но если внимательно прочесть слова Муссолини, то станет ясно, что в 1936 г. они имели другой смысл. Прежде всего, они уточняли, что итало-германские отношения не имели правового оформления в виде союзного договора; подписанные соглашения закладывали основы сотрудничества, которое не предполагало создания отгораживающей «диафрагмы», т.е. не должно было никоим образом закрыть другие направления итальянской внешней политики. И если затем события международной политической жизни привели к образованию «диафрагмы» и придали «Оси» значение союза, которого в 1936 г. не было, то подобное развитие событий можно было позднее выстроить в логическую цепочку путем умственных усилий.

3.7. Гражданская война в Испании, Средиземноморье и политика «невмешательства»

3.7.1. ВОДОРАЗДЕЛ

Сближение между Великобританией и Германией, а также между Италией и Германией создало такую международную обстановку, которая способствовала одновременному развитию кризисных ситуаций в разных странах Европы. В первую очередь, это касается гражданской войны в Испании, начавшейся во второй половине 1936 г. Более того, именно в ходе этого конфликта сложились некоторые основные характеристики будущих блоков, противостоящих во Второй мировой войне. Война в Эфиопии, никто не может это отрицать, вызвала беспокойство и страх в раз-

личных слоях общества как Великобритании, так и социал-демократических стран Северной Европы. Но пока война касалась далекой страны и велась по прежним дипломатическим и военным правилам ради удовлетворения давно заявленных амбиций одной из крупнейших держав того времени, то и прошла она, не оставив глубоких травм в международном общественном мнении. Это не означает, что их не было вовсе, но следует реально оценивать их как последствия маргинального явления, не столь значительного, чтобы серьезно изменить глубинную сущность политики заинтересованных сторон.

После провозглашения Италии империей обеспокоенные англичане первыми постарались нормализовать отношения с Римом и, по возможности, решить в свою пользу новые проблемы, которые возникли в Восточном Средиземноморье в связи с присутствием Италии в Абиссинии. Другие страны, выступившие за применение санкций против Италии, пошли тем же путем — хотя не все одинаково быстро — не создавая принципиальную проблему из империалистических поползновений Италии в Эфиопии.

Совсем иное отношение было к гражданской войне в Испании, которая стала подлинным водоразделом в истории европейского континента (и, в определенной мере, также и в американской и латиноамериканской истории). Само место действия, пути возникновения и развития испанской войны; ее воздействие на военную сферу; ее затяжной характер, поскольку она продолжалась до начала Второй мировой войны; характер политических союзов, сложившихся под ее влиянием во всех европейских странах, где существовала свобода политического выбора — все это привело к тому, что испанская война ознаменовала момент всеобщего осознания роста фашистской опасности в Европе.

С 1917 по 1939 г. в буржуазной Европе господствовал страх перед большевизмом, который итальянский и германский режимы продолжали использовать, но он заметно влиял также и на внешнюю политику Великобритании, Польши и многих Скандинавских, Балтийских и Балканских стран. С июля 1936 г. этот своего рода идеологический остракизм, который был лишь слегка поколеблен в советском обществе в 1934 г., был преодолен в связи с формированием все более широких антифашистских фронтов, в которых руководящую роль чаще играли демократические силы, но постоянно росло и влияние коммунистов. Так складывался союз, который в 1941 г. стал реальностью, преодолев макиавеллизм сталинской внешней политики. Это было начало «большого антифашистского союза», который до 1945 г. сражался против Италии и Германии.

3.7.2 ИСПАНСКИЙ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Здесь не место вдаваться в детали внутренней жизни Испании, хотя характер конфликта — гражданская война — требует отметить несколько важных моментов. После почти полной утраты своей колониальной империи вследствие поражения в 1898 г. в войне с Соединенными Штатами, Испания переживала тяжелый экономический кризис. В экономическом плане страна распалась на две части: северную (Каталония, Баскские провинции, Галисия и Бискайя), более развитую в промышленном отношении с более мощной индустрией и добычей полезных ископаемых, и остальную часть полуострова, где преобладало сельское хозяйство и отсталые латифундии. В промышленных областях укрепилась социалистическая партия, но она была разделена, особенно в Каталонии, на два течения: анархистское и социалистическое. В 1921 г. в результате раскола социалистической партии была создана коммунистическая партия.

Промышленность Испании смогла окрепнуть благодаря ее нейтралитету во время Первой мировой войны. Это способствовало распространению социально-политических возмещений, с одной стороны, и усилению противодействия им реакционных и консервативных кругов, с другой. В сентябре 1923 г. король Альфонс XIII, находившийся на троне с 1902 г., вынужден был преодолеть глубокий кризис, вызванный поражением испанских войск в Марокко, охваченном восстанием под руководством Абд аль-Керима. В очень напряженной ситуации генерал-капитан вооруженных сил Каталонии Мигель Примо де Ривера, опираясь на мощную поддержку промышленников и некоторых «независимых» профсоюзных деятелей в ночь с 12 на 13 сентября осуществил военный переворот. Король реагировал осторожно и пассивно. Правительство Гарсиа Прието, требовавшее смещения военных, ответственных за государственный переворот, было отправлено в отставку. А через несколько часов к управлению страной был призван Примо де Ривера. Было объявлено чрезвычайное положение; так начался период диктатуры, которая во многом походила на фашистский режим.

Первой задачей де Ривера было завершить завоевание Марокко. Восстанием Абд аль-Керима было охвачено и французское и испанское Марокко, но соглашение с Францией позволило проводить репрессивные меры совместно. В 1924 г. и до конца сентября 1925 г. восстание было жестоко подавлено, что способствовало росту престижа Примо де Ривера, а его имиджу придало привлекательность и ощущение силы. Однако во внутренней

жизни страны результаты были иными. Де Ривера попытался осуществить государственное регулирование промышленности; в финансовом отношении он сделал ставку на значительные американские капиталовложения, но его реформы не затронули старые структуры, которые сумели окрепнуть, используя тенденции к монополии крупных промышленных предприятий и финансовых групп. В социальных вопросах он действовал жестко. Все намеки на аграрную реформу были забыты. Попытка импортировать в Испанию корпоративный опыт итальянских фашистов оказалась неудачной. Подавить волнения правительство не смогло, они разрастались по всей стране.

Это ставило перед монархией вопрос об отношениях с диктатурой. Начиная с 1929 г. Альфонс XIII намеревался освободиться от диктатора Примо де Ривера. Сознавая собственную политическую слабость, и сам Де Ривера пытался подтолкнуть к развитию демократический процесс, но безуспешно. 28 января король отправил его в отставку и поручил генералу Дамасио Беренгеру сформировать новое правительство, которое должно было сотворить чудо и спасти монархию от народного недовольства, нараставшего в период правления Примо де Ривера. Новому правительству предстояло восстановить в стране социально-политическое равновесие и возродить парламентские нормы.

Смена правительства происходила в обстановке растущей социальной напряженности, о чем свидетельствовала волна забастовок, прокатившаяся в декабре 1930 г. по промышленным городам Севера Испании. Беренгер подал в отставку. Король Альфонс XIII попытался найти какие-либо компромиссные решения и в конце концов поручил адмиралу Хуану Батисте Аснару возглавить правительство. Несколько месяцев спустя, на административных выборах в апреле 1931 г., рабочие партии и партии республиканского толка добились заметного успеха. Несколько дней Альфонс XIII пытался найти выход. Но по всей стране и в самом Мадриде стихийно возникла республика, и 14 апреля король решил добровольно покинуть родину. С этого момента Испания стала республикой.

Временное правительство под руководством Нисето Алькала Самора представляло собой коалицию центристов и умеренных прогрессистов, которые объединились, движимые стремлением соблюдать демократические нормы. Перед правительством стояли трудные задачи: создать либеральный режим в стране, в которой при диктатуре усилились социальные различия, а государственные институты все еще находились под контролем традиционалистских сил. Республиканцы намеревались превратить Испанию в современную страну, а для этого они должны были бороться

с закостеневшим правлением латифундистов, с мощным традиционалистским духовенством, с преданной прошлому режиму армией. Годы с 1931 по 1936 г. были периодом социальной напряженности и острой политической борьбы, происходила быстрая смена событий, наблюдался разгул насилия, за который несут ответственность все экстремистские силы.

В июне 1931 г. состоялись выборы в Учредительную Ассамблею, в результате которых голоса избирателей разделились почти поровну между правыми и право-центристскими группами и социалистическими и радикал-социалистическими силами. Обсуждение новой конституции показало глубину расхождений между этими политическими силами, в особенности, по вопросу об аграрной реформе и о предоставлении автономии Каталонии. В этой обстановке правые объявили бойкот принятию новой конституции, что не помешало добиться ее одобрения широким большинством в конце декабря. Лидеру партии «республиканское действие» Мануэлю Асанья, политику демократического толка, имевшему англосаксонские корни, было поручено сформировать новое правительство взамен того, что он возглавлял в течение нескольких месяцев.

В августе 1932 г. генерал Хосе Санхурхо, один из наиболее влиятельных военных командиров во время войны в Марокко, к тому же монго лет участвовавший в политических интригах при дворе короля, предпринял попытку, но неудачную, совершить государственный переворот. Между тем, правительство намеревалось провести серьезные реформы: аграрную, религиозных конгрегаций и местных автономий. Но общий политический климат привел к нарастанию экстремизма и к ужесточению политической борьбы в стране.

На парламентских выборах в октябре 1933 г. правые одержали победу и снова пришли к власти с целью демонтировать все то, что осуществило республиканское правительство. Это привело к росту по всей стране насилия, разжигаемого, прежде всего, анархистскими группами. Особенно тяжелым стал период с 1933 г. по 1935 г., пока правые реорганизовывали свои силы. В октябре 1933 г. Хосе Антонио Примо де Ривера, сын диктатора, руководившего страной в двадцатые годы, основал движение откровенно фашистского толка — Фаланга. В свою очередь, Хосе Мария Хиль Роблес создал испанскую конфедерацию автономных правых (СЭДА), которая стремилась установить умеренно-клерикальный режим.

Левые получили суровый урок, когда в октябре 1934 г. попытались организовать восстание горняков Астурии. Это была попытка совершить настоящую революцию с опорой на шахтеров и при поддержке Коминтерна, которая была жестоко подавлена во-

енными под командованием генералов Мануэля Лопеса Годета и Франсиско Франко Баамонде, которым оказали поддержку войска Иностранного легиона.

Поражение в Астурии подтолкнуло левые партии к разработке общей программы. Этот важный момент привлек внимание европейцев к политической борьбе в Испании. В Испании повторялось то, что произошло раньше в Италии, Германии, в Австрии и совершалось то, что могло произойти во Франции. Это было своего рода зеркальное противопоставление двух крайних точек зрения на организацию политической жизни: реакционной и революционной, разделявшихся некоторыми движениями в Испании. Это противопоставление вообрало в себя и определенные моменты международной жизни, которые привели к возрождению варварства.

Движение за единство испанских левых, набиравшее силу в первой половине 1935 г., стало особенно энергичным после того, как в августе VII конгресс Коминтерна провозгласил в Москве задачу формирования народных фронтов с целью борьбы против фашизма. В январе 1936 г. было достигнуто соглашение о единстве действий между социалистической партией, коммунистической партией, республиканской левой, рабочей партией марксистского объединения — ПОУМ (троцкистской), анархистами и некоторыми другими политическими организациями испанской левой. Они сознательно приняли умеренную программу: возврат к аграрной реформе и восстановление автономии Каталонии, осуществление реформы законодательства о школьном образовании. Предложения о национализации были отвергнуты как в отношении крупной земельной собственности, так и банков.

На выборах в кортесы 16 февраля 1936 г. Народный фронт получил наибольшее количество мест. Различные правые формирования, выступавшие на выборах отдельно, добились существенного успеха, прежде всего, Национальный фронт, который получил на 400 000 голосов меньше, чем Народный фронт. В целом правые получили немногим больше голосов, чем левые. Но раздробленность правых и технический механизм избирательного закона позволили Народному фронту впервые в Западной Европе добиться внушительной победы и получить 278 мест в парламенте; правые получили 134 места, центристы — 55 мест. Левые одержали вполне законную победу, но она уже сама по себе содержала семена раздора, которые усилили противостояние политических сил, вносящее раскол в слабую испанскую демократию. Несколькими неделями спустя представители правых и военачальники приступили к подготовке государственного переворота.

Между тем, народное правительство начало свою сложную работу. Социалистическая партия не была однородной, в ней боро-

лись два направления: революционное просоветское во главе с Ларго Кабальеро (которого товарищи звали «испанский Ленин») и реформистское, руководимое Индалесио Прието. Влияние коммунистов было ограниченным. В Испании отмечался рост волнений, и через короткое время ситуация в стране стала катастрофической. Экстремистски настроенные левые пытались оказывать давление на правительство, используя в этих целях захват земель и другие насильственные действия. Правая организация СЭДА Хилия Роблеса утратила свой авторитет и уступила место представителям Фаланги и монархическим группам, руководимым Хосе Кальво Сотело. 13 июля 1936 г. Сотело был убит группой социалистов, которые хотели отомстить за своего товарища. Эта акция запустила в действие механизм государственного переворота.

Подготовка к нему началась еще в феврале. Во главе мятежа встали генералы Санхурхо, Франко и Эмилио Мола Видаль, которые организовали свой командный центр в Испанском Марокко, откуда 17 июля начался военный переворот с целью свержения законного правительства Мадрида. За ним последовало выступление различных военных гарнизонов по всей Испании. Правительство быстро отреагировало на действия генералов, и мятежникам ничего не оставалось, как перебросить восставшие войска из Марокко на территорию метрополии.

После гибели в авиакатастрофе 20 июля генерала Санхурхо высшее командование принял на себя Франко, сорокалетний офицер, который выдвинулся благодаря воинскому мастерству, хладнокровию и убежденности борца с левыми и коммунистами. Ради этого он был готов сотрудничать со всеми силами, которые признали бы установленный им порядок в Испании. Действуя прагматично, он, тем не менее, последовательно осуществлял замысел установления авторитарного режима, стержнем которого было укрепление его личной власти, что затем помогло ему стать испанским каудильо, т.е. вождем и символом новой фашиствующей Испании. 25 июля мятежные войска учредили свое правительство в Бургосе, подальше от места, высадки восставших ступили на землю Испании, чтобы показать, что на территории всей страны формируются антиправительственные центры.

Истории внутренней жизни Испании и гражданской войны была в значительной мере связана с развитием международных событий, и это позволяло предвидеть, что столь радикальное столкновение не останется без последствий. Росту тревоги способствовала новая ситуация, сложившаяся в Средиземноморье в 1935–1936 гг. На этом фоне гражданская война в Испании имела широкий международный резонанс, в конфликт в той или иной

мере оказались вовлечены и другие страны. События гражданской войны вписались в новый международный контекст, для которого уже была характерна неустойчивость в связи с итальянской войной в Эфиопии и вызванными ею последствиями. В широком плане, испанская война увеличила угрозу международной системе в связи с бурными переменами. В частности, именно эти изменения и, прежде всего, заключенные конвенции в Монтрё выявили нарушение политического равновесия в остальной Европе.

Не имея возможности проследить в данной работе ход операций, проведенных в течение почти трех лет противоборствующими силами законного правительства и генерала Франко, отметим, что с первых дней столкновение имело широкий интернациональный резонанс в идеологическом плане и, еще больше, в плане международной политики. Франкисты нуждались в помощи для транспортировки своих войск на континент и для наращивания достаточной мощи, чтобы бороться с правительственными силами.

Правительство Мадрида столкнулось с трудностями гражданской войны как бы внезапно, хотя она и не была неожиданной. Обе стороны обратились за помощью к тем, кто мог ее оказать, но реакция на обращение была различной. Франко послал своих эмиссаров в Рим и Берлин, посол законного правительства обратился к Парижу. Гражданская война приобретала международное измерение.

Гитлер принимал решения единолично и советовался со своими помощниками только о методах вмешательства в испанскую ситуацию. Известие о мятеже в Испании было для Гитлера неожиданным, но событие казалось очень важным, так как позволяло предпринять ряд серьезных шагов. У Германии имелись прямые стратегические интересы в Испании, но, тем не менее, на основании имеющихся документов следует исключить, что именно это подталкивало Гитлера в течение длительного времени планировать вмешательство в испанские дела. Конечно, в решении фюрера присутствовал экономический интерес, связанный с возможностью добычи вольфрама и железа, богатыми залежами которых обладала Испания. Но главное было не в этом. Наиболее важными для Гитлера были военные, идеологические и международно-политические аспекты.

Военное вмешательство Германии в Испании выразилось в том, что в Марокко было своевременно отправлено около двадцати транспортных самолетов, затем были посланы материалы, вооружения и специалисты (в общей сложности, численность легиона «Кондор» — добровольцев или спецвойск, — посланных в 1937 г., составила более 10 000 человек). Это позволяло испытать

в военных условиях изделия германской промышленности, наращивавшей темпы производства. Около двадцати транспортных самолетов Юнкерс-52 были использованы для переброски мятежников в Испанию; боевые самолеты использовались также для бомбардировки Герники; подводные лодки служили для потопления судов, перевозивших помощь, отправленную законному правительству; боевое вооружение должно было показать свою эффективность.

Что касается идеологии, гражданская война в Испании с ее борьбой против левых и, в частности, против большевизма, предоставляла возможность показать, особенно англичанам, что Германия намерена стать авангардом Европы в борьбе с ростом советской мощи и распространением большевизма. Германия предвосхищала Антикоминтерновский пакт от 25 ноября 1936 г. и стремилась придать своим действиям определенную привлекательность для разделявших ее взгляды.

В германской международной политике важное место отводилось Италии. Гитлер определял, как Муссолини должен оказывать помощь Испании. Но дуче колебался и сначала посылал сырье и оружие, и только в декабре 1936 г. приказал отправить первый контингент, насчитывавший 3000 «чернорубашечников». Италия, которой требовались еще ресурсы для завершения оккупации Эфиопии, была вынуждена сконцентрировать свое внимание на Средиземноморье и дистанцироваться от решения европейских проблем и, в частности, австрийского вопроса. Таким образом, углублялась пропасть, разделявшая Италию и Францию (необходимо помнить, что в июне 1936 г. итальянские вооруженные силы были еще связаны соглашением Бадольо—Гамелен о совместной защите Австрии от германской угрозы). Наконец, чем больше Италия втягивалась в решение вопросов Средиземноморья, тем больше проблем возникало перед Великобританией, которая была вынуждена пересмотреть свое отношение к тому, что происходило на континенте.

Для итальянцев, которые бросили в Испанию огромные ресурсы (около 50 000 добровольцев, 800 самолетов, 2000 орудий и сотню кораблей) и решительно выступили в поддержку Франко в пропагандистском плане, характер мотиваций был одновременно и простым, и сложным. Прежде всего, следует исключить территориальные амбиции и претензии на острова Балеарского архипелага. Тогда это опасение было широко распространено, как и то, что Франко мог предоставить немцам базы на Канарском архипелаге. В действительности, итальянцы использовали Балеарские острова как базы для проведения военных операций, но не

собирались оставаться там постоянно. Однако усиление итальянского присутствия в Западном Средиземноморье вызывало страх как у французов, опасавшихся угрозы для своих отношений с Северной Африкой, так и у англичан, озабоченных безопасностью коммуникаций между Гибралтаром и Суэцем.

Весьма сложно установить, какие мотивации превалировали: идеологические или стратегические. При более внимательном подходе, если принять во внимание, что основой внешней политики Муссолини был реализм (отношения с Германией показывают преобладание геополитических установок над идеологической близостью) и если учесть, что Муссолини не был лично знаком с Франко и его замыслами, то нельзя не признать искренность Муссолини, когда он объяснял причины вмешательства в дела Испании в беседе со своим юным другом Ивоном де Беньяком: «Нам нужна победа франкистской Испании, чтобы завтра не оказаться запертыми в нашем море». Другими словами, фашистским диктатором руководил страх, что новое правительство Испании, сформированное Народным фронтом, и представители Народного фронта, возглавившие французское правительство, смогут создать прокоммунистический блок, который при поддержке Советского Союза, союзника Франции, и благодаря конвенции, принятой в Монтрё, сможет наращивать активность в Средиземноморье и парализовать надежды Италии в этом регионе. Этот потенциальный блок в дальнейшем углубил различия между французской и английской политикой, подтолкнув Великобританию к дальнейшему соглашению с Германией, что имело следствием сокращение свободы маневра Италии как в Средиземноморье, так и на Европейском континенте.

3.7.3. ПОЛИТИКА «НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА»

Международно-политический аспект был тесно связан с идеологическим: Испания стала полем столкновения между левыми, вступившими в союз с демократами, и фашистами, заключившими союз с консерваторами. Эта кульминация противостояния произошла благодаря той роли, которую, прямо или косвенно, играли Франция и Советский Союз на протяжении всего кризиса.

Победа Народного фронта во Франции на выборах в апреле–мае 1936 г. позволила коммунистам впервые в Западной Европе войти в правительственное большинство. Премьер-министр Леон Блюм был умным, честным и благородным политическим деятелем. Дюррозель характеризует его как «компетентного и одновременно идеалистичного» политика. Конечно, это был выдающийся

французский политический деятель 30–40-х годов, но его раздражали противоречия между стремлением проводить гуманную демократическую политическую линию и реальностью, ограничивавшей его замыслы. Он возглавил самое антифашистское правительство, какое только могло быть создано во Франции. Правительство Блюма не назначило преемника на посту посла в Риме вместо профашистски настроенного де Шамбрёна, и в течение двух лет интересы Франции в итальянской столице представлял просто поверенный в делах. Однако ни министр иностранных дел Ивон Дельбос, ни генеральный секретарь МИДа Леже не могли уклониться от отмены санкций против Италии и от фактической нормализации отношений с Римом. Отношения между Муссолини и Лавалем были амбивалентными, но вместе с тем их отравляла смесь надежды и досады. Испанский казус в полной мере выявил эту двойственность.

Когда известие о мятеже в Марокко достигло Парижа, там сразу же возникло спонтанное желание помочь друзьям. Поток военной помощи (первые действительно прибывшие в Испанию поставки) пересек Пиренеи. 23 и 24 июля Блюм и Дельбос прибыли в Лондон и поняли, что Великобритания относится враждебно к вмешательству Франции в гражданскую войну в Испании. После их возвращения в правительстве остро обсуждался выбор политической линии, и министры-радикалы пригрозили правительственным кризисом в случае возобновления помощи Мадриду. В результате было заявлено о закрытии границы с Испанией для любых поставок вооружений. Известие об итальянских и немецких поставках мятежникам несколько нарушило этот осторожный подход: решение отправить в Испанию около двадцати самолетов, принятое 1 августа, сопровождалось предложением английскому и итальянскому послам выработать общую политику «невмешательства».

Смысл этого предложения был ясен — оно было вызвано угрозой Германии расценивать вмешательство Франции и ее помощь правительству Мадрида как просветскую акцию. Более того, оно было связано с очевидным отказом Великобритании одобрить какие-либо действия, направленные на восстановление законности в Испании. Правительство Великобритании и консервативная печать не оставляли сомнений в том, что они не желали признать опасные для Лондона изменения в Западном Средиземноморье. Новизна ситуации в этом регионе была связана с усилением позиции Италии (но Муссолини предоставлял гарантии, достаточные, чтобы в тот момент успокоить Идена), а также с чрезмерным укреплением франко-испанского блока, который поддерживали Советы.

Политика «невмешательства» была фиговым листком, которым прикрывались реальные действия. Поэтому никто не отказывался присоединиться к ней. Первыми отозвались англичане, затем Советы, итальянцы, немцы — в целом 27 стран. 8 сентября «Комитет по международному контролю» собрался в Лондоне на свое первое заседание. Начались неспешные дипломатические переговоры, под прикрытием которых все тоталитарные державы делали то, что хотели. Немцы продолжали свои поставки в Испанию; итальянцы отправляли людей под видом волонтеров, но хорошо организованных непосредственно фашистским военным командованием; все те страны, которые оказывали массированную помощь франкистам, продолжали свою деятельность, несмотря на постоянные опровержения и обязательства прекратить отправку людей и вооружений в Испанию.

Со своей стороны, Советы, благодаря возможностям, предоставленным им конвенцией Монрё, могли направлять свою помощь законному правительству и, более того, содействовать организации «интернациональных бригад». Начиная с сентября, бригады формировались на территории Франции, и оттуда более или менее легально проникали в Испанию. Они собирали под свои знамена всех тех, кто понял необходимость антифашистской борьбы и кто в жестких условиях угрозы нацизма отказывался видеть те ужасные ошибки, которые совершали коммунисты. В этой ситуации самая слабая и уязвимая позиция была у Франции, которая покровительствовала политике «невмешательства», а фактически делала возможным вмешательство антифашистских добровольных «бригад»; не помогала законному правительству Испании и таким образом создавала благоприятные условия для итало-германской политики и сближению Великобритании с Германией, подготавливая тем самым собственную изоляцию.

Советы первыми предприняли серьезное военное вмешательство в дела Испании, которое сопровождалось массированной пропагандистской кампанией. Уже в конце октября Сталин сообщил секретарю Испанской коммунистической партии о поддержке Москвы. Тем не менее, он сделал все возможное, чтобы избежать отождествления испанской проблемы с советской политикой, так как это противоречило налаживанию сотрудничества Советов с западными демократиями. Сталин, Ворошилов и Молотов в декабре 1936 г. в письме к тогдашнему премьер-министру Испании Ларго Кабальеро призывали испанских республиканцев избегать крайностей и предпринимать необходимые усилия, чтобы «помешать врагам Испании представить ее как коммунистическую республику».

Испанские коммунисты ревностно выполняли эти установки и боролись с троцкистами ПОУМ и с анархистами, которые были особенно сильны в Каталонии и упорно отстаивали радикальную аграрную реформу. Кампания систематических убийств, организованная агентами советской тайной полиции и испанскими коммунистами, дискредитировала деятельность антифашистского правительства, хотя и не помешала относительному сплочению интернациональных бригад, которые стали символом борьбы с фашизмом. Но необходимо подчеркнуть, что советское вмешательство способствовало усилению тревоги Лондона и послужило аргументом для тех, кто поддерживал Франко. Гражданская война, продолжавшаяся в сложной международной обстановке, характеризовалась взаимными обманами и жестокостью, предвосхитившей ужасы второй мировой войны.

Особенность гражданской войны заключалась в том, что внутренние противоречия и скрытая борьба подрывали единство антифашистского фронта. Анархисты и левые экстремисты пытались ускорить процесс революционной трансформации с помощью ряда экономических реформ, что вызывало противодействие умеренных элементов антифашистского фронта. Коммунистическая партия, влияние которой в период республики было незначительным, окрепла в связи с тем, что Советский Союз, еще в большей мере, чем Франция, был готов посылать военную помощь. Именно это привело к тому, что он стал навязывать свою политическую линию испанскому правительству, диктуя ее через Коминтерн, который в Испании представлял итальянец Пальмиро Тольятти. Пытавшийся лавировать между различными тенденциями Ларго Кабальеро был вынужден в середине 1937 г. уйти в отставку, уступив место более умеренной коалиции, которой руководили Хуан Негрин и Индалесио Прието. В мае коммунисты осуществили кровавые репрессии в Барселоне. В связи с этим Прието, враждебно относившийся к росту влияния коммунистов, ушел из правительства, которым Негрин продолжал руководить до окончания антифранкистского сопротивления в марте 1939 г.

Поражение было неизбежным в связи с неравенством сил сражавшихся и провалом попытки помешать соединению отрядов, шедших из Андалусии, с антиправительственными мятежниками Галисии (родина Франко и одна из областей, где было особенно сильно клерикальное влияние) и частично Астурии. Уже в августе 1936 г. две группировки объединились и взяли город Бадахос в Эстремадуре. С тех пор военные операции продолжались с переменным успехом, но общая тенденция оставалась неизменной. Однако ни упорное сопротивление антифашистов, ни знаменательные победы «интернациональных бригад» вроде той, что была

одержана в марте 1937 г. итальянскими формированиями в сражении с итальянскими фашистскими волонтерами под Гвадалахарой (горькое предзнаменование гражданской войны в Италии в 1943–1945 гг.) не изменили общего хода военных действий. В начале 1939 г. судьба республики была предрешена, и в феврале Великобритания, а также и Франция признали правительство Франко. Осада Мадрида завершилась 28 марта 1939 г.

3.7.4. ПОПЫТКИ «ПЕРЕСТРОЙКИ ШЕРЕНГ» И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

С конца 1936 г. испанский вопрос перестал быть в центре внимания европейских дипломатов. Конфликт расценивался как драматически тяжелый и продолжал волновать общественное мнение; тем не менее, политика «невмешательства» сыграла свою роль в дипломатическом плане: не в том смысле, что она сделала невозможным вмешательство в дела Испании, а в том, что она поставила пределы развитию конфликта. Испанская гражданская война не распространилась на остальную часть Европы, и, по существу, только итальянцы продолжали, хотя и с ослабевающим рвением, оказывать настоящую военную поддержку франкистам. Для других стран участие свелось к отправке вооружений или к более или менее гуманитарной помощи. В международном плане кризис имел, однако, соответствующие разнообразные последствия.

Испанская гражданская война выявила изменение соотношения сил в Европе и, в особенности, подчеркнула слабость позиции Франции. Она больше не предпринимала активные меры по обеспечению собственной безопасности; Париж же оказался вовлеченным в конфликты, спровоцированные странами, проводившими ревизионистскую политику. Франция стала жертвой своего прошлого, т.е. страдала от широко распространенного убеждения, что она все еще занимает доминирующее положение в Европе. В действительности, Франция с 1936 г. находилась в изоляции, потому что ни соглашение с Советским Союзом, ни договоры со странами Дунайско-Балканского региона не укрепляли ее позиции относительно Германии, а, напротив, ложились на нее тяжелым грузом.

В особенности серьезно ухудшились ее отношения с Великобританией. Возможно, в Лондоне вызывало недоверие правительство Народного фронта (но его не следует преувеличивать, поскольку в течение некоторого времени лейбористы правили также и в Англии, а затем стали оппозицией Её величества), возможно Великобритания в 1935 г. опасалась союза Франции с Советами и Италией. А, возможно, холод в отношениях между прежними

партнерами был связан с провалом планов (исследованных в работах Рене Жиро) создания экономической франко-англо-американской коалиции, способной навязать свои нормы экономической жизни остальной Европе, что позволило бы в итоге достичь политического превосходства, — но факт остается фактом: французская политика воспринималась в Лондоне с растущей отстраненностью. Только некоторое сближение с Польшей, отмеченное в сентябре 1936 г. соглашениями о поставке французского вооружения, смягчало изоляцию Франции, но она стала еще более очевидной при первых признаках измены Бельгии.

После оккупации Рейнской области Бельгия ослабила тесное сотрудничество с Францией, почувствовав свою незащищенность и угрозу германского нападения. Бельгию связывали с Францией военные договоры, относившиеся к 1920 г., но в октябре 1936 г. король Леопольд III выступил с речью, которая отражала правительственную политику и вызвала одобрение в общественном мнении. Он утверждал, что захват Рейнской области подрывает Локарнские соглашения и налагает на Брюссель обязанность проводить «исключительно и полностью бельгийскую» политику. Это был еще не откровенный нейтралитет, но уже его настораживающие признаки.

Вместо того, чтобы поддерживать Францию, английское правительство и Иден проводили политику соглашения с Германией и примирения с Италией. Однако Иден по-прежнему относился с глубоким недоверием к Муссолини и считал, что Италия, враждебная Великобритании и свободная от всяких обязательств в Средиземноморском регионе, будет еще более опасной. Поэтому он, пересилив себя, пошел на частичную нормализацию отношений с Италией, опираясь на общую заинтересованность в сохранении стабильности в Средиземноморье или, точнее сказать, на обоюдное желание продемонстрировать подобную заинтересованность, несмотря на различие среднесрочных планов. Правительства обеих стран завершили 2 января 1937 г. «обмен нотами», касавшийся «джентльменского соглашения», которое предполагало прекращение вмешательства Италии в дела Испании и связывало обе стороны обязательством не нарушать *статус кво* в Средиземноморье и соблюдать взаимные интересы и права в этом регионе.

Но еще более решительной стала политика Идена после отставки правительства Болдуина 28 мая 1937 г. вследствие кризиса, вызванного отречением Эдуарда VIII. После вступления на английский престол Георга VI было сформировано правительство Невиля Чемберлена, в котором Иден некоторое время руководил Форин Оффис. Вместо того, чтобы воспользоваться неустойчивой

ситуацией и восстановить «фронт Стрезы», Великобритания, казалось, приветствовала акции, разделявшие три страны, которые могли бы быть заинтересованы в его воссоздании.

В Лондоне сомневались, должно ли соглашение с Италией включать признание де юре титула императора Эфиопии за королем Италии. Чемберлен склонялся к такому признанию, потому что считал возможным вернуть Муссолини в орбиту влияния Великобритании. Иден придерживался другого мнения. Он писал Чемберлену: «Мне кажется, что существует определенная разница между Италией и Германией в том смысле, что соглашение с последней могло бы просуществовать в течение некоторого разумного времени, в особенности, если Гитлер лично примет на себя соответствующие обязательства. В то же время Муссолини, мне кажется, является настоящим гангстером, и его честное слово ничего не значит».

Фактически, правительство Великобритании действовало с упорной настойчивостью (слегка приглушенной некоторой недоверчивостью) в отношении умиротворения Германии и пыталось, хотя и с некоторой неохотой, связанной с личностью Муссолини и проблемой паритета военно-морских сил в Средиземном море, добиться нормализации отношений с Италией. В течение всего 1937 года продолжались переговоры с Италией о заключении наиболее полного «джентльменского соглашения». Таким образом складывалось окружение Франции, которая к тому же вынуждена была сосуществовать с враждебным правительством на юге — в Испании.

Гитлер, в свою очередь, после рискованного захвата Рейнской области понял всю опасность столь резких акций и, если и не изменил своих планов, то приступал к их выполнению с большей осторожностью. Его установки и планы англичан совпадали: он намеревался вовлечь британцев — «расовых кузенов» немцев — в глобальный союз, а также оказать давление на итальянцев и вынудить их заключить европейский союз.

Переговоры с англичанами были поручены фон Риббентропу, который еще не стал министром иностранных дел, но уже был ведущим деятелем, проводившим внешнюю политику Гитлера. Риббентроп стал послом в Лондоне, в его задачи входило убедить британцев в необходимости глобального соглашения, которое Гитлер считал единственно соответствующим сложившимся обстоятельствам. Обе страны имели возможность заключить союз на основе некоторых общих концептуальных положений: германское преобладание в Европе могло бы положить конец продолжавшимся волнениям на континенте и противопоставить советской коммунистической угрозе фронт стабильности, но на базе

сотрудничества с Великобританией, а также сокращения британского имперского и морского господства, скорректированного передачей Германии некоторых колоний, которые были отображены у нее после Первой мировой войны.

При этом было абсолютно неважно, что Гитлер в «Майн кампф» указал главную цель, которую следовало повергнуть — Британскую империю. На данном этапе он из тактических соображений предлагал англичанам заключить соглашение мирового масштаба, как того требовали международные проблемы (26 июля 1937 г. японцы начали войну против Китая). Дино Гранди, бывший тогда послом Италии в Лондоне, возможно, не понял полностью умышленное расхождение между словами и делами немцев, когда писал: «Риббентроп хотел заключить соглашение с Англией, которое позволило бы Германии иметь свободу рук и открыло бы дорогу в Россию. Это была доктрина «Майн кампф». Но он также хотел добиться и другой цели: окончательно и бесповоротно подорвать отношения Англии с Италией, подкрепляя таким образом усилия, одновременно предпринятые нацистской дипломатией в Италии.

На первых порах Риббентропу это несомненно удалось. Война в Испании оказалась для него весьма кстати. Британское правительство также хотело договориться с Германией. В течение двух с половиной лет, вплоть до 1938 г., это было неоспоримой установкой для деятелей, руководивших британской политикой. В течение этого отнюдь не малого периода времени и, конечно, весь 1937 г., «Германия была в большой моде в Лондоне». Попытка заключить глобальный союз закончилась ничем, потому что Риббентроп был деятелем ограниченным и не вызывавшим доверия, чтобы довести до конца порученное ему дело. Тем не менее, он дал немцам достаточно времени, чтобы предпринять ряд важных шагов.

Вместе с тем, продолжалась также политика настойчивого сближения с Италией. Италия держала под своим контролем независимость Австрии и коммуникации Германии на Балканы и Ближний Восток. Гитлеру было необходимо показать Муссолини, что он и тогда, и постоянно считал дуче своим учителем и предшественником, с которым его связывают уважение и нерушимая дружба. В течение всего 1937 г. Гитлер оказывал давление на Муссолини, начиная с январского визита в Рим Геринга, доказывавшего неизбежность *аншлюса*. О необходимости более тесной дружбы твердили все посланцы, направлявшиеся в Рим, всегда готовые прибегнуть к самой сладкой лести и повторять избитые клише о разделении задач: Италии — Средиземноморье, Германии — Европейский континент.

Муссолини сопротивлялся этому нажиму, так как чувствовал грозящую ему опасность, т.е. изоляцию от Великобритании, разрыв с Францией, кризис в отношениях с Австрией и Венгрией. Тем не менее, когда, наконец, он принял предложение Гитлера посетить Германию, то визит оставил у него неизгладимое впечатление: еще не пришло время подписать соглашение «с» Гитлером, но в Европе, конечно, уже ничего нельзя было сделать «без» Гитлера. Муссолини пробыл в Германии с 25 по 29 сентября 1937 г. Гитлер оказал ему самый радушный прием. Награждения, банкеты, лавровые венки, символы римского духа, но, прежде всего, усиленная показуха: 28 сентября в Берлине почти миллион людей приветствовал Муссолини с точным соблюдением тевтонских обычаев. Он выступил на немецком языке и высмеял лживых идолов Женевы и Москвы, предрекая Европе фашистское будущее.

Хотя Гитлер и Муссолини в своих беседах редко касались политических проблем, и ни один из них ни сказал ни слова по вопросу об Австрии, сопоставление между жестким порядком в германской армии и слабой воинской дисциплиной в итальянских войсках убедило Муссолини в том, что слишком тесные объятия с Гитлером опасны и преждевременны. Дуче также понял, насколько важна своя параллельная политика, в особенности, антикоммунистической направленности, как это подразумевалось Антикоминтерновским пактом, к которому Италия вскоре присоединилась (6 ноября 1937 г.). Это был важный переломный момент в психологическом плане, придавший Гитлеру (который точно рассчитал, какое впечатление произведет на Муссолини визит в Германию) уверенность в том, что он может по своему усмотрению манипулировать внешней политикой Италии, страны, увязшей в испанской войне и вынужденной прилагать немалые усилия для оккупации Эфиопии.

Приближался конец 1937 г. и только один из европейских правителей ясно видел план своих будущих действий. Это был Гитлер, потому что все остальные европейские лидеры были поставлены в такое положение, что могли лишь «реагировать» на акции, предпринятые фюрером. 5 ноября 1937 г. Гитлер собрал главных политических соратников и руководителей германских вооруженных сил и изложил им свои планы, уточнив при этом, что их следует считать его духовным завещанием в случае смерти.

Протокол этого собрания был составлен (несколько дней спустя или на основе заметок, сделанных во время собрания, точно не установлено) одним из присутствовавших, полковником Хоссбахом, помощником Гитлера. Документ, найденный в конце войны, был использован на Нюрнбергском процессе в доказательство преднамеренности агрессивной политики Гитлера.

Германские проблемы, говорил фюрер, могут быть решены только силой, необходима победа над двумя врагами — Францией и Великобританией, которые никогда не согласятся с каким-либо укреплением германских позиций в Европе и за океаном. Отсюда определение сроков: не позже 1943–1945 гг. — иначе противники смогут оказать упорное сопротивление, и в связи с внутренней ситуацией в отдельных европейских странах, в особенности, во Франции. В качестве первых объектов нападения были указаны Чехословакия и Австрия (в хронологическом порядке, который затем Гитлер изменил); за ними шла Польша, операции против которой зависели от поведения русских, а оно, в свою очередь, зависело от Японии. Время перехода к активным действиям Гитлер связывал с внешними обстоятельствами, но полагал, что следует начинать уже в 1938 г.

3.8. «Аншлюс» и британская политика «умиротворения»

3.8.1. ГИТЛЕР, ВЫСШЕЕ ГЕРМАНСКОЕ ВОЕННОЕ КОМАНДОВАНИЕ И АВСТРИЙСКИЙ ВОПРОС

Интерпретация заявлений Гитлера, сделанных им 5 ноября 1937 г. перед высшим нацистским руководством, весьма противоречива. Если общее направление гитлеровской политики было четко определено, то календарь и практические цели были обозначены неточно и расплывчато. Можно было бы утверждать, что неопределенность связана с невозможностью рассчитать до малейших деталей развитие ситуации, которая не зависела полностью от Германии, но это противоречит склонности Гитлера пренебрегать внешними обстоятельствами и руководствоваться только собственными суждениями. Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что, в реальности, в конце 1937 г. он обладал полной свободой действий только в пределах Германии.

Значение заявлений Гитлера, если дискуссия о нем и имеет какой-либо смысл, может быть объяснено только внутренними проблемами Германии, т.е. тем, что, по крайней мере, в период с конца 1937 г. и до конца 1938 г. приверженность двум тенденциям глубоко разделяла германское руководство. Одни полагали, что нужно действовать постепенно, а, следовательно, и более осторожно, что ускоренные сроки перевооружения станут тяжелым бременем для германской экономики и приведут к ухудшению положения в других секторах, в особенности в области снабжения. Другие, наоборот, считали эти опасения излишними и подталки-

вали к быстрым и решительным действиям; свою главную цель они видели в том, чтобы нанести поражение западным империалистическим державам, включая Великобританию. Первую тенденцию поддерживали такие государственные деятели как министр иностранных дел фон Нейрат, Герман Геринг, бывший фактически вторым человеком в нацистской иерархии, и министр экономики Яльмар Шахт.

Шахт подал в отставку в ноябре 1937 г., а в январе 1938 г. фон Нейрата сменил фон Риббентроп, который после провала своей миссии в Лондоне занял откровенно антибританскую позицию и пробудил в Гитлере враждебность к Великобритании. Одновременно по инициативе СС распространялись клеветнические обвинения против военного министра Вернера фон Бломберга и командующего сухопутными войсками Вернера фон Фрича, которых Гитлер затем отправил в отставку. Первый не соглашался безоговорочно с мнением фюрера, а второй не хотел подчиняться дисциплине и принять нацистские военные концепции. Оставался лишь Геринг из тех, кто отстаивал политику экспансионизма, не прибегая к войне, его поддерживал все еще влиятельный Шахт и статс-секретарь министерства иностранных дел Эрнст фон Вайцеккер.

Сторонники второй тенденции были более решительными и обладали более мощным влиянием. Лидерами этой группировки выступали Риббентроп, министр пропаганды Геббельс, глава СС Гиммлер и наиболее циничные представители военных кругов. Среди них Гитлер без труда нашел замену антинацистски настроенным генералам после того, как сам занял пост военного министра и назначил Геринга фельдмаршалом (высший чин в военной иерархии), а Вальтера Баухича поставил во главе генерального штаба.

С тех пор германские вооруженные силы разделились на два направления: одно — откровенно пронацистское, а другое — консервативно-националистическое (которое в 1944г. попыталось освободить Германию от Гитлера и которое возглавили такие деятели как Людвиг Бек). Раскол касался пределов, целей и методов экспансионистской политики. Между тем, внутригерманские дискуссии не помешали Гитлеру добиться двух важных результатов: радикальным образом изменить геополитический облик Европы и превратить Германию из побежденной страны, находившейся во враждебном окружении, в страну, которая играла доминирующую роль в Европе и была окружена либо запуганными противниками, либо союзниками, более или менее довольными своей новой ролью.

3.8.2. АНШЛЮС

В 1938 г. Гитлер приступил к слому территориального порядка, установленного в 1919 г., осуществив аншлюс Австрии. Эту акцию Гитлер готовил с большой осторожностью, поскольку предчувствовал, какое кипение страстей вызовет увольнение фон Фрича и фон Бломберга, но он также понимал, что международная ситуация предоставляла ему исключительный случай. Он сознавал, что после визита в Берлин Муссолини не решится встать в оппозицию, если окажется в одиночестве. Гитлеру предстояло парировать протест англичан и французов, но с этим он легко справился.

Британское правительство понимало, что необходимо нормализовать отношения с Италией и Германией (при этом оно продолжало недооценивать роль Франции), но оно не было единым. Некоторые министры, такие как Иден и лорд Галифакс (который стал министром иностранных дел после отставки Идена 20 февраля 1938 г. именно вследствие расхождения мнений), полагали, что в первую очередь следует добиваться компромисса с Германией. «Мы должны, — отмечал Иден в конце января 1938 г., — прилагать все усилия, чтобы добиться соглашения с Германией».

Другие министры, такие как Чемберлен, считали, что еще возможно воссоздать своего рода «фронт Стрезы», и потому ратовали за начало переговоров о признании *de jure* итальянской империи в Эфиопии. Иден расценивал испанский вопрос как выражение ненадежности итальянцев, но не замечал масштабы германского вмешательства. Чемберлен был убежден, что независимость Австрии — более важная проблема, потому что захват Австрии позволил бы Гитлеру в последующем присоединить район Судет в Чехословакии к немецким землям, что открывало бы Германии дверь на Балканы. Итак, Иден в большей мере, чем Чемберлен, был склонен к проведению политики «умиротворения».

Эти две тенденции давали о себе знать и в практических вопросах. В ноябре 1937 г. Галифакс, бывший тогда лордом хранителем королевской печати, прибыл в Германию, где встречался с Гитлером и Герингом. Они пришли к согласию, что на карте Европы могут произойти изменения, связанные с Данцигом, Австрией и Чехословакией, если они совершатся мирным путем. Этого было достаточно, чтобы Гитлер понял, что англичане предоставляют ему свободу действий. Когда Галифакс стал министром иностранных дел, то это убедило фюрера в том, что его интерпретация английской позиции была правильной, к тому же, Галифакс оставался последовательным сторонником политики «уми-

ротворения». Так столкновение между Иденом и Чемберленом, которое хотя и открыло дорогу к итало-британским переговорам, послужило для Гитлера сигналом к действию, поскольку убедило его в пассивности Великобритании и в том, что следует начинать осуществление его акций до восстановления согласия между Лондоном и Римом.

У германского диктатора не было оснований опасаться французов. Кризис правительства Народного фронта парализовал внутреннюю политику страны. Дельбос, который продолжал занимать пост министра иностранных дел, попытался в феврале заключить соглашение с Великобританией, но не сумел преодолеть разницу в подходах английской и французской дипломатии. При этом он понял, что правительство Ее Величества намерено продолжать поиски согласия с Германией по проблемам и разоружения и Центральной Европы. Сложилась такая ситуация, что французам ничего не оставалось, как покориться судьбе, и в конце концов правительство Шотана, в котором участвовал Дельбос, было вынуждено подать в отставку незадолго до германской акции. Гитлеру трудно было найти более подходящий момент, чтобы ускорить реализацию своих планов. Выявились те самые предпосылки, которые, как он говорил в ноябре, способны сократить ранее предусмотренные сроки.

В конце 1937 г. (впрочем, возможно, подготовка к этой акции велась уже давно) австрийское правительство узнало о сотрудничестве немецких и австрийских нацистов, планировавших свергнуть правительство фон Шушнига и заменить его правительством, руководимым нацистами. Австрийский канцлер попытался в качестве крайнего средства добиться личной встречи с Гитлером, чтобы получить откровенное объяснение. К этому его подталкивал фон Папен, не случайно направленный Гитлером послом в Вену. В конце января австрийский канцлер был официально приглашен в Берхтесгаден для встречи с Гитлером. Шушниг принял приглашение в надежде добиться от фюрера, как его заверял фон Папен, смягчения нацистского нажима на Австрию.

Но это были слишком наивные ожидания. Австрийский джентльмен встретил такое обращение, какого и вовсе не ожидал. Гитлер, пришедший в ярость вследствие обвинений, выдвинутых против австрийских нацистов, встретил Шушнига 12 февраля длинной отповедью, которая продолжалась в течение всего его пребывания в Германии и о которой австрийский канцлер оставил яркое и горькое описание.

Гитлер мастерски прибегал к словесной агрессии в качестве агрессии материальной. Он подавил австрийского канцлера обви-

нениями в оскорблении германизма и показал ему истинное положение Австрии, находившейся в полнейшей изоляции, поскольку ни Италия, ни Франция, ни Великобритания больше не собирались придти ей на помощь. Поэтому фюрер «должен» продиктовать австрийскому канцлеру жесткие условия, заключающиеся в том, что на пост министра внутренних дел и безопасности в австрийском правительстве должен быть назначен нацист Зейсс-Инкварт. Должна быть объявлена всеобщая амнистия, и также требовалось официально признать германский характер австрийской политики, которая должна согласовываться с экономической и международной политикой Германии. Шушниг смирился и принял условия Гитлера. Добившись желанных перемен, австрийские нацисты стали хозяевами в стране, и им оставалось только ждать благоприятного момента для начала действий. Случай был предоставлен самим канцлером Шушнигом, который, стремясь активизировать крайнюю оппозицию нацистам, 8 марта объявил о проведении 13 марта плебисцита. Он надеялся показать безосновательность нацистских претензий относительно аншлюса, но реакция со стороны Германии заставила его отказаться от своих намерений.

Инициатива перешла к Герингу, который в этот момент оказывал решающее воздействие даже на Гитлера, охваченного «психопатическим возбуждением». 11 числа он направил ультиматум австрийскому президенту с требованием отставки Шушнига и назначения Зейсс-Инкварта канцлером. Тем временем группы нацистов заполнили улицы Вены и других австрийских городов, чтобы усилить значимость ультиматума. Канцлер подал в отставку, но президент Австрийской республики Миклас отказался назначить Зейсс-Инкварта главой правительства. Последний, скрупулезно следуя инструкциям, полученным из Берлина, захватил стратегически важные пункты столицы и провозгласил образование временного правительства, которое сразу приняло решение о вводе немецких войск. Вторжение началось стремительно и прошло в большой спешке, поскольку оно не было подготовлено в военном отношении. Ввод войск не стал еще настоящей аннексией. Чтобы перейти к этой стадии, необходимо было знать реакцию других стран, по крайней мере, Италии.

Гитлер в этой ситуации действовал, следуя тактике, характерной для него и в дальнейшем. После проведенной акции Гитлер послал князя Филиппа ди Ассиа в Рим с объяснительным письмом к Муссолини, в котором повторял то, что много раз утверждал в прошлом: германская акция в Австрии никоим образом не затрагивает вопрос об Альто Адидже, который был решен в 1919 г.

«раз и навсегда». Эти события знаменовали собой серьезное поражение итальянской дипломатии и негативно сказывались в дальнейшем на роли Италии в Европе. Муссолини был больше не в состоянии один противостоять Германии, поэтому он сделал хорошую мину при плохой игре и сказал князю, доставившему ему письмо фюрера вечером 12 марта, а, следовательно, *post factum*, что понимает мотивы Гитлера и разделяет их. Но он ответил на акцию Германии сначала «Пасхальными соглашениями»¹, а затем захватом Албании, который он задумал вместе с Чиано в отместку Гитлеру именно тогда, но осуществил лишь год спустя.

Стоит отметить, что «свобода действий» оказалась для Гитлера большим подарком, потому что ситуация в Австрии была неясной, оккупация должна была превратиться в *аншлюс*. Вечером 13 марта Гитлер подписал соответствующий декрет, а на следующий день с триумфом вступил в Вену. Австрийская республика перестала существовать, вековая традиция независимости была прервана на период до 1945 г. (или до 1955 г., если считать дату подписания договора, который положил конец состоянию войны). Для многих австрийцев, немцев и европейцев случившееся было очевидным следствием решения вопроса в соответствии с национальным принципом. В действительности, обращение к национальному принципу противоречило историческим традициям, которые узаконивали независимость Австрии. Но в 1938 г. блеск гитлеровской мощи заставил пренебречь этими традициями.

По вопросу об аншлюсе образовывались коалиции противоположного согласия, как и та, что сформировалась в Италии после санкций, провозглашенных Лигой Наций. Об оккупации Австрии вскоре забыли, хотя она послужила началом перекройки политической карты Центральной и Восточной Европы и привела к глубоким переменам в политике западных держав. До этого момента независимость Австрии служила мощным скрепляющим элементом всех антиревизионистских соглашений и политики сдерживания Германии. Германская акция знаменовала конец политики равноудаленности и лавирования, проводившейся Италией, и стала пробным камнем для нарождавшегося итало-германского соглашения, подписать которое Муссолини еще колебался, но к которому Гитлер его упорно склонял. Инертность французов и политика англичан не оставляли надежд на изменение тенденций в гитлеровской наступательно-националистической политике. Все понимали, что следующим объектом Гитлера станет район Судет, принадлежащий Чехословакии, но населенный немцами,

¹ О «Пасхальных соглашениях» между Италией и Великобританией см. раздел III.9.3. — Прим. редакции.

которые были уже заражены нацизмом и германским ревизионизмом. 7 ноября 1937 г. Гитлер подписал военные директивы (план «Грюн»), в которых говорилось о возможном вторжении в Чехословакию.

3.9. «Умиротворение», Судетский вопрос и Мюнхенская конференция

3.9.1. ПОЛИТИКА «УМИРОТВОРЕНИЯ»

Время между мартом и сентябрем 1938 г. было кульминацией британской политики «умиротворения». Некоторые исследователи утверждали, хотя и несколько парадоксально, что если внимательно проанализировать британскую политику «умиротворения», то станет ясно, что она характерна не только для 1937–1938 гг., а для британского подхода к европейской политике в течение всего периода с 1919 г. Хотя в этой концепции есть доля правдоподобия, потому что Великобритания никогда не принимала устройство Центральной Европы, выработанное в Версале, и ее правители никогда не скрывали своего несогласия, выражавшегося порой в ревизионистских предложениях, но приведенное утверждение нельзя принимать на веру.

«Умиротворение» означает не только британский подход к Европе, но также и активность ревизионистских сил в Германии: эта активность была не какой-то смутной и расплывчатой политикой как у Штресемана или четкой, но миролюбивой как у Брюнинга, это был откровенный, четко сформулированный и нескрываемый курс Гитлера. Термин «умиротворение» предполагает двух авторов: Великобританию и Гитлера (а не Германию вообще), и более того, не Гитлера периода первых не очень существенных акций (если можно так сказать о ремилитаризации Рейнской области), а Гитлера, который широкомасштабными силовыми акциями меняет геополитическое устройство Европы. Возникает вопрос: почему в условиях нарастания агрессивности Германии правительство Лондона продолжало настойчивые поиски компромисса.

Стоит отметить, что внешне складывалось несколько карикатурное впечатление о Невилле Чемберлене, как о сдержанном и педантичном джентльмене, который впервые в истории доверился воздушной «челночной» дипломатии, чтобы попытаться, хотя и безуспешно, склонить фанатичного диктатора к благоразумию. Однако за внешней стороной вещей скрывались очень сложные проблемы и воля Чемберлена, далекого от пораженческих настроений и склонного действовать весьма решительно. Было бы серьезной ошибкой оценивать политику «умиротворения» как ре-

зультат британской пассивности и попытку отделаться тактикой проволочек; больше доверия вызывает противоположная версия, согласно которой «умиротворение» отражает стремление к поиску мирного, конструктивного решения трудных проблем с партнером, постоянно ужесточавшим свою позицию.

Следует напомнить, что пацифистская ориентация была господствующей в английском общественном мнении (как в 1935 г. показал общенациональный неофициальный референдум — Peace Ballot), что относилось не столько к антиитальянской тенденции, сколько к общему настрою. Чемберлен призван был руководить страной, глубоко враждебной идее войны, и должен был удерживать в орбите своей политики доминионы, которые обрели право голоса и относились явно отрицательно к перспективе быть вовлеченными в конфликты в далеких частях света (как, например, в Центральной Европе), разгоравшиеся по непонятным причинам и получившие совершенно различное истолкование.

Что касается общественного мнения, то Чемберлен должен был считаться с тем, что несколько позже, в 1940 г., должны были состояться выборы, на которых лейбористский пацифизм собирался бросить ему серьезный вызов. Чемберлен понимал, насколько опасна сложившаяся европейская ситуация, но он был убежден в том, что Великобритания в военном-политическом отношении еще не готова включиться в войну. В военном плане подготовка к конфликту с Германией требовала огромных затрат. До 1939 г. англичане выделяли относительно небольшую долю ВВП на военные расходы. Нижеследующая таблица (разработанная Жоржем Педеном) не требует больших усилий для понимания, хотя необходимо иметь в виду имперские обязательства Франции и Великобритании.

Доли ВВП, выделенные на военные расходы

Страны Годы	Франция	Германия	Великобритания
1935	5,8	8	2
1936	6,3	13	4
1937	7,1	13	6
1938	8,6	17	7
1939	23	23	18
1940	—	38	46

Таблица показывает, что только с 1939 г., т.е. с началом войны, англичане систематически и в больших масштабах наращивали

затраты на вооружения. Чемберлен, хорошо знавший трудности германской экономики, понимал, в каком напряжении находится экономика рейха под бременем военных расходов. Однако тобы выстоять в этом соревновании, и Великобритании нужно было время. Политика компромисса обеспечивала выигрыш времени для подготовки к войне.

Хотя английские военные считали, что за исключением военно-воздушных сил, англо-французская коалиция в сентябре 1939 г. обладала превосходством над германскими вооруженными силами, но Чемберлен как политик был убежден, что военных сил у Великобритании не достаточно для защиты англичан: «Сегодня война означает прямую угрозу для всех семей нашей страны, а потому мы должны спросить себя, является ли защита, которую мы в состоянии предложить им сегодня [...], столь же эффективной, как та, что мы сможем предоставить им завтра». Военно-технические проблемы переплетались с экономическими, и потому британские правители задавались вопросом, возможно ли отдать приоритет расходам на оборону по сравнению с задачей сохранить стабильность английской экономики.

Итак, глубокое обоснование политики «умиротворения» заключалось в стремлении найти ответ на конфликты с помощью компромисса в экономической сфере, способного вывести Германию из «запертой клетки» автаркии, в которую она была заключена. Предполагалось, что она будет более склонна, получив уступки в колониальном вопросе, включиться в мировой рынок и тем самым решить свои внутренние проблемы. К тому же не следует забывать, что и в рейхе, по крайней мере, до Мюнхенской конференции, милитаристские тенденции сосуществовали со склонностью к компромиссу, который позволил бы Германии смягчить напряженность в экономике внутри страны. Кроме того, необходимо учитывать общее международное положение. Как замечает Паола Брунду, Чемберлен сознавал, что не может рассчитывать ни на законных (Франция), ни на внушающих доверие (СССР) союзников в кризисной ситуации, которая может приобрести характер военного конфликта и внести необратимые изменения в международное положение Великобритании.

3.9.2. ВОПРОС О СУДЕТАХ

Комплекс причин толкал британского премьер-министра к компромиссу с Гитлером при условии, что тот не прибегнет в своей манере односторонних акций к агрессивной войне для решения чехословацкого вопроса. Этот вопрос касался территории

Судет, обширного горного района вдоль всей западной границы Чехословакии, населенного преимущественно немецкоговорящими жителями (всего около 3,5 млн человек). Согласно принципу самоопределения, закрепленному в 14 пунктах Вильсона, это население после падения Германской и Австро-Венгерской империй могло само решать свою судьбу. Между тем его представители, будучи представителями германского мира, потерпевшего поражение в Первой мировой войне, не были услышаны в Париже, так что Сен-Жерменский договор признавал создание Чехословакии в «исторических» границах Богемии—Моравии, Верхней Силезии и Словакии. Это означало также, что референдум в Судетах не проводился, и приоритетным считался критерий исторической принадлежности, что в любом случае укрепляло позиции Чехословакии, положение которой становилось более прочным благодаря обладанию Судетами, ибо делало границы нового государства более надежными и безопасными в военном отношении.

Со времени победы нацизма в Германии прогерманское автономистское движение получило развитие на всей территории Судет. В 1932 г. Конрад Генлейн основал автономистскую партию, получившую название Судетонемецкая партия, которая была легальной до 1937 г. Для смягчения усилившихся автономистских тенденций оказалось недостаточно участия представителей Судет в чехословацком парламенте и даже в правительстве. Когда нацисты смогли утвердить свое преобладание в этой этнической группе, а международная ситуация предоставила им свободу действий, они снова выступили в защиту принципов, которые англосаксонская политико-юридическая культура закрепила в качестве общих норм, но которые были приспособлены ими к требованиям гитлеровской политики.

Первые значительные выступления ирредентистского толка начались уже в конце 1937 г., но только после аншлюса Гитлер начал планомерно использовать партию Генлейна в качестве инструмента для подрыва чехословацкого государства. В соответствии с развитием событий, четко скоординированных Гитлером и Генлейном, вопрос о Судетах сначала должен был быть поставлен как выражение автономистских требований, которые правительство Праги уже отвергло в прошлом, а затем постепенно, но быстро трансформироваться в требования автономии и, наконец, аннексии со стороны Германии. Другими словами, речь шла о том, чтобы заставить Европу свыкнуться с мыслью, что частичное расчленение Чехословакии (первый шаг к ее полному уничтожению, согласно планам Гитлера,) является необходимым для сохранения мира.

Французы сразу почувствовали приближение бури, и в короткий период Леон Блюм сформировал вместе с Жозефом Поль-Бенкуром в качестве министра иностранных дел второе правительство Народного фронта (18 марта — 7 апреля 1938 г.). Они пытались организовать подобие сопротивления поднимающемуся приливу, вдохнуть новую жизнь в союзы Франции с Великобританией, Польшей и Балканскими странами. Но Польша испытывала лишь чувство досады, а в Балканских странах распространились первые симптомы ревизионизма. Оставалась Великобритания, которая пришла бы на помощь Франции только в том случае, если бы она подверглась неспровоцированному нападению со стороны Германии. Защита территориальной целостности Чехословакии не входила в круг обязательств Великобритании. В шумной пропагандистской манере формировалась политика «умиротворения» Чемберлена.

У английского премьер-министра на этот счет были весьма определенные соображения. Он полностью отвергал все попытки Уинстона Черчилля организовать «большую антигерманскую коалицию». После переговоров с лордом Галифаксом и британскими военными руководителями он пришел к следующему убеждению: «Достаточно взглянуть на географическую карту, чтобы понять, что никто, ни Франция, ни Великобритания, не сможет ничего сделать, чтобы спасти Чехословакию от гитлеровского нападения, если немцы решатся на него. Австрийская граница практически не защищена; крупные заводы военного снаряжения легко достижимы с германских аэродромов; все железные дороги проходят через территорию Германии, а Россия находится на расстоянии сотни миль. Поэтому невозможно помочь Чехословакии, а пытаться сделать это означало бы создать предлог для войны с Германией. Мы не можем думать об этом, если мы не в состоянии разбить ее полностью и в разумные сроки, и я не вижу такой возможности. Поэтому я отказался от всякой мысли предоставить гарантии Чехословакии или Франции в соответствии с нашими [союзническими] обязательствами по отношению к этим странам».

Англичане и французы встретились 28–29 апреля в Лондоне. Новым премьер-министром Франции недавно стал Эдуард Даладье, министром иностранных дел Жорж Бонне. Никто из них не скрывал, что они понимают характер намерений Гитлера, оба знали, что почти невозможно воспрепятствовать фюреру дипломатическими средствами. Встреча имела определенный результат: англичане признали свои обязательства оказать помощь Франции, но четко разъяснили (как Чемберлен публично заявил в своем выступлении в палате общин), что они не распространяются

на тот случай, если Франция, не подвергнувшись нападению, решит предоставить помощь Чехословакии в связи с военной агрессией последней со стороны Германии.

Поэтому оставался только один путь: найти убедительные аргументы, чтобы вынудить Чехословакию пойти на уступки, т.е. необходимо было убедить Бенеша изменить структуру чехословацкого государства в плане создания автономии, с требованием которой выступала партия Генлейна. Но было ли этого достаточно, чтобы успокоить Гитлера? Французы не доверяли ему, но не смогли добиться того, чтобы их аргументы перевесили тезисы британцев, считавших необходимым идти по пути компромисса. В конце концов, даже Даладьё и Бонне, сознавая опасность, не тешили себя иллюзиями о будущем Чехословакии. Вопрос сводился к тому, какие формы могло бы приобрести германское выступление с тем, чтобы оно не превратилось в военную акцию.

3.9.3. ИТАЛИЯ МЕЖДУ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ГЕРМАНИЕЙ: «ПАСХАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ»

Важным аспектом эволюции международной ситуации было изменение отношения к Италии. Начатое в 1938 г. сближение между Великобританией и Муссолини формально завершилось 16 апреля того же года (день Святой субботы) подписанием так называемых «Пасхальных соглашений», в соответствии с которыми была официально возрождена дружба между двумя странами. Этот шаг предваряло *джентльменское соглашение* от января 1937 г., содействовавшее некоторому смягчению напряженности между Римом и Лондоном. «Пасхальные соглашения» включали ряд документов, урегулировавших различные нерешенные вопросы между двумя странами. Во вступительном протоколе обе стороны подтвердили взаимное стремление к добрым отношениям и намерение содействовать всеобщему миру. Затем следовали восемь отдельных приложений, поскольку каждое из них должно было рассматриваться как самостоятельное независимое соглашение.

Так отдельно были подтверждены соглашения от 1937 г. о сохранении *статус кво* в Средиземноморье; предусматривался обмен информацией об административных изменениях и воинских передвижениях на территориях, контролируемых обеими сторонами в регионах Средиземного моря, Красного моря и залива Аден. Целью третьего протокола было стремление сгладить противоречия при проведении соответствующей политики на Ближнем Востоке, в нем содержались гарантии признания независимости и целостности Саудовской Аравии и Йемена. Другие прилагаемые

протоколы касались передачи в распоряжение Великобритании вод озера Тана, находившегося в то время под суверенитетом Италии, а также в них рассматривались менее значимые вопросы, касавшиеся нового *статуса* Эфиопии.

Наиболее важным был протокол № 8, содержащий взаимное заявление о действенности Константинопольской конвенции от 1888 г., которая гарантировала «для всех держав и на все времена» свободу судоходства по Суэцкому каналу. Протоколы сопровождались обменом нотами, касавшимися процедуры вывода итальянских войск из Испании, отказа от итальянских территориальных претензий на Балеарские острова и на другие испанские владения.

В соглашениях отмечалась готовность Великобритании работать над устранением препятствий, которые в рамках Лиги Наций мешали признанию суверенитета Италии над Эфиопией, а также говорилось о присоединении Италии к Лондонскому договору о морских вооружениях, как только он вступит в силу. Один из протоколов обязывал итальянское правительство не предпринимать акций, которые могли бы породить «трудности или осложнения» для Великобритании в Палестине. Наконец, в специальном соглашении с участием Египта закладывались основы сотрудничества трех стран в борьбе с рабством в Восточной Африке.

Условия официального вступления в силу этого комплекса договоров не были уточнены, более того, дело откладывалось до принятия соответствующего решения обеими заинтересованными сторонами. Фактически соглашение состояло в том, что договоры вступят в силу тогда, когда всяческое вмешательство Италии в дела Испании будет прекращено. Это совпадало с желанием предать забвению все, что произошло до этого момента и воспользоваться первым подходящим случаем, чтобы вывести итальянских волонтеров, как только полностью прояснится внутренняя ситуация в Испании не без влияния итальянского военного вмешательства. В связи с этим стало возможным открыто заявить, что соглашения о невмешательстве сыграли свою позитивную роль и что Италия была совершенно не виновна в испанских событиях — это и было признано 16 ноября 1938 г. в обстановке, сложившейся после Мюнхенской конференции.

«Пасхальные соглашения» стали дипломатическим успехом Муссолини, который таким образом смягчил губительные последствия *аншлюса* для Италии, и ослабил зависимость Италии от политики Германии. Англичане благодаря «Пасхальным соглашениям» смогли продолжить свою линию на нормализацию, которая касалась как Германии, так и Средиземноморья, но для Муссолини соглашения имели более важное значение, поскольку в целом они санкционировали создание итальянской империи в Эфиопии

и действия Италии в Испании. Если подходить реалистически, присоединение к договору о морских вооружениях имело значение только на бумаге, его реализация отодвигалась на неизвестное время в будущем. Это позволило Италии продолжать свою политику наращивания морских вооружений, которую Муссолини проводил еще в тридцатые годы.

Несмотря на свою ограниченность, «Пасхальные соглашения» были попыткой возродить прежнюю политику «духа Стреззы», к возобновлению которой теперь склонялись даже французы. Несколько дней спустя после итало-британского соглашения Бонне инструктировал французского посла в Риме, тогда еще поверенного в делах Блонделя, ускорить начало переговоров с Галеаццо Чиано для решения итало-французских спорных вопросов. Предложение было сразу принято, переговоры начались уже в апреле и развивались довольно быстро. Как только в начале ноября на переговорах выявились первые результаты, правительство Франции решило направить в Италию послом Андре Франсуа Понсе, бывшего ранее послом в Берлине, а теперь получившего аккредитацию в Риме с признанием новых титулов, которые король Италии приобрел после имперских завоеваний. Тем не менее, энергичные действия французов в отношении Италии были недостаточными, чтобы парировать важность визита Гитлера, который посетил Рим и другие города Италии с 5 по 9 мая 1938 г. в ответ на посещение Германии, которое Муссолини предпринял в 1937 г.

Визит Гитлера был нелегким для короля Италии Виктора Эммануила III, так как он питал стихийную неприязнь к германскому канцлеру и которого, несмотря ни на что, он должен был принимать в Квиринальском дворце, поскольку Гитлер также был главой государства. Визит был неприятен и понтифику: Пий XI покинул Рим на весь период пребывания фюрера. Папа заранее дистанцировался от германского канцлера, и его отношение стало бы еще более суровым, если бы он не умер несколько месяцев спустя.

И хотя визит проходил в прохладной обстановке, Муссолини сделал все возможное, чтобы достойно ответить на внушительный прием, оказанный ему в Германии, и показать Гитлеру, что итальянцы под его, дуче, предводительством также стали «воинственным народом». Спорно, что это у него получилось, но ему несомненно удалось показать, что обе диктатуры еще более сблизились, несмотря на «Пасхальные соглашения».

Действительно, во время коротких политических бесед в те дни Гитлер не сумел убедить Муссолини в необходимости заключения союза, однако смягчил опасения итальянцев относительно последствий *аншлюса*. Но самое главное, фюрер добился согласия

дуче относительно политики свободного выбора, означавшей, что немцы, проживавшие в Альто Адидже и не желавшие оставаться итальянскими гражданами, могли по взаимному согласию переселиться в Германию. Кроме того, он добился полной поддержки Муссолини относительно немецкого вопроса в Судетской области. Пожертвовав Австрией, Муссолини не имел никаких оснований вступить за Бенеша, своего исторического соперника.

На этом надежды на возрождение «фронта Стрезы» окончательно угасли. Французы могли лишь рассчитывать на понимание англичан относительно давления со стороны Гитлера. Фюрер, в свою очередь, рассчитывал на собственное умение разделять противников и помешать их объединению; в противном случае, Германия вынуждена была бы бросить в битву все свои военные ресурсы, которых, однако, тогда было недостаточно, чтобы вести успешные сражения на нескольких фронтах.

3.9.4. «БОЕННАЯ ТРЕВОГА» ЛЕТОМ 1938 г.

В мае раскаяние Великобритании казалось возможным. Судетский нацистский лидер Генлейн нанес визит в Лондон, где произвел впечатление, что он искренне стремится к компромиссу. Между тем, несколько дней спустя произошел инцидент, который получил разные толкования. 20 мая появилось сообщение о концентрации германских войск в Саксонии. Были ли это только маневры или начало подготовки к вторжению? В ответ Чехословакия произвела мобилизацию части резервистов, что повлекло за собой прекращение передвижений германских вооруженных сил. Что произошло: общая проба сил или ошибка? Фактически Чехословакия неожиданно получила поддержку как французской, так и английской печати, которые утверждали, что согласие, достигнутое в ходе бесед между Даладье и Чемберленом в конце апреля, укрепило общий фронт, который преградил путь поползновениям Гитлера.

В печати разгоралась полемика, и 22 мая Галифакс заявил фон Дирксену, новому германскому послу, что если Франция нападет на Германию в случае немецкого вторжения в Чехословакию, то вряд ли можно будет предотвратить вступление в конфликт Великобритании. Другими словами, это означало, что если Германия будет решать Судетский кризис военными методами, то она должна будет учесть вероятность войны против европейской коалиции.

Мнение Галифакса было лишь предположением, потому что подобное развитие событий расценивалось как чисто гипотетическое. К тому же высказывание Галифакса отчасти противоречи-

ло содержанию англо-французских переговоров конца апреля. И тем не менее, оно свидетельствовало об опасностях, к которым Гитлеру следовало быть готовым. Ошибка в оценке международной ситуации дорого бы ему стоила: если бы благодаря его действиям сложилось впечатление, что он любыми способами хочет развязать войну, то он тем самым способствовал бы формированию коалиции сил, способной поставить Германию в трудное положение.

Внутри страны Гитлеру пришлось бы столкнуться со сторонниками компромисса, которые в эти месяцы лишь обсуждали такую возможность, а некоторое время спустя готовы были реализовать ее — организовать государственный переворот, чтобы заблокировать Гитлера, арестовать его и положить конец политической авантюре. Такие деятели как Шахт, Гизевиус, а затем и генерал Гальдер готовы были выступить против военной авантюры и позже почувствовали себя в какой-то степени преданными политикой уступок со стороны Великобритании.

Кризис 20 мая показал Гитлеру возможности и пределы его действий: продолжать разговоры о мирном решении и ускоренно готовиться к войне. 30 мая он отдал приказ, чтобы вермахт был готов с 1 октября начать «операцию Грюн».

Выдержав паузу в несколько недель, Гитлер в июле сообщил Чемберлену о своем намерении пойти на мирное решение в том случае, если Бенеш согласится на компромисс. Чемберлен решил направить в Прагу своего представителя лорда Ренсимена, бывшего министра, игравшего роль послушного орудия в руках премьера. Английский журналист писал, что лорд был послан в Прагу с целью убедить чехословаков «пойти на самоубийство». Это означало, что в Лондоне страстно желали мирного решения и работали над его подготовкой, хотя и не исключали возможность конфликта.

Политика «умиротворения», доведенная до логической крайности, была чревата риском. Существовал предел, за которым война становилась неизбежной. Слова Галифакса от 22 мая заставили Гитлера понять, что с некоторого момента, когда германский военно-морской флот будет готов, возникнет возможность войны с Великобританией. Но из действий Чемберлена явствовало, что британская дипломатия работала, не покладая рук, чтобы не позволить преодолеть этот предел. Инициатива была в руках англичан, французы зависели от их неустойчивой политики, итальянцы ничего не могли предпринять против Гитлера, Чехословакия осталась в изоляции.

Между 6 и 7 сентября, во время миссии Ренсимена, когда Бенеш колебался, принять ли самоубийственные предложения, снова возник слух о неминуемом германском нападении. Чемберлен

тогда решил сыграть свою последнюю игру. 12 сентября, во время огромного праздничного сборища в Нюрнберге, Гитлер выступил с одной из своих характерных речей, ставших знаменитыми вследствие страстного до исступления красноречия и вызываемого ими возбуждения. Прославление нацизма и успехов гитлеровской Германии сопровождалось жестокими нападками на Чехословакию и в защиту прав судетских немцев, которым Гитлер обещал справедливость и защиту, однако решение проблемы он предоставил прямым переговорам между Генлейном и Бенешем.

В этой накаленной атмосфере Чемберлен решил попытаться лично встретиться с Гитлером: он стремился добиться договоренности не только о Чехословакии, но и более широкого соглашения. 13 сентября он направил послание Гитлеру, предложив ему встретиться на следующий день в Берхтесгадене. Чемберлен ожидал переговоров. На него обрушился поток словоизвержений. Гитлер отказался от любого предложения о широком соглашении и делал упор на вопросе о Судетах. Прибегнув ко лжи, Гитлер заявил, что в течение нескольких дней 300 немцев были убиты в Судетах чехословаками, а потому он настаивал на том, чтобы вопрос был решен немедленно — уступить территорию Германии. Оглушенный словесным потоком фюрера, Чемберлен спросил, возможно ли еще вести переговоры, и Гитлер ему ответил, что переговоры могут иметь место только в том случае, если будет принят принцип, согласно которому Чехословакия уступит Судеты Германии.

Не обладая соответствующими полномочиями, Чемберлен вернулся домой, чтобы проконсультироваться с правительством и другими заинтересованными сторонами. Было не ясно, в какой мере слова Гитлера были блефом, а в какой реальной угрозой. И, более того, сегодня ясно, что если бы противники в тот момент остановили Гитлера, его блеф был бы выявлен, и течение истории могло бы измениться. Между тем, в это время Чемберлен вынужден был следовать правилам, навязанным ему Гитлером, ввиду заранее предусмотренного отказа от всякой альтернативы. Проконсультировавшись с Даладье, Чемберлен, в конце концов, признал принцип, согласно которому, если Чехословакия сделает территориальные уступки, то оставшаяся часть ее территории будет гарантирована Англией и Францией. После консультации с чехословаками стало ясно, что они согласны пойти на переговоры при условии, что их оставшаяся территория будет находиться под прикрытием гарантий Англии и Франции.

22 сентября Чемберлен вылетел во второй раз в Германию, в Годесберг, где Гитлер приготовил ему новый сюрприз. Теперь вопрос стоял не о проведении переговоров, а о том, чтобы немед-

ленно, до 1 октября, признать, что вся Судетская область передается Германии, и равным образом немедленно признаются претензии Польши и Венгрии на территорию Чехословакии. Целый день Чемберлен искал выход; он объяснял, что вопрос находится в компетенции пражского правительства, после чего вернулся в Лондон. В Праге была объявлена всеобщая мобилизация. Итак, война? 25 сентября лорд Галифакс заявил, что «германское нападение на Чехословакию вызовет немедленное вмешательство Франции и ее поддержку Чехословакии и что Великобритания, конечно, солидаризируется с Францией».

3.9.5. МЮНХЕНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

В течение последующих дней, проходивших как в лихорадке, Гитлер продолжал оказывать психологическое давление на Чемберлена, пока фюрер не понял, что торжественные заявления лорда Галифакса фактически не являлись ультиматумом. Была ли возможность для компромисса, т.е. для решения, благоприятного для Германии, но при сохранении мира? Утром 28 сентября Чемберлен, не посоветовавшись со своим правительством, написал Гитлеру, чтобы заверить его «что он может немедленно получить удовлетворение всех тех важных требований, на которых он настаивал, не начиная войны». Английский лидер был готов прибыть в Берлин для обсуждения проблем в самом благоприятном духе: «Не могу поверить, — добавлял британский премьер-министр, — что вы изволите принять на себя ответственность в развязывании мировой войны, которая может поставить на грань выживания целую цивилизацию, из-за отсрочки на несколько дней решения столь долговременной проблемы.»

Так Чемберлен предложил фюреру выход из трудного положения: прежде всего, он преподнес Гитлеру на блюдечке Судеты, хотя еще три дня назад отстаивал совсем другое решение; он также убеждал Гитлера не рисковать и не идти в споре до конца; он призывал его отказаться от подготовки государственного военного переворота (хотя с трудом можно приписать фюреру ответственность за подобный замысел); фактически, он позволял Гитлеру стать великим умиротворителем при соучастии Муссолини.

Муссолини был призван 28–29 сентября. Гитлер и Чемберлен сообщили ему о предстоящей встрече. Гитлер добавил условия, на основе которых мог быть принят компромисс. Муссолини согласился быть его интерпретатором. Вечером с 29 на 30 сентября трое названных персонажей плюс Даладье встретились в Мюнхене. Чехословакия не была приглашена на встречу. Советы, которые тоже заявляли о своем намерении сражаться, если союзный

договор с Чехословакией от 1935 г. войдет в действие, были отеснены от участия в происходивших событиях. В два часа ночи 30 сентября было подписано соглашение, состоявшее из восьми пунктов, которые предусматривали:

- 1) эвакуацию Чехословакии из Судетской области, начиная с 1 октября;
- 2) завершение эвакуации к 10 октября;
- 3) формирование комиссии для определения условий эвакуации, в которой принял бы участие, кроме представителей четырех государств, участвовавших конференции в Мюнхене, также представитель Чехословакии;
- 4) оккупацию германскими войсками территорий с преимущественно немецким населением, начиная также с 1 октября;
- 5) определение территорий, где следовало организовать плебисцит, и выработка методов его проведения;
- 6) поручить комиссии, о которой говорится в п. 3, установить окончательную границу;
- 7) предоставление право выбора жителям Судетской области в течение шести месяцев;
- 8) обязательство правительства Чехословакии предоставить военнослужащим, выходцам из немецких Судет, отпуск в течение четырех недель.

В прилагаемом протоколе содержались гарантии, за которые ратовали Англия и Франция, относительно новых границ, а также против не спровоцированной агрессии. Эти гарантии итальянцы и немцы ставили в зависимость от решения споров о границах Чехословакии с Венгрией и Польшей.

Спустя полчаса после завершения заседаний конференции соглашение было сообщено чехословацкому правительству, которое утром 30, подчинившись воле своих союзников и своих противников, приняло его. Перед возвращением в Лондон Чемберлен встретился снова с Гитлером и они обсудили другие проблемы. Чемберлен добился того, что Гитлер подписал документ, в котором подтверждалось первостепенное значение добрых англо-германских отношений для мира в Европе. В нем также утверждалось, что Мюнхенское соглашение и англо-германское соглашение о морских вооружениях стали символом, выражавшим стремление обеих стран трудиться на благо сохранения мира; в заключении говорилось, что «консультации становятся методом обсуждения любого вопроса, который может возникнуть между двумя странами», так как оба политических деятеля были решительно намерены продолжать усилия «по устранению возможных источников

разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе».

Если Чемберлен, в самом деле, верил, что после трагедии, совершившейся прошедшей ночью, этот разыгранный фарс банальных обещаний значит больше, чем листок бумаги, на котором он был написан, то он обманывал себя и других. Чемберлен за время своих контактов с Гитлером научился понимать реальную цену его обещаний, а потому можно поверить свидетельствам тех, кто утверждал, что он хвастливо размахивал листком, на котором было написано соглашение, как страстно желанным победным трофеем (это подтверждает знаменитый эпизод кинохроники той эпохи). Однако поступил он так в силу пропагандистских соображений, используя подходящий случай.

Внешне казалось, что этот документ и Мюнхенские соглашения могли спасти мир от катастрофы. По возвращении Муссолини в Италию толпа рукоплескала ему как главному герою спектакля, который он лишь помогал разыграть. В душе он был огорчен тем, что народ, который он стремился приучить к жесткой необходимости войны, встретил его аплодисментами как миротворца.

Принятое мирное решение создавало фон для убеждения, что, вообще-то, оно соответствовало принципу самоопределения, возможно истолкованному несколько грубо и безапелляционно. Никто не мог отрицать немецкий характер населения Судет, но именно это вызывало тревогу на будущее. Что может случиться с Данцигом, население которого было также по преимуществу немецким? Чемберлен, возможно, думал, что выиграл для своей страны драгоценное время и укрепил те группы, которые и в Германии также были заинтересованы в сохранении мира. Именно Риббентроп и Гиммлер, представлявшие крайне реакционное крыло нацистского руководства, подогревали недовольство Гитлера в связи с несостоявшейся военной акцией. Но для Гитлера конкретный успех, за который не пришлось платить существенную цену, был уже важным результатом, чтобы хвастаться им как перед немецким народом, так и перед своими противниками. Рейх с населением в 80 млн человек стал реальностью. Поэтому в Мюнхене настоящее поражение, кроме подлинных жертв, потерпели французы (именно для них болезненные перемены означали конец Малой Антанты, сдвиг к их изоляции и бессилию) и итальянцы, поскольку Муссолини снова увидел, что в Европе возрос вес его квази-союзника в ущерб влиянию Италии, полностью подчинившейся господству Германии.

Часть вторая
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Глава четвертая
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

4.1. Европа после Мюнхена

*4.1.1. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ
В УСЛОВИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО КРИЗИСА*

В конце 1938 г. и в первые недели 1939 г. международное положение оставалось неустойчивым. Едва рассеявшаяся угроза войны оставила в сердцах европейцев огромный страх перед новой бойней и противоречивые чувства у государственных деятелей. Стремление к активным действиям сдерживалось колебаниями относительно выбора средств. Намерение проводить действенную политику ограничивалось надеждой, что удастся избежать худшего, возможно, благодаря сознанию того, что всего через двадцать лет после Первой мировой войны Европе не может угрожать опасность всемирных масштабов. Европейские правители не смогли найти выход из противоречий, доставшихся в наследство от прошлого. Они не сумели заставить наиболее агрессивный ревизионизм следовать правилам, обеспечивающим поддержание мира, и превратить Германию из угрозы в фактор формирования новой европейской реальности. Но было ли под силу осуществить это элите, пронизанной расистскими предрассудками, империалистическими претензиями на мировое господство?

Страны, которые могли бы, в конце концов, определить исход столкновения и которые находились вне или на окраинах Европы, все еще оставались относительно безучастными или сохраняли осторожную неуверенность. После того, как США пережили драматические времена большой депрессии, они отделились от Европы, как бы опасаясь заразиться распространившимся там

злом. Президент США Франклин Д. Рузвельт, избранный в 1932 г., посвятил все свои усилия борьбе против депрессии и осуществлению *Нового Курса*, т.е. того комплекса социально-экономических мер, которые должны были смягчить удары кризиса и придать динамизм американской производительной системе.

В то время он был занят поисками новых направлений политико-экономического развития страны, которые помогли бы заложить основы американского влияния в мире, вернув Соединенным Штатам сначала способность, а затем и волю действовать в качестве мирового лидера. Но в первые годы его президентства не оставалось места для проведения активной внешней политики, за исключением Восточной Азии и Латинской Америки. Постепенно утверждалась изоляционистская тенденция, которая породила заметное равнодушие Соединенных Штатов в отношении европейских событий, вплоть до отказа от сотрудничества с Лигой Наций по вопросу о санкциях против Италии в связи с ее агрессией в Эфиопии.

В 1935 г. вступил в силу первый *Акт о нейтралитете* (в соответствии с ним президент был обязан использовать *эмбарго* на поставки вооружений сторонам, вовлеченным в конфликт), который отражал настроение, доминирующее в американской политике. Этот акт возобновлялся в феврале 1936 г. и в 1937 г., когда несмотря на протест американских *либеральных* кругов, наиболее близких к политике Рузвельта, Конгресс проголосовал за третий *Акт о нейтралитете* (30 апреля 1937 г.). Новый акт заменил прежний, который мог бы действовать еще в течение года, постоянным законом, в соответствии с ним всякая политика, отступавшая от норм нейтралитета, считалась незаконной. По этому случаю была введена новая статья, названная *кэш энд кэрри*, согласно которой некоторые вооружения могли быть проданы при условиях, что оплата за них будет произведена наличными, что товары будут транспортироваться на судах стран-покупателей и что товары должны быть включены в список, определенный президентом. В течение первых двух лет новая статья не применялась ни разу.

Только к концу 1938 г. тенденция к изоляционизму дала трещину. Рузвельт не выказывал предвзятой враждебности к фашистской политике и к Италии, но нацизм и антисемитизм Гитлера были для него не приемлемы. В своем послании в январе 1939 г. о «состоянии Союза» он впервые официально заговорил об опасности войны и о необходимости оказания Соединенными Штатами помощи странам, ставшим объектом тоталитарной агрессии любыми средствами, за исключением войны (*short of war*).

По утверждению президента, Соединенные Штаты не потеряют, чтобы политика нейтралитета, в конце концов, фактически превратилась в опору для агрессора, а когда был подписан пакт Риббентроп–Молотов, он обратился с платоническими призывами к полякам и немцам не развязывать войну. Но это были робкие дипломатические инициативы, ослабленные влиянием изоляционистов, проявившимся во время обсуждения в Конгрессе четвертого, обновленного, *Акта о нейтралитете* в ноябре 1939 г. Единственный вопрос, по которому Рузвельт сумел убедить Конгресс (закон датирован 4 ноября 1939 г., когда война уже началась), был отказ от эмбарго на поставки вооружения и возобновление статьи *кэш энд кэрри*.

Эти факты и ориентация большей части американского общественного мнения позволяли утверждать, что Соединенные Штаты никогда не поддерживали политику Гитлера, и, более того, они никогда не согласились бы смириться с ликвидацией британской мощи. Но в 1939 г. все это были лишь предположения, которые не меняли того факта, что американская дипломатия не принимала какого-либо серьезного участия в европейской политике, а потому можно было считать ее влияние незначительным на принятие решений, предстоявших европейским странам.

Другая великая держава, находившаяся на окраине Европы, Советский Союз, от действий которого, несколько месяцев спустя, зависело очень многое, после Мюнхена не проявил готовности занять активную позицию. Советы сразу заявили, что считают Мюнхен выражением устремлений западного капитализма направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза, а также свидетельством пассивности чехословацкой буржуазии, оказавшейся не способной извлечь преимущества в ситуации, когда Сталин заявил о готовности помочь Праге оказать сопротивление грозящей агрессии. Но несмотря на препятствие в виде Польши и наличие ограничительной оговорки, которая связывала советско-чехословацкий договор о взаимопомощи с введением в действие советско-французского договора, в ходе полемики историков выявилась совершенно иная реальность.

С момента прихода Гитлера к власти в Германии Сталин повел более осторожную международную политику. Он понимал приближение опасности — оно выявилось благодаря поспешному соглашению между Германией и Польшей (январь 1934 г.) и проведению Гитлером открыто антисоветской политики. Первой естественной реакцией Кремля была попытка изменить положение Советов в международной системе путем присоединения к Лиге Наций (сентябрь 1934 г.), тем самым СССР явно противопоставил свою позицию покинувшему Лигу Германии и Японии. Он

продемонстрировал свою волю к борьбе с нацизмом посредством формирования народных фронтов — как показал поворот событий 1935–1936 гг. во Франции и Испании — а также проявил готовность подписать дружественные соглашения с любой державой, которая почувствует угрозу в связи с назревавшими ревизионистскими акциями.

Тем не менее, это не помешало Сталину сочетать внешнюю политику, направленную на поддержку Лиги Наций, сторонником которой был комиссар по иностранным делам Литвинов, с постоянными намеками Гитлеру о возможности возобновления «политики Рапалло». Гитлер до 1939 г. отвергал эти попытки сближения, потому что Советский Союз в 1937–1938 гг. переживал период явной военной слабости, связанной с массовыми и жестокими чистками, которые обезглавили Красную армию. Отмеченный момент был настолько важен, что Гитлер не мог не учитывать его в своих политических расчетах. Между тем, именно это ослабление Красной армии сделало Сталина потенциально важным партнером Гитлера.

«Советский Союз — отмечает Михалка, — не был, конечно, идеальным партнером для политической элиты Германии. Но явная внутренняя и внешняя слабость большевистского режима казались слишком привлекательными для Германии, чтобы она не попыталась расширить свои возможности как крупная держава с помощью военно-экономического союза между двумя государствами. Поскольку не удалось (таково было намерение) соединить Москву и Берлин, то по необходимости Берлин становился центром притяжения Европейского континента. И тогда либо западные державы поддержали бы претензии Германии на господство в Европе или согласились бы с ними, что открывало ей новые перспективы на востоке, либо, в противном случае, Франция и Великобритания потерпели бы поражение и были бы элиминированы российско-германским союзом. Никакая опасность, никакая цена не могли казаться чрезмерными ради достижения этого результата, потому что, несмотря на все трудности, после его достижения Рейх получил бы свободу действий для борьбы с большевизмом».

Таким образом, неучастие американцев в тот момент позволило им в более отдаленном будущем внести свой вклад в защиту западного мира, неучастие (или слабость Советов) представляло собой такое явление, которое нельзя было не использовать в подходящий момент, т.е. когда игра достигнет своего высшего уровня, станет всемирной. Но все это в конце 1938 г. представлялось, на первый взгляд, весьма отдаленным будущим.

4.1.2. КРИЗИС ПОЛИТИКИ «УМИРОТВОРЕНИЯ»

Результаты Мюнхена не удовлетворяли даже Великобританию. Не случайно Чемберлен доверился мирным обещаниям Гитлера. Великобритании с ее убывающими ресурсами предстояло решать еще более трудную задачу. Во всем мире был брошен вызов ее колониальному господству. Это относилось не столько к системе *доминионов*, белое население которых было в основном британского происхождения, что обеспечивало прочное, хотя и временное сотрудничество имперской системе в целом, принявшей на себя удары первой антиколониальной волны в Индии и на Ближнем Востоке. Все это вынуждало правительство Лондона прилагать максимальные усилия для сохранения мира в Европе. Сложилась явно противоречивая, но неизбежная ситуация: мир в Европе, т.е. «умиротворение», означал укрепление Германии, державы, которая оспаривала, более или менее открыто, английское превосходство на континенте и в мире; конфликт в Европе означал бы увеличение расходов, рискованное для поддержания контроля над гораздо более ценными богатствами британской короны.

Кроме того, англичане должны были учитывать другие источники опасности: Италию в Средиземном море и Японию в Тихом океане. Пленник возникшей дилеммы, правительство Лондона, верное самому себе, вынуждено было считать большой политической победой тягостное поражение в Мюнхене и пыталось искусно уравновесить в рамках своей политики тех, кто противился ей, как Франция, и тех, кто был ею обескуражен, как Италия.

Только этими обстоятельствами можно объяснить инициативы Великобритании, предпринятые ею в октябре 1938 г. и в дальнейшем по отношению к Германии. Критикам политики «умиротворения» Чемберлен ответил продолжением диалога с Италией. Хотя после «Пасхальных соглашений» гражданская война в Испании усилилась, в середине ноября 1938 г. британское правительство сочло, что созрели условия для вступления в силу и самих соглашений. В это время началась подготовка визита Чемберлена и Галифакса в Рим: этот визит должен был положить конец недоверию многих англичан к средиземноморской и имперской политике Италии, а также закрепить возврат к традиционному союзу. Оба государственных деятеля Англии 11 января 1939 г. прибыли в Рим. Во время их визита не было произнесено высокопарных приветственных речей, и Чемберлен ничего не предпринял для улучшения итало-французских отношений, которые были подпорчены рядом империалистских демонстраций со стороны Италии. Как раз в те дни, когда в Рим прибыл новый французский

посол, во время выступления Чиано в палате корпораций и фаши прозвучали притязания на Тунис, Ниццу, Савойю, Корсику.

Между двумя державами происходил, можно сказать, ритуальный обмен мнениями, чтобы выяснить, до какой степени Италия согласна поддерживать Германию и в какой мере Великобритания склонна признавать как ревизионистскую политику Италии, так и рост ее амбиций в Африке. Чемберлен мог почувствовать, что Муссолини не имеет больше никакого влияния на решения Гитлера и поэтому нет особого смысла учитывать Италию в британской политике в отношении Германии. Муссолини открыто заявил о своей лояльности в отношении Гитлера и «Оси», но Чемберлен, остался «в абсолютной неуверенности, насколько сеньор Муссолини был информирован о планах герра Гитлера». «Пасхальные соглашения» не принесли желаемых результатов. Муссолини все больше склонялся к Гитлеру, а Чемберлен не мог его ни в чем упрекнуть.

Когда в Великобритании и особенно в Форин Оффис появились первые сомнения о действительной эффективности Мюнхенских соглашений, Чемберлен продолжал их защищать. В конце января 1939 г. он еще публично поддерживал необходимость укреплять согласие с Гитлером. Втайне он считал, что в Мюнхене «Гитлер упустил момент». По коварной случайности, именно 14 марта он обратился к своим избирателям в Челси, восхваляя «золотой век, мир и благосостояние», которые мюнхенская политика якобы сулила Европе. В конце концов, лишь после 15–16 марта и захвата немцами Праги, он существенно изменил свои воззрения, пытаясь действовать в соответствии с ними в течение нескольких месяцев, оставшихся до начала войны.

В этой ситуации еще более изолированной оказалась Франция, которой трудно было представить как большой дипломатической успех то, что она покинула одного из своих союзников. Кроме того, с развитием чехословацкого кризиса стала фактически распадаться система союзов, сформированная для того, чтобы служить противовесом Германии в Центральной и Южной Европе. Политический кризис привел к заметной утрате Францией финансового влияния в Дунайско-Балканском регионе. Роль Франции в этой зоне оставалась значительной, но наступил час, когда следовало понять, что эти позиции скоро будут захвачены Германией, сумевшей за год без боя и кровопролития стать доминирующей державой региона в политическом плане.

В ситуации этой горькой реальности французским правителям не оставалось ничего другого как смириться со своей изоляцией. Вся система союзов, которую правительство Парижа формировало

с 1919 г., рухнула как обычный картонный домик. Европейские друзья Франции либо потерпели поражение, либо находились под германским и итальянским влиянием. Советский Союз казался слишком далеким и не подготовленным настолько, чтобы можно было рассчитывать на его поддержку, и неминуемое окончательное поражение испанских республиканцев, казалось, завершало эту цепь неудач. Единственной точкой опоры для Франции в Европе оставалась Великобритания: но Великобритания политики «умиротворения», т.е. политики, которую французы терпели, но не разделяли.

Существовали ли альтернативы? В течение нескольких недель у французов имелись иллюзии, что существовали возможности для альтернатив как благодаря сближению с Италией, так, и, может быть, еще в большей мере, благодаря резкому изменению политики по отношению к Германии. Но это были только иллюзии, которыми Гитлер воспользовался, чтобы с особой тщательностью подготовить свои будущие действия. Хотя Франсуа Понсе в начале ноября 1938 г. прибыл в Рим с самыми благими намерениями и был принят с выражением полнейшего расположения, но обстановка резко изменилась в связи с империалистскими выступлениями 30 ноября в палате фаши, в результате чего в повестку дня вновь выдвинулись все спорные итало-французские вопросы. В этой ситуации возможность сближения исчезла прежде, чем о ней заговорили.

Правительство Даладьё и, в частности, министр иностранных дел Бонне, в эти недели готовило весьма амбициозный план перестройки союзов. Объективные условия повлияли на то, как французская дипломатия оценивала ситуацию. Имел ли еще какой-либо смысл тот комплекс тесных связей и четких гарантий, которые Франция предоставила своим союзникам в Восточной Европе, в условиях нарастания германской агрессивности? Разве не настал момент пересмотра этой системы в соответствии с подлинной политикой «умиротворения»? Со стороны Германии, казалось, не было недостатка в проявлении интереса к этой идее. Фон Риббентроп в начале ноября 1938 г. был приглашен в Париж, но его визит был отложен, так как наступила «хрустальная ночь», т.е. ночь с 9 на 10 ноября, печально известная тем, что нацисты впервые устроили повсеместные погромы еврейских общин на контролируемой ими территории; вдобавок нацисты наложили чрезвычайную выплату в миллиард марок на всю еврейскую общину Германии.

Риббентроп посетил Париж 6–7 декабря. Он встретился с Даладьё и долго беседовал с Бонне. Прежде, чем провести перегово-

ры по существу, стороны подписали соглашение о ненападении, которое почти повторяло формулы Мюнхенского соглашения Гитлера-Чемберлена. Обе стороны обязались считать мирные отношения между ними как «важный элемент укрепления европейской ситуации»; более того они торжественно признавали «окончательными существующие границы» между двумя государствами и брали на себя обязательства о взаимных консультациях в случае международных кризисов, за исключением положений, предусмотренных соглашениями с третьими странами.

Был ли это действительно поворот в сторону умиротворения? По вопросу истолкования этих соглашений ведутся историографические споры. Согласно утверждениям германской стороны, во время переговоров в эти два дня Бонне признал, что у Франции нет интересов в Восточной Европе, которую Париж считает «зоной германского влияния». Французская сторона и, прежде всего, Жорж Бонне, утверждает, что это признание относилось исключительно к новой ситуации, сложившейся вокруг Чехословакии после Мюнхенской конференции, и было связано с необходимостью учитывать будущие франко-германские отношения. Чтобы понять значение этих «вариаций», необходимо учитывать, что в те же самые недели германская дипломатия разрабатывала новую политическую стратегию в отношении Польши и Восточной Европы, основываясь на незаинтересованности Франции.

Анализ дискуссии участников переговоров позволяет сделать вывод, который кажется наиболее вероятным: если Бонне ограничился намеком на изменение политики в отношении Германии (поскольку, в конечном итоге, это соответствовало его идеям), то утверждение Риббентропа, которое он неоднократно повторял, что Франция во время переговоров в Париже полностью отказалась от защиты Чехословакии, служило ему необходимым аргументом для оправдания германского произвола в дальнейшем — от небольших акций до полной ликвидации Чехословакии. Иначе говоря, Риббентроп пытался узаконить даже захват Праги, представив его как результат уступки Парижа, которой никогда не было.

Со своей стороны, французы в декабре 1938 г. наивно считали, что можно вести переговоры с такими людьми как Риббентроп. Не они одни так полагали, и, возможно, предпочитали обманываться в надежде на общее улучшение европейской ситуации в дальнейшем. В конце 1938 г. все еще было возможно; европейские государственные деятели (включая Муссолини) не знали тайных планов Гитлера. Тем не менее, факт остается фактом, что в момент изоляции французы вместо того, чтобы искать возможности

изменить сложившееся положение вещей по другим направлениям, обратились к своему потенциальному и неизбежному врагу. Подписать соглашение с немцами после «хрустальной ночи» означало закрыть глаза на то, что реально представлял собой нацизм, который определял одновременно и внутреннюю, и внешнюю политику; проводить курс на соглашение с нацистами означало намеренно сохранять иллюзии, чтобы приобрести алиби перед лицом истории.

4.1.3. ДЕРЖАВЫ «ОСИ» И УГЛУБЛЕНИЕ КРИЗИСА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

В условиях, когда крупнейшие европейские державы оказались бессильны либо даже парализованы, инициатива оказалась в руках Гитлера. Чтобы остановить фюрера, было недостаточно слабых поползновений Муссолини, который даже внешне не проявлял намерений что-либо предпринять, а, возможно, и не мог открыто выступить против нацистского лидера. Действительно, почему Италия должна была защищать такой порядок, который фашистское правительство никогда не принимало, а Франция и Великобритания способствовали его разрушению? Возможно иное отношение двух западных держав к Италии могло бы изменить позицию такого оппортуниста как Муссолини. Но не только англичане, но и французы предпочитали в тот момент политику заигрывания с нацизмом. Для самостоятельной итальянской позиции не было условий, пока не наступят серьезные перемены в международной ситуации.

Гитлер, как обычно, действовал цинично, неожиданно, совершенно свободно и ничем не гнушаясь. Он четко представлял те цели, которых хотел добиться — прежде всего, контроля над Центральной и Восточной Европой как предварительного условия для своих дальнейших акций. Используемые им средства диктовались обстоятельствами, т.е. реакцией соответствующих стран на те или акции Германии.

Следующим этапом гитлеровской политики стала нормализация отношений с Польшей. Ее смысл оставался неясным до весны 1939 г. Подобные замыслы Гитлер лелеял еще с 1934–1935 гг. Он неоднократно в доверительных беседах излагал их Герингу, а с 1935 г. и в дальнейшем о них говорили представители Гитлера в Польше как маршалу Пилсудскому, так и полковнику Беку. Суть этих замыслов состояла в тесном сотрудничестве Германии и Польши в войне против исторического противника — Советского Союза. В этой войне Польша играла бы роль младшего союзника

или сателлита Германии, получив, таким образом, возможность осуществить экспансию на восток в направлении Украины.

Все эти планы приобрели более четкие черты с 1936 г., когда встал вопрос об образовании «крупных замкнутых торгово-экономических блоков» или «обширных пространств», самообеспеченных стратегическими ресурсами, когда формировалась экономическая политика автаркии в ревизионистских странах Европы и на Дальнем Востоке в Японии. В более широкой перспективе это можно рассматривать как попытку противопоставить мировым империалистическим системам, либо нарождающимся сверхдержавам — советской и американской — однородные политические союзы столь же масштабные, сколь и обеспеченные ресурсами, чтобы выдержать соревнование, принявшее глобальный характер, к которому отдельные европейские государства не были готовы.

Антикоминтерновский пакт от 25 ноября 1936 г. и последующее включение в него Италии (6 ноября 1937 г.) указывают направление развития. Это развитие приобрело антибританский характер после отказа Великобритании принять предложение общего союза, сделанное фон Риббентропом; оно качественно изменило политические союзы; оно приобрело также антифранцузский характер, при этом приходилось признать, что Франция стала одной из жертв нарушения равновесия. Оно носило также и антисоветский характер, поскольку Советский Союз был врагом, с которым надлежало сражаться, и географическим регионом, включавшим то «жизненное пространство», которое следовало освоить в соответствии с гитлеровскими концепциями. Как отмечает Хильгрубер, только отказ Японии летом 1939 г. открыто присоединиться к системе, враждебной Великобритании в мировом масштабе, предотвратил соединение различных «пространств» в единое целое. Но этот отказ не помешал Гитлеру попытаться осуществить свои замыслы в Европе, по возможности, при сотрудничестве с Польшей.

Польша придерживалась принципа приспособления к новой ситуации. Когда Муссолини в ноябре 1936 г. объявил о создании «Оси Рим—Берлин», полковник Бек попытался сместить точки опоры этой политической конструкции, высказав идею «поперечной» оси, которая проходила бы через Польшу, Венгрию и Югославию, включала бы Италию и могла бы служить сдерживающим фактором в отношении германского давления (иначе говоря, создание блока «от моря до моря», от Балтийского до Средиземного). Но эти цели предполагали территориальный континуум между Польшей и Венгрией и, к тому же, не учитывали приоритет, который Германия приобрела в ревизионистской политике Муссолини.

Момент осмысления и выбора наступил для поляков на следующий день после Мюнхена, во время встречи, которая означала «глубокий разрыв в польско-германских отношениях после 1933 г., сохранившийся до начала конфликта». Сразу после того, как благодаря Германии Польша получила от Чехословакии Тешинскую область, 24 октября 1938 г. Риббентроп принял польского посла в Берлине Липского и изложил ему условия, на которых Германия предлагала общее решение вопросов на Востоке Европы. Польша могла принять эти условия и превратиться в вассала Германии, либо отвергнуть их и подготовить почву для будущего конфликта. Согласно этим предложениям, «свободный» город Данциг должен был перейти под суверенитет Германии; на территории Данцигского коридора, отделявшего Данциг от Германии, должны были быть построены экстерриториальные автострада и железная дорога. Условия предусматривали взаимное признание общих границ и присоединение Польши к «Антикоминтерновскому пакту».

Эти предложения были значительно более детально разработаны, чем те, что в предыдущие годы излагал Геринг, они отражали новую ситуацию: полную изоляцию Польши. Поведение правительства Варшавы во время Судетского кризиса и горечь от возобновления старого спора о Тешинской области привели к тому, что поляки утратили симпатии и поддержку французов. Выдвинутые Берлином условия отражали намерение Гитлера окончательно утвердить германское господство в Восточной Европе. Польше больше уже ничего не обещали, но от нее требовали присоединиться к антисоветскому блоку, само это присоединение превращало Польшу в государство, зависимое от германской политики.

Польше, лишенной в тот момент поддержки Запада, ничего не оставалось, как пребывать в рискованном одиночестве. Гитлер сыграл на этой ситуации, и его предложения приобрели жесткий непримиримый характер. Польша, зажата между Чехословакией, находившейся под властью Германии, и Восточной Пруссией, непосредственно связанной с Померанией, попала в немецкие тиски. Если бы Польша согласилась на сотрудничество с Германией, то, «может быть», обещания Геринга вновь возымели бы силу, и Германия рискнула бы немедленно начать военные действия против Советского Союза. В любом случае Польша была бы ликвидирована «как независимое европейское государство».

Но Гитлер не учитывал характер польского политического руководства: его упрямую убежденность в том, что оно располагает собственными силами, способными оказать серьезное сопротив-

ление германскому давлению, и его упорное нежелание пересмотреть подобную убежденность, даже после значительного нарастания гитлеровской мощи. Правительство Варшавы 19 ноября впервые отвергло германские предложения и продолжило сопротивляться последующему дипломатическому давлению в течение всей зимы 1938–1939 гг., вплоть до 21 марта, когда на следующий день после захвата Праги требования были вновь представлены Липскому в ультимативной форме. Официальный отказ Польши, решение о котором было сразу же принято в Варшаве и невозобновление германской стороной договора о ненападении от января 1934 г. были последними актами официальных отношений между двумя странами накануне войны. Гитлер в своем выступлении в рейхстаге 28 апреля 1939 г. утверждал, что между двумя странами не существует больше ни малейшей возможности для дипломатических контактов.

4.2. Раздел Чехословакии

4.2.1 ВНУТРЕННИЙ КРИЗИС ЧЕХО-СЛОВАКИИ

Мюнхен означал не только переход Судетской области к Германии. Он означал также начало нарастающего распада и раздела Чехословакии. Положение правительства в Праге стало настолько неустойчивым, что присутствие вызывающей доверие политической власти было почти неощутимым. Бенеш ушел в отставку с поста президента республики и нашел убежище в Лондоне. Эмиль Гаха, судья Верховного чехословацкого суда согласился сменить его; премьер-министром стал Рудольф Беран, а министром иностранных дел прогерманский генерал Франтишек Швалковский. На их плечи лег тяжелый груз — участвовать в завершении существования Чехословацкого государства. И действительно, в стране сразу проявилось внутреннее противостояние. Словаки, представленные словацкой народной партией католической ориентации, возобновили кампанию протеста против отказа правительства Праги выполнить их требования автономии и воспользовались благоприятным случаем, чтобы придать этим требованиям решительный характер.

Пока правительство Праги заявляло, что оно намерено решительно изменить свою политику в отношении Германии, перейти от политики сопротивления к горячей дружбе, словацкие партии разработали общий документ. В нем утверждалось право словацкой нации на самоопределение и выражалось требование немедленного сформирования автономного словацкого правительства,

председателем которого был бы назначен монсиньор Йозеф Тисо. Прага несколько часов колебалась прежде, чем признать неизбежность требуемых перемен. 6 октября 1938 г родилась Чехо-Словакия под руководством Яна Сыровы, управляемая двумя автономными правительствами: в Праге размещалось правительство Берана, а в Братиславе — Тисо. Конечно, все, что происходило, было результатом нацистских прогерманских ориентаций и действий. В Берлине словаки обсуждали, будет ли оптимальным вариантом немедленно провозгласить независимость или признать образование автономного государства внутри единой организационной структуры, и там же в Берлине сначала Швалковский и затем Тисо получили указания сохранить объединение двух наций. Очевидно, в этот период Германия была совершенно не заинтересована ускорить процесс, что могло осложнить окончательное решение вопроса о Судетах.

С другой стороны, чехо-словацкому правительству предстояло противостоять давлению как извне, так и внутри страны, которое активизировалось после Мюнхенских соглашений. Первыми оказали нажим на пражское правительство поляки. В течение всей острой фазы Судетского кризиса польское правительство вело себя в отношении своих южных соседей, мягко говоря, недоброжелательно. Весь сентябрь 1938 г. из Варшавы в Прагу поступали настойчивые запросы относительно прежних польских претензий на Тешинскую область. 30 сентября польское правительство аккумулировало эти требования в ультиматум, который Бенеш вынужден был принять. Польские войска 2 октября пересекли границу и заняли город Тешин и около 1000 кв. км территории согласно делимитации, окончательно произведенной 1 ноября.

Но если поляки вели себя развязно и грубо, то не менее агрессивно действовали венгры, которые выступили с обширными требованиями и геополитическими притязаниями. В связи с этим у чехов и словаков возникли общие интересы по защите своей территории, хотя она и ограничивалась только Словакией. Задача определить новые границы Словакии и Венгрии сначала была поставлена на переговорах между сторонами, а затем ее решение было поручено арбитражу правительств Италии и Германии. Поддержка Италией венгерского ревизионизма привела к неутешительным для словаков результатам. Им предстояло 2 ноября (первый венский арбитраж) смириться с решением, согласно которому территория почти в 12 000 кв. км с населением почти в миллион жителей должна была отойти к Венгрии. Политический результат заключался в том, что сложившаяся ситуация толкала правитель-

ство Братиславы в объятия Германии в надежде получить у нее защиту от угроз противников, окружавших Словакию.

Другое этническое меньшинство также способствовало разрушению старой структуры Чехословакии. Речь идет о населении (украинского происхождения) Закарпатской Украины, региона исключительной важности в стратегическом отношении, потому что обладание им позволяло напрямую соединить Польшу и Венгрию (отсюда планы полковника Бека о «поперечной» оси). Но русины Закарпатской Украины, которые пользовались широкой автономией на основе Сен-Жерменского договора, были малочисленной группой, насчитывавшей несколько сотен тысяч жителей, в большинстве своем крестьян, которые мечтали о большом государстве, связанном с Украиной.

В октябре представители населения Закарпатской Украины провозгласили свою независимость, и 9 октября создали правительство, состоявшее из шести членов: трех русинов, двух украинцев и одного «нейтрала». Среди населения Закарпатской Украины существовали большие расхождения относительно намеченных целей. Венгерское меньшинство составляло десятую часть населения, а еврейское было немногим меньше. Именно эта внутренняя неразбериха сделала невозможным установление какой-либо устойчивой политической власти, пока Венский арбитраж не произвел территориальное разграничение: он передал равнины Закарпатья Венгрии и образовал провинцию с центром в большой деревне Хуст. Таким образом, Чехословакия оказалась разделена на три части: Богемию — Моравию, Словакию и Закарпатскую Украину.

Новое устройство оказалось чрезвычайно неустойчивым и непрочным. «Пражане» надеялись сохранить контроль над всем государством, но почти ежедневно они должны были реагировать то на проявления недовольства своих же сограждан, то на угрожающие акции Германии. Власть премьер-министра Берана зависела от воли Гитлера. 18 декабря в Словакии состоялись «свободные выборы», в результате которых сформировалось большинство, выступавшее за независимость. Эмиль Гаха, недавно ставший президентом Чехо-Словакии, вновь поручил пост словацкого премьер-министра монсеньору Тисо. 21 января 1939 г. его правительство предстало перед парламентом Братиславы, не скрывая своего стремления к полной независимости. Возникло короткое столкновение с правительством Праги, которое пыталось лишить власти Тисо и сторонников независимости. 11 марта Гаха решительно отправил Тисо в отставку, но Гитлер сразу же вызвал словацкого лидера в Берлин и сообщил ему о своей воле.

4.2.2 КОНЕЦ ЧЕХО-СЛОВАКИИ

Очень часто, когда говорят о вторжении Германии в Богемию и Моравию 15–16 марта 1939 г., то трактуют его как неожиданное и непредвиденное событие, как внезапную акцию, которая изменила характер германской политики и заставила, наконец, Чемберлена открыть глаза и увидеть реальное положение вещей. После Мюнхена германское военное вторжение казалось неизбежным: в какой-то степени его даже ждали, учитывая ситуацию распада государства, в которой оказалось правительство Праги. Вызванный в Берлин, Тисо почувствовал, что его подталкивают к провозглашению независимости Словакии. Сразу после возвращения в Братиславу, 14 марта старая мечта, казалось, была осуществлена. Словацкий национализм, которому была суждена короткая жизнь, получил торжественное одобрение регионального парламента, провозгласившего в тот же день полную независимость.

В те же часы чешский президент Гаха, старый и больной, был вынужден в связи с экстренным вызовом прибыть в Берлин вместе с министром иностранных дел Швалковским. Гитлер принял их глубокой ночью, и, в соответствии со своими привычками (что он уже проделал годом раньше с Шушнигом), обрушил на них лавину упреков, обвинений и угроз. Они должны были согласиться «спонтанно» просить правительство Германии вступить в Богемию, чтобы восстановить порядок и прекратить антигерманскую кампанию. Чешские деятели уступили и подписали обращение, которое легитимизировало германскую акцию.

16 марта Чехо-Словакия перестала существовать. Оставались протекторат Богемия и Моравия, «независимая» Словакия и Закарпатская Украина с неясной судьбой. Если верно, как не без основания утверждают, что монсеньор Тисо был, прежде всего, воодушевлен националистическими чувствами, то опыт нескольких недель правления его быстро разочаровал. Немецкие тиски сжимались медленно, но неумолимо. Гитлеру в тот момент нужен был неограниченный контроль над ситуацией в государстве, граничащем с Польшей. Всякое противодействие словаков было сломлено, и 12 августа правительство Братиславы признало господство Германии, еще раз «добровольно» подписав договор с Германией, который фактически перечеркивал любой намек на суверенитет и независимость в тот самый момент, когда было заявлено об их признании.

Была решена и судьба Закарпатской Украины. Германия не могла занять ее, потому что Словакия отделяла Закарпатье от Богемии. Хотя Закарпатская Украина — это очень небольшая, почти микроскопическая территория, но это был слишком аппетитный

кусочек, чтобы оставлять его в мучительной неопределенности. Напрасно некоторые представители националистов пытались провозгласить независимость Закарпатской Украины. 13 марта Гитлер сообщил венграм свое пожелание, чтобы они завладели этой территорией, получив, таким образом, выход к границе с Польшей (что не входило в замыслы Германии, но в тот момент представлялось целесообразным). Венгерский ревизионизм был не удовлетворен результатами первого венского арбитража, но на этот раз он получал менее обширную, но стратегически значительно более важную территорию.

Так, в течение нескольких дней Чехо-Словакия перестала существовать: впервые Гитлер нарушил торжественные обязательства пангерманизма, оккупировав территорию, которая не имела ничего общего с германской. Хотя эти события ожидалось и считались делом решенным, тем не менее, случившееся имело огромный резонанс и заставило глубоко задуматься другие европейские державы и, даже, радикально пересмотреть свои позиции. Новые жертвы ожидали своей участи.

Германия в 1919 г. потеряла Мемель, порт на Балтийском море, который был превращен в **свободную** зону под эгидой Лиги Наций и под управлением президента, назначаемого Литвой. В последующие годы литовцы не смогли показать достойный пример уважения прав меньшинства, и, более того, находились в постоянном конфликте с Польшей, так как оспаривали права на владение городом Вильнюсом. Итак, Мемель был небольшим германским анклавом внутри зоны, переживавшей кризис. После 1933 г. нацисты, опираясь на Восточную Пруссию, завоевали доверие большинства населения этого анклава. В марте 1939 г. министру иностранных дел Литвы Йозасу Урбшису пришлось совершить мучительную поездку в Берлин. На следующий день после пражских событий, 22 марта, Риббентроп сообщил ему, что если Литва не желает подвергнуться германской бомбардировке с воздуха, то она должна смириться и уступить Мемель Германии, согласно договору, который был подписан несколько часов спустя, в ночь с 22 на 23 марта.

4.3. Конец политики «умиротворения»

4.3.1. ПРЕДВЕСТНИКИ НАПАДЕНИЯ НА ПОЛЬШУ

С октября 1938 г. стало очевидно, что следующим объектом нападения Германии станет Польша. Контроль над Польшей, по крайней мере, с конца XVIII века означал господство в Централь-

но-Восточной Европе. Если европейцы, прежде всего, Англия и СССР, хотели положить конец свободе действий Гитлера, то наступил момент для принятия определенных решений. Еще в марте 1939 г., до оккупации Праги, Гитлер решил устранить Польшу «как политический фактор в Европе» посредством быстрой и ограниченной военной акции, что стало бы предпосылкой для войны на Западе, которая готовилась им с большой осторожностью.

21 марта Риббентроп представил польскому послу Липскому ультиматум. Прежде, чем правительство Варшавы смогло сообщить о своем решении оказать сопротивление угрозам Гитлера, 25 марта фюрер объявил главнокомандующему сухопутными силами фон Браухичу свое намерение решить военным путем польский вопрос в целом (а не только спор о Данциге). 3 апреля он отдал приказ высшему командованию вермахта подготовить планы и предпринять соответствующие меры, чтобы осуществить нападение на Польшу «в любой момент, начиная с 1 сентября».

Первыми отреагировали англичане. На следующий день после пражских событий они начали менять свою политику в отношении Советского Союза, противопоставив идеологическим предубеждениям и концепции «санитарного кордона» такой серьезный фактор, как необходимость сдерживания Германии. Начались переговоры, которые продолжались до августа и постоянно прерывались из-за сопротивления поляков, не доверявших, и не без основания, своему восточному соседу. Польша поставила англичан перед дилеммой: прежде дать гарантии защиты Польши и лишь затем приступить к заключению соглашений с другими державами. Речь шла о выборе приоритетов: если в Лондоне признавали, что Советы теперь играют важную роль, то, следовательно, прежде необходимо успокоить поляков.

Такова была ситуация, в которой английское правительство в конце марта принимало решения. 31 марта 1939 г. Чемберлен, выступая в Палате общин, заявил: если какая-либо военная акция, даже в обстановке дипломатических переговоров, будет явно угрожать независимости Польши, и поляки сочтут жизненно необходимым оказать ей силовое сопротивление, то Великобритания придет к ним на помощь, то же самое сделает Франция (с которой в предыдущие дни правительство Лондона провело соответствующие консультации).

Это был первый сигнал об изменении политической линии. Был ли это серьезный поворот? Нужно внимательно изучить слова, использованные Чемберленом (следует учесть, что эти нюансы затем были использованы Черчиллем во время конференции в Ялте в 1945 г.). Англичане гарантировали только «независимость»

Польши, но, конечно, не целостность Польского государства. Отсюда следует вывод, что Чемберлен, еще не расстался с надеждами на «умиротворение», потому что не гарантировать целостность Польши означало оставить возможность для компромисса по вопросу о Данциге и «Польском коридоре».

После односторонней двойной гарантии 6 апреля состоялся визит полковника Бека в Лондон, и Чемберлен его заверил, что англичане готовы превратить одностороннее заявление в пакт о взаимопомощи. Переговоры начались сразу, но велись настолько медленно, что пакт был подписан только 25 августа после заключения советско-германского пакта, когда это соглашение уже не имело какого-либо практического значения.

4.3.2. ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ МИРНОГО КОМПРОМИССА

Эта медлительность была связана со сложностью и колебаниями, возникшими на других фронтах дипломатических переговоров. В течение весны и лета 1939 г. вплоть до начала финального этапа кризиса не было недостатка в более или менее внушающих доверие официальных контактах между членами германского правительства (в частности, Герингом, фон Вайцзеккером и Шахтом) и представителями Лондона, стремившимися вернуться к идее, отброшенной Риббентропом, возобновления дипломатических переговоров и достижения компромисса по колониально-экономическим проблемам.

Стоит отметить ряд наиболее важных моментов, тесно связанных либо с окружением Чемберлена, либо с антивоенной фрондой, существовавшей в Германии. Главным участником одного из эпизодов был молодой германский аристократ Адам фон Тротт цу Зольц, тесно связанный с английскими интеллектуальными кругами и доверенный сотрудник Вайцзеккера. Юный дипломат был «убежденным противником внешней политики Гитлера и системы нацистского правления». Фон Тротт исполнял обязанности государственного секретаря по иностранным делам, т.е. был главным сотрудником Риббентропа, и занимал столь значимое положение, что надеялся содействовать предотвращению катастрофы, которая приближалась и к его стране, и, как он полагал, могла бы нанести серьезный ущерб, прежде всего, Германии.

Фон Тротт прибыл в Лондон в начале июня 1939 г., чтобы реализовать замысел, разработанный вместе с Вайцзеккером и Вальтером Гевелом — одним из сотрудников Гитлера. Чемберлен выслушал его с вниманием и симпатией, поскольку у молодого человека были весомые верительные грамоты, и он был выразителем

интересов заслуживающих доверия кругов. Фон Тротт констатировал, что существуют возможности для переговоров. Однако возвращения в Германию его восхождение по иерархической лестнице было прервано Риббентропом, которому удалось сорвать готовившиеся козни соперников. Несмотря на то, что Гитлер был извещен о планах, обсуждавшихся в Лондоне, и в последующие недели фон Тротт получил разрешение на поездку в Великобританию, но доверие к нему в Лондоне рассеялось, и его стали принимать за нацистского агента, т.е. совершенно не за того, кем он был на самом деле.

В правительстве Великобритании и в Форин Оффис приступили к разработке новых планов. Англичане стремились установить контакты с Герингом, который был деятелем номером два в рейхе, и которого в эти дни Риббентроп отодвинул на маргинальные позиции, взяв в свои руки руководство переговорами с Италией и Советским Союзом. Но Геринг не отказался ни от тех позиций, которые он занимал в системе власти, ни от своих намерений стараться избежать военного решения кризиса. В этой ситуации были предприняты три дипломатические акции, порученные дипломатам и не имевшие большого успеха. Ведущим участником первой из них был шведский промышленник Аксель Веннер-Грен, который в конце мая встретился с Герингом и получил от него откровенное подтверждение его нежелания войны. Он тут же прибыл в Лондон и был принят Чемберленом. Но по неопытности швед не смог выработать предложения, достойные доверия или хотя бы обсуждения, поэтому его миссия провалилась.

Участником второго эксперимента был более достойный человек, Гельмут Вольтат, заместитель руководителя ведомства по осуществлению четырехлетнего экономического плана Германии и уполномоченный Геринга, связанный с ним личным сотрудничеством, участник многосторонних экономических и юридических переговоров разного рода (в частности, он участвовал в Бермудской конференции по вопросу о беженцах). К тому же он был личным другом сэра Горация Вильсона, руководителя государственной гражданской службы и весьма авторитетного советника Чемберлена. Вольтат при поддержке германского посла в Лондоне фона Дирксена и по своей личной инициативе в июне-июле 1939 г. попытался пересмотреть содержание возможного англо-германского соглашения. Однако он запутался, надеясь найти выход из кризиса с помощью экономических методов. Геринг поддержал его, тем не менее миссия Вольтата протекала трудно и застопорилась в очень напряженной обстановке июля-августа; именно в те дни потерпел фиаско Веннер-Грен, что усилило недоверие британцев.

Участник третьей попытки — другой шведский промышленник Биргер Далерус, в течение многих лет был личным другом Геринга. Он был убежден, что кризиса основан на недостаточном знании реальных намерений, и стремился восполнить этот пробел с помощью разъяснений обеим сторонам. Он хотел убедить Геринга в британской решимости, а англичан в существовании возможностей для переговоров. Он также прибыл в Лондон в начале июля, и его миссия пересеклась со второй фазой дипломатической акции Вольтата. Ему удалось организовать встречу между группой английских предпринимателей и Герингом, которая состоялась в начале августа на острове Силт (вблизи западного побережья Дании), но там не возникло серьезных предложений. В этих попытках не было ничего достойного внимания, и англичане, хотя и готовы были к обсуждению проблем, постепенно пришли к заключению, что никакой компромисс уже невозможен.

Как отмечает Д.С. Уотт, неудача этих последних усилий возобновить политику «умиротворения» была связана с ошибочными представлениями британцев. Предпринятые ими попытки основывались на убеждении, что «поведение англичан серьезно беспокоит немцев», которые, если и понимали, что не могут одержать бескровную победу, то согласны были пойти на компромисс. Это убеждение было глубоко ошибочным, поскольку не учитывалось обстоятельство, что контакты англичан с Герингом утверждали Гитлера во мнении, согласно которому Великобритания не в состоянии прийти на помощь Польше. Считалось, что англо-германские отношения являются стержнем европейской дипломатии, а это было большим заблуждением, ибо вся международная жизнь в Европе пришла в движение. «Наконец, предполагалось — писал Уотт, — что перспектива кровавой победы чужда Гитлеру. Но он вовсе не отвергал ее, более того, он продолжал о ней размышлять. Попытки договориться убеждали его, что англичане, не разделяя его стремления к войне, в последний момент дадут задний ход».

4.3.3. ПОИСК ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ КОАЛИЦИЙ

На дипломатическом фронте, действительно, все пришло в лихорадочное движение. Пассивное и боязливое отношение к акциям Гитлера постепенно сменилось рядом инициатив, не всегда скоординированных и зачастую противоречивых, которые в течение весны и лета радикально изменили обстановку. Прежде всего, они лишили Гитлера возможностей для бескровного маневра и показали необоснованность его постоянных обещаний не начинать войну.

Президент Рузвельт выступил, хотя и несколько обособленно, с инициативой, которая тогда казалась робкой и наивной. Захват Праги был для него тревожным сигналом относительно нацистских намерений, но он понимал, что любое решительное вмешательство в европейские события в то время вызвало бы в США недовольство. Когда итальянцы вторглись в Албанию, он, используя ситуацию, нарушил принцип невмешательства и отправил Гитлеру и Муссолини послание (14 апреля 1939 г.) с требованием к ним продемонстрировать, что стремление к миру, о котором столь часто говорилось, являлось действительным курсом их международной политики. Поэтому он предложил двум правительствам принять десятилетнюю гарантию отказа от любых агрессивных намерений и известить об этом 31 государство Европы и Ближнего Востока, их список прилагался. Если оба адресата послания присоединятся к предложению, добавлял Рузвельт, несколько преувеличивая значение ограничений, налагаемых Актом о нейтралитете, то Соединенные Штаты согласятся участвовать в переговорах о разоружении, о сокращении барьеров в международной торговле и в рассмотрении текущих политических проблем.

Муссолини не ответил, но охарактеризовал предложение Рузвельта как «абсурдное»; две недели спустя, Гитлер во время выступления в рейхстаге, которое Рузвельт расценил как личный выпад, отрицал, что Германия питает агрессивные намерения. Акция американского президента была столь неожиданной и изолированной, что странно было бы ожидать другой реакции.

Тем не менее, Рузвельт не преминул подчеркнуть значение этого послания, подкрепив его еще более красноречивыми инициативами. Через американских послов в Париже и в Варшаве он выразил намерение Соединенных Штатов поддержать европейские державы в их противостоянии дальнейшему расширению германской агрессии. Обещание Рузвельта становилось еще более весомым, благодаря осознанию того, что исход борьбы, в конце концов, будет зависеть от американской позиции. Отношение Рузвельта, и это стоит повторить, было еще нечетким и, казалось, наивным. Но оно послужило напоминанием всем заинтересованным сторонам, что однажды, в 1917 г., американское вмешательство уже имело решающее значение и что новые выступления, слишком дестабилизирующие обстановку, вызывают тревогу в планетарном масштабе, а влияние американской державы в мире весьма значительно. Если прямое обращение к Германии и Италии Муссолини оценил по-своему ярко, то Гитлер недооценил его, поскольку был убежден, что сможет, как всегда, быстро опередить решения других держав.

Сдвиги на международной арене непосредственно затрагивали другие страны Европы. Франция в тот момент одной из первых в полной мере глубоко прочувствовала, как трудно находиться в изоляции. Длительный период разочаровавшей политики «умиротворения» повлек за собой уменьшение доверия к Великобритании; новые идеи, исходившие из Лондона, имели характер пожеланий и двойственность гарантии, предложенной Польше, лишь подтверждала это. Даладь добивался большей определенности от англичан, но в каком направлении двигаться было неясно.

Попытка наладить отношения с Италией, нерешительно принятая в начале 1939 г., стала задачей параллельной дипломатии. Поль Бодуэн, президент Индокитайского банка, должен был прибыть с миссией в Рим. Ему предстояло собрать информацию о возможности подлинного сближения с Италией. Муссолини и Чиано не заняли негативную позицию и уточнили, что требования Италии касались только Джибути и железной дороги на Аддис-Абебу, Суэцкого канала и Туниса. Эти три вопроса постоянно фигурировали в ходе итало-французских переговоров. Участники переговоров в январе не смогли ни о чем договориться, но сохранили контакты даже после захвата Праги, когда итальянцы почувствовали, что вес «немецкого друга» становится слишком угрожающим. Еще в мае накануне заключения Стального пакта французы задумались о том, насколько своевременно было возобновлять диалог, который они, к тому же, не очень хотели продолжать, и в результате оставить Муссолини в состоянии неустойчивого равновесия между Германией, вызывающей все меньше доверия, и Великобританией, политика которой становилась все менее внятной.

Доступ к Балканскому полуострову для Франции был закрыт. После чехословацкой катастрофы и успехов Венгрии старые друзья Франции попытались приспособить свою политику к новой ситуации. Оставалось лишь два пути, но оба находились в зависимости от английской политики: путь прямых гарантий Польше и соглашение с Советами. 4 мая генеральные штабы Франции и Англии, обсуждая возможность включения Польши в общую стратегию, постановили: если Польша окажется «захвачена Германией, то ее судьба будет зависеть от исхода конфликта в целом», а не от непосредственного вмешательства двух стран в польско-германскую войну, «что было бы в военном отношении лишено смысла и, следовательно, не могло иметь места» (так отмечает Дж. Р.М. Батлер, историк военной стратегии Великобритании). Отсюда следовало, что любое обязательство, которое французы (и англичане) взяли бы на себя относительно Польши, не могло принять форму немед-

ленной и эффективной помощи. Впрочем, это отвечало большей части консервативного общественного мнения Франции, что точно было воспроизведено в названии статьи, опубликованной 3 мая Марселем Деа в «Эвр» под заголовком «Умереть за Данциг?», где риторический вопрос подразумевал негативный ответ.

Внешнеполитическая деятельность Парижа учитывала эти настроения. Союзный франко-польский договор 1925 г. был обновлен 12 мая 1939 г. В военном соглашении, которое оба генеральных штаба подписали 19 мая, было установлено, что французская армия начнет генеральное наступление на границе с Германией пятнадцать дней спустя после нападения Германии на Польшу при условии, что военное соглашение будет подкреплено политическим договором. Однако, известно, что с подписанием протокола о политическом соглашении не торопились, его заключили только 4 сентября, когда началась война — соответственно, французские войска должны были начать наступление 19 сентября. Стоит заметить, что до этой даты, уже 17 сентября польское правительство, ставшее жертвой молниеносной гитлеровской войны, бежало за границу. «Решающим был тот факт, — комментирует Хильгрубер, — что франко-британские соглашения от апреля 1939 г. о совместных военных действиях исключали французское наступление в этом случае».

4.3.4. ПРОБЛЕМА СОВЕТОВ

Совсем другое значение могло иметь соглашение с Советским Союзом. Сразу после захвата Праги англичане предприняли в этом направлении первые шаги, согласованные с Польшей, а приоритет союза с Варшавой привел к односторонней гарантии от 31 марта. Французы рассчитывали на возрождение пакта 1935 г. и на его расширение с включением Великобритании, Польши и Румынии, чье правительство было серьезно обеспокоено намерениями Германии.

Задача состояла в том, чтобы выяснить готовность Советов действовать в том же направлении, и Москва незамедлительно ее подтвердила. 13 апреля советский посол в Париже Суриц встретился с Бонне и предложил ему соглашение на условиях взаимности, которое предусматривало немедленную помощь Советского Союза Франции, если последняя окажется в состоянии войны с Германией из-за предоставления помощи Польше и Румынии. Это было началом долгих и полных неожиданностей переговоров, в которых важную роль играли предубеждения и недоверие, но, прежде всего ход переговоров определялся новым международным положением Советского Союза.

Так, если Соединенные Штаты начали издали присматриваться к вызывавшей опасения политике Гитлера, и Рузвельт предпринял первые, хотя и безрезультатные акции, то другая великая держава, до того времени остававшаяся на обочине европейской политики, оказалась вовлеченной в средоточие противостояния в силу своего динамизма и географического положения. Роль СССР после пражских событий весьма отличалась от той, которую он играл в годы подъема нацизма, когда только началось его сближение и попытки сотрудничества с демократическими странами, поскольку во внутренней жизни многих европейских государств сложились новые политические формы: народные фронты или пакты о единстве действий.

После 31 марта 1939 г., как отмечают дипломаты того времени, а также историки, позже изучавшие эти события, Советский Союз приобрел новый вес в международных делах. Британские гарантии Польше (за которыми последовало подтверждение гарантий со стороны Франции), действительно, придавали Сталину уверенность, что Германия никогда не сможет напасть на Советский Союз, не вызвав враждебной реакции Великобритании и Франции. Ведь для подобного нападения необходимо было пересечь территорию Польши, которая отказалась выступить союзником Германии и заняла позицию противодействия германскому экспансионизму.

Необходимо внимательно проанализировать последствия этих изменений. До Мюнхенской конференции Сталин мог считать, может быть, и не без основания, что стратегия западных капиталистических держав относительно Германии заключалась в том, чтобы направить ревизионистский экспансионизм Гитлера против Советского Союза: ориентировать Гитлера на восток в его поисках жизненного пространства для Германии, возможно, с потенциальным заключением соответствующего соглашения с Польшей. Британская гарантия Варшаве рассеивала эти опасения и придавала Сталину уверенность в других предположениях, противоположных тем, которыми он руководствовался прежде в своей международной деятельности.

Иначе говоря, эта уверенность трансформировалась в свободу действий, потому что с тех пор Сталин, оценив значение полученных Польшей гарантий и рассматривая их как прикрытие, которое обеспечивало Советскому Союзу почти абсолютную безопасность, получил возможность радикально пересмотреть стратегию советской внешней политики в соответствии с духом времени. Как бы это ни выглядело парадоксально, стратегический выбор английских и французских дипломатов позволил Сталину освободиться

от необходимости соглашения с Западом и дал ему возможность действовать с наилучшими результатами для СССР. Исходя из понимания того, что для Сталина с его беспредельным прагматизмом не было существенного различия между германским капитализмом и капитализмом англо-французского толка, становится ясно, что, если отвлечься от геополитических построений, у него появились возможности, партнеры и подходящий момент для тех договоров, которые он в итоге подписал.

Первым ярким свидетельством новых установок Сталина стало грубое и резкое смещение 4 мая 1939 г. со своего поста министра иностранных дел Литвинова, который был ведущим участником и символом политики сотрудничества с западными державами. На его место был назначен Вячеслав Молотов, мало известный за пределами Советского Союза, но способный очень жестко выполнять директивы Сталина.

В сущности, Сталин оценил сложившуюся ситуацию весьма цинично. Не было сомнения, что при первой возможности Гитлер попытается установить свой контроль над Польшей. Еще можно было спорить, произойдет ли это мирными или военными средствами, но время шло, а успехов в ходе переговоров не было, и более того, обостренная непримиримость Англии и Франции в сочетании с жестким польским национализмом делали все более вероятным военное решение. Гитлер, действительно, вскоре осуществил это решение, а западные державы не смогли в короткие сроки организовать ему эффективный отпор, учитывая разницу в уровне подготовки военных сил.

Перед Сталиным в краткосрочном плане стояла задача выбора между тремя вариантами действий: 1) противостоять Гитлеру даже и в военном плане (но где и как, если не на польской территории?), рискуя при этом вскоре увидеть на советской границе враждебную германскую армию, победившую Польшу; 2) сохранить нейтралитет в войне, исход которой был predetermined, и готовиться к тому, чтобы в будущем сделать свой выбор; 3) договориться с Гитлером за счет Польши и в качестве выигрыша получить сразу ощутимые результаты, которые через некоторое время способствовали бы укреплению советской безопасности. При этом имелась весьма вероятная возможность, что, одержав победу над Польшей, Гитлер сможет, рано или поздно, напасть на СССР.

Назначение Молотова подтверждало, что Сталин учитывал эту новую свободу действий и вел свою дипломатическую игру, выбирая наиболее удобный момент. 11 мая газета «Известия» опубликовала статью, которая выражала разочарование Советов тем, что их предложение пакта о взаимопомощи не было положительно принято ни французами, ни англичанами, которые от-

казались предоставить взаимные гарантии Советского Союзу. Переговоры продолжались, но именно в эти дни в Москве советская дипломатия возобновила контакты с германскими представителями ввиду оттепели в экономических отношениях, которая вскоре могла приобрести и политический характер. Ничто больше, чем это совпадение, не могло бы столь красноречиво подтвердить, что в 1939 г., в период между серединой мая и 23 августа, Сталин одновременно играл на двух столах, пока не решил, что необходимо сделать прогерманский выбор.

4.3.5. НАКАНУНЕ СОВЕТСКО-НАЦИСТСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

Вплоть до этого выбора, последствия которого могли стать решающими, Сталин и Молотов оставляли открытой дверь для антигерманского соглашения, демонстрируя свою готовность продолжать переговоры, намеченные на апрель. В течение мая французы, англичане и Советы основательно обсуждали проблему соглашения — при этом ощущался трудно уловимый, но ощутимый страх нового импровизированного Рапалло. Французам удалось убедить англичан в том, что Гитлера можно остановить, только показав во что обойдется ему военная авантюра. 24 мая британское правительство признало принцип трехстороннего соглашения о взаимной гарантии, и через несколько дней об этом решении Лондона было сообщено Молотову.

Началась решающая и наиболее сложная фаза переговоров, во время которой Молотов, воспользовавшись колебаниями англичан и французов, подготовил почву для соглашения с германским руководством. Советские предложения имели в виду обязательства, более обширные, чем те, что предусматривались англичанами и французами. Последние были убеждены, что само существование соглашения между крупнейшими европейскими державами изолировало бы Гитлера, ограничив его дипломатическое пространство «Стальным пактом», а это заставило бы фюрера пересмотреть планы своих действий.

Сталин, напротив, хотел придать соглашению большую значимость, чтобы Советский Союз участвовал в договоренностях, обеспечивавших гарантии всей Европе, иначе говоря, стал бы арбитром мира в Европе. Кроме того, Сталин стремился подчеркнуть важность военного аспекта: если СССР должен защищать Польшу от нападения Германии, то как он сможет выполнить свои обязательства, не получив от Варшавы разрешение на проход советских войск по установленному коридору на польской территории?

Важно отметить, что «военная» концепция соглашения, которую отстаивали Советы, контрастировала с «политической» концепцией англичан и французов; советская концепция создавала на пути переговоров такое большое препятствие, которое было очень трудно обойти. Два аспекта проблемы весьма усложняли ситуацию: глубокое и обоснованное недоверие Польши к Советскому Союзу и правовая сторона достижения договоренностей. Дело в том, что Польша на тот момент не участвовала в соглашении, которое предусматривало бы передвижение войск на ее территории без консультации с правительством Варшавы — иначе поляки выдвинули бы легко предсказуемые возражения. Трудности возникли и при обсуждении проблемы прибалтийских стран, на которые Москва хотела распространить свою «гарантию». С ними даже не предусматривались консультации, хотя французы, в отличие от англичан, были склонны уступить требованиям Советов в этом вопросе.

В сложившейся ситуации переговоры с трудом были дотянуты до конца июля, когда они достигли критического момента. Молотов 23 июля решил инициировать немедленное начало их заключительной фазы в Москве, где представители западных держав должны были представить свои предложения. Дискуссии начались 12 августа под председательством маршала Ворошилова, но с самого начала возникли сомнения в ее эффективности, так как военные представители Англии и Франции не имели достаточных полномочий.

Обсуждение почти сразу уперлось в ключевую проблему: как заставить поляков принять то, с чем у них не было ни малейшего намерения согласиться? Поскольку они были уверены, что, если разрешат русским вступить на польскую территорию, то те уже никогда не уйдут. Последнее совещание представителей трех держав прошло 21 августа в Москве. Франция предложила двусмысленную формулировку, согласно которой соглашение было бы возможным без учета мнения поляков. В тот момент эта дипломатическая уловка была бесполезной, потому что Сталин уже сделал свой выбор в пользу Германии.

4.4. Реакция Италии на политику Германии

4.4.1. АЛЬТЕРНАТИВЫ ИТАЛЬЯНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ?

Италия была меньше затронута новой волной дипломатической активности Гитлера, но проявляла не меньший интерес к тем переменам, которые Мюнхен и захват Праги вызвали в Европе.

Размах перемен был столь значительным, что привел к существенному ослаблению позиций Италии и уменьшению роли Муссолини в качестве арбитра судеб мира в Европе, которую он играл в Мюнхене. Почтительность же, неизменно демонстрировавшаяся фюрером Муссолини, воспринималась дуче как постоянное свидетельство признания его ведущей роли в дружеских отношениях двух лидеров.

С развитием кризиса Муссолини мог выбрать один из двух путей в отношении Германии. Он мог, добиваясь реализации целей итальянского ревизионизма, пойти на тесный союз с Германией, а мог действовать более гибко и ограничить сотрудничество с Берлином обязательствами, не закрепленными в письменной форме. Первый вариант был значительно более рискованным для Италии, потому что он позволял Гитлеру полностью предвидеть будущее поведение Муссолини. Гитлер хорошо понимал, что устремления Германии затрагивали интересы Италии и, несмотря на существование «Оси», демонстративное сотрудничество в Испании и частые контакты между фашистскими и нацистскими генералами, боялся лавирования итальянской дипломатии, т.е. его пугала возможность полного восстановления «определяющего веса» Италии. Это объясняет, почему в 1938 г. он сам и Риббентроп неоднократно поднимали вопрос о подписании союза.

Мотивации стремления Гитлера к заключению союза раскрывали причину колебаний Рима. Муссолини упрямо сопротивлялся формальному закреплению двусторонних отношений, потому что не был намерен связать себя обязательствами с Германией, отличавшейся неконтролируемым и непредвиденным динамизмом. С точки зрения Муссолини, не было причин, которые заставили бы его согласиться с подписанием союза, грозившего отдать международную деятельность Италии на милость германской дипломатии. Тем более, что для Муссолини (он подтвердил это в сентябре 1943 г., после подписания перемирия, которое закрепляло поражение фашистской Италии во Второй мировой войне, когда отстаивал свою лояльность по отношению к союзнику) была характерна своеобразная психологическая установка, приобретенная с опытом 1914–1915 гг., относиться с уважением и лояльностью к подписанным пактам и заключенным союзам: правило, ценимое им выше любых норм международного права, поскольку оно формировало представление, которое он хотел создать о себе и об Италии как о достойных доверия партнерах.

Лишь после захвата Праги Муссолини понял, что утратил ведущую роль в «Оси», и что господствующее положение занял Гитлер. Он согласился играть роль «второй державы» в неизбежном

союзном договоре с Германией. Альтернатива для Муссолини, выступавшего предвестником ревизионизма, была парадоксальной. Чтобы дистанцироваться от Германии, он вынужден был реагировать на ревизионизм, который превратился в явную ревизию именно тогда, когда ведущие страны Европы не были готовы немедленно и открыто выступить против Гитлера. Прежде всего, это были те страны, которые, как сторонники политики «умиротворения», считали, что Муссолини не полностью ошибался.

Поэтому оставался только один путь: лавирование между компромиссом и сотрудничеством. Муссолини выступал за сотрудничество не в силу идеологической близости, а поскольку думал, что, поддержав Германию, Италия сможет усилить свою позицию как в отношении Великобритании, дружба с которой была возобновлена на новой основе, так в отношении той же Франции, которая упорно отказывалась осознавать пользу сотрудничества с Италией в общеевропейском масштабе.

После Мюнхена и захвата Праги Муссолини стремился вернуться к традиционной для итальянской дипломатии политике лавирования, надеясь с ее помощью достигнуть целей, которых он постоянно добивался: сотрудничать с англичанами и вести переговоры с французами, чтобы восстановить ситуацию 1935 г. Для этого надо было поддерживать близость с германским ревизионизмом и, вместе с тем, сдерживать его, когда он угрожал интересам Италии.

Наконец, позиция Муссолини определялась насущной потребностью, которая не была столь острой для других держав: ему был нужен мир, он стремился к миру. В то время, когда страх войны охватил Европу, Муссолини очень хорошо понимал, что Италия нуждалась в мире, по крайней мере, в течение пяти лет. Это был минимальный срок для того, чтобы страна могла предпринять новые значительные усилия, если учитывать финансовую ситуацию страны и положение, в котором находилась итальянская армия после войн в Эфиопии и Испании.

Когда в январе 1939 г. вступили в силу «Пасхальные соглашения», Муссолини, принимая в Риме Чемберлена, понял, что воссоздание атмосферы «фронта Стрезы» уже невозможно, а политика «определяющего веса» не имеет более никаких оснований в связи с эволюцией международных отношений в Европе. Он почувствовал страх оказаться в изоляции, а потому начал склоняться к тому, чтобы согласиться в принципе на заключение, хотя и не на подписание официального текста союзного договора.

Итак, в марте 1939 г., в то время, как правительства Франции и Великобритании готовились пересмотреть свою внешнеполити-

ческую стратегию, Муссолини оказался в одиночестве перед акциями Гитлера, и в еще большем одиночестве в связи с растущей убежденностью Англии и Франции в том, что любая уступка, сделанная одному из диктаторов, приведет лишь к предъявлению новых требований. Вплоть до захвата Праги он сомневался и колебался. После 15–16 марта 1939 г. положение Италии стало драматичным. На следующий день после гитлеровской акции Муссолини выступил на Большом фашистском совете с речью, в которой кратко охарактеризовал политику в Европе после 1933 г., сказав в заключении, что проблема Италии состоит в сохранении «равновесия сил внутри Оси». Он сказал далее: «Мы должны увеличить свой вес по сравнению с нашим товарищем по Оси». Это означало, что концептуально он уже рассматривал Италию только в рамках союза с Германией.

После оккупации Праги поведение Германии лишь подтвердило эту оценку. 16 марта 1939 г. Гитлер поступил с Муссолини точно так же, как год назад, т.е. не потрудился проконсультроваться с ним и не принял во внимание интересы Италии даже в минимальной степени. Отношение Англии и Франции к гитлеровской акции показало, что наступление всеобщего кризиса опасно приблизилось. И снова Муссолини вынужден был констатировать, что Ось являлась альянсом, который приносил результаты только одной стороне.

Политическую проблему этого момента было легко определить, но не легко решить. Как установить равновесие сил «внутри Оси», т.е. как поставить Гитлера в определенные рамки? Или, по крайней мере, как заставить его действовать более предсказуемо, либо предупреждать друга и почти союзника о сюрпризах с дестабилизирующими последствиями?

Ответом на эти вопросы, кажется, стала оккупация Албании, совершенная по настоянию Чиано 7 апреля и завершенная за два дня. Чиано еще в 1937 г. предлагал предпринять это вторжение, но только после аншлюса в марте 1938 г. добился согласия Муссолини осуществить его именно с намерением как продемонстрировать самостоятельность Италии по отношению к Германии, так и подтвердить наличие серьезных интересов Италии на Балканах. Однако дуче отложил исполнение этого замысла, потому что предпочитал, чтобы он был осуществлен с согласия Югославии. В 1939 г. он оказался в ситуации, когда был вынужден действовать в одиночку. Но то, что в 1938 г. имело бы антигерманскую направленность, в 1939 г. оказалось не более чем имитацией гитлеровского пиратства. Захват Албании вызвал тревожные отклики во всех неревизионистских странах Балканского полуострова и породил

абсолютно негативную реакцию во Франции, где недоверие к Италии получило новое и обоснованное подтверждение. Даже Чемберлен был разочарован и раздражен. Его надежды вернуть Италию в антигерманский фронт с этого момента и на определенный период времени были утрачены.

С другой стороны, оккупация Албании была запоздалым и недостаточным шагом, чтобы уравновесить рост мощи Германии. Поскольку отношения с Великобританией и Францией серьезно ухудшились, то Муссолини ничего не оставалось, как попытаться контролировать действия Гитлера, что неизбежно было связано с подписанием взаимообязывающего соглашения, которое «вынуждало бы» Германию официально консультироваться с итальянским правительством о тех акциях, которые она намерена предпринять.

4.4.2. «СТАЛЬНОЙ ПАКТ» ОТ 22 МАЯ 1939 Г.

Существуют различные толкования как психологического, так и политического характера того, почему Муссолини решил в начале мая 1939 г. дать согласие на подписание соглашения с Германией. Каково бы ни было объяснение поворота, однако, представляется очевидным, что политическая цель Муссолини заключалась в том, чтобы дать Италии возможность планировать с достаточной точностью и с необходимой последовательностью дальнейшие шаги своей международной политики. Поскольку все остальные дипломатические средства оказались неэффективными, и Гитлер продолжал действовать самостоятельно, как будто он был единственным актером на европейской политической сцене, необходимо было выработать обязывающий консультационный механизм, чтобы помешать этому моноспектаклю.

В конце 1938 и в первые дни 1939 г. Муссолини, услышав вновь отказ Франции обсудить требования Италии, был готов принять новое решение. Реализовать его он поручил Чиано на основе некоторых предварительных проектов, разработка которых началась с мая 1938 г. (с момента визита в Рим Гитлера) и была завершена в период с января по начало мая 1939 г. Для заключительного обсуждения в Италию, в Милан, был приглашен Риббентроп. Встречи состоялись 5 и 6 мая. В те же самые дни министр иностранных дел Германии стремился договориться о подписании соглашения с Японией, которое придало бы Антикоминтерновскому пакту действенный характер и направленность, явно угрожающую Советскому Союзу.

Германия еще не сделала окончательного выбора между союзом с западными державами и СССР, так как Молотов недавно

стал министром иностранных дел, и немцы не могли еще в полной мере оценить смысл произошедших перемен до возвращения Риббентропа в Германию. Во время переговоров с Чиано германский министр Риббентроп вел себя демонстративно сдержанно. Он пояснил, прибегнув к иносказаниям, что в намерения Германии не входит использовать военные средства для решения спорных вопросов с Польшей. Он заверил графа Чиано, что Германия также не хотела бы быть вовлеченной в войну на два фронта, что она не готова пока к широкомасштабной войне. Чиано отметил, что согласен с принципами подготовленного союза, но ясно и настойчиво подчеркивал тот факт, что Италия, даже подписав союзные обязательства, будет не в состоянии принять участие в военном конфликте еще в течение трех–пяти лет. Риббентроп, со своей стороны, без труда дал заверения на этот счет.

Подготовить текст договора с немислимим легкомыслием было поручено только немцам, и Чиано не придавал значения четкому формулированию пунктов, призванных защитить интересы итальянской стороны. Согласно Пасторелли, с большим основанием можно считать, что Муссолини был даже не знаком с точным текстом обязательств по договору, которые его министр готовился подписать и которые находились в существенном противоречии с предварительными материалами, подготовленными в предыдущие месяцы.

Договор, подписанный в Берлине 22 мая и известный как «Стальной пакт», официально был двусторонним союзом, который содержал несколько традиционных статей. Статья 1 обязывала стороны находиться в «постоянном контакте» с целью добиваться согласия по всем вопросам, касающимся взаимных интересов или европейской ситуации в целом. Это было такое обязательство о консультациях по всем вопросам, которое, по всей вероятности, послужило Муссолини предпосылкой для принятия решения о заключении союза.

Статья 3 пакта содержала необычный пункт, потому что в нем устанавливался *casus foederis*, который утверждал взаимные обязательства сторон оказывать помощь «всеми силами на земле, на море и в воздухе», в случае если одна из сторон окажется вовлеченной в осложнения военного характера. Не делалось никакого различия, как обычно было принято, относительно характера войны: оборонительного или агрессивного. Хорошо известно, что по традиции союзные договоры вступали в силу в случае «неспровоцированного нападения» со стороны третьей державы. Итак, с одной стороны, Муссолини теоретически получал право на то, чтобы Гитлер постоянно с ним консультировался, с другой, — он

оказывался связанным обязательством о вступлении Италии в войну на стороне Германии, каков бы ни был характер — оборонительный или агрессивный — германской политики. Между тем, усиленные попытки Риббентропа включить в союз также и Японию провалились, и это создавало предпосылки к тому, чтобы Гитлер начал серьезные переговоры с Советским Союзом.

Опасность «Стального пакта» заключалась и в том, что интересы Италии в нем фактически не были ограждены. Как отмечает Уотт, виной тому была небрежность итальянской дипломатии, не включившей ни одной выражавшей интересы Италии статьи, которая обязывала бы союзников не начинать войну в течение трех лет (как Риббентроп заверял Чиано перед подписанием в Берлине); ничего не было сказано о Балканском полуострове, об Альто Адидже, о Польше.

В последующие дни внимание Муссолини было обращено на эти лакуны — либо военные предупредили его о необходимости внести уточнения, либо, наконец, дуче осознал, как поясняет Пасторелли, что одобрил подписание документа, серьезно отличавшегося от того, который он намеревался принять, и приказал подготовить памятную записку, где оговаривались бы пределы итальянских военных обязательств. Этот документ, известный как «Памятная записка Каваллеро» по имени генерала, которому было поручено вручить ее немцам, расценивался Муссолини в качестве составной части соглашения о союзе, хотя Германия никогда не давала точного и недвусмысленного согласия на подобную интерпретацию.

В записке Муссолини подчеркивал, что «Италия не намерена ускорить войну общеевропейского характера, но убеждена, что она неизбежна», поскольку предвидит, что «треугольник Лондон—Париж—Москва будет стремиться — в мирное время — всячески нанести ущерб державам Оси». Далее он уточнил, что Италии нужно время для подготовки, по крайней мере, в течение всего 1942 г. и «только с 1943 г. и в последующем» военные усилия приведут «в перспективе к большой победе».

Вверяя этот документ генералу Каваллеро с тем, чтобы он вручил его лично Гитлеру, Чиано добавил уточнение для Риббентропа: «Генералу Каваллеро я поручил конфиденциальный документ, подготовленный дуче, который особенно важен для развития военного и экономического сотрудничества между нашими двумя странами». Иначе говоря, обязательства, взятые устно, должны были быть подтверждены письменно, чтобы концептуально составлять единое целое со «Стальным пактом». Эти уточнения и дальнейшее развитие двусторонних отношений заставили обе

стороны задуматься о необходимости встречи «в верхах» между двумя диктаторами. Встреча была запланирована на 4 августа. Исторические источники совершенно определенно подтверждают, что Муссолини считал встречу наилучшей возможностью снова подтолкнуть Гитлера к компромиссу и новому Мюнхену и созвать с этой целью конференцию, но снова не допустить участия в ней СССР.

Итак, постоянно оставалось «окно возможностей» для двусмысленного толкования обязательств по договору, окно, которое итальянцы пытались закрыть, но которое немцы, наоборот, старательно держали открытым, потому что это давало им невероятную свободу маневра. Если Муссолини полагал, что мучившая его основная политическая проблема решена подписанием договора с отсроченным введением его в действие, т.е. с таким часовым механизмом, который предоставил Италии время, необходимое для обретения вновь свободы действий на западе, то он обманывался, потому что непредусмотрительно согласился принять всерьез данные ему устные гарантии, которые ни Гитлер, ни Риббентроп не имели ни малейшего намерения соблюдать. Теорема внешней политики Муссолини была разрушена его собственным решающим шагом. Идея избегать определенных решений, чтобы всегда иметь свободу действий и максимально увеличивать возможности Италии, свелась к кусочку шагреновой кожи, да и тому спустя несколько недель Германия не оставила места. Она поставила своих союзников перед суровой реальностью других, уже подготовленных решений, полностью проигнорировав обязательство о консультациях, подписанное 22 мая, и жестко обозначив пределы «державной политики» Италии.

4.5. Балканские отклики на германский ревизионизм

4.5.1. РАЗРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ 1919 г. НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Германия не развертывала своих действий непосредственно на Балканском полуострове, но они вызвали там большой отклик. После аншлюса политическое равновесие в регионе испытало мощное потрясение. Мюнхенская конференция и последовавшие за ней события, вплоть до итальянской оккупации Албании, показали, каким непрочным было положение отдельных стран, продемонстрировали, какой опасности подвергались многие из них. После того, как Малая Антанта пережила уход со сцены Бенеша,

угроза стала еще более ощутимой в связи с нестабильностью положения в Югославии и Румынии; кроме того, опасность нависла над Грецией и Турцией (поскольку Турция была непосредственно связана с происходившим на Балканском полуострове отчасти в виду географического положения, а также в силу стратегических причин более широкого плана).

Внутреннее положение в государствах этого региона было весьма неустойчивым не только вследствие жестокой борьбы между отдельными группировками, но, прежде всего, в связи с международной ситуацией. С этой точки зрения казалось, что до 1934 г. на Балканах господствовала Франция и что Барту был в 1934 г. близок к созданию стабильного и прочного союза, но дальнейшие события привели к резкому изменению ситуации. Только Балканская Антанта, предложенная Турцией, противостояла этой тенденции.

В 1930 г. Кемаль-паша сумел нормализовать отношения с Грецией, подорванные войной 1920–1923 гг., подписав договор о дружбе. Обе страны, действительно, имели общие интересы и общих врагов: режим в Восточном Средиземноморье; экспансионистская политика Италии на Балканах; имманентная германская стратегия проникновения в регион; необходимость защищаться от Советского Союза. Политика Турции и Греции обеспечила им твердую поддержку Великобритании, более того, оба государства представляли и продолжали представлять опорные пункты британской системы на Ближнем Востоке. Для Франции обстоятельства складывались иначе: ее отношения с Турцией были серьезно осложнены спорами о границе между Сирией и Турцией и проблемой Александреттского санджака. На базе этой возобновленной дружбы между Турцией и Грецией было нетрудно присоединить к Антанте также Югославию и Румынию. На основе соглашения от 9 февраля 1934 г. была создана Балканская Антанта, т.е. пакт о взаимных консультациях и взаимопомощи.

Соглашение, однако, стало своего рода лебединой песней балканских стран, надеявшихся закрепить порядок, который сложился после войны. Все страны, выступавшие против ревизионизма, постепенно, но быстро, оказались под угрозой давления Германии, Италии или СССР. Всем пришлось сделать трудный выбор, который вынуждал пожертвовать концепциями внутренней политики во имя защиты национальной независимости. Наибольшей угрозе подвергались Румыния и Югославия. Румынию, прикрытую со стороны Чехословакии, окружали противники: Болгария, Венгрия и, прежде всего, Советский Союз. Поддержка Франции была полезной, но румыны с 1926 г. стремились урав-

новесить влияние Франции сближением с Италией. В 1934 г. после итало-австро-венгерских соглашений и после Венского путча, Румыния с возрастающим чувством страха ощущала свою изолированность от остальной Европы и опасность, грозящую ей на любом направлении, за исключением Чехословакии.

Пока Николае Титулеску, горячий поборник политики коллективной безопасности и Лиги Наций, оставался министром иностранных дел, ему удавалось сохранять профранцузскую ориентацию румынской политики. Но в 1936 г. король Кароль II заменил его, поскольку в этот период он стремился столкнуть между собой различные политические силы внутри страны (либеральную партию, демократическую партию, крестьянскую партию и движение «железной гвардии», откровенно фашистского толка). В декабре 1938 г. Кароль распустил партии и создал Фронт национального возрождения, который должен был управлять страной в условиях надвигающегося кризиса, но в действительности был лишь преданным ему политическим формированием, которое возглавил способный политик Арманд Калинеску, министром иностранных дел стал Грегори Гафенку.

С 1936 г. и до декабря 1938 г. Румыния находилась в мучительной нерешительности относительно международной ориентации, пока Мюнхенская конференция, падение Чехословакии и возрастающее влияние Венгрии не показали ей, насколько велика опасность. В тот момент она, действительно, была окружена только врагами и могла искать поддержку лишь у своего традиционного противника, Советского Союза. Румыния оказалась в безвыходной ситуации, она не могла рассчитывать и на односторонние франко-британские гарантии, провозглашенные 13 апреля после итальянской оккупации Албании.

Не менее трудной была ситуация в Югославии, которая к тому же осложнялась напряженными отношениями внутри государства между различными этническими группами, проблемами наследования королем Александру и действиями террористов, особенно в Македонии, получавших финансовую подпитку из Болгарии (при поддержке Италии). Уже в 1934 г. Югославия еще в большей мере, чем Румыния, была окружена враждебными странами. Положение представлялось терпимым, пока Югославия могла рассчитывать на поддержку Франции, но в 1935 г. после заключения соглашения между Муссолини и Лавалем, которое продемонстрировало заинтересованность французов в договоре с Италией, в Белграде особенно остро ощутили свою изоляцию.

Более того, Германия, стремившаяся преодолеть трудности, связанные с периодом большой депрессии, начала мощное эко-

номическое проникновение на территорию Югославии, которое усилилось после *аншлюса*. Регент Павел в 1935 г. призвал к управлению страной Милана Стоядиновича, руководившего политической жизнью Югославии в течение нескольких лет. Стоядинович считал, что во внешней политике Югославии преобладающим должно стать укрепление отношений с западными державами. Регент, напротив, ориентировал югославскую политику преимущественно на отношения с Германией и на поиски согласия с Италией, что, как он полагал, ослабило бы опасность изоляции страны.

Действовать в этом направлении регента толкали и перемены, происходившие в Болгарии, где король Борис III под давлением Германии отказался от враждебного отношения к Югославии и поддержки банд македонских ирредентистов. В январе 1937 г. Югославия и Германия подписали пакт о вечной дружбе, который стал шагом навстречу Германии. Когда Чехословакия была разделена, а Венгрия получила наибольшую выгоду от этого расчленения, югославы поняли, в какой ситуации они оказались. Стоядинович был отправлен в отставку, его сменили Драгиша Светкович и Александр Синкар-Маркович на посту министра иностранных дел. Регент посетил как Берлин, так и Лондон и начал переговоры с целью изменить внешнеполитическую ориентацию на антигерманскую. Он отдавал себе отчет в том, что наступление ревизионизма может только нанести ущерб Югославии, а потому необходимо согласовать общую военную стратегию с Великобританией, Грецией и Турцией. Но при этом предполагалось, что с востока на Германию окажет давление англо-франко-советский альянс, чего, однако не произошло. В канун войны Югославии угрожали весьма опасные контрудары, связанные с решениями Италии и Советского Союза.

Греция и Турция занимали в стратегическом отношении очень важные позиции, которые легко контролировали англичане. У Турции, находившейся до 1938 г. под руководством Кемаля Ататюрка, а затем назначенного им преемника Исмета Иненю, были все основания укреплять Балканскую Антанту либо, по крайней мере, ее южный фланг. Греция, где в августе 1936 г. была установлена диктатура генерала Метаксаса, ярого антикоммуниста и непримиримого националиста, придерживалась той же ориентации, потому что ей угрожала та же опасность.

Германское проникновение в Турцию под руководством фон Папена было упорным и настойчивым, хотя и безрезультатным. Министр иностранных дел Турции Шюкрю Сараджоглу без колебаний пошел на соглашение с Великобританией. 12 мая 1939 г. оба правительства обнародовали общее заявление об обязатель-

ствах оградить Восточное Средиземноморье от войны. Это был первый шаг к более тесному союзу, для заключения которого решающей оставалась позиция Советов.

И снова двойственная политика, проводимая Москвой с мая по август 1939 г., стала определяющей для выработки решений всех стран Дунайско-Балканской Европы. Ускорение заключения соглашения СССР с Англией и Великобританией усилило бы позиции защитников сложившегося порядка. Отсутствие такого соглашения придало бы решительности сторонникам перемен, в особенности пронацистским элементам в правительстве Венгрии. Противоречивость ситуации заключалась в том, что от решений Советов зависело сохранение или падение реакционных и консервативных режимов во всем регионе.

4.6. Советско-нацистский пакт

4.6.1. РАЗОЧАРОВАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Нарушив после подписания «Стального пакта» только что взятые на себя обязательства о консультациях с Италией относительно своих планов, по крайней мере, в общих чертах, Гитлер 23 мая созвал одно из самых больших совещаний нацистских руководителей, на котором выступил с продолжительной речью о своих целях и планах на ближайшие недели. «Мы находимся в ситуации, отличающейся национальным энтузиазмом и совпадением намерений с двумя другими государствами: Италией и Японией», — сказал Гитлер.

Затем он добавил: «Речь идет не о Данциге. Речь идет о расширении нашего жизненного пространства на Восток и обеспечении себя продовольственными ресурсами, а также о решении балтийской проблемы. Продовольствие можно найти только в малонаселенных районах. Немецкое рациональное управление в совокупности с плодородием почвы приведут к громадному увеличению запасов. В Европе нет иных возможностей... Проблема «Польша» неотделима от проблемы столкновения с Западом... Бесполезно надеяться на повторение того, что произошло в Чехословакии. Нам предстоит сражаться. Задача состоит в том, чтобы изолировать Польшу. Очень важно, чтобы удалось ее изолировать».

Изолировать Польшу означало вывести Запад из игры и помешать ему оказать полякам помощь. Почему возникла дилемма: атаковать сначала Польшу или прежде Францию и Великобританию? Гитлер дал уклончивый, но блестящий ответ. Очень многое

зависело от Японии. Гитлер стремился ускорить принятие решений японцами именно для того, чтобы получить более четкую перспективу действий в Европе.

Если СССР продолжит антигерманскую политику, полагал он, то это может повлиять на Японию: «Союз Франция–Великобритания–Россия против Германии–Италии–Японии заставил бы меня напасть на Великобританию и Францию и нанести им смертельный удар» даже, если придется, «молниеносно» нарушить нейтралитет Голландии. Не стоило питать иллюзий. Великобритания стала врагом «не на жизнь, а на смерть», и идея «дешево отделаться» была опасной: более того, «нереальной». Сдержанность, которую продемонстрировали японцы относительно планов тройственного союза с Германией и Италией, была связана с их заинтересованностью в проведении, если возможно, антисоветской политики, но только в тот момент и на тех условиях, которые устраивали Японию в наибольшей степени.

Отсюда вывод: подготовить нападение на Польшу, так чтобы незамедлительно вывести ее из игры, не позволив польской войне сразу же «соскользнуть» в более масштабный конфликт. Одновременно подготовиться к «долгой войне» с целью оккупации Голландии, Бельгии и Франции и заложить основы для победоносной войны против Великобритании. Проблема состояла в том, чтобы «при первой возможности» и под любым предлогом напасть на Польшу, изолировав ее дипломатически, чтобы затем начать войну против Великобритании. Отношения с СССР зависели от отношений с Японией. «Первая возможность», решил Гитлер, могла представиться 26 августа: на этот день было запланировано начало операций, которые готовились в глубокой тайне.

Как видим, цели Гитлера были ясны, но гораздо менее четко были определены условия и расстановка сил. Несомненно, что в этот период в Европе он был, возможно, арбитром международной ситуации. Но именно находясь в зените своего влияния, когда Гитлер, практически, мог сделать любой выбор, который облегчил бы достижение поставленных целей, он был одурманен собственным решением развязать войну, т.е. «показать миру мускулы» германской мощи, чтобы дальше сеять ужас и страх. В результате фюрер сделал ряд ошибок в оценке ситуации, что в дальнейшем привело его к поражению.

Гитлер питал большие и порой необоснованные иллюзии, так как был уверен, что Германия обладает огромным технологическим потенциалом и ей не хватает лишь некоторых видов сырья и «жизненного пространства». Он заблуждался и не сознавал, насколько шаткими были основы, на которых строилась его полити-

ка, он также неверно оценивал степень надежности созданных им союзов, в которых Германия тогда, по видимости, доминировала.

Полагая, что проводит подлинно державную политику, Гитлер сформировал союз слабых стран; он пренебрег анализом структурных данных и сравнением потенциалов производительных систем разных государств. Он недооценил, насколько серьезны колебания союзников Германии и не предусмотрел, что их нерешительность, отражая реальность ситуации, сделает коалицию, на прочность которой он рассчитывал, ненадежной, хрупкой, и, более того, она рассыплется у него в руках. Несмотря на то, что фюрер создавал о себе впечатление сурового реалиста и очень часто действовал с жестокостью, ставшей неизменной чертой его имиджа, он не заметил, как его идеологические концепции, пусть и ошибочные, превратились в ослеплявший фанатизм, уготовивший ему поражение, которое отразило реальное соотношение сил и систем ценностей. Итак, в общем, Гитлер еще до начала войны утратил возможность добиться успеха Германии. Учет конкретных альтернатив, имевшихся тогда у Гитлера, сегодня проясняет нам многое, что оставалось непонятным в тот момент.

4.6.2. АЛЬТЕРНАТИВЫ ГИТЛЕРА

В мае 1939 г. Германия поставила своей политической целью изолировать Польшу, дипломатическими средствами заставить ее уступить то, что, в противном случае следовало бы отнять у нее силой — этого результата Гитлер мог добиться, выбирая между тремя альтернативными вариантами действий. Первый из них был обращен к прошлому. Он был связан с иным видением британской политики, с переоценкой политики «умиротворения», с доверием к тем еще влиятельным силам как в Великобритании, так и в Германии, которые выступали за союз между двумя странами. Этот союз легко получил бы поддержку Италии, поскольку Муссолини мечтал реализовать свой давний план (1933 г.) ввести ревизионизм в определенные рамки и заставить Францию, как это произошло в 1938 г., принять неизбежное развитие событий.

Польша, при отсутствии какого-либо противовеса в Дунайско-Балканской Европе, была бы вынуждена принять компромиссное решение, которое хотя и предусматривало расчленение ее территории, но обеспечивало стране политическое выживание. Односторонние гарантии, которыми Польша располагала, не устраняли возможность подобного компромисса. Япония не должна была делать поспешный выбор в тот момент, когда она была не в состоянии принимать решения, и снова восторжествовала бы политика

сдерживания Советского Союза, которая до 1938 г. господствовала в европейской дипломатии, несмотря на советско-французский договор о дружбе от 1935 г.

Эта гипотеза о возможной расстановке сил, которая в свете развития кризиса после мая 1939 г. может показаться совершенно бесосновательной, была, наоборот, совершенно оправданной до того момента, когда 24 мая британское правительство согласилось, с колебаниями и оговорками, начать переговоры с Францией и Советским Союзом. Это был альтернативный вариант, который предполагал формирование блока с мощными ресурсами и перестройку отношений между европейскими государствами после ударов, нанесенных гитлеровским ревизионизмом.

Вторая возможная альтернатива состояла в одном из двух наиболее реалистических решений: заключив союз с Италией и Японией, превратить Антикоминтерновский пакт в подлинный союзный договор. Это несомненно придало бы соглашению между тремя авторитарными режимами антисоветский характер, столь желанный для Японии и Италии, и лишило бы смысла заверения, данные Польше, чья ненависть к Советам была Гитлеру хорошо известна. В этом случае Гитлер мог бы рассчитывать, что Польша, подвергшаяся нападению с запада, не получила бы поддержки с востока, потому что внимание Советского Союза было бы приковано к ситуации в Азии, и его совершенно не интересовала бы судьба режима в Варшаве.

Несмотря на мартовские гарантии и соглашения, заключенные в последующие недели, этот союз не вызвал бы немедленного протеста англичан и французов. В самом деле, как возможное открытие азиатского фронта, так и молниеносная германская акция поставили бы обе западные державы перед свершившимся фактом, что не могло помешать им выразить свой бурный протест, но заставило бы их действовать в очень сложной ситуации. Действительно, как они смогли бы атаковать Германию, победившую Польшу и избавившуюся от проблем на востоке, будучи неуверенными в возможности удачного исхода войны на фронте по Рейну?

Итак, чисто теоретически, без должной оценки подлинных сил, которые союзники, Италия и Япония, могли незамедлительно бросить в бой, этот вариант давал Гитлеру наилучшие возможности, позволял сделать промежуточный шаг, который почти без особых издержек (за исключением минимальных, связанных с кампанией в Польше) приводил его к успеху. Кстати, Гитлер не без оснований полагал: «Против Польши наши танки будут весьма эффективны, потому что у польской армии нет противотанковых

пушек. Там, где мощь армии не является решающим фактором, начинает играть свою роль элемент неожиданности и гениальности стратегии».

Оставалась третья возможность. Если бы Япония слишком долго колебалась в определении своего политико-стратегического выбора, то Германия рисковала попасть в кризисную ситуацию, поскольку Польша была бы не изолирована, так как Советский Союз мог оказаться вовлеченным в орбиту действий Англии и Франции. Эта ситуация вызвала бы определенный резонанс и на Балканском полуострове, где преобладание Германии было неоспоримо, хотя и уравновешено действиями Великобритании в Турции, Греции и Румынии. Оставалась, однако, открытой возможность англо-франко-русско-польской коалиции, которая, даже будучи внутренне непрочной, вывела бы Польшу из изоляции и заставила бы Германию выступать одновременно на двух фронтах.

Неуверенность японцев могла подтолкнуть Гитлера к выбору третьего пути, который, впрочем, был традиционным для германской политики, пути соглашения с Советским Союзом: о возможности соглашения упомянул Сталин еще 10 марта 1939 г. в речи на съезде ВКП(б). Ограничения этого выбора определялись соображениями идеологии и державной политики. Нацистская идеология должна была бы существовать в широком диапазоне от антикоммунизма до принятия коммунизма, что было для нее вполне возможно, но было бы трудно для итальянцев, поскольку антикоммунистический характер фашизма имел более глубокие исторические корни.

Кроме того, Гитлер должен был бы забыть или сделать вид, что забыл, по крайней мере, на какое-то время неизменные руководящие установки его внешней политики, в соответствии с которыми жизненное пространство Германии находилось на востоке: в Польше, на Украине, в Белоруссии и в странах Балтии. Это означало, что, даже признавая Великобританию врагом номер один для Германии, соглашение с Советским Союзом действовало бы не дольше, чем того требовали обстоятельства, и если Германия хотела поставить Европу под свой контроль, то рано или поздно она должна была бы выступить против временного союзника. Второй выбор не исключал этой опасности, однако, он уравновешивался давлением Японии на востоке. Решение заключить тактический союз со Сталиным, отодвинув окончательное объяснение на время (в 1939 г. было неизвестно, насколько оно будет продолжительным), определяло и выбор пути: более извилистого, а потому и более опасного.

4.6.3. ОТНОШЕНИЯ ГЕРМАНИИ С ИТАЛИЕЙ И ЯПОНИЕЙ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

В момент выбора между этими тремя стратегическими возможностями Гитлер понимал, что дипломатическое превосходство, которым располагала Германия до тех пор, пока он соглашался действовать мирными средствами, станет ею утрачиваться, как только он начнет демонстрировать склонность к использованию военных средств. Таким образом, первоначальной свободы маневра, которой он располагал после захвата Праги и, может быть, даже после подписания «Стального пакта», становилось меньше, и его решения зависели уже не только от него, а определялись волей и выбором других. Можно сказать, что, если «Стальной пакт» был в самом деле продиктован желанием заставить Гитлера действовать в пределах дипломатических норм, то этот замысел удался, но, конечно, не в том смысле, в каком его хотел видеть Муссолини. Германский канцлер, после того, как он отдавал своим подчиненным военно-стратегические распоряжения, должен был дожидаться решений других участников пакта прежде, чем он мог начать действовать по намеченному им плану.

Первой переменной величиной, не зависевшей от воли Гитлера, была Япония. После того, как Риббентропу в конце 1938 г. удалось придать внешней политике Германии антибританский характер, что Гитлер и подтвердил 23 мая 1939 г., вяло текущие переговоры с Японией о заключении союза стали еще более трудными из-за той стратегической направленности, которую обе стороны намеревались придать соглашению. Для Германии соглашение должно было стать средством борьбы с Великобританией на Тихом океане; для японцев оно должно было подкрепить их действия в Китае и усилить их давление, включая и военное, на Советский Союз и Соединенные Штаты.

В июне 1939 г. после того, как в Токио было сформировано правительство, во главе с генералом Хиранум, Германия пыталась воздействовать на Японию, используя внутренние противоречия в ее руководящих кругах. В течение нескольких недель правительство Хиранумы собиралось 70 раз для обсуждения предложения о союзе с Германией, но так и не смогло преодолеть разногласия. Причина сопротивления японских руководителей была, в сущности, простой: они не хотели оказаться вовлеченными в европейскую войну (чем больше росло напряжение, тем ближе была война) для того, чтобы отстаивать только интересы Германии. К тому же, Япония стремилась завершить войну с Китаем и не доводить этот конфликт до вооруженного столкновения с англо-

саксонскими державами. Поэтому Япония продолжала ставить условия и требовать новых разъяснений, показывая тем самым Гитлеру, что если он не намерен терять драгоценное время, то не должен рассчитывать на быстрое заключение договора с участием Японии. Эти обсуждения вместе с решением не позволять больше таким деятелям как Вольфганг Гитлеру пытаться возобновить, как это произошло в июле, политику «умиротворения» мешали Гитлеру сделать выбор в пользу двух первых вариантов.

Между тем, начиная с июня, т.е. вскоре после подписания «Стального пакта», итальянский посол в Берлине стал отправлять в Рим доклады, тон которых становился все более тревожным и даже паническим. Он описывал военные приготовления Германии и постепенно приходил к заключению, что военная акция Гитлера становится неизбежной: «Признаки, вызывающие беспокойство, возрастают с каждым днем, — писал Аттолико 11 июня. — ...Продолжается лихорадочное вооружение Данцига, столь же лихорадочно продолжается размещение войск и вооружений на направлении северного сектора польского фронта... *Все эти перемещения войск должны быть завершены к точно установленному сроку — 15 августа. Именно к этому дню должно быть принято политическое решение о предстоящих действиях... И именно в августе, точнее числа 10–15, фюрер примет решение быть миру или войне*».

Как Муссолини, так и Чиано изначально считали Аттолико паникером. Но факты упрямая вещь. Стало понятно, что у Гитлера отсутствуют серьезные намерения встретиться с Муссолини, потому что он не хотел ни ознакомить его со своими планами, ни подвергаться дипломатическому давлению или выслушивать призывы о соблюдении заключенных договоров, которым он не хотел следовать. В этой обстановке было решено, что графу Чиано надлежит прояснить ситуацию, поэтому он договорился о встрече с Риббентропом и Гитлером в Зальцбурге и Берхтесгадене. Встречи состоялись 11 и 12 августа. Чиано, который всегда был поборником союза с Германией, переживал в эти дни глубокое разочарование в связи с совершенной ошибкой и с тех пор пытался, но безрезультатно, вырвать Италию из «Стального пакта». Он придерживался этой линии, пока Германия не добилась в 1940 г., как ему казалось, военной победы в Европе.

Риббентроп и Гитлер подтвердили то, чего опасался Аттолико. Нападение на Польшу было предрешено, потому что следовало, наконец, прекратить «гнусности» польской политики, или, говоря более понятным языком, потому что Варшавское правительство не проявило склонность уступить давлению Германии и, более того, стремилось создать линию дипломатической обороны,

которая помогла бы ему выстоять. Немцы пренебрегли тем фактом, что не проконсультировались с Италией о ходе событий и военных приготовлениях, которые, согласно договору, теоретически ее непосредственно касались; они постарались преуменьшить противоречие между реальным положением дел и обязательством не развязывать войну до конца 1942 г., высказав новое соображение (которое Гитлер сам считал необоснованным), что война будет недолгой и ограниченной, в то время как обязательства по «Стальному пакту» гипотетически относились ко всеобщей войне.

Чиано вернулся в Рим, сознавая «предательство» Германии. Необходимо было убедить дуче вновь подтвердить неготовность Италии к войне и разъяснить ему, что Италия не сможет присоединиться к нападению на Польшу.

Хотя переговоры в Зальцбурге завершились без принятия официального коммюнике, а только односторонним германским заявлением, подтвердившим дружбу между двумя странами-союзниками и их «тотальную готовность» (!), Гитлер и Риббентроп не могли не заметить в поведении Чиано удивление и досаду, когда ему сообщили о неминуемых трудных испытаниях, решение о которых было принято без ведома итальянского союзника.

Переговоры с Чиано еще не предвещали отказа Италии от своих обязательств, но создавали для Гитлера проблемы иного плана. В то время как с трудом продвигались переговоры с Японией, другие союзники, итальянцы, проявляли сомнения и неуверенность. Эти настроения еще не заставили Гитлера сделать однозначный выбор, но уже этого было достаточно, чтобы он понял, что нет условий для изоляции Польши и, напротив, существует опасность изоляции Германии, если быстро не принять соответствующих мер.

4.6.3. СОВЕТСКО-НАЦИСТСКИЙ ПАКТ ОТ 23 АВГУСТА 1939 Г.

В этой обстановке созрело внезапное, но не неожиданное решение заключить соглашение с Советским Союзом. В период с июля до середины августа 1939 г. Гитлер почувствовал усиление изоляции Германии. Укрепление связей между Польшей, Великобританией и Францией усугубило это ощущение: оставался единственно возможный выход. Гитлер оценивал принятое решение как временную неприятность в контексте неотложных задач и был готов заплатить соответствующую цену без особых предубеждений.

Гитлер не особенно стремился скрыть свои замыслы, более того, он даже использовал их как средство запугивания западных

держав. 11 августа, за день до встречи с Чиано, он сказал Карлу Якобу Буркхардту, комиссару Лиги Наций в Данциге: «Все, что я делаю, обращено против России... Если Запад настолько глуп и слеп, что не может понять этого, я буду вынужден договориться с русскими, сражаться с Западом и потом, после того как разобью его, я, собрав свои силы, поверну против Советского Союза. Мне нужна Украина, чтобы никто больше не испытывал голод, как во время последней войны».

Советско-германские переговоры были возобновлены в мае 1939 г. в Москве. Вначале Риббентроп обратился к итальянцам с тем, чтобы они убедили Советы в доброй воле Германии. Посол Италии в Москве Аугусто Россо получил соответствующие инструкции и до начала июля оказывал поддержку своему германскому коллеге фон Шуленбургу. После этого и до 23 августа итальянцы не получали никакой информации.

Между тем, продолжались утомительные переговоры Советов с Францией и Великобританией. У Советов закралось подозрение, что за медлительностью западного процедурно-дипломатического механизма кроется желание выкроить время для претворения в жизнь параллельного плана (известного благодаря бесцеремонности прессы) — грандиозного европейского соглашения с антисоветской направленностью, которое включало бы западные державы, а также Германию и Польшу.

В эти месяцы Сталин был обеспокоен тем, чтобы не допустить изоляции Советского Союза и предотвратить состояние дипломатического бессилия, как это было в 1938 г. Позже советская и просоветская историография будут объяснять поведение Сталина только его желанием выиграть время в условиях германской угрозы. Между тем, в то время, т.е. в середине 1939 г., не существовало непосредственной угрозы со стороны Германии, потому что Гитлер в своих действиях руководствовался стремлением избежать ведения войны на два фронта. Поэтому в тактическом плане следует искать иное объяснение поведения Сталина: в его намерении избежать того, чтобы новая политика «умиротворения» приблизила опасность к советским границам; в его стремлении немедленно использовать возможности, возникшие в связи с беспринципным поведением Гитлера; в его нежелании ввязываться в войны внутри капиталистической системы. Коммунистический режим не делил их на «хорошие и плохие», поскольку это были войны между капиталистическими странами, которые все были враждебны СССР. Их временные противоречия необходимо было использовать полностью, как это сделал Ленин в 1922 г., заключив договор в Рапалло.

Совсем иные причины толкали Гитлера к соглашению с Советским Союзом: они были связаны с трудностями, которые переживал фюрер, находясь в изоляции. Вся его дипломатическая (как потом и военная) деятельность основывалась на быстрой реализации намеченных акций. Необходимо было завершить операцию прежде, чем великие державы (Великобритания и Соединенные Штаты) успеют перестроить механизм производства в военных целях. Потери времени на ожидание из-за нерешительности Японии и сомнений Италии были недопустимы. Альтернатива сближения с Советами была жестко реалистичной и оптимальной для того, чтобы парализовать Польшу в кратчайшие сроки. Гитлер даже не мог представить себе, что его акция в среднесрочном плане могла бы провалиться и что она могла бы обернуться против Германии. В этой неправильной оценке ситуации была основная ошибка Гитлера, ослепленного идеей немедленного принятия решений.

Переговоры с СССР по экономическим проблемам развивались позитивно и завершились 20 августа. За несколько дней до этого Молотов вновь вернулся к идее пакта о ненападении, о которой никогда не забывали полностью. Предполагалось, что договор будет сопровождаться секретными статьями, направленными на урегулирование взаимных интересов. Решение Гитлер принял незамедлительно. Он обратился к Сталину с просьбой принять Риббентропа до 23 августа (следует напомнить, что нападение на Польшу планировалось на 26 число) и, получив согласие, приказал своему министру иностранных дел отправиться в Москву для подписания соглашений, которые изменили судьбу Европы и мира.

Между Молотовым и Риббентропом было мало общего, разве что абсолютный цинизм и отсутствие щепетильности в решении судеб народов. Короче, в течение дня 23 августа были подготовлены текст пакта о ненападении и дополнительные «секретные протоколы». Текст «секретных протоколов» был обнародован в 1949 г. американским правительством, но их содержание всегда опровергалось Советами, которые только в 1988 г. начали признавать существование этих документов и в 1990 г. их опубликовали, что полностью подтвердило более ранние издания текстов.

Пакт о ненападении имел огромное политическое значение. В нем содержалось традиционное обязательство обеих сторон воздержаться от агрессивных действий друг против друга, не предоставлять помощи тем, кто нападет на одну из договаривающихся сторон, продолжать в будущем консультации по проблемам, имеющим взаимный интерес, а также не участвовать в союзах, направленных против одной из сторон.

Таким образом, благодаря пакту Гитлер полностью решал свои задачи, поскольку получал гарантии, что ему не придется

воевать с Советами в то время, когда он начнет войну против Польши. Одновременно пакт означал конец англо-франко-русских переговоров, в связи с которыми именно 22 августа французы совершили свое максимальное и напрасное усилие, интерпретировав позицию Польши как согласие на проход Красной армии через ее территорию — в действительности этого согласия не существовало.

Само соглашение Риббентроп—Молотов не было чем-то необычным, если не учитывать тот факт, что оно означало полный переворот в системе союзов — это имело важные последствия и вызвало широкий отклик. Но подлинный переворот был связан с содержанием секретного протокола, что свидетельствует о цене, заплаченной Гитлером Сталину, чтобы получить согласие на разгром Польши. Это была высокая цена, с которой Гитлер согласился, рассчитывая сделать временные и обманчивые уступки, при этом он не предполагал, что эти уступки очень усложнят политическую ситуацию в Восточной и Дунайско-Балканской Европе. Иначе говоря, переход Восточной Европы под советское влияние был парадоксальным и непредвиденным результатом политики Гитлера еще до решений союзных держав и результатов Второй мировой войны.

Гитлер таким образом пытался обеспечить свободу действий Германии в Польше и на Западе, чем он быстро воспользовался, но не учел, в полном соответствии с расистской концепцией, что, возможно, Советы победят в финальном противоборстве. Это была геополитическая ошибка драматического характера. В четырех статьях «секретного протокола» были четко определены «сферы влияния» обеих сторон в Восточной Европе. В первой статье, касавшейся региона стран Балтии, устанавливалось, что *северная* граница Латвии станет границей между советским и германским влиянием, при этом Вильнюс рассматривался как принадлежавший Литве. Вторая статья касалась Польши и определяла, что граница между «сферами влияния» двух стран пройдет приблизительно по рекам Нарев-Висла-Сан. Вопрос о том, желательно ли сохранить независимое Польское государство и в каких границах, должен был быть решен позднее, в зависимости от хода событий. Третья статья закрепляла Бессарабию в сфере советских интересов и подтверждала «полное отсутствие» интереса Германии к этому региону. В последней, четвертой, статье говорилось об абсолютной секретности протокола.

Итак, Гитлер отдал большую часть стран Балтии, Восточную Польшу и Бессарабию Советскому Союзу в обмен на контроль над остальной частью Польши и свободу действий, предоставлявшуюся

ему пактом о ненападении. Сталин, в свою очередь приобретал сферу влияния, которую отстаивал и расширял в западном направлении до 1948 г.

4.6.4. ПОСЛЕДСТВИЯ СОВЕТСКО-НАЦИСТСКОГО ПАКТА

Неожиданный поворот в отношениях между европейскими державами в результате советско-нацистского договора вызвал бесчисленные последствия и надолго остался олицетворением жестокого реализма, когда ни перед чем не останавливаются. Оба диктатора ради своих целей не задумывались ни об измене ранее взятым обязательствам (особенно Гитлер), ни об общественном резонансе: в особенности, среди левых, всегда считавших нацизм и фашизм первейшими врагами, с которыми следует неустанно бороться, как они это делали в недавней антифашистской войне в Испании. Смириться с новой реальностью, представить себе, что Гитлер — уже не тиран-убийца, а ценный союзник, смогли не все сторонники левых: это было испытание, которому сталинизм подверг Коммунистический интернационал и, в более широком плане, — антифашистские движения во всем мире.

В плане международных отношений важно понять, какое влияние оказал московский договор на европейские страны. О существовании секретных статей было тогда неизвестно, хотя развитие событий имплицитно подтверждало существование скрытого сговора. Первыми это заподозрили итальянские дипломаты в Берлине, которые поэтому и отреагировали первыми на сообщения, пришедшие из Москвы. Сегодня трудно сказать, были ли решения, принятые в Риме 24–25 августа, результатом встреч в Зальцбурге, но несомненно, что известия из Москвы дали толчок итальянской политике и заставили Италию реагировать немедленно.

Муссолини снова оказался перед свершившимся фактом, который не был маргинальным событием ограниченного масштаба, а событием столь значительным, что оно опрокинуло систему европейских союзов. Италия же, несмотря на обязательства по «Стальному пакту», не получила даже минимальной информации со стороны Германии. Кроме того, Муссолини глубоко удручало само заключение советско-нацистского пакта, что было неприемлемо для лидера итальянского фашизма, который видел в борьбе с коммунизмом смысл своего существования. Дуче, к тому же, не ожидал удара, нанесенного Гитлером, который поддержал советское давление на Румынию, а, следовательно, и на Балканы, что наносило прямой ущерб интересам и намерениям Италии.

В этой ситуации Чиано было легче убедить Муссолини как можно более четко как можно быстрее дистанцироваться от Гер-

мании, так как стало очевидно, что «Стальной пакт» приносит выгоды только Германии и угрожает сохранению мира в то время, когда Италия в нем особенно нуждается.

25 августа Муссолини получил единственное хвалебное послание от Гитлера, который информировал его о том, что произошло, представив случившееся как невероятный выигрыш для «Оси». Муссолини терял терпение и, хотя в предыдущие дни усердно работал над подготовкой послания, где была отражена его реакция на известия, сообщенные ему Чиано и Аттолико после Зальцбурга, в тот же день, 25 августа, он переписал заново текст письма и твердо заявил: Италия понимает отношение Германии к Польше и готова была бы участвовать в оборонительной войне, но в случае всеобщей войны, спровоцированной нападением Германии, итальянцы не будут участвовать, если Германия будет не в состоянии *немедленно* поставить Италии необходимое стратегическое сырье, чтобы она могла противостоять вероятному нападению Англии и Франции. Муссолини, наконец, напоминал Гитлеру, что «во время наших встреч было предусмотрено, что война возможна после 1942 года... Считаю своим прямым долгом, как лояльный друг, — добавлял Муссолини только внешне дружески, но, в сущности, с упреком и намеком, — сказать вам всю правду и показать вам реальное положение вещей: отказ от этого мог бы повлечь за собой неприятные последствия для всех нас». Наконец, для характеристики настроений, господствовавших в окружении Муссолини, достаточно привести замечание Чиано, который записал в своем дневнике: «Союз между Москвой и Берлином — это уродливый брак, который противоречит букве и духу наших договоров. Эта акция направлена против Рима, против католицизма; она означает возврат к варварству, а наша историческая роль заключается в том, чтобы выступить против него всеми средствами и во всеоружии».

25 августа Гитлер узнал о реакции Италии. В тот же день он получил сообщение о подписании англо-польского договора о взаимопомощи. Это было еще одно свидетельство того, что соглашение с СССР не привело к изоляции Польши, а, наоборот, содействовало созданию единой системы гарантий, даже если она и не стала немедленно эффективной. В тот момент он знал, что Польшу можно было атаковать, потому что никто не смог бы оказать ей помощь без промедлений. Но при нападении на Запад Германия вынуждена была опираться только на Советский Союз и действительно готовиться к всеобщему конфликту, не рассчитывая на содействие Италии, которое помогло бы, хотя и немного, уменьшить опасности, связанные с войной.

4.6.5. НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Приказ о нападении на Польшу утром 26 августа после нескольких часов мучительных колебаний был отозван и акция перенесена на 1 сентября. Германский диктатор утратил всяческие иллюзии как относительно Японии, так и Италии. Он убедился также в безнадежности и безрезультатности переговоров с французским послом Кулондром и английским послом Гендерсоном, которому Гитлер повторил уже известные предложения о большом соглашении, но при этом предусматривалось решение польской проблемы в соответствии с пожеланиями Германии. В то время как со всех сторон множилось призывы к миру, фюреру надлежало принять окончательное решение.

Геринг обратился к своему шведскому другу Далерусу, который 26 августа прибыл в Лондон, откуда сообщил в Берлин о реакции Великобритании. В течение нескольких дней казалось, что диалог вновь налажился. Многообразие предложений и дипломатических перипетий при внимательном изучении показывает, что дискуссии были полны противоречий и парадоксов для обеих сторон, включая и Гитлера. 29 августа польское правительство заявило о готовности объявить всеобщую мобилизацию. Если сравнить это сообщение с военными приготовлениями Германии в течение нескольких месяцев, то становится очевидным различие в поведении сторон и в степени готовности к войне. Но даже это сообщение, пришедшее из Варшавы (и превратившееся в официальное решение 30 августа), заставило дипломатов развернуть лихорадочную деятельность. Вечером того же 29 августа Гитлер принял Гендерсона и представил ему как большую жертву готовность германской стороны продолжать далее переговоры на основе ультимативных предложений, в соответствии с методами, которые Гитлер неоднократно использовал с 1938 г.

Фюрер потребовал, чтобы польское правительство направило в Берлин полномочного представителя, который мог бы вести переговоры и принимать ответственные решения. Может быть Гитлер уже предвкушал, что он вновь использует все свое красноречие, как это уже было с Шушнигом и Гахой. В действительности никто не мог просить поляков согласиться с такой процедурой, что было равносильно тому, чтобы передать их, как потерпевших поражение и униженных, в руки победителя. Поляки не считали себя побежденными и униженными, и у них хватало национальной гордости, чтобы не склониться перед требованиями Германии.

Наконец, Гендерсону и Вайцзекеру удалось убедить польского посла в Берлине Липского встретиться с Риббентропом в качестве

простого дипломата без особых полномочий. Встреча состоялась вечером 31 августа, и сегодня известна как «кратчайшая» встреча, потому что Липский ограничился тем, что повторил готовность Польши к переговорам, но пояснил, что не располагает требуемыми полномочиями. После этого Риббентроп ответил, что бесполезно продолжать беседу. С этого момента все прямые контакты между обеими сторонами были прекращены.

Оставалась возможность лишь последних призывов к миру, когда Гитлер обнародовал перечень 16 предложений, представлявших собой германские ультимативные требования. Они стали известны только в последний момент по уже опробованному сценарию для демонстрации внешней умеренности, а также с целью доказать, что Польша отказалась от переговоров. Известно, что еще в мае Гитлер решил полностью покончить с польским вопросом. Формулировки его предложений были поручены пропагандистскому аппарату, в задачи которого входило свалить вину за нападение на сторону, подвергшуюся агрессии.

Кроме того, Муссолини попытался играть роль новоиспеченного миротворца, когда 30 августа выступил с предложением о созыве 5 сентября конференции. Это была старая идея, которую Муссолини хотел изложить Гитлеру, если бы тот согласился принять его после получения меморандума Каваллеро. В конце августа предложение дуче было благосклонно принято французами (которые тем самым продемонстрировали, что вызов для них неприемлем) и скептически англичанами. Но Гитлер сам отклонил предложение дуче, свалив ответственность на поляков: вследствие их менталитета, сказал он Аттолико, эту попытку ждал провал, и Муссолини оказался бы в очень затруднительном положении.

Утром 1 сентября 1939 г. по приказу Гитлера германские войска перешли польскую границу. Гитлер выступил с речью и представил операцию как полицейскую акцию, которая не направлена против западных держав. Предложение Муссолини о созыве конференции еще в течение двух дней продолжало циркулировать в общественных и дипломатических кругах, но механизм войны был уже фатально запущен. 3 сентября Великобритания и Франция в соответствии с принятыми ими обязательствами объявили войну Германии.

Глава пятая
ПЕРВЫЙ ЭТАП
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

5.1. Общие замечания о характере войны

5.1.1. ВОЮЮЩИЕ СТОРОНЫ

В момент нападения на Польшу Гитлер развязал конфликт, масштабы которого он не мог предвидеть. Его целью было разбить Францию, если возможно — договориться с Лондоном, а затем напасть на Советский Союз. Никто не мог тогда прогнозировать ход войны ни с политической, ни с военной точки зрения, и даже сам немецкий диктатор питал некоторую надежду на то, что он сможет выиграть схватку простой демонстрацией полякам германской силы. Было, однако, трудно питать иллюзии относительно ограниченного характера будущей войны, стоило только подумать о том глубоком смысле, что был заложен в войне.

С политической точки зрения война была результатом ситуации, создавшейся в Европе после 1919 г., выразителем которой в экстремистской форме стал Гитлер. Англичане занимали изоляционистскую позицию и были в большей степени заинтересованы контролировать изменения в Содружестве и отношения с Соединенными Штатами. Французы, которые расплачивались десятилетиями (возможно, и столетиями) напряжения за контроль над континентом, находились в ситуации явного упадка, хотя внешне вели себя самоуверенно. Итальянцы, несмотря на усилия Муссолини, по-прежнему занимали маргинальное положение. Советы, связанные необходимостью подготовки к той роли, которую вскоре предназначит им война, либо бездействовали, либо действовали только с целью воспользоваться возможностями, которые открывала для них гитлеровская дипломатия. Таким образом, в Европе 1939 г. единственной по-настоящему крупной державой, полной внутреннего динамизма, толкавшего ее добиваться гегемонии на континенте, была Германия.

Если бы двадцатью годами ранее французской дипломатии удалось одержать верх, то в 1939 г. этого бы не произошло. Политическое поражение Франции в Версале привело к тому, что сохранилась потенциально нетронутой германская мощь, которую Гитлер сконцентрировал и увеличил, сделав Германию самой

протяженной, самой населенной, самой производительной и самой динамичной страной на континенте, охваченной сильнейшим чувством националистического реванша. Иными словами, в 1939 г. Германия была *единственной* эффективной европейской державой, еще не исчерпавшей свою роль гегемониста на континенте. Война предоставила возможность для испытания такого импульса. Вплоть до 1941 г. можно было оценивать глубину этой ее роли и силу этого импульса.

Ко всему сказанному добавлялись политические установки и идеологический фанатизм Гитлера. Невозможно обойтись без размышлений о роли, которую сыграла личность фюрера в доведении кризиса до экстремальных проявлений. В условиях разложения находившегося, по его мнению, под властью еврейских финансов капитализма и извращений, присущих насильственному коллективизму большевистского толка, Гитлер считал себя главным носителем исторической миссии по спасению чистоты европейской традиции, символизировавшейся арийской расой. Гитлера вполне устраивал и этатизм, и авторитаризм и не устраивал эгалитаризм, лежавший в его основе (который сопутствовал существованию олигархической власти), индифферентность к иерархии во внутреннем и международном плане и установка на насильственное уничтожение капиталистической системы. Хотя в теоретическом плане концепции Гитлера выходили за рамки политических форм капиталистической экономики, он не дошел до отрицания ее предпосылок; напротив, он стремился обратить их на пользу усилению государственной власти и диктаторских полномочий с тем, чтобы интересы развития системы крупной немецкой промышленной совпали с амбициями нацистского политического империализма. Однако экономическая сторона в гитлеровской идеологии являлась лишь опорой, а не программной предпосылкой. Господствующая концепция (к которой германская экономическая система была, впрочем, хорошо приспособлена) базировалась на необходимости мыслить категориями больших пространств и громадных ресурсов в качестве условия для утверждения своей расы в иерархии мировых держав. Поэтому гитлеровский гегемонизм можно рассматривать как экстремальное усилие, предпринятое европейским государством для утверждения своей монополярной власти на континенте, как адекватную попытку противостоять трансформации международных отношений.

Сумма этих элементов, присущих немецкой реальности и гитлеровской концепции, придавали конфликту глобальный характер войны, которую следует вести до последнего, любыми средствами, с любыми противниками, не делая никаких гуманитарных уступок,

не останавливаясь перед употреблением любых, даже самых гнусных инструментов борьбы. Это объясняет тот кошмар, которому положил начало Гитлер (повторяя, впрочем, то, что уже делали другие, и собирались без особых колебаний делать и впредь), осуществляя варварские бомбардировки гражданского населения, направленные на ослабление внутреннего фронта любого противника, а также объясняет жестокость концентрационных лагерей и массового уничтожения людей. Это также объясняет холокост евреев, который Гитлер и его соратники развернули по мере того, как война убеждала их в необходимости уничтожения еврейского народа (отказывая ему в самом праве на существование и на идентичность), рассматриваемого гитлеровской идеологией как символ и основу ценностей, подлежащих искоренению.

Эти предпосылки, во время войны проявившиеся еще более остро, привели к тому, что конфликт, развязанный в сентябре 1939 г., стал самым кровавым из тех, что когда-либо знала история. Новая «европейская гражданская война», переросшая во Вторую мировую войну, оставила неизгладимый след в образе существования всего континента: материальная жизнь, идеи, культурные ценности, чувства, страхи — все было поставлено под сомнение. По окончании войны все должно было измениться. Но сможет ли на развалинах Европы, подвергшейся саморазрушению, возродиться гражданское общество? Уроки варварской жестокости, преподанные Гитлером его врагам, в течение долгого времени оставались незаживающей раной для тех, кто сам пережил эти события и слышал о них от их участников.

Переосмысливая опыт Второй мировой войны очень часто стремятся сконцентрировать внимание на том, каким образом она закончилась, то есть на начале ядерной эры, обозначенной в августе 1945 г. бомбардировками Хиросимы и Нагасаки. Однако речь идет о преднамеренной фальсификации, пренебрегающей всем тем, что произошло до этого, фактом ответственности, лежащей на тех, кто начал войну, кто помогал им это сделать, тех, кто не обозначил достаточно ясно границы своей терпимости в отношении насильственных захватов и крайних проявлений политики силы. Двадцатилетие 1919–1939 гг. началось с надеждой на то, что благодаря Лиге Наций нормы международного права возобладают над ничем не ограниченным стремлением добиться своих национальных целей. Никто не смог сделать эти принципы достаточно действенными, и их бесславный конец в результате русско-финской зимней войны 1939–1940 гг. означал крах интернационалистских иллюзий.

В первые два года войны стал очевиден ее идеологический характер. После 1941 г. беспорядочный водоворот событий не сделал столкновение идей, превратившихся тем временем в пропагандистские лозунги, менее острым. В самом деле, с сентября 1939 г. до июня 1941 г. идеологические различия проявились достаточно отчетливо. Агрессорами были авторитарные и диктаторские режимы: Германия, союзница Советского Союза, затем Италия, союзница Германии. Жертвами нападения стали: Польша (в демократическом характере которой были основания сомневаться), Норвегия, Дания, Голландия, Бельгия, Франция, Великобритания, то есть северо-атлантические демократии. Война, следовательно, стала отражением конфликта между демократиями и наци-фашизмом, выступавшим в союзе с большевизмом. Отличительные признаки авторитаризма, а также плюрализма и демократии были очевидны и формировали четкие воплощения, а сложившаяся ситуация не предполагала ни различий, ни политических оттенков.

Проблема намного осложнилась в 1941 г., после нападения Германии на Советский Союз и Японии на Соединенные Штаты. Глобализация конфликта смешала также карты идеологического столкновения, способствуя, однако, возрождению размытого понятия «антифашизм», уже испытанного во время гражданской войны в Испании и вновь введенного в употребление в данной ситуации. Это возрождение сопровождалось не слишком большой внутренней убежденностью, но при том — большим пропагандистским размахом, тем более необходимым, чем в большей степени тяготы войны, ухудшавшие положение гражданского населения, вынуждали искать мобилизационные стимулы, которые становилось все труднее находить. В Италии они служили в качестве скрепляющего страну средства, не слишком внушающего доверие, лишь в течение короткого времени. В Германии большая способность гитлеровского режима к осуществлению контроля и, вероятно, более глубокая склонность к гегемонии на континенте, сделали эту связующую силу более прочной. В противоположном лагере военные неудачи заставили на некоторое время забыть о стратегических и идеологических противоречиях, сомнениях и подозрениях.

Державная политика и идеологическая война являлись, таким образом, реальными силами и проявлениями коллективной психологии, высвобожденными гитлеровской активностью. Если бы Германия победила, то в Европе доминировали бы марионеточные режимы в составе нацистской имперской системы. Советский Союз вынужден был бы, раньше или позже, посчитаться с гитлеров-

ским гегемонизмом, который включил бы Украину, Белоруссию и Прибалтийские государства. Великобритании пришлось бы столкнуться с тем, чему она, начиная с XVI века, пыталась воспрепятствовать, то есть с появлением в Европе главенствующей силы, исключающей всякие другие влияния, силы, способной также устремляться вовне и оспаривать превосходство у властителей самой крупной в то время колониальной державы, в том числе и с целью заменить их в осуществлении глобального контроля. Этот контроль, в совокупности с тем, что выстраивали японцы в Тихоокеанском регионе, должен был охватить Соединенные Штаты с разных сторон, бросив вызов их изоляционизму и их превосходству в Западном полушарии. Сегодня можно только предполагать, как бы все это было в действительности, учитывая реальные структурные условия международной системы. Но если бы в 1939 г. Германия выиграла войну, то последствия этого были бы чудовищными. Гитлер умел бороться со временем, и это объясняет стремительность его действий, быстроту принятия решений и чувство неотложности совершаемого, которое в нем преобладало. Он понимал, что если Германии не удастся победить за два–три года, то судьба войны станет гораздо более непредсказуемой.

Вышеизложенная аргументация основывается, однако, на предпосылке, требующей пояснения. В современных войнах, начиная с середины XIX века и вплоть до Первой мировой войны, становилось все более очевидным, что наряду с традиционными элементами, составлявшими военную мощь и определявшими в прошлом судьбу военных столкновений (вооружениями, людьми и стратегическим руководством), прочное место заняли другие элементы, полностью изменившие значение войны. Отныне не имело смысла полагать, что война — это еще и иной способ осуществления внешней политики, т.е. средство для принуждения строптивного соперника к выполнению воли его антагониста с целью избежать рисков дорогостоящего, но ограниченного по своим масштабам столкновения. Технологические изменения, происшедшие в системе индустриального производства во второй половине XIX века и ускорившиеся на протяжении всего XX века, несмотря на годы «великой депрессии», повлияли, в том числе, и на сам концепт войны. Она больше уже не могла трактоваться как ограниченное по своим масштабам событие, направленное на достижение определенной цели. Когда конфликт развязывала какая-либо великая держава, он неизбежно вовлекал в столкновение всех (как это уже показал опыт событий 1914–1918 гг.).

Война, следовательно, требовала наличия мощного промышленного потенциала и, в особенности, тяжелой промышленности; способности быстро использовать имевшиеся в распоряжении страны сырье, технологические и энергетические ресурсы; наличия возможности получать запасные части для военной техники и осуществлять необходимые поставки для военных орудий; наличия громадного торгового и военного флота, невиданного ранее; авиации, решающую роль которой только что продемонстрировала война в Эфиопии и гражданская война в Испании. Необходимо было представлять, что столкновения будут происходить на огромном пространстве, поэтому следовало обеспечить эффективную и надежную доставку людей и техники. К тому же теперь речь шла уже не просто о линиях траншей, пусть даже и столь протяженных, как траншеи Марны и Пьяве, а о таких беспредельных границах, как граница всего Советского Союза или всех морских просторов. Необходимо было также представлять, что в военные операции будет вовлечено и гражданское население, которое должно обеспечиваться ресурсами для повседневной жизни, конечно, ограниченными потребностями армий и военными разрушениями, однако достаточными для поддержания не слишком низкого уровня жизни (чтобы он не смог спровоцировать несогласие с жертвами, связанными с военными действиями). В противном случае единственной альтернативой было бы навязывание таких жертв силой и выполнение частью армии не военных задач, а связанных с поддержанием общественного порядка. Наконец, необходимо было также быстро построить в наиболее подходящих местах надежные убежища от устрашающих воздушных нападений, предназначенных для того, чтобы посеять панику среди гражданского населения и сломить способность тыла к сопротивлению. В 1939 г. все это было еще недостаточно ясно, однако уже осознано теми, кто развязывал или вел войну.

Помимо способности быстро ввести в бой готовые к сражению вооруженные подразделения (в этой области немцы, готовившиеся первыми и наиболее интенсивно, обладали несомненным преимуществом при условии, однако, что война осталась бы ограниченной), большое значение имел, следовательно, теоретический потенциал мобилизации национальных ресурсов, которым располагала каждая страна. Этот аспект предварительных условий, требуемых войной, изучался различными авторами с не всегда одинаковыми результатами. Однако анализ некоторых факторов создает ощущение огромных масштабов, не оставляющих сомнения относительно задействованных сил.

В данном случае достаточно сравнить три параметра: промышленный потенциал каждой из великих держав накануне войны, выраженный в сравнимых единицах измерения; долю объема национального промышленного производства каждой из держав по отношению к мировому производству на один и тот же момент; соотношение между национальным доходом и расходами на оборону с тем, чтобы оценить размер ресурсов, не предназначенных для военных целей, и возможность роста этого сектора для каждой страны. Эта возможность роста подтверждается также данными, относящимися к авиастроению, ставшему решающим стратегическим элементом войны, прежде всего в момент, когда она превратилась из европейской войны в мировую.

Необходимо, таким образом, рассмотреть следующие таблицы.

*Сравнительный промышленный потенциал
(в качестве базового индекса выступает британский потенциал 1900 г.)*

Страны \ Годы	1880	1900	1913	1928	1938
США	46,9	127,8	298,1	533	528
Великобритания	73,3	100,0	127,2	135	181
Германия	27,4	71,2	137,7	158	214
Франция	25,1	36,8	57,3	82	74
Россия—СССР	24,5	47,5	76,6	72	152
Япония	7,6	13,0	25,1	45	88
Италия	8,1	13,6	22,5	37	46

Источник: *Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. P. 201.*

*Доля промышленного производства по отношению к общему объему
производства в некоторых странах*

Страны \ Годы	1929	1932	1937	1938
США	43,3	31,8	35,1	28,7
СССР	5,0	11,5	14,1	17,6
Германия	11,1	10,6	14,1	17,6
Великобритания	9,4	10,9	9,4	9,2
Франция	6,6	6,9	4,5	4,5
Япония	2,5	3,5	3,5	3,8
Италия	3,3	3,1	2,7	2,9

Источник: *Toynbee A. World in March 1939. P. 439.*

*Соотношение между расходами на оборону и национальным доходом
в 1937 г.*

Страны \ Годы	Национальный доход (в млн дол.)	Военные расходы (в %)
США	68	1,5
Британская империя	22	5,7
Франция	10	9,1
Германия	17	23,5
Италия	6	14,5
СССР	19	26,4
Япония	4	28,2

Источник: *Wright Q. A Study of War. Chicago, 1942.*

В книге Тойнби, посвященной ситуации в мире накануне конфликта (изданной в серии *Surveys of International Affairs*), Хиллман, основываясь на этой же самой совокупности данных, сформулировал понятие «сравнительного военного потенциала» (выраженного в процентах по отношению к глобальному потенциалу, принятому за 100%) — количества ресурсов, которые можно было мобилизовать. Речь идет о предварительных расчетах, позднее продолженных Полом Кеннеди в его работе «*The Rise and Fall of the Great Powers*», в которой содержатся наиболее репрезентативные статистические данные, предопределявшие исход конфликта.

Страны	Военный потенциал крупнейших держав (в %)
США	41,7
Германия	14,4
СССР	14,0
Великобритания	10,2
Франция	4,2
Япония	3,5
Италия	2,5

Этих данных достаточно для того, чтобы показать, что гитлеровский военный потенциал был адекватен столкновению в рамках Европы, в отношении которого Советский Союз занимал бы нейтральную позицию, но он никоим образом не мог соответствовать ситуации, подобной той, что возникла после 1941 г. Если считать эти данные достоверными (хотя они и должны были бы претерпеть частичные изменения на этапе германской внешнеполитической экспансии), антигерманская коалиция, даже

исключая Францию, располагала военным потенциалом в 65,9% глобального военного потенциала, а итало-германо-японская — только 20,4%, то есть меньше, чем третью от первого. Не требуется придерживаться никакого строгого детерминизма, чтобы понять, что такое соотношение предопределяло условия, в которых развивался глобальный конфликт.

Эти данные не имели бы значительной релевантности в случае, если бы мы основывались на предположении, что две сверхдержавы остались бы вне конфликта. Но если учитывать, что реальность была совсем иной, то они становятся красноречивыми. Соединенные Штаты, производившие до войны около 3 тыс. самолетов в год, быстро увеличили их выпуск до более чем 96 тыс. самолетов в 1944 г. (из общего числа 275 тыс. самолетов, выпущенных за время конфликта, из которых 40 тыс. были поставлены союзникам). Производство танков в США, практически не существовавшее до начала войны, возросло с 14 тыс. единиц в 1941 г. до 21 тыс. в 1943–1944 гг. Немцы производили накануне войны около 8 тыс. самолетов в год; итальянцы — почти 2 тыс., а японцы — около 4,5 тыс. Немцам и японцам (в меньшей степени и за меньший срок — итальянцам) удалось увеличить темпы своего производственного роста. Однако различия сравнительных потенциалов были столь масштабными, что говорили сами за себя.

5.2. Начало войны и ее последствия для всего мира

5.2.1. ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ ДЛЯ ЕВРОПЫ

Нападение немцев на Польшу формально вовлекло в войну Францию и Великобританию. 2 сентября Муссолини заявил, что Италия заняла позицию «неучастия в военных действиях» — хитроумный способ заявить о нейтралитете, не слишком скомпрометировав себя перед немецкими союзниками, с которыми Италия вела острое соперничество в технической и политической сфере. В ответ на заявление Муссолини относительно итальянских намерений Гитлер потребовал от итальянцев перечислить те виды сырья, которые необходимы им для подготовки к войне. В Риме, при содействии противников участия Италии в войне, был составлен такой длинный список требований, что немцы не могли рассматривать его всерьез. Список получил название «молибденового перечня», поскольку он содержал настолько большие требования относительно этого вида сырья, что они превосходили его мировое производство и представлялись откровенно чрезмерными.

В тот момент реальные намерения Муссолини было трудно предвидеть. В первые месяцы войны он оказался одновременно растерянным и сильно разочарованным как в отношении немцев, так и в отношении никогда не исчезавшей у него надежды на то, что конфликт с Польшей будет действительно ограниченной по масштабам войной, и что, следовательно, остаются возможности для возобновления мирных инициатив.

В остальных странах Европы война вызвала большую тревогу по поводу ее вероятных последствий. Это касалось не столько Западной Европы (включая Испанию и Португалию), от которой военные действия были еще далеко, сколько Северной Европы и Балкан. Балтийские государства ощущали на себе катастрофические последствия германско-советского соглашения. Еще в большей степени такие последствия чувствовались в Финляндии, государстве, на которое Советский Союз оказывал сильное дипломатическое давление начиная с 1938 г. и которое советско-германский пакт поставил, по меньшей мере, в уязвимое положение.

Балканское равновесие было уже нарушено событиями 1938 г. и марта-апреля 1939 г. Война могла предвещать лишь новые несчастья. С этой точки зрения итальянское «неучастие» гарантировало, что хотя бы на тот момент Югославия могла не бояться угроз. Однако на всем полуострове вновь распространилась атмосфера страха и неуверенности, постепенно охватывавшая все страны региона (за исключением Венгрии, проводившей политику экспансионизма). Идея укрепления существующих союзов и поиск новых, которые разрешили бы некоторые глубинные противоречия и обеспечили бы мир в регионе, жившем в постоянном состоянии конфликта или войны, вынашивалась годами, однако не давала никаких результатов.

Она вновь стала актуальной, в том числе и благодаря предпринятой Советами в мае 1939 г. инициативе по созданию общего антигерманского фронта Балканских государств и Турции. Эта инициатива оказалась безрезультатной прежде всего потому, что она стремилась изолировать Венгрию и содействовать сближению Болгарии со странами Малой Антанты, побуждая ее к отказу от своих ревизионистских претензий в отношении почти всех соседних государств. В итоге, заключение советско-германского пакта продемонстрировало поворот советской политики, после которого СССР уже совершенно не был заинтересован в сохранении *status quo* на Балканах.

Учитывая это новое положение вещей, румыны и югославы попытались довести до конца проект укрепления Балканской Антанты 1934 г. 19 сентября министры иностранных дел обеих стран

Гафенку и Цинцар-Маркович разработали план, предусматривавший участие Болгарии в Антанте в обмен на обязательство других сторон удовлетворить территориальные требования Софии в том случае, если политика умиротворения будет принята болгарским правительством, представлявшим все политические силы страны. Шюкрю Сараджоглу, турецкий министр иностранных дел, который именно в те недели должен был определить международные перспективы своей страны, отправляясь в Москву, получил задание прошупать через Молотова позицию Советского Союза в отношении румынско-югославского проекта (не следует забывать о том, что его шаг был легитимизирован участием Турции в Балканской Антанте). Полученный им прием не оставлял никаких сомнений. Советы больше не были заинтересованы в укреплении Антанты и участии в ней Болгарии. Что касается остального, то они начали поднимать вопрос о Бессарабии, который несколько позднее привел их к обострению конфликта с Румынией.

Эти новые события еще более четко показали, что страны Балканского региона уже не могли чувствовать себя защищенными вследствие германо-советского соперничества, а должны были, напротив, ощущать на себе угрозу от недавнего сговора. Их надежды оставались связанными только с «неучастием» Италии, поскольку бездействие Великобритании до сентября 1939 г. и очевидные затруднения Франции в определении своих реальных внешнеполитических интересов не оставляли других альтернатив. Это привело к мгновенному сближению с Италией даже тех стран, которые, как, например, Греция, и, в меньшей степени, Румыния, всегда несколько дистанцировались от нее. Кроме того, итальянская позиция нейтралитета в течение нескольких месяцев развивалась таким образом, что делала правдоподобным создание блока нейтральных стран, ориентированного на итальянскую внешнюю политику и подкрепленного британским морским присутствием в Восточном Средиземноморье.

С другой стороны, римское правительство также со все большим опасением наблюдало результаты соглашения Молотов-Риббентроп, которое могло открыть Советскому Союзу путь к Балканскому полуострову, создав в этом регионе (вдобавок к уже имевшемуся мощному германскому присутствию) еще одного соперника, способного угрожать интересам Италии и ограничить сферу ее влияния чуть ли ни одной Албанией. Проект создания нейтрального блока не оценивался негативно даже немецкой стороной, поскольку считалось, что координирующая роль Италии по отношению к нейтральным балканским государствам, в конечном счете, будет блокировать последствия экономической военной

политики англичан. Однако, когда Чиано отправился в Берлин для того, чтобы Риббентроп и Гитлер разъяснили ему значение германо-советских соглашений, он услышал от фюрера: «Италия — это страна, которая должна стать абсолютным хозяином Средиземноморья, обладая гегемонией во всех странах Балканского полуострова, непосредственно выходящих на Средиземное море и Адриатику». Эта формулировка именно так описывала сферу предполагаемого влияния Италии, ограничивая ее лишь частью Югославии, Албанией и Грецией, в то время как устремления итальянских фашистов всегда были гораздо более обширными.

5.2.2. ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ

За пределами Европы война с самого ее начала воспринималась весьма по-разному. Американцы были по-прежнему озадачены и почти разочарованы неспособностью европейцев понять, к какой собственной катастрофе они идут. Несколько часов спустя после вступления в войну Великобритании и Франции (3 сентября 1939 г.) Рузвельт обратился к американскому народу по радио в одной из своих знаменитых «бесед у камина»: «Наша страна сохранит нейтралитет, — сказал он, — но я не могу требовать, чтобы все американцы оставались морально нейтральными». Он и дальше оставался убежденным в том, что Соединенные Штаты должны были сохранять нейтралитет. Впрочем, и общественное мнение испытывало сильное влияние изоляционистов, в такой же степени, как и противоречивые импульсы, связанные с национальным происхождением некоторых из многочисленных американских этнических групп. Популярность президента основывалась на его способности завоевать поддержку этих групп, зачастую принадлежавших к наименее привилегированным слоям.

В середине сентября Рузвельт направил в конгресс послание, которое должно было начать дискуссию по четвертому закону о нейтралитете, вступившему в силу после его одобрения 4 ноября 1939 г. Послание Рузвельта преследовало двойную цель: сохранить нейтралитет, а также воспрепятствовать победе Германии. Закон должен был быть пересмотрен таким образом, чтобы сделать более надежным сохранение мира, однако мир, говорил госсекретарь Кордуэлл Хэлл, станет возможен только в том случае, если войну выиграют Франция и Великобритания. Но «если войну выиграет Германия, то очень вероятно, что также и [американцы] будут вынуждены воевать». Такая обеспокоенность отразилась в новой формулировке принципа эмбарго на вооружения, согласно которому предусматривалось, что западные союзники могли по-

купать его у Соединенных Штатов на основе правила *cash and carry* (платеж наличными и перевозка за счет покупателя). Это означало изменения, благоприятные для осуществления целей Великобритании, связанных со срочной ликвидацией отставания от Германии в подготовке к войне.

Иной была ситуация в других частях мира. В Латинской Америке, где зависимость от Соединенных Штатов часто порождала антиамериканские и антибританские настроения, немцы и итальянцы развернули внушительную пропагандистскую деятельность по проникновению в особенности в среду эмигрантских сообществ, связанных происхождением с этими двумя странами. Эта деятельность принесла свои плоды, по крайней мере в Аргентине и Бразилии, где немецкие интересы, а позднее и итальянские, воспринимались без враждебности, а часто — с такой долей симпатии, что вашингтонское правительство было вынуждено создать специальное бюро, предназначенное для пропаганды политики войны, проводимой союзниками, и, прежде всего, для формирования противовеса шпионской деятельности Германии. В течение всей войны последняя оставалась для союзников открытой и деликатной проблемой в особенности, в случае с Аргентиной.

Политически наиболее активная часть населения колоний понимала, что война изменит отношения Европы со всем остальным миром. Ограниченная война создала бы лишь краткосрочные проблемы. Однако в том случае, если в войну действительно были бы вовлечены Франция, Великобритания, Бельгия, Голландия и Италия, это отразилось бы на Африке, Ближнем и Среднем Востоке и Юго-Восточной Азии. Поэтому необходимо было внимательно рассмотреть перспективы, вытекающие из новых событий. В Африке, вероятно, только страны, имевшие выход к Средиземноморью, созрели для движения за независимость, а Египет уже продемонстрировал в 1936 г. насколько острым было его желание сбросить британскую опеку.

На Ближнем и Среднем Востоке политика держав-мандатариев создавала проблемы как для англичан, так и для французов. Однако именно англичанам пришлось столкнуться с потенциальными рисками прежде всего в Ираке, где было сильно немецкое присутствие, и в Палестине, где конфликт по поводу еврейской иммиграции создал глубокий разрыв между державой-мандатарием и арабским населением. Этот разрыв не смогла заполнить даже «Белая книга», опубликованная англичанами в мае 1939 г. Британский документ обещал Палестине независимость в течение десяти лет и жестко ограничивал еврейскую иммиграцию 75 тыс. человек в год в течение пяти лет, после чего решение вопроса

о ней должно было зависеть от согласия арабов. Однако эти уступки показались арабам запоздалыми. Они не изменили подспудную тенденцию палестинского национализма (и в целом, национализма других арабских стран) к одобрению идеи поражения Британии. Не учитывая того, что последнее подвергло бы их тяготам нового колониализма, возможно, более жестокого, они полагали, что поражение лишит Великобританию значительной части ее империи или, по крайней мере, регионов, которые были присоединены к ней только после Первой мировой войны.

Именно эта ситуация делала столь неустойчивой и стратегически важной позицию Турции (каким бы ни был выбор союзов со стороны Советов), поскольку лояльность турок в отношении Запада, пусть и ограниченная позицией нейтралитета, отделила бы Балканский полуостров со всеми его противоречиями от Ближневосточного региона, препятствуя развитию неконтролируемых процессов и повторению ошибок, подобных тем, что были совершены в 1914 г. Оттоманской империей. Впрочем, позиция Турции была важна и в связи с Ираном, также соблюдавшим нейтралитет. Во главе страны в то время находился шах Реза Пехлеви I, восприимчивый к нацистской пропаганде и массивному германскому присутствию в своей стране, нефтяные ресурсы которой были, однако, необходимы Великобритании.

Не менее неустойчивой была ситуация в Индии. В «жемчужине» британской короны движение за независимость набирало силу с начала века и укрепилось в период между двумя войнами, в особенности после того, как партия Индийский национальный конгресс, представлявшая индусское население, и Мусульманская лига, представлявшая исламское население, пришли к заключению пакта о единстве действий. Лондонское правительство, не готовое к рождению сильного националистического движения, выдвигавшего требование не только местной автономии, но полной самостоятельности и даже независимости, по крайней мере, в статусе доминиона (которого уже добились «белые» колонии), отреагировало жестокими репрессиями и последовавшим заключением в тюрьму индийских национальных вождей. Однако появление таких фигур, как Мохандас Ганди, связавшего свою политическую борьбу с философией ненасилия, но способного своей харизмой добиваться широчайшей поддержки, или таких, как Джавахарлал Неру, более внимательного к проблемам политической жизни и влиянию лейбористов или к советскому примеру, вынуждало британцев быть более осторожными. Впрочем, Ганди, путешествуя по Европе, хотя и не шел ни на какие компромиссы, не колеблясь принимал приглашения фашистских вождей, что не

создавало каких-либо конкретных проблем, но указывало на потенциальные тенденции.

Попыткой Британии исправить ситуацию стало обнародование в 1935 г. *India Act* (Закона об управлении Индией), который должен был стать первым шагом к постепенному предоставлению самоуправления этой стране. Однако, когда 3 сентября 1939 г. Великобритания объявила войну Германии, британский вице-король в Нью-Дели, маркиз Линлитглоу, без колебаний заявил о вступлении также и Индии в состояние войны, не позаботившись о консультациях с индийскими политическими лидерами, поскольку сама Индия еще формально не получила статус доминиона. Это был достаточно неосторожный жест, рассчитанный на лояльность к Великобритании, которая уже дала, однако, трещину. Партия Конгресса отреагировала на выступление вице-короля заявлением, что Индия сможет подтвердить свою солидарность с метрополией только при условии, что будет признана ее независимость и будет образовано индийское национальное правительство. При этом допускалось сохранение на период войны контроля над индийскими войсками со стороны англичан.

Такая реакция, имевшая место еще до того, как последующий ход войны поставил Индию в ключевое для исхода конфликта положение, является свидетельством трудностей, с которыми, помимо гитлеровской политики, столкнулась Великобритания за пределами своей территории. Индийские требования были отвергнуты, однако уже 18 октября 1939 г. в заявлении вице-короля в качестве цели британской политики утверждалось получение Индией своего места среди доминионов, но — по окончании войны. Тем временем имперское правительство предприняло с этой целью надлежащие меры, поручив их разработку *круглому столу* с участием представителей индийских политических сил. Все это не было решением проблемы, однако это было то небольшое, что обеспечило Лондону поддержку лейбористов, озабоченных предоставлением Индии независимости и входивших с июня 1940 г. в правительственную коалицию, возглавлявшуюся Уинстоном Черчиллем. Эти меры действительно закладывали основы для изменений, которые становились неизбежными с ходом войны.

Двумя наиболее чувствительными точками (кроме Сингапура) с учетом их европейских связей были Индокитай и Индонезийский архипелаг. В Индокитае французская администрация в предшествовавшее десятилетие немного сделала для того, чтобы добиться сотрудничества местных властей, отдавая предпочтение системе тщательного непосредственного контроля, направленного, в первую очередь, на удовлетворение экономических и стратеги-

ческих интересов метрополии и местных колонистов. Решение реагировать на рост национализма в 20–30-е годы с позиции силы, вынуждая местную оппозицию уйти на нелегальное положение и способствуя, таким образом, превращению Коммунистической партии Вьетнама в одну из наиболее влиятельных политических сил Юго-Восточной Азии, было обусловлено недостаточно реалистичной оценкой ситуации и необоснованной переоценкой силы французского колониализма. Парижское правительство не желало и не было способно выявить и надлежащим образом привлечь местные элиты к осуществлению своих планов и, таким образом, упустило возможность осуществить плавный переход к политике передачи власти, который превратил бы противников Франции из непосредственных врагов в потенциальных партнеров или, по меньшей мере, в нейтральных наблюдателей.

Не сильно отличалась ситуация в голландских владениях в Индонезии. В конце Первой мировой войны голландцы начали создавать здесь представительные органы власти, однако в целом система управления, основанная на общих критериях непрямого правления с опорой на традиционную властную иерархию, оставалась патерналистской и авторитарной. Она была неспособна считаться с проявлениями, наряду с другими последствиями европеизации, растущих устремлений образованных элит, образованных по-европейски, и противоречий между ними и традиционалистскими слоями общества. Жестко пресекалась любая форма национализма; в 30-е годы были арестованы и депортированы национальные лидеры, представлявшие, как Сукарно и Хатта, ту часть образованной элиты, которая могла стать наиболее полезным партнером для голландцев. Это привело, в конце концов, к усилению национализма и упрочению позиции сторонников враждебного отношения к метрополии.

Таким образом, обозревая эту панораму нейтрального мира в момент вспышки конфликта в Европе, не касаясь пока региона, где война уже полыхала в течение двух лет, а именно, региона, где действовала Япония, можно заметить как распространялись, пусть и с различными нюансами, отголоски происшедшего столкновения, не вызывая непосредственных последствий, но приводя в движение силы, которые впоследствии будут действовать все более ускоренными темпами.

Германия напала на Польшу с целью привести в движение цепь изменений, способных решить проблемы «больших пространств», которые Гитлер считал необходимыми для осуществления своего глобального проекта. Однако Гитлер не улавливал того, что предвидели как американцы, так и англичане в качестве

отдаленного результата кризиса, а именно того, что весь мир ощутит последствия «европейской гражданской войны», даже если она ограничится масштабами Польши и Германии.

События в Японии развивались параллельно германским, но независимо от них. Обе страны были связаны общим интересом — воевать с Советским Союзом и коммунизмом — начиная с подписания «Антикоминтерновского пакта» 25 ноября 1936 г. Это совпадение интересов, коррелировавшее также с выдвигавшимися параллельно проектами создания огромных сфер исключительного влияния (для японцев — в Китае и в Тихом Океане), ограничивалось двумя внутренними противоречиями. Первое касалось различия в концепциях отношений с Великобританией. Для Германии после 1938 г. эти отношения перестали носить позитивный характер, и Великобритания превратилась в противника номер один. Для Японии сохранялись неизменными мотивации, сделавшие в 1902 г. возможным англо-японский и антирусский союз. Британское присутствие в Тихом океане являлось одновременно ограничителем и отправной точкой для японской политики, выдвигавшей цели, совместимые с целями Великобритании, которых она почти всегда последовательно придерживалась вплоть до 1941 г.

Второй элемент расхождений был представлен, хотя и временно, разной степенью гибкости в отношении Советского Союза. Для Германии царская Россия или Советский Союз всегда являлись как полезным союзником, так и противником, подлежащим уничтожению. В 1939 г. пакт о ненападении положил начало этапу сотрудничества, которое, хотя и было временным, представлялось опасным и контрпродуктивным для японских интересов. Для Японии, граница которой на Азиатском континенте простиралась от Маньчжурии до Китая, СССР был традиционным противником.

Соединенные Штаты также являлись потенциальным препятствием для японского экспансионизма. Однако вплоть до 1941 г. их соперничество прошло через несколько этапов, позволявших просматривать скрываемую временными разногласиями совместимость их глубинных интересов и возможность найти формулы сосуществования. Ситуация изменилась с 1941 г., когда в Японии возобладали экспансионистские силы, связанные прежде всего с военно-морскими кругами. Вся история XX века свидетельствует о невозможности примирить японские интересы в Азии с советскими интересами, что и отразилось в 1939 г. на японской позиции в отношении европейской войны. Поэтому, когда Гитлер подписал договор о ненападении с Советским Союзом, реакция японцев вытекала в первую очередь из оценки рисков, которым

подверглась Япония вследствие неожиданного радикального изменения ситуации. Пакт Риббентропа–Молотова отделял развитие событий в регионе, где доминировала Япония, от событий, относившихся к региону с преобладанием европейских держав. Две войны, которые в 1941 г. должны будут слиться в единое столкновение с противниками, которые почти всегда были общими, в 1939 г. еще представляли собой отдельные конфликты. Нельзя также с уверенностью утверждать, что в сентябре 1939 г. токийское правительство поддерживало германо-советскую победу над Польшей. Напротив, существует больше подтверждений обратного.

5.3. Поражение Польши и новые германо-советские соглашения. «Зимняя война»

5.3.1. «МОЛНИЕНОСНАЯ ВОЙНА» В ПОЛЬШЕ

«Молниеносная война», спланированная немцами, полностью удалась. Польские войска, заблуждавшиеся относительно возможности оказывать сопротивление германской военной машине с помощью устаревшего вооружения, были опрокинуты танками Третьего рейха. Вооруженные силы и города немцы разрушили бомбардировками. 25 сентября ковровой бомбардировке подверглась Варшава. На следующий день столица Польши была в руках немцев. Польское правительство укрылось в Лондоне, став первым «правительством в изгнании».

Между тем перед немцами встала проблема позиции Советского Союза. Гитлер надеялся на быстрое участие СССР в военных действиях, поскольку полномасштабная германо-советская солидарность сделала бы для него возможным по окончании войны в Польше начать мирное наступление на англичан и французов. Для советской стороны существовали две трудности. Первая состояла в том, что в момент подписания пакта с немцами Москва не представляла себе, как об этом свидетельствуют источники, что нападение на Польшу было столь неотвратимым и, следовательно, не предприняла военных приготовлений, необходимых для согласованных действий. Вторая трудность вытекала из формальной ситуации в советско-польских отношениях, которые не давали предлога для внезапного объявления войны. С 1932 г. обе страны были связаны договором о ненападении, обновленным 28 ноября 1938 г. и дополненным последующими соглашениями в декабре 1938 г. и в январе 1939 г. В этих условиях поиск формулы, которая, хотя бы в общем виде, оправдывала нарушение обя-

зательств о ненападении, представлялся весьма трудным. Молотов и германский посол в Москве, сыгравшие главную роль в определении условий и времени действий Советского Союза, обсудили формулу, в соответствии с которой действия Красной армии могли бы быть оправданы необходимостью защиты украинских и белорусских меньшинств «от германской угрозы». И только с большим трудом фон Шуленбург добился того, что эта мотивировка была заменена прозрачной метафорой, намекавшей на необходимость вмешательства с целью защитить украинских и белорусских братьев от нависшей над ними угрозы из-за использования «третьей державой» (интересно, какой?) в ситуации хаоса, возникшей в Польше.

С таким обоснованием 17 сентября советские войска пересекли польскую границу и вышли на позиции вдоль линии, установленной секретными августовскими протоколами. Оставалась проблема придать этим военным акциям окончательное политическое оформление, решив, в том числе, должно ли сохраниться какое-то подобие польского правительства. Главной являлась более общая проблема: какое значение следует придавать нацистско-советскому пакту, который именно в тот момент мог превратиться из временного соглашения, основанного на взаимовыгодных интересах, в соглашение, предусматривающее долгосрочные обязательства. Советы намеревались использовать пакт в качестве трамплина с целью совершения поворота в своей внешней политике от этапа выжидания к этапу нарастающей активности. Немцы, в свою очередь, воспользовались случаем для того, чтобы обеспечить себе более длительную и надежную поддержку на Востоке, способную принести плоды не только в связи с войной против Польши, но также и в контексте глобальных планов Гитлера, не собиравшегося отказываться от своих более долгосрочных стратегических планов.

5.3.2. ГЕРМАНО-СОВЕТСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ 28 СЕНТЯБРЯ 1939 г.

Проблема была решена с помощью новых соглашений, подписанных Риббентропом в Москве 28 сентября. Первый договор касался новой границы «соответствующих сфер национальных интересов», определяя, что каждая из сторон устанавливает порядок в отведенной ей зоне по собственному усмотрению. По сравнению с 23 августа германская граница передвигалась до линии от Вислы до Буга так, что она совпадала на практике с линией Керзона 1919 г. Тем самым Советам предоставлялась возможность претендовать на территорию, которую они приобрели бы и в случае

поражения Германии (что они тогда же предусматривали и что именно произошло в 1945 г.). Кроме того, Германия получала регион, называвшийся «треугольником Сувалки» (без города Августов), на границе между Восточной Пруссией и Литвой. В обмен Литва, в отличие от того, что было предусмотрено месяцем раньше, передавалась в советскую сферу влияния.

Территориальные соглашения сопровождалась рядом последующих политических и торговых договоренностей, касавшихся: а) свободного перемещения соответствующего этнического населения из одного региона в другой; б) решения о недопустимости польской агитации и о консультациях, в случае необходимости, с целью ее ликвидации; в) обязательства заключать торговые соглашения (которые были подписаны позднее, в феврале 1940 г.) о поставках советской стороной различных видов сырья с оплатой германскими промышленными товарами; г) согласия СССР на использование его железных дорог для германского транзита с Румынией, Ираном, Афганистаном и Дальним Востоком. Эти и другие более мелкие соглашения расширяли значение двустороннего соглашения и даже придавали ему вид военного союза, непосредственно направленного против Франции и Великобритании, на которые в договоренностях о подавлении возможного сопротивления поляков возлагалась ответственность за нарушение нового порядка, установленного в Центральной Европе.

28 сентября Германия получила исключительный контроль над частью Польши, позволявший ей представлять себя в будущем в качестве державы, господствующей на почти всех этнически польских территориях, и, следовательно, державы, которая в случае заключения компромиссного мира могла бы согласиться с возрождением небольшой Польши. В краткосрочном плане этот результат был важен для Гитлера, готовившегося начать свое «мирное наступление» в отношении западных держав. Вместе с внушительными экономическими уступками это объясняет, почему фюрер согласился с советской гегемонией в Балтийском море. В самом деле, принятием статей, касавшихся Литвы, Советский Союз, продолжавший тем временем оказывать давление на Финляндию, демонстрировал направление, в котором будет развиваться его экспансионистская политика. Это было направление, указанное царской традицией и толкавшее СССР на путь конфликта с западными державами, но не оставлявшее в покое также и немцев.

Нежелание Сталина терять время продемонстрировал тот факт, что его правительство сразу навязало Прибалтийским государствам подписание договоров о взаимопомощи (с Эстонией именно 28 сентября, с Латвией — 5 октября и с Литвой — 10 октября),

по которым три страны предоставляли Советскому Союзу право размещать военно-воздушные и военно-морские базы на их территориях с целью «защиты» маленьких государств от опасности агрессии. При этом не уточнялись количество и месторасположение таких баз, что должны были определить последующие соглашения. Договор с Латвией предусматривал немедленное создание баз Красной армии на латвийской территории. Вильнюс и Вильнюсская область исключались из польской зоны, оккупированной русскими, и передавались Литве. Это еще не было формальной аннексией трех Прибалтийских государств Советским Союзом (это произошло в короткие сроки в июле–августе 1940 г. на основе «добровольной» просьбы их правительств), и, следовательно, на тот момент они сохраняли свою независимость. Однако фактическая оккупация, которой подверглись эти три государства, полностью поставила под советский контроль южное побережье Балтийского моря. Вслед за этим наступила очередь Финляндии.

5.3.3. «ЗИМНЯЯ ВОЙНА»

Граница между Финляндией и Советским Союзом, определенная в октябре 1920 г. Юрьевским (Тартуским) договором, проходила немногим меньше чем в тридцати километрах от Ленинграда (Санкт-Петербурга), то есть на расстоянии дальности действия крупнокалиберной артиллерии. Естественно, не было оснований предполагать, что Финляндия нападет на Советский Союз, разве что в случае, если бы она стала военной базой какой-либо другой державы, например, Германии, чего нельзя было исключить до 23 августа 1939 г. Однако в период двухлетнего существования германо-советского союза это представлялось невероятным.

Таков был контекст, в котором Москва возобновила в октябре 1939 г. переговоры, прерванные в предыдущем году, требуя, чтобы Финляндия уступила часть Карельского перешейка и согласилась на создание советских военно-морских баз на своей территории. Опыт Прибалтийских государств был слишком свеж в памяти, а линия финского правительства слишком отличалась от их позиции для того, чтобы хельсинкское правительство согласилось на в общем-то умеренные советские требования. Москва сформулировала идею обмена территориями, однако Хельсинки продолжал упорствовать. Сталин был раздражен непримиримостью этой маленькой страны, осмелившейся бросить вызов могущественному соседу. В начале декабря он признал «правительство Финляндской Демократической Республики», сформированное группой эмигрантов, которые со времен революционной волны проживали

в СССР, и возглавляемое Отто Куусиненом, давним деятелем Коминтерна финской национальности. Именно с этим правительством Советы подписали нужный им договор и приступили к его выполнению.

Военные действия начались 29 ноября и были продолжены с большей активностью начиная со 2 декабря. Хельсинкское правительство прибегло к помощи Лиги Наций, вышедшей на мгновение из летаргического состояния, в котором она пребывала, для того, чтобы выразить свое негодование и принять 14 декабря 1939 г. решение об исключении Советского Союза. Тем временем Красная армия терпела тяжелые неудачи, поскольку была остановлена финскими войсками, нанешими ей ряд унижительных поражений.

«Зимняя война» имела важные политические последствия. Акт агрессии, сам по себе достойный сожаления, вызвал волну поддержки Финляндии со стороны многих стран мира — не только демократических, но также и Италии (где война рассматривалась как своего рода реванш по отношению к союзнику Германии) и даже самой Германии. Стала очевидной крайняя слабость советской армии, а поэтому и бессмысленность идти на слишком большие уступки Москве. Это было очевидно западным державам, но, прежде всего, — немцам, которые почувствовали себя свободными в своих действиях, чем они и смогли воспользоваться в ближайшем будущем. Произошло изменение в соотношении сил, которое стало проявляться со все большей очевидностью.

Поэтому, хотя в начале марта 1940 г. русским удалось прорвать «линию Маннергейма», то есть финскую линию обороны, остановившую их наступление, Сталин решил распустить правительство Куусинена и 12 марта 1940 г. заключил мир с Финляндией на условиях, предложенных еще в октябре: уступка части Карельского перешейка с городом Выборгом и некоторых военно-морских баз на финской территории. В целом, это был унижительный мир для советских руководителей, которые, мобилизовав армию, в результате лишь продемонстрировали ее слабость. Именно этот аспект начал оказывать влияние на новый этап войны, к которому готовился перейти Гитлер.

5.3.4. «МИРНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ» ГИТЛЕРА И АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЙ ОТВЕТ

Во время польской кампании англичане и французы не хотели и не могли противостоять в военном отношении действиям немцев, начав наступление на западной границе. Они не стали предпринимать шаги в этом направлении прежде всего по страте-

гическим соображениям, поскольку французский генеральный штаб был подготовлен к оборонительной, а не к молниеносной войне. Они не сделали этого и потому, что у них не было возможности действовать своевременно. В соответствии с франко-польскими военными протоколами французские войска должны были начать военные операции 19 сентября. К этой дате не только состоялось советское вмешательство в дела Польши, но и Польша в целом уже потерпела поражение. Кратковременные операции, длившиеся неделю, с 6 по 12 сентября, против «линии Зигфрида», расположенной вдоль франко-германской границы, были отражены сопротивлением немцев, заставившим генерала Гамелена прекратить попытки наступления. Не были даже использованы военно-воздушные силы, поскольку Чемберлен хотел избежать ответных действий против английских предприятий, работавших в полную силу, и полагал, что (как он говорил Даладьё) «Польша потеряна в любом случае». Только на море происходили более заметные столкновения, связанные с ответом немцев на объявление Францией и Англией блокады Германии. Однако и в этой области военные операции никогда не выходили за определенные пределы. Эти пределы были обусловлены нежеланием немцев совершить в тот момент что-либо непоправимое до того, как будет разыграна последняя дипломатическая карта. Поскольку конфликт был ограничен кругом нескольких держав и практически — территорией Польши, постольку этот путь оставался открытым.

Такой была обстановка, в которой Гитлер провозгласил 6 октября 1939 г. «мирное наступление». Он сделал это в своей продолжительной речи в рейхстаге, во время которой — после превознесения немецкой победы в Польше — он начал развивать, как будто бы за это время ничего не произошло, свою аргументацию, обращенную к западным державам. Конфликт возник из-за польского вопроса. Теперь польский вопрос решен, и Германия склонна поддерживать воссоздание польского государства при условии, что оно даст гарантии того, что не станет центром интриг, направленных против Германии и СССР. Германии нечего требовать от западных держав, она заботится лишь о формировании стабильного мира. Гитлер заверял, что он не хочет других изменений на политической карте Европы. Да, он требовал возврата колоний, но не делал из этого ультимативного условия. Он высказал пожелание созыва экономической конференции по реконструкции и стабилизации в Европе и предложил, чтобы все это было обсуждено на конференции великих европейских держав. В противном случае Германия продолжит войну до конца и всеми имеющимися у нее средствами.

Эта речь стала важным эпизодом в деятельности Гитлера. Она поставила перед странами-противниками главные проблемы. Хотя его предложение носило откровенно провокационный характер, оно не может рассматриваться в отрыве от общей стратегической и программной концепции Гитлера — концепции, которая уже начинала превалировать над соображениями чисто военного характера. В соответствии с этой концепцией Великобритания являлась главным противником Германии до тех пор, пока она оставалась во главе громадной империи и могла располагать таким резервным стратегическим арсеналом, как Соединенные Штаты.

Если бы Великобритания пошла на сближение с Германией, смирившись, в силу обстоятельств, с уменьшением своих размеров и сотрудничая с Германией в построении новой мировой системы, основанной на возвращении немецкой стороной колоний, утраченных после Первой мировой войны, Гитлер охотно вернулся бы к своей главной идее. А она предусматривала поиск жизненного пространства для Германии на Востоке и, следовательно, как сотрудничество с Польшей (которое Гитлер предложил, как он считал, убедительным образом в период, предшествовавший кризису), так и отказ от германо-советского пакта и быстрое начало кампании против Советского Союза. Мир, таким образом, был бы переустроен именно за счет Советского Союза, являвшегося, с точки зрения Гитлера, хрупким колоссом, которому угрожали этнические различия и неустойчивая ситуация в структурах власти внутри страны. В контексте такого переустройства и Великобритания могла сохранить свою значительную роль, конечно, более важную, чем Франция; Франции в планах Гитлера предназначалась роль союзника, подчиненного Германии.

В этой концепции война против Польши действительно представляла собой только некую интермедию, позволившую Германии продемонстрировать всю свою военную мощь и показавшую со всей очевидностью агрессивность, но одновременно и политическую, и военную слабость СССР. Эту интермедию можно было завершить; в октябре дискурс, поставленный под сомнение в августе, мог быть возобновлен так, как будто бы ничего не произошло, или, точнее, произошли только события, сделавшие Германию вершителем судеб в Центральной Европе. Британские интересы, по логике гитлеровской концепции, не были затронуты, в то время как Германия стала более сильной для того, чтобы настаивать на принятии общего компромисса (который много раз вырисовывался в неформальных переговорах, проходивших между двумя правительствами после Мюнхена) как по колониальной проблеме, так и в экономической области.

Эти предложения Гитлера уже заключали в себе антисоветскую направленность, поскольку акцент на необходимости пересмотра национальных проблем, касавшихся государств Южной и Юго-Восточной Европы, относился к региону, в котором всегда весьма чувствительно затрагивались интересы Советского Союза (в еще большей степени это проявится к 1940 г.). Обсуждать эти проблемы с западными державами означало предполагать определенные жертвы со стороны Советского Союза. Таким образом, в предложении Гитлера имплицитно содержалась идея компромиссного мира в обмен на воссоздание более уменьшенной и более покорной Польши и рождение большой антисоветской коалиции.

Для того чтобы англичане и французы поверили обещаниям Гитлера, нужны были политические условия, уже не существовавшие, и военные условия, еще не существовавшие. В военном плане еще не было очевидного превосходства Германии. И уже не было, за исключением узких британских и французских кругов, доверия к политическим предложениям Гитлера. Слишком много раз после 1936 г. фюрер заявлял о своем стремлении к миру и сотрудничеству, чувстве удовлетворенности и отказе от более далеко идущих требований, а затем под надуманными предлогами возвращал себе в нужный момент свободу действий, чтобы правящие круги Парижа и Лондона все еще верили ему. Вероятно, английские и французские участники переговоров помнили, как их делегации прибыли на переговоры в Москву утром 23 августа для устранения последних разногласий в отношении гарантий, которые следует предоставить Польше, и услышали, что Риббентроп в свою очередь тоже прибыл в Москву. Такие неожиданные повороты событий нравились Гитлеру, и они казались ему совершенно естественным их ходом. Однако тому, кто не разделял его дипломатический стиль (а это был весь остальной мир, включая итальянских и японских союзников), не составляло труда увидеть в мирных предложениях немецкого диктатора только предлог для того, чтобы западные державы согласились с исчезновением Польши, а Германия получила достаточный промежуток времени для завершения своих военных приготовлений — те три года, о которых Чиано, Риббентроп, Муссолини и Гитлер всегда не без основания говорили.

В подобной атмосфере было трудно и даже невозможно принять эти мирные предложения. Сразу же после начала войны, после неудач, связанных с проведением политики умиротворения агрессора, французское и британское правительства подверглись частичным изменениям в плане усиления сторонников непримиримой позиции. В Великобритании Уинстон Черчилль вошел

в правительство в качестве военно-морского министра, а Антони Иден — министра по делам доминионов. Во Франции Бонне, считавшийся активным приверженцем компромисса, оставил министерство иностранных дел, а Даладье получил его портфель. Наконец, начали предприниматься попытки организовать совместные действия. 12 сентября впервые собрался англо-французский военный совет, и генерал Гамелен получил пост главнокомандующего союзными войсками на западном фронте. Четыре британские дивизии, высадившиеся во Франции, были расположены вдоль границы с Бельгией.

В целом преобладала воля к сопротивлению, а Гитлер совершил одну из ошибок, которые он часто совершал с присущим ему эгоцентризмом. Гитлер, хотя ему удавалось тонко и верно просчитывать политические комбинации в отдельных случаях, не умел оценивать, поскольку это было ему глубоко чуждо, влияние процессов изменения общественного мнения при демократическом режиме. Он не видел в Великобритании ничего, кроме нескольких государственных деятелей и дипломатов, обладавших терпением, терпимостью и готовностью к контактам. Он и ранее не задумывался, не вспомнил и в тот момент об уроках опыта молодого Наполеона — невероятном упорстве, с которым англичане встретили войну, и заставили посчитаться с их аргументами или, если угодно, интересами, не идя ни на какие компромиссы. Не хотел он учитывать и роль, которую в обороне Великобритании и борьбе против нацизма могли играть Соединенные Штаты, богатая, не подвергающаяся угрозе бомбежек, передовая в научном и технологическом отношении страна.

Первый официальный ответ на речь Гитлера последовал 10 октября от французов, когда Даладье подтвердил, что союзники согласятся на заключение мира только в том случае, если они получат гарантии безопасности. Безопасности, которая не будет ставиться под сомнение каждые шесть месяцев. Ответ Британии был дан 12 октября Чемберленом в речи в палате общин. Великобритания, сказал он, ни при каких условиях не примет мир, основанный на признании завоеваний Германии. Мир должен быть подлинным, прочным и гарантированным, поэтому он не может основываться на обещаниях правительства, которому никто больше не доверяет. Не получив убедительных доказательств «в виде четких действий и эффективных гарантий» искренности стремления к миру с немецкой стороны, демократические державы продолжат войну. Однако такие доказательства отсутствовали, поскольку в речи фюрера не упоминалось о том, каким образом будут исправлены несправедливости, совершенные в отношении Чехословакии и Польши.

Реакция на предложение Гитлера была, вероятно, просчитана. Она предоставила немецкому диктатору возможность в пропагандистских целях возложить ответственность за войну на западные державы. Однако оставалась открытой проблема когда, где и как будут сделаны следующие шаги, и кем они будут сделаны.

5.3.5. «СТРАННАЯ ВОЙНА»
ВОЕННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ГИТЛЕРА

Решение продолжить войну на Западе было принято Гитлером еще до начала военных действий. Тем не менее отказ англичан и французов от мирного предложения поставил проблему выбора сроков для действий. Колебания, сопровождавшие этот выбор, отражали как недостаточную подготовку немцев, так и слабости положения Франции. Было очевидно, что в военном отношении, учитывая наличие двух оборонительных систем на франко-германской границе («линии Мажино» и «линии Зигфрида»), стратегически наиболее уязвимыми оставались нейтральные Голландия и Бельгия. Западные державы много раз гарантировали правительствам обеих стран, что в случае войны они не будут пытаться создавать без согласия заинтересованных сторон оборонительные линии или боевые порядки для наступления на их территории. Однако беспринципность Гитлера заставляла, по меньшей мере, сомневаться в том, что он захочет лишиться такого легкого и такого привлекательного пути для совершения любого военного маневра в отношении Франции. Речь шла, следовательно, о времени нападения и позиции, которую займут в связи с этим Бельгия и Голландия.

С военной точки зрения Гитлер выступал за необходимость действий. Еще до того, как был обнародован отрицательный ответ союзников, он подготовил меморандум, наметивший стратегические директивы, касавшиеся военных действий. Это была необходимость, продиктованная опасениями, связанными с бездеятельностью, и боязнью того, что в обеих странах может закрепиться противник, превратив их в базы, с которых будут проводиться воздушные налеты на стратегические предприятия Рура и Рейнской области. Военная верхушка отрицательно относилась к такой постановке проблемы, поскольку считала, что Германия обладает недостаточным количеством военно-воздушных и наземных сил, сосредоточенных в одном месте. Некоторые из ее представителей даже начали подготовку государственного военного переворота, который устранил бы Гитлера и привел к власти Геринга, вероятного протагониста другого мирного проекта. В составлении этого

плана не участвовали *in extremis* главнокомандующий сухопутными силами фон Браухич, холодный и безликий бюрократ, а также генерал Гальдер, начальник Генерального штаба армии. Они подчинились воле Гитлера, требовавшего, чтобы около 80 дивизий, готовые к наступлению на Западе, начали действовать 12 ноября. Их остановила только внезапная резкая перемена погоды, лишившая немецкую бронетехнику и самолеты возможности быстрого маневра.

Концентрация немецких войск на границе Голландии и Бельгии не прошла незамеченной. В связи с тем, что начало боевых действий было отложено, возник некий промежуток времени для предотвращения предполагаемых действий немцев. Вопрос сводился к тому, чтобы бельгийское правительство, избравшее в ноябре 1939 г. политику нейтралитета, теперь согласилось обратиться с просьбой о защите к французам, что представлялось логичным перед лицом очевидной германской угрозы.

Спокойствие было нарушено инцидентом, происшедшим в первые числа ноября, когда несколько немецких самолетов пролетели над бельгийской территорией. Брюссельское правительство неожиданно осознало опасность присутствия большого количества немецких дивизий на границе страны. Бельгийский король Леопольд III полагал, что немцы преследовали только цели устрашения. Однако часть его правительства и, в первую очередь, министр иностранных дел Поль-Анри Спаак не разделяли его оптимизма. Не разделяла его и королева Нидерландов Вильгельмина, которая тем временем предприняла дипломатическую инициативу, порученную министру иностранных дел ван Клефенсу и имевшую целью обратиться ко всем воюющим державам с призывом к миру. Не следовало строить иллюзий, считали голландцы, относительно реакции Гитлера на этот призыв. Однако он, по крайней мере, предоставит некоторую отсрочку, которая позволит согласовать необходимые военные контрмеры с французами.

Поэтому 8 ноября совместный шаг бельгийцев и французозов был преподнесен как публичное предложение «добрых услуг». Он застал врасплох как союзников, так и немцев. Союзники усматривали в нем абсолютное отсутствие реализма, учитывая то, что совершил к этому моменту Гитлер. Принять предложение означало бы, по мнению французского президента Лебрена, одобрить «триумф несправедливости». Немцы ответили уклончиво. Однако намерения Гитлера хорошо известны. Только природные причины, то есть погодные изменения воспрепятствовали тому, чтобы ответ в соответствии с планами фюрера был дан 12 ноября.

Отсрочка военных действий на короткое время создала иллюзию отдаления угрозы. В январе 1940 г. бельгийский двор узнал через принцессу Марию Жозе, сестру короля Леопольда и жену итальянского наследного принца Умберто Савойского, что, согласно информации, поступившей от графа Чиано, нападение немцев было неизбежным. Более того, оно назначено на 14 января. В атмосфере смятения и растерянности состоялся обмен мнениями и предположениями, в результате которого должен был возникнуть «превентивный призыв» о помощи со стороны бельгийцев к французам. Были ли в действительности таковыми намерения Леопольда III, впоследствии было поставлено под сомнение (и не без основания) бельгийской историографией. Несмотря на двойственность ситуации, французы должны были принять решения по данному поводу. В течение нескольких дней их войска оставались в состоянии боевой готовности. 19 января Спаак разъяснил двусмысленность ситуации. Никто в действительности не имел намерения просить французов о помощи. Впрочем, погодные условия были все еще таковы, что делали невозможными военные действия немцев, и Гитлер ориентировался на другие стратегические акции. До тех пор, пока Гитлер не решил начать действовать, на бельгийском фронте не произошло ничего нового. А произошло все в дипломатическом и военном контексте, настолько ухудшившемся для французов, что своевременные контрдействия стали невозможными. Оптимистическая пассивность бельгийцев оставалась необъяснимой. Что касается неспособности французов определить реальные военные меры, то она подтверждала преемственность французской оборонительной стратегии.

5.3.6. НАПАДЕНИЕ НЕМЦЕВ НА НОРВЕГИЮ

Гитлер имел совершенно определенные планы, которые его заставили отложить только германские военачальники и погодные условия. Что же планировали союзники для того, чтобы действительно бороться с ним, как они торжественно заявляли, отвергая его мирное предложение? В связи с отсрочкой немцами начала военных действий англичане и французы решили в какой-то момент вмешаться в советско-финляндский конфликт чтобы противостоять его влиянию на зону Балтийского моря. Однако медлительность, с которой осуществлялся этот замысел, сделала невозможными какие-либо неожиданные действия, затянув принятие всякого решения до момента неожиданного советского наступления и заключения московского мира в марте 1940 г. Таким образом, рухнула иллюзия об открытии финского фронта, которое,

впрочем, не оказало бы существенного влияния на предстоящую немецкую кампанию в Западной Европе.

В тот момент приобрела актуальность проблема Скандинавских государств, которые, сохраняя своей нейтралитет и осуществляя значительные поставки железной руды в Германию морем, в основном из северного норвежского порта Нарвик, не проявляли желания способствовать делу западных демократий. Идея активизации в скандинавском регионе с целью блокировать поставки шведской железной руды не была, следовательно, забыта Даладье, являвшимся, вместе с Уинстоном Черчиллем самым упорным сторонником вмешательства в конфликт в Финляндии. В середине марта 1940 г. Даладье добивался начала военных действий в Норвегии, направленных на то, чтобы устранить психологические последствия советско-финляндской войны и продемонстрировать, что союзники способны взять на себя инициативу и вернуть доверие на внутреннем фронте, ослабленном бездействием и эффектом германских побед. Страх норвежцев и французов перед Германией становился аргументом в пользу энергичных военных действий, даже ценой принесения в жертву норвежского нейтралитета.

Даладье сформулировал эти предложения как исходя из объективных причин военного характера, так и в силу внутренних обстоятельств. В самом деле, он подвергался в парламенте противоречивым нападкам: со стороны тех, кто подталкивал к более энергичному ведению войны, и со стороны тех, кто подталкивал к компромиссу с Германией. Однако идеи французов были неприемлемы для британского правительства, озабоченного реакцией, которую их акции вызовут в Соединенных Штатах и трудностями, связанными с военными действиями. Идее начать действовать в Норвегии лондонское правительство противопоставило идею установки мин на немецких реках и, в особенности, на Рейне, что парализовало бы речную навигацию в Германии. Однако эта идея имела в глазах французов тот недостаток, что план должен был осуществляться в непосредственной близости от территории Франции и поэтому таил в себе непосредственную угрозу ей.

Жертвой этой ситуации военного шаха стал сам Даладье, вынужденный подать в отставку 19 марта 1940 г., уступив кресло премьер-министра Полю Рейно, которого считали более авторитетным и более способным активизировать военные усилия. Даладье, однако, остался в правительстве в качестве министра обороны и продолжал сдерживать своего преемника, который, впрочем, будучи избранным парламентским большинством всего в один голос, подтверждал тем самым политическую непрочность

своей позиции. Поэтому отставка Даладье не стала препятствием для обсуждения плана действий в Норвегии, который был преобразован в предложение создать сеть минных полей в норвежских водах таким образом, чтобы суда, направлявшиеся из Нарвика, были вынуждены выходить в открытое море, где господствовала Великобритания.

Вопрос обсуждался в ходе заседания Верховного союзного совета, состоявшегося в Лондоне 28 февраля. Это было важное заседание, поскольку в ходе него Рейно, хотя и добился принятия французских военных планов, согласился пересмотреть прежний отказ заключить политическое соглашение между двумя странами, обязывавшее их не заключать сепаратно мир или перемирие и достигнуть полного согласия относительно условий взаимной безопасности до начала любых переговоров мире. Приняв эту политическую предпосылку, союзники пришли к согласию относительно осуществления их военных планов: как того, что касался минирования немецких рек, так и плана минирования норвежских территориальных вод. С этой целью следовало в начале апреля предупредить норвежское правительство о принятом решении, и 5 апреля начать установку мин. Из-за оставшихся разногласий по вопросу о своевременности минирования немецких рек действия в отношении Норвегии были отложены до 8 апреля, когда Осло был проинформирован относительно трех морских зон в норвежских территориальных водах, в которых будут установлены мины с тем, чтобы вынуждать суда выходить в открытое море. Для Гитлера это оказалось удачным совпадением, позволившим ему представить в качестве оборонительного решение, созревшее уже давно, — о нападении на Данию и Норвегию 12 часов спустя после вручения англо-французской ноты в Осло.

В действительности, внимание Гитлера не было сконцентрировано на Скандинавских государствах. В соответствии с его планами их нейтралитета было достаточно для достижения главной цели германского наступления, которой, по крайней мере, начиная с января-февраля 1940 г., стало нападение на Францию через территорию Нидерландов и Бельгии. Изменению этого плана способствовала в первую очередь «зимняя война». Действительно, Гитлер демонстрировал, что он воодушевлен советской победой и считает ее чуть ли не победой самой Германии. Однако за этой внешней позицией крылось глубокое недовольство значением и последствиями продвижения Советского Союза. В самом деле, было нетрудно заметить, что война и аннексии территорий были в первую очередь направлены на укрепление СССР по отношению к самой Германии, и лишь во вторую — на усиление советского

присутствия в Балтийском море и его влияния на Скандинавские страны, вплоть до распространения этого влияния чуть ли не на Атлантику.

Поэтому появился план, в первую очередь в германских военно-морских кругах, полного завоевания Норвегии и Дании с тем, чтобы получить надежный контроль над путями к Балтийскому морю. Германское адмиралтейство стало продвигаться в этом направлении с октября 1939 г., исходя из идеи совместного германо-советского давления на Норвегию. Адмиралы Дениц и Редер уже тогда предложили Гитлеру этот вариант действий, но им не удалось привлечь его внимание. Безразличие фюрера исчезло после того, как были отложены военные действия против Франции. Предложенная адмиралами идея внушала больше доверия, чем проект нацистских деятелей относительно мирного достижения данной цели благодаря сотрудничеству Видкуна Квислинга, вождя партии «Национальное объединение» (*Nasjonal Samling*), уже давно имевшего связи с Розенбергом, теоретиком национал-социализма. Квислинг готов был совершить государственный переворот, который обеспечил бы почти безболезненный переход Норвегии на сторону Третьего рейха.

В декабре Квислинг отправился в Германию, где встретился с Редером, а благодаря его посредничеству, и с Гитлером. На встрече он подчеркнул необходимость выступления немцев до начала франко-британских действий. На этот раз Гитлер с большим вниманием отнесся к этой опасности и 13 декабря 1939 г. отдал приказ о подготовке планов оккупации Норвегии. Это не была директива оперативного характера, в том числе и потому, что Гитлер в те недели, когда еще сохранялась возможность развертывания наступления на Францию, опасался использовать вооруженные силы в менее важных операциях. Только после того, как эта цель оказалась неосуществимой, Норвегия стала проблемой первого плана, что было также связано с ходом войны в Финляндии. 1 марта Гитлер подписал окончательную директиву о вторжении в Норвегию и Данию. Черeda отсрочек привела к тому, что его действия пересеклись с шагами франко-британского блока. Начатую 9 апреля военную операцию против Дании и Норвегии можно было представить не как результат старого плана, разработанного несколько месяцев назад, а как ответ на нарушение франко-британским блоком норвежского нейтралитета. И хотя в дальнейшем ход событий показал несостоятельность этих аргументов, они представляли, как бы то ни было, алиби.

Военные действия велись с молниеносной быстротой. Дания была не в состоянии сопротивляться. Король приказал населению

не оказывать сопротивления и подчиниться германским властям. В Норвегии немецкие войска, доставленные малотоннажными судами и понтонами, высадились беспрепятственно и овладели портами и стратегическими точками по всей стране. Только вокруг Осло было организовано сопротивление, длившееся недолго, но сделавшее возможным выдвижение нескольких политических инициатив. В самом деле, действия Германии сопровождались не объявлением войны, а дипломатической нотой, в случае принятия которой норвежская территория оказывалась под немецким контролем при сохранении формального суверенитета короля Хокона VII. Нота была отвергнута королем, правительством и большинством парламента, покинувшими Осло и укrywшимися в более отдаленной от фронта местности.

Тем временем Квислинг провозгласил себя премьер-министром и объявил, что законное правительство низложено. Германский посол должен был, таким образом, вести переговоры или с марионеточным пронацистским правительством или с королем. Последний отказался признать какую бы то ни было власть путчиста и предателя и вынудил немцев открыть их карты.

15 апреля ударные франко-британские силы, вместо того, чтобы минировать норвежские территориальные воды, высадились в северных районах Норвегии, и военные действия приобрели здесь значительный размах. 24 апреля Германия объявила войну Норвегии, и войска, верные королю, продолжали сражаться до тех пор, пока ухудшение ситуации во Фландрии и во Франции не вынудило союзников эвакуировать свои воинские контингенты. 9 июня оставшиеся норвежские силы были вынуждены капитулировать. Королю Хокону и его правительству удалось укрыться в Лондоне, тогда как вокруг Квислинга сгруппировались пронацистские элементы, поддерживавшие его с самого начала, однако быстро осознавшие свою изоляцию в стране.

Для обозначения периода с октября по май 1939—1940 гг. использовалось выражение «*drole de guerre*», (то есть «странная война», шуточная война), имевшее пренебрежительный смысл, как бы означающий, что союзники предоставили Гитлеру время для совершения любых шагов по его усмотрению — начиная с выбора времени до выбора места действия. Так что непримиримость, с которой отвергались мирные предложения нацистского диктатора, была абсолютно бесплодна, выражая решимость британцев, но также и неуверенность французов. Чтобы несколько по-иному взглянуть на эти оценки, следует учесть то, о чем говорилось до сих пор. Месяцы, истекшие с поражения Польши до нападения на Францию, прошли в мучительных поисках способов, какими

можно было дать эффективный ответ. Если для Германии сначала сгущение туч над Бельгией, затем война Советского Союза с Финляндией (с идеей возможного франко-британского вмешательства), наконец, нападение на Данию и Норвегию и были проявлением колебаний или разногласий, связанных с ведением боевых действий, то для западных стран это были серьезные поводы для поисков выхода из тупика, в котором они оказались.

После того, как проявился реальный военный потенциал немецкой армии, французам больше не представлялась возможной наступательная война против Германии, и в этом смысле они оказывались уязвимыми для критики, поскольку демонстрировали иллюзии, на которых основывалась их военная политика, но также и оправданные основания своей двадцатилетней обеспокоенности проблемой безопасности. Они оказались в ситуации, когда были *должны* ожидать инициативу со стороны немцев для того, чтобы соразмерить с ней свой ответ. Они делали это в сложной внутривнутриполитической обстановке: политические силы на левом фланге оказались расколота предательством Советов. Париж был потрясен очевидной неудачей двадцати лет дипломатических ошибок. Те, кто подвел бы в тот момент итог французской внешней политики между двумя войнами, насчитал бы немислимое количество ошибок и зигзагов. Однако все это не позволяет дать только отрицательную оценку. «Французский кризис» имел глубокие политические и институциональные причины, которые лишь опосредованно отражались на военных действиях.

Что касается Великобритании, то критическое осуждение следует пересмотреть еще более категорично. Британцы не были подготовлены к тому типу войны, который продемонстрировали немцы, сумев нанести поражение Польше. Они, вероятно, были готовы использовать свое морское превосходство, но для того, чтобы это произошло, надо было, чтобы представились подходящие обстоятельства. А они до июня 1940 г. не представлялись. Англичане энергично создавали свои военно-воздушные силы, но еще не были способны сопротивляться способам ведения войны немцами, и их преждевременное выступление нанесло бы ущерб всей их подготовке. Они могли участвовать в ограниченных военных действиях на суше, как в том случае, когда они развернули свои войска вдоль бельгийской границы или послали их сражаться на норвежской территории. Однако не существовало сухопутной британской армии, способной эффективным образом поддержать переход французов к открытому столкновению с тем, чтобы бросить вызов Германии в то время, когда она была задействована в других местах.

«Странная война», следовательно, — полемическое и сбивающее с толку выражение, плод горечи поражения, опасность которого нависла над Францией, и которое многие ощущали как неизбежность. Пессимизм общественного сознания перед лицом германских побед породил пораженчество во Франции и в союзных ей странах континента. Но это еще не было смирение, сохранялась надежда на то, что удастся преодолеть трудный момент, если только вырвать инициативу у Гитлера. Оценка «странной войны» поэтому должна быть пересмотрена, учитывая, что попытки вырвать инициативу у немцев делались много раз, но безуспешно, поскольку агрессору удавалось сохранить свое преимущество. Война осталась «без сражений». Но это не означало отказа от войны — со стороны англичан, несомненно. Речь могла идти только о таком отказе крайних группировок французской политической системы, ослабленной внезапным совпадением позиций правых и коммунистов, лояльных сталинскому диктату.

5.4. Военное поражение Франции

5.4.1. НАСТУПЛЕНИЕ НА ФРАНЦИЮ

10 мая 1940 г. началось наступление немцев на Францию. Гитлер частично изменил свои планы осени 1939 г., скопированные с планов боевых действий 1914 г., в соответствии с которыми он намеревался нанести Франции удар с территории Бельгии. В феврале 1940 г. он принял предложения крупнейших знатоков танковой войны генералов Манштейна и Гудериана, подсказавших ему идею прорвать фронт противника в месте соединения французских и бельгийских линий обороны, в районе Арденн.

Когда сопротивление французов было сломлено, немецкие бронетанковые силы открыли себе путь для совершения маневров по двум направлениям. Первый — в северном направлении, по окружению англо-французских войск вблизи бельгийской границы, и второй — в южном направлении, по окружению войск, расположенных вдоль «линии Мажино». Быстрота маневра стала залогом победы, а его стратегическим достоинством было то, что он расчленил фронт противника, лишив его возможности сопротивляться. К этому маневру Гитлер добавил две важные директивы — нападение на Нидерланды и, сразу же после этого, — на Бельгию. Таким образом, он стремился привлечь франко-английские силы с тем, чтобы окружить их с юга, и начать наступление во Фландрии во избежание опасности подвергнуться нападению французов за спиной у войск, сосредоточенных в районе Арденн.

Эти действия быстро увенчались полным успехом. Сложность ситуации усугубила внутривластная обстановка во Франции. 9 мая в связи с разногласиями относительно методов ведения войны между Даладье и генералом Гамеленом, с одной стороны, и Рейно — с другой, последний ушел в отставку, только наступление немцев помешало началу правительственного кризиса, дело ограничилось простыми перестановками в правительстве. В тот же день в Лондоне ушел в отставку Чемберлен, сметенный критикой в связи с военными действиями в Норвегии. Формировать правительство было поручено Уинстону Черчиллю, с этого момента сумевшего стать олицетворением воли британцев к сопротивлению и возглавившего правительство национального единства, в котором были представлены лучшие деятели страны.

Немецкое наступление привело к полному окружению нейтральной и неподготовленной к войне Голландии. После жесточайшей бомбардировки Роттердама частями люфтваффе 15 мая голландское военное командование отдало приказ о прекращении огня; тем временем королева Вильгельмина и ее правительство избежали плена, укрывшись на британском крейсере, доставившем их в Лондон.

Немецкие войска, возглавляемые фон Рунштедтом, легко сломили сопротивление противника в Арденнах и приготовились к наступлению в двух намеченных направлениях в соответствии со сроками, предусмотренными в стратегических планах Гитлера. Осознав всю остроту кризиса, Черчилль 16 мая отправился в Париж, где ощутил масштаб катастрофы и невозможность контр наступления из-за отсутствия резервов. Здесь обозначилась дилемма, которая вскоре станет ключевой для отношений в рамках союза с Францией: выбор приоритетов между защитой британской земли от немецких воздушных атак и необходимостью исполнения обязательств, налагаемых коалицией в отношении союзника, находившегося, казалось, на краю гибели. То есть речь шла об оценке рисков принесения бесполезных жертв ради уже проигранной битвы. Однако Черчилль должен был учитывать невозможность идти на неоправданные риски, и поэтому призвал своих коллег в Париже рассмотреть вопрос о возможном выводе британских войск с французской территории.

Перед лицом очевидного поражения Рейно пытался укрепить свои политические позиции с помощью еще одной перестановки в кабинете министров, чреватой потенциальными последствиями. На этот раз он пригласил в правительство в качестве вице-председателя совета министров маршала Филиппа Петэна, единственного оставшегося в живых из генералов-участников Первой мировой

войны, живого символа национальной славы. Кроме того, он сместил генерала Гамелена и назначил верховным главнокомандующим вооруженных сил генерала Максима Вейгана, военного, для которого были характерны высокий боевой дух, но также и большой реализм.

Первым результатом этих перестановок стала попытка остановить наступление немцев, вступив во взаимодействие с бельгийскими войсками, закрепившимися на берегу реки Изер. Контрнаступление провалилось, и 24 мая началось общее отступление. Тем временем между англичанами и французами нарастали разногласия по поводу намерения британцев вывести войска Соединенного королевства с французской территории и эвакуировать их на британскую землю. В самом деле, под нажимом немцев союзные войска готовились к созданию опорного плацдарма между Кале и Дюнкерком. Для французов это было средство оттянуть войска противника, для англичан — сохранять свободным путь к отступлению.

Если бы в тот момент Гитлер приказал продолжать военные действия до конца, то англо-французское поражение было бы полным. Однако он дал приказ своим генералам о трехдневной паузе для перегруппировки войск, паузе, позволившей войскам противника укрепиться в районе Дюнкерка, а англичанам — вернуться на родину, хотя и под бомбами, почти весь их экспедиционный корпус, а также вывезти несколько десятков тысяч французов. Общее число эвакуированных составило почти 350 тыс. человек, что в обстановке всеобщей катастрофы казалось почти чудом.

Относительно причин передышки, предоставленной Гитлером, выдвигались разные гипотезы, связанные с предположением, что Гитлер способствовал выводу британских войск по политическим соображениям. Однако при этом ускользают подлинные причины того, что Джан Лука Андре определяет как «одну из самых серьезных ошибок, допущенных [Гитлером] в ходе конфликта». С другой стороны, в дни передышки немцы вынудили к капитуляции также и Бельгию. Король Леопольд III, отказавшись покинуть страну, обратился к немцам с просьбой о перемирии, и это привело к разрыву между монархом и правительством. Подписав акт о капитуляции, Леопольд III легитимизировал победу немцев и заложил основы нового политического курса. Законное правительство Бельгии во главе с Юбером Пьерло (министром иностранных дел в нем был Спаак) переместилось в Лондон для того, чтобы продолжать борьбу.

После ликвидации Дюнкеркского «мешка» немцы стали обладателями всей северной Франции. 5 июня они начали наступление на французскую линию обороны на реке Сомме (куда Вейган переместил войска, ранее расположенные вдоль «линии Мажино»),

и с этого дня военные действия развивались по одной схеме: поражение французов, занятие немцами 14 июня Парижа, переезд французского правительства сначала в Тур, а затем — в Бордо. Параллельно в общественном мнении нарастало ощущение поражения и произошло укрепление влияния партии сторонников перемирия. О такой возможности начали говорить 25 мая. В самом деле, ни Вейган, ни Петэн не способствовали возрождению чувства национальной гордости, которое должно было дать или могло, вероятно, дать французам силы оказывать сопротивление. Напротив, именно от них исходили наиболее явные пораженческие настроения. Вейган был разочарован невозможностью добиться эффективной поддержки британцев для обороны Соммы; Петэн, исполненный пессимизма, также не возражал против компромиссного соглашения с победившей Германией.

После поражения на Сомме даже непримиримый Рейно начал колебаться. Напрасно Черчилль в ходе нескольких своих визитов во Францию пытался его поддержать. В действительности он не мог сделать единственной вещи, о которой мечтали французы — обеспечить немедленное и мощное британское вмешательство. Энергии воли в тот момент оказалось недостаточно для правительства страны, чья территория не была защищена естественными барьерами. Для того, чтобы вернуть французам силу к сопротивлению, недостаточно было и предложения, сформулированного *in extremis* 16 июня франко-английским сражающимся комитетом, и подхваченного Черчиллем, — о немедленном создании франко-британского союза, который объединил бы оборону, внешнюю политику, экономику и государственные институты двух государств. В действительности это предложение переплеталось с дискуссией относительно согласия британцев на то, чтобы французы, несмотря на соглашение, подписанное 28 марта, просили о сепаратном перемирии. Рейно, который должен был оценить неопределенность британского предложения в момент столь страшного кризиса, тогда же, 16 июня, отступил. Он отправился к президенту Лебрену и подал в отставку. Его немедленно сменил в кресле главы правительства маршал Петэн, окруживший себя деятелями типа Бодуэна на посту министра иностранных дел, Вейгана — министра обороны и Дарлана — военно-морского министра.

5.4.2. НЕЙТРАЛИТЕТ ИТАЛИИ

10 июня 1940 г. в момент, когда после прорыва немцев на Сомме поражение французов казалось неизбежным, Муссолини положил конец колебаниям Италии и вручил французскому

и британскому послан в Риме ноты с объявлением войны. Несколько часов спустя в речи в Шарлотсвилле (штат Вирджиния) Рузвельт, который в этой ситуации довел до логического конца свою поддержку англо-французского блока, заклеил решение дуче как «удар в спину» («stab in the back») Франции. Трудно не согласиться с жесткостью такого определения, которое содержало осуждение цинизма фашистского диктатора и, как это ни печально, превращало то, что он хотел выдать за хитрость в духе Макиавелли, в заурядное признание сдачи своих позиций перед лицом необходимости. В самом деле, в тот момент и в тех условиях вступление Италии в войну не могло иметь другого смысла.

«Неучастие» Италии в войне прошло различные этапы. В первые недели итальянцы надеялись, что победа над Польшей действительно будет означать триумф тезиса об ограниченной и кратковременной войне. Напрасная надежда, вызванная мирными предложениями Гитлера, была рассеяна реалиями франко-английского сопротивления, обещавшего стать гораздо более серьезным, чем это представлялось. В этих условиях итало-германские отношения переживали в течение нескольких месяцев период упадка, что проявилось в двух смежных сферах, касавшихся, однако, разных сюжетов. Первая была связана с тщетной попыткой создать балканский блок нейтральных стран, что решило бы значительную часть итальянских проблем в одной из зон, жизненно важных для внешней политики дуче. Другая — касалась обострения напряженности в отношениях с Германией по вопросу о возможности свободного выбора гражданства жителей Альто-Адидже.

Сразу же после аншлюса, в качестве подтверждения стремления считать окончательной новую границу с Италией, были достигнуты договоренности о том, что жители Южного Тироля, которые этого захотят, могут перебраться на жительство в Германию, и что немецкое правительство поможет им соответствующим образом при переселении. Выполнение соглашения привело к ряду осложнений, прежде всего для пронацистской пропаганды, которую немецкие агенты проводили в Альто-Адидже. Эта пропаганда в сочетании с медленностью процесса переселения заставляла думать о существовании других целей, тем более что еще не переехавшие переселенцы, не считавшие более нужным подчиняться итальянскому законодательству, совершали действия, принимавшие все более опасный характер.

Переговоры по этому предмету были поручены двум дипломатам с исключительным опытом практического решения подобных вопросов — Амедео Джаннини от Италии и Карлу Клодиусу от Германии. В течение всей второй половины 1939 г. этот вопрос

являлся предметом дискуссии и переговоров, испытывавших сильное влияние новостей из Больцано. В соответствии с ними немцы для того, чтобы добиться плебисцитарного волеизъявления с очевидным политическим смыслом, прибегали ко всякого рода давлению, вплоть до того, что поддерживали слухи о неизбежном присоединении Альто-Адидже к Германии. Именно этот момент был наиболее напряженным в итало-германских отношениях. Не следует забывать, что сразу же после аншлюса итальянский генеральный штаб отдал приказ о начале строительства системы укреплений вдоль границы с Германией, как бы предвидя возможность нападения немцев на Италию. Лишь в декабре 1939 г. по вопросу о переселенцах были достигнуты более точные практические договоренности, не помешавшие, однако, тому, чтобы эта тема оставалась латентным мотивом для разногласий в течение всего периода существования итало-германского союза.

Другие причины разногласий между двумя странами крылись в экономических отношениях. Муссолини обосновывал итальянский нейтралитет недостатком некоторых видов сырья, которыми Италия должна была обеспечивать себя из-за границы из самой Германии или даже стран, враждебных Германии. В этой двойственной ориентации итальянской торговли содержалась причина все более глубоких разногласий. В самом деле, немцы были не в состоянии поставить итальянцам то, что они просили, а англичане не могли терпеть, чтобы Италия вела торговлю с использованием морских путей и таким образом укрепляться, возможно, с целью ведения войны с Великобританией. Морской путь из Италии и в Италию попадал, в конце концов, в ловушку, т.е. в сети морской блокады, направленной против Германии, в особенности после того, как 21 ноября лондонское правительство в ответ на неограниченное использование магнитных мин немецкой стороной заявило о блокаде германского флота. Это была почти полная блокада, и поэтому почти все поставки из Италии и в Италию должны были осуществляться по железной дороге, идущей через Бреннер. С одной стороны, немцы обещали посылать в Италию все большее количество сырья и, в особенности, угля, а с другой, — им не удалось выполнить свое обязательство, поскольку немецкий уголь мог перевозиться в достаточных количествах только морским путем.

По этому вопросу необходимо было некое молчаливое согласие англо-французского блока, возможное в свете перспективы отдаления Италии от Германии, а также в целях помешать немцам оторвать от блока союзников новый элемент и более тесно привязать Италию к своей активности, увеличив уже существующий

разрыв между Италией, Великобританией и Францией, разрыв, который хотели уменьшить противники вступления Италии в войну. Торговые и политические соображения преобладали над проблемами военной стратегии. Обещания немцев, приведшие к заключению экономического соглашения 24 февраля 1940 г., были направлены на устранение колебаний итальянцев и на то, чтобы подтолкнуть Муссолини занять позицию, откровенно враждебную в отношении морской блокады. Морская блокада, в свою очередь, служила предупреждением относительно трудностей, с которыми Италия столкнется, если вступит в войну, и вместе с политическими посулами могла подтолкнуть Муссолини к равноудаленности, а затем, возможно, и к полному повороту фронта.

Однако больше всего дуче был обеспокоен отношениями между Германией и Советским Союзом, что сыграло значительную роль в определении итальянской позиции «неучастия», и что продолжало оказывать влияние на стратегические оценки Муссолини относительно будущего итальянской экспансии, которую он считал все еще возможной благодаря войне, хотя теперь и затрудненной русским давлением на Балканы.

То, каким образом итальянцы отнеслись к «зимней войне», выступив, вопреки ожиданиям и намерениям Муссолини, в поддержку маленького финского народа, было признаком недоверия к Берлину, достигшего в конце 1939 — начале 1940 г. своего апогея. Итальянская сторона отвергала пропаганду Коминтерна в поддержку германо-советского соглашения, направленную против «буржуазных» государств. 16 декабря граф Чиано, пытавшийся в тот момент наметить отрыв Италии от Германии в антисоветских целях, произнес речь в палате фаши и корпораций, которая, как пишет Андре, «обозначила один из наиболее важных моментов в истории итальянского «неучастия» и представляла собой, без сомнения, апогей усилий фашистского министра иностранных дел по углублению разногласий с Берлином до такой степени, которая сделала бы невозможным или, по крайней мере, крайне сложным вступление Италии в войну на стороне Германии».

Речь Чиано лишь воспроизводило хронику последнего периода итало-германских отношений, от предварительных переговоров по подготовке «Стального пакта» до самых последних событий. Кроме того, он опустил всякую критику западных держав и ясно выявил свою антисоветскую ориентацию.

В русле логики этой речи, произведшей глубокое впечатление, но также вызвавшей «яростную» реакцию фон Риббентропа, находилась и последовавшая затем еще более важная итальянская инициатива — письмо, которое Муссолини направил Гитлеру

5 января 1940 г. Это письмо прерывало период четырехмесячного молчания и содержало длинное и подробное изложение итальянских концепций. Хотя Муссолини и подтверждал намерение действовать «в рамках союзнического пакта», аргументация, которая развивалась в письме, демонстрировала, что Италия действует *за пределами* союза.

Муссолини остановился, прежде всего, на двух моментах: невозможности полной победы над Великобританией и последствиях дальнейшего сближения между Германией и Советским Союзом. В отношении первого момента Муссолини основывался на аксиоме, в соответствии с которой было бы наивно полагать, что Соединенные Штаты будут пассивно присутствовать при «полном поражении демократий». В отношении второго момента Муссолини похвально пониманием тактических причин нацистско-советского пакта, замечая при этом: «В Польше и на Балтике Россия без единого выстрела больше всех выиграла от войны». В этой ситуации как можно было принести в жертву антисемитские и антибольшевистские принципы, изначально присущие нацизму, не отвергая ценностей, за которые боролись в течение двадцати лет? «4 месяца назад Россия была врагом *номер один*; она не может стать и не является *другим номер один*».

Письмо представляло собой открытый призыв не возобновлять крупномасштабных военных действий и сделать возможным итальянское посредничество, которое в новой ситуации будет иметь успех. Несмотря на то, что аргументация дуче стала в Берлине предметом внимательного изучения, ответ задержался надолго — до 10 марта 1940 г. Он был дан лишь через несколько дней после того, как Гитлер уже отдал приказ о нападении на Данию и Норвегию, положив начало военным операциям, которые потом без перерыва будут продолжаться на Западе — против Голландии, Бельгии и Франции. Следовательно, если Муссолини хотел предоставить Гитлеру возможность и канал для возобновления дипломатического посредничества, то действия Гитлера, в еще большей степени, чем слова, свидетельствовали, что такая цель была чужда ему еще до того, как приобрела более конкретные очертания. Более того, тон ответа фюрера означал настоящий поворот в столь дружеских отношениях двух диктаторов. В самом деле, Гитлер впервые обратил внимание Муссолини на суровую реальность новой ситуации, на вред позиции Италии и на опасности, с которыми ей придется столкнуться в дальнейшем. Гитлер обстоятельно опроверг аргументацию Муссолини. Он отверг упреки в преждевременности войны, не выдвигая при этом аргумента о непредвиденной реакции франко-британского блока, а утверждая

свое мнение, что Великобритания уже решила до конца бороться с диктаторскими режимами. Поэтому немцам необходимо использовать благоприятный момент, связанный с наличием у них более совершенной военной подготовки. Что касается Советского Союза, то Гитлер утверждал, что идеологический вопрос следовало временно отложить. Необходимо посмотреть на результаты экономического сотрудничества, которое уже приносит серьезные плоды, и будет приносить их в будущем. Следовало также учитывать, что советский режим утратил черты пламенного поборника коммунизма и вновь приобрел характер русского национализма, с которым Германия много раз эффективно сотрудничала. Ни один из тезисов Муссолини не был принят, и, более того, немецкий диктатор поставил дуче перед альтернативой, не оставлявшей места для надежд. В самом деле, проблема состояла не в том, чтобы перестроить союзы, поскольку Гитлер, несмотря на сомнения Муссолини, был уверен в победе, а в том, чтобы выбрать, находиться ли бок о бок с победителем или же отдалиться от него и быть враждебным ему.

Немецкий диктатор изложил это без всяких двусмысленностей: «Думаю, что по одному вопросу не может быть никакого сомнения: исход этой войны решает также и будущее Италии! Если это будущее рассматривается Вашей страной только как увековечивание существования в качестве европейского государства со скромными претензиями, то тогда я ошибался. Но если будущее рассматривать по меркам гарантии для существования итальянского народа с исторической, геополитической и моральной точек зрения, то есть в соответствии с потребностями, связанными с правом Вашего народа на жизнь, то те же враги, которые сегодня воюют с Германией, будут и вашими противниками».

«Я верю, — продолжал Гитлер угрожающим тоном пророка, — что судьба вынудит нас, рано или поздно, сражаться вместе». Коротко говоря, Гитлер написал тогда Муссолини, что его пространство для выбора уже сократилось до предела: или с Германией-победительницей на немецких условиях или сведение роли Италии к второстепенной в качестве «европейского государства со скромными претензиями». Державная политика Муссолини потерпела неудачу именно в тот момент, когда волею обстоятельств он был вынужден принять самое трудное решение во всей его внешней политике.

Письмо Гитлера было вручено лично Муссолини 10 марта 1940 г. фон Риббентропом, сопроводившим написанное убедительной военной и дипломатической аргументацией. Действительно, Риббентроп добавил, что решимость фюрера остается неизменной

и что война до победного конца с западными державами — неизбежна: «Фюрер не верит в возможность мира [...], он решился разбить стремление противников приносить бедствия, и поэтому нападет на Францию и Англию в момент, который сочтет своевременным». Относительно исхода схватки нет сомнений: Франция будет побеждена до начала осени, а англичане останутся на континенте только в качестве «военнопленных». Поэтому любые попытки посредничества не имеют смысла. Необходимо делать ставку на победу Германии и на сохранение роли Италии в Европе рядом с победоносной Германией или же выбрать нейтралитет, внешне солидарный, но по сути — враждебный. Необходимо решать, стать ли вторыми в Европе при господстве нацизма, или нейтральными и маргинальными из-за невыполнения «Стального пакта».

5.4.3. ВСТУПЛЕНИЕ ИТАЛИИ В ВОЙНУ

Язык Гитлера и фон Риббентропа был весьма вычурным и являлся способом представления совершенно фальсифицированной реальности. Однако масштаб военных успехов и уверенность в способности быстро сломить сопротивление французов придавали аргументации Гитлера весьма убедительную силу. 18 марта он встретился с Муссолини в Бреннере и повторил ему свою «лекцию». Судьба Италии была уже неразрывно связана с судьбой Германии: или обе будут победительницами или — побежденными. Единственной дипломатической операцией, которую попытался тогда спланировать Муссолини, была попытка привлечь Гитлера к защите интересов Италии на Балканах. Однако Гитлера не удалось заинтересовать этой проблемой. Германия и Россия в экономическом отношении дополняли друг друга, и поэтому фюрер заявил о решимости «сохранять в будущем навсегда» дружественные отношения с этой страной. В тот момент, до начала военных действий против Дании и Норвегии, оптимисты (или пессимисты, в зависимости от точки зрения) могли еще строить иллюзии относительно того, что за нацистским порывом скрывалось лишь бахвальство. Последние события, однако, наводили на мысль, что Муссолини уже оставил всякую надежду на компромиссный мир и начал готовиться к войне — почти наверняка бок о бок с Германией, хотя и с некоторыми мысленными оговорками относительно эффективного ведения военных действий.

В последующие недели завершились самые последние попытки ограничить масштаб столкновения. Рузвельт послал в Европу заместителя госсекретаря Сэмнера Уэллеса с миссией осуществления

зондажа в Риме и в Берлине, не имевшей никаких существенных результатов. Накануне возобновления военных действий на Западе в Рим прибыл Майрон Тэйлор, личный представитель Рузвельта при папе Пие XII. Он также, по договоренности с понтификом, попытался оказать сильный нажим на Муссолини. Дуче, однако, в этот момент следовал по своему пути, не обращая внимания даже на запоздалые предложения о сближении со стороны Франции и мог лишь подчиняться германской инициативе. 31 марта он подготовил «секретнейшую памятную записку», в которой, подтверждая, что предпочтительной целью для Италии остается компромиссный мир, утверждал:

«Италия не может остаться нейтральной на весь период войны, не отказавшись от своей роли, не дискредитировав себя, не сведя себя до уровня Швейцарии, умноженной на десять. Проблема состоит, следовательно, не в том, чтобы знать, вступит ли Италия в войну; речь идет только о том, чтобы знать, когда это произойдет и как; речь идет о том, чтобы, сохранив честь и достоинство, как можно дольше оттянуть момент нашего вступления в войну».

Когда начались военные действия, и были захвачены Нидерланды, Бельгия и Франция, стало ясно, что Муссолини оказался в драматической ситуации — перед необходимостью быстро принять решение о том, что он надеялся «отложить на возможно более длительный срок». Вся конструкция фашистской внешней политики была поставлена в зависимость от этого решения. Муссолини надеялся, что серьезное сопротивление французов поможет ему выйти из затруднительной ситуации. Но вскоре стало очевидно, что Франция не может противостоять напору немецкого наступления и что, следовательно, в континентальной Европе осталась единственным нейтральным государством Италия, союзница нацистской Германии. К тому же в Италии, как было известно, имелись антигерманские течения, не ускользавшие от внимания нацистов.

В этот момент Муссолини пришлось принять решение, ставшее уже неизбежным. 26 мая он сообщил военачальникам, что Италия вступит в войну в начале следующего месяца, вероятно, 5 июня. О краткой отсрочке попросил Гитлер. 10 июня Муссолини пригласил французского и британского послов для того, чтобы сообщить им о решении Италии. Сразу же после этого он обратился к толпе, собравшейся на площади Венеции, стремясь своей эмоциональной риторикой вызвать энтузиазм, который, по сути, был лишь поверхностным. За тонкой оболочкой надежды на победу скрывался страх, связанный с последствиями войны, которая для Франции вскоре закончится, в то время как Италия будет

сражаться на других фронтах. Действительно, после заключения итало-французского перемирия 24 июня война продолжилась с Великобританией.

В данной связи следует отметить, что вступление Италии в конфликт привело к первому значительному увеличению протяженности фронтов, которые до того дня были ограничены территориями, прилежащими к Германии. То обстоятельство, что Италия являлась колониальной империей, расширяло границы столкновения до Балканского полуострова, Восточного Средиземноморья и Африки. Поскольку Италия господствовала над Албанией, то с этого момента и Албания оказалась вовлеченной в войну, — не с соседними странами, а с далеким противником. Тем не менее, это был первый шаг в расширении конфликта на Балканы с перспективой его углубления. В Восточном Средиземноморье обладание Додеканесом теоретически позволяло Италии угрожать британским позициям, хотя архипелаг и не был превращен в настоящую военную базу.

Более важными оказались последствия, прямые и косвенные, для Африки. Итальянские владения в Восточной Африке (Эфиопия, Эритрея и Сомали) были окружены британскими и французскими колониями. Поэтому ситуация в Итальянской Восточной Африке заранее предопределялась трудностями коммуникаций, неизбежно осуществлявшихся через Суэц и Гибралтар, которые находились под британским контролем. Иной была ситуация в Ливии, граничившей на западе и на юге с колониями Франции, находившейся в кризисе. От них в краткосрочной перспективе не должно было исходить никакой опасности. Однако на востоке Ливия соседствовала с Египтом, теоретически нейтральным, однако связанным с Великобританией договором 1936 г., позволявшим англичанам вести там военные действия. Таким образом, открывалось два фронта: Восточно-африканский, где судьба итальянских войск была предрешена (исключая случай появления каких-либо непредвиденных обстоятельств), и фронт между Египтом и Ливией, которому в течение длительного времени суждено будет играть центральную роль в итальянской войне и в борьбе за превосходство в Средиземноморье.

Однако, вероятно, более важными, чем военные, были среднесрочные и долгосрочные политические последствия, к которым привел конфликт. В самом деле, он выдвинул на первый план явления и проблемы, остававшиеся до того момента латентными, поскольку заставил коренные народы в странах, уже охваченных влиятельными движениями за независимость, занять позицию в отношении своих естественных врагов, то есть колониальных

правительств, не вставая в то же время на сторону режимов, которые, конечно, не могли похвастаться незапятнанной репутацией сторонников деколонизации в прошлом (например, Италия, жестоко подавляла после Первой мировой войны движение за независимость Ливии или только что воевала с Эфиопией, одним из двух существовавших тогда независимых *африканских* государств — это была последняя колониальная война в прошлом; или же Германия, внутри которой — хотя она и действовала вовне с целью пробудить и оживить антибританский национализм во всем колониальном мире — доминировали политические силы, в чьей приверженности праву на самоопределение обоснованно заставляли сомневаться события). Иными словами, хотя военное значение вступления Италии в войну и было весьма ограниченным, последствия решения Муссолини повлекли за собой в колониальном мире цепь изменений, которые уже невозможно было остановить вплоть до середины 70-х годов.

5.4.4. КАПИТУЛЯЦИЯ ФРАНЦИИ

Просьба французов о перемирии была передана немцам через посредничество Испании. 16 июня Бодуэн обратился к послу Франко Лекерика с просьбой узнать об условиях, которые немцы выдвинут в обмен на прекращение военных действий. Аналогичное послание было отправлено на следующий день через Ватикан в Италию. Почти в то же самое время, 18 июня Гитлер и Муссолини встретились в Мюнхене, и договорились, что прекращение военных действий может состояться только в том случае, если Франция согласует условия перемирия не только с Германией, но также с Италией.

Решения французского правительства диктовались драматической неизбежностью военного поражения и страхом, что немецкие войска могут продвинуться даже до Бордо, где укрылось правительство, еще до того, как будет согласован вопрос о прекращении военных действий. Речь шла о нелегких решениях, поскольку пока сохранялась точка зрения, согласно которой следовало покинуть территорию метрополии и перебраться в Алжир (даже рискуя подвергнуться нападению Испании, связанной со странами «Оси») для того, чтобы продолжить там войну. Параллельно с этой точкой зрения, которую поддерживал Рейно до и после своей отставки, вставала проблема судьбы французского флота. Немцы в любом случае попытались бы завладеть им или, по меньшей мере, нейтрализовать его, однако у французской стороны существовал четкий план, направленный на то, чтобы флот

не попал в руки немцев. Во-первых, флот играл слишком большую роль для осуществления контроля над морями, и возможность его перехода к немцам беспокоила как англичан, так и тех же американцев. Вашингтонское правительство дошло даже до угроз относительно того, что если французское правительство не примет необходимых мер, чтобы воспрепятствовать такой возможности, то «оно окончательно утратит дружбу и солидарность Соединенных Штатов». Впрочем, министр военно-морского флота адмирал Дарлан, действовавший в соответствии с собственной независимой логикой, уже давно принял необходимые меры для того, чтобы помешать внезапному нападению немцев и действовать, в случае необходимости, даже и против воли правительства, которое, впрочем, во время последнего визита британцев в Бордо 19 июня выработало такую же договоренность с англичанами.

Эти две проблемы (проблема флота и перемирия с Италией) составляли, следовательно, наиболее сложные моменты капитуляции и без того представлявшейся нелегкой. С опозданием на несколько дней были сформированы две делегации. Французы получили инструкции прервать переговоры в том случае, если будет потребована выдача флота, оккупация заморских территорий Франции и оккупация всей территории французской метрополии. Немцы готовились диктовать свои жесткие, но не чрезвычайно суровые условия на встрече, состоявшейся 21 июня. Символично, что Гитлер захотел, чтобы она проходила в Компьенском лесу, где маршал Фош в 1918 г. в знаменитом железнодорожном вагоне на станции Ретонд вручил условия перемирия немцам. Гитлер и главные нацистские деятели приняли участие в первой части работы, а фюрер закончил свое выступление утверждением, что Германия не намеревается занимать жестокую позицию в отношении поверженного врага. Затем переговоры продолжились под руководством генерала фон Кейтеля от немцев и генерала Хюнтцигера от французов. Обсуждались 24 статьи немецких предложений; Хюнтцигеру они показались местами двусмысленными, но не неприемлемыми. Настоящим препятствием стало требование синхронности с итальянским перемирием.

На совещании 22 июня в Бордо французское правительство обсудило принципиальные вопросы. Оно попыталось добиться некоторых изменений в отношении флота, хотя немцы не требовали его сдачи, но лишь сосредоточения в определенных портах. Кроме того, оно пыталось выдвинуть требование о невыдаче военных преступников, а также избежать привязки франко-германского перемирия к перемирию с Италией. Ни одно из этих требований не было принято, хотя атмосфера переговоров почти ни

разу не обострялась так, как можно было бы ожидать, учитывая военные обстоятельства.

В Бордо правительство сочло, что идея продолжать сопротивление, переместившись в Алжир, неосуществима из-за военной слабости французов в Северной Африке. В тот же день 22 июня, вечером перемирие было подписано. Оно предусматривало, что немцы оккупируют всю северную и западную Францию, включая Атлантическое побережье вплоть до Луары, с городами Пуатье и Тур. Однако Савойя, Лион и вся южная Франция оставались под властью французского правительства (перенесшего свою резиденцию в курортный городок Виши), которое в этой зоне могло располагать собственными вооруженными силами численностью до 120 тыс. человек. Политические эмигранты, находившиеся во Франции, должны были быть переданы немцам, а немецкие военнопленные возвращены немедленно, в то время как французские — только после заключения мирного договора. Флот должен был сосредоточиться в указанных портах и только после войны возвращен Франции. Для гарантирования выполнения соглашений создавалась комиссия по перемирию, состоявшая из одних немцев, при которой, однако, французы могли иметь свою делегацию. Ничего не говорилось о будущем ни Франции, ни ее заморских территорий. В этом выражалась двойственность гитлеровской политики, предусматривавшей расплату за унижительное поражение, понесенное французами, однако достаточно гибкой для того, чтобы понять, что при определенных условиях Франция смогла бы внести вклад в порядок, который нацисты хотели установить в Европе, заменив при случае как Италию, так и Советский Союз.

Оставался вопрос о перемирии с Италией. Французское правительство должно было смириться с унижением, объявив себя проигравшим войну, которая состояла лишь из немногих приграничных столкновений. Впрочем, Муссолини испытал сильное давление немцев с тем, чтобы требования к Франции не содержали неприемлемых условий. Переговоры прошли в Риме, на вилле Инчиза, 23 июня и закончились в тот же день. Итальянские требования, в целом скромные, ограничились оккупацией нескольких участков территории вдоль альпийской гряды и демилитаризацией 50-километровой пограничной зоны как на территории метрополии, так и на границе между Ливией и африканскими колониями Франции, а также предоставлением Италии права использовать порт Джибути и железную дорогу Джибути—Адис-Абеба в Итальянской Восточной Африке.

Перемирие было подписано 24 июня и вступило в силу в ночь с 24 на 25. С того момента военные действия во Франции

прекратились и сразу же начал осуществляться сложный комплекс дипломатических инициатив (в противоположном направлении) с использованием тех возможностей для маневра, которые перемирие с Германией оставляло уцелевшему французскому правительству. Это была не безоговорочная капитуляция, а перемирие, которое могло стать прелюдией как к миру, так и к событиям, о которых в тот момент нельзя было и помыслить.

*5.4.5. ФРАНЦИЯ ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ:
МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ВИШИ И ДЕ ГОЛЛЕМ*

Накануне войны Франция была второй колониальной державой в мире. Ее владения в виде колоний и протекторатов занимали обширные территории прежде всего в Африке (Алжир, Марокко, Тунис, Французская Западная Африка, Экваториальная Африка, Того, Камерун, Французское Конго, Французское Сомали, Мадагаскар), в Азии (Индокитай и ряд архипелагов в Тихом океане), на Ближнем Востоке (мандаты в Сирии и Ливане). Кроме того, она имела несколько колоний на американском континенте, меньших по площади, но, конечно, не менее важных для глобальной концепции французского империализма. В тот момент, когда французское правительство, хотя и не прекратившее свое существование, было раздавлено военным поражением, проблемы юридического характера не возникали, поскольку существовала формальная преемственность между Третьей республикой и вишистской Францией (хотя эти два государственных образования и разделяла глубокая политическая пропасть), однако, с точки зрения политической, проблемы были огромные и они очень быстро усугублялись с развитием событий.

Главным в происшедших для Франции ситуации было то, что несколько дней спустя, когда стали ясны последствия вступления Италии в войну для колониального мира, в других, обширнейших частях мира был услышан отзвук европейских событий, и масштаб конфликта расширился до всемирного еще до того, как события 1941 г. придали этому явлению законченный смысл. Теоретически французские колонии находились в состоянии войны с Германией и, следовательно, должны были выполнять решения, касающиеся перемирия. Однако то, что за немногие недели французская держава потерпела в Европе крах, не могло, конечно, остаться без последствий для империи. За исключением американских колоний, основательно включенных в американскую систему (хотя французские военные, дислоцированные в этом регионе, подчинялись вишистскому правительству), и еще не затро-

нутых (или почти не затронутых) стремлением к независимости, вся остальная часть империи была озабочена главным вопросом — о характере связи между ней и Францией в будущем, о том, уцелеет ли эта связь, и об облике метрополии, о сохранении верности которой идет речь. Если в Африке южнее Сахары эта тема ощущалась лишь отдаленно, то она приобретала, напротив, ключевое значение для территорий, имевших выход к Средиземноморью. В Тунисе, Марокко, Сирии и Ливане, где традиционные политические силы выжили благодаря либо соглашениям о протекторате, либо соглашениям о мандатах, проходили весьма сложные процессы. Выявилась одна тенденция — к солидарности с Виши с тем, чтобы оказаться под защитой от последствий войны, которую Испания, союзница «оси» могла начать из Испанского Марокко. Противоположная тенденция, в особенности в Сирии и в Ливане, где влияние движения Сопротивления во главе с Шарлем де Голлем стало преобладающим начиная с 1941 г., — к превращению колоний в реальную отправную точку для возрождения Франции. А это могло произойти только если подаст пример Алжир, где многочисленное французское население могло бы возглавить и мобилизовать силы, достаточные для восстания. Наконец, и, прежде всего, слабость, продемонстрированная Францией, стала своего рода поводом к размышлениям и действиям для всех движений за независимость, в течение десятилетий существовавших на этих территориях, и ожидавших случая для того, чтобы выступить против Парижа, или открыто или с целью ведения переговоров относительно своей будущей независимости с правительством, ослабленным поражением.

Таким образом, начиная с конца июня 1940 г. территория французских колоний раньше, чем территория метрополии, стала театром все более острого столкновения между имевшимися там течениями. Отсюда — то значение, которое каждая борющаяся сторона придавала как отношениям с Виши, так и отношениям с голлистским сопротивлением, а также возникновению антиколониальных движений.

Относительная умеренность, которой Гитлер руководствовался при формулировании статей перемирия с Францией, красноречиво выражала осознание немцами глобального значения поражения Франции. Она свидетельствовала о том, что в Берлине предполагали использовать в качестве рычага остатки амбиций и расположенность к сотрудничеству новых (и старых) французских правителей, которые, впрочем, представляли мнение авторитарных и профашистских кругов французского политического мира, для распространения успеха, достигнутого в Европе, за пределы континента и превращения французской колониальной

системы в базу для военно-морских операций гораздо более широкого масштаба.

В период, последовавший сразу же за подписанием соглашения о перемирии, правительство Виши пребывало в глубоком потрясении от военного поражения. Следовательно, было нереально ожидать от него выработки краткосрочных планов действий, которые выходили бы за пределы сиюминутных мер в отношении кризисной ситуации. Эта затруднительная ситуация не могла быть преодолена до конца с помощью любой политической инициативы, предполагавшей принадлежность к той системе, в которой господствовала Германия. Действительно, такие предложения базировались на понимании роли Франции в Европе, глубоко противоречившем всей исторической традиции страны. Иными словами, стратегия реконструкции Франции, не имевшая в качестве исходного постулата французское первенство в Европе, настолько противоречила французской культуре и истории, что создавала концептуальные и психологические ограничители, делавшие невозможным серьезное рассмотрение подобных концепций. Однако обстоятельства заставили французов из Виши и из «Свободной Франции» (сгруппировавшихся в Лондоне под руководством генерала де Голля) пойти по мучительному пути выстраивания отношений как с недавними победителями, так и со старыми союзниками, пути, целиком направленному на то, чтобы минимизировать ущерб и попытаться найти выход из создавшейся ситуации.

Отправной точкой для всех рассуждений была оценка, не отличающаяся от той, что Муссолини вынужден был сделать относительно судьбы Италии. Если исходить из того, что немцы *уже выиграли войну*, что поражение Британии неизбежно или по крайней мере невозможно возвращение английских вооруженных сил в Европу то, таким образом, немислимо построение европейской системы международных отношений, не основанное на превосходстве Германии. Если же отдавать себе отчет в том, что победа Германии невозможна, то поэтому, для защиты чести и политического будущего Франции, необходимо оказывать сопротивление до последнего, сотрудничать с англичанами во всех возможных ситуациях, препятствовать немцам в распространении их контроля вне зон, оккупированных по условиям перемирия, в расширении их влияния на другие зоны в южной Франции и в колониях, которые могли бы предоставить германским вооруженным силам новые базы для военных действий в Атлантическом океане, Центральном и Восточном Средиземноморье.

С самого начала немногие французы, отказываясь признать поражение и бежать за пределы метрополии, еще питали какие-то

надежды. Генералу де Голлю не удалось сразу приобрести широкую опору. В первые недели борьбы его сила состояла только в прочности его личных убеждений и в поддержке, которую ему быстро, с июня 1940 г., предоставил Уинстон Черчилль, что явилось следствием твердой политики, которую британское правительство решило проводить в отношении Франции Петэна.

В этих условиях ориентиром для французской политики, по крайней мере, на весь год, предшествовавший нападению немцев на Советский Союз, стали в большей степени немцы (и, в гораздо меньшей — итальянцы), чем британцы или американцы. Действительно, моменты напряженности и кризиса после заключения перемирия почти насильно толкали правительство Виши к Германии таким образом, что лишь отчасти и с трудом этому смогли воспрепятствовать Соединенные Штаты. Так во временной столице Франции развился весьма острый конфликт вследствие политических расхождений внутри консервативного и откровенно профашистского течения, а также личного соперничества и различия в оценках ситуации в стране.

Петэн и большинство министров понимали перемирие как предпосылку политики выжидания, которая, спасая страну от экстремистских крайностей, приведет Францию к позиции нейтралитета. Их взгляды на отношения с немцами еще не определились окончательно, но вписывались в общий психологический контекст, согласно которому Германия уже выиграла войну, а Великобритания сохранит возможность сопротивляться лишь в течение немногих недель. Поэтому различие между позицией Петэна и позицией Вейгана (т.е. большая непримиримость министра, чем главы государства) основывалось на вере в то, что можно вести переговоры с немцами с позиции силы. В то же время, напротив, тезис коллаборационистов, главным приверженцем которого был Пьер Лаваль, основывался на твердой политической убежденности в необходимости того, чтобы Франция встала на сторону «Оси», реформируя свои политические структуры в авторитарном плане, тем самым создав предпосылки для участия Франции на равных в создании нового европейского порядка.

Эти позиции в течение долгого времени сталкивались и приводили к разным результатам, что, в конечном счете, не вело к улучшению ситуации или облегчению последствий военного поражения. Значительное влияние на них оказала бурная и жесткая реакция Великобритании. 22 июня Черчилль заявил о незаконности перемирия, заключенного без согласия британцев, и провозгласил, что не признает легитимность правительства Бордо. В то же время Национальный комитет Свободной Франции признавался

органом, представляющим «всех свободных французов [...], решивших продолжать войну, чтобы выполнить международные обязательства, взятые на себя Францией».

Суть британской позиции состояла в двойной озабоченности: показать, что поражение Франции никоим образом не ослабило волю к борьбе с немцами до последнего в качестве общего стремления; и в необходимости, о которой много раз говорилось в прошлом, — помешать переходу французского флота под немецкий контроль, что придало бы Германии военно-морскую мощь, которая позволяла ей бросить вызов противникам в Средиземноморье и в Северной Атлантике.

Именно для того, чтобы ясно показать эту озабоченность (не учитывавшую заверения Дарлана), Черчилль отдал приказ британскому флоту в Средиземном море предпринять быстро спланированную операцию. 3 июля английская эскадра уже была на рейде Орана, у берегов Алжира, для того, чтобы выдвинуть ультиматум, требовавший от французских военных кораблей сделать выбор между четырьмя возможностями: объединиться с британскими силами для ведения войны; отплыть в британские порты; отправиться под конвоем в Вест-Индию, где они будут разоружены; подвергнуться нападению британского флота.

Предъявленный ультиматум практически не оставлял выхода из положения. Французский флот получил приказ оказать сопротивление, и 3 июля после полудня началось короткое морское сражение в Мерс-эль-Кебуре, во время которого французская эскадра была фактически уничтожена, и только одному кораблю удалось взять курс на Тулон. Тем временем британское адмиралтейство поставило под свой контроль французские корабли, базировавшиеся в Великобритании и в Египте. За этой первой операцией последовали другие, также в водах Орана, затем в Дакаре. 30 июля было объявлено о введении морской блокады против Франции-метрополии и французских территорий в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Несколько дней спустя, 7 августа, Черчилль и де Голль подписали соглашение о военном сотрудничестве, признававшее за французскими вооруженными силами значительную автономию. В последующие недели к голлистскому движению стали присоединяться территории империи — от Экваториальной Африки и Таити до французских владений в Индии, до Новой Каледонии, следовавшей за Новыми Гэбридами.

Именно в этой атмосфере оформилась идея попытаться высадить англо-французский (голлистский) десант в Дакаре, порту, который занимал исключительно важное стратегическое положение в Атлантике. 23 сентября мощный британский флот появился

на рейде порта для прикрытия высадки английского и голлистского десанта. 24 начался обстрел Дакара с моря, подавленный огнем с французского линкора «Ришелье», оставшегося на стороне режима Виши. Столкновение продолжалось в течение следующего дня, обе стороны несли потери, пока, наконец, 25-го, после полудня Британский военный комитет не приказал прекратить боевые действия. Это означало тяжелое поражение для де Голля, заставившее его изменить цели и место своих действий, которые он с этого момента перенес на фронт более близкий к центру британских военных операций — Ближний Восток. Впрочем, битва за французский флот, имевшая серьезные политические последствия и оказавшая влияние на правительство Виши, была по существу выиграна британцами. Англичанам удалось помешать немцам использовать французский флот или, по крайней мере, сделать так, чтобы те сочли слишком рискованным использовать его в военных целях (как в случае с флотом, находившемся в Вест-Индии, лояльным правительству Виши, но парализованным страхом перед американскими ответными мерами).

Усилия Петэна по выработке собственной программы действий были поставлены под серьезное сомнение вследствие действий Великобритания и голлистского Сопротивления, побудивших маршала предоставить свободу действий элементам, более благосклонным настроенным к немцам, в первую очередь — Лавалю. Последний представил в начале июля 1940 г. проект закона, предусматривавший передачу всей полноты власти Петэну и поручавший ему подготовить новую конституцию, которая изменила бы в авторитарном смысле конституцию, существовавшую с 1875 г. и лежавшую в основе Третьей республики. 10 июля в обстановке всеобщего смятения, характерной для Виши, и в отсутствие влиятельных политических лидеров, французское Национальное собрание приняло проект закона, создававшего новый режим, основанный на ряде конституционных актов, изданных Петэном и ориентированных как на доктрину Моррасса, так и на фашистские принципы. Это создавало серьезные юридические проблемы, поскольку означало разрыв той институциональной преемственности, которой Петэн был обязан полномочиями, позволившими ему заключить перемирие, и которая составляла фундамент его легитимности. Реализация разрыва, создавая элемент дипломатической путаницы (особенно для стран, которым необходимо было определить свои отношения с новым французским государством), представляла собой также и политическую ошибку, поскольку вручала знамя легитимности тем, кто подобно де Голлю не признавал институциональных изменений, навязанных в обстановке принуждения.

Предпосылки коллаборационистской политики состояли в надежде на то, что Гитлер захочет отвести Франции значительное место в своих планах на будущее Европы, и что, следовательно, подобно тому, как он не навязал слишком суровых условий перемирия, он будет действовать последовательно с такой же умеренностью, предоставляя Франции определенную самостоятельность и определенную политическую свободу, и тем самым давая возможность почти поверить в то, что Франция может заменить Италию в ее первенствующей роли в континентальных союзах фюрера.

То, что речь шла о необоснованных расчетах, стало ясно очень скоро. Сразу же после Мерс-эль-Кебира поведение немцев показало, что опасения Великобритании были небезосновательными. Они требовали, в обмен на прекращение разоружения французского флота (разоружить французский флот хотел Гитлер в качестве ответа на действия британцев), предоставления для противостояния американцам ряда военно-воздушных баз в районе Касабланки, возможности использовать железную дорогу Тунис–Рабат, французские порты в Средиземноморье и французские суда для транспортировки грузов на немецкие базы в Марокко. План состоял в том, чтобы распространить военные действия на Средиземноморье, а затем на Атлантику. Одновременно немцы перенесли государственные таможни на границу Эльзаса и Лотарингии 1914 г. и ввели ряд экономических ограничений и налогов как на оккупированной французской территории, так и на территории, оставленной под властью Виши. Самым тяжелым из этих ограничений было установление обменного курса немецкой марки к французскому франку 20 к 1 для пересчета французского вклада в расходы на оккупацию, — соотношение, которое вскоре создаст французам огромные финансовые трудности, сделав их объектом систематической эксплуатации со стороны немцев.

В целях прояснения ситуации, связанной с двойным давлением, которое оказывалось на правительство Виши (давление Британии и гораздо более сильное давление победившей германской армии), Петэн попытался вступить в переговоры непосредственно с Гитлером во время двух встреч, состоявшихся 22 и 24 октября в Монтуаре, вблизи франко-испанской границы. Переговоры проходили после того, как совершился большой поворот в стратегических планах Гитлера. Фюрер полагал, что сразу же после поражения Франции Великобритания может пойти на соглашение, предоставив ему значительную свободу маневра, что сделает возможным нападение на Советский Союз. Реакция англичан показала, однако, насколько необоснованным было это предположение.

Гипотеза возвращения Великобритании (и Соединенных Штатов) к политике «санитарного кордона» (*cordon sanitaire*) против Советского Союза была лишена основания. Тем не менее, Гитлер отдал приказ о строительстве внушительного флота в преддверии будущего столкновения с Соединенными Штатами и Великобританией, возобновив таким образом политику наращивания морских вооружений, прерванную в начале военных действий.

За этим решением сразу же последовало перемещение центра военных действий в Средиземное море с целью компенсировать задержку с осуществлением проекта вторжения на британскую территорию и изгнания англичан из Суэца и Гибралтара. Это предполагало участие Испании в войне (которое позволило бы люфтваффе использовать как базы на Канарских островах, так и французские базы в Марокко). По этой причине Гитлер готовился к встрече с генералом Франко в Эндае, будучи уверенным в том, что убедит испанского диктатора отказаться от позиции строгого нейтралитета, которую он занял год спустя после окончания гражданской войны.

Встреча Франко с Гитлером, состоявшаяся 23 октября, на другой день после одной из встреч (и накануне другой) в Монтуаре, закончилась, однако, неудачей для фюрера, поскольку генерал Франко, осознавая слабость Испании и то, что война будет продолжаться долго, а ее итог не так очевиден, как это казалось в середине июня, выбрал путь гибкого нейтралитета, пообещав присоединиться к «Антикоминтерновскому пакту» и вступить в войну в подходящий момент, однако, не указывая никакого срока, в течение которого он выполнит эти обещания.

Гитлер встретился с Петэном во второй раз на обратном пути 24 октября, при не слишком благоприятных обстоятельствах, поскольку неожиданный отказ Франко стал весьма горьким разочарованием в контексте главного направления будущей германской военной стратегии. Теоретически это должно было привести к возрастанию значения сотрудничества с Францией, на практике же — привело к обратному результату. Гитлер подтвердил значение, которое он придавал франко-германскому сотрудничеству, однако Петэн не вышел за рамки обещаний общего характера, делавших возможными лишь принципиальные договоренности, а не конкретные решения. Впрочем, французский маршал не мог предложить свое военное сотрудничество в положении полной подчиненности немецким военным приказам, поскольку его цели состояли в восстановлении, а не уменьшении пространства, которое отводилось Франции в гитлеровских планах. Это означало, что в Монтуаре состоялось не сближение, а неудавшееся прояснение

позиций, а, следовательно, — углубление кризиса режима Виши. Из этой ситуации попытался извлечь выгоду Лаваль, назначенный тем временем вице-председателем совета министров и министром иностранных дел, который попытался своими личными действиями придать новый импульс коллаборационистской политике.

31 октября Лаваль встретился в Париже с немецким послом Отто Абецем и представил ему проект настолько всеобъемлющего соглашения, что практически речь шла о полном союзе. Для того, чтобы придать больше достоверности своему предложению, Лаваль сопровождал его двумя важными решениями: перевести в Германию важный пакет французских акций, связанных с сырьевыми месторождениями в Югославии, и, гораздо более трудный шаг — передать немцам золото, которое Бельгийский банк перевез в Дакар (что являлось тревожным прецедентом для золотых запасов Польши и Балтийских государств, также хранившихся на французской территории).

Ответ Гитлера на эти инициативы был лишь временно позитивным. Распространение военных действий от Атлантики и Средиземноморья до Балканского полуострова и Ливии вследствие нападения Италии на Грецию и победоносного наступления англичан на итальянские войска в Ливии, привело к снижению интереса к тому, что предлагал Лаваль.

Признаки этого поворота стали очевидны в неожиданном провале Лавалья. Противникам германофильской позиции удалось вынудить его подать в отставку и поместить на несколько дней под арест. Его место занял Пьер Этьен Фланден, призванный успокоить тревогу немцев, но также и чтобы сдерживать коллаборационистские импульсы. В декабре 1940 г. ситуация в Виши трансформировалась в кризис режима. Вызов немцам, который представляло собой удаление Лавалья, отразился на политиках, окружавших Петэна, вынужденного полностью перемешать свои политические карты и согласиться на назначение чрезвычайного триумvirата во главе с Дарланом, Фланденом и Хюнтцигером в качестве его членов. Им поручалось снова попытаться достичь компромисса с немцами.

Дарлан был принят Гитлером в день Рождества 1940 г. с крайней холодностью — так выражалась месть за удаление Лавалья, а кроме того Гитлер уже отказался от идеи эффективного сотрудничества с Францией. Дело не изменили отставка Фландена и назначение Дарлана вице-председателем совета министров и министром иностранных дел, а также преемником Петэна. Дарлан пошел на наиболее существенные уступки немцам, позволив германской комиссии по перемирию распространить свой контроль

на Марокко и согласившись передать французские бронетанковые средства немецким войскам в Ливии, без всякой существенной компенсации, за исключением освобождения нескольких десятков тысяч французских пленных.

Только в мае 1941 г., когда итало-немецкие войска вновь возобновили свои действия в Северной Африке и в Ираке, Рашид Али аль-Гайлани попытался поднять антибританское восстание, вопрос о мандатных полномочиях французов в Сирии и Ливане вновь предоставил Дарлану возможность достигнуть соглашения с немцами. 11 мая он был принят Гитлером в Берхтесгадене, на другой день после подписания соглашений, касавшихся контроля над двумя ближневосточными территориями — использования порта Бизерта для снабжения африканского корпуса и обязательства предоставить порт Дакар для нужд немцев, как только французские силы будут достаточны для того, чтобы защитить его.

Это была наиболее полная солидаризация с немецкими позициями, осуществленная деятелями Виши или, точнее, лично Дарланом. Действительно, вернувшись на родину, он столкнулся с оппозицией тех, кто не разделял его политики. Против ратификации соглашений активно боролись прежде всего те, кто, как Вейган, контролировал войска, размещенные в Северной Африке. Впрочем, общая картина, в рамках которой разворачивалась деятельность правительства Виши, претерпевала глубокие изменения. Немцы готовились к нападению на Советский Союз, и в этих условиях все их внимание было привлечено к проблемам нового фронта. Так, франко-германские соглашения 6 мая 1941 г. были одобрены в Виши при условии, что Германия примет ряд требований французов, настолько далеко идущих, что немцы даже отказались их обсуждать.

Укреплению позиций французов в их поиске автономного по отношению к Германии пространства во многом способствовала деятельность, которую проводила в Виши американская дипломатия. Не все в Соединенных Штатах благосклонно относились к инициативе, которую Рузвельт доверил послу, назначенному вашингтонским правительством при правительстве Виши (адмиралу Уильяму Д. Леги), поскольку демократы, настроенные более антифашистски, сожалели о политической двойственности этого выбора и последствиях, имплицитно в нем присутствовавших. Однако дипломатический реализм подсказывал американцам, что не следует оставлять Францию на милость немцев. Если разрыв Петэна с Англией был почти полным и, больше того, обозначен военными столкновениями осени 1940 г., то нейтральным Соединенным Штатам никто не мог помешать уравновесить всевластие

победителей в свете подготовки возможного и предсказуемого американского участия в войне. В этом случае контроль над Французской Африкой стал бы незаменимой точкой опоры.

Леги, являвшийся одним из главных военных и политических советников Рузвельта, развернул кропотливую деятельность по налаживанию англо-французских отношений. Он воспользовался содействием молодого дипломата, советника посольства Роберта Мерфи, которому поручил, под предлогом проверки американских консульств во французской Африке, наладить связи с отдельными авторитетными деятелями и, в особенности, с Вейганом. В январе 1941 г. Мерфи послал своим руководителям доклад, который рисовал оптимистическую в целом картину будущего: Вейган не пойдет на ненужный риск, но будет, без сомнения, препятствовать попыткам немцев обосноваться в Африке, поэтому он заслуживал всяческой помощи.

Вашингтон последовал совету Мерфи и это быстро привело к переговорам, завершенным в феврале и одобренным в Виши 10 марта 1941 г. Согласно договоренностям, американцы обязывались послать в Марокко первоочередную экономическую помощь в количестве, которое не требовало формировать конвой, и при условии, что посылаемые товары не будут переданы странам «Оси». Французы согласились на посылку американских служащих, которые проследили бы за прибытием грузов по назначению.

Ограниченное значение этого соглашения не должно вводить в заблуждение. Оно имело существенное политическое значение, поскольку, с одной стороны, укрепляло способность французов к сопротивлению немецким попыткам проникновения в Африку, а, с другой, закладывало основы для инфраструктуры материально-технического обеспечения войск, которая будет играть важную роль в ноябре 1942 г., когда американские войска окажутся в Северной Африке.

5.5. Стратегические альтернативы Гитлера после поражения Франции

5.5.1. ПЛАНЫ ВТОРЖЕНИЯ В АНГЛИЮ

В течение лета 1940 г. наступление немцев на западе достигло всех своих важнейших целей. Гитлер должен был теперь развивать свои действия, принимая принципиальные решения: вести ли войну с Великобританией и если вести, то как; как строить отношения с Италией; как решать проблему отношений с Советским Союзом, чья экспансионистская политика после захвата

Прибалтики обратилась к Балканскому региону. Соглашения 23 августа 1939 г. предопределили направление советских действий: Румыния. В действительности они свидетельствовали о полной незаинтересованности немцев «в этих областях» (столь двойственная формулировка оставляла свободу для множества интерпретаций).

Эти проблемы проявились одновременно, и их решение содержало в зародыше развитие событий будущего года. 26 июня советское правительство предъявило Румынии ультиматум с требованием отдать Бессарабию и, кроме того, Северную Буковину, аргументируя это тем, что первая территория была отделена от Советского Союза в момент международного кризиса сразу после Первой мировой войны и революции, и тем, что вторая территория этнически принадлежала к Украине. Румыны быстро осознали полную изоляцию, в которой оказались. Совет немцев состоял в том, чтобы уступить советским требованиям, и вечером 27 Бухарест покорился судьбе, уготованной Румынии соседними великими державами.

Неожиданным в советских требованиях было, однако, то, что они, обходя букву, если не саму суть, соглашений 1939 г., добавили к требованию присоединения Бессарабии также требование присоединения Северной Буковины, региона, в котором Германия имела конкретные экономические и стратегические интересы. Гитлер попытался воспрепятствовать советскому наступлению, но оказался связан неопределенной формой обязательства, подписанного в 1939 г. Риббентропом. С формальной точки зрения ему нечего было возразить Сталину. С этого момента он, очевидно, начал понимать, что цена, заплаченная Советам, становилась все более высокой; более того, она уже стала слишком высока.

В это время германские армии подошли к Ла-Маншу и Северному морю, в нескольких десятках миль от британских берегов — берегов единственной страны, действительно продолжавшей вести войну против стран «Оси». Перед Гитлером вставал главный стратегический вопрос: продолжать ли войну против Великобритании вплоть до вторжения на ее территорию или же вернуться к своим первоначальным целям. Эти цели предусматривали завоевание Германией жизненного пространства за счет Советского Союза и участие в глобальном перераспределении соотношения сил, которое, хотя и ограничивало мощь Британии, но позволяло ей выжить и даже предполагало в качестве цели компромисс, которого следует достичь прежде, чем Соединенные Штаты смогут задействовать свои ресурсы и предопределить поворот в военных действиях.

Концепции Гитлера в данной связи имели глубокие корни, однако их реализация зависела от ряда переменных величин, не все из которых были ему подвластны. С самого начала войны он был озабочен тем, чтобы проводить крайне осторожный курс в отношении Соединенных Штатов, поскольку, хотя он и не признавал этого открыто, но отдавал себе отчет (и научился понимать это в 1939–1940 гг.) в том, что как только судьба Великобритании окажется в опасности, Соединенные Штаты бросят все свое влияние на чашу английских весов для того, чтобы избежать изменений, способных непосредственно затронуть американские интересы в Европе, а также и в Азии. Аргументы, на которых основывалась гитлеровская стратегия, были показаны со всей очевидностью Хильгрубером, отмечающим, что молниеносное поражение Франции должно было сопровождаться «полюбовной сделкой» с Великобританией на базе «раздела мира» с целью ограничить политическую и военную роль Соединенных Штатов, усилив изоляционистские тенденции в этой стране. Гитлер в интервью американскому журналисту представлял переформулированный вариант доктрины Монро в соответствии с лозунгом «Америка для американцев, Европа для европейцев». Однако именно эта предпосылка, откровенно пропагандистская, обуславливала его нежелание добиваться после поражения Франции также и поражения Англии.

«Если мы разобьем в военном отношении Англию, — утверждал он 13 июля 1940 г., — то британская всемирная империя, конечно, потерпит крах. Однако Германия не извлечет из этого никакой выгоды. Ценой немецкой крови мы добьемся чего-то, чем воспользуются только Япония, Америка и другие».

В июле 1940 г. перед лицом американской реакции на крах Франции и опасности, нависшей над Англией, Гитлер убедил себя, что Соединенные Штаты — главный враг Германии, но что они не смогут вступить в борьбу до 1942 г., даты, до которой следовало поставить Рузвельта перед свершившимися фактами. Цель эта могла быть достигнута только косвенным образом, учитывая отдаленность и силу Америки. Косвенный путь состоял в наращивании силы Японии, которая сдерживала бы Соединенные Штаты в Тихом океане, и в нападении на Советский Союз, учитывая две мотивации: обеспечить поддержку японцам перед лицом американцев и лишить Великобританию потенциального союзника на континенте. Когда немцы легко разобьют Советы (как, заблуждаясь, полагал Гитлер в 1940 г.), Великобритания окажется изолированной перед лицом Германии, господствующей над всей Европой, без возможности получить помощь со стороны амери-

канцев, занятых отражением японской угрозы и неспособных, со своей стороны, воевать на два фронта, то есть в Атлантике и в Тихом океане. Поэтому Великобритания будет вынуждена принять германские условия мира. Черчилль будет побежден, а в Англии поднимется огромная волна антиамериканизма, которая подтолкнет эту страну «в ряды борцов Европы против Америки». Конечной целью являлось формирование новой мировой системы с доминированием держав Тройственного пакта. Последний был заключен, именно в рамках вышеизложенного стратегического плана, 27 сентября 1940 г. между Германией, Японией и Италией с намерением связать трех союзников не письменным, а политическим обязательством начать действовать в том случае, если Япония или Германия подвергнутся нападению. Таким образом война, которую в сентябре 1939 г. Гитлер представлял как краткую и ограниченную хирургическую операцию против Польши, обнаружила свой потенциально глобальный масштаб.

Какими бы ни были значение и последовательность этого стратегического плана (вокруг которого в историографии позднее проходила сложная дискуссия), предпринятые Гитлером после победы над Францией последовательные инициативы следует рассматривать именно в его рамках. Здесь сразу же возникает вопрос, понималась ли когда-либо операция *Seeilzwe* (Морской лев) — то есть план, состоявший в том, чтобы организовать осаду Великобритании, подвергнуть ее жестоким воздушным бомбардировкам, а затем осуществить массированный десант — как реальная военная альтернатива или же она служила скорее для запугивания, для придания большего веса осуществлявшемуся одновременно психологическому и дипломатическому наступлению. Встает также вопрос относительно того, решил ли Гитлер готовить нападение на Советский Союз уже в момент, когда он имитировал фронтальное политическое и военное наступление на Великобританию. Это означало бы, иными словами, что *подлинные* планы Гитлера никогда не менялись.

Хотя и трудно объяснить события конфликта, подобного тому, что был развязан немцами в 1939 г., тем, что они были плодом реализации стратегического замысла, разворачивавшегося с точки зрения его темпов и его эволюции как установка, которую следует претворять в реальные факты, все-таки существуют симптомы и тенденции, которые могут приобретать пророческий смысл. Все политические деятели избегают сложных ситуаций, когда перед ними оказывается один единственный путь выхода, и выстраивают свою стратегию как чередование решений по выбору между возможными на практике стратегическими альтернативами.

Таков был менталитет если не Муссолини, то Гитлера, что не исключает предпочтений относительно выбора, который следует осуществить в более благоприятном контексте.

Аналитический подход помогает прояснить этот ключевой для истории Второй мировой войны период. Оценка нацистско-советского пакта как тактического соглашения восходит прямо-таки к 31 августа 1939 г. Хотя этим свидетельствам и нельзя придавать слишком большого значения, но в мемуарах фон Белова, помощника Гитлера по вопросам люфтваффе, описывается состоявшаяся в этот день «незабываемая сцена», в которой Гитлер выражал свое сожаление по поводу враждебности Польши. Предложение, сделанное Варшаве о создании совместного антисоветского союза, было искренним. Основной целью была Россия. Все другие сражения призваны были создать гарантии для достижения главной цели, состоявшей в борьбе с большевизмом. Несколько месяцев спустя, 23 ноября 1939 г., столкнувшись с оппозицией военачальников в отношении плана немедленного нападения на Францию, Гитлер сказал фон Белову, что он хотел действовать немедленно, поскольку ему нужна была его армия к весне 1940 г. для «начала большой операции на востоке против России».

Конечно, это слишком разрозненные впечатления и замечания для того, чтобы служить подтверждением существования настоящего стратегического замысла. Однако еще до капитуляции французов Гитлер возвращался к этому сюжету с нарастающим упорством. Он делал это начиная с конца мая, продолжал в июне, аргументируя свое утверждение концепцией, согласно которой британская капитуляция была бы невозможной без дальнейшего утверждения континентальной мощи Германии. 25 июня, в день заключения Компьенского перемирия, он сказал фельдмаршалу фон Кейтелю: «Теперь мы показали, на что мы способны [...]». Кампания против России будет по сравнению с этим детской игрой». Хотя по данному поводу отсутствуют полностью достоверные сведения, ряд источников сходится в том, что в конце июня — начале июля 1940 г. Гитлер дал свои первые указания по подготовке детальных планов нападения на Советский Союз.

21 июля фюрер сообщил главнокомандующему сухопутными силами фон Браухичу свою оценку состояния советской армии, при этом он более чем оптимистично оценивал германское превосходство. Наконец, 31 июля вопрос был рассмотрен на совещании высшего командования вооруженных сил (ОКВ), в ходе которого военные убедили Гитлера в невозможности закончить кампанию против СССР до зимы и, следовательно, в необходимости отложить ее на следующий год. Однако Гитлер подтвердил

свою решимость относительно приоритета советской цели. Великобритания, заметил он, устремила свой взор на Советский Союз как на последнего потенциального союзника на континенте: «Но если Россия будет повержена, рассеется последняя надежда Англии». Это влекло за собой множество последствий: отказ воевать немедленно и решительным образом против Великобритании; откладывание окончательных решений; решение, возможно не окончательное, воевать в 1941 г. на востоке; а тем временем приведение в действие механизма запугивания с тем, чтобы убедить англичан в невозможности оказывать сопротивление в ожидании американской помощи.

Эта логическая последовательность была подтверждена ходом дипломатических и военных операций на западном фронте. Если согласиться с тем, что решение напасть на СССР было принято в конце июня — начале июля 1940 г., то достаточно добавить к этому хронологию германских инициатив на западе для того, чтобы сделать необходимые заключения. Уже на другой день после подписания перемирия с Францией немецкой стороной были предприняты некоторые официальные инициативы для возобновления дипломатического диалога с Лондоном. Их отрицательный результат дал понять Гитлеру, что гипотеза о капитуляции Великобритании необоснованна. Только в тот момент была принята во внимание стратегическая проблема осуществления вторжения на Британские острова, однако Гитлер по-прежнему не решался сделать свой выбор. 2 июля он отдал приказ о начале необходимых мероприятий для высадки десанта, но неподготовленность военно-морских сил, на которую указал адмирал Редер, заставил фюрера издать 16 июля новые директивы, переносившие начало операций на период после 15 августа, при условии, что люфтваффе достигнет тем временем полного контроля над воздушным пространством. Все эти отсрочки, связанные с техническими и политическими причинами, повлияли затем на окончательное решение отложить операцию, что ставило в центр германской стратегии советскую проблему.

В таком контексте речь Гитлера, произнесенная в рейхстаге 19 июля, приобретает совершенно определенный смысл. Речь шла о последнем призыве к миру, лишенном конкретного содержания, но наполненным политическим смыслом. Действительно, целью речи было показать, что англичане находятся в одном ряду с теми, кто отказывается от зова разума, и, таким образом, она служила прелюдией к любому нападению немцев на Великобританию. Однако то обстоятельство, что Гитлер предлагал Великобритании мир после того, как он решил готовиться к войне с Со-

ветским Союзом, указывает на порядок приоритетов и рамки, в которых рассматривалась операция «Морской лев». С конца июля операция откладывалась несколько раз: сначала на середину сентября, затем на весну 1941 г.

Может показаться, что отсрочка определялась военными соображениями в большей степени, чем политическими. В военном плане условиями успеха являлась подготовка вооруженных сил и средств десантирования, которые не были подготовлены, а также соответствующей поддержкой с моря, которую адмирал Редер не гарантировал. Это вынудило генеральный штаб ограничить зону боевых действий районом, непосредственно примыкающим к Гавру и Кале, с немногими плацдармами в Брайтоне, Истборне, Райе и Фолкстоне. Однако успех зависел прежде всего от способности полностью контролировать воздушное пространство. А именно в этой области немцам пришлось впервые столкнуться с ситуацией открытого вызова.

Германскую авиацию ориентировали на два вида целей: военные и гражданские. В начале августа было объявлено о начале крупного воздушного наступления против военно-воздушных баз противника и заводов, производящих авиационную продукцию. Битва началась 13 августа, но очень быстро немецкое командование должно было признать, что цель вывести из строя RAF (*Royal Air Force* — *Королевские военно-воздушные силы*) не была достигнута, вследствие чего отсутствовали предпосылки для вторжения. В начале сентября, не получая проинформацию, как он ожидал, о том, что атаки на британские базы начинают приносить свои плоды и способность Британии сопротивляться ослабевает, Гитлер решил сменить цели и начал осуществление того, что позднее получило название *тотальная война*. Вплоть до этой даты, несмотря на несколько бомбардировок английской авиацией Берлина, которые повлекли за собой лишь незначительный ущерб и довольно ограниченное число жертв гражданского населения, фюрер отвергал идею нанесения немедленного ответного удара по Лондону. 7 сентября британская столица подверглась первой массивной варварской бомбардировке, что стало началом продолжавшихся без перерыва до середины 1941 г. бомбардировок, приведших к огромным разрушениям в столице и других британских городах. Символом «битвы за Англию» стал город Ковентри, который люфтваффе сровняли с землей 14 ноября 1940 г.

В начале ноября Геринг подсчитал, что самолеты люфтваффе уже сбросили на Лондон 15 872 тонн бомб, в то время как британцам удалось сбросить на Берлин только 31 тонну бомб. Но именно эти цифры являлись наиболее точным показателем значения

варварских бомбардировок (которые, впрочем, позже используют с этой же целью союзники против Германии): они выражали неспособность или невозможность достичь прямого военного решения и демонстрировали осознание Гитлером того, что он может бороться с англичанами только с помощью устрашающих бомбардировок или же следуя более сложным путем, предполагавшим поражение Советского Союза. В принципе вопрос об этом втором пути был решен в конце июля 1940 г. Окончательное принятие решения Гитлером зависело от способности Британии к сопротивлению и от развития отношений с Советами, которые были поставлены под сомнение во время последней серьезной дипломатической дискуссии между двумя сторонами в ходе визита Молотова в Берлин 12–13 ноября 1940 г.

5.5.2. УХУДШЕНИЕ ГЕРМАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Поездка Молотова в Берлин проходила в атмосфере, уже значительно ухудшившейся в связи с происшедшими изменениями. Германия по-прежнему не хотела, чтобы Балканский регион стал театром военных действий, поскольку это раньше времени создало бы сложности в отношениях с Советским Союзом и сделало очевидным совпадение советских интересов с английскими. Однако Балканы были охвачены глубоким беспокойством, порожденным волнениями, имевшими место в 1938 г., и еще более усилившимися после того, как Германия посоветовала Румынии принять советский ультиматум по поводу Бессарабии и Северной Буковины. Страх, что это было прелюдией к новым советским требованиям, перед которыми Румыния оказалась бы бессильной, усугубился для бухарестского правительства тем обстоятельством, что успех советского «ревизионизма» подлил масла в огонь двух традиционных «ревизионизмов» в регионе, стрелы которых постоянно были направлены против Румынии: Болгарии, требовавшей возвращения Северной Добруджи, и Венгрии, требовавшей возвращения Трансильвании, переданной румынам по Трианонскому договору. Если болгарский «ревизионизм» не вызывал больших опасений, поскольку софийское правительство было более доступно для призывов итальянцев и немцев к умеренности и, как бы то ни было, требовало ограниченной территориальной ревизии, то венгерский «ревизионизм», напротив, нес в себе разрушительный заряд для всей ситуации на Балканах, поскольку он стремительно и агрессивно добивался результатов, которые подорвали бы сложившееся устройство региона.

Болгария и Венгрия забеспокоились сразу же после советского ультиматума Румынии. Немцы и итальянцы сделали все возможное для сдерживания давления венгров; однако полностью противостоять им было невозможно, прежде всего потому, что венгерский премьер-министр Телеки и его министр иностранных дел Чаки демонстрировали тотальную нетерпимость, вплоть до угроз начать вооруженные действия в случае, если не будут приняты их требования.

В июле—августе 1940 г. прошла лихорадочная череда итало-германских консультаций с целью выработки общей позиции, а также консультации римского и берлинского правительств с правительствами трех заинтересованных стран с целью найти мирный выход из положения. Гитлер оказал давление на румынского короля Кароля, обрисовав ему опасности, связанные с перспективой изоляции Румынии, с тем, чтобы заставить его пойти на уступки. Взамен он предложил немецкие территориальные гарантии для всех новых румынских границ (включая границу с Советским Союзом). Муссолини и Чиано дали такие же советы. Румыны оказались, следовательно, перед трудным выбором, в то время как венгры чувствовали себя сильными, так как могли спровоцировать именно ту ситуацию, которой Гитлер старался любой ценой избежать, поскольку она слишком противоречила его интересам.

Спор с Болгарией был решен с относительной легкостью. Гитлер и Риббентроп заверили болгарского премьер-министра Филова и его министра иностранных дел Попова, что Германия ультимативным образом поддержит требования вернуть границу с Румынией к рубежу 1913 г. 31 июля болгарские требования были представлены Бухаресту, а 19 августа в Крайове собралась конференция, которая завершилась быстрым заключением соглашения (7 сентября), предусматривавшего полное согласие румын с ревизионистскими требованиями Софии.

Венгерско-румынский конфликт касался, напротив, территории более чем 100 тыс. кв. км с населением, гораздо более смешанным в этническом отношении и его предстояло разрешить с помощью нескольких дипломатических шагов. Берлинскому и римскому правительствам удалось принудить обе стороны начать переговоры, однако они тянулись в напряженной атмосфере, и результатов не предвиделось. Более того, в конце августа они были прерваны при полном сохранении разногласий. 28 августа Чиано встретился с Гитлером в Берхтесгадене. Они согласились оказать максимальное давление с целью избежать развязывания конфликта в Дунайско-Балканском регионе. Чиано и Риббентроп полагали, что только навязав посредничество двух держав «оси»,

можно было быстро достичь компромисса. Венгры и румыны были приглашены в Вену, и там 30 августа обе стороны были вынуждены согласиться с решением арбитража, весьма суровым для Румынии, поскольку оно влекло за собой потерю всей северной части Трансильвании (около 43 тыс. кв. км), что составляло немногим менее половины всего района, на который претендовали венгры. Одновременно немецкое и итальянское правительства гарантировали неприкосновенность румынской национальной территории.

Этот второй венский арбитраж явно носил отпечаток гитлеровского гегемонизма. Однако тот способ, каким был достигнут результат, подтверждал еще одну черту дипломатии фюрера: предрасположенность к игнорированию обязательств, существовавших перед другими державами. Действительно, германо-советский пакт от 23 августа 1939 года предусматривал в ст. 3 обязательство проводить совместные консультации по всем вопросам, представляющим взаимный интерес. Гитлер, напротив, отнесся к Сталину, как в свое время потом будет относиться к Муссолини: действуя безо всяких консультаций и, хуже того, добавляя к своим действиям предоставление гарантий румынской территории, что было актом, откровенно направленным против будущих претензий Советского Союза (так как венгры, которых уже заставили молчать, не смогли бы больше и пальцем шевельнуть без одобрения немцев). На запоздалые протесты советской стороны Гитлер ответил, что Германия обладает в Румынии «жизненными интересами» (формулировка, которая противоречила безразличию, зафиксированному в секретном протоколе 23 августа 1939 г.). Это должно было насторожить Советы, поскольку речь шла о первом формальном заявлении немецкой позиции в отношении Балкан, что требовало серьезного прояснения в качестве условия согласия между двумя державами. Поездка Молотова в Берлин должна была послужить, в том числе, и такому прояснению.

Тем временем румыны усложнили ситуацию (но при этом упростили ее для интерпретации), сделав еще более явной свою прогерманскую ориентацию, хотя и в момент, когда король Кароль, совершив государственный переворот и призвав к власти генерала Йона Антонеску, главу военной оппозиции, перекрыл путь к реализации амбиций пронацистской «Железной гвардии». Антонеску, сразу же получивший всю полноту власти, упразднил конституцию, существовавшую с 1938 г., вынудил Кароля отречься в пользу младшего сына Михая и начал проводить политику, которая привела впоследствии к согласию Румынии принять в октябре «немецкую военную миссию», то есть к согласию на самую

настоящую военную оккупацию румынской территории, что стало прелюдией к присоединению самой Румынии к Тройственному пакту.

На запоздалые протесты Москвы по поводу посылки германских войск в Румынию Риббентроп ответил, что румынская «просьба» была удовлетворена в связи с необходимостью защищать регион, где германским интересам угрожала британская активность. Очевидная претенциозность этого оправдания привела лишь к усилению недоверия русских. В такой атмосфере было подготовлено разъяснение, с которым могло быть связано и решение о нападении на СССР в 1941 г.

13 октября Риббентроп направил Сталину длинное письмо, в котором содержались некоторые лживые сведения относительно главных целей германских действий. Мнение фюрера якобы состояло в том, что будущее должно формироваться на основе соглашения четырех держав: Германии, Италии, Советского Союза и Японии. Каждая из них сможет иметь собственное «жизненное пространство» в мире. Позднее Гитлер прояснит смысл этого плана, в соответствии с которым Германия должна будет обратить внимание, помимо континентальной Европы, на территории прежних немецких колоний в Центральной Африке; Италия должна будет расширить свое влияние в Северной и Восточной Африке; Япония — на Дальнем Востоке, а Советский Союз — в Азии для того, чтобы получить выход к теплым морям.

Эта концепция полностью игнорировала советскую точку зрения и результаты советского продвижения в Европе, так, как будто бы последнее было случайным проявлением интересов СССР, связанным в большей степени с благоприятными обстоятельствами, чем с основными направлениями развития. В действительности гитлеровский проект предполагал определенную концепцию всего будущего мирового устройства.

В этой концепции советские интересы в Европе полностью игнорировались, и СССР отводилось место в регионе, где в тот момент у Германии не было стратегических перспектив. Если бы она была принята, то стала бы очевидной готовность Советского Союза вписаться в гитлеровские проекты.

Очевидно таким образом, что Гитлер плохо понимал внешнюю политику Сталина. Он не понял смысла поворота к экспансии, начавшегося в 1939 г., и не понял, что такой поворот выражал принципиальное безразличие Сталина к свойствам своих собеседников, будь то друзья или враги. Однако Сталин в тот момент начал двигаться в направлении, которое предусматривало полное устранение всяких остатков антисоветского «санитарного кордона»

и создание своего собственного, антигерманского кордона, и поэтому более всего возможного на западе, от Финляндии до Балкан, в соответствии со стратегическим видением, устремленным в достаточно отдаленную перспективу.

Неужели Гитлер этого не понимал? Речь идет всего лишь о гипотезе, которой можно противопоставить совершенно противоположную интерпретацию, приводящую, однако, к тем же самым выводам: Гитлер это понимал и именно потому обратился к русским с предложениями, которые, в случае их принятия, подчинили бы СССР немецкой логике, сделав тщетными британские надежды на конфликт между двумя временными союзниками. Если же они не были бы приняты, то это укрепило бы уже существующую решимость уничтожить Советский Союз силой.

Такая альтернатива ясно выявилась во время неофициальных переговоров 12 и 13 ноября между Молотовым и германскими вождями. В то время, как Гитлер и Риббентроп продолжали излагать свои глобальные планы, вплоть до предложения СССР присоединиться к Тройственному пакту (что санкционировало бы именно то подчинение, которое имплицитно содержалось в тезисах Гитлера), Молотов оставался тверд в своем намерении обсуждать европейские проблемы, настаивая на желании Советов свести окончательные счета с Финляндией даже ценой войны, против которой категорически выступал Гитлер; на советских интересах в Южной Буковине (что противоречило итало-германским гарантиям румынских границ, гарантиям, против односторонности которых выразил протест Молотов); и в более общем плане — на заинтересованности во всем, что происходило на Балканском полуострове: от Румынии до Венгрии, Югославии и Греции, и наконец, до проекта пересмотра конвенции Монре 1936 г. по судоходству в проливах (полезно заметить, что Молотов предварил тезис Сталина, выдвинутый им на Ялтинской конференции 1945 г.). Немцы настаивали на необходимости общего соглашения четырех держав, включая Италию и Японию, в рамках которого должны были быть обозначены границы соответствующих сфер влияния, тогда как советская сторона настаивала на необходимости заключить соглашение между двумя державами, касающееся соответствующих интересов в Европе, а затем обсуждать возможные соглашения с Италией и Японией.

Позиции сторон не могли быть более далекими друг от друга, и переговоры завершились формально в сердечной обстановке, однако по существу — провалом. Советы считали, что за помощь, которую они оказывали, прикрывая Гитлера на востоке от Великобритании, они могут ожидать от него более высокой платы.

Сталин, насколько это следует из имеющейся информации, не отдавал себе отчета в реальном значении Берлинских переговоров. То есть он не уловил (или не захотел уловить) смысла позиции немцев, состоявшего в том, что германская победа была predetermined. Советский Союз, также как Италия и Франция, имел свой расчет для окончательного присоединения к германским позициям. В долгосрочном плане Сталин, очевидно, был прав, но он не понял, что в краткосрочном плане альтернативой соглашению была война.

5.5.3. ПОДГОТОВКА «ПЛАНА БАРБАРОССА»

18 декабря 1940 г. Гитлер подтвердил распоряжения, уже отданные в июле, разослав свою «директиву № 21», приказывавшую германским вооруженным силам к 15 мая 1941 г. завершить приготовления, необходимые «для того, чтобы разбить Советскую Россию в молниеносной кампании еще до окончания военных действий с Великобританией». Так начинался в оперативном плане так называемый «план Барбаросса», ставший кульминационным моментом нацистской военной программы и, несмотря на все колебания, предшествовавшие его осуществлению, реальной целью гитлеровской стратегии. По этому поводу Андрэ пишет:

«Будучи хозяином на континенте, Гитлер продолжал утверждать, что война уже выиграна державами «Оси», однако в действительности он не видел перед собой пути для достижения окончательной победы и чувствовал, что с неотвратимостью вовлекается в войну на истощение, которая была чужда его концепциям и все опасности которой он хорошо понимал».

Впрочем, не реализовалась также альтернатива продвижения в направлении Испании, учитывая, что 7 декабря генерал Франко не разрешил проход немецких войск к Гибралтару. В таком контексте становится ясным, что идея нападения на Советский Союз — даже допуская, что в первые моменты ее разработки она была всего лишь одним из многочисленных вариантов, открывшихся для действий немцев, — превратилась, в конце концов, в неизбежный путь выхода из тупиковой ситуации. Эта оценка, впрочем, не может рассматриваться в отрыве от последовательной настойчивости, с которой Гитлер стремился осуществить свои глобальные замыслы; в рамках его концепции «промежуточные решения» (вроде предложения о присоединении СССР к Тройственному союзу) имели лишь вспомогательный и переходный характер. Если посмотреть внимательно, проникая за внешнюю сторону событий, то очевидно, что Гитлер стремился к полной гегемонии

Германии, реализованной благодаря превращению немецкой державы в силу, доминирующую в Евразии, силы, окруженной сложной системой зависимых отношений, которые позволяли бы ей или непосредственно контролировать свою имперскую систему, или господствовать над остатками крупных европейских имперских систем посредством подчинения соответствующих метрополий: английской, французской, голландской, бельгийской, португальской, итальянской и, не в последнюю очередь, советской. В этой системе японцы могли бы считать своей сферой влияния зону Тихого океана, в то время как влияние Соединенных Штатов было бы ограничено исключительно сферой доктрины Монро, то есть границами американского континента. В конце 1940 г. достижение этой цели казалось не столь далеким, хотя оставались неясными способы, какими она будет достигнута, и хотя итальянская «параллельная война» перешла опасный рубеж, за которым выявились проблемы и неопределенности, способные повлиять в будущем и на судьбу нацизма.

5.6. Военные действия Италии

5.6.1. ВОЙНА В ЛИВИИ

Быстрое окончание войны во Франции поставило правительство дуче в совершенно особую ситуацию. После прекращения военных действий на всем европейском континенте, за исключением британских бомбардировок Германии и немецких — Великобритании, фронтами, на которых могли еще происходить самые настоящие военные столкновения, были те, что удерживали итальянские войска, или те, что Муссолини решил открыть по собственной инициативе. При этом он стремился продемонстрировать, что итальянская война не ограничивается только «парадной» войной с Францией или скромными сражениями в Северной Африке, и что вклад Италии немаловажен, и в то же время обозначить политические цели своей войны. Внутри «Оси» позиция Италии представлялась, следовательно, как открытая рана, которую надеялись закрыть ограниченными силами, но она, однако, вскоре стала слабым звеном в системе союзов Германии.

Выявлялись противоречия, которые двигали Муссолини. Если действительно Италия была не готова к войне до 1942 г., то она должна была быть удовлетворена быстрой победой над Францией. Но поскольку эта победа имела вид мрачной карикатуры, престиж дуче требовал, чтобы он показал немецкому союзнику, что Италия способна внести эффективный вклад в общий успех.

Это могло произойти как в Африке, так и на Балканском полуострове, где Италия располагала сильным и хорошо контролируемым опорным плацдармом — Албанским королевством, аннексированным в апреле 1939 г.

Действительно, два военных фронта, открытых после заключения перемирия с Францией, — это фронт в Итальянской Восточной Африке и фронт вдоль ливийско-египетской границы. С июня по октябрь 1940 г. это были настоящие боевые фронты Второй мировой войны (не считая действия японцев в Китае и Индокитае). Если итальянские войска в Восточной Африке были расположены очень неудачно в силу географического положения главной итальянской колонии, то гораздо более легким, по крайней мере, теоретически, мог представляться план начать переход чисто итальянских войск в наступление от Ливийской границы на территорию Египта. Последний оставался формально нейтральным, но, несмотря на это, становился полем битвы. (Следует заметить, что на несколько недель Вторая мировая война имела в качестве единственного театра военных действий территорию этого независимого и нейтрального государства, хотя и связанного договором о взаимопомощи с Великобританией).

В конце августа маршал Родольфо Грациани, командовавший итальянскими силами в Северной Африке, получил приказ в течение нескольких дней начать наступление вдоль египетского побережья в направлении Александрии. Наступление, объяснявшееся желанием Муссолини предвидеть возможную высадку немцев в Великобритании, началось 9 сентября в наихудших условиях с точки зрения материально-технической подготовки. Итальянские войска продвинулись на несколько десятков километров до Сиди-эль-Баррани, затем им пришлось остановиться для перегруппировки сил. В действительности наступление могло бы иметь больший успех, если бы Муссолини по очевидным принципиальным соображениям не отказался от помощи немцев, которые помогли бы, по меньшей мере, достичь города Мерса-Матрух, отправной точки для наступления на Александрию. Однако оно обернулось ограниченным и эфемерным успехом, поскольку в начале декабря британские войска под командованием генерала Уэйвелла перешли в контрнаступление, вернули утраченную территорию и продолжили продвижение в Ливии вплоть до Бардии. Это был момент, когда полностью закончилась иллюзия итальянской «параллельной войны», и военные действия в Африке превратились лишь в один из аспектов конфликта, который Муссолини и Чиано захотели разжечь в Восточном Средиземноморье и на Балканах, несмотря на всё сопротивление немцев.

5.6.2. НАПАДЕНИЕ ИТАЛИИ НА ГРЕЦИЮ

Идея открыть фронт на Балканском полуострове вынашивалась Муссолини и его главными соратниками с первых недель войны с целью помешать тому, чтобы влияние политики Гитлера в Дунайско-Балканском регионе возобладало над итальянскими интересами. Теоретически было два направления военных действий: нападение на Югославию и нападение на Грецию. С начала июля были отданы распоряжения о военной подготовке в обоих направлениях и начался поиск согласия, если не поддержки немцев. Это обстоятельство показывало всю слабость итальянской позиции, ибо Гитлер воздерживался от консультаций с союзником перед тем, как принимать собственные решения.

Впрочем, такое согласие отсутствовало. По уже изложенным причинам Гитлер был против военных действий на Балканах и поэтому ответил самым категоричным отказом на предложение, сформулированное Чиано 7 июля о наступлении на Югославию. В то же время он не выдвинул возражений против ограниченной итальянской операции на греческих островах в Ионическом море (в первую очередь — на Корфу). В свете такой позиции немцев подготовка нападения на Югославию замедлилась. Напротив, подготовка операции против Греции, не была приостановлена, не только в отношении Ионических островов, но также и в отношении ее континентальной территории. Что касается Греции, то итальянские планы предусматривали действия по оккупации как части, так и всей территории страны, связанные с замыслом тайным вмешательством политико-идеологического характера вызвать падение афинского правительства и приход к власти послушного итальянцам правительства, готового, следовательно, сразу же отказаться от всякого сопротивления.

Выбор между двумя театрами военных действий представлялся в тот момент предрешенным, в особенности, поскольку позиция Гитлера в отношении югославского случая являлась непреодолимым препятствием и поскольку действия против Греции планировались как внезапное нападение ограниченными силами, и вся операция должна была быть завершена в течение приблизительно пятнадцати дней. На военном совещании, состоявшемся в Риме 13–14 августа с участием Муссолини, Чиано, заместника в Албании Якомони, командующего войсками в этом регионе генерала Висконти Праска и начальника генерального штаба маршала Бадольо, этот ограниченный характер операции был четко обозначен, и Висконти Праска потребовал незначительное подкрепление, исходя из предпосылки, что, вероятно, придется вести своего рода «молниеносную войну».

Моментом, подтолкнувшим Муссолини к отказу от осторожности и от соблюдения соглашений, подтвержденных лично Гитлером во время встречи в Бреннере 4 октября, было решение немцев ввести войска в Румынию. Также как и русские, итальянцы были непосредственно затронуты этой акцией, в отношении которой, несмотря на то, что предусматривал «Стальной пакт», с ними, также как и с русскими, не проконсультировались. Муссолини решил поэтому «отплатить Гитлеру той же монетой», то есть напасть на Грецию, предварительно не проинформировав его.

Речь идет о решении, принятом внезапно, под воздействием реакции раздражения по поводу многократного нарушения Гитлером взятых обязательств. Итальянские войска в Албании были готовы к оборонительной войне, а не к наступлению. Правда, согласно слухам, которые поддерживал Чиано, в Афинах должен был произойти проитальянский государственный переворот. Все итальянские военачальники были прекрасно осведомлены о подлинной военной ситуации и полной неподготовленности к наступлению. Сам Бадольо не боялся высказывать свои сомнения в неформальной обстановке отдельным деятелям фашистской иерархии. Ни у кого, однако, не хватало мужества или ума для того, чтобы сказать Муссолини правду, возможно потому, что все считали, что греки действительно противопоставят вторжению лишь символическое сопротивление, возможно потому, что привычка к сервильизму лишила соратников дуче энергии, необходимой для того, чтобы сдерживать его спесь.

В этой обстановке нападение на Грецию было назначено на 28 октября 1940 г. Муссолини проинформировал о нем Гитлера, когда тот находился в поездке по Южной Франции с целью встретиться с Франко и Петэном, длинным письмом, посланным с намеренным запозданием, в котором объяснялась итальянская позиция как по греческому вопросу, так и по другим европейским проблемам. Среди них — отношения с вишистской Францией и ведение войны. Итальянская позиция разъяснялась в письме таким образом, что не оставалось никаких сомнений в наличии глубоких разногласий. Гитлер счел тогда необходимым лично встретиться с Муссолини, и эта встреча состоялась во Флоренции, тогда же, 28 октября, через несколько часов после того, как итальянские войска начали свои операции в Греции. В этот момент фюреру не оставалось ничего другого, как сделать хорошую мину при плохой игре и извлечь из нее выгоду для того, чтобы освободиться от собственной ответственности за прошлое, и, кроме того, — чтобы заставить Муссолини согласиться с германской политикой в отношении Франции и Испании. Греческий

вопрос остался на втором плане; оба союзника продолжали обмениваться хитроумными предательскими ходами, в то время как, согласно дипломатическим формулировкам, «господствовало самое полное согласие».

Итальянцы были жестоко разочарованы ходом военных действий. Ожидавшиеся политические изменения не произошли, и греческие войска после первых дней растерянности начали оказывать сопротивление. В начале ноября способность итальянцев вести наступательные действия оказалась исчерпанной. Начинаясь мучительная война на истощение, во время которой итальянцы были унижены маленькой греческой армией и вынуждены были начать постепенное отступление, создавшее, в конце концов, угрозу для порта Валоны, морской базы, необходимой для обеспечения поставок для армии из Италии. В довершение всего 11 и 12 ноября британские самолеты-торпедоносцы атаковали морскую базу в Таранто, где им удалось потопить итальянский линейный корабль и нанести серьезные повреждения двум другим, а также поразить два крейсера и небольшие суда. Ситуация в воздушном и морском пространстве Средиземноморья была серьезно «испорчена», хотя англичане еще не господствовали в нем.

Контрнаступление под руководством британского генерала Уэйвелла на северо-африканском побережье сделало события еще более драматичными. 19 декабря генерал Каваллеро, новый начальник итальянского генерального штаба, отказавшись от «гордой» позиции, занимаемой до сих пор, был вынужден срочно попросить немцев о помощи для того, чтобы предотвратить превращение отступления в Африке в катастрофу. В довершение ухудшения военных позиций Италии в конце марта 1941 г. она потерпела тяжелое поражение на море. Значительная часть итальянского флота находилась 27 марта в море у мыса Матапас, самой южной точки Греции. Поднятые по тревоге секретными службами, расшифровавшими приказы итальянского командования, британские морские и воздушные силы внезапно атаковали итальянскую эскадру, в результате она потеряла пять крейсеров и три эскадренных миноносца. И хотя линкору «Витторио Венето», самому современному из итальянских кораблей, удалось спастись, итальянский флот больше не смог вернуть себе инициативу и установить контроль над Средиземноморьем.

Несколько недель боевых действий выявили, что неподготовленность Италии в военном отношении (о которой столь настойчиво говорилось весной 1939 г.) не была устранена за один год. Да это и невозможно было сделать, иллюзии же противоположного характера, состоявшие в том, что немецкие победы могут

«потянуть за собой» победы итальянцев, оказались необоснованными. За месяц с небольшим Италия потерпела серьезные военные поражения, которые подорвали ее престиж в рамках «Оси» и продемонстрировали, прежде всего, что итало-германская коалиция вовсе не была непобедимой. Италия показала, что, как и предвидели многие, она представляет собой самое слабое звено гитлеровской системы, на которое враги «Оси» могут воздействовать с наибольшим успехом.

С этого момента стало очевидно, что распространение военных действий за пределы Европы вовсе не являлось удачной инициативой Муссолини, поскольку оно положило начало первым неудачам стран «Оси». Позиция Италии внутри тройственной коалиции была в результате этого сильно ослаблена, а Гитлер, хотя и продолжал проявлять показную учтивость в отношении самого Муссолини, начал относиться к Италии как к самому настоящему сателлиту, который должен подчиняться целям германской политики. Таким образом, немногих дней войны хватило, чтобы разрушить иллюзию Муссолини о том, что Италия являлась «великой державой». В действительности она таковой никогда не была, и ей не удалось использовать до конца ресурсы, появившиеся с изменением дипломатической ситуации в межвоенное двадцатилетие.

5.6.3. ВОЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ГЕРМАНИИ НА БАЛКАНАХ

В этой новой ситуации, а также с учетом позиции Советов, равно как и принципиальных решений Гитлера, подписавшего 18 декабря «директиву № 21» относительно нападения на Советский Союз, проблема уменьшения нестабильности на Балканах представляла по-новому. Берлину было уже мало экспансии Венгрии, подчинения Болгарии, оккупации Румынии. Нужно было безотлагательно решать проблемы Греции и, в еще большей степени, Югославии, если немцы хотели не допустить, чтобы англичане использовали ситуацию в этом регионе для развертывания наступления. В рамках этого нового подхода вновь приобрели актуальность проблемы Восточного Средиземноморья (где тем временем англичанам, расположившим базы на греческих островах Лемнос и Крит, удалось укрепить свои позиции). Гитлер быстро пересмотрел планы, и 19–20 января 1941 г. сообщил о них Муссолини. Они предусматривали быстрые действия немцев, которые с территории Румынии, прошли бы через болгарскую территорию и вступили бы в Грецию. Молчаливое согласие Болгарии

должно было быть получено с помощью обещания предоставить ей выход к морю за счет Греции. Труднее было получить согласие Советов, если только не использовать обычные приемы дезинформации.

Эти планы еще не касались Югославии, где принц-регент Павел и правительство Д.Цветковича пытались в течение нескольких месяцев лавировать в атмосфере очевидного итало-немецкого соперничества. За период с конца 1940 г. до первых недель 1941 г. были изучены различные формы договоренностей, которые могли бы удовлетворить как немецкие, так и итальянские требования в обмен на обещание, что, в случае подписания пакта о ненападении со странами «Оси» и согласия на демилитаризацию адриатического побережья, Югославия после поражения Греции получит порт Салоники. Кроме того, для укрепления сотрудничества с Югославией немцы потребовали присоединения Белграда к Тройственному союзу, к которому 20 ноября присоединилась Венгрия, а 23 ноября ее примеру последовала Румыния.

Ситуация в Югославии становилась с каждым днем все сложнее и драматичнее. В конце февраля немцы начали перебрасывать свою армию через болгарскую территорию в направлении Греции. Несколько дней спустя, 4 марта принц Павел отправился в строжайшей тайне к Гитлеру в Берхтесгаден, однако они не пришли ни к какому соглашению. Гитлер скорее напугал своего собеседника, угрожая, что неприсоединение Югославии к Тройственному пакту будет способствовать захвату Салоник «третьей державой». В тот момент в Югославии разразился острейший кризис. Регент и премьер-министр настаивали, чтобы условия немцев были приняты в обмен на гарантию территориальной целостности Югославии, однако мнения членов правительства по этому вопросу разделились. Три министра 20 марта подали в отставку. Четыре дня спустя Цветкович и министр иностранных дел Цинцар-Маркович подписали в Вене соглашение о присоединении к Тройственному пакту. Однако, вместо того, чтобы решить проблемы страны, этот внезапный шаг лишь усугубил их. 27 марта в вооруженных силах начался мятеж, возглавленный командующим авиацией генералом Симовичем, который был поддержан народными выступлениями. Симовичу удалось свергнуть правительство Цветковича, после чего он вынудил принца-регента покинуть страну и призвал на трон молодого короля Петра. Из Москвы в это время пришло известие о заключении «договора о дружбе» с Советским Союзом, лишённого к данному моменту всякого смысла.

Именно эти события показали, что югославскую ситуацию нельзя взять под контроль только с помощью политико-диплома-

тических методов. В тот же день, 27 марта Гитлер со своей стороны принял контрмеры. В целях обеспечить предстоящее вскоре нападение на СССР и удачный исход нападения на Грецию требовалось «умиротворение» Югославии. Необходима была, следовательно, военная акция, которая пресекла бы всякое сопротивление. Гитлер решил начать наступление немедленно, 5 апреля. Муссолини был сразу же проинформирован об этом решении и о второстепенных задачах, которые отводились итальянским войскам: прикрывать правый фланг немецкой армии и защищать северные границы Албании. Венгров также пригласили участвовать в военных действиях, однако, хотя будапештское правительство было тесно связано с правительствами стран «Оси», премьер-министр Телеки не намеревался подстраивать свою политику под политику немцев, хотя бы потому, что вовсе не был уверен в неизбежности германской победы. Кроме того, Венгрия и Югославия незадолго до этого, 12 декабря подписали пакт о «вечной дружбе», нарушение которого Телеки считал бесчестным. Он попытался выиграть время и найти поддержку или, по крайней мере, понимание в Лондоне, однако был отстранен от власти своими военачальниками, сразу взявшими на себя инициативу сотрудничества с немцами и начавшими продвижение за пределы венгерской границы с тем, чтобы завершить окружение Югославии. Телеки, будучи человеком чести, покончил с собой в ночь со 2-го на 3-е апреля, когда немецкие войска вступили на венгерскую территорию, продвигаясь к Югославии, после чего Венгрия присоединилась к операциям немцев.

Оказавшаяся в полном окружении, Югославия подверглась нападению, подтвердившему силу германских бронетанковых и военно-воздушных сил. Достаточно было 12 дней, чтобы заставить короля и правительство 17 апреля покинуть страну и добиться капитуляции югославской армии. Одновременно с этим и такими же темпами развивалось наступление на Грецию. 20 апреля греческое командование обратилось к немцам с предложением капитуляции, однако те потребовали, чтобы такая же просьба была направлена итальянцам. Капитуляция была подписана 29 апреля, после того, как король Георг II укрылся в Каире. На следующий день немцы создали в Афинах марионеточное правительство. Тем временем германские войска 20 мая — 1 июня завершили операции по захвату Крита не столько в виду предстоящих действий против Египта, сколько для защиты Балканского полуострова и создания препятствия для возможных проходов английского и советского флотов через проливы.

Участь побежденной Югославии была самой тяжелой по сравнению со всеми Балканскими странами. Созданная, как и Чехо-

Словакия, на Парижской конференции, она, так же как и Чехословакия, была разрушена в ознаменование триумфа ревизионизма. Хорватские сепаратисты победили, добившись признания своей независимости. Новое государство, которое должно было простираться от исторической Хорватии (за исключением побережья Далмации, переданного Италии) до Боснии-Герцеговины, вверялось вождю фашистского формирования усташей Анте Павелича, с 20-х годов сотрудничавшего сначала с итальянцами, а затем с немцами. Однако для того, чтобы удовлетворить итальянские устремления, было решено, что Хорватия превратится в королевство одного из принцев Савойского дома. В действительности монархом стал герцог Сполетский, младший брат герцога д'Аоста, бывшего в то время губернатором и защитником интересов итальянской империи в Эфиопии. Герцог-король в соответствии с местными традициями получил имя Томислав I. Он, однако, не хотел и не мог вступить в права обладания своим королевством, хотя бы потому, что коронация была отложена до окончания войны. Что касается территории остальной Югославии, то она была возвращена Сербии в границах 1914 г., но с изменениями границы в пользу Болгарии (в районе Пирота). Болгария была вознаграждена за свое сотрудничество аннексией почти всей Македонии и почти всей Фракии, за исключением Салоник, которые остались у Греции. В северной части расчлененной Югославии область Банат осталась под немецким управлением, а Словения была разделена на северную, аннексированную Германией, и южную, с Любляной, аннексированную Италией. Италия аннексировала также часть Далмации, оставив Хорватии Рагузу (Дубровник) и прибрежную полосу к югу от Фиуме. Районы Зара, Себенико, Спалато, Каттаро были переданы Италии в аренду на 25 лет. Поводом для скромного удовлетворения династических амбиций стало восстановление Черногории в качестве независимого, но подчиненного итальянской короне государства, поскольку королева Италии была дочерью бывшего короля Черногории.

Несмотря на отсрочку на месяц нападения на Советский Союз, Гитлер был, однако, готов к этому следующему шагу в реализации своей программы. И хотя слабость Италии лишь повредила внешнему имиджу «Оси», молниеносные победы на Балканах подтвердили мощь германской военной машины. Казалось, доводы силы подтверждают мотивации политики Гитлера. В реализации своей антисоветской политической программы он видел воплощение доктрины германского жизненного пространства. Предпринимая свои действия, Гитлер думал о Германии, способной утвердить свою господствующую роль над всей Европой, а также

свою глобальную роль в рамках больших мировых пространств. На выполнение этой программы он бросил все ресурсы страны и действовал с беспринципностью, быстротой и насилием без правил и ограничений, касающихся последствий войны для гражданского населения. Все подчинялось цели военного триумфа, и всякое действие, даже самое низкое в моральном плане, как, например, истребление реальных или же воображаемых врагов, представлялось рациональным с точки зрения замысла завоевания мирового господства, которое в середине 1941 г. Гитлер считал еще достижимым. Эти методы быстро привели к возникновению мощного движения сопротивления, которое при появлении первых признаков германской слабости превратится в вооруженную борьбу против угнетателей.

Что касается ограниченности этой концепции, то Гитлер прекрасно знал возможности американцев и упорство англичан, но он полагал, что сможет победить их, загнав обе державы в тупик, единственной альтернативой которому была германская гегемония. Он примитивно недооценивал происходившее в Советском Союзе, считая, что советский колосс стоит на глиняных ногах и что быстрый удар может его сокрушить. Он не сумел уловить изменений глобальной реальности. Он не понял, что с начала века Россия (или СССР) и Соединенные Штаты достигли масштаба сверхдержав, и готовился воевать, веря в то, что фактор времени поможет ему одержать победу прежде, чем коалиция противников сумеет консолидироваться. Его тактической проницательности и тонкости его дипломатических и военных шагов противоречил грубый и неопределенный образ, которым он оперировал в стратегическом плане для новой Германии. Сформировавшись в рамках устаревшего и поверхностного подхода, он не заметил, что будущее принадлежало сверхдержavam и народам, появившимся из безвестности колониализма. Нападая на Советский Союз, он готовился нанести самый сокрушительный удар по последним ресурсам европейского преобладания в мировой политике.

Глава шестая

ГЛОБАЛЬНАЯ ВОЙНА

6.1. Нападение Германии на Советский Союз

6.1.1. ГИТЛЕР И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Германские вооруженные силы напали на Советский Союз 22 июня 1941 г. В соответствии с замыслом Гитлера эта война решала важные проблемы, но не имела определяющего значения. Фюрер все еще надеялся вынудить Японию отказаться от нейтралитета и напасть на СССР с востока с тем, чтобы за несколько недель завершить военную кампанию. В таком случае исход схватки был бы легко предсказуем. Возможно, Уинстон Черчилль был бы сметен пацифистами, а Великобритания была бы вынуждена войти в сферу влияния Германии. Возможно, англичане продолжили бы сопротивление вместе с новым, настоящим врагом Германии, Соединенными Штатами, чьи планы превращения в глобальную державу были уже очевидны и коих только сейчас Гитлер начал считать главным препятствием на пути Германии к успеху.

Не случайно, 14 июля, меньше, чем через месяц после начала осуществления «плана Барбаросса», Гитлер отдал приказ об изменении в программах перевооружения. В наземных вооружениях они должны были коснуться прежде всего бронетанковых сил, способных быстро передвигаться по огромной территории Советов, однако предпочтение должно было быть отдано военно-морскому флоту и авиации (которая увеличивалась в четыре раза) с тем, чтобы осуществить глобальный план, направленный уже не на уничтожение СССР — что воспринималось как само собой разумеющееся, — а на войну до победного конца с Соединенными Штатами. Эти планы предусматривали захват Гибралтара, Азорских и Канарских островов, а также островов Зеленого Мыса. Они также предусматривали превращение Марокко в немецкий бастион с тем, чтобы контролировать северный берег Африки вплоть до Дакара. В Средиземном море планировалось, начав с Ливии и Болгарии, захватить Египет и другие английские позиции на Ближнем Востоке, и, пройдя через Турцию, Кавказ, Иран, достичь Афганистана для того, чтобы угрожать Британской империи в Индии с северо-запада. Окружение Соединенных Штатов должно было довершить сотрудничество с Японией.

Этот план, рассчитанный на отсутствие каких бы то ни было ограничителей для германских побед, мог показаться оправданным в свете того, что произошло в первые двадцать месяцев войны. Однако он строился на некоторых предпосылках, оказавшихся нереальными. В течение небольшого отрезка времени, когда эти предпосылки проявились, полностью изменилась глобальная политическая ситуация, и немецкая Европа оказалась в ситуации изоляции, а центр тяжести мировой дипломатии сместился от Берлина или, если угодно, от инициатив Гитлера, вовне, то есть в Лондон, Вашингтон, Москву, Токио. Ошибочно было рассчитывать на выступление Японии против СССР; ошибочно было верить, что Черчилль не обладал прочной поддержкой подавляющего большинства англичан; ошибочно было считать, что американцы не начнут действовать еще до того, как вступят в войну. Однако, прежде всего, оказался лишены основания расистский оптимизм, с которым как политический мир, так и германские военные оценивали способность СССР к сопротивлению. Фельдмаршал фон Браухич предусматривал, что кампания против Советского Союза продлится от четырех до шести недель, и что понадобится 80–100 немецких дивизий, которым русские смогут противопоставить лишь 50–70 «годных дивизий». Подборка расистских цитат, недооценивавших способность Советов к сопротивлению, и изображавших СССР в качестве колосса на глиняных ногах, столь обширна, что стала стереотипом, сквозь который проглядывают лишь некоторые едва заметные сомнения.

То обстоятельство, что русские оказали сопротивление немецкому наступлению и что японцы не вмешались в антикоминтерновскую войну, следует рассматривать не только с точки зрения его военно-политического значения, но также, и прежде всего, в свете поворота, происшедшего под его воздействием в международных дипломатических отношениях. Это был окончательный поворот, превративший Европу из субъекта, доминировавшего в мировой политике, в ее объект. Начиная с лета 1941 г. то, что происходило в Европе, имело значение лишь постольку, поскольку отражало происходившее за ее пределами. А за ее пределами формировалось соотношение сил и проблемы, которые станут доминирующими в послевоенные десятилетия.

Между сентябрем 1939 и июнем 1941 г. продвижение немецких войск сопровождалось триумфальными успехами германской дипломатии. Решения фюрера влияли на жизнь всего континента и проецировали европейскую мощь (хотя и при уже начинавшем проявляться сопротивлении) на весь остальной мир. Глобальная политическая ситуация представлялась обусловленной, направляе-

мой или ориентированной волей немецкого диктатора, то есть используемой им в собственных интересах способностью управлять судьбами самого мощного ядра политических и экономических сил, существовавшего в мире, учитывая тот факт, что Гитлер мог, по крайней мере, на бумаге контролировать не только метрополию, но также и часть обширных колониальных империй европейских стран, за исключением Великобритании. В этом смысле можно говорить о чрезвычайном распространении европейской гегемонии, сосредоточенной в одном движущем центре. Однако речь шла об эфемерной гегемонии, построенной на внешне рациональных расчетах, обусловленных соответствием событий гитлеровскому замыслу, то есть совпадением политического расчета Гитлера и развитием конкретных ситуаций.

Такое совпадение было возможно, пока Гитлеру приходилось сталкиваться с реальностью, соответствующей его подготовке и его знаниям. Оно становилось в меньшей степени возможным, когда ему приходилось соизмеряться с ситуациями, в которых он плохо разбирался или в силу расистского презрения к объекту анализа, как в случае с Советским Союзом (русские представляли всего лишь «низшую расу»), или же из-за смеси расизма и непонимания американского менталитета во всей его сложности. Иными словами, Гитлер мог доминировать в европейской дипломатии и цинично издеваться над чувствительностью и страхами представителей демократических держав, но был не в состоянии понять и предвидеть полинную реакцию ни русских, ни американцев.

Когда немецкий диктатор решил напасть на Советский Союз, он представлял себе «план Барбаросса» как отвлекающий маневр, важный для Германии в целях завоевания «жизненного пространства», но второстепенного по отношению к общему замыслу военных операций. Сотрудничество с японцами, с одной стороны, сдерживало бы американцев, а с другой, — поставило бы Советы в худшую из возможных военную ситуацию: необходимости делить скудные силы между двумя одинаково важными фронтами. Однако, напротив, именно начало этих действий должно было в политическом плане привести к провалу всех немецких планов.

С июня 1941 г. способность доминировать над другими или диктовать им их действия исчезла. Начав агрессию против Советского Союза, Гитлер вернул инициативу другим: англичанам, поспешившим протянуть руку Сталину, американцам, которые стали более интенсивно сотрудничать с Великобританией. Другими словами, Гитлер привел в движение формирование коалиции, *выходящей за пределы* Европы, поставившей целью отвоевание Евро-

пы, освобожденной от нацистского господства, но оказавшейся в ситуации, которая предполагала, что ее способность быть основой для распределения политической власти в мире будет надолго, если не навсегда, поставлена под сомнение. Вынужденный сконцентрироваться на борьбе с Советами, требовавшей от Германии неожиданных усилий, Гитлер оказался пленником замка, который он сам себе построил. Берхтесгаден, «орлиное гнездо» может восприниматься как метафора этого замка и его изоляции. Театр военных действий расширялся и становился глобальным еще до того, как японцы совершили нападение на Соединенные Штаты. Следует очень внимательно отнестись к этому повороту, поскольку он означал начало новой эпохи в истории международных отношений.

6.1.2. ПЕРВЫЙ ЭТАП НЕМЕЦКОЙ АГРЕССИИ

«План Барбаросса» начал осуществляться на рассвете 22 июня 1941 г. Гитлер выдвинул вперед внушительные силы: 153 дивизии, 600 тыс. моторизованных средств, 3 580 танков, 7200 артиллерийских орудий, немногим менее 3 тыс. самолетов. К этой армаде присоединились румынские, финские, венгерские, словацкие силы и, несколько позднее, три итальянские дивизии и дивизия испанских добровольцев (Division Azul — Голубая дивизия). Нападение было внезапным, благодаря чему люфтваффе удалось поразить советскую военную технику прежде, чем она смогла отреагировать. Между тем бронетанковые средства повели наступление вглубь территории в соответствии с тактикой, успешно испытанной в Польше, Франции и на Балканах. В те же самые часы германский посол в Москве фон Шуленбург вручил Молотову длинную ноту, в которой Советам был представлен перечень протестов немецкой стороны по поводу «неоднократных нарушений» пакта 23 августа 1939 г., характеризовавшихся одновременно как маневры с целью «противостоять попытке немцев установить в Европе прочный порядок», как выражение «все более антигерманской внешней политики» и как проявление стремления вести войну с самой Германией:

«Советское правительство разорвало свои обязательства перед Германией и собирается вонзить нож в спину Германии в то время, как она борется за свое существование. Поэтому фюрер приказал германским вооруженным силам противостоять такой опасности всеми имеющимися в их распоряжении средствами».

Послу нечего было добавить. В то же время аналогичная сцена разворачивалась в Берлине, где Риббентроп вызвал в 4 часа

утра советского посла Деканозова. В довершение Гитлер в те же часы послал Муссолини длинное письмо, в котором излагал причины, которые привели его «к принятию самого трудного решения в его жизни», а именно, — «положить конец лицемерной игре Кремля». Война будет трудной, однако Гитлер не сомневался в успехе. Затем он извинялся за очередное нарушение пакта о взаимных консультациях: «Я выжидал до настоящего момента, Дуче, чтобы направить Вам это послание, поскольку окончательное решение было принято лишь сегодня, в семь часов вечера». И добавлял, открывая суть своих планов и признавая в конце уместными основания для осторожности Муссолини в январе 1940 г.:

«Что бы ни случилось, Дуче, наше положение не может ухудшиться в результате этого шага, она может только улучшиться... Тем не менее, если Англия не извлечет должные выводы из суровых фактов, то мы, имея за плечами надежный тыл, сможем с возросшими силами обрушиться на противника с целью его уничтожения...

Позвольте мне, Дуче, сказать Вам еще одно. После того, как в борьбе с собой я пришел к этому решению, я ощущаю себя снова внутренне свободным. Сотрудничество с Советским Союзом, несмотря на абсолютную искренность наших усилий с целью придти к окончательному примирению, было для меня весьма тягостным, поскольку так или иначе это оказывалось в противоречии со всеми моими первоначальными позициями, с моими концепциями и моими прежними обязательствами. Теперь я весьма удовлетворен тем, что освободился от этого морального бремени».

Нападение на Советский Союз было предпринято немцами с совершенно неуместным оптимизмом и было задумано Гитлером как первый шаг на пути к уничтожению противника, которые придали войне, уже и без того необычайно жестокой, одиозный характер, ставший впоследствии одним из ее наиболее потрясающих воображение моментов. Причина оптимизма заключалась в убежденности в оперативном и технологическом превосходстве германских вооруженных сил. Недавние сталинские чистки высшего командного состава армии давали основания считать, что советские вооруженные силы находились в состоянии полного развала. Это не означает, что в немецкой армии не было офицеров, в том числе и высокого уровня, сознававших риск, на который они шли, и вероятность того, что этот риск превышал возможности немцев. Однако они были подавлены доминирующим течением, и как бы то ни было, обречены на молчание из-за полного господства стратегических решений Гитлера и контроля гестапо (*Geheime Staatspolizei*), ликвидировавшего всякое подобие несогласия.

Одиозный характер войны стал очевиден благодаря присущим ей с того момента целям геноцида. До тех пор, пока война велась со странами Западной Европы, немецкие вооруженные силы, хотя и действовали со зверской жестокостью, не преследовали целей систематического уничтожения населения. Антиеврейские преследования, начатые в Германии, были экспортированы в оккупированные страны, и прежде всего в Польшу, через создание гетто и первые массовые убийства (1940 г.), однако они не приобрели еще черт «программы» уничтожения населения, которая будет сопровождать войну против Советского Союза. Это изменение имплицитно содержалось в нацистской концепции расы и в антиеврейской политике, но оно еще не приобрело очертаний ведения войны против народа «низшей расы». Первый шаг в этом направлении был совершен 3 марта 1941 г., когда генерал артиллерии Альфред Йодль, человек, ставший вместе с Гитлером первым участником подготовки плана нападения на СССР, изложил «Особые инструкции», которые, по воле фюрера, должны были прилагаться к приказам по «плану Барбаросса».

«Предстоящая кампания, — писал Йодль, — будет чем-то большим, чем простой вооруженный конфликт; она будет схваткой между разными идеологиями. Учитывая масштабы вовлеченной территории, эта война не закончится простым поражением вооруженных сил противника... Большевистско-еврейская интеллигенция должна быть уничтожена, поскольку до сих пор она была «угнетателем» народа».

Этот документ стал основополагающим в первой откровенной директиве о массовом уничтожении населения, объявленной Гитлером на совещании главнокомандующих и самых авторитетных военачальников всех германских вооруженных сил — совещании, ставшем одним из моментов, избранных Гитлером для выдвижения своих лозунгов в ходе войны. Фюрер знал, что не все высшие офицеры были готовы следовать за ним по пути геноцида, который он намеревался осуществлять, и хотел своими зажигательными лозунгами и своими апелляциями к «столкновению двух цивилизаций» зажечь души самых нерешительных и поставить в трудное положение тех, кто, как он знал, враждебно относились к его концепциям войны. Официального текста этой речи не существовало. Но из записок генерала Гальдера следует, что Гитлер сказал:

«Война против России будет носить такой характер, что ее невозможно будет вести рыцарскими методами. Это — борьба между различными идеологиями и расами, и ее придется вести с беспрецедентной жестокостью, беспощадностью и неумолимостью.

Все офицеры должны будут избавиться от своих устаревших идей. Я знаю, что такое ведение войны выходит за пределы вашего понимания, генералы, однако я твердо настаиваю на том, чтобы мои приказы выполнялись без обсуждения. Комиссары представляют идеологию, совершенно противоположную национал-социализму. Поэтому комиссары должны быть уничтожены. Солдаты, нарушившие международные законы, будут прощены... Россия не участвовала в подписании Гаагской конвенции, следовательно, она не имеет никакого права апеллировать к этим законам».

Геринг, получивший должность куратора по экономическим проблемам, связанным с оккупацией восточных территорий, установил, что производство продукции на наиболее плодородных землях, оккупированных немецкими войсками, не должно использоваться для снабжения населения промышленных районов. Рабочих можно обречь на голодную смерть, а основная масса продовольствия должна быть предназначена немцам. В приказе от 23 мая 1941 г. он уточнял:

«Всякая попытка спасти население от смерти из-за недоедания, импортируя излишки продовольствия из черноземной зоны (самой плодородной части Украины) явилась бы ущербом снабжению Европы. Она снизила бы способность Германии удовлетворять свои собственные потребности во время войны и нанесла бы ущерб способности Германии и Европы сопротивляться блокаде. Это должно быть усвоено ясно и недвусмысленно».

Такая концепция военных действий в целом была одновременно распространена на предусмотренное уничтожение коммунистических руководителей и евреев. В преддверии кампании против СССР были сформированы специальные «боевые группы», которые должны были действовать в тылу армии и под руководством высшего командования СС (*Schutz Staffel*) и полиции. 2 июля Рейнхард Гейдрих, шеф главного управления имперской безопасности, а также глава полиции и службы безопасности (СД) разослал приказы, которые он устно получил от Гиммлера незадолго до начала осуществления «плана Барбаросса». Среди прочего пункт 4-й гласил:

«Казни. Подлежат казни все функционеры Коминтерна (как и все профессиональные коммунистические политики вообще), высшие, средние, мелкие функционеры партии, центральных комитетов, областных комитетов, народные комиссары, евреи, занимающие партийные и государственные должности, и прочие элементы [которые будут сочтены бесполезными]».

Эти приказы касались «низших народов» и евреев. Однако в отношении последних речь шла только о первом шаге непрерывных

гонений, которые год спустя приведут к принятию декларации об «окончательном решении». В речи 30 января 1942 г. в Берлине Гитлер заявил:

«Нам ясно, что война может закончиться только ликвидацией неарийских народов или иудейства в Европе... Результатом этой войны будет... уничтожение иудейства».

За несколько дней до этого, на печально известной конференции, состоявшейся в доме № 56–58 по улице Гроссер Ванзее в Берлине, Гейдрих объявил представителям всех заинтересованных органов немецкой администрации о необходимости организовать «окончательное решение» еврейского вопроса на всей европейской территории, где господствуют немцы, открыв таким образом путь к распространению таких операций не только на пограничный район между Россией и Польшей, где было сосредоточено наибольшее число европейских евреев, но и на весь остальной континент, включая Западную Европу. «Я вижу только одно решение, — заявлял Гитлер, — тотальное уничтожение в случае, если они не уедут добровольно». Таковы были предпосылки для создания крупных концентрационных лагерей, для сосредоточения массы военнопленных и евреев, затем подвергнутых селективному уничтожению.

Впрочем, категоричность этих намерений с самого начала военных действий получала ежедневные подтверждения. Для того, чтобы покончить с этими душераздирающими цитатами, которые, между тем, дают точную характеристику способу, избранному Гитлером для продолжения войны, достаточно воспроизвести директивы, которые сам фюрер издал через несколько недель после 22 июня, 29 сентября 1941 г. после стольких видимых военных успехов немцев, используя слова, предназначавшиеся для особого случая, а также для города Москвы:

«Фюрер решил стереть Петербург (Ленинград) с лица земли. Дальнейшее существование такого крупного города не представляет никакого интереса после того, как будет уничтожена Советская Россия... Он намеревается окружить этот город и сровнять его с землей при помощи артиллерии и непрерывных воздушных бомбардировок... Любое требование, которое будет исходить от администрации города, должно быть отвергнуто; проблема выживания населения и проблема продовольствия не может и не должна входить в нашу компетенцию. В этой войне за существование мы нисколько не заинтересованы в спасении даже части населения этого крупного города».

В первые недели, последовавшие за 22 июня, ход военных действий, казалось, соответствовал самым оптимистическим ожи-

даниям немцев. В центре была задействована самая сильная группа армий, на этом направлении немецкие войска окружили Белосток и Минск, взяли 350 тыс пленных и 16 июля достигли Смоленска, где завязали другое сражение и выиграли его, взяв еще 310 тыс. пленных. 30 июля, когда немецкие войска находились в нескольких десятках километров от Москвы, Гитлер отдал приказ «перейти к обороне», то есть остановить наступление.

Менее яркими были успехи армий, продвигавшихся на север, к Ленинграду, и на юг, на Украине, в направлении Сталинграда и Крыма. На севере немецкие войска, пройдя через территорию Прибалтийских государств, продвигались к Ленинграду, к которому они должны были подойти с юго-запада, в то время как с севера планировался подход финских войск, однако хельсинкское правительство предусмотрительно замедлило их продвижение по территории, утраченной год назад. На юге немецкая армия двигалась к Днепру и к Киеву, столице Украины.

Разная степень успеха трех армий противоречила директивам, данным Гитлером, согласно которым основной нажим должен был оказываться на флангах. Сложившееся положение требовало решения главной стратегической проблемы, касавшейся выбора направления, на котором в последующие недели следовало сконцентрировать основные операции.

Этот выбор зависел как от настроений в германском военном командовании и политическом руководстве и их концепций, так и от состояния Красной армии. Что касается Советов, то в результате нападения они сразу же понесли гигантские потери, что, однако, не уничтожило их потенциала и их способности к сопротивлению. В момент нападения немцев большая часть советских войск (около 170 дивизий) дислоцировалась на территориях, недавно приобретенных на западе. К тому же в целом армия должна была залечивать раны, вызванные большими сталинскими чистками 1936–1938 гг., обезглавившими военное командование. Для проведения реорганизации армии в 1940 г. Сталин обратился к генералу Тимошенко, назначенному народным комиссаром обороны и маршалом всего в 45 лет, взамен ветерана Ворошилова, которому позднее было доверено командование северным фронтом, в то время как командование южным фронтом было поручено маршалу Буденному. В феврале 1941 г. генерал Жуков, успешно сражавшийся в Китае против японцев, был назначен начальником генерального штаба. Эти изменения показывают, что советские вооруженные силы находились в стадии перестройки. Решения Сталина были импровизированными и, в ряде случаев, неадекватными, продиктованными необходимостью принятия неотложных мер.

Впрочем, в области вооружений выявились те же проблемы. По отношению к общему числу танков, достигавшему на бумаге 20 тыс., количество пригодных для ведения войны с немцами составляло незначительный процент. Позднее маршал Конев признает, что в самый критический момент, когда немцы приблизились к Москве, Советы располагали только 45 современными танками. Советские военно-воздушные силы в численном выражении были самыми крупными в мире. После Мюнхена производство в СССР достигло 800-900 самолетов в месяц. В 1942 г. заводы, переведенные к востоку от Урала, производили 3 тыс. самолетов в месяц. В 1941 г. советская авиация обладала около 5 тыс. самолетов, а в 1945 г. общая численность их достигла 20 тыс. боеспособных единиц. Однако в момент немецкого нападения переход от старого производства к новому был в полном разгаре. Резервы были ограничены, технология неудовлетворительна. Кроме того, по немецким оценкам, только за один первый день войны почти 1 500 советских самолетов, находившихся на земле, были выведены из строя. Военные историки подсчитали, что к концу августа советская авиация потеряла в общей сложности около 5 тыс. самолетов, то есть в тот момент у нее больше не было возможности вести эффективные боевые действия.

Однако Советы оказывали сопротивление прежде всего наземными силами. Быстрое продвижение немецких бронетанковых войск оставляло в тылу окруженными пленных и беженцев, которые позднее составили силы сопротивления захватчикам. Резервы для этого были неистощимы, хотя и дезорганизованы. Они были плохо вооружены, но воодушевлены желанием сражаться, которого немцы не ожидали. Пауза, объявленная Гитлером на центральном фронте, дала Сталину и его генералам первую возможность для упорядочения военной ситуации.

Сталин был застигнут нападением немцев врасплох. Хотя возрастающая напряженность в отношениях между двумя странами должна была встревожить его, а информация, поступавшая в Москву, подтверждала факт сосредоточения немецких войск вдоль советской границы, он отреагировал на первые новости с фронта с недоверием и отчаянием. Когда его проинформировали об успехах немцев, достигнутых за первый день войны, он исчез с политической сцены и удалился на свою дачу в Кунцево, где он всегда ночевал. С 23 по 30 июня политическое управление страной отсутствовало. Военные операции проходили под руководством Ставки, главного штаба верховного главнокомандования советскими вооруженными силами, созданного 23 июня и вверенного руководству маршала Тимошенко. Вся ответственность

за первые семь дней войны падает на этот орган. Сталин оставался в тени. В период с 25 по 29 июня его имя не упоминалось ни в одной из советских газет. Стаффорд Крипс, бывший тогда британским послом в Москве, и члены английской военной комиссии, поспешившие в Москву, были приняты только Молотовым, хотя необходимо было обсудить темы жизненной важности. Военные коммюнике давали неопределенную и неточную информацию. Назывались места боев, но не говорилось, на какую глубину продвинулись немцы. В некоторых случаях говорилось даже о победах советских войск.

Естественно, что о таком поведении Сталина велись позднее дискуссии в историографии. У него есть множество интерпретаций. Самая простая сводит все к глубокому кризису, который Сталин пережил в те дни в условиях краха его политической деятельности, опасности, грозившей его личной власти, и опасности, нависшей над всей страной. Однако, наряду с этой интерпретацией, которая может содержать элементы обоснованности, есть и другие, заставляющие думать о более тонких расчетах. Масштаб катастрофы был очевиден, и Сталин отстранился, поскольку ответственность за поражение падала только на тех, кто знал, как ее избежать, то есть на военных. Они, вероятно, смогли бы и, возможно, хотели попытаться осуществить переворот, который лишил бы диктатора власти. Однако именно масштаб катастрофы дискредитировал их еще до того, как они смогли что-либо предпринять. С другой стороны, ничто не мешает предполагать, что советский диктатор затворился на даче только для того, чтобы суметь лучше оценить ситуацию и продумать шаги, которые следует совершить. И если даже кто-то и вынашивал планы его отстранения от власти, то ему пришлось от них отказаться, когда Сталин восстановил непосредственный контроль над ситуацией.

Действительно, 30 июня Сталин вернулся в Кремль и с этого дня он полностью взял на себя руководство советским отпором врагу, часто ошибаясь в военном плане, но демонстрируя способность к мобилизации, укреплявшую его позиции перед лицом любых проявлений несогласия военного или политического плана и превращавшую его в героя сопротивления. В самом деле, в тот же день он создал Государственный комитет обороны, высший орган управления страной, председателем которого стал он сам. Заместителем председателя был назначен Молотов, другими членами стали Климент Ворошилов, Лаврентий Берия и Георгий Маленков.

3 июля, впервые после нападения немцев, Сталин по радио обратился с речью к стране, которая перед лицом катастрофы с не-

поддельной тревогой ждала из уст своего вождя обнадеживающего обращения. Хотя многие и заметили взволнованность и колебания в словах Сталина, ему удалось тогда осуществить важную политическую операцию: превратить войну, за которую, после всего, что случилось, сам он нес значительную часть ответственности, в «отечественную» войну по защите всей страны. «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои», — сказал он. Его призыв был обращен ко всем согражданам с тем, чтобы в момент опасности они забыли ошибки и разногласия и «сплотились вокруг партии Ленина—Сталина». Он задал вопрос, не было ли ошибкой заключение пакта с нацистами, но тут же объяснил его с помощью аргумента, который долго будет иметь признание: благодаря этому соглашению Россия выиграла полтора года мира. Он принял «историческое заявление», сделанное тем временем Черчиллем в поддержку совместной борьбы и поблагодарил Соединенные Штаты за предложения помощи. Далее, что более существенно, он признал, что вся страна находится в серьезной опасности, с которой надо бороться повсюду; что необходимо подняться на борьбу даже в тылу у немцев, в уже оккупированных областях (где у него были основания опасаться возникновения сепаратистских движений), что необходимо бороться до последнего: «Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость и за демократические свободы». Через несколько дней, в середине июля Сталин занял должность министра обороны, а 7 августа — главнокомандующего, заменив на этом посту маршала Тимошенко, которому вверялось командование центральной группировкой советских войск.

Итак, преодолев личный кризис (если можно говорить о «личном кризисе»), преодолев момент сомнений и депрессии, Сталин вернул себе центральную роль в советской жизни. 9 июля «Правда» опубликовала статью, в которой вновь зазвучала вера в вождя, возродившаяся в руководстве партии: «Долгие годы жизни Великому Сталину, вдохновителю и организатору наших побед!» Это означало, что самые тяжелые в личном плане дни были преодолены, и что Сталин вновь нашел путь для переформулирования своей политической стратегии, приспособив ее к новой ситуации. Другими словами, поскольку капиталистический мир представлялся ему теперь более дифференцированным по сравнению с тем, чем он был до 22 июня, необходимо было адаптироваться к новой ситуации.

Идея создания международной системы, основанной на признании большого успеха Германии (против которого следовало

принять в нужный момент своевременные меры, используя, в частности, тактику мирного сосуществования) должна была быть заменена идеей борьбы с целью воспрепятствовать достижению «большого успеха Германии». В этот момент борьба могла показаться безнадежной, а победа — невозможной. Однако когда Сталин взглянул на мировую перспективу, он увидел контуры сближения в ближайшем будущем с Великобританией и в более отдаленном — возможного сближения с Соединенными Штатами, которое породит самую сильную в мире военную коалицию. Для всех стран Европы и Америки говорить о свободе и демократии означало освоить лозунги американской пропаганды и настроиться на тот же волновой диапазон, что Рузвельт и Черчилль. Это означало представлять себе Германию окруженной внутри европейской крепости и раздавленной глобальной коалицией. В июле 1941 г. такое положение могло показаться только слабой надеждой. Однако то, что Сталин смог его предвидеть, стало для него победным стратегическим выбором. То, что он смог добиться от своего народа терпения и упорства, необходимых для сопротивления немецкому натиску означало, что он вступил на путь, который после победоносного окончания войны сделает Советский Союз сверхдержавой. Сталин проявил, таким образом, свою изощренность в качестве протагониста державной политики.

Стратегические решения, почти в то же самое время принятые Гитлером, позднее подтвердили правоту политики Сталина. Все высшее германское командование выступило за продолжение наступления на Москву вопреки директивам фюрера, но в соответствии с принципом, принятым германским генеральным штабом, гласившим, что «целью каждой военной операции является уничтожение вооруженной силы противника». Из этого принципа вытекала необходимость похода на Москву для разрушения жизненно важного центра сопротивления Советов.

6.1.3. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЗАХВАТ МОСКВЫ

Действительно, самой важной целью до наступления зимы, считал Гитлер, был захват не Москвы, а Крыма и угольно-индустриального Донецкого бассейна, а также прекращение поставок нефти с Кавказа. На севере необходимо было завершить окружение Ленинграда. Тем, кто отстаивал тезис о необходимости наступления на Москву, фюрер ответил, что, возможно, они и были правы с чисто военной точки зрения, но что в войне должны учитываться также экономические аспекты, а они диктовали первостепенную роль операций на южном фронте. Никто из немецких генералов не набрался мужества опровергнуть эти установки.

Таким образом, полемика по вопросам стратегии, остановившая на несколько недель наступление немцев, завершилась торжеством тезиса, отдававшего приоритет южному фронту. Наступление немецких армий на южном фронте началось немедленно. 19 сентября Киев был захвачен с быстротой, превзошедшей ожидания, и 26-го сражение закончилось окружением и сдачей в плен 650 тыс. русских. Это был грандиозный тактический успех, но он означал также и поворотный пункт войны в России. Действительно, завоевав Украину, Гитлер отдал приказ о том, чтобы в начале октября началось наступление на Москву и Ленинград. С самого начала наступление было триумфальным: немцы подошли к советской столице на расстояние меньше, чем 100 км. Однако неожиданная смена погоды превратила дороги в непроходимую грязь, а затем — в лед. Наступление замедлилось.

Спротивление русских нарастало, и, хотя 24 ноября немцы достигли Истры, расположенной всего в 40 км от Москвы, а немного позднее отдельным подразделениям удалось приблизиться даже на расстояние меньше 20 км от центра города, на тот момент всякое дальнейшее наступление было немыслимо. 8 декабря Гитлер отдал приказ о приостановке наступательных операций. На юге немцы также потерпели первые поражения, а на севере блокада Ленинграда встретила непреодолимое сопротивление. Возможность поразить врага в сердце с военной точки зрения была потеряна навсегда. За картиной очевидной военной победы начали проступать признаки трудностей, которые на следующий год радикально изменят судьбы войны. Сопротивление в тылу немецкого фронта становилось все более ожесточенным, и против него, поддержанного в 1942 г. силами парашютных десантов регулярной Красной армии, Гитлер должен был использовать значительную часть своих войск. Блокада Ленинграда вызвала тяжелейшие последствия для населения, однако закончилась поражением, поскольку, несмотря на трудности, русским удалось доставлять военные подкрепления и продовольственную помощь населению, истощенному голодом и страданиями, с помощью колонн грузовиков, передвигавшихся по льду замерзшего Ладожского озера.

С наступлением весны, в мае 1942 г., Гитлеру не удалось больше осуществить фронтальное наступление против Москвы; впрочем, его стратегический выбор был в этот момент, как никогда, направлен на южный фронт. Здесь завершалась оккупация Украины и Крыма, а летом были развернуты два крупных наступления — в направлении Кавказа, которого немцам удалось достичь, и в направлении Сталинграда (сейчас — Волгоград). Это

был один из наиболее важных стратегических пунктов южного фронта, на границе между европейской и азиатской Россией, узел речных и железнодорожных коммуникаций, промышленный и торговый город, контроль над которым представлялся решающим для исхода борьбы. Немцы вышли на подступы к Сталинграду 17 июля, а через несколько дней они начали сражение с целью окружить и захватить город. Это было начало длительной битвы, которая решила в России военный исход войны. Действительно, в Сталинграде немцы достигли предела своего продвижения. После этого война превратилась в чередование наступательных и оборонительных схваток, вплоть до того момента, когда она, начиная с февраля 1943 г., обернулась катастрофическим отступлением немцев.

6.1.4. НЕУЧАСТИЕ ЯПОНИИ

Тем временем, вопрос о русской кампании в постановке Гитлером потерпел ощутимое поражение также и в дипломатической сфере. «План Барбаросса» должен был сопровождаться политической поддержкой, а затем и военным участием Японии, которое вынудило бы Советов к войне на два фронта. Переговоры по этой проблеме длились уже долго, но ни одна из сторон не спешила их завершить. В начале июня 1941 г. задача, отводившаяся немецкой дипломатией Японии, состояла, прежде всего, в том, что предусматривалось Тройственным пактом: предотвращение вступления в войну Соединенных Штатов и возможность экспансии в южной части Тихого океана.

Только после нападения на Советский Союз немцы сменили тон. 1 июля Риббентроп телеграфировал японскому министру иностранных дел Мацуоке, главному поборнику политики сотрудничества с Германией в Токио, чтобы тот добился немедленного вступления Японии в войну: захватив Владивосток, японские войска должны были быстро продвинуться в глубь территории и на полпути соединиться с немцами до того, как зима парализует военные действия. Когда Гитлер позднее, в середине июля решил, что он уже одержал победу над Советским Союзом и начал политику морского перевооружения, целью которого было будущее нападение на Соединенные Штаты, неотложность прояснения позиции Японии стала еще более ощутимой. Позиция «надзора» за США, присутствовавшей до того момента в концепции Гитлера и возложенной на Тройственный пакт, было уже недостаточно. Япония должна была также готовиться к схватке с американцами, а для этого она должна была иметь гарантии от опасности формирования англо-советско-американского блока.

В составе японского правительства было немало сторонников германских предложений, таких, как, например, министр внутренних дел Хиранума, ярый антикоммунист, который даже вышел из правительства, когда в 1939 г. Германия, в нарушение статьи I «Антикоминтерновского пакта» подписала пакт о ненападении с СССР. На таких же позициях стояли армейские руководители, в то время как представители командования флотом и авиацией колебались или же враждебно относились к изменению курса на экспансию в направлении Китая и Индокитая.

В действительности, как показывают недавние исследования, ключ к разрешению ситуации заключался в степени успеха Германии. Если бы немцы продемонстрировали, что они действительно способны захватить Москву и уничтожить Советы, то тогда японцы вмешались бы в конфликт. Поэтому в начале июля войска в Маньчжурии были ощутимо усилены в преддверии возможного нападения на Советский Союз. Но когда японцы осознали, что с середины июля немцы практически остановились у ворот Москвы, то начались колебания. Японский генеральный штаб пришел к выводу, что вермахт мог бы, вероятно, захватить советскую столицу к концу 1942 г., но это вовсе не решило бы исход войны, поскольку у Сталина не было никакой причины капитулировать.

В этих обстоятельствах было принято решение вновь начать продвижение в Юго-Восточную Азию, и 24 июля, с согласия правительства Виши, японцы послали контингент из 40 тыс. человек в Сайгон, завершив оккупацию Индокитая. За несколько дней до этого принц Коноэ сформировал новое, отличавшееся от прежнего правительство, в которое Мацуока не вошел. В начале августа новый министр иностранных дел Тойода обещал советскому послу придерживаться Договора о нейтралитете, подписанного 13 апреля 1941 г. Наконец, 9 августа японское командование окончательно решило не вмешиваться в германо-советский конфликт вплоть до конца 1941 г. Японцы готовились определить свою политику в отношении Соединенных Штатов и намеревались убедиться сами, а не со слов безумного Гитлера, что Советы не будут являться препятствием. Немцы были проинформированы об этом решении лишь в начале октября, когда они собирались начать бессмысленное зимнее наступление на Москву. Между тем, Япония решила продолжать свою «параллельную политику», рассматривая Юго-Восточную Азию как зону экспансии, а Китай — как подконтрольную территорию.

В Москве, благодаря информации Рихарда Зорге, доверенного лица германского посла в Токио, и одновременно ветерана совет-

ской разведки, эти ориентации были, конечно, известны, и хотя они и могли оставлять сомнения об окончательных намерениях Японии, все же позволяли Сталину направлять свои ресурсы на запад, не слишком беспокоясь о восточном направлении. Дивизии, расположенные в Монголии, и спешно переброшенные осенью 1941 г. на защиту Москвы, стали тому подтверждением. Амбициозная гитлеровская стратегия не достигла, следовательно, обеих целей, которые она себе поставила. Это еще не было поражением, но, являлось, по меньшей мере, первым жестоким ударом в сфере глобальных международных отношений. События продемонстрировали, что гитлеровские замыслы столкнулись уже с внешними барьерами, гораздо более неприступными, чем те, которые немецким войскам приходилось преодолевать до сих пор.

6.2. Отношения между англо-американскими союзниками и Советами. Закон о ленд-лизе

6.2.1. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ «ПЛАНА БАРБАРОССА»

С 1917 по 1939 г. и даже с 1939 по 1941 гг. большевизм являлся для большей части британских консерваторов и, конечно, для правителей страны бесспорным противником, с которым следовало вести борьбу. Отдельные периоды нормализации отношений не изменили общей направленности международной политики, состоявшей в том, чтобы бороться с влиянием Советов и воздействием коммунистической пропаганды, противостоять советской сфере влияния и сдерживать ее. В долгосрочной перспективе развития политического процесса эти различия могли лишь углубиться, за исключением разве что ситуации, при которой произошли бы радикальные изменения в советской международной политике или же радикальные трансформации с точки зрения соотношения сил внутри Британии. Последние были невозможны, поскольку лейбористская партия, хотя и связывала себя с программой глубоких социальных реформ, была еще меньше, чем консерваторы, расположена к согласию с тоталитарными методами сталинизма, а в экономическом плане представляла социальные реформы не как разрушение рыночной экономики, но как ее приспособление к новым потребностям людей.

Примерно так же выглядело бы описание ситуации с Соединенными Штатами, которые даже официально признали Советский Союз только в 1933 г. и после этого не поддерживали особенно заметных отношений с московским правительством. Реформистские

цели рузвельтовского «Нового курса» не имели ничего общего со сталинским планированием. Кроме того, Соединенные Штаты, преодолев критический момент великого экономического кризиса, готовились стать доминирующим субъектом международной финансовой, торговой и производственной системы, то есть как бы опорой рыночной экономической системы мира. В этом плане в большей степени, чем прагматичные инициативы президента, были значимы концепции госсекретаря Кордуэлла Хэлла, твердого сторонника политики полной либерализации международной торговли, в высшей степени функциональной по отношению к замыслам восстановления Соединенными Штатами их мирового экономического господства.

В такой обстановке «исключительность» Гитлера представлялась до 1939 г. — пока он оставался в пределах, допускаемых Великобританией, а, следовательно, Соединенными Штатами, видевшими в Лондоне своего главного европейского партнера — незначительным поводом для беспокойства. Только начиная с летних месяцев 1939 г. гитлеровская «исключительность» трансформировалась для них в опасную ересь. Последняя имела двойной смысл: связанный союзом с Советами (решение, принятое в ущерб длительным переговорам по поводу дипломатического урегулирования с западными державами), и с импульсом к развязыванию войны, к которой стремился нацистский диктатор, ослепленный своим догматизмом и убежденностью в том, что он должен максимально утвердить гегемонию Германии в Европе и в мире.

Нападение немцев на Советский Союз, насколько его можно было предугадать и охарактеризовать, вписывалось в такой общий политический и экономический контекст. После разрушения европейской политической системы Гитлер ликвидировал «санитарный кордон», существовавший вокруг Советского Союза. То есть он создал ситуацию, с которой ни Великобритания, ни Соединенные Штаты, главным образом по причинам политического характера, не могли смириться, поскольку она закладывала основы для перехода контроля за международной жизнью (во всех ее аспектах) из рук англосаксонских держав и Франции в руки германской державы. Германско-советское соглашение по отношению к этому результату было «проходным инцидентом», однако оно скорее усиливало, чем преуменьшало (как надеялся Гитлер) неприятие Англией и Америкой гитлеровской политики.

В момент, когда эта политика оказалась направлена на устранение последствий «проходного инцидента», то есть соглашения между нацизмом и коммунизмом, военная ситуация поставила англосаксонские державы перед неотложным выбором. Никто не

мог сказать, сможет ли СССР, и если сможет, то до какого момента, сопротивляться германскому наступлению, но нападение немцев предоставляло Великобритании и, менее непосредственно, Соединенным Штатам возможность, которую нельзя было упускать. В тот момент существовало две гипотезы. Либо СССР будет повержен Германией, и тогда начнется схватка за мировое господство между англосаксонскими державами и Германией, союзницей Японии. Либо СССР сможет оказать сопротивление, выжить и, следовательно, способствовать поражению Германии. В этом случае реконструкцию системы международных отношений в послевоенный период надо будет планировать, включая Сталина и советскую систему.

В июне 1941 г. мир оказался на распутье, лишенным возможности предугадать исход принимаемых решений. Объективно Великобритания и Советский Союз боролись теперь против одного и того же врага. У них была, следовательно, одна и та же цель — поражение Германии. Какими бы ни были возможные прогнозы относительно хода военных действий, совпадение цели определялось делами, а не намерениями. Результаты такого совпадения в средне- и долгосрочном плане определялись сроками и результатами военных действий. Совершенно очевидно, что именно в тот момент для крупнейших представителей западного мира и лидера того, что десятилетия спустя назовут «реальным социализмом», возникла проблема определения взаимоотношений, обусловленная ходом военных операций, однако требующая и прояснения длинного ряда вопросов, касавшихся способности столь различных держав вести общую войну, способности думать о будущем сотрудничестве, способности принять то, что произошло в 1939–1941 гг. благодаря политике Советского Союза. Длинный перечень вопросов, на которые невозможно было получить немедленные ответы, но которые следует обозначить с этого момента, поскольку к ним восходят многие проблемы и конфликты, возникшие после поражения Германии.

Уинстон Черчилль не колебался ни минуты. В тот же день, 22 июня он заявил без всяких колебаний и условий: «Мы окажем России и русскому народу всю возможную помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы...».

Немногим более, чем за месяц до этого, 10 мая 1941 г., заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс, один, отправился на самолете в Англию с желанием убедить британское правительство

заклучить мир с Гитлером и удачно приземлился в Шотландии. Гесс несколько переоценивал свои способности и полагал, что его миссия состояла в том, чтобы, рискуя жизнью, заклучить мир с Великобританией и положить конец кровопролитию, как он писал в письме Гитлеру. Неподготовленность операции и тревога, с которой Гитлер воспринял эту новость, наводят на мысль, что предприятие германского деятеля было выходкой одиночки, лишённой политического смысла. Однако эксцентричность инцидента оставляла сомнения. Слишком известна была склонность Британии к соглашению с Германией для того, чтобы недавние союзники по обстоятельствам, то есть Советы, не заподозрили в этом шаг, согласованный с фюрером. В этом не было ни грамма правды, и все-таки, когда Черчилль сделал свое «историческое заявление» (используя слова Сталина), эпизод с Гессом еще витал в воздухе, и неожиданное благородство Британии было не сразу понято во всем его значении, заключавшемся в выражении искреннего облегчения по поводу того, что военные действия против СССР означали отсрочку немецкого воздушного наступления и отдаляли опасность от Великобритании. Опасения Москвы, а также временное исчезновение Сталина объясняют опоздание ответа советской стороны. 7 июля Черчилль отправил еще одно послание Сталину. В то же время британская военная миссия прибыла в Москву. 12 июля Молотов и Криппс подписали краткий договор, обязывавший обе страны оказывать друг другу помощь и не вести сепаратных переговоров с противником и тем более подписывать сепаратный мир. Однако только 18 июля Сталин решил ответить британскому премьер-министру. Это уже было симптомом нездоровой обстановки, характеризовавшей первые шаги англо-советского союза, основанного на осознании необходимости сотрудничества, но также и на взаимном недоверии.

Эта нездоровая обстановка постоянно сопровождала сотрудничество Советского Союза с его западными союзниками, сотрудничество, которое диктовалось различными целями сторон. Когда Сталин решил, наконец, ответить Черчиллю, то прежде всего он попросил его о немедленном открытии второго фронта во Франции и о морских действиях на севере с целью ослабить давление немцев на востоке. С того момента и вплоть до июня 1944 г. тема «второго фронта» стала лейтмотивом протестов Сталина против пресловутой бездеятельности Запада. Но в 1941 г. она носила смысл драматической безотлагательности: «Без этих двух видов помощи (создания второго фронта и регулярные поставки вооружений и военной техники. — *Ред.*) Советский Союз, — писал Сталин, — либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того,

что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом». Перед лицом повторяемых и почти отчаянных призывов Сталина, выдвигавшего идею британского вмешательства посылкой экспедиционного корпуса из 25–30 дивизий через Архангельский порт и через Иран в направлении южных регионов СССР или в какую-либо балканскую страну, Черчилль пришел к выводу о том, что бесполезно «дискутировать с человеком, видевшим проблемы в совершенно нереальной перспективе».

Этот обмен мнениями достаточно ясно показывает сложность новой ситуации. Следует вспомнить, что Гитлер напал на СССР, надеясь разгромить его за несколько недель; и следует вспомнить, что аналогичное убеждение было достаточно широко распространено в западном мире. В свете таких предпосылок призывы Сталина могли быть истолкованы по-разному. С одной стороны, они придавали обоснованность гитлеровским тезисам и заставляли опасаться, что пророчество относительно прямого столкновения между Германией и англосаксонскими странами может очень быстро стать реальностью; это приводило к выводу о том, что помогать уже побежденной стране было бесполезно и опасно. С другой стороны, шаги, предпринятые Сталиным, представлялись также как аргументы для обоснования тезиса о своего рода невинности Советского Союза в аннексиях 1939–1941 гг., совершенных с согласия (или при отсутствии неодобрения) Гитлера. Действительно, по утверждениям Сталина, только благодаря этим аннексиям стало возможно достаточно длительное сопротивление немцам, позволившее Советам «одним» сдержать первую и вторую волну германского наступления. Отсутствие британской помощи легитимизировало право Советов на создание собственного «санитарного кордона». Идея открыть второй фронт во Франции и, еще хуже, в других частях Европы в 1941 г., год спустя после Дюнкерка была совершенно нереальна, как отмечал сам Черчилль. Однако с течением времени этот аргумент становился простой отговоркой, направленной на то, чтобы переложить главным образом на Советов тяжесть отпора германскому натиску.

6.2.2. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И НОВЫЙ ЭТАП ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ

Эти расхождения вводили в проблему, которая приобрела неотложный характер через год, после вступления в конфликт Соединенных Штатов, но изменила свой политический смысл. С 1939 по 1941 г. американское общественное мнение и, в еще

большей степени, рузвельтовское окружение проделали большой путь к отступлению от политики нейтралитета. Вплоть до ноября 1940 г. Рузвельт был связан кампанией по его избранию на третий срок президентом Соединенных Штатов, в течение которой обиды различных этнических групп остро ощущались рузвельтовской коалицией (в особенности в том, что касалось группы итаलो-американцев, в которой доминировали профашистские деятели и которая была раздражена жесткой речью, произнесенной Рузвельтом в Шарлоттсвилле против вступления Италии в войну). Но после преодоления трудностей, связанных с выборами, перед Рузвельтом открылась достаточно длительная перспектива, предоставлявшая свободу маневра, при которой появилась возможность принимать самые смелые решения. Эти решения в любом случае должны были не повторять вильсоновские иллюзии, а реалистичным образом соответствовать как интересам полного возрождения американской экономики после рецессии, так и планам неуклонного усиления ее влияния в мире; эти решения должны были заложить основы для тесного сотрудничества с Великобританией. В декабре–январе 1940–1941 гг. неотложной проблемой было оказание помощи Великобритании, но при этом следовало избежать возвращения к запутанной ситуации межсоюзнических долгов. Для решения этой проблемы Рузвельт предложил, чтобы финансовая поддержка превратилась в помощь поставками товаров, за которые Великобритания расплачивалась бы натурой. Рузвельт придумал тогда метафору, ставшую впоследствии знаменитой: если горит дом соседа, то справедливо и благоразумно, не требуя предварительной оплаты, одолжить ему резиновый шланг, соединенный с собственным насосом, для того, чтобы погасить огонь. Сосед вернет долг, когда сможет, но распространения огня удастся избежать. В одной из знаменитых «бесед у камина», с которыми Рузвельт обращался к американцам по радио, разъясняя собственную политику, он использовал еще одно выражение: Соединенные Штаты должны стать «арсеналом демократии», помогая англичанам, даже рискуя быть вовлеченными в войну.

6.2.3. ЗАКОН О ЛЕНД-ЛИЗЕ

В своем традиционном послании «О положении страны», произнесенном в январе 1941 г., Рузвельт изложил проект, в соответствии с которым потребовал от конгресса необходимые ассигнования для создания вооружений с целью использования их против государств-агрессоров и в поддержку стран подвергшихся

нападению с тем, чтобы в конце войны они оплатили полученные поставки другими товарами или услугами. Соединенным Штатам следовало внести свой вклад в утверждение четырех «фундаментальных свобод»: свободы слова и религии, свободы от нужды и страха.

Основываясь на этих предпосылках, Рузвельт поручил министерству финансов подготовить проект закона, названный *Lend-Lease Act* (закон о ленд-лизе). Закон предусматривал, что президент «продает, сдает в аренду и дает в долг, на условиях, которые сочтет приемлемыми, «вооружения, боеприпасы, продовольственные товары и любые другие средства обороны странам, защиту которых он сочтет жизненно важной для Соединенных Штатов». Американский флот *не будет* задействован в конвоировании торговых судов, занятых перевозкой товаров, однако секретные соглашения, подписанные с британским адмиралтейством во время обсуждения закона, предусматривали меры на определенные случаи и закладывали основы для совместных операций после вступления Соединенных Штатов в войну.

Закон о ленд-лизе явился радикальным поворотом по отношению к политике американского нейтралитета и натолкнулся на сопротивление изоляционистов и многочисленных пронацистских групп Америки. Однако Рузвельту и большинству конгресса удалось добиться важного успеха, когда через голосование подавляющим большинством голосов закон вступил в силу 11 марта 1941 г. Вступил в силу теоретически, поскольку текст документа предусматривал, что предоставлению помощи должно предшествовать рамочное соглашение между Соединенными Штатами и каждой страной-получателем помощи. А это ставило лишь по видимости формальную проблему, начиная непосредственно с британского казуса.

Хотя этот момент и не имеет прямого отношения к тому, как Соединенные Штаты приближались к войне, его смысл требует краткого замечания, помогающего более точной трактовке американских усилий, свидетельствовавших о существовавшем уже тогда стремлении поддерживать тесные экономические связи с Европой и в послевоенный период. Когда Джон Мейнард Кейнс по поручению лондонского правительства отправился летом 1941 г. в Вашингтон для согласования с американским правительством технических условий применения закона, Вашингтон предложил формулировку, которая среди прочего гласила (ст. 7):

«Условия, регулирующие помощь, предоставляемую для обороны Соединенными Штатами Америки Соединенному Королевству [...] предусматривают, что ни Соединенные Штаты Америки,

ни Соединенное Королевство не отказываются от импорта любого продукта, который происходит из другой страны, и подготовят меры, направленные на достижение этих целей».

Эта формулировка практически предусматривала конец режима льготных торговых тарифов, существовавшего внутри Содружества, и его замену режимом свободной торговли, создание которого являлось главной целью американских экономических теоретиков применительно к послевоенному периоду. Кейнсу эта формулировка казалась «экстравагантной» и неприемлемой. Переговоры были прерваны и отложены до следующего года (что, впрочем, не имело последствий для отправки помощи, которая тем временем начала оказываться эффективно и массированно). Однако, эта статья представляла своего рода предвещение «манifestа», с помощью которого американцы собирались выстраивать свое вмешательство в европейские дела. В основе лежало стремление избежать повторения ситуации после Первой мировой войны, когда США оказались изоляционистами в политическом плане, но глубоко вовлеченными, причем с посредственными результатами, в финансовом плане в дела Старого Света.

С марта по 22 июня 1941 г. закон о ленд-лизе активно использовался по мере нарастания опасности, к которому вели успехи немцев в Европе. В ответ на активизацию подводной войны, развернутой немцами в Атлантике, 10 апреля Рузвельт заявил, что Гренландия является частью Западного полушария и будет защищаться американцами, которые считают огромный остров находящимся под своим контролем, несмотря на то, что он принадлежит Дании; правительство Копенгагена под давлением немцев оспорило законность решения Рузвельта. В тот же день другой декрет президента объявил о том, что Красное море больше не является запретной зоной военных действий для американских кораблей, а это делало возможным доставку помощи британским войскам в Египте. И, наконец, 10 апреля произошло первое морское столкновение между американским миноносцем и немецкой подводной лодкой.

Дальнейшим шагом к вовлечению Америки в войну стало принятое в сентябре 1941 г. решение «патрулировать» конвои поставок, направлявшиеся в Великобританию. «Патрулировать» являлось определением, едва скрывавшим намеренное изменение того, что предусматривал закон 11 марта, то есть положения о том, что не будет американского сопровождения конвоев, направляющихся в британские порты. Это была уступка изоляционистам, которую было очень легко преодолеть, учитывая тот факт, что без соответствующего сопровождения американская по-

мощь никогда бы не дошла до места назначения, и идея стать «арсеналом демократии» превратилась бы в жестокую шутку. Американский флот в Атлантике усилился, и когда случайно американское транспортное судно было потоплено, Рузвельт воспользовался случаем для того, чтобы объяснить согражданам масштаб германской опасности и необходимость наращивать морские силы Соединенных Штатов. В стране было объявлено чрезвычайное положение, и 14 июня вышел указ о замораживании немецкой и итальянской собственности в Соединенных Штатах. Это был шаг, за которым должен был последовать почти полный разрыв дипломатических отношений. Одновременно американское и британское военно-морские командования начали проводить регулярные оперативные консультации, как это произошло во время охоты за немецким линейным кораблем «Бисмарк», о передвижениях которого в Атлантическом океане американцы регулярно сообщали главному штабу британского флота.

6.2.4. РАСПРОСТРАНИТЬ ЛИ ПОМОЩЬ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ?

Такова была ситуация, когда началось осуществление «плана Барбаросса», и вашингтонское правительство оказалось перед необходимостью принятия решений о включении СССР в антигитлеровскую коалицию — в тот момент по вопросу о плане помощи по ленд-лизу, позднее — в общем плане. Действительно, начиная с нападения немцев на СССР Рузвельт косвенным образом дал понять, что Соединенные Штаты не замедлят оказать свою помощь тому, кто сражался вместе с Великобританией, даже если это и не означало никакого изменения в американской оценке политических ценностей, которыми руководствовался советский коммунизм. 24 июня блокирование советских финансовых операций в Соединенных Штатах, введенное ранее, было отменено, и 26 июня влиятельный заместитель госсекретаря США Самнер Уэллс встретился с советским послом Уманским для того, чтобы обсудить в узком кругу способы доставки американской помощи. Это еще не было распространением действия закона о ленд-лизе на СССР, но стало важным шагом в этом направлении.

Рузвельта сдерживали два момента: постоянная сильная оппозиция американских католиков против всякой поддержки советского коммунизма и скептицизм относительно военной «формы» Советов. В Вашингтоне также было распространено мнение, что немецкое наступление успешно завершится за несколько недель. Более того, именно предвидя такой исход, Рузвельт 9 июля рас-

порядился, чтобы, помимо уже предусмотренного создания большого флота, способного одновременно сражаться на двух океанах, которые омывали Соединенные Штаты, были использованы все возможности промышленности для вооружения массовой армии, численностью до 9 млн человек (это около 215 дивизий), и для создания внушительного военно-воздушного флота, способного осуществлять стратегические операции на больших расстояниях. В основе предпринимаемых усилий лежала гипотеза о том, что немцам удастся создать обширнейшую коалицию — от Атлантики и до Японии, и что англо-американский союз должен будет сражаться с этим противником. А это предполагало победу Гитлера над Сталиным. Именно для того, чтобы противостоять потенциальной вражеской коалиции, Рузвельт 7 июля приказал оккупировать Исландию, то есть часть Датского королевства, которая, таким образом, включалась в американскую зону безопасности и применением силы выводилась из неограниченной оперативной зоны германского морского командования, куда ее хотел включить Гитлер в марте в ответ на одобрение закона о ленд-лизе.

Этот первоначальный пессимизм был смягчен и в значительной степени снят ходом операций на советской территории, тем обстоятельством, что Япония не вступила в войну на стороне Германии и оценками, которые ближайший помощник Рузвельта Гарри Гопкинс передал в Вашингтон после посещения Москвы в конце июля. Сталин также повторил Гопкинсу настойчивую просьбу о немедленной помощи как британской, так и американской. Он выразил пожелание получить 20 тыс противотанковых артиллерийских орудий, миллион винтовок, большое число крупнокалиберных пулеметов и зениток: «Дайте нам зенитки и алюминий, и мы сможем воевать по меньшей мере три или четыре года». Очевидно, что запрос Сталина мог быть лишь попыткой проверить американские намерения, не рассчитанный на немедленные результаты, что усилило убеждение Сталина в отсутствии подлинного желания Вашингтона помочь Советскому Союзу до того, как он будет обескровлен войной с немцами. Гопкинс, со своей стороны, не преминул разъяснить, что его миссия имела только информационные цели и должна была уточнить, что британское правительство и американское правительство (от лица которого он был уполномочен делать заявления) «не намеревались поставлять России тяжелые вооружения, такие как танки, самолеты и зенитные орудия, до созыва совещания трех правительств для выработки направлений согласованных действий и совместного глубокого обсуждения стратегических интересов каждого фронта и каждой страны». А это невозможно, заметил

Гопкинс Сталину, до окончания битвы, которая идет под Москвой. Однако посланник Рузвельта привез из Москвы впечатление, что пессимизм был неуместен. Ход военных действий, который он мог наблюдать вблизи, убедил его, что судьба войны была гораздо более неопределенна, чем думали многие, и что Соединенные Штаты могли бы сыграть решающую роль. Впрочем, это подтвердил и Сталин:

«Мощь Германии столь велика, что хотя Россия сможет защищаться одна, Великобритании и России вместе будет очень трудно разгромить германскую военную машину. Он сказал, что нанесением поражения Гитлеру, и, возможно, без единого выстрела, — может быть только объявление Соединенных Штатов о вступлении в войну с Германией».

Краткий визит Гопкинса в Москву имел множество последствий и был очень полезен для Рузвельта. Помимо впечатлений и информации о способности Советского Союза к сопротивлению, посланнику президента удалось понять природу советской системы власти, ощутить ее абсолютное сосредоточение в руках Сталина. Это должно было серьезно повлиять на реакцию Соединенных Штатов. С того момента они осознали, что война будет вестись и будет выиграна благодаря силе коалиции с Советским Союзом. Однако с каким Советским Союзом и какое место следует отвести Советскому Союзу в Европе при ликвидации гегемонии Германии?

Следует поразмыслить над постановкой этой проблемы в более широком политическом контексте летом 1941 г., в момент, когда надо было решить, каким образом включить СССР в антинацистский союз. Если, с одной стороны, процесс формирования этой новой коалиции подтверждал провал военных и дипломатических планов Гитлера, то, с другой, — сама новая коалиция строилась на неопределенных и неустойчивых основаниях. Советский Союз получил символические обещания помощи, которые в первые дни имели только психологическое значение, почти как стимул к возможно более долгому сопротивлению в неминуемо проигранной войне. Затем, постепенно, но вместе с тем достаточно быстро, эта ситуация изменилась, и СССР стала оказываться помощь в силу его долговременного участия в качестве партнера в новой коалиции, с самых первых шагов подтачиваемой противоречиями между тремя антигитлеровскими державами. Оборонительная позиция Великобритании содержала явные двусмысленности и была неоднородна из-за противоречивых мотиваций, присущих имперской системе. Советская позиция обуславливалась двумя моментами: сохраняющейся военной и эконо-

мической слабостью, которая позволяла сопротивляться Гитлеру, но не разгромить его, как это признавал сам Сталин; и соотношением между территориями, оккупированными Советским Союзом в 1939–1941 гг., и теми землями, которые западные державы готовы были признать принадлежащими Москве после окончания военных действий, то есть в конце войны, начатой ради защиты существования Польши (но, впрочем, не ее территориальной целостности).

Эти два момента влияли на позицию Рузвельта, который, хотя и афишировал интернационалистские устремления, придавал не меньшее значение проблеме реального соотношения сил. Подобно тому, как он легитимизировал свою позицию свободной торговли, а по существу, американского превосходства в отношении Великобритании, он должен был занять позицию и в отношении роли Советского Союза. В тот момент, когда сам Сталин признал, что только Соединенные Штаты способны разрешить конфликт и нанести поражение Германии при помощи простой декларации (предположение, даже слишком оптимистичное), он признал глобальное американское превосходство. Какая роль отводилась Советскому Союзу? Сталин был слишком хитер, чтобы сразу же обсуждать перспективы, открывающиеся в результате поражения Германии. Впрочем, в течение всего 1942 г. было мало попыток обсуждать эту тему. И все же было очевидно, что, если не произойдет неожиданных поворотов, Советский Союз выйдет из войны победителем в качестве державы-гегемона Восточной и Центральной Европы. Помочь Советскому Союзу одержать победу означало, следовательно, помочь ему удержать то, что он захватил (почти всегда с помощью дипломатии) за период союза с Германией? Очевидно, что поражение рейха приведет к утрате Германией роли континентальной державы, утрате, которая создаст политический вакуум. Кто его заполнит? После поражений 1940 г. трудно было представить, что Франция окажется способной вернуться к замыслам континентальной гегемонии. Не нужно было производить особенно точных расчетов для того, чтобы представить, что помогать СССР выиграть войну означало также способствовать его превращению в наиболее значимую континентальную державу. Это означало заложить основы будущей напряженности, поскольку идея советской гегемонии вызвала бы слишком бурную реакцию в остальной части Европы. Многие источники дают основание полагать, что Рузвельт с самого начала задумывался над этими вопросами и что он не давал на них немедленного ответа, предоставляя ходу военных действий предложить убедительные факты. Таким образом, оставалось неясно,

была ли помощь, сначала обещанная, а затем и предоставленная Советам, предназначена для того, чтобы поддерживать сопротивление самого слабого звена антигитлеровской коалиции или же первым шагом долговременного сотрудничества двух держав, от отношений которых зависело соотношение сил в мире. В рузвельтовской «отсрочке» содержалось *in nuce* достаточно мотиваций для того, чтобы породить многие двусмысленности.

6.2.5. «АТЛАНТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ»

Рузвельтовский прагматизм еще не породил того, что будет названо Великий Замысел (*Grand Design*) американской политики, но вдохновил концепцию перестройки глобальных отношений, основанной на более гибких структурах, в центре которых находились Соединенные Штаты в качестве лидера. Сверхдержава *in fieri* вовлекалась в конфликты, становившиеся глобальными, и постепенно ее руководители (не один человек, как в советском случае, а политико-экономическая элита, сложная по составу, но сплоченная) выдвинули цель создания системы международных отношений, основанных на либерально-демократических принципах. Эти принципы выражались, однако, в формулах, предполагавших институты международного сотрудничества, которые теоретически позволяли другим субъектам мировой экономической системы самостоятельно определять достаточно большие пространства для маневра, хотя и функциональные по отношению к системе экономической и финансовой совместимости и взаимозависимости и поэтому предоставляющие возможности для проявления способности к гибкости и адаптации в зависимости от изменения ситуации. Эта система, способная интегрировать разнообразие различных политических форм, строилась в соответствии с логикой капиталистической системы — она подразумевалась в рузвельтовской концепции — и не требовала, как требовал гитлеровский гегемонизм и затем сталинский интернационализм, монолитного единообразия в соответствии с потребностями державы-гегемона.

Сложность американской политики и потенциальные ориентации, которые в ней угадывались, отразились в так называемой *Атлантической хартии*. Рузвельт и Черчилль, которые с 1940 г. вели постоянную переписку, пока не имели возможности встретиться лично. Хотя они и были знакомы, их первая и единственная встреча состоялась еще в 1918 г., и только в войну между ними сложилось тесное оперативное сотрудничество, которое, несмотря на трудности и разногласия по отдельным вопросам,

сыграло столь большую роль в становлении особых взаимоотношений (*special relationship*) между Англией и Америкой. Своевременность углубленного обмена мнениями ощущали оба политика, и, наконец, случай представился в начале августа, после возвращения Гопкинса из Москвы, когда два государственных деятеля встретились в водах Ньюфаундленда, в Placentia Bay, на крейсере «Аугуста» и в течение четырех дней с 9 по 13 августа имели возможность обсудить как неотложные вопросы, так и глобальные проблемы политического планирования. Что касается неотложного, то наиболее важное соглашение разрешило проблему «сопровождения» конвоев с помощью для Великобритании. Было решено, что американский военный флот будет теперь «сопровождать», а не только «патрулировать» конвои английских или американских кораблей, доставлявших поставки в британские порты. Рузвельт же, напротив, не поддался на давление, которое оказывал Черчилль в пользу проведения более энергичной политики в отношении Японии.

Встреча на «Аугусте» была важна, прежде всего, поскольку она положила начало выработке Атлантической хартии, опубликованной 14 августа и содержавшей несколько обязывающих программных заявлений в отношении принципов, в соответствии с которыми оба государственных деятеля понимали свои политические обязательства в данный момент, а также перспективы будущего миропорядка. Это был документ из восьми пунктов, вдохновлявшийся в целом идеями Вильсона. Обе страны, заявлял он прежде всего, не стремятся к территориальным приобретениям. Второй пункт гласил: «Они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов». В третьем — авторы уточняли стремление «к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем». Далее хартия говорила о стремлении обеспечить всем, победителям или побежденным, свободный доступ на равных основаниях к торговле и источникам сырья, необходимым для экономического процветания этих стран и улучшения условий жизни трудящихся. В шестом пункте Хартии выражалось пожелание, чтобы «после окончательного уничтожения нацистской тирании» родился безопасный, миролюбивый, свободный от страха и нужды мир. Наконец, в ней высказывалось пожелание отказа от использования силы в качестве средства для решения международных споров.

Хотя документ этот и носил чисто декларативный характер и был обнародован еще до вступления Соединенных Штатов в войну,

он выглядел убедительно с точки зрения его политического значения по крайней мере в трех аспектах. Во-первых, он демонстрировал англо-американское сотрудничество в борьбе с нацизмом, фактически ставшее очевидным, но еще не заявленное официально, то есть пока американские государственные органы не приняли решения по данному вопросу. Это был, следовательно, вызов Рузвельта отечественным изоляционистам. Во-вторых, он нес смысл не скрываемого дистанцирования от Советского Союза именно в тот момент, когда были предприняты первые конкретные шаги для оказания ему помощи. Второй и третий пункты декларации не могли не восприниматься также и как неодобрение аннексий, совершенных Советами до 22 июня. В-третьих, Хартия содержала, с американской точки зрения, важную уступку со стороны британцев. То, что Кейнс посчитал за несколько дней до этого «экстравагантным», а именно, признание свободы торговли, было принято Черчиллем, по крайней мере символически, в качестве принципа, вдохновляющего борьбу против нацизма. Это была чисто формальная уступка, принятая, возможно, чтобы не разрушить дружественную атмосферу в напряженный момент, и для того, чтобы не усугублять очевидные трудности, которые преждевременно принятые обязательства создавали для Рузвельта. Однако в ней можно увидеть также и постоянство упорства, с которым американские правители осуществляли свою глобальную экономическую стратегию.

Экономические переговоры, относящиеся к применению закона о ленд-лизе к Великобритании, начатые Кейнсом и прерванные в связи с возникшим препятствием в виде требований свободы торговли, продолжались также и после встречи в Placentia Bay в духе четвертого пункта Атлантической хартии вплоть до подписания окончательного соглашения 23 февраля 1942 г. На этот раз вариант статьи 7, сделавшей соглашение невозможным в июле 1941 г., был «подслащен» путем превращения ее в пожелание, касающееся всей мировой торговли (но означало ли это действительно «подслащен»?) и добавлением запятой, откладывавшей ее практическое выполнение до технических переговоров, которые должны были состояться на следующем этапе. Однако в ней подтверждалось обязательство Соединенных Штатов и, прежде всего, Великобритании «ликвидировать все формы дискриминационных процедур в международной торговле, снизить таможенные тарифы и всякие другие ограничения торговли» в соответствии как раз с декларацией 14 августа 1941 г., на которую была сделана специальная ссылка. В этих формулировках ничем не ограниченный принцип свободы торговли был определенным образом пе-

реформулирован, став предпосылкой системы многостороннего сотрудничества. Другими словами, — системы, в которой абсолютная свобода торговли ориентировалась и направлялась совокупностью многосторонних торговых отношений, способной обеспечить адаптацию экономики отдельных стран к необходимости выравнивания торгового баланса без угрозы для соответствующих конкретных ситуаций. В этом смысле абсолютная свобода торговли растворялась в регламентирующих формулировках, вытекавших также и из самой американской политики *New Deal*, а тенденция способствовать равному распределению выгод от свободной торговли ограничивалась американским экономическим превосходством. Таким образом, тезисы, содержащиеся в Атлантической хартии, могут интерпретироваться не только как плод обстоятельств, но и как американский проект, состоявший в навязывании британцам — в обмен на необходимую тогда для сопротивления немцам помощь, а позднее для победы в войне — послевоенного экономического порядка, в котором Великобритания заняла бы место младшего партнера. Отношения между двумя странами были «особыми», но «родственники» не были равны: один брат был старший, другой — младший.

6.2.6. АМЕРИКАНСКАЯ ПОМОЩЬ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

Решение Америки помочь Советскому Союзу создавало серьезные политические и финансовые проблемы, относящиеся к юридическому оформлению такой помощи. Немедленное применение закона о ленд-лизе было мало реальным, учитывая глубокую враждебность, все еще существовавшую в американском общественном мнении в отношении Советов. Это препятствие можно было обойти путем посылки помощи с условием немедленной оплаты. Однако советские капиталы в Соединенных Штатах были слишком ограничены для этого. Необходимо было преодолеть препятствие обходным путем. В конце сентября в Москву была послана миссия, возглавляемая А.Гаррриманом от Соединенных Штатов и лордом Бивербруком от Великобритании, которая вела переговоры со Сталиным и Молотовым. Для этого случая в качестве переводчика был привлечен Максим Литвинов, советский дипломат, наиболее близкий к Западу (который сразу же после этого был послан в Вашингтон со специальной дипломатической миссией для налаживания связей, продлившейся до 1943 г.). За несколько дней напряженных переговоров — во время которых Советы проявили весь свой скептицизм в отношении намерений Запада — было достигнуто соглашение, формально подписанное

1 октября, в котором указывалось точное количество вооружений, которые будут поставлены Советскому Союзу до конца июня 1942 г.: 100 бомбардировщиков и 500 танков в месяц, зенитные и противотанковые орудия, разные виды сырья, транспортные средства, медикаменты. Это была помощь помимо закона о ленд-лизе, предоставление которой должно было проходить с большими трудностями технического и политического характера. Только через месяц Рузвельт заявил, что Светский Союз имеет право получать помощь в формальных юридических рамках, предусмотренных названным законом. И только после вступления Соединенных Штатов в войну внутренняя полемика прекратилась.

Однако тема помощи стала с того момента одним из критических моментов совместной борьбы трех крупнейших союзников. Советы не упускали возможности высказать сожаление относительно недостаточности и медленных темпов посылки обещанных материалов, американцы — посетовать на то, что советские власти скрывают от своего собственного населения происхождение этих товаров. Это была одна из тем бесконечной полемики относительно заслуг и вклада каждой страны в дело победы над Германией. В данной связи следует, однако отметить, что на этой и на последующих этапах войны именно советская армия и советская промышленность предоставляли наибольшие ресурсы. Тем не менее в одном из немногих официальных документов советского происхождения, содержащих данные по этому предмету, можно прочесть, что на 11 июня 1944 г. СССР получил только от Соединенных Штатов 6 430 самолетов, плюс 2 442 британских бомбардировщиков, 3 734 танка, 206 771 грузовиков, продовольственных поставок в общей сложности 2 199 000 тонн.

В целях укрепления сотрудничества и, прежде всего, для решения задач, связанных с посылкой помощи, необходимо было урегулировать ряд дипломатических проблем и вопросов материально-технического обеспечения. С того момента, когда стало очевидно, что помощь Советскому Союзу означала помощь не умирающему другу, а другу, который лишь находится в тяжелом положении, все проблемы начали приобретать другое звучание.

В техническом плане, который имел, однако, непосредственные политические последствия, существовала проблема путей доставки помощи Советскому Союзу. Поскольку прямой путь, то есть через черноморские проливы, был невозможен, а использование Транссибирской железнодорожной магистрали слишком сложным из-за его протяженности и давления японцев, оставались лишь две возможности: путь через Архангельск в Белом море, через Северный Ледовитый океан, и путь через территорию

Ирана. Оба пути создавали совсем не легкие для решения проблемы. Архангельский порт по причине замерзания мог действовать только шесть месяцев в году. Путь через Иран должен был проходить по железной дороге посредственного качества, Транскавказской, по территории нейтрального государства, более того, в значительной мере настроенного в пользу немцев. Достаточно вспомнить, что в 1939 г. 41% иранских товаров проходили через Германию, что в Иране находилось около 2 000 немецких «специалистов», большинство которых были не кем иным как агентами гитлеровского правительства и что сам шах Реза Пехлеви I считался настроенным антибритански. Все это, начиная с июня 1941 г. имело значение не только для Великобритании, ощущавшей угрозу в самом центре своей сферы влияния, но именно в связи с проблемой транзита, также и для судеб войны в целом. Опасались, что немецкие специалисты могли по своему желанию чинить препятствия и организовывать акты вредительства на Транскавказской дороге, прерывая главный коммуникационный путь возникающего большого союза. Шаху был немедленно предъявлен и затем повторен ультиматум с требованием о высылке немецких специалистов. Категорический отказ подтолкнул русских и британцев к одной из немногих скоординированных акций в их совместной войне.

25 августа 1941 г. британские войска из Индии и советские из Азербайджана вторглись на иранскую территорию и в короткое время преодолели иранское сопротивление. Вся страна была разделена на две зоны: северная, оккупированная и контролируемая русскими, остальная часть — англичанами. Тегерану позволили остаться нейтральным в качестве анклава в государстве-протекторате. Реза I был вынужден отречься от престола и передать трон двадцатидвухлетнему сыну Мохаммеду Реза, принявшему шахский трон под именем Реза Пехлеви II. Он будет править, за исключением краткого перерыва, до 1979 г. Тем временем было сформировано новое правительство, в котором отсутствовали пронемецки настроенные элементы. С ним сразу же начались переговоры. Они привели к правовому урегулированию ситуации, возникшей в результате самого настоящего акта насилия, хотя и вынужденного. Требовалось привести положение в соответствие с принципами, во имя которых, как заявляли антигитлеровские державы, велась борьба. 29 января 1942 г. был подписан трехсторонний договор о союзе, в котором устанавливалось, что англо-советские войска, присутствующие на иранской территории, не являются оккупационными войсками; союзникам предоставлялось право транзита через территорию Ирана, но в то же время

подтверждалась независимость Ирана и добавлялось, что союзные войска будут выведены из страны в течение шести месяцев после окончания войны против стран «Оси». Таким образом, ситуация в Иране была поставлена под контроль, сделавшийся еще более эффективным в результате того, что в конце 1942 г. к англо-советским войскам добавились сильные американские контингенты с задачей осуществлять операции по закону о ленд-лизе.

*6.2.7. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
ВНУТРИ «БОЛЬШОГО СОЮЗА»*

Сложнее было, однако, решить вопросы чисто политического характера. С одной стороны, необходимо было установить контакты между советским правительством и польским правительством в изгнании, находившимся в Лондоне, а с другой, — довести первые англо-советские соглашения до более полного формата. Конечно, установление нормальных дипломатических отношений между Советами и Польшей было почти нереальной задачей, хотя эта проблема и была важной для всех заинтересованных сторон, польское правительство испытывало особое беспокойство относительно польских военнопленных, находившихся в руках русских (около полутора миллионов человек). 5 июля в Лондоне начались переговоры между послом И.Майским и генералом В.Сикорским, польским премьер-министром. Переговоры проходили на фоне полного расхождения во взглядах на будущее. Для поляков было бесспорным, что следует вернуться к ситуации 1939 г., в то время как русские высказывались в поддержку «этнической Польши». Был ли возможен компромисс? Черчилль полагал, конечно, не строя слишком больших иллюзий, что полякам следует «положиться на добрую волю Советов» в том, что касалось будущего и не требовать письменных гарантий. Компромисс был найден с помощью формулы, опускавшей всякие намеки на конкретные проблемы и ограничившейся заявлением о прекращении действия соглашений, подписанных русскими и немцами в августе—сентябре 1939 г. На этой основе соглашение от 30 июля 1941 г., восстанавливало нормальные дипломатические отношения между Москвой и польским правительством в изгнании, находившемся в Лондоне (формальный момент, но достойный повторного упоминания из-за его важности в будущем). Несколько недель спустя Сикорский посетил Москву и встретился со Сталиным, который намекнул на то, что компромисс возможен на основе промежуточной линии границы между существовавшей до войны и той, что была установлена соглашениями 1939 г. с немцами. Сикор-

ский не счел возможным согласиться и, возможно, совершил серьезную ошибку.

С другой стороны, союзники, то есть на тот момент англичане, также не были щедры на обещания. Черчилль и его министр иностранных дел Иден стремились к достижению солидарности с Советами, хорошо понимая трудности послевоенного периода после победы над фашизмом с точки зрения судьбы Польши и Балкан. На следующий день после заключения соглашения между Сикорским и Майским Иден заявил в палате общин, что его правительство не признает аннексий Советского Союза в 1939 г. Но чтобы понять важность этого заявления, следует вспомнить, что по тому же поводу Иден повторил прежнюю концепцию, в соответствии с которой Великобритания гарантировала независимость Польши, а не ее довоенные границы. А это означало отнимать одной рукой то, что давала другая. Вместе с тем выбор между несуществующей Польшей и Советским Союзом, оказывавшим успешное сопротивление немцам, напрашивался с неотвратимой силой убеждения.

Итак, в декабре британское правительство решило, наконец, объявить войну Финляндии, Венгрии и Румынии, которые в июне 1941 г. присоединились к Германии для осуществления «плана Барбаросса». Через несколько дней Иден сам отправился в Москву, куда он прибыл 15 декабря 1941 г. с целью начать переговоры о соглашении, нацеленном уже на будущее. По этому случаю Сталин вручил ему длинный список советских требований, которые должны были стать частью секретного протокола, прилагавшегося к договору о союзе. Это были предложения, трактуемые в соответствии с самой традиционной логикой державной политики. Сталин требовал, чтобы англичане признали за СССР всё захваченное им до вступления в войну, а также ряд территориальных изменений в Центральной Европе, которые повлекли бы за собой расчленение Германии и установление советской гегемонии на Балканах. В ответ он был готов признать любые претензии англичан на обладание военными базами в Западной Европе. Это было решение проблемы, которое Иден не мог принять на другой день после вступления в войну Соединенных Штатов (и которое Сталин, возможно, предлагал именно для того, чтобы предотвратить некоторые последствия этого события).

Молотов попытался вернуться к этой теме весной 1942 г., посетив, в свою очередь, сначала Лондон, а потом Вашингтон. Однако, хотя 26 мая, после напряженных переговоров ему и удалось подписать договор о союзе между Великобританией и Советским Союзом, но этот документ не включал ни единого упоминания

вопроса о польских границах. Действительно, договор подтверждал взаимные обязательства вести войну вплоть до поражения Германии и не заключать сепаратного мира. К этому добавлялось обязательство сохранять союз в течение двадцати лет и оказывать друг другу взаимную помощь, обязательство невмешательства во внутренние дела третьих государств и неучастия в коалициях и договорах, направленных против какой-либо из договаривающихся сторон. Союз был в последующем разрушен ходом событий, однако в тот момент он был закреплён подписанием важного договора между двумя правительствами, внешне движимыми высшими идеологическими интересами, но в действительности руководствовавшимися грубым прагматизмом.

Заключение договора означало, что перед лицом общей опасности в отношениях двух великих европейских держав, которые должны были выстоять в войне, старая вражда, уходившая корнями в историю — временно прерванная на десятилетие с 1907 по 1917 г. и возобновленная с новой остротой благодаря идеологическим разногласиям и жесткому противостоянию политических систем, начиная с Октябрьской революции и продолжавшаяся до 1941 г. — трансформировалась в союз. Возможно, что и Черчилль, и Сталин думали также, что благодаря этому союзу обе державы смогут совместно господствовать в Европе (в противоположность тому господству, к которому стремился Гитлер). В действительности ни одна из двух сторон не отдавала себе сразу отчет в том, что так резко изменившаяся ситуация делала примирение уже преодоленным в момент, когда был подписан договор. Победа Советского Союза была гораздо более великой, чем мог себе представить Сталин в начале 1942 г., а уменьшение влияния Великобритании гораздо более радикальным, чем то, которого опасался Лондон и которое Черчилль пытался предотвратить, защищая устои британской имперской системы. Союз стал моментом равновесия в движении двух держав: одной — к закату, другой — к восхождению.

6.3. Военные операции на других театрах военных действий вплоть до Эль-Аламейна

6.3.1. ВОЙНА В АФРИКЕ

Кампании против Югославии и Греции сразу же после нападения Германии на Советский Союз стали главным театром военных действий по сравнению с событиями на других фронтах, где происходили лишь передвижения войск в ограниченных мас-

штабах. Таковы были фронты, непосредственно связанные с участием Италии в конфликте. После поражения Югославии и Греции Италия оказалась задействована на фронтах в Восточной и Северной Африке. Операции в Эфиопии не имели, однако, прямых последствий в стратегическом плане и носили маргинальный характер — ситуация могла измениться лишь в случае значимой победы итальянцев в Египте.

В этом контексте война в Эфиопии развивалась скорее в противоречии с основным ходом событий, что проявлялось в слабой способности итальянских войск к сопротивлению, в то время как военные действия на других фронтах развивались по-другому. После некоторых первоначальных удач итальянцев в продвижении по территории Судана в декабре 1940 г. английские вооруженные силы начали решительное наступление от имени императора Хайле Селассие, свергнутого итальянцами в 1936 г. Наступление было чрезвычайно стремительным. В апреле 1941 г. герцог Амедео д'Аоста, итальянский вице-король и командующий итальянскими войсками в Эфиопии, был вынужден оставить столицу Аддис-Абебу и отступить на север, на более удобные для обороны позиции. 20 мая, после попытки в течение некоторого времени оборонять последнюю итальянскую позицию, он был вынужден сдаться. Все итальянские силы в Восточной Африке попали в руки британцев, вернувших на трон прежнего императора.

Гораздо более важным и более богатым оттенками было то, что происходило на фронте в Северной Африке. Более важным, поскольку на этом фронте итальянцы должны были подтвердить свою способность воевать. Более важным, поскольку операции в Африке решали проблему морского и воздушного контроля в Средиземноморье, так как это море было единственным путем, по которому итальянцы и немцы могли поставлять из метрополии все необходимое их войскам на фронте в Северной Африке, а также одним из путей, конечно, самым коротким и самым удобным, по которому и англичане могли попасть из Гибралтара в Египет и на Ближний Восток. Более важным, наконец, поскольку то, что происходило в Африке, оказывало прямое воздействие не только на политическую жизнь Египта, но также и на всю совокупность военно-политических отношений в арабском мире: от палестинского вопроса до вопроса о лояльности Ирака, Сирии и Ливана в отношении держав-мандатариев: Великобритании или Франции.

В дальнейшем возникали и другие проблемы, поскольку, по крайней мере, в отношении французов, следовало решить: быть ли лояльными правительству Виши или голлистскому сопротивле-

нию. До тех пор, пока английские войска одерживали верх над итальянскими (как это было в конце 1940 — начале 1941 г.), эти моменты не играли большой роли. Но как только итальянские войска, поддержанные немецкими и поставленные с февраля 1941 г. под командование генерала Эрвина Роммеля, начали восстанавливать свои наступательные способности, все основные проблемы стали увязываться с дальнейшими гитлеровскими планами, направленными на распространение конфликта на самые уязвимые части британской системы и использование внутренних противоречий этой системы. С этой точки зрения ближневосточный регион уже тогда представлял самые разнообразные возможности для выбора. Кроме того, с военной точки зрения, он позволял Берлину и Риму выработать план маневра по окружению, который предусматривал бы соединение сил, действующих с территории Украины в направлении Кавказа, с теми, что, продвигаясь из Ливии, могли бы переправиться через Суэцкий канал и, при содействии некоторых арабских вождей, достичь советских границ. Все это могло бы показаться плодом слишком произвольных расчетов, но в 1942 г. они были недалеки от того, чтобы сбыться.

Итало-немецкое контрнаступление против англичан успешно началось в Ливии 25 марта 1941 г. Однако появившийся оптимизм был утрачен в связи с катастрофическим исходом сражения возле мыса Матапас, вынудившим итальянский флот перейти к обороне и придавшим британским (а затем и союзным) надводным силам большую свободу военного маневра. Сопротивление англичанам могли оказывать только находившиеся в море многочисленные подводные лодки итальянцев и немцев или штурмовая авиация, которая время от времени наносила серьезные удары по кораблям на британских рейдах.

Это стратегическое осложнение сдерживало начавшееся наземное наступление итало-немецких войск и, более того, ограничило его размах. В течение апреля 1941 г. вся территория, утраченная в Киренаике, была вновь завоевана, за исключением города-порта Тобрук, где войска Содружества прочно закрепились и держали упорную оборону. Однако это не помешало развернуть наступление итало-немецких войск по египетской территории на Эс-Саллум и далее, вплоть до Халфайи, вынудившее затем к сдаче также и британские войска, осажденные в Тобруке. В политическом отношении это был самый сложный период за всю войну на Ближнем Востоке, поскольку он совпал с политическими и военными волнениями на английских и французских подмандатных территориях. Эти выступления вызвали на несколько недель

обоснованную обеспокоенность по поводу способности Британии контролировать тылы египетского фронта в тот момент, когда перемещение театра военных действий на Балканы и в Восточное Средиземноморье накалило обстановку во всем регионе.

6.3.2. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Скрытая враждебность в отношении англичан стала более открытой с возникновением проблемы Палестины, поскольку британская мандатная политика в регионе вызывала глубокое недовольство как арабского, так и еврейского сообщества. Во время войны евреи из соображений целесообразности согласились на своего рода перемирие, продиктованное необходимостью вести войну против большей опасности, нацистской Германии, и одержать над ней победу. Арабы, напротив, не захотели занять более умеренные националистические позиции, несмотря на то, что британское правительство, издав в 1939 г. «Белую книгу», сделало значительный шаг им навстречу. С 1936 г. арабы начали самое настоящее антибританское восстание, которое возглавил главный муфтий Иерусалима Хей Амин аль-Хуссейн.

Более серьезную опасность в краткосрочном плане представлял Ирак, правительство которого, пойдя на разрыв в 1939 г. с Германией, в 1940 г. не порвало с Италией, отчасти из-за широко бытовавшего чувства возмущения по поводу политики Великобритании в отношении арабов, отчасти из-за понятного выжидания, связанного с ходом военных действий в Египте. Ирак получил независимость в 1932 г., когда британское правительство положило конец мандатному управлению, доверенному ему Лигой Наций, добившись, однако, от иракского правительства подписания договора о союзе и военном сотрудничестве, которому активно сопротивлялись националистические и антидинастические силы. Державы «Оси» сохраняли таким образом в тылу противника опорный пункт, полезный с точки зрения пропаганды.

Поражения на Балканском полуострове и возобновление итало-немецкого наступления в Киренаике в начале апреля подтолкнули иракского политического деятеля Рашида Али аль-Гайлани, бывшего с марта 1940 г. по январь 1941 г. премьер-министром, к попытке государственного переворота. Благодаря поддержке части армии переворот удался. Политики, наиболее преданные британцам, и принц-регент Абдул Иллах были вынуждены бежать в Трансиорданию. Англичане попытались ограниченными силами своей вооруженной группировки свергнуть пронацистский и профашистский режим, но встретили неожиданное сопротивление.

1 мая столкновение переросло в открытую войну. Британские военные базы в Ираке были взяты в осаду, а Рашид обратился с призывом к странам «Оси», чтобы они помогли ему в закреплении его у власти. Результаты контактов, установленных в Анкаре с немецким послом фон Папеном, оказались, однако, разочаровывающими. Можно догадываться, что если бы Гитлер мог, он попытался бы оказать действенную поддержку Рашиду. Но в те дни вооруженные силы «Оси», и в особенности, германские, были заняты подготовкой нападения на Советский Союз, нападения на Крит, а также действиями на Балканском полуострове и наступлением на североафриканском побережье. Рашиду была послана лишь символическая помощь через территорию, контролируемую правительством Виши. Двадцать немецких самолетов были переведены на базу в Мосуле — слишком мало, чтобы это можно было считать действенной помощью.

Таким образом, участники государственного переворота в пользу стран «Оси» стали объектом британского контрнаступления, начавшегося с территории Трансиордании и возглавлявшегося арабским легионом под командованием Глабб паши, то есть генерала Джона Бэгота Глабба (позднее ставшего лордом Джеббом), которому было поручено сформировать войска эмира Трансиордании Абдаллаха и которому удалось превратить легион в самую эффективную вооруженную силу на всем Ближнем Востоке. За несколько дней эти войска, во взаимодействии с находившимися на осажденных базах и с немногими подразделениями, переброшенными из Индии в Басру, одержали победу над Рашидом аль-Гайлани. 30 мая Багдад был взят, а Рашид аль-Гайлани и его сторонники бежали в Германию. Таким образом, месяц май прошел под знаком военного кризиса, который мог стать политическим кризисом-катастрофой для Великобритании.

Именно для того, чтобы предотвратить аналогичные ситуации и лучше контролировать проявления антибританских настроений в арабском мире, британцы решили активизировать свою деятельность в двух регионах, где присутствие легитимной власти, связанной с правительством Виши, представляло потенциальную опасность. Это была операция важная не только с военной, но, прежде всего, с политической точки зрения. Французскими гарнизонами в Сирии и Ливане командовал генерал Денц, преданный режиму Виши. Против вишистов выступили войска союзников, в которых впервые значительную часть составили силы, верные движению «Свободная Франция» Шарля де Голля. Их насчитывалось около 5 тыс. человек, и им как символическому авангарду доверялась задача восстановить военный престиж Франции, но

прежде всего продемонстрировать, что генерал де Голль пользуется доверием союзников и является главной фигурой в сопротивлении немцам. В Сирии и Ливане военные операции завершились весьма быстро. 21 июня, накануне нападения Германии на Россию, Дамаск сдался союзникам и силам «Свободной Франции».

С этого момента, исключая короткий период в 1942 г., мечта об осуществлении крупной операции через территорию Ближнего Востока стала почти нереализуемой. Главный муфтий Иерусалима поддержал действия Рашида аль-Гайлани в Ираке, а также вооруженную борьбу против сионистов и умеренных арабов, стремившихся к компромиссу с англичанами. Именно из-за этой своей позиции он был вынужден разделить судьбу аль-Гайлани и искать убежище в Европе, где он сотрудничал, как и в прошлом, с итальянцами и немцами в осуществлении антибританской пропаганды, стремясь придать ей характер открытого подстрекательства к военному мятежу в поддержку независимости арабских стран и Индии. Речь шла о перспективе, в отношении которой между странами «Оси» не существовало полного совпадения взглядов, поскольку Гитлер в гораздо меньшей степени, чем Муссолини (насколько это ясно на данный момент из источников), был расположен использовать в своих интересах идею антибританского национализма.

Вступление в войну Японии внесло еще один новый элемент и сделало переплетение мотиваций еще более сложным. Впрочем, речь шла лишь о робкой попытке антибританского выступления. Если британцы повсюду в своей империи и на территориях, находившихся под их влиянием, были вынуждены держать националистов под строгим контролем (как это происходило и в Египте, где король Фарук вынужден был в феврале 1942 г. доверить формирование правительства Наххас-паше, представителю партии Вафд, умеренному националисту пробританской ориентации, в то время как другие влиятельные политические фигуры находились в заключении), то странам «Оси» в целом недоставало способности убедить движение за национальное освобождение в колониальном мире в своей искренности, ибо они призывали к свободе для других в тот момент, когда сами пытались защищать империю, завоеванную хитростью и силой в течение нескольких предыдущих лет, а также осуществляли политику жестоких репрессий в тех районах Европы, которые попали под их контроль. С этой точки зрения политика Гитлера и, в меньшей степени, политика Муссолини предоставляла возможность и инструмент, но это не гарантировало решение проблемы. В дипломатическом плане ситуация осложнялась преднамеренным совпадением анти-

британского восстания и действий итальянцев и немцев в Африке. Поэтому невозможно рассматривать всю совокупность событий войны на балканском, а затем и русском фронтах, не учитывая также то, что происходило или же скрыто бурлило в ближневосточном котле. Контроль англичан в этом регионе оставался слабым до тех пор, пока не стало очевидным поражение стран «Оси». В середине 1941 г. оно еще не было таковым. Оно не стало таковым и к концу 1941 г., после 18 ноября, когда британские войска начали контрнаступление против войск Роммеля, и им удалось отбросить их до исходного пункта — в Эль-Агейла на ливийском побережье.

*6.3.3. ОТ БОЛЬШИХ НАДЕЖД ДО ПОРАЖЕНИЯ
ПРИ ЭЛЬ-АЛАМЕЙНЕ*

Это был эфемерный успех, поскольку войска «Оси» еще располагали достаточными ресурсами для того, чтобы предпринять последнюю попытку наступления. В феврале 1942 г. они, в свою очередь, начали ответные действия и контратаковали с большим успехом, вернув себе всю территорию Ливии и проникнув в глубь египетской территории до Эль-Аламейна, расположенного в нескольких десятках километров от Александрии. Таким образом они почти достигли места, делавшего их хозяевами Египта, приблизились к Суэцкому каналу и были готовы устремиться на Ближний Восток именно в тот момент, когда в России и на Украине немцы, развернув наступление, продвинулись до Кавказа. Но в конце июня 1942 г., когда Роммель достиг Эль-Аламейна, его ресурсы были уже на пределе: бронетанковые силы войска стран «Оси» сократились до нескольких десятков танков, а сражавшиеся против них англичане и войска Содружества располагали гораздо более внушительными ресурсами.

Что касается Северной Африки и Италии, то война здесь достигла своего апогея. Наступление Роммеля было остановлено. Контроль над Средиземноморьем быстро переходил к англо-американским силам. В конце августа Роммель предпринял наступление, которое должно было довести его до Каира. Но он не знал, что англичане, со своей стороны, благодаря расшифровке немецких и итальянских кодов, знали о маневрах его войска, а также о передвижениях флота, который должен был доставить через Средиземное море боеприпасы и продовольствие, необходимые для ведения военных действий. В течение 48 часов наступление Роммеля было парализовано из-за отсутствия горючего, натолкнувшись на заранее подготовленное сопротивление британцев.

Это была последняя попытка наступления, предпринятая итало-немецкими войсками в Африке.

23 октября, когда англичане, возглавляемые генералом Монтгомери и получающие помощь от американцев и от войск значительного числа стран Содружества, перешли в контрнаступление одновременно с американскими операциями по высадке десанта в Марокко и оккупации Французской Северной Африки, началось одно из жесточайших сражений войны. Обе стороны проявили необычайное упорство, однако исход битвы определило неравное соотношение сил воюющих. Сопротивление итало-немецких войск продолжалось пять дней, затем началось их отступление, которое быстро привело к потере силами стран «Оси» всей Ливии и к их отчаянной обороне на тунисской территории, занятой сразу же после высадки американцев в Марокко. Таким образом, иллюзии итальянцев и немцев о том, что они добились военного успеха, сравнимого с успехами немцев в России в тот период, и что все эти успехи, вместе взятые, давали основание для планирования большого обходного маневра, замыкающегося на Ближнем Востоке, обернулись в конце концов поворотом в ходе военных действий. В скором времени Италии придется столкнуться с последствиями своего поражения.

6.4. Японский экспансионизм и начало войны на Тихом океане

6.4.1. ЭКСПАНСИОНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В АЗИИ И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

7 декабря 1941 г. японские военно-воздушные и военно-морские силы напали на американский флот у Гавайских островов. Соединенные Штаты были, таким образом, вовлечены в войну. Хотя напряженность в отношениях между двумя странами в последнее время возросла до угрожающих пределов, нападение застало американцев врасплох, и они недостаточно хорошо понимали его цель. Новый конфликт добавлялся к тем фронтам, которые уже были открыты в других частях света. Он мог положить начало новой «параллельной войне» в том случае, если бы Германия и Италия не дали расширительной трактовки задач Тройственного пакта, предусматривавшего оказание военной помощи лишь в случае нападения американцев. Однако Гитлер и Муссолини ожидали только до 11 сентября, чтобы сделать фатальный шаг и самим объявить войну Соединенным Штатам, разрешив за Рузвельта проблему, с которой он, учитывая американскую внутреннюю ситуацию, вероятно, не смог бы справиться сам.

С этого момента все мировые конфликты были объединены. Развязанная война вовлекла почти все континенты, оставив незатронутой практически только Латинскую Америку, учитывая, что последствия конфликта ощущались даже там, где на практике война не велась, как, например, на территориях США и Канады или же на территории Австралии и Новой Зеландии. В самом деле, никогда определение «мировая война» не было так близко к реальности как в этот момент. И в то же время решение японцев, принятое несколько месяцев спустя после заключения 13 апреля 1941 г. японо-советского договора о нейтралитете, если и могло показаться еще одним фактором ослабления Великобритании, напротив, придавало антифашистскому фронту такой масштаб, который закладывал основы будущей победы.

В самом деле, совпадение позиций Соединенных Штатов и Советского Союза сделало невозможным реализацию гитлеровского плана разрешения европейской ситуации с помощью победы над СССР и подчинения Великобритании в преддверии последующей схватки с Соединенными Штатами. В конце 1941 г. СССР не был побежден и находился фактически в одном ряду с Соединенными Штатами. Гитлер и Муссолини могли бы, очевидно, избежать прямого столкновения с крупнейшей мировой державой. Но вследствие глубоко ошибочной оценки соотношения сил, они совершили самонадеянный поступок, который ставил их первыми под удар американской мощи, помноженной на мощь Британии. Другими словами, Гитлер наблюдал за тем, как прямо на его глазах возникала коалиция, которой он хотел и должен был избежать, не отдавая себе отчета в том, что на определенном этапе американский потенциал будет направлен на уничтожение нацизма в Европе прежде, чем на уничтожение японского империализма в Азии. Более того, именно нападение японцев подтолкнуло две рождавшиеся сверхдержавы к объединению своих сил в этом конфликте, участие в котором требовало огромных ресурсов. В ходе войны невероятно возрос масштаб и эффективность их производственной деятельности, подготавливая, как бы то ни было, будущее, при котором ситуация в Европе станет совершенно иной. Германия пока еще, как представлялось, находилась на пике своей мощи, но новая система отношений, возникавшая в ходе войны, настолько глубоко меняла ситуацию, что должна была наложить неизгладимый отпечаток на перспективу международных отношений.

Решение Японии совершить военное нападение на Соединенные Штаты состоялось после длительной военной, политической и дипломатической подготовки и стало кульминационным мо-

ментом вызова японского империализма крупнейшему противнику на Тихом океане после многих лет империалистической экспансии, прерываемой некоторыми паузами и периодами неуверенности, но в целом однозначно нацеленной на реализацию проекта японской гегемонии на всем азиатском континенте и в Юго-Восточной Азии.

В этом смысле «маньчжурский инцидент» был лишь первым шагом, из которого японцы могли сделать вывод о том, что они способны в определенных пределах бросить вызов присутствию Запада, извлекая даже выгоду из напряженности, спровоцированной в Европе гитлеровской политикой. После завершения этапа правления политических партий (1937 г.) власть в стране вновь оказалась в руках бюрократической и военной олигархии, которая в первой половине десятилетия предоставила возможности для проведения демократического эксперимента. Наступил период острой политической борьбы, характеризовавшийся стычками, жестокими нападениями и чередой политических убийств, омрачавших японскую жизнь в результате личной борьбы между представителями господствующих групп, создания паравоенных формирований авторитарного и профашистского характера, а также противоречий, существовавших внутри разных родов вооруженных сил.

Эта ситуация привела к определенным международным последствиям. В конце 1936 г. Япония решила подписать «Антикоминтерновский пакт», основные черты которого вырисовывались уже давно. Однако лишь эволюция европейской политики (франко-советский договор, ремилитаризация Рейнской зоны, австрийский кризис, гражданская война в Испании) подтолкнула к его заключению. Договор, подписанный 25 ноября 1936 г. с Германией, имел отчетливую антисоветскую направленность, провозглашая обязательство быть нетерпимыми к «вмешательству Интернационала во внутренние дела государств» и координировать усилия перед лицом такой опасности. Договор, однако, был дополнен секретными статьями, предусматривавшими взаимные обязательства не предпринимать акций в поддержку Советского Союза в случае, если ему будет угрожать одна из двух подписавших договор сторон, а также обязательство не подписывать политических договоров с Советским Союзом, противоречащих духу данного пакта.

Соглашение с Германией, к которому 6 ноября 1937 г. присоединилась также Италия (правительство Муссолини не было проинформировано о секретных частях договора), носило явно антисоветский характер, и в 1936 г. не противоречило европейской политике Гитлера. Фюрер еще не сделал свой антибританский

выбор, ставший результатом миссии Риббентропа в Лондон. Договор послужил Японии в качестве основы для ее продвижения в Китай.

Внутренняя ситуация в Китае характеризовалась глубокими противоречиями между правительством Гоминьдана во главе с Чан Кайши и компартией Китая. Эти две политические силы тесно сотрудничали вплоть до 1927 г., но затем разошлись из-за политических разногласий и из-за амбиций по поводу национального лидерства. Правительство Гоминьдана вынудило коммунистов занять оборонительные позиции, ограничив их действия немногими контролируемые ими зонами, как, например, район Цзянси. В своей политической линии китайские коммунисты руководствовались концепцией, в которой превалировала модель социально-экономических преобразований, сложившаяся под влиянием теоретического анализа процессов трансформации «азиатского способа производства». Начиная с октября 1934 г. китайские коммунисты под давлением правительственных сил, которые тем временем достигли перемирия с японцами, должны были отступить из Цзянси через всю территорию внутреннего Китая, совершив так называемый «Великий поход». Этот переход подверг испытанию способность руководящей группы коммунистов к сопротивлению, сформировал ее базу, но закончился почти катастрофой, когда остаткам коммунистических отрядов удалось достигнуть Шанхая, где им удалось найти убежище и где они смогли восстановить свои силы под руководством Мао Цзэдуна. В течение 13 лет, с 1935 по 1948 г. здесь находилось «святилище» коммунистической партии, опорная база для внутреннего восстания.

Тем временем действия японцев вынудили Коминтерн оказать давление на китайскую компартию с тем, чтобы она прекратила противоборство с Гоминьданом и предпочла бы императив борьбы против Японии политике построения коммунизма в Китае. Проникновение японцев встретило незначительное сопротивление, что позволило им продвинуться в глубь китайской территории и создать сначала автономное правительство под японским контролем во Внутренней Монголии (август 1935 г.), а затем захватить китайскую территорию в направлении Пекина и Тяньцзиня (ноябрь–декабрь 1935 г.). Все это терпел Чан Кайши, поскольку сила была на стороне японцев, но не были склонны сносить русские, которые в тот же самый период вступили в ожесточенное столкновение на границе Маньчжоу-Го с войсками Маньчжурии под командованием японских офицеров. В 1936 г. Советы подписали договор о взаимопомощи с Внешней Монголией (Монгольской Народной Республикой).

Новый этап японского наступления проходил, следовательно, в обстановке перегруппировки китайских политических сил, враждебного отношения со стороны Советского Союза и поддержки со стороны немцев, однако при безразличии других европейских держав и обеспокоенности, но неспособности что-либо предпринять со стороны американцев. Этот этап конфликта, который фактически открыл на китайской территории войну против Японии без ее формального объявления, начался в июле 1937 г. вследствие инцидента у моста Марко Поло в (Лугоуцяо), в окрестностях Пекина, между китайскими и японскими военными подразделениями. Конфликт распространился на другие части Северного Китая, однако попытки японцев продвинуться в провинции Шэньси и Шаньси были остановлены сопротивлением сил китайских коммунистов, теперь выступавших в союзе с центральным правительством. Поэтому, вопреки их планам, японцам пришлось расширить театр военных действий в направлении Южного Китая. Они высадились в Шанхае и проникли в глубь континента вдоль реки Янцзы до Нанкина (декабрь 1937 г.). В последующие месяцы японцы продолжали военные операции, пытаясь соединиться с силами, подошедшими с Севера, и заняли Кантон и Ханькоу. Китайское правительство было вынуждено бежать из своей резиденции и укрыться в глубинном районе страны, в городе Чунцин, предоставив коммунистам вести партизанскую войну в тылу японских войск.

Конфликт означал противостояние двух стратегий. Китайская основывалась на логике больших пространств, вынуждавших японцев расплывать свои силы и отдаляться от военных баз. Японская стремилась закрепить компактные боевые фронты и придать успехам устойчивый характер. Однако благодаря своей мобильности и тому, что они сражались в защиту собственной страны, китайцы не могли не наносить регулярных поражений японцам, чьи победы раз от раза становились все эфемернее.

К концу 1938 г. токийское правительство отказалось от надежд на полную победу и более обширные территориальные приобретения и попыталось пойти по пути компромисса, который фактически поставил бы китайских правителей под контроль Японии. Это была не легкая задача, поскольку позиции японцев тем временем ослабли в политическом отношении. Тревога по поводу китайских событий выросла до такой степени, что заставила русских завязать самые настоящие бои с японскими подразделениями, как это случилось в июле 1938 г., в столкновениях на озере Хасан, расположенном между Маньчжоу-Го и Кореей, когда русским удалось одержать победу над японскими войсками.

Менее острые стычки имели место в марте-сентябре 1939 г. на границе между Монголией и Маньчжурией, у реки Халкин-Гол. Это был специфический способ ведения войны, поскольку ни одна из двух стран не хотела позволить вовлечь себя в масштабные столкновения. Однако существовавшая напряженность свидетельствовала о глубинной природе японо-советских противоречий в Азии и, следовательно, делала очевидной ошибку, совершенную Гитлером, поверившим, что он сможет в целях осуществления пакта Риббентропа—Молотова 1939 г. сориентировать японцев на просоветские настроения.

Японские мирные предложения, обращенные к Китаю в декабре 1938 г. (возобновлявшие в более настойчивой форме некоторые предложения, сделанные годом ранее) были направлены на кардинальное изменение китайских позиций и, по существу, на их подчинение Японии. В самом деле, они предусматривали военный союз двух стран, направленный против Коминтерна; право Японии разместить свои гарнизоны во Внутренней Монголии и Северном Китае, в том числе и за счет китайского правительства; контроль японцев над реорганизацией всех китайских вооруженных сил, а также над коммуникациями. Кроме того, были предусмотрены различные формы «более тесного сотрудничества» в экономической и торговой сферах.

Китайское правительство эти предложения отвергло, хотя наиболее активные антикоммунистические элементы в правительстве и заняли прояпонскую позицию. На них опиралось Токио в создании правительства, противостоящего Чан Кайши. Это прояпонское правительство возглавил один из немногих известных деятелей, которые согласились сотрудничать с захватчиками, — Ван Цзинвэй, ближайший соратник Сунь Ятсена, враждебно относившийся к Чан Кайши из-за их соперничества относительно лидерства в республиканском революционном движении. Сначала Ван не решился принять предложения японцев, бежал в Индокитай, затем японцы убедили его вернуться в Нанкин и создать там китайское национальное правительство (30 мая 1940 г.), которое в ноябре было признано Японией, а затем Германией, Италией, Испанией, Румынией и другими германскими сателлитами.

Империалистическая политика, постоянно проводившаяся Японией на азиатском континенте, не вызвала заметной реакции в Европе. В сентябре 1937 г. Лига Наций получила китайское обращение, но целый год раздумывалась над решением, и только в сентябре 1938 г. приняла постановление о применении санкций, оставляя вопрос об их конкретном осуществлении на усмотрение отдельных членов Лиги. Франция, вплоть до поражения в июне

1940 г., и Великобритания должны были реагировать на быстро меняющуюся дипломатическую ситуацию. До тех пор, пока полностью не определилась антигерманская позиция Британии, представлялось уместным использовать время и обстоятельства для того, чтобы избежать обострения отношений с Японией, прежде всего учитывая огромные экономические интересы в Восточной Азии. В конце 1938 г. пауза в японском наступлении в Китае позволила надеяться на возможное начало переговоров. Однако приход в токийское правительство принца Коноэ, поборника установления «нового порядка» в Азии, заставил отказаться от многих иллюзий. Великобритания, Франция и Соединенные Штаты предоставили Китаю кредиты, а японцы в ответ оккупировали остров Хайнань, между китайским и индокитайским побережьем, затем аннексировали коралловый архипелаг Спратли в Южно-Китайской море, наконец, затеяли долгую тяжбу по поводу контроля над серебряными резервами китайского правительства, хранившимися в британской концессии в Тяньцзине — тяжбу, которая продлится до начала общих военных действий.

Поражение французов еще более осложнило ситуацию. Японцы потребовали от правительства Петэна предоставить им с 18 июня 1940 г. возможность послать свою военную миссию в Индокитай, с очевидной целью перекрыть еще действовавшие пути сообщения через территорию, контролируруемую Чан Кайши. С той же целью токийское правительство потребовало от Великобритании закрыть границу с Гонконгом, вывести британский гарнизон из Шанхая и перекрыть дорогу, которая шла из Бирмы в Южный Китай. Предпринятые шаги свидетельствовали о том, что японские экспансионисты пока не намеревались противостоять британским и еще в меньшей степени американским интересам, прибегая к применению силы. Ионаи, являвшийся тогда премьер-министром, и его министр иностранных дел Арита стремились добиться британской и французской поддержки своих требований мирными средствами. При этом сам Черчилль был склонен к таким уступкам, как та, что была сделана в июле — прекращение на три месяца посылки британских вооружений в Китай. Однако именно выбор мирных средств привел к падению правительства Ионаи, формированию нового кабинета Коноэ и возвращению в министерство иностранных дел главного сторонника союза с Германией Мацуока. Новое правительство усилило свое давление на самое слабое звено, вишистскую Францию, которая была вынуждена после ультиматума подписать 29 августа 1940 г. соглашение, признававшее преобладание интересов Японии на Дальнем Востоке как в экономическом, так и политическом плане. Развивая дух этих договоренностей, Япония направила свое давление на

то, чтобы добиться контроля над рядом баз на индокитайской территории, а в то же время японская миссия была послана в Голландскую Ост-Индию (Индонезию) для ведения переговоров о заключении экономических соглашений, касающихся прежде всего экспорта нефти в Японию.

Глубокая горечь и разочарование, вызванные в Японии подписанием советско-германского пакта (происшедшим как будто по театральному сценарию, без соблюдения обязательств, предусмотренных секретными статьями «Антикоминтерновского пакта»), смягчались, таким образом, именно тем обстоятельством, что Япония в момент его подписания разворачивала свое наступление в Юго-Восточной Азии. В ее намерения не входило столкновение ни с Советским Союзом, ни (в тот момент) с Соединенными Штатами, целью была лишь борьба, направленная на использование в Азии результатов немецких побед в Европе и ослабление европейского противника Германии — Великобритании. Именно это сделало возможным преодоление колебаний предшествовавших месяцев и подписание 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта между Японией, Германией и Италией. Пакт признавал гегемонию Германии и Италии в Европе и Японии — в Азии; обязывал договаривающиеся стороны оказывать друг другу помощь в случае нападения со стороны еще не воюющей державы; устанавливал также, что отношения, существовавшие между подписавшими договор сторонами и Советским Союзом, не должны изменяться другими соглашениями. Иными словами, пакт предоставлял Гитлеру возможность сотрудничать со Сталиным до тех пор, пока он считал это полезным, а японцам — возможность сохранять свой нейтралитет в отношении Советского Союза вплоть до 1945 г.

Сближение трех «ревизионистских» держав, происшедшее в 1936–1937 гг. на основе объединявшего их противостояния мировому коммунизму, меняло, следовательно, свой характер, поскольку противником, против которого оно было направлено, являлось теперь не правительство Москвы, а потенциальный англо-американский союз. Ярким подтверждением такой трактовки стал подписанный 13 апреля 1941 г. договор о нейтралитете между Японией и Советским Союзом, очертивший Гитлеру границы осуществления сотрудничества с Японией, границы, впрочем, имевшие значение для фюрера лишь накануне нападения на Советский Союз, учитывая, что немецкая позиция основывалась на утверждениях о слабости Советов и почти смехотворной легкости победы над Красной армией. Подлинным врагом в будущем были Соединенные Штаты и, хотя Япония еще не выбрала точной ориентации в данной связи, заключение Тройственного пакта оставляло возможность только для такой интерпретации.

6.4.2. КОНФЛИКТ МЕЖДУ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ
И ЯПОНИЕЙ

В первые месяцы 1941 г., в то время как Гитлер одерживал свои эффектные победы на Балканском полуострове, но вынужден был потерпеть серьезные стратегические неудачи на Ближнем Востоке, японцы готовились реализовать кульминационный этап своего проекта установления гегемонии в Азии. Они должны были сделать выбор — действовать ли посредством компромисса с Соединенными Штатами или же путем открытого столкновения. Это стало еще раз предметом краткой дискуссии внутри японских правящих групп, обусловленной решимостью, проявленной Рузвельтом включая и избирательную кампанию перед выборами ноября 1940 г., помогать Великобритании любыми возможными способами, прежде всего, посредством экономических и торговых мер, направленных на сокращение потенциала военного производства Японии. В этом плане начало (сразу же после немецкого наступления 1941 г.) секретных консультаций между американским и британским генеральными штабами позволило заранее определить формы ответа на вероятную японскую агрессию и стало основой выбора, в соответствии с которым главным противником в совместной войне будет Германия.

Весь 1941 год непрерывно менялись позиции Токио в отношении Соединенных Штатов, из которых следовало выбрать одну. В начале года японское правительство сформулировало ряд неофициальных предложений, которые были вручены адмиралу Номуре, отправившемуся в феврале в Вашингтон в качестве нового посла в надежде на то, что известная враждебность адмирала в отношении подписания Тройственного пакта сделает его желанным собеседником для американцев. После серии подготовительных неофициальных встреч в начале апреля госсекретарю Хэллу был представлен ряд компромиссных предложений, которые предусматривали ограничительную трактовку Тройственного пакта; формирование коалиционного правительства в Китае; определенную готовность японцев ограничить свое влияние в Китае вплоть до признания принципа «открытых дверей» (однако при условии, что Соединенные Штаты признают аннексию Маньчжоу-Го и прекратят оказывать свою поддержку Гоминьдану). Кульминацией всего этого было предложение встречи Рузвельта с принцем Коноэ. Хэлл не отверг эти предложения, но попросил, чтобы они были сформулированы непосредственно правительством Токио, хотя бы и не официальным образом. Между тем, Хэлл подчеркнул, что политика Соединенных Штатов базируется

на четырех принципах: 1) уважении территориальной целостности и суверенитета всех государств; 2) невмешательстве во внутренние дела других государств; 3) принципе «открытых дверей», то есть равенстве стран, в особенности в сфере норм, касающихся международной торговли; 4) отказе от осуществления изменений на Тихом океане насильственными способами.

Таким образом, выявилось определенное сближение позиций, к которому министр иностранных дел Мацуока относился глубоко враждебно. Сближение стало возможно, поскольку Мацуока не было в Японии в это время: он отправился с визитом в Германию и остальную часть Европы. Но по возвращении он начал менять параметры дипломатического диалога. Мацуока согласился с требованием (принятым и остальной частью японского правительства) уточнить в ноте, направленной Вашингтону, японские позиции. Однако, он изменил первоначальные намерения и превратил предложение соглашения относительно трактовки Тройственного пакта в обязательство не оказывать помощи даже товарищи державам, воюющим в Европе (то, что делали Соединенные Штаты в отношении Великобритании). Он также согласился изменить характер урегулирования в Китае в более благоприятную для правительства Ван Цзинвэя сторону. Кроме того, он способствовал провалу предложения о встрече Коноэ с Рузвельтом.

Хэлл потребовал от японцев представить правительственные предложения не потому, что он разделял многие идеи Номуры, но для того, чтобы убедиться в том, в какой степени тот обладает реальным влиянием и, кроме того, для того, чтобы выждать время, пока разногласия внутри японской олигархии не поставят в трудное положение группировку сторонников войны. Переговоры продолжились, однако в июне они зашли в тупик, поскольку Хэлл заявил, что никакое соглашение не будет возможно до тех пор, пока известные японские политические деятели будут связаны с политикой поддержки нацистской Германии (как это демонстрировал министр Мацуока, когда намечал путь к полномасштабному сотрудничеству с Германией).

Начало осуществления «плана Барбаросса» поставило японцев в новую ситуацию. Мацуока был настроен в пользу вмешательства, которое, хотя и вступало в противоречие с только что заключенным договором о нейтралитете, предусматривало нападение на Советский Союз. Верховное командование было, однако, настроено отрицательно в отношении этой идеи. Столкновения предыдущих лет показали, что трудно одержать победу над русскими, ведя военные действия со столь отдаленных баз на азиатской территории и не имея надежного тыла в Китае.

Таким образом, была возобновлена уже известная дискуссия внутри японского правительства — о направлении, в котором следует осуществлять политику экспансии. Позиция Мацуоки потерпела поражение, и было решено, что окончательный выбор будет зависеть от хода немецких военных операций на русской территории. Было решено также, что японские вооруженные силы в Маньчжоу-Го будут усилены, но что они останутся в боевой готовности до того, пока военная ситуация в Европе не прояснится (однако, несколько дней спустя было решено, что никакого вступления в войну с Советами не будет до 1942 г.). Тем временем была продолжена и усилена политика создания «сферы всеобщего процветания» в Юго-Восточной Азии. 2 июля имперская конференция, то есть заседание правительства в присутствии императора Хирохито, санкционировала это решение. Мацуока оказался в изоляции. 16 июля Коноэ подал в отставку с тем, чтобы сразу же после этого сформировать другое правительство, в котором министерство иностранных дел планировалось отдать адмиралу Тойоде, в то время как генерал Тодзио остался во главе военного министерства.

В действительности, поражение Мацуоки не влекло за собой отказ от империалистической политики, а означало лишь попытку сориентировать ее в менее опасном направлении, но отнюдь не в направлении, более приемлемом для Соединенных Штатов. Опираясь на военные базы, захваченные в 1940 г., японцы на этот раз оказали решительное давление на правительство Виши и предъявили ему ультиматум с требованием оккупации японскими войсками всего Индокитая, включая Сайгон. 24 июля адмирал Дарлан высказался за принятие этого решения в качестве «временной меры для защиты Индокитая от голлистов, англичан и китайцев». В самом деле, благодаря точной информации, которой располагали американские секретные службы относительно дискуссий внутри императорского кабинета Токио, Вашингтону было хорошо известно, что этот шаг имел целью дальнейшую экспансию Японии в направлении Сингапура с тем, чтобы нанести удар в наиболее уязвимом месте по британской торговле на Тихом океане и сделать Японию арбитром ситуации во всей Юго-Восточной Азии.

Контрмеры не заставили себя ждать. 21 июля британское и американское правительства приняли решение о замораживании всех японских кредитов, фактически объявив полное эмбарго на японскую внешнюю торговлю. 28 июля Великобритания и голландское правительство, находившееся в изгнании в Лондоне, денонсировали соответствующие торговые договоры с Японией.

Одновременно с этим вашингтонское правительство сделало заявление токийскому правительству о закрытии для японских судов Панамского канала и о включении вооруженных сил Филиппин в американскую армию и создании Командования американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке во главе с генералом Дугласом Макартуром. В то же самое время при правительстве Чан Кайши начала работу американская военная миссия.

Лето 1941 г. прошло в попытках анализа различных дипломатических путей выхода из кризиса. Американцы не желали согласиться с господством Японии в Индокитае, и их противодействие подтолкнуло токийское правительство к попытке возобновить прямые переговоры. В августе посол Номура представил Корделлу Хэлли новые предложения, которые предусматривали самоограничение японской экспансии, включая вывод войск из Индокитая после разрешения китайского кризиса, но требовали взамен американской поддержки политического способа урегулирования разногласий с Китаем на основе признания особой позиции Японии. Речь шла, в очередной раз, о попытке прояснить ситуацию, опираясь на позицию силы или, если предпочесть более узкую интерпретацию, — о попытке предложить своего рода общий компромисс на основе раздела сфер влияния между Соединенными Штатами и Японией в Азии. Такова была идея, которую Коноэ должен был изложить Рузвельту в беседе, предложенной японцами на начало августа. Однако, похоже, было уже поздно.

Хэлл воспринял план холодно. Более того, через несколько дней Рузвельт встретился в бухте Арджентил с Уинстоном Черчиллем. Результатом их дискуссий стала Атлантическая хартия, а, следовательно, и четкая позиция в отношении политики Японии. Рузвельт и Хэлл сразу же после встречи вручили Номуре декларацию, весьма умеренную по тональности, но твердую по существу, ибо она предостерегала японцев от продолжения их экспансионистской политики. В противном случае правительство Соединенных Штатов намеревалось принять необходимые контрмеры, не исключая даже использование силы. Черчилль, со своей стороны, заявил, что, если дипломатические усилия останутся безрезультатными, Великобритания будет сотрудничать с Соединенными Штатами. Предложение встречи с Коноэ не было отвергнуто, но для того, чтобы она не привела к своего рода азиатскому «Мюнхену», от японцев потребовали точно определить их позиции по трем вопросам: отношение к Тройственному пакту (от которого Японии пришлось бы дистанцироваться); мирное урегулирование китайской ситуации; четкое определение рубежей и целей, которые японцы ставили перед собой в Юго-Восточной Азии.

Переговоры продолжались по этим трем вопросам, и за несколько недель стало ясно, что токийское правительство готово отказаться от политики экспансии в Китае и в Юго-Восточной Азии. Коноэ находился в сложной внутренней ситуации, поскольку, пока он искал компромисс с американцами, на него внутри страны оказывали давление военные, подталкивавшие к силовому решению. В свою очередь Хэлл не отказывался от своей твердой позиции, именно потому, что знал о внутренних разногласиях в японском правительстве и о неприятии самим императором Хирохито военного решения. 2 октября уверенность американцев была продемонстрирована в жесткой ноте, отправленной в Токио, в которой разъяснялось, что единственный способ положить конец разногласиям состоял в принятии в качестве исходных четырех пунктов, сформулированных американцами в апреле. Результат оказался противоположным ожидаемому. Коноэ был вынужден подать в отставку. 16 октября премьер-министром стал генерал Тодзио, наиболее влиятельный военачальник, а министром иностранных дел — бывший посол в Москве Того, в свое время выступавший против политики сближения с Германией. В руках генерала Тодзио сосредоточилась вся политическая и военная власть, что позволяло ему принимать быстрые и эффективные решения.

В начале ноября императорское правительство Токио собралось на несколько заключительных заседаний. Было решено продолжить дипломатический диалог с Соединенными Штатами, исходя из предпосылки, что Япония больше не пойдет на уступки. 5 ноября совещание при императоре установило в качестве последнего срока для ответа американцев 25 ноября. Японские предложения, направленные послу Номуре, были сформулированы в двух различных документах, названных соответственно «меморандум А» и «меморандум Б». Они должны были быть представлены один за другим, с очевидным предпочтением в отношении «меморандума А». 7 ноября Номура встретился с Хэллом и изложил ему три пункта «меморандума А»: 1) Япония не будет давать расширительной трактовки Тройственному пакту; 2) японские войска останутся на оккупированной китайской территории (Северный Китай, остров Хайнань и Внутренняя Монголия) на «согласованный период времени», то есть — должен был уточнить Номура — приблизительно на 25 лет; в течение двух лет они должны будут покинуть остальную китайскую территорию; на китайской территории будет применяться принцип отсутствия дискриминации в сфере торговли, если такой принцип будет принят также и в остальном мире; 3) Япония уважает территориальную целостность Индокитая, но возьмет на себя обязательства по данному вопросу только после заключения соглашения с Соединенными Штатами.

Инструкции Токио Номуре, расшифрованные американскими секретными службами, породили подозрения, что эти предложения носили характер проволочек, — это заставило Хэлла категорически их отвергнуть. 20 ноября был представлен «меморандум Б», состоявший из 5 пунктов, гораздо более сухих, чем предыдущие, и по существу направленных на то, чтобы добиться признания существующей ситуации, за исключением незначительных уступок японцев и обязательства восстановить регулярные торговые отношения.

6.4.3. ПЁРЛ-ХАРБОР

Оба предложения были настолько далеки от тезисов, многократно повторенных американцами, что обсуждать их серьезно не имело смысла. «Меморандум Б» носил провокационный характер, Хэлл определил его прямо-таки как «наглый». Последние попытки американского минимтра финансов Генри Моргантау сформулировать приемлемый компромисс, также как и призыв, обращенный Рузвельтом к Хирохито 6 декабря, не привели ни к каким изменениям. Напротив, 1 декабря заседание императорского правительства официально приняло решение начать военные действия с внезапного нападения 7 декабря, в час дня по вашингтонскому времени. Американские секретные службы узнали о решениях Токио, но вовремя не выяснили место японской акции. Впрочем, в этот момент попытка изменить ход событий была бы невозможна.

Более поздняя полемика относительно того, что Рузвельт знал о намерениях своих противников и не предпринял шагов для их предупреждения и тем самым уклонился от выполнения конституционных обязанностей, касавшихся вступления Соединенных Штатов в войну, по существу лишена оснований. Иметь информацию об агрессивной политике не означает быть ее соучастником, в особенности, если это выражалось в простом принятии свершившегося факта. Вероятно, Рузвельт мог представить себе, что нападение произойдет там, где были сосредоточены главные американские силы, то есть в Пёрл-Харбор, на Гавайях. Но, вероятно, он мог иметь и противоположное мнение, то есть, что японцы не решатся напасть на столь важную цель. Тот факт, что японское нападение на Пёрл-Харбор и последовавшее объявление войны (послу Номура было поручено вручить это объявление только за 20 минут до намеченного начала военных действий) стало полной неожиданностью. Хотя оно не было «громом среди ясного неба» для американцев, но застигло их врасплох в отноше-

нии места, где оно произошло, что имело последствия, катастрофические для американской военной машины.

С самого первого дня и в течение нескольких месяцев казалось, что японцы могли повторить на Тихом океане кампанию, которую нацисты провели в Европе. Нападение на Пёрл-Харбор, происшедшее одновременно с нападениями на другие американские базы, повлекло за собой тяжелейшие потери со стороны американцев. Не вдаваясь здесь в детали военного характера, приведем некоторые данные, которые говорят сами за себя. За несколько минут было потоплено четыре линкора, четверым был нанесен серьезный ущерб, 11 других военных кораблей было потоплено или выведено из строя, в то время как 188 самолетов было уничтожено на земле. Японцы же понесли ничтожные потери. Одновременно с Пёрл-Харбором подверглись нападению американские базы на островах Гуам, Уэйк и Мидуэй. В итоге в первый день военных действий из девяти американских линкоров, способных действовать на Тихом океане, в строю остались только два, против которых японцы могли выставить свои десять.

В течение нескольких месяцев военные действия на Тихом океане развивались с односторонним выигрышем, несмотря на спорадически проявлявшиеся случаи сопротивления. Японское наступление приняло характер широкомасштабной военной экспансии во всей Юго-Восточной Азии, а также в направлении Австралии и Индии. Вначале оно захватило Филиппины, быстро подвергшиеся оккупации, за исключением полуострова Батан и укрепленного острова Коррехидор, где сопротивление продолжалось до мая. Тем временем японцы оккупировали Таиланд, повели наступление в сторону Бирмы, напали на Борнео и захватили его, взяли Гонконг, высадились в Новой Гвинее, продвинулись в направлении Сингапура, завоевав после двухнедельного сопротивления весь Малайский полуостров. Они продвинулись в глубь острова Ява и постепенно оккупировали всю Голландскую Ост-Индию, сопровождая свои действия не прошедшей бесследно антиколониалистской пропагандой («Азия для азиатов»), напали на Бирму и оккупировали ее, а также готовили нападение на Индию при поддержке индийских добровольцев во главе с оппозиционным лидером партии Национальный конгресс Чандрой Босом.

Первые признаки замедления японского наступления и возрастания способности американцев к сопротивлению с помощью англичан и войск азиатских стран Содружества появились на море. Обязательство приоритета борьбы против Германии, принятое Рузвельтом и Черчиллем начиная с конференции в районе Ньюфаундленда (Placentia Bay), ограничивало масштаб американ-

ского контрнаступления на Тихом океане. Однако в мае 1942 г. началось первое авиационно-морское сражение в Коралловом море, закончившееся безрезультатно. В начале июня авиационно-морским силам американцев удалось перекрыть дорогу мощному японскому флоту (86 военных кораблей, включая четыре авианосца), собиравшемуся овладеть архипелагом Мидуэй, и нанести ему тяжелое поражение, ставшее поворотным моментом в войне на океане. Все четыре японских авианосца были потоплены американской авиацией вместе с 300 самолетами ценою гораздо менее серьезных потерь. Признаки поворота появились также и в наземных операциях, когда американцы в начале августа высадились на острове Гуадалканал, в архипелаге Соломоновых островов. Это начало контрнаступления совпало с моментом, когда наступательная способность японцев уже исчерпала себя. С сентября 1942 г. их войска были вынуждены ограничиваться передвижениями меньшего масштаба и оборонительными операциями. Географическое расположение оккупированных территорий позволило японцам удерживать значительную их часть до конца войны. Но все же осенью 1942 г. Вторая мировая война характеризовалась, с точки зрения военных операций, исчерпанием наступательной способности войск Тройственного пакта и очевидным проявлением кризиса «Оси», начавшегося с самого слабого фронта — итальянского. Война меняла свой характер. Угроза гегемонии авторитарных держав отдалялась.

6.5. Цели войны с точки зрения Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза

6.5.1. КАКОВЫ БЫЛИ ЦЕЛИ ВОЙНЫ?

В конце 1941 г. войны, которые велись изолированно, объявленные войны, скрытые конфликты — все они слились в одном глобальном столкновении, в котором отчетливо просматривались два противоположных фронта. Соединенные Штаты, Советский Союз и Великобритания были в центре антигитлеровского союза, поскольку именно они несли военный и экономический груз войны. Германия и Япония доминировали в блоке стран, развязавших конфликт и провоцировавших его расширение. Но несмотря на объявление войны Соединенным Штатам со стороны Германии и Италии, войны, которые вели две крупнейшие державы «нового порядка», оставались все-таки по существу изолированными. Нападение японцев, которое могло бы заставить русских воевать на два фронта, не состоялось, поскольку японцы не

чувствовали себя способными его осуществить и поскольку прояснения глубинных целей войны для соответствующих сторон еще не произошло. Три державы имели обширные ревизионистские планы, но не имели общего глобального проекта, способного сделать их борьбу единой. Только случайно война Германии и война Японии стали параллельными, и только слишком быстрое развитие натиска Германии создало общего врага: Соединенные Штаты. Германия могла вести с Соединенными Штатами только подводную войну, в то время как Япония не была способна и не намеревалась воевать против Советского Союза. Это существенное противоречие делало «фашистскую» коалицию весьма условной, и поэтому политические отношения внутри нее можно назвать случайными.

С другой стороны, формирование большой антифашистской коалиции выдвигало очень важные дипломатические, политические и военные проблемы, а также порождало вопросы, от решения которых зависело послевоенное устройство. С военной точки зрения главной проблемой все еще оставалась проблема объединения и координации усилий в борьбе против врага. Борьба велась на трех фронтах: советско-германском, североафриканском и восточноазиатском. К этому добавлялась война без границ, но полная коварства, — война с использованием морской авиации, которая с быстрым внедрением технологических инноваций приобретает за несколько лет все более важное значение. Главная проблема состояла в том, чтобы трансформировать всю эту совокупность изолированных войн с совершенно разными человеческими потерями в единую борьбу. Было ли это возможно? Где и как следовало вести совместную войну? Таким был первый вопрос, вставший перед новой коалицией, образованной почти случайно, но способной включить, помимо Великобритании, самые сильные державы мира.

Кроме того, наряду с военной проблемой, вставал вопрос политический: за какие другие общие цели, кроме победы над наци-фашистским империализмом, стоит сражаться, учитывая, что невозможно было представить себе, чтобы война такого масштаба могла свестись только к столкновению между соперничающими империализмами? Это была проблема, которая, учитывая имевшиеся прецеденты, вызывала ряд вопросов огромной значимости, поскольку выявляла противоречия между принципами и интересами, между критериями державной политики и критериями борьбы за достижение идеалов, зависевшей от самой обыкновенной динамики войны и переплетавшейся с ней. Эти две сферы деятельности или теоретического анализа нелегко разделить,

поскольку слишком часто они представляли как неразрывные, как две стороны одной медали. В самом деле, как отделить тему справедливого мира от темы надежного мира? Пример 1919 г. был столь близок по времени, что трудно было пренебречь его уроками.

Политические цели и общие замыслы обуславливали ход военных действий. Если во время войны (как и во всяком военном конфликте) порой казалось, что стратегические и тактические цели определяли политические решения, то более внимательный анализ показывает, напротив, что конкретные решения могут и должны быть сведены к общим политическим замыслам (хотя и в соответствии с особенностями каждого отдельного случая и спецификой, налагаемой обстоятельствами). Одна единственная черта объединяла союзников: никто из трех крупнейших стран (и, очевидно, никто из малых) не вступил в войну по собственной воле, за исключением Германии. Даже Великобритания была вовлечена в конфликт вследствие гарантий, данных Польше, подвергшейся нападению немцев. Отсюда следует более общий вывод о том, что нападение немцев вызвало войну также и со стороны британцев, а не наоборот, как могла бы подсказать формальная логика. Трудно утверждать, что, сражаясь с Германией, Великобритания преследовала собственные экспансионистские цели. Британская война была по существу оборонительной, войной за возврат к прежнему миропорядку. Ее цель состояла в восстановлении на европейском континенте системы отношений между государствами, которую опрокинула гитлеровская агрессия. Можно было бы добавить — не в точности тот же порядок, что существовал в 1937 г., поскольку при определенных условиях англичане были склонны к компромиссным решениям. Однако важным для Великобритании было уничтожение гегемонистского экспансионизма, угрожавшего безопасности самого Соединенного Королевства, и стремившегося к изменениям с помощью европоцентристской имперской системы, международных отношений в целом.

Сражаясь за польскую, а затем за французскую, бельгийскую и голландскую независимость, Великобритания защищала собственную будущую безопасность и существование собственной империи. В этом также не просматривались иные намерения, чем оборонительные, по крайней мере, до вступления в войну Италии. Похоже, что в июне 1940 г. британцы и французы намеревались расширить свои имперские владения за счет итальянцев, утвердив свое бесспорное господство в Средиземноморье. Однако речь идет о весьма маргинальном аспекте по сравнению с основными устремлениями, которые свидетельствуют о принципиально оборонительной направленности британской войны.

Конечно, защищать самую крупную империю, существовавшую тогда в мире, означало защищать привилегированное положение в отношении вызовов, исходивших не только от Германии, но также и от антиколониальных движений. Но именно для того, чтобы более эффективно контролировать эти движения, Великобритания в соответствии с традицией, имевшей, впрочем, вековые исторические корни, нуждалась в сокрушении германской мощи.

Тема представляется более сложной, если ее рассматривать с точки зрения Соединенных Штатов, — последних среди тех, кто был вовлечен в конфликт, но, конечно, не последних среди тех, кто принимал в нем участие в иных, чем прямые военные действия, формах. Для многих американцев европейская война являлась следствием беспорядка, который переживал Старый свет после Первой мировой войны и несостоявшейся реконструкции эффективной экономической системы после «великого кризиса». Неспособность в двадцатые годы рассматривать проблемы международных финансов как совокупность взаимозависимых феноменов привела к кризису и способствовала импортированию американского кризиса в Европу, из раздирающих противоречий которого европейцам не удалось найти совместного выхода. Основными направлениями европейского способа выхода из кризиса были: с экономической точки зрения — политика дефляции, с точки зрения торговли — протекционистская политика, социальной — сокращение реальной заработной платы и с политической — усиление национализма. Каждая европейская страна пережила «великую депрессию», замкнувшись в собственных интересах или обратившись к поиску ресурсов в традиционных двусторонних связях. Вероятно, только гитлеровская Германия подошла к решению темы оздоровления экономики с помощью политики принудительных инвестиций, то есть политики deficit spending, однако ориентированной преимущественно на престижные общественные работы, а также на ускоренное перевооружение. Все это могло положить конец безработице, но не вело к экономическому оздоровлению и могло лишь заложить основы экономики жесткого планирования в свете выдвигающихся военных целей.

Американцы в своем теоретическом анализе делали акцент именно на этой ограниченности, и еще до того, как Соединенные Штаты оказались вовлеченными в конфликт, более того, еще до самого начала войны они предлагали в качестве надежного средства от вырождения, связанного с протекционизмом, свой рецепт, состоявший в развитии внутреннего производства и в социальных реформах (*New Deal*), а в международном плане —

в настойчивом утверждении принципа «открытых дверей» (столь значимого в течение всего периода напряженного дипломатического столкновения с японцами). Легко заметить, что это «средство» являлось функциональным по отношению к потребностям американской экономики периода после рецессии и к целям трудного процесса реконструкции. Однако это функциональное соответствие не быть связано с характером, который постепенно принимала международная деятельность Соединенных Штатов в отношении событий войны.

Одобрение закона о ленд-лизе в марте 1941 г., и в еще большей степени, совместное с Великобританией решение об опубликовании в августе Атлантической хартии являлись также и показателями американских представлений о международном экономическом порядке и мировом порядке *tout court*. Четвертый и пятый пункты Атлантической хартии, утверждавшие принцип свободы международной торговли и цель «обеспечить для всех более высокий уровень жизни, экономическое развитие и социальную защиту», с осторожностью трактовались англичанами, которые подчеркивали ограниченный характер применения статьи, игнорировавшей существующие соглашения (то есть систему имперских льгот, установленную конференцией в Оттаве в 1932 г.), но однозначно одобрялись американцами (и теми англичанами, кто в меньшей степени был заангажирован с точки зрения защиты официальных позиций). Когда документ был опубликован, заместитель госсекретаря Самнер Уэллес утверждал: «Эпоха империализма закончилась. Следует признать право всех народов на свободу... Следует обеспечить всему миру пользование принципами Атлантической хартии — на всех океанах и всех континентах». А позднее добавил: «Атлантическая декларация означает, что каждая нация имеет право надеяться, что ее законное право на торговлю не будет нарушено и ущемлено препятствиями в виде пошлин, таможенных льгот, дискриминационных мер или негибких двусторонних отношений». Во время серьезного обсуждения значения принципов, определенных вместе с американцами, самые влиятельные британские комментаторы отдавали себе отчет в том, что хрупкие барьеры имперской преференциальной системы также будут опрокинуты строгим применением новых концепций. «Действительно, — комментировала *«Financial Times»*, — все это регулируется определяющим положением об «уважении существующих обязательств». Однако, несомненно, подразумевается, что когда эти соглашения войдут в противоречие с духом нового англо-американского соглашения, то они будут изменены как можно быстрее».

Иначе говоря, тот способ, каким Соединенные Штаты готовились встретить военную опасность, очевидным образом определялся доминирующей концепцией мирового порядка, выдвигавшей проблемы не только перед противниками в войне, но и перед союзниками. Напряженная обстановка, сопутствовавшая подготовке соглашения по закону о ленд-лизе применительно к Британии, выявила потенциальную антиномию, с той оговоркой, однако, что американские тезисы были сформулированы как манифест, как главенствующий принцип.

Таким образом, становится понятно, что Соединенные Штаты вели напряженную дипломатическую дуэль с Японией по вопросу о политике «открытых дверей» в Китае и в Восточной Азии, исходя из своей общей концепции международного порядка и своего понимания правил, которые лучше всего могли обеспечить интересы развития возрождающейся американской экономики. Японская закрытость делала компромисс невозможным и придавала вступлению Соединенных Штатов в войну (в том числе и благодаря тому, что японцы определяли свои цели преимущественно в соответствии с территориальными и военными критериями) характер борьбы за утверждение всеобщих принципов. Американская оборонительная война не имела видимых целей. Соединенные Штаты не стремились к завоеваниям или к защите определенных территорий. Они стремились к утверждению более открытых и более выгодных принципов в рамках хорошо функционирующей и всеобщей системы рыночной экономики. Рузвельт не предлагал, как это делал Вильсон, больших идеологических, чисто американских манифестов. Некоторое время спустя благодаря Декларации Объединенных Наций будет достигнут политический компромисс. Придание войне характера борьбы за демократию и свободу значительно обогатит мотивации американского участия в войне. Речь шла не о поиске осязуемых результатов, а о стремлении к международному порядку, то есть о борьбе за утверждение неосязаемой цели, но такой, которая сместит в сторону Соединенных Штатов точку опоры экономической, финансовой и политической мировой системы.

Если сопоставить цели войны Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза, то становится очевидным, что с самого начала внутри союза существовали глубочайшие различия в устремлениях. Насколько общими и оборонительными были цели Британии, общими и неосязаемыми цели Америки, настолько определенными, осязуемыми и точными были цели Советов. До 1938 г. Советский Союз подвергался давлению Запада и Германии. До 1938 г. все более утонченные и все более угрожающие

варианты политики «санитарного кордона» угрожали Советскому Союзу в непосредственной близости. В августе 1939 г. Сталин решил бесцеремонно «перевернуть» ситуацию и воспользоваться случаем, который представился ему с изоляцией Гитлера, для создания «санитарного кордона» наоборот, то есть в интересах защиты Советского Союза, а не Запада от коммунистической опасности.

В данной связи не так важно возвращение к вопросу об историко-географической основательности сталинской и советской аргументации в целом. Важно только, пожалуй, отметить то существенное обстоятельство, что в период с 1939 по июнь 1941 г., благодаря более или менее охотному сотрудничеству Германии, СССР удалось включить в свою сферу влияния территории, простиравшиеся от Балтийского до Черного моря, вернув то, что было отнято у царской России после 1917 г., а, возможно, и несколько больше. Гитлеровская агрессия июня 1941 г. и оборона Советского Союза, оборона в одиночестве против нацизма в течение длительного периода времени легитимизировали планы сохранения также и того, что было завоевано начиная с сентября 1939 г., и возможного расширения сферы завоеванного — в Европе и на Ближнем Востоке, в направлении Ирана и Турции, в Черном море. Цели войны, которые преследовал Сталин, проявлялись здесь особенно конкретно и основывались, следовательно, на уничтожении Германии в качестве державы-гегемона в Европе и на создании системы, базирующейся на соотношении сил, которое навсегда устранило бы опасность агрессии со стороны антикоммунистических и антисоветских сил. Это была «державная политика», выстраиваемая по традиционным схемам и поддерживаемая за пределами Советского Союза широкой сетью политических сил, связанных непосредственным образом и в значительной мере вдохновляемых советским примером и уроками. Первая цель приведет к рождению новой, опасной и гораздо более внутренней, гегемонистской силы. Вторая — придаст новой советской перспективе (учитывая, что СССР выиграл войну с Германией) континентальный масштаб. Проблема же изменения международного экономического порядка не стояла перед советскими руководителями никоим образом.

6.5.2. ДЕКЛАРАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Этого сопоставления устремлений достаточно для того, чтобы выявить трудности задач, которые должен был поставить перед собой новый союз. Сразу вести дискуссии об общих целях войны означало обсуждать будущее Польши и других европейских тер-

риторий, поглощенных Советским Союзом. А это привело бы к взрыву очевидных внутренних противоречий. Решение заключалось, следовательно, в принятии двусмысленных формулировок, пригодных для любой интерпретации, и в недомолвках и сдержанности, позволявших отложить до менее критических моментов дискуссию о разногласиях и, если возможно, поиски их преодоления. Выиграть войну с державами «оси» и Японией было главным императивом, которому были подчинены все другие проблемы. Тем временем шел поиск компромиссных решений или расширительных формулировок. Первым шагом на этом пути стало подписание 1 января 1942 г. Декларации Объединенных Наций. Документ, развивая концепции Атлантической хартии, подтверждал убежденность в том, что

«полная победа [Объединенных Наций] над их врагами необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости как в их собственных странах, так и в других странах»

и продолжал:

«1) Каждое правительство обязуется употребить все свои ресурсы, военные или экономические, против тех членов Тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми это правительство находится в состоянии войны.

2) Каждое правительство обязуется сотрудничать с другими правительствами, подписавшими сие [декларацию], и не заключать сепаратного перемирия или мира с врагами».

Декларация была подготовлена в ходе долгого совещания Черчилля и Рузвельта под кодовым названием «Аркадия» и немедленно подписана рядом стран, среди которых первыми по значимости были Советский Союз и Китай. Декларация объявлялась открытой для присоединения к ней «соответствующих органов власти, не имеющих статуса правительства», тем самым открывая путь для участия в ней движения «Свободная Франция». Действительно, именно в эти дни неожиданно приобрела остроту тема отношений между генералом де Голлем и союзниками.

Во время конференции «Аркадия» (см. ниже) военно-морские силы, верные де Голлю, высадились на островах Сен-Пьер и Микелон, являвшихся французскими колониями, расположенными поблизости от Ньюфаундленда и оказавшихся под властью правительства Виши, с которым Соединенные Штаты поддерживали регулярные дипломатические отношения. Высадка войск была удачной, и в ходе референдума население с энтузиазмом проголосовало за присоединение к «Свободной Франции». Однако этот эпизод нарушал планы Рузвельта, а также Корделла Хэлла, под-

держивавших отношения с Виши, поскольку дипломатические контакты с ним, пусть и двусмысленные, были важны для дальнейшего развития событий в Северной Африке. В этой ситуации, несмотря на горячую поддержку Черчилля, в конце декабря Корделл Хэлл заявил о своем осуждении деятельности «так называемых свободных французов» и после речи Черчилля посоветовал президенту исключить голлистские силы из американских планов, касающихся Северной Африки (будущая операция «Торч»). Водораздел между Соединенными Штатами и «Свободной Францией», до того едва проявлявшийся и почти невидимый, стал очевиден. С тех пор в течение всей своей политической жизни де Голль ощущал на себе бремя этого положения изгнанника, в котором проявлялась недооценка американцами роли «Свободной Франции», в частности, и Франции, в целом.

Подписание Советским Союзом Декларации Объединенных Наций, которая очевидным образом основывалась на принципах Атлантической хартии, являлось одним из способов, позволявшим оставить открытыми политические проблемы внутри союза. СССР сразу же оказывался в равном положении с крупными западными державами, но при этом спорные проблемы маскировались за жесткими по видимости, а по существу гибкими формулировками. В действительности, решение проблемы наполнения соглашений общего характера и военных обязательств более конкретным содержанием окажется гораздо более трудным и фактически займет все годы войны, вплоть до того момента, когда совещания глав государств и правительств трех крупнейших союзных держав не найдут менее случайные компромиссные формулировки, менее обусловленные ходом военных действий.

Первая попытка в этом направлении была предпринята в тот самый момент, когда Соединенные Штаты вступили в войну. Британский министр иностранных дел Иден отправился в свой первый визит в Москву 7 декабря 1941 г., именно в день нападения на Пёрл-Харбор, что придавало его визиту гораздо большее, по сравнению с первоначальными планами, значение¹. Его целью было дополнить соглашение, подписанное Криппсом и Молотовым в июле прошлого года, добавив к нему необходимые политические положения, не формулируя, однако, предложения, касающиеся оказания немедленной военной помощи. Правда, была прозондирована возможность послать несколько эскадрилий английских бомбардировщиков с военных баз на Ближнем Востоке на совет-

¹ Автор допускает неточность. В действительности А. Иден отправился в Москву на борту крейсера «Кент» 8 декабря 1941 г. и прибыл в советскую столицу 15 декабря. — *Прим. редакции.*

ский южный фронт, однако японское нападение вынудило британский генеральный штаб оставить свои «благие намерения».

В Москве Иден сформулировал достаточно четкие требования. Советы справедливо заявляли претензии на полное согласование последующих военных операций союзников и на соответствующие действия, однако Сталин не настаивал на требовании оказать немедленную помощь, поскольку на это ему могли ответить, что лучшим способом объединить усилия было бы объявление Советским Союзом войны Японии. С другой стороны, именно в эти дни немецкое наступление выдохлось, и Сталин верил в успех контрнаступления, которое советские войска начинали развертывать. Иными словами, советский диктатор надеялся, что самый трудный момент уже прошел. Вероятно, в 1942 г. будут другие трудности, однако тем временем русский фронт будет «заморожен» в ожидании возможных политических решений, из которых нельзя было исключить даже компромиссный мир с Германией. Сталин не считал, что решимость Гитлера разрушить советскую систему стала бесповоротной и, вероятно, полагал (насколько позволяют сделать вывод имеющиеся в нашем распоряжении документы), что еще была возможность вернуться к отношениям, аналогичным, если не идентичным тем, что существовали до июня 1941 г. Поэтому он думал о проблемах мира, трактуя их в связи со стремлением Советского Союза сохранить максимум из завоеваний, совершенных после 1939 г., вне зависимости от политического исхода конфликта. Звучание военных проблем было, таким образом, приглушено, и Сталин, действуя с августа 1939 г. с идеальной последовательностью, недвусмысленно заявил Идену, что представляет себе новый европейский порядок с признанием границ СССР, существовавших до немецкого нападения. Взамен он обещал поддержать британские требования получить военные базы на атлантическом побережье Западной Европы, от Франции до Норвегии. Без соблюдения этих условий, заявил он, Советский Союз не подпишет никакого договора о союзе.

Иден знал, что в конце победоносной войны Советский Союз должен получить ощутимое вознаграждение, в том числе и за счет Польши. Это подразумевалось в любой компромиссной формулировке, вырабатываемой в Лондоне — как применительно к Гитлеру до 1941 г., так и применительно к Сталину после 1941 г.: гарантировать польскую независимость не означало также механически гарантировать территориальную целостность Польши, какой она была в 1939 г. Однако обстоятельства визита в Москву были таковы, что препятствовали заключению любого подобного соглашения, поскольку намерения американцев были неизвестны,

а способность Советов выиграть войну пока еще вызывала сильные сомнения. С политической точки зрения, поездка Идена завершилась фактически ничем. Более того, через несколько дней после отъезда английского министра из Москвы Сталин опубликовал 23 февраля приказ о праздновании дня Красной армии, в котором употребил гораздо менее двусмысленные выражения.

«Иногда болтают в иностранной печати, — заявил Сталин, — что Красная армия имеет своей целью истребить немецкий народ и уничтожить германское государство. Это, конечно, глупая брехня... У Красной армии нет и не может быть таких идиотских целей. Красная армия имеет своей целью изгнать немецких оккупантов из нашей страны и освободить советскую землю от немецко-фашистских захватчиков. Очень вероятно, что война за освобождение советской земли приведет к изгнанию или уничтожению клики Гитлера. Мы приветствовали бы подобный исход. Но было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается».

Эти слова показывают, каким образом Сталин рассматривал в то время проблему Германии, и что в его сознании германский вопрос совершенно очевидно сохранял центральное место и для послевоенного периода. В тот момент Сталин, к тому же, был расположен к ведению переговоров с немцами, считая «вероятным», если не гарантированным падение Гитлера. Только после того, как стратегические решения англичан и американцев стали очевидными, и после того, как немецкое наступление на советской территории в мае 1942 г. выявило реальные намерения Гитлера, созрели условия для того, чтобы этих недомолвок стало меньше и чтобы они почти полностью разъяснились. Однако совсем они не исчезали никогда.

6.5.3. КОНФЕРЕНЦИЯ «АРКАДИЯ»

В связи с вступлением в войну Соединенных Штатов второй большой проблемой стала неясность англо-американской военной стратегии. В конце декабря 1941 г. — начале января 1942 г. она была определена более четко, хотя и не совсем однозначно. Центральной оставалась проблема приоритета войны на Тихом океане или войны в Атлантике в соответствии с теми ориентациями, которые были намечены в начале 1941 г. во время секретных переговоров в Вашингтоне между штабами вооруженных сил Англии и США. Фронт в Северной Африке был мало связан с осталь-

ными театрами и приобретал значимость только при условии, что операция в Африке могла бы стать отправной точкой для активных действий на Ближнем Востоке и на Балканском полуострове. Эту установку подтвердили Рузвельт и Черчилль на конференции с условным названием «Аркадия», которая проходила в Вашингтоне с 22 декабря 1941 г. по 14 января 1942 г. и была посвящена анализу новых проблем, возникших вследствие разрастания войны и необходимости более эффективно сражаться с Германией.

Сталин в первом же послании Черчиллю ставил вопрос об открытии «второго фронта», т.е. указывал на необходимость вести наступление на Германию не только на восточном направлении, а вынудить ее разделить свои ресурсы и вести две параллельные войны. Это позволило бы Советам сократить потери, повысить свою боеспособность и, затем, перейти в контрнаступление. До декабря 1941 г. постановка данного вопроса, учитывая положение Англии, была нереалистичной, но вступление в войну Соединенных Штатов меняло ситуацию, и проблема второго фронта сразу приобретала конкретные очертания. Необходимо было открыть второй фронт против Германии, но где, когда и как? Можно сказать, что в военном отношении это была главная проблема войны в Европе, а в политическом — этот важный вопрос оказывал влияние на методы ведения войны и на послевоенное мирное устройство.

Конференцию «Аркадия» планировалось провести сразу же после нападения Японии и она была подготовлена в кратчайшие сроки. У Черчилля в эти дни появилась возможность укрепить личные дружеские отношения с Рузвельтом, что в дальнейшем облегчило их совместную работу, помогло преодолеть разделявшие их противоречия, связанные с двумя разными концепциями войны. Рузвельт был значительной личностью, он исповедовал великие гуманистические идеалы и создавал глобальные проекты. Он был абсолютно убежден, что война определила для Соединенных Штатов роль мирового лидера, но ему также было присуще чувство реальности, врожденного прагматизма, и это позволяло ему обходить подводные рифы догматизма, свойственного Вильсону, и разработать «великие стратегические проекты», основанные на слиянии реалистического подхода и стремления к идеалу.

Черчилль был символом британской стойкости и воли к борьбе во имя спасения величия империи. Этот опытный политик прошел через этапы неприятия фашизма и концепцию «умиротворения». Его сделали премьер-министром Великобритании, потому что считали твердым и решительным человеком, который доведет до конца борьбу с нацистской Германией. В то же самое время его реализм помог ему увидеть и понять, что Соединенным

Штатам и Советскому Союзу принадлежит роль первых действующих субъектов в войне и позже на мировой арене, а, следовательно, Великобритании необходимо было пересмотреть свои цели и ожидания. Но в тот исторический момент он представлял свободную Европу, потому что большая часть правительств, которых нацисты вынудили бежать из своих стран, были воссозданы в Лондоне, где они продолжали на законном основании свою международную деятельность.

Конференция в Вашингтоне подтвердила приоритет борьбы с Германией и необходимость концентрации военных усилий на этом направлении, и союзники обязались начать контрнаступление против Японии только после поражения Германии. Это решение было важной основой для любого будущего соглашения о сотрудничестве с Советским Союзом. После визита Идена Сталину были отправлены сообщения, полные неуверенности и колебаний, но одно не вызывало сомнений у руководителей Англии и США — необходимость бороться с общим врагом до победного конца. С другой стороны, только критическое переосмысление сделанного выбора, чего никогда не было, могло бы изменить подобную ориентацию.

Как только возникала потребность обсудить конкретные способы реализации имевшихся замыслов, сразу же вставали и затруднения. Черчилль представил на конференции «Аркадия» совершенно определенный проект: в целях постепенного окружения Германии провести стратегическую операцию, которая предусматривала бы захват всего североафриканского побережья (включая и ту часть, что находилась под контролем Виши) и наступление повсюду, где только было возможно — от Норвегии до Франции и Италии — с тем, чтобы вызвать восстание антинацистских сил, не вступая непосредственно в столкновение с огромным германским вермахтом.

Но эти британские предложения не стали предметом широкого обсуждения вследствие возражений генерала Маршалла, начальника генерального штаба армии США, опасавшегося контрудара Германии через Испанию. В результате не было принято никакого конкретного решения, за исключением постановления о создании военно-координационного органа (Объединенного комитета начальников штабов), в компетенцию которого входила выработка стратегии и совместное руководство операциями вооруженных сил США и Англии.

В последующие после «Аркадии» недели американцы тщательно изучали поставленные проблемы, а генералу Дуайту Д. Эйзенхауэру было поручено проанализировать различные варианты

стратегических решений. Если никто не отверг британский план, то это не означает, что он был принят. В результате американских военных разработок родился совершенно иной проект. Было признано, что нанести наиболее эффективный удар по Германии и одновременно освободить Атлантику от угрозы германских подводных лодок целесообразнее всего из наиболее близкой точки, т.е. из Англии, которая должна была стать своего рода «громдным авианосцем», удобным для начала массированного наступления против германской армии во Франции и дальнейшего продвижения непосредственно к Рейну.

Проведение этой операции, получившей кодовое название «Раундап», а затем новое условное обозначение «Операция Оверлорд», планировалось на апрель 1943 г. Рузвельт считал этот проект как в военном, так и в политическом отношении более эффективным, чем предложенный Черчиллем. В начале апреля 1942 г. он стал убежденным его сторонником, но с тех пор и в течение всего 1943 г. шли споры, в значительной мере искусственные, об эффективности британского и американского планов. Развитие событий и американское превосходство привели к тому, что выбор был сделан в пользу замысла Рузвельта.

Однако американская стратегия зависела от реакции внутри страны на вступление США в войну. Американские военные круги (отражавшие общественное мнение) были против инициатив, которые подвергали бы опасности жизнь большого числа солдат, и при разработке планов военных операций они уделяли большое внимание возможности сокращения человеческих потерь и тому, чтобы все союзники выполняли свои обязательства. Это подчеркивало и подчеркивает масштабы вклада и жертв, которые требовались от Советского Союза (и вынуждали Рузвельта откладывать любые обсуждения будущего мирного урегулирования в Европе, чтобы не подорвать военных усилий Советов, а также создавало ограничения для развития отношений с Англией).

Британцы считали, что необходимо выработать такую стратегию, которая позволила бы быстро завершить конфликт в Европе, а затем перебросить американские вооруженные силы в Тихоокеанский регион (именно там большая часть американского общественного мнения видела зону наибольшего риска). Они критически оценивали эффективность стратегии, предложенной США, так как сомневались в способности американцев воспользоваться возможностями, открывавшимися в ходе военных операций.

Это привело к непониманию и даже к соперничеству между двумя союзниками, что породило немало недоразумений. Одно из таких недоразумений имело большое значение в плане между-

народных отношений. В середине апреля Рузвельт, будучи уверенным в одобрении англичан, направил срочное сообщение Сталину, в котором просил его послать в Вашингтон советского министра иностранных дел Молотова и военного представителя, для «обсуждения весьма важного военного предложения, связанного с использованием [англо-американских] вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на [советском] западном фронте». Своим приглашением Рузвельт форсировал ситуацию, потому что готовился обсуждать с Молотовым вопрос о втором фронте, не обсудив его с Черчиллем. Ответ Сталина был незамедлительным. Молотов должен был прибыть в середине мая в Соединенные Штаты и по пути остановиться в Лондоне.

В это время Советы отказались от двусмысленного характера оценок. С наступлением весны пробудился воинственный дух немцев, и Сталин увидел, что различия, которое он делал между нацистскими главарями и Германией не существует. В речи, произнесенной на традиционном праздновании 1 мая 1942 г., он четко указал, что разбить Гитлера стало «необходимо» и все силы Советов должны быть направлены на достижение этой цели. Началась усиленная пропаганда среди советских людей борьбы с нацизмом и самой Германией, которая стала, наконец, настоящим врагом Советского Союза. Всякое различие было отброшено, и все немцы были заклеены как ненавистные враги.

6.5.4. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ПРОБЛЕМА ВТОРОГО ФРОНТА

Визит Молотова в Лондон и Вашингтон, первый визит главы советского дипломатического ведомства в союзные страны, проходил в обстановке совершенно отличной от той, в которой проходила поездка Идена в Москву. Центральным стал вопрос об открытии второго фронта. Черчилль представил вопрос открыто, продемонстрировал заинтересованность и обязательность, но вместе с тем не давал поспешных обещаний. Вновь обретенное доверие сделало возможным подписание союзного договора, по поводу которого вел переговоры Иден, хотя стороны ограничились статьями общего характера, не содержащими и намека на требования Советов признать границы 1941 г. (впрочем, правительство Лондона уже тогда было готово признать советскую власть в странах Балтии).

Стороны также подтвердили обязательство вести совместную борьбу и не заключать сепаратный мир. В других статьях говори-

лось о том, что союз заключается на двадцать лет, о взаимопомощи в случае новой войны с Германией, об обязательстве не вмешиваться во внутренние дела третьих стран и не участвовать в коалициях или договорах, направленных против одной из договаривающихся сторон. Речь шла об обязательствах общего характера, непременно включавшихся в подобные договоры, они не решали ни одну из задач того времени, но они придавали правовую форму тому, что уже существовало в действительности.

В Вашингтоне, куда Молотов прибыл 29 мая, переговоры носили более конкретный характер. Анализ реальных проблем сочетался с обсуждением программы военной помощи Советскому Союзу, и Молотов представил картину тяжелого военного положения своей страны. Кульминацией встречи стал тот момент, когда Рузвельт в соответствии с необходимостью как можно быстрее завершить европейскую «партию» поручил Молотову «сообщить Сталину, что американцы надеются на открытие второго фронта в 1942 г.» с высадкой десанта на континенте через Ла-Манш.

Хотя позже неоднократно обсуждалось реальное значение данного обещания, вряд ли стоит сомневаться, что Рузвельт имел в виду мощный десант и выдвинул это предложение, чтобы выразить свою солидарность и упрочить дружеские отношения со Сталиным, в то же самое время подтолкнуть Черчилля к таким действиям, которые он еще не был готов одобрить. На обратном пути Молотов снова остановился в Лондоне, и слова, с которыми к нему обратился Черчилль, были гораздо более осторожными: для высадки десанта на континент до конца 1942 г. будет сделано все возможное, но нельзя дать определенных обещаний.

6.5.5. АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ДИСКУССИЯ О ВЫБОРЕ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ

Черчилль понимал, что Рузвельт в определенном смысле вышел за пределы достигнутых договоренностей, и поспешил лично прибыть в Вашингтон, чтобы прояснить ситуацию. Переговоры прошли с 18 по 26 июня, а обсуждение стратегии продолжалось и после отъезда премьер-министра. Впервые напрямую обсуждался очень сложный вопрос, поднятый Рузвельтом еще в октябре 1941 г.: проект исследований, направленных на создание атомной бомбы, над которым ученые обеих стран (как и ученые Германии) работали с 1939 г.

Переговоры совпали с самым тяжелым моментом в истории взаимоотношений союзников за время войны: наступление Роммеля в Египте, сдача крепости Тобрук и возобновление наступления

Германии на советской территории. В дискуссии о месте открытия второго фронта вклинились важные события на театре военных действий. Тем не менее, Черчилль добился кое-каких результатов, в частности, возобновления дискуссии о месте и времени наступательных операций. Высадка десанта должна произойти там, где будет наиболее удобно в зависимости от военной ситуации. Союзники, казалось, отказались от замысла неожиданного и крепкого удара (в течение некоторого времени обсуждалась операция «Следжхэммер»¹, которую должны были осуществить, в основном, английские войска), после визита Черчилля в Вашингтон возродилась идея высадки десанта в Северной Африке.

Это были решающие недели для определения военной стратегии союзников. Англичане доказывали, что открытие второго фронта через Ла-Манш невозможно до осени 1943 г. или даже до 1944 г., они со всей определенностью заявили, что чрезвычайная операция, типа «Следжхэммер», закончится бесполезным кровопролитием. Сомнения американцев были преодолены Рузвельтом, который понял, что в 1942 г. в военном и политическом отношении наступательная операция стала необходимой, но высадка десанта во Франции или же переброска войск в Тихоокеанский регион были невозможны, а потому фактически согласился на вариант, предложенный Англией.

15 июля 1942 г. приобрела реальные очертания идея операции «Торч». Она обсуждалась Гарри Гопкинсом, генералом Маршаллом и адмиралом Кингом в Лондоне на переговорах с английским военным руководством. Участники переговоров, выбирая между военной акцией на Ближнем Востоке и высадкой в Марокко и Алжире, предпочли десант в Северной Африке как менее опасный. 14 августа генерал Эйзенхауэр был назначен верховным командующим союзными войсками, участвовавшими в операциях в Северной Африке.

Основная тяжесть операции легла, в первую очередь, на американцев, а англичане должны были оказать военно-морскую поддержку и предоставить суда для высадки в Оране и Алжире. Десант должен был быть подкреплён контрнаступлением английской армии в Египте. Планировалось окружить Роммеля с двух фронтов. Военно-политической загадкой было отношение французов, преданных Виши, и испанцев. Эта операция в политическом плане находилась в тесной связи с отказом союзников открыть второй фронт в Европе в 1942 г. и реакцией Сталина на это решение.

¹ Операция «Следжхэммер» предусматривала высадку союзников в Шербуре, на полуострове Котантен, вдающемся в пролив Ла-Манш. — *Прим. редакции.*

Относительно этого вопроса необходимо сделать несколько замечаний. Возможно, в психологическом отношении обещание второго фронта, поспешно сделанное Рузвельтом, дало Советам реальный аргумент для последующих обвинений союзников в задержке выполнения своих обязательств и в неравном разделении военного бремени. Этот вопрос следует очистить от наслоений времени, образовавшихся в ходе историографических дискуссий и политической полемики в послевоенные годы, в особенности, в период холодной войны. Совершенно верно, что любое военное решение обычно продиктовано более общей политической линией, но внесенные коррективы не должны быть плодом фантазии, они могут быть сделаны только в соответствии с общей картиной событий и характером принятых решений.

Замысел Черчилля провести вначале операции в Средиземноморье, а затем высадку десанта во Франции, часто рассматривался как следствие его стремления предотвратить чрезмерное расширение советского влияния на Ближнем Востоке, в Восточном Средиземноморье и на Балканском полуострове. Но если внимательно проследить хронологию событий, то станет ясно, что британский план родился еще в начале 1942 г., когда наибольшее беспокойство было вызвано тем, сможет ли Советский Союз продолжать сражаться с германскими войсками под Москвой, в Крыму и на Кавказе. Мысль о том, что Красная армия сможет окрепнуть и пройти триумфальным маршем через Европу и Балканы, казалась тогда утопичной или из разряда слишком оптимистических ожиданий. Основную угрозу Балканам и Средиземноморью в тот момент представляла Германия, а потому антисоветский аспект британского плана следует рассматривать как несущественный.

После 1941 г. в войне наступил этап, в отношении которого критика двух важных стратегических решений (задержки открытия второго фронта и выбора театра военных действий) совмещается, подчеркивая тем самым внутренние противоречия в намерениях американского правительства. Некоторые американские политики (среди них и будущий президент Трумэн) сразу же высказали пожелание, чтобы нацисты и коммунисты взаимно обескровили друг друга, что помогло бы спасти мир от обеих опасностей, а потому американцы должны включиться в военные действия только в наиболее подходящий момент. Эти суждения могут послужить поводом для пропагандистских оценок задержки открытия второго фронта. Однако при этом не учитывается тот факт, что в начале 1942 г. у американцев не было настоящих военных сил, а потому обещание использовать их в войне было либо уловкой, нацеленной на то, чтобы ободрить союзника в тя-

желый для него момент борьбы, либо грубой ошибкой в оценке собственных возможностей.

В 1942 г. второй фронт в Европе не мог быть открыт, разве только на второстепенном театре военных операций и при благоприятных обстоятельствах, например, участии Франции. Ситуация стала меняться только с конца 1942 г. и, по крайней мере, до середины 1943 г. еще не было ясно, что упорное сопротивление, а затем победа советских войск под Сталинградом откроют Советскому Союзу путь в Центральную и Дунайско-Балканскую Европу. Эта проблема приобрела реальные очертания только в конце 1943–1944 гг., когда было принято решение об операции «Оверлорд». С этого времени англичане продолжали утверждать, с более или менее выраженным антисоветизмом, что необходимо выступить на Балканах, которые Черчилль называл «мягким подбрюшьем Европы». Англичане продолжали доказывать, что не следует пренебрегать возможностями, которые предоставляли военные действия в Средиземноморье и, в частности, действия в Италии.

Майкл Говард, историк Великобритании, утверждает, что единственным периодом противоречий между стратегией США и Англии было время операции «Диадема» (продвижение союзников на север Италии после взятия Кассино и освобождения Рима), когда, казалось, вырисовывалась возможность развить в стратегическом плане успешные действия в Италии. По мнению Говарда, только относительно этого периода можно объективно говорить о средиземноморской стратегии. Только тогда выявились значительные противоречия между Англией и США, поскольку англичане вместо того, чтобы решительно продвигаться к Паданской равнине, должны были перебросить шесть своих дивизий для участия в операции «Энвил» (т.е. в высадке на юге Франции).

Но в этих стратегических планах не было антисоветских намерений в силу последовательности британской политики по отношению к Европе. Приблизительно до середины 1943 г. Форин Оффис считал, что возможны совместные действия Советов и западных держав в Европе, и даже обдумывал возможность общего военно-командного органа для оккупационных войск в странах, которые будут постепенно освобождены от нацизма. Тем не менее, когда наступавшие советские войска подошли к границам Польши, позиция Англии стала меняться в сторону традиционной довоенной ориентации — относительного равнодушия к событиям в Центральной и Дунайско-Балканской Европе, в регионах, которые Великобритания полагала для себя отдаленными.

Англичане считали, что у них есть несколько основных целей в этой зоне. Во-первых, охрана торговых путей, ведущих на

Ближний Восток, и соблюдение режима судоходства в проливах; во-вторых, сохранение в Греции политического режима, тесно связанного с Великобританией; в-третьих, политический режим в Югославии и Венгрии не должен был быть враждебным в отношении Великобритании, но, конечно, приемлемым для Советов. Лондон полагал, что Болгария и Румыния неизбежно попадут под влияние Советского Союза. Польша и Чехословакия станут жизненно важной частью будущей системы советской безопасности в Европе при условии, что такая система будет основана на жестких и заслуживающих доверия коллективных гарантиях.

Из выше сказанного следует, что у англичан не было «политических» причин, которые вынуждали бы их выбирать такую «военную» стратегию, которая противоречила бы общей стратегии союзников. Идея операции на Балканах осталась в умах начальников генеральных штабов и замышлялась ими как поддержка советских операций (стоит напомнить, что Сталин продолжал до осени 1944 г. настаивать на том, чтобы войска союзников двигались бы из Италии к Словении, чтобы помочь преодолеть сопротивление Германии). Только в историографии операция рассматривалась как эффективная альтернативная стратегия. Союзники не смогли бы противодействовать советскому влиянию на Балканах и опередить продвижение советских войск в регионе, не располагая достаточными силами на этом театре военных действий. Более того, они сократили до необходимого минимума боевые формирования в Италии, чтобы сконцентрировать все военные ресурсы для вторжения в Нормандию. Это позволяет утверждать, что, несмотря на несомненный антикоммунизм Черчилля, у английского премьер-министра было достаточно реализма, чтобы не выдвигать альтернативных стратегических проектов, нежелательных для союзников, а потому и не состоявшихся. Операция «Торч» в Средиземноморье, которая была отклонением от планов высадки во Франции, стала первым этапом военных действий союзников. Она решала сразу две проблемы, связанные с необходимостью начать в 1942 г. намеченные операции: выполнить, по крайней мере частично, взятые обязательства и реализовать их в том регионе, где можно было бы добиться заметных результатов, оправдать переброску в Африку определенного контингента войск, готовившихся к высадке во Францию.

6.5.6. ОПЕРАЦИЯ «ТОРЧ»

Уинстон Черчилль в труде «Вторая мировая война» ярко рассказал о своем первом приезде в Москву для встречи со Сталиным, чтобы сообщить ему, что в 1942 г. англо-американские войска

начнут операции не в Европе, а только в Африке. Черчилль прибыл в Москву 12 августа 1942 г. и провел в советской столице пять дней, за это время он смог наблюдать все тонкости дипломатического метода Сталина. Во время первой встречи двух государственных деятелей, которые никогда раньше не виделись, британский премьер-министр сообщил Сталину, что операция «Следжхэммер» не состоится и что по Германии будет нанесен косвенный удар в Африке (вместо высадки в Европу).

Сталин сразу понял положительные и отрицательные моменты этой операции. Роммель получит удар в спину; Испания будет поставлена в затруднительное положение; немцы, возможно, оккупируют вишистскую Францию, что приведет к активизации сил Сопротивления; Италия, наконец, окажется непосредственно включенной в войну — таковы были преимущества. Опасность заключалась в слабом контроле над Гибралтаром и в том, что вишистская Франция может оказать сопротивление в Африке.

Это был первый и спокойный обмен мнениями, затем последовали закрытые переговоры, во время которых советский диктатор много и с упреком говорил об абсолютной необходимости высадки во Франции. Атмосфера на переговорах становилась временами ледяной, временами бурной, со взрывами взаимного негодования и обвинениями в трусости и двуличии (необходимо принять во внимание, что именно в эти дни Сталин был доведен до крайности трагическими сообщениями из Сталинграда). И только в последний день и, в особенности, во время застолья, проходившего ночью 16 августа, оба деятеля смогли добиться взаимопонимания. Им представилась возможность сопоставить свои человеческие качества и политические способности. Они, возможно, поняли, что у них много общих склонностей к прагматизму и макиавеллизму. В момент расставания Черчилль был уверен, что сумел убедить Сталина в преимуществах операции «Торч».

Сталина не убеждали аргументы, высказываемые ему другими, но он учитывал объективные факты, стремясь извлечь из них выгоду. Несомненно, что в тот момент операция «Торч» представляла ему огромные преимущества, поскольку придавала дополнительный стимул борьбе за Сталинград и угрожала стратегии Германии на Ближнем Востоке. Единственный пункт, которым Сталин был удовлетворен лишь частично, касался обещания, что британские войска нанесут удар ограниченными силами по французскому побережью через Ла-Манш. Обещание сохранилось, но, как это ни парадоксально, вылилось в новое подтверждение необходимости длительной подготовки.

19 августа немногим более 6 тыс. человек — преимущественно канадцы и англичане — высадились на побережье Франции в Дьеппе, захватили его и удерживали в течение шести часов. Операция удалась лишь частично ценой огромных потерь: авиация за несколько часов потеряла 106 самолетов; приблизительно три четверти участников десанта погибли, были ранены или пропали без вести; многие попали в плен. Хотя Черчилль утверждал, что рейд означал военный успех, в действительности он показал реальные трудности высадки во Франции. До операции «Торч» было далеко, а попытка захвата Дьеппа оказалась очень красноречивой.

Поведение французских властей в Африке, о котором не было ничего известно, имело двоякое значение, потому что оно показало бы насколько сильна власть правительства Виши, а также пределы и степень влияния различных руководителей французского Сопротивления. Эта неизвестность ставила в тяжелое положение американцев, потому что правительство США поддерживало постоянные дипломатические отношения с правительством маршала Петэна и должно было (или хотело) вести военные действия с молчаливого или явного согласия главы французского государства, что, ввиду зависимости режима Виши от Германии, выглядело довольно наивно.

Французские власти в Северной Африке почти все заявили о своей преданности режиму Виши, за исключением группы офицеров во главе с генералом Шарлем Мاستом, командующим армией в Алжире, которые лелеяли тайный план сопротивления. Реализовать этот план должен был генерал Анри Жиро, завоевавший популярность среди французских антифашистов после побега из немецкого концлагеря. Жиро, проведя секретные консультации, согласился возглавить антинацистское восстание и назначил генерала Маста своим представителем в Северной Африке.

Это стало известно Роберту Мэрфи, генеральному консулу Соединенных Штатов в Алжире, который с этого момента вынужден был вести игру на нескольких столах. Ему предстояло сохранить в абсолютном секрете американские планы, поддерживать отношения с правительством Виши и не дать французскому Сопротивлению повода для разочарований. Для полноты картины следует добавить, что ни Жиро, ни Маст, ни американцы не вступили в контакт с де Голлем, который, конечно, не согласился бы остаться непричастным к предстоявшим событиям.

Подготовительные переговоры, проходившие с марта по август, достигли наиболее сложного этапа после того, как английское наступление под Эль-Аламейном (23 октября) показало, что решающий момент близок. Американскому генералу Марку Клар-

ку, заместителю Эйзенхауэра, было поручено связаться с Жиро, осторожно проинформировать его о ситуации и убедить оставить территорию Франции, чтобы перебраться в Африку на борту подводной лодки к моменту высадки союзников и к гипотетическому взятию власти. Это свидетельствует о том, что выбирая между де Голлем и Жиро в качестве лидера французского Сопротивления, американцы предпочитали сотрудничать со вторым, не задумываясь о реакции первого и ее последствиях.

8 ноября 1942 г. началась операция по высадке англо-американских войск, которые столкнулись с коротким и почти символическим сопротивлением в Оране и Касабланке, продолжавшимся до 11 ноября. Для американцев оказалось абсолютно неожиданным и непредвиденным присутствие в Алжире адмирала Дарлана, главнокомандующего вооруженными силами Виши. После известия о высадке союзников Дарлан приказал немедленно арестовать всех заговорщиков, в том числе Мэрфи почти как заложника в виду переговоров, в отношении которых Дарлан проявил полную готовность при внешнем неодобрении и тайном согласии Петэна, что привело к перемирию, позволившему адмиралу сохранить видимость власти.

Наступило политическое замешательство, когда под угрозой оказались дипломатический престиж Мерфи и доверие антифашистов к правительству, которое, отбросив шепетильность, повело переговоры с ненавистными представителями французского коллаборационизма. Разрешить ситуацию помог, в некотором смысле, случай. Накануне рождества 1942 г. двое заговорщиков убили Дарлана, и, таким образом, осталось только двое французских претендентов на управление Африкой и руководство Сопротивлением. В то время, как Германия 11 ноября начала оккупацию всей территории, находившейся под контролем Виши, включая Корсику и Тунис, а США пытались объединить французов, лояльных к Виши и приверженцев Дарлана, де Голль в середине ноября послал в Алжир своего эмиссара, чтобы установить контакты с Жиро и создать подлинный антифашистский фронт.

Смерть Дарлана устранила наиболее сложное двусмысленное препятствие. С своей стороны, Жиро настаивал на поддержании определенных связей с правительством Виши, которое продолжало функционировать в режиме оккупации. Это подорвало доверие к нему союзников настолько, что сделало возможным заключить 3 июня 1943 г. соглашение о создании Французского комитета национального освобождения, который возглавили на равной основе де Голль и Жиро, но авторитет де Голля стал преобладающим. В конце 1943 г. Жиро подал в отставку, и де Голль стал

единственным лидером французского Сопротивления, вокруг которого объединились все те, кто за пределами оккупированной территории стремились воссоздать военную силу, способную сражаться с Германией и вернуть Франции место среди союзных держав-победительниц нацизма.

Три важных события произошли за короткое время. После поражения Роммеля в сражении под Эль-Аламейном началось постепенное и более медленное, чем надеялись англичане, отступление итало-немецких войск по территории Туниса, которые, соединив свои силы, закрепились возле города Туниса и капитулировали только в мае 1943 г. Войска «Оси» были изгнаны из Африки.

С высадкой союзников в Алжире и Марокко завершилась операция «Торч». В результате политическая роль режима Виши для Германии было утрачено. Испания оказалась парализована и не могла вступить в войну на стороне «Оси», ее нейтралитет постепенно становился менее благоприятным для Германии, хотя немецкие войска стояли вдоль границы у Пиренеев. Испанцы даже проявили втайне готовность не препятствовать англо-американским военным операциям и расположенность к сотрудничеству с Соединенными Штатами.

Наступление германских войск было, наконец, остановлено под Сталинградом. После долгой борьбы за город и капитуляции нацистской армии 2 февраля 1943 г. началось решительное советское контрнаступление. Все три события коренным образом изменили ход войны. С тех пор союзники перешли от вопроса о необходимости оказать сопротивление и контратаковать наступавшие войска Германии, к проблеме координации действий вооруженных сил, а также выработке стратегических и тактических директив, чтобы добиться новых военных успехов.

В этой связи важное значение имела конференция в Касабланке, проходившая с участием Черчилля и Рузвельта с 14 по 29 января. Она была вызвана потребностью определить дальнейшую стратегическую линию, так как относительно медленное развитие операции в Северной Африке повлекло за собой задержку с реализацией операции «Оверлорд», что неизбежно вызвало столкновение со Сталиным по этому вопросу. В Италии стали появляться признаки грядущего неизбежного краха фашистского режима.

Между тем, кроме стратегических решений о будущих театрах военных действий, наиболее важным моментом конференции стало внезапное и неожиданное заявление, сделанное лично Рузвельтом 26 января, о том, что союзники признают только «безогово-

рочную капитуляцию» противника. Это стало предметом тайных переговоров на протяжении всей работы конференции (а также и раньше, при подготовке проектов перемирия, которые могли бы быть предложены тем, кто его запросит). Тем не менее, публичное заявление о достигнутом согласии было неожиданностью для Черчилля, которому пришлось сделать хорошую мину при плохой игре и согласиться с формулировками, хотя их содержание было недостаточно четко прописано. На требование разъяснений Рузвельт ответил, что побежденные должны будут передать себя в руки победителей, которым в будущем будет принадлежать полнота власти в поверженных странах. В формулировках было много неясного и двойственного, поэтому требовалось обсуждение содержания каждой формулировки в отдельности.

Но в то же время большое значение имело заявление о гарантиях Советскому Союзу, что, несмотря на все задержки с открытием второго фронта, сепаратный мир с Германией заключен не будет и что условия ее капитуляции будут несомненно согласованы с СССР, также как условия капитуляции Японии. В действительности, за исключением Германии, перемирия, заключавшиеся с побежденными странами, никогда не предусматривали «безоговорочную капитуляцию».

6.6. Падение Муссолини и перемирие с Италией

6.6.1. ВЫСАДКА СОЮЗНИКОВ В ИТАЛИИ

Италия быстрее других стран почувствовала военные и политические последствия войны, поскольку она всегда была наиболее слабым звеном нацистской системы. К тому же, Италия в особенности, если учесть ее географическое положение, находилась под угрозой нападения союзников. Гибельное отступление по североафриканскому побережью — а Муссолини мечтал войти в Александрию с триумфом как победитель, — безжалостно обнажило и ранее известную истину, что Италия не была готова к конфликту мирового масштаба. Возможно, она не была бы готова даже в том случае, если бы война началась в 1942 г., потому что поражение стало результатом не случайных неудач, а структурных изъянов, которые нельзя было устранить второпях.

После капитуляции в Тунисе 10 мая 1943 г. стало ясно, что итальянцы, изгнанные из Африки, будут первыми, кто подвергнется вторжению союзников более того, что итальянская операция союзников не будет разделена на два отдельных фронта, а будет общим англо-американским выступлением под командова-

нием генерала Эйзенхауэра, назначенного верховным главнокомандующим союзными армиями.

В действительности это совпадение было скорее результатом сложившихся обстоятельств, а не стратегических расчетов. Союзники были ослаблены в большей мере, чем было предусмотрено операцией «Торч». Подспудное недовольство, существовавшее в Италии с первых месяцев войны, свидетельствовало о настроении в правящей верхушке, склонной к заключению сепаратного мира. Осенью 1942 г. они превратились в мощное политико-дипломатическое течение. Почти все высшее политическое руководство Италии стремилось установить контакты с представителями дипломатического и финансового мира, а также армии союзников, чтобы сообщить о растущем недовольстве, разделявшем Муссолини и общественное мнение страны и, в еще большей мере, что и правящие круги спешили отмежеваться от дуче.

Хотя в стране не существовало открытого движения за демократическое возрождение, но и королевский двор, и ряд крупных промышленников, дипломатов и высших офицеров и даже отдельные видные руководители фашистской партии заявляли о своем намерении сместить Муссолини, и тем самым открыть путь к перемирию и сепаратному миру вплоть до перехода на сторону союзников. Эти настроения достигли апогея, когда их выразителем стал маршал Пьетро Бадольо, в прошлом командующий генеральным штабом итальянских вооруженных сил, близкий соратник Муссолини и, что еще важнее, имевший репутацию человека, очень близкого к королю Виктору Эммануилу III, за которым оставалось принятие окончательных решений. Эти факты свидетельствовали о том, что Италия была близка к краху и что ее высшее руководство пыталось выйти из войны с наименьшими потерями, сделав Бенито Муссолини единственным виновником политической стратегии 1939–1940 гг. (что, возможно, и было верно, хотя энтузиазм, с которым фашистские иерархи и многие итальянцы приветствовали победы Германии, говорит об обратном).

6.6.2. НА ПУТИ К ПАДЕНИЮ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА

На конференции в Касабланке Черчилль и Рузвельт обсуждали вопрос о продолжении операций в Средиземноморье и решили готовиться к высадке десанта на Сицилии, не касаясь последствий подобной акции. Кроме того, сама формулировка о «безоговорочной капитуляции» ослабляла давление, оказываемое на Муссолини, поскольку, казалось, ставила под вопрос не только

фашистский режим, но и существование Итальянского королевства, что позволяло предвидеть полнейшую институциональную трансформацию Италии в республику. Это объясняет колебания Виктора Эммануила III и его ближайших сторонников, а также сомнения фашистских бонз, которые не могли уяснить замыслы союзников.

Ясности не было и среди союзников, поэтому Черчилль снова прибыл в Вашингтон, где с 12 по 25 мая 1943 г. состоялась (сразу после капитуляции немецко-итальянских войск в Тунисе) продолжительная конференция под кодовым названием «Трайидент». И в этот раз снова проявилась склонность Англии использовать возможно полнее успешные результаты африканских операций и осуществить высадку в Италии. Кроме того, она предлагала оказать нажим на Турцию, которая, вступив в войну, должна была бы открыть новый фронт за спиной у немцев и помочь контрнаступлению Советов против германских войск, начавших отходить от Сталинграда и Кавказа.

Американцы были абсолютно не согласны с этими планами, так как Рузвельт, Маршалл и их соратники считали, что уже операция «Торч» привела к потере драгоценного времени, стало невозможно предпринять высадку во Франции в 1943 г. и необходимо отложить ее на 1944 год. Дальнейшее продвижение в Италию после захвата Сицилии еще больше замедлит подготовку к десанту во Франции и придется отказаться от этой цели. В конце концов, англичане вынуждены были согласиться с этим мнением, надеясь, что события в Италии заставят союзников действовать по иному плану.

Поражение в Африке усилило кризис фашизма. Доверие Виктора Эммануила III к Муссолини было подорвано. Король уже с января 1943 г. стал планировать его смещение; ускорению кризиса способствовало переплетение военных и политических событий. Завладев Африкой, союзники усилили бомбардировки военных и гражданских объектов в Италии и готовились к высадке в Сицилии. 11 и 12 июня они высадились на островах Пантеллерия и Лампедуза, захватив первую, пусть небольшую, часть итальянской территории. В ночь с 9 на 10 июля началась высадка в Сицилии. Несмотря на хвастовство Муссолини, который обещал итальянцам, что союзники будут отброшены еще до того, как ступят на землю Италии, англо-американские войска высадились быстро и успешно. Вся Сицилия была оккупирована за шесть недель, и союзники в результате мощной акции вошли в Европу, на территорию одной из стран «Оси». Политические последствия высадки союзников оказались еще важнее военных. Она доказала

слабость обороны Италии и то, что страну ожидают драматические события.

Муссолини встретился с Гитлером 19 июля в Фельтре (область Венето). Встреча, как ожидалось, должна была стать решающим моментом для Муссолини: ему предстояло объяснить фюреру положение Италии, остро нуждавшейся в мире или же в такой мощной военной поддержке, которая помогла бы переломить ситуацию. Но Муссолини, повергнутый в уныние после поражения, вел себя пассивно. Встреча превратилась в монолог Гитлера, который заявлял о своей уверенности в победе Германии.

Именно в этот день, впервые после начала войны, авиация союзников приступила к бомбардировкам военных и гражданских объектов в Риме. Это была знаменательная акция, которая вызвала международный резонанс, потому что все католические страны обратились к руководству союзных держав с призывом сохранить город — резиденцию Святого престола, служившего символом для католиков всего мира. В бомбардировке вообще-то не было необходимости, она велась как своего рода предупреждение и в этом смысле достигла желаемого эффекта.

Провал встречи в верхах в Фельтре и бомбардировка Рима ускорили развитие ситуации. Фашистские группировки уже несколько месяцев готовили заговор с целью смещения Муссолини. Они полагали, что это единственное средство спасти самих себя и удержать контроль над страной. С согласия королевского двора и правительства Лондона они ускорили подготовку переворота. Одну из групп заговорщиков возглавляли Дино Гранди, министр юстиции, в прошлом посол в Лондоне, Галеаццо Чиано, который, в феврале 1943 г., утратив пост министра иностранных дел, стал послом Италии в Ватикане и не скрывал своей ненависти к немцам, и Джузеппе Боттаи, один из наиболее ярких представителей фашистской иерархии.

По их настоянию Муссолини назначил на вечер 24 июля 1943 г. заседание Большого фашистского совета, высшего органа фашистской партии, который дуче не созывал уже много лет. На состоявшемся заседании члены совета подвергли критике Муссолини за совершенные ошибки и предложили проект резолюции, согласно которому от дуче требовалось восстановить порядок, предусмотренный статутом Итальянского королевства и вернуть королю командование всеми вооруженными силами, которое Муссолини принял на себя в начале войны. Это выражение недоверия имело важное политическое значение и свидетельствовало о полном провале Муссолини, с ним остались лишь некоторые преданные сторонники.

Король Виктор Эммануил III принял решение сместить Муссолини и заменить его правительством военных. Утром 25 июля, когда дуче явился на аудиенцию к королю, он был арестован у дверей королевской резиденции и перевезен сначала в военную казарму, а затем в тайное укрытие. Король поручил маршалу Бадольо сформировать правительство военных, одним из первых решений которого стал роспуск фашистской партии. Итальянцы приняли с энтузиазмом падение фашистского режима, продемонстрировав таким образом глубокий разрыв между народными массами и фашизмом и выразив надежду на восстановление мира.

Бадольо не был готов действовать быстро и решительно. Немцы, предупредив, что готовится серьезная операция, направили в Италию новые крупные соединения, которые были представлены как союзнические, а в действительности предназначались для контроля над ситуацией, если правительство Рима проявит слабость и склонность к уступкам. Перед Бадольо в момент принятия полномочий стояла двоякая задача: с одной стороны, публично заявить, что война на стороне Германии продолжается, а с другой — приступить к трудным контактам, чтобы сделать дистанцирование Италии от «Оси» наиболее безболезненным. Эта задача очень осложнилась в связи с провозглашением формулы «безоговорочная капитуляция».

События в Италии содействовали росту политической растерянности в лагере союзников. Если захват Сицилии показал, что англо-американские войска легко могут завоевать всю Италию, то, в таком случае, правильно ли считать приоритетной операцию «Оверлод»? Совершенно очевидно, что ответ мог быть только отрицательным. С продолжением военных операций в Италии возникал второй вопрос: как применять понятие «безоговорочная капитуляция»?

После известия о падении Муссолини, Черчилль выступил с обращением к коммунам (местным органам власти), заявив, что было бы ошибкой разрушить всю структуру итальянского государства (как предполагалось в соответствии с понятием «безоговорочная капитуляция»). Рузвельт, напротив, придерживался более жесткой позиции относительно дальнейшего развития политической жизни в Италии, поэтому он повторил требование о «безоговорочной капитуляции», заявив, что с окончанием войны итальянский народ сможет сделать свой выбор «на основе принципов свободы и равенства». Это означало только, что решение о судьбе монархии отодвигалось на весь период продолжения военного конфликта, а не отказ поставить на обсуждение институциональную форму итальянского государства.

Эти политические расхождения выявили, что Англия готова оказать поддержку итальянской монархии, но наряду с ними существовали разногласия о масштабах предстоявших военных операций. Быстрое принятие решений позволило бы блокировать проникновение германских войск на Апеннинский полуостров и занять всю территорию Италии вплоть до Паданской равнины, трудно было предвидеть последствия такого решения на весь ход войны. Твердое намерение американских военных считать приоритетными операции на Ла-Манше помешали планированию широкомасштабных акций в Италии. Отказ от замысла десанта на Сардинию позволил военным обсуждать планы высадки южнее Неаполя, но четких решений в связи с этим принято не было.

6.6.3. КАПИТУЛЯЦИЯ ИТАЛИИ

Бадольо назначил министром иностранных дел посла в Анкаре Раффаэле Гуарилья, опытного и преданного королю дипломата. 29 июля 1943 г., когда Гуарилья прибыл в Рим, было принято решение установить контакты с союзниками. Итальянским эмиссаром был назначен генерал Джузеппе Кастеллано, который прибыл в Лиссабон, чтобы узнать, какие условия капитуляции союзники намерены выдвинуть. Даже сегодня трудно сказать, была ли процедура, которой придерживались союзники, обусловлена относительной стремительностью развития событий в Италии, либо результатом точного расчета.

Заключение перемирия с Италией фактически подразумевало два варианта. При первом варианте представитель Италии должен был подписать обычное простое военное перемирие. Согласно второму варианту, представитель итальянских политических властей должен был бы подписать значительно более сложный документ, где были бы развернуто описаны формы присутствия союзников в Италии и полномочия, которыми располагали бы оккупационные власти, или полномочия, которые они предоставляли местным политическим властям.

Эта проблема только внешне казалась чисто технической. Она имела важное политическое значение, потому что первый документ (получивший позже название «краткие условия» перемирия) предполагал прекращение враждебного отношения к союзникам и решение повернуть остатки итальянских сил против немцев. Во втором случае («пространные условия» капитуляции) речь шла не только о регламентации административных и политических проблем, но и предполагалось существование партнера, способного выполнить эти обязательства, т.е. дальнейшее пребывание у власти

короля и правительства Бадольо было возможно только в качестве гарантов капитуляции, которая, однако, должна была бы быть безоговорочной. Терминологическое противоречие было устранено, благодаря решению отложить на послевоенное время политическое устройство страны, а пока признать в качестве законных правителей Италии Савойскую династию и правительство Бадольо, чтобы Италия объявила войну Германии.

Двойственность принятых решений породила дискуссию необычайной сложности. Ее ранними предвестниками стала первая конференция Черчилля и Рузвельта в Квебеке (кодовое наименование «Квадрант»), проходившая с 14 по 24 августа при участии представителей Объединенного комитета начальников штабов. Они обсуждали место Италии относительно победителей и выбор политической стратегии союзников на Апеннинском полуострове. По первому вопросу было решено, что Италия, после подписания перемирия и объявления войны Германии, могла считать себя «совоюющей стороной» — а не «союзницей» — Англии и США в борьбе с Германией.

Другая проблема была тесным образом связана с тем, как технически осуществить перемирие. Итальянская сторона просила, чтобы перемирие сопровождалось переброской войск морским путем или воздушным десантом как можно севернее Рима. Это было необходимое условие, поскольку придавало вес перемирию и содействовало перемещению линии фронта, что и требовалось в соответствии с концепцией «совоюющей стороны». Это позволило бы королю и правительству остаться в столице, не подвергаясь контратакам со стороны Германии.

Союзники вели жаркую полемику по этому поводу, прибегая к двусмысленным аргументам, что, возможно, объясняется тем, что союзное командование не имело соответствующих ресурсов для воздушной поддержки военных операций, которые разворачивались севернее Салерно. Согласно планам союзников, перемирие было составной частью операции по высадке десанта в Салерно и, следовательно, зависело от ее результативности. Сознывая трудности операции, союзники придавали большое значение беспорядкам, которые вызовет в Италии объявление о перемирии.

В конце концов итальянское правительство согласилось подписать «краткие условия» перемирия (это произошло 3 сентября 1943 г. и стало известно 8 сентября), надеясь на немедленное выступление англо-американских войск в районе Рима. Этого не произошло, а потому правительство и королевская семья поспешно бежали в порт Ортона на Адриатическом побережье, откуда их затем переправили в Бриндизи, освобожденный накануне

союзниками, в то время предпринявшими ряд операций по высадке на континентальную территорию страны.

С этого момента правительство Бадольо становится официальным партнером союзников. Из заявления, сделанного участниками конференции в Квебеке, он узнал о смягчении условий перемирия в связи с участием Италии в войне против немцев, и что ему поручено управление некоторыми итальянскими провинциями. Бадольо прибыл 29 сентября на Мальту, где впервые ему были сообщены «пространные условия» перемирия, которые практически ставили Италию под полный контроль союзного правления. Итальянский премьер-министр попытался добиться смягчения некоторых статей и даже попробовал получить согласие союзников на включение в правительство представителей группы фашистов-диссидентов (в первую очередь Дино Гранди). Он не добился никаких уступок и понял, что Италия будет управляться под надзором Контрольной комиссии.

Вся операция Бадольо была нацелена на спасение будущего Савойской династии, а это зависело от решения США поставить вопрос о институциональном устройстве Италии на народное голосование. Вынужденное поспешное бегство короля из Рима еще более осложняло ситуацию. Таким образом, выход из войны одной из двух держав «Оси» произошел весьма беспорядочно. Ограниченность союзнических военных обязательств помешала сполна воспользоваться победой.

Неуверенность союзников и решительный ответ нацистов привели к утрате подходящего момента для развертывания итальянского фронта, который мог бы оттянуть на себя часть немецких вооруженных сил, снятых с главных фронтов и переброшенных на противоположное направление. В результате относительно небольшое число немцев блокировало в Италии почти в течение двух лет значительное число англо-американских солдат, которые могли быть использованы более эффективно в стратегическом отношении.

Эта ситуация позволила вновь всплыть такому политику как Муссолини (не без труда освобожденного из тюрьмы и доставленного в Германию, затем вновь переправленного в Италию) и стать во главе правительства Итальянской социальной республики, отличавшейся антимонархической направленностью. Серьезные внутренние противоречия вновь созданного фашистского государства лишили его и той небольшой поддержки, которой оно располагало, и поставили в полнейшую зависимость от германского военного господства, хотя и на этапе его спада. Быстрое развитие движения Соппротивления сильно повлияло на внутреннюю

жизнь Италии и осложнило судьбу тех, кто думал, что падение Муссолини означало наступление мира.

На юге Италии союзники впервые должны были доказать свою способность управлять «завоеванными» или «освобожденными» странами, которых предстояло привести к демократии. Накануне первой большой победы им предстояло найти способ превратить ее из победы англо-американских войск в общую победу антинацистской коалиции. Они должны были соизмерить привлечение Советов к вопросам управления Италией. К проблемам, где и как выиграть другую войну против тех же врагов, стали прибавляться вопросы, касавшиеся методов совместной деятельности по созданию системы длительного мира. Более длительного, чем эфемерный мир 1919 г.

Глава седьмая

ПОБЕДА СОЮЗНИКОВ И ПОДГОТОВКА ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА

7.1. Военные действия в 1943 г.

7.1.1. ВОЙНА В ЕВРОПЕ

После завершения военных операций в Африке и капитуляции Италии число театров военных действий снова сократилось. Продвижение на север Апеннинского полуострова немногочисленных дивизий союзников, оставленных в Италии, было трудным и медленным. До весны 1944 г., несмотря на высадку десанта за спиной у немцев на побережье у Анцио, союзники не могли прорвать немецкий фронт у реки Гарильяно, южнее Монтекассино. Только в начале июня 1944 г. англо-американцы вошли в Рим, а накануне зимы 1944–1945 гг. они достигли Готской линии обороны немцев, т.е. самого северного хребта Апеннин.

Тем временем продолжалась подготовка к высадке в Нормандии, и осложнения, связанные с войной в Средиземноморье, сделали неизбежной ее отсрочку. В 1943 г. эта операция стала невозможна, несмотря на все более резкие протесты Сталина. Гитлер намеревался защищать так называемый «атлантический вал» всеми силами и средствами возможной обороны. Это требовало от командующего войсками союзников (только в конце 1943 г. на этот пост был назначен генерал Эйзенхауэр, который оставил командование в Средиземноморье) тщательной подготовки. Было необходимо сосредоточить на юге Великобритании около трех миллионов человек, тысячи военных и транспортных судов для осуществления высадки, десятки тысяч бомбардировщиков и истребителей.

Все это предстояло использовать сначала как ударную мощь, а затем как оккупационные силы на освобожденной французской территории для наступления на Германию. Военные историки часто пишут о трудностях подготовки операции «Оверлорд», пронизанной тревогой и опасениями провала. Эта озабоченность объясняет стремление союзников проводить подготовку постепенно, наращивая бомбардировки германской территории. Отсюда и трудности в определении даты высадки, которая откладыва-

лась с недели на неделю, пока не было решено начать вторжение 6 июня 1944 г., Нормандия была определена местом высадки десанта.

Всякий раз приходилось убеждать Сталина, что задержки связаны с объективными причинами. Советы, начав контрнаступление в феврале 1943 г. под Сталинградом, преодолевали ожесточенное сопротивление германских полчищ и к концу 1943 г. еще не смогли освободить всю свою территорию, вражеские армии все еще стояли у Ленинграда. И только с приближением высадки союзников в Нормандии отступление немецких войск пошло более быстрыми темпами. В августе 1944 г. Советы остановили свои войска у стен Варшавы. Прекращение их наступления привело к тому, что громадные усилия польских патриотов-националистов были растрчены впустую, хотя вместе с советскими войсками они могли одержать верх над нацистскими варварами. Это решение Советов вызвало неоднозначную оценку. Затем Советы продолжили наступление и подошли к границе Германии, на которую оказывалось давление с двух сторон. Одновременно они вышли к Балканам и 12 сентября принудили к капитуляции Румынию. К концу года советские войска захватили почти весь Балканский полуостров, за исключением Греции, которую освободили англичане.

7.1.2. ВОЙНА В АЗИИ

Наряду с основными военными действиями в Европе и Африке, большое значение приобрели стратегия и осуществление военных операций против Японии. В Тихоокеанском регионе стратегические задачи Англии и США совпадали только частично. Японцы, развивая наступление, достигли территории Индии, что вызвало страх в стране и привело к росту разногласий в партии Индийский национальный конгресс. Пример вице-председателя партии Чандры Боса мог оказаться заразительным. Бос был наиболее влиятельным лидером бенгальских националистов; после длительного пребывания в Германии в начале 1943 г. он был доставлен на Мадагаскар, а затем перебравшись поближе к границам Индии с целью организовать антибританскую армию из находившихся в руках японцев индийских заключенных. Японцы вели войну под лозунгом «Азия для азиатов»: лозунг не вызывал большого доверия у тех, кто хорошо знал японский империализм, но был очень эффективным катализатором для назревавшего антиколониального движения. Поэтому англичане стремились отодви-

нуть военные действия от индийских границ и по возможности способствовать открытию новых фронтов, что они и предложили на конференции «Квадрант» в Квебеке, когда выступили с планом вторжения на остров Суматра, это содействовало бы смещению центра военных операций к Индонезийскому архипелагу.

Американцы были заинтересованы в укреплении позиций Китая с тем, чтобы разместить на его территории воздушные базы и таким образом создать более благоприятные условия для нападения на Японию с воздуха. Американцы считали нападения с воздуха наиболее эффективным средством для поражения противника с того момента, когда сложилась концепция постепенного завоевания бескрайних азиатских территорий, занятых Японией: для ее осуществления требовалось бесконечно много времени. Чтобы добиться этой цели американцы предлагали произвести вторжение в Бирму с территории Индии, а из Бирмы повести наступление на Южный Китай, что позволило бы восстановить коммуникации между двумя странами и создать территориальный континуум. Эта акция придавала бы силы сопротивлению сторонников Чан Кайши, а также эффективность всем действиям союзников. Кроме этого, американцы предлагали высадить десанты на стратегически наиболее важные острова вдоль линии, соединявшей их с резервами, расположенными на австралийских базах. Таким путем американцы намеревались отвоевать Гуадал-канал и Соломоновы острова, а также осуществить высадку на Новую Гвинею.

Согласовать позиции обеих стран было очень трудно. Англичане считали, что операции в Бирме приведут к бессмысленной гибели людей и бесполезной растрате средств; американцы признавали преобладание британских колониальных интересов в Индии, но не придавали этому большого значения. Расхождения не были устранены вплоть до последнего этапа войны, и единственный пункт, по которому удалось добиться согласия было назначение лорда Л. Маунтбеттена на пост главнокомандующего объединенными силами союзников в Тихоокеанском регионе, а на пост его заместителя — американского генерала Джозефа Стилуэлла. Военные операции на восточном театре военных действий приобрели необходимую эффективность только в 1944 г., когда основные задачи войны с Германией были решены, и перспектива победы стала близкой. В этих условиях война против Японии в своих тактических аспектах тесным образом переплеталась с политико-дипломатическими интересами в гораздо большей мере, чем это было на евро-африканском театре военных действий.

7.2. Проблемы антифашистского союза после капитуляции Италии. Московская и Тегеранская конференции

7.2.1. МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Перелом в войне, происшедший в конце 1942 г. (его последствия стали полностью ощутимы в середине 1943 г.), вновь вывел политические проблемы на первый план. Эти проблемы никогда не исчезали, но были поставлены в зависимость от результатов военных действий, а с приближением победы возникла насущная необходимость их рассмотрения. Иначе говоря, если до сентября 1943 г. разногласия не обсуждались, так как нужно было сражаться вместе против общего врага, то при первых признаках грядущей победы проблемы определения союзниками собственных целей в войне и, в еще большей мере, необходимость найти компромиссные решения становились все более неотложными.

Пришло время вместе готовиться к приближающемуся миру, чтобы понять, насколько результаты войны приемлемы для всех, и в какой мере задачи построения новой международной системы, избавленной от страха перед наци-фашистским или империалистическим насилием, совместимы с настойчивым стремлением к проведению державной политики.

Капитуляция Италии вызвала первые дискуссии, так как глубоко повлияла на отношения между Советами и государствами Запада. Сталин с недоверием отнесся к тому, что англо-американцы взяли на себя подписание перемирия с Италией, но он не мог оставаться безразличным к последствиям ухода итальянских оккупационных сил с Балканского полуострова, и в особенности из Югославии, где их сменили германские войска. Открыто выражая свое несогласие с союзниками, Сталин 22 августа 1943 г. направил послание Рузвельту с требованием сформировать трехсторонний орган, который мог бы коллегиально рассматривать проблемы, возникающие по мере капитуляции союзников Германии. Сталин в довольно жестких выражениях упрекал союзников в том, что они не провели с ним консультаций по вопросу капитуляции Италии и, конечно, не согласился с необходимостью принятия союзниками срочных решений в связи с быстрым развитием ситуации в Италии.

Сталин говорил о конкретных проблемах, которые могли приобрести большое значение, особенно, на Балканском полуострове, где неизбежно должны были возникнуть ситуации, подобные

итальянской. Поэтому его предложение о встрече трех министров иностранных дел стран-союзниц было более, чем оправдано, поскольку могло предоставить возможность для разрешения временных трудностей и глубокого анализа сложившейся ситуации. Кроме того, это предложение расчищало путь возможной (ее идея уже носилась в воздухе) встрече в верхах между тремя руководителями стран-союзниц, двое из которых, Сталин и Рузвельт, еще никогда не встречались.

Так родилась идея проведения в Москве первой англо-советско-американской встречи с участием министров иностранных дел Хэлла, Идена и Молотова. Конференция, проходившая с 18 по 30 октября 1943 г., выявила разногласия в намерениях держав-победительниц. С начала вступления США в войну Рузвельт думал, что после победы всемирный порядок должен быть основан на новых институтах и на масштабном сотрудничестве крупнейших держав, которые, действуя солидарно, могли бы гарантировать сохранение мира. Этот замысел стал известен как *Великий план* Рузвельта, в который входило создание новой организации, способной унаследовать все то положительное, что было в работе Лиги Наций, отбросив ее недостатки и слабости.

Хотя вступление США в войну было связано с приоритетом Великобритании в американской системе союзов, но Рузвельт и американская дипломатия весь этот период вплоть до 1945 г. сделали все возможное и даже более того, чем требовали интересы США, чтобы Советы не смогли заподозрить Америку и Англию в предварительном сговоре, и даже пытались создать впечатление, что они открыты для сотрудничества. Действуя в этом ключе, Рузвельт планировал предложить своим союзникам сделать заявление от имени «четырех держав» (четвертой должен был стать Китай) о необходимости создать новую организацию, основанную на двух различных, но взаимосвязанных принципах: на равенстве суверенных прав всех наций и особой ответственности ведущих держав в деле сохранения мира.

В заявлении также предусматривалось, что четыре державы должны совместно осуществлять оккупацию бывших вражеских территорий и создать комиссию для координации военного сотрудничества. Эти принципы, предложенные Рузвельтом, были обнародованы в начале августа, когда до перемирия с Италией и полемики со Сталиным было еще далеко. Они послужили изящным словесным обрамлением, сопровождавшим позже все практические решения великих держав, поскольку представляли собой смесь идеализма и реализма, характерных для менталитета Рузвельта.

Однако эту концепцию не разделяли ни Советы, ни Англия. Иден и Форин Оффис разработали предыдущим летом реалистические планы сотрудничества с Советами, которые должны были быть проверены на практике, в первую очередь посредством создания контрольных органов для проведения совместной политики в Европе (отсюда создание *Европейской консультативной комиссии*) и, в частности, для реализации перемирия в Италии. Если бы эти реалистичные и разумные предложения были осуществлены, то удалось бы избежать в дальнейшем недоразумений и ожесточенной полемики. Но они не были приняты частично по военным соображениям (из-за оппозиции Эйзенхауэра, не желавшего зависеть от таких форм контроля над итальянскими коммуникациями, которые были бы навязаны силам, занятым в военных действиях), частично в связи с обострением полемики между Советами и англичанами по европейским проблемам. Уже в то время возникали сложные моменты, вызывавшие споры и чреватые конфликтом, как, например, положение в Польше или Югославии, обсуждение которых было преждевременным.

Альтернатива между тесным сотрудничеством и четким разделением сфер влияния еще не прорисовывалась с достаточной четкостью, но Иден готовил к конференции в Москве гораздо более прагматичные предложения, чем курс Форин Оффис в целом. Позиция Англии не особенно отличалась от позиции Советского Союза, который с приближением переговоров и прежде, чем второй фронт будет действительно открыт, а советская территория полностью освобождена от германских войск, опасался принятия неблагоприятных решений. Поэтому Советы стремились заполучить как можно больше гарантий того, что союзники действительно осуществят операцию «Оверлорд», и смягчить нескрываемую подозрительность Запада в связи с советскими планами удержать польские территории к востоку от линии Керзона.

Конференция в Москве в октябре 1943 г. была первой встречей трех министров. Они уже были знакомы друг с другом благодаря двусторонним встречам, но никогда не встречались втроем, тем более в момент оптимизма и эйфории руководителей союзников. Хотя на конференции предстояло обсудить острые проблемы и вопросы, по которым имелись глубокие расхождения, не следует забывать, что она проходила после капитуляции одной из двух стран «Оси» и явилась дипломатическим завершением военной победы. Конференция стала важным моментом выявления намерений на будущее, а также подведением итогов прошлого.

В более общем плане, в центре внимания конференции были предложение Рузвельта о подготовке заявления четырех держав

(включая и Китай) и вопросы, связанные с осуществлением перемирия в Италии, которое рассматривалось как прецедент для аналогичных ситуаций, а они могли возникнуть в других регионах, прежде всего на Балканах. В военном плане самой животрепещущей проблемой оставалось открытие второго фронта. Западные державы подтвердили свои обязательства, но их заверения не вызвали большого доверия, потому что еще не были решены две основные проблемы, касавшиеся высадки: дата ее проведения (в каком месяце весны 1944 г.?) и вопрос о высшем командовании. К тому времени Рузвельт не решил, кому доверить общее руководство: генералу Джорджу Маршаллу, начальнику американского генерального штаба и прекрасному военному организатору, или генералу Эйзенхауэру, который отлично проявил свои способности в Средиземноморской кампании и во время вторжения в Италию.

Военные проблемы остались нерешенными, они были, фактически, отложены до последующей встречи руководителей трех великих держав. Причиной послужило то, что в начале переговоров английские военные представители выступили с предложением, побочным относительно операции «Оверлорд», об оказании давления на Турцию, чтобы заставить ее немедленно вступить в войну. Это вносило серьезные изменения в разработанную стратегию и, фактически, давало возможность Советам стать арбитром в принятии решения о том, что важнее — провести ли операцию «Оверлорд» или воспользоваться изменением ситуации, которое произошло в Средиземноморье и на Балканах после поражения Италии. Предложение англичан не получило соответствующего развития, и три министра иностранных дел подтвердили приоритет высадки в Нормандии; тем не менее, в конце конференции Молотов и Иден согласились, что вступление Турции в войну необходимо до конца 1943 г.

7.2.2. ВОПРОС О СОЮЗНОЙ КОНТРОЛЬНОЙ КОМИССИИ

Наиболее важными в политическом отношении были проблемы, связанные с Польшей, Австрией и осуществлением перемирия в Италии. Молотов не скрывал намерений Советского Союза относительно Польши и понял, что его собеседники заняли уклончивую позицию. Иден высказал идею (подсказанную ему находившимся в изгнании польским премьер-министром Миколайчиком) массового восстания поляков против немцев в то время, когда советские войска подойдут к Варшаве, что совершенно не соответствовало намерениям Советов, потому что столь мощное

возрождение польского национального духа препятствовало бы советским планам установления собственного господства в Польше. Что касается Австрии, то был рассмотрен вопрос о ее воссоздании как независимого государства и об отношениях Вены с Балканскими странами.

Наиболее острые споры вызывала ситуация в Италии, которая была чревата серьезными последствиями. Постепенный отход западных держав от идеи создания *Союзной контрольной комиссии*, которая, выполняя роль высшего контролирующего органа в Италии, должна была состоять из представителей не только Соединенных Штатов и Великобритании, но также и Советского Союза, объяснялся военными, но и более глубокими политическими соображениями.

Способ формирования Комиссии мог бы более или менее отчетливо продемонстрировать способность трех союзников действовать согласованно и сообща в мирное время, хотя военные операции они осуществляли раздельно. Он стал бы своего рода испытательным полигоном и моделью, в соответствии с которой в дальнейшем должны были бы создаваться комиссии для малых стран-участниц «Оси». Короче говоря, решения, принятые относительно Италии, создавали бы то, что в историографии получило потом название «итальянский прецедент» в вопросах, касавшихся режима перемирия и, косвенно, формирования зон влияния.

Молотов участвовал в переговорах, предполагая, что позиция Англии с июля месяца не изменилась, а потому представил документ, в котором перечислял расплывчато и неопределенно принципы осуществления дефашизации Италии. Можно спросить, был ли советский министр разочарован или доволен выявившимся новым отношением Запада. Часть историографов придерживается того мнения, что Советы охотно отказались от своих настойчивых, но показных требований, отдав предпочтение интересам державной политики, а не планам мирового экспорта социализма. Тем не менее, этот тезис совершенно не учитывает реальности военной ситуации конца 1943 г., когда Советы, настаивавшие на участии в контрольных комиссиях, которые должны были быть созданы в странах, оккупированных западными армиями, воспринимались как вдохновители революционных замыслов, уже похороненных сталинизмом. Но революционные надежды еще сохранялись у определенной части европейского пролетариата.

Следуя реалистической логике, Молотов не растерялся, узнав о новых предложениях союзников. Он был удовлетворен тем, что его принципы дефашизации были приняты как руководство для политики союзников в Италии. Молотов также согласился, что

контроль над осуществлением перемирия поручается Союзной контрольной комиссии, в которой Советам отводилась чисто символическая роль (готовя такое же место союзникам в контрольных комиссиях в Балканских странах, прежде всего, в Румынии).

Горькая пилюля была подслащена благодаря созданию двух других органов (точные полномочия которых стали предметом последующих дипломатических переговоров, также проходивших в напряженной обстановке). Первым из них был *Консультативный совет по вопросам Италии*, т.е. орган, в котором Советский Союз должен был быть представлен уже не символически, а вместе с теми странами, которые подверглись военному нападению Италии. В его компетенцию входила разработка общих принципов политики союзников, но он фактически превратился в орган для безрезультатных дискуссий и бесполезных упреков.

Вторым органом, созданным тремя министрами иностранных дел, стала *Европейская консультативная комиссия*. По замыслу англичан, она должна была действовать таким образом, чтобы сдерживать стремление Советов превратить территории, которые будут ими оккупированы в будущем, из «сфер влияния» в «советизированные зоны». Она должна была разработать общие положения для руководства ими в дальнейшем при заключении перемирий с вражескими государствами и при проведении союзнической политики в Европе. Но Комиссия фактически существовала только на бумаге, или, точнее говоря, ее деятельность свелась к символическому формализму. Она быстро исчерпала свои задачи, в особенности, на Балканах регионе, оставив открытым все еще острый вопрос о форме осуществления капитуляции Германии и о дальнейшем управлении территорией поверженного противника.

В сущности, этот первый контакт представителей трех держав антигитлеровской коалиции ярко выявил скрытые трудности и опасные моменты, связанные как с необходимостью совместно продолжать войну, так и согласованно действовать для достижения мира. Сражаться сообща означало действительно стремиться к общим целям.

Отказ Советов поддержать идею польского восстания подтвердил обоснованность обвинений со стороны Германии в том, что они несут ответственность за массовое убийство почти 15 000 польских офицеров, чьи тела были найдены и извлечены из земли немецкими войсками в Катыни, в том районе восточной Польши, который ранее был занят советскими войсками. Но тогда обвинение было отвергнуто как мерзкий обман гитлеровской пропаганды. Несколько лет спустя злополучное обвинение получило подтверждение. Это доказывало, что Сталин, не щадя даже тех, кто в тот

момент формально выступал заодно с СССР, жестко и неуклонно стремился к целям, которые в последующие два года стали очевидными.

В этих условиях инцидент привел к разрыву дипломатических отношений между правительством Москвы и находившимся в Лондоне польским правительством в изгнании, которое не поддержало утверждение о невиновности Советов, в результате чего было обвинено Москвой в игре на руку немцам. Итак, в 1943 г. отношение Советов к Польше и равнодушие к ней западных держав предвосхитили ситуацию, которая сложилась после войны в соответствующих «сферах влияния».

Термин «сферы влияния» в более поздней историографии и публицистике связывался с решениями, принятыми в феврале 1945 г. на конференции в Ялте. В действительности уже тогда стали намечаться «сферы влияния», каждая по своим определенным параметрам. Даже решение англо-американцев не допустить Советов в какой-либо форме участвовать в контроле над осуществлением перемирия в Италии со всей очевидностью свидетельствовало об ограниченности согласия между участниками «Великого союза». Но в этом согласии, как неизменный контрапункт, присутствовало взаимное недоверие, стремление отстаивать собственные интересы.

Если для Советского Союза первоочередное стратегическое значение имела Польша, то Италия была и оставалась опорным пунктом для возрождения влияния Великобритании в Средиземноморье. Соединенные Штаты в то время еще не играли доминирующей роли в решении европейских проблем. Таким образом, первые шаги на пути создания новой системы международных отношений после войны не отвечали принципам глобального сотрудничества. В действительности, именно на Московской конференции было положено начало раздела мира на сферы влияния.

Тем не менее, Московская конференция, с точки зрения ближайшей перспективы, была успехом международной дипломатии. Во время первой встречи три державы-союзницы получили возможность понять масштабы своих разногласий, но они сумели определить и проблемы, представляющие взаимный интерес, и рассмотрели основные вопросы, которые предстояло решать в будущем, то есть вопросы, которые могли быть решены только на высшем политическом уровне. В сложившейся обстановке стало реальным предложение, обсуждавшееся в течение предыдущих недель, о встрече в верхах между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем. Обсуждались время и место встречи. Сталин настаивал на том, чтобы место встречи было выбрано поближе к Советскому

Союзу, мотивируя соображениями военного характера, которые скептически были восприняты другими. Рузвельт любезно согласился взять на себя наибольший труд, связанный с перелетом. Так выбор пал на Тегеран, где три руководителя великих держав провели встречу с 28 ноября по 1 декабря 1943 г.

7.2.3. КОНФЕРЕНЦИИ В КАИРЕ И ТЕГЕРАНЕ

Инициатором встречи в верхах был, в основном, Рузвельт, который подталкивал к этому Сталина и Черчилля, стараясь к тому же показать советскому диктатору, что американская дипломатия действовала совершенно независимо от английской. Кроме того, Рузвельт хотел, чтобы встреча из трехсторонней превратилась бы в четырехстороннюю, и, не сообщив ни Сталину, ни Черчиллю, пригласил главу Гоминьдана Чан Кайши участвовать в предварительной встрече, в которой от Советского Союза должен был участвовать Молотов.

Встреча должна была состояться в Каире, который рассматривался как этап на пути американского президента в иранскую столицу. Рузвельт намеревался совершенно явно связать азиатские военные проблемы с проблемами глобального союза, чтобы вовлечь Сталина в войну с Японией. К тому же, в более широком плане он стремился усилить политическое влияние Китая, чтобы придать больший вес заявлению четырех держав с ориентацией на создание в будущем международной организации, в которой Китай смог бы занять место четвертой действительно «великой» державы.

Попытка Рузвельта провалилась. Когда Советы узнали от Черчилля, что в Каир приедет Чан Кайши, Молотов, который уведомил о своем участии, отменил это решение. Таким образом, Каирская конференция, проходившая с 22 по 26 ноября 1943 г., превратилась в англо-китайско-американскую встречу или, точнее говоря, в диалог между Рузвельтом и Чанкайши. Перед тремя участниками стояли как политические, так и военные задачи. Приоритетными были военные проблемы, поскольку они требовали срочного решения, к тому же было необходимо укрепить позиции китайских националистов, ослабленные поражениями и возобновлением раскола с коммунистами.

На бумаге китайская армия расценивалась как самая сильная в мире, а в действительности она была полностью дезорганизована и была не способна перейти в наступление. Казалось, необходимо срочно установить сухопутные связи через Бирму, а также восстановить контроль над морским судоходством в Бенгальском

заливе, несмотря на присутствие японцев в Сингапуре. По этому вопросу развернулись долгие дискуссии, мало конструктивные, потому что наращивание обязательств союзников в Азии было бы в ущерб приоритету военных операций в Европе. Значение Каирской конференции оказалось важным в политическом отношении, так как она поставила задачу укрепления шаткого положения Чан Кайши.

Китайский президент, который также впервые встречался с Рузвельтом, имел с ним продолжительную беседу, во время которой претензии Китая на роль четвертой «великой» державы были подкреплены настойчивыми требованиями возвращения утраченных территорий. Маньчжурия, Дайрен, Порт-Артур, Формоза, Пескадорские острова должны были отойти к Китаю. Корея должна была стать независимым государством, а вся японская собственность в Китае должна была перейти националистическому правительству в форме репараций наряду с японским торговым флотом и частью территорий, которые Япония получила в качестве территорий от Лиги Наций. В дополнение ко всему этому китайцы выдвинули, но более сдержанно, требования признания их суверенитета над Монголией и Тибетом, а также попросили американской поддержки в противостоянии английскому империализму и давлению со стороны Советов. В обмен Китай должен был поддержать усилия американцев по созданию военно-воздушных баз на своей территории и реорганизовать китайские вооруженные силы в виду их участия в антияпонском наступлении, а затем и в захвате территории поверженной Японии. Это были весьма обширные требования, из которых Рузвельту удалось устранить антисоветский аспект, вынудив Чан Кайши согласиться с тем, что Дайрен и Внешняя Монголия станут уплатой за будущее вступление Советов в войну против Японии.

В заключительном коммюнике конференции только часть этих требований, касающаяся Маньчжурии, Формозы и Пескадорских островов, была признана официально. Относительно Кореи говорилось о возможной независимости. Кроме того, Япония должна была лишиться всех островов в Тихом океане, завоеванных после 1941 г., и всех насильно оккупированных территорий, к тому же в отношении Империи Восходящего Солнца был подтвержден принцип безоговорочной капитуляции.

Это было началом тесного сотрудничества между националистическим правительством Китая и Соединенными Штатами, к которому англичане должны были присоединиться в обмен на признание своих прав на Гонконг и Сингапур. Сотрудничество с Китаем оказалось роковым для американского присутствия в Азии. Хотя Рузвельт стремился проводить политику, отличную

от традиционной политики британского колониализма, он оказался связанным с наиболее традиционалистской силой в Китае, уступив японцам возможность открыто выступать против европейских метрополий.

Черчилль и Рузвельт 27 ноября 1943 г. прибыли в Тегеран. На следующий день начались дипломатические переговоры со Сталиным: состоялся ряд встреч втроем в присутствии многочисленных делегаций, а также прошли двусторонние встречи, в частности между Рузвельтом и Сталиным. Американский президент любил личную дипломатию и хотел, чтобы Сталин почувствовал, что он ведет переговоры с политиком, достойным доверия и стремящимся к искреннему сотрудничеству во имя будущего. Поэтому он тщательно и осторожно готовил эти личные контакты так, что даже вызвал раздражение у Черчилля, с которым был связан полномасштабным политическим союзом, но которого лишил в те дни, как уже было во время Каирской конференции, возможности встретиться с глазу на глаз во избежание подозрений со стороны недоверчивого кремлевского диктатора.

В истории дипломатических конференций периода войны Ялтинскую конференцию, проходившую в феврале 1945 г., принято считать центральным и решающим событием. Хотя встреча вызывает множество споров и представляет наибольший интерес для историографии, своей легендарной известностью она обязана скорее тому, что проходила в особой ситуации в канун окончания войны, чем тому, что в центре обсуждавшихся на конференции вопросов стояли проблемы создания послевоенной международной системы.

В этом плане, характер Тегеранской конференции, на которой было рассмотрено большое число проблем и принято множество решений или постановлений, намеченных в общих чертах, а в дальнейшем трансформированных в полноценные решения, позволяет утверждать, что первая встреча трех крупнейших военных союзников была одновременно и самой важной. Ни одна из проблем, касавшихся ведения войны, или связанных с нею политических проблем, не были обойдены вниманием. По многим вопросам произошел лишь обмен мнениями. Но если сравнить высказанные на конференции суждения с принятыми в дальнейшем решениями, то можно заметить, что уже тогда в дискуссиях проблемы обсуждались не только в общих чертах, а по существу и в полном объеме, что нашло отражение в последующих договоренностях.

Нет нужды говорить, что в конце 1943 г. в центре внимания на переговорах был вопрос о продолжении войны до победы.

Рузвельт с уверенностью заявлял, что Германия будет разбита. Возможно, его европейские коллеги высказывались несколько менее уверенно, поскольку они непосредственно испытывали угрозу германской оккупации или воздушных бомбардировок. Московская конференция министров иностранных дел оставила в наследство Тегеранской встрече острые вопросы о выборе стратегии на завершающем этапе войны. В Москве Советы с большим вниманием отнеслись к предложению Великобритании оказать давление на Турцию с тем, чтобы она вступила в войну. В Тегеране же, напротив, с первого дня выявилось, что, несмотря на твердые заявления Черчилля и его сотрудников, Сталин не разделял оптимизма Молотова и Идена по поводу возможности принятия Турцией подобного решения. Хотя в британских предложениях содержалась возможность оказать более существенную военную помощь коммунистическим партизанам под командованием Тито в Югославии, тем не менее советский лидер твердо заявил о приоритете операции «Оверлорд».

Начало операции планировалось на 1 мая 1944 г., и только в случае задержки на два или три месяца можно было найти время для отвлекающей операции и оказать давление на Турцию или помочь партизанам Тито. Оставался открытым вопрос о верховном главнокомандующем. Рузвельт еще не объявил, кого он назначает на этот пост, что заставило Сталина и Советы усомниться в реальности новых сроков, установленных союзниками. Но эти сомнения рассеялись, как только Рузвельт на обратном пути в Соединенные Штаты сообщил о назначении Эйзенхауэра. Черчиллю ничего не оставалось как вести арьергардные бои и надеяться, что с ноября 1943 г. по май 1944 г. союзнические войска не будут задействованы и их всегда можно будет быстро использовать в Средиземноморье.

Настойчивость англичан не только вызывала подозрения у Советов, но и раздражала американцев, хотя приданная позже этим требованиям антикоммунистическая окраска весьма спорна. Форин Оффис был давно уверен, а со временем уверенность возрастала, что после войны большая часть Балканского полуострова окажется под советским господством. Если и можно было вести дипломатическую борьбу, то это были бои арьергардного характера. Поэтому стремиться выявить, что скрывалось за намерениями Черчилля, представляется излишним, по крайней мере, следует учитывать не только идеологические аспекты.

Конечно, советское наступление в Европе не могло восприниматься с удовольствием лидером британских консерваторов; столь же верно и то, что кроме Греции и в меньшей мере Югославии и Венгрии, англичане питали слабый интерес к Дунайско-

Балканскому региону. Полагать, что произошли внезапные перемены, думается неуместно. Учитывая, какой стадии достигли военные операции в конце 1943 г., гораздо более убедительными представляются заключения, основанные на гипотезе о британских опасениях утратить возможности, которые открывались в связи с капитуляцией Италии. Было бы достаточно небольших усилий, чтобы очистить от немцев весь полуостров и быстро прийти до Паданской равнины, которая могла бы стать идеальной базой для любых военных операций, нацеленных на Балканы, но, в еще большей мере, направленных против Южной Германии. Только в конце конференции Черчилль отказался от своих оговорок и полностью присоединился к американским стратегическим планам.

Другая важная военная проблема, которая обсуждалась в Тегеране, касалась советского участия в войне с Японией, и Сталин подтвердил то, о чем ранее в Москве заявил Молотов. Советский Союз сможет вступить в войну с Японией (можно сказать, откроет свой «второй фронт», отсутствие которого создавало союзникам немалые трудности в войне на Тихом океане, где англо-американцы оставались «одни» в борьбе с Японией) как только будет закончена война с Германией, но Сталин четко не определил условия своего участия.

Обсуждение политических вопросов проходило довольно хаотично, за исключением проблем, не вызывавших споров. Среди них были и проблемы общего характера, в частности, связанные с заявлением четырех держав и с ролью Франции в международной жизни после войны. Рузвельт пояснил, что заявление послужит зародышем для будущего важного института — *Организации Объединенных Наций*, которой надлежит оберегать мир. В этой связи американский президент выступил со своей идеей *четырёх полицейских*, четырех великих держав, которые благодаря длительному соглашению смогут играть роль гарантов сохранения мира.

Сталин не скрывал своего скептицизма и проявил озабоченность (если можно так сказать), что Конгресс США не захочет оказаться вовлеченным в будущие европейские споры, или что подобный замысел вынудит Соединенные Штаты держать свои вооруженные силы в Европе. Но Рузвельт его заверил (если можно так сказать), что эта задача будет возложена на Великобританию и Советский Союз. Он предполагал, что в будущем Европейский континент будет поделен на британскую и советскую сферы влияния (он не представлял и не мог представить, что эти две державы не смогут сотрудничать).

Что касается Франции, то ее будущая роль не была согласована. Рузвельт считал де Голля «фашистом и империалистом»; Сталин

без труда разделял это мнение и утверждал, что подлинным представителем Франции было правительство Виши. Черчилль был тогда единственным, кто отстаивал интересы «Свободной Франции», и это был один из немногих вопросов, по которым англичане в дальнейшем одержали верх. Организация мира, создание Организации Объединенных Наций и борьба против колониализма — по этим вопросам Сталин и Рузвельт пришли к согласию в беседах наедине. Необходимо было противопоставить японским лозунгам те же методы, как сделали это американцы, пообещав независимость Филиппинам, или же планируя включить в Устав Объединенных Наций «заявление о независимости стран».

Доклады по важнейшим проблемам не помешали трем лидерам союзных держав конкретно и целенаправленно рассмотреть проблемы, таившие в себе глубокие причины для будущего противостояния. Первой в ряду таких проблем была Польша, ради спасения независимости которой, напомнил Черчилль, Англия вступила в войну. Но премьер-министр в беседе со Сталиным с глазу на глаз, не колеблясь, заявил, что независимость не означает также целостность и неизменность границ. Английское правительство обязывалось воссоздать Польшу как государство, но не сохранить ее довоенные границы. Важнейшим вопросом, сказал Черчилль, является советская безопасность. Следовательно, смещение на запад польской границы было решением, не вызывавшим трудностей. Линия Керзона 1919 года уже намечала раздел по этническому принципу, за исключением небольших поправок в пользу Польши, которая получала компенсацию, как предложил Иден 28 ноября, в виде уступки немецкой территории до Одера. Был ли согласен Сталин? Ответ мог быть только положительным: СССР сделал все возможное, чтобы поляки получили такой результат. Рузвельт придерживался той же позиции.

1 декабря во второй половине дня Рузвельт встретился со Сталиным в присутствии Молотова, Гарримана и переводчиков. Американский лидер сказал, что в 1944 г. предстоят президентские выборы и если война будет закончена, он не сможет вновь выдвинуть свою кандидатуру, а в ситуации войны он должен будет исполнить свой долг. В связи с выборами Рузвельт требовал принять во внимание, что в Америке имелось шесть или семь миллионов избирателей польского происхождения, и он не мог позволить себе потерять их голоса. Американский президент добавил, что поддерживает предложение передвинуть западную границу Польши к западу до Одера. Рузвельт также надеялся, что Сталин «поймет», что в то же время «он не мог участвовать в каком-либо публичном соглашении», которое санкционировало бы

такое изменение границ. Сталин понял. Но судьба польских территорий была уже предreshена.

Что касается политического устройства Польши, то Сталин постарался выдвинуть на авансцену своих ставленников в ожидании, когда Красная армия вступит на территорию соседней страны. Пока он был вынужден уступить англо-американскому давлению и нормализовать отношения с польским правительством в изгнании. Взамен он потребовал от поляков согласия, что восточной границей Польши станет граница, установленная в 1941 г. Советами. Это была линия Риббентроп—Молотов, как едко заметил Иден, а Молотов называл ее линией Керзона. От названия границы зависело восстановление дипломатических отношений, переговоры о котором, впрочем, продолжались несколько месяцев. Этого времени было достаточно, чтобы Советы создали в Польше политический организм, полностью от них зависимый.

На конференции в Тегеране рассматривалась также судьба Германии, поскольку этой проблеме не было уделено достаточного внимания во время Московской встречи. Это было сделано в Тегеране. Предстояло решить, расчленить или нет вражескую страну. Сталин и Черчилль были склонны принять раздел Германии. Позже Сталин разъяснил, что СССР требует предоставления территориальных уступок, которые включали бы аннексию Кенигсберга. Рузвельт ознакомил участников встречи со своим планом раздела Германии на пять зон, каждая из которых должна была быть независимой. Над некоторыми территориями — Кильский канал, порт Гамбург, области Рур и Саар — предлагалось установить международный контроль. Таков был подход к обсуждению важной проблемы, продемонстрировавший ориентацию победителей; ее развернутое решение было поручено Европейской консультативной комиссии. Больших изменений на карте Европы не планировалось, за исключением изменения границ Польши и раздела Германии. Все остальное с небольшими поправками должно было вернуться к довоенному положению: это касалось малых стран и средних держав — Франции и Италии.

Политическая значимость дискуссий о малых странах была менее масштабной, но они в равной мере свидетельствовали о намерениях ведущих союзных держав. Сталин заявил, что аннексия Советским Союзом Прибалтийских государств не подлежит обсуждению, и даже Рузвельт по существу не возразил ему. Сталин заявил также, что Финляндия должна вернуться с небольшими изменениями к состоянию границ на март 1940 г. и, кроме того, выплатить весомые репарации Советскому Союзу (возместить 50% ущерба, понесенного вследствие нападения Финляндии).

Только Черчилль высказал некоторые сомнения. Рузвельт промолчал.

Советский Союз заявил о своих интересах относительно судоходства в районе проливов, и в этом вопросе Рузвельт предложил осуществить полнейшую либерализацию, вне зависимости от того, будет ли участвовать Турция в будущем в войне или нет. По этой проблеме англичане и Советы предпочли соблюдать молчание. Союзники легко пришли к соглашению относительно заявления, которое обязывало три ведущие державы помочь Ирану в преодолении экономических затруднений, порожденных войной, и гарантировать ему независимость и целостность территорий после окончания военных действий. Наконец, как англичане, так и Советы признали необходимость оказания массивной поддержки партизанам Тито, к тому же англичане уведомили о своем намерении участвовать в освобождении Греции.

Очень немногое из этих дискуссий вошло в заключительное коммюнике конференции — лишь обязательство начать операцию «Оверлорд» и наименее значительные вопросы. Тем не менее, на конференции был очень четко намечен образ действий трех ведущих держав в отношении будущего Европы. Во всем этом поражает не столько жесткий реализм Сталина или конкретный подход Черчилля, сколько преобладающая роль Рузвельта в решении наиболее острых проблем в пользу Сталина и Советов. Относительно будущего оставалось только уточнить технические детали либо рассмотреть новые проблемы, возникшие в ходе военных операций. Участники конференции, провозглашая принципы нового мирового порядка, с легкостью и бесцеремонностью рассуждали о судьбах целых народов. Возможно дипломатический итог встречи может ввести в заблуждение, но анализ протоколов Тегеранской конференции не может не вызвать замешательства.

Рузвельт и Черчилль покинули Тегеран 2 декабря и направились в Каир, где им предстояло встретиться с турецкими руководителями, которые знали, что позиция их страны была объектом дискуссий в иранской столице. Турки были очень озабочены и старались как изложить свою точку зрения, так и понять замыслы союзников. В Каир прибыли президент Турции Исмет Иненю и министр иностранных дел Нуман Менемеджиоглу.

Черчилль предпринял последнюю попытку оживить идеи, уже похороненные в Тегеране, и оказал энергичный нажим на турецких руководителей с тем, чтобы Турция вступила в войну. Он добивался того, чтобы Анкара разрешила установить на своей территории базы для британских радаров, которые могли бы использоваться в дальнейшем для присланных в Турцию воздуш-

ных эскадрилий. Но потенциал этих сил был слишком ограничен, чтобы отнестись с доверием к предложениям англичан (которые Рузвельт нехотя поддержал).

Инению понял, что открытие второго фронта весной 1944 г. ограничит возможности союзников для организации военных действий в Турции. Он с легкостью ответил Черчиллю, который усиленно подчеркивал обязательства сторон по англо-турецкому договору, что турки не изменили своих дружеских чувств по отношению к Великобритании и по-прежнему убеждены в победе союзников. Более того, Турция готова вступить в войну на стороне союзников, но только для участия в «широкомасштабных» операциях, так как в другом случае страна окажется беззащитной перед репрессивными акциями немцев, что не даст союзникам никаких преимуществ. Впрочем, Инению знал, что вне зависимости от участия в войне, Великобритания в любом случае в будущем встанет на защиту Турции как против Германии, так и против Советов. Поэтому турки покинули египетскую столицу, не сделав никаких уступок и особенно ничем не рискуя, но они рассеяли последние надежды англичан наилучшим образом использовать возможности, возникшие в связи с капитуляцией Италии.

7.3. «Итальянский прецедент» и его последствия. Создание Организации Объединенных Наций

7.3.1. «ВЕЛИКИЙ СОЮЗ» И ИТАЛЬЯНСКИЙ КАЗУС

Подготовка к операции «Оверлорд» шла полным ходом. Бомбардировки с воздуха Германии и территорий, оккупированных немцами, приобретали разрушительный характер. Советские войска перешли старую границу 1939 г. и вступили на территорию Польши, а на южном направлении они приближались к Румынии. Внутренняя ситуация в этой стране становилась все более сложной, и предложения сепаратного мира раздавались тем чаще, чем быстрее приближались советские войска.

В первом полугодии 1944 г. выявилось множество противоречий, которые были скрыты за внешним согласием, достигнутым в Тегеране. Неясности и двусмысленности, более или менее намеренные, проявились и показали, что это согласие было, по большей части, поверхностным, потому что никто не намеревался всерьез отказаться от своих стратегических целей. Американцы стремились к реализации долгосрочных программ, касавшихся реорганизации мировой системы. Англичане хотели сохранить неизменным контроль над своей империей и свое влияние в Ев-

ропе — от Франции, еще оккупированной немцами, и вплоть до Италии, уже частично освобожденной — а также на всем Ближнем Востоке.

Сложившаяся ситуация не была неожиданностью, поскольку она касалась уже известных намерений и территорий. Было менее известно, однако, в каких пределах Советы намерены осуществлять свое влияние. Будут ли они удовлетворены, как осторожно дали понять Молотов и Сталин на конференциях в Москве и Тегеране, таким миропорядком, который обеспечит безопасность Советов, или будут осуществлять более решительный натиск на Запад, чтобы добиться своего присутствия в Европе, способного заполнить вакуум, оставленный поверженной Германией?

Первый тревожный сигнал по этому поводу был получен союзниками в марте 1944 г., когда правительство СССР неожиданно заявило о восстановлении непосредственных отношений с Италией. Ни процедура, ни политические условия реализации этой советской инициативы не проясняли намерений Москвы относительно Италии, что вызвало обеспокоенность союзников, считавших, что этот регион должен оставаться бесспорной зоной британского и американского господства.

Двусмысленность вокруг итальянской ситуации возникла еще до Московской конференции, когда требовалось определить ответственность за контроль реализации перемирия в Италии. Решение о создании двух параллельных органов, т.е. *Союзной контрольной комиссии* и *Консультативного совета по вопросам Италии*, было принято без четкого разграничения их полномочий. Для англо-американцев и оккупационных военных властей в Италии было абсолютно ясно, что единственным органом, обладавшим реальной властью, являлась Контрольная комиссия. Именно она должна была определять и направлять деятельность правительства Бадольо, а также любого другого итальянского правительства, которое придет ему на смену.

Советы выступили против такого понимания задач Контрольной комиссии, они давно назначили своим представителем в Консультативный совет одного из видных деятелей советской *номенклатуры* — Андрея Вышинского, бывшего тогда заместителем министра иностранных дел, но известного в качестве главного обвинителя на судебных процессах в ходе чисток конца тридцатых годов. Назначение Вышинского предполагало исполнение им особых политических функций, а не только участие в консультациях. Советы намеревались придать своему присутствию в Италии и вообще в Средиземноморье (поскольку в компетенцию Консультативного совета должен был войти весь этот район) значимость

подлинного участия в решении важнейших политических вопросов в этом регионе в рамках «Великого союза».

На Московской конференции впервые появилась возможность прояснить позиции союзников. При современном состоянии документальной базы трудно сказать как Советы оценивали намерения союзников и какие они делали выводы. Поэтому пребывание Вышинского в Италии в начале января 1944 г., когда начал работу *Консультативный совет по вопросам Италии*, может рассматриваться как выражение доброй воли в отношении намеченного процедурного процесса, а возможно, и как сложный политический маневр с целью обойти позиции англо-американцев.

В пользу второго истолкования свидетельствуют два обстоятельства: бессодержательный характер дискуссий в ходе работ Консультативного совета, где вскоре Вышинского сменил посол Богомолов, а также то, что советский представитель, воспользовавшись случаем, развернул активную деятельность по установлению автономных контактов с итальянской дипломатией. К тому же произошло укрепление позиций Итальянской коммунистической партии, что не могло не беспокоить союзников. Вышинский встретился с генеральным секретарем министерства иностранных дел Италии Ренато Прунасом. Он обсудил с ним возможности улучшения отношений между двумя странами, выслушал его жалобы по поводу того, что Италия окружена своего рода «китайской стеной», выстроенной союзниками, что препятствовало каким-либо действиям в пользу общей борьбы против нацистов, и обсудил вопрос об изменении сложившейся ситуации.

Изменение могло произойти в двух направлениях: советское правительство должно было изучить возможности установления прямых отношений с Италией в полном объеме (вопреки перемирию, которое оно подписало и которое ставило под контроль любую дипломатическую инициативу Италии), а итальянское правительство перестало бы чинить препятствия возвращению в Италию ведущему руководителю итальянской компартии Пальмиро Тольятти. Он призван был стать выразителем нового политического курса: не противостояние антифашистских партий Савойской династии и Бадольо, ответственных в прошлом за тайный сговор с Муссолини, а сотрудничества во имя общей борьбы с нацизмом. Сначала выиграть войну, а потом обсуждать политическое будущее Италии.

Результатом этого политического соглашения стало советское заявление от 11 марта 1944 г. о признании правительства Италии и возвращение Тольятти в Италию в конце того же месяца. В конце апреля было сформировано первое итальянское правительство,

состоявшее не только из чиновников и военных, но и представителей всех антифашистских партий, которые вошли в правительство вследствие поворота, провозглашенного Тольятти в политике *Комитета национального освобождения* (КНО), координировавшего деятельность антифашистских политических партий. Все эти события свидетельствовали о том, насколько легко Советы смогли обойти контроль союзников и вызвать в политической системе Италии радикальные перемены, при этом англо-американцы не сумели ничего противопоставить Москве, кроме выражения своего неодобрения или разочарования.

Тем не менее, в отношениях между великими державами эти события оставили глубокий след, потому что они показали, что «медовый месяц» большой тройки, протекавший в период между Москвой и Тегераном, завершился. Если англо-американцы действовали до проведения конференций по собственному усмотрению в разработке политической линии в Италии, то теперь точно также поступали Советы как на освобожденных ими европейских территориях, так и в той же Италии.

Государственный секретарь Соединенных Штатов Хэлл с горечью и тревогой отмечал признаки этих перемен, у него складывалось впечатление, что «советское правительство не склонно играть конструктивную роль как полноправный член семьи наций, как участник международного сотрудничества». Стиль односторонних инициатив может нанести лишь вред, заметил Хэлл, а «события развиваются столь быстро, что советскому правительству предстоит выбирать между развитием и расширением международного сотрудничества в качестве ведущего принципа послевоенного мироустройства, и односторонними и волевыми методами решения проблем, в особенности тех, что представляли интерес для Советского Союза».

Методы, которые Советы использовали для выражения своего признания правительства Бадольо, свидетельствовали о намерении обойти вето союзников и добиться важного одностороннего успеха, что содействовало расширению советского влияния в Италии и Средиземноморье, в регионе, исключительно важном в стратегическом плане. Это происходило накануне открытия второго фронта и перед наращиванием помощи югославским партизанам. Подобные действия стали предвестником послевоенного политического курса. Они были также выражением желания Советов отплатить союзникам.

На протесты против одностороннего решения Советы ответили тем, что пошли на видимый компромисс, согласно которому обмен послами с Италией должен был произойти как простой акт,

не сопровождавшийся настоящей дипломатической аккредитацией. При этом Советы заявили, что существование Контрольной комиссии лишало Советы возможности установить прямые контакты с итальянцами, а это ставило правительство Москвы в неравное положение, скорректировать которое должно было признание правительства Италии. Таким образом стало ясно, что признание было только первым этапом той деятельности, которую Советы готовились развернуть в Италии, это не могло не встревожить союзников.

Гарриман, посол Соединенных Штатов в Москве, отмечал: «Я считаю, что мы не должны позволять Советам действовать столь грубыми методами, необходимо дать им понять, что это вызывает соответствующую реакцию у нас и в американском общественном мнении». Советская инициатива, продолжал он, «подрывает дух сотрудничества, который мы намеревались создать на конференциях в Москве и Тегеране, поэтому, казалось, незначительное событие становится весьма важным, поскольку касается методов деятельности... Предстоит долгий и трудный путь, чтобы заставить Советы понимать, как вести себя в цивилизованном мире». Событие и вправду незначительное. Но реакция американцев свидетельствовала о том, какие отклики подобные действия вызывали и могли вызвать в будущем. Опасность глубоких разногласий, преодоленная в течение нескольких недель, резко осложнила решение первого из стоявших в повестке дня вопросов.

7.3.2. ПОЛЬША И РУМЫНИЯ

Начало операции «Оверлорд» стало началом падения нацизма. Другие проблемы, которые решались в Тегеране таким образом, что оставляли Сталину свободу маневра (либо ощущение, что он может располагать полной свободой маневра), снова стали актуальными — свидетельство серьезных расхождений в «Великом союзе». Первым таким вопросом было положение Польши. Несколько месяцев Советы стремились сделать Тегеранские соглашения более четкими, однако большей частью безуспешно, за исключением проблемы Чехословакии.

Отношения между Чехословакией и Советским Союзом всегда были хорошими, даже территориальные споры не привели к их ухудшению, а борьба против нацизма и Германии сплотила их еще больше. Таким образом, 12 декабря 1943 г. правительства обеих стран подписали договор о дружбе и взаимопомощи в послевоенное время, а 8 мая следующего года они дополнили договор военным соглашением, которое определяло принципы поведения

«дружественных» советских войск, когда они начнут освобождение территории Чехословакии.

Эта операция была уже близка. Одновременно с высадкой союзных войск в Нормандии Советы развернули мощное наступление на центральном фронте, благодаря которому они преодолели Карпаты и вступили на территорию Польши. Перед Москвой встал вопрос об отношениях с находившимся в Лондоне польским эмигрантским правительством и, что было новым моментом, об отношениях лондонского правительства с Польским комитетом национального освобождения, который был создан под контролем Советов в городе Люблине. Эта проблема обострялась по мере продвижения советских войск вглубь территории Польши, а с 1 августа она приобрела драматичный характер, поскольку польское военное подполье, связанное с эмигрантским правительством, открыто призвало к восстанию в Варшаве против немцев. В те дни советские войска находились на расстоянии в несколько десятков километров от польской столицы. Они могли прийти на помощь восставшим, либо в соответствии с настояниями союзников позволить им создать на территории, контролируемой Советами, воздушные базы, с которых можно было бы оказывать помощь польским повстанцам.

Все это, однако, стало невозможно из-за изнурительного политического спора, который развивался параллельно с военными действиями и за время которого недоговоренности и взаимный обман привели к трагедии. Первым к уклончивости и недоговоренности прибегнул Рузвельт. Накануне высадки в Нормандии он провел ряд встреч с Миколайчиком, главой польского эмигрантского правительства. Во время этих встреч американский президент дал понять, что ему трудно занять определенную позицию, но в то же время он неустанно повторял лидеру эмигрантского правительства, что необходимо встретиться и договориться со Сталиным. Поляки, говорил Рузвельт, должны быть готовы пойти на уступки.

Рузвельту с трудом удалось добиться от советского диктатора согласия принять польского премьер-министра, который вылетел в Москву 27 июля. Еще до прибытия Миколайчика в Москву, Сталин сообщил о своих хорошо известных позициях по территориальному вопросу и о менее известных взглядах на отношения между эмигрантским правительством и Комитетом национального освобождения. Советы соглашались признать польское лондонское правительство только в том случае, если его членами станут многие участники Комитета национального освобождения и если оно избавится от тех своих представителей, кто наиболее

«дискредитировал» себя и несли наибольшую ответственность за проведение профашистской политики, включая Миколайчика.

В этих условиях визит в Москву был бесполезным и унижительным для польского политика, который предпринял его под давлением Рузвельта и Черчилля. 3 августа, в то время как в Варшаве бушевало восстание, Миколайчик встретился в Москве со Сталиным. Он попросил срочно оказать помощь, но Сталин уклончиво ответил, что ему ничего неизвестно о том, что происходит в Варшаве и поэтому он не может взять на себя никаких обязательств. Для Сталина было важно, чтобы Миколайчик принял его политические и территориальные условия, остальное предстояло обсудить с Комитетом национального освобождения во главе с Болеславом Берутом, преданным исполнителем советских приказов.

9 августа Сталин снова встретился с польским министром и обещал ему, что изучит возможности помочь повстанцам, которые тем временем героически боролись за освобождение Варшавы. Несколько дней спустя Сталин пришел к выводу: восстание возглавляли антисоветские элементы, и оно не заслуживало никакой помощи. Сталин сделал такой вывод, увидев равнодушие Рузвельта и Черчилля к польской проблеме, которое проявилось на конференции в Тегеране. К тому же, Сталин знал, что накануне выборов Рузвельт менее чем когда-либо сможет произнести хоть слово правды о том, что происходило в Польше, где народ, мученик войны, претерпевал испытания и бесчисленные предательства, будучи заложником политики великих держав.

Только в сентябре Сталин позволил использовать советские базы для помощи повстанцам. Между тем советские войска уже приближались к варшавскому предместью — Праге и 15 сентября вошли в него. В то же время они оставались на подступах к Варшаве до тех пор, пока 3 октября польские повстанцы вынуждены были капитулировать перед немцами, теми самыми немцами, которые теперь под напором Красной армии готовились оставить столицу Польши. Конечно, американцы и англичане создавали свою ответственность. В те же самые месяцы они полностью были заняты выполнением первого этапа операций во Франции. Хотя действия Советов были законными и рассчитанными, они нанесли новую, еще более глубокую травму союзническим отношениям. Черчилль настаивал на организации новой встречи в верхах, но Рузвельт не хотел этого (как по дипломатическим соображениям, так и ввиду предстоявших выборов).

Едва завершился варшавский казус, как начался румынский, также вызвавший новую волну взаимных недопониманий. С лета 1943 г. румыны (которые были задействованы в войне только на

советском фронте) начали зондировать возможность заключения сепаратного мира. Жесткий контроль со стороны Германии и судьба Северной Италии должны были убедить их, что добиваться этого нецелесообразно. Между тем, в августе 1944 г. Советы успешно провели грандиозное наступление на центральном фронте. Вскоре они неожиданно начали массированное наступление по всему 600-километровому фронту, который включал весь Балкано-Дунайский регион и приближался, прежде всего, к территории Румынии. Ситуация вынуждала короля искать пути спасения монархии. 23 августа он приказал арестовать румынского «дуче» маршала Иона Антонеску и сменить его правительство новым кабинетом, в который бы входили представители политических сил, еще оставшихся в Румынии.

Как и в Италии, во главе правительства король поставил преданного ему генерала Константина Сэнетеску, окружив его министрами без портфеля, среди которых выделялись глава национальной крестьянской партии Юлиу Маниу, лидер либеральной партии Константин Брэтиану и лидер социал-демократической партии Титель Петреску. Представителя небольшой коммунистической партии Румынии также включили в новое правительство, первоочередной задачей которого было просить Москву немедленно подписать перемирие. Реакция Советов была ободряющей: 25 августа пришло сообщение о благосклонном отношении Москвы.

Однако соглашение о капитуляции Румынии было подписано только 12 сентября, после того, как англо-американцы высказали свое одобрение и пожелание, чтобы в Румынии была создана *Союзная контрольная комиссия*, аналогичная той, что в свое время была сформирована в Италии. Замысел совпадал по форме, но не по содержанию: Советы намеревались взять на себя в Румынии те же функции, которые западные союзники осуществляли в Италии. Они заняли всю территорию Румынии и установили там жесткий контроль, к которому ради проформы был сначала допущен представитель Англии, а затем и США, прибывший в Бухарест. Советский представитель генерал Виноградов инициировал первую смену правительственного кабинета, изгнав из него в середине октября Маниу и Брэтиану, вместо них в правительство были включены деятели, не имевшие политического веса. Это было только начало прямого политического вмешательства, которое в 1945 г. проявилось еще более ярко. Кроме того, эти события свидетельствовали о том, как трудно и сложно было союзникам выработать общую политическую линию.

7.3.3. РАЗРАБОТКА УСТАВА ООН:
ДУМБАРТОН-ОКС

В дальнейшем еще более тревожные признаки этих трудностей выявились в ходе работ по подготовке проекта Устава Организации Объединенных Наций. Создание новой большой международной организации было основной политической целью американцев, которые выступали за реструктуризацию международных отношений в мировом масштабе. Рассуждать о проблеме безопасности абстрактно, в чисто юридических терминах, как это делал в 1919 г. Вильсон, означало скрывать реальное политическое значение юридических формулировок или обходить его, что всегда грозит провалом любой инициативы.

Вопросы безопасности и гарантий мира не могут абстрагироваться от специфики политической реальности: наследие войны, наличие потенциального врага, или наоборот, общее участие в отстаивании определенной системы международных отношений, рассматриваемой как результат происходящего столкновения. С этой точки зрения, интересы ведущих союзных держав предполагали включение в размышления о будущем институциональных механизмов, призванных обеспечить достижение их политических целей — безопасности и мира. Поэтому создание новой международной организации, в первую очередь, отражавшее концепцию *Большого проекта* Рузвельта, отвечало потребностям других потенциальных победителей, старавшихся закрепить результаты своих военных успехов.

Институциональные формулы предлагали привлекательную альтернативу в сравнении с простым возвращением к формулам силовой политики. Возможно, Черчилль и Сталин не разделяли полностью некоторые американские установки, тем не менее, они тоже понимали, насколько важно цивилизовать международные отношения, вывести их на более высокий уровень, когда механизмы посредничества предотвратят столкновения интересов, что будет содействовать сохранению безопасности. Идея *четырёх полицейских*, выдвинутая Рузвельтом, затем трансформировалась в постулат «прочного согласия» между союзными державами, участниками Второй мировой войны, и была наполнена реальным содержанием, что послужило основой для институциональных механизмов, которые удалось разработать союзникам.

По этому вопросу существовало четкое обязательство, принятое в Москве в октябре 1943 г., созвать как можно быстрее конференцию экспертов, которая изучила бы проекты, представленные каждой из трех держав; по мнению Рузвельта, к ним должен

был присоединиться Китай. Контакты в связи с созывом подобной конференции начались в феврале 1944 г., а в апреле состоялся первый обмен мнениями, в ходе которого была достигнута договоренность, что подготовительная конференция экспертов приступит к работе в августе 1944 г. Местом ее проведения стала большая вилла Думбартон-Окс в Джорджтауне, одном из кварталов Вашингтона. Вилла дала название и конференции, открывшейся 21 августа и продолжавшейся до 29 сентября. В ходе переговоров на основе сопоставления различных, но в основном сходных предложений, был разработан комплекс согласованных норм. Исключение составляли отдельные вопросы, касавшиеся важнейших политических моментов деятельности новой организации, а также некоторых преимущественно технических аспектов, однако не лишенных политического значения.

Расхождения по отдельным вопросам свидетельствовали о трудностях выработки единого понимания будущего мироустройства. Во-первых, это были вопросы, связанные с всеобщим характером организации, поскольку Советы требовали включения в нее всех 16 республик, входивших в состав СССР. Во-вторых, разногласия касались режима несамостоятельных территорий и, в частности, тех, на которые распространялась система опеки, аналогичная режиму «мандатов» Лиги Наций.

В ходе дискуссии наиболее сложным в политическом отношении оказался вопрос о порядке голосования в рамках будущей организации. Все помнили, что правило единогласия фактически парализовало работу Лиги Наций. В связи с этим выявилась проблема соотношения между юридическим равенством наций в международном плане и неравенством ответственности, вытекающим из различия политического веса каждой из них, и разного размера расходов, которые великие державы должны были нести в случае проведения международных акций.

В дальнейшем вопрос еще более осложнился. Действительно, введение правила большинства в организации, где Соединенные Штаты весьма вероятно станут господствующей силой, означало, что большинство, состав которого predetermined, станет в будущем направлять деятельность организации. Это не создавало бы проблем до тех пор, пока сохранялось бы «прочное согласие», существовавшее, казалось, в тот период между великими державами, но вызывавшее сомнение у каждого, кто реально смотрел на вещи и в возникавших конфликтах видел вероятность кризиса этого согласия.

При отсутствии особой системы гарантий, которая «заставляла» бы ведущие державы голосовать вместе или не голосовать,

вся система организации оказалась бы неэффективной еще до ее рождения. Советы не могли забыть, что последнее важное решение, принятое Лигой Наций касалось изгнания их из этой организации в декабре 1939 г. Советского Союза как виновника агрессии против Финляндии, оно призывало государства-члены Лиги оказать помощь стране, подвергшейся нападению. С радикальным изменением ситуации трудно было предположить, что Советы смогут участвовать в организации, которая не давала бы им гарантии, что они не будут зависеть от чужих интересов. В тот момент, когда они ставили свое участие в зависимость от подобных гарантий, Советы закладывали основы создания специального органа, работа которого определялась согласием его участников. Другими словами, они явственно выразили свою настороженность или, точнее, свое недоверие в отношении союзников.

Вопросы, которые были предметом обсуждения в Думбартон-Оксе и остались нерешенными, касались не только узко организационных аспектов; напротив, они затрагивали само политическое существо будущей международной организации. Подготовительные работы по ее созданию завершились отсрочкой. Но было ясно, что проблемы могут быть решены только политическим путем на второй встрече руководителей трех великих держав, т.е. на конференции в Ялте.

7.3.4. «ПРОЦЕНТНАЯ СДЕЛКА» МЕЖДУ СТАЛИНЫМ И ЧЕРЧИЛЛЕМ

В ожидании этой встречи в верхах возникло множество причин для разногласий между союзниками, и опасения неустойчивости коалиции усилились. Осенью 1944 г. Рузвельт был слишком занят своей кампанией по выборам на пост президента США на четвертый срок и не мог некоторое время непосредственно участвовать в спорах со Сталиным. С другой стороны, ухудшение ситуации было столь явственным, прежде всего в польском вопросе и по балканским проблемам, что Черчиллю казалось необходимым вмешаться и канализировать разногласия в рамки разумного компромисса. В связи с этим родилась идея поездки английского премьер-министра в Москву для встречи с глазу на глаз со Сталиным. Американцы приняли в этом участие только в качестве наблюдателей и были представлены своим послом в СССР Авереллом Гарриманом.

Как и Ялтинская конференция, встреча в Москве, проходившая с 9 по 19 октября 1944 г., является одной из излюбленных тем историографии скандальных сенсаций. Один из ее участников,

Черчилль, не преминул красочно описать ее в своей книге «*Вторая мировая война*», что послужило толчком для нескончаемой полемики о пресловутой державной политике и о господстве концепций раздела мира на «сферы влияния», ярким и циничным примером которых стала Московская встреча. В действительности, хотя по существу эпизод, о котором вспоминает Черчилль (т.е. процентный раздел на сферы английского и советского влияния Дунайско-Балканского региона Европы) изложен точно, он остается совершенно непонятным, если его свести просто к анекдоту. Беседы с глазу на глаз были результатом весьма сложной политики и прелюдией к гораздо более серьезным переговорам и к более обязывающим договоренностям, ради которых британская дипломатия работала в течение нескольких месяцев.

За время, предшествовавшее встрече в Москве и последовавшее за ней, Красная армия продолжала активно продвигаться на запад, что вызвало разнообразные последствия. Заняв всю Румынию, Советы воспользовались внутренним хаосом в Болгарии после смерти царя Бориса (август 1943 г.) и прихода к власти земледельческой партии, которой противостояла болгарская коммунистическая партия, чтобы 5 сентября 1944 г. объявить войну Болгарии и тут же ввести на ее территорию свои войска. Как раз в этот момент в результате народного восстания были арестованы регент князь Кирилл, брат царя Бориса, и правительство, вследствие чего сложились условия для просьбы о перемирии, которую Советы с готовностью приняли.

Тем временем, Красная армия приближалась к центральному региону Балкан, началась осада Белграда и Будапешта. В то же время немцы внезапно убрали регента Хорти, вина которого состояла в том, что он обратился к Советам с просьбой о перемирии. Еще во время Московской встречи английские войска, высадившиеся 5 октября в Греции, взяли 14 октября Афины, где они сформировали Временное правительство национального единства.

С начала 1943 г., со времени поражения немцев под Сталинградом, для Форин Оффис стало ясно, что советское наступление может превратить Балканы в театр военных действий, и в стратегии западных держав не было предусмотрено ничего, что можно было бы противопоставить Советам. Перед англичанами встала проблема, как предотвратить насильственные социально-политические перемены вследствие оккупации Советами балканских стран, т.е. советское присутствие на Балканах не должно было автоматически привести к господству коммунистических партий (политический вес которых был сам по себе незначительный) и советизации. Эту цель, совпадавшую с желанием сохранить со-

трудничество с Москвой и после войны, можно было осуществить различными путями, например, с помощью согласования странами политической деятельности в *Европейской консультативной комиссии*.

Между тем, метод согласования, весьма сложный и многоаспектный, уже выявил в случае с Италией свою неэффективность, и англичане вынуждены были изменить свои планы. Если согласованная деятельность была невозможна, то для англичан оставался единственный способ защиты их интересов на Балканах и предотвращения советизации — убедить Кремль, что западные державы намерены учитывать советские требования безопасности.

Итак, Московскую встречу следует рассматривать именно в этом ключе, а не как шаг на пути к «циничному» и окончательному разделу Балкан на сферы влияния; она скорее отражала попытку определить соответствующие позиции на переходном этапе перемирия, до полного поражения Германии и вплоть до заключения мира. Эти замечания имеют своей целью объяснить, что последующая сталинизация балканского региона Европы была негативным результатом не Московских договоренностей, а скорее, наоборот, их неудачной реализации.

Черчилль рассказал в своей книге, что вечером в день приезда в Москву и в отсутствие Гарримана он быстро набросал на листочке бумаге суть соглашения и передал его Сталину, который увидел таблицу, представлявшую в процентном соотношении соответствующие доли советского и англо-американского влияния, и одобрил ее птичкой синим карандашом. Договоренности касались пяти стран: было отмечено, что в Румынии на 90% устанавливается советское влияние и на 10% западное, в Греции, наоборот, преобладающее влияние Запада — на 90% и на 10% советское; в Болгарии соотношение устанавливалось в пользу Советского Союза — 75% и на долю западных держав — 25%; а в Венгрии и Югославии раздел производился поровну — на 50% советское влияние и на 50% западное.

Черчилль ярко описывает, как тут же попросил уничтожить эту бумажку, которая, тем не менее, до сих пор находится в британских архивах. Он же сам на следующий день уточнял в своей переписке с правительством в Лондоне и в проектах, которые должны были быть представлены на обсуждение Советам, что методика подсчета в процентах была использована только для того, чтобы создать возможность для более точного изложения своих соображений «на общедоступном языке», и предназначалась для того, чтобы служить «только временным руководством на ближайшее будущее в ходе войны», а не для того, чтобы стать основой «системы жесткого раздела на сферы интересов».

Позже, 18 января 1945 г., Черчилль в своей речи в палате общин отметил: «Это соглашение не содержало даже минимального раздела территорий или сфер влияния на послевоенный период. Его цель заключалась в том, чтобы избежать трений между ведущими державами в те критические дни». Поэтому система процентного разделения не расценивалась как железная гарантия пропорций влияния в определенных контрольных органах или институтах. Она служила неким критерием, точкой отсчета, указывавшей пределы, которых, как предлагала Великобритания, следовало придерживаться каждой из сторон на переходном этапе до подписания соглашений о перемирии или мирных договоров.

Все это становится еще более очевидным, если больше не рассматривать обмен записками между Черчиллем и Сталиным как случайное либо изолированное сверхсекретное событие. Это был только момент, который кто-то назвал метафоричным, в долгой дискуссии английских и советских руководителей с приближением мира, обсуждавших и определявших методы отстаивания своих интересов, при этом преобладало стремление англичан не позволить Кремлю усомниться в намерении западных держав соблюдать интересы безопасности СССР.

Вопрос касался не только методов осуществления перемирия и форм работы различных контрольных комиссий (румынской, болгарской и венгерской). В дальнейшем по этим проблемам не было недостатка в разногласиях. На переговорах в Москве также обсуждался последний этап войны и первый послевоенный период. Другими словами, рассматривалось состояние напряженности, сложившееся в 1944 г., которое с приближением финальной фазы мирового конфликта и с новой победой Рузвельта на президентских выборах в США рекомендовалось обсудить на новой встрече в верхах.

7.4. Отношения между европейским движением Сопrotивления и союзниками в 1944–1945 гг.

7.4.1. СОПРОТИВЛЕНИЕ И СОЮЗНИКИ

Московская встреча между Черчиллем и Сталиным, несмотря на все замечания о том, что ее необходимо рассматривать в определенном историческом контексте, отражала трудности и опасения, которые возрастали с приближением конца войны. До этого момента союзники были заняты периферийными вопросами и продолжали заниматься ими и в последующие недели, несмотря на свои добрые намерения. Но они сознавали, что необходимо

выработать позиции по главному из европейских вопросов — германскому — более четко, чем это было сделано на Тегеранской конференции. В тот исторический момент они понимали, что задача найти согласованное решение стоит, прежде всего, перед Великобританией и Советским Союзом. К тому же, Рузвельт неоднократно заявлял, что американские войска будут выведены из Европы не позднее, чем через два года после окончания войны, в тот момент, когда американские граждане перестанут понимать, почему их армия находится далеко от родины в мирное время и после разгрома нацизма.

Американцы разработали такие концепции, что германский вопрос приобрел иное значение. Министр финансов Генри Моргентау в августе 1944 г. предложил план, согласно которому индустриальная мощь Германии должна быть уничтожена вплоть до разрушения большей части немецких промышленных предприятий, затопления некоторых шахт и превращения ее в страну с преимущественно аграрной экономикой. Ответственность за установление нацизма и развязывание войны, согласно этому плану, возлагалась на весь немецкий народ. Столь радикальный «план Моргентау» не был принят государственным департаментом и военным министерством, его заменили директивой Объединенного комитета начальников штабов (известной позже как директива 1067), которая носила среднесрочный характер, была суровой, но конструктивной и направленной на возрождение демократической Германии. К тому же она оговаривала, что США не проявляют интереса к концептуальной разработке краткосрочных германских проблем. И хотя со временем эта позиция американцев была пересмотрена, возможно, под влиянием самой логики событий, но в конце 1944 г. и в первые месяцы 1945 г. она казалась предварительным условием при любом подходе к решению германской проблемы.

К основным проблемам добавились военные и политические вопросы, требовавшие немедленного решения. В военном отношении конец 1944 г. был отмечен контрударом немецких войск в Арденнах и ожесточенным сопротивлением Германии советскому наступлению с востока. Защищая территорию своей родины, немцы сражались с возрастающим упорством, особенно в пограничных с Польшей районах, где были преимущественно размещены концентрационные лагеря смерти. Сталин подозревал, что за этим сопротивлением немцев было скрыто намерение бороться с врагами двояким образом: с одной стороны, вести ожесточенную борьбу на востоке, чтобы упорно защищать каждую свою позицию; с другой, добиваться с помощью маневров военного прорыва

на Западе (в особенности до и после эпизода в Арденнах). Сталин видел в этой тактике маневров стремление Гитлера создать условия для капитуляции в два этапа и, возможно, даже спровоцировать раскол антифашистской коалиции. Эти подозрения были не лишены основания; тем не менее, Сталин односторонне трактовал ход сражений.

Гитлер все более убеждался, что у него нет иных ресурсов, кроме как добиться неожиданного успеха в гонке за приоритетом в создании реактивных ракет Фау-1 и Фау-2. Поэтому с осени 1944 г. он начал применять тактику, которую использовал Фридрих Великий в Семилетней войне, когда тот, спасаясь от поражения, разбивал врагов поочередно одного за другим, внося в их ряды политические разногласия. В действительности, не Гитлер, а некоторые из его соратников, среди которых был даже Гиммлер, возглавлявший войска СС, направляли в октябре–ноябре 1944 г. осторожные сигналы в разные стороны с предложениями сепаратной капитуляции и поворота линии фронта. На том этапе ни одна из этих целей не была достигнута, но контакты не были прерваны и продолжались до момента полной капитуляции. Это означает, что к проблемам, порождавшим расхождение в антигитлеровской коалиции, теперь прибавились еще и подозрения Сталина, связанные с намерениями Гитлера добавить клин в разногласия, которые уже нельзя было скрыть, сделать их явными и превратить их в последнее спасительное средство германской дипломатии.

7.4.2. ГРЕЦИЯ, ИТАЛИЯ, БЕЛЬГИЯ И ЮГОСЛАВИЯ

Противоречия нельзя было больше скрывать, поскольку они касались военно-политических столкновений в Греции, в Италии, в Бельгии и, в меньшей степени, в Югославии. Ухудшение ситуации было воспринято как показатель уровня отношений между союзниками. 5 октября англичане высадились вблизи Афин и постепенно с помощью сил греческого Сопротивления освободили всю страну, в которой была восстановлена монархия и в ожидании возвращения короля было сформировано временное коалиционное правительство под председательством представителя умеренных Георга Папандреу.

Коммунисты входили в состав Национально-освободительного фронта Греции (ЭАМ), организации, которая внесла наибольший вклад в борьбу с итало-немецкими оккупационными силами. Греческие коммунисты никоим образом не хотели потерять возможности, которые появились в переходный период, и рассчитывали

полностью взять власть. 6 декабря политические противоречия приняли форму военного столкновения: в Афинах произошли стычки между английскими оккупационными войсками и партизанскими отрядами коммунистов. Началась жестокая борьба, в которой обе стороны использовали отнюдь не джентльменские методы, и даже английские лейбористы выступали в палате общин с критикой своего правительства. Только в середине января 1945 г. столкновения завершились принятием компромисса, т.е. созданием нового коалиционного правительства во главе с генералом Николасом Пластирасом, которому англичане оказали полную поддержку, а Сталин проявил абсолютное равнодушие в соответствии с Московскими договоренностями.

С тех пор Греция стала символом опасности, которая могла угрожать союзникам в переходный период в Европе (но если посмотреть внимательнее, то и Советам, решавшим проблемы по-своему). Эта опасность возрастала в связи с тем, что как в Греции и Италии, так и в Югославии силы Сопротивления нацизму приобрели значительный вес и, в особенности в Югославии, претендовали на руководящую роль. Пример Греции показал, что там, где силы коммунистов в связи с присутствием западных войск не получали достаточной поддержки для наращивания своего влияния, они стремились воспользоваться эмоциональным подъемом и волнениями, которые неизбежно сопровождали освобождение от немецкой оккупации, чтобы силой прийти к власти. Это могло привести к тому, что все страны Средиземноморья попали бы в руки коммунистов.

Все сказанное о Греции помогает понять, почему союзники были озабочены тем, как предотвратить аналогичные события в Италии, где к северу от Готской линии сформировалось сильное партизанское движение, политическое руководство которым осуществляло автономное ответвление *Комитета национального освобождения* (созданного в Риме), называвшее себя *Комитетом национального освобождения Северной Италии* (КНОСИ). Руководящую роль в КНОСИ играли левые силы, готовые, судя по их взглядам, продолжать борьбу даже после окончания войны с Германией, чтобы превратить Италию в социалистическую республику.

Именно в виду этой угрозы представители союзников в Италии были озабочены подписанием (в конце декабря 1944 г.) четких военных соглашений с партизанами Северной Италии в целях координации военных действий и увеличения помощи вооруженному Сопротивлению. Кроме того, партизаны должны были взять на себя обязательство провести быстрое и полное разоружение военных партизанских отрядов сразу после окончания войны.

В качестве гарантии этих соглашений союзники потребовали от правительства в Риме (поскольку оно формально представляло *Комитет национального освобождения*) определить отношения со своим органом, действующим в Северной Италии. Необходимо было четко заявить, что КНОСИ подчиняется Римскому комитету, который поручил КНОСИ представлять новую законную демократическую Италию на территориях, еще занятых нацистами. Но эти функции должны быть снова переданы Риму, как только партизаны и союзники нанесут поражение немцам.

В том же ключе следует рассматривать все то, что произошло в Бельгии 29 декабря 1944 г., когда британские оккупационные силы вмешались в проведение мощной антимоноархической демонстрации, организованной коммунистической партией с целью заклеить молчание короля Леопольда III во время немецкой оккупации.

Итальянские события оказались еще более показательными. В конце ноября — начале декабря 1944 г. правительство во главе с Иваном Бономи было вынуждено уйти в отставку в связи с полемикой между политическими партиями относительно полномочий наместника короля принца Умберто Савойского, которому отец делегировал функции главы государства до проведения народного волеизъявления. В этих обстоятельствах американцы, выполняя политическое решение, оспариваемое англичанами, показали, что их равнодушие относительно будущего устройства Европы было напускным, а их истинное отношение абсолютно иным, что необходимо учитывать европейским союзникам.

Отношения между союзниками подверглись испытанию, хотя и не столь прямо как в выше приведенных случаях, в Югославии и Франции. В Югославии после поражения в 1941 г. и бегства в Лондон правительства короля Петра II сербский генерал Дража Михайлович, военный министр эмигрантского правительства, организовал первые группы Сопротивления в горных районах Сербии. Ядро этих групп составляли четники, относившиеся к наиболее консервативной и националистической части сербов, которая выступала не только против немцев, но и против хорватов и боснийских мусульман, что способствовало раздроблению оппозиции главному врагу и росту внутреннего раскола, всегда существовавшего в стране, чем постарались воспользоваться немцы и итальянцы. Наряду с четниками вскоре начали действовать коммунистические формирования во главе с Иосипом Брозом, прозванным Тито, хорватом по происхождению, сторонником югославской государственности.

Оба течения югославского Сопротивления действовали очень жестко в ответ на зверские репрессии гитлеровцев, но их разделяли различия политических программ. Неоднократные попытки достижения компромисса между ними были безуспешными, а напряжение между этими группировками возрастало. Кроме того, четники, которые действовали в Черногории, позволили вовлечь себя в тайные контакты с итальянскими оккупантами, в свою очередь старавшимися воспользоваться разногласиями между двумя течениями в партизанском движении.

Эти контакты итальянцев и относительно успешные попытки немцев установить их в других районах Югославии привели к открытому расколу среди партизан. По мнению Тито и его Народно-освободительного фронта, образовавшего затем Антифашистское вече народного освобождения Югославии (с ноября 1942 г.), четники добивались слома югославского государства, за сохранение которого боролся Тито. Успешная партизанская война, которую он вел по всей стране, позволила ему добиться неоспоримого военного преимущества, а также контроля над большей частью югославской территории. В 1944 г., когда советские войска приближались к Югославии, ее большая часть была уже освобождена силами Сопротивления. К тому времени под знаменами Тито было около 800 000 человек.

Союзникам предстояло занять определенную позицию относительно этого движения. Отношения, которые были первоначально установлены с эмигрантским правительством, были подорваны сообщениями о двуличии четников. Тем не менее, понадобилось несколько месяцев и поворот в международной политике, чтобы ситуация полностью прояснилась. В течение 1943 г. и вплоть до Московской и Тегеранской конференций англичане хорошо представляли, благодаря своим информационным службам, действительное соотношение сил в Югославии и различие в программах политических сил. После конференций англичане сделали решительный выбор, бросив Михайловича на волю судьбы, и встали на сторону Тито как представителя будущей Югославии. Это был единственный путь, позволявший предпринять попытки установить отношения между партизанскими силами и королевским правительством. Премьер-министром монархического правительства с 1 июня 1944 г. стал Иван Шубашич, эмигрировавший в Соединенные Штаты с началом нацистской оккупации, которого считали мастером политического равновесия, знатоком балканских проблем.

В задачу Шубашича входило добиться соглашения с Тито относительно будущего Югославии. В ноябре переговоры с Тито привели к соглашению, которое предусматривало создание регент-

ского Совета, состоявшего из трех человек. Совет должен был поставить на всенародное голосование решение вопроса о возвращении короля Петра в Югославию. Король опротестовал это решение. Но Шубашич изложил Тито свое предложение о триумвирате и получил согласие Тито относительно двух его участников, и хотя Тито отверг третью кандидатуру, это не привело к разрыву договаривающихся сторон.

Переговоры свидетельствовали о том, что с точки зрения международных отношений ситуация в Югославии была не похожа на положение ни в Италии, ни в Греции. В Италии англичане навязывали (или пытались навязать) свою волю; в Греции они противопоставили коммунистическим элементам силу; в Югославии в силу военных обстоятельств, а также ради сохранения политического равновесия они согласились на двойственную ситуацию, предшествовавшую компромиссу. Неэффективность подобного компромисса выявилась только в конце войны, но это не затронуло отношений между великими державами, поскольку происходившее в Югославии ограничивалось рамками внутривнутриполитической борьбы в стране, где происходила концентрация власти в руках Тито.

7.4.3. ДЕ ГОЛЛЬ И СОЮЗНИКИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ПАРИЖА

Совсем другой характер имели проблемы, связанные с Францией, где после освобождения, последовавшего за высадкой союзников, возобновилась нормальная политическая жизнь. С одной стороны, Французский комитет национального освобождения стремился создать в стране новые институты, с другой, оставалась ненависть, доставшаяся в наследство от коллаборационизма политиков Виши.

За несколько дней до высадки союзников Комитет стал называться «Временным правительством», не получив, однако, непосредственного признания со стороны ведущих союзных держав. Центральная фигура де Голля вызывала враждебность Рузвельта, хотя у генерала не оставалось соперников после исключения Жиро из состава ФКНО и до появления руководителей национального масштаба из различных политических партий. Только после трудного визита в Соединенные Штаты и не менее трудной встречи с Рузвельтом де Голлю удалось добиться 11 июля признания *де факто* правительственных функций Комитета национального освобождения. Несколько недель спустя, в начале августа правительства Лондона и Вашингтона согласились признать его полномочия как временного правительства.

25 августа Париж был освобожден, а 26 августа силы французского освобождения во главе с генералом де Голлем с гордостью прошли под Триумфальной аркой и по Елисейским полям, продемонстрировав единство движения Сопротивления и обретение идентичности свободной Франции.

Однако до конца года Франция еще оставалась полем боя. В стране уже существовало законное Временное правительство, сформированное 8 сентября 1944 г. из политических деятелей, участвовавших в движении Сопротивления, и лиц, нашедших прибежище в Алжире. Но международные позиции страны, которая считала себя равной другим ведущим союзным державам, оставались непрочными, прежде всего из-за отказа американцев признать, что свободная Франция играет такую же роль, как и в довоенное время.

После создания Временного правительства и заявлений де Голля о том, что скоро состоятся выборы в Учредительное собрание, как Англия, так и США назначили в Париж своих послов. Оставалось выяснить место Франции в союзных механизмах. Была ли Франция одной из великих держав? Примет ли де Голль участие в будущей встрече в верхах? Заявления об официальном признании Временного правительства пришлось ждать до 23 октября. К участию в Европейской консультативной комиссии Франция была допущена только 11 ноября, когда задачи этого органа были исчерпаны: все это свидетельствовало о противодействии американцев тому, чтобы Франция играла такую роль, какую, полагал де Голль, он завоевал. В декабре он захотел продемонстрировать, ни больше, ни меньше как полностью возвращенную свободу маневра, и предпринял поездку в Москву, во время которой 10 декабря подписал договор о союзе и взаимной помощи, направленный против Германии. Срок действия договора был установлен в 20 лет с последующим автоматическим продлением. От американцев не могло ускользнуть то, как быстро Сталин забыл выражения, которыми он всего лишь год назад характеризовал лидера французского Сопротивления.

7.5. Ялтинская конференция

7.5.1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОНФЕРЕНЦИИ

Многообразие новых элементов, изменивших карту военных операций, и возникновение новых проблем сделали необходимым проведение новой встречи в верхах, чтобы уточнить вопросы, обсуждавшиеся в Тегеране, но не решенные окончательно.

Такова была обстановка, в которой родилось решение о проведении Ялтинской конференции, получившей название от крымского курорта, где с 4 февраля проходила встреча между Черчиллем, Сталиным и Рузвельтом. Место было выбрано в пределах Советского Союза, так как Сталин неизменно отказывался находиться вдали от линии фронта (по военным соображениям, в обоснованности которых его партнеры продолжали сомневаться).

Но для того, чтобы прибыть в Ялту, Рузвельт должен был совершить путешествие, слишком утомительное для его слабого здоровья. Кто признает портреты в качестве исторического источника, тому достаточно бросить взгляд на фотографии руководителей трех великих держав в Тегеране и в Ялте, чтобы сделать надлежащие выводы о физическом состоянии Рузвельта, который согласился предпринять новое необходимое усилие для того, чтобы определить конечные цели войны. В 1943 г. до Германии было еще далеко, и до победы, несмотря на субъективную уверенность в ее неизбежности, объективно тоже далеко. В феврале 1945 г. стало ясно, что падение Гитлера — только вопрос времени, недалекого времени, и победители должны быть готовы взять на себя ответственность за крах нацизма в Европе с тем, чтобы повернуть свои силы на завершающую битву с Японией.

В обычных разговорах и в некоторых научных монографиях Ялтинская конференция расценивается как своего рода водораздел в истории международных отношений: кульминационный момент в державной политике стран-победительниц, которым отмечен раздел мира на сферы влияния. Несмотря на искажения, приписывающие встрече в верхах в феврале 1945 г. такое содержание, которое не имело ничего общего с действительностью, ее подлинный смысл и значение (даже из ряда вон выходящее) ускользают, если это событие рассматривать в отрыве от развивавшегося политического процесса. Ситуация была тогда такой, что война ежедневно вносила свои коррективы. Это требовало от руководителей победоносной коалиции уточнить все то, что во время конференции в Тегеране не могло быть всесторонне рассмотрено. Тогда еще не приступили к осуществлению операции «*Оверлорд*», еще не прошли президентские выборы в США, подтвердившие полномочия Рузвельта, вместе с которым вице-президентом был избран малоизвестный сенатор из Миссури Гарри Трумэн.

За истекший год каждый из протагонистов смог лучше определить свою стратегию в послевоенный период. Тем не менее, было бы ошибкой утверждать, что Ялта означала поворот относительно решений, принятых в Тегеране. Изменился климат.

Западные союзники не чувствовали себя «ответственными» за задержку в открытии второго фронта, наоборот, они чувствовали себя усилившимися благодаря нашумевшим победам.

Сталин, в свою очередь, мог гордиться мощным продвижением Красной армии от советской границы до Балканского полуострова и территории Германии вплоть до подступов к Берлину, точно также он мог гордиться поддержкой, оказанной западным союзникам во время немецкого наступления в декабре 1944 г. в Арденнах. Хотя американцы не отказались от своего намерения предоставить европейцам основную ответственность за восстановление международных отношений в континентальной Европе в послевоенный период, они начали сомневаться в последствиях этого решения.

Подготовительные работы в Думбартон-Оксе, конечно, заложили основы более мощной международной организации. Но ее эффективность зависела от согласия между тремя великими державами, в прочности которого некоторые начали сомневаться. Англичане и американцы выражали готовность признать советские требования безопасности. Тем не менее, хотя и были московские договоренности октября 1944 г., не доставало четких указаний на пределы этих требований, и события, произошедшие до и после встречи между Сталиным и Черчиллем, вызывали законное беспокойство.

Политика Советов в отношении Польши была приемлемой в вопросе о территориях, но она вызывала неприятие, когда советское правительство, отказав в признании польскому эмигрантскому правительству, прервало переговоры с Миколайчиком. С позволения Москвы «Люблинский комитет» провозгласил себя Временным правительством Польши, и, более того, 5 января 1945 г. он был признан Советами. Таким образом, на Ялтинской конференции Польша получила двойное представительство: эмигрантское правительство, обладавшее полномочиями в силу правовой преемственности, и правительство, действующее в стране *in loco* при силовой поддержке Советов. Если концепция безопасности, которой придерживались Советы, приобретала такие крайние формы, то у союзников она не могла не вызывать тревоги.

До начала работы Ялтинской конференции на острове Мальта, где американцы должны были остановиться по пути в Крым, состоялась встреча между начальниками английского и американского штабов для согласования военной стратегии, чтобы выступить единым фронтом в отношении Советского Союза, войска которого вышли к Одру, будущей западной границе Польши. Вслед за совещанием военных 2 февраля последовали неформаль-

ные встречи между Рузвельтом и Черчиллем. И это стоит отметить. Накануне Тегеранской конференции Рузвельт упорно избегал сколько-нибудь серьезного обмена мнениями с английским премьер-министром, чтобы не создавать у Сталина впечатления о предварительном соглашении, которое должен был бы проглотить союзник, находившийся в трудном положении. Теперь союзник не испытывал больше трудностей, более того, было бы целесообразно продемонстрировать, что между англичанами и американцами нет столь глубоких разногласий, как те, что возникли по итальянскому вопросу и в связи с отношением к де Голлю, и возможно предварительное соглашение, которое полезно для смягчения подозрительности и растущего недоверия.

В самом деле, нельзя сказать, что три участника предстоящей встречи в верхах занимали одинаковые политические позиции. Стратегия Сталина подтверждает, что он был озабочен двумя проблемами: как обеспечить своей стране столь выгодные условия мира в Европе и Азии, которые сделали бы ее неуязвимой в случае любого возобновления германской агрессии или возрождения антикоммунистических блоков, и, вместе с тем, позволили бы ему восстановить, возможно, с западной финансовой помощью, советскую экономику, разоренную войной. Речь шла о солидных и четких целях по своему характеру, хотя их масштаб оставался не ясен.

Накануне встречи было неизвестно, как Сталин относится к планам, намеченным им в Тегеране, т.е. еще нельзя было определить, где географически проходит линия советской безопасности и каков ее смысл для внутренней политики европейских государств. Несомненно, Сталин предчувствовал, что победа над Германией даст СССР возможность стать ведущей европейской державой. Но было неясно, намерен ли он делить эту роль с Францией, которая недавно, в декабре 1944 г., присоединилась к антигитлеровской коалиции. К тому же, возглавил руководство страны де Голль, политик, у которого хватило смелости отказаться от встречи с Рузвельтом в Алжире в отместку за несостоявшееся приглашение Франции в Ялту. Неизвестно было, согласится ли Сталин разделить эту роль и с Великобританией, европейские интересы которой Черчилль не скрывал, но которые были всегда четко очерчены, за исключением ее интересов относительно Германии.

В то же время, учитывая интересы Советов в Азии и приближение момента вступления СССР в войну с Японией, желательно было прояснить, как складываются отношения Советского Союза с китайскими националистами и с коммунистической партией Китая, которых больше не связывали интересы борьбы с общим

врагом. Необходимо было также уточнить (хотя в Тегеране не было недостатка в первых намеках на будущие условия), что Сталин потребует в качестве компенсации за участие в азиатской войне.

Кроме того, представляется неизбежным вывод: если советский лидер учитывал масштабы внутренних проблем своей страны, то он нуждался в длительном периоде мира, чтобы восстановить разрушенное войной и приступить к модернизации советской экономики. Военные потребности ограничили область модернизации только военным сектором промышленности; теперь же необходимо было провести реструктуризацию всей советской экономической системы, а ее успех зависел и от умения правительства Москвы осуществить такую реконверсию, и от готовности западных держав оказать СССР необходимую помощь. Обозначился ли предел влияния «Великого союза», сложившегося во время войны, или одержали верх подрывавшие его противоречия, — так или иначе американцы отказались поддержать другую модель реконструкции, чтобы стала очевидной неспособность Советов перестроить свою экономику с упором на гражданские отрасли.

Выбор, который Сталину предстояло сделать в ближайшем будущем, зависел от решений предстоявшей встречи в верхах, а также определялся престижем, приобретенным им благодаря роли Красной армии в победе над Германией, которая стала восприниматься, хотя и безосновательно, как символ возрождения революции. Кроме того, евро-азиатское положение Советского Союза обеспечивало ему потенциальную возможность расширяться до глобальных масштабов, чему способствовал нарастание левых революционных движений в мире и неизбежный взрыв антиколониализма, многочисленные признаки которого были отмечены во время войны. Но предпочтет ли Сталин стратегию сохранения и укрепления завоеванных позиций или политику возрождения интернационализма?

Черчилль словом и делом разъяснял цели Великобритании в Европе и мире. Он не мог выдвигать слишком амбициозные цели. Великобритания к концу войны стала страной-символом победы над нацизмом. Ответственность и пороки политики *умиротворения* были перечеркнуты решительностью, с которой англичане, начиная с осени 1939 г., несмотря на льстивые советы попытаться найти более легкие и менее дорогостоящие решения, твердо шли к цели — к полной победе над наци-фашизмом.

Цель была близка, но чревата многими опасностями. Первая была связана с угрозой, что на смену старому европейскому гегемонизму придет другой, еще более мощный советский гегемонизм.

Если Гитлер со своими планами и военными акциями до 1941 г., казалось, был близок к тому, чтобы силой навязать объединение Европы и новое соотношение сил в мировом масштабе, то теперь Сталин, ставший победителем также благодаря тому, что вначале он заключил союз с нацистами, предлагал сложный европейский кондоминиум, которому Европа могла противопоставить лишь слабые барьеры в ситуации нестабильности.

Черчилль ставил своей задачей на ближайшее будущее создать в Европе такое соотношение сил, которое было бы приемлемым для Сталина, но не настолько, чтобы оно угрожало безопасности государства и Британской империи. Это проявилось в определении балканской политики в соответствии со сделкой, заключенной в Москве в октябре 1944 г., а также в поисках такого решения германской проблемы, которое помешало бы Сталину превратить Германию в его главный победный трофей. Добиться этой цели самостоятельно Англия не могла, как не могла рассчитывать (в феврале 1945 г.) на присутствие американцев в будущем в Европе, поэтому она была заинтересована в возрождении своего старого европейского союзника — Франции.

Именно это заставляло Черчилля относиться совсем иначе, чем Рузвельт, к вопросу о включении Франции в число ведущих мировых держав и к проблеме сохранения, хотя и в определенных границах, Французской империи. Только обновленная Франция могла бы сотрудничать с Великобританией и противостоять советской политике на Балканах и в Северной Европе, а также могла бы помочь предотвратить советское господство в Германии. Франция имела право на свой голос в вопросе о будущем Германии больше, чем какая-либо другая страна. Сотрудничество с Францией было необходимо англичанам, чтобы уравновесить те новые элементы, которые возникли в европейской политике после поражения нацизма.

Наконец, главной целью английского премьер-министра было спасти Британскую империю, хотя и с некоторыми изменениями. В Средиземноморье эта цель принимала характер дальнейшего укрепления английского присутствия, хотя было совершенно неизвестно, насколько прочным оно будет в будущем. Утрата Италией статуса великой державы и поддержка итальянского политического режима, связанного с Лондоном, т.е. способного вернуться к традициям, существовавшим до 1936 г., могли уравновесить неизбежные британские уступки Египту, перемены в арабском мире, трансформацию имперских связей и, в перспективе, независимость Индии. Так Черчилль, который стал символом победы, вместе с тем, оставался политиком, который нес на своих плечах тяжелый груз нерешенных проблем.

О Рузвельте в Ялте написано немало исторических работ и немало полемических страниц. Не осталось без внимания его физическое состояние; были изучены его идеи; предметом оживленной полемики стали его оптимистические политические предложения относительно отношений с Советским Союзом; критике подвергалась его чрезмерная снисходительность к Сталину. Все эти чисто биографические или политико-биографические аспекты более целесообразно анализировать отдельно, чтобы попытаться понять, как Рузвельт представлял себе послевоенный период, и значение для него встречи в верхах, к которой он готовился. Принимая во внимание относительную сложность политических планов Рузвельта, следует учесть, что одновременно с политико-юридическими переговорами о создании новой международной организации англичане и американцы приступили к переговорам о финансовой сфере будущих международных отношений и об определении связанных с ней условий торговли. Иначе говоря, анализ концепции Рузвельта и США накануне Ялты только ради удобства изложения можно расчленить на различные аспекты; дипломатическая деятельность президента была наиболее заметной стороной реализации его проекта создания новых структур для каждой сферы международных отношений во всемирном масштабе.

Из изложенного следует, что «Великий союз» с участием СССР был результатом не предрешенного выбора, а следствием обстоятельств, сложившихся в ходе войны. Рузвельт смог добиться некоторого понимания и личного доверия Сталина, но не следует думать, как считали приверженцы антикоммунистической истерии, воцарившейся в Америке в период холодной войны, что имело место идеологическое сближение между президентом, проводившим Новый курс, и советским коммунизмом. Новый курс был реформистским средством возрождения рыночной экономики с целью ее модернизации и увеличения производства. В нем не было ничего ни коллективистского, ни антикапиталистического, разве что таковыми сочли антимонополистическое регулирование и расширение сферы социальных услуг.

Итак, «Великий союз» был конъюнктурным аспектом мировой политики, необходимым для борьбы с самой серьезной угрозой, с которой мир до тех пор не сталкивался — с угрозой гитлеровского фанатизма с его манией величия и чудовищными проявлениями расистского экстремизма. Цели «Великого союза» были почти достигнуты, и поэтому наступил момент задуматься о будущем человечества и предложить «великий проект», учитывающий американские интересы, в качестве конструктивного вклада в формирование нового международного порядка.

Излагая свои идеи и планы, Рузвельт выступал не как изолированный политик. Его идеология отражала интенсивный процесс переосмысления международных проблем, происходивший в период между войнами и, в особенности, после депрессии. Между тем, Рузвельт внес в эти концепции свой личный стиль в дипломатии, можно сказать, почти королевский подход к решению проблем. Не случайно американская историография, опираясь на свой опыт, могла потом говорить об «имперском президентстве».

В дипломатическом стиле Рузвельта присутствовала мудрая смесь глобальных проектов и внимательное отношение к тому, как и когда они излагаются, а также учитывались уступки, которые были необходимы в связи с конъюнктурой момента. Кто-то мог увидеть в этих уступках прагматизм или даже цинизм дурного пошиба. Но они отражали более объемное видение вещей, свидетельствовали об уверенности, что через некоторое время уступки великодержавной политике, признание правомерности некоторых практических требований момента должны уступить место основным движущим силам в системе международных отношений, или точнее, силам, приведенным в движение деятельностью Соединенных Штатов на международной арене.

Рузвельт был поглощен этой деятельностью. Он считал возврат Соединенных Штатов к изоляционистской политике наибольшей угрозой для будущего мира в мире и полагал, что реконструкцию международной системы следует осуществлять на основе общих положений, способных приглушить стремления к расколу и изоляции, которые приводят к протекционизму и войне.

Великая депрессия оставила в Соединенных Штатах слишком глубокий след, чтобы протагонисты возрождения не поняли причин происшедшего и необходимость предотвратить повторение этого в будущем. Поэтому концепции общего характера стали отражением новой американской реальности, сложившейся в результате войны. Если опасность представлял изоляционизм, то ответ Рузвельта заключался в том, чтобы при поддержке обеих партий превратить изоляционистов в маргиналов, что позволило бы ему узаконить создание новой международной организации, которая стала бы обязательным институтом для мирного решения спорных вопросов. Если опасность представлял протекционизм, то в ответе Рузвельта выражалось требование необходимости трансформации международной экономической системы так, чтобы Соединенные Штаты не играли бы лишь роль аварийно-спасательной службы в моменты обострения кризиса или становились жертвами краха международного рынка. Рузвельт хотел, чтобы США выступали в качестве мотора многосторонней уни-

версальной системы, созданной с целью достижения промышленного процветания и экономического роста, в рамках которой действовали бы органы, способствующие преодолению конъюнктурных кризисов в определенных странах. В случае возникновения особых проблем в отдельных регионах и странах, Рузвельт считал возможным добиваться не достижения компромисса относительно границ сфер влияния, а следования общим критериям, обязательным для заинтересованных сторон, которые должны нести ответственность за свое поведение перед международным сообществом.

Может показаться, что такое представление об основах нового международного порядка было смутным и расплывчатым. Чисто прагматическая оценка отдельных событий как противоречащих концепции «великого проекта» могла породить скепсис относительно надежд, связанных с замыслом Рузвельта. Но стратегические планы нельзя оценивать в краткосрочном масштабе времени, их следует оценивать в соответствии с их размахом в масштабе длительного времени. Таким образом, деятельность Рузвельта в Ялте была богата оттенками, но она была наполнена идеями, составившими концепцию международного порядка, которая несколько десятилетий спустя получила важное подтверждение. Она предполагала перенесение политического и финансово-экономического центра тяжести мировой системы из Великобритании в Соединенные Штаты. Кроме того, предполагалось применять правила, которые через некоторое время могли бы помешать сохранению системы имперских преференций, что содействовало бы развитию процесса деколонизации и ослабило бы политическую мощь стран, наиболее тесно связанных с Соединенными Штатами.

Это вело к ускорению развития начавшихся необратимых процессов и закладывало основы перехода к новой международной системе, который должен был завершиться в пользу миропорядка, основанного на рыночной экономике. Не следует думать, что Рузвельт четко видел в Ялте все последствия своего генерального плана, но необходимо помнить, что в Ялте он, единственный из Большой тройки, выступал с предложениями, имевшими мировое значение, а не как защитник узких прагматических интересов. Совпадение предложений Рузвельта, имевших глобальное значение, с общими интересами Соединенных Штатов было связано с тем, что США, особенно в годы войны стали главной мировой державой, от решений которой зависело всеобщее будущее. В этом ключе следует рассматривать хронику работы Ялтинской конференции.

7.5.2 РАБОТА ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Главная проблема, которую предстояло рассмотреть Большой тройке, касалась будущего Германии после ее безоговорочной капитуляции. В Тегеране неофициально уже ставился вопрос о расчленении Германии и уступке большей части ее восточной территории Польше и Советскому Союзу. Теперь предстояло решить, принять ли этот план, имея в виду полное исчезновение германского государства; должна ли Германия выплачивать репарации; должны ли победители оккупировать всю ее территорию и следует ли включить Францию в число оккупационных держав.

По первому из этих вопросов не было принято окончательного решения. В тот момент Рузвельт считал, что полное расчленение Германии на самостоятельные государственные единицы было бы лучшей гарантией против возрождения германской опасности. Но и Сталин, и Черчилль не были согласны. Сталин также скорректировал свое понимание германской проблемы, увидев в представленных предложениях заманчивые возможности для Советского Союза. Поэтому переговоры между тремя лидерами о возможности быстрого решения проблемы растянулись на несколько дней, пока не был найден переход от концепции расчленения к концепции раздела Германии на «зоны оккупации».

В момент капитуляции (таково было окончательное решение, согласованное между лидерами Большой тройки) Германия должна быть разделена на три зоны оккупации. Эти три зоны могли превратиться в четыре, если французы (как потом и произошло) согласятся взять на себя управление своей оккупационной зоной, которую предполагалось выкроить из зон, отведенных Великобритании и Соединенным Штатам, после того как Рузвельт поддержал британское заявление о важности укрепления позиций Франции в отношении Германии. Завершить работу по определению границ оккупационных зон должна была *Европейская консультативная комиссия*, которая уже проделала значительную часть работы.

Судьба зон не была четко оговорена, так как Черчилль не хотел, чтобы в заключительном документе Ялтинской конференции говорилось о расчленении Германии, однако он согласился на то, что этот вариант будет представлен в одном из пунктов документа о «безоговорочной капитуляции» Германии. Решение проблемы было отложено до того времени, когда будут высказаны более четкие соображения и более определенные намерения, т.е. после перемирия. В коммюнике Ялтинской конференции не содержится решения вопроса о судьбе Германии, сохранялась неясность

относительно проблемы Берлина, который оставался в рамках советской зоны оккупации. Вопрос о том, должна ли существовать координация между четырьмя зонами и как ее осуществлять, был также отложен до прекращения военных действий.

Наряду с принципами денацификации Германии и применением всех необходимых мер, препятствующих тому, чтобы в будущем она вновь представляла угрозу для безопасности и мира в Европе, был поднят вопрос о репарациях, который касался будущего экономического статуса Германии. Рузвельт, внимательно относившийся к этому вопросу, считал, что нельзя идти по столь же рискованному пути, как в 1919 г. Советы, тем не менее, требовали, чтобы Германия полностью компенсировала восстановление всего того, что было разрушено по ее вине. Иначе говоря, вопрос о капиталах, необходимых для восстановления советского хозяйства, был настолько острым, что Сталин не мог не рассчитывать на немецкие репарации — в материальном или денежном выражении.

В вопросе о репарациях не было принципиальных расхождений. Соединенные Штаты их не требовали, а Черчилль считал, что немцы не в состоянии платить их, но Сталин предложил другое решение: заставить немцев платить натурой путем изъятия с территории Германии предприятий или товаров для отправки в Советский Союз или в другие страны, ставшие жертвами германской агрессии. В то время Советы требовали предоставления товаров в счет репараций на сумму в 10 млрд. долларов. Было решено учредить комиссию по репарациям, перед которой была поставлена задача определить суммы, формы и сроки платежей. Американская сторона не возражала против того, что Германия должна выплатить репарации на общую сумму в 20 млрд. долларов, половина которых должна пойти СССР. Черчилль не согласился с такой постановкой вопроса и возражал против определения сроков завершения платежей. Поэтому, несмотря на частичную поддержку американцев, в вопросе о репарациях было принято четкое решение только о том, что Германию следует заставить выплачивать их, но все остальное оставалось неясным.

Итак, в Ялте вопрос о Германии был решен не полностью, необходимо было многое уточнить по существу проблемы. Новым в сравнении с Тегераном был отказ от идеи расчленения Германии. Позиция Англии, опиравшаяся на важность взаимосвязи между Германией, Францией и европейской безопасностью, была слишком определенной, чтобы допустить подлинное расчленение Германии, т.е. нечто такое, что выходило бы за рамки урезания или возврата территории с обязательным фиксированием

в будущем мирном договоре, а немцам следовало принять это при подписании безоговорочной капитуляции.

Польский вопрос, в значительной мере решенный, как следовало из неформальных соглашений в Тегеране и всего того, что произошло позднее, до января 1945 г., определял и территорию Германии, и породил первые серьезные разногласия внутри «Великого союза». Это были первые разногласия по очень важной проблеме, так как Польша была знаковым результатом войны, но в то же время ключевым элементом советской безопасности. Стремление согласовать эти два обстоятельства с формированием демократического правительства, дружественного Советскому Союзу, создавало новые проблемы, которые в большей мере, чем какие-либо другие, отражали глубокие противоречия, ставшие предметом переговоров между участниками Большой тройки.

Действительно, предоставить Польше свободу в решении собственных проблем означало пойти навстречу лондонскому правительству, которое Советы отказывались признавать, и, как следствие этого, способствовало возникновению на советской границе более или скорее менее обоснованной (учитывая соотношение сил), но политически немаловажной проблемы для безопасности СССР. Иначе говоря, Советы не могли допустить, чтобы после победы в войне на их западной границе вновь сформировалось враждебное правительство. Горькие воспоминания о спорах, вызванных обнаружением могил в Катыни или Варшавским восстанием, были еще очень свежи, чтобы между двумя странами могла внезапно возникнуть атмосфера доверительного сотрудничества и сердечной дружбы. Существовали, как никогда, условия для того, чтобы произошло обратное.

Эти важные замечания тесно связаны с переговорами в Ялте по польскому вопросу. Рузвельт не мог до конференции откровенно сообщить по уже упоминавшимся причинам, связанным с выборами, эмиссарам правительства Миколайчика свое мнение о будущем территориальном устройстве Польши. Когда в январе 1945 г. это стало возможно, эмигрантское польское правительство отвергло предложения союзников, и Миколайчик подал в отставку. В Ялте сложилось такое положение, что лондонское правительство было лишено легитимности и возможности действовать.

Таким образом, переговоры между участниками Большой тройки по территориальному вопросу прошли, в целом, легко, потому что они закрепили решения, намеченные в общих чертах в Тегеране: граница между Польшей и Советским Союзом устанавливалась по линии Керзона 1919 г., рассматривавшейся как линия размежевания по национальному признаку, за исключением

небольших поправок. Что касается западной границы, то Польша получала всю Померанию и Силезию вплоть до рек Одер и Нейсе в качестве компенсации за утраченные на востоке территории. Однако между союзниками возникли расхождения по вопросу о том, следует ли проводить границу по Западной или Восточной Нейсе: это различие в понимании было связано с необходимостью перемещения значительной массы немецкого населения, с чем Черчилль не хотел согласиться. По этому вопросу решение конференция не приняла, оно было отложено до рассмотрения вопроса польским правительством и до мирной конференции (которая так никогда не была созвана).

Дискуссии о польском правительстве сразу приняли острый характер. Советы преобразовали Люблинский комитет во Временное правительство и признали его. Обострение проблемы было связано с тем, что Красная армия занимала всю территорию Польши; лондонское правительство само поставило себя вне игры, ослабив тем самым возможности западных держав выступить в его поддержку, и Люблинский комитет в сложившейся ситуации был готов взять на себя ответственность. К тому же, Советы считали вопрос о польском правительстве узловым пунктом проблемы своей безопасности.

Проглотить то, что Советы приготовили по этому вопросу, было невозможно. Для Черчилля защита прав поляков в эмиграции была вопросом «чести»; Рузвельт также не мог занимать иную позицию. Теоретически, речь шла о согласовании проблемы советской безопасности с вопросом «демократии» в Польше. Сталин исходил из того, что решение предполагает устранение влияния фашистских элементов на общественную жизнь в Польше, но значение, которое Сталин придавал этому выражению, означало устранение всех не прокоммунистических партий. Советский диктатор сравнивал интерес СССР к Польше с интересом Великобритании к Франции. Но он не упускал случая подчеркнуть, что если союзники хотели бы навязать полякам новое правительство, то им не следовало забывать, что Польша в тот момент находилась под советским военным контролем.

Переплетение переговоров по польскому вопросу с обсуждением будущей Организации Объединенных Наций открыло путь к компромиссу, поскольку Сталин проявил готовность принять американские предложения по вопросу о голосовании в Совете Безопасности формирующейся организации. Сталин перестал требовать признания союзниками Люблинского правительства в его прежнем составе и предложил, чтобы оно было пополнено «элементами польской эмиграции» на основе соглашений, разра-

ботанных комиссией, которую Большая тройка могла бы создать в Москве. Выражение «элементы польской эмиграции» означало «представители лондонского правительства» при условии, что они являются искренними «демократами», этот эвфемизм использовался для придания словесным оборотам большей уклончивости.

Вопрос о правительстве сдвигался таким образом в другую плоскость: должно ли польское правительство быть сформировано на основе пополненного Люблинского правительства или же в Польше следует создать «новое правительство», как полагал Рузвельт, на базе Люблинского правительства с включением демократических элементов, имевшихся как внутри страны, так и за ее пределами. Это было противостояние формулировок, которое отражало существенные расхождения между союзниками, или, точнее, намерение Рузвельта и Черчилля не принимать то, что фактически было уже совершено Советами.

Окончательно принятая формулировка отражала трудности одностороннего выхода из тупика. В заключительном коммюнике предусматривалась необходимость создать новое «Временное Польское Правительство, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения западной части Польши»: эта формулировка включала предложение Запада о необходимости образования «нового правительства». Далее в документе говорилось: «Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы». Это новое правительство должно было получить название «Польское Временное Правительство Национального Единства».

В этом разделе коммюнике формально признавался Люблинский комитет в связи с соглашением о формировании правительства на более широкой основе. В Москве должна была быть создана комиссия, которая включала Молотова и послов США и Англии в СССР А. Кларка Керра и Аверелла Гарримана, для консультаций заинтересованных сторон. Мыслилось, что новое Временное правительство национального единства, созданное в результате таких консультаций, должно будет провести как можно быстрее свободные выборы на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании. В этих выборах могут участвовать кандидаты «всех антинацистских и демократических партий». Вновь созданное Временное правительство получит дипломатическое признание трех великих держав.

Игра словами, использованная при редактировании раздела заключительного документа, принесла удовлетворение всем

участвующим сторонам. Обещание провести свободные выборы давало Рузвельту (который потом сказал, что подобные выборы должны быть «вне всяких подозрений», как жена Цезаря) формальные гарантии плюралистического и представительного демократического решения; положение о допуске всех антинацистских и демократических сил предоставила Советам некоторые возможности для маневра, что создало немало хлопот дипломатам, занятым созданием нового правительства.

Выбранная формулировка отражала как ближайшие планы Сталина, так и программные замыслы Рузвельта. Добившись от Сталина возобновления обсуждения вопроса о правительстве, который советский лидер был вправе считать закрытым, так как ситуация находилась под полным военным контролем Москвы и было создано Временное правительство, включавшее преданных коммунизму людей, Рузвельт нашел щель, а ее ширина зависела от дальнейшего хода европейской жизни. При жестком отношении Сталина к польскому вопросу это было уже не мало.

К этому важному результату встречи можно добавить раздел заключительного коммюнике, содержавший «Декларацию об освобожденной Европе». Текст декларации был представлен американской делегацией в начале конференции и получил одобрение только на заключительном этапе работы. Он содержал общие положения, касавшиеся той части Европы, которая была освобождена от нацистского ига; теоретически они были применимы также для Италии и всех других государств-сателлитов «Оси». В действительности, Декларация задумывалась для предотвращения будущей советской политики в Европе. В Декларации подтверждалось обязательство о взаимных консультациях в переходный послевоенный период и говорилось, что переустройство политико-экономической жизни Европы должно быть достигнуто таким путем, который позволит уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать «демократические учреждения по собственному выбору» освобожденных народов.

В соответствии с принципами Атлантической хартии (показательно само обращение к ним) три правительства обязывались добиваться поставленной цели, помогая «любому европейскому государству» и всем бывшим государствам-сателлитам «Оси», если этого потребуют обстоятельства, «создавать условия внутреннего мира; ...создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа». Три правительства обязывались способствовать, где это окажется необходимым, про-

ведению таких выборов. Кроме того, они в общей форме обязывались консультироваться относительно проведения необходимых мер в соответствии с заявленными принципами.

Американцы предлагали немедленно создать систему контроля, способную обеспечить выполнение заявленных в декларации принципов, что, очевидно, придало бы ей обязательный характер. Как англичане, так и, прежде всего, Советы, старались ослабить это предложение и свести его к обязательству консультироваться в случае необходимости, т.е. на практике свести на нет возможность немедленного контроля над осуществлением принципов, заявленных в декларации.

Очень часто эта Декларация, вместе с соглашениями о Польше, расценивается как проявление слабости западных союзников в отношении Сталина и выражение стремления признать раздел Европы на сферы влияния. В действительности, как анализ документа, так и изучение обстоятельств, в которых он был принят, приводят к иному выводу. Помимо очевидной расплывчатости выражения «демократические элементы» (которое давало возможность для широких интерпретаций, поскольку Советы считали «демократическими» в Восточной Европе, прежде всего, тех, кто готов был подчиниться воле правительства Москвы), Декларация была значительным шагом вперед по сравнению с державной политикой, выражением которой стал компромисс, достигнутый Сталиным и Черчиллем в октябре 1944 г. по балканским проблемам.

Многие авторы писали, что в Декларации были заложены в определенном смысле основы конституционных принципов, которыми в будущем должна была руководствоваться демократия в Европе. Действительно, если бы Декларация соблюдалась полностью, она послужила бы основой для появления в Европе, в особенности на Балканах (которые прошли через опыт авторитарных, диктаторских, военных режимов, далеких от демократии), ряда государств, политический строй которых создавался бы в соответствии с принципами Атлантической хартии, т.е. с соблюдением плюрализма, понимаемого в соответствии с англо-саксонской политической мыслью. При этом приходилось абстрагироваться от проблем безопасности, влиявших на ее выполнение.

Декларация вовсе не была уступкой или признаком слабости, она стала предварительным условием и точкой отсчета. Ее осуществление показало бы способность победителей разработать общие положения переустройства освобожденной Европы, не подвергая опасности требования безопасности. В случае невозможности ее реализации она стала бы образцом поведения в будущем и моделью решения дипломатических споров. При этом не учи-

тываются ошибки и ответственность, связанные с ее невыполнением. Впрочем, Сталин дал согласие на ее одобрение в следующих словах: «Мы можем реализовать ее по-своему. То, что действительно важно, так это соотношение сил».

Последний вопрос, связанный с решением особых задач, порожденных войной, был югославский. Большая тройка, узнав о достигнутом в ноябре 1944 г. Тито и Шубашичем соглашении об учреждении регентства, пришла к компромиссу, в соответствии с которым решение проблемы передавалось политическим силам в самой Югославии. В заключительном коммюнике Ялтинской конференции содержалось пожелание о немедленном вступлении в силу соглашения, образовании нового югославского правительства. Кроме того, рекомендовалось сразу же после формирования правительства расширить Антифашистское Вече Народного Освобождения Югославии, орган Сопротивления, за счет включения членов последнего парламента страны — *Скупщины*, «которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом», и таким образом создать Временный парламент. Все законодательные акты, принятые Антифашистским Вече Народного Освобождения Югославии, подлежали последующему утверждению Учредительным Собранием.

Как видим, в первые дни переговоры в Ялте касались решения вопросов, вызванных ходом военных действий. В этом смысле, по существу не было ничего нового в сравнении с тем, что решили или наметили решить в Тегеране. Исключением стал ряд формальных гарантий, которые в добавление к уступкам 1943 г. Сталин сделал по настоянию Рузвельта, а также отказ от принципа расчленения Германии или, по крайней мере, согласие отложить окончательное решение этого вопроса. Это предвещало поворот, происшедший в последующие месяцы и ставший новым моментом по отношению к предварительным планам, который свидетельствовал об изменении характера отношений между победителями в послевоенное время.

Значительная часть работы Ялтинской конференции была посвящена преодолению политических трудностей, мешавших рассмотрению главного для Рузвельта вопроса, касавшегося будущего и единственного связанного не с войной, а скорее с надеждой на предотвращение других войн. Понятно, что речь идет об *Организации Объединенных Наций*. В принципе вопрос был поставлен уже в Тегеране, и тогда Рузвельт отметил, что политической предпосылкой для создания организации являлось длительное согласие между *четырьмя полицейскими*, т.е. между великими державами, служившее гарантией поддержания мира. Оставались препятствия

технического и политического характера, возникшие во время подготовительных работ в Думбартон-Оксе.

Вопрос о Генеральной Ассамблее, связанный с правом участия в ООН, которое предоставлялось странам, объявившим войну Германии, претерпел изменения в связи с предложением Советов включить в число ее участников все 16 советских республик, что вело к требованию представительства, по крайней мере, *доминионов*, входивших в состав Британской империи. Рузвельт был вынужден принять компромиссный вариант, который предусматривал участие Белоруссии и Украины в качестве самостоятельных членов наряду с СССР.

Другой спорный вопрос касался процедуры голосования в исполнительном органе ООН — Совете Безопасности. Речь шла об установлении не столько правила единогласия постоянных членов при принятии решений, касающихся непроцедурных вопросов (так называемое право вето), сколько случаев, когда одной из спорящих сторон оказывается один из постоянных членов Совета Безопасности — следует ли в этом случае учитывать его голос. По этому вопросу обе западные державы вначале считали возможным мажоритарное голосование, но за прошедший до Ялты период и во время крымских переговоров Черчилль и Рузвельт убедились, что было бы ошибкой, противоречащей интересам их стран признать иной, чем единогласие, критерий голосования по существенно важным вопросам. Согласие было достигнуто, но о нем не сообщалось, поэтому перед конференцией, которая должна была быть созвана 25 апреля в Сан-Франциско, была поставлена задача подготовить Устав новой организации.

Последний вопрос, оставшийся открытым в Думбартон-Оксе, касался режима колоний, его решили без особых споров. Был принят принцип, согласно которому практика опеки ограничивалась только прежними мандатами Лиги Наций, бывшими колониями вражеских государств и территориями, которые добровольно примут новый режим. Так Рузвельт добился серьезного результата, важного для его политического проекта — участия СССР в будущей международной организации, направленной на сохранение мира.

Вопрос о вступлении Советского Союза в войну с Японией не являлся составной частью общих переговоров, но несомненно был с ними связан. Сталин подтвердил, что Советы вступят в войну через два-три месяца после окончания войны в Европе. В обмен на это в секретном соглашении, подписанном отдельно от заключительного коммюнике Ялтинской конференции, были определены условия, выдвинутые СССР: гарантия независимости

Внешней Монголии; передача Советскому Союзу южной части острова Сахалин; интернационализация порта Дайрен и восстановление аренды СССР на военно-морскую базу Порт-Артур; организация Советско-Китайского Общества для обеспечения совместной эксплуатации Китайской Чанчуньской железной дороги; передача Советскому Союзу Курильских островов. Все это сопровождалось условием о достижении советско-китайского соглашения (Рузвельт обязывался оказать в этом содействие) относительно статей, затрагивавших интересы Китая.

7.6. Накануне окончания войны в Европе

7.6.1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛАТЕНТНОГО НАПРЯЖЕНИЯ

Ялтинские соглашения свидетельствовали об уверенности в победе и о намерении идти по пути компромисса, несмотря на растущие трудности. С февраля по май 1945 г. расширился спектр этих трудностей. Прежде всего, возникла полемика по поводу попыток Германии (Гимmlера через его эмиссаров в Швеции и через руководителей СС в Италии) подписать сепаратный мир на Западе или, по крайней мере, в Италии. Такой вариант привлекал западные державы, потому что обещал достаточно легкий процесс передачи власти, во время которого не подвергались бы опасности промышленные предприятия, а кроме того, лишал участников итальянского Сопротивления возможности добиться ореола победителей — этого боялись английские и американские военные и политики, памятуя о примере Греции. Поэтому идея прямой передачи власти в руки союзнических сил представлялась наилучшим средством избежать этих опасностей.

Этот путь привлекал Германию, так как отражал не особенно скрываемое ею намерение разделить западных союзников и СССР и даже спровоцировать между ними конфликт, что могло бы привести к неожиданному разрыву союза. Это были иллюзии, но не лишённые оснований, в особенности, если учесть, что западные державы не информировали своевременно правительство Москвы о предложениях, поступавших от нацистов, заставляя тем самым расценивать готовность англо-американских секретных служб вести переговоры с немцами как проявление тайного замысла заключить сепаратный мир.

В действительности, речь шла об одном инциденте, возникшем сразу после Ялты и проявившемся только в начале апреля, который привел к росту недоверия. Подозрительность подкреплялась также и военными сообщениями о быстром продвижении

войск западных союзников к наиболее богатой и важной части Германии, в то время как немецкие солдаты защищали каждую пядь своей земли на востоке: это лишь подтверждало намерения, конечно, существовавшие в германском штабе, но которые не принимали всерьез ни военные, ни политики союзных держав.

Наиболее тяжелым событием для антинацистской коалиции стала внезапная смерть Рузвельта вечером 12 апреля. Рузвельт, несомненно, был выдающимся участником Большой тройки. Его концепция мира не ушла вместе с ним. Более того, его смерть знаменовала собой приближение поворотного момента. Гарри Трумэн, сменивший его вице-президент, которого покойный президент и близко не подпускал к принятию важных решений по проблемам войны, продолжил политику своего предшественника. Но стиль его политики был иным; стратегия менее гибкой и более прямолинейной; готовность решать политические разногласия с помощью хороших личных отношений пропала.

Из тройки Рузвельт—Черчилль—Сталин ушел деятель, чье имя стало символом рождения нового мира. Лишь коммунистические иллюзии позволяли забыть жесткость и цинизм, проявленные Сталиным за несколько месяцев до Ялты; только тот, кто восхищался присущей Черчиллю политической волей защитника Британской империи, мог забыть его узкий имперский консерватизм и твердую державную политику. Со смертью Рузвельта слабела надежда, что грядущая победа ознаменует собой начало новой эпохи.

По возвращению из Ялты, 29 февраля, Рузвельт выступил в Конгрессе, перед обеими палатами, и сообщил о результатах конференции. Президент использовал эту возможность, чтобы выразить свою надежду на организацию, которая должна быть создана на конференции в Сан-Франциско: «Крымская конференция стала поворотным моментом в нашей истории, а потому и в мировой истории. Скоро Сенату Соединенных Штатов и американскому народу будет представлено важное решение, которое определит судьбу Соединенных Штатов — и мира — для будущих поколений... Двадцать пять лет тому назад американские солдаты ждали, что государственные деятели доведут до конца свою работу по организации мира, во имя которого они сражались и страдали. Цель не была достигнута. Мы не можем допустить новой ошибки и надеяться, что мир снова выживет. Крымская конференция... должна ознаменовать конец системы односторонних акций, союзов избранных, сфер влияния, равновесия сил и всех других средств, которые использовались веками и всегда приводили к поражению. Мы предлагаем заменить все эти системы универсальной организацией, к которой могли бы присоединиться все народы, стремящиеся к миру в мире».

Конференция в Сан-Франциско начала свою работу, как и было предусмотрено, 25 апреля, но уже накануне произошло событие, которое ярко отражало новый климат в международных отношениях. Сталин, который, возможно, с искренним сожалением воспринял смерть Рузвельта, решил направить в Сан-Франциско делегацию отнюдь не «низкого уровня», которую возглавил не посол в Вашингтоне молодой Громыко (назначенный в знак недовольства недавней полемикой о капитуляции немцев в Италии), а сам Молотов.

23 апреля Молотов был принят Трумэнном, которому он передал соболезнования Сталина и выразил надежду, что сотрудничество между двумя странами будет продолжаться и в будущем. Трумэн ответил в том же тоне. Но недвусмысленно пояснил, что необходимым условием искреннего сотрудничества является соблюдение Ялтинских соглашений, которые Советы, по мнению американской дипломатии, не выполняют в точности. (Это подтверждалось тем, как Вышинский потребовал от короля сменить премьер-министра Радеску и назначить на его место Петру Гроза, который не был коммунистом, но возглавил правительство с преобладанием коммунистов; об этом свидетельствовали проходившие в Москве переговоры о формировании временного польского правительства.)

Американский президент немногословно, но твердо (многие считали, что «слишком» твердо) заявил Молотову, что Советам необходимо сменить курс, если они хотят сохранить достигнутые в феврале соглашения. Молотов, действительно, был поражен тоном своего собеседника, но нельзя недооценивать ум и опыт советского министра и считать, что он был удивлен тем, в каких выражениях это было сказано. Этот эпизод, который позже был преувеличен настолько, что в нем усмотрели первые признаки политического поворота, чего в действительности не было, свидетельствовал о возникновении новых трудностей.

7.6.2. ПОРАЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Тем временем в Европе война шла к концу. Когда Гитлер узнал, что 28 апреля Муссолини, попавший в плен к участникам Сопротивления, был казнен без суда и следствия, он покончил жизнь самоубийством, и власть взяли военные. За несколько дней до этого произошла встреча советских и американских войск в Торгау, сопровождавшаяся большими празднованиями. Развала «Великого союза» не произошло, более того, Эйзенхауэр до конца сдерживал темпы продвижения своих войск, чтобы линия оккупации совпала с согласованной между военным командованием армий союзников.

В этой обстановке адмирал Дениц стал германским премьер-министром и сразу же установил контакт с союзным командованием. Если у него оставались какие-то иллюзии относительно неизбежной безоговорочной капитуляции, то они были рассеяны Верховным главнокомандующим союзными войсками генералом Эйзенхауэром. 8 мая 1945 г. немецкий эмиссар генерал Йодль подписал в Реймсе в штаб-квартире союзников протокол о капитуляции Германии. На следующий день аналогичный документ был подписан в Берлине в присутствии маршала Жукова.

Так закончилась война в Европе: царила надежда, что чудовищная катастрофа прекратилась. Виновники войны были быстро осуждены или заключены в тюрьму в ожидании судебных процессов, таких как в Нюрнберге. Были раскрыты зверства, совершенные нацистами, в особенности после 1942 г., в концентрационных лагерях. По дорогам Германии в другие страны Европы двигались колонны беженцев, которые возвращались к себе домой, а также брели немцы, чьи земли были отданы Польше, в поисках своего места проживания. По дорогам, разрушенным войной, шли оставшиеся в живых ветераны, оборванные, голодные и изнуренные, они стремились, используя любые случайные транспортные средства, добраться домой.

Европа, та часть Европы, где велась война, где границы помнили наиболее острые моменты боев, где бомбардировки и, в особенности, бомбардировки союзниками Германии и Северной Италии, не всегда оправданные в военном отношении, нужны только для того, чтобы ослабить нацистский тыл, — эта Европа смотрела на наступивший мир, видела огромные масштабы предстоявшего восстановления и ее охватывало радостное волнение, которое несло с собой слово «мир».

7.7. Послевоенная напряженность

7.7.1. КАЗУС ТРИЕСТА И ПОЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА

Конец сражений в Европе не решил, конечно, политических проблем и не означал конец мировой войны. Чтобы европейская ситуация хотя бы минимально нормализовалась, было необходимо приступить к решению вопросов, по которым в Ялте не было достигнуто полной договоренности, в первую очередь, это касалось германской проблемы. Чтобы мир установился во всем мире, нужно было заставить Японию капитулировать.

Советская политика в Польше и Восточной Европе порождала большую тревогу на Западе. Уже тот факт, что войска Тито

захватили Триест до того, как в город Юлия Цезаря вошла армия союзников, и отказались его покинуть, несмотря на приказы верховного командующего союзными войсками генерала Александра, которому формирования Тито формально подчинялись, был плохим предзнаменованием. Существование союзных войск и партизан Тито сразу оказалось трудным делом и стало еще более сложным в связи с тем, что союзники приняли решение, предвещающего установления будущего мирного договора провести линию оккупации по довоенной границе.

Но даже если отбросить этот формальный аспект, югославские партизаны были настроены крайне враждебно по отношению к Италии. Отказ югославских партизан оставить Триест регулярным оккупационным силам вызывал подлинное негодование. Напряжение достигло высокой степени в военном и дипломатическом отношении и грозило вылиться в вооруженное столкновение. Тито думал, что может полностью рассчитывать на поддержку советских войск, которая ему оказывалась, однако до определенного момента, и возможно это стало отражением расхождений между националистическими настроениями лидера югославских партизан и более широкими интересами советской политики. В этой ситуации переговоры стали необходимы, но только в середине июня военная администрация союзников установила свою власть в городе и порту Триеста, а югославские партизаны ушли, скрепя сердце, в горы, окружавшие город.

Переговоры в Москве по польскому вопросу проходили также трудно и вызвали воинственный отклик в американской прессе. Но в этом вопросе Трумэн повел себя как наследник Рузвельта и сторонник компромисса, он согласился встретиться в июле со Сталиным в Европе. Чтобы поляки не мешали переговорам, Трумэн принял решение, которое отражало его стремление не углублять разногласия. Он решил послать в Москву Гарри Гопкинса, очень близкого сотрудника Рузвельта и политика, который первым прибыл в Москву в 1941 г. с обещанием американской помощи и который, таким образом, воплощал стремление договориться со Сталиным: его миссия оживила на некоторое время дух Ялты.

Между Сталиным и Гопкинсом состоялся откровенный обмен мнениями. Сталин сказал, что заметил в намерениях англичан стремление превратить Польшу в своего рода новый санитарный кордон против СССР. Гопкинс возразил и заявил, что Соединенные Штаты признают интересы советской безопасности и выражают пожелание, чтобы в Варшаве было создано «дружественное» СССР коалиционное правительство. Однако США не могут согласиться с тем, чтобы таковым стало Люблинское правительство, которое поддерживают Советы.

В качестве компромисса Сталин предложил создать временное правительство, при поддержке Москвы, которое стало бы коалиционным, и в его состав вошли бы представители групп, «дружественных как союзникам, так и Советскому Союзу»: четыре — пять новых министров на 18-20 членов правительства. Это был слабый компромисс, потому что министрам (не коммунистам) отводилась лишь четверть мест в правительственном кабинете. Тем не менее, Трумэн согласился с ним, чтобы выразить свое расположение и надежду, что в результате выборов станет возможно сформировать правительство в соответствии с влиянием политических сил, действующих в Польше. Таким образом, реализм Ялты, подкрепленный формальным компромиссом, сработал в пользу сталинской политики.

Новое правительство было сформировано 29 июня в соответствии с принятыми договоренностями. Его возглавил прокоммунистически настроенный социалист Осубка-Моравский; Миколайчик согласился принять участие в эксперименте, несмотря на оппозицию генерала Андерса, командующего польскими военными силами, сражавшимися вместе с союзниками, и социалиста Арцишевского, ставшего новым премьер-министром эмигрантского правительства в Лондоне. Игра Миколайчика оказалась проигрышной, но он не хотел упустить последний шанс в виду приближавшихся выборов, которые в соответствии с Ялтинскими соглашениями, должны были вскоре состояться, но которые были проведены только в январе 1947 г. в совершенно иных условиях.

7.7.2. ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Потсдамская конференция, самая продолжительная среди конференций союзников в период войны, проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г. в небольшом городке в восточном пригороде Берлина. На ход конференции большое влияние оказала новая ситуация, в которой оказались союзники. Только Сталин, будучи ветераном, участвовал в работе конференции от начала до конца. У Трумэна не было опыта участия в международных встречах в верхах; он еще не успел установить доверительных отношений с Черчиллем и питал спонтанное недоверие к Сталину. Черчилль был очень скован предстоявшими в Великобритании выборами. Именно поэтому 25 июля конференция была прервана, а когда она возобновила свою работу, то место Черчилля занял победивший на выборах в Англии лидер лейбористов Клемент Эттли, который присутствовал и на первом этапе работ. Вместе с ним в конференции участвовал новый министр иностранных дел Эрнест

Бевин. На смену американскому министру иностранных дел Стеттиниусу, сопровождавшему Рузвельта в Ялте, пришел более авторитетный Бирнс. Сталина по-прежнему сопровождал Молотов.

Так как война в Европе была окончена, а сопротивление Большой тройки к поискам согласия. Кроме того, отсутствие Франции, которая, в соответствии с Ялтинскими соглашениями, участвовала в работе Союзного контрольного совета по Германии, могло привести к тому, что заключительные решения по главному обсуждаемому вопросу — о будущем Германии могли оспариваться. Другие вопросы, подлежащие рассмотрению, касались мирных договоров с побежденными странами и, в первую очередь, с младшими союзниками Германии, а также были связаны с многочисленными требованиями, выдвинутыми руководителями Большой тройки, в особенности Сталиным.

Отсутствие Рузвельта, конечно, чувствовалось. Трумэн, будучи более официальным, вел дискуссии с более жестких позиций, значительно меньше был склонен к доверительным отношениям во время двусторонних встреч и в беседах после обедов, которые были чужды его стилю жизни; когда он участвовал в заседаниях или руководил ими, то не заботился о том, чтобы сгладить острые углы. К тому же, в этот период Соединенные Штаты больше не нуждались в уступках со стороны Советского Союза, с которым должны были только уточнить вопросы, не решенные в Ялте. Но теперь американцы действовали с позиции силы, чему способствовала недавно одержанная победа в войне, а также и успешное испытание 16 июля в Аламогордо (штата Нью-Мексико) первой атомной бомбы.

Обсуждение германской проблемы проходило в напряженной атмосфере с самого начала — с 18 июля (еще до того, как в Берлин пришла подробная информация об успехе американских ученых, которую Трумэн получил только 21 июля). Жесткая полемика развернулась и по вопросу о положении в Балканских странах, оккупированных Советами, а также по любому требованию, выдвинутому Сталиным.

В действительности, несмотря на ее продолжительность, на конференции было принято два важных блока решений, касавшихся германской проблемы и переговоров о мирных договорах. Обсуждение мирных договоров, связанное с правовым аспектом политического и территориального устройства послевоенной Европы, было относительно легким. Руководители трех великих держав решили создать специальный орган — Совет министров иностранных дел (СМИД), который должен был подготовить про-

ект мирного договора для каждой из заинтересованных стран. В его состав должны были входить представители государств, подписавших перемирие с бывшей вражеской страной как в Европе, так и в Азии. При этом Франция рассматривалась как страна, подписавшая перемирие с Италией, что позволяло французским представителям участвовать в подготовке проекта мирного договора с Италией и тем самым избежать расхождения политических позиций в СМВД. Лондон был избран местом пребывания Совета, приступившего к работе 1 сентября 1945 г. Первый договор, который СМВД предстояло подготовить (так было решено в конце работы конференции), касался Италии, первой из стран «Оси», капитулировавшей перед союзниками. Решения по процедурным вопросам показали, что среди участников союза, сложившегося во время войны, превалировало стремление своевременно подготовиться к наступившему миру.

Обсуждение же германского вопроса выявило глубокие расхождения между союзниками. В дискуссиях о будущем Германии союзники столкнулись со сложными территориальными, административными и финансово-экономическими проблемами. В Ялте было решено, что граница между Польшей и Германией устанавливалась по рекам Одер и Нейсе, но не было решено точно, по Восточной или Западной Нейсе. Между двумя реками расположен плодородный сельскохозяйственный район, занятый в то время советскими войсками (что усложняло ситуацию), и Сталин настойчиво требовал, чтобы граница проходила по Западной Нейсе. Несмотря на ожесточенный характер дискуссий с Черчиллем, их исход был предопределен ситуацией, сложившейся в этом районе. Но все остальное было не столь бесспорным.

Было решено, что в административном плане Германия должна быть разделена на четыре зоны оккупации, управляющиеся соответственно тремя великими державами и Францией. Берлин должен был быть изолирован внутри советской зоны и, в свою очередь, разделен на четыре сектора, предстояло установить, как технически будет решаться вопрос о свободе коммуникаций между бывшей столицей Германии и западными зонами оккупации.

Координация административной деятельности в политическом плане поручалась союзному контрольному совету по Германии, полномочия которого определяла Европейская консультативная комиссия. Он должен был завершить разоружение и демилитаризацию Германии и осуществлять контроль над германскими предприятиями, которые можно было бы использовать для военного производства; убедить немецкий народ в необходимости переносить тяготы последствий военного поражения; провести денацификацию

Германии; подготовиться к «реконструкции германской политической жизни на демократической основе и к эвентуальному мирному сотрудничеству Германии в международной жизни».

Все оккупационные власти должны были руководствоваться едиными критериями и способствовать развитию демократических форм самоуправления, но это положение излагалось в слишком общих выражениях, что создавало возможность для одностороннего толкования. «Формальный» аспект временной организации оккупированной Германии был, однако, абсолютно второстепенным в сравнении с более важными вопросами, касавшимися, в первую очередь, проблемы репараций, которая не была окончательно решена в Ялте, и проблемы определения режима производства и общих экономических принципов возрождения Германии.

Трумэн не имел в виду наказание Германии, как то предусматривалось резолюцией 1067 американского Объединенного комитета начальников штабов, оказывавшей влияние на политику США до Ялты. По вопросу о репарациях он занимал еще более жесткую позицию, чем Рузвельт, и отвергал решения, которые ставили Германию в условия крайней нужды и повергали ее в социальный хаос, а, следовательно, толкали в объятия Советов. Кроме того, у него не было ни малейшего намерения вновь создать обстановку, напоминавшую ситуацию в вопросе о репарациях после Первой мировой войны. В Ялте Черчилль не был склонен уступать советским требованиям. В Потсдаме ему пришлось прислушаться к требованиям Франции добиться от Германии хотя бы частичного возмещения ущерба, причиненного войной. Поэтому он еще более уверенно противостоял требованиям Советов, которые, обращаясь к соглашению, достигнутому в Ялте, подготовили предварительные расчеты, согласно которым Германия должна была выплатить 20 млрд. долларов репараций, причем половина этой суммы должна была идти Советскому Союзу.

В Потсдаме Сталину пришлось столкнуться с общей англо-американской позицией по этому вопросу. Некоторые увидели в этом первый результат появившейся уверенности в своей безопасности американского президента после успешного испытания атомной бомбы. Дискуссии по этой проблеме возобновились за несколько месяцев до этого, и изменение американской позиции не было неожиданностью, оно стало результатом скорее постепенного сближения американского и английского подхода к проблеме после Ялты в силу технико-экономических причин, а не в связи с достижением стратегического равновесия. Вряд ли можно считать, что новая позиция США стала следствием пересмотра американской стратегии относительно будущего Германии, которое произошло после подписания акта о капитуляции в мае.

Таким образом, когда Сталин потребовал подтверждения суммы в 20 млрд долларов, то столкнулся с жестким отказом и с предложением рассчитывать репарации на базе возможных изъятий из немецкой промышленности путем демонтажа и вывоза германских промышленных предприятий, не предназначенных для обеспечения немцам минимального жизненного уровня, не превышавшего уровень других европейских стран. Этот вопрос занимал центральное место в работе конференции, потому что немецкие репарации были одним из важных элементов, на основе которых Сталин планировал провести реконструкцию советской промышленной системы. Политика радикального демонтажа и вывоза предприятий и товаров, начатая Советами еще до открытия конференции, а также возбуждение солдат Красной армии, изымавших у немцев самые элементарные предметы потребления, давали представление о лишениях (известных на Западе), перенесенных советскими людьми во время войны, а, возможно, и раньше, и о трудностях восстановления экономики.

Сталин непримиримо отстаивал свои позиции, давая понять, что от соглашения по этой проблеме зависело решение политических вопросов, которые стояли перед конференцией. С другой стороны, его позиция была ослаблена в момент рассмотрения вопроса и принятия решения вынужденным перерывом в работе конференции (25-28 июля) в связи с выборами в Англии. Кроме того, на работу конференции оказало влияние настроение Трумэна, с нетерпением стремившегося вернуться домой, поскольку новая ситуация, сложившаяся в связи с предстоявшим вступлением Советов в войну с Японией (не позже 8 августа) и столь же предсказуемой капитуляцией Японии вследствие неминуемых атомных бомбардировок, требовала присутствия в США президента и государственного секретаря.

В последние дни работы конференции наступил самый жесткий этап переговоров, завершившийся компромиссом, не отвечавшим надеждам Сталина, но, по крайней мере, дававшим ему определенную свободу маневра. Основой соглашения стал отказ от четкого определения суммы репараций, установление которой было отложено до начала работы создававшейся Комиссии по репарациям (в ней должна была участвовать также и Франция), значение нового органа было ничтожным в виду возникших в 1945 г. разногласий. Каждая из оккупационных держав могла начать вывоз предназначенного ей промышленного оборудования из своей зоны, и поскольку западные зоны оккупации были более развитыми, то СССР была предоставлена возможность получать дополнительно 10% промышленного оборудования из западных

зон, а также 15% такого оборудования в обмен на продовольственные товары и уголь, полученный из Силезского бассейна.

Компромисс в вопросе о репарациях отбросил все другие требования Советов экономического характера: треть золотого запаса Германии, создание международного органа для управления Руром, треть имеющихся промышленных резервов Германии. Решения по этим вопросам должны были отвечать общим критериям, которыми руководствовались Союзный контрольный совет и союзные власти вообще в вопросах совместного управления Германией. Это предполагало ответ на вопрос, оставшийся открытым в Ялте: должна ли Германия быть целостным государством или следует создать условия для окончательного раздела немецкой территории? Предложения, подготовленные Европейской консультативной комиссией и поспешно принятые в Потсдаме, подтверждали принцип, согласно которому «в период оккупации Германия будет рассматриваться как единое экономическое целое». Поэтому оккупационные державы обязались следовать общим правилам во всех сферах немецкой экономической жизни: от горнодобывающей промышленности до политики в области заработной платы, транспорта и других основных отраслей экономики.

Этот принцип, положенный в основу соглашений по проблемам экономики Германии и решения проблемы репараций, использовался почти бессознательно тремя руководителями великих держав (которые в последние дни работы конференции одновременно безрезультатно пытались решить ряд менее значимых проблем, в частности, вопрос о мирном переселении немецкого населения с территорий, переданных Польше), но присущие ему сложности стали видны только со временем. Сам принцип предполагал сохранение Германии: предстояло определить ее границы и степень суверенитета.

Тем не менее, Германия сохранялась как суверенное государство, несмотря на поражение и все проекты расчленения, существовавшие до этого. Более того, согласно установленному порядку, все эти правила действовали на период оккупации, а это означало, что и военная оккупация в определенный момент, который предстояло определить, прекратится. В завершение утверждалось, что с этого времени существует экономическое целое, называемое Германией, которая должна управляться на основе согласованной общей политики. К этому моменту Германия была лишена в сравнении с 1937 г. своих восточных провинций и Восточной Пруссии, а потому можно было представить ее будущую территорию, за исключением эвентуальных изменений в Сааре.

Все это означало, что, сознательно или не сознавая до конца значение собственных решений, принятых поспешно во время конференции, которая продолжалась очень долго и на работу которой оказывала влияние ситуация на Тихом океане, руководители трех великих держав кардинально изменили свой взгляд на германскую проблему. Действительно, концепция экономики Германии как единого целого предполагала невозможное — координацию действий союзников или полное согласие между ними. В случае достижения полного согласия это означало бы, что Советы (как и думал Сталин), благодаря своему политическому влиянию смогут участвовать в контроле над экономической жизнью всей Германии, т.е. смогут бы оказывать экономическое и (следовательно) политическое влияние на всю страну до рейнской границы. В противном случае германское государство стало бы ареной столкновения различных толкований как концепции экономического управления, так и единства Германии.

Уже в Потсдаме можно было видеть, что Советы и западные союзники (за исключением Франции, в политике которой преваляло стремление к возмездию) придерживались совершенно различных критериев. Вот почему когда они утверждали, что намерены действовать согласованно в вопросах управления немецкой экономикой, то говорили о вещах, противоречивших действительности, и намечали курс, которым они не могли следовать; в результате нарастали уже существующие разногласия. Таким образом, выдвигать концепцию общей экономической политики означало придерживаться общих теоретических подходов к вопросам экономики: иллюзия быстро исчезнувшая на практике.

Именно комплекс этих иллюзий свидетельствовал, что последняя из великих конференций периода войны завершилась в обстановке, пронизанной противоречиями. «Великий союз» шел по нисходящей: от больших надежд в Тегеране к реализму Ялты и взаимному обману в Потсдаме. Сталин готовился к войне с Японией и приступил к решению проблемы экономической реконструкции СССР, полностью отдавая себе отчет в предстоящих трудностях. В то же время он старался сохранить положение мировой державы, которого Советский Союз добился благодаря победе.

Черчиллю и Эттли, сменившего его после победы лейбористов на выборах, предстояло бороться за реализацию трудной задачи — созданию в Великобритании нового государства *Welfare State*, т.е. государства всеобщего благосостояния, а также спасти то, что еще можно было спасти в имперской системе, проникнутой тенденциями к фрагментации. Соединенные Штаты, почти не испытавшие урона от войны, готовились построить систему,

основанную на правилах, которые Рузвельт постепенно определил для своей страны как цель в войне, и которую Трумэну предстояло реализовать или же установить пределы осуществления этих правил. Нисходящая линия развития еще не превратила «Великий союз» в систему, чреватую внутренними конфликтами мирового масштаба. Тем не менее, она позволяла увидеть полное неизвестности будущее.

7.8. Последний этап войны на Тихом океане

7.8.1. ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП ВОЙНЫ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

Между тем, в войне с Японией произошел серьезный поворот в пользу англо-американцев. Основное различие между войной в Тихоокеанском регионе и войной в Европе состояло, с одной стороны, в огромном периметре военных действий с Японией; с другой, в большом расщеплении театра военных действий. Последнее обстоятельство сначала было на руку японцам, более подготовленным к войне благодаря превосходству на море и в воздухе и традиционному преимуществу в контроле над территориями. Однако для окончательной победы было необходимо, чтобы такое превосходство сохранялось до достижения успеха и чтобы антиколониальные и антиевропейские настроения оккупированных народов использовались достаточно быстро. Но ни одно из этих условий не было выполнено: после первых успехов в начале войны и все возрастающих трудностей, с которыми японцы столкнулись во время наступлений середины 1942 г., в течение 1943 г. произошел поворот, вынудивший их перейти к обороне.

В конце 1943 г. американский военно-морской флот вернул утраченное превосходство, получив большое число авианосцев, способных доставить ударную мощь в самые отдаленные пункты сражений. Японцы, со своей стороны, почувствовали, что непродуманно расплавленные военные усилия привели к тому, что они вынуждены были отражать контрнаступления на разных фронтах. В 1944 г. англо-американцы развернули наступление по трем направлениям. Командование первым направлением, опиравшемся на наземные силы, было поручено генералу Дугласу Макартуру, оно начиналось в южной части Тихого океана, т.е. с баз, расположенных в Австралии или вокруг нее, и развивалось в направлении к Новой Гвинее и Индонезии.

Второе направление было разработано с учетом американского морского превосходства, командующим был назначен адмирал Нимиц, которому в 1944 г. удалось предпринять смелые десанты

и захватить одну за другой основные группы островов в центральной части Тихого океана — от островов Гилберта до Маршалловых и Марианских островов, а также острова Гуам. Третье направление удара было намечено в регионе между Бирмой и Южным Китаем. Присутствие Японии в Китае заставляло союзнические войска, находившиеся под командованием англичан, сражаться в труднейших условиях, преодолевать преграды на коммуникациях между бирманским и китайским фронтами. Это привело к жестоким боям, продолжавшимся до весны 1945 г. и выявило слабость китайских националистических сил, руководимых Чан Кайши.

В середине 1944 г. Макартур и Нимиц объединили свои силы, несмотря на различие в стратегии, для захвата Филиппин. Выиграв большое морское сражение в заливе Лейте, они сразу начали высадку десанта и в июле 1945 г. закончили освобождение всего архипелага. Тем временем американские морские и воздушные силы добились новых важных успехов, они одержали 19 февраля 1945 г. победу на Иводзиме и захватили после длительной борьбы, с 1 апреля 1945 г. по 21 июня, остров Окинаву, одну из важнейших тыловых баз японцев в зоне Тихого океана.

Неблагоприятный ход военных операций и провал имперских планов, вдохновлявших Японию предпринять нападение на Соединенные Штаты, поставили японцев в тяжелое положение, отягченное тем, что с ноября 1944 г. американцы начали систематические бомбардировки Токио и всей японской территории, которые становились все интенсивнее и приобрели катастрофический характер. Конечно, ситуация в Японии была совершенно иной, чем в Германии. Империей Восходящего Солнца руководил не изощренный диктатор, а группы власти, которые боролись между собой вплоть до начала войны. Милитаристская империалистическая группировка одержала верх в декабре 1941 г. и смогла взять под контроль внутреннюю ситуацию после вынужденной отставки адмирала Того в июле 1944 г., добившись назначения на пост премьер-министра генерала Куниаки Койсо, другого представителя ведущей милитаристской группировки.

Ухудшение положения и поражение на Иводзиме и наступление американцев на Окинаву подстегнули сторонников преодоления кризиса дипломатическими методами, включая императора, которые отвергали экстремизм своих оппонентов, призывавших пожертвовать жизнью в борьбе с врагом, как это делали пилоты-самоубийцы (так называемые «камикадзе»), направлявшие свои самолеты на вражеские корабли. Различные политические круги непрерывно предпринимали попытки свергнуть власть милитаристской группировки, но личность императора Хирохито никогда не отождествлялась с правительством, более того, ее всегда рас-

сматривали отдельно, как резерв на крайний случай, когда наступит тяжелый момент. С одной стороны, с ним связывали выход из кризиса, с другой — он представлял серьезное препятствие на пути к его преодолению. Японцы знали, что по отношению к ним также будет применена формула «безоговорочной капитуляции», которая подрывала полномочия императора и лишала его личность, как правителя империи Восходящего Солнца, священного характера. В этом было препятствие, с которым военные, политики и дипломаты должны были считаться, пока не был найден компромисс.

В этой ситуации сторонники политического выхода из кризиса одержали верх над милитаристской группировкой и добились 7 апреля смещения генерала Койсо; вместо него был назначен, в обстановке страха и неуверенности, другой военный, адмирал Кантаро Судзуки, которому поручили для достижения компромисса попробовать обратиться за посредничеством к Москве. Для этой цели он выбрал министра иностранных дел Сигенори Того — в прошлом японского посла в Москве.

Одной детали достаточно для описания новой политики японского правительства: когда Судзуки, несколько дней спустя после своего назначения, узнал о смерти Рузвельта, то он не развернул антиамериканскую пропагандистскую кампанию, что было характерно для милитаристских кругов, а выразил по радио сожаления американскому народу (этот факт стал известен только после войны). Еще предстояло добиваться дипломатического решения военной проблемы, а союзнические воздушные бомбардировки Японии приняли такой же жестокий характер, как и Германии. Так с 9 марта по 15 июня американские бомбардировщики совершили 7000 вылетов для бомбардировок японских городов, почти не встречая сопротивления и неся незначительные потери. Один только налет 10 мая на Токио привел, по меньшей мере, к 124 000 жертв. Теперь, после окончания войны в Европе, весь вооруженный потенциал союзников мог быть направлен против единственного оставшегося противника.

В этой обстановке японская дипломатия напрасно пыталась разыграть советскую карту. Сталин готовился к совершенно другим акциям, которые могли привести к ощутимым результатам. Тем временем президент Трумэн ознакомил японских правителей со своим представлением о войне и мире. Сразу после капитуляции Германии он выступил в печати с суровым обращением к Японии и предложил ей безоговорочную капитуляцию. Его советники рекомендовали ему уточнить, что капитуляция не означает отстранения от власти императорской династии. Трумэн не прислушался к этому совету и ограничился тем, что капитуляция будет

означать «конец влияния тех военных руководителей, которые привели Японию на край гибели», но она не означает «уничтожение или порабощение японского народа», более того, она позволит «вернуться солдатам и морякам к их семьям, к их полям, к их работе».

Только обращение императора могло бы открыть дорогу к миру; до того как Хирохито заявил о своей позиции, слова Трумэна казались бесполезной пропагандой. Конечно, число жертв на японской территории возрастало, но войска Империи Восходящего Солнца занимали еще огромные территории Китая и Юго-Восточной Азии. Поэтому обращение президента не произвело ожидаемого эффекта, и в американском руководстве возобновилась дискуссия об основных стратегических направлениях будущих военных действий. Намерение продолжать регулярную наступательную войну, изматывающую противника, означало прогнозировать военные действия на несколько месяцев вперед, при этом затруднялось определение момента высадки на японскую территорию и возможное число человеческих жертв. Несомненно, что вступление СССР в войну, которое уже приближалось, хотя его точная дата была неизвестна, должно было ускорить сроки проведения операций, но даже оно не могло нанести решительный удар по врагу, обладавшему очень прочными оборонительными позициями.

Японская проблема приобретала все большее значение, требовала нового подхода, учета новых политических и военных моментов. Новые политические моменты заключались в том, что было необходимо пересмотреть форму капитуляции Японии. Хорошо зная, что японцы придают фигуре императора религиозно-мистический характер, союзники должны были найти такую формулу, которая помогла бы сохранить принцип безоговорочной капитуляции, но фактически позволяла пожертвовать им путем включения в будущий договор о капитуляции статей, предусматривавших сохранение в будущем императорской династии или, по крайней мере, не угрожавших ее существованию. Новые военные данные были связаны с приближением момента появления у Соединенных Штатов атомной бомбы. Наличие этого оружия показало бы японцам, что США обладают превосходством, делавшим любое сопротивление бесполезным.

7.8.2. АМЕРИКАНСКИЙ УЛЬТИМАТУМ И АТОМНАЯ БОМБАРДИРОВКА

В создавшейся ситуации дипломатические усилия стали важной стороной политической деятельности ведущих представителей госдепартамента, в первую очередь, госсекретаря Стеттиниуса,

заместителя госсекретаря Грю, а также военного министра Генри Стимсона, одного из самых влиятельных деятелей в американском правительстве. Все искали выражения, которые позволили бы Трумэну вновь обратиться к японцам и при этом не противоречить самому себе. Президент, со своей стороны, решил, что он не в праве самостоятельно принимать решение и что следует обсудить вопрос с Черчиллем и Сталиным, с которыми он встретился через несколько недель. Это решение, казалось, было политическим, но по существу на него оказали влияния новые военные данные, так как Трумэн постарался, чтобы Потсдамская конференция началась в тот же день, что и первые испытания в Аламогордо модели той самой атомной бомбы, которая в последующем могла быть использована против Японии. Другими словами, Трумэн откладывал принятие решений относительно Японии до того момента, когда и в дипломатическом (встреча Большой тройки), и в военном плане его позиция станет столь прочной, что он сможет предъявить Японии настоящий ультиматум. Только с позиции силы, полагал он, можно было говорить с Японией и со всем остальным миром.

Трумэн немедленно получил сообщение в общих чертах об успешно прошедшем испытании 16 июля в Аламогордо. 21 июля он получил более подробную информацию. 24 июля после обеда со Сталиным и Молотовым Трумэн сообщил им с важным видом, что американцы обладают новым оружием, абсолютно новым, из ряда вон выходящим типом бомбы. По свидетельству Молотова, он говорил так, как будто бы хотел поразить и вызвать чувство подавленности у своих слушателей. Сталин реагировал очень спокойно. Он не нуждался в разъяснениях, потому что хорошо знал, на что намекал Трумэн (т.е. речь шла о том типе оружия, над которым и в Советах работали уже с начала 1943 г.). Непосредственный отклик на поднятый вопрос этим и ограничился.

Американцы приступили к консультациям с союзниками о составлении обращения, которое предстояло направить японцам: 26 июля Соединенные Штаты, Великобритания и Китай подписали декларацию, СССР в то время еще не был в состоянии войны с Империей Восходящего Солнца. Этот ультиматум долго обсуждали, чтобы найти наиболее точный угрожающий тон, в меру откровенно дать понять японцам о существовании нового оружия и указать на последствия их возможного отказа.

«Пришло время для Японии решить, — говорилось в декларации, — будет ли она по-прежнему находиться под властью тех упорных милитаристских советников, неразумные расчеты которых привели японскую империю на порог уничтожения или она

пойдет по пути, указываемому разумом». Встать на этот путь означало устранить тех, кто вверг Японию в пучину войны; признать, что территория Японии будет оккупирована до восстановления мира и создания нового мирового порядка. Эта территория, как уже было решено на Каирской конференции, должна быть ограничена крупнейшими Японскими островами и теми менее крупными, которые будут указаны; японским вооруженным силам, после того как они будут разоружены будет разрешено вернуться на родину и вести мирную жизнь. В отношении японцев не было намерения поработить их, но суровое наказание ждало военных преступников. Японское правительство должно устранить все препятствия к установлению свободных и демократических институтов. Декларировалось сохранение промышленности, работающей в мирных целях, чтобы дать возможность японцам выплатить военные репарации; для нормальной экономической жизни японцам разрешался доступ к сырьевым ресурсам, необходимым для мирного производства. Наконец, «оккупационные войска союзников будут отведены из Японии, как только будут достигнуты эти цели и как только будет учреждено мирно настроенное и ответственное правительство в соответствии со свободно выраженной волей японского народа». Альтернативой принятию этих условий капитуляции был полный разгром японских вооруженных сил и опустошение самой Японии.

Следует обратить внимание на два аспекта этого документа. Во-первых, несмотря на угрозу огромных разрушений в нем не было даже косвенного намека на атомную бомбу, его отсутствие стало результатом долгих обсуждений в американской администрации, сопровождавших работу над текстом документа. Во-вторых, в нем не было упоминания о судьбе императора — ни гарантии его будущего, ни заявления о том, что ему нет места в будущем.

Обращение было резким и ультимативным, но не лишенным некоторой двусмысленности. Оно дало новый толчок к уже разгоревшимся в Токио спорам о продолжении войны. Император Хирохито не скрывал своего глубокого стремления достичь компромисса или переговоров, он до последнего момента надеялся на советское посредничество. Но он не мог даже принять во внимание ультиматум, в котором не было гарантий относительно роли императора, основы морально-политической системы ценностей в японской жизни. Поэтому Потсдамская декларация, предъявленная Японии в виде ультиматума, была отвергнута без длительного обсуждения. Премьер-министр Судзуки был подавлен поспешностью, с которой военные заявили о своем отказе через контролируемую ими печать. Сам Судзуки хранил полное

молчание: новое заявление для него было равносильно Каирскому, и он оставил его без комментариев. Впрочем, только Хирохито мог продиктовать свои решения по этому вопросу.

Отказ японцев или, точнее, их молчание расценивались в Вашингтоне как официальный отказ. Дорога к решительному удару была открыта. После испытаний в Аламогордо две атомные бомбы были подготовлены для немедленного использования. Утром 6 августа 1945 г. на аэродроме, расположенном на острове Тиниан, одна из этих бомб была загружена в самолет *Энола Гей*, который должен был доставить ее к указанной цели. В 8.15 утра бомба была сброшена на город Хиросима. Ее разрушительная мощность составила 20 000 тонн тринитротолуола. Хиросима была разрушена, а жертвы радиоактивного поражения умирали еще долгое время. Не существует точной статистики, но по наиболее достоверным подсчетам число погибших достигает 100 000 вследствие взрыва и радиации и почти столько же умерло в последующие годы вследствие радиоактивного поражения. Наступила новая эпоха в политической и военной истории человечества. Сам президент Трумэн, разъяренный, что в Хиросиме был применен новый тип бомбы, сказал: «Сила, которая дает энергию солнцу, была использована против тех, кто развязал войну на Востоке». Трумэн, ощущая груз ответственности, тем не менее, утверждал, что акт массового уничтожения произошел после того, как японцы без переговоров отвергли ультиматум от 26 июля. Таким образом, они не уберегли свою страну от разрушений, уже причиненных и еще возможных, поскольку не было дано согласие на немедленную капитуляцию.

7.8.3. ВСТУПЛЕНИЕ СССР В ВОЙНУ С ЯПОНИЕЙ И ЕЕ КАПИТУЛЯЦИЯ

Атомная бомбардировка должна была произвести, прежде всего, психологический эффект, так как материальные разрушения, учитывая военную обстановку и отсутствие точных знаний о последствиях радиоактивных осадков, не отличались от разрушений при массовых бомбардировках. Важно было дать понять японцам, что не существовало другого выхода, кроме капитуляции. Хирохито 8 августа получил сообщение о действительной мощности взрыва и немедленно отдал приказ окончить войну. Но пока японское военное командование потрудились собраться для принятия решения, два новых события сделали ситуацию, если это было возможно, еще более мучительной в политическом и еще более тяжелой в военном отношении. В политическом плане —

в связи с тем, что 8 августа русский посол информировал правительство Токио о вступлении СССР в войну с Японией 9 августа; в военном плане — поскольку Япония молчала, то американцы 9 августа сбросили вторую бомбу на город Нагасаки, которая произвела столь же мощные разрушения, что и первая, хотя и с меньшим числом жертв.

Действительно, кое-кто в высших военных кругах Японии сопротивлялся капитуляции, и только утром того же 9 августа состоялось заседание Высшего императорского военного совета в одном из безопасных мест Токио. Он собрался для ознакомления с решением Советского Союза, но во время работы был потрясен известием о новой бомбардировке Нагасаки. Развернулись горячие, но горькие дебаты. Судзуки предложил немедленно принять Потсдамскую декларацию и потребовать от союзников гарантий сохранения японского национального единства и императорской семьи. Военный министр генерал Коретика Анами с фанатизмом отстаивал тезис о возможности и необходимости сопротивляться до последнего солдата. В отчетах об этом заседании говорится о поистине драматических спорах, пока императора не попросили сделать свои выводы. Тогда Хирохито изложил свою позицию, содержащую условия подписания мира: «Я глубоко изучил ситуацию, сложившуюся на родине и за рубежом и пришел к заключению, что продолжение войны означает продление кровопролития и жестокости и уничтожение нации. Я не могу больше переносить страдания моего народа. Положить конец войне — вот единственный способ восстановить мир во всем мире и освободить страну от обрушившихся на нее жестоких бед... Я с болью думаю о тех, кто мне так преданно служил, о солдатах и матросах, убитых или раненных в далеких битвах, о семьях, потерявших все свое имущество и земли — а зачастую и свою жизнь — во время бомбардировок. Не стоит и говорить, как для меня невыносимо присутствовать при разоружении храбрых и честных японских ветеранов. И точно также невыносимо, что те, кто преданно служил мне, должны быть наказаны как подстрекатели войны. Но наступил момент, когда надо перенести то, что невыносимо. Когда я вспоминаю чувства моего великого деда, императора Мэйдзи, в период тройственного вмешательства [в 1895 г.]¹, то глотаю слезы и даю согласие принять декларацию союзников».

10 августа стало известно решение императора. Оно выражало готовность принять все требования победителей, в нем также со-

¹ Имеется в виду совместная «рекомендация трех держав: России, Франции и Германии, которая вынудила Японию отказаться от части территориальных приобретений по Симонсекскому договору 1895 г. с Китаем. — *Прим. редакции.*

держалось пожелание гарантий относительно будущего императорской семьи и ее прерогатив. Первый ответ союзников был уклончивым и в некотором смысле походил на ответ итальянцам в 1943 г. Капитуляция была принята. С момента подписания перемирия власть императора и японского правительства зависели от Верховного главнокомандующего вооруженными силами союзников. От императора потребовали огласить рескрипт о капитуляции и отдать соответствующие приказы о форме правления согласно Потсдамской декларации.

В этом не было откровенного признания роли императора. Но в сравнении с декларацией от 26 июля здесь допускалось, что только император обладает достаточной властью, чтобы приказывать японским войскам остановить войну. К счастью, со стороны союзников не было возражений, когда 14 августа стал известен ответ японцев в виде приказа, отданного императором своим войскам в соответствии с Потсдамской декларацией, прекратить войну и подчиниться распоряжениям Верховного командующего вооруженными силами союзников. Именно эта форма предполагала сохранение власти императора. После нескольких часов ожидания пришел положительный ответ от американцев. Генерал Макартур был назначен Верховным главнокомандующим вооруженными силами союзников и облечен полномочиями принять акт капитуляции Японии, который должен быть подписан как можно быстрее.

Военные операции тем временем были прекращены. Действительно, жестокость ударов, нанесенных двумя атомными бомбами, и решение императора и его премьер-министра заложили основы для общего стремления положить конец ужасам войны, продолжению изнурительных, затяжных сражений. Япония была спасена от кровопролитного вторжения, хотя ей предстояло испытать последствия военной оккупации. Тем временем был подготовлен акт о капитуляции, подписанный 2 сентября на борту линкора «Миссури» в Токийском заливе, после того как флот союзников создал там свой небольшой плацдарм. Наиболее важная в политическом отношении статья документа касалась формы правления. В ней говорилось, что Верховный главнокомандующий союзных держав «будет осуществлять свои полномочия через правительственные структуры и японские власти, включая императора, в той мере, в какой это будет отвечать целям Соединенных Штатов». Японское правительство будет продолжать выполнять свои обычные управленческие функции в вопросах внутренней администрации, потому что союзническая политика заключалась в том, чтобы «использовать существующую форму правления, а не поддерживать ее». Два года военной оккупации в других странах,

начиная с сентября 1943 г. в Италии, научили, наконец, кое-чему твердолобых военных бюрократов англосаксонских государств.

Подписание акта о капитуляции не положило сразу конец войне. В государства зоны Тихого океана сообщение об официальной капитуляции Японии пришло только 12 сентября. Лишь в середине сентября были достигнуты соглашения о разделе территории Кореи на две зоны оккупации: советскую — к северу от 38-й параллели и американскую — к югу от нее.

7.9. Атомная проблема

Применение двух атомных бомб решило вопрос о капитуляции Японии. Если это событие рассматривать, руководствуясь логикой Второй мировой войны, то оно будет казаться успехом в соперничестве с участием всех воюющих сторон, поскольку оно показало такое технологическое превосходство США и их союзников, которое изменило равновесие в традиционных вооружениях: достаточно вспомнить об открытиях в расшифровке военных секретов, об использовании радаров, о новых способах использования сначала истребительной, а затем и бомбардировочной авиации, об испытаниях и запуске телеуправляемых ракет. Этот успех явился результатом поисков решающего оружия, способного быстро и определенно положить конец войне — этой бойне, длившейся почти шесть лет и унесшей миллионы жизней. Тем не менее, с течением времени и с дальнейшим развитием ядерных вооружений этот успех приобрел совершенно иное значение. Хиросима и Нагасаки были изъяты из исторического контекста, породившего их и спроецированы в историческую перспективу, как символ трансформации международной жизни, всеобщего возврата к варварству или, в лучшем случае, как знак начала новой эпохи в истории международных отношений.

В январе 1939 г. в Нью-Йорк прибыл датский ученый Нильс Бор, один из выдающихся физиков всех времен. Он встретился с американскими учеными и своими коллегами-эмигрантами, такими как Энрико Ферми, которые покинули Европу из-за расовых преследований нацистов. Он сообщил им о результатах исследований немецких ученых, которых они добились в конце 1938 г. в области расщепления атома. Эти сведения послужили мощным толчком для американских исследователей, работавших в Принстоне, Нью-Йорке и Чикаго. Военные последствия открытий в области атомных исследований были еще не очень ясны, но ученые придавали им революционное значение. Между тем, рост международной напряженности порождал страх, что Гитлер

сможет стать первым обладателем столь передовой технологии, которая сделает остальной мир крайне уязвимым. Вследствие этого были ускорены исследования в области расщепления атома радиоактивного урана; они принесли Ферми в 1939 г. первые положительные результаты. Ученые Ферми, Лео Сцилард, Герберт Л. Андерсон в Колумбийском университете в Нью-Йорке добились новых позитивных результатов; в ноябре 1942 г. в специальных лабораториях, созданных в Чикаго, начал работать первый атомный реактор.

О значении исследований и их военном потенциале американская администрация была проинформирована давно. В июне 1940 г., в то время, когда немцы вторглись во Францию, президент Рузвельт поручил инженеру и математику Ванневару Бушу, обладавшему большими организационными способностями, руководство Национальным комитетом по научным исследованиям в целях обороны (NDRC). Буш должен был обеспечить Соединенным Штатам контроль над запасами урана (который тогда добывали в Катанге, одной из провинций Бельгийского Конго) и поставить их в распоряжение проекта «цепная реакция», финансируемого Национальным комитетом. В июне 1941 г. по распоряжению Рузвельта было образовано Управление по руководству научно-исследовательской деятельностью для координации всей научной работы, развернутой в военных целях; оно должно было также установить связь с английскими учеными, работавшими над тем же проектом в Великобритании.

В начале 1942 г. президент организовал Комиссию по атомной энергии (АЕС), которая в строгом секрете продолжила теоретические исследования в целях их будущего практического использования и в военном плане. Задача заключалась в том, чтобы не только выиграть у немцев долгосрочную, как тогда считали, гонку, но также и обогнать Советы. Гитлер на самом деле не считал ядерные исследования приоритетными, и в июне 1942 г. приказал приостановить их и сосредоточиться на исследованиях в области ракетостроения. Акты скрытого саботажа на установках по производству тяжелой воды, которую немецкие ученые намеревались использовать в качестве среды для проведения ядерного расщепления, создавали дополнительные трудности и обескураживали даже самых упорных исследователей.

Советские ученые также приступили к исследованиям в области ядерной энергии, но нападение Германии в 1941 г. парализовало их работу. Сталин знал о подготовительной работе американских ученых благодаря информации, переданной секретными агентами, проникшими в Комиссию по атомной энергии. Как

вспоминает Молотов, сразу после Сталинградской битвы, т.е. в начале 1943 г., Сталин, проведя безрезультатные переговоры со скептиками Петром Капицей и Абрамом Иоффе, поручил физику Игорю Курчатову организовать в Советском Союзе параллельные исследования на основе информации, полученной от секретных служб. Но только летом 1945 г. советские ученые получили достаточное количество урана, чтобы их работа приобрела более конкретное содержание. В действительности считалось, что они отставали от американцев приблизительно на 5–7 лет.

Хотя на первом этапе работы Комиссии по атомной энергии носили преимущественно теоретический или экспериментальный характер, вскоре стало ясно, что в случае своевременного и благоприятного исхода Соединенные Штаты, возможно, при сотрудничестве с англичанами, смогут создать ядерное оружие, мощность которого трудно просчитать. Вопрос о сотрудничестве с англичанами вызывал некоторые сомнения у американской администрации по причинам безопасности, сроков и стремления к абсолютному приоритету. Джеймс Конант, президент Гарвардского университета и заместитель Буша, энергично отстаивал это мнение. Но трудности были преодолены благодаря политическому соглашению, существовавшему между Рузвельтом и Черчиллем, и убеждению, что распыление сил приведет к половинчатому результату.

Все политические протагонисты и многие ученые, участвовавшие в большом атомном проекте (который затем стал называться «Манхэттенским проектом»), осознавали политическое значение того, над чем они работали, не только в контексте текущей войны, но и для более отдаленного будущего. Официальные историки Комиссии по атомной энергии писали: «Как Рузвельт, так и Черчилль знали, что их дипломатия основана на столь революционном технологическом открытии, что его значение превосходит кровопролитную задачу перенести войну на нацистскую территорию». Иными словами, они знали, что атомное оружие сможет изменить характер войны, а, следовательно, и характер международных отношений. Уже в момент своего рождения атомная проблема имела технологические, военные и политические аспекты.

Здесь неуместно прослеживать этапы развития технологии, приведшие к успеху испытаний в Аламогордо 16 июля 1945 г., когда Германия была уже разбита, и противостояние с ней было выиграно с помощью традиционных вооружений. Однако военные и политические проблемы необходимо проанализировать. Важнейшая проблема заключалась в изучении нового характера атомного оружия, в оценке последствий, к которым оно может привести, и, следовательно, в необходимости решить, возможно

ли использовать против цивилизованного противника средство столь разрушительной мощности.

По мере того, как ученые все больше отдавали себе отчет о результатах, к которым может привести взрыв атомной бомбы, росли сомнения в целесообразности ее применения или в ее использовании без предварительного испытания в пустынной местности и без предупреждения японцев об опасности, которая им грозит, если они не согласятся на немедленную капитуляцию. По этим вопросам возникли горячие дискуссии, которые, однако, не вышли за пределы научного сообщества. У Рузвельта не было никакого сомнения в том, что бомба создана для использования против врагов.

Трумэн до своего вступления в должность президента ничего не знал о существовании проекта. Военный министр Стимсон ознакомил его с докладом Буша и Конанта, в котором нашла отражение озабоченность ученых. Стимсон подробно описал Трумэну ситуацию и возможность возникновения военно-политических осложнений в связи с использованием атомной бомбы, а также влияния нового оружия на будущие отношения с Советским Союзом. Он был склонен применить бомбу против Японии, но не исключал ни возможности демонстрационных испытаний, ни возможности будущего международного сотрудничества в атомной области. Трумэн из его доклада прежде всего понял, что в Соединенных Штатах скоро пройдут испытания оружия, способного в короткие сроки положить конец войне с Японией.

Эту информацию Трумэн получил накануне поражения Германии, и такое сообщение он мог встретить с безоговорочным одобрением. Речь шла о бомбе, взрывная мощность которой составляла по крайней мере 10 000 тонн тринитротолуола, если не в два раза больше. Она в короткое время сделала его президентом страны, победившей в войне и господствовавшей в мирное время. Идея предупредительного испытания в назидание японцам, которая долгое время обсуждалась политиками и учеными, была отвергнута. Госсекретарь Джеймс Бернс отметил, что не был уверен ни в успехе испытаний, ни в том, что они произведут на японцев ожидаемое психологическое воздействие. Роберт Оппенгеймер, известный ученый-атомщик, разделял эти сомнения.

В историческом плане следует принять во внимание другую важную военную проблему. Действительно ли было необходимо в военном отношении сбрасывать атомную бомбу, чтобы победить японцев, и прибегать к ее использованию, не предупредив, хотя бы на словах, о грозящей им опасности? В связи с этим стоит подчеркнуть, что партия японских милитаристов боролась за про-

должение войны и после бомбардировки Хиросимы. Поэтому можно предположить, что словесная угроза только усилила бы влияние этой находившейся у власти группировки и могла бы показаться пустым бахвальством перед Японией, у которой для обороны имелись мощные силы, прежде всего, 5 000 самолетов с летчиками-камикадзе, способных блокировать приближение американского флота к японским берегам.

В общем эту проблему не следует рассматривать изолированно, вне исторического контекста произведенной атомной бомбардировки, и оценивать ее значение для будущего, которое еще никто не мог с точностью предвидеть; для более глубокого изучения ее необходимо анализировать в соответствующем историческом контексте. Другими словами, невозможно с помощью искусственных концепций отделять атомные бомбардировки от хода войны с Японией.

Это означает, что в сложившейся тогда обстановке настоящий вопрос состоял в следующем: применение нового оружия, которое могло привести к широкомасштабным политическим и технологическим последствиям с неясными результатами, оказало бы воздействие на войну с Японией и какое? Несомненно, что до появления атомной бомбы, которую можно было бы действительно использовать, сопротивление Японии представлялось долгим и упорным. Правда, Судзуки пытался найти пути для заключения мира с помощью дружеского содействия СССР. Но также верно и то, что эти попытки остались безрезультатными, поскольку Сталин в то время готовился выполнить неоднократно данное союзникам обещание вступить в войну с Японией через три месяца после окончания войны в Европе, т.е. до 8 августа. Если день, который выберет Сталин, оставался неизвестным, то срок принятия решения был определен точно. Поэтому претензии японцев, что на них напали в тот момент, когда они были готовы к переговорам, безосновательны, так как СССР в то время готовился не к переговорам, а к объявлению войны.

Что касается того, как долго японцы смогли бы оказывать сопротивление, то никто не мог это реально предвидеть; в общем, было распространено мнение, что союзники смогут предпринять вторжение на территорию Японии не раньше ноября 1945 г. и что война продлится по крайней мере еще год. Это повлекло бы за собой многочисленные жертвы как со стороны Японии, так и США, Англии и СССР в войсках и среди гражданского населения вследствие жестоких бомбардировок. С этой точки зрения, атомные бомбардировки, несомненно, произвели мощный психологический эффект. Они дали политическим деятелям, склонным

к капитуляции, более действенные аргументы, чтобы повлиять на императора Хирохито и заставить его сделать выбор между чувством военной чести и сохранения престижа императорской династии и той жуткой опасностью, которая грозила его народу. Капитуляция, по крайней мере, устраняла страх, засевший, конечно, в умах и японских, и американских правителей, что территория Японии будет оккупирована не англо-американцами, а Красной армией, чего в Токио боялись еще больше.

Таким образом, одним из политических результатов атомной бомбардировки стал поспешный компромисс между требованиями сохранить некоторые формальные прерогативы императора и намерением американцев воспрепятствовать тому, чтобы советское вмешательство лишило бы их лавров победы в войне (в особенности, в случае войны на территории Японии), которую американцы более других считали «своей» войной и в завершение которой они внесли решающий вклад.

Явное совпадение появления атомной бомбы и создания нового международного политического устройства поставило вопрос о значении ядерного потенциала для будущих отношений с Советским Союзом. После того как две атомные бомбы были сброшены на Хиросиму и Нагасаки, каковы должны были быть темпы и цели производства новых бомб? Требовала ли существующая международная реальность обладания новым ядерным оружием или зло, которое было еще свежо в памяти, снова не получило бы должного отпора?

Рузвельт обсуждал со своими соратниками политические последствия появления атомного оружия, и хотя отсутствуют документы, прямо отражающие его мнение о послевоенной ядерной эпохе, его поведение во время войны явственно свидетельствует о том, что он был намерен сохранять в глубоком секрете технологические данные, необходимые для производства атомной бомбы. Сознывая, какие политические осложнения в международных отношениях вызовет это новшество (правда, говоря об этих вещах, следует учесть, что Рузвельт умер, не увидев результатов первого атомного эксперимента и первых атомных взрывов), он не мог не связывать его со своими грандиозными проектами мирового переустройства. Поскольку он размышлял о будущем Соединенных Штатов и о финансово-экономической реорганизации мира в соответствии с правилами функционирования рыночной экономики и в интересах США, то он не мог не интегрировать военные вопросы будущего человечества в этот всеобъемлющий проект.

Хотя это только предположение, но вполне возможно, что оно объясняет, почему Рузвельт ничего не сказал Сталину относительно

атомного оружия. В этом ключе можно согласиться с утверждением Шервина, что у президента, «было твердое убеждение, что контроль над миром во всем мире возможен через достижение огромной военной мощи, и оно стало важным компонентом его планов послевоенного устройства». Но это допустимо при условии, что Рузвельт полагал возможным включить атомную мощь в общий военный план, представленный на одобрение американским налогоплательщикам, которые, однако, вряд ли с радостью отнеслись бы к необходимости и в мирное время нести большие военные расходы.

Иным было положение Трумэна, поскольку ему приходилось решать не только теоретически, но и практически, какую роль будет играть атомная бомба в отношениях с Советским Союзом. Несомненно, что появление атомной бомбы в корне нарушало существовавшее прежде равновесие, поскольку лишало Советы уверенности в том, что они обладают самой сильной в мире военной машиной и, следовательно, ставило их в положение потенциальной слабости или, по крайней мере, питало их комплекс неполноценности, постоянно присутствовавший в отношении западных держав. Это обстоятельство породило много спекулятивных концепций о значении различных моментов, которые привели к использованию атомных бомб. Некоторые американские историки даже писали, что атомная бомба была применена не столько против уже побежденной страны, какой была Япония в августе 1945 г., сколько против вступавшего в войну союзника — Советского Союза, чтобы снизить значение его участия и, прежде всего, чтобы отбросить его на второстепенные в военном отношении позиции.

Тот факт, что Советский Союз не подписал Потсдамскую декларацию с требованием капитуляции Японии, расценивался в историографии как показатель стремления англо-американцев исключить Советы из финального этапа борьбы с японцами и даже как попытка заставить японцев капитулировать раньше, чем СССР вступит в войну, т.е. до 8 августа. Этот второй аргумент абсолютно лишен оснований по крайней мере по двум причинам. Во-первых, с формальной точки зрения, Советский Союз не находился в состоянии войны с Японией, а потому его участие в подписании ультиматума не имело смысла и было бы незаконным. Во-вторых, намерение отправить ультиматум японцам не было секретом, тщательно охраняемым западными союзниками в Потсдаме; этот вопрос широко обсуждался, и Сталин был, несомненно, в курсе происходивших дискуссий, поэтому, если бы он захотел присоединиться к ультиматуму, то достаточно было по-

требовать этого, вынудив англичан и американцев согласиться с его участием.

Конечно, элиминирование претенциозной аргументации не снимает основную проблему, т.е. то обстоятельство, что одностороннее обладание атомной бомбой резко меняло взаимоотношения между победителями. Именно одностороннее обладание, так как Трумэн не сделал ничего, что позволяло бы говорить о его намерении ознакомить Советы с теми атомными секретами, которые они, впрочем, уже в значительной мере знали. Проблема состоит в том, чтобы оценить, могла ли атомная монополия изменить и изменила ли она послевоенную ситуацию. Но и в этом вопросе следует различать опасения, страхи и спекуляции фактами. Американское военное преимущество обеспечивало Соединенным Штатам возможность диктовать свою волю относительно нового мирового порядка. Часто сравнивают ход Ялтинской конференции с конференцией в Потсдаме и делают вывод, что во время первой из них Рузвельт был более склонен к компромиссу в связи со слабостью позиции западных держав, в то время как в Берлине Трумэн становился все более непримиримым по мере поступления информации о масштабах успеха испытаний в Аламогордо. В последующие после Потсдамской конференции дни американская политика стала еще более жесткой в силу вновь обретенной уверенности в безопасности. Это якобы свидетельствовало о том, как быстро атомная монополия оказала влияние на политику Соединенных Штатов, сделав их менее склонными к диалогу с Советами, т.е. превратила Трумэна в главное действующее лицо курса на ужесточение, который привел к холодной войне.

В действительности, это замечание кажется необоснованным. Различие между Ялтой и Потсдамом заключалось в том, что во время конференции в Крыму западные державы должны были оказывать давление на Сталина, чтобы убедить его сделать некоторые уступки в отношении того, чем он уже обладал, и тех решений, которые зависели только от него. Во время Берлинской конференции ситуация была совершенно иной, потому что западные державы не должны были больше просить о чем-либо, а Сталин должен был добиваться уступок, на которые западные державы не соглашались. Итак, сопоставление двух конференций может привести к различным выводам, если учесть, что на решения, принятые в Потсдаме, возможно, повлияло осознание американцами своей новой мощи вследствие монополии на атомное оружие. В самом деле, если бы Трумэн захотел немедленно использовать новый баланс сил в дипломатическом плане, то он повел бы себя с Советами совершенно иначе, а он в общем довольно

умеренно держался и в отношении выполнения Ялтинских соглашений.

В июле Трумэн не потребовал от Сталина соблюдения обязательств, принятых в Ялте при подписании декларации об Освобожденной Европе, несмотря на ожесточенную полемику, разделявшую стороны по вопросам военной администрации на оккупированных территориях Балканского полуострова. Это обстоятельство свидетельствует о том, что в тот момент он еще не был намерен (если когда-либо был намерен) использовать атомную монополию как инструмент давления на Советы, чтобы заставить их следовать американским концепциям или западной трактовке обязательств, подписанных в Ялте. Нельзя сказать, что у Трумэна не было такой возможности.

Еще в июне, когда они со Стимсоном обсуждали новую ситуацию, возникшую благодаря атомной монополии, они полагали, что «в дипломатическом плане бомба может произвести немедленный потрясающий эффект и что новое оружие решит, ни больше ни меньше, польскую, румынскую, югославскую проблемы и вопрос о Маньчжурии». Это говорит о том, что президент отлично понимал, какую силу ему давала атомная бомба в политическом плане. Несмотря на это, он избегал оказывать ультимативное давление на Сталина и фактически позволил ему свободно устанавливать свое господство на Балканском полуострове, ограничиваясь до и после Хиросимы традиционными дипломатическими протестами. Подобное отношение свидетельствует о том, что Трумэн не намеревался или не был готов извлечь политические преимущества в связи с обладанием атомной монополией, то есть американская сторона тогда не использовала атомное превосходство в дипломатическом плане.

Поэтому давний вопрос: была ли атомная бомба использована в большей мере для того, чтобы запугать Советы, чем чтобы разгромить Японию — требует однозначного ответа, который вытекает из того, что было изложено до сих пор. Несомненно, что основная задача заключалась в ускорении капитуляции Японии, но в то же время невозможно отрицать, что сам факт применения атомной бомбы привел к переменам в отношениях между победителями и породил новые проблемы в сохранении союза, уже давшего трещину в послевоенное время.

За этим не последовало непосредственное выражение желания американцев подчинить Советский Союз, но за этим событием стояло намерение показать всему миру, кто действительно находится в центре новой международной системы, сложившейся после войны. Этот вывод можно изложить в менее острой форме,

обратившись к словам директора атомных лабораторий Чикаго Артура Комптона, сказанным им в июне 1945 г. Стимсону, чтобы объяснить причины его согласия с применением атомной бомбы: «Если бомба не будет применена в этой войне, мир не узнает, что его может ожидать в случае возникновения новой войны». Отец водородной бомбы Эдвард Теллер, который в 1945 г. был против сбрасывания атомной бомбы на Хиросиму, писал своему коллеге Сцилларду: «Наша единственная надежда состоит в том, чтобы представить людям полученные результаты... Это могло бы убедить всех, что следующая война может стать фатальной... А потому применение бомбы во время этой войны могло бы стать наилучшим решением».

Другой вопрос заключается в том, как англичане и американцы использовали обладание атомным секретом. Они знали, что имеют преимущество над Советами, но знали также, что это преимущество исчезнет через несколько лет. Итак, встал вопрос о дальнейшем использовании атомной энергии на условиях взаимной безопасности, потому что альтернативой могла стать безумная гонка к достижению нового равновесия сил, которое политики затем назвали «равновесием страха». Но по прошествии стольких лет нельзя не отметить, что прогнозы, сделанные Комптоном, Теллером и многими другими учеными, были не лишены оснований, потому что осознание опасности, которую несет новая война, если и не остановило гонку в создании сверхсовременных вооружений, то помешало их применению и потребовало от политиков во всем мире ранее немислимой осторожности прежде, чем принять стратегические решения, способные изменить существующую ситуацию.

7.10. Американские проекты послевоенного устройства

7.10.1. РАЗРАБОТКА ПОСЛЕВОЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

Отношения стран-победительниц во Второй мировой войне были отмечены соперничеством в ядерной области, которое возникло в 1945 г. и сохранялось в последующие десятилетия. Однако оно не должно затмевать то обстоятельство, что окончание войны сопровождалось важными институциональными переменами, которые выражали сущность «великого проекта» Рузвельта и были важнее достижений в ядерной области.

Нельзя не отметить, что американская администрация сумела быстро и планомерно адаптировать свои программы в соответствии с развитием событий: сначала к требованиям нарастающего международного кризиса, а затем в связи с необходимостью выработать адекватную новому контексту внешнюю политику страны. С этой целью государственный департамент образовал в 1939 г. консультативный комитет (комитет по подготовке послевоенной внешней политики), во главе которого был поставлен С. Уэллес и в котором приняли участие выдающиеся эксперты Соединенных Штатов в области социально-культурной жизни. В состав комитета вошли дипломаты, юристы, экономисты, финансисты, политики, представители профессуры, занимавшиеся как разработкой статей Устава организации, которая должна была прийти на смену Лиге Наций, так и изучением политических, финансово-экономических, территориальных и многих других проблем, порожденных войной и заставивших Соединенные Штаты привести свою внешнюю политику в соответствие с новой реальностью, сложившейся в результате войны.

Этот комитет, действовавший до 1945 г., подготовил для Корделла Хэлла огромное количество справок и предложений, ставших основой для выработки новых концепций, которыми должен был руководствоваться государственный департамент. И хотя Хэлл не должен был оставаться во главе американской дипломатии до конца войны — его сменил сначала Э. Стеттиниус, а потом Дж. Бирнс — результаты этого грандиозного труда были впечатляющими. Кроме того, хотя Рузвельт не перепоручал другим формулирование окончательных решений по вопросам политической деятельности президента, он считался с мнением выдающихся советников, работавших в комитете, учрежденном Хэллом, тем более что в комитет вошли лица, тщательно отобранные благодаря их близости к президенту, который руководил страной в присущей только ему манере. Поэтому считать «большой проект» Рузвельта плодом лишь личных идей и жизненного опыта президента, конечно, правильно, но было бы не корректно пренебрегать тем, что подобные идеи родились не в одной голове, а были результатом работы всей американской администрации и именно поэтому получили широкую поддержку и одобрение.

Главное место среди вопросов, над которыми работал комитет, занимала проблема как предотвратить возникновение после окончания войны ситуации, которая, при полном провале Лиги Наций, могла бы помешать созданию системы международной безопасности, способной спасти мир. Новый международный порядок, сложившийся после войны, требовал устранения ограничителей и угроз, связанных с утраченной европейской гегемонией

и противоречиями Версальской системы, которые не были решены мировым конфликтом. Новый порядок должен был опираться на новые международные институты глобального характера, способные решить в соответствии с концепциями, культурой и интересами державы, которая доминировала в коалиции победителей, проблему сохранения мира в мире. Они должны были содействовать оздоровлению экономики, перенесшей ужасы войны, установлению финансово-торговой системы, в рамках которой рыночная экономика смогла бы обеспечить миру максимально возможный рост и процветание экономики в атмосфере демократии и свободы торговли.

Это был всеохватывающий проект, который априорно не исключал ни одну из стран мира и, более того, предполагал более или менее скорую ликвидацию отношений зависимости, присущих системе имперских преференций, а также участие закрытых систем с жесткой плановой экономикой советского типа, получавших таким образом возможность залечить раны, нанесенные войной, и вернуться к системе мирного сотрудничества с остальным миром. Проект Рузвельта включал образование некоторых крупнейших организаций — Организации Объединенных Наций, Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития, а также закладывал основы для создания Международной организации торговли, послужившей зародышем будущего Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). К ним следует добавить Организацию по вопросам продовольствия и сельского хозяйства (ФАО), созданную официально в октябре 1945 г., но ставшую наследницей двух организаций: имевшего большой опыт работы Международного института по вопросам сельского хозяйства (основанного в 1908 г. и действовавшего до 1946 г. с местопребыванием в Риме) и функционировавшей с 1943 г. в течение непродолжительного времени в Соединенных Штатах Временной комиссии объединенных наций по вопросам продовольствия и сельского хозяйства. Именно длительный опыт международного сотрудничества в области продовольствия и сельского хозяйства позволил принять в 1949 г. решение о размещении штаб-квартиры ФАО в Риме, еще до того как Италия была допущена в Организацию Объединенных Наций.

7.10.2. СОЗДАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Организация Объединенных Наций была образована на основе соглашений, достигнутых в Ялте между Черчиллем, Сталиным и Рузвельтом, и в результате подготовительных работ, проведенных

экспертами во время конференции в Думбартон-Оксе. 5 марта 1945 г. правительство Вашингтона также и от имени английского, советского и китайского правительств направило в соответствии с условиями, принятыми в Ялте, всем тем странам, которые объявили войну Германии до марта, приглашение принять участие в конференции, которая открывалась 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско, для принятия окончательного решения об уставе новой организации. Франции не было среди приглашающих из-за упорного нежелания де Голля присоединиться к «сообщникам», ответственным за Ялтинские соглашения, хотя французская делегация участвовала в подготовительных работах и весьма быстро согласилась с ролью великой державы, которую предоставлял ей разрабатывавшийся устав. Учредительный акт о создании ООН подписали в общей сложности 49 стран, к которым в процессе ратификации добавилась Польша, чье Временное правительство было уже признано англичанами и американцами.

Дебаты в Сан-Франциско продолжались два месяца до принятия 26 июня 1945 г. устава новой организации. Они не превратились в пассивное согласие с решениями, ранее одобренными «Большой тройкой», более того, малые страны, в особенности недавно созданные государства, очень активно поддерживали отдельные положения и отстаивали равноправие внутри организации. Это был узловой момент всей ситуации, поскольку от принятых решений зависел характер организации: станет ли она повторением Лиги Наций, т.е. организацией, получившей в юридическом плане широкий резонанс, но малоэффективной в решении международных споров, либо организацией, обладающей, по крайней мере, в принципе, полномочиями, достаточными для того, чтобы она могла действовать самостоятельно, хотя и при сохранении согласия между пятью великими державами.

Принцип юридического равенства субъектов международной жизни затруднял реализацию эффективности организации, за которую давно выступали США и Советский Союз. Были отвергнуты всяческие попытки оказать давление и добиться перераспределения полномочий между органами ООН, так же как были отброшены возражения против предоставления специальных полномочий (так называемого права «вето») пяти державам, постоянным членам Совета Безопасности. По другим вопросам дебаты оказались очень результативными.

В первую очередь это касалось вопроса о самоуправляющихся территориях, поскольку дискуссии выявили очень сильные антиколониальные настроения. Это привело к тому, что в Устав ООН были включены разделы о международной опеке, в которых

было отмечено, что держава, управляющая подопечной территорией, должна способствовать достижению ее независимости. Кроме того, Устав упорядочивал в целом вопрос о самоуправляющихся территориях, т.е. о колониях, в соответствии с принципом, что державы, управляющие подопечной территорией, должны руководствоваться, в первую очередь, интересами подопечного населения, уважать его политические устремления и содействовать развитию в направлении самоуправления. Столь же оживленная дискуссия разгорелась по вопросу об Экономическом и Социальном Совете, которому отводилась роль одного из «главных органов» ООН.

Жаркие обсуждения развернулись и по вопросу о полномочиях Совета Безопасности и порядке голосования внутри него. Именно этот вопрос делает необходимым, в виду его последующего развития, более точное изложение юридической структуры организации, созданной на конференции в Сан-Франциско.

Устав, подписанный 26 июня и вступивший в силу после ратификации отдельными странами-участницами 24 октября 1945 г., состоял из преамбулы и 111 статей, объединенных в 19 глав. В преамбуле отмечались гуманитарные и пацифистские принципы, которыми руководствовались при подписании Устава. Статья 1 определяла задачи Организации Объединенных Наций короткой и выразительной фразой: «Поддерживать международный мир и безопасность»; с этой целью намечалось принимать необходимые коллективные меры, которые были должным образом перечислены. Именно приоритет задачи поддержания мира сделал ООН такой организацией, перед которой стояли особые задачи в эпоху нарастания напряженности.

Главными органами ООН были и есть — Ассамблея, Совет Безопасности и Генеральный секретарь. Полномочия Ассамблеи, в которой равноправно представлены все страны-члены ООН, включали обсуждение любых вопросов и выработку рекомендаций. Изначально это был политический орган, но лишенный оперативных возможностей, за исключением тех, которые были ему делегированы или могли быть приобретены за время работы.

Совет Безопасности выражал юридическую, политическую и исполнительную суть системы ООН, потому что на него была возложена «главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности» (ст. 24). В состав Совета входило 11 (с 1965 г. 15) членов: пять постоянных (Англия, Китай, Соединенные Штаты, Советский Союз и Франция), остальные избирались по очереди на два года из других государств-членов ООН. Совет должен был принимать и мирные и военные меры для под-

держания мира. Таким образом, Совет Безопасности создавался как единственный орган, который был вправе принимать решения от имени всей организации. Другими словами, именно перед Советом Безопасности стоит задача «управлять» Объединенными Нациями.

Его постановления требовали специальной процедуры голосования, поэтому, за исключением процедурных вопросов, предполагалось, что большинство, принимающее решения, всегда должно было включать «голоса постоянных членов». Единственное исключение (выработанное после долгих дебатов) касалось споров, предусматривающих мирное урегулирование, причем сторона, участвующая в споре (ст. 27), должна воздержаться при голосовании, даже если является постоянным членом. Так стало нормой политическое соглашение, одобренное в Ялте, согласно которому Объединенные Нации принимают решения только при единогласии великих держав, т.е. в случае отсутствия между ними конфликта. И наоборот, конфликт между пятью великими державами парализовал бы (как, в самом деле, и случилось) деятельность ООН и ее способность выполнять свои функции, предусмотренные ст. 1.

Чтобы усилить, хотя бы в принципе, полномочия Совета Безопасности, Устав предусматривал, что каждая страна-участница организации должна постоянно держать в распоряжении ООН специальный контингент собственных сил, которые использовались бы в соответствии с решениями Совета и по рекомендациям Военно-Штабного Комитета, создание которого было предусмотрено ст. 47 (статья, которая до 2002 г. не была выполнена). Было очевидно, что техническая реализация статей относительно создания автономных вооруженных сил ООН полностью зависела от воли заинтересованных сторон действительно предоставить Организации такую автономию, которой она должна была располагать, но которая, фактически, противоречила полномочиям, предоставленным ст. 27 пяти великим державам.

Третий орган — Генеральный секретарь, являющийся «главным административным должностным лицом организации» (ст. 97) и назначаемый Генеральной Ассамблеей по рекомендации Совета Безопасности. Решение ограничить его функции только административной сферой было продиктовано намерением не повторять того, что случилось в Лиге Наций, т.е. не допустить, чтобы Генеральный секретарь приобрел собственную власть. Тем не менее, эта власть косвенно ему предоставлялась, поскольку секретарь обладал правом (ст. 99) доводить до сведения Совета Безопасности о любых вопросах, которые, по его мнению, могут угрожать поддержанию международного мира и безопасности. Административ-

ные функции таким образом наполнялись политическим содержанием, и их значение зависело от личности отдельных генеральных секретарей.

В Уставе была тщательно разработана процедура мирного решения спорных вопросов путем переговоров, обследований, инспекции, посредничества, примирения, арбитража, юридического урегулирования или обращения к региональным организациям, либо иными мирными средствами, определенными совместно (гл. VI). В случае возникновения ситуаций, угрожавших международной безопасности, нарушавших мир и других актов агрессии в Уставе предусматривались меры, сходные с теми, что были предусмотрены Лигой Наций. Они предполагали формы вмешательства с возрастающей суровостью вплоть до высшей, связанной с решением о применении силы, собственной или предоставленной отдельными членами организации (гл. 7, ст. 41 и последующие). Относительно права на самооборону Устав допускал (гл. 71) образование региональных оборонительных союзов, способных принимать принудительные меры помимо Совета Безопасности в случае самообороны от вражеского государства. Эта статья, казалось бы, маргинальная по своему значению, позже, в годы образования блоков, стала очень важной.

Среди менее значимых органов был Экономический и Социальный Совет, который открывал перед Объединенными Нациями обширное поле деятельности. Наконец, были весьма важны положения Устава по колониальному вопросу. В отличие от Устава Лиги Наций, Устав ООН рассматривал в общей форме вопрос о несамостоятельных территориях (гл. XI), в отношении которых были сформулированы общие положения о достойном управлении, прежде всего в интересах населения отдельных территорий, и, по крайней мере, было установлено одно четкое правило. Оно содержалось в пункте *e* ст. 73 и обязывало страны, управляющие подопечными территориями, передавать Генеральному секретарю «для информации», но «регулярно» доклады, содержавшие «статистические данные и другие сведения специального характера, относящиеся к экономическим, социальным условиям, а также условиям образования» на территориях, за которые они несут ответственность.

Эта обязанность была сформулирована очень туманно и так, что колониальные державы, которые хотели от нее уклониться, могли легко обойти это правило. Тем не менее, с тех пор в течение нескольких лет оно давало возможность ООН вмешиваться в управление колониями сначала с целью содействия росту числа подопечных территорий, а затем в связи с прямой, без промежуточных этапов, и полной деколонизацией.

Режим управления подопечными территориями, как и мандаты Лиги Наций, должен был служить моделью постепенного перехода к деколонизации и регулировался специальной главой Устава (XII), в которой рассматривалось очень небольшое число случаев, что делало его мало значимым, за исключением созданной им формы контроля. Территориальная опека была задумана как переходный этап к независимости подопечных территорий и могла применяться только в отношении трех категорий колоний: *a)* бывших подмандатных территорий Лиги наций, не ставших еще независимыми, — что на практике ограничивало их число подмандатными странами типа *B* и *C*, потому что те, что вошли в тип *A*, все к 1946 г. получили независимость, за исключением особого случая Палестины; *b)* колоний, отторгнутых от вражеских государств в результате войны, что свелось, после нескольких лет бесполезных дискуссий к простому предоставлению временной опеки над Итальянским Сомали той же Италии сроком на десять лет (с 1950 по 1960 г.); *c)* территорий, добровольно включенных в систему опеки государствами, ответственными за их управление. Последний пункт никогда не был реализован, так как в действительности опека была осуществлена на тех немногих территориях, о которых говорилось в пункте *a)*. Но этот институт имел определенное значение, потому что в связи с ним был образован специальный контрольный орган — Совет по опеке, обладавший четко определенными полномочиями, которые быстро стали моделью, использовавшейся Объединенными Нациями для любой колониальной администрации.

Задуманная как инструмент поддержания мира (именно поэтому определенная категория территорий, отданных под опеку, была изъята из-под контроля Совета по опеке и передана Совету Безопасности, поскольку включала территории, считавшиеся *стратегическими*, расположенные исключительно в Тихоокеанском регионе и находившиеся под американской опекой), Организация Объединенных Наций обладала дополнительными качествами, усиливавшими ее потенциал и способными предотвратить провал, который потерпела Лига Наций. Прежде всего, в ней участвовали ведущие страны мира и, в первую очередь, сверхдержавы, которые считались подлинными победителями в войне — Советский Союз и Соединенные Штаты. Временное отсутствие в тот период потерпевших поражение стран не особенно подрывало всеохватывающий характер организации.

Стремление сочетать в Уставе юридический момент международного равенства государств, с политическим, отражающим различную степень ответственности ведущих держав и других членов

ООН, вызывало определенное доверие к организации, функционирование которой предусматривало поддержание равновесия между великими принципами и реальной необходимостью сохранения длительного согласия между главными победителями.

Несомненно, что Устав, несмотря на поправки, внесенные на конференции в Сан-Франциско, был продуктом англосаксонской правовой культуры и инструментом защиты интересов западных стран, прежде всего Соединенных Штатов, которые могли рассчитывать на почти безоговорочную поддержку более 40 из общего числа 51 стран-участниц. Нет сомнения, что советское участие было непосредственно связано с правом «вето», т.е. с правом парализовать деятельность ООН, если другие державы попытаются использовать ее в целях, неприемлемых с советской точки зрения. Все это отражало возможности и ограниченность новой организации, которой победители доверили поддержания мира во всем мире.

7.10.3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Рассматривать Объединенные Нации как нечто отдельное от институтов, которые американские и английские проектировщики (но, прежде всего, первые) создали в области экономики, финансов и торговли означало бы отражать лишь одну сторону медали. Это означало бы не учитывать, как это делается в историографии, то, что эта вторая группа институтов оказалась в среднесрочной и длительной перспективе гораздо более гибкой, чем международно-правовые институты в решении как кризисных моментов, так и повседневных проблем. В 2002 г. можно сказать, что в то время как Объединенные Нации еще находятся на переходном экспериментальном этапе, Международный валютный фонд, Международный банк и ГАТТ (теперь ВТО) представляют собой наиболее эффективные и функциональные механизмы рыночной экономики и обеспечивают ее взаимосвязь.

Опыт развития экономики после Первой мировой войны и протекционизма, последовавшего после великой депрессии, оказали глубокое влияние на идейные установки авторов послевоенных проектов. Было очевидно, что задача реконструкции была очень трудной, потому что экономический кризис оказался очень глубоким, урон, нанесенный хозяйству, огромным, значительные материальные ценности исчезли, нельзя было с пренебрежением отнестись к проблеме Советского Союза как к отдельному казусу, поскольку, по крайней мере, в принципе, она представляла собой

неотъемлемый элемент любых решений. Предстояло решить три проблемы: свободы торговли, дефицита долларов и необходимости капиталов для реконструкции.

Одна из этих проблем была в центре внимания международной экономической политики Хэлла с момента его назначения Государственным секретарем. Она также была предметом дискуссий как во время работы над Атлантической хартией, так и в период разработки соглашений о применении закона о ленд-лизе, в особенности на этапе обсуждения ст. 7 англо-американского соглашения, касавшейся постепенной отмены системы преференций. Но совершенно очевидно, что это соглашение не могло рассматриваться в отрыве от валютного аспекта проблемы, потому что нарушение торгового и валютного равновесия являются двумя сторонами проблемы торгового обмена. Таким образом, кампания в поддержку свободы торговли достигла своего апогея и переросла в кампанию за изыскание валютных средств, которые придали бы свободе торговли реальное содержание, направленное не на подчинение, а на достижение взаимозависимости.

Основная цель американцев в области международной экономики заключалась в реконструкции многосторонней системы мировой торговли. Историки международных экономических отношений говорят о «многосторонности», а не о свободе торговли, потому что многосторонность не означает отмену всех торговых барьеров (квот и пошлин), а только их сокращение. Для постановки проблемы используются не абсолютные, а относительные термины — и это означает, что торговые барьеры при многостороннем режиме должны применяться в равной мере ко всем входящим в него странам. «Многосторонность» воспринималась как более реалистичный и менее абстрактный вариант абсолютной свободы торговли, которая, будучи осуществленной буквально, привела бы к бесчисленным нарушениям равновесия и к ценовой дискриминации. Вопрос об «устранении дискриминации» стал ядром американской концепции «многосторонности», поскольку он был тесно связан с заботами о будущем мирового рынка, который должен был служить для сбыта американской промышленной продукции и средством поддержания политических отношений, зависевших от существующих форм торгового обмена.

Англичане знали, что пропаганда свободы торговли была по большей части связана с неприятием европейского протекционизма тридцатых годов, а также системы имперских преференций в рамках Британского содружества наций, установленной в 1932 г. на конференции в Оттаве. Но они также знали, что политико-экономические узы с Соединенными Штатами, сложившиеся в период

войны, требовали адаптации к американским подходам. Впрочем, концепция «многосторонности» оставляла достаточно пространства для поиска компромисса, к которому в высших английских кругах были готовы. Действительно, ограничения на свободу торговли вообще создавали препятствия для английской экономической жизни, которая зависела от импорта. Даже в политическом плане устойчивость британских позиций зависела от непрерывного притока продовольствия из-за рубежа, и этого обстоятельства оказалось достаточно, чтобы преодолеть сопротивление сторонников безоговорочного сохранения системы имперских преференций.

Таковы были предпосылки начавшихся в разгар войны англо-американских переговоров, к которым позже присоединились другие Объединенные Нации. С американской стороны в них участвовал Генри Уайт, высокопоставленный чиновник в министерстве финансов, а со стороны Англии Джон М. Кейнс, который в течение всего периода войны был вместе с Лионелем Роббинсом главным советником английского правительства по вопросам экономики. Уайт еще в 1942 г. разработал смелый план образования Фонда стабилизации Объединенных Наций и Банка реконструкции. Эти два института, начало деятельности которых которых планировалось на конец войны, призваны были «предотвратить расстройство валютной системы и коллапс денежной и кредитной системы; обеспечить возрождение международной торговли; предоставить большое количество капиталов, необходимых практически во всем мире для реконструкции, поддержки и экономического возрождения». На фоне концепции «многосторонности» Хэлла проект отражал намерение министерства финансов (Уайта, но также и Моргентау) проводить политику активного вмешательства, весьма далекую от принципа *laissez faire*, присущего абсолютной свободе торговли, и воспринявшую идеи кейнсианства.

В свою очередь Кейнс подготовил к переговорам с американцами проект, сходный с планами создания Американского фонда. Проект предусматривал образование клирингового союза или компенсационной палаты, которая могла бы предоставлять кредиты своим членам, чтобы помочь им преодолеть финансовые затруднения в сфере международной торговли. Таким образом, концепция «многосторонности» на практике сталкивались с необходимостью обеспечения ее валютной базой. Кейнс предполагал также образование Организации международной торговли, которая должна была определить условия в рамках надежной системы международной торговли.

Здесь не место для глубокого анализа переговоров по этой проблеме, но совершенно очевидно, что от них не в меньшей сте-

пени, чем от переговоров по политическим и правовым вопросам, зависели судьбы мира после войны. Действительно, организационные и валютные аспекты международной торговли могли оказать влияние на воссоздание здоровой рыночной экономики и, возможно, на возрождение способности этой экономической системы включить как колониальные территории, которые могли стать с течением времени независимыми, так и страны с плановой экономикой, которые могли быть вынуждены учесть требования мирового рынка. Все это, стоит отметить, достигалось ценой бесконечных споров и требований, потому что в тот период на принятие решений оказывало сильное влияние превосходство американской экономики (к которому добавлялось постоянно растущее в 1942–1945 гг. военно-политическое преимущество).

Впрочем, сами американцы хорошо понимали значение проблемы. Внутренний документ американской администрации, опубликованный Ричардом Гарднером, ярко отражает ее взгляды и состояние дел: «Быстрый рост объема мировой торговли в послевоенное время весьма важен для достижения полной и эффективной занятости в Соединенных Штатах и других странах, для сохранения частной инициативы и для успеха системы международной безопасности, созданной для предотвращения войн в будущем.

С целью создать благоприятные условия для максимально возможного роста международной торговли на основе равноправия необходимо, чтобы государства отказались от практики ограничения торговли, распространенной в межвоенный период, и сотрудничали в целях снижения торговых барьеров, созданных в то время правительствами. Международная торговля не сможет развиваться должным образом, если не будут существенно сокращены или отменены чрезмерные пошлины, количественные ограничения экспорта и импорта, контроль над обменом валют. Кроме того, если не принять мер в этом направлении, то может и дальше усиливаться тенденция, уже до войны достаточно сильная во многих странах, к устранению частной инициативы из сферы международной торговли и замене ее жестким государственным контролем...

Соединенные Штаты являются единственным государством, которое в состоянии взять на себя инициативу наращивания общих усилий, направленных на снижение международных торговых барьеров. Благодаря относительно большой экономической мощи, благоприятному состоянию платежного баланса и значению их рынка для благосостояния всего мира, влияние Соединенных Штатов на политику в сфере мировой торговли превосходит влияние любого другого государства. Хотя сотрудничество с Соединен-

ным Королевством важно для успеха любой обширной программы, ставящей своей целью снижение торговых барьеров, вполне вероятно, что после войны Соединенное Королевство сможет гарантировать свое участие только, если будет уверено, что Соединенные Штаты смогут энергично осуществлять свое лидерство».

Хотя процесс устранения торговых барьеров протекал довольно медленно в сравнении с развитием финансового сотрудничества (тем более, что была отброшена идея создания Международной торговой организации и заменена общим соглашением, которое должно было вступить в силу только в 1947 г., но фактически смогло оказывать свое особое влияние только с середины пятидесятых годов — имеется в виду ГАТТ), но с конца 1943 г. до середины 1944 г. эксперты добились значительных успехов в процессе создания Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции. В апреле 1944 г. они опубликовали совместное англо-американское заявление о необходимости образования Фонда, и в июле 1944 г. в Бреттон Вудсе, в Нью-Гемпшире, начала работу конференция Объединенных Наций для обсуждения окончательной структуры организации. Так, параллельно с образованием ООН начался долгий путь, который привел в июле 1945 г. к одобрению учредительных соглашений, касающихся как Фонда, так и Банка.

Бреттонвудские соглашения и создание Международного валютного фонда (МВФ) отражали общую решимость перейти к новой системе международной торговли, которая основывалась бы в финансовом отношении на всемирном режиме фиксированных, но регулируемых валютных курсов. Валютный паритет должен был быть установлен в золотом выражении. Он мог быть изменен только в том случае, если Фонд решал, что это необходимо для корректировки «нарушения основного равновесия». Другими словами, был создан новый орган, Международный валютный фонд (МВФ), в котором могли участвовать все Объединенные Нации, для каждой из них устанавливался размер взноса в соответствии с определенными объективными критериями.

Идея создания резерва на основе национальных взносов участников стала альтернативой предложению Кейнса об учреждении клирингового союза. Фонд должен был предоставить аккумулированные таким образом ресурсы тем странам, которые, находясь в ситуации финансового кризиса, могли обратиться к нему за помощью с целью нормализации ситуации и достижения валютного паритета, и вместе с тем обязать страны-участницы «снизить степень неуравновешенности платежного баланса и сократить ее продолжительность». МВФ получил право сообщать в любой момент

странам-участницам свое мнение о том, соответствует ли их экономическая ситуация нормативам Фонда, а также право большинством в две трети принять решение информировать через «публичный доклад» о серьезных нарушениях в платежном балансе этих стран, если их экономические показатели дают для этого основания. Тем самым Фонду предоставлялось право вмешиваться во внутреннюю экономическую политику отдельных стран, хотя и в рамках «заявления» о кризисном состоянии.

Наряду с этой системой валютных компенсаций (действовавшей вплоть до начала семидесятых годов в соответствии с условиями, выработанными в Бреттон Вудсе в 1944 г.) был учрежден орган, который должен был стимулировать реконструкцию, считавшуюся тогда самой сложной проблемой. Международный банк реконструкции и развития (МБРР) был первоначально задуман как главный инструмент стимулирования капиталовложений, которые затем осуществлялись в других формах. Его начальный капитал был установлен в 10 млрд долларов, а способность осуществлять инвестиции весьма ограничена. Но только с течением времени, когда акценты сместились с термина «реконструкция» на термин «развитие», раскрылось значение Банка.

Эффективность этих двух институтов в рамках общей программы мирового переустройства зависела от того, каким образом отдельные страны смогут в ней участвовать. Когда Соединенные Штаты ратифицировали соглашения, они приняли закон, где было зафиксировано условие, что МВФ будет действовать в соответствии с интересами Соединенных Штатов. Это преобладание США в фонде стало причиной, в силу которой Советский Союз и связанные с ним страны долгое время не участвовали в организации, которая была создана для координации различных форм участия с целью достижения взаимозависимости в рамках рыночной экономики. «Великий проект», будучи глобальной концепцией, обнаружил заложенные в нем самые серьезные ограничения. Повседневная жизнь в послевоенное время показала, насколько трудно упорядочить тот тип управления экономикой, который составлял культурно-политический контекст Бреттонвудских соглашений. Тем не менее, в период экономического роста, которым были отмечены первые послевоенные десятилетия, и в связи с этим перемещения финансовых рынков из Лондона в Нью-Йорк, этот регулирующий механизм действовал отлично и помог капиталистической экономике предотвратить многие кризисные моменты.

Часть третья

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Глава восьмая

ЕДИНАЯ ПОЛИТИКА РЕКОНСТРУКЦИИ ИЛИ НЕСКОЛЬКО ПОЛИТИК?

8.1. Проблемы реконструкции

8.1.1. ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

Ни одна из войн в истории не привела к столь обширным и глубоким последствиям как Вторая мировая война. Эти последствия сказались не сразу, понадобилось несколько лет, чтобы они полностью проявились. Однако не будет преувеличением сказать, что с окончанием войны в 1945 г. было уже невозможно вернуться к довоенному состоянию 1939 г. Мы стремимся проанализировать не только социологический и демографический, но и гуманитарный аспект кризиса. Военное столкновение непосредственно затронуло сотни миллионов мужчин и женщин. Те, кто, по счастью, не были его активными участниками, либо очевидцами вооруженной борьбы на своей земле, почувствовали ее косвенное воздействие — это заставило их пересмотреть концепции социального устройства и ценности, которые они, не задумываясь, разделяли прежде.

Итак, гуманитарные последствия. Они включают моральное и материальное воздействие войны на мировое сообщество. Основное следствие войны — это ужасающе огромное число жертв; вид последствий войны вызывал слезы: лежащие в руинах сотни городов, разрушенные заводы и села. Берлин, Дрезден, Токио, Ленинград, Москва, Сталинград, Лондон, Милан, Хиросима, Нагасаки и тысячи других городов были превращены в груды развалин, среди которых копошились, как в муравейнике, изголодавшиеся люди. Всякий, кому довелось видеть это зрелище, уже никогда не сможет изгнать из своей памяти чувства ужаса, вины, страдания, бессилия от невозможности вернуть то общество, в котором жизнь

была бы достойной. Точно так же, ни один из тех, кому довелось видеть то, что творилось в нацистских концлагерях, или слышать о том, как Гитлер и его подручные истребляли миллионы евреев или «не арийцев», не мог не задуматься, что западный человек, который сумел создать самое изысканное, утонченное и процветающее общество в истории, оказался способен опуститься в бездны зла в поисках оправдания или разумного объяснения произошедшего.

Невозможно с уверенностью сказать, каково было количество жертв войны. В СССР погибло 7,5 млн военнослужащих, возможно, столько же гражданских лиц; число умерших от голода и истощения не учитывается. В целом, можно сказать, что примерно 27 млн погибших — такова дань советских людей войне: к этим жертвам следовало бы добавить всех тех, кто был опален войной, или чьи семьи были погублены, как это произошло и в Первую мировую войну. Все эти социальные феномены повторились в чрезвычайно возросших масштабах. Польша оказалась страной, которая в пропорциональном отношении понесла наибольшее человеческие жертвы — приблизительно 15% общего населения страны: почти 6 млн. погибших, большей частью гражданских лиц, половина из них были евреями, проживавшими в восточной части страны, они подверглись особенно зверским преследованиям со стороны нацистов. Немцы потеряли 4,5 млн, но больше, чем кто-либо другой, должны были в конце войны испытать страдания вынужденных переселенцев, когда около 11 млн человек покинуло территории Польши и Советского Союза. Во время войны погибло более 2 млн китайцев, около полутора миллиона югославов, почти столько же японцев. Меньшими были потери французов — около 600 000 человек; итальянцев — немногим более 400 000 человек; у американцев в общей сложности погибло 406 000 человек.

В Европе накануне войны проживало 9 200 000 евреев, а в ее конце их насчитывалось 3 800 000. Все эти данные, даже не будучи абсолютно точными, позволяют создать общее представление о ситуации после войны. Согласно статистическим данным, во время Второй мировой войны на фронтах погибло почти 40 млн, что вдвое больше, чем во время Первой мировой войны. К этим погибшим следует присовокупить число жертв в военных действиях, которые велись за пределами Европы, как, например, в бесконечно долгой войне в Китае, унесшей свыше 20 млн жизней. Однако относительно этого театра военных действий, как и некоторых других, нельзя назвать точное число жертв, можно привести лишь общие оценки, поскольку война охватила ряд стран, где не велись точные подсчеты.

Но стоит ли в кратком очерке о системе международных отношений описывать эти явления и приводить эти статистические данные? Сомнение может быть и законное, но оно сразу отпадает по двум соображениям: во-первых, если отношения между нациями порождают не систему сосуществования, а беспрецедентную бойню, то это значит, что правила человеческого сообщества деформированы в высшей степени и неизбежно порождают для него болезненные травмы; либо это означает, что решение многих проблем слишком долго откладывалось, так что возник запутанный клубок неразрешимых противоречий, который разум не в состоянии распутать, и тогда обращаются к силе, постепенно ослепляющей Европу, а у европейцев растет чувство страха лишиться в будущем положения властителей. Другими словами, европейцы позволили запугать себя коммунизмом и страхом утратить мировое господство; они попали в сети противоречий, из которых не смогли найти выхода. В итоге они подчинились единственной державе, не утратившей способности господствовать на континенте и стремившейся под водительством Гитлера добиться гегемонии на континенте, любой ценой использовать подвернувшийся шанс, не гнушаясь никакими методами.

Второе соображение связано с утратами гуманизма в войне, ибо она сопровождалась ожесточенной борьбой, порожденной бескомпромиссным идеологическим конфликтом. Вторая мировая война оставила столь глубокие траншеи ненависти, что, казалось, их никому никогда не удастся сровнять; выжившие получили такое тяжелое и тягостное наследство, что больше не желали повторения гигантских столкновений, которые ядерное оружие могло бы превратить в самоуничтожение. В 1945 г. никто не мог думать о войне как о средстве возрождения народов или как методе укрепления гражданского и национального сознания. Война стала синонимом зла. В некотором смысле, Вторая мировая война заставила заплатить такую высокую цену, что в ней видели «последнюю» мировую войну. Это утверждение может вызывать возражения, поскольку после 1945 г. в мире происходило огромное число конфликтов, но они лишь подтверждают, что мир в течение всего послевоенного периода испытывал неуверенность и стремился добиться всеобщей безопасности, даже ценой равновесия страха.

Война привела к разнообразным последствиям экономического характера. Европе, Японии и Китаю она принесла чудовищные разрушения. В Соединенных Штатах она совпала с последними отголосками великой депрессии и с началом цикла мощного роста, как ни в одной другой мировой державе. Советский Союз

война отбросила более, чем на десятилетие назад. Концентрация военных усилий означала для СССР возврат жизненного уровня населения к дореволюционному. 1700 городов были разорены или разрушены, то же самое можно сказать приблизительно о 70% промышленных предприятий и 60% транспортной инфраструктуры, оказавшейся на территории, оккупированной немцами. В Германии промышленные предприятия претерпели меньший ущерб, чем казалось, но политический крах мешал производственным мощностям работать в полную силу. В 1946 г. на германской территории, занятой союзниками, валовой национальный продукт составлял менее одной трети в сравнении с 1938 г.; в Берлине 75% жилья было разрушено. В Италии национальный доход в 1945 г. уменьшился до приблизительно 40% от уровня 1938 г.; в Японии в 1946 г. он равнялся 57% по отношению к середине тридцатых годов.

Но даже в странах-победительницах ситуация складывалась драматически. Во Франции через год после освобождения национальный доход составлял половину от уровня 1938 г.; с тяжелыми проблемами сталкивалась Великобритания, хотя она не пострадала от оккупации, а лишь понесла ущерб от бомбардировок. Когда лейбористы пришли к власти в июле 1945 г., Кейнс характеризовал положение в стране как финансовый Дюнкерк. В Соединенных Штатах, напротив, экономическая ситуация непрерывно улучшалась. Там в течение всей войны темпы промышленного роста составляли 15% ежегодно. Валовой национальный продукт, измеряемый в постоянном денежном выражении, вырос с 88,9 млрд долларов в 1939 г. до 135 млрд долларов в 1945 г. (220 млрд — в современных величинах); хотя большую часть растущего производства составляла военная продукция (ее доля в общем производстве выросла с 2 до 40% в период с 1940 по 1943 г.), но и производство товаров широкого потребления увеличилось настолько, что заставило почти всех американцев забыть горечь экономического кризиса.

Соединенные Штаты стали самой богатой страной в мире. В конце войны их золотой запас был равен приблизительно 20 млрд долларов из 33 млрд общемирового запаса; производство товаров широкого потребления в Америке составляло треть общемирового, что неизбежно превращало Соединенные Штаты в самую мощную торговую державу мира. Таким образом, возродились такие понятия как *American Dream*, *American Way of Life*, т.е. американская мечта и американский образ жизни, как синонимы идеала и мифа, которые благодаря средствам массовой информации стали известны во всем мире. Восстановить, реконструировать

стало означать погоню за «американской мечтой», следование экономической и военной мощи Соединенных Штатов. США, к тому же, были единственной державой, которая после войны не получила территориальных приобретений. В то же время Советский Союз, несмотря на разруху, расширил территорию за границы 1939 г. и продвинулся к центру Европы благодаря аннексии части территории Финляндии, стран Балтии, половины Восточной Пруссии, Восточной Польши, Закарпатской Украины, Буковины и Бессарабии, Курил; следует упомянуть военную оккупацию части Германии и Австрии, а также Северной Кореи.

Разнообразие ситуаций свидетельствует, что проблема реконструкции непосредственно касалась Европы и части Азии и только косвенно остального мира. При этом понятие «реконструкция» приобретало весьма разнообразные значения. В странах-победительницах это понятие подразумевало лишь материальные аспекты; в побежденных же странах, которые подписали безоговорочную капитуляцию, оно включало также институциональные аспекты, поскольку предполагало формирование новых режимов, призванных заменить те, что несли ответственность за развязывание войны. Впрочем столь упрощенное различие в толковании понятия «реконструкция» не исчерпывало проблему полностью. Травмы, нанесенные войной, оказались столь глубокими, что почти все страны Европы нуждались и в преобразованиях политических институтов. Определение «реконструировать» никогда не означало возврата к довоенному состоянию, напротив, оно всегда заключало в себе мысль о новом или, по крайней мере, другом мироустройстве.

В Великобритании «реконструкция» означала в то же время и первый грандиозный эксперимент в сфере социальных преобразований, задуманный лейбористами после победы на выборах; во Франции изменилась конституция, и после периода правления генерала де Голля, страна вновь вернулась к парламентскому строю, не особенно отличавшемуся от Третьей республики, но с новой конституцией, которая открыла эпоху Четвертой республики; в Бельгии вопрос о монархии вызвал ожесточенную борьбу и был решен только с отречением Леопольда III; Италия также должна была выбирать между монархией и республиканским строем; ту же самую проблему решали и греки. Вся Восточная Европа, за исключением (временно) Чехословакии и Венгрии, пережила быстрый переход от довоенных олигархических режимов к просоветским режимам, которые поддерживались оккупационными силами. В центре их политических преобразований оставался вакуум в Германии и, по крайней мере, частичный

в Австрии (поскольку положение в Австрии отличалось не отсутствием демократически избранного правительства, а неопределенностью международной ориентации страны при наличии на ее территории оккупационных войск четырех держав). Ситуация, сложившаяся в Германии, делала эту страну важнейшим элементом нестабильности на континенте: именно здесь, более, чем где-либо еще, была поставлена под вопрос способность стран-победительниц продолжать сотрудничество после войны.

Не меньшие изменения произошли и за пределами Европы. В Северной Африке сохранились французские колонии; Ливии предстояло пятилетие неопределенности, которое затем привело ее к независимости; Египет полностью вернул суверенитет в результате упорной борьбы против англичан, пытавшихся сохранить некоторое стратегическое влияние на это государство; в Эфиопии на трон вернулся император Хайле Селассие, свергнутый итальянцами в 1936 г., в то время как Эритрея и Сомали ждали решения своей участи.

Что касается Азии, то на Среднем Востоке, хотя и сохранилось мощное франко-британское влияние, были созданы новые государства и окрепли государства, возникшие между войнами: среди первых были Сирия и Ливан, а среди вторых — Ирак и Иордания; тем временем, обострился палестинский вопрос. Иран с большими усилиями освободился от оккупационных войск союзников, что повлекло за собой рост националистических настроений; Индия уже вступила на путь, ведущий к полной независимости; Цейлон и Бирма также добились самостоятельности. Во всей Юго-Восточной Азии ситуация в течение нескольких месяцев, казалось, вернулась к довоенному состоянию. Однако английское господство в Малайзии, на Северном Борнео, вскоре стало непрочным; господство голландцев над Индонезийским архипелагом яростно оспаривалось местными националистами, которым японцы намекали на возможность самоуправления. Во Французском Индокитае, и особенно во Вьетнаме, развернулось восстание против восстановления правления французов; в то же время Филиппины готовились к независимости, которую Соединенные Штаты собирались им предоставить. Сложным было положение в Китае: как только его покинули японцы, война сразу же переросла в борьбу между силами Гоминьдана и войсками коммунистов, в стране наступила новая, заключительная фаза старого противоборства. Корея едва сумела вернуть независимость, утраченную в начале века, как оказалась «временно» оккупирована американскими и советскими войсками; она ожидала будущего воссоединения страны (которое не совершилось и в 2002 г.). В Японии генерал

Макартур воспрепятствовал попытке советских войск участвовать в военной оккупации, энергично и ревностно осуществлял поставленную перед ним задачу — искоренить милитаризм. Он должен был превратить страну из государства военной и экономической олигархии, подчинявшегося императору как почти сверхъестественной силе, в демократию парламентского типа, в которой фигура императора, хотя и лишенная юридически священного характера, тем не менее фактически его сохраняла. Это было достигнуто благодаря преемственности императорской власти в лице Хирохито; в то же время была принята новая конституция, формально основанная на принципах плюрализма и пацифизма.

Как видно из этого краткого изложения послевоенных событий, повсюду, за исключением Соединенных Штатов и Советского Союза, война повлекла за собой политические и институциональные перемены, которые в 1945 г. сделали мир совершенно другим по сравнению с 1939 г. Но достаточно ли было осуществления институциональных преобразований и смены политических элит, чтобы отразить тягу к переменам, которая во время войны зарождалась и росла во многих странах, в особенности в освободительных движениях?

Потребность в переменах глубоко укоренилась во всем мире в течение нескольких десятилетий. Опыт и практика лишь укрепили эти корни, содействуя произрастанию мощных побегов.

Уже в 1914–1919 гг. росло число тех, кто полагал, что необходимо бороться против подлинных врагов, что следует искать и находить глубоко скрытые причины войн, выявляя их в господствующих социально-экономических структурах, выступая за радикальное обновление последних. Особенно остро это воспринимали борцы с фашистскими режимами, поскольку оценивали их как режимы реакционные, как крайнее выражение капитализма, они видели в движении сопротивления сначала возможность уничтожить злейшего врага, а затем продолжить борьбу за революционные цели всеобщего освобождения от капитализма и империализма. Но Вторая мировая война, в отличие от Первой, не завершилась глубинным преобразованием общества в новую социальную систему. Войну выиграла ведущая капиталистическая держава мира, которая оказала поддержку своим европейским союзникам, но сражалась она вместе с державой, которая символизировала собой революцию. Присутствовали ли с советской стороны в войне элементы революционности, которые могли бы изменить исход борьбы? Присутствовал ли в советской политике импульс к социальному обновлению, который мог бы служить ориентиром для сил, боровшихся за революцию и социализм?

Речь идет о проблеме, которой определенная часть историографии уделила много внимания. В особенности резкой критике подверглось не только существо американской политики, пронизанной империалистической логикой, но также и сталинская политика, которая вдохновлялась лишь заботой о советских национальных интересах, и ради этих интересов всегда была готова пожертвовать делом распространения социализма в мире. Вряд ли стоит доказывать, что эти споры не имели смысла.

Сталин уже давно перестал преследовать революционные цели. Вряд ли могла быть искренней идея возрождения социалистической революции, которая исходила бы от деятеля, заключившего советско-нацистский пакт. Анализ политической деятельности Сталина до и во время Второй мировой войны показывает, что она заключалась не столько в пропаганде революционных призывов, сколько в развитии мощной и энергичной концепции советской безопасности, завоевываемой любыми средствами, и, прежде всего, созданием внешнего «санитарного кордона», нацеленного против капитализма, а не против Советского Союза. В этом заключался политический смысл военной победы Сталина в Европе. Поэтому понятно, что диктатор, когда перед ним вставала проблема выбора, во всех случаях, не колеблясь, жертвовал революционными перспективами партий, связанных с Советским Союзом, ради интересов самого СССР. Это означает, что идея «революционной реконструкции» не имела смысла, если понимать ее как проект, связанный с советской революцией, но если рассматривать ее в более широком смысле, она предполагала глубокое изменение предшествующего социально-политического режима, системы ценностей и образа жизни.

8.1.2. *НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК*

Действительно «революционные» изменения, по сравнению с 1939 г., произошли в системе международных отношений и в соотношении сил внутри нее, т.е. прежде всего, в сфере политических и политико-институциональных отношений. Хотя некоторое время после войны Великобритания еще удерживала свою колониальную империю, а Франция стремилась сохранить контроль над ускользающими из-под ее влияния территориями (например, Сирией и Ливаном), лишь наиболее оптимистичные или наиболее поверхностные наблюдатели сохраняли иллюзии относительно прежней европейской мощи. Вторая мировая война привела к тому, что Европа окончательно перестала быть центром, вокруг

которого вращались другие участники системы международных отношений.

Соединенные Штаты вышли из изоляции и согласились играть роль мировой державы, что, бесспорно, и сделало их таковой, хотя в Вашингтоне не было недостатка в приверженцах возврата к прошлому. В конце концов, достаточно лишь одного замечания (при этом намеренно опускаются финансово-экономические аспекты проблемы), чтобы новизна ситуации стала очевидной: в 1945 г. Соединенные Штаты были единственной державой, способной осуществить свое присутствие одновременно на всех континентах мира: они господствовали на Американском континенте; выступали в роли освободителя и гаранта в Европе; оказывали влияние в Африке, несмотря на то, что там часть территории оставалась под юрисдикцией французов и англичан; присутствовали на обширных территориях в Азии; занимали преимущественное положение в Океании. Расширения американской территории не произошло, более того, вскоре была предоставлена независимость Филиппинам. Но поражение Японии, коллапс в Китае; борьба Франции в Индокитае, противостояние Великобритании и Малайи — все это подтверждало явное превосходство США, которое атомная монополия могла только подкрепить. К тому же ООН доверила Соединенным Штатам контроль над островами стратегического характера в Тихом океане в виде опеки.

Другим государством, которое действительно вышло из войны победителем, был Советский Союз: но не в связи с приобретенной мощью, которая тогда не была оценена должным образом, так как была известна цена, заплаченная за победу над Германией. Новая роль СССР была связана, во-первых, с новой геополитической ситуацией, сложившейся в Европе и Восточной Азии, во-вторых, главным образом, с решительной и несгибаемой волей Сталина и его ближайших соратников, которые смогли защитить СССР от попадания в сферу американского господства.

Центральный момент новой ситуации заключался в том, что с геополитической точки зрения Советский Союз унаследовал мощь и роль Германии, присвоив их к тому потенциалу, которым царская Россия располагала ранее. Хотя Советский Союз, в отличие от США, не обладал всемирным влиянием: в 1945 г. влияние СССР на Американском континенте было ничтожным, в Африке чисто символическим, на Среднем Востоке лишь гипотетическим, а на Тихом океане было ограничено районом крайнего Севера, тем не менее СССР в это время обладал значительным преимуществом с геополитической точки зрения, так как имел возможность контролировать центр тяжести всей международной системы. Из-

менения политической карты мира еще не произошло и хотя Европа превратилась из субъекта в объект международной политики, евроазиатский регион все еще оставался (вместе с регионом Тихого океана) одним из важнейших при формировании территориального преобладания и мировой мощи.

В сентябре 1945 г. разоренный войной Советский Союз, население которого голодало, тем не менее обладал столь мощной военной машиной, что она оказалась способной разгромить германский милитаризм. Полицейская политическая система СССР заставила советских граждан терпеть столь низкий уровень жизни, что страна смогла осуществить новый рывок в накоплении капитала, провести в короткие сроки реконструкцию военного потенциала и технологическое обновление тяжелой промышленности. Именно такой Советский Союз смог почти без труда контролировать территориальный *continuum* от Одера–Нейсе до Триеста, от греко-турецкой границы до Кавказа, от афганской границы до Маньчжурии и Курильских островов. Итак, это был огромный, внешне однородный регион, точнее превращенный в однородный методами террора. Никто не мог ему угрожать, не заплатив за это дорогую цену (за исключением применения атомного оружия); в течение длительного мирного времени его мощь лишь возрастала, консолидировалась и становилась господствующей силой в сердцеvine Европы, сменив в этой роли Германию. При том, что остальная часть Европы получала поддержку извне, СССР сумел добиться преобладания на Балканах, влиять на ситуацию на Среднем Востоке, решать судьбу гражданской войны в Китае и извлекать из этого выгоду. Итак, это была держава, которую могли ослабить лишь внутренние противоречия. В этом заключалось значение победы Советского Союза; на первый взгляд, эта победа могла показаться менее внушительной, чем победа американцев, но она содержала все предпосылки для возникновения противника, готового и способного бросить вызов Соединенным Штатам.

Особенность революции, происшедшей в международной системе, заключалась в том, что центры международной мощи оказались вне Европы и были сконцентрированы на довольно длительное время в Соединенных Штатах и в Советском Союзе. Зарождалось то, что позже стали называть «биполярной системой». Но это были трудные и мучительные роды, потому что старым империалистическим державам предстояло осознать реальность своего упадка, а Соединенные Штаты должны были признать существование соперника в борьбе за мировое господство. После десятилетий подготовки перед миром предстали два гиганта, ко-

торые исподволь осваивали свои новые роли и теперь должны были показать, что они способны их исполнять. Существовало три сферы, в которых стремление и воля к сотрудничеству союзников в войне, подвергались испытаниям: способность обеспечить функционирование Организации Объединенных Наций; создать финансово-экономическую систему, которая совмещала бы американские проекты и советские интересы (а также интересы государств, входящих в систему рыночной экономики); определить формы сотрудничества для мирного использования атомной энергии в качестве альтернативы соперничеству за превосходство в обладании атомной энергией как источником военной мощи.

8.1.3. ООН И ПРЕДЕЛЫ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

С ратификацией Сан-Францисского договора Организация Объединенных Наций начала свою деятельность в январе 1946 г., когда споры между бывшими союзниками привели к подрыву военного сотрудничества. «Прочное согласие», заложенное в основу эффективности ООН, рассеялось быстрее, чем осуществление технической работы по созданию столь сложного института. Организация Объединенных Наций начала работать в Лондоне (январь 1946 г.), еще не устроившись на определенном ей месте: затем оно было закреплено за Нью-Йорком. 10 января было проведено первое заседание Генеральной Ассамблеи; 17 января состоялось первое заседание Совета Безопасности. Два дня спустя, 19 января, делегат Ирана призвал Совет Безопасности обратить внимание на ситуацию в его стране в связи с пребыванием там советских войск. Несмотря на достигнутые в 1942 г. соглашения, которые предусматривали вывод оккупационных войск не позднее, чем через шесть месяцев после окончания войны (ст. 6 договора, подписанного в январе 1942 г., безоговорочно устанавливала, что подобная дата должна исчисляться от завершения войны с Японией), советские войска, оккупировавшие Иранский Азербайджан, вместо того, чтобы готовиться к выводу, казалось, намерены были поддерживать сепаратистские тенденции в северной части страны и оказывать нажим на правительство Тегерана.

Советские представители решили, что иранец выступил по подсказке Соединенных Штатов и Великобритании, и в качестве немедленной ответной меры дважды обратились в Совет Безопасности. 21 января советский представитель потребовал обсудить положение в Греции и заявил протест против постоянного присутствия там английских войск даже после окончания войны, что он квалифицировал как незаконное вмешательство во внутренние

дела Греции; одновременно представитель Украины выступил с аналогичным обращением по поводу ситуации в Индонезии, где британские войска поддерживали попытки голландцев восстановить свое господство.

Деятельность Совета Безопасности сразу же началась со столкновений, выявивших существующее напряжение. Это еще не была открытая враждебность, но недоверие уже нарастало. Для вдумчивой разработки процессуальных норм, как отмечал юрист Гудрич, было мало времени, а Совет сразу столкнулся с кризисными ситуациями, что, совершенно очевидно, мешало ему функционировать «на полных оборотах». Кроме того, как писал бельгийский дипломат, бывший представитель в Организации Объединенных Наций, «разработавшие Устав великие державы предупреждали, что система коллективной безопасности начала функционировать в такой обстановке, которая неизбежно вызовет ее развал». По трем обращениям в Совет Безопасности после обсуждения были выработаны решения, но их не поддержала одна из пяти держав с правом вето. Добиваться голосования по этим решениям означало незамедлительно вызвать кризис международно-правовых структур.

Решение следовало искать за пределами ООН, чтобы при выявлении позиций сторон по вышеназванным проблемам сохранить верность «прочному согласию». Это не было сделано. Иранский вопрос решено было рассмотреть на переговорах, которые обе стороны согласились начать (впрочем, реальная дата завершения вывода советских войск могла бы быть установлена 2 марта, если исходить из даты окончания войны с Японией). Но во время обсуждения вопроса о Греции не было даже этого кажущегося успеха. Присутствовавший при этом политический деятель был потрясен резкой и острой дискуссией между советским представителем А. Вышинским и английским министром Э. Бевиным. Завершив дискуссию без голосования, они ограничились тем, что приняли к сведению заявления сторон по обсуждавшемуся вопросу; аналогично завершилось и обсуждение вопроса об Индонезии.

Так с самых первых дней наметились направления деятельности Совета Безопасности на предстоящие долгие годы. Вместо того, чтобы стать инструментом поиска мирных решений Организация Объединенных Наций начала свою деятельность с роли публичного озвучивания противоречий, которые нарастали между ведущими державами. Это получило наиболее яркое подтверждение 4 февраля. В этот день делегаты Сирии и Ливана обратились с просьбой обсудить ситуацию, сложившуюся в их странах, где продолжали находиться французские и английские оккупационные войска. Была выработана резолюция, которая выражала по-

желание скорого вывода войск и начала с этой целью соответствующих переговоров. Резолюция получила большинство в семь голосов, но поскольку среди них не было голоса советского делегата она не считалась вступившей в законную силу. Так впервые советский делегат осуществил свое право вето. Это был первый случай из длинной серии подобных голосований, происходивших все время, пока СССР оставался в Организации Объединенных Наций в меньшинстве, тем не менее организация функционировала в соответствии с американскими установками, хотя и не без трудностей.

Конечно, это не означает, что уже с первых шагов деятельность организации была парализована. В Совете Безопасности и в Генеральной Ассамблее можно было достигнуть, хотя и с трудом, согласия, в частности, когда оно касалось выражения общих позиций, как, например, при голосовании 24 января 1946 г. при учреждении Генеральной Ассамблеи Комиссии по атомной энергии; во время голосования 14 декабря того же года резолюции, которая определяла общие принципы разоружения; во время голосования 12 декабря резолюции, которая требовала от всех стран-членов ООН отзыва их дипломатических представительств из Испании, где утвердился недемократический режим. Но большей частью эти решения выражали отношение к ситуациям в прошлом, и не определяли конструктивных позиций по вопросам настоящего или будущего.

По новым проблемам расхождения становились все более очевидными. После 4 февраля 1946 г. наиболее ярким символом паралича деятельности ООН оставалось вето; и поскольку советская делегация использовала его с января по сентябрь 1946 г. добрый десяток раз, то с тех пор оно стало символом отказа советской делегации от конструктивного сотрудничества в рамках Организации Объединенных Наций. В результате дискуссия сконцентрировалась на проблеме вето: как лишить советских делегатов возможности злоупотреблять им, ибо они превратили его в средство, порождающее новые конфликты. Упорное обращение советских делегатов к такому инструменту, как вето, было симптомом глубокого недуга, который поразил международную жизнь, а также сковывал деятельность организации, созданной для обеспечения мира на международной арене. Сложившаяся ситуация говорила о том, что желание сотрудничества между двумя великими державами изжило себя.

Один из весьма важных аспектов, затруднявший деятельность ООН с 1950 г. и по настоящее время, хотя, возможно, и не столь яркий, заключается в отказе от применения норм, предусматри-

вавших создание собственных вооруженных сил ООН из контингентов, предоставляемых отдельными странами-участницами непосредственно в распоряжение Организации Объединенных Наций. Рассеялась надежда, что Организация Объединенных Наций сумеет приобрести ту «светскую власть», которой недоставало Лиге Наций. Согласно ст. 47 Устава в феврале 1946 г. был учрежден Штабной Комитет, который должен был определить военный вклад отдельных стран-участниц, однако он никогда не мог преодолеть основное расхождение между советскими и американскими установками относительно критериев определения подобных вкладов. Дискуссии длились около двух лет и были практически прерваны в июле 1948 г. после откровенного признания Комитетом своего бессилия. Штабной Комитет признал, что не может достигнуть соглашения об основных принципах принятия решений, поэтому весь вопрос был передан в Совет Безопасности. Этот орган, как мы видели раньше, был еще менее способен выработать решения по этому вопросу, поскольку в его компетенцию входило принятие оперативных решений. Так провалилась попытка принципиально нового подхода в сравнении с Женевской дипломатией, и с тех пор все операции по поддержанию или установлению мира, которые ООН должна была бы предпринять, осуществлялись благодаря добровольному вкладу стран-участниц.

В Совете Безопасности, по крайней мере до 1955 г. (в Генеральной Ассамблее так оставалось всегда), не столько вырабатывались политические решения, сколько велись дискуссии между державами, чтобы придать им больший резонанс. Со временем ООН постепенно менялась. Число ее членов с 51 вначале возросло до 190 в 1999 г.; тогда стали формироваться группировки большинства, однако, сохранялись доминирующие тенденции к фрагментации организации в результате быстро меняющейся обстановки. Но речь идет об очень медленном процессе, скорее обращенном в будущее. В годы холодной войны, о которых говорится в настоящей главе, Организации Объединенных Наций не удалось выполнить задачу содействия сохранению мира, поставленную перед ней Уставом, более того, для ее деятельности были характерны деструктивные черты. Институциональный переход к более взаимосвязанному и гибкому функционированию международной системы не был реализован. Слишком очевидная гегемония американцев привела к тому, что советская сторона и ее немногочисленные союзники в те годы старались воздерживаться от слишком обязывающего участия в организации, нормы которой сковали бы их ничем не ограниченную свободу маневрирования на международной арене.

8.1.4. НОВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Большая часть американских концепций в послевоенное время исходила из идеи создания новой международной экономической системы. Именно по данной теме в историографии имело место большое число дискуссий, и сами американцы высказали по этому поводу много интересных соображений. Конечно, предложенные концепции свидетельствовали о подготовке американцев к послевоенной ситуации, и хотя в некоторых кругах часто обсуждали подобные вопросы, это не значит, что высказанные идеи всегда совпадали с практической деятельностью американских представителей в политической и финансово-экономической сфере. И тогда, и сейчас невозможно отрицать, что в 1945 г. мир смотрел на Соединенные Штаты как на единственную державу, способную вновь поставить на ноги мировую экономическую систему — в соответствии с концепцией однородности мира, либо в соответствии с идеей, признающей реальность сосуществования различных экономических структур.

Продолжительная деятельность, инициированная законом о ленд-лизе, в конце войны была затруднена принятием американцами односторонних и достаточно противоречивых решений и затем прервана, поскольку была констатирована невозможность плодотворного диалога с советской стороной. Закон о ленд-лизе был принят с оговоркой, что он остается в силе до окончания состоявшейся войны. Едва был подписан акт о капитуляции Германии, действие закона было приостановлено как в отношении СССР, так и в отношении Великобритании и других стран-получателей помощи. Речь шла о технической ошибке? Обычно дается именно такое объяснение. Война была еще не завершена, и в тот момент, когда американские суда получили приказ повернуть назад, они были на пути в Советский Союз, куда должны были поставить грузы, необходимые для войны с Японией.

Резкое прекращение поставок спровоцировало такую острую полемику, что правительство в Вашингтоне вынуждено было переосмыслить ситуацию и возобновить отправку грузов. Но как только был подписан акт о капитуляции Японии, уже ничто не мешало вновь принять решение о прекращении поставок, чтобы показать англичанам и, прежде всего, Советскому Союзу, что правительство США намерено использовать свои экономические ресурсы очень расчетливо и согласно четким критериям. Другими словами, речь шла о том, чтобы дать понять, как — в рамках новых экономических институтов или вне их — и в какой степени

капиталистические страны Европы и Советский Союз могли бы рассчитывать на финансовую поддержку Соединенных Штатов в восстановлении своей экономики, разоренной войной. Проблема имела большое экономическое и политическое значение, так как она могла бы стать парадигмой способности к сотрудничеству между различными социально-экономическими системами. Прежде враждебные друг другу, возможно теперь они встали на путь поиска методов сосуществования и кооперации, поскольку военное сотрудничество научило их, что пользы от сотрудничества больше, чем от взаимного недоверия.

Вопрос о предоставлении займа Советскому Союзу обсуждался во время войны несколько раз. Уже в 1942 г. об этом говорил Уайт, сотрудник Моргентау, который вел переговоры с Кейнсом о создании Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития; Уильям С. Буллит вновь поднял этот вопрос в 1943 г.; в 1944 г. к нему вернулся Аверелл Гарриман, великий финансист и капитан индустрии, которого Рузвельт направил послом в Москву. Но проблема была сложной и имела ряд аспектов. Во-первых, необходимо было определить, в какой форме заем мог быть экономически выгоден обеим сторонам; во-вторых, целесообразно было выяснить, на каких условиях советская сторона была в нем заинтересована; в-третьих, следовало иметь в виду, как и на каких условиях американское правительство было бы согласно его предоставить. Не должно было быть сомнений во взаимной выгоде займа: советская сторона нуждалась в ресурсах для реконструкции и была в состоянии вернуть кредит поставками натурой: сырьем, необходимым для американской промышленности.

Не было достаточных оснований для идеи, обсуждавшейся в эти годы, что заем мог бы стать первым этапом в прямом экономическом обмене, поскольку, кроме сырья, не было советских промышленных товаров, которые могли бы представлять интерес для Соединенных Штатов. Кроме того, в связи с распределительным характером советской системы, полностью централизованной и регламентированной государством, следовало исключить мысль, что СССР сможет стать огромным рынком для американской промышленной продукции, хотя с окончанием войны в США имелись опасения, что придется снова столкнуться с довоенными проблемами перепроизводства.

Эти соображения не были бесспорными. Американские аналитики из *Office of Strategic Services*, ученые, весьма сведущие в вопросах советской экономики, считали, что американский заем был бы полезен только в том отношении, что ускорил бы на несколько

месяцев реконструкцию в СССР. И действительно, некоторые аспекты восстановления советского хозяйства после войны давали основание для подобного диагноза, хотя и не учитывали затраты человеческих сил трудящихся этой страны. Известный американский историк Габриэль Колко утверждал обратное: «Государственный Департамент знал, что без помощи извне советская реконструкция осуществлялась бы значительно более медленно и более трудно, была бы плодом национальных усилий народа, уже серьезно измученного и изнуренного». Это утверждение представляется весьма категоричным и показывает, что внутри государственного департамента и американского правительства существовали различные установки даже по вопросу о пользе предоставления займа.

Весьма красноречивым является тот факт, что в Советском Союзе собирали слухи, просачивавшиеся из американских источников, поскольку советское руководство было далеко равнодушно к идее крупного финансового займа. Уже первое наблюдение свидетельствует об этом: помощь не была жизненно необходимой, но ее ждали и она была бы полезной, так как облегчила бы проблемы финансирования реконструкции в СССР. Молотов впервые заговорил о займе с Гарриманом в декабре 1943 г., намекнув, что объем займа мог бы составить миллиард долларов. Со своей стороны, Уайт полагал, что заем, чтобы он был действительно эффективным, должен был бы достигнуть, по крайней мере, пяти миллиардов долларов.

Сталин рассказал о своих идеях по поводу займа другому американскому финансовому деятелю, председателю Торговой палаты Соединенных Штатов Эрику Джонстону, который прибыл в Москву летом 1944 г. и 26 июня имел продолжительную встречу со Сталиным. Во время этой встречи собеседники обменялись мнениями по широкому кругу вопросов. Сталин лелеял гипотетическую идею рынка, способного поглотить любые американские товары, за которые можно было бы заплатить как сырьем, так и золотом: «Я не могу предвидеть, — оптимистично заявил он, — когда мы перестанем нуждаться в чем-либо». Итак, Сталин, беседуя с деловым человеком, увлекал его перспективой неограниченных возможностей интеграции, не касаясь, конечно, технических форм взаимосвязей и политических условий, при которых они могли бы иметь место. Такое умолчание было не случайно, поскольку проблемы заключались именно в этом.

Американские политические деятели, впрочем, никогда не разделяли два аспекта проблемы. Как в период между двумя войнами, так и во время подготовительных обсуждений, проходивших в эти месяцы в Бреттон Вудсе, проблематика предоставления

займа СССР, а также всех других займов любой другой стране, не могла рассматриваться в отрыве от видения послевоенного устройства, которое американцы уже разрабатывали. Это была картина реинтеграции мировой системы в единый взаимозависимый комплекс, как точно отмечал, хотя и в другой ситуации, прародитель американских историков-ревизионистов Уильям А. Вильямс.

Результаты войны поставили Соединенные Штаты в центр системы, придав им роль регулирующего, хотя и не обязательно доминирующего, элемента. Это был основной пункт любого анализа складывающейся тогда ситуации. Фактически, американское превосходство заставляло говорить об империалистическом капитализме. Но эта дефиниция представляется упрощенной, поскольку стремится определить проект реорганизации международной жизни, основанный на гибком подходе к международным отношениям, используя при этом термин, который получил негативный оттенок в историко-политической лексике времен холодной войны. Подобный подход не следовало формулировать тем, кто мог извлечь из него наибольшую выгоду. Поскольку эта система постепенно превращалась в реальность, то нельзя не подчеркнуть ее открытый и гибкий характер, что создавало трудности для тех, кто, как Советский Союз, мог согласиться на интеграцию только в жестко регулируемую систему, потому что такова была политико-экономическая организация СССР. В то время, когда обсуждались финансовые аспекты послевоенных проблем, у обоих субъектов, выигравших войну, возникли предсказуемые, но не неизбежные трудности в стремлении добиться системного сотрудничества именно в силу структурных различий, препятствовавших конвергенции.

Накануне конференции в Ялте, 3 января 1945 г., Молотов изложил Гарриману свою просьбу о предоставлении займа в 6 млрд долларов при ставке в 2,5%, благодаря которому Советский Союз смог бы разместить крупные заказы на американском рынке. Повторяя тезис многих экономистов того времени, Молотов полагал, что такой заказ позволит экономике Соединенных Штатов более легко перейти от военного производства к мирному. Молотов представил свою просьбу как взаимовыгодное предложение, но не учел при этом новых аналитических данных, которые, между тем, значительно приглушили, если не полностью развеяли опасения, что в американской экономике наступит спад в период перехода к производству мирной продукции. Кроме того, он сделал свое предложение грубовато, в канун Ялтинской конференции.

Реакция Гарримана, а затем и Рузвельта, заключалась в том, чтобы отложить решение на время после завершения Крымской

встречи в верхах, а пока приостановить рассмотрение предложения как с политической, так и с технической точки зрения. Если жест Молотова, а также реплики Сталина, показывали, что Советский Союз действительно заинтересован в получении кредита, то было еще не ясно, как и в какой форме американцы намерены подойти к рассмотрению этого вопроса. Моргантау продолжал проявлять благосклонность и предлагал увеличить сумму займа до 10 млрд с рассрочкой выплаты на 35 лет, чтобы содействовать закупке американских товаров. Идея предполагала полную интеграцию двух экономических систем, но она не встретила необходимой поддержки. Такого рода заем требовал распутывания сложного политического узла, то есть выяснения, позволит ли Советский Союз вовлечь себя в рыночную экономику на западных условиях. Иначе говоря, существовали технические аспекты, относящиеся к выявлению коэффициента окупаемости, когда столь солидные инвестиции осуществляются в СССР или в других странах при посредничестве правительства или непосредственно частными инвесторами. Политические аспекты заключались в том, как неоднократно подчеркивал Гарриман, чтобы определить возможность одновременного финансового и политического сотрудничества.

В Ялте Рузвельт в разговоре со Сталиным не касался этой особой темы, так как считалось возможным обсуждать только насущные вопросы: может быть, поэтому текущие проблемы в дискуссии превалировали над стратегическими. Возможно, также и потому, что дискуссия о германских репарациях заставила задуматься о сравнительных характеристиках ленд-лиза и репарационных платежей, возможно и потому, что Рузвельт почувствовал потенциальную связь между американским кредитом и реализацией соглашений о Восточной Европе, заключенных с Советами именно в Ялте.

В этих вопросах Гарриман сыграл решающую роль. Накануне смерти Рузвельта он подготовил краткую записку с изложением своих позиций, которая, конечно, сильно повлияла на Трумэна. Имелось также множество реальных доказательств того, что Советы всегда поступали, руководствуясь своими «эгоистическими интересами». СССР в конце войны располагал золотым запасом, который уступал лишь запасу Соединенных Штатов, хотя был значительно меньше, чем в США; у него было огромное количество неиспользованных материалов, полученных по ленд-лизу; он постарался жестоко обобрать оккупированные территории и вывез «все, что можно было вывезти». СССР контролировал внешнюю торговлю оккупированных стран; он использовал предос-

тавившиеся возможности, чтобы навязать выгодные торговые соглашения всем другим странам мира, включая страны Южной Америки; и тем не менее, продолжал просить у Соединенных Штатов «всяческую помощь и содействие, которых считал возможным добиться».

Гарриман, учитывая все это, обосновывал в своей записке тезис: если Соединенные Штаты должны защищать свои интересы, то следует проводить «политику, которая более эффективно реализовывала бы их экономическое влияние, чтобы как можно шире распространять свои политические идеи». Соединенные Штаты должны продолжать поддерживать дружеские отношения с Советским Союзом, но на основе взаимовыгодного обмена. В отношениях с СССР это означало «связать экономическую помощь непосредственно с политическими проблемами». Поэтому Гарриман был еще благожелательно настроен в отношении предоставления займа, но рассматривал его как инструмент достижения политических уступок.

Как отмечает американский историк Джон Льюис Гэддис, Советы, используя исключительно внутренние ресурсы, могли к 1948 г. добиться довоенного уровня инвестиций капиталов. Однако они не могли без американской помощи быстро реализовать амбициозные программы сохранения в дальнейшем быстрых темпов экономического роста, которые они лелеяли. Внутренняя слабость СССР давала возможность Соединенным Штатам связать заем с политическими условиями и предоставить его только после удовлетворения финансовых потребностей Западной Европы. Эти политические условия заключались в обязательстве Советов скрупулезно выполнять Ялтинские соглашения в вопросах о Польше и Восточной Европе — это означало, что их следовало понимать в духе западного толкования.

Таким образом, вопрос о займе оставался открытым еще в течение нескольких месяцев. В июне, однако, общая сумма кредита, на которую были согласны американцы, сократилась до 1 млрд долларов, и Конгресс не чинил препятствий операции такого масштаба. Препятствия возникли в связи с ухудшением ситуации на Балканах. Пока эти проблемы не были преодолены, вопрос о займе оставался в подвешенном состоянии. Потсдамская конференция внесла дальнейшую ясность. Если Трумэн постепенно склонялся к отказу от компромисса по германским репарациям, на который соглашался Рузвельт, то это было связано с поступающими сведениями о том, как вели себя Советы на оккупированной ими германской территории, которую они продолжали систематически обирать, вывозя все сколько-нибудь ценное. Поставки на

основе закона о ленд-лизе, однажды прерванные, были окончательно прекращены несколько недель спустя. Советы выжимали, как лимон, германскую промышленность, не соглашаясь, однако, на политические уступки американцам, которые тогда находились в положении абсолютного превосходства, что позволяло им уклоняться от предоставления бесплатной финансовой помощи Советам. Идея займа становилась все более туманной. Ремонтные работы, извлеченные из Германии, стали подлинной заменой займа.

Когда накануне Потсдама Бирнс стал государственным секретарем, его позиция по этому вопросу была уже ясной. Хотя вопрос оставался открытым для дискуссий до конца 1945 г., он превратился скорее в политический. С ним связывали возможность добиться от Советов уступок как в отношении ратификации соглашений, достигнутых в Бреттон Вудсе, от которой Сталин отказывался в качестве ответной меры на отсутствие предложений по кредиту, так и в дискуссии о мирных договорах с малыми державами «Оси». Несмотря на то, что к этому моменту поворот в американской политике в отношении Советского Союза еще не выявился полностью, расхождения и разногласия накапливались, что сделало проблематичным предоставление СССР помощи без политических условий.

Мировая политика Соединенных Штатов переживала в течение нескольких месяцев период переосмысления, что привело к принятию основополагающих решений, обнародованных в конце 1946 — начале 1947 г. Тем временем рассеялись возможности достижения экономического соглашения между двумя державами-победительницами, которое могло бы укрепить их послевоенное сотрудничество и заложить основы для взаимного выигрыша. Вместо этого формировались долгосрочные стратегии, в которых уже предусматривалось будущее решительное противостояние двух систем. Как в юридическом плане (в недрах Организации Объединенных Наций), так и в финансово-экономическом плане основания для недоверия и конфликтов превалировали над соображениями сотрудничества и взаимодействия.

8.1.5. КОНТРОЛЬ НАД ЯДЕРНЫМ ОРУЖИЕМ

К этим соображениям добавлялась третья серьезная причина для разрыва, которая не вытекала из системных факторов, но усиливала их. Для американцев обладание атомной бомбой было результатом только их конъюнктурного превосходства, но оно ставило Соединенные Штаты, прежде всего, перед необходимостью решить, как использовать подобное превосходство, и установить

рамки применения атомной энергии под международным контролем. Кстати, интересно отметить, что чувство вины или ответственности, которое характерно для Вашингтона периода американской монополии на ядерные секреты, послужило в то время основанием для дискуссий в западной историографии, однако оно не породило такой же озабоченности у советского руководства. Иначе говоря, вопрос о международном контроле над использованием ядерной энергии вызывал опасения скорее у американцев, чем у Советов.

В сентябре 1946 г. Сталин сказал в интервью журналисту А. Верту, что он думает об атомной бомбе: «Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб. Конечно, монопольное владение секретом атомной бомбы создает угрозу, но против этого существуют, по крайней мере, два средства: *a*) монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго; *b*) применение атомной бомбы будет запрещено».

Конечно, невозможно знать до какой степени Сталин был убежден в том, что говорил, и в какой степени его слова были рассчитаны на американскую публику, но следует отдать должное его невозмутимости. Действительно, тогда не было оснований и причин, которые дали бы американцам возможность вмешаться и использовать ограниченное число атомных бомб в качестве инструмента политического давления с целью вынудить Советы подчиниться воле Соединенных Штатов (допускаю, что в Вашингтоне питали такие надежды). Кроме того, Сталин прекрасно знал, на какой стадии находятся американские исследования, потому что его информаторы, проникнув в американские лаборатории, сообщали ему, по крайней мере с 1943 г., новейшие сведения о достигнутых американцами результатах в этой области, и до 1950 г. эти информаторы (главным из которых был известный физик Клаус Фукс) работали спокойно и их стало больше — несколько десятков. Поэтому Сталин отлично знал, сколько у американцев бомб, какие еще встречаются трудности на экспериментальной стадии, и, прежде всего, он предвидел, что монополия продлится недолго.

Когда говорят об атомной бомбе, то обычно стараются подчеркнуть, что именно в этой области американцы первыми начали проводить собственную военную политику и что это привело к нарушению равновесия в позициях держав-победительниц. Напротив, параметры дискуссии были заданы реализмом Сталина. Сдержанная дискуссия в определенных рамках отличала научные круги США от военных и от политико-дипломатических сфер.

Сегодня она представляется более интересной с точки зрения американского менталитета и того, как в Вашингтоне представляли будущие отношения с Советским Союзом, чем с точки зрения рассуждений о значении атомной монополии для этих отношений.

В действительности, дискуссия началась еще до применения двух атомных бомб против Хиросимы и Нагасаки. Во второй половине 1945 г., пока продолжались Лондонская сессия СМВД, а затем Московская конференция о мирных договорах, большинство ученых, работавших над Манхэттенским проектом, выступили за широкое распространение информации, которой они располагали, и за скорейшее установление международного контроля над ядерной энергией. Военные почти единодушно занимали прямо противоположную позицию и рекомендовали использовать атомное превосходство в политических целях; дипломаты разделились по различным идеологическим течениям, но никто из них не исключал, однако, политико-дипломатического обсуждения этой проблемы с Советами.

Государственный секретарь Бирнс на первом этапе своей деятельности на этом посту, когда он еще не был полностью информирован о масштабах и успехах советского шпионажа, был убежден, что американская атомная монополия продлится, по крайней мере, 7–10 лет и полагал, что ключевым моментом любых переговоров должен быть вопрос о контроле. Только уверенность американцев, что они будут знать все о том, что происходит в других странах, могла убедить их раскрыть часть своих секретов. Абсолютно противоположного мнения придерживался заместитель государственного секретаря Дин Ачесон. Он полагал, что секреты ядерного оружия не удастся сохранять долго, и считал необходимым не создавать у Советов впечатления, что ревностное отношение американцев к монополии на атомное оружие имеет антисоветскую направленность. Он утверждал: «Невозможно, чтобы советское правительство, обладающее мощью и сознающее ее, не реагировало бы очень жестко на сложившееся положение. Оно должно будет и, конечно, станет действовать весьма энергично, чтобы компенсировать утрату прежней мощи в сложившейся ситуации».

Ачесон правильно оценивал реакцию Советов, но слишком опасался обидчивости Сталина. В итоге, наиболее реалистичную позицию занимал Трумэн, который в октябре 1945 г. впервые выступил в конгрессе по вопросу об атомном оружии. Он подчеркнул, что теоретические знания, на которых основано производство атомного оружия, широко известны. Поэтому и другие государства через какое-то время смогут создать свою атомную

бомбу, что означало бы открыть дорогу «безудержной гонки вооружений», которая способна привести к катастрофе. Единственной альтернативой этой угрозе могло бы стать соглашение между всеми странами, которые в состоянии создать атомную бомбу, об отказе использовать ее в военных целях. Необходимо было как можно быстрее начать дипломатические переговоры, и Трумэн заявил, что Соединенные Штаты будут вести по этому вопросу переговоры сначала с англичанами и канадцами, с которыми американцы были связаны совместными действиями во время войны, а затем и с другими странами.

Таким образом, принцип ведения переговоров лег в основу американской позиции, и задача заключалась в том, чтобы установить сроки и условия подобных переговоров. Во время встречи с Эттли и с канадским премьером Макензи Кингом в середине ноября 1945 г. американцы объявили позиции, по которым возможно достижение соглашения. Они предусматривали необходимость учреждения комиссии при Организации Объединенных Наций (ООН в то время еще не начала свою работу), чтобы вести переговоры на основе четырех принципов, каждый из которых должен был служить предшествующей стадией для перехода к последующей фазе переговоров. В соответствии с этими принципами требовалось установить полный обмен информацией в научных целях; установить контроль, чтобы гарантировать мирный характер использования атомной энергии; предусматривалось уничтожение атомного оружия и всех других вооружений, способных привести к массовым разрушениям; создание эффективной системы контроля с использованием инспекций и других средств, чтобы гарантировать страны, подписавшие такие соглашения, от неисполнения его другими странами.

Важно учесть этот пункт, согласно которому принцип учреждения инспекции вытекал из решения уничтожить все произведенное атомное оружие. Проект был умеренный и осторожный, и можно было использовать его как основу для продуктивной дискуссии, тем более, что на Московской сессии СМВД Бирнс сумел получить поддержку Советов по вопросу об учреждении специальной комиссии при Организации Объединенных Наций.

Бирнс поручил своему заместителю Ачесону и Давиду Е. Лилянталу, руководителю строительства гидроэлектростанции на реке Теннесси, подготовить окончательный проект, чтобы представить его в связи с началом деятельности ООН. После принятого Генеральной Ассамблеей ООН в январе 1946 г. решения создать Комиссию ООН по атомной энергии Ачесон и Лилянталь разработали свой проект. Он предусматривал создание Комиссии Орга-

низации Объединенных Наций, которая после проведения учета мировых ресурсов расщепляющихся материалов взяла бы на себя контроль «над всеми запасами обогащенного урана и тория» с обязательством предоставлять ресурсы только для мирного использования. Нарушители этого правила подлежали наказанию соответствующими контрмерами; Соединенные Штаты должны были решить в дальнейшем, как и когда прекратить производство своих атомных бомб.

Для представления этого плана в ООН Трумэн выбрал деятеля, который, как он надеялся, облегчит в дальнейшем прохождение через конгресс возможных соглашений. Речь шла о Бернарде М. Барухе, восьмидесятилетнем финансисте, который оказывал определенное влияние на процесс формирования некоторых американских политических решений. Этот момент следует подчеркнуть, потому что обычно говорят о переговорах 1946 г. по ядерному оружию как о переговорах по «плану Баруха». В действительности Барух появился на политической сцене в последний момент и его основной вклад заключался в том, что он потребовал включить в проект Ачесона-Лилиенталя поправку, согласно которой вопросы об атомном оружии должны были бы проходить голосование в Совете Безопасности без применения права вето, поскольку они касались проблемы, затрагивавшей интересы всех стран мира, а не только великих держав. Совершенно очевидно, что предложение американского финансиста вносило изменение в проект по очень важному вопросу и фактически делало невозможным принятие его Советами. С момента, когда Советы стали создавать свой атомный арсенал, у них не было никаких оснований соглашаться на контроль, лишавший их возможности реализовать право вето.

Трумэн и Бирнс понимали, что попали в трудное положение, и испытывали досаду, что выбрали Баруха представителем Соединенных Штатов в столь тонком деле. Тем не менее, было слишком поздно что-либо менять и поневоле пришлось позволить Баруху представить проект в измененном виде, что он и сделал 16 июня 1946 г. Казалось, американские предложения в версии Баруха были более «открытыми» и вильсоновскими, чем вариант, подготовленный государственным департаментом, потому что отменялось право вето в вопросе о контроле над ядерной энергией и проводилась «свободная и полная инспекция», когда это потребует; вариант Баруха обеспечивал теоретически неограниченную гарантию всем странам мира.

В действительности он отражал концепции, характерные для американских военных кругов. Это был бы подлинно «открытый» проект, если бы в то время все страны мира обладали знаниями,

необходимыми для мирного или военного использования атомной энергии. Однако в то время, исключая немцев, с одной стороны, только три государства на Западе уже добились существенных успехов на пути создания своих атомных арсеналов, а с другой — только Советы энергично стремились ликвидировать разрыв в военных потенциалах. Создать авторитетный международный орган, где у Советов не было бы права вето, означало бы навязать им, и только им, обязательство показать всем, на какой стадии находятся их научные исследования и подчиняться правилам, установленным этим авторитетным органом. Консультант Молотова по проблемам ядерной энергетики Дмитрий Скобельцын считал, что план Баруха делал невозможным развитие независимого производства, поскольку «контроль над ресурсами» был бы поручен «международной организации», находящейся, вероятно, под контролем американцев. Скобельцын утверждал: «Откажемся от этого контроля и будем со всей решительностью продолжать наши научные исследования и работу по подготовке нашего полностью независимого атомного производства так же, как американцы поступили во время войны». Молотов разделял эту точку зрения.

Поэтому не вызывает никакого удивления, что выступления советского представителя в ООН Громыко были жесткими и негативными. Он обвинил американскую делегацию в намерении подорвать единство великих держав в Совете Безопасности, так как она представляет проекты, «несовместимые с интересами Организации Объединенных Наций» и предложил альтернативный план, согласно которому международная конвенция запрещала бы производство и применение атомного оружия и предусматривала уничтожение уже произведенного атомного вооружения. Что касается контроля, инспекции, санкций и отмены права вето — все это решительно исключалось. Ошибка Баруха предоставляла Громыко возможность показать, что Советы были действительно против атомного оружия, предлагая уничтожить все уже существующее оружие, что сделало бы излишними инструменты контроля, противоречащие суверенитету государств и нормам ООН. В действительности проект Ачесона-Лилиенталя поставил бы Громыко в затруднительное положение, потому что требовал от него более аргументированного обоснования принципиальной враждебности Советов всему, что мешало их планам военной и экономической реконструкции. В этих условиях дискуссия осталась безрезультатной. Создание авторитетного органа, гарантировавшего только мирное использование ядерной энергии, оказалось невозможным. Реализм Сталина был обоснованным. Американцы утратили возможность избежать гонки вооружений, о которой

с опасением говорил Трумэн. К этому времени все понимали тяжесть предстоящего бремени и степень риска, вытекающие из создавшейся ситуации и осложняющие положение не будущее, уже чреватое конфликтами.

8.1.6. НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

От всего того, что могло бы составить сущность «грандиозного плана» Рузвельта, почти ничего не сохранилось; остались лишь институциональные формы ООН; остался взаимный страх, что одни хотели бы доминировать над другими с использованием силы; осталось глубокое недоверие, отраженное в политической хронике.

Был только один вопрос, по которому державы-победительницы пришли к символическому согласию: наказание главных военных преступников. 8 августа 1945 г. они подписали в Лондоне соглашение об учреждении Международного военного трибунала в Нюрнберге, который начал свою работу 20 ноября, а завершил ее почти год спустя — 1 октября 1946 г. Приговор был вынесен 22 нацистским главарям, 12 из них были приговорены к смертной казни, 7 — к различным срокам тюремного заключения и 3 оправданы. Среди приговоренных к смертной казни были высшие нацистские деятели (такие, как Геринг, фон Риббентроп, фон Кейтель, Розенберг, Зейс-Инкварт и Мартин Борман, единственный кому удалось избежать наказания).

Решение победителей судить побежденных за зверства, совершенные нацистами, вызвало и тогда, и в последующем широкую дискуссию, потому что невозможно отрицать субъективность изложенной логической аргументации. Между тем, с более широкой исторической точки зрения процесс означал важный этап в развитии международного права, потому что был утвержден принцип, согласно которому даже во время войны существует предел, через который нельзя переступить; пренебрежение установленными ограничителями означает совершение «военного преступления», преступления, которое в любом случае наказуемо. Была собрана огромная масса документов и свидетельств о зверствах, совершенных по повелению Гитлера и ведущих нацистских деятелей. Издание этой документации составляет более 40 огромных томов и дает исчерпывающую фактическую базу, характеризующую агрессивную гитлеровскую политику, а также намеренное истребление евреев и других национальных меньшинств. Впервые был провозглашен принцип, что индивид не должен подчиняться приказам своего государства, когда оно нарушает

определенные установления международного права. Нюрнбергский трибунал заявил, что подлинная сущность новых принципов заключается в утверждении «международных норм, которые налагают на индивида обязательства, требующие от него пренебречь подчинением национальному государству». Генеральная Ассамблея ООН одобрила эти принципы единогласно 11 декабря 1946 г. Впрочем они не получили непосредственного практического применения и были использованы второй раз только против японских военных преступников, преданных суду специального трибунала, проходившего в Токио с мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. Впервые в международное право было введено понятие, что преднамеренно агрессивная политика и ведение войны с особой жестокостью и террором являются «преступлениями международного характера». Сам этот принцип стал основополагающим для международного сообщества, находившегося на пороге важных перемен.

8.2. Приметы генезиса холодной войны

8.2.1. WE NOW KNOW? ТЕПЕРЬ МЫ ЗНАЕМ?

Известный американский историк Джон Гэддис, описывая в 1997 г. историю холодной войны на основе ранее недоступных советских источников, назвал свою книгу *We Now Know (Теперь мы знаем)*, подразумевая, что прежде мы не знали правды и, наконец, нам стала известна истина. Высокопарность у него превалирует над критическим отношением. Сегодня мы знаем несколько больше о происхождении холодной войны. Трудно утверждать, что стали известны «подлинные» объяснения. Это, впрочем, не оправдывает незнания того, что известно из архивов советского времени в той мере, в какой они ныне доступны.

В период между сентябрем 1945 г. и весной 1946 г. рассеялась, как дым, надежда, что институциональный путь в политико-юридической области и многополюсный подход в финансово-экономической сфере станут базой для реконструкции новой международной системы. Вместо многополюсности возникла биполярность. Это означало, что существовал не один единственный способ реконструкции международной системы в глобальном масштабе; родилась биполярная система, поскольку были две державы-победительницы, и формы их реконструкции наполнялись различным содержанием: сложились две модели или «два лагеря», как позже сказал Сталин. Теоретическое обоснование разделению на «два лагеря» было дано в учредительном документе Коминформа; эти

два полюса стремились объединить вокруг себя все свободное пространство, но со временем образовался и «третий лагерь» — неприсоединившихся стран. Сразу после окончания войны причины, породившие трудности и разногласия, требовали доброй воли для поиска компромиссных решений, но они переросли в открытые столкновения, которые, постепенно обостряясь, сделали ситуацию необратимой. В эти месяцы стало ясно, что разгром Германии и закат европейской гегемонии не смогли элиминировать силовую политику, они только привели к смене векторов.

Анализировать эти проблемы означает рассматривать причины будущей холодной войны, как стали называть обострение отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом в период с начала 1947 г. по крайней мере до 1955 г. (при ограничительной трактовке этого понятия) или до 1989 г. (в таком случае за этой метафорой скрывалась очень сложная и фрагментарная картина). Подойти к анализу этого конфликта по его сути — не позволяя превалировать бесчисленному количеству эпизодов или предвзятой интерпретации событий, или бесконечной критике, обусловленной уже самой проблемой, в особенности в историографии, свободной обсуждать прошлое с использованием источников и применять в политике выводы из своих исследований — означает заняться трудными исследованиями в документальном и в концептуальном плане.

Советские источники стали доступны для историков только после 1990—1991 гг., а до этого времени большая часть советской историографии находилась под влиянием политической пропаганды; все эти моменты создают ограничения для работы историка, которые можно будет преодолеть лишь постепенно. Поэтому приходится ограничиться «взглядом извне», хотя и учитывая события в советской системе между 1985 и 1991 гг., что не может не повлиять на анализ послевоенных событий. Этот «взгляд извне» приобретает определенную упорядочность, если представить его в виде четырех периодов различной интенсивности и продолжительности, включающих различные проблемы, — впрочем, эти периоды связаны между собой развитием исторической ситуации:

а) период до конца 1945 г., когда Соединенные Штаты изменили восприятие Советского Союза от ненадежного союзника вначале, затем как противника и, наконец, как врага и в Европе, и в Азии;

б) этот пересмотр образа СССР был вызван закрытыми дебатами, происходившими в американской администрации в первые месяцы 1946 г., которые привели к существенному изменению отношения Соединенных Штатов к Советскому Союзу. Развее-

лись надежды на достижение компромисса и исчезли иллюзии осуществить, несмотря ни на что, универсальный «большой проект», оставленный в наследство Рузвельтом и пересмотренный Трумэн. Последний был убежден, что по отношению к Советам нужно проводить политику дистанцирования и противостояния, которая подпитывалась глубоким недоверием к стратегическим планам Сталина и уверенностью в способности Запада противостоять этим замыслам и сорвать их, дождавшись соответствующего момента;

в) в конце 1946 и весной 1947 г. поворот в отношениях, назревавший в предыдущие месяцы, открыто выразился в заявлениях и акциях в политико-дипломатической и экономической сфере, так что смысл новых намерений стал очевидным. Эти намерения заключались в решимости дать понять Советам, что Соединенные Штаты и часть Западной Европы безусловно будут развивать собственную политику реконструкции, которая принимала как неизбежный факт, наличие другого субъекта, во многих отношениях враждебного;

г) в 1948–1950 гг. к политическим проблемам добавились события военного характера в Европе и Азии. Политическое разделение мира с тех пор стало расколом мира на противостоящие друг другу военные блоки, нацеленные на достижение военного превосходства.

Итальянский дипломат Пьетро Кварони, обладавший необычайным даром наблюдения, будучи послом в Москве, писал в мае 1945 г.: «В настоящее время здесь господствует чрезвычайно эгоцентристское представление о собственной значимости и собственной силе, которое должно привести к умозаключению, что ради дружбы с русскими никакие уступки не будут слишком большими».

8.2.2. СТАЛИНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Сталин стоял во главе огромной державы, добившейся победы в войне, но еще связанной со своим недавним революционным прошлым, и естественно испытывал недоверие ко всему, что не относилось к миру «реального социализма» как позже стали называть советскую систему. В победе он обрел обоснование для консолидации личной власти, возвысившись так, что оказался вне какого-либо контроля и мог подавить даже малейшее несогласие. Он использовал эту власть для достижения двух целей в международном плане: защищать безопасность СССР от любой угрозы и наращивать усиление СССР как мощной мировой дер-

жавы. Ничто не могло остановить его устремления к достижению этих внешних целей, даже условия существования советских граждан. Поэтому согласно пятилетним планам восстановления и реконструкции народного хозяйства ресурсы распределялись таким образом, что потребности государства превалировали над необходимостью повысить уровень жизни советских людей. Императив этой политики состоял в устранении всяческой, даже самой отдаленной угрозы.

Согласно подсчетам Алека Нове, одного из крупнейших исследователей советской экономической истории, в течение пяти лет, с 1945 по 1950 г., большая часть имеющихся ресурсов шла на реконструкцию и развитие тяжелой промышленности. Эта тенденция изменилась только после смерти Сталина. В целом, за указанное пятилетие 87,9% капиталовложений предназначалось для производства средств производства и только 12,1% вкладывалось в производство средств потребления, в том числе продуктов питания. Такую экономику скорее можно определить как военную, чем как экономику гражданской реконструкции (восстановления народного хозяйства). Действительно, предусматривалось к 1950 г. удвоить производство стали, которое в 1945 г. составляло 12,5 млн тонн, что и было достигнуто. Нове рассчитал индекс людских затрат: если заработную плату в промышленности в 1940 г. принять за 100, то в 1947 г. индекс заработной платы в реальном исчислении (а не в денежном, деформированном инфляцией) составлял 51, т.е. почти половину. В 1950 г. индекс вырос на 17%, что отражало некоторое повышение уровня жизни, хотя и в минимальных размерах. Только к 1953 г. средняя заработная плата достигла индекса 143 по сравнению с 1940 г. Между тем, инвестиции в военное производство продолжали расти. В 1950 г. они составляли 19% государственного бюджета, а в 1952 г. — около 25%.

Ощущение опасности, присущее Сталину, заставляло его делать упор на восстановление советского военного потенциала, даже ценой колоссальных усилий со стороны советских людей. Оно выражалось в его стремлении воспрепятствовать любыми средствами возможному снижению авторитета Советского Союза на международной арене либо из-за его внутренней отсталости, либо из-за разорения, которое страна претерпела вследствие германской агрессии. Именно националистическое чувство обостряло державную политику Сталина и толкало его к действиям во всех направлениях. Несмотря на то, что, фактически, СССР стал геополитическим колоссом, доминирующим в Евразии, Сталин не упускал из виду имевшиеся, как ему казалось, возможности. Преследуя геополитические цели, Сталин еще до окончания войны

предпринял ряд инициатив, направленных на преодоление вековых барьеров и достижение максимально возможного расширения сферы советского контроля. Территориальное продвижение в сердце Европы привело Советы в Кенигсберг (переименованный в Калининград), а оккупация Восточной Германии, контроль над Польшей и Финляндией привели к превращению Балтийского моря почти в советское озеро, хотя и не давали выхода в Северное море, открытое для легко доступных с моря территорий.

Для отношений с Польшей и странами Дунайско-Балканского региона был характерен переходный период. Он был обусловлен отчасти переговорами о мирных договорах и дискуссиями с западными союзниками о роли союзных контрольных комиссий, отчасти протестами западных государств в связи со спорной реализацией ялтинской Декларации об освобожденной Европе, отчасти в связи с очень специфической ситуацией, сложившейся в Чехословакии и Венгрии, где оставались коалиционные правительства с участием буржуазных политических партий. Но благодаря соглашению с Югославией и с Албанией, которое тогда не оспаривалось, Советы полагали, что обошли вопрос о закрытии проливов в Средиземное море. К этому следует добавить антиправительственную войну у северных границ Греции, которую вели прокоммунистически настроенные партизаны. Все эти события ставили вопрос о том, как далеко хотели бы Советы распространить свой контроль на Балканах, несмотря на соглашения, подписанные в Москве в октябре 1944 г.

Советы были заинтересованы в обсуждении вопроса о режиме судоходства в проливах и в складывании своих отношений с Турцией непосредственно с Анкарой. После того, как на конференции в Тегеране Сталин отверг предложение о включении Турции в войну, советская пропаганда обвиняла правительство Анкары в намерении продлить войну и в оказании немцам поддержки на Балканах. Только в конце января 1945 г. турецкое правительство заявило об открытии проливов для союзнического флота, который осуществлял поставки Советскому Союзу, и лишь 23 февраля объявило войну Германии.

Эта рассчитанная медлительность (в значительной мере согласованная с англо-американцами) дала Москве повод начать против Турции предупреждающие дипломатические выступления по всем направлениям. Во-первых, 21 марта 1945 г. Советы денонсировали договор о дружбе и нейтралитете, который связывал обе страны с 1925 г. (в иной форме, чем договор от 1921 г.); во-вторых, они стали предъявлять территориальные претензии, касающиеся возврата Советскому Союзу армянских городов Карс и Ардаган, которые

по договору 1921 г. отходили к Турции, а также претензии относительно пересмотра границы с Болгарией в пользу последней.

Еще более значительными были требования по вопросу о режиме судоходства через проливы, в отношении которого выдвигалось требование изменения конвенции Монтре от 1936 г. и предоставления СССР военных баз в Босфоре и Дарданеллах. Это было только начало давления, которое продолжалось в течение почти всего 1946 г., что не могло ни вызвать опасений у турецкой стороны. Но что гораздо важнее, весь комплекс советских требований демонстрировал, что в зоне Восточного Средиземноморья СССР не намерен больше ограничиваться пассивной ролью. Следует учесть, что с самого начала переговоров о мирном договоре с Италией советские делегаты добивались, чтобы СССР был бы предоставлен мандат на управление территорией Ливии или, по крайней мере, Триполитании. Эти домогательства наряду с давлением на Турцию и изменениями, которые происходили в это время в районе Адриатики, где просоветские силы захватили господствующие позиции, а также наряду с тем фактом, что в августе 1945 г. СССР добился права на участие в международном управлении Танжером — все вместе создавало мощный фронт советского продвижения. Складывалось впечатление, что Советы собираются заявить о своих интересах в Средиземноморье, конечно, не таких, как на Балтике, но достаточных для того, чтобы радикально изменить соотношение стратегических сил в регионе.

Англичане, при поддержке французов и при относительном равнодушии тогда американцев, должны были противостоять новой ситуации, когда впервые после 1833 г., Россия предстала как потенциальный соперник английской гегемонии в Средиземноморье. В 1945–1946 гг. речь шла лишь о выдвигании Советами своих требований (за исключением Адриатического моря), но именно эти требования отражали намерение играть новую, отнюдь не маргинальную роль, как это было в прошлом, что угрожало английским стратегическим интересам; их защита вызывала много противоречий между Англией и Италией вплоть до 1940 г.

Характеристику новой советской позиции дополняет иранский вопрос. Опасения, высказанные в Организации Объединенных Наций, относительно соблюдения сроков вывода советских войск — в течение шести месяцев с момента окончания войны — были не безосновательны. После окончания войны в Азии в Иранском Азербайджане, который входил в советскую зону оккупации, начались антиправительственные демонстрации, советские войска воздержались от их подавления, но даже англичане и американцы не заняли по отношению к ним жесткой позиции. Вдохновленные

этим, представители демократической партии Азербайджана, то есть компартии этой провинции, как и коммунистической партии, действовавшей во всем Иране (партии Туде), в декабре 1945 г. при поддержке нескольких тысяч выходцев из соседнего советского Азербайджана, свергли иранского правителя в Тебризе и провозгласили автономную республику. Началось осуществление социальных преобразований по советской модели. Более того, из Азербайджана волнения перекинулись в курдские провинции Ирана.

Потрясенное этими событиями, иранское правительство запросило вмешательство ООН, но не добилось реального результата. Вследствие этого в апреле 1946 г. правительство Тегерана было вынуждено заключить соглашение непосредственно с правительством Москвы, согласно которому в обмен на обещание вывода советских войск (которое произошло до 9 мая, на два месяца позже изначально предусмотренного срока) учреждалась кампания со *смешанным* капиталом (51% акций принадлежал Советам и 49% иранцам) для эксплуатации нефтяных ресурсов региона, при этом признавались особые интересы СССР в этой зоне. Кроме того, шахское правительство предложило коммунистической партии три министерских портфеля в правительстве Тегерана. Все эти соглашения и концессии были подписаны под давлением неблагоприятных обстоятельств в ситуации изоляции, в которой оказались иранцы. Возможно, Сталин раскаивался в своих поспешных действиях, когда спустя несколько месяцев восстание в Азербайджане вспыхнуло с новой силой, а позже меджлис, иранский парламент, отказался ратифицировать соглашения по нефтяным концессиям. С тех пор отношения между Ираном и Советским Союзом ухудшились на длительное время. В цепи геополитических событий, которую мы здесь пытаемся восстановить и очевидную для политических деятелей той эпохи, этот эпизод, ставший поражением для Сталина, добавлял еще одно звено, подтверждавшее стремление Советов отодвинуть границу их сферы влияния, установленную войной в регионе Персидского залива, богатого нефтью.

Затем обратимся к Азии. Мощное коммунистическое проникновение наблюдалось в Бирме, Таиланде и Вьетнаме: в первых двух странах отряды партизан вели войну в джунглях, во Вьетнаме организованные силы коммунистов доставляли много хлопот французам. Эти территории граничили не с Советским Союзом, а с Китаем; то, что происходило в Китае, не могло не вызывать тревоги. Поскольку Сталин продолжал признавать националистическое правительство Чан Кайши, то обострение гражданской войны и заметные успехи коммунистов в условиях, когда у власти

находилась коррумпированная, слабая в военном отношении и не способная консолидироваться партия Гоминьдан, позволяли предвидеть грядущие серьезные перемены. Кроме территорий, переданных, согласно Ялтинским договоренностям, Советскому Союзу за счет Японии, сохранялись проблемы в Северной Корее, где складывалась ситуация, похожая на германскую, но где Советы меньше испытывали давление международного контроля и сумели быстро поставить у власти администрацию коммунистического образца.

Таким образом, в целом, впечатление, что Советский Союз вышел из войны очень ослабленным и должен был бы полностью сосредоточиться на вопросах внутренней реконструкции, следует скорректировать, так как Сталин стремился удовлетворить свои амбиции в достижении абсолютной безопасности. Амбиции в достижении абсолютной безопасности или в дальнейшей экспансии советской державы? Существовала ли агрессивная политика СССР или существовала только необходимость консолидировать то, что уже было достигнуто? В таких случаях важно, прежде всего, знать, как подобная деятельность воспринималась бывшими союзниками: им не понадобилось много времени, чтобы изменить свою оценку намерений советского диктатора. Уже через несколько месяцев они увидели в его действиях стремление к мировому господству, которое опиралось на деятельность во всем мире коммунистических партий, связанных с Москвой и активно выступавших в защиту политики, осуществлявшейся кремлевским лидером. Даже самые сдержанные аналитики из американского генерального штаба уже в феврале 1946 г. пришли к заключению, что целью Советов было не революционное социальное восстание, а безопасность СССР. Советская концепция предполагала обеспечение высокого уровня безопасности: достижение защиты СССР, как писал Даниэль Ергин, «от любого вызова объединенных западных держав».

Весь этот геополитический аспект представлен нами здесь несколько искусственно с целью показать, что одновременно происходило в достаточно далеких областях и объяснить, как параллельно формировался ответ Запада. Этот ответ, изначально интуитивный и скорее в форме нескоординированных реакций, которые плюралистические демократии противопоставляли целостному плану единоличного правителя, сконцентрировался на критических проблемах, вызванных акциями Советов в разных регионах. Все это затем переплелось с важной темой борьбы с колониальной системой: значение этой проблемы Советы поняли не сразу и, возможно, позже американцев, но эта проблема в значительной

мере повлияла на принятие решений как западными правительствами, так и правительством Москвы.

В Европе показательным стал казус Германии, а в Азии — казус Кореи, у границ которой происходили грандиозные преобразования в Китае. Именно вокруг этих двух важных проблем развернулись события мирового значения, которые в обстановке растущего напряжения заставили говорить о холодной войне и способствовали перерастанию гонки атомных вооружений в соревнование за такое ядерное превосходство, что конфликт все больше приобретал характер военного противостояния. Дальнейшее распространение советского влияния заставляло американцев задуматься, как преобразовать атомное превосходство в инструмент достижения немедленных результатов; т.е. необходимо было выяснить, можно ли использовать против Советов «атомную дипломатию», чтобы поставить их в затруднительное положение.

8.2.3. МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ С МАЛЫМИ ДЕРЖАВАМИ «ОСИ»

Первый ответ на поставленный вопрос был дан на сессии Совета министров иностранных дел, созданной в Лондоне 11 сентября 1945 г. для обсуждения мирного договора с Италией и малыми государствами-союзниками Германии, т.е. Венгрией, Румынией, Болгарией и Финляндией. Договор с Италией подлежал рассмотрению первым, он затрагивал наиболее трудные политические вопросы и вызвал ожесточенную дискуссию. Это было связано с тем, что договор касался средней по масштабам страны, которая могла гордиться почти двухлетними союзническими отношениями с государствами антигитлеровской коалиции. К тому же она первая освободилась от фашизма и объявила войну Германии и Японии, введя в действие регулярную армию и силы Сопротивления на территории Италии и Югославии. Короче говоря, дискуссия о договоре с Италией могла бы вызвать ожесточенные споры. На более отдаленное время была запланирована дискуссия по другим мирным договорам. Поскольку они касались стран, находившихся в зоне военного преобладания Советов, то и обсуждались при этом не столько международные аспекты, сколько важные политические вопросы, так как в каждой из этих стран параллельно переговорам о мире формировались правительственные коалиции, которые, по мнению западных держав, находились под жестким советским контролем.

Именно в этой сфере западные представители, в частности Бирнс, развернули дипломатическое наступление. Для повестки

дня сессии западные деятели подготовили список вопросов, в котором первым пунктом предусматривалось обсуждение ситуации в Румынии. Речь шла не о мирном договоре, а об анализе полемики, возникшей в Союзнической контрольной комиссии, где Советы в соответствии с прецедентом, созданным англичанами и американцами в Италии в 1943 г., вели себя абсолютно независимо, не обращая внимания вначале на жалобы, а затем на все более энергичные протесты английского и американского представителей, и таким не очень джентльменским образом навязали советскую волю королю Михаяу.

Предложение обсудить румынский вопрос вызвало очень жесткую реакцию со стороны Молотова, который добился отмены этого пункта, угрожая в противном случае не участвовать в дискуссии по проектам, подготовленным британцами в отношении Италии. Уже с первых шагов было ясно, что Бирнс и вообще американцы глубоко ошибались, надеясь найти в Советах более покладистых партнеров по жизненно важным для них вопросам в расчете не провоцировать резкую реакцию новой американской мощи.

Нельзя сказать, что эти первые шаги предвещали удачное начало Лондонской сессии. В течение ее работы Бирнс пытался смягчить позицию Молотова, но на все повторные просьбы Советы отвечали в соответствии с Ялтинской декларацией об освобожденной Европе. Единственное, чего добился Бирнс, так это того, что они подняли цену за свое сотрудничество, потребовав учредить Союзническую контрольную комиссию также для Японии, находящуюся тогда под единоличным управлением генерала Макартура.

В этой обстановке началась дискуссия по проекту, касавшемуся Италии. Великобритании было поручено подготовить проект договора с Италией, уже в начале сентября она ознакомилась с выработанным текстом другие заинтересованные делегации. Проблема заключалась в том, чтобы в нем нашло отражение обещанное американцами правительству Рима, т.е. «справедливый мир», который учитывал бы вклад Италии в борьбу с нацизмом. Исключая технические решения большой, но временной значимости (относительно разоружения, демилитаризации определенных частей итальянской территории или репараций), некоторые вопросы стали проверкой для победителей, сумеют ли они найти компромисс для ситуаций, в которые сами они не были вовлечены.

В самом деле, в договор с Италией входили положения, не имевшие первостепенного значения, но вызвавшие острые споры, по крайней мере, это относилось к колониям и к вопросу ус-

тановления северных границ Итали: с Францией, с Австрией и, прежде всего, с Югославией. С Францией, потому что правительство Парижа, смягчив весной 1945 г. свои претензии на Валле-Д'Аоста, очень жестко потребовало небольших территориальных изменений вдоль Альпийского хребта, в районе Брига — Тенды, и настаивало на этом требовании. Поддержка Италии Францией по всем другим вопросам мирного договора была обусловлена удовлетворением этого требования. Граница с Австрией — потому, что в связи с возрождением независимой Австрийской республики, возник вопрос о будущем района Альто Адидже (Южный Тироль), который Советы упрямо считали уступкой Австрии, в то время как другие державы, в частности Соединенные Штаты, склонялись к решению вопроса посредством плебисцита. Граница с Югославией — потому, что разрыв между спорными позициями — то есть намерениями Югославии и ожиданиями Италии, были весьма значительными.

Итальянцы знали, что их ожидают территориальные потери, что предстоит вернуть Словении и Хорватии территории, где проживали словенцы и хорваты; они знали также, что должны заплатить ценой территорий и экономических потерь за фашистскую агрессию 1941 г. Тем не менее, они надеялись преодолеть эти трудности, используя этнические линии, намеченные в 1919 г. американцами, англичанами и французами, которые оставляли Италии большую часть, если не все западное побережье Истрии с многочисленными небольшими портами, населенными большей частью итальянцами. Югославы, в свою очередь, решительно потребовали передачи им всей области Венето-Джулия, вплоть до Монфальконе и Гориции, а также небольшой части итальянской территории в Тарвизио. Ни одна из двух сторон не участвовала непосредственно в этой фазе переговоров, но итальянские предложения нашли достаточно решительных защитников в лице западных держав, а югославы получили твердую поддержку со стороны Советов, которые считали приобретение дружественной страной порта Триест стратегической удачей исключительной важности.

Наряду с этими вопросами обсуждалось будущее бывших итальянских колоний: Эритреи, Сомали, Ливии и островов Додеканеса. На Эритрею выдвигала свои претензии Эфиопия; Додеканес по этническому характеру населения должен был перейти к Греции, несмотря на то, что архипелаг до 1912 г. принадлежал Османской империи; неопределенной была судьба Сомали, к которому проявляли интерес англичане, но участники сессии СМВД скорее были склонны учесть пожелания Италии. Еще более неясной была судьба Ливии, в особенности после того, как Советы,

ссылаясь на принцип компенсации ущерба, понесенного вследствие участия Италии в нацистской агрессии, требовали не только возмещения урона от военных действий, но и предоставления им опеки над этой территорией или другими бывшими итальянскими колониями, чтобы получить возможность проникнуть в Африку и, как подозревали американцы, приблизиться к конголезскому урану, во всяком случае, получить базы в Средиземноморье в соответствии с новой стратегией присутствия в этом регионе.

Вопрос о границах с Югославией и вопрос о колониях наметил четкую демаркационную линию между тем, что требовали Советы, и тем, что западные державы склонны были уступить. Дело было уже не в договоре с Италией, а в тех последствиях, которые, в результате удовлетворения советских требований, могли бы повлиять на ситуацию, особенно в Средиземноморье, а также на положение в Африке и на контроль над добычей минеральных ресурсов вообще. Напряжение быстро нарастало, и уже невозможно было достигнуть какого-либо соглашения, оставалось лишь поручить группе экспертов изучить вопрос об итало-югославской границе. В вопросе о колониях западные державы проявили твердость, англичане и американцы постарались не допустить, чтобы в этой сфере Советы добились даже минимального выигрыша.

Переговоры о мирном договоре с Италией отражали невозможность достижения компромисса относительно Балканских стран. Именно по этому вопросу во второй половине 1945 г. выявились серьезные противоречия между двумя сторонами, что укрепило сомнения американцев в возможности сотрудничества с Советским Союзом. Вопрос затрагивал не только три страны, бывших участниц «Оси», а всю Восточную Европу, поскольку советская политика рассматривалась и оценивалась западными державами как нечто целостное, как плод великодержавных намерений и единого плана, а такая политика требовала организованного отпора, хотя объективно сталинская политика, возможно, и была иной. Следует подчеркнуть эту склонность Запада не видеть разнообразия подходов Советского Союза к проблемам различных европейских стран, находящихся под его контролем, что дало результат, противоположный желаемому, т.е. западные державы подтолкнули Советский Союз к формированию в Восточной Европе однородного блока, полностью разделявшего позиции Сталина.

Результат этот не был единственно возможным, и при ином отношении западных держав он мог бы быть совершенно другим. Иначе говоря, если невозможно было обсуждать со Сталиным проблемы обеспечения безопасности и неприкосновенности гра-

ниц советских «владений», то оставался открытым вопрос, неизбежно ли было создание подобного блока или был допустим некий *modus procedendi*, при котором международное преобладание СССР могло бы сочетаться с относительным различием ситуации в странах-сателлитах, оставляя им некоторую свободу выбора по внутренним вопросам. Короче, была ли неизбежной сталинизация Восточной Европы или иное развитие отношений между участниками агонизирующего военного союза помогло бы избежать подобного результата?

Если анализ проблемы и имел место в годы холодной войны и вплоть до недавнего времени, то ответ на эти вопросы обычно бывал четким и однозначным. Сталин сказал однажды Миловану Джиласу, одному из крупнейших деятелей югославской компартии и ближайшему в те годы сподвижнику Тито (Джилас рассказывает об этом в своих мемуарах): «Эта война отличается от всех предыдущих: кто занимает территорию, тот устанавливает свой собственный общественный строй. Каждый вводит свою систему там, куда вступает его армия. Иначе и быть не может».

На основании этой фразы, сказанной во время долгой беседы, содержавшей также и остроумные ответы, были сделаны категоричные выводы, будто бы в этой фразе кратко изложена предварительно продуманная концепция, а не просто случайное рассуждение. Однако, ни одна из гипотез не может быть исключена. *A posteriori*, «монолитная» интерпретация представляется наиболее вероятной. Тем не менее, как недавно отметил Войтех Мاستны, методы формирования советского блока были весьма далеки от того, чтобы подтвердить столь последовательную и однозначную установку. Слишком много примеров неуверенности и колебаний говорят о том, что в действительности советское внимание к странам Восточной Европы было различным по степени заинтересованности; Сталин и Черчилль в октябре 1944 г. пытались представить это в процентном соотношении. Польша, Румыния и Болгария были для Советов абсолютным приоритетом; Чехословакия, Венгрия, Албания, Югославия и Финляндия относились к другой категории, что и проявилось в практической политике.

8.2.4. ПОЛИТИКА СТАЛИНА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В Польше после миссии Гопкинса мая 1945 г. было в июне сформировано правительство, в состав которого вошел 21 министр, 16 из них были членами Люблинского комитета, остальные представителями эмиграции, либо других «буржуазных» партий. Президентом республики стал коммунист Берут; премьер-мини-

стром был назначен социалист Осубка-Моравский, вице-премьерами — лидер коммунистов Гомулка и главный представитель правительства в изгнании — Миколайчик, который согласился лично проверить устойчивость компромисса. Значительная часть партий участвовала в формировании правительства добровольно, другая часть вошла в польскую политическую систему, воплощая проект компартии об использовании разных форм и для сохранения видимости плюрализма.

Согласно Ялтинским соглашениям, это правительство должно было организовать «как можно быстрее» всеобщие выборы. Коммунисты, которые в конце 1946 г. объединились с социалистами в Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП), пытались выступить на выборах единым списком, включив в него также и «буржуазные» партии. Однако им не удалось осуществить свои намерения в отношении наиболее авторитетной партии — Польске странництво людове, которую как раз и возглавлял Миколайчик. Постоянная работа в правительстве выявила и подпитывала возникшие разногласия. Постепенно, но непреклонно манипулируя избирательными списками, контролируя средства пропаганды, прибегая к арестам, ПОРП стала ведущей партией в демократическом блоке, который готовил выборы. Ситуация была противоречивой: внешне казалось, что коалиционное правительство противостоит этому давлению, фактически уже во второй половине 1945 г. Польша оказалась под жестким контролем.

Во имя защиты высших советских интересов польское коалиционное правительство 19 сентября 1945 г. подтвердило ответственность Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанного Люблинским правительством 21 апреля, т.е. до окончания войны, и направленного против Германии. Договор содержал статью, которая обязывала договаривающиеся стороны, и в первую очередь Польшу, не подписывать соглашений с третьими странами, направленных против другой стороны. Но ситуация в Польше была особой: от Рузвельта до Черчилля и Трумэна все западные правительства не добивались от польского правительства, чтобы оно соблюдало плюрализм по существу, а не только по форме. Таким образом, судьба страны была предопределена со второй половины 1943 г. Уже в 1944 г. Люблинское правительство приняло декрет о национализации промышленности; в июне 1946 г. новое коалиционное правительство провело референдум о ликвидации сената и создании однопалатного парламента, о признании новых границ Польши и одобрении аграрной реформы, а также о «конфискации основных отраслей экономики».

Миколайчик выступил против ликвидации Сената, он получил по этому вопросу поддержку 75% участвовавших в референдуме и провалил предложение коммунистов. Тем не менее, коммунистические руководители воспрепятствовали признанию подлинных результатов референдума и сфабриковали ложные. Затем коммунисты, объединившись с социалистами, почувствовали себя достаточно уверенно для победы на выборах, которые были назначены на январь 1947 г. и обеспечили 90% мест «демократическому блоку». Опозиция была поставлена в такие политические условия, что Миколайчик, даже будучи избранным в парламент вместе с другими 26 депутатами своей партии, вынужден был покинуть Польшу в октябре того же 1947 г.

Формально иной была ситуация в Румынии и Болгарии, в двух побежденных странах, в которых осуществлялась военная оккупация под управлением союзных контрольных комиссий. В 1945 г. внутри этих комиссий американские представители после этапа их относительного равнодушия стали оказывать давление, чтобы добиться непосредственного участия в реорганизации правительств Румынии и Болгарии. Положение было, в сущности, урегулировано соглашением между Сталиным и Черчиллем, однако в нем не участвовали Соединенные Штаты; американские представители апеллировали больше к ялтинской Декларации об освобожденной Европе. Но этот аргумент на практике был неэффективным, его ослабляли неоднократные заявления Советов о возможности применять к этим двум странам те же критерии, согласно которым Союзная комиссия действовала в Италии: тот, кто оккупировал, нес военную ответственность и осуществлял контроль, тот и должен был обладать почти исключительной властью.

Таким образом, выявилось значение «итальянского прецедента», но его повторение в новом климате 1945 г., особенно после Ялты и после кончины Рузвельта, неоднократно порождало столкновения между советскими военными и дипломатами и американскими военными и дипломатами, которых более или менее спонтанно поддерживали англичане.

Первый конфликт произошел в Румынии, где было много причин для трений, особенно после того, как 27 февраля 1945 г. советский заместитель министра иностранных дел Вышинский, воспользовавшись организованными на площади демонстрациями против умеренного монархического правительства генерала Радеску, в грубой и ультимативной форме заставил короля Михая отправиться в отставку Совет министров, сместить Радеску и поставить во главе кабинета другого «буржуазного» деятеля Петру Гроза.

6 марта Гроза сформировал коалиционное правительство, в котором доминировали коммунисты. Американцы отказались признать новое правительство, протестуя против методов его формирования. Спустя несколько дней после создания правительство Гроза, используя вполне обоснованные аргументы, объявило 22 марта о проведении радикальной аграрной реформы.

Американская дипломатия безуспешно пыталась изменить положение вещей, поддерживая короля и его слабое сопротивление правительственным мерам. Но любая попытка реорганизовать правительство Гроза, предложенная американскими представителями в Контрольной комиссии, решительно отвергалась Советами. После напряженных споров на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел Трумэн поручил американскому послу в Москве Гарриману встретиться непосредственно со Сталиным, который в то время отдыхал в Крыму. На этой встрече, состоявшейся 24 и 25 октября 1945 г., было решено созвать в декабре в Москве Совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, но на ситуацию в Румынии оно не повлияло. Внешняя респектабельность правительства Гроза была омрачена инцидентами 8 ноября 1945 г., когда вооруженные отряды открыли огонь по нескольким тысячам манифестантов, по традиции столпившимися под стенами королевского дворца, чтобы приветствовать короля по случаю его именин. Политический характер демонстрации был очевиден, но столь жестокие репрессивные меры лишь усилили впечатление, что правительство Гроза, направляемое Советами или желающее им угодить, не церемонится в выборе средств. Эти инциденты не способствовали развитию добрых отношений между победителями. Они произошли после договоренности возобновить дискуссии по мирным договорам, а также после выступления президента Трумэна 27 октября в Нью-Йорке, где он произнес свою первую важную программную речь по вопросам внешней политики.

Трумэн в этом выступлении отметил, в частности, что расхождения во мнениях и противоречия между победителями после окончания военного конфликта являются неизбежными, и высказал соображение, что «между победителями (в тот момент) не было никаких столкновений интересов, которые имели бы настолько глубокие корни, что бы их нельзя было разрешить», сочетая «терпимость и твердость». Между тем, он выделил, как один из опорных пунктов своей международной деятельности, следующий принцип: «Мы отказываемся признавать любое правительство, силой навязанное какому-либо государству другой державой. В определенных случаях бывает невозможно воспре-

пятствовать насильственному установлению таких правительств. Но Соединенные Штаты никогда не признают их».

Позиция Америки была позицией выжидания, американцы слабо реагировали на польские события, но достаточно резко на румынские или на то, что происходило в Балканских странах. В Болгарии Патриотический фронт, который руководил Соппротивлением и в котором ведущую роль играли коммунисты, сразу после заключения мира создал правительство патриотического единства под руководством военного, полковника Симона Георгиева, выходца из группы Звено, ранее занимавшей крайне правые позиции, а затем выступившей вместе с коммунистами. Это объединенное правительство продолжало свою работу до осени 1946 г., но его состав постоянно изменялся, в результате чего за короткий срок оно попало под контроль коммунистов. Достаточно вспомнить, что после подписания мирного договора задача по поддержанию порядка была поручена милиции, прямому порождению Соппротивления. Быструю и радикальную чистку осуществили без промедления: свыше 2000 осужденных были приговорены к смертной казни, среди них принц- регент Кирилл.

Выборы были подготовлены быстро, в них участвовали партии, не имевшие четкой организации, и блок под вывеской Патриотический фронт, который на выборах 18 ноября собрал почти 90% голосов. Но именно эти выборы, ставшие прелюдией к установлению полного контроля коммунистов над правительством, послужили для американцев основанием оказать давление в связи с нарушениями, допущенными во время избирательной кампании. Тем не менее, победители в течение всего периода переговоров о мирных договорах, сохраняли открытый характер режима, многопартийную коалицию, которая больше по форме, чем по существу, свидетельствовала об отсутствии ужесточения сталинского контроля над Софией.

Вне советской территории такие страны, как Болгария, были связаны с Россией традиционными узами; другие страны Дунайско-Балканского региона должны были избрать свою судьбу, но на практике это относилось только к Чехословакии и Венгрии. В Албании после отхода последних германских солдат, партизаны-коммунисты контролировали всю территорию, за исключением отдельных горных районов, которые удерживали сторонники бывшего короля Зогу. С конца 1944 г. коммунистические отряды изгнали эти формирования, и они перестали пользоваться влиянием. Генеральный секретарь партии труда (т.е. коммунистической) Энвер Ходжа, уверенный, что контролирует всю страну, создал Демократический фронт, который уже 2 декабря 1945 г. одержал

победу на выборах, получив большинство в 93% голосов. С тех пор Ходжа сумел противодействовать заговорам своих противников (например, начальника политической полиции Кочи Дзодзе, пользовавшегося поддержкой Сталина) и попыткам политических переворотов вплоть до самой своей смерти в 1985 г. Централизованный по сталинскому образцу режим существовал до 1990 г., когда правительство Тираны неуверенно приступило к первым реформам, на которые оказала влияние нестабильная ситуация в Югославии.

Ялтинские соглашения предусматривали также возврат Югославии к плюрализму. В марте 1945 г. маршал Тито сформировал правительство национального единства, в котором пост министра иностранных дел занял Шубашич, а другие посты были отданы представителям различных национальностей Югославии. Практически из 28 министров 23 были коммунистами. Тито чувствовал себя подлинным освободителем собственной страны от немцев и не был более склонен следовать советским рекомендациям, в особенности после кризиса, связанного с занятием Триеста. Он не считал, что процесс утверждения его личной власти и гегемонии коммунистической партии должен проходить поэтапно и постепенно. В течение нескольких месяцев была проведена жесткая и суровая чистка и приняты первые нормы, подавляющие свободы. На 11 ноября 1945 г. были назначены выборы в Учредительную скупщину, на которых предлагался только один список — кандидатов Народного фронта, и хотя 10% избирателей воздержалось от голосования, победа Народного фронта была триумфальной — он получил 90% голосов участвовавших в выборах. 29 ноября Учредительная скупщина на своем первом заседании провозгласила рождение Федеративной Народной Республики Югославии.

Таким образом, именно в Албании и Югославии советское влияние должно было бы быть меньшим, но политическое развитие шло в направлении укрепления коммунистической монолитности. Было ли это именно то, к чему стремились Советы? Учитывая происходившее в Польше, Болгарии и Румынии, следует ответить нет. Поспешность вызывала тревогу. В двух Балканских странах и, в особенности, в Югославии репрессии Тито против оппозиционеров, против священников вообще и против хорватской католической церкви, в частности, вызывали тревогу и опасения относительно того, что же подобные режимы могут еще сделать на остальной территории, находившейся под советским влиянием. Это создавало трудности для дипломатии Москвы, которая старалась держать открытыми каналы переговоров и убедить американцев признать польское правительство (что и произошло

в октябре 1945 г.), но в особенности правительства Румынии и Болгарии, которые в декабре 1945 г. еще не были признаны. Поспешность плохо сочетается с заранее продуманным планом, она, скорее, противоречит ему, поскольку для такого плана характерны постепенность и соответствие здравому смыслу.

Красноречивыми примерами такого рода были Чехословакия и, в еще большей степени, Венгрия. В самом деле, казус Чехословакии не имел и, казалось, не должен был иметь особых характерных черт. Пражское правительство принадлежало к группе стран-победительниц, восстановленных после войны и решивших вернуться к демократическому парламентскому режиму, а во внешней политике — к тесному сотрудничеству с Советами. Во время визита в Москву Бенеша в декабре 1943 г. был подписан договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией. Бенеш внезапно предложил Сталину и Молотову взять Чехословакию под советское покровительство, обещав не принимать каких-либо решений во внешней политике без предварительной консультации с правительством Москвы. Таким образом, уже тогда были заложены основы событий 1948 г.

В такой ситуации Бенеш в апреле 1945 г. вернулся в страну и поручил социал-демократу Фирлингеру руководство коалиционным правительством, где коммунистам принадлежало 8 министерств из 25, (важнейшее из них — министерство внутренних дел — было поручено Клементу Готвальду), коммунисты получили также министерство информации. 5 апреля правительство Фирлингера распространило программный манифест подчеркнуто реформистского и демократического содержания. Выборы были перенесены на май 1946 г., но политическая жизнь возобновилась в своих обычных формах, несмотря на послевоенную напряженность и последствия отделения Словакии во время войны. За всем этим последовал суд над монсеньором Тиссо, приговоренным к смертной казни, и другими коллаборационистами. Именно в связи с этими событиями проявились первые симптомы враждебности к католической церкви и первые признаки определенной склонности к инквизиторским методам, которые превышали потребности антифашистской чистки. Тем не менее Запад смотрел на Чехословакию как на модель сосуществования, показавшую возможность участия в правительстве таких людей как Массарик, сын экс-президента республики, как Бенеш в качестве главы государства, не представляя, что эти деятели спонтанно сделали свой выбор, обусловленный, возможно, горькими воспоминаниями 1938 г.

То же самое относится и к венгерским событиям, потому что после выхода из войны и советской оккупации Венгрия была страной, где несмотря на существовавший политический вакуум, скрытое напряжение и непримиримость партий, политическая жизнь в течение всего 1945 г. развивалась достаточно нормально в соответствии с требованиями времени. В Венгрии, единственной из всех стран Центральной Европы, к которым была обращена ялтинская Декларация об Освобожденной Европе, дважды прошли «совершенно свободные и справедливые» выборы и оба раза коммунистическая партия потерпела сокрушительное поражение. Она была единственной страной, в отношении которой разногласия между представителями держав в Контрольной комиссии не достигали такой остроты, как в отношении Румынии и Болгарии, она была также единственной страной, за которой единодушно без каких-либо трудностей всеми державами был признан «сертификат» на демократичность. Ведущие партии Венгрии достигли согласия о необходимости осуществления аграрной реформы и скорейшего проведения выборов; к тому же коммунисты не были намерены создать, как обычно, Народный фронт, поскольку в этом вопросе их сдерживали Советы.

22 декабря 1944 г. было сформировано Временное национальное правительство, продержавшееся у власти до 15 ноября 1945 г., его возглавил генерал-полковник венгерской армии Бела Миклош, а в состав входили правительства еще двое военных и представители разных партий, в том числе двое коммунистов. В октябре 1945 г. состоялись выборы в органы городского управления Будапешта. Коммунисты, возглавляемые Матиасом Ракоши, надеялись добиться показательного успеха, который увлек бы за собой всю страну, но на выборах потерпели позорный провал, «столь же сокрушительный, сколь и неожиданный». В течение некоторого времени они намеревались прибегнуть к силе; затем пытались исправить положение, реорганизовав правительство. Теперь пост министра внутренних дел получил Ракоши, но ему этого удалось добиться только при условии, что министра фланкировали два государственных секретаря от других партий, один из которых, представитель партии мелких сельских хозяев, курировал полицию: этот компромисс помог удержать трудно сложившееся равновесие. Парадоксально, но ситуация в Венгрии не способствовала усилению напряженности международной обстановки, а представляла один из элементов возможного согласия и компромисса.

Всеобщие выборы, от участия в которых были отстранены только «коллорационисты», состоялись 4 ноября 1945 г. и принесли успех партии мелких сельских хозяев (57% голосов и 246 мест),

в то время как коммунисты получили только 70 мест. Новое правительство, возглавляемое сначала Зольтаном Тильди, а с февраля 1946 г. Ференцем Надем (не путать с представителем коммунистов Имре Надем), было многопартийным коалиционным правительством, оставшимся у власти до 31 мая 1947 г.

Таким образом, накануне возобновления работ Совета министров иностранных дел венгерская ситуация была весьма неоднозначной в сравнении с положением в других странах Восточной Европы, и не отражала мнение, что венгерский казус якобы был окончательно решен и не могло быть и речи о включении страны в советскую орбиту. Конечно, советское присутствие было господствующим, но положение в Венгрии (как и в Финляндии) представляло одну из моделей советского политического влияния, которое оно могло бы принимать в обстановке международного сотрудничества. Иначе говоря, Венгрия стала образцом для тех, кто намерен был утверждать, что сталинизация зоны советского влияния не была неизбежной. Премьер-министр Надь это прекрасно понимал, когда предлагал «поддерживать как можно более тесные отношения с Россией», не надеясь на достаточно эффективную помощь Запада, и сознавая, что, «успех или провал венгерского демократического эксперимента зависят окончательно от силы воли, то есть от эволюции отношений между великими союзными державами: чем более напряженными они будут, тем хуже станут отношения в Будапеште между отдельными компонентами правительственной коалиции» (как писал Бруно Арчидиаконо).

Общие замечания о странах, контролируемых или находившихся в зависимости от Советского Союза, не дают исчерпывающей картины того, что происходило в каждой из них, но позволяют представить достаточно четко общую картину событий в каждой из них в начале наиболее сложной фазы переосмысления внутренних отношений в огромном содружестве и в то же самое время объясняют ход Московского совещания министров иностранных дел трех держав.

8.2.5. К КОМПРОМИССУ О МИРНЫХ ДОГОВОРАХ С МАЛЫМИ ДЕРЖАВАМИ

Работа Московского совещания продолжалась с 16 по 27 декабря 1945 г. и, в отличие от Лондонской сессии СМВД, завершилась достижением компромисса. Чтобы понять, почему это соглашение стало возможным и какова была вызванная им реакция, необходимо учесть одно особое обстоятельство. После своего

«полного» провала в Лондоне Бирнс решил отказаться от метода «атомной дипломатии» и вернуться к дипломатии компромиссов, которая была результативной для обеих сторон. Он продолжал двигаться в этом направлении в одиночку, поскольку его сотрудничество с Трумэном было нелегким и ненадежным. Еще менее он мог рассчитывать на доброе расположение государственного департамента, где число сторонников жесткой политики в отношении СССР постоянно возрастало.

Бирнс, напротив, считал, что вести с Балканского полуострова позволяют увидеть слабый луч надежды, хотя и вызывают озабоченность. Чтобы лучше понять реальность не только по официальным докладам, он решил послать осенью 1945 г. специальную миссию в Болгарию, Румынию и СССР, которая состояла из двух его представителей — Марка Этриджа, журналиста и политика *либеральных* взглядов и с большим опытом, и вместе с ним Сирила Блэка, молодого историка из Принстона. После длительной поездки в страны, находившиеся под советским контролем, они представили Бирнсу более чем пессимистический доклад. Его суть заключалась во фразе, которая определяла как «опасную и нереальную» любую попытку компромисса с Советами в отношении какой-либо оккупированной ими территории. Только жесткая политика могла бы принести некоторые результаты, потому что иных средств заставить Москву задуматься не было.

Бирнс не довел этот доклад до сведения общественности, напротив, полагал, что в нем содержались элементы, позволяющие осуществить некоторый маневр. Он считал, что в соответствии с линией поведения, выработанной Рузвельтом, возможно добиться существенного успеха и восстановить климат Ялты, изменить ход событий, ведущий к конфликтам, и взять курс на достижение компромисса. Это, по его мнению, позволило бы начать диалог между странами-победительницами не только в отношении Балканских стран или Италии, но и по такому сложному вопросу как мирный договор с Германией, заключение которого было невозможно без соответствующих гарантий и взаимных уступок.

Во время работы Московской совещания Бирнс, исходя из этого мнения, пытался лично убедить Сталина, что возможны некоторые изменения в румынском и болгарском правительствах, и это устранило бы причины их непризнания Соединенными Штатами Америки; в обмен он обещал создание Союзнической комиссии для Японии, в которую входил бы и Советский Союз. Это была по существу сделка, лишенная конкретного содержания, но она весьма облегчила достижение компромисса по процедуре подготовки мирных договоров, которые должны были стать

едиными и превратить договор с Италией в специфический казус в связи с систематическими требованиями Советов в отношении стран Восточной Европы. Было решено, что мирная конференция для окончательного подписания текстов договоров состоится в Париже в мае 1946 г.

Бирнс вернулся домой, убежденным, что добился хороших результатов, к тому же первая реакция общества и отдельных лиц подтверждала его впечатление. Как пишет Бирнс в своих мемуарах, Трумэн, который захотел принять его сразу после возвращения в Вашингтон, неоднократно выражал свое одобрение; из всех советников президента только адмирал Леги выразил недовольство компромиссом, достигнутым относительно Болгарии и Румынии. У Бирнса было мало времени, чтобы осмыслить эту реакцию, потому что после краткого пребывания на родине ему предстояло отправиться в Лондон, где должно было состояться открытие первой сессии Организации Объединенных Наций. В действительности у него было много причин для беспокойства, потому что именно в это время обострились дебаты в американской администрации. Он сам невольно способствовал этому, пойдя на компромисс с Москвой. Последний был оценен как уступка, не получившая достойной компенсации, бесполезная политическая акция, заслуживавшая порицания, или, как выразился Джордж Кеннан, «это был фиговый листок демократических процедур, который прикрывал срам сталинской диктатуры».

Сообщения, поступавшие из Восточной Европы, хотя и были несколько смягчены информацией из Чехословакии и Венгрии (но даже они не были лишены некоторой озабоченности), заставляли переосмыслить основные направления американской внешней политики и постепенно убедили подавляющую часть американского истеблишмента в необходимости смены курса.

Этот поворот, конечно, имел глубокие причины: большая часть американского истеблишмента питала глубокую неприязнь в отношении советского коммунизма — она была уверена, что военное сотрудничество было лишь вынужденным эпизодом и его необходимо как можно быстрее завершить. Это мнение было широко распространено в двух группировках американского общественного мнения: на правом фланге его представляла республиканская партия, а на левом — *либеральные* демократы.

Республиканцы подвергали критике Советы и мнимую слабость Трумэна, но более всего Бирнса. Для *либеральных* демократов были неприемлемы какие-либо компромиссы в вопросе о демократических нормах. Эти настроения подкреплялись как информацией дипломатического характера, так и сообщениями о развитии

событий внутри советской системы. Жесткость и неисполнение ялтинских договоренностей; очевидная склонность советских властей оказывать поддержку коммунистическим партиям в оккупированных странах; принятие законодательства о реформах по советской модели там, где складывался перевес сил; совершенно очевидные ограничения религиозной жизни и, в некоторых случаях, преследования священников и представителей церковной иерархии; ограничения политических свобод — все это маскировало основную цель советской политики: стремление к безопасности, которым руководствовался Сталин; все это придавало его политике характер неоправданного произвола. Казалось, американцы пассивно воспринимали сложившуюся ситуацию, но в целом их политика предусматривала важные экономические соглашения. Фактически страны Восточной Европы, а также и СССР, оставались вне экономического объединения под американской эгидой. Со своей стороны Советский Союз заключил торговые соглашения в марте 1945 г. с Болгарией, в мае — с Румынией, в августе — с Венгрией, которые послужили прелюдией к созданию в январе 1949 г. Совета Экономической Взаимопомощи, известного под аббревиатурой СЭВ.

8.2.6. К «ЖЕЛЕЗНОМУ ЗАНАВЕСУ»

Период с января по март 1946 г. был отмечен чередой кризисных моментов. Когда Бирнс вернулся из Москвы, Трумэн принял его, не проявляя недовольства, но у него уже копилась досада на государственного секретаря. Президент не одобрял его методы, упрекая Бирнса в том, что тот недостаточно последовательно выполнял директивы Белого дома. Возможно, это так происходило по причинам личного характера (Трумэн узнал о предложении занять пост вице-президента, когда большая часть американского политического истеблишмента ожидала, что выбор падет на Бирнса), возможно в силу независимого характера самого Бирнса, который считал, что может самостоятельно решать достаточно широкий круг вопросов. Поэтому выражение первоначального одобрения быстро сменилось высказываниями в совершенно ином тоне, в особенности после того, как Бирнс с большим опозданием — только 2 января, и, можно смело сказать, допустив некоторую вольность, ознакомил Трумэна с текстом доклада Этриджа, подготовленного в начале декабря. В докладе выражалась столь глубокая обеспокоенность в связи с положением в Европе, что Бирнс рекомендовал не разглашать содержание документа, к тому же общий смысл доклада можно было бы кратко изложить

в одной фразе, где говорилось, что Советы «вели себя как империалистическая держава худшего толка».

Знакомство с документом совпало с мощным хором критики в адрес политики Бирнса, раздававшейся со всех сторон — от военных высказывался адмирал Леги, от представителей республиканцев выступали сенатор Ванденберг, Джон Фостер Даллес, Клара Бут Льюс. Все это и подтолкнуло Трумэна к повороту в политике. Он написал жесткое послание, в котором выражал недовольство чрезмерной независимостью государственного секретаря и сжато изложил всю скопившуюся неприязнь в отношении Советов. Кульминацией послания стало раздраженное суждение: «Не думаю, что мы должны продолжать поиски пути к компромиссу». За этим следовал перечень позиций, по которым поиски компромисса следовало прекратить (речь шла о вопросах, обсуждавшихся с Советами), и в заключение прозвучала остроумная реплика Трумэна, ставшая затем кратким афоризмом, не лишенным юмора: «Я устал нянчиться с Советами».

Это был период раздражения, персонализировавшегося на фигуре Бирнса, и вслед за посланием Трумэна (от 5 января) последовала цепь событий, которые, как кусочки мозаики, формировали новую ситуацию. Информация о ходе работ Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, начавшихся в Лондоне, давала понять, что Советский Союз не намерен конструктивно включиться в международную систему безопасности и сотрудничества. Столкновения по проблемам Ближнего Востока и Ирана, противоречия по вопросам, связанным со странами Азии, не создавали идиллической картины мирного сотрудничества. Продолжение конфликтов вне Организации Объединенных Наций усиливало растущую неприязнь.

В феврале 1946 г. в Советском Союзе проходили выборы в Верховный Совет. Во время избирательной кампании ведущие руководители ВКП (б) выступали с речами, большей частью предназначавшимися для внутреннего потребления, за исключением речи Сталина, которую он произнес 9 февраля в Большом театре в Москве и которая получила отклик за пределами страны. Советский диктатор по этому случаю подвел итоги Второй мировой войны и отметил успехи, достигнутые благодаря понесенным жертвам советских людей и сотрудничеству с союзниками.

Затем он указал цели реконструкции: три последовательных пятилетних плана вплоть до 1961 г.; благодаря выполнению их Страна Советов сможет восстановить свой промышленный потенциал и быть «гарантирована от всяких случайностей». Это означало, что измученный советский народ не получил бы возможности

передохнуть, а военная дисциплина не знала бы ни ослабления, ни паузы. Ресурсы страны должны были быть сконцентрированы, как обещал Сталин, в научно-исследовательской сфере, потенциал которой будет быстро развиваться. «Я не сомневаюсь в том, — утверждал Сталин, — что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны». Это свидетельствовало о той воодушевленности, с которой Советы вступали в соревнование по ядерным исследованиям. Советский лидер вернулся к вопросу об отношениях между капиталистической и социалистической системами в общем плане. Вторая мировая война разразилась вследствие разницы в уровне и темпах экономического развития капиталистических стран. Ее можно было бы избежать, если бы сложилась система периодического перераспределения между державами сырья и рынков, но эти методы несовместимы с существованием капитализма; это означает, что только преобразование мировой экономической системы помогло бы избежать войн в будущем, но они остаются неизбежными, пока существует капитализм. Сосуществование капиталистической и социалистической систем невозможно в течение длительного времени.

Эта теория о неизбежности конфликта возродилась из пепла распущенного Коминтерна и отражала идейную преемственность международной политики СССР. Хотя и не было недостатка в тщательных интерпретациях сталинской речи, предназначенной якобы для восприятия только внутри советского блока, ее международный резонанс оказался значительным. Было весьма трудно отделить это выступление от деятельности коммунистических партий в ряде стран порой откровенно подрывной, очень часто двойственной, но всегда находившей поддержку в Москве, что сейчас широко подтверждается документами из советских архивов. Подобная деятельность вызывала недоверие и подозрение в существовании подрывных планов мирового масштаба, о которых международный коммунизм вновь открыто заявил спустя короткое время после вынужденного союза с капиталистическими державами.

Итак, несмотря на противоречивость ситуации, у западных держав, в частности, у американцев, было много причин для размышления над реальными целями советской политики. Может ли она в будущем быть совместимой с юридическими и экономическими институтами, которые должны были бы руководить послевоенной реконструкцией? Если уже тогда возникали сомнения в советской лояльности в отношении ООН, то как было избавиться от мысли, что Советы хотят полностью сохранить свою независи-

мость, чтобы вернуться на путь мировой революции (или мировой гегемонии, если эту идейную концепцию перевести на язык державной политики)?

Анализ сложившейся ситуации получил выражение в двух видах акций: первой — основной и секретной; других — шумных, но пока лишенных действенности. Для краткости лучше начать с последних. Уже 28 февраля Бирнс ответил Сталину. Государственному секретарю необходимо было поднять свой личный рейтинг, подорванный критикой за уступки Советам. В выступлении в Нью-Йорке в *Overseas Press Club* он говорил о работе ООН и выразил удовлетворение присутствием в ООН Советов, страны, не похожей на других. Затем он добавил: «Несмотря на различие в образе жизни, наш народ уважает своих союзников и желает видеть в них друзей и партнеров в сообществе, где приумножаются свободы и повышается уровень жизни. Тем не менее, в интересах мира в всем мире и в интересах нашей традиционной общей дружбы мы должны четко заявить, что Соединенные Штаты намерены защищать Устав ООН». Никто не может и не должен использовать его ради своей выгоды и, следовательно, ни одна страна не имеет права держать свои войска на территории другой страны без согласия последней (намек на ситуацию в Иране); никто не обладает правом без необходимости затягивать процесс подготовки мирных договоров; никто не имеет право односторонне изменять *status quo*. «Если мы являемся великой державой, — продолжал Бирнс, — то мы должны вести себя как таковая: не только обеспечивать нашу собственную безопасность, но мы должны защищать мир во всем мире».

Существовала ли реальная опасность для мира во всем мире? В те дни в Соединенных Штатах находился Уинстон Черчилль, который тогда в Великобритании не занимал ответственного поста в правительстве, но оставался вызывающим восхищение лидером британского сопротивления нацизму. Черчилль проводил в Соединенных Штатах отпуск, но, естественно, он встречался с Трумэном и другими представителями американского истеблишмента. Именно Трумэн пригласил его выступить на академической церемонии в Фултоне, маленьком городке в штате Миссури, откуда президент был родом. Черчилль принял приглашение. Он провел консультации с американскими политическими деятелями, прочел текст своего выступления Бирнсу и адмиралу Леги, послал копию Трумэну, который должен был присутствовать на церемонии. Черчилль описал положение в Европе в более красочных тонах, чем это обычно делали американские политики: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, — по словам

Черчилля, — железный занавес опустился на континент. За этой линией сохраняются все сокровища древних государств Центральной и Восточной Европы. Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София — все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере, и все в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но в значительной степени возрастающему контролю Москвы».

Советский Союз не хотел войны, добавил Черчилль, но он «хочет овладеть плодами войны и безгранично распространить свою мощь и свои доктрины». Сложилась такая ситуация, которая требует контрмер ради спасения мира. Черчилль сказал: «Русские больше всего восхищаются силой, и нет ничего такого, к чему бы они питали меньше уважения, чем военная слабость. По этой причине наша старая доктрина равновесия сил является несостоятельной».

Черчилль говорил о том, что нужно принять все меры противодействия, создать «братскую ассоциацию» народов, говорящих на английском языке. Веское заявление Черчилля в дальнейшем в популярной историографии приобрело иную трактовку и расценивалось как первое объявление Советам «холодной войны». Термин «железный занавес», который Черчилль уже почти за год до этого использовал в письме к Трумэну, воспринимался как символ крестового похода, который предстояло предпринять, либо как преднамеренная провокация. В действительности же, ему в значительной мере был придан другой смысл, поскольку речь Черчилля лишь в некоторых моментах совпадала с важными решениями, принятыми позднее американцами.

Роль этого термина скорее всего заключалась в том, чтобы служить детонатором для американского политического мира, помочь ему избавиться от изоляционистских тенденций, очень мощных в момент завершения войны, либо породить в Соединенных Штатах тревожные настроения, столь распространенные в Европе. Черчилль в то время был скорее выразителем определенных настроений, ведь он не мог принимать активное участие в процессе выработки решений. Присутствие Трумэна при произнесении речи имело скорее политическое значение, оно воспринималось как выражение уважения к бывшему союзнику и не означало, что американский президент полностью разделяет вышесказанные положения. Президент ознакомился с текстом речи лишь накануне и прокомментировал ее как «прекрасную, которая принесет лишь благо, даже если она разворошит осиное гнездо».

Гораздо менее был известен реальный порядок принятия решений внутри дипломатической группировки, руководившей

американской внешней политикой. Он заключался в разнообразных обсуждениях, систематически проводившихся после получения в Вашингтоне — в связи с вето Сталина на ратификацию соглашений в Бреттон Вудсе — телеграммы от Джорджа Кеннана, дипломата редкого аналитического дарования, которого уже давно считали крупным экспертом по советским вопросам. Это была телеграмма в 8 000 слов, потому и ставшая известной как «длинная телеграмма»; ей была суждена особая судьба, так как в переработанном виде, с сохранением ее основного содержания она была опубликована в 1947 г. в июльском номере авторитетного журнала *Foreign Affairs* без указания имени автора (скрывшегося под псевдонимом *мистер*) под заголовком «Источники советского поведения». Но именно факт публикации статьи в столь авторитетном журнале после того, как были приняты фундаментальные решения о повороте во внешней политике США, а статья появилась *a posteriori* как политическая аргументация и теоретический анализ доктрины «сдерживания», подчеркивает важность телеграммы, посланной Кеннаном в 1946 г. Можно утверждать, что телеграмма (конечно, не сама по себе, а как искра в сложном процессе зажигания) знаменует собой начало новой стратегии, на которую ориентировалась вся американская внешняя политика в последующие десятилетия.

Это утверждение могло бы показаться излишним, но не следует забывать, что оно касается комплекса тем, которым американцы придавали структурообразующее значение в международной жизни: эффективность Организации Объединенных Наций; применение принципа самоопределения в соответствии с Ялтинскими соглашениями; действенное участие в институтах, разработанных в соответствии с договоренностями в Бреттон Вудсе; достижение подлинных соглашений о международном контроле над использованием ядерной энергии. Относительно международного права и международного рынка речь Сталина фактически лишь подтвердила существующую реальность, а телеграмма Кеннана наметила долгосрочную стратегию, необходимую для преодоления послевоенного разочарования и порожденного им напряжения.

Телеграмма Кеннана делится на несколько четких разделов, касающихся основных аспектов внешней политики России. Отношение Советов к проблемам мировой политики было продиктовано не объективным анализом ситуации за пределами страны, а «основными внутренними потребностями России». «В основе неврастенического взгляда Кремля на международные дела лежит традиционное и инстинктивное российское чувство наличия опасности», этому чувству советское руководство могло противо-

поставить только политику наступления, «посредством упорной борьбы не на жизнь, а на смерть за полное уничтожение противостоящей силы, никогда не вступая во взаимодействие и в компромисс с ней».

Итак, сосуществование было невозможно, а конвергенция основных принципов с советской идеологией могла лишь усилить Советы; поэтому ни о каком компромиссе не могло быть и речи до тех пор, пока коммунизм не исчерпал свое стремление к мировому господству, и только после этого появилась бы возможность начать конструктивную работу. Гипотетическое соглашение не находило никакого подтверждения в советской модели формирования внешней политики. Соединенные Штаты должны были придти к логическому заключению: «Резюмируя, мы имеем здесь дело с политической силой, фанатично приверженной мнению, что с США не может быть достигнут постоянный *modus vivendi*, что является желательным и необходимым подрывать внутреннюю гармонию нашего общества, разрушать наш традиционный образ жизни, ликвидировать международное влияние нашего государства с тем, чтобы обеспечить безопасность советской власти... Следует ответить политикой сдерживания. Будучи невосприимчивой к логике разума, она (советская власть) очень чувствительна к логике силы».

Из этих рассуждений следовало, что необходимо оказать сопротивление советской силе. Запад должен был объединиться в теснейший блок под эгидой Соединенных Штатов. Оставалось терпение, ожидание, сдерживание. В дальнейшем внутренние изменения должны были привести к модификации советской внешней политики. Советы трактовали свою политику догматически, почти религиозным образом: они не ставили актуальных проблем, их поддерживало, казалось, терпение, свойственное церкви. Необходимо было противопоставить этому терпению отношение, равное по силе и противоположное по направленности: не стремясь к столкновению, но и не оставляя места для уступок.

Только после 1989 г. можно было в полной мере оценить дальновидность этих стратегических установок, еще более точно они были представлены в статье, подготовленной на основе телеграммы и опубликованной в *Foreign Affairs*. В 1946 г. доклад Кеннана воспринимался прямо и непосредственно, текущий кризис требовал некоторой корреляции и систематизации в соответствии с письмом Трумэна Бирнсу от 5 января: прекратить «нянчиться с Советами». Написанная в конце февраля, телеграмма послужила ориентировочным планом для серии решений, принятых в последующие месяцы. Прежде всего, изменился способ решения про-

блем: уже не поиск компромисса, как во время совещания в Москве, а, напротив, выявление пунктов разногласий и отказ от компромисса вплоть до неизбежного разрыва.

Несколько недель спустя Трумэн поручил одному из своих личных доверенных сотрудников Кларку Клиффорду подготовить доклад об отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Клиффорд перевел в оперативный план то, что Кеннан проанализировал с политической точки зрения. Оценивая положение Кеннана о невозможности сосуществования как аксиому, определяющую толкование советской внешней политики, Клиффорд пришел к специфическому выводу о необходимости развивать союз с Великобританией и другими западными странами, чтобы дать почувствовать Москве значимость «военного языка». По мнению Клиффорда, если будет необходимо, Соединенные Штаты должны быть готовы вступить в атомную войну. Но это трактовалось как крайнее средство, потому что целью американской внешней политики оставалось стремление убедить Советов в возможности мирного сосуществования.

Обрисованный поворот в американской политике закладывал предпосылки для длительного, труднопреодолимого тотального противостояния Советскому Союзу, которое проявлялось постепенно. Оно постоянно требовало новых средств и новых международных обязательств, а также умения убедить в их необходимости конгресс и общественное мнение, колебавшиеся между изоляционизмом и активной международной политикой. Первые признаки этих изменений в политике США проявились во время обсуждения мирных договоров с малыми державами «Оси», а также по мере того, как обострялась проблема межсоюзнической администрации в Германии. Возможно необходимость сохранить минимум взаимопонимания, чтобы юридически урегулировать проблемы, не решенные Советом министров иностранных дел в Москве и Лондоне, привела к некоторой задержке во внешнем проявлении поворота в политике США, его первые симптомы стали ощущаться общественностью только в сентябре 1946 г. в связи с германским вопросом.

8.2.7. МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ С МАЛЫМИ ДЕРЖАВАМИ «ОСИ»

Переговоры, прерванные в Москве, возобновились в Париже 25 апреля 1946 г. Бирнс еще выступал в качестве представителя Соединенных Штатов, но прежде чем выехать из Вашингтона он

вручил 16 апреля Трумэну письмо с просьбой об отставке, в котором констатировались политические и личные расхождения между ними. Письмо предусматривало отставку Бирнса и назначение Трумэном на его пост генерала Джорджа Маршалла после того, как тот завершит свою миссию в Китае; это означало продление пребывания Бирнса на его посту до января 1947 г.

Совет министров иностранных дел на основе предварительной разработки, которой заместители занимались с января, работал над редакцией мирных договоров с апреля по июль. Затем, с 29 июля Совет был расширен до масштабов мирной конференции, в которой участвовала уже 21 страна — бывшие жертвы агрессии — с разной степенью их участия в редактировании текстов, поэтому работа конференции продолжалась до октября. Окончательная редакция документов была завершена СМВД в Нью-Йорке в ноябре—декабре, и мирные договоры были подписаны в Париже 10 февраля 1947 г.

С начала апреля переговоры перешли от обсуждений процедурного характера к рассмотрению существа вопросов, и уже тогда почувствовалось изменение климата в отношении как проблем, касающихся Италии, так и других договоров с малыми странами. Речь шла уже не о стычках по процедурным вопросам или полемике в защиту тех или иных принципов, возникли реальные противоречия по действительно важным проблемам.

Что касается договора с Италией, произошедшие изменения выявили глубину разногласий, которые были скрыты за топтанием на месте по процедурным вопросам. В отношении территорий обсуждались итальянские границы со всеми тремя соседними государствами (Францией, Австрией и Югославией). Созданная в связи с этим комиссия по обследованию была направлена в марте—апреле 1946 г. в Триест и в различные районы области Джулия. В результате комиссия представила четыре различных предложения по проведению пограничной линии. Линии, предложенные американцами, французами и англичанами были абсолютно идентичны до юга Триеста, затем покидали Италию и пунктирной линией уходили с востока на запад, спускаясь в разных местах к морю. Американская линия выходила к Читтанова в Истрии, что было наиболее благоприятным для Италии решением, хотя граница и отклонялась на запад больше, чем линия Вильсона в 1919 г. Советская линия, напротив, заметно уходила на запад от старой границы Италии с Австро-Венгерской империей и выходила к морю у Монфальконе; предусматривалось, что вся территория к востоку от этого города (включая, разумеется, Триест и Горицию) должна отойти к Югославии.

Относительно границы с Австрией со стороны американцев выдвигалось предложение о проведении плебисцита, а французы придерживались в своих требованиях умеренных территориальных уступок со стороны Италии, которые даже при попытке непосредственной договоренности о компромиссе существенно не изменились. По вопросу о колониях соглашения не удалось достигнуть. Эта ситуация отражала неустойчивость позиций и была чревата возможностью возникновения открытого конфликта между США и Советами. Если американцы, казалось, были склонны к уступчивости в вопросе о восточной границе, то и Советы проявляли уступчивость, когда отвергали идею плебисцита относительно итало-австрийской границы, или когда проявляли сдержанность в вопросе о репарациях. Американцы и другие западные державы обещали поддержать «справедливый мир» для Италии, т.е. мир без карательных мер. Советы считали Италию страной, принадлежащей к западному лагерю, но, даже провоцируя во время переговоров трудные ситуации, они сдерживали свою непримиримость в вопросе о югославской границе и проявляли уступчивость по многим другим проблемам.

Лишь во время июньско-июльской сессии СМВД начал вырисовываться компромисс. В отношении северной границы договорились отказаться от проведения плебисцита и подтвердить довоенную линию ее прохождения; было решено, что вопрос о немецком меньшинстве в Италии будет решен путем переговоров между заинтересованными сторонами. 5 сентября было заключено соглашение, известное по имени двух его инициаторов: Де Гаспери, председателя совета министров и министра иностранных дел Италии, и Грубера, министра иностранных дел Австрии. Они подписали договор, согласно которому границы оставались неизменными, этническому австрийскому меньшинству, оставшемуся под суверенитетом Италии, предоставлялась административная автономия и гарантии уважения языковых и культурных особенностей. В отношении западной границы были приняты требования французов.

По вопросу о восточной границе был найден компромисс на основе предложений, которые уже давно циркулировали в кулуарах конференции, но были представлены французским министром Бидо как его собственные; в соответствии с ними западный участок пограничной линии проходил через Горицию и оставлял город за Италией, затем граница шла к югу и образовывала небольшой выступ до Монфальконе, принадлежащий Югославии. Оставшуюся территорию французская линия отводила Италии, но участок от Монфальконе до Триеста, Каподистрии и Читтанова д'Истрия

был отнят у Италии и образовывал Свободную территорию с особым статусом, который должен был получить одобрение Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Этот компромисс вначале был болезненно воспринят Италией, поскольку лишал ее суверенитета над Триестом, но поскольку этот вопрос переходил на рассмотрение в ООН, то фактически надежды Югославии становились весьма иллюзорными (это было еще одно зернышко на чаше весов, нарушавшее неустойчивое равновесие в отношениях между Москвой и Белградом).

Кроме вопроса о границах, был решен вопрос о колониях, причем Италии было категорически предписано полностью отказаться от всех территорий, ранее находившихся под ее контролем, окончательное решение вопроса было отодвинуто на год после вступления в силу мирного договора. В случае возникновения в дальнейшем разногласий, четыре великие державы обязывались принять меры, предложенные Генеральной Ассамблеей ООН.

С принятием этих и других решений, касающихся малых держав «Оси», работа Совета министров иностранных дел по подготовке мирных договоров с ними фактически завершилась. Конференция с 21 участником была созвана только для того, чтобы дать другим заинтересованным странам возможность выразить свои мнения, которые в действительности не были учтены, что отчетливо проявилось на последующей сессии Совета министров иностранных дел в Нью-Йорке в ноябре–декабре 1946 г., когда предложенные существенные поправки не были приняты.

Трудности в достижении компромисса касались как решений важного международного значения, так и обязательств, наложенных на Италию, которые предусматривали, прежде всего, ограничение вооружений (не более 185 000 солдат и 65 000 служащих в полиции); военно-морской флот не ограничивался водоизмещением в 65 000 тонн и численностью 25 000 военнослужащих; авиация не должна была иметь более 200 боевых самолетов и 150 транспортных, на которых служили бы не более 25 000 человек; постоянная демилитаризация границ с Францией и Югославией; общая сумма выплат по репарациям составляла 360 000 долларов, прежде всего Югославии, Греции и СССР.

Статьи, касающиеся территорий Франции и Австрии, были одобрены. Соглашение Де Гаспери — Грубер привело к созданию зоны с особым статусом Трентино — Альто Адидже, где власти обладали оговоренными полномочиями и обязались предоставить особые гарантии немецкоговорящим этническим группам. По этой проблеме с 1956 г. развернулась длительная дискуссия, связанная с реализацией подобных гарантий, она завершилась только

в 1992 г., когда все обязательства Италии были полностью реализованы.

Что касается колоний, то при отсутствии согласия между великими державами вопрос был передан на рассмотрение в Организацию Объединенных Наций. ООН решила в 1950 г. предоставить независимость всей Ливии, конституированной в королевство под управлением династии Сенуси; Эритрея была конституирована в автономный район под властью Эфиопии; Сомали стала подопечной территорией под управлением Италии на десять лет, т.е. до 1960 г.

Установления по созданию Свободной территории Триест были очень сложными. С 1947 г. Совет Безопасности стал заниматься разработкой ее статута и назначением управляющего. Острые споры за контроль над портом Триест зашли в тупик. Территория Зоны «А», созданной после договоренностей с Белградом в июне 1945 г., фактически осталась под союзническим военным управлением, а так называемая Зона «Б» — под югославской оккупацией.

Во время работы Совета министров иностранных дел и, наконец, Парижской конференции были определены сроки подписания мирных договоров с малыми державами «Оси» — все они были подписаны 10 февраля 1947 г. Самый простой из этих договоров касался Болгарии, которая благодаря поддержке Советского Союза сумела сохранить южную часть Добруджи, захваченную в сентябре 1940 г. Другие статьи предусматривали ограничение вооружений, репарации в пользу Греции и Югославии.

Более сложным было определение нового устройства Румынии и Венгрии. Проблема Венгрии сводилась к заключению мирного договора, согласно которому венгерское государство возвращалось в границы 1938 г., к договору добавлялись статьи о выплате существенных репараций соседним странам, а также статьи о разоружении. Вопрос определения румынской территории был более сложным и требовал более тщательного подхода. Конечно, Советский Союз удерживал Бессарабию и Буковину, к которым добавилась Закарпатская Украина, принадлежавшая до октября 1938 г. Чехословакии; теперь она была передана Советам как гарантия доступа к словацким долинам¹. Тем не менее, Румыния возвратила себе Трансильванию, которую она была вынуждена уступить в 1940 г. Венгрии. Обычно территориальные статьи следовали за военными и экономическими, за исключением одного параграфа: признание за СССР права держать войска на румын-

¹ Закарпатская Украина отошла к Советскому Союзу по договору между СССР и Чехословакией от 25 июня 1945 г. — *Прим. редакции.*

ской территории, которые могли быть необходимы для сохранения коммуникаций с советской зоной оккупации в Австрии.

Оставалось еще подписать договор с Финляндией, с помощью которого Советы частично изменили положение, сложившееся в 1940 г. Они возвратили себе Карелию, которую присоединили раньше, и территорию к северо-западу от Ладожского озера до Выборга. Они отказались от полуострова Ханко и вынудили финнов сдать им в аренду полуостров Порккала-Удд, а также полосу территории в 13 км от Хельсинки. Кроме того, они потребовали аннексии зоны Петсамо, что позволяло СССР иметь непосредственную границу с Норвегией, а Финляндию лишало выхода к Северному ледовитому океану. Аландские острова были демилитаризованы и, как обычно, договор дополняли военные и экономические статьи.

Подписание мирных договоров знаменовало собой завершение трудного, но необходимого процесса. Почти никто из побежденных не был удовлетворен тем, что должен был платить суровую цену, но в связи с развернувшимися грандиозными событиями очень скоро значительная часть этих договоров утратила силу. В итоге они лишь поставили точку в сложившейся картине международных отношений, которая уже не соответствовала состоянию войны или военной оккупации. Международно-правовая нормализация должна была, кроме того, обеспечить вступление пяти стран в Организацию Объединенных Наций. Но стало очевидно, что дискуссия о пяти мирных договорах уже ознаменовалась возникающими противоречиями между победителями. Один итальянский дипломат отметил относительно Триеста: «Спор ведется не между нами и Югославией, а между Россией, с одной стороны, и англичанами и американцами, с другой». Последние уже давно давали понять, что намерены пойти на открытый разрыв.

8.2.8. СПОРЫ О БУДУЩЕМ ГЕРМАНИИ

Невозможность договориться о совместном управлении Германией стала решающим элементом разрыва между четырьмя державами. Ялтинские и Потсдамские соглашения не исключали проблему репараций, но реализация их выплат была связана с двумя важными ограничениями: первое касалось вопроса о жизненных потребностях немцев, а второе требовало управления экономикой Германии как единым целым. При подходе к германскому вопросу следовало в большей мере, чем при решении проблем других стран, учитывать военный аспект, связанный с присутствием союзнических оккупационных войск на территории

бывшего вражеского государства. Все мирные договоры от 10 февраля 1947 г. предусматривали вывод оккупационных войск после вступления в силу ратифицированных договоров. Проблема осложнялась тем, что решение отложить дискуссию особенно противоречило обязательству, о котором часто напоминали американцы, а именно — о быстром выводе их войск из Европы, что привело бы к военному превосходству Советов на всей германской территории. Отсутствие договоренности между странами-победительницами по этому вопросу, больше чем по какому-либо другому, становилось все более очевидным. Речь шла не только о традиционном расколе между Советами и западными державами, но также и о заметном расхождении внутри западного лагеря в связи с несогласием или противодействием французов любому решению, которое допускало или делало возможным возрождение Германии.

Иначе говоря, германский вопрос стал основной ареной борьбы в Европе, при этом выявлялась способность победителей разработать общую политику. Но весьма быстро обнаружилось, что трудности достижения намеченных целей, еще во время войны мешавшие реализации согласованных решений, затем повлекли за собой либо ежедневные компромиссы или столкновения внутри Контрольного совета, либо споры о методах управления, которых каждая держава придерживалась в соответствующей зоне. Дело в том, что во всех четырех зонах — или во всех за исключением французской — оккупационные военные и политические власти искали близких себе по духу деятелей, которым они могли бы доверить распутывание хитросплетений в политической и экономической жизни: от того, как складывались отношения между четырьмя державами, и зависело это развитие.

Так, Советы опирались преимущественно на коммунистов и левых социалистов; английские лейбористы были склонны сотрудничать с социал-демократами, а американцы предпочитали сотрудничать с народно-католической партией и либералами, не отказываясь также и от контактов с социал-демократами; налицо была тенденция сотрудничать с близкими по взглядам силами, но это еще не было жестким правилом. После безоговорочной капитуляции германское государство, в самом деле, переживало период распада, и, казалось, внутривластный процесс полностью зависел от воли оккупационных властей, т.е. от соотношения их на международной арене.

С этой точки зрения результат был совершенно разочаровывающим. Если американцы и англичане стремились осторожно восстановить связующие ткани между соответствующими зонами,

соблюдая решения, принятые в Потсдаме, то французы бойкотировали любые постановления, которые не учитывали их проект отделения от Германии Саара и Рейнской области или не предусматривали, по крайней мере, интернационализацию Рура и контроль над восстановлением производства в этом районе.

Со своей стороны, Советы немедленно приступили к реализации политики экономической трансформации, состоявшей не только в конфискации имущества всех нацистов, но также в проведении аграрной реформы, которая распространилась почти на половину сельскохозяйственных земель Восточной Германии, к тому же она предусматривала конфискацию всей земельной собственности владельца, превышающей 250 акров, и ее перераспределение между мелкими собственниками (приблизительно 40 акров каждому); закрытие всех частных банков и блокирование всех банковских счетов частных лиц; национализацию большей части уцелевших предприятий. Советы, не информируя союзников, предприняли систематический вывоз в СССР из Германии в качестве военных трофеев или в счет репараций всего того, что уцелело — предприятий, оборудования, сырья, запчастей. Их люди работали непрерывно по сменам, чтобы подготовить к вывозу товары, стоимость которых союзники оценивали в миллиарды долларов, но относительно которых Советы отказывались предоставить отчеты.

Таким образом, идея управления Германией как единой экономической единицей осталась на бумаге. Уже во время Московского совещания министров иностранных дел (декабрь 1945) расхождения о принципах управления Германией привели к глубоким разногласиям. В начале 1946 г. Бирнс безуспешно пытался убедить Бидо, министра иностранных дел Франции, смягчить его непреклонную позицию. Население Германии после окончания военных действий жило в крайней нужде, а западные зоны оккупации должны были, кроме того, принять большую часть немецкого населения, вынужденного покинуть Пруссию, Померанию или Силезию, районы перешедшие к Польше или к СССР (не менее 8 млн беженцев).

Контрольный совет только в конце марта 1946 г., почти год спустя после окончания войны, добился соглашения об уровне промышленного производства в Германии. 28 марта было опубликовано соглашение, в котором за основной индекс восстановления германского производства была принята выплавка стали. Уровень производства стали для промышленности Германии устанавливался в 7,5 млн тонн, из них 5,8 млн тонн предназначалось для внутреннего потребления, а остальное — для поставок

в счет репараций. Но очень скоро стало ясно, что этот уровень производства был ниже потребностей Германии для обеспечения предусмотренного в Потсдаме «самодостаточного» развития экономики. Вопрос об уровне производства стал выбором между либо отношениями великих держав, либо между последними и немцами, потому что каждая из оккупационных держав приспосабливалась к изменениям, которые считала полезными или необходимыми для собственных интересов или для завоевания поддержки населения, с трудом включавшегося в «свободную» политическую жизнь.

Развитие ситуации в Германии невозможно было отделить от общей картины взаимосвязей между великими державами, более того положение в Германии оказалось одним из доминирующих аспектов их отношений. Поворот, начатый в марте 1946 г., отразился и на Германии. Были выявлены основные вопросы: методы, использованные Советами для получения репараций, которые, как они полагали, принадлежали им; соотношение между этими методами и обязательством союзников передать часть оставшихся в Германии предприятий Советскому Союзу; проблема уровня жизни немцев; но, прежде всего, необходимо было выявить, возможно или нет определить «общую экономическую политику». В то время как в экономическом плане американцы и англичане решили приостановить демонтаж предприятий, предусмотренный соглашениями 1945 г., госсекретарь Бирнс занялся тем, чему обычно не уделялось достойного внимания — подготовкой политического соглашения по Германии. Оно оказалось самой важной попыткой, совершенной американцами для воссоздания общего климата «большого союза» по германскому вопросу, несмотря на то, что в проект было включено положение, радикально менявшее договоренности о выводе американских войск с Европейского континента, едва это станет возможным после подписания мирных договоров с бывшими противниками.

Проект Бирнса был не результатом импровизации, задуманной для ослабления растущего напряжения и смягчения позиции Советов, а следствием тщательной подготовки, к которой с конца лета 1945 г. американский госсекретарь привлек президента Трумэна, его правительство и американские политические силы. Была проинформирована также республиканская оппозиция, которой руководил в это время сенатор Артур Ванденберг, представлявший самое интернационалистское крыло партии, в противовес изоляционистам под руководством Роберта Тафта.

Идея Бирнса предусматривала, в первую очередь, быстрое подписание мирного договора с Германией, к нему присоединилось

предложение договора о гарантиях демилитаризации Германии четырех оккупационных держав, который представлял бы собой весомый политический инструмент, обладающий достаточной силой, чтобы подавить любую попытку возрождения агрессивной политики со стороны Германии. Проект предусматривал, что правительства четырех оккупационных держав должны сохранить в Германии контингенты инспекционных сил, способные предотвратить реконверсию любого военного производства. Договор также определял процедурные нормы, согласно которым можно было бы потребовать от германского правительства выполнения предъявленных требований, и сохранял за четырьмя державами право применять любые меры, признанные необходимыми для обеспечения эффективности указанных гарантий. Кроме того, вступление в силу мер, предусматриваемых договором, не было связано с обязательным согласием всех четырех гарантов, так как проект четко формулировал, что решения могут приниматься большинством «с тем, чтобы помешать кому-либо из участников блокировать, — как написал в своих мемуарах Бирнс, — совместные действия».

Убедившись в наличии необходимой внутренней поддержки, Бирнс в феврале 1946 г. ознакомил с текстом своего предложения заинтересованные стороны: Москва, Париж и Лондон получили копии проекта договора, который он разработал. Бевин и Бидо отреагировали быстро и позитивно, оценив важное предложение как основу для дискуссии. Молотов сначала выказал сдержанное отношение, затем, во время одной из парижских сессий Совета министров иностранных дел, 28 апреля, выразил свои первые серьезные сомнения и выступил с критикой предложения как соглашения, нацеленного на то, чтобы отсрочить полное разоружение Германии. Он не дал явно отрицательного ответа, но просил как можно лучше обдумать вопрос.

Результаты последующих размышлений были оглашены Молотовым во время июньско-июльской (1946 г.) сессии Совета министров иностранных дел. Он совершенно необоснованно раскритиковал проект договора, предложенный Бирнсом. Прежде, чем говорить о создании германского правительства, что было включено в гарантии по проекту Бирнса, было бы необходимо, считал он, обеспечить получение Советским Союзом его доли репараций, т.е. 10 млрд долларов. Далее следовало оговорить соответствующие гарантии, что бы создаваемое германское правительство было «достаточно ответственным» и «достаточно демократическим» — этого можно было бы добиться, предусмотрев продолжение режима оккупации.

Кроме того, Молотов распространил заявление, в котором остро полемизировал с союзниками, обвиняя их в карательной политике против немецкого народа, а сам выступил в роли сторонника возрождения германского государства, от которого, не прибегая к плебисциту, невозможно отделить какую-либо часть территории, включая Рур, который должен был остаться немецким, хотя бы и под контролем союзников. Он критиковал проекты создания германского государства на федеративной основе и утверждал, что подписание с ним мирного договора было бы возможно только через некоторый испытательный срок, призванный показать способность германского правительства искоренить фашизм и выполнять свои международные обязательства; при этом он прозрачно намекал на выплаты по репарациям.

Заявление не отвергало прямо предложение Бирнса, но отодвигая дату подписания мирного договора, предполагало также отказ от договора о гарантиях. Другими словами, оно отвергало предложение, предусматривающее американские обязательства в Европе в качестве гарантии против возрождения опасности со стороны германского государства. Именно этот пункт лучше всего разъяснял причины сдержанности Советов и помогал понять реальное значение предложения Бирнса. Проект Бирнса о создании военной силы как постоянной гарантии против возрождения немецкой опасности, основывался на отказе от традиционной американской установки изолироваться от Европы. Напротив, он выражал намерение американцев сохранить как можно дольше свое участие в поддержании европейского равновесия вплоть до непосредственного присутствия американских войск на Европейском континенте в мирное время.

Идея, предложенная госсекретарем осенью 1945 г., подразумевала поиск компромисса с Советами (как случилось позже на совещании в Москве); это изменение позиции Вашингтона не может сразу и автоматически расцениваться как выражение поворота к антисоветскому курсу. Возможно именно таким путем американцы намеревались смягчить озабоченность французов, потому что по существу договор лишь воспроизводил гарантии, уже данные Франции в 1919 г. и затем утратившие силу в связи с несостоявшейся ратификацией Версальского договора со стороны сената Соединенных Штатов. Не случайно Бирнс был озабочен, сможет ли он получить необходимую «двухпартийную» поддержку своего проекта. Между тем, с течением времени, «исторический» характер гарантий, предложенных прежде всего французам, стал менее очевидным в связи с возникновением советско-американских противоречий и после выступлений Сталина, Бирнса и Черчилля

в феврале—марте 1946 г. Можно с уверенностью сказать, что характер гарантий, предложенных госсекретарем, изменил направленность и политическое значение в контексте эволюции международной обстановки. Летом 1946 г. Молотов смог прочесть там то, что и предполагал найти. В самом деле, гарантии превратились из средства преодоления сопротивления французов в инструмент изменения политики Соединенных Штатов по отношению к Германии.

Позднее Бирнс писал о своей уверенности, что Советы не желали гарантий, потому что не хотели американского присутствия в Европе. Хотя Сталин благожелательно относился к сохранению единства Германии, но условием осуществления его замысла должен был стать жесткий политический контроль со стороны Советов над всей территорией Германии. Предложение Бирнса выдвинуло на первый план проблему возрождения Германии при непосредственной поддержке Соединенных Штатов, и как следствие этого, реконструкции Европы, где американское присутствие, даже в военном отношении, стало бы еще более значительным, чем Советы могли себе представить.

Однако в июле 1946 г. наметившийся процесс не стал еще необратимым, и иное отношение Советов могло бы придать силы тем, кто в Соединенных Штатах в тот момент противился изменению политического курса. Этого не случилось, поскольку занятая тогда Молотовым позиция автоматически вела к обмену взаимными обвинениями. Генерал Льюиус Клей, американский представитель в Союзном контрольном совете, и его советник дипломат Роберт Мэрфи, решительно отбросив предыдущие проекты договора, подготовили для Бирнса новое предложение, содержание которого он довел до публики на следующий день после выступления Молотова. Но прежде госсекретарь заручился поддержкой двух американских сенаторов — сенатора-демократа Коннелли и республиканца Ванденберга, которые в эти дни были в Париже.

В сущности, новый проект Бирнса ясен: в ожидании соглашения четырех становилось невозможно продолжать прежнюю политику. Экономическая ситуация Германии была таковой, что требовала срочного вмешательства, поэтому Соединенные Штаты предложили другим оккупационным державам, которые решили присоединиться к их инициативе, согласиться на совместное управление соответствующими зонами оккупации. На практике это означало отказ, даже теоретический, от принципа сохранения экономического единства всей Германии, оставшегося лишь на бумаге, и замену его принципом объединения тех оккупационных

зон, которыми могла управлять совместная администрация. Положительного ответа Советов ждать не приходилось; французы также не созрели для принятия решения подобной значимости. Бевин, напротив, не колеблясь, заявил, что британское правительство готово принять американскую идею создания «Бизонии». Но с того момента любые советские планы относительно будущего Германии (так же как все французские планы) должны были быть пересмотрены, Соединенные Штаты стали активно продвигать свою идею объединения трех западных зон Германии, оттеснив на второй план необходимость согласования подобной реорганизации с Советским Союзом.

В то время как американцы и англичане обсуждали с политическими представителями соответствующих зон оккупации планы их слияния, немецкий христианский демократ Конрад Аденауэр выразил им свою полную поддержку. Предварительно он убедился в том, что британские военные власти намеревались создать Землю, т.е. новое административное объединение, которое включало бы всю северную часть Рейнской области и Вестфалию, а это фактически лишало французов надежды на контроль над Руром. В то же время ведущий представитель социал-демократов Курт Шумахер склонялся к менее радикальным методам решения проблемы.

Выступив 6 сентября 1946 г. в Штутгарте, Бирнс заявил о новых американских обязательствах в отношении Германии (и всей Европы). Соединенные Штаты, сказал госсекретарь, сохраняют верность решениям, принятым в Потсдаме об экономическом единстве Германии, но в настоящий момент эти решения невыполнимы, и в связи с этим невозможно возрождение германского производства, столь необходимого для достижения приемлемого уровня жизни. Поскольку полное экономическое объединение Германии в данной ситуации оказалось невозможным, необходимо приспособиться и добиваться максимально возможного, то есть начать с объединения тех зон — британской и американской, — которые готовы к слиянию. К действиям в этом направлении подталкивали также финансовые и валютные потребности: общая финансовая политика характеризовалась галопирующей инфляцией, а потому особенно острым оказался вопрос о проведении радикальной денежной реформы. Затем Бирнс добавил замечание, которое имело важные последствия: «В то время, как Германия должна быть готова поделиться своими ресурсами угля и стали с нуждающимися в них странами освобожденной Европы, необходимо создать условия, позволяющие ей самой использовать собственную энергию и ресурсы, необходимые для роста ее промышленного производства».

Этого настоятельно требовали задачи европейской реконструкции: Германия являлась частью Европы, и реконструкция всей Европы без Германии осуществлялась бы более медленно. Бирнс затронул также политические аспекты германской проблемы. Он поставил под вопрос границу с Польшей и отметил понимание Соединенными Штатами того, что Рур должен остаться частью Германии; он рассуждал с некоторой напыщенностью о различии между немецким народом и нацизмом и добавил, что спустя год после войны наступил момент для четкого выбора: следует предоставить немцам возможность самоуправления.

Казалось, это противоречит присутствию американских войск на германской территории, которое американцы старались сделать наименее обременительным, но в отсутствие мирного договора с Германией вопрос нельзя было решить иначе. Соединенные Штаты предлагали, чтобы его подписание произошло в четко определенные сроки, но, как пояснил госсекретарь, это оказалось невозможно, поэтому появилась необходимость предпринять односторонние инициативы: «Соединенные Штаты не могут облегчить страдания, нанесенные Германии войной, которую развязали ее лидеры. Но Соединенные Штаты не намерены никоим образом ни увеличивать эти страдания, ни препятствовать немцам искать свой выход из этого тяжелого состояния при условии, что они будут соблюдать принципы свободы и следовать по пути мира. Американское правительство намерено вернуть немецкому народу правительство Германии. Американский народ намерен помочь немецкому народу вернуть ему достойное место в международном содружестве свободных и мирных государств».

Речь шла о жестком ответе, целью которого было намерение объявить о подлинном изменении союзнической ориентации или, по крайней мере, о важном политическом повороте. При этом оставалась некая возможность для сомнений, является ли речь Бирнса ясным проявлением окончательно сделанного выбора. И действительно, 12 сентября министр торговли администрации Трумэна и экс вице-президент Рузвельта, Генри Уоллес, выступил с речью, которая получила широкий политический резонанс; он критиковал Бирнса и жесткий антисоветский курс. Некоторое время спустя стало известно, что текст речи был просмотрен и одобрен Трумэном — это заставило сомневаться в последовательности президентской политики. Бирнс поставил своего рода вопрос о доверии, и, хотя мнение Уоллеса получило определенную поддержку в американском политическом мире (например, вдовы Рузвельта Элеоноры), Трумэн заявил, что он поспешил одобрить текст, который сам едва успел просмотреть, но установки которо-

го не приемлет; в то же время он разделяет концепции, которые Бирнс излагал в Штутгарте. Уоллес подал в отставку и ушел из правительства, недолгие разногласия быстро себя исчерпали. Остался только отзвук различных толкований, то есть тень сомнения, будто Трумэн хотел оставить за собой запасной выход на случай — довольно маловероятный — что реакция на речь в Штутгарте будет полностью негативной.

Выступление Бирнса было лишь первым публичным заявлением об изменении курса, которое вызревало в течение нескольких месяцев. За это время изучалось его значение и последствия, поворот курса рассматривался как альтернатива соглашению четырех и проекту гарантий, разработанных госсекретарем — в результате он выражал конец определенной фазы американской внешней политики и начало перемен.

Внешним проявлением этого поворота стало подписание 12 декабря 1946 г. договора, который привел к полному объединению британской и американской зон в Германии, созданию англо-американской Бизонии и к расширению возможностей германской политической жизни. Имелись и внутренние аспекты подготовки соответствующих кругов в США и Европе к инициативам, которые правительство Соединенных Штатов решительно предприняло после назначения в начале января 1947 г. на пост госсекретаря генерала Джорджа К. Маршалла. Маршалл был ветераном неудавшейся миссии в Китае, направленной на сдерживание или элиминирование коммунистических сил. И так, он принял на себя обязанности госсекретаря, заранее подготовившись к этой роли и хорошо понимая кризисную ситуацию, сложившуюся как в Европе, так и в Азии.

8.3. Поворот американской политики в Европе

8.3.1. ПРЕДПОСЫЛКИ ПОВОРОТА

Еще до назначения Маршалла на пост государственного секретаря американская дипломатия выступила с серией инициатив, направленных на оказание помощи в проведении реконструкции и на укрепление позиций антикоммунистических партий в странах Западной Европы, на которые не распространялся непосредственный контроль Красной армии. Речь идет об акциях, предпринимавшихся настолько тонко, что их невозможно реконструировать аналитическим путем. Особенно важны были политические действия, направленные на уменьшение влияния коммунистических или лево-социалистических партий в Западной Европе, а также на

сотрудничество со всеми другими политическими формированиями, участвовавшими в европейских правительствах. Главная составляющая послевоенного наследия заключалась в участии представителей коммунистических партий в правительствах крупнейших европейских стран: Франции, Италии, Бельгии, Норвегии.

Поворот США во внешней политике был нацелен на сплочение всех консервативных сил: буржуазных, реформистско-демократических, а также тех, кто выступал за реконструкцию здоровых экономических систем, связанных с рыночной экономикой. Реализовать задуманный американцами поворот оказалось довольно трудным, даже неосуществимым делом, пока коммунисты участвовали в правительствах тех стран, о развитии которых заботились американцы. Для успешной реализации дальнейших политических инициатив неперенным условием стало изменение правительственных коалиций. Трудно говорить о проекте, разработанном в тиши кабинетов; американцам, напротив, скорее следовало задуматься о его реализации в политической практике, поскольку они не могли не учитывать реальности, и делали все возможное, дабы заставить антикоммунистические силы Западной Европы преодолеть колебания и принять американскую инициативу политических перемен в ущерб антифашистскому союзу с местными коммунистическими партиями.

С осени 1946 г., когда были заложены основы этого процесса, по май 1947 г., когда он завершился, в Западной Европе и фактически в германской Бизонии была подготовлена почва для эффективного взаимодействия с новым курсом американской политики. Одновременно, с конца 1946 г. до середины 1947 г., изменения происходили и в Европе, находившейся под советским влиянием: во всех странах, за исключением Чехословакии, совершился быстрый переход от плюрализма, часто показного, существовавшего в первые послевоенные месяцы, к открытому господству коммунистов. Только в Венгрии ситуация оставалась неизменной более длительное время — вплоть до выборов 24 июля 1947 г., на которых победу одержал Национальный фронт. Однако коммунистическая партия была не в состоянии осуществить полный контроль (как это было в «блоках» и «фронтах» других стран) до июля 1948 г., когда последний представитель плюралистического режима, президент республики З. Тильди, был вынужден уйти в отставку.

Сменивший Бирнса на посту государственного секретаря США Маршалл оказался деятелем, менее зависимым от политического окружения (Маршалл был начальником Генерального штаба американской армии во время войны и пользовался политическим авторитетом и высоким престижем, которые никто не

мог оспорить). Потому он энергично расчищал путь для более оперативного принятия решений.

Завершение переговоров о мирных договорах с малыми державами и явная невозможность быстрого заключения договора с Германией со всей очевидностью продемонстрировали, что ситуация чревата риском. Советы не намеревались считать окончательной линию, проведенную в результате войны, то есть границы соответствующих зон военной оккупации — то, что Черчилль ярко определил как «железный занавес». Они стремились расширить по периметру свою систему безопасности и свое влияние во всей Германии, а также в любом другом регионе мира, где они могли это сделать без особого риска. Именно так в Вашингтоне расценивался отказ от договора четырех держав о гарантиях, советская политика в Корею и действия коммунистов в Китае. Иначе говоря, германский кризис послужил своего рода детонатором для целой серии опасных ситуаций, поскольку он касался страны, которая геополитически доминировала в Европе. Не было необходимости в немедленной и непосредственной реакции американцев в Германии. Американская политика была политикой мирового масштаба, и американцы могли заявить о себе в любом месте, где они посчитали бы это своевременным и необходимым.

В основе смены США политического курса, превратившей дипломатический конфликт с Советским Союзом в открытое политическое, идеологическое и экономическое столкновение, почти в войну, но в войну без применения оружия, было важное политико-стратегическое решение, непосредственно опиравшееся на концепции, сформировавшиеся в конечной фазе Второй мировой войны и в первые месяцы после войны. Надежда на мировую, в целом взаимосвязанную, систему сменилась реальностью разделения мира на два лагеря. Лагерь, в котором доминировал сталинский Советский Союз, стремился к политической власти, для которой было характерно неистощимое тяготение к консолидации, безопасности и несомненно к экспансии. Продолжать выжидательно реагировать на складывавшуюся ситуацию для американского политического истеблишмента с весны 1946 г. было невозможно. Но комплекс причин, описанных на предыдущих страницах, объясняет, почему вслед за ясным анализом не последовал немедленно твердый ответ.

В конце 1946 г. этот период выжидания и осмысления завершился, начинался новый этап. Многие расценивали этот новый этап, то есть начало политики сдерживания, как выражение агрессивной политики. В действительности как не были непременно агрессивными, а только экспансионистскими, советские намере-

ния, точно так же не был агрессивным план тех, кто стремился взять на себя ответственность воспрепятствовать разрушению «свободного мира», остановить расширение сферы, находившейся под контролем Советов. Это привело к тому, что универсалистские концепции были заменены частной концепцией — она касалась лишь одного лагеря; лагеря, который упрощенно был определен как западный, хотя это определение не имеет никакого географического смысла. Необходимо было консолидировать западный лагерь во всем многообразии его политических и экономических форм (но именно это многообразие было жизненно важной характеристикой плюрализма), чтобы избежать его крушения, которое надвигалось из Германии, Северной Греции, а также из Италии, где неустойчивая ситуация могла содействовать распространению кризиса на всю систему рыночной экономики.

Чарльз Болен, один из американских дипломатов-экспертов по советской проблематике и один из главных противников разрыва с правительством Москвы, нашел важную и блестящую формулировку, в которой проанализировал новую ситуацию: «Соединенные Штаты должны овладеть мировой ситуацией, которая совершенно отличается от тех гипотез, на основе которых был сформулирован американский выбор. После войны между великими державами вместо единства, как политического, так и экономического, возникло полнейшее расхождение между Советским Союзом с его сателлитами, с одной стороны, и остальным миром, с другой. Короче, образовались два мира вместо одного единого. Соединенные Штаты, столкнувшись с этим неприятным фактом, могут глубоко сожалеть о нем, но ради их собственных интересов и ради их безопасности, а также ради безопасности несоветского мира, должны пересмотреть свои политические цели... Логика ситуации заставляет несоветский мир, используя все средства, которыми он располагает, тесно объединиться политически, экономически, в финансовом и военном отношении с тем, чтобы суметь эффективно противостоять советскому натиску. Только таким образом свободный и несоветский мир может надеяться выжить в условиях централизованных и безжалостных действий советского мира».

Итак, следовало срочно действовать, потому что опасность воспринималась как неизбежная, и действовать следовало с расчетом на длительный период, как и предполагал Кеннан. Началась работа по консолидации «западного мира», на что требовались многие годы, и которая могла завершиться только, когда внутри системы реального социализма возникли противоречия, угрожавшие ему с момента возникновения.

С 1945 г. правительства Парижа и Лондона обсуждали возможность подписать договор о двусторонних гарантиях, который в начале переговоров имел антигерманскую направленность и обязательство о взаимном сотрудничестве, что предотвратило бы возврат к постоянным довоенным трениям. С течением времени характер обсуждаемого вопроса изменился. Германская проблема не могла не быть включена в общем виде в отношения с Советским Союзом. Следует отметить, что когда 4 марта 1947 г. Франция и Великобритания подписали Дюнкеркский договор, т.е. договор о взаимных гарантиях против возрождения германской угрозы, сущность взятых ими на себя обязательств обрела как новую форму, так и содержание. Со стороны французов этот был способ включиться в предстоящие перемены в американской политике. Соглашение, заключенное в декабре 1946 г. о создании Бизонии, подчеркивало особое изолированное положение французов в западном мире в связи с проблемой Германии. Для англичан и для Бевина, в частности, Дюнкеркский договор имел существенное значение, он расценивался как «краеугольный камень» долгожданного «западноевропейского объединения» в условиях, когда не было согласия о четырехсторонних гарантиях, предложенных Бирнсом. В таком случае двусторонний договор представлял собой этап более обширного процесса и вместе с тем свидетельствовал о том, что если две крупнейшие страны Западной Европы ориентируются на сотрудничество, то их безопасность значительным образом укрепитя.

В этой ситуации президент Г. Трумэн 12 марта 1947 г. изложил свою доктрину в конгрессе на объединенном заседании палат. Это было первое тождественно сформулированное заявление о смене курса, это был сигнал для тех, кто ожидал окончания колебаний американцев. Поворот американской политики относился только к двум кризисным регионам — Греции и Турции; кроме того, доктрина была связана с особой финансовой ситуацией, сложившейся в эти месяцы в Великобритании. Этот ограниченный круг вопросов не менял, тем не менее, глобального значения сделанного заявления.

8.3.2. АМЕРИКАНСКИЙ КРЕДИТ И БРИТАНСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Ситуация с Греции внезапно осложнилась в связи с неожиданным заявлением о том, что британское правительство переживает финансовые трудности, которые вынуждают его не только приостановить конвертируемость фунта стерлингов, но также временно

прекратить помощь Греции и вывести британские войска (до 21 февраля 1947 г.). Начавшийся таким образом критический этап заслуживает внимательного рассмотрения как парадигма целого ряда аналогичных ситуаций в будущем, имевших место в разных частях мира. При этом выявились изменения внутри англо-американской коалиции, а также новая роль, отныне отведенная Соединенным Штатам в Восточном Средиземноморье, а затем и в мире.

Британский финансовый кризис, возможно, несколько излишне драматизированный англичанами, чтобы «надавить» на американцев и ускорить их вмешательство, стал знаковым моментом в изменении отношений между европейскими странами и Соединенными Штатами. С окончанием войны и после приостановления действия закона о ленд-лизе европейские страны первыми должны были стремиться восстановить собственную экономику, основываясь по преимуществу на собственных ресурсах или на нерегулярной помощи, предоставляемой международными организациями, типа ЮНРРА (Организация по оказанию помощи Объединенных Наций), финансируемыми почти исключительно Соединенными Штатами. Это касалось Италии, западных зон Германии, Польши и других малых стран, но, прежде всего, относилось к Франции и Великобритании, которые стремились восстановить (Франция) или сохранить (Великобритания) устойчивый контроль над системами своих преференций.

В этом плане самым поучительным оказался британский казус. Лейбористы после прихода к власти начали осуществлять политику «социального государства», то есть системы социального обеспечения «от колыбели до могилы», которая призвана была помочь наиболее бедным слоям британского общества противостоять суровым временам. Необходимость направить ресурсы на реформистскую программу поставила в трудное положение британскую систему производства в период перехода от военной экономики к экономике мира. Английская промышленность испытывала острую потребность в оборудовании, сырье, электродвигателях и в других средствах производства, требующих инвестиций. Закупить все это оборудование можно было тогда только на единственном рынке, способном его поставить, то есть в Соединенных Штатах. Закупка этих товаров требовала долларов, которых у англичан не было, но, предвидя эту ситуацию, англичане стремились раздобыть их, и еще до окончания войны начали подготовку двустороннего договора по поводу получения огромного американского займа.

Серьезные переговоры начались в сентябре 1945 г., затем были продолжены с английской стороны лордом Кейнсом и за-

вершились в декабре того же года соглашением о предоставлении займа на 3 млрд 750 млн долларов, которое было ратифицировано сенатом Соединенных Штатов 10 мая 1946 г. (спустя 20 дней после смерти Кейнса). Но уже в самом соглашении содержались предпосылки кризиса 1947 г., а в более общей форме, можно сказать, что оно отразило переход американской экономической политики от иллюзий глобализма к реальности двусторонних «особых отношений» или к отношениям с различными регионами мира, склонными принять условия американской помощи. Перед Соединенными Штатами, вследствие неясностей соглашений в Бреттон Вудсе (возможно ли было придать им действительно всемирный характер) стояла проблема наполнить конкретным содержанием обязательства, неоднократно звучавшие во время войны, о необходимости содействовать свободе торговли.

Деятельность англичан, несмотря на обязательства, связанные с широко известной ст. 7 двустороннего соглашения о применении закона о ленд-лизе, приобрела противоречивый характер. Стерлинговая зона, которая связывала страны Британского Содружества, теряла свою прежнюю надежность и становилась узким местом британской политики, что было весьма заметно в сравнении с торговой системой, складывавшейся под эгидой Соединенных Штатов. Торговые соглашения, подписанные СССР с большей частью Балканских стран, и утрата иллюзии относительно возможности получения Советским Союзом американского займа показали, что торговая экспансия в этом направлении не имеет перспективы. Поэтому соглашение с Великобританией приобретало для американцев ценность парадигмы. Один из ведущих участников финансовых переговоров того времени Уильям Клейтон утверждал, что без британской системы имперских преференций многосторонние связи господствовали бы на 83% мировой территории, охватывали бы 87% населения и включали бы 95% мировой торговли (Китай, разумеется, рассматривался тогда как часть системы), поэтому англо-американское соглашение должно было определить «будущее направление мировой торговой политики». Большая часть американцев считала, что следовало бы содействовать англичанам в разрешении их финансовых трудностей при условии, что сами англичане согласятся конвертировать фунты стерлингов всего Британского Содружества в доллары, и это ликвидирует главное препятствие к возрождению мировой торговли.

Таково было условие предоставления займа. Лондонское правительство приняло условие сделать фунт стерлингов конвертируемым в течение года. Но то, что казалось чисто организационной

мерой, в действительности стало шагом, предвещавшим отказ англичан от полного контроля над собственной экономикой и, более того, над экономикой Британского Содружества. Контроль над конвертируемостью фунта служил инструментом сдерживания торгового дефицита в отношении Соединенных Штатов и защиты рынка труда от угрозы дефляции (то есть, выбирая между сокращением импорта из Соединенных Штатов и снижением внутренних расходов, лейбористское правительство выбрало первый путь, распределяя конвертируемые фунты стерлингов так, чтобы ограничить приток американских товаров по низким ценам). Конвертируемость опрокинула эту преграду, потому что открыла рынок Великобритании и Британского Содружества для американских товаров, вынудив лейбористское правительство ограничить расходы.

Эта мера имела катастрофические последствия для Великобритании, ее способности сохранить Сити как центр финансовых и товарных рынков, которые располагали свободными долларами и могли переправлять их в США. Как и предвидел Кейнс, англичанам пришлось заплатить высокую цену, но не было иной альтернативы, кроме той, что избрали Советы, осуществлявшие реконструкцию по сталинским критериям, жертвуя товарами широкого потребления. Заем должен был бы смягчить удар, нанесенный Великобритании открытием ее рынков. И действительно, последствия этих структурных перемен были таковы, что вынудили Лондонское правительство принять срочные меры. Уже в конце 1946 г. британский баланс по видимым статьям платежей представлял невосполняемый дефицит как в силу конъюнктурных причин, так и по воле лейбористского правительства, не желавшего тяжелой зимой 1946–1947 гг. урезать соответствующие статьи бюджета, обеспечивавшие субсидии на продовольственные товары и социальные услуги. Именно, чтобы сбалансировать эту ситуацию, британское правительство вынуждено было в течение нескольких недель приостановить конвертируемость (и только спустя 11 лет это постановление было отменено). Прежде всего, следовало сократить внешние, не столь необходимые обязательства, как, например, расходы на содержание британских войск в Греции.

Решение, объявленное 21 февраля, было следствием экономической конъюнктуры, непредусмотренной и неожиданной. Экономическая ситуация переплеталась с политическим положением, которое становилось критическим. Британское правительство секретно информировало американское, что оно после марта больше не в состоянии продолжать мобилизацию ресурсов для поддержки греческого правительства, но при этом добавляло, что без соответствующей поддержки с американской стороны Греция

быстро попадет под контроль коммунистов, последствия которого невозможно предугадать в отношении всей ситуации в Восточном Средиземноморье.

8.3.3. ДОКТРИНА ТРУМЭНА

В конце 1944 г. Греция была полностью освобождена от немецкой оккупации. Британские войска восстановили королевское правительство и помогли ему в декабре того же года подавить восстание, поднятое коммунистами и левыми силами в Афинах. Группы партизан, участвовавшие в Соппротивлении, отказались сдать оружие и ушли в горы на северной границе с Албанией и Югославией. Для греческого правительства это была трудная ситуация, которую оно не могло преодолеть в силу собственной слабости и вследствие сильного влияния на него реформистских элементов. Неспособное самостоятельно выйти из тяжелой ситуации, правительство Папандреу вынуждено было подать в отставку. Вмешательство союзников и давление Черчилля способствовали назначению регента в лице архиепископа Дамаскиноса, главы православной греческой церкви, и формированию правительства Пластираса. В начале 1945 г. действия партизан стали менее активными, что, однако, не привело к какому-либо эффективному примирению. Правительство обвиняли в том, что оно держится только благодаря присутствию британских сил, и Советы жестко критиковали англичан за сохранение на территории Греции оккупационной армии, хотя она была одной из стран, которые воевали на стороне коалиции победителей.

В этой напряженной ситуации с частой сменой правительственных кабинетов, 31 марта состоялись первые парламентские выборы, на которых победила правая народная партия, во главе с Константином Цалдарисом. Спустя несколько напряженных недель, он сформировал правительство, главной целью которого было провести референдум о государственном устройстве Греции. Этот референдум не затрагивал острые экономические и политические проблемы страны, разоренной войной: в итоге еще более резко проявились противоречия между различными политическими силами.

1 сентября состоялся долгожданный референдум, большинство на котором получили монархисты, которые планировали возвращение к власти короля Георгиоса II, несмотря на компрометирующее его сотрудничество с довоенными диктаторскими режимами. Вернувшись на родину из лондонской эмиграции, король стал фигурой притяжения для тех, кто отстаивал жесткую

репрессивную политику. Демократические политические силы отказывались сотрудничать с правительством, которое тогда еще возглавлял Цалдарис, и перешли в оппозицию.

Левые ответили переходом к партизанской войне, более того к настоящей гражданской войне, быстро распространившейся с гор на большую часть греческой территории. Развернувшиеся партизанские действия, как выяснила специальная комиссия, посланная по греческому запросу Организацией Объединенных Наций, непосредственно поддерживались албанцами, болгарами и, прежде всего, югославами. Положение было столь сложным, что правительство Афин могло удерживать ситуацию только благодаря экономической помощи британцев и присутствию на греческой территории около 40 000 английских солдат. Обращения в Организацию Объединенных Наций оставались безрезультатными в связи с тем, что Советы использовали право вето. В Греции сложилась неустойчивая ситуация: силы партизан разделились на две группы (ЭАМ и ЭЛАС) и не могли победить, а правительство Афин оказалось неспособным удержаться без внешней поддержки.

Британский финансовый кризис и проблемы формирования международной системы переплелись казалось неожиданно, но не совсем. В этот один из наиболее критических моментов мир находился у истоков холодной войны. Необходимо было понять, оправдано ли беспокойство англичан и насколько полезно, своевременно и возможно вмешательство американцев — вмешательство не могло быть результатом тщательного планирования, оно должно было быть внезапным и предельно быстрым, поскольку истек срок, указанный англичанами. Маршаллу пришлось здесь впервые испытать новый курс, который американская внешняя политика стала проводить под его руководством. Но обязательства Соединенных Штатов в этом регионе мира, столь давно известном обычным американским гражданам, носили характер подлинной революции для Вашингтонского правительства, потому что оно должно было защищать ситуацию, которую можно было признать не вполне соответствующей демократическим принципам, и выступить против стратегического противника, опасность которого осознавали не все слои американского общества.

Процесс изменения стратегии государственного департамента завершился давно. Основное препятствие на пути его закрепления было связано с необходимостью формальной договоренности с Советами о заключении мирных договоров, оно было преодолено с их подписанием 10 февраля 1947 г. Но всякая инициатива в этом направлении оказывалась напрасной и не встречала понимания, пока не стала активной работа по мобилизации общественного

мнения, чтобы пробудить ощущение опасности. Если удалось бы внушить ощущение неминуемой угрозы со стороны советских коммунистов, то инициатива получила бы поддержку, необходимую для того, чтобы определенные американские круги отказались от своих неоизоляционистских позиций и включились бы в предприятия достаточно широкого масштаба, которые побудили бы Соединенные Штаты впервые активно сыграть роль всемирного жандарма с применением силы.

Необходимо было послать мощный сигнал в этом направлении. И в самом деле, ведущие деятели американской политики уже в течение нескольких месяцев готовили осуществление этого поворота. Новая американская политика ставила своей целью изоляцию Советского Союза и стремилась повернуть к сотрудничеству с Соединенными Штатами не только ведущие страны Европы, но также интегрировать ту часть международной экономической системы, которую реально можно было сплотить вокруг общего, пусть весьма гетерогенного, проекта, в качестве альтернативы явно неудавшимся глобальным замыслам. В связи с этим представлялось своевременным и даже необходимым сделать «сильное» заявление об изменении американской политики: столь сильное, чтобы его поняли и Советы, которых уже считали противниками, с которыми следовало бороться с открытым забралом, и европейцы, которых расценивали как обязательных участников будущей политики «сдерживания», ради чего работали американские политические деятели и дипломаты. В этом смысле ситуация в Греции и Турции могла послужить поводом и подходящим моментом, чтобы придать международное звучание повороту в американской политике.

Между Маршаллом, заместителем государственного секретаря Ачесоном, американскими дипломатами, занимающимися Ближним и Средним Востоком, ведущими представителями сенатской комиссии по внешней политике, среди которых были республиканец Ванденберг и демократ Коннэлли, развернулись лихорадочные споры. Ачесон энергично отстаивал тему коммунистической угрозы всему Средиземноморью, отмечая при этом опасность успеха коммунистов в Греции или контроля со стороны СССР над Дарданеллами. Невозможно было определить степень коммунистической угрозы для Греции, но было много оснований в связи с переменами в соседних Балканских странах опасаться и даже предвидеть, что правительство Афин вступает в период глубокого кризиса, а это может открыть двери коммунистам. Несомненно, что у турецкого правительства был большой запас прочности как в военном, так и в дипломатическом отношении для оказания со-

противления советскому давлению; однако представлялся весьма благоприятный случай, чтобы вновь утвердить довоенную концепцию, которая отрицала за Советами какое-либо право на вмешательство в регионе Средиземноморья.

Такова была обстановка в мире во время подготовки речи, которую Трумэн произнес 12 марта 1947 г. на совместном заседании палат конгресса и которая затем стала известна как доктрина Трумэна. Многие, эмоционально оценивая этот документ, видели в нем начало холодной войны, но в действительности Трумэн в своем выступлении лишь официально объявлял, что американцы делают первое предупреждение Москве. Президент обратился в конгресс с просьбой предоставить 400 млн долларов для оказания помощи Турции и Греции на период до июня 1948 г. Грекам следовало предоставить срочную помощь продуктами питания, различные виды экономической помощи, а также вооружение для экипировки армии, сражавшейся с партизанами-коммунистами с целью восстановить контроль над территорией всей страны; помощь Турции должна была быть предоставлена в целях сохранения целостности территории страны, что было «важно для сохранения порядка на Среднем Востоке».

Президент придал своему выступлению типичный характер торжественных посланий, которые периодически намечали отношение США к внешнеполитическим вопросам, определяли общий круг проблем, характеризовали неизменные позиции и происходящие перемены. Послание представляло собой выражение глобального обязательства, которое брали на себя американцы. В нем определялись цели внешней политики Соединенных Штатов; они заключались в создании условий жизни, свободных от принуждения, проводилось четкое различие между миром демократии Запада и коммунистической системой. Существуют два глубоко различных образа жизни: «Сегодня — говорил Трумэн, — почти все государства должны выбрать между альтернативными образами жизни», но не всегда выбор осуществляется свободно: «Один образ жизни основывается на воле большинства и для него характерны свободные институты, представительное правительство, свободные выборы, гарантии личной свободы, свобода слова и религии, свобода от политического угнетения. Другой образ жизни основывается на воле меньшинства, силой навязанной большинству. Он опирается на террор и угнетение, на контролируемую печать, на выборы, результаты которых предопределены, и на подавление личных свобод».

Политика Соединенных Штатов должна была быть такой, чтобы защитить демократические режимы и помогать свободным

народам самим выбрать свою судьбу, помощь должна быть экономической и финансовой. Если свобода выбора находится под угрозой, то необходимо вмешаться в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций, которые запрещают агрессию или политическое подчинение косвенным путем. Поэтому, помогая свободным народам противостоять от угрожающей им опасности, Соединенные Штаты только следуют принципам ООН. Речь заканчивалась высокопарным оборотом: «Семена тоталитаризма прорастают в нищете и нужде. Они распространяются и вырастают на скверной почве бедности и конфликтов. Они достигают своего максимального развития, когда народ утрачивает надежды на лучшую жизнь. Мы должны поддерживать эту надежду. Свободные народы мира смотрят на нас в надежде найти опору и защиту своих свобод. Если у нас возникнет колебание в нашей ведущей роли, то мы поставим под угрозу мир во всем мире и, конечно, подвергнем опасности благополучие нашего государства. Огромная ответственность возложена на нас быстро текущим временем. Я верю, что конгресс сплоченно примет эту ответственность».

В этой обстановке Трумэн предложил проект закона, который позволял ему направить помощь Греции и Турции. На основе речи Трумэна 22 мая конгресс одобрил, не без оппозиции, связанной как с сопротивлением изоляционистов и либералов, так и в связи с возражениями тех американских политиков, которые считали более серьезной и заслуживающей немедленного внимания ситуацию в Китае, краткий текст закона, в третьем параграфе которого говорилось, что «государственная целостность и выживание этих государств (т.е. Греции и Турции) важны для безопасности Соединенных Штатов и всех народов, приверженных миру и зависящих от предоставления помощи», ранее предусмотренной.

Таким образом, была осуществлена важная операция: концепция безопасности Соединенных Штатов, сформулированная в 1823 г. в доктрине Монро разработанная для Западного полушария, была распространена на Восточное Средиземноморье. Казус с отказом Великобритании оказать поддержку Греции предоставил Соединенным Штатам возможность впервые утвердить текст закона, закрепляющий глобальное расширение их обязательств. Но, как пишет Герберт Фейс, «утверждения Трумэна означали отказ от взгляда на объединенное сообщество мирных государств как основанное на различающихся социальных системах и идеологиях и тем не менее, позволяющее существовать обществам другого типа». До этого момента концепция раскола мира на противоположные лагеря принадлежала сталинизму; ныне Трумэн

сделал эту концепцию своей и заявил, что «коммунизм надо держать под контролем и сражаться против него». Это привело к острому и глубокому конфликту, причины которого были достаточно ясны.

В самом деле, не была разъяснена связь между принципами, провозглашенными в речи президента, и действительным положением в Греции и в Турции. Сам Сталин, как стало известно, не придавал большого значения выступлению президента, потому что понимал, как пишет Мастны, что «оно не относилось к той части Европы, которая находилась под контролем СССР». И действительно, если сущность доктрины Трумэна объяснять официальными заявлениями президента, то их ограниченность станет очевидной. Но доктрина, помимо того значения, которое она представляла сама по себе, выражала стремление американцев не дать Восточному Средиземноморью попасть во враждебные руки, а также удержать Средний Восток, над которым нависла та же угроза.

Соединенные Штаты, несмотря на принципы, которыми они руководствовались в войне, отныне открыто заявляли о политике международного реализма, т.е. державной политике; там, где другие государства действовали с непринужденностью, унаследованной от античных традиций, американцы сталкивались с затруднениями, связанными с присущей им ранее интернационалистской этикой, которую они теперь отвергали (допустимо, но не разрешено — тезис, нереалистичный уже в прошлые времена). С подобными затруднениями сталкиваются тогда, когда необходимо охарактеризовать то, что делается во имя державной политики, но сказать об этом следовало так, чтобы не слишком противоречить американской традиции во внешней политике. Именно с этой стороны доктрина Трумэна подвергалась критике, поскольку это вносило неуверенность и колебания в процесс формирования новой американской политики на Среднем Востоке. Неуверенная и колеблющаяся политика проводилась в той зоне, где защита демократии слишком откровенно переплеталась с отстаиванием ярко выраженных нефтяных интересов, которые были понятны всем. Напротив, американская политика в Западной Европе, хотя и проводилась с тем же идеологическим обоснованием, представлялась более четкой и ясной.

8.3.4. К ИСТОКАМ ПЛАНА МАРШАЛЛА

Государственный секретарь США Джордж Маршалл 5 июня 1947 г. выступил в Гарвардском университете с речью, в которой объявил о намерении Соединенных Штатов разработать и осуще-

ствить обширный план помощи Европе. В этой речи он впервые объявил о «плане Маршалла», это событие стало одной из доминант в послевоенной международной жизни. После 1947 г. всякий раз, когда хотели отметить потребность многолетней помощи, направленной на решение структурных экономических проблем международного сообщества, стало обычным заявлять о необходимости «своего рода плана Маршалла» как оптимальной формулы для подобного экономического содействия. Так же, как название «Мюнхен» стало символом несправедливости и отступления перед превосходящей силой агрессора, так и выражение «план Маршалла» стало обозначением позитивной и эффективной деятельности, направленной на разрешение структурных кризисов.

Более спокойный исторический подход и изменившаяся ныне международная система позволяют выделить в плане, предложенном американским госсекретарем, не только форму изложения проекта, но и содержание, соответствующее планам реконструкции, и в итоге этот документ можно считать основным вкладом как в политико-экономическую жизнь послевоенной Европы, так и в историю конфликта между Советским Союзом и Соединенными Штатами. План Маршалла, значительно более совершенный и убедительный, чем доктрина Трумэна, исходил из мотиваций и характеристик различного рода, которые были сведены в единое предложение по разрешению кризисной ситуации.

Конечно, все вышеизложенное не должно создать представление о проекте как о совершенной конструкции, рожденной американскими инициаторами плана; не следует считать, что это был сказочно-оптимистический план, вдохновленный благородством великой нации, которая задумала возглавить западный блок. Ведущие американские политические деятели десятилетиями прилагали немало усилий, чтобы придать Соединенным Штатам доминирующую роль в мире, используя разделение экономических и политических обязательств, надеясь создать глобальные системы, связанные с американскими идеологическими оценками международной жизни, а также с утверждением экономической мощи Соединенных Штатов в мире. Наконец, они пришли к определению реалистичного пути для реконструкции той части международной системы, которая могла быть связана с Соединенными Штатами общностью политических институтов и экономических интересов. Итак, отказ от осуществления глобального проекта привел к более ограниченным акциям, но при этом к более консолидированным, а потому и к более эффективным.

В первом полугодии 1947 г. ситуация становилась абсолютно критической, что толкало американскую администрацию безотла-

гательно выдвинуть политико-экономическую инициативу. Она имела четыре направления: эволюция германского вопроса; политико-экономический кризис и инфляция, которые сжимали в тисках европейские страны в очень неустойчивый момент их реконструкции; проблемы международной торговли и риски, связанные с серьезным дисбалансом между наличием долларов и потребностью в них — решение этой проблемы было важно для экономических отношений между Европой и Соединенными Штатами; политический выбор, сделанный тогда американским правительством в тесном сотрудничестве с британским, чтобы прояснить международную ситуацию, в которой превалировала тенденция к ухудшению. Все эти элементы, сливаясь, порождали процесс формирования новых решений, который начался в первой половине 1947 г., с конца апреля до начала июня приобрел бешеный ритм, продолжался накануне выступления Маршалла и не прекратился с изложением его программы. Это было не что иное, как заявление о намерениях, поскольку отсутствовало конкретное содержание, которое должно было быть определено всеми заинтересованными сторонами.

В историографии к плану Маршалла был проявлен значительный интерес, и были высказаны различные его оценки. Остро негативные суждения политических противников Соединенных Штатов и всей историографии советского режима не принимаются нами во внимание, потому что они строились на анализе преданного Сталину экономиста Евгения Варги. Историки этой школы описывали план Маршалла как проект, функционально отвечавший потребностям американской системы производства, которая на полных парах осуществляла переход от военной к мирной экономике, сталкиваясь со скрытыми рисками реконверсии и перепроизводства, навязывая странам-сателлитам подчинение американскому рынку. Время показало, насколько были справедливы эти критические замечания — реализация плана не привела к торговой колонизации Европы со стороны Соединенных Штатов, хотя и создала тесную взаимозависимость между экономическими системами, для которых были характерны быстрые темпы роста и расширение торговли.

Некоторые историки, напротив, выделили одну из основных причин, которые привели к принятию американской программы, сделав проблему Германии «единственным» объяснением разработки проекта. Этот анализ представляется сильно искаженным, поскольку позволяет лишь частично объяснить, почему германскому вопросу отводилось столь много места в подготовительных разработках, а это породило тенденцию превратить его в главное,

если не исключительное, объяснение решений, принятых в Вашингтоне. В других исследованиях не учитывается специфика американского процесса принятия решений (достаточно вспомнить сложное прохождение закона о ленд-лизе в конгрессе), подчеркивается приблизительный или слишком общий характер предложений государственного секретаря, чтобы сделать вывод, что настоящего плана и не существовало. Прийти к правильному заключению совсем непросто, потому что в июне 1947 г. план еще не мог быть подготовлен полностью, поскольку для его формирования необходимо было участие тех европейских держав, которые были приглашены разрабатывать его вместе с Соединенными Штатами. Все это необходимо учитывать, чтобы помнить, что ради упрощения не следует забывать о сложности ситуации. План Маршалла был результатом сложной ситуации, и, как таковой может быть понят, только если одновременно учитываются все генерирующие его элементы, даже если для анализа требуется их расчленить.

Четыре великие державы, которые разработали мирные договоры с малыми странами «Оси», впервые ответственно подошли к вопросу о будущем Германии только после подписания этих договоров. 10 марта 1947 г. в Москве началась сессия Совета министров иностранных дел — органа, который эффективно работал до декабря 1946 г. (сессия в Нью-Йорке) над решением малых проблем, чтобы обсудить очень сложный вопрос о судьбе Германии и Австрии. Сессия была очень долгой, она растянулась больше чем на месяц — до 26 апреля 1947 г., но выявила глубокое и полное различие во мнениях сторон и невозможность добиться в то время не только компромисса, но даже создать предпосылки для совместной работы. Каждый аспект будущего Германии становился доказательством подобных разногласий. По вопросу о том, как должно было бы создаваться Германское государство, англо-американцы, с одной стороны, выдвигали концепцию создания единого государства, но разделенного на земли, обладавшие значительной автономией (такой, чтобы расколоть потенциальную опасность и не дать, в случае возрождения экстремистских тенденций в одной из областей, им возможности распространиться на всю страну), хотя и находящиеся под координацией центрального правительства с очень ограниченными полномочиями. Советы предлагали схему централизованного государства, управляемого на основе «демократических выборов». Французы, которые тогда больше других европейских стран ощущали опасность возрождения слишком сильной Германии, были против советской

формулы, но и англо-американское предложение оценивали как заходящее слишком далеко, потому что считали, что центральное правительство в условиях федеративной структуры должно было располагать очень ограниченными полномочиями.

Дискуссии о характере государственного устройства были напрямую связаны с вопросом о репарациях и политическом контроле над страной. Советы требовали установления централизованного германского правительства, поскольку полагали, что такое правительство лучше сумеет выплатить репарации, о своем праве на получение которых они неоднократно заявляли, опираясь на Ялтинские и Потсдамские соглашения. Американцы и англичане обвиняли Советы в вывозе германского имущества сверх всякой меры; французы управляли своей зоной оккупации таким образом, что рост производства способствовал не повышению уровня жизни населения, а обеспечивал возможность выплачивать репарации.

Это переплетение институциональных и экономических проблем обусловило всю сложность ситуации. Наиболее развитые в промышленном отношении западные области Германии были ущемлены наложенными оккупационными властями ограничениями на уровень производства, который не должен был превышать потенциала предприятий, сохранившихся после войны в рабочем состоянии. Этим областям предстояло решить проблему размещения свыше 8 миллионов переселенцев из Силезии и Померании, вынужденных бежать в Западную Германию. При отсутствии налаженной административно-политической жизни на оккупационные власти ложилась обязанность следить за развитием общественного мнения, которое отражало разброд в умонастроениях: от реваншистских тенденций до коммунистических и социалистических надежд. В обстановке глубоких политических перемен возрождались умеренно-центристские силы под руководством Конрада Аденауэра, будущего канцлера Федеративной Республики Германии, лидера Христианско-демократического союза (ХДС).

В ситуации тупика, созданной противоречивыми предложениями, Маршалл вернулся к идее договора о четырехсторонних гарантиях, предложенной Бирнсом год назад без особого успеха. Как Советы, так и французы обусловили свое присоединение к положениям договора решением проблемы репараций и требованиями, выдвинутыми обеими странами по экономическому и территориальному вопросам, чтобы воспрепятствовать серьезному возобновлению переговоров. Англичане и американцы решили занять независимую позицию и, опасаясь ухудшения политической ситуации в управляемой совместно Бизонии, предложили су-

щественное увеличение уровня производства, разрешенного для германской промышленности, в особенности производства стали, которое они намеревались довести почти до максимума существующих мощностей. Советы обусловили свою поддержку включением текущей продукции в выплаты по репарациям. Французы оказались зажатыми между различными силами давления. Во Франции правительство Рамадье должно было действовать, учитывая присутствие коммунистов в коалиционном кабинете, а также замыслы их изгнания из правительства. В Москве французский министр иностранных дел Ж. Бидо рисковал оказаться в изоляции или быть раздавленным, занимая позиции, близкие к советским, и поэтому должен был действовать с осторожностью, чтобы не нарушить связей с Великобританией и Соединенными Штатами, с которыми он намеревался принять совместные решения вне сессии. В итоге дискуссия завершилась безрезультатно.

Госсекретарь Маршалл испытывал давление в связи с присутствием в делегации Джона Фостера Даллеса, главного эксперта республиканцев в области внешней политики. Эта личность пользовалась громадным авторитетом, ибо чем больше ощущались результаты успеха республиканцев на промежуточных выборах в ноябре 1946 г., тем яснее можно было предвидеть успех тех же республиканцев на президентских выборах 1948 г. и приход Даллеса на пост государственного секретаря. В середине апреля Маршалл понял бесполезность переговоров и стал действовать в соответствии с выработанными правительством рекомендациями. Обсуждая с англичанами намеченные решения, Маршалл хорошо понимал необходимость разработать план, который позволил бы выйти из сложившейся тупиковой ситуации. Прежде всего это касалось вопроса об экономической помощи, отсутствие которой раздражало чувствительных французов, ощущавших себя преданными в связи с признанием за немцами права на экономическое и политическое восстановление. Именно это обстоятельство подсаживало, что любой проект должен разрабатываться как план, предназначенный не только для Германии; задуманный план надо было вписать в общие рамки, чтобы германский вопрос был совместим с требованиями французов. Когда сессия была приостановлена и перенесена на осень того же года, Сталин не высказал удивления и даже пессимизма; более того, он думал, что пауза в работе поможет: спустя несколько месяцев можно будет достичь компромисса, чтобы добиться «реализации экономического и политического единства Германии». На обратном пути в Вашингтон Маршалл, пересекая Европу, понял, что необходимо срочно принимать решения.

Американцам и многим европейцам положение в Европе в начале весны 1947 г. казалось трудным, почти непоправимым. Зима была такой, что ее вспоминали как самую суровую зиму послевоенного времени. В некоторых странах, например в Италии, дошли до точки и вынуждены были прекратить распределение предметов первой необходимости из-за недостатка в средствах оплаты или из-за нехватки продуктов. Общественные настроения были пронизаны пессимизмом и безнадежностью, как будто невозможно было восстановить жизнеспособную европейскую экономическую систему. «Атмосфера паники и безумия охватила некоторые зоны страны, — охарактеризовал Де Гаспери ситуацию в Италии этих дней, добавив, — в робких душах возобладал жестокий антиобщественный инстинкт эгоизма». Психологически можно понять позицию буржуазных слоев, на плечи которых легла тяжелая ответственность трудного экономического и политического выбора; можно понять горечь тех, кого в течение десятилетий обвиняли в том, что они виновны в нищете, голоде, войнах. Возможно, многие из тех, кто принадлежал к экономически и социально господствующим слоям, понимали, что антибуржуазная критика со стороны социалистического и коммунистического движения не лишена оснований.

В действительности экономическая ситуация в Западной Европе не была столь безнадежной, как казалось тем, кто пережил пять трудных лет войны и почти два года неощутимого мира. Уже началась реконструкция и даже с некоторым успехом, который, однако, был ограничен необходимостью преодолевать предпринимательский риск, нехваткой капиталов для инвестиций, дефицитом платежного баланса, связанного с невозможностью еще больше сократить расходы, — с трудностями такого рода столкнулись многие правительства, опасаясь нарушить социально-политическое равновесие. Мы снова повторяем: следует учесть, что только жестко авторитарные режимы могли достичь желательных результатов, после того как европейские народы перенесли мучительные жертвы во время войны. Требовать дальнейшего самопожертвования в целях реконструкции экономической системы представлялось невозможным, в особенности когда концепция реконструкции не сопровождалась обещанием реконструкции-революции, а была политическим выбором Запада. Индекс измерения реконструкции, достигнутый в крупнейших европейских странах, может быть объективно рассчитан на основании данных, полученных из публикаций ООН «Economic Surveys on Europe»

*Национальный доход: динамика между 1938 и 1947 гг.
(в долларах 1950 г.)*

Бельгия	-2,7	Люксембург	+35,5
Франция	-15,3	Нидерланды	-5,4
Западная Германия	—	Великобритания	-1,9
Италия	-0,3	Соединенные штаты	+62,5
Национальный доход на душу населения			
Бельгия	-4,8	Люксембург	+39,7
Франция	-15,6	Нидерланды	-16,1
Западная Германия	—	Великобритания	-6,9
Италия	-6,9	Соединенные Штаты	+43,8
Сельскохозяйственное производство: динамика между 1934–1938 и 1947–1948 гг. (уровень 1934–1938 гг. — 100%)			
Бельгия и Люксембург	85	Нидерланды	87
Франция	77	Великобритания	108
Западная Германия	64	Соединенные Штаты	136
Италия	89		
Промышленное производство: динамика между 1938 и 1948 гг. (уровень 1938 г. — за 100%)			
Бельгия	121	Люксембург	145
Франция	108	Нидерланды	113
Саар	67	Великобритания	129
Западная Германия	50	Соединенные Штаты	217
Италия	96	СССР	118

Эти данные, в целом, свидетельствуют о трудном, но очевидном восстановлении промышленности в 1948 г., когда были едва ощутимы первые результаты плана Маршалла. Эти показатели следует дополнить данными о безработице в 1946 и 1947 гг. (в тыс. человек).

Страна	1946	1947
Бельгия	48	36
Франция	57	46
Италия	1324	1620
Нидерланды	89	47
Великобритания	237	374
Соединенные Штаты	2270	142

Показатели платежного баланса свидетельствовал и о том, каким бременем были внешнеторговые расчеты упомянутых здесь ведущих стран. Каждая цифра отражает миллионы в валюте соот-

ветствующей страны, за исключением Бельгии — Люксембурга, о которых мы располагаем данными во французских франках.

Страна	1945	1946	1947	1948
Бельгия	—	—	—	—4625
Франция	—1496	—2049	—1676	—1738
Италия (млрд лир)	—135	—144	—355	+11
Нидерланды	—1312	—1667	—1447	—312
Великобритания	—870	—230	—381	+26

Уровень цен представляет собой главный индикатор инфляции в различных европейских странах и является мерилем восприятия публикой трудной ситуации в стране. Эти данные выведены на основе системы индексов, которая позволяет сравнить довоенный уровень цен с уровнем цен первых лет реконструкции (1929 г. принят за 100%).

Страна	1939	1945	1946	1947	1948
Бельгия	76	363	413	470	—
Франция	108	376	635	764	1009
Германия	—	—	—	—	—
Италия	104	2058	2881	5154	5437
Нидерланды	106	181	181	175	178
Великобритания	79	157	152	159,1	65

Эти данные не создают однородной картины. В конечном счете, и ситуация в странах, разоренных войной, и в тех, что не очень пострадали, заметно различалась; неодинаковой была и экономическая политика, которую проводили правящие партийные коалиции или отдельные партии. Совокупность данных свидетельствует о медленных темпах промышленного восстановления, мучительном дефиците платежного баланса, то есть, зависимости, в частности, от Соединенных Штатов, и, в некоторых случаях, острой драматичности ситуации под давлением инфляции. В обычные времена любая из европейских стран могла бы постепенно подняться, так как население было склонно пожертвовать необходимым, чтобы скопить капитал для инвестиций. Так было обычно, но давление Советов создавало у ведущих деятелей реконструкции ощущение неадекватности ситуации. Следует учитывать, что первое полугодие 1947 г. стало периодом, когда все проблемы воспринимались особенно болезненно, а совпадение с обострением политико-экономических проблем Германии усиливало ощущение кризиса.

Одним из главных аспектов трудностей в экономической среде являлось состояние платежного баланса, отличавшегося серьезным дефицитом, который почти полностью приходился на Соединенные Штаты. Американцы считали до 1946 г., а в перспективе и на 1947 г., что смогут восполнить дисбаланс. Они надеялись в короткие сроки нормализовать положение, поэтому не считали ни полезным, ни благоразумным продолжать дотировать европейский дефицит в торговле с Соединенными Штатами, и полагали, что при определенных условиях порочный круг может быть разорван. Основные показатели были следующие: с середины 1945 г. (сразу после окончания войны) и до июня 1947 г. Европа получила от Соединенных Штатов помощь в объеме, который превышал величину, установленную по плану Маршалла. На долю Великобритании приходилось 4,4 млрд долларов, Франции — 1,9 млрд долларов, Италии — 330 млн и на три страны Бенилюкса вместе — 546 млн.

На основе анализа фактических данных и в связи с вопросами, возникающими в связи с германской проблемой, государственный департамент выступил с инициативой, которая даже превосходила ожидания Трумэна, и начал разрабатывать различные аспекты возможного единого плана. Еще до объявления плана, американцы выдвинули условие, чтобы в странах Западной Европы, где в правительствах пока участвовали представители коммунистов, были бы образованы политически однородные правительства в связи с необходимостью возвращения к нормальной рыночной экономике, как программировали американские специалисты.

С марта 1947 г., параллельно с доктриной Трумэна в отношении Греции и Турции, американская администрация изучала проблему политических последствий, которые могли быть порождены трудностями европейской реконструкции. Трумэн выступил 6 марта в Университете Бэйлор (в Уэйко, в Техасе) с речью, как обычно несправедливо мало известной, в которой он представил подготавливаемый план: «Сегодня, как в 20-е годы, — сказал Трумэн, — мы переживаем поворотный момент в истории. Национальные экономики разрушены войной. Будущее повсюду неясно. Экономическая политика непоследовательна. В этой атмосфере сомнений и колебаний чувством решительности обладает то высококлассное руководство, которое Соединенные Штаты смогли обеспечить миру. Мы являемся экономическим гигантом в мире. Хотим мы этого или не хотим, но структура будущих экономических отношений будет зависеть от нас. Мир в ожидании смотрит на нас, стремясь увидеть то, что мы собираемся сделать. Мы должны

выбрать нашу цель. Мы можем повести нации к экономическому миру, либо ввергнуть их в экономическую войну».

Он восхвалял экономическую и политическую свободу — благо, которое американцы считают «самым важным в мире». Свобода должна проявляться, прежде всего, в международной торговле, где происходит сопоставление двух систем: системы свободы, обеспеченной выбором частных лиц, и системой, где выбор навязан правительством. Эту ситуацию можно понять, но нельзя принять: «Во всем мире каждая страна находится под экономическим давлением. Страны, разрушенные войной, стремились восстановить свою промышленность. Их потребность в импорте в ближайшие месяцы будет превышать их способность экспортировать. Поэтому они вынуждены жестко контролировать импорт... Если эта тенденция не будет изменена, правительство Соединенных Штатов раньше или позже окажется под нажимом, чтобы использовать те же самые средства в борьбе за господство на рынках продукции и в борьбе за сырье... Но с окончанием войны мы всегда стремились избежать именно этого. Это не американский метод. Это не путь к миру. Наш народ един. Он оказался способен понять свою ответственность. Он готов принять на себя ведущую роль. Он решил действовать во имя такого международного устройства, при котором мир и порядок являются долговременными. Нелегко добиться мира и свободы. Их нельзя завоевать силой. Они приходят благодаря взаимопониманию и сотрудничеству, желанию вести себя честно во всех экономических и политических областях со всеми дружественными странами. Мы желаем продолжать идти этим путем сейчас и в будущем. Если другие страны мира будут вести себя так же, будет возможно достигнуть мира и свободы в мире».

Слова президента, хотя и отражают дух универсализма, позволяют четко понять волю Соединенных Штатов встать во главе «свободного мира», и определить, что тема свободы и нормализации торговых отношений, как и в предыдущие годы, была и осталась доминирующей в американской внешней политике; в них изложена американская концепция реконструкции мира, включая Западную Европу.

Несколько дней спустя государственный секретарь Ачесон обратился в Комитет координации американских вооруженных сил (*State-War-Navy Coordinating Committee*, известный под аббревиатурой SWNCC) с просьбой проанализировать ситуацию вместе с государственным казначейством. Он оценивал ее в выражениях, враждебных по отношению к СССР, стремившемуся не допустить глобального преобладания США, к которому Трумэн вновь

призывал. Комитет разработал к 21 апреля предварительный доклад, основываясь на концепции, что лучший способ остановить коммунизм — это использовать хлеб и бюллетени для голосования, а не пули. Тем временем и Уильям Клейтон, который побывал в Европе и хорошо представлял ее положение, составил свой план экстренного вмешательства, который 27 апреля представил Трумэну. Два дня спустя, 29 апреля, Трумэн поручил Кеннану изучить возможности и методы экстренной помощи Европе. Кеннан руководил тогда комитетом политического планирования, т.е. своего рода «исследовательским центром», которому было дано задание разработать исходные пункты для последующего американского политического вмешательства. За месяц работа была выполнена, и 23 мая Маршалл получил краткое изложение оперативного плана.

Между тем, Ачесон по поручению Трумэна обрисовал дальнейшие намерения США, выступив 8 мая в Кливленде, в Миссисипи, с речью, которую обычно расценивают как своего рода прелюдию к плану Маршалла, представленному публике менее чем через месяц. Ачесон сообщил, что по возвращению из Москвы, Маршалл говорил не столько об идеологических и военных проблемах, сколько о «питании, горючем и об их соотношении с промышленной реконструкцией» в связи с отношениями Европы с остальным миром. Затем он добавил: «Наш экспорт товаров и услуг за рубеж в течение этого, 1947 г., оценивается приблизительно в 17 млрд долларов, что является самым высоким уровнем за любой мирный период. До войны наш экспорт товаров и услуг составлял около 4 млрд долларов... в год. Взамен., согласно нашим предположениям мы получим товаров и услуг из-за рубежа на сумму приблизительно 8 миллиардов долларов... Мы хотели бы, чтобы этот импорт был еще больше, но мир, разрушенный войной, не в состоянии поставлять больше».

Разница составляла примерно 8 млрд долларов, но проблема заключалась в платежах. На 1947 г. можно было предусмотреть дальнейшие экстраординарные меры, но что же ждало в следующем году, когда законодательство о чрезвычайной помощи перестало бы быть эффективным? Ачесон дал свой ответ: «Соединенные Штаты должны закупать за рубежом как можно больше товаров, чтобы уменьшить дефицит, существующий между тем, в чем мир нуждается, и тем, за что он может заплатить. В этом нет никакого милосердия. Речь идет о здравом смысле и выгодном бизнесе. Сегодня по гуманитарным соображениям и в наших интересах мы вынуждены финансировать этот огромный дефицит мирового платежного баланса. Единственный нормальный способ

устранения этого дефицита — это импорт как можно большего количества товаров из-за рубежа. Никогда в мире ни для кого из нас не будет мира и безопасности, пока зарубежные страны не будут в состоянии оплачивать товарами и услугами то, что им нужно импортировать, а также осуществлять оплату своих потребностей в промышленном оборудовании из более нормальных источников финансирования».

Описываемое положение обязывало Соединенные Штаты продолжать оказывать экстренную финансовую помощь, осуществляя при этом контроль за ее распределением. В заключение Ачесон сказал: «Поскольку мировой спрос превышает наши возможности, мы должны сконцентрировать нашу чрезвычайную помощь в тех зонах, где она может принести *наибольший результат для установления политической и экономической стабильности в мире, для развития свободы личности и демократических институтов, а также содействовать политике свободы торговли и укреплению авторитета Организации Объединенных Наций*».

Итак, в своем прагматическом заключении он свел общие рассуждения к определенной проблематике; перешел от чисто экономических к экономико-политическим вопросам; определил границы американской активности. Это позволяло считать решенной проблему, ранее остававшуюся неясной: разрабатывавшиеся проекты были предназначены только для Западной Европы или для всей Европы. Выступление отражало точный замысел, который вдохновлял американский выбор. В заключение утверждалось, что финансовое и торговое оздоровление было не проявлением американского великодушия, а потребностью экономической системы самих Соединенных Штатов, связанной не с кризисом перепроизводства, а с необходимостью финансового и торгового оздоровления.

«Только если европейская реконструкция будет завершена, — писал Кеннан — станет возможно развитие мировой торговли, и Европа и Соединенные Штаты смогут с удовлетворением поддерживать нормальные взаимовыгодные экономические отношения. Опыт прошлых лет показал, что Соединенные Штаты не могут наслаждаться жизнью в обстановке очевидного процветания, если мир находится в состоянии депрессии».

Во всех разработках, подготовленных за короткое время администрацией Соединенных Штатов, присутствовала в основном аргументация чисто экономического характера. Между тем, свести всю проблему лишь к технико-экономическому аспекту означало искусственно изолировать ее от окружавшего политического контекста, т.е. пренебречь связями, которые Ачесон едва намечил, но которые составляли культурологическую основу всей схемы.

Характер политической обеспокоенности американцев был ярко описан самим Кеннаном, на которого в то время повлияло чтение широко известной работы Гиббона «*История упадка и разрушения Римской империи*»: «Дальнейшее ухудшение положения могло оказаться катастрофическим для Европы. Оно могло привести к таким лишениям, к таким потерям, к такой безнадежной борьбе за контроль над недостающими ресурсами, что породило бы отказ от принципов, которые составили основу современной европейской цивилизации и за которые, как отложилось в сознании многих, боролись во время двух мировых войн. Принципы права, справедливости, ограничения в исполнении политической власти, которыми уже пренебрегали, могли бы быть искажены — вместе с ними и жизненно важный принцип, что целостность общества... должна опираться на уважение и достоинство отдельного гражданина. Последствия этого кризиса перевесили бы общие опасения, связанные с угрозой «коммунистического контроля». Продолжение современной ситуации в Европе грозит, ни больше, ни меньше, возможностью, что европейцы откажутся от ценностей индивидуальной ответственности и политического контроля, которые принадлежат традиции их континента. Это разрушило бы многовековое прогрессивное развитие и нанесло бы такой ущерб, что только последующие века могли бы возместить понесенные потери».

Признавая определенную высокопарность речи, необходимо отметить, что она отражала состояние духа одного из авторитетнейших вдохновителей плана Маршалла. В речи были объединены направления, ранее остававшиеся разделенными: ограниченность и непоследовательность европейской реконструкции; необходимость добиться не травмирующего метода ведения переговоров по германскому вопросу; понимание трудностей в возрождении международной торговли. Все эти обстоятельства содействовали тому, что американская администрация сделала не случайный, а продуманный выбор. К этому выбору она призывала, казалось, всех европейцев, но, в действительности обращалась только к странам, совместимым с системой рыночной экономики, защита которой составляла несомненный интерес Соединенных Штатов.

Хотя основа выбора новой ориентации была экономической, но она отвечала более общим политическим требованиям, соотносилась с новой внешней политикой, которую администрация Трумэна разработала за «*пятнадцать недель*» (определение, данное этому интенсивному творческому периоду американской дипломатии одним из главных участников — Дж. Дж. Джонсом, входившим в число ведущих сотрудников Маршалла и Ачесона).

Это были пятнадцать недель, определившие характер международной системы на сорок лет. Метод, с помощью которого намечалось возможное присоединение Советов или стран Восточной Европы, был задуман как оптимальный вариант свалить на сами Советы происшедший раскол Европы на блоки, или, напротив, использовать его (теоретически это не исключалось) для прорыва «железного занавеса» в благоприятном для Запада смысле. В записке Комитета политического планирования от 23 мая было четко отмечено, что предложение должно было быть обращено ко всем европейским странам, но «таким образом, чтобы государства-сателлиты России, отказавшись принять предложенные условия, сами заявили о собственном отказе, либо предложенный метод позволил бы им отказаться от эксклюзивной ориентации их экономики» на СССР. Клейтон, в свою очередь, утверждал, что план должен быть составлен на основе «таких формулировок, что Восточная Европа смогла бы в нем участвовать, но при условии отказа от исключительной ориентации своей экономики на Советы».

8.3.5. РЕЧЬ МАРШАЛЛА И ОТКЛИКИ НА НЕЕ

5 июня 1947 г. Маршалл выступил в Гарвардском университете с речью, в которой обобщил политические и экономические трудности момента и остановился на теме реконструкции: «Совершенно очевидно, — сказал Маршалл, — что оздоровление экономической структуры Европы потребует очень продолжительного периода времени и значительно больших усилий, чем это предусматривалось».

Он описал ситуацию в Европе и отметил, что ей потребуется американская помощь в течение, по крайней мере, трех или четырех лет, чтобы закупить, прежде всего на американском рынке, продукты, необходимые для выживания. Ухудшение положения может вызвать «тяжелейший кризис в экономической, политической и социальной сферах». Необходимо разорвать этот порочный круг, чтобы избежать последствий, грозящих отразиться также и на американской экономике. Необходимо по-новому подойти к проблеме: «Понятно, что Соединенные Штаты делают все, что могут, чтобы осуществить возврат к здоровой экономике, без которой не может быть ни политической стабильности, ни прочного мира. Наша политика направлена не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса. Ее целью должно стать возрождение в мире эффективной экономики, чтобы возникли такие политические и социальные условия, в ко-

торых могли бы функционировать свободные институты». Время паллиативных мер закончилось, настало время подлинной терапии. Все страны, которые восприняли бы эти идеи, могли рассчитывать на американскую помощь; силы, которые, напротив, стремились «сохранить навечно человеческую нищету, чтобы извлечь из нее политическую или какую-либо иную выгоду», натолкнулись бы на противодействие Соединенных Штатов.

Речь шла об обращении общего характера; Маршалл добавил к нему основной политический вывод: «Прежде, чем правительство Соединенных Штатов смогло бы пойти дальше в своих усилиях облегчить ситуацию и оказать поддержку Европе на путях реконструкции, должно быть выработано определенное соглашение между странами Европы. Оно должно определить их потребности и вклад, который каждая из них захочет внести, чтобы придать большую эффективность инициативе, которую наше правительство смогло бы предпринять. Для нас было бы не эффективно и не уместно односторонне представить программу с целью экономического возрождения Европы. Это задача европейцев. Я думаю, инициатива должна прийти из Европы. Роль [Соединенных Штатов] должна заключаться в предоставлении дружеской поддержки в той мере, в какой для нас будет полезно это сделать. Программа должна стать общей программой, результатом соглашения если не всех, то определенного числа европейских стран».

Обычно выделяют два аспекта речи Маршалла: ее расплывчатый характер и призыв к общей европейской деятельности. Неопределенный характер речи рассматривался тогда, как негативная составляющая плана, почти как импровизация. Напротив, это был результат преднамеренного расчета: показать, что у США нет намерения диктовать свои условия европейцам, что они хотят работать вместе с ними (или с той частью из них, кто примет предложение) программу необходимой помощи. И действительно, в речи было намечено четкое разделение обязанностей. Именно европейцы должны были сказать, в чем они больше всего нуждались, а американцы могли ответить, в какой степени они способны были удовлетворить эти потребности. В конце концов, проект не содержал чудодейственного решения, он выполнял скорее функцию маховика, который раскрутил бы тяжело пылящий мотор европейской реконструкции.

Что касается общей европейской программы, то смысл предложения стал ясен через некоторое время, поскольку она содействовала выявлению потенциального расхождения между странами, которые приняли план, и теми, кто от него отказался (страны, находившиеся под советским влиянием); одновременно это доста-

точно реалистичное предложение наносило первый энергичный удар по утопическому европеизму. Маршалл предлагал европейцам объединить свои усилия с американскими политическими инициативами в целях более эффективной координации, т.е. формировалась первая фаза процесса интеграции Западной Европы. Европеизм выходил из состояния неопределенности и трансформировался в политическую деятельность в ответ на американскую инициативу, предлагавшую комплексное рассмотрение общих проблем, включая и новые предложения по решению германского вопроса. При таком подходе основательно подрывались гегемонистские проекты Сталина, единственной целью которых было укрепление советской безопасности в ущерб другим странам.

Предложения Маршалла сразу же приняли Париж и Лондон. Бевин был прекрасно осведомлен о реальных намерениях американцев. Бидо потребовал немедленно послать Молотову приглашение на предварительную встречу. Французский министр действовал, руководствуясь внутривластными соображениями, но и он полностью понимал значение поворота в американской политике. В середине июня оба министра встретились и пригласили Молотова в Париж на трехстороннюю встречу, которая была назначена на 27 июня. Советский министр принял приглашение и прибыл в Париж в сопровождении многочисленной делегации (некоторые свидетельства отмечают около сотни, а другие около 300 экспертов), что, возможно, свидетельствовало об искреннем намерении основательно обсудить американские предложения, как сам Молотов подтверждает в своих мемуарах.

В итоге, в течение нескольких дней, с 27 июня по 2 июля, Молотов участвовал в дискуссии, сочетая стремление к сотрудничеству с элементами резкой критики. Между тем, в течение всех этих дней он пытался заставить англичан и французов отказаться от той формы ответа, на которой настаивал Маршалл: вместо общего европейского проекта предлагалось сформулировать отдельные ответы, касающиеся нужд каждой страны. Этот вопрос поднимался несколько раз в более или менее острой форме, что отражало наличие колебаний и в Москве. Историки той эпохи вспоминают, что советский министр находился в постоянном контакте со Сталиным и Политбюро. Во время этих контактов Молотов получил информацию от советских секретных служб, что план воспринимался англичанами и американцами как защита от советской угрозы.

В этой ситуации любое колебание было объяснимо. На заседании 2 июля Молотов обвинил Бидо и Бевина в стремлении использовать предложения Маршалла как средство для создания новой организации, которая вмешивалась бы во внутренние дела

стран-участниц и руководила бы их развитием. Помощь предоставлялась бы только при условии покорности стран-участниц ответственным руководителям этой организации. Это означало бы, в сущности, по оценке Молотова, неприемлемое требование вмешательства в суверенные права других стран. Он заявил, что принятие плана на этой основе привело бы к расколу Европы на два блока, поэтому в таких условиях он не может продолжать участвовать в дискуссиях. Бидо и Бевин решили идти дальше своим путем и сразу же пригласили все европейские правительства, за исключением советского и испанского (тогда подвергавшегося остракизму, потому что в стране господствовал диктаторский режим фашистского типа), принять участие в конференции, которая должна была собраться в Париже десять дней спустя.

Хотя до сих пор не совсем ясны причины поведения Советов, но совершенно очевидно, что они пошли навстречу намерению американцев оказать поддержку реконструкции лишь той части Европы, которая была связана с рыночной экономикой. Страны, находившиеся под советским господством и в той или иной мере зависевшие от Советского Союза, находились в сильном замешательстве: американское предложение представлялось всем как возможность получения эффективной помощи.

Чехословацкое правительство приняло франко-британское приглашение 4 июля, после отъезда Молотова из Парижа. Польское и югославское правительства готовились последовать этому примеру. Тем не менее, 9 июля чехословацкий премьер-министр коммунист Готвальд и министр иностранных дел Масарик в большой спешке прибыли в Москву для встречи со Сталиным, который прямо сказал им, что западные державы в действительности стараются создать блок, нацеленный на «изоляцию Советского Союза». Более того, в качестве «основного вопроса» на карту была поставлена тема советской дружбы: «Если вы поедете в Париж, — сказал Сталин, — то тем самым выразите намерение участвовать в акции, направленной на изоляцию Советского Союза. Все славянские государства отказались от участия, и даже Албания имела смелость отказаться, вот причина, по которой, как мы считаем, вы должны изменить свое решение». При таком обороте дела ситуация становилась безвыходной даже для независимых чехословаков. 10 июля, после напряженного заседания Совета Министров, их согласие на участие в Парижской конференции было отозвано; поляки и югославы в предыдущие дни также отказались от намерения направить своих представителей в Париж. Раздел Европы совершился.

Другие приглашенные страны (Австрия, Бельгия, Дания, Греция, Исландия, Ирландия, Италия, Люксембург, Норвегия, Нидерланды, Португалия, Швеция, Швейцария, и Турция, кроме того, само собой разумеется, Франция и Великобритания) были представлены на конференции, которая проходила с 12 июля в Париже. Обсуждались запросы европейских стран, методы и принципы реализации американского предложения. Стремление каждой страны привлечь внимание, прежде всего, к своим проблемам, вело к тому, что план становился простым соединением отдельных предложений (что соответствовало пожеланиям Молотова, так энергично отвергавшимся Бевиным и Бидо на начальном этапе дискуссии) и утрачивал характер единого скоординированного европейского проекта. Суммарная оценка общих потребностей, установленных в соответствии с этими просьбами, составила объединенный запрос на оказание помощи на астрономическую цифру в 29 млрд долларов. Клейтон, который представлял американскую сторону, настаивал на более реалистичном и постепенном методе решения проблем; кроме того, он предложил создать организацию, уполномоченную получать, анализировать и передавать предложения и доклады о реальной ситуации в различных европейских странах.

На этой основе в апреле 1948 г. родилась первая организация европейского сотрудничества: Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), к которой позже присоединились сами Соединенные Штаты и Канада. Соединенные Штаты надеялись, что этой организации будут поручены наднациональные задачи, но именно по этому вопросу США натолкнулись на стойкое сопротивление крупнейших европейских стран, ревностно относившихся к своей независимости и озабоченных тем, чтобы финансовые поступления из Соединенных Штатов аккумулировались бы их специальных счетах. Поэтому характер новой организации был преимущественно координационно-технический, она начала свою деятельность в тот момент, когда план Маршалла юридически вступил в силу.

Работа конференции в Париже продолжалась до 22 сентября, когда был представлен общий заключительный доклад, который соответствовал предложениям Маршалла и подтвердил предварительный анализ американского государственного секретаря. По крайней мере частично этот документ отразил американские возражения относительно чрезмерных претензий, возникших в ходе конференции. Проблема заключалась не в том, чтобы возложить только на Соединенные Штаты расходы по реконструкции, а в том, чтобы запустить механизм *самопомощи*, необходимый скорее

для восстановления производительности, чем производства в широком смысле. Американцы должны были установить с согласия европейцев размеры и методы их вмешательства на основе общих рекомендаций, представленных в докладе. Европейские страны взяли на себя обязательство содействовать конвертируемости валют и разработке форм таможенного союза. Стоит отметить, что в те же самые месяцы в Женеве обсуждался вопрос о том, чем заменить Международную торговую организацию (*International Trade Organization*), ее планировалось создать в 1944 г. вместе с Бреттон-Вудскими соглашениями, но она так и не приступила к работе. Поэтому в конце октября было одобрено Общее соглашение по тарифам и торговле (*General Agreement on Tariffs and Trade*), которое должно было играть роль арбитра в международной торговле, исключая Советы и их сателлитов.

Французы во время конференции неоднократно возвращались к германской проблеме и выдвигали свои условия, касавшиеся интернационализации Рурской области и контроля Франции над Сааром. В итоге было принято компромиссное решение, гласившее, что реконструкция Германии весьма важна для возрождения Европы и должна находиться под контролем (ОЕЭС), чтобы избежать пагубных последствий для экономики и финансов других европейских стран. Проекты реконструкции касались всех отраслей производства и предусматривали разный рост в различных отраслях: от минимального в 33% относительно довоенного уровня до максимального в 250% — это касалось добычи угля, производства электроэнергии и стали и переработки нефти.

Общая сумма, необходимая для достижения этих целей и преодоления европейского дефицита, была в общей сложности оценена в 19,3 млрд долларов, которые были распределены на три года. Сумма эта превышала американские оценки и, тем не менее, была недостаточной, чтобы удовлетворить ожидания европейцев. Однако различие подходов было неизбежным и, в конце концов, полезным, потому что помогало администрации Соединенных Штатов в трудных дебатах с республиканским большинством в конгрессе. Принципы, принятые европейцами, представляли своего рода компромисс с американскими установками, поскольку они признавали целесообразным заменить протекционизм сотрудничеством. Односторонние просьбы о консультациях с Соединенными Штатами трансформировались в многосторонний механизм реализации плана Маршалла. Были заложены основы для превращения плана Маршалла в эффективное законодательство и четко оформленные институты, способные предоставлять помощь.

Эта часть процесса касалась почти исключительно Соединенных Штатов. Даже конгресс проявил сочувствие к угрозе экономического кризиса во Франции, Италии и Австрии и одобрил в ноябре 1947 г. программу чрезвычайной помощи, не дожидаясь вступления в силу общего законодательства по плану Маршалла. Зимой 1947/48 г. в эти три страны была направлена чрезвычайная помощь в виде товаров первой необходимости, прежде всего продуктов питания, на общую сумму в 597 млн долларов.

После достаточно продолжительного подготовительного периода, в феврале и апреле 1948 г. в конгрессе начались дебаты, завершившиеся одобрением ряда законодательных мер, которые предусматривали создание Администрации экономического сотрудничества (*Economic Cooperation Administration — ECA*) — института для руководства в Соединенных Штатах реализацией программ международной помощи. Был создан также институт Программа европейского восстановления (*European Recovery Program — ERP*), призванный координировать поступление предусмотренных для Европы ежегодных ассигнований в соответствии с запросами в рамках программы помощи по плану Маршалла. Закон, подписанный Трумэном 3 апреля 1948 г., давал право на ассигнования в первый год 4,3 млрд долларов и поставку еще на миллиард долларов товаров через частные коммерческие каналы. Возглавить *ECA* был приглашен Пол Хоффман, в прошлом предприниматель в области автомобилестроения, президент «Студебекер корпорэйшн»; европейское отделение организации в Париже возглавил Аверелл Гарриман. Итак, предоставление помощи должно было быть согласовано по отдельным странам на основе запросов, изложенных в европейской программе. Помощь могла предоставляться в виде товаров первой необходимости, прежде всего продуктов питания или оборудования, предоставленных американским правительством в виде дара для распределения между отдельными европейскими странами.

Помощь предоставлялась безвозмездно или же превращалась в субсидии на определенных условиях, которые обязывали страну — получатель поставлять товары на ту же стоимость другой стране ОЕЭС, не требуя оплаты. Товары, поставляемые по частным каналам, должны были потом реализовываться на внутреннем рынке по полной цене, а из полученной прибыли правительства формировали «компенсационный фонд», который использовался для финансирования строительных проектов, реконструкции или переоборудования предприятий, а также для других программ, осуществлявшихся с согласия представителя *ERP* на месте. Американская политика, направленная на увеличение производства,

именно по этому вопросу натолкнулась на разные формы сопротивления в различных европейских странах, каждая из которых требовала приоритетного внимания к собственной экономической ситуации.

С апреля 1948 г. по июнь 1951 г., когда экономическая помощь слилась с поставками, реализуемыми на основе Программы военной помощи (*Military Assistance Program*), учрежденной в связи с войной в Корее, общая сумма, предоставленная в распоряжение *ERP* (следует учесть также заем, параллельно выданный Испании) составила 12 млрд 535 млн долларов, почти полностью выплаченных до конца июня 1951 г.

Некоторые американские историки «ревизионисты» утверждают, что, в общем, план Маршалла вылился в стимулирование роста европейской экономики на основе низкой заработной платы (и параллельном подавлении профсоюзного движения), и что в некоторых случаях, как в Италии, привел к экономическому застою. Эти утверждения лишены оснований, так же как пропагандистские тезисы, которые восхваляют план Маршалла как восхитительный результат американской гуманитарной политики, благодаря которой европейской экономике удалось избежать угрозы краха.

В действительности, план Маршалла, если отбросить наивную веру в чудеса, смог почти везде внести решающий вклад в преодоление острого кризисного момента (наиболее трудной ситуация была зимой 1947/48 г.) и способствовал возрождению, которое частично началось с 1948 г. В период функционирования плана Европа завершила послевоенную реконструкцию и вступила в период такого экономического роста (включая Италию), какого раньше не знала. Стоит напомнить, что в 1951г. промышленное производство в ведущих европейских странах, получавших содействие по программе *ERP*, выросло (если принять производство в 1938 г. за базовый индекс 100) в Бельгии до 142, во Франции до 136, в Западной Германии до 115, в Италии до 133, в Голландии до 145, в Великобритании до 155. Платежное сальдо отдельных стран почти повсюду было уравновешено и получило значительную поддержку после создания (осенью 1949 г.) Европейского платежного союза (*UEP*). Создание общего центрального института обеспечило систему межевропейских компенсаций, сократило движение капиталов между странами и позволило осуществлять движение товаров без непосредственной оплаты в соответствующей валюте, что помогло смягчить кризисные моменты.

Цель плана Маршалла заключалась в том, чтобы содействовать, благодаря экономической реконструкции Западной Европы,

возрождению группы государств, которые разделяли ценности и цели Соединенных Штатов. Поэтому, как отмечает Милворд, он сопровождался желанием распространить во всем мире американские принципы социально-экономических отношений. Не следует удивляться тому, что план сопровождался активной пропагандой в пользу «свободного предпринимательства», восхвалением его духа, эффективности и конкуренции: типичные элементы рыночной экономики, составляющие стимулы ее роста. В плане была изложена концепция производительности труда как самодостаточной экономической цели и как косвенного средства смягчения классовых борб. Американский историк Чарльз Майер отметил значение этого элемента концепции, который очень ярко характеризует смысл американского вмешательства, даже если не принимать во внимание результаты, исторически достигнутые в каждой стране.

Кроме этого, американское вмешательство содействовало распространению в Европе стремления к сотрудничеству в решении проблем, что служило альтернативой конфликтам, а также отражало возможность преодоления вековых барьеров, которые негативно влияли на жизнь европейцев и продолжали сдерживать развитие континента. Ныне, когда основной мировой потенциал сместился за пределы Старого Света, анахроничными представлялись конфликты, типа противостояния Франции и Западной Германии. США добивались того, чтобы Западная Европа рассматривала подобные конфликты как внутренние проблемы собственной системы и искала бы решения, отвечающие взаимозависимости, которую пытались создать институты типа Европейского платежного союза и Организации европейского экономического сотрудничества. Кстати, пример Германии был более, чем очевиден. Но столь же очевиден был и тот факт, что план Маршалла оказал решающее влияние на углубление характера конфликта, который разделил страну на два государства, что осложнило поиски решения германского вопроса.

8.3.6. РАСКОЛ ГЕРМАНИИ

Выдвижение плана Маршалла и затем его преобразование в оперативный проект создали условия для нового подхода к германскому вопросу. Как уже говорилось, окончание Московской сессии СМВД не означало открытого разрыва, он был отложен только на время, так как выявилась невозможность прийти к соглашению. В последующие недели американская сторона выступила с инициативой воссоздать в Германии взаимозависимую систему,

невзирая на советские планы и, по существу, отмежевываясь от них. Однако никто не считал возможным открыто заявить о расколе Германии, и четыре оккупационные державы продолжали вести дискуссии о реконструкции объединенной Германии.

Тем не менее, ситуация развивалась в противоположном направлении. На первом этапе работы Парижской конференции Бидо заметил в присутствии Молотова: «Ясно, что для нас невозможно думать о коллективном европейском проекте [в ответ Маршаллу], который не включал бы Германию». Бидо добавил к этому утверждению ряд условий, но не сумел обойти очевидные факты. Вопрос о репарациях, который продолжал оставаться на первом плане в каждой дискуссии, посвященной Германии, и относительно которого открыто спорили местные власти всех оккупационных зон и соответствующие оккупационные органы союзников, по мнению ряда авторитетных деятелей, утрачивал свое значение. Например, Гарриман, утверждал: «Мы не сможем возродить экономически самостоятельную Западную Европу без процветающей Германии, играющей свою роль в объединении производства и потребления». Разработка общего плана европейского восстановления, в котором нашлось бы место и для Германии, сделала бы политически приемлемым экономическое и политическое возрождение Германии, а вне этого общего плана вновь ожили бы недавние, еще не забытые страхи. «Европейская схема» начала уже в то время функционировать не только как инструмент изменения международных отношений на континенте, но и как средство смягчения возможных последствий решения германской проблемы.

Несколько дней спустя после выступления Маршалла в Гарварде, 10 июня 1947 г., произошло слияние британской и американской зон оккупации, образовалась Бизония, формирование которой сопровождалось созданием Германского экономического совета и Исполнительной комиссии, назначенных земельными парламентами (ландтагами) соответствующих зон. Первой задачей Экономического совета было послать представителей на Парижскую конференцию по плану Маршалла. Еще не было четкого согласования политических позиций германских партий (в частности, Христианско-демократического союза — ХДС, и Социал-демократической партии — СДПГ) и оккупационных властей. Англичане в соответствии с директивами лондонского лейбористского правительства ориентировались на проведение национализации и социализации; американцы колебались между оказанием полной поддержки свободному предпринимательству и одобрением национализации базовых отраслей. В итоге ситуация оставалась

неустойчивой, потому что проявлялось стремление к обеспечению занятости и одновременно осуществлялся, по крайней мере на бумаге, демонтаж промышленных предприятий в счет репараций. Однако положение несколько выравнивалось благодаря политике эффективной американской помощи. План чрезвычайных мер по оказанию помощи американской зоне оккупации Германии (*Government Aid and Relief in Occupied Areas* — GARIOA) уже начал реализовываться и предусматривал поставки, даже превышавшие по объему те, что затем поступали по плану Маршалла. Но вопрос, в сущности, был политический и касался взаимоотношения между попытками конструктивно изменить внутреннюю ситуацию в Германии и сохранением режима четырехсторонней оккупации под контролем Верховного союзнического командования. Иначе говоря, в то время как в остальной Европе разрыв между союзниками стал очевиден и должен был лишь обрести институциональные формы, в Германии еще сохранялась видимость четырехстороннего согласия, что тормозило любую одностороннюю инициативу.

Кроме того, закрадывалась неуверенность в связи с медленным процессом законодательного оформления плана Маршалла в оперативную программу. В первой части плана поставок, на основе которой была создана Европейская программа реконструкции, четко определялась квота этих поставок, предназначенных также и Западной Германии. Но вместе с тем еще должна была сказать свое слово дипломатия, которая была занята поисками решений, пока что мало убедительных.

Сессия СМВД в Москве прекратила работу в апреле с обязательством продолжить свои заседания осенью того же 1947 г. Совет министров иностранных дел возобновил работу в Лондоне 25 ноября 1947 г. и завершил ее в обстановке открытого разрыва. Выступления обеих сторон жестко противостояли друг другу. Все взывали к необходимости единой Германии, но каждый рисовал ее будущее в соответствии с собственным видением. Маршалл пришел к выводу, что соглашение невозможно и бесполезно продолжать дискуссии. Молотов снова резко повторил, что американцы хотят только одного — освободиться от обязательств, налагаемых Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями. В сущности, это было правдой, потому что западные союзники к этому времени уже решили приступить к созданию Тризонии. Министр иностранных дел Франции Бидо, несмотря на то, что ему пришлось преодолеть сильное личное предубеждение и противодействие во Франции, с которым ему, как он и думал, предстояло столкнуться по возвра-

щению на родину, на последней стадии конференции вместе с Бевиным и Маршаллом обязался поддержать проект объединения трех зон. Это было не официальное решение, но важная предпосылка и точное указание нового курса, которому теперь намерены были следовать западные союзники в германском вопросе.

В первой половине 1948 г. были сделаны решительные шаги в этом направлении. 9 февраля 1948 г. англичане и американцы пришли к согласию в вопросе о создании временного германского правительства в Бизонии. Вследствие внезапного выступления коммунистов в Праге представители французского, английского и американского правительств, договорившись прежде со странами Бенилюкса о проведении конференции по Германии, обнародовали 6 марта заявление, в котором объявили, что достигли согласия «установить тесное взаимное сотрудничество с оккупационными властями Западной Германии по всем вопросам, связанным с работой Европейской программы реконструкции». Точного институционального проекта еще не существовало, и потому французы склонялись к образованию германской конфедерации, связанной довольно непрочными узами. Апогей кризиса пришелся на 20 марта.

После провала сессии Совета министров иностранных дел, состоявшейся в Лондоне, Советы продолжали соблюдать формальности четырехстороннего контроля, что дало им основание для выражения ряда резких дипломатических протестов против политики, проводимой западными союзниками, в частности, по вопросу о запрещении деятельности объединившей социалистические и коммунистические силы Социал-демократической единой партии Германии, которая была создана под советским влиянием в зоне, оккупированной Красной армией. Причины озабоченности западных союзников были ясны и заключались в опасении, что присутствие подобной партии могло бы повлиять на позиции Социал-демократической партии Германии и коммунистов в Западной Германии. Это грозило увлечь их идеей создания единой социалистической партии для всей Германии, что спровоцировало бы провал уже задействованных проектов.

В марте 1948 г. вопрос обсуждался неоднократно и в очень острых формах. 20 марта состоялось заседание Союзного контрольного совета, в котором участвовали американский генерал Льюиус Д. Клей, английский генерал Робертсон, французский генерал Кениг и советский маршал Соколовский. Тремя днями раньше был подписан Брюссельский договор, в котором нашла отражение новая ориентация западной политики. Соколовский сразу же предложил, чтобы Союзный контрольный совет обсудил

протест совещания министров иностранных дел Чехословакии, Польши и Югославии против политики западных держав в Германии. Это был удобный случай для полемики, и полемика не заставила себя ждать, достигнув, как обычно, большого накала. Соколовский обвинил западных представителей в том, что они рассматривают четырехстороннюю администрацию как «удобную ширму, за которой тайно предпринимаются односторонние меры против интересов мирных стран и самих немцев», и потребовал, чтобы ему сообщили о соглашениях, подписанных тремя державами относительно Германии в Лондоне несколько дней назад. Клей, который принимал участие в переговорах вместе с генералом Робертсоном, использовал некий предлог для объяснений, почему он не мог своевременно сообщить о принятых решениях. В этот момент советский представитель разразился длинной филиппикой против политики западных держав; затем, прежде чем предоставить другим право для ответа, добавил в качестве председательствующего: «Не вижу основания продолжать это заседание и объявляю его на сегодня закрытым». Вся советская делегация поднялась и ушла из зала заседаний. После этого она отправила в Москву сообщение о возможностях перекрыть западным союзникам доступ в Берлин.

В тот момент никто не думал, что этот мелодраматический уход означал конец работы Союзного контрольного совета. В начале апреля в должность его очередного председателя вступил генерал Клей. Генералу Кенигу, настаивавшему на возобновлении заседаний, он ответил отрицательно и заявил, что больше никто не обращался к нему с такими предложениями. Только тогда стало ясно, что совещание 20 марта — это последнее заседание Совета; четырехстороннее сотрудничество по Германии было прекращено, и каждый из участников почувствовал себя свободным от соглашений, принятых во время войны. В частности, западные державы ощутили полную свободу и продолжили политику интеграции трех зон Германии, а также вовлечения Западной Германии в складывающуюся европейскую систему.

Конференция шести государств, начавшая свою работу в Лондоне в первых числах марта, продолжалась в обстановке недоверия со стороны французов, опасавшихся возрождения старых угроз со стороны Германии. Она завершила свою работу 2 июня 1948 г., приняв документ, который состоял из трех частей: 1) три западные зоны Германии должны участвовать в Европейской программе реконструкции, что ускорит вовлечение Германии в общие усилия по реконструкции Европы; 2) немецкий народ как можно быстрее должен сформировать политические организации и ин-

ституты, которые, отвечая минимальным требованиям союзнических оккупационных властей, обеспечили бы ему самоуправление, а затем и независимость. Поэтому председателям ландтагов было разрешено созвать учредительную ассамблею, где была бы разработана конституция, способная стать основой для формирования Федеративной Республики Германии, осуществляющая центральную власть и обеспечивающей права личности; 3) учреждался орган международного контроля над Руром, в который вошли представители шести стран-участниц Лондонской конференции, но не Германии. Это не привело к отделению Рура от Германии, а только к контролю над «распределением угля и стали», произведенных в области. Задачей контрольного органа было предотвратить производство в агрессивных целях, а также содействовать участию Германии в реконструкции Европы. При принятии данных решений не была использована возможность четырехсторонних соглашений. Советский Союз таким образом отстранялся от международного контроля над Руром.

Эти решения стали причиной последовавших затем мер со стороны Советов по «блокаде Берлина». Они же привели к созыву парламентского совета (более «мягкое» определение в сравнении с учредительной ассамблеей), где с 1 сентября 1948 г. должен был обсуждаться «Основной закон» (еще один эвфемизм, который подменял торжественное слово конституция), призванный стать основополагающим документом создающейся Федеративной Республики. Совет, образованный из 65 членов плюс пять представителей от Берлина без права голоса, избрал председателем Конрада Аденауэра, главу Христианско-демократического союза (ХДС) и продолжал свою работу до весны 1949 г. 12 мая 1949 г., в день, когда закончилась блокада Берлина, военные губернаторы трех западных зон одобрили Основной закон. По завершении его ратификации ландтагами соответствующих земель 7 сентября 1949 г. было провозглашено создание Федеративной Республики Германии, которая 21 сентября была признана военным командованием трех западных держав.

Параллельно с этим три оккупационные державы обсуждали вопрос о юридическом статусе оккупационных сил в связи с образованием государства Западной Германии, которое неизбежно получало ограниченную независимость и временный международный статус. Он предусматривал определенную степень вмешательства во внутреннюю жизнь Германии, но уже спустя два месяца (23 ноября 1949 г.) она была смягчена Петерсбергскими протоколами. Германия получила полную дееспособность в международном плане (в политических пределах, обозначенных борьбой

между СССР и США), хотя на ее территории продолжали символически находиться оккупационные силы и Союзный контрольный совет, которые могли быть устранены только по мирному договору. Но эти неприятные ограничения постепенно ветшали. В эти месяцы встала проблема перевооружения Германии, символ радикальных изменений, произошедших на международной арене в связи с тем, что конфликт между Советами и США из политико-экономической распространился и на военную сферу.

8.4. Рождение Коминформа и положение в Восточной Европе

8.4.1. ПРИЧИНЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Итак, военный союз не превратился в мирное сотрудничество. Абсолютная невозможность заставить СССР принять международные правила капиталистической системы и американскую версию международного права изменили восприятие Западом Советского Союза: из трудного союзника он сначала превратился в противника, а затем в коварного врага, которому следовало оказать самое упорное сопротивление. В сложившейся обстановке комплекс мер, от доктрины Трумэна до плана Маршалла, привел Запад к стремлению создать свою собственную организацию, нацеленную на «сдерживание» враждебной системы в строго определенных границах, за пределы которых она не могла бы выйти.

Принятию этого решения способствовало также осознание реальности обстановки в Германии: необходимо было признать раздел страны, чтобы воспрепятствовать распространению советского влияния через механизм четырехстороннего управления вплоть до границы с Францией, например, на Рурский угольный и железорудный бассейн. Таким образом, формировалась система, которая должна была отразить возможную (воспринимаемую как реальную) или воображаемую советскую агрессивность и развеять опасения, что в западных странах коммунистическим партиям, тогда тесно связанным с Москвой и руководимым ею, удастся парализовать возрождение жизнеспособной европейской экономической системы, как было запрограммировано в плане Маршалла и его коллег.

Политика противостояния вела к конфронтации и порой к столкновениям и получила название «холодной войны». Ее основным полем стала Европа, но сражения с применением вооруженных сил разворачивались и в Азии. Цели противоборства были тогда не совсем ясны, но сегодня они абсолютно очевидны:

способность утвердить политико-экономическую и социальную организацию, наиболее пригодную (или менее непригодную) для решения проблем, связанных с послевоенными изменениями. Эти проблемы касались правил жизни человеческого сообщества и отношений между ведущими участниками международной системы, опирающихся, казалось бы, на новые правовые нормы, но деформированных борьбой противоположных политических сил, которые, не церемонясь в выборе средств, не пренебрегали ничем, чтобы добиться преимущества.

Между 1946 г. и первым полугодием 1947 г. намечались контуры этого конфликта. То, что произошло позже, было лишь адаптацией к меняющимся обстоятельствам, при этом стороны руководствовались стремлением представить свою собственную систему наиболее притягательной. Но это удавалось не всегда. На тот момент, в 1946–1947 гг., у обеих сторон превалировал подход биполярного противостояния к политике и к соответствующим акциям разворачивающейся борьбы. На определенное представление о советской угрозе следовала реакция американцев; на американскую реакцию следовал советский ответ: жесткий, деформированный в ряде случаев и плохо согласованный с союзниками Москвы, так как ситуация в Восточной Европе еще находилась в стадии консолидации.

8.4.2. СОЗДАНИЕ КОМИНФОРМА

Первым важным шагом в направлении консолидации после призыва к странам Восточной Европы не участвовать в плане Маршалла было решение создать Коминформ. Невозможно сказать с точностью, каковы были причины, которые толкнули Сталина и его близкого сподвижника Андрея Жданова, ответственного за идеологию и пропаганду, возродить международную коммунистическую организацию, координирующую деятельность европейских коммунистических партий, аналогичную распущенному в 1943 г. Коминтерну. Часто это советское решение истолковывают упрощенно, расценивая его как зеркальное противодействие американской инициативе.

Между тем, это утверждение предполагает наличие в Восточной Европе в 1947 г. монолитного блока, уже прочно контролируемого Советским Союзом. В действительности Советы должны были учитывать разнообразие ситуаций в восточноевропейских странах, принимать во внимание различия, существовавшие между компартиями, а также сложную теорико-практическую проблему, сводившуюся к необходимости согласования социалистического

интернационализма (т.е. преданности СССР) с поиском национальных решений задач социальной трансформации. В 1946–1947 гг. стало ясно, что в Румынии и Болгарии контроль коммунистов достаточно прочный, а в Чехословакии, Югославии и в Венгрии он значительно слабее, а в Польше же его пытались удерживать с большим трудом. Идеологические аспекты, практические проблемы и политический контроль были теснейшим образом связаны между собой. Однородного политического блока не существовало нигде, американские инициативы предлагали конструктивную альтернативу народным фронтам на Западе.

Идея возрождения органа, координирующего деятельность коммунистических партий, была предложена Сталиным лидеру Югославии Тито еще в середине 1946 г., то есть прежде, чем новая американская внешняя политика стала приобретать четкие формы и ясное содержание. Сталин считал нужным попытаться перехватить внешнеполитическую инициативу уже в июле 1947 г. Предпринять определенные шаги его заставляли как обстоятельства международного характера, так и внутренние причины, связанные с системой советской безопасности. Посол в Вашингтоне Николай Новиков, суровый и влиятельный критик американской политики, его даже называли своего рода советским Кеннаном, в сентябре 1947 г. представил советскому правительству записку, в которой изложил собственный анализ американского империалистического проекта, включавшего доктрину Трумэна и план Маршалла, которые выражали два аспекта единой стратегии (так у Новикова). Из этого анализа вытекало тревожное заключение, что осуществление данных мер делало возможным стратегическое окружение Советского Союза: с запада — с участием Западной Германии и других стран Западной Европы; с севера — линией баз, расположенных на северных островах Атлантики, а также в Канаде и на Аляске; с востока — через Японию и Китай; с юга — от Ближнего Востока до Средиземноморья.

Этот анализ не содержал новых оценок, но интегрировал американские инициативы в единый международный замысел. Усилия Советов предотвратить подобное окружение провалились, и это поставило проблемы безопасности и консолидации в Восточной Европе, где даже деятели коммунистических партий, находившиеся у власти, не всегда полностью разделяли советские позиции, как, например, поляк Гомулка, болгарин Трайчо Костов, румын Лукрециу Пэтрэшкану, потому что все они склонялись к концепции «национального» коммунизма. Кроме того, в странах, где контроль коммунистов не был абсолютным, пример Западной Европы мог быть привлекательным, как это произошло в Чехо-

словакии, Польше и в той же Югославии в отношении плана Маршалла.

В Чехословакии существовала еще плюралистическая республика, где президент Бенеш торжественно утверждал, что в стране существует демократический режим. В Венгрии во главе республики стоял умеренный политический деятель Тильди, а коммунистическая партия Венгрии была разделена на тех, кто стоял на последовательно просоветских позициях, и на сторонников национального коммунизма, как Ласло Райк. В Румынии пока существовало монархическое правительство, и на шатком уже троне еще сидел король Михай.

Итак, идея тесно сплоченного просоветского блока, управляемого железной рукой Москвы, была стереотипом, рожденным на Западе. В действительности нельзя было еще говорить ни о полной сателлизации, ни о сталинизации, поэтому Советы не напрасно с тревогой относились к скрытым разногласиям, которые потенциально подрывали прочность их господства. Другими словами, постоянная дилемма между национализмом и интернационализмом, которую коммунистические идеологи надеялись разрешить с помощью формулировки «пролетарский интернационализм», была отнюдь не устранена. Более того, уже тогда эта антиномия угрожала прочности системы, потому что национализм готов был, как стоговая гидра, вылезти в самых немыслимых местах.

Если вдуматься, то устремления обеих сторон сходились в одном пункте: усилению Запада противопоставлялось укрепление Советов. Оба импульса вели к одному итогу. После нескольких месяцев подготовки с 21 по 27 сентября 1947г. в маленьком городке Шклярска Поремба, близ Вроцлава в Польше, состоялась конференция представителей коммунистических партий Восточной Европы (по неизвестным причинам не была приглашена только албанская партия), а также французской и итальянской. Это была исключительно европейская конференция, от участия в которой были отстранены маргинальные коммунистические партии или партии, находившиеся в двойственной ситуации как СЕПГ Восточной Германии, коммунистическая партия Греции, компартии Скандинавских стран и др.

ВКП(б) была представлена Андреем Ждановым и Георгием Маленковым; коммунистические партии Восточной Европы — важными делегациями, но не на самом высоком уровне. Возможно, в этом выразилось нежелание некоторых партий обсуждать их стратегическую линию (как утверждают некоторые авторы), либо намерение Сталина не привлекать большого внимания к возрождению Коммунистического Интернационала. Итальянские комму-

нисты были представлены Луиджи Лонго и Эудженио Реале (бывшим послом Италии в Варшаве, позже ставшим диссидентом, автором частичного отчета о работах конференции), а французские — Жаком Дюкло, заместителем Мориса Тореза.

Обозначились две точки зрения собравшихся. Первая была выражена в выступлении Жданова, которое прозвучало как обличительная речь против позиций американского империализма в мире и, в частности, в Европе. По словам Жданова, американские действия были порождены необходимостью предотвратить, используя политику агрессии и перевооружения, экономический кризис, приближение которого составляло одно из положений советской концепции капитализма. Теория двух «лагерей», империалистического и социалистического, на которые мир был необратимо разделен, предусматривала, что первый лагерь стремился к установлению американского мирового господства, второй — был призван отразить контрнаступление капитализма, ликвидировать остатки фашизма и укреплять демократию. Даже не заглядывая в будущее, в отличие от высказываний Сталина в феврале 1946 г., Жданов, считая неизбежным столкновение между двумя «лагерями», отметил серьезность положения и поставил перед партиями Западной Европы задачу «взять в свои руки знамя защиты национальной независимости и суверенитета своих стран», чтобы предотвратить порабощение Европы. Парадоксально, но задача, поставленная перед западными компартиями была противоположной той, что выдвинулась перед компартиями Восточной Европы, которые должны были бороться с национализмом и теснее сплотиться вокруг Советского Союза в соответствии с концепцией, изложенной некоторое время спустя венгром Ракоши и заключавшейся в том, что «основные черты социалистического строительства в Советском Союзе [имеют] универсальную ценность».

Вторая точка зрения была выражена югославами Джиласом и Карделем, которые обвиняли итальянских и французских коммунистов в мягкотелости, проявленной в борьбе с капиталистической политикой в своих странах. Они произнесли жесткую обвинительную речь, критикуя итальянских и французских коммунистов за их ностальгические устремления вернуться в правительственную коалицию вместе с буржуазными партиями: «Новая демократия, — сказал Кардель, — начинается там, где рабочий класс в союзе с другими массами трудящихся обладает ключевыми позициями власти в государстве». Политическое значение этих нападок было двояким: с одной стороны, они показывали надежность югославских обязательств по отношению к СССР, в чем в Москве начали сомневаться, с другой, возможно, это был ответ на колебания Советов по вопросу о лояльности югославы. Подтверждая

свою преданность, они вместе с тем продемонстрировали, что заняли позицию, которую в тот момент Сталин не разделял до конца, но позволил югославам взвалить на себя ответственность за экстремизм, который грозил им изоляцией в рабочем движении, если раскол Восток—Запад несколько ослабеет.

В сущности, выпад югославам был прелюдией к массивным выступлениям всех присутствовавших против двух «западных партий», их призывали отказаться от надежды на компромисс с буржуазией и перейти к политике жесткой непримиримой оппозиции. Трудно было сказать, каковы будут результаты этой политики, поскольку в то время никто не мог предвидеть характер политических изменений на европейском континенте. Так, с момента создания «Нового коммунистического интернационала», получившего название Коминформ (его резиденция находилась сначала в Белграде, а с середины 1948 г. в Бухаресте), в его платформе уже содержались основные противоречия. С одной стороны, он обязывал западные партии стремиться к недостижимым целям, что могло лишь ухудшить их положение и привести к изоляции в своих странах, а, с другой, основываясь на теории единства социалистического «лагеря», держал в узде компартии Восточной Европы. После создания Коминформа итальянская и французская компартии с удивлением, но безропотно приняли выдвинутые против них обвинения.

8.4.3. СТАЛИНИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В Восточной Европе, как пишет Мастны, Коминформ «бил в набат по поводу каких-либо проявлений плюрализма», то есть началась подлинная сталинизация системы. В Румынии после вынужденного отречения короля Михая была провозглашена республика. В январе 1948 г. после объединения социалистической и коммунистической партий Георгиу-Деж и Анна Паукер повели борьбу с «националистом» Пэтрэшкану, который был снят со всех своих постов. В Венгрии Ракоши стал главным выразителем сталинской политики, он начал проводить чистки и дошел до того, что обличил Райка как представителя американских секретных служб, отдал его под суд, приговоривший видного коммунистического деятеля к смертной казни через повешение. В Болгарии Костова ждала та же участь. В Польше Гомулка, который уже во время заседаний в Шклярска Поремба проявил заметную самостоятельность суждений, был лишен всех своих должностей, но не был арестован, хотя и «находился под наблюдением и под охраной».

Наиболее шумевшие события имели место в Чехословакии, в Восточной Германии и в Югославии. В Чехословакии при поддержке Советов в феврале 1948 г. коммунистическая партия, озабоченная тем, что реконструкция на Западе окажется привлекательной и для самой Чехословакии, сочла бесполезным продолжать экспериментировать с плюрализмом. Поскольку в это время нарастал процесс усиления международной напряженности, «лагеря» превращались в противоборствующие «блоки», то и компартия Чехословакии воспользовалась первым удобным случаем для ужесточения своей позиции. Правительственным большинством было принято решение помешать министру внутренних дел (коммунисту) уволить двух чиновников пражской полиции, которые, как опасались коммунисты, могли воспрепятствовать манипуляции результатами избирательной кампании. С протестом выступила коммунистическая партия, — она отказалась признать правительственное решение. Это выступление подтолкнуло представителей некоторых «буржуазных» партий («народных» католиков, чешских социалистов и словацких демократов) выйти из состава правительства. Кризис был представлен коммунистами как попытка тайного сговора между демократическими партиями и западными державами и даже как заговор, чтобы свергнуть республику. Были мобилизованы профсоюзы и заводские советы для проведения массовых демонстраций. Подразделения полиции, контролировавшиеся коммунистами, прибыли в Прагу, и 22 февраля начались массовые аресты их политических противников. 24 февраля Готвальд призвал к всеобщей забастовке, а тем временем вооруженные группы коммунистов прибывали в столицу. Замминистра иностранных дел СССР Валериан Зорин наблюдал за обстановкой, находясь в Праге.

Политический кризис был разрешен в атмосфере страха и насилия. Президент Бенеш, больной и подавленный, принял отставку министров-некоммунистов и 29 февраля признал создание правительства, руководимого коммунистами. Несколько дней спустя, 10 марта, Ян Масарик, сын одного из основателей республики и министр иностранных дел, покончил с собой, выбросившись из окна министерства. Многие сомневались в самоубийстве и предполагали, что акт насилия был совершен коммунистами, тем не менее, у человека, который видел крушение всех своих демократических идеалов, было более чем достаточно причин для отчаяния.

После этих событий коммунисты сразу принялись за подготовку избирательной кампании. Предстояло избрать 300 новых членов Национальной ассамблеи, среди которых оказалось 237 коммунистических

тов. Круг замкнулся, а вместе с ним угасли надежды, что Чехословакия сможет остаться связующим каналом между двумя враждебными мирами и экспериментальной сферой для прокладывания национального пути к демократическим и социальным реформам. Ошибка, совершенная чехословацкими коммунистами (и их советскими сторонниками), заключалась в недооценке психологических последствий их выступления. Если до этого момента советская политика воспринималась с недоверием, но с пониманием, то с тех пор ее стали оценивать более чем сурово. Коминформ решил издавать свою газету «За прочный мир, за народную демократию», но пражские события послужили противоядием в больших дозах против пропагандистских призывов, которые это издание распространяло в Европе. Возможно, название газеты выражало реальные опасения, что новая американская политика нацелена на войну, поскольку эта политика является результатом «атомной дипломатии», то есть дипломатии, исходящей из условий превосходства, созданных атомной монополией, но этим опасениям противостояли сообщения о массовых репрессиях во всех странах Восточной Европы, на которую и, в самом деле, опустился «железный занавес».

Репрессированный чехословацкий коммунист Артур Лондон в своей книге «Дознание» рассказал о жестоких методах режима, которому повсюду мерещились враги: в собственных рядах и в рядах политических противников. Если до февраля 1948 г. те, кто верил в существование советской угрозы в Европе, были в меньшинстве, то после этого число тех, кто поверил в нее, выросло неимоверно. Пражские события в значительной мере повлияли на результаты выборов в Италии 18 апреля 1948 г., где коммунисты потерпели серьезное поражение, они также отразились и на позициях западных социалистов.

8.4.4. «БЛОКАДА БЕРЛИНА» И СОЗДАНИЕ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ

Положение Берлина давало Советам еще одну возможность оказать сопротивление созданию западного блока, и в особенности, помешать интеграции между Великобританией, Соединенными Штатами, Францией и Западной Германией. Согласно решениям, принятым в конце войны, в Берлине, который был оккупирован войсками четырех держав, хотя и находился географически внутри советской зоны, действовал режим, аналогичный тому, что распространялся на всю остальную Германию. Город также был поделен на четыре сектора оккупации, управляемых как еди-

ное экономическое целое четырехсторонней Комендатурой. В октябре 1946 г. к ней присоединился избранный всеобщим голосованием Берлинский магистрат, в котором 80 % мест принадлежали СДПГ, ХДС и Либерально-демократической партии, а просоветская СЕПГ располагала менее чем 20%.

Столь сложная ситуация, основанная на предпосылке достижения легкого соглашения четырех победителей (в противном случае ситуация могла легко перерасти в кризисную), породила два основных вопроса. Первый касался ответственности за оказание помощи населению города, разрушенного войной; второй был связан с предыдущим и касался коммуникаций между западными секторами Берлина и западными зонами оккупации Германии. По первому из этих вопросов Советы, озабоченные трудностью решения проблемы, отклоняли, возможно слишком поспешно, любые предложения, возлагавшие на них оказание помощи, необходимой для выживания населения целого города, и требовали, чтобы каждая оккупационная держава взяла бы на себя снабжение населения отведенного ей сектора.

Подобная трактовка проблемы предполагала соглашение о поставках помощи и в жесткой форме ставила вопрос о коммуникациях между западными секторами Берлина и соответствующими зонами Германии. По этому вопросу военные коменданты заключили ряд соглашений, благодаря которым к ноябрю 1945 г. три западные державы получили возможность использовать железнодорожные пути, автостреды, речное судоходство и три четко очерченных воздушных коридора для коммуникаций, не подлежащих какой-либо форме контроля. Более того, по мнению американского генерала Клея, «было согласовано, что все перевозки — воздушные, речные и железнодорожные — ...не подлежат какой-либо форме контроля или инспекции со стороны таможенных или военных властей».

Напряженные ситуации, возникавшие за пределами Берлина, систематически отражались на деятельности союзной комендатуры, а также на условиях жизни горожан в зависимости от разных секторов оккупации, разделение на которые еще не превратилось в жесткий раскол, как это произошло позже. Первые осложнения начались в марте—апреле 1948 г., когда советское командование информировало союзников, что с этого времени передвижения людей из западных зон оккупации Берлина и обратно подлежат контролю, а потому требуется обращаться с запросом на получение разрешения от советских властей. Это был первый шаг, за которым последовали столь же односторонние действия в то время как конференция шести в Лондоне приближалась к выработке

решения о создании Федеративной Республики Германии. 11 июня несколько раз временно прерывалось наземное движение в Берлин и в самом городе. Но настоящим поворотным моментом стало решение союзников провести в Западной Германии собственную денежную реформу, которая предусматривала обмен денег: после этого в двух частях Германии появилась разная валюта с различной реальной покупательной способностью.

Решение валютного вопроса было одним из важнейших моментов в оздоровлении экономической ситуации в Германии и в ее включении в сферу действия плана Маршалла. Действительно, в начале 1948 г. в стране ходили три вида бумажных денег: сильно девальвированная довоенная немецкая марка; марка, напечатанная оккупационными властями и признанная на паритетной основе как валюта с номинальной стоимостью; марка, напечатанная Советами на матрицах, предоставленных им союзниками, и пущенная в Германии в оборот в неизвестно каком количестве. Оккупационные марки, напечатанные Советами, имели ту же стоимость, что и другие оккупационные марки, и так же могли обмениваться на немецкие марки в режиме валютного паритета.

Это соответствовало принципу руководства германской экономикой как единым целым, но денежная система не подлежала никакому эффективному контролю, и, более того укрепляла рубль, который в Берлине обменивался наравне с оккупационной маркой и, следовательно, с немецкой маркой. Опыт первых послевоенных лет был слишком горьким, чтобы позволить сохраниться — в контексте происходивших политических изменений — беспорядку в этой важной сфере. Отсюда родилась потребность в денежной реформе, которая поставила бы ситуацию под контроль.

18 июня стало днем осуществления реформы в западных зонах: была выпущена новая марка (западная марка); ее можно было обменять по курсу одну марку за десять любых марок, которые ходили на германском денежном рынке. Достаточно было самой по себе реформы, чтобы вызвать враждебную реакцию Советов. Проблема Берлина могла лишь ее ужесточить. Что же все-таки произошло с валютным режимом в городе? Англо-американские проекты предполагали для бывшей столицы отдельную валюту, но реформа дала маршалу Соколовскому возможность обвинить союзников в намерении разрушить экономическое единство Германии, предусмотренное Потсдамскими соглашениями, и затем отвергнуть предложение западной валюты для Берлина. Предлагалось, чтобы в городе под четырехсторонним контролем получила бы хождение денежная единица, которую Советы использовали в своем секторе. Более того, Соколовский приказал

не допускать хождение западной марки в Берлине, потому что город был экономически включен в советскую зону оккупации.

В ответ Запад напомнил, что ни одна из четырех оккупационных держав не имела права принимать решения за других, и каждая из них вводила в своем секторе оккупации новую немецкую марку, не разъяря, вводится ли новая денежная единица также и в советской части Берлина.

Репрессалии не заставили себя долго ждать. Между 22 и 25 июня коммунисты из СЕПГ предприняли ряд попыток воспрепятствовать вступлению в силу решений западных держав в берлинском магистрате. Советы объявили о введении своей «немецкой валюты» и 22 потребовали, но безрезультатно, ее признания как легальной валюты также и для Западного Берлина. В атмосфере возникшей напряженности подобные предложения были отвергнуты, и тогда Советы полностью блокировали железнодорожное, наземное и речное сообщение между Берлином и Западной Германией. Они не блокировали воздушное сообщение, потому что это, очевидно, вызвало бы вооруженные инциденты.

В мире все глаза были устремлены на Берлин, потому что ситуация, складывавшаяся в прежней германской столице, казалась взрывоопасной и, вместе с тем, символичной. Взрывоопасной, потому что напряжение могло бы вылиться в вооруженное столкновение, если принять во внимание намерение Сталина взять город под полный контроль. Символичной, потому что ответ Запада на блокаду раскрыл бы реальную ценность американских обязательств в Европе. Блокада означала невозможность снабжать берлинцев, проживающих в западных секторах, используя наземные коммуникации. Существовала опасность, что с быстрым истощением запасов, берлинцы вынуждены будут согласиться с советскими требованиями, и тогда западные силы могут либо покинуть город либо оставаться там в униженном состоянии, потерпев политическое поражение.

Это был один из тех моментов, когда Трумэн проявил стойкость. Необходимо было обеспечить жителям Западного Берлина поставки такого количества помощи, которые сорвали бы советские планы. Было подсчитано, что необходимо отправлять в Западный Берлин для выживания его граждан по крайней мере 3 500 тонн грузов в день (прежде всего, продуктов питания и горючего), и единственно возможным путем оставались воздушные коридоры — довольно опасные, поскольку их нельзя было нарушить, не рискуя изменить характер кризиса и превратить его из политического в военный. В считанные недели был полностью укомплектован мощный воздушный флот. В феврале 1949 г. было

подсчитано, что в аэропортах Западного Берлина американский самолет приземлялся каждые две минуты; в город доставлялось около 7–8 тысяч тонн грузов в день. Итак, конфликт, инициированный Советами, был выигран в техническом отношении, и план помешать созданию Федеративной Республики Германии или, по крайней мере, добиться изгнания западных союзников из Берлина, провалился.

Во время блокады дипломатические контакты между двумя сторонами, однако, не прервались. В начале июля 1948 г. военные губернаторы союзных оккупационных зон встретились с маршалом Соколовским для поисков путей выхода из кризиса, но ответ маршала был четким: блокада будет продолжаться, пока Запад не откажется от планов учреждения правительства Западной Германии. Послы трех западных стран в Москве, руководимые американцем У.Б. Смитом, в августе потребовали встречи со Сталиным и Молотовым. Встреча состоялась 2 августа, советский диктатор был жизнерадостен, в примирительном настроении и готов предложить компромиссные формулировки по таким вопросам, как, например, отсрочка уже принятых решений, советское участие в контроле над Руром, хождение в Берлине только марки советской зоны. Советы соглашались, на продолжение подготовки к созданию Федеративной Республики Германии, но выражали свою негативную позицию по этому вопросу, не превращая его, однако, в ингредиент берлинского кризиса. С жизнерадостностью и гибкостью Сталина контрастировало поведение Молотова, непримиримая позиция которого убедила западных дипломатов, что бесполезно продолжать диалог, и, напротив, надо использовать возможности, позволяющие добиться большого политического успеха.

Только в начале 1949 г. ситуация была разблокирована. 30 января Сталин в интервью американскому журналисту дал понять, что есть надежда на достижение компромисса: блокада могла быть снята при условии, что союзники вынесут вопрос о создании Федеративной Республики Германии на сессию Совета министров иностранных дел, который обсудил бы германскую проблему. Изменение было очень небольшим, но четким: принципиальная оппозиция в отношении политики союзников уступила место условию, которое могло быть легко выполнено *прежде*, чем была бы создана Федеративная Республика Германии. Сталин не выдвинул других условий.

Вопрос обсуждался в период между февралем и началом мая 1949 г. В коммюнике от 5 мая, подписанном представителями че-

тырех оккупационных держав, объявлялось, что блокада закончится 12 мая, а 23 мая начнется сессия Совета министров иностранных дел. Таким образом, ситуация быстро возвращалась к нормальному состоянию. Возможно, единственная политическая цена, которая была заплачена Западом, был отказ от полного включения Берлина в Западную Германию. Его избранные представители должны были принимать участие в заседаниях федерального парламента (бундестага), но без права голоса. Кроме того, четыре сектора города остались под символическим совместным управлением союзников. В западных секторах оккупация была облегчена, насколько это было возможно, и осталась как бы внешним проявлением присутствия союзников, и в то же время напоминанием о прошлом, как гарантия в связи с присутствием Советов. Западные союзники оставили за собой задачи, связанные с разоружением и демилитаризацией, контролем над внешней политикой и торговлей, а также контроль за финансовыми потоками.

После кризиса Берлин коренным образом изменился. С тех пор город был надолго разделен на две части: одна часть стала витриной западного метода решения проблем реконструкции, другая часть зеркально отражала советский подход к решению тех же проблем и позволяла Советскому Союзу находиться в сердце Европы. Коммуникации между двумя частями города были затруднены, а со временем оказались и вовсе парализованными, порой они провоцировали новые мини-кризисы. Итак, в центре Германии оставалась открытой проблема, которая постоянно поддерживала чувство неуверенности, служила индикатором болезненного состояния обеих частей города.

Блокада Берлина получила широкие отклики как в Европе, так и во всем мире. Именно в день окончания блокады военные губернаторы приняли основной закон, т.е. Конституцию Федеративной Республики Германии. 23 мая в Париже началась запланированная сессия Совета министров иностранных дел, которая продолжалась до 20 июня и закончилась безрезультатно. У Советов была возможность предстать наиболее твердыми сторонниками восстановления единства Германии, в то время как Запад заявлял об отказе от немедленного достижения единства. В действительности, по завершению процесса ратификации Основного закона ландтагами заинтересованных земель состоялось заседание германского федерального парламента, который провозгласил создание Федеративной Республики Германии, а затем избрал первого канцлера новой республики — главу ХДС Конрада Аденауэра. 21 сентября союзные военные власти признали новое правительство.

Параллельно в Берлине было создано правительство западной части города.

Блокада получила широкий мировой резонанс, хотя и не затормозила развитие внутренних процессов Германии. Через несколько недель после пражского переворота произошли берлинские события, уже назревал советско-югославский конфликт — все эти кризисные моменты создавали на Западе определенный образ советской власти, намеренной помешать реконструкции Европы, объединившейся под эгидой Соединенных Штатов. Средства, использованные в политической борьбе, которую многие выстраивали в единую последовательную линию, создавали впечатление жесткой агрессивности, разжигавшей антикоммунистические настроения и страх перед агрессивными планами Советского Союза. Не случайно переговоры по заключению Североатлантического пакта состоялись после начала блокады Берлина и завершились 4 апреля 1949 г. Возможно, страх европейцев был не столь обоснован, как им казалось, но они считали необходимым, чтобы экономическая интеграция, осуществлявшаяся по плану Маршалла, получила бы столь же эффективную военно-политическую опору. Это не значит, что Атлантический пакт был создан *вследствие* блокады Берлина, но блокада в значительной мере обострила ощущение угрозы, которое привело к подписанию этого пакта.

8.4.5. ИСКЛЮЧЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ ИЗ КОМИНФОРМА

Третьим важным эпизодом, который отразил ужесточение сталинских позиций в связи с изменениями в Западной Европе, стал, как это ни парадоксально, первый кризис внутри советского блока. Он привел к открытому разрыву между Советским Союзом и Югославией, закрепленному резолюцией Коминформа от 28 июня 1948 г. Этот кризис с самого начала был представлен как результат идеологических расхождений. Хотя этот элемент играл значительную роль в происшедших событиях, тем не менее, он представляется второстепенным по сравнению с вопросами международного характера: эти вопросы впервые обнажили всегда присутствовавшие в советской системе трудности сочетания интернационализма с национализмом.

Интернационализм в 1947–1948 гг. стал (или оставался) синонимом совершеннейшей преданности советской политике, и с этого момента и в дальнейшем, означал формирование правительств, соответствующих сталинской модели и покорных воле Москвы. Интернационализм стал синонимом зависимости от СССР как во

внутренней, так и в международной политике. Таким образом, сталинская система уже содержала элементы слабости, которые позже ее раскололи; они заключались в неспособности принять различные политические формы, лишь бы они были совместимы со структурными требованиями системы. Результатом подобного ужесточения стала политика насильственных чисток, проводившаяся внутри коммунистических партий Восточной Европы.

Она была менее заметна в Югославии, где присутствие Тито на посту главы коммунистической партии затрудняло как проведение чисток, нежелательных для самого лидера, так и навязывание советских норм партийной жизни, которые не совсем разделялись в Белграде. Тито и в самом деле считал себя не только вождем югославского народа. Придя к власти на волне партизанского движения, которым он руководил во время войны вплоть до освобождения почти всей югославской территории еще до прибытия советских войск, Тито фактически хотел, чтобы его считали вторым лидером после самого Сталина. И в то время как Сталин, побуждаемый причинами более широкого характера, в 1941–1947 гг. проводил достаточно гибкую политику как внутри советской системы, так и в отношении Запада, Тито был гораздо более жестким в своем безусловном противостоянии Западу. Это же продемонстрировали его представители на конференции в Шклярска Поремба, сблизившись с радикальными взглядами Жданова в пропаганде теории противостояния двух лагерей, на которые была разделена мировая система. Уже это чрезмерное рвение посеяло семена недоверия между коммунистическими партиями. Не все были согласны с линией Коминформа, даже когда следовали ей.

Еще больше раздражала Сталина склонность Тито считать себя своего рода ведущим лидером коммунистических партий всей Дунайско — Балканской Европы. Появилась даже идея, что он хотел бы возглавить социализм всего региона, повысив свой собственный престиж. Он отказался от пассивного согласия с советскими проектами экономической реконструкции, которые предполагали зависимость от СССР и жестко определяли роль каждого государства-союзника, — югославский лидер выдвинул идею создания федерации Балканских стран. Сталин все это воспринимал с некоторой озабоченностью, потому что усиленная активность могла бы привести Тито к непредусмотренным акциям, как, например, аннексия Албании, которую Сталин в течение некоторого времени вроде бы одобрял. С 1945 г. в связи с кризисом, спровоцированным захватом Югославией части Триеста, по 1948 г., ког-

да Тито намерен был поддерживать греческих партизан, а Сталин не советовал этого делать, недостатка в причинах для разногласий не было.

Всех этих причин было более, чем достаточно, чтобы Сталин вел осторожную политику. До начала 1948 г. он колебался в своем отношении к Югославии; затем наступил момент перехода к действиям, как и в Праге. В январе 1948 г. он пригласил в Москву Милована Джиласа, который был близким соратником Тито, его правой рукой. Джилас так описывает эту встречу: с одной стороны, Сталин льстил ему, давая понять, что хотел бы поставить его на место Тито, с другой, перейдя в наступление, резко обвинял его в том, что Югославия проводит политику, направленную на создание балканской федерации. От этих проектов следовало отказаться. Югославов также упрекали за то, что они принимали важные решения в области внешней политики, не советуясь с Советским Союзом. Возвратившись, Джилас предупредил об угрозах, содержащихся в высказываниях Сталина, которые вскоре подтвердились.

27 марта 1948 г. Сталин и Молотов написали Тито письмо, которое содержало резкую доктринальную критику югославской политики и обвинения Джиласа в том, что он является сторонником идеологических отклонений. Это было, комментировал Тито, как гром среди ясного неба. Был созван Центральный Комитет Коммунистической партии Югославии и был подготовлен длинный ответ, в котором обвинения были отвергнуты как результат дезинформации. Сталин занял еще более непримиримую позицию и решил убрать лидера Югославии с партийных и государственных постов; затем попытался сплотить против Тито других видных деятелей югославской компартии, но безуспешно. Его обвинения против Тито были разосланы всем партиям Коминформа, чтобы двусторонний спор превратить в конфликт с участием всего Коминформа. Последний собрался на совещание в Бухаресте 28 июня 1948 г., которое одобрило резолюцию, осуждающую идеологический уклонизм Тито и его главных соратников — Джиласа, Карделя и Ранковича. «Здоровые элементы» коммунистической партии Югославии были призваны свергнуть руководителей — уклонистов. Затем партия в назидание остальным была публично исключена из Коминформа.

Кризис возник внезапно и для многих был неожиданным. Противоречия между двумя партиями достигли наивысшей остроты. Советы долгое время пытались, но безуспешно, организовать выступление против Тито. Между тем, Тито отверг обвине-

ния Коминформа и отказался пойти на уступки под давлением угроз в его адрес. Сталин говорил, что ему было бы достаточно «пошевелить мизинцем», чтобы заставить югославского диктатора повиноваться, но он ошибался. У Тито был сильный стимул к самоутверждению и решимость держать власть под контролем. Он не отстранился идейно от «социалистического лагеря». Более того, как показывают новейшие исторические работы, он продолжал афишировать лояльность в отношении Сталина (так пишет Стефан Павлович). Он отошел от социалистического «лагеря» более всего в области международной политики, отдаление происходило медленно и постепенно, так что в течение нескольких месяцев положение Югославии было настолько неясным, что Советы даже обвиняли ее в переходе в империалистический лагерь. Только в 1950 г. «титоизм» стал формой независимого коммунизма, который Запад пытался повернуть против Советского Союза.

Глава девятая

ОБРАЗОВАНИЕ БЛОКОВ И ЭВОЛЮЦИЯ ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

9.1. Создание Атлантического пакта. Европеистская составляющая

9.1.1. БРЮССЕЛЬСКИЙ ПАКТ

В период с середины 1947 до середины 1948 г. разделение Европы было, следовательно, завершено. «Железный занавес», о котором Черчилль говорил в марте 1946 г. как о потенциальной угрозе, стал реальностью. Две части континента были разделены коренными отличиями политических систем и методов правления. Советский Союз, пусть и с трудом, пытался утвердить свою гегемонию в Восточной Европе. План Маршалла (*European Recovery Program*) и формирование политически однородных правительств во всех странах положили начало процессу возрождения и интеграции Западной Европы (при этом наиболее значимым моментом стало создание Федеративной Республики Германии). В его основе лежала предпринятая американцами, но использованная в своих интересах рядом европейских государственных деятелей, попытка способствовать реконструкции Западной Европы с помощью постепенной интеграции, в которой многие усматривали первые шаги в направлении объединения Европы. В самом деле, в тот период европеизм вышел за рамки утопии или политической пропаганды и стал одной из мотиваций, вдохновляющих переустройство Европы — европеизм как политический и экономический проект и как реакция на опасения того, что активность Советского Союза приобретет угрожающий характер в военно-политическом плане.

Действительно, американская политика в отношении Европы, а также и Советского Союза строилась на двух предпосылках — военного и экономического превосходства. Военное превосходство придавало политическую уверенность, достаточную для выдвижения эффективной экономической стратегии, что было продемонстрировано началом осуществления, вслед за временной помощью, плана Маршалла. Кое-кто расценил эти политические моменты как результат «атомной дипломатии», то есть деятельности, пронизанной уверенностью в отсутствии препятствий. Однако

президент Трумэн хорошо понимал невозможность использовать американский ядерный потенциал для победы над Советским Союзом; поэтому американская атомная монополия, которая влияла на ситуацию, была лишь фоном деятельности, опиравшейся на ресурсы Соединенных Штатов преимущественно в экономической области. Иными словами, в соответствии с традицией своей внешней политики американцы продемонстрировали, что они предпочитают формулы не политических и не прямых обязательств. Предложение, обращенное к европейским государствам, чтобы они сами совместными усилиями сформулировали проект ответа на речь государственного секретаря, отражало как раз намерение вписать двусторонние связи в общий механизм многостороннего сотрудничества.

Вскоре, в конце 1947 и в первые месяцы 1948 года, стало очевидно, что масштаб этих обязательств недостаточен. В Европе распространилось опасение, что достижениям плана Маршалла потенциально угрожает распространение советского влияния и даже прямая военная угроза, в отношении которой западным странам необходимо принять соответствующие меры. Этот «страх» коренился в большей степени в массовой психологии, чем в реальной ситуации. Все известные представители западного мира, опрошенные по отдельности, были готовы заявить, что советской военной угрозы не существует, и все-таки в то же время они высказывали убеждение в необходимости увязывать экономические соглашения с военно-политическими договоренностями.

Толчком в этом направлении послужило в первую очередь образование Коминформа. Пацифистская пропаганда, которую Коминформ, по приказу Сталина, распространял в Европе посредством периодической печати и через движение «сторонников мира», расценивалась не как результат обеспокоенности Советского Союза относительно действительной опасности войны, но как сознательный обман, предназначенный для общественного мнения западных стран. Впрочем, в подтверждение обоснованности такого заключения осенью 1947 г. началось наступление коммунистов в Италии и во Франции, вдохновляемое убежденностью, что против объединения Западной Европы под эгидой американцев необходимо бороться, включая и непарламентские методы. Это наступление, развернутое на волне экономических и политических забастовок и порой принимавшее форму открытого выступления против государственной власти, было ответом на разного рода критику, сопровождавшую рождение Коминформа. Однако его результат оказался контрпродуктивным, поскольку оно

сдвинуло компартии двух европейских стран (Франции и Италии) на позиции, все более далекие от возвращения в правительство и все менее одобряемые общественным мнением. Иными словами, экстремистская пропаганда порождает страх возможного разрушения общества и опасение, что силовые методы будут препятствовать осуществлению начатых проектов и откроют путь для просоветских правительств.

Государственный переворот в Праге добавил новые штрихи в эту мрачную картину. Кроме того, известия о первых чистках внутри компартий стран Восточной Европы и о преследованиях, которым подвергалось в этих странах духовенство, в особенности католическое, сделали картину еще более тревожной.

Провал сессии Совета министров иностранных дел, состоявшейся в Лондоне в ноябре–декабре 1947 г., подтолкнул правительства к пониманию того, что внутренние кризисы переплетаются с международными проблемами. Препятствия для переустройства Старого Света представляли все еще существовавшая в центре Европы нестабильность, необходимость подтвердить согласие французов на воссоздание германского правительства и уточнить обязательства Великобритании в данной ситуации. Однако прежде всего необходимо было побудить Соединенные Штаты выйти за пределы чисто политических и экономических обязательств, в том числе и для того, чтобы дать понять Советскому Союзу, что укреплению европейских государств не помешает запугивание со стороны инструмента, который создавался Сталиным в виде Коминформа и который воспринимался как чрезвычайно опасный. Было ли это, как считает Гейер Лундстад, «приглашение» Соединенным Штатам создать свою «империю в Европе»? Данная историографическая тема нуждается в длительной дискуссии, которую здесь невозможно развивать; заметим лишь, что Европа уже в течение двадцати пяти лет являлась полем деятельности американского империализма.

Первым шагом в направлении создания западноевропейского блока, в котором Франция преодолела бы свои опасения в отношении возрождения Германии при поддержке этого процесса со стороны Соединенных Штатов, а Великобритания постаралась бы сохранить своего рода контроль за равновесием в новой Европе, стало подписание 4 марта 1947 г. англо-французского договора в Дюнкерке. Союз был направлен против военного возрождения Германии, но в политическом плане выражал намерение двух стран объединиться с целью уравновесить как американское, так и советское преобладание. В действительности важность этого со-

глашения, восходившего к проектам объединения, задуманным еще в 1940 г., была связана с проблемой «безопасности» в отношении Германии, которая в тот момент не имела реального значения, в то время как гарантии имели чисто политическую ценность или относились к Советскому Союзу. Это были, однако, еще только зарождавшиеся процессы, которые созрели лишь после Московской и Лондонской сессий СМВД.

В Лондоне, во время безуспешного четырехстороннего совещания, министры иностранных дел Англии, Франции и Соединенных Штатов начали консультации по вопросам, связанным с трудностями ситуации и выдвижением первоначальных проектов, касавшихся военно-политического союза. И на этот раз американцы придерживались мнения, что инициатива может исходить только от европейских стран вместе взятых. А в «нужное время» свою роль сыграют Соединенные Штаты. Неясно, было ли там произведено четкое разделение задач и соответствующее распределение ролей и сроков, но дальнейшее развитие событий позволяет предположить, что выбор сроков и методов для решения проблемы являлся предметом тщательных консультаций.

В этой обстановке — при исходной предпосылке, что за европейской инициативой последует американский ответ — началась подготовка договора между несколькими державами Западной Европы. Первым публичным свидетельством этой акции, переводившей разногласия с Советским Союзом в новую плоскость, стала речь английского министра иностранных дел Бевина в палате общин 22 января 1948 г. В своей внешней политике Бевин руководствовался грубым прагматизмом, а также желанием получить для Великобритании главную роль, прагматизмом, сочетающимся с осознанием ограниченных возможностей Великобритании, но и вдохновляемым стремлением уравновесить американское преобладание в рамках более активной политики обороны Запада от советской угрозы. В своей речи 22 января английский государственный деятель убедительно осудил агрессивный характер советской внешней политики и с энтузиазмом призвал европейские страны дать соответствующий отпор сталинизму. Инициатива Бевина имела по существу двойной смысл, поскольку призывала европейцев к мобилизации в духе европеизма и в то же время содержала гораздо более практическое предложение, чтобы «свободные страны Западного союза» укрепили свои связи посредством договоров, подобных Дюнкеркскому, то есть посредством дипломатических соглашений, явно диктуемых потребностью выдвинуть на первый план проблему «безопасности».

Проект Бевина, пусть и неопределенный, стал достаточным толчком для начала процесса переговоров — сложных переговоров, поскольку они отягощались наследием проблем, связанных с войной, или амбициями двух «великих» европейских держав создать структуру, способную в первую очередь выразить потребности одной из них. Для Великобритании речь шла о сочетании ее имперских обязательств с «особыми отношениями», которые связывали ее с Соединенными Штатами, а теперь и с новым европейским объединением (в данной связи говорилось о «трех кругах» британской внешней политики, которые Лондон, в соответствии с трудно осуществимым замыслом, хотел бы сделать накладывающимся друг на друга). Для Франции главный вопрос состоял в том, чтобы создать такой западный союз, который, являясь гарантией против Советского Союза, в то же время поставил бы Францию в центр подобной структуры, что позволило бы ей приобрести доминирующую роль в воссоздании межевропейских отношений и, в особенности, в осуществлении контроля за эволюцией ситуации в Германии. В целом инициатива Бевина была еще зачаточным проектом, который мог бы привести к заключению ограниченного договора, хотя и более широкого, чем Дюнкеркский, а мог бы развиваться в более масштабное объединение с участием возможно большего числа государств Западной Европы.

Процесс переговоров высветил сосуществование традиционных моментов и нового контекста развития ситуации. Хотя Бевин в своей речи перечислил почти все европейские государства, в переговорах, вместе с англичанами и французами, участвовали лишь три страны Бенилюкса. Расширение союза не было сколь-нибудь значимым. Оно являлось таковым с политической точки зрения. 17 марта 1948 г. в Брюсселе был подписан учредительный договор о союзе пяти участников, названный позднее Западным союзом. Речь шла о союзе, заключаемом на 50 лет и направленном против возрождения германской угрозы (открытого вызова Сталину предпочитали избегать). Союз предоставлял взаимные гарантии военной и политической помощи и содержал обязательства предпринять необходимые меры «в случае возобновления Германией политики агрессии, или же в любой ситуации, которая могла бы представлять угрозу миру, где бы она ни возникла». Это придавало договору гораздо более широкий характер, чем следовало из изложения его содержания по пунктам. Предусматривалось также создание Консультативного совета и Постоянного военного комитета, из которых могли бы вырасти и другие организационные структуры.

В плане практических последствий Брюссельский пакт означал прежде всего переломный момент, определенный этап по отношению к более широкому процессу переговоров, в направлении которого постепенно продвигались заинтересованные стороны, несмотря на то, что 1948 год был для Соединенных Штатов годом выборов, и переизбрание Трумэна представлялось совершенно не гарантированным. Однако необходимо принять во внимание, что новое соглашение (сразу же одобренное Трумэном, в день его подписания президент заверил пять европейских стран в американской поддержке), хотя и основывалось на концепции, типичной для политики отдельных государств, все еще присущей европейской традиции, вместе с тем предоставляло возможность появиться, в том числе и в политическом плане, волне европеизма, видевшего в рождении Западного союза зародыш федерализма.

Этот подход ставит проблему интерпретации первого этапа европеизма. Родившись из утопии с тем, чтобы стать политической практикой, европеизм, с созданием в 1947 г. ОЕЭС¹, получил сильный заряд экономического функционализма. Её деятельность также была явно связана с реконструкцией западной системы. Иными словами, европеизм тех месяцев рождался в водовороте столкновений европейских держав. С момента, когда он превратился в политическую реальность, совпадавшую с разделением Европы на два противостоящих блока, стало трудно отделить его от этого контекста и рассматривать как самостоятельное движение, вдохновляемое исключительно федералистскими идеалами. Было бы также ошибочным трактовать подъем европеизма просто как инструмент державной политики западных стран. В те годы страх перед войной, а также убежденность в необходимости отвергнуть саморазрушительные тенденции в Европе получили распространение в общественном мнении и, что более важно, поддержку различных политических сил, настойчиво выдвигавших идею европейской интеграции как единственную реальную альтернативу тотальному возвращению к прошлому. Сведение европеизма 1947–1954 гг. к простому инструменту политики интеграции Запада, проводившейся Соединенными Штатами, увело бы нас в неправильном направлении, хотя порой эти две тенденции переплетались. Европеизм объективно играл роль весьма убедительного образа при различных вариантах выбора между Востоком и Западом, которые — будь они отражены по-иному — предстали бы перед европейцами со всей своей жестокостью.

---

¹ ОЕЭС — Организация европейского экономического сотрудничества. — Прим. переводчика.

9.1.2. ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ ЕВРОПЕИЗМА

Столкновение или, возможно, явное переплетение европейстских инициатив и правительственной дипломатической деятельности произошло вскоре после подписания Брюссельского пакта. В течение многих месяцев представители европейского движения, вдохновителем которого тогда был Черчилль, а движущей силой — Дункан Сэндис, зять Черчилля и представитель британской консервативной партии, работали для создания паневропейской организации, которая способствовала созыву конгресса, задуманного с целью конституирования «Европейского учредительного собрания». Этот замысел характеризовался очевидным стремлением английских консерваторов проводить политику параллельную, но отличающуюся от политики их внутренних противников — лейбористов, доминировавших благодаря Бевину на дипломатической сцене. Консерваторы стремились следовать в кильватере американской активности, начало которой положил план Маршалла. В течение всей второй половины 1947 г. и первых месяцев 1948 г. велась упорнейшая работа, завершившаяся в ноябре 1947 г. созданием в Париже Комитета по связям движений за европейское объединение. Задача Комитета состояла в мобилизации общественного мнения путем подготовки его к восприятию обсуждаемой темы — объединение, которое теоритически должно было бы распространиться на весь континент, но которое, с учетом позиции Советского Союза могло ограничиться лишь Западной Европой. Инструментом такой мобилизации должен был стать Европейский конгресс в Гааге 7–10 мая 1948 г.

Деятельность правительств, подписавших договор о Западном союзе, в определенном смысле продемонстрировала их восприимчивость в отношении концепции европеизма и в то же время стремление воспрепятствовать тому, чтобы общественное движение ускользало из-под строгого контроля дипломатии. Это вызвало как недоверие английских лейбористов к новому проекту, так и отказ немалого числа парламентариев других европейских стран присоединиться к предпринятой инициативе. Будущие протагонисты европейской дипломатической инициативы, такие, как Робер Шуман, Де Гаспери и Аденауэр лишь слегка поучаствовали в подготовке Конгресса и не принимали участие в самом форуме. Когда он собрался, стало очевидным доминирование представителей британской консервативной партии и некоторых французских политиков — таких, как Поль Рейно и Поль Рамадье, которые стремились придать Конгрессу большой пропагандистский резонанс, но также направить движение в безопасное русло.

Сам по себе конгресс в Гааге имел действительно огромный международный резонанс. Впервые ряд наиболее авторитетных представителей почти 20 европейских стран заявили о своем желании действовать параллельно правительствам для того, чтобы с помощью давления со стороны граждан, подталкивать их в направлении создания европейской федерации, необходимой для мира между народами. Однако за провозглашением высоких целей не последовало эффективных решений. Дискуссии носили длительный, изматывающий характер, выявляя различия концепций и политических проектов, вдохновлявших участников конгресса. Между теми, кто побуждал к быстрому созыву европейского учредительного собрания, и теми, кто стремился минимизировать результаты конгресса, был достигнут компромисс. В соответствии с принятой резолюцией, от правительств заинтересованных стран потребовали срочного созыва «европейской ассамблеи, избранной парламентами стран-участников» с целью продолжить политико-пропагандистскую деятельность и, более конкретно, разработать планы, необходимые для постепенной реализации политического и экономического Европейского союза.

Для того чтобы не растерять сильный резонанс, вызванный конгрессом, организовавшие его координаторы решили как можно скорее конституировать ассамблею, обозначенную в качестве главной цели в резолюции, заключавшей работу конгресса. Эта установка в июле 1948 г. дала толчок деятельности, которая в мае 1949 г. привела к решению о создании Совета Европы, ассамблеи, состоящей из представителей, делегированных парламентами стран-участников. Совету придавались только консультативные функции; его первое заседание открылось 10 августа 1949 г.

Основополагающее значение данного этапа европейской политики объясняется двумя соображениями. Первое касается того обстоятельства, что для модификации результатов голосования конгресса, организованного автономными политическими движениями, инициаторы создания Совета Европы должны были погрузиться в дипломатию, вести переговоры с европейскими правительствами о природе нового организма и констатировать полное нежелание государственных органов уступить Совету какие-либо функции, помимо чисто консультативных.

Второе соображение касается того, что процесс переговоров о создании Совета приобрел в общественном мнении значение дискуссии о будущем европейских институтов. Эта дискуссия также имела большой резонанс в прессе, но она проходила одновременно с процессами, которые тем временем вызревали внутри Западного союза и привели к созданию Атлантического пакта.

Результаты этого совпадения включали заметное наложение друг на друга, более или менее сознательное, двух планов развития событий. В представлениях общества, в особенности в Италии и во Франции, процесс атлантических переговоров касался не изменения военно-политического содержания Западного союза, а в большей степени — расширения его политической составляющей с целью превратить его в ядро более широкого и наделенного действительными полномочиями европейского организма. За этими представлениями, как бы прикрываясь ими и запутывая последующий ход событий, шел атлантический переговорный процесс. Вплоть до первых месяцев 1949 г. не представлялось очевидным, что эти два ряда событий касаются различных институтов. Европейский идеал отражался на процессе атлантических переговоров, и если каким-то образом он в результате претерпел изменения, то, с другой точки зрения, удалось придать пакту европейский аспект, который, возможно, был для него чуждым. Необходимо, следовательно, учитывать это переплетение при рассмотрении как истоков процесса европейской интеграции, так и истоков формирования западных союзов.

9.1.3. КОНЕЦ АМЕРИКАНСКОГО ИЗОЛЯЦИОНИЗМА

Преобразовать Брюссельский пакт в более широкий союз стремились англичане, рассматривавшие эту возможность для подтверждения своей роли посредника между Соединенными Штатами и Европой. Французы видели в нем способ укрепить свое первенство на континенте, превратив новый союз в отправную точку движения как для континентальной Европы, так и для новой Германии, которая тем временем начинала создаваться. Трумэн обещал Западному союзу американскую помощь, однако для того, чтобы обещание трансформировалось в реальность, ему надо было развязать некоторые критические узлы. Эта проблема неформальным и секретным образом обсуждалась в ходе серии встреч (сегодня известных как переговоры в Пентагоне — *Pentagon Talks*) американских, канадских и британских представителей (за исключением французов, этим глубоко обиженных) в марте—апреле 1948 г. В ходе состоявшихся встреч американцы стремились понять, в какой степени европейская инициатива была самодостаточной, и насколько именно в этом качестве она могла легитимизировать шаги, которые американская администрация должна будет предпринять в дальнейшем. В этом смысле в результате переговоров американцы пришли к выводу, что только

расширение Западного союза может сделать реальным договор об обороне, направленный против советской «угрозы». А с другой точки зрения, те же переговоры дали англичанам повод стремиться к немедленному укреплению Брюссельского пакта как автономной военной структуры.

В этой обстановке Трумэн и государственный департамент могли ориентироваться на принятие настойчивых призывов европейцев о том, чтобы обещанная помощь стала действенной, однако в рамках, которые поставили бы Великобританию в менее доминирующее положение, усилив, напротив, континентальный и североатлантический характер соглашения. С этой целью президент, вынужденный в тот момент сотрудничать с конгрессом, где преобладала республиканская оппозиция, предпринял политическую инициативу, необходимую чтобы получить полномочия для продвижения в желаемом направлении. Благодаря сотрудничеству между заместителем госсекретаря Робертом Ловеттом и председателем Комиссии по внешней политике американского Сената республиканцем Артуром Ванденбергом, приверженцем интернационалистской миссии Соединенных Штатов и поддержки этой миссии со стороны «двухпартийной» коалиции, была обсуждена и затем одобрена 11 июня 1948 г. той же Комиссией по внешней политике резолюция, которая позднее стала известна, по имени предложившего ее сенатора, как «резолюция Ванденберга». В документе провозглашались некоторые основные принципы американской внешней политики и, в частности, в качестве цели для президента намечалось «присоединение Соединенных Штатов, посредством конституционной процедуры, к тем региональным и коллективным соглашениям, которые базировались бы на постоянном и действенном стремлении к самозащите и к взаимопомощи и затрагивали бы интересы национальной безопасности Соединенных Штатов».

Резолюция представляла собой исторический поворот в американской внешней политике, поскольку порывала с традицией, восходившей к завету Джорджа Вашингтона, в соответствии с которой Соединенные Штаты не должны участвовать в «связывающих союзах» за пределами Западного полушария. Генри Киссинджер в своей книге «Дипломатия», напоминает, что именно документ госдепартамента, предназначенный для иллюстрации «различий между Североатлантическим договором и традиционными военными союзами», развязал дискуссию с использованием исторического анализа семи договоров, заключенных между 1815 г. («Священный союз») и 1939 г. (советско-нацистский пакт). В действительности документ разъяснял, что Атлантический пакт, отнюдь

не являясь союзом, базирующимся на интересах, был соглашением, основанным на «принципах»; он был результатом не баланса сил (*balance of powers*), а баланса принципов (*balance of principles*).

9.1.4. ТРУДНЫЕ АТЛАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Резолюция Ванденберга заложила институциональные предпосылки для того, чтобы Трумэн смог санкционировать начало в Вашингтоне предварительных переговоров (*Exploratory Talks on Security*, как их тогда называли), открывшихся 6 июля 1948 г. и завершившихся в марте 1949 г., когда все проблемы, относящиеся к заключению Североатлантического договора или Атлантического пакта, были решены после нескольких перерывов, связанных с американскими президентскими выборами и с моментом нестабильности, вызванным заменой Маршалла на посту государственного секретаря Ачесоном, но также и с ходом самих переговоров по критическим моментам. На первом этапе в работе приняли участие представители стран Западного союза, Соединенных Штатов и Канады; затем были проведены консультации аналитического характера с норвежским, датским и исландским правительствами; норвежский представитель принял участие в консультациях на последнем этапе. В целом, следовательно, можно сказать, что договор явился результатом сведения воедино точек зрения американской дипломатии и дипломатии стран Западного союза, а также некоторого косвенного участия заинтересованных стран; при этом Италия ни разу не имела случая высказать свою точку зрения хотя бы по отдельным техническим аспектам дискуссии.

Главные проблемы, которые переплелись с техническими аспектами переговоров, касались германского вопроса, вопроса об определении списка стран, с самого начала приглашенных к подписанию проектируемого союза, и вопроса, который не обсуждался, но на котором в большей мере настаивали американцы — о формулировании *casus foederis*.

Германский вопрос являлся доминирующей темой, поскольку он обуславливал как характер обязательств французов, так и политические аспекты союза. Неуверенность в вопросе о будущем Германии создавала неуверенность для всей Европы; к тому же, как утверждал Роберт Ловетт, «долгосрочные планы европейской интеграции, если они не были увязаны с вопросом об участии Германии, ...были не реалистичны». Процесс объединения трех западных зон оккупации Германии наталкивался тогда на угрожающую реакцию Советского Союза (как показала именно в эти

месяцы блокада Берлина), но его следовало продвигать, преодолевая постоянные трудности также и в связи с укоренившимся недоверием французов. Напротив, для американцев уже с тех пор ни один проект оборонительной организации в Европе не был возможен без участия Германии. Это было настолько важно, что делает весьма правдоподобной интерпретацию, согласно которой сам Атлантический договор был задуман не только для ответа на призыв ряда европейских стран, но также и для того, чтобы Соединенные Штаты стали прямым гарантом европейского *status quo*, в особенности в отношении Германии, и тем самым была бы приглушена одна из причин сопротивления французов.

Эта интерпретация выявляет одну из важных проблем переговоров, но она не должна побуждать забывать другие мотивации общего характера, которыми руководствовались европейские правительства. В самом деле, германская проблема ни для кого не была второстепенной, однако для значительной части стран, подписавших договор, она не имела такого уж большого значения. В своих мемуарах Трумэн убедительно указывает на переплетение этих различных мотиваций: «Система атлантической безопасности была, вероятно, единственным средством, благодаря которому можно было бы побудить французов согласиться с воссозданием Германии. Такая система должна была дать всем народам свободного мира то чувство уверенности, в котором они нуждались для построения мира и процветания на земле».

Проблема географических рамок союза поставила в свою очередь разного рода вопросы и была решена лишь накануне завершения переговоров. Концепция атлантической зоны могла трактоваться в ограничительном и расширительном смысле, однако подлинная проблема состояла в том, чтобы сразу же прояснить, все ли государства, значимые для проекта безопасности Западной Европы, должны быть приняты в союз на равном положении. Проблема вставала в отношении таких стран, как Испания, которую американские военные охотно включили бы в договор сразу же, но в отношении которой существовало откровенное вето стран с лейбористским или социал-демократическими правительствами; в отношении стран, которые могли присоединиться к договору, поскольку они были частью американской военной системы, как, например, Греция и Турция, но считались слишком периферийными по отношению к атлантической зоне. Противоположная проблема вставала для таких стран, как Швейцария и Швеция, которые, несмотря на американские и европейские проекты, не соглашались отказаться от своих традиций нейтралитета в пользу атлантического выбора.

Страна, в отношении которой переговоры поставили самые сложные проблемы и встретились с наибольшими трудностями, была Италия, и не столько из-за сопротивления внутри самой Италии, сколько из-за разногласий, существовавших между участниками создававшегося союза. Некоторые полагали, что демократическая система еще недостаточно глубоко укоренилась в Италии, чтобы быть основанием для ее приема в союз (в который, однако, была приглашена Португалия, управлявшаяся тогда диктатором национал-корпоративистского толка Салазаром); другие полагали несвоевременным распространение договора на зону Средиземноморья и, как и сам Трумэн до февраля 1949 г., продумывали возможность Средиземноморского пакта, который прикрывал бы «правый фланг» создававшейся системы; третьи же руководствовались чувствами, укоренившимися в ходе войны.

Тем не менее, участие Италии или ее отсутствие придавало союзу существенно различающиеся характеристики. Без Италии договор был бы в буквальном смысле «морским» договором, относящимся к Северной Атлантике. Все страны, приглашенные его подписать, за не очень существенным исключением Люксембурга, обладали выходом в Атлантику и имели тем самым доминирующую географическую зону соприкосновения. Кроме того, союз, конструируемый таким образом, предусматривал бы центральное положение Великобритании и лишил бы Францию континентального политического тыла, который мог уравновесить последствия существования такого центра.

Не следует игнорировать и внутривнутриполитический аспект. Всеми другими европейскими государствами, намеченными участниками, за исключением Португалии — Великобританией, Данией, Норвегией, Исландией — управляли партии социал-демократической ориентации, нарушая в этом плане политическое равновесие, которое во Франции не было столь же однозначным. Кроме того, чисто морской союз был бы создан из государств протестантской религиозной ориентации или же не католической, за исключением Португалии и Франции, — что сделало бы гораздо более трудным получение поддержки папского престола, влияние которого в тот момент возрастало, прежде всего благодаря реакции на антирелигиозные преследования в странах Восточной Европы, и направляло во Франции, Италии и Германии католическое общественное мнение. Однако вплоть до конца 1948 г. папский престол сохранял прохладную позицию в отношении проектируемого союза. Наконец, следует учесть, что союз, исключавший Италию как средиземноморскую страну, не только изолировал бы

Италию и создавал новые трудности для непрочной демократии, которую восстанавливала коалиция, возглавляемая демохристианином Де Гаспери, но по определению исключал бы из зоны, гарантируемой договором, также африканские территории Франции, часть которых (алжирские департаменты), в соответствии с французским конституционным устройством, была интегрированной частью национальной территории Франции.

Напротив, участие Италии, пусть и наталкиваясь на обиды и недоверие, едва обозначившиеся, в значительной степени устранило бы ограничения, о которых шла речь выше. Союз приобрел бы менее «морской» и более континентальный характер; иными словами, он стал бы более франкоцентристским, но также и более откровенно европейским, способным завершить объединение стран, расположенных вдоль «железного занавеса», в систему военно-политического «сдерживания», и сделал бы автоматическим распространение гарантий на территории Франции за пределами метрополии. Именно эта совокупность причин побудила французского посла в Вашингтоне Жоржа Боннэ поставить итальянский вопрос решительным и ультимативным образом и представить необходимость приглашения Италии в качестве первоначального члена в новом союзе как условие для участия самой Франции.

9.1.5. СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ ДОГОВОР

Наиболее важные политические узлы процесса переговоров были развязаны к середине марта 1949 г. 20 марта новый государственный секретарь Соединенных Штатов Дин Ачесон, недавно сменивший генерала Маршалла, объявил о предстоящем подписании договора. Церемония состоялась 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне с участием представителей 12 стран: Соединенных Штатов, Канады, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Португалии, Италии, Норвегии, Исландии и Дании.

Договор фиксировал создание оборонительного союза сроком на 20 лет с момента его вступления в силу. В тексте договора определялся вопрос о характере *casus foederis* и степени ответственности, возлагаемой на членов союза. В самом деле, статья 5 договора гласит: «Стороны соглашаются в том, что вооруженное нападение против одного из участников, совершенное в Европе или в Северной Америке будет рассматриваться как нападение против всех договаривающихся сторон, и, вследствие этого, соглашаются в том, что если такому нападению подвергнется любая из сторон,

то в реализации права на законную индивидуальную и коллективную оборону, признаваемого ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций, каждая из них поможет участнику или участникам, подвергшимся нападению, предприняв такие действия, которые она сочтет необходимыми, включая применение вооруженной силы, чтобы восстановить и обеспечить безопасность в районе Северной Атлантики».

Вместе со ст. 9 договора — она предусматривала создание Постоянного Совета, способного собираться с необходимой оперативностью, и предполагала создание таких «дополнительных органов», как Комитет военных представителей — эта статья содержала в зародыше и политические проблемы, и возможности организационной эволюции Североатлантического договора. С политической точки зрения, формулировка ст. 5 делала гарантию взаимной обороны не автоматическим обязательством, оставляя заинтересованным сторонам задачу определения тех действий, которые они сочтут необходимыми для отражения возможного акта агрессии. Это ограничение (отличавшее пакт от Западного союза, в котором обязательство взаимной военной поддержки всеми имеющимися в распоряжении участниками средствами декларировалось в ст. 4) было связано с установлениями, которым подчинялась американская администрация, не позволявшими ей принимать решения о возможном объявлении войны без одобрения сената США. Но именно этот аспект создавал проблему, не один раз встававшую внутри Атлантического союза — проблему надежности американских гарантий. Если не представляло сомнений, что Соединенные Штаты, заключив Атлантический договор, нарушили традицию своей внешней политики, взяв на себя обязательство «в политическом плане» гарантировать европейское устройство от угроз его пересмотра, то представлялось сомнительным, чтобы американский сенат мог принять быстрые и немедленные решения в случае конфликта, который он счел бы не таким, чтобы ставить под угрозу безопасность Соединенных Штатов — концепция по сути своей связанная с изменением политической ситуации.

И все-таки намерения изначально создать на базе союза его собственную организацию и обеспечить возможности ее развития выявили свое значение несколько месяцев спустя, как только изменения, происшедшие с осени 1949 г. по июнь 1950 г. в международной военной ситуации, сместили акценты из сферы преимущественно политических гарантий в сферу необходимых военных гарантий.

9.2. Победа коммунистов в Китае и война в Корее. Японский вопрос

9.2.1. ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ

В течение двух лет сразу после войны основное политическое противоборство двух сверхдержав происходило на европейском театре действий и в сердце Европы, в Германии. И это совершенно понятно, поскольку предпосылкой биполярности был демонтаж европоцентризма и трансформация европейской имперской системы в системы американской и советской сфер влияния.

Значение европейского кризиса и его хронологическое первенство не должны, однако, побуждать предавать забвению тот факт, что, начиная по крайней мере с 30-х годов, в изменениях системы международных отношений доминировала тенденция к растущей взаимозависимости между различными географическими регионами, на которые сверхдержавы проецировали отныне свою деятельность.

Так, Латинская Америка входила в сферу временного жесткого международного контроля со стороны Соединенных Штатов, в том числе и благодаря Межамериканскому договору о взаимной обороне от 2 сентября 1947 г. (более известому как Пакт Рио), и вскоре образованной Организации американских государств (ОАГ), — 2 мая 1948 г., после более чем месячных переговоров, проходивших в Боготе. Если Африка еще была едва затронута первыми проявлениями антиколониальной борьбы, то в зоне, простирающейся от Восточного Средиземноморья до Дальнего Востока, в результате краха на данной территории колониальной системы и появления новых причин для конфликтов, был запущен механизм быстрых трансформаций, за короткий срок радикально изменивших соотношение политических сил в полосе государств к югу от Советского Союза.

Тем не менее, эти изменения или же их отсутствие не имели немедленных последствий по отношению к основной оси биполярности, доминировавшей в международных отношениях того периода. В то же время в Восточной Азии и, в особенности, в Японии, Китае и Корее, то есть в географических зонах, в отношении которых Советский Союз проявлял непосредственную заинтересованность, ощущалась взаимосвязь традиционного присутствия русских со столь же сильным западным, прежде всего, американским присутствием. Если европейские конфликты не имели сразу видимых последствий в этом регионе, то две стороны

советской и американской вовлеченности в события были настолько тесно связаны, что разделять их было бы искусственно. То, что происходило в Европе, являлось предвестником, если не моделью, того, что происходило в Азии; а то, что происходило в Азии, оказывало немедленное воздействие на центральную зону конфликта, то есть на Европу.

Что касается Дальнего Востока, то в противоположность тому, что было согласовано для «освобожденной» Европы, здесь не были сформулированы новые принципы для регулирования миропорядка. В Ялте союзники подписали соглашения колониального типа, от которых вовсе не был свободен и Советский Союз. Напротив, в обмен на вмешательство в войну в Азии он обеспечил себе в будущем территориальные компенсации за счет самой Японии и, прежде всего, суверенного и союзнического Китая, оказавшегося перед лицом парадоксальной ситуации — необходимости согласиться на ограничения суверенитета в тот самый момент, когда американское правительство настаивало, чтобы он стал участником «клуба» великих держав, наделенных правом вето в Совете Безопасности ООН. Сталину удалось таким образом вернуть все позиции, которыми обладала Россия до 1905 г., и даже расширить их.

В основе американского «благородства» лежали две главные предпосылки: прежде всего так называемая «китайская жертва»: уступки касались на самом деле интернационализации порта Дальнянь (Дальний) с «соблюдением советских интересов», сдачи СССР в аренду в качестве морской базы Порт-Артура и совместного советско-китайского управления Китайской Чанчуньской железной дорогой, в обмен на признание Советским Союзом режима Чан Кайши. Во-вторых, цель Белого дома состояла в предотвращении, с одобрения, если не при прямом участии Советского Союза, потенциального развала страны. Возможность такого развития демонстрировала Коммунистическая партия Китая (КПК), утверждая с 1944 г. собственную военно-политическую линию, отличную от линии Гоминьдана, а также проявляя все более внушительную способность к контролю над территорией страны.

В отношении Японии Сталин добился в Ялте возвращения южной части острова Сахалин (утраченной в 1905 г.) и присоединения небольшого архипелага Курилы. Последний был добавлен в качестве компенсации за молчаливое согласие Сталина с американским предложением «одностороннего» управления Японией и зависимыми от нее территориями. Это вытекало из того, что поражение Японии было почти исключительно результатом английского и, в особенности, американского наступления, в то время

как проблема управления территориями, сдавшимися «без всяких условий» (или почти так), представляла один из критических моментов в отношениях между союзниками, начиная с «итальянского прецедента» и кончая дунайско-балканскими эпизодами. Именно эти «прецеденты» подсказали американцам тактику предупреждения возможных возражений со стороны их самого сильного союзника, заключавшуюся в поддержке и, более того, в предвосхищении его возможных требований.

В момент взрыва первой атомной бомбы над Хиросимой (6 августа 1945 г.) и советского вторжения в Маньчжурию (9 августа 1945 г.) ни русские, ни американцы, казалось, не собирались нарушать принятые обязательства. В течение лета 1945 г. не было недостатка в показателях принципиальной поддержки Советским Союзом политики Соединенных Штатов в Китае. Мало того, что КПК не получала никакой открытой помощи от своего коммунистического покровителя, сами действия Москвы подтверждали, что «в Азии, — как пишет А. Ирийе, — Сталин не намеревался разрушать ялтинское устройство».

Что касается оккупации Японии, то еще до подписания перемирия (2 сентября 1945 г.) американцы указали, какого рода вклада они ожидают от своих союзников — вклада, формально заключавшегося в принятии приглашения участвовать в Консультативной комиссии по Дальнему Востоку (фактически репетиция того, что произошло в Европе, где различные консультативные комиссии были лишены права принимать какие бы то ни было решения). В то время как Великобритания и страны Содружества выдвигали возражения против формулы, исключавшей их участие в демократизации Японии, Советский Союз немедленно присоединился к США и подтвердил устойчивость советско-американского компромисса. Советская поддержка позволила Белому дому преодолеть протесты англосаксонских союзников и подтвердить принцип «односторонности».

Во время Совещания министров иностранных дел в Москве в декабре 1945 г. создание Союзного совета было оговорено условием оставить действительную власть в руках верховного командующего вооруженными силами США в Японии генерала Дугласа МакАртура. Согласие советской стороны являлось частью компромисса, о котором в те дни договорился Бирнс в связи с румынской и болгарской проблемами, и было связано с желанием вывести переговоры из тупика с целью заключения мирных договоров. Это позволило американцам осуществить глубокое вмешательство в жизнь японцев, меняя их традиции и институты в соответствии с новой конституционной моделью, вводившей формы правления

и политической жизни при сильном влиянии Запада. Однако это вмешательство не касалось символического значения императора в Японии (помимо того, с чем согласился еще император Хирохито), а также структуры национальной экономики. Военная администрация стремилась, без особого успеха, искоренить некоторые формы милитаристских или паразитических девиаций и коррупции, характеризовавшие японскую жизнь до войны. То, что удалось сделать Макартуру, так это превратить Японию (где присутствие военных было одной из характерных черт социальной структуры) в страну, совершенно лишенную военных амбиций и поэтому свободную от обязательств направлять ресурсы в военную промышленность. В том, что касается этого аспекта международной жизни, Япония неизбежно зависела от Соединенных Штатов. Иными словами, оккупация Японии превратилась в показную американизацию Империи Восходящего Солнца, которая, хотя и породила политические и дипломатические связи, закрепленные спустя несколько лет в мирном договоре, но лишь слегка затронула традиционные глубокие основания японского общества.

9.2.2. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КИТАЕ

Что касается Советского Союза, то его отказ от вмешательства в управление потерпевшей поражение Японией был в некоторой степени связан с характерными чертами ситуации в Китае. В самом деле, Китайская Республика бросала обеим сверхдержавам своего рода политический вызов, заключавшийся в проблемах исключительной сложности. Для того, чтобы понять мотивации русских и американцев и их столь противоречивые изменения, необходимо учитывать геополитические и демографические «масштабы» китайской проблемы (те же самые, которые втянули японцев в бессмысленную войну).

Первым проявлением намерений Сталина по отношению к Китаю стал двусторонний советско-китайский договор от 14 августа 1945 г., переводивший в практическую плоскость Ялтинские соглашения, и воспроизводившей их содержание. Это был все еще «неравноправный договор», навязанный Китаю, но принятый правительством Чан Кайши в интересах сохранения благоприятных отношений с Соединенными Штатами любой ценой. США ещё в годы войны, с начала 1942 г., стремились избежать того, чтобы столкновение между гоминьданом и КПК переросло в гражданскую войну, и теперь возобновили эти попытки. Важность, придаваемая этим усилиям, подтверждалась выбором деятеля, которому было поручено их осуществлять — генерала Маршалла,

вплоть до недавнего времени влиятельнейшего начальника штаба союзных войск и будущего государственного секретаря. Однако его миссия, как и другие, за ней следовавшие, не привела к позитивным результатам, и обстановка быстро ухудшалась, перерастая в открытый конфликт.

Как бы то ни было, неожиданное проявление азиатского национализма стало фактором, подогревшим противостояние США и СССР и внесшим в столкновения новый элемент, не учитывавшийся ранее и тем более разрушительный. Сила и решительность антиколониальных освободительных движений застали врасплох, возможно, русских даже в большей мере, чем американцев. Две сверхдержавы отказались от первоначальных планов управлять будущим Восточной Азии традиционными способам и последовали за ходом событий, стараясь использовать их в своих интересах.

Маршалл прибыл в Китай в декабре 1945 г. с целью выработать общую платформу, благодаря которой Гоминьдан и КПК могли бы сотрудничать в восстановлении страны. Его посредничество было, однако, скомпрометировано тем фактом, что Чан Кайши, уверенный в получении американской помощи, занял непримиримые позиции, исключавшие диалог с коммунистами. Последние, со своей стороны, чувствовали ободряющую поддержку населения провинции Хунань. Оно считало их освободителями от рабства аграрных латифундий и честными администраторами. Люди Мао Цзэдуна продемонстрировали это после того, как в конце «Великого похода» они закрепились в регионе, превратив его в базу для своих операций и в оборонительный оплот против японцев, а также в первый китайский район с коммунистическим правлением.

Дипломатия Вашингтона была таким образом парализована невозможностью примирить консервативное и коррумпированное правительство, в котором большинство составляли представители Гоминьдана во главе с Чан Кайши, с революционным, созданным Мао Цзэдуном. Весной 1946 г. Маршалл счел бесполезным продолжение своих усилий и положил конец своему посредничеству. Он пришел к выводу, что было невозможно продолжать помогать правительству, несостоятельному в военном отношении и столь коррумпированному, что ему не удалось осуществить ни одну из реформ, столь необходимых, по мнению американцев. Более того, он думал, что его осторожный уход со сцены станет для националистов угрозой изоляции, которой они подвергались, и приведет к изменению их политики. Кроме того, американская администрация (как и правительство Сталина) не решалась уже тогда и в Азии порвать с политикой сотрудничества с Советским

Союзом, которая, по крайней мере в Китае, приносила некоторые положительные результаты. Дипломатические миссии следовали одна за другой и после неудачи Маршалла, однако новых факторов в данной ситуации не возникало, если не считать, что серьезное американское вмешательство в Китае вылилось в дорогостоящее и неэффективное «просачивание» — это становилось все более очевидным.

В июле 1947 г. поиск компромисса был доверен генералу Альберту С. Ведемейеру. У него сложилось четкое представление о кризисе националистов и наступлении коммунистов; он рекомендовал посылку новой помощи Чан Кайши, но не решился предложить прямое военное вмешательство Соединенных Штатов в Китае. Рекомендация увеличить поток помощи не было принято государственным департаментом. Маршалл откровенно выступил против: «Попытка поддержать китайскую экономику и гарантировать усилия китайского правительства, — говорил он в сенате 11 ноября 1947 г., — превратилась бы в бремя для экономики Соединенных Штатов и в военную ответственность, которую я не мог бы рекомендовать как цель действий нашего правительства».

Джон Лейтон Стюарт, последний американский посол в националистическом Китае, надеялся на реформистские изменения в политике Гоминьдана, когда Чан Кайши, демонстративно дистанцируясь от крайне правых сил, на которые он опирался, принял назначение вице-президентом Ли Зонгрена, более расположенного к компромиссу и более внимательного к реформистским предложениям. Последний действительно способствовал возобновлению переговоров между представителями Гоминьдана и КПК, гарантированных также участием советского посла Рощина и проходивших весной 1949 г. Лишь летом 1949 г. надежда на достижение компромисса была окончательно утрачена. Уже в апреле коммунистические лидеры решили прервать всякие контакты с представителями Гоминьдана. В июне Мао Цзэдун опубликовал работу под названием «О демократической диктатуре народа», в которую он включил лозунг, сформулировавший в простейшей форме (как это потом будет много раз происходить в китайской жизни, как при Мао, так и без него) политический выбор страны: «Китай должен находиться на одной стороне».

9.2.3. ПОБЕДА КИТАЙСКИХ КОММУНИСТОВ

Этот вывод был также результатом хода гражданской войны. В конце 1948 г. армия Гоминьдана полностью разложилась, и коммунисты постепенно становились политической силой, пре-

обладающей в китайской жизни. Таким образом отпадали тактические причины поиска компромисса.

В то же время американцы расставались со своими иллюзиями, смиряясь с поражением Гоминьдана, отказываясь от каких бы то ни было планов дипломатического вмешательства, однако заняв и позицию откровенной враждебности к возможности преобладания в Китае КПК. Для Маршалла такое решение было несовместимо с целью создания Китая, сильного и дружественного по отношению к Америке. Но тревога, порожденная последствиями перехода Китая под контроль коммунистов, не была настолько велика, чтобы подтолкнуть правительство Вашингтона к более серьезному вмешательству. Трумэн сожалел об этом. Маршалл был категорически против. Ачесон делал логические выводы, вытекавшие из ограничителей американской мощи: «Националистическое правительство [Китая], — писал он, — не располагает военной силой, необходимой для поддержания контроля над Южным Китаем в случае решительного наступления коммунистов... Нет причин думать, что дальнейшее продолжение оказания помощи сможет изменить перспективы развития китайских событий. Напротив, существует много признаков, показывающих, что население Китая устало от войны, и в нем преобладает сильнейшее желание добиться мира любой ценой. Оказание только военной и консультативной помощи привело бы к единственному результату — продолжению враждебности и страданий, которые китайский народ должен был бы терпеть, вынашивая глубокое недовольство против Соединенных Штатов».

В военно-политическом плане вопрос был решен, когда КПК провозгласила 1 октября 1949 г. Китайскую Народную Республику, отказавшись от дипломатического признания американцами (что немедленно отразилось на неблагоприятном для КНР решении о месте Китая в Совете безопасности ООН). К этому добавилась поддержка американцами плана Чан Кайши оставить материковый Китай и бежать с представителями Гоминьдана на остров Тайвань, а также решение Вашингтона о признании только за ним международного представительства всего Китая. Начался конфликт, длившийся двадцать лет, вынудивший американское правительство сместить к Западу периметр своей оборонительной зоны. Южная Корея и Япония приобретали еще большее значение, чем они имели в прошлом.

Для Соединенных Штатов речь шла о тяжелом поражении, которое заставило их пересмотреть свою политику в Тихоокеанском регионе. Для народного Китая начинался этап больших надежд. КНР вступила в международную жизнь в период больших

трудностей, однако с энтузиазмом воспринимая задачу совершить глубокую революцию, которая преобразовала бы экономику с преобладанием латифундий и отсталой промышленности в экспериментальные коммунистические модели. Это была огромная трансформация; китайцы готовились ее осуществить, обращаясь к своим «естественным» союзникам, но таким образом Северо-Восточная Азия полностью вовлекалась в орбиту холодной войны.

Основы отношений между компартиями Китая и Советского Союза характеризовались длительной общей борьбой, но также и глубокими разногласиями. Когда Китай освободился в 1911 г. от имперской системы, разрушенной Национальной партией (Гоминьдан), революционные силы Сунь Ятсена представляли собой коалицию весьма различных групп и течений. Компартия была основана в 1921 г., и с самого начала ее существование характеризовалось как сложностью отношений с Советским Союзом и Коминтерном, так и утверждением внутри КПК двух противоположных политических течений. Советский опыт побуждал к поощрению политической борьбы прежде всего в среде городского пролетариата и промышленных рабочих. Именно это течение, возглавлявшееся такими интеллектуалами, как Лю Шаоци, будущий президент Народной Республики, и Ли Лисань, вскоре ставший секретарем партии, было преобладающим. Эта политическая линия потерпела банкротство, поскольку ей не удалось завоевать поддержку в рабочей среде крупных южных городов, таких, как Шанхай, она облегчила попытку Чан Кайши ослабить коммунистов, которые стремились к гегемонии в Гоминьдане, и, более того, перейти в их отношении к систематическим репрессиям, начавшимся в апреле 1927 г.

Политическая платформа Мао Цзэдуна, которой репрессии со стороны националистов придали большую убедительность, основывалась на признании преимущественно аграрного характера китайского общества и на стремлении партии пустить свои корни в этой реальности, став выражением революции, которая исходила бы из деревни и охватила бы всю страну. Это была политическая линия, диаметрально противоположная линии на форсированную индустриализацию, которую Сталин проводил в СССР и которую Коминтерн стремился экспортировать в остальную часть мира, требуя лояльности, что подталкивало сам Коминтерн рекомендовать компромисс с Гоминьданом даже на этапе наиболее явной антикоммунистической политики Чан Кайши.

Влияние Мао в тот период было почти незначительным. Назначенный в 1928 г. секретарем партии Ли Лисань предлагал, несмотря на понесенные поражения, вновь активизировать полити-

ческую пропаганду в среде городского пролетариата; в 1930 г. секретарем партии был избран Ван Мин, открытый противник Мао, тезисы которого тем временем начали овладевать партией. Они приобрели еще большую эффективность, когда, несмотря на то, что официальное руководство партии склонялось к продолжению своей деятельности в подполье, в условиях решающего наступления Чан Кайши в 1935 г., Мао взял на себя командование армией коммунистов и повел ее в легендарный «Великий поход» до провинции Хунань, откуда начнется возрождение КПК. Начиная с 1937 г. маоистская политическая линия безусловно возобладала, и Мао все более становится фигурой, символизирующей партию. Но, конечно, его предшествующий путь вовсе не гарантировал будущую прочную дружбу с СССР, которой угрожали идеологические новшества маоистской мысли по сравнению со сталинской, а также необходимость восстановить на новых, более «братских» основаниях отношения, сформулированные в неравноправном договоре, подписанном в августе 1945 г. Чан Кайши. С другой стороны, к союзу с СССР пришедшего к власти Мао подталкивали также международные реалии, с которыми он должен был считаться.

9.2.4. ПОСЛЕДСТВИЯ СОЗДАНИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Народный Китай рождался несмотря на американские попытки предотвратить крайние решения. Потеря Китая вызвала в Соединенных Штатах волну реакции, создавшую немало трудностей самому Трумэну, и усилила ультраконсервативные течения, выразителем которых, начиная с этих месяцев, являлся сенатор-республиканец Джозеф Маккарти, будущий председатель Комиссии по антиамериканской деятельности в Соединенных Штатах. Еще более внушительной делала эту реакцию консолидация группы лиц, которые, вдохновляемые разными интересами, составляли так называемое «китайское лобби» (*China Lobby*) — влиятельную силу в защите правительства Чан Кайши на Тайване как единственного и легитимного китайского правительства. Американскую администрацию подталкивали к жестким решениям, то есть к более полному остракизму в отношении нового Китая. Почти все западные союзники и значительная часть независимых стран, за существенным исключением Великобритании и Индии, были поставлены перед выбором между «двумя Китаями» и были вынуждены отказать в признании Народному Китаю.

Международный остракизм дошел до экономического эмбарго (официально закрепленного в 1952 г.) и до американского обяза-

тельства нейтрализовать Тайваньский пролив и защитить осевшее на острове националистическое правительство.

Открытая враждебность американцев укрепила намерения нового правительства Пекина искать покровительство Советского Союза. Оно начало действовать не без недоверия. Ни Мао, ни Чжоу Эньлай, его главный соратник, ни Чжу Дэ не были людьми Москвы. Мао посетил Советский Союз первый раз только в 1949 г., после провозглашения Народной Республики, когда в середине декабря он отправился в Москву для переговоров о договорах, которые поставили бы на новую основу отношения между двумя странами. В январе к Мао присоединился Чжоу Эньлай, и с этого момента переговоры, пережившие весьма острые моменты, быстро продвинулись к завершению.

После подписания договоров 14 февраля 1950 г. в Москве судьбы двух стран казались связанными неразрывно, хотя осталось некое ощущение, подпитываемое Сталиным, что, конечно, Китай, — «великий» друг, но также и своего рода «особый спутник» СССР. Это была двойственность, сыгравшая, вероятно, свою роль; и она отражалась, впрочем, и в самих договорах. Первый из них — единственный, содержащий выражения, прославлявшие значение нового Китая, воспроизводил по существу текст соглашений, подписанных Советским Союзом со странами-спутниками Восточной Европы. Его смысл заключался в оборонительном союзе против возобновления японской угрозы, но распространявшемся и на всякую другую агрессию, направленную против одной из двух сторон. Соглашение по взаимной обороне сопровождалось началом периодических консультаций по вопросам, представляющим общий интерес.

По второму договору Советский Союз брал на себя обязательство аннулировать (но только после заключения мирного договора с Японией) уступки, полученные от националистического правительства по договору августа 1945 г. и согласованные в Ялте. Третий договор касался экономических вопросов и предусматривал предоставление Китаю кредита размером 300 миллионов долларов, из 1% годовых, но не валютой, а товарами советского производства, который китайцы обязывались возвращать сырьем китайского производства. В кулуарах была обсуждена ситуация в Корее, где лидер северокорейской компартии Ким Ир Сен объявил о намерении силой объединить страну.

Несмотря на пропагандистские утверждения относительно рождения нового антикапиталистического союза, сопутствовавшие заключению договора, китайцы заплатили достаточно высокую цену за русское покровительство. Отсрочка на непредвиденно

длительный срок возвращения китайцам экстерриториальных прав, оставляла подвешенным *sine die* наследие последнего «неравноправного договора». Объем экономической помощи — значение которой уменьшалось еще и тем обстоятельством, что Советский Союз хотел получить взамен сырье, а не промышленную продукцию, способную стать стимулом для китайского промышленного подъема, — ясно указывал на ограниченность возможностей Москвы.

Даже если внутри союза существовали потенциальные мотивы для едва проявившихся разногласий, вовне тем не менее укреплялся образ Китайской Народной Республики как новой пешки в глобальной игре СССР. Поведение нового пекинского режима в отношении Тибета подтвердило такое впечатление. Этот район, который националистическому правительству никогда не удавалось взять под контроль, в последние десятилетия получил фактическую автономию, коренившуюся, впрочем, в теократическом характере правления Тибетом. Когда коммунистическая армия подготовилась к вторжению в Тибет и приблизилась к его столице Лхасе, Далай Лама, то есть главный представитель буддистской иерархии, обладавший максимальной религиозной, моральной и политической властью в регионе, попытался противостоять вторжению, но, начисто лишенный военных ресурсов, вынужден был прибегнуть к средствам дипломатии, попросив в целях самозащиты о вмешательстве Великобритании и Индии.

Однако примирительная политика, которую англичане и индийцы предпочли проводить в отношении нового Китая, лишил его дипломатические ресурсы всякой эффективности. Протесты против действий Китая (октябрь 1950 г.) были умеренными и заранее обреченными на неудачу. Даже последняя попытка Далай Ламы интернационализировать проблему, прибегнув в ноябре того же года к ООН, провалилась, забаллотированная в Совете Безопасности совместным вето китайских националистов с Тайваня, занимавших тогда место Китая в ООН, и Советского Союза, ярко контрастировавшего с принципиальными декларациями по антиколониальной борьбе, которую Советский Союз и Народный Китай выбрали в качестве своего знамени.

9.2.5. КОРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Глобальное значение изменений, происшедших в Китае, обусловило новую постановку японской проблемы, а еще ранее — корейского вопроса. Очевидно, что во время войны этот вопрос не был в центре внимания союзников.

Рузвельт считал, что Корея, аннексированная Японией в 1910 г., не была способна немедленно восстановить самоуправление и еще на Каирской конференции в ноябре 1943 г. предложил своего рода четырехсторонний мандат на весь Корейский полуостров. Англичане, китайцы и русские тогда позитивно восприняли это предложение. По военным планам, освобождение страны должно было происходить посредством совместных действий советских вооруженных сил с Севера и американских десантных частей с Юга, вплоть до чисто военной демаркационной линии, которая должна была проходить по 38-й параллели.

На окончательном этапе войны Советский Союз был готов действовать как в Манчжурии, так и в Корее, учитывая близость двух фронтов боевых действий к районам базирования Красной армии.

Американцы вмешались позднее, однако не считали ситуацию безнадежной. В самом деле, советские войска остановились перед согласованной линией, аналогично тому, как американцы это сделали в Германии. К тому же союзнические отношения не позволяли в тот момент Сталину пойти на другой выбор. Впоследствии планы управления Кореей с помощью четырехсторонней комиссии утратили смысл из-за внутреннего кризиса в националистическом Китае и отказа англичан принимать на себя дополнительные международные обязательства, которые могли бы ухудшить их финансовое положение. Хозяевами положения оставались советские и американские вооруженные силы. На Московском совещании в декабре 1945 г. было принято решение о создании смешанной комиссии, образованной из представителей двух заинтересованных сторон и уполномоченной заложить основы последующей независимости Кореи.

Тем временем русские действовали на Севере полуострова теми же методами, которые они постепенно опробовали в Восточной Европе. Советы способствовали воссозданию компартии под руководством Ким Ир Сена, в отличие от китайцев гордившегося своим длительным пребыванием в СССР и в Москве; ему было доверено создание правительства сталинского типа в северной зоне оккупации. Американцы, со своей стороны, опирались на корейские националистические силы и нашли эффективного партнера в лице представителя самого консервативного крыла этих сил Ли Сын Мана. Прежде чем это разделение закрепилось, имел место, так же как и в Германии, переходный период, во время которого двусторонняя комиссия оккупационных сил обсуждала возможность продвинуть процесс национального воссоединения. Но даже и в этом случае встречи русских и американцев,

начавшиеся в марте 1946 г., превращались в повод для высказывания взаимных обвинений. Русские обвиняли американцев в способствовании созданию антикоммунистического режима к югу от 38-й параллели; американцы противопоставляли этим обвинениям упреки в установлении в Северной Корее однопартийного режима, что противоречило обязательствам, принятым Москвой, и контрастировало с видимым плюрализмом, существовавшим на Юге (видимым, поскольку правительство Ли Сын Мана было, по сути, авторитарной диктатурой, прикрытой некоторыми демократическими формами).

В сентябре 1947 г. по инициативе Соединенных Штатов дело было передано Организации Объединенных Наций; Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за рекомендацию (не имевшую, в отличие от решений Совета Безопасности, обязательной силы), согласно которой в Корее как можно быстрее должны были состояться свободные выборы под наблюдением представителей ООН. Характер этой рекомендации с юридической точки зрения позволил Ким Ир Сену отказаться от присутствия представителей ООН в Северной Корее. В мае 1948 г. в Южной Корее состоялись выборы, которые представители Объединенных Наций объявили законными и которые принесли подавляющее большинство голосов Ли Сын Ману. 15 мая 1948 г. последний провозгласил создание Корейской Республики в качестве единственного законного правительства на всем полуострове, поскольку лишь оно было избрано под международным контролем.

На севере Ким Ир Сен последовал его примеру, провозгласив после плебисцитарных выборов 9 сентября 1948 г. Корейскую Народно-Демократическую Республику, единственную подлинно «демократическую», поскольку в ней была запрещена деятельность антидемократических, то есть антикоммунистических партий. Несмотря на постоянные трения между двумя правительствами, разместившими свои столицы соответственно в Сеуле (Южная Корея) и в Пхеньяне (Северная Корея), как русские, так и американцы сочли возможным постепенно вывести с территории полуострова свои войска. Не прошло и года после рождения двух корейских государств, как русские оставили на севере немногим более 3000 человек; на юге американцы — несколько сотен. Линия демаркации между двумя зонами военной оккупации начала превращаться в пограничную линию между двумя почти независимыми государствами, разделенными соперничеством, порождавшим многочисленные, однако локальные, пограничные инциденты.

Пересмотр американской внешней политики, последовавший за концом атомной монополии и созданием Китайской Народной

Республики, санкционированный в апреле 1950 г. одобрением резолюции № 68 Совета Национальной Безопасности (СНБ-68), помимо того, что дополнил доктрину сдерживания новыми формулировками, побудил также американских военных и политиков попытаться очертить своего рода точный «периметр» жизненных интересов Соединенных Штатов. В начале 1950 г. такие авторитетные генералы, как Эйзенхауэр и Макартур, утверждали, что, несмотря на изменения в Китае, Корея не является столь важной для обороны Соединенных Штатов, чтобы быть включенной в такой периметр, учитывая ее территориальную отдаленность и приоритет, отдаваемый в Азии защите Японии и южной зоны Тихого океана. Эти концепции нашли отражение в речи, произнесенной государственным секретарем Ачесоном 12 января 1950 г., в которой он рассмотрел проблемы изменений в американской политике в Тихоокеанском регионе и определил «периметр» американских обязательств в целях защиты национальной безопасности. Этот периметр простирался от Алеутских островов на севере до Японии, затем к югу от островов Рюкю до Филиппин. Южная Корея оставалась вне этой линии разграничения, очертившей сферу бесспорных интересов Соединенных Штатов, и это в период крупных изменений, которые могли вызвать рождение народного Китая.

В конце 1949 г. правительство Пхеньяна, которое в идеологическом плане пыталось совместить связи с СССР с контактами с китайской стороной, начало получать обычные вооружения от нового Китая, что встревожило русских и побудило их посылать своим корейским сателлитам более современные вооружения. Однако поворотный момент существования Северной Кореи имел место в марте 1950 г. в связи с подготовкой массовой военной операции против Юга и с положительным ответом, который Ким Ир Сен получил на просьбу, обращенную к Мао, согласиться, чтобы 30 000 корейских солдат, оставшихся в Маньчжурии после участия в войне против японцев и против националистов, смогли вернуться в Корею. Возвращение этих подразделений, хорошо подготовленных и оснащенных, давало Северной Корее ударную силу, необходимую для конкретной реализации плана агрессии против Юга.

9.2.6. КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА

В историографии обсуждается степень вовлеченности Китая и Советского Союза в события: документы, которые российское правительство сделало доступными после 1990 г., подтверждают

одобрение Сталиным северокорейских планов, однако все еще невозможно четко дифференцировать степень ответственности двух коммунистических держав. Очевидным представляется то, что проблема насильственного воссоединения Кореи была доминирующей в отношениях между Ким Ир Сенем и его советским и китайским союзниками. Ким начал обсуждать эту тему в 1949 г. и Сталин все время его сдерживал, но не обескураживал. Мао проявлял большую склонность к риску, хотя и держался осторожно, так что окончательное решение было доверено именно китайскому лидеру.

В самом деле, Ким Ир Сен посетил Москву в апреле 1950 г. и получил обещания значительной военной помощи, сопровождавшиеся двусмысленными политическими обязательствами. Русских в тот момент сдерживала необходимость способствовать сбору миллионов подписей под призывом к борьбе за мир, брошенным группой интеллектуалов из Стокгольма, и Коминформ отдавал предпочтение этой форме пропаганды перед планами войны. В мае Ким посетил Пекин, где утверждал, что получил от Сталина свободу действий. Мао попросил разъяснений от самого московского вождя и тот ответил: «Учитывая новую международную обстановку», он соглашался с корейским предложением, однако уточнял, что окончательное решение «должно приниматься совместно китайскими и корейскими товарищами» с условием, что если Мао будет испытывать сомнения, то решение откладывается до нового обсуждения. Представляется, следовательно, несомненным тот факт, что военное нападение, начавшееся 25 июня 1950 г. вдоль 38-й параллели, было результатом тщательной подготовки сил Северной Кореи, заставших врасплох явно не подготовленного противника. Именно эту неподготовленность надо учитывать, когда исследуешь корейский кризис. Северокорейские руководители рассчитывали на фактор внезапности и на возможность разбить южнокорейскую армию до подхода возможной помощи извне.

Этот расчет оказался ошибочным. Осуществлявшим наступление северокорейским войскам удалось завоевать почти всю Южную Корею, за исключением небольшого плацдарма вокруг порта Пусан, где в сентябре 1950 г. закрепились остатки южнокорейской армии и где они начали получать первую международную помощь, прежде всего американскую. В действительности предположение об относительном безразличии американцев к происходившему было совершенно необоснованно. Северные корейцы, конечно, не знали о резолюции СНБ-68, однако она вносила существенные изменения в американский ответ на советские инициативы или инициативы, которые могли бы быть использованы

в интересах СССР. Произошел переход от этапа политического сдерживания к этапу, когда ответ не исключал применения военной силы. Иными словами, если коммунистическая система укрепляла свой военный (советский атомный) потенциал и свое геополитическое пространство (появление Народного Китая и заключение китайско-советских договоров), то её вызов менял свою природу. Это делало необходимыми новые ответы, поскольку в противном случае завоевания американцев в 1946–1949 гг. в значительной мере утратили бы свою значимость.

Биполярное противостояние переместилось на новый театр и приобрело военный характер. Проблемы Восточной Азии явным образом связывались теперь с проблемами Западной Европы, поскольку Советский Союз, следуя вековой традиции, после того, как он был временно остановлен на Западе, пытался в качестве компенсации осуществить свое продвижение на Востоке. Это не было прямое противостояние между СССР и Соединенными Штатами, но «война по доверенности», как она тогда называлась американцами. Ситуация в Корее слишком непосредственно отражала ситуацию в Германии, чтобы не вызывать опасений возможности повторения подобных инцидентов в Европе. Как бы то ни было, она представляла опасность и выявляла моменты, которые могли бы по-новому поставить саму проблему европейского переустройства. Агрессия Северной Кореи требовала немедленного ответа Соединенных Штатов: «периметр», обозначенный Ачесоном, имел смысл, но лишь в том случае, если Южная Корея оставалась бы связанной с американской системой в Тихом океане. Если эта предпосылка менялась, то уже не Корея находилась на передовом рубеже как внешняя защита Японии, но сама Япония оказывалась непосредственно противостоящей объединенной, победоносной и грозной Корее Ким Ир Сена.

Трумэн отреагировал незамедлительно. Вопрос был сразу же поставлен в Совете Безопасности ООН, и 25 июня (по нью-йоркскому времени) большинством голосов он принял резолюцию (то есть обязательный для исполнения документ), осуждавшую агрессию и требовавшую от Северной Кореи немедленно отвести свои войска. При этом неизбежно встает вопрос, как оказалось возможным обойти советское вето. Дело в том, что американцы извлекли выгоду из существенной ошибки в оценке ситуации, допущенной советской дипломатией, руководители которой решили не участвовать в работе Совета Безопасности начиная с января 1950 г. в знак протеста против отклонения их требования о том, чтобы место, занимаемое националистическим правительством Тайваня, было предоставлено представителю *de facto* (а для Советского Союза

также и *de jure*) китайского народа. Некоторые расценили это отсутствие как косвенное доказательство советской «невиновности» в повороте к вооруженным действиям в холодной войне, и, более того, как подтверждение того, что в отсутствие советской ответственности, речь могла идти только о южнокорейской агрессии, поддержанной Соединенными Штатами. Речь, однако, идет в данном случае о формальной аргументации, не принимающей во внимание источники.

Действительно, голосование Совета Безопасности было результатом непредвиденных и временных обстоятельств, которые американцы постарались максимально использовать. В самом деле, после американского приказа от 26 июня (даже без консультации с британскими союзниками, которые были на это порядком обижены) отправить срочную помощь из Японии в Корею. 27 июня США поставили эту тему на обсуждение Совета Безопасности. Совет принял к сведению невыполнение его решений северокорейской стороной и минимальным, но достаточным большинством принял резолюцию о «полицейских мерах», то есть военных мерах, которые, во исполнение ст.42 Устава, осуждали агрессию как угрозу международной безопасности и приглашали все государства-члены ООН добровольно предоставить их вооруженные силы для восстановления мира. Благодаря этой резолюции деятельность Соединенных Штатов начала развиваться под флагом ООН. Это могло произойти благодаря длительному отсутствию советского делегата в СБ.

В Японии под руководством Макартура были начаты приготовления к эффективному контрнаступлению и, в то время как американские войска готовились, другие 16 стран (от Великобритании до Турции) также заявили о своем участии. Зачастую это было символическое участие, однако оно придало американскому воинскому контингенту характер настоящей международной силы, которую Совет Безопасности своей резолюцией, принятой 7 июля также большинством голосов, поставил под командование генерала Макартура. Между июнем и сентябрем, в то время как южнокорейские и немногочисленные американские войска с трудом оборонялись вокруг Пусана, Макартур подготовил свою акцию.

15 сентября неожиданным маневром он осуществил массированную высадку войск в Инчхоне, недалеко от Сеула, в нескольких сотнях километров к северу от фронта боевых действий. Северокорейские войска неожиданно оказались перед угрозой окружения и поспешно отступили на север. За две недели военная ситуация изменилась коренным образом, поскольку войска ООН достигли 38-й параллели, выполнив таким образом миссию, порученную им Объединенными Нациями.

Тогда встал вопрос о пределах задачи, порученной международным силам, и американская сторона, как и южнокорейская, сочли эту ситуацию благоприятной для попытки осуществить то, что было невозможно раньше, то есть рекомендацию ООН по воссоединению двух Корей. С помощью военных средств можно было осуществить то, чего не удалось добиться мирными средствами. Однако это означало придание вмешательству ООН нового характера и действия в других дипломатических условиях, поскольку, увидев несомненную невыгодность своей демонстрации протеста, Советский Союз с 1 августа вновь занял свое место в Совете Безопасности; и сразу же за началом конфликта начали предприниматься усилия для поиска дипломатического решения, усилия, в которых главную роль играл тогда индийский премьер-министр Неру.

Проблема Кореи вызвала разногласия внутри Западного союза, однако как американское командование, так и президент Ли настаивали на том, чтобы представившаяся возможность не была упущена. Кроме того, часть американского консервативного общественного мнения, подталкиваемая «китайским лобби», усматривала в военном успехе Макартура возможность восстановления в целом позиций, утраченных в 1949 г. Недостаточно было защищать Тайвань с помощью 7-го американского флота, можно было подтолкнуть Чан Кайши к попыткам высадиться на китайской территории. В целом в США царил настолько возбужденное настроение, что в колебаниях Трумэна усматривали признак неоправданной слабости, а в имперском давлении Макартура — предвестник возможного изменения всей ситуации в Азии.

И все-таки открыть путь к объединению Кореи силой могли лишь Объединенные Нации, связанные решениями, принятыми в июне—июле, а теперь также и с участием возвратившегося советского представителя. Хорошо сознавая опасность, которую создавало это возвращение, американцы подготовили предложение, представленное в августе 1950 г. и направленное на изменение способа голосования в Совете Безопасности. В соответствии с этим предложением, в случае, если Совету не удастся вынести решение по причине вето, а квалифицированное большинство его членов приняло решение, или же было сформулировано требование определенного числа членов Ассамблеи (двух третей), рассмотрение вопроса могло быть изъято у Совета и передано самой Ассамблее, включавшей тогда 60 членов со значительным преобладанием проамериканских государств. Речь шла об уловке, которая в свое время обратилась против самих ее инициаторов, но которую тогда американцам удалось заставить Генеральную Ассамблею

одобрить 3 ноября 1950 г. в виде «резолуции», названной «Объединение во имя мира» (*Uniting for peace*). В действительности, военная ситуация в Корее к этому моменту вновь изменилась и изменилась радикальным образом.

После возвращения в Совет Безопасности советского представителя начались оживленные дискуссии относительно предложения по комплексному решению дальневосточных проблем, которое включило бы как признание Китайской Народной Республики, так и заключение перемирия в Корее. Это концепция была, однако, малопривлекательной для американцев, усматривавших в ней опасность поощрения северокорейской агрессии. Напротив, Генеральной Ассамблеей было принято британское предложение, предусматривавшее окончание военных действий и организацию свободных выборов под контролем ООН; имелось в виду воссоединение всей Кореи (47 голосов за, 5 против — то есть советский блок, и 7 воздержавшихся).

В военном плане международные силы ожидали указания, касающегося окончания их активных действий. Трумэн колебался. С китайской стороны последовали явные предостережения. Чжоу Эньлай заявил 30 сентября, что Китай не будет пассивно относиться к пересечению «войсками ООН» 38-й параллели. И хотя слова Чжоу были недооценены теми, кто считал, что для китайцев в любом случае приоритетными оставались внутренние проблемы восстановления страны, предупреждения Пекина не могли быть проигнорированы. Хотя в данном случае они и относились к проблеме 38-й параллели, но сделанный американцами выбор не мог не характеризовать их будущее отношение к китайской проблеме.

Колебания были преодолены с помощью уловки. 7 октября Макартур приказал южнокорейским силам пересечь 38-ю параллель, зная, что за ними последуют также американские и международные силы. Встреча Трумэна и Макарура на острове Уэйк 15 октября не послужила прояснению стратегических целей продолжения боевых действий.

Напротив, китайцы 16 октября показали, что их заявления не были пустыми разговорами. С этого дня подразделения «добровольцев», то есть китайских войск, формально не связанных со своим официальным командованием, стали прибывать на территорию Северной Кореи. Началась острейшая стадия конфликта. В конце ноября силы ООН подошли к реке Ялуцзян, обозначающей границу между Китаем и Кореей. Макартур настаивал на получении разрешения форсировать ее, но американские воздушные силы уже вторглись в китайское воздушное пространство. Генерал был уверен, что война близится к победоносному концу.

Однако 26 ноября началось контрнаступление китайских и северокорейских сил в «необъявленной» войне, в которой, благодаря китайскому численному превосходству, была в короткий срок одержана победа над силами ООН. В этот момент Макартур приложил максимум усилий для утверждения своих позиций. Для того чтобы остановить китайское наступление, было необходимо подвергнуть бомбардировкам северокорейские «святыни» и базы «добровольцев» на китайской территории, то есть следовало использовать силы китайских националистов и одобрить диверсии на территории континентального Китая.

Хотя в предшествующие месяцы даже Трумэн думал о возможности использовать атомное оружие против китайцев, такой вариант обострения конфликта был отброшен, попытки давления со стороны Макартура были отвергнуты, поскольку применение атомной бомбы спровоцировало бы расширение войны до глобальных масштабов, учитывая существование советско-китайского союза и ставшее уже очевидным намерение коммунистических стран не бросать угроз на ветер. В то же время, и союзники Соединенных Штатов, прежде всего Великобритания, также давали советы проявлять осторожность. В этой ситуации нарастающих расхождений внутри американского военно-политического руководства китайцы продолжили свое наступление и снова пересекли 38-ю параллель, вплоть до линии, которая в январе 1950 г. проходила к югу от Сеула. Пекинское правительство даже не учло осуждения, выраженного голосованием Генеральной Ассамблеи ООН 1 февраля 1951 г., которое объявляло Народный Китай виновным в агрессии. Напротив, именно новые американские военные усилия вновь сбалансировали ситуацию в апреле, поскольку удалось оттеснить китайские войска немного к северу от 38-й параллели, но не вдоль единой линии, а оставляя часть южнокорейской территории в руках противника.

С точки зрения внутренней политики Соединенных Штатов кризис достиг тогда наиболее острой фазы. 24 марта 1951 г., проявив более чем сомнительную инициативу, Макартур сделал публичное заявление, которое содержало угрозы в отношении Народного Китая, и в то же самое время предлагало чисто военное соглашение по Корее. Немного позже лидер группы республиканцев в палате представителей Джозеф У. Мартин распространил письмо Макартура, в котором говорилось, что «не существует альтернативы победе». Это был отчетливый жест неподчинения по отношению к президенту в тот самый момент, когда было положено начало дипломатической инициативе с целью прекращения огня. Трумэн извлек из этого должные выводы и 11 апреля

освободил Макартура от исполнения его обязанностей. Внутри Соединенных Штатов это спровоцировало кризис, который в немалой степени ослабил политические позиции президента. Макартур обладал авторитетом влиятельного победоносного генерала, и сам этот факт представлял собой институциональную опасность. Пылкий прием, оказанный генералу по его возвращении в Соединенные Штаты, выявил степень коллективной истерии, вызванной инцидентом. В действительности Трумэн использовал, как он, кстати, обычно это делал, свой авторитет с чувством меры и мужеством, уберегая свою страну от последствий безрассудных замыслов.

Тем временем на фронте операции оказались в тупике. Военные действия продолжались в виде частых, но ограниченных стычек вдоль 38-й параллели. В конце июня 1951 г. именно русские предприняли инициативу, направленную на разблокирование ситуации. Сделавшись рупором северных корейцев, они заявили, что те готовы начать переговоры о перемирии. Американский президент согласился, и переговоры начались 10 июля в Кэсоне.

Это было медленное и трудное начало, прерываемое частыми паузами и пропагандистской полемикой, которая выявляла сохранение глубокой враждебности и недоверия. В августе, после внезапного перерыва переговоры возобновились в Паньмыньчжоне, местечке, расположенном на равном расстоянии от двух военных фронтов. В центре полемики оказался вопрос о военнопленных и их праве выбирать, в какой из двух частей Кореи им оставаться. Проблема касалась, в частности, пленных, содержавшихся в лагерях Северной Кореи, где, как считали американцы, велась работа по их идеологической обработке, которая должна была привести к всеобщей поддержке коммунистического режима. Со своей стороны, китайцы и северные корейцы настаивали на том, чтобы все пленные в лагерях ООН были возвращены в места их проживания, независимо от их желания, что наталкивалось на сопротивление американцев из-за опасения, что возвращение всех без отбора приведет к необоснованным преследованиям тех, кого сочтут недостаточно преданными делу Ким Ир Сена.

Затянувшиеся дискуссии вокруг перемирия в результате повлияли на президентскую кампанию в Америке 1952 г. Трумэн, изнуренный тяжелыми испытаниями, и сознающий, что решения по поводу отставки Макартура стоили ему неоправданной непопулярности, счел возможным не выставлять свою кандидатуру (позднее, с таким же преувеличением, историография без колебаний оценит Трумэна как самого великого американского президента Новейшего времени). Впрочем, республиканская партия

выдвинула другого популярного в Соединенных Штатах героя, генерала Эйзенхауэра, бывшего тогда командующим войсками НАТО в Европе, в то время как демократы избрали Эдлая Э. Стивенсона, губернатора Иллинойса, очень авторитетного политика-интеллектуала, однако его харизма была несравнима с харизмой победителя Гитлера. К уже существовавшим различиям Эйзенхауэр смог добавить в последние недели весьма искусный штрих. Он заявил, что если будет избран, то положит конец войне в Корее. «Речь идет о работе, требующей моего персонального визита в Корею. Я совершу это путешествие. Я отправлюсь в Корею». Он не уточнил, отправится ли он для того, чтобы придать силы войскам, которые должны победить, или же чтобы дать толчок переговорам о перемирии, однако огромное большинство американцев истолковало его обязательство как обещание близкого мира.

Это было обещание, которое он сдержал. После победы на выборах Эйзенхауэр отправился в Корею и принял решение о необходимости продолжения переговоров. Только в случае их провала американские войска должны были начать сражаться «до победы», используя также и тактическое атомное оружие. В апреле 1953 г. возобновились переговоры в Паньмыньчжоне, а 27 июля было подписано соглашение о перемирии. Речь шла о «временном» компромиссном соглашении, которое должно было быть дополнено конференцией для решения корейской проблемы. Конференция собралась в Женеве в 1954 г., проблема вновь обсуждалась в 1955 г., однако и в 2002 г. две Кореи остаются разделенными (с небольшими тактическими изменениями), как это установило перемирие 1953 г. по линии, вдоль которой были расположены войска. Была найдена формула для решения вопроса о пленных, а остальное было отложено на неопределенное время.

Война заканчивалась, следовательно, компромиссом. В Соединенных Штатах восстановление мира и конец нескончаемых человеческих жертв (по не вполне понятным причинам) положили конец полемике. Эйзенхауэр получил возможность ощутить вкус начала своей президентской деятельности в качестве миротворца; двойственность, приведшая его к власти, разрешилась в направлении, подтвержденном другими событиями более общего плана.

Однако Корейская война не осталась без последствий. Китайское вмешательство обострило недоверие в отношении маоистского режима и на тот момент укрепило китайско-советский союз, ослабив его противоречия и отложив на несколько лет их новое обострение. Оно дало миру подтверждение военной силы коммунистического блока, однако в сочетании с ядовитой антиамериканской пропагандистской кампанией, которая убеждала только

склонных ей верить, лишь сделала еще более четким ощущение, что раскол мира был результатом агрессивной политики Советского Союза и коммунистов. Несмотря на то, что такое восприятие чрезмерно упрощало интерпретацию корейского кризиса и не убеждало значительную часть колониального мира (который, напротив, истолковывал американское вмешательство как попытку препятствовать активности, направленной на освобождение стремящихся к независимости народов), оно отразилось на западной коалиции как элемент, способствовавший иной постановке проблемы атлантической солидарности. Корейская ситуация была слишком похожа на ситуацию в Германии, чтобы не просматривались угрозы, явно вытекающие из аналогии между ними. Однако быстрота американской реакции и эффективность действий международной организации продемонстрировали адекватный способ противостоять агрессии. «Увязки», если использовать определение, распространившееся десятилетия спустя, были слишком очевидными. Если коммунистические державы были способны совершать агрессию также и военным путем, то необходимо было противопоставить такой угрозе адекватные инструменты обороны: на фронте, которому непосредственно угрожали корейские события, то есть в Японии, и на фронте, подвергавшемся аналогичной угрозе, то есть в Германии.

9.2.7. МИРНЫЙ ДОГОВОР С ЯПОНИЕЙ

Японский казус дает пример того, как быстрая эволюция американской политики в мире, а точнее в Азии, изменила отношение победителей к стране, потерпевшей поражение, вплоть до радикального пересмотра союзов. Из оккупированной страны-противника в 1945 г. семь лет спустя Япония стала в 1952 г. страной, свободной от всякой оккупации, превратившейся в главный оплот влияния Соединенных Штатов в Северо-Восточной Азии.

Речь шла, по всей видимости, не о продуманном великодушии, а скорее о возобновлении диалога и сотрудничества, которые были прерваны лишь с возобладанием японского империалистического экстремизма в 1941 г. Ответственность за управление оккупированной территорией была вверена верховному командующему союзными войсками генералу Макартуру. Однако директивы Комитета по разработке послевоенной внешней политики, подготовленные американской администрацией с учетом опыта заместителя госсекретаря Джозефа Грю, в течение многих лет бывшего послом в Токио, Макартур осуществлял не через Комиссию союзников (существовавшую только на бумаге), как это происходило

в Европе, а с помощью японского правительства. Это правительство все еще действовало под руководством императором Хирохито и состояло из тех же самых министров, что управляли страной раньше.

Однако, из него были исключены наиболее крупные военные преступники, против которых в начале 1946 г. открылась серия судебных процессов, завершенная лишь в конце 1948 г. вынесением смертного приговора генералу Хидэки Тодзио и еще пяти генералам, а также приговора к пожизненному тюремному заключению — 16 генералам. Другие офицеры подверглись суду за совершение военных преступлений и были приговорены к наказаниям на различные сроки. Каста военных становилась жертвой, принесенной возвращению Японии в американскую систему в Азии, вплоть до того, что в конституции, подготовленной тем временем в соответствии с директивами Макартура, была введена норма, запрещающая использование японских вооруженных сил за пределами страны. Макартур стал на несколько лет своего рода *alter ego* императора, в том смысле, что американский генерал управлял и распоряжался в соответствии с инструкциями, исходившими от японского правительства, но также и в соответствии со своим личным имперским стилем, который позднее подтолкнул его к военно-политическому экстремизму, продемонстрированному во время Корейской войны. Первостепенной задачей Макарута была переработка японской конституции в демократическом и плюралистическом духе. Фигура императора не вписывалась в новую политическую атмосферу. Он оставался символом единства нации, однако его власть не имела более божественного происхождения, а исходила от народа, подлинного обладателя суверенных прав. Остальная часть конституции копировала образцы, распространенные в остальном мире.

Центральной проблемой реформ была, однако, не институциональная, скорее ею являлась социально-экономическая проблема. Движимые вначале карательными намерениями, похожими на те, которыми они руководствовались в отношении Германии, американские лидеры быстро осознали, что их планы, касающиеся Японии, могут иметь успех лишь на основе оздоровления экономики.

В 1946 г. карательная политика трансформировалась в политику помощи. Согласно американскому плану, возрождение (предпосылка последующего японского экономического чуда) основывалось на разрушении крупных финансовых картелей (дзайбацу), господствовавших в довоенной экономической жизни, на аграрной реформе и создании эффективных профсоюзов. Аграрная реформа привела к скромным успехам; профсоюзы стали на несколько

десятилетий влиятельной силой, представленной в японской политической системе; политический плюрализм в течение нескольких лет был характерен для жизни страны, но вскоре в ней утвердилась гегемония либералов, то есть политической коалиции, представлявшей множественность экономических интересов и доказавшей после свободных выборов в апреле 1946 г., что она доминирует в японской политической жизни в тесном союзе с независимыми представителями консервативного направления. Левые в общей сложности завоевали немногим более 20% голосов.

В области финансов был восстановлен контроль над японским обществом со стороны старых групп, доминировавших в жизни страны, к которым добавились новые группы, чье возникновение стало возможным в результате экономического роста. Действительно, в октябре 1946 г. после нескольких месяцев разработки было издано распоряжение, которое должно было искоренить экономическую власть дзайбацу и сделать невозможной любую «чрезмерную концентрацию экономической власти». Однако правительство Иосиды не нашло у американских военных властей достаточной поддержки для проведения реформы. Начиная с конца 1947 г. и до первых месяцев 1948 г. почти все масштабные проекты декартелизации, характерные для экономической политики первых двух лет американской оккупации, были отброшены. Критерий стабилизации, принятый в качестве необходимого принципа для введения японской экономической жизни в нормальное русло, на практике свелся к преемственности по отношению к прошлому.

Такая быстрая смена акцентов, характерная для азиатского измерения новой американской стратегии, была неотвратимо связана с ситуацией в Центральной и Юго-Восточной Азии. Намечающаяся победа коммунистов в Китае превращала Японию в «бастион против коммунизма» в Азии. Эти сдвиги в расстановке сил полностью изменили характер оккупационной политики. Если Китай готовился стать врагом Соединенных Штатов, то Япония становилась необходимым союзником, а если не союзником, то точкой опоры. Еще до заключения формального союза достаточно было полного оздоровления экономики, чтобы преодолеть противоречия и трудности послевоенного периода. Эта задача была поручена Джозефу Доджу, американскому банкиру ортодоксально-монетаристского направления, который в течение года добился восстановления японской системы производства с помощью политики жесткого снижения издержек производства, в особенности на заработную плату, и роста производительности труда. Достаточно было также нормализации дипломатических отношений посредством подписания мирного договора.

Идея начать подготовку такого договора, в том числе и для того, чтобы облегчить американские обязательства по управлению Японией, восходила к июлю 1947 г., когда Макартур в первый раз поставил эту проблему. В тот момент мирный договор означал также соглашение с Советским Союзом, учитывая, что параллельно велись тщетные переговоры по заключению мира с Германией. Однако аналогично тому, что происходило в Германии, затягивание диалога делало все менее легким путь к достижению мира между Японией и всеми ее победителями. Аналогичным образом появилась идея сепаратного мира, к подписанию которого следовало побудить Советский Союз (если он примет эту идею), но который в противном случае следовало заключить и без его согласия. Война в Корее создала все условия для поворота в политике.

В июне 1950 г., перед нападением Северной Кореи на 38-й параллели, Джон Фостер Даллес был в Токио в качестве консультанта государственного департамента с поручением изучить условия возможного мирного договора с Японией. После начала военных действий Трумэн назначил Даллеса своим личным представителем в Токио с задачей провести переговоры о заключении мирного договора. Эта тема вызывала оппозицию Советского Союза и Китая, но также и тревогу тех стран, которые, как Филиппины, Австралия и Новая Зеландия, пережили японскую оккупацию (в первом случае) или почувствовали непосредственную японскую угрозу. Поэтому обязательства оборонительного договора с Соединенными Штатами выступали для них в качестве предварительного успокаивающего условия для заключения мирного договора с Японией. Даллес развернул интенсивную серию консультаций, в ходе которых ему удалось найти почву для компромисса со всеми заинтересованными странами, за исключением СССР, обусловившего свое согласие участием Народного Китая. По этому вопросу фронт бывших противников Японии раскололся.

Мирная конференция была созвана в начале сентября 1951 г. в Сан-Франциско. Было приглашено 55 государств, за исключением представителей Китая и Тайваня. 52 из них, включая Советский Союз, приняли приглашение, и 4 сентября началась работа конференции. Немногом ранее, 30 августа, Соединенные Штаты подписали, согласно принятым обязательствам, договор о взаимном «обеспечении безопасности» с Филиппинами. 1 сентября аналогичное соглашение было подписано с Австралией и Новой Зеландией (оно известно как договор АНЗЮС и с тех пор стало одним из элементов западной оборонительной системы в Тихом океане).

В начале послевоенного периода Трумэн обещал японцам «мир справедливости, а не мести». В действительности, спустя семь лет после окончания войны обстановка так изменилась, что стало невозможным повторение разногласий, характерных для переговоров о заключении европейских мирных договоров 10 февраля 1947 г. Советский представитель Громько безуспешно пытался представить точку зрения Народного Китая, однако перед лицом негативной позиции других делегаций, ограничился отказом подписать (а с ним — польский и чехословацкий представители) заключительный текст мирного договора. Соглашение лишь зафиксировало сложившуюся территориальную и политическую ситуацию как в отношении СССР, так и в отношении США (хотя последние и признали формальный суверенитет Японии над островами Рюкю и Бонин). Остальная часть договора была сформулирована таким образом, что сами японцы восприняли его как «лояльный и благородный».

Впрочем, к этому моменту изменился и характер вопроса о взаимной безопасности, в связи с корейской ситуацией более отчетливо выявилась необходимость дополнить мирный договор договором о безопасности. Американцы нуждались в юридическом документе, который позволял бы им содержать войска и военные базы на японской территории, и такой документ был подписан 8 сентября 1951 г. Мирный договор с Японией был затем ратифицирован американским сенатом и вступил в силу 28 апреля 1952 г. С тех пор отношения между Японией и Соединенными Штатами стали строиться на иных основаниях: взаимного политического сотрудничества, зависимости Японии в военном плане от американской системы обороны и концентрации японских ресурсов в интересах экономического развития страны. Непосредственное ощущение военной опасности облегчало создание в Тихоокеанском регионе системы политических гарантий в комплексе с военными гарантиями. В Европе параллельный процесс был более мучительным и долгим.

9.3. Милитаризация периода холодной войны в Европе

9.3.1. РЕЗОЛЮЦИЯ СНБ-68

На момент его подписания 4 апреля 1949 г. Атлантический договор рассматривался американцами как уступка по отношению к обидам и страхам европейцев, которые США не всегда разделяли. С окончанием атомной монополии (в августе 1949 г.,

но американцы сообщили об этом только 3 сентября) и провозглашением Китайской Народной Республики в Соединенных Штатах началось интенсивное и трудное обсуждение ограничителей политики сдерживания и необходимости дополнить политические инструменты, на которых она основывалась, другими методами, более прямого действия. Развернувшаяся дискуссия по этому вопросу привела в апреле 1950 г. к принятию резолюции № 68 Совета Национальной Безопасности явившейся основой последующего американского военного присутствия в Европе, предпосылки для перевооружения Германии и для трансформации Атлантического пакта в НАТО — организационную структуру, которая позволит создать в Европе постоянную армию в мирное время. На преимущественно политическое и экономическое противостояние постепенно накладывалось противостояние военно-политическое. Проблемы восстановления экономики стали считаться решенными или отодвинутыми на задний план по сравнению с более неотложными вопросами, требовавшими рассмотрения в связи с угрозой, как считалось, менее отдаленной и более серьезной.

Еще в конце 1949 г. Трумэн одобрил документ СНБ 48/2, который расширил сферу применения политики сдерживания в Азии. Более углубленная проработка была, однако, предпринята самим СНБ под руководством Пола Нитце, заместителя Кеннана в руководстве Управления политического планирования. Новая стратегическая ситуация отнимала у Трумэна «козырные карты», кредит доверия, которым Соединенные Штаты обладали благодаря монополии на атомное оружие. Русские выбрали в 1946 г. путь атомного соревнования и в 1949 г. показали, что умеют играть своими картами.

Настала очередь Соединенных Штатов ответить как в военном, так и в политическом плане. В военном плане они сделали это, приняв ставшее предметом дискуссии решение Трумэна от 30 января 1950 г. начать разработку водородной бомбы и средств доставки, необходимых для ее применения. С принятием этого решения атомное противостояние сделало еще один шаг к соперничеству, которое могло привести к непредсказуемым результатам с точки зрения военных возможностей. В самом деле, разрушительная способность водородной бомбы (русские начали изучать эту проблему с 1946 г.) вела к качественному скачку в ядерных вооружениях, когда они превращались из вооружений, способных поражать и уничтожать ограниченные цели, в вооружения, потенциально опасные для существования человечества. Новое соперничество выдвинет с середины 50-х годов проблемы выпадения радиоактивных осадков и учета ядерных рисков, что приведет

к осознанию необходимости самоограничения. Однако в 1950 г. потребность в том, чтобы вернуть превосходство над оказавшимся более жестким и более технически подготовленным, чем это казалось, противником (каковой, как опасались, сам сможет последовать за американцами по пути создания нового оружия), толкала в направлении, опасностей которого тогда не осознавали. Не слушали и предупреждений таких ученых, как Роберт Оппенгеймер и Джеймс Конант, хотя и участвовавших в создании атомной бомбы, но оспаривавших направленность новой американской ядерной политики.

Политический аспект был освещен на презентации Нитце в Совете национальной безопасности в феврале и марте 1950 г. серии документов, завершавших разработку американского ответа. Эти документы были обсуждены до 20 апреля и привели к уже цитировавшейся резолюции СНБ-68, которую историк Даниель Ергин считает одним из основных документов американской послевоенной политики, подобных «длинной телеграмме» Кеннана февраля 1946 г. Речь шла о новом и более компетентном анализе целей советской внешней политики и попытке выявить корреляции между идеологией, внутренней политикой и внешней политикой СССР. Тон документа был гораздо более тревожный, чем почти беспристрастный научный анализ, сделанный в свое время вдохновителем доктрины сдерживания (*containment*). Советский Союз, говорилось в нем, в отличие от других держав, стремившихся к гегемонии, движим фанатичной верой, подталкивающей его к «навязыванию своего влияния всему остальному миру». В тоталитарном режиме, каким являлся советский режим, цель Кремля состоит в «тотальном подчинении народов, оказавшихся под его контролем». Концентрационный лагерь «является прототипом общества, которое эта политика стремилась создать, общества, в котором личность индивида заангажирована и подчинена, вплоть до того, что индивид становится убежденным соучастником собственной деградации».

Неизбежная связь между таким образом построенным советским обществом и внешней политикой СССР вела к столь же необычным выводам. Кремль был обречен проводить «воинствующую» политику, возглавляя «мировое революционное движение, поскольку он являлся наследником русского империализма и поскольку он представлял собой тоталитарную диктатуру». Составителям резолюции было совершенно ясно, что цель Советского Союза состояла в том, чтобы «поставить весь мир под свое господство, используя методы холодной войны». Этот замысел требовал разгрома Соединенных Штатов, поэтому советский вызов

США должен был расцениваться как «смертельный вызов». Чтобы иметь представление о масштабе такого вызова, достаточно было сопоставить те части национального дохода, которые каждая из сверхдержав предназначала на военные расходы: около 19% — СССР и 6 или 7% — США. Экономика Соединенных Штатов, гораздо более мощная, чем советская, могла выделить на перевооружение до 20% бюджетных расходов, и именно такое направление рекомендовала резолюция СНБ-68.

Вплоть до 1949 г. превалировало мнение, что СССР представляет не прямую военную угрозу, а лишь косвенную опасность. Сигнал опасности, посланный экспертами Совета Национальной Безопасности, лишь дополнил в военно-политическом плане политику сдерживания. На усиление военной угрозы следовало ответить большими усилиями.

Это заключение, которое администрация Трумэна использовала в собственных интересах, почти не встречая возражений (за исключением, например, несогласия Кеннана), привело к различным последствиям. Внутри Соединенных Штатов оно вынуждало сделать весьма трудный выбор, который должен был одобрить конгресс. За рубежом оно выдвигало политические проблемы, менявшие некоторые предпосылки американских международных обязательств. Корейская война способствовала тому, что конгресс убедился в обоснованности только что сформулированного диагноза. Бюджетные военные расходы выросли в 1951 г. до 22,3 млрд долларов, в 1952 г. — до 44 млрд, в 1953 г. — до 50,4 млрд. Это были средства, предназначенные для финансирования военных усилий в Корее, но прежде всего для восстановления вооруженных сил, которые американцы поспешили свернуть после окончания Второй мировой войны.

9.3.2. ИНТЕГРАЦИЯ ФЕДЕРАТИВНОЙ ГЕРМАНИИ В ЗАПАДНУЮ СИСТЕМУ

В политико-дипломатическом отношении резолюция СНБ-68 вновь приводила в движение процесс, начатый в Европе в 1947 г. и протекавший в двух направлениях: европейское и преобразование Атлантического пакта посредством перевооружения Германии. Очень часто эти два процесса рассматриваются как разные, а иногда даже и совершенно не совпадающие аспекты мировой политики. В переплетениях европейства и политики атлантической солидарности склонны видеть нечто случайное или же — в слегка отличающейся трактовке — политические инициативы разного порядка, исходившие из различных замыслов, но порой совпадавшие благодаря обстоятельствам.

Однако это концептуальное различие кажется надуманным, и эти два аспекта политической активности в Европе с середины 1950 г. представляют две стороны одной медали, как уже говорилось о доктрине Трумэна и о плане Маршалла. Основной замысел предусматривал формирование европейской институциональной системы, которая обеспечивала бы все более тесную интеграцию стран, считавших себя объектом советской угрозы и в то же время полагавших необходимым, чтобы в такой интеграции участвовала страна в наибольшей степени подвергающаяся опасности — Федеративная Республика Германии. При этом следовало, однако, избегать того, чтобы в процессе интеграции оставались неурегулированные разногласия. Данное условие, которое не всегда выполнялось, объясняет, почему только одна из сторон медали была отчеканена полностью, в то время как другая осталась лишь приблизительно намечена; иными словами, объясняет, почему атлантическое объединение было эффективным в течение длительного времени, в то время как европейская интеграция встретила на этом этапе непреодолимые препятствия.

Инициатива европеизма развивалась почти одновременно, если иметь в виду создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а в военном отношении — перевооружение Германии как предпосылку для создания постоянной европейской армии мирного времени, которая выполняла бы роль военного компонента Атлантического союза. Создание ЕОУС было результатом совпадения конъюнктурной ситуации и проблем, требующих анализа в контексте более долговременных процессов. Конъюнктурный кризис был обусловлен напряженностью, получившей развитие с осени 1949 г. в отношениях между Францией и Федеративной Германией по вопросу о Сааре, а также в результате начавшегося мощного подъема производства в Рурском угольно-металлургическом бассейне, как того желали американцы, и предвещавшего возможное перевооружение Германии, как опасались в Париже. Предложение, высказанное французским министром иностранных дел Робером Шуманом 9 мая 1950 г., о создании авторитетной организации в области производства угля и стали (которая согласовала бы франко-германские потребности и, больше того, способствовала бы более полному примирению двух стран в качестве предпосылки для дальнейшего объединения Европы) вписывалось, однако, в более общую перспективу, а не только было связано с этой конъюнктурной ситуацией.

Со времен войны Жан Монне, разработчик плана модернизации и оснащения промышленности, по которому должно было проводиться восстановление французской экономики, считал

проблему Рура жизненно важной для германского могущества и ключевым элементом контроля, который Франция должна осуществлять над Германией в соответствии с установками на превращение самой Франции в ведущий центр европейского угольно-металлургического производства. Особенности политики оккупации Германии и жесткая оппозиция американцев по отношению к французским проектам оттеснили их на второй план, однако они не были забыты. Когда Лондонская конференция шести стран осенью 1948 г. обсуждала вопрос о создании западногерманского государства, интернационализация Рура была неизменным пунктом французских требований. И хотя эти требования были в значительной части приняты, желаемые результаты не были достигнуты. Подъем производства происходил в неблагоприятной политической обстановке и представлялся элементом еще более серьезного конфликта, если учесть его совпадение с полемикой немцев против статуса Саара, который был почти аннексирован Францией (март 1950 г.).

Идея создания угольно-металлургического объединения появилась, следовательно, к концу 1948 г. инспирированная уже измененными мотивами по сравнению с первоначальными проектами Монне. Реальному франко-германскому сближению способствовал и тот факт, что в контексте военных и политических изменений в мире к концу 1949 г. Соединенные Штаты захотели закрепить особые отношения с Великобританией (что предполагало расширение Североатлантического альянса за счет вклада Содружества) в качестве более адекватного ответа на угрожающий советский вызов. Эти аспекты американской политики, сопровождавшиеся признанием особого положения зоны фунта стерлингов внутри европейского платежного союза, подтолкнули французскую экономическую политику, уже руководствовавшуюся в целом дирижистскими установками, к сдвигам в направлении создания таможенных союзов и преференциальных отношений, которые восстановили бы равновесие в данной ситуации. Если Франция не хотела оказаться в одиночестве перед лицом Германии, способной быстро установить особые отношения с Соединенными Штатами, необходимо было, чтобы Париж отдавал приоритет предложениям, направленным на серьезное сближение с Западной Германией. При этом были бы отброшены бесплодные попытки господства периода войны и стал бы возможен взаимный контроль.

Металлургическая отрасль, как по только что названным историческим причинам, так и по важности, которую она приобрела в годы восстановления европейской экономики, представляла

наиболее подходящей и наиболее продуктивной для французской инициативы. Предложение Шумана, сделанное 9 мая 1950 г., попадало, следовательно, на гораздо более благодатную и многообещающую почву, чем это предполагает интерпретация, которая рассматривает его только как выражение европейской политики французского министра иностранных дел. План исключал всякий элемент подчиненности и заменял его элементом наднациональности. В этом смысле он представлял предвосхищение европейского проекта.

В самом деле, Шуман предлагал немцам (решение о включении Италии и стран Бенелюкса было принято позднее) создать высший руководящий орган, которому были бы приданы широкие полномочия во всех вопросах, касающихся угольно-металлургического производства. Это были смелые идеи, целеустремленно направленные на создание франко-германского блока как предпосылки для создания более широкой организации, которая в дальнейшем могла бы стать основой для полной перестройки Западной Европы. В этом смысле проект, пусть и имевший свои недостатки, находился в русле континентальной европейской политики, направленной на устранение главной причины конфликта в сердце Европы путем согласования позиций для совместного управления важными для восстановления экономики ресурсами.

Ответ Аденауэра был очень благосклонным. Французский план предоставлял ему возможность как выхода из внутренних затруднений, поскольку он располагал незначительным парламентским большинством, так и замены международного контроля над Руром наднациональным контролем, при котором голос Германии звучал бы значительно громче.

Переговоры, длительные и сложные также и по причине прямого вмешательства заинтересованного индустриального мира, усилили элементы отказа от суверенитета, чего очень хотел Монне, и представляется, что именно этот аспект способствовал отделению англичан. Утверждение текста учредительного договора о создании ЕОУС состоялось в период с конца июня 1950 г. до апреля 1951 г. Обстановка, в которой проходили переговоры, оказала воздействие на их ход. Действительно, разразившаяся война в Корее придала западным программам перевооружения ускорение, уже рекомендованное резолюцией СНБ-68 в апреле, поставила вопрос о перевооружении Германии и, следовательно, о европейском металлургическом производстве. Кроме того, преодоление летом 1950 г. короткого экономического спада, начавшегося в Соединенных Штатах предыдущей осенью, придало импульс спросу на металлургическую продукцию.

В ходе переговоров различающиеся интересы и концепции противостояли друг другу. В частности, склонность к дирижизму и антикартельная направленность, представленная Монне и Шуманом, сталкивались с требованиями частной промышленности, в особенности германской. Ход работы был обусловлен также факторами, внешними по отношению к конференции, но которые не могли на нее не повлиять. В самом деле, вопрос о перевооружении Германии был открыто поставлен американцами, и французское правительство ответило планом, представленным председателем Совета министров Рене Плевеном, на основе которого начались переговоры о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), задуманного по образцу ЕОУС.

В такой обстановке 18 апреля 1951 г. был одобрен текст договора о создании Европейского объединения угля и стали, вступившего в силу после завершения процедуры ратификации 25 июля 1952 г. На пост председателя высшего органа самого ЕОУС был сразу же назначен Жан Монне.

Компромиссы и озабоченности не стали препятствием для удовлетворения большей части требований французов, а также для ощущения удовлетворенности наиболее убежденных в необходимости создания наднациональных органов европейцев достигнутым результатом, который был продвижением в желательном для них направлении. В самом деле, договор представлялся как очевидный первый шаг к преодолению исторического соперничества, всегда разделявшего Европу и теперь канализированного по пути институционализации.

Он означал выражение в точных понятиях определенного образа мышления, который начинал преобладать в Европе по мере того, как забывались болезненное соперничество и старая вражда. Этот образ мышления предполагал убежденность в том, что разрешение конфликтов внутри Европы силой означает лишь саморазрушение, и уверенность в том, что любые проблемы могут стать предметом переговоров. Договор отражал общее понимание того, что ничто не может оправдать жертвы на алтарь новых войн, и все должно решаться путем переговоров. Примирение между Германией и Францией посредством заключения договора о ЕОУС было первым признаком того, что отношения между двумя странами больше не станут угрозой для мира в Европе.

Что касается институциональных аспектов, ЕОУС определялось как общий рынок для угольно-металлургической промышленности, призванный предотвратить злоупотребления, связанные с картелизацией, и регламентировать соответствующие производственные квоты в контексте экономической экспансии и техно-

логической модернизации. Наиболее важным в институциональном отношении было создание высшего руководящего органа, то есть исполнительного органа объединения; органа, состоявшего из девяти членов (не более двух из них могли иметь одно гражданство) и обязанного действовать совершенно самостоятельно, при открытом запрете следовать указаниям национальных правительств и при обязательстве воздерживаться от всяких действий, противоречащих «наднациональному характеру его функций». Другими органами были Ассамблея, Совет министров, чья задача состояла в гармонизации деятельности Высшего органа с деятельностью правительств и в формулировании предложений и мер для представления самому Высшему органу; Суд, который призван был разрешать юридические споры, возникающие при применении договора.

Сегодня историография, касающаяся ЕОУС, пришла к суждениям, в которых в меньшей степени присутствует высокопарная апологетика, характерная для периода становления наднационального европейского института. Однако невозможно не признать успех, достигнутый французами в осуществлении важной части их предложений. Надежда на создание некоей власти, достаточно эффективной для того, чтобы каким-то образом управлять германской металлургической промышленностью и общей экономической мощью воссозданной Германии, в действительности была преувеличена, также как осталась неразрешенной и проблема недоверия французов по отношению к возможному возрождению немецких гегемонистских поползновений. Спор по поводу Саара, который будет решен окончательно лишь в 1955 г., все еще оставался элементом кризиса. И все же, именно атмосфера страстного стремления к интеграции, характерная для Европы в период, последовавший сразу же за войной в Корее, способствовала укреплению того, что было начато в 1947 г. и теперь получило институциональное завершение.

9.3.3. ОТ АТЛАНТИЧЕСКОГО ПАКТА К НАТО.
ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Предложение Шумана предвосхитило ситуацию, которая, впрочем, уже вписывалась в новую американскую стратегию — активизировалось также и военно-политическое сотрудничество (с меньшей настойчивостью со стороны европейцев, но в результате решительного нажима со стороны Соединенных Штатов). Корейский кризис и предшествовавшие изменения в соотношении сил в международном масштабе привели к кризису атланти-

ческой системы гарантий. Само подписание Атлантического договора в комплексе с американскими гарантиями неожиданно предстало в подлинном свете.

Соединенные Штаты предоставили Западной Европе политические гарантии, обеспеченные в техническом плане американской атомной монополией, а в военно-политическом — концепцией, согласно которой простого заявления о такой гарантии, даже не подкрепленного убедительными действиями стратегического плана, было достаточно для пресечения всяких попыток агрессии. Конец атомной монополии и наступление коммунистов в Корею — это два основания Атлантического пакта. Сами американцы начали переосмысливать действенность своих обещаний (как показала дискуссия по резолюции СНБ-68). Кроме того, сходство ситуаций в Германии и Корее подсказывало логику действий, гипотетичных, однако не невозможных, что оказало влияние на предстоявшие решения. Концепция «войны по доверенности», то есть выполнение военной задачи проверить эффективность американской мощи странами, вроде Северной Кореи, уверенно прилагалась также и к Западной Европе, трактуя германскую ситуацию в качестве легкого поля для своего практического применения.

Это изменило позицию как европейских стран, так и Соединенных Штатов. Со стороны европейских правительств предпринимались судорожные усилия для того, чтобы добиться большего присутствия американцев в Европе, и укреплялась решимость к пересмотру стратегических планов союза. Последние, все еще связанные с разработками Брюссельского пакта, предусматривали, что линия обороны на случай возможного нападения Советского Союза будет расположена, если это возможно, вдоль Рейна, но более реалистично обеспечит прикрытие нескольких плацдармов в Европе, в число которых Франция не обязательно включалась. Отныне предпочтение отдавалось планам, учитывавшим новую ситуацию в Германии и смещавшим стратегические обязательства НАТО в сторону обороны Федеративной Республики вдоль границы, проходившей на востоке по Эльбе.

Но тем самым ставилась проблема участия Германии в обороне собственной территории и территории Западной Европы, Германии, едва начавшей существовать и не подписавшей еще ни одного мирного договора. Вопрос обсуждался дипломатией союзников накануне заседания Атлантического Совета, запланированного на середину сентября 1950 г. в Нью-Йорке. По этому случаю американцы представили свою точку зрения. Она учитывала требования союзников относительно большего присутствия аме-

риканцев в Европе, однако обуславливала его реализацию четко определенным порядком приоритетов. Соединенные Штаты существенным образом увеличат свое военное присутствие в Европе и будут участвовать в формировании интегрированных атлантических вооруженных сил, взяв на себя командование, но с условием, что европейцы примут участие в европейской армии десятью немецкими дивизиями, то есть Франция предварительно согласится на перевооружение Германии. Это предложение перекладывало на Европу ответственность за принятие трудных решений, порождавших по крайней мере три проблемы: первую — относительно наличия действительного желания перевооружить Германию; вторую — неизбежные последствия, которые такое предложение вызовет во всей Европе, и в особенности в странах, непосредственно заинтересованных (Франция, Польша и Советский Союз); третью — способы, посредством которых предстоит осуществлять перевооружение, если решение о нем будет принято в принципе.

С точки зрения ситуации внутри уже существовавшей оборонительной системы американская инициатива создавала проблемы для всех стран, принадлежавших к Атлантическому союзу. Но страной, для которой американское предложение создавало наибольшие сложности, была Франция, затронутая в самой чувствительной точке своей европейской политики и, следовательно, вынужденная столкнуться с трудноразрешимой проблемой, учитывая внутреннее и международное положение страны.

В Атлантическом Совете французы были в полном одиночестве, поскольку все другие члены союза приняли американский проект. Шуману не оставалось ничего другого, как принять решение об отсрочке. Но — отсрочке, которая предполагала выдвижение контрпредложений. Для их выработки уже в начале сентября 1950 г. был снова призван Жан Монне, сразу увидевший альтернативу перевооружению Германии в «создании европейской армии, связанной с политическими институтами единой Европы». Это был способ как смягчить угрожающее впечатление от концепции перевооружения Германии, так и придать дальнейший импульс европейскому проекту, связав его непосредственно с политикой Соединенных Штатов, что предполагало преодоление принципиальных возражений против самой концепции перевооружения Германии.

После трудной проработки во французском правительстве был одобрен план премьер-министра Франции Плевена, предлагавшего, по примеру угольно-металлургического проекта, создание европейского министерства обороны и армии из контингентов шести государств, в которую были бы интегрированы «сколь

возможно меньшие» подразделения, представляющие каждую страну. Не предусматривалось существование национальных, то есть немецких, «дивизий», а только смешанных международных дивизий, поставленных под американское верховное командование. Национальное собрание Франции, собравшееся для обсуждения этого плана, одобрило его 21 октября 1950 г. большинством в 343 голоса против 220.

Очевидно, нет оснований утверждать, что предложение Плевена означало восторженное участие французов в американских проектах. Французы искали средство для смягчения удара от события, которое атлантические союзники считали неизбежным, и, имея под рукой проект ЕОУС, было слишком заманчиво доверить этому «ряженому» задачу решения сложной проблемы. Однако шла ли речь о предложении, действительно отвечавшем подлинным намерениям французов, или же о тактике проволочек? Возможно, обе эти тенденции присутствовали. Французский политический мир был расколот (и таким он будет до 1954 г.) по вопросу перевооружения Германии. Коммунистическая левая и значительная часть социалистов были ее противниками по принципиальным соображениям. Голлисты и различные представители «независимых» выступили как ее противники именно потому, что план Плевена сочетал не вызывающую возражения необходимость (перевооружение Германии) с ошибочным решением (о наднациональной европейской армии). Впрочем, существовала постоянная внутренняя диалектика этих позиций в процессе их формирования и изменения в зависимости от обстоятельств, которые характеризовали политическую дискуссию во Франции в течение всего периода, последовавшего за представлением плана, и которые, в конечном счете, предопределили его судьбу.

Англичане были враждебны проекту, вписанному в атлантическую систему, именно из-за его наднационального характера, таким образом они были бы вынуждены оказаться за рамками проектируемой армии, что разрушило бы их надежду на лидерство в европейской военно-политической системе. Сами немцы проявляли раздражение по поводу дискриминации, предполагавшейся французским проектом, однако французы настаивали именно на наднациональном характере плана как единственной формуле, в рамках которой Франция могла бы согласиться с перевооружением Германии.

Внутри союза началась дискуссия, четко разделившая участников на страны, расположенные принять во внимание французские предложения, и те, что относились к ним враждебно по принципиальным соображениям. Сами американцы оказались в замеша-

тельстве перед сложностью и жесткостью некоторых аспектов французского проекта. В октябре — декабре дискуссия продолжалась с трудом до того момента, пока Атлантический Совет в середине декабря в Брюсселе не решил разделить отдельные аспекты проблемы. Организация атлантических сил в Европе, вопрос о перевооружении Германии и вопрос о европейской армии стали рассматриваться как три разные темы, по которым следует вести отдельные переговоры. Вопрос о создании объединенных атлантических сил в Европе, поставленных под командование генерала Эйзенхауэра, был решен немедленно, и после этого в Париже началось создание сложных организационных структур, которые превратили существование НАТО в реальность. С этого времени НАТО развивалась как военно-техническая часть Атлантического пакта, хотя и не совпадая с ним полностью. Союз оставался международным соглашением, участие в котором не требовало обязательного участия в НАТО, как это могли констатировать двадцать лет спустя.

Между тем вопрос об участии Германии в армии Атлантического союза решался на основе компромисса, считавшего взаимодополняющими концепцию атлантической армии и концепцию боевых подразделений европейцев. Вопрос об их численности откладывался до разрешения противоречий, присущих плану Плевена относительно «размера» подразделений, которые могли бы составить международные дивизии европейской армии. Осталась, однако, открытой проблема структуры, которую предстояло иметь европейской армии.

9.3.4. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Переговоры по плану Плевена начались 15 февраля 1951 г. в Париже с участием представителей Франции, Федеративной Германии, Италии, Бельгии и Люксембурга, в то время как Нидерланды отсутствовали до октября месяца, принимая участие лишь в качестве наблюдателей. Переговоры продолжались почти год, вплоть до мая 1952 г., когда были приняты заключительные формулировки соглашения. На процесс переговоров влияло развитие глобальной ситуации. Ход Корейской войны подпитывал колебания британцев. Хотя эти колебания и являлись внешними по отношению к переговорам, они встречали отклик на ведущихся параллельно неофициальных переговорах в Петербурге, в которых участвовали вместе с французами и немцами также и англо-американские представители. Задача переговоров состояла в обсуж-

дении юридических отношений между западными оккупационными силами и новым правительством Федеративной Республики Германии. В феврале 1951 г. Эттли официально провозгласил принцип, в соответствии с которым атлантическое перевооружение должно было предшествовать перевооружению Германии, сформулировав позицию, порожденную неверием в возможность осуществления французских предложений.

Последовавшая затем реакция Советского Союза на идею перевооружения Германии была настолько острой, что возник вопрос о своевременности предварительной конференции четырех держав в соответствии с предложением, выдвинутым Москвой в ноябре 1950 г. Советское руководство, используя очевидные дипломатические трудности евроатлантического Запада, выдвигало идею воссоединенной, но нейтрализованной Германии. Это предложение привело к новым бесплодным четырехсторонним переговорам, продлившимся с начала марта вплоть до 21 июня 1951 г. Однако их неудача не осталась без последствий, поскольку советское дипломатическое воздействие, направленное против перевооружения Германии, монотонно продолжалось с тем, чтобы решительным образом активизироваться накануне завершения Парижских переговоров. Результатом стало поддержание контактов между Федеративной Германией и Германской Демократической Республикой; контактов, от которых Аденауэр не мог уклониться по причинам национального характера, но их развитие ограничивало свободу маневрирования канцлера.

К этим колебаниям добавились затем внутренние противоречия в Соединенных Штатах, где решение об увеличении обязательств в Европе подвергалось острой критике со стороны республиканцев, обвинявших администрацию в европоцентризме и в чрезмерной податливости по отношению к советским инициативам. Лишь 4 апреля 1951 г. администрация добилась свободы действий, заплатив, однако, высокую политическую цену. В самом деле, назначение Эйзенхауэра на пост верховного главнокомандующего союзными войсками в Европе и посылка четырех дополнительных американских дивизий в Старый Свет (решение о них было принято еще в декабре 1950 г. Атлантическим Советом в Брюсселе) были одобрены в Вашингтоне с условием, что европейские страны возьмут на себя более твердые обязательства относительно совместной обороны, что вопрос о перевооружении Германии будет решаться постепенно и прежде всего, что любое дальнейшее военное вмешательство за рубежом будет зависеть от одобрения сената.

Только летом 1951 г. в поиске решения вопроса был найден выход из тупика, благодаря более четким обязательствам американцев, измененным в пользу европейской формулировки. Эволюция американской позиции являлась почти неизбежным развитием политической линии, избранной с 1947 г. Как в 1947 г., так и впоследствии, от Европы требовалось самостоятельное принятие решений, допускавших потом американское вмешательство. Так же должно было обстоять дело и с вопросом о ремилиитаризации Германии — первыми решение следовало принять именно европейцам. Формулировка такого решения должна была соответствовать в большей степени европейским схемам, чем предложению о прямом включении немецких вооруженных сил в армию Атлантического союза, в результате личного влияния на Эйзенхауэра Жана Монне (действительные масштабы этого влияния трудно оценить), и понимания того, что переговоры о немецком перевооружении требовали решения вопроса о международном юридическом статусе Германии (эту тему обсуждали в Петербурге без особого успеха). Две группы проблем сходились в признании необходимости найти компромисс, приемлемый для всех сторон. Французский план, должным образом измененный, представлял как отправной пункт, содержащий, казалось, решение задачи.

Вопрос о размерах каждого отдельного национального подразделения был доверен Эйзенхауэру, который предпочел немецкое предложение считать минимальным подразделением боевую единицу в составе 12 тыс. человек, практически дивизию. Постепенно вырисовывалось сообщество, состоявшее из институтов, аналогичных институтам ЕОУС, в котором, однако, Комиссариат (эквивалент Высшего органа) обладал гораздо более размытыми и лишенными всякой претензии на подлинную наднациональность полномочиями, хотя эта ситуация и была завуалирована многими красивыми словами. Во время заседания Совета НАТО, состоявшегося в Оттаве в середине сентября 1951 г. формулировка относительно Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) была одобрена также и Великобританией. Одновременно на том же заседании было решено начать новые переговоры для урегулирования присутствия англо-франко-американских войск на германской территории на основе «договорных соглашений», что избавляло немцев от затруднительной, зависимой в правовом отношении позиции на переговорах.

В Оттаве структура НАТО приобрела окончательные очертания. После того, как в мае 1950 г. была приведена в действие статья 9 договора, предусматривавшая создание постоянного Со-

вета из заместителей министров иностранных дел, были сформированы Комитет по финансам (состоящий из министров финансов 12 стран-участников) и Военный комитет, а также Комитет военного планирования. Была образована Постоянная группа (*Standing Group*), то есть своего рода чрезвычайный комитет и военное руководство, сформированное только из представителей Соединенных Штатов, Великобритании и Франции и организованное таким образом, чтобы разделить военное управление на пять «региональных оперативных зон». После назначения Эйзенхауэра на должность верховного главнокомандующего постоянный Совет заместителей министров иностранных дел получил более широкие полномочия, усилившие его оперативные возможности. Совет министров был реформирован таким образом, что он включал в свою компетенцию три сферы, связанные с оборонными проблемами, то есть сферу внешней политики, военную и финансовую. Наконец, в Оттаве был определен механизм координации между военной и финансовой сферами НАТО. В феврале 1952 г. было установлено, что местопребыванием штаба Главного командования союзников и центральной структуры НАТО будет Париж.

Именно на этом этапе переговоров итальянское правительство, доведя до логического завершения критический анализ, проводившийся в течение уже нескольких месяцев, представило предложение о преобразовании Европейского оборонительного сообщества в самое настоящее политико-экономическое сообщество. С итальянской точки зрения, финансово-экономические последствия договора о создании ЕОС в действительности порождали вовсе не второстепенные проблемы. Речь шла о гораздо более серьезных обязательствах, чем это было предусмотрено вначале. Многие известные итальянские деятели отмечали, что вхождение в «неполную федерацию», в которой французы и немцы имели бы преобладающее влияние, лишило бы итальянские национальные органы власти политического контроля над сферой суверенитета в отношении значительной части оставшейся самостоятельности страны в международном плане и не позволило бы им контролировать существенную часть бюджета, которая, по подсчетам, могла составлять почти половину итальянских доходов и треть расходов. В рамках валового национального дохода эта доля составляла 8%, в то время как взамен Италия не получала преимуществ от эффективной экономической интеграции со странами, гораздо более богатыми, чем Италия.

9 октября 1951 г. итальянское правительство уведомило о своей позиции, которую позднее в историографии отнесли (вероятно,

справедливо) на счет влияния, оказываемого в тот момент итальянскими представителями Европейского федералистского движения. В своем меморандуме итальянское правительство излагало собственные сомнения по отношению к обязательствам, «недостаточно развитым» с точки зрения наднациональности и конфедеративности, и предлагало поэтому, чтобы все вопросы были изъяты из компетенции национальных правительств путем создания на федеративном уровне «организма, которому были бы переданы частично полномочия национальных ассамблей, и которому была бы предоставлена власть осуществлять их от имени самих национальных парламентов». Иными словами, следовало создать Европейскую ассамблею, избранную всеобщим голосованием, каковой была бы доверена задача и полномочия по назначению и отзыву Комиссариата и осуществление политического контроля над ним.

Итальянское предложение давало толчок в направлении комплексного политического решения федералистского характера, обстановка вокруг которого в тот момент характеризовалась нерешительностью, сомнениями, недоверием и полной неопределенностью. Французы и немцы были в достаточной мере готовы к восприятию итальянских идей; к тому же в те годы сотрудничество между Аденауэром, Шуманом и Де Гаспери было эффективным и стало еще более тесным вследствие их общей принадлежности к партиям христианской ориентации. Если финансовый аспект проблемы практически игнорировался, то политический аспект, напротив, принимался во внимание. Был отредактирован текст статьи (ставшей впоследствии статьей 38-й окончательного текста), предусматривавшей создание Ассамблеи, избранной всеобщим голосованием и организованной таким образом, чтобы в перспективе заменить уже существующие европейские представительные институты (например, ассамблею ЕОУС). Задача реализации этого положения, которое представители стран Бенилюкса восприняли со скепсисом и недоверием, вверялась затем ассамблее *ad hoc*, состоящей из членов ассамблеи ЕОУС, дополненной тремя другими представителями от каждой из трех крупнейших стран Сообщества. Ассамблея начала свою работу осенью 1952 г. и в марте 1953 г. завершила подготовку проекта устава Европейского политического сообщества. Эта работа стала выражением той атмосферы, которая в результате военных переговоров охватила также и политическую сферу.

Осенью 1951 г. предложение о придании Сообществу политического характера подвело технические переговоры привело почти к срыву. Отношение стран Бенилюкса было связано с неясностью

британской позиции относительно создания Сообщества. Только после возвращения к власти Черчилля в октябре этого года и окончательного прояснения ситуации относительно европеизма лидера консерваторов, предназначенного для континентальной Европы, но не означавшего непосредственную вовлеченность Великобритании в реализацию проекта, сопротивление малых стран прекратилось. В то же время усилилось противодействие французских противников договора, которые начали обсуждение одной из доминирующих тем следующего политического этапа, т.е. необходимости участия Британии в европейской системе в качестве противовеса той роли, которую Германия могла бы приобрести по отношению к Франции, ослабленной в военном плане своими колониальными обязательствами.

Начиная с конца 1951 г. и до мая 1952 г. все технические трудности и все политические препятствия были преодолены. Во время заседания Атлантического Совета в Лиссабоне в феврале 1952 г., в ходе которого были также удовлетворены просьбы Греции и Турции о вхождении в альянс, были заложены политические основы компромисса. Германия должна была войти в НАТО, но только после подписания соглашений, касающихся ее международного статуса, и через ее участие в Европейском оборонительном сообществе. Англичане и американцы согласились подписать декларацию о внешней гарантии Сообществу, которая связывала атлантическую систему с европейской. Злободневный вопрос о Сааре стал предметом еще одного компромисса, фактически отодвигавшего решение вопроса о будущем региона, который немцы уже не намеривались оставлять под исключительной властью французов и относительно которого они выдвигали идею интернационализации в рамках плана создания «малой Европы». Вся эта работа закончилась 26–27 мая 1952 г., когда в Бонне были подписаны «договорные соглашения» между Федеративной Германией и оккупирующими ее державами (26-го) и в Париже (27-го) — учредительный договор Европейского оборонительного сообщества.

На бумаге проблема перевооружения Германии решалась посредством формулы, делавшей очевидной логическую связь с мотивами создания ЕОУС. Спустя всего лишь семь лет после окончания Второй мировой войны европейское обрамление способствовало, по крайней мере, смягчению последствий ремилитаризации Германии. Сходство с ЕОУС было заявлено в утверждении принципа, согласно которому ЕОС являлось «наднациональным органом власти, включающим общие институты и общий бюджет»; сходство продолжалось в конституировании аналогичных органов: Комиссариата (Высший орган), Ассамблеи, Совета министров и Суда.

Отличие заключалось в распределении властных полномочий внутри ЕОС. В то время как в учредительном акте ЕОУС торжественно провозглашалось обязательство членом Высшего органа не подчиняться инструкциям соответствующих национальных правительств, и компетенция Совета министров ограничивалась простой координационной или иницилирующей ролью, в договоре о ЕОС Совет министров становился политически доминирующим органом. Комиссариат обладал детально прописанными прерогативами, но Совет министров был лишен компетенции направлять текущую деятельность Комиссариата и руководить ею. Утверждаемый на словах принцип наднациональности опровергался в ходе конкретного распределения функций. В самом деле, Комиссариат был органом, зависимым от воли отдельных правительств, пропущенной через фильтр Совета министров. Что касается существа дела, то набор компромиссов глубоко изменил план Плевена. Боевое национальное подразделение, которое французы мыслили как очень небольшое (полки), было составлено из «групп» (практически армейских корпусов, сформированных из двух дивизий различной национальной принадлежности, хотя и объединенных международными интендантскими службами). Германия не могла располагать другими вооруженными силами, кроме объединенных, в то время как это позволялось другим пяти странам, подписавшим договор.

Сложный характер переговоров, завершившихся подписанием Боннского и Парижского договоров, указывал на трудности, которые встретит процесс их ратификации со стороны национальных парламентов. Именно тогда начался один из наиболее мучительных периодов европейской жизни, пока не были найдены способы дать окончательный ответ на вопросы, которые только казались решенными. Эти дискуссии вовсе не были ограничены теми шестью странами, которые подписали договор о ЕОС. Напротив, в них ощущалось противодействующее давление Советского Союза, влияние других атлантических союзников, а также неожиданный поворот, который начал проявляться в общей картине международных отношений с 1953 г., с выходом на поверхность старых проблем, неожиданно ставших актуальными, и с появлением новых ситуаций, требовавших изменения позиций.

Попытки внешнего давления осуществлялись Советским Союзом еще до подписания договора. Советы предприняли сильный дипломатический ход. Возвращаясь к аргументации, появившейся еще в начале дискуссии о перевооружении Германии, советское правительство 10 марта 1952 г. распространило ноту, в которой снова развивало тему воссоединения Германии, подписа-

ния мирного договора и вывода оккупационных войск. До этого момента там не было ничего нового по сравнению с прежними позициями; новация состояла в том, что, хотя и отставалась концепция нейтралитета воссоединенной Германии, на этот раз не говорилось о разоружении, более того, за Германией открыто признавалось право «обладать вооруженными силами (наземными, морскими и воздушными) в той мере, в какой необходимо для обороны страны». Кроме того, советское правительство предлагало возвращение гражданских и политических прав также и лицам, служившим в германской армии, и бывшим нацистам (в том случае, если они не были осуждены за совершенные преступления).

Речь шла об отнюдь не второстепенных уступках. Сформулированные в начале столкновения по германскому вопросу, в 1947–1949 гг., эти предложения могли бы стать основой для реалистичных переговоров. Сформулированные в марте 1952 г., когда западная система преодолевала последние трудности в преддверии уже неизбежного соглашения, они приобретали тенденциозный характер. Они подтверждали, что Советский Союз манипулировал германской проблемой по своему усмотрению, приспособляя ее к обстоятельствам, с целью создания препятствий, которые не позволили бы западной коалиции достичь своих целей.

Центральным аспектом советского предложения (которое могло бы вновь открыть нескончаемую дискуссию между правительствами и которое не осталось без отклика в общественном мнении) была двойственность позиции по вопросу о демократических характеристиках воссоединенной Германии. До создания правительства объединенной Германии должны были состояться новые выборы, но каким образом организованные и контролируемые? Действительно ли русские или, того больше, коммунистический аппарат Восточной Германии были готовы согласиться с электральной вердиктом, который создал бы «нейтральную», но, возможно, «буржуазную» Германию? Таковы были открытые проблемы, которые советская нота оставляла нерешенными, но которые давали западной дипломатии возможность отвергнуть предложение Сталина, охарактеризованное как пропагандистское.

Подписание Боннского и Парижского соглашений, которые должны были стать конечной точкой для европейской обороны и интеграции, явилось, напротив, отправным пунктом для тревожной критики. Проблема затрагивала не столько Германию или страны Бенилюкса, где сопротивление оппозиции могло преодолеваться и преодолевалось с легкостью. В незначительной мере она касалась также Италии, где совпала с неожиданно вновь вспыхнувшей полемикой по поводу судьбы Триеста. Во время полемики

обнаружилась тенденция к увязыванию ратификации с выполнением обязательств, принятых союзниками в отношении Италии, а также к тому, чтобы прикрываться отставанием французов для оправдания итальянской медлительности или, более возвышенно, но более претенциозно — к выдвигению требования, чтобы ратификация сопровождалась удовлетворительным ходом подготовительной работы с целью создания Европейского политического сообщества, как это было предусмотрено в статье 38 договора о ЕОС.

Враждебность по отношению к ратификации договора о ЕОС со стороны Франции была результатом объединения разнородных сил. Коммунистическая партия всегда боролась против ремилитаризации Германии, какими бы ни были ее формы, из-за самого факта, что эта инициатива не учитывала возможность участия в переговорах Советского Союза и, напротив, вдохновлялась явным стремлением обратить германский реваншизм против СССР в качестве передового рубежа антисоветской системы, сложившейся в капиталистическом мире. Принципиальная оппозиция, не связанная с отношениями с СССР, а диктуемая идеологическими мотивами, исходила от представителей левого крыла социалистической партии (таких, как Жюль Мок) и некоторых представителей радикальной партии (таких, как Даладьё, Эррио и сам президент республики Венсан Ориоль). Со стороны голлистов (представленных тогда в парламенте Объединением французского народа), напротив, не было принципиальной оппозиции в отношении перевооружения Германии, но существовала открытая враждебность в отношении формулы ЕОС в связи с обвинениями в том, что она вела к упразднению французской армии и ее интеграции в «так называемую европейскую армию под американским командованием».

В этой ситуации процесс ратификации ни на шаг не продвинулся вперед в течение всего 1952 г. Только в январе 1953-го, с формированием правительства во главе с радикалом Рене Мейером и с приходом вновь Жоржа Бидо на пост министра иностранных дел, вопрос стал рассматриваться более серьезно. Однако Мейер не мог пренебрегать тем фактом, что его правительственное большинство было сформировано с участием голлистов. Кроме того, Бидо не был энтузиастом европейства, как показала его последующая политическая эволюция, в результате которой он встал во главе наиболее консервативных французских сил. Его озаботила проблема ратификации, но при условии, что можно будет приспособить договор к потребностям полного восстановления французской мощи, которое всегда являлось целью его политической деятельности и заставляло отвергать все то, что он рассматривал как самое настоящее подстраивание под позиции немцев и американцев.

Пока Бидо был занят переговорами, направленными на то, чтобы облегчить ратификацию договора о ЕОС, а также на усиление французских позиций внутри Сообщества, произошли события крупного масштаба для всей международной жизни и, следовательно, также и для международных вопросов внутри НАТО, связанных с европейской обороной. Первым из этих событий стало избрание в ноябре 1952 г. (однако, вошедшим в силу, по американским законам, только в середине января 1953 г. с формальным вступлением в должность) генерала Эйзенхауэра президентом Соединенных Штатов и назначение государственным секретарем Джона Фостера Даллеса. Вторым событием была смерть Сталина 5 марта 1953 г., и приход к власти коллегиального руководства, раздираемого борьбой за лидерство и, следовательно, в гораздо меньшей степени готового к диалогу с внешним миром, но парадоксальным образом воспринимавшегося как руководство, более внушающее доверие Западу, чем прежний хозяин Кремля.

Влияние этих изменений на французскую дискуссию и на ситуацию в Европе не могло, естественно, оставаться незамеченным. Начиная с первого своего визита в Европу в феврале 1953 г. Даллес выразил в угрожающей форме точку зрения новой администрации, принимавшей на себя ответственность за наследие, полученное от Трумэна, при условии, что другие страны Атлантического союза четко продемонстрируют свою готовность следовать по избранному пути. В случае, если договор о ЕОС не будет ратифицирован немедленно, американцы будут вынуждены пересмотреть свою стратегию в Европе (это он сказал в тот самый первый визит). Мало эффективными оказались попытки французам выдвинуть американцам ряд требований: поддержка в Саарском вопросе, увеличение помощи в Индокитае и формальное признание роли Франции как ведущей западной державы. Из всех этих требований американцы были склонны принять во внимание лишь те, что касались вопроса об Индокитае.

Внешние изменения, колебания Италии, нарастающее наступление противников Европейского оборонительного сообщества лишь ухудшили обстановку и отдалили тот момент, когда правительство в Париже почувствовало, что оно сможет поставить перед Национальным собранием вопрос о ратификации, рассчитывая на успех. С другой стороны, вопреки многим ожиданиям, изменения в высшем руководстве сверхдержав, вместо того, чтобы вылиться в обострение общей напряженности, открыли некоторую надежду на диалог по всем дискуссионным проблемам, включая германский вопрос, что во Франции могло вызвать только нарастание колебаний сомневающихся.

Стоило ли приносить жертвы, связанные с ЕОС, когда советская угроза ослабевала в предлагавшейся конференции четырех? В самом деле, именно идея переговоров с Советским Союзом подсказала как правительству Лондона, так и, прежде всего, правительству Вашингтона уверенность в том, что такие переговоры будут иметь лучший результат, если их вести с позиций силы, то есть когда западная система консолидируется. Это побудило оба правительства возобновить давление, чтобы ускорить ратификацию, именно в тот момент, когда внутренняя ситуация во Франции ухудшалась, и Национальное собрание создавало все более рискованные варианты большинства с тем, чтобы формировать все более слабые правительства. В обстановке растущего раздражения и неуверенности британская сторона высказывала сожаление по поводу французских уловок и дошла до угрозы отозвать английские войска с континента. Американцы дали выход своему раздражению, когда в речи в середине декабря в Атлантическом Совете, Даллес высказал угрозу «мучительного пересмотра» американской политики в отношении Европы. Этот мотив просматривался с момента его вступления в должность, однако сейчас он трансформировался в угрозу и шантаж в отношении колебаний французов. Перед лицом такого отношения со стороны союзников для французов в действительности отпадали причины ощущать прочность военных уз, соединявших их с Соединенными Штатами. Альтернатива Даллеса отдавала предпочтение перевооружению Германии перед заботой об обидчивости и гордости Франции, своей постоянной союзницы, хотя союзницы и обидчивой, недоверчивой, а также вовлеченной в состояние кризиса колониальными проблемами и слабостью внутреннего режима.

25 января 1954 г. в Берлине состоялась четырехсторонняя конференция, предложенная Иденом, британским министром иностранных дел, для обсуждения европейских проблем. Она была прервана 18 февраля без какого-либо результата, но с обязательством возобновить работу в апреле, с участием представителей Народного Китая и двух Корей для обсуждения перемирия в Паньмыньчжоне и индокитайского кризиса. С этого момента связь между обязательствами французов в Индокитае, размером американской помощи и подписанием договора об учреждении ЕОС становилась все более очевидной. В едином дипломатическом сценарии соединились различные аспекты французского кризиса, однако ухудшение военной обстановки в Индокитае придавало этой проблеме приоритетный характер для французской политической жизни. В связи с неспособностью достичь решения путем применения силы 12 июня пало правительство Жозефа Ланьеля.

Двумя днями позднее сформировать новый кабинет было поручено радикал-социалисту Пьеру Мендес-Франсу, одному из наиболее авторитетных личностей во французской политической жизни благодаря его моральным качествам. Он установил для своего правительства четкий порядок приоритетов: в течение 100 дней следует достичь решения индокитайского кризиса, затем следует рассмотреть другие проблемы — Тунис, Марокко, но прежде всего — проблему ЕОС.

Тот факт, что Мендес-Франс направил всю свою энергию на переговоры по Индокитаю и добился в результате компромисса весьма выгодного для французов, учитывая военную ситуацию, внушал доверие к реализации намеченного им графика. Что касается ЕОС, то он поручил изучение проблемы ратификации группе, состоящей из двух министров, генерала Кёнига, противника ратификации, и министра Буржес-Монури, ее сторонника. Сам он избегал занимать слишком однозначную позицию, за исключением того, что сразу же обрисовал Даллесу положение вещей: в Национальном собрании Франции не существовало большинства в поддержку ЕОС. Поэтому проблема могла быть решена при помощи поиска наиболее широкого консенсуса вокруг формулировок, близких к формулировкам самого договора о создании ЕОС.

Позднее обсуждалось, была ли относительная холодность Мендес-Франса по отношению к ЕОС в какой-то мере объяснима благоприятным результатом, достигнутым по вопросу об Индокитае. Выражаясь яснее, обменял ли французский премьер отказ от ЕОС на компромисс в Индокитае. Доказательств, которые подтверждали бы такой обмен, не существует; в то же время достоверно известно, что в ходе переговоров с Молотовым Мендес-Франс не скрывал трудностей сложившейся ситуации, но был весьма тверд в защите обязательств, которые связывали Францию с ее западными союзниками. Обстоятельство, которое можно констатировать — это то, что он не был убежден в правильности решения, предложенного ЕОС, и что, следовательно, он не ощущал себя связанным обязательством защищать договор до последнего. Однако это не означает, что он намеревался в принципе отказаться от перевооружения Германии.

Работа, порученная министрам Кёнигу и Буржес-Монури, не привела ни к какому результату, и в августе Мендес-Франс решил взять на себя лично ответственность за поиск выхода, доверив разработку альтернативных проектов некоторым из своих сотрудников. В результате этого этапа работы стало ясно, что состояние проблемы не изменилось по сравнению с 1952 г.: препятствия

для ратификации заключались в наднациональном характере решения и в необходимости отстаивать независимость французских вооруженных сил.

В результате упорной работы 18 августа в Брюсселе смогли собраться представители шести стран-членов сообщества. Мендес-Франс намеревался выдвинуть свои предложения, которые в предшествующие дни он изложил американским и британским представителям, не вызвав у них никакого энтузиазма, а, напротив, предрасположив их к резкой антифранцузской реакции. Эти предложения предусматривали ряд изменений в оригинальном тексте соглашения, одобренном в мае 1952 г. Аденауэр подсчитал, что они затронули бы в общей сложности 65 положений договора и что по крайней мере 47 из них потребовали бы пересмотра вопроса парламентами, уже ратифицировавшими оригинальный текст. При таких предпосылках конференция, фактически подготавливавшая эффективные решения, которые следовало принять после неизбежного провала договора, свелась к столкновению между французским премьер-министром (утверждавшим, что он готов поставить вопрос о доверии правительству в связи с ратификацией только при условии, что его предложения по изменению, или их существенная часть, будут приняты) и другими участниками, испытывавшими давление со стороны американцев и англичан.

В какой-то момент переговоры приобрели в большей степени характер столкновения, чем дискуссии между союзниками, столкновения, в котором французы оказались почти в полной изоляции, окруженные враждебным недоверием. В середине работы Даллес выступил с грозным посланием к бельгийскому премьер-министру Спааку, в котором говорилось: «Если Вы согласны и если, по Вашему мнению, обстановка в Брюсселе делает это желательным, то со своей стороны, я бы не имел возражений против того, чтобы Вы проинформировали министров в Брюсселе, что я хотел бы выдвинуть предложение о немедленном созыве совещания, в котором приняли бы участие страны Бенилюкса, Германия, Соединенные Штаты и Соединенное Королевство. Думаю, следовало бы пояснить, что целью этой встречи должно стать срочное рассмотрение вопроса о наилучшем способе как присоединения Германии к Западу на основе формального равенства, так и реализации перевооружения Германии».

Тон — угрожающий, который Даллес повторил в послании к Мендес-Франсу, не понимая того, что недостаточная поддержка французских требований в столь трудный для жизни республики момент будет способствовать изоляции Франции, отдаляя ее от союзников на континенте и в мире и подталкивая ее к более глу-

бокому кризису в состоянии изоляции и с ощущением, что она подверглась необоснованному остракизму; в краткосрочной и долгосрочной перспективе это не могло способствовать усилению западной солидарности, которую, напротив, разрушал догматизм Даллеса. Только благодаря чрезвычайной гибкости европейцев несколько месяцев спустя были устранены вредные последствия вмешательства Даллеса накануне и во время работы Брюссельской конференции. Однако ее провал был предreshен.

Слово предоставлялось, наконец, французскому парламенту. Мендес-Франс не питал иллюзий по этому поводу. Жан-Жак Серван-Шрейбер, главный редактор журнала «Экспресс», в то время тесно сотрудничавший с французским премьер-министром, написал сценарий. «Необходимо найти способ, — писал он Мендес-Франсу, — ликвидировать ЕОС тихо (с помощью утверждения повестки дня или по процедуре), не ставя вопрос по существу на голосование». Затем следует созвать большую конференцию крупнейших западных держав и найти новую европейскую формулу с участием Англии и подтвердить необходимость перевооружения Германии в формах, отличающихся от тех, что предусматривались ЕОС.

В действительности дебаты в Национальном собрании соответствовали предвидениям Серван-Шрейбера. 29 августа 1954 г. началась дискуссия по договору. Представлению генералом Адольфом Омераном «предварительной» резолюции, требовавшей, чтобы текст был отвергнут без обсуждения, предшествовали процедурные схватки. Голосование состоялось 30 августа, когда эта предварительная резолюция была одобрена 319 голосами против 264. Судьба ЕОС была окончательно решена.

9.3.5. РОЖДЕНИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (ЗЕС)

Мендес-Франс, объявивший о неучастии правительства в решении данного вопроса, объяснил сразу же, что голосование французского Национального собрания не означало отказа от атлантической солидарности. Несмотря на это, немедленные последствия были весьма ощутимыми. К удовлетворению противников ЕОС добавилось чувство растерянности и разочарования. Растерянности — европейцев, поскольку провал голосования по ЕОС, которое они убежденно поддерживали, после того, как собрание *ad hoc* завершило подготовительную работу по уставу Европейского политического сообщества, означал также откладывание на неопределенное время реализацию их надежд. Разочарования — всех тех, кто во Франции и за ее пределами считали, что

голосование ничего не решает, поскольку оно оставило нерешенным вопрос о перевооружении Германии и вопрос о реинтеграции Федеративной Республики в систему западных союзов.

Все эмоциональные реакции были, однако, быстро преодолены с возвращением дипломатической дискуссии к центральной проблеме обсуждения. Национальное собрание Франции отвергло не концепцию ремилитаризации Германии, а способ каким предусматривалось ее осуществление в учредительном договоре ЕОС. Отвергался прежде всего, пусть и приглушенный, наднациональный акцент в содержании договора. Франция, связанная обязательствами в Индокитае, а после Женевских соглашений — в Северной Африке и во всей своей империи, ощущала необходимость сохранить собственные вооруженные силы, свободные от обязательств, принимаемых по каким-либо поводам другими правительствами.

Не случайно, голосование состоялось по процедурной резолюции. В действительности, это позволило избежать дискуссии по существу и отклонить ЕОС, не отвергая его политическое содержание. Короче говоря, после голосования 30 августа можно было вернуться к не имевшему успеха сценарию, представленному Мендес-Франсом в Брюсселе. Франция согласилась бы с перевооружением Германии, если бы вопрос был поставлен таким образом, чтобы не оскорблять чувства политического истеблишмента, который в течение более чем двух лет ощущал себя глубоко встревоженным попытками грубого вмешательства извне в его свободу принятия решений. Именно это делало невозможным инициирование возобновления переговоров со стороны Соединенных Штатов, где Эйзенхауэр, знавший по личному опыту французский менталитет, отдавал себе отчет в деликатности ситуации. Такая задача выпала на долю Великобритании, которая должна была, более непосредственно вовлекаясь в поиск решения данной проблемы, организовать конференцию с целью «охладить» напряженность и возобновить диалог. Это вернуло бы англо-французскому согласию роль моста по отношению к пересмотренным формулировкам Даллеса, которые должны были добавить к французским сомнениям непосредственное сближение Соединенных Штатов и Германии, а затем немедленное вступление перевооруженной Германии в НАТО. Для того чтобы избежать этого риска, необходимо было найти «европейскую», но не «европеистскую» формулу.

В такой обстановке вновь вспомнили про Брюссельский пакт от 17 марта 1948 г., институт, пребывавший после подписания Атлантического пакта в летаргическом сне, но являвшийся важным

прецедентом, поскольку он предусматривал британское участие в европейской обороне. Почему бы не исходить из этого пакта, модифицировав его в соответствии с необходимостью участия в нем Италии и Федеративной Республики Германии? Немногим более недели спустя после провала голосования по ЕОС английская дипломатия начала продвигаться в данном направлении, и Идену, являвшемуся главным действующим лицом этого дипломатического этапа, удалось достичь достаточного консенсуса по отношению к формуле, предусматривавшей возможность одновременного вхождения Германии в НАТО и в Брюссельский пакт при условии, что значимость этой второй организации получит максимальное признание.

В такой обстановке в Лондоне 27 сентября была созвана конференция девяти (шесть членов ЕОС плюс Соединенные Штаты, Великобритания и Канада). Иден, переживавший в этот период один из наиболее эффективных моментов своей политической карьеры, был вместе с Форин Оффис убежден в необходимости компромисса с Францией. Стабильность западной системы, от которой зависела любая возможность диалога с Советским Союзом, могла быть достигнута только с участием французов. Бонн, хотя и имел значение, не мог заменить Париж. Идея обновленной *entente cordiale*, нужной для гармонизации американских диссонансов и для поощрения европейского сотрудничества не на федеративной основе, оценивалась как возможный выход из положения. Считалось, что имея в виду отношения между Востоком и Западом, предпочтительнее участвовать в диалоге с Москвой при поддержке Мендес-Франса, нежели при враждебной позиции расколотой и искушаемой нейтралистскими решениями Франции. Риск, что Франция может стать сателлитом *sui generis* Советского Союза, никогда не недооценивался британской дипломатией. Впрочем, Мендес-Франс, со своей стороны, был обеспокоен (как отмечает Антонио Варсори) возникшей напряженностью, о чем свидетельствовало подтверждение его стремления к реализации действительного примирения с Германией.

На базе этих предпосылок 28 сентября 1954 г. (меньше, чем через месяц после провала голосования по ЕОС) началась работа Лондонской конференции, которая сразу же занялась сутью вопроса. Наиболее простым решением представлялась возможность возродить к жизни Брюссельский пакт. Иден подтвердил гарантии, что Великобритания не выведет свои войска из Европы без одобрения Верховного союзного командования и таким образом поставил себя в положение гаранта прочности соглашения, которое начинало принимать в большей степени характер формального

союза, а не интегрированной системы. Работа конференции закончилась 3 октября максимально возможным соглашением, которое предусматривало возвращение полного суверенитета Федеративной Республике Германии и косвенно предполагало в качестве выхода из сложившейся ситуации присоединение Германии к Атлантическому пакту.

Комиссия экспертов в течение почти месяца изучала юридические формулировки, в которые следовало облечь принципиальное соглашение. На этом этапе вновь показалось своевременным приукрашивание суровой реальности достигнутых договоренностей некоторой европейской мишурой. Было условлено, что новая организация будет названа: Западноевропейский союз (ЗЕС). Предусматривалось, что ЗЕС будет обладать своей общей армией, управляемой Советом представителей правительств, и что он будет также иметь Ассамблею с консультативными функциями, созданную в соответствии с обычной процедурой непрямого голосования. Для гарантии того, что ни одна из стран-участниц не сможет выйти за определенные пределы перевооружения, создавалось также Агентство по контролю над вооружениями, которое должно было принимать решения только единогласно.

Результаты этой работы обсуждались на новой межправительственной конференции, состоявшейся в Париже 20–23 октября, которая без особых трудностей пришла к соглашению по поводу нового текста соглашения, подлежавшего ратификации парламентами. После устранения аспектов, беспокоивших голлистов и французских умеренных, новый договор не встретил серьезных трудностей. 5 мая 1955 г. процесс ратификации был завершен. ЗЕС начал совершать первые осторожные шаги на своем скромном пути; а, между тем, Германия получила возможность перевооружиться и вступить в НАТО.

Единственным серьезным препятствием на пути к реализации соглашения оставалась проблема Саара. После утраты надежд на его полную аннексию французы в полемике вокруг создания ЕОС отстаивали возможность интернационализации, наиболее функциональную в связи с созданием европейской военно-политической структуры. Провал голосования по ЕОС нанес удар по этому проекту и техническим планам, которые, по поручению Совета Европы, изучались специальной комиссией. Однако Мендес-Франс продолжал и во время Парижской конференции настаивать на французском предложении.

По этому вопросу франко-германская дискуссия достигла драматического пика, и только с трудом на грани провала был достигнут компромисс. Он предусматривал интернационализацию

Саара и его управление европейским комиссаром, ответственным перед Советом министров ЗЕС. После вступления в силу договора о ЗЕС должна была начаться трехмесячная кампания подготовки к референдуму о принципе интернационализации. Дата референдума была назначена на 23 октября 1955 г. В кампании подготовки к референдуму могли принимать участие также и прогерманские партии. Эти последние развернули активную агитацию против интернационализации и одержали победу. Принцип интернационализации был провален подавляющим большинством. В тот момент дискуссия по этому вопросу теоретически могла быть открыта вновь, поскольку отказ от интернационализации не обязательно предполагал возвращение Саара Германии. Однако, обстановка во франко-германских отношениях и стратегическое значение Саара тем временем изменились таким образом, что подталкивали к примирению.

В октябре 1956 г. правительства Парижа и Бонна договорились, что Саар в политическом плане вернется под германский суверенитет начиная с 1 января 1957 г. и что через три года политический союз будет дополнен экономическим объединением, в обмен на которое Франция получала важные гарантии в отношении поставок угля и осуществления навигации по Мозелю в направлении, обеспечивающем торговые связи провинции Лотарингия.

Парижскими соглашениями и их вступлением в силу завершился начавшийся в 1947 г. период строительства интегрированной оборонной системы Запада. В середине 1955 г. эта цель была достигнута. Не всегда процесс был прямолинейным, и все-таки результат был значителен, поскольку он выражал решимость западноевропейских стран усиливать свои связи и придерживаться принципа союзных отношений с Соединенными Штатами как постулатов своей международной политики. Несмотря на изменения, произошедшие тем временем в Советском Союзе, потребность в консолидации или, точнее, потребность придать внутриевропейским отношениям четкое и определенное устройство, возобладала над искушением вернуться к традициям национальных государств. Достижение этих целей не сопровождалось реализацией всех надежд тех, кто отстаивал необходимость более тесного европейского союза. Однако отсутствие юридических форм не препятствовало тому, чтобы постепенно складывалась традиция сотрудничества, которая затем придаст Западной Европе новое политическое лицо.

Может показаться, что позиции французов по поводу перевооружения Германии уделялось столько места в изложении из-за

ее синтетического характера, и без сомнения это соображение будет правильным. Однако мучительные сомнения Франции в отношении ремилитаризации Германии заключали в себе последствия, которые не могут и не должны недооцениваться. Они отражали кризис политического режима, основанного на довоенных ценностях и все еще не осуществившего модернизацию. Соответственно они отражали кризис типично европейской внешней политики, то есть концепции внешней политики, построенной как державная, основанной на имперских опорах в мире, переживающем кризис и начало конца колониализма. Они отражали также трудный процесс привыкания к необходимости перейти от открытой конфронтации с европейским противником к изнурительному процессу переговоров, который, однако, сглаживал конфликты и препятствовал их углублению. Они отражали, напротив, осознание обоснованности того, о чем американская сторона заявляла начиная с 1947 г. (а, возможно, и раньше), а именно — что Европа сможет отойти от традиционных форм международного сообщества и изобрести новые формы.

В этом плане французский выбор столкнулся с проблемой нового европейского устройства, а также с проблемой построения интегрированной и объединенной Европы в соответствии с более или менее жесткими критериями. Для традиции французского национализма это было болезненное столкновение, которое, однако, в среднесрочной и долгосрочной перспективе заставит новому осознать европейские проблемы.

Иными словами, в целом французский кризис являлся свидетельством трудностей, через преодоление которых менялся старый способ осуществления внешних сношений; свидетельством того, что стереотипы соглашений или противостояний, запечатленные историей, постепенно разрушались и на их месте рождалась новая международная система, где доминировала биполярность. Однако Франция неохотно приспосабливалась (не только в качестве Франции, но и в качестве части «малой Европы») к новой роли, вытекающей из иного распределения сил в мире. Поэтому данный процесс затрагивал не только Францию, но в различной степени (и в различные моменты) все европейские страны. Французский казус периода 1950–1955 гг. являлся, следовательно, также и показательным подтверждением изменений, происходивших в старой системе международных отношений в период, когда вырабатывались принципы формирования новой системы.

9.3.6. ВАРШАВСКИЙ ПАКТ

Действительно, 1955 год был годом, когда достиг кульминации и завершился процесс создания противостоящих блоков, организованных по принципу зеркального отражения. То, что в Западной Европе проходило трудным и полным неожиданностей путем, происходило и в Восточной Европе, однако с большей легкостью, которая была обусловлена иным характером советских методов. В 1948 г. завершился процесс трансформации существующих политических режимов под влиянием Советского Союза; был преодолен этап (начавшийся в декабре 1943 г. договором между СССР и Чехословакией) двусторонних договоров между Советским Союзом и каждой из стран-сателлитов; был также преодолен период прямого противостояния, фронтального столкновения с западными державами, с настойчивыми попытками помешать завершению процесса консолидации. Таким образом реакция Советского Союза, продемонстрировавшего образцовый прагматизм, а также умение учитывать новые обстоятельства, созданные в Европе «первой разрядкой», была соразмерна и сопоставима с инициативами Запада.

Такой ответ был подготовлен конференцией, проходившей в Москве в период с 29 ноября по 2 декабря 1954 г. с участием представителей Албании, Болгарии, Германской Демократической Республики, Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии и самого Советского Союза. Вывод конференции состоял в том, что в случае, если Парижские договоры будут ратифицированы, восемь стран-участниц примут необходимые контрмеры. В результате 6 мая 1955 г., на другой день после завершения процесса ратификации учредительных договоров по ЗЕС, советское правительство расторгло англо-советский договор о сотрудничестве, подписанный в 1942 г., и советско-французский договор 1944 г. В последующие дни, с 11 по 14 мая, представители восьми стран, уже обсудившие в декабре данную проблему, собрались в Варшаве для подписания «Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи», ставшего позднее известным как Варшавский пакт (14 мая).

В преамбуле к документу есть ссылка на вступление в силу Парижских соглашений, которые усиливали опасность возникновения войны и угрожали безопасности миролюбивых стран. Далее в нем излагались обязательства, типичные для такого рода союзов, — сотрудничества и дружбы; предусматривалась возможность консультаций в случае угрозы безопасности странам-участницам договора и определялся в ст. 4 *casus foederis*, устанавливая,

что если одно из государств, подписавших договор, подвергнется нападению, то союзники окажут ему немедленную помощь, включая военную (с трактовкой, которая делала выполнение основного обязательства союза автоматическим, а не ограниченным некоторыми условиями, как это предусматривалось в ст. 5 Атлантического пакта). Кроме того, договор предусматривал создание объединенного командования, под руководство которого передавалась часть вооруженных сил, и предусматривал также дальнейшие меры для самообороны стран пакта (первым главнокомандующим войсками Варшавского пакта станет советский маршал И. Конев).

Задачу реализации системы консультаций между сторонами должен был взять на себя Политический консультативный комитет, используя также вспомогательные органы, которые предстояло создать. Договор подписывался на срок в 20 лет и продлевался до 30 для тех стран, которые по истечении первоначального срока действия не реализуют свое право на выход. Кроме того, несомненно с целью продемонстрировать «неагрессивные» и, следовательно, символически противопоставляемые намерениям Атлантического пакта устремления, характеризовавшие новый союз, ст. 11 предусматривала, что договор перестает действовать в том случае, если будет подписано соглашение о создании общеевропейской системы безопасности.

Вместе с договором, заключенным в январе 1949 г. о создании СЭВ (Совета экономической взаимопомощи), Варшавский пакт, формализуя и координируя ряд уже существующих соглашений, мало что добавлял к системе безопасности в зоне гегемонии Советского Союза. Было открыто заявлено о том, что он носит характер ответа на перевооружение Германии. Поэтому его значение было преимущественно формальным: показать, что если система, контролируемая Соединенными Штатами, доминировала в Западной Европе, включая Федеративную Германию, и опекала ее, то аналогичная система контролировала, доминировала и опекала теперь, с участием вооруженных сил Германской Демократической Республики, также и Восточную Европу. Формализация разделения Европы на два блока не могла проявиться более красноречивым и предсказуемо стабильным образом. И в самом деле, Варшавский пакт являлся как бы символом мучительных трудностей, которые на протяжении десятилетия характеризовали внутреннюю и международную жизнь европейских стран; символом и знаком стабилизации.

С тех пор в отношениях между двумя блоками могли быть моменты острых кризисов, но лишь временных, или же конфликты внутри каждого из блоков. В этом смысле Варшавский пакт

стал в большей степени выражением ограниченности возможностей советского контроля над сателлитами, чем демонстрацией сплоченности. Прошло немного времени, и в 1956 г. проявился этот аспект ситуации (как, впрочем, уже происходило в Берлине в июне 1953 г., когда состоялись первые бурные рабочие демонстрации против режима и были применены первые суровые репрессии).

Однако как бы это ни было важным, оставался факт, что в середине 1955 г. Варшавский пакт, взятый в совокупности с другими европейскими и мировыми событиями той эпохи, являлся показателем завершения европейского этапа биполярной конфронтации. С этого времени конфликт будет проявляться в других формах и с другими результатами в других регионах мира. Традиционная холодная война, которую вели в Азии до перемирия в Паньмыньчжоне и в Европе, начиная с 1946 г., уже в течение некоторого времени вступила в период застоя. Вместо нее стали обсуждаться возможности «разрядки» и, более того, с историографической точки зрения, можно уже поставить вопрос, не являлась ли складывавшаяся в Европе ситуация проявлением «первой разрядки», назревшей одновременно с организационным структурированием двух европейских «лагерей».

9.4. Поворот 1953 г. К первой разрядке?

9.4.1. ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ В 1953–1956 гг.

В то время, как дискуссия в Центральной Европе (о перевооружении Германии) представала как ключевой момент столкновения между сверхдержавами и основа будущих международных отношений, с начала 1953 г. (с уже упоминавшимся избранием Эйзенхауэра на пост президента Соединенных Штатов и, немного позднее, со смертью Сталина) важные изменения начали воздействовать на традиционные темы европейской дипломатической жизни. Во всем своем новационном значении проявился ряд других ситуаций, расширявших панораму столкновения до всего мира, унифицируя ось, вокруг которой раскручивались события, но увеличивая число участников этих событий.

Наиболее важным из проявившихся явлений был кризис старого империализма, сначала ползучий или сдерживаемый в определенных географических зонах: в первую очередь французского, а затем британского. Он сопровождался все более распространенным отказом от тенденции сверхдержав к расширению масштаба

возникающего в их зоне конфликта на весь мир. Это был отказ от «холодной войны», понимаемой как обязанность для всех стран принять сторону одного из противников, вплоть до того, чтобы соглашаться на связи с ним посредством союзов или посредством доказательств подчиненности и лояльности, однозначных, хотя еще и не формализованных, в результате чего вся международная жизнь концентрировалась вокруг одной проблемы, тогда как тенденция времени, напротив, состояла в диверсификации ситуаций. Но именно эта диверсификация подталкивала правителей и народы к рассмотрению проблемы глобального конфликта с увеличивающейся дистанции как не своей проблемы. Иными словами, принимали очертания представления, из которых вскоре возникнет движение за нейтрализм, а затем — коалиция неприсоединившихся стран.

На всех континентах развивались новые процессы, ставившие проблемы, внутренние для каждой страны, но находившие отражение и в международном масштабе. Это являлось следствием тенденции, противоположной упомянутой ранее: в соответствии с ней определенные политические силы делали ставку на внешнюю поддержку, которую мог обеспечить им выбор определенного лагеря в биполярном конфликте. Иногда эти новые процессы представляли собой эфемерные моменты политической жизни; а некоторые из них предвосхищали глубокие пертурбации, которые со временем обнаружат весь свой размах (от Ближнего Востока до Юго-Восточной Азии и до Латинской Америки). В появлении всех этих изменений не было, однако, ничего однозначного: это было переплетение акцентов, потребностей, восприятий, стратегий, лишь очень не скоро позволившее понять значение тех явлений, которые вызревали в то время, как мир был занят германским вопросом и другими кризисами, доминировавшими на международной арене.

Именно по этой причине в течение нескольких лет, прежде всего с 1953 по 1956 г., из-за того, что вызревавшие ситуации проявлялись лишь в дальнейшем, оставался неопределенным водораздел между прошлым и будущим. Деятельность отдельных правительств лишь изредка представлялась однозначной (не считая крайних случаев). И самой двойственной представлялась активность сверхдержав, связанных стратегическими планами, принятыми к исполнению, но и воспринимавших симптомы изменений, исходивших из всех регионов мира. Таким образом, закладывались основы нового вызова, с которым должны были столкнуться сверхдержавы. Каким образом они должны были реагировать на изменения после того, как каждая из них укрепила свою соб-

ственную стратегическую систему? Какова мера гибкости в отношении изменений планов конфронтации или диалога в рождающемся международном сообществе? На смену «традиционной холодной войне» стало приходиться «конкурентное сосуществование», менявшее сферу для утверждения превосходства, переводя его из чисто военной в сферу эффективности моделей перехода к экономическому росту и модернизации. Кто преподнес бы больший и лучший урок? Именно «переходный» характер испытаний способствовал тому, что часто преемственность и изменения представлялись как две противоречивые стороны действий одного субъекта; противоречивые, однако подчиненные одинаковой внутренней логике — необходимости подготовить изменения, сохраняя способность решать существующие проблемы действительности и не теряя из вида риски, внутренне присущие трансформации.

Все это просматривалось как в политике Соединенных Штатов, так и в политике Советского Союза. И конечно, приход новых людей к руководству двумя странами повлиял на неизбежную двойственность в том, что касается задачи управления полученным наследством и решения новых проблем. Имел ли место в Соединенных Штатах «мучительный пересмотр», которым Даллес угрожал в случае неодобрения договора о ЕОС? Ответ — отчасти утвердительный. Соглашение, молчаливое или явное, благодаря которому в период с конца войны до 1954 г. Соединенные Штаты никогда ничего не предпринимали в отношении германской проблемы без участия Франции в качестве посредника или даже главного действующего лица, прекратило свое существование и более не восстанавливалось. Такой тенденции способствовали индокитайский кризис, различие позиций, занятых по данному вопросу двумя правительствами, а также различия в подходе к отношениям с арабским миром и к проблеме Северной Африки.

Кризис в отношениях с Францией, достигший в 1956 г. наибольшей на тот период остроты, повлек за собой кризис американской европейской политики. На основе согласования действий США с Францией в предшествующие годы стала возможной значительная часть компромиссов, облегчивших соглашение между двумя державами. Теперь, когда это соглашение дало трещину, американский европеизм утрачивал свое практическое значение и вновь становился проявлением принципиального покровительства Соединенных Штатов в отношении Старого Света, однако покровительства абстрактного, скептического и даже подозрительного в случае, когда страны малой Европы проявили собственную инициативу (не дожидаясь стимула со стороны американцев), создав в 1957 г. европейский Общий рынок.

Недовольство американцев не могло быть направлено против Великобритании. Напротив, англичане при Черчилле, а затем при Идене, сделали все возможное, до и после краха ЕОС, для того, чтобы спасти программу-минимум, включавшую перевооружение Германии и принятие ее в НАТО. Особые отношения между двумя странами в результате кризиса упрочились. Однако их взаимоотношения несли в себе потенциальный раскол, коренившийся в принципиально различной оценке отношений с арабским миром. Для британцев Ближний и Средний Восток, и в особенности арабский мир, оставался территорией, гегемонию над которой надо удержать любой ценой.

Центральным событием на Среднем Востоке был кризис в Иране, начавшийся в апреле 1951 г. с назначением премьер-министром Мохаммеда Мосаддыка, и закончившийся в августе 1953 г. государственным переворотом, вернувшим всю власть шаху Реза Пехлеви. В этой ситуации, как и по вопросам отношений Великобритании с Египтом, американцы, а также Ирак, Саудовская Аравия, Ливия, если и получали стратегические преимущества от сотрудничества с англичанами, то стремились к дистанцированию от британских колониальных позиций и отмежеванию от принципиально антиарабской политики, которую проводило лондонское правительство.

Даже в ситуации крупных кризисов, как, например, арабо-израильский, Соединенные Штаты держались отстраненно, в то время как в процессе борьбы за независимость народов Туниса, Марокко и Алжира они не скрывали своего несогласия с французской политикой. Это была традиция, уходившая глубокими корнями в политику Соединенных Штатов в отношении арабского мира, которая, однако, до 1953 г. ощутимо не проявлялась. В последовавшие за этим годы, вплоть до 1956-го, США открыто не дистанцировались от англо-французских позиций, давая, впрочем, понять, что не разделяют их; однако это несогласие не имело никаких практических последствий. Более того, отношение к некоторым акциям, как, например, иранской 1953 г., египетской 1953—1954 гг., в совокупности с тем, как в целом ставился вопрос о создании системы антисоветских союзов на Ближнем Востоке, создавало впечатление, что в намерения США входило не оказание настоящей помощи арабскому национализму, а лишь замена англо-французского империализма на империализм, менее связанный обязательствами институционального характера, но политически гораздо более сильный.

Другая особенность американской политики состояла в относительном дуализме прагматического подхода Эйзенхауэра к меж-

дународным делам и доктринерства, которым руководствовался — и любил подчеркнуть это — государственный секретарь Даллес. Историографическая дискуссия вокруг и той, и другой личности в значительной степени воспроизвела стереотипы, сохранившиеся благодаря хронике того времени, как это всегда бывает в политической жизни и, в особенности, относительно людей, наиболее открытых для публичного общения. Представление об Эйзенхауэре как о деятеле, неспособном справиться с бюрократическим аппаратом и, следовательно, обреченном на слабое исполнение сложных президентских обязанностей, заменяется другим его образом, в котором рассмотрение этапов карьеры президента приводит к выводу как раз о его исключительной компетенции как организатора сложных аппаратов управления (например, во время войны — Верховного командования союзников в Средиземноморье и Верховного командования союзников для операции *Overlord*) и, следовательно, к восприятию способности Эйзенхауэра осуществлять властные полномочия не очень эффективным внешне, однако твердым, как никогда, образом. И напротив, доктринерство Даллеса сопоставляется со способностью приспосабливаться к ситуации, которую умел продемонстрировать государственный секретарь в сложных случаях, когда он мог бы пытаться осуществлять свои «доктрины», а он, напротив, проявлял готовность отказаться от них ради осуществления воли президента или же из-за своего собственного стремления приспособиться к изменившимся обстоятельствам. Впрочем, Даллес был не только политиком, но и профессиональным юристом и поэтому человеком практического компромисса.

9.4.2. ДАЛЛЕС МЕЖДУ «ОТБРАСЫВАНИЕМ» И «НОВЫМ ВЗГЛЯДОМ»

В разгар избирательной кампании в американском еженедельнике «Лайф» от 19 мая 1952 г. Даллес опубликовал статью-манифест, где излагал свои внешнеполитические установки. Стратегия сдерживания представлялась ему робкой, ведущей к проволочкам, и ее следовало, по его мнению, заменить «жесткой политикой», в соответствии с которой Соединенные Штаты должны были отойти от методов долгого и неопределенного выжидания и заменить их динамичной деятельностью, вдохновляемой моральными ценностями американской нации и стремящейся к «освобождению» народов, вынужденных жить за железным занавесом в состоянии порабощения. Эти концепции, много раз повторявшиеся за время избирательной кампании, обнаруживали в Даллесе

приверженца внешней политики «отбрасывания» (*roll back*), то есть контрнаступления, которое должно было отодвинуть русских с сильных позиций, завоеванных ими благодаря «слабости» администрации Трумэна.

Речь шла, без сомнения, о предвыборной пропаганде, совершенно не учитывавшей тот факт, что политика Трумэна, как представляется сегодня очевидным, вовсе не была слабой. Речь шла также о предвыборной пропаганде, которая вызывала тревожные вопросы относительно того, как Даллес будет осуществлять свою идею об освобождении угнетенных народов, предполагавшую логический ответ, что это может произойти только посредством войны. Отсюда — образ Даллеса-милитариста, слегка смягченный осторожным прагматизмом его президента. Вскоре сам ход событий подверг испытанию соответствие предвыборных обязательств и действительных политических намерений. В июне 1953 г. восстание рабочих в Берлине предоставило Даллесу прекрасную возможность для вмешательства в поддержку свободы; в 1956 г. революция в Венгрии и решение правительства Имре Надя выйти из Варшавского пакта также явились еще более подходящим случаем для того, чтобы заставить русских отказаться от одной из позиций, занятых ими в Европе. В обеих ситуациях Даллес не пошевелил пальцем, поскольку стабильность в соотношении сил, достигнутая в Европе, была гораздо важнее верности предвыборным программам, выразившим надежды, но не предлагавшим планов конкретных действий.

Другим основополагающим моментом в идеях Даллеса было положение о необходимости пересмотра всей стратегии военно-политического использования американских вооруженных сил и, в особенности, атомных вооружений. Противостояли две потребности: с одной стороны — придать весомое военное содержание значимым американским обязательствам в борьбе против коммунизма, с другой — облегчить финансовое бремя, которого потребовало бы содержание и укрепление мощной армии, оснащенной обычными вооружениями. Американцы в то время выделяли на оборону 14% своего валового национального продукта, в то время как атлантические союзники, хотя и тратили средства по-иному, — только 3%. Проблема иного распределения расходов нашла выражение в постоянном давлении на европейских союзников с тем, чтобы те увеличили размер своего вклада, но в целом это не помогло разрешению противоречия, с которым столкнулся Даллес.

Он, однако, преодолел это противоречие, разрабатывая в течение всего 1953 г. новую стратегическую концепцию (известную как «Новый взгляд» — *New Look*), нашедшую свое наиболее

полное выражение в речи, произнесенной в Совете по международным отношениям в Вашингтоне 12 января 1954 г. Она предусматривала создание антикоммунистической оборонительной системы, способной приобрести максимальную эффективность при допустимых издержках. Конкретно это означало, что «лучший способ для предотвращения агрессии» состоял в том, чтобы «в первую очередь основываться на большой эффективности немедленного отпора», к тому же массированного, против любого враждебного акта со стороны Советского Союза (доктрина «*massive retaliation*», то есть массированного возмездия). Предпосылкой этой концепции было окончание предоставления всякой помощи европейским союзникам, за исключением той, что предназначалась для военных целей.

Массированное возмездие теоретически означало много, на практике — мало или ничего, особенно в момент, когда доктрина была столь торжественно заявлена, в начале 1954 г. В действительности «новый взгляд» предусматривал, что каждому акту советской агрессии будет противостоять массированное ядерное возмездие, способное уничтожить мощь противника. Однако существовала ли после 1945 г. ясная и однозначная советская военная угроза, которая смогла бы оправдать массированное возмездие? Даже война в Корее сопровождалась весьма осторожным поведением со стороны Сталина. В течение длительного времени советская международная активность принимала формы постепенного и взвешенного проникновения, которое не могло создать предлогов для массированного возмездия. Поэтому «новый взгляд» направлял свои угрозы против нереальной гипотезы и оказал влияние скорее на внутреннюю ситуацию в НАТО и в Соединенных Штатах. В НАТО — поскольку он стремился продемонстрировать, что новая ядерная политика, которой недавно пришедшая к власти американская администрация намеревалась придать энергичный импульс, была более эффективной по сравнению с оборонительными целями, каковые прежнее руководство ставило перед собой, но в то же время менее обременительной с финансовой точки зрения. К тому же, по сути, Даллес видел в ней и потенциальную основу для договоренностей с русскими.

Реальная эволюция соотношения сил в ядерной сфере, складывавшегося между сверхдержавами, также делало основную аргументацию новой стратегии еще более надуманной. В январе 1950 г. Трумэном было принято решение одобрить создание водородной бомбы, то есть термоядерного устройства, качественно отличного от тех, что были испытаны против Японии, поскольку оно было способно вызвать взрыв с эффективностью, измеряемой

более, чем килотоннами (килотонна означает мощность взрыва, равную 1000 тонн тринитротолуола, а бомба, сброшенная на Хиросиму, имела мощность 20 килотонн) и мегатоннами, то есть тысячами килотонн. Русские также работали над аналогичной программой под руководством Игоря Курчатова, отца взорванной в августе 1949 г. советской ядерной бомбы, возглавлявшего группу ученых и технических специалистов, в которую входил и Андрей Сахаров.

В этом состязании за термоядерное превосходство американцы располагали форой в несколько лет, и в действительности им удалось первыми (в октябре 1952 г.) провести наземные испытания устройства мощностью 10 мегатонн. Парадоксальным образом усилия русских сыграли роль стимула в отношении американских разработок, поскольку 12 августа 1953 г. им удалось испытать первую сбрасываемую термоядерную бомбу. Речь шла об устройстве пока еще с ограниченной мощностью (200–400 килотонн), которое, однако, демонстрировало, как неуклонно развивается соревнование в условиях сокращающегося дисбаланса сил.

Первая американская водородная бомба была взорвана в феврале 1954 г. и имела мощность 15 мегатонн. Только в ноябре 1955 г. русским удалось произвести взрыв бомбы в 1,6 мегатонн. Соотношение один к десяти показало отставание Советского Союза приблизительно на три года, однако оно было весьма быстро преодолено, в особенности благодаря временному первенству, завоеванному русскими в испытании носителей (то есть ракет среднего и дальнего радиуса действия), которые должны были доставлять термоядерные бомбы.

Именно эти соображения военно-технического характера делают очевидным другой слабый момент американской стратегии «нового взгляда». Массированное возмездие было возможно только при условии, что оно создавало бы громадный риск исключительно для объектов нападения, то есть только в том случае, если русские находились бы в ситуации, когда, подвергшись нападению, они не имели бы возможности ответить адекватными мерами. Быстрые успехи Советского Союза в области, которую Даллес и его советники считали сферой своего доминирования, напротив, на некоторое время свели к нулю политический смысл этой стратегической доктрины. С того момента, когда массированное возмездие стало потенциально вести к массированному ответу, установилось равновесие, аннулировавшее логические предпосылки массированного возмездия (как замечает Марк Трахтенберг). В условиях «равновесия террора», как позднее была названа складывавшаяся ситуация, выживание того, кто взял бы на

себя инициативу ядерного удара, становилось нереальным, поскольку никто не мог противостоять саморазрушительным издержкам атомного нападения. Возникла таким образом проблема «способности первого удара», то есть способности поставить застигнутого врасплох противника своим *первым ударом* в условия *полного* бессилия. Однако по мере того, как термоядерное состязание становилось все более интенсивным, гипотеза о том, что первый удар не будет иметь того тотального успеха, который только и мог его оправдать, открыла изъян в стратегии Даллеса, так же как и в стратегии всех других последующих теоретиков термоядерной эпохи.

В действительности, Сталин никогда не придавал слишком большого значения новым вооружениям, хотя стремление уничтожить американскую монополию и пойти по пути термоядерных вооружений, кажется, поставило под сомнение этот скептицизм. Однако он думал категориями времен Кутузова, то есть исходя из предпосылки, что вооружения, которыми тогда располагали, никогда не смогли бы обеспечить поражение такой великой страны, как Советский Союз. Поэтому его очевидный скептицизм определенным образом ограничил разработку советских стратегических доктрин, построенных на использовании новых вооружений. Только после смерти Сталина, следовательно, одновременно с эволюцией американской стратегической доктрины, в Советском Союзе вопрос о связи между международной политикой и ядерными вооружениями также начал ставиться более систематически.

Вначале результаты были спорные. Между 1953 и 1954 гг. перспектива атомного паритета и одинаковых рисков заставила по-новому посмотреть на проблему неизбежности столкновения между империалистическим и социалистическим «лагерями». В марте 1954 г. один из видных представителей новой советской руководящей группы Анастас Микоян утверждал, что обладание советской стороной атомной и водородной бомбой отдаляло опасность войны. Премьер-министр Георгий Маленков был убежден, что война в ядерную эру означала бы «уничтожение мировой цивилизации». Однако совсем не эти тезисы, как сам Маленков испытал на собственном опыте немного позднее, доминировали в советском мире. И все-таки они были основой нового образа мышления, который со временем получил распространение.

В феврале 1956 г. Хрущев, ставший первым секретарем ЦК КПСС, провозгласил конец ленинской догмы о неизбежности войны против империалистической системы: «Но фатальной неизбежности войны нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами

для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами, а если они попытаются ее начать, — дать сокрушительный отпор агрессорам, сорвать их авантюристические планы».

Логическое построение новой дипломатии Даллеса было, следовательно, уязвимым: концепция «отбрасывания» бесплодна, концепция массированного возмездия неосуществима и контрпродуктивна. Кроме того, она лишь встревожила европейцев из-за опасений, что новая американская стратегия вновь приведет к напряженности и возродит не забытые еще опасности.

Впрочем, возможно для того, чтобы подготовить путь к выходу из тупика, Эйзенхауэр как политик продолжал работать в другом направлении, а именно, для возобновления диалога с целью мирного использования атомной энергии. 8 декабря 1953 г. он представил Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций свой проект возобновления переговоров, прерванных в сороковые годы, в преддверии создания международного органа, наделенного необходимыми полномочиями для осуществления проекта в атомной области (названный тогда *Atoms for Peace* — Атом для мира). Именно этот дуализм показывает, что в глазах мирового общественного мнения американцы не стремились играть роль главных ответственных за состязание с целью достичь первенства с точки зрения разрушительной способности термоядерных вооружений. Проект Эйзенхауэра обсуждался в течение нескольких месяцев, однако это не привело к существенным результатам. И все-таки он продемонстрировал, что в тот момент, когда госсекретарь разрабатывал стратегическую формулу, которая представлялась более угрожающей, президент дополнил ее мирным проектом, не столь популярным и, возможно, более близким к действительной эволюции в соотношении сил.

В самом деле, столкнувшись с трудностями и неудачей попыток осуществить более амбициозные программы, Даллес развил параллельно с ними политическую активность, которая учитывала реальную ситуацию и была направлена как на то, чтобы дополнить систему обороны, созданную в период пребывания у власти администрации Трумэна, так и на то, чтобы заполнить оставшиеся в ней бреши, которые теперь оказались предметом внимания. В этом плане осложнение ситуации в Европе, вызванное кризисом вокруг договора о ЕОС, сопровождалось неуклонным усилением управления периферией, более сложного и более тесно координируемого в районах, оставленных без внимания.

Договор о ЕОС не относился непосредственно ни к Средиземноморью, ни к Ближнему и Среднему Востоку, ни к Юго-Восточной Азии. Однако в то время, как в Европе после одобрения

переворужения Германии ситуация развивалась в направлении некоей стабилизации, то в трех вышеназванных регионах элементы неуверенности и дисбаланса нарастали, предоставляя дипломатии Даллеса возможность завершить крупный замысел по военно-политическому окружению СССР, начатый осуществляться в Европе. Замысел был направлен, с военной точки зрения, на создание посредством двусторонних соглашений, не обязательно внутри НАТО, а по всему южному периметру зоны советского влияния, цепи американских баз. Эти базы, начало которым было положено в 1951 г., с 1953–1954 гг. систематически подвергались модернизации и снабжались обычными вооружениями, а в некоторых случаях — также и ядерными вооружениями для тяжелых американских бомбардировщиков с тактическим оружием (которые предназначались для использования в вероятных столкновениях ограниченного масштаба), или, в особенности после 1959 г. — ядерными боеголовками на ракетах среднего радиуса действия. Стоит отметить, что политика по созданию баз фактически противоречила доктрине массированного возмездия, поскольку она была нацелена на разрешение ограниченных конфликтов, что подтверждает двойственность новых концепций Даллеса.

9.4.3. РАСПОЛОЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ БАЗ НА ПЕРИФЕРИИ

Что касается расположения системы баз, то очень упрощая ряд проблем, которые заслуживали бы отдельного рассмотрения, и исходя не из хронологического, а из географического критерия, можно подчеркнуть последовательность американской политики. В декабре 1946 г. голосование Генеральной Ассамблеи ООН обязало страны-участницы разорвать дипломатические отношения с Испанией Франко. Это была ответная реакция, возможно, не совсем справедливая (учитывая косвенную поддержку, оказанную испанским нейтралитетом победе союзников), против авторитарного характера испанского режима. Голосование прошло при противодействии Соединенных Штатов, хорошо понимавших стратегическое значение Испании, но при решительной поддержке группы коммунистических стран, Франции и социал-демократий Северной Европы. Изоляция создала трудности для испанского режима, но не заставила Франко капитулировать перед требованиями возвращения к демократии. Холодная война подтвердила прогнозы, родившиеся еще в 1942–1943 гг., о том, что в ситуации конфликта стратегическая позиция Испании рано или поздно вновь станет полезной. Поэтому Франко избрал политику выжидания.

ния, решив поставить все карты на бесспорный антикоммунизм своего режима, на хорошие отношения со значительной частью католической иерархии и, прежде всего, на развитие отношений с Соединенными Штатами.

Именно эта последняя карта была козырной: начиная с 1950 г. она ослабила остракизм, которому подвергалась Испания, сделала возможной постепенную нормализацию её дипломатических отношений с остальной Европой (в улучшении и без того прекрасных отношений между Испанией и Латинской Америкой или между Испанией и арабскими странами не было необходимости) и поставила вопрос о возможном распространении на Иберийский полуостров западной оборонительной системы. Поскольку принципиальные соображения (то есть торжественные заявления в преамбуле, касающиеся защиты демократии) препятствовали тогда вступлению Испании в Атлантический пакт, то многократно дискутировался вопрос о Средиземноморском пакте, охватывающем это море от одного края до другого. Эта идея была предложена Бевином в 1948 г. и вновь выдвинута Трумэнном в феврале 1949 г., однако она приобрела конкретные очертания после просьбы Греции и Турции о вступлении в НАТО в 1951 г. Никаких конкретных решений в этом направлении принято не было, но вопрос о кооптации Испании был уже открыто поставлен, и после переговоров, длившихся два года, получив полную поддержку Великобритании и Франции, завершился 26 сентября 1953 г. подписанием военно-экономического соглашения сроком на десять лет с возможным продлением. В соответствии с ним Испания получала экономическую и военную помощь и предоставляла Соединенным Штатам в аренду необходимую территорию для строительства определенного числа военных баз (на тот момент — четырех) и возможность использовать портовые сооружения, которые подлежали восстановлению за счет американского правительства. Таким образом к атлантической оборонительной системе в одной из ее стратегически наиболее уязвимых зон добавлялся важный элемент (в отношении которого также и Советский Союз проводил осторожное зондирование).

Другой успех, менее прочный, однако не менее важный, был достигнут применительно к Югославии. После разрыва между Москвой и Белградом западные державы сразу же осознали потенциальное значение этого изменения, которое фактически представляло собой единственный настоящий случай *«roll back» ante litteram*. В течение некоторого времени президент Тито не проявлял желания отойти от своих традиционных интернационалистских позиций, но когда его стране стало непосредственно угро-

жать как проникновение просоветских элементов, так и обсуждавшаяся возможность нападения со стороны Болгарии, поворот совершился быстро.

Уже в ноябре 1951 г. Югославия вошла в число стран, получавших американскую военную помощь. Однако надежды возлагались и на возможность подтолкнуть Тито в направлении более четкой ориентации на создание союза с Грецией и Турцией, который дал бы жизнь балканскому блоку, косвенно связанному с НАТО. На пути достижения этой цели существовало, однако, важное препятствие, которое представляла проблема Триеста. Хотя западные державы и хотели заключить соглашения с Тито, все-таки отсутствие решения по Триесту ставило проблему выбора между лояльностью по отношению к обязательствам перед таким верным союзником, как Италией, или надеждой, возлагаемой на представителя международного коммунизма, хотя и ставшего раскольником.

Именно эти колебания привели три страны (Грецию, Турцию и Югославию) к подписанию 28 февраля 1953 г. всего лишь договора о дружбе и взаимном сотрудничестве и одновременно к активизации усилий по достижению компромисса в отношении Триеста. В этом контексте формула, представлявшаяся наиболее очевидной, подсказывалась фактами, а именно — отказ от «Свободной территории Триест», предусмотренной мирным договором 1947 г., и разделение самой территории на две зоны (зона «А», оккупированная союзниками, и зона «В», оккупированная югославами), предназначенные, соответственно, для Италии и для Югославии.

Это не был компромисс, способный вызвать энтузиазм у тех, кто, как многие итальянцы, все еще ожидали выполнения предвыборных обязательств¹, данных Францией, Великобританией и Соединенными Штатами 20 марта 1948 г., содержавших обещание возвратить Италии всю территорию, на которой должна была возникнуть «Свободная территория Триест». Однако политический контекст 1953 г. настолько сильно изменился по сравнению с 1948 г., что никто на Западе не способствовал бы принятию решений, способных подтолкнуть Тито в «объятия» к Советскому Союзу. Поэтому идея разделения представлялась более реалистичной. Кроме того, ее достоинством было то, что она возвращала Италии город Триест, — этот символ неправомерного положения Италии в европейской системе, а в качестве проблемы — реликт периода Второй мировой войны. В сложившейся обстановке

¹ Имеются в виду парламентские выборы в Италии 18 апреля 1948 г. — *Прим. переводчика.*

правительствами Лондона и Вашингтона была с трудом достигнута договоренность послать (8 октября 1953 г.) двум заинтересованным сторонам ноту, в которой заявлялось о намерении вывести англо-американские войска из зоны «А» и передать эту территорию итальянской администрации.

В краткосрочном плане нота от 8 октября, не только не улучшила, но и обострила итальянско-югославские отношения. В Югославии состоялись антиамериканские демонстрации, и Тито заявил, что если итальянские войска войдут в зону «А», то это будет рассматриваться Югославией как «акт агрессии». Однако в ответ на эти волнения в начале ноября, в годовщину победы 1918 г.¹, прошли проитальянские демонстрации в Триесте, подавленные силами полиции с бессмысленной жестокостью (четверо погибших и тридцать раненых).

В более долгосрочном плане началось, однако, движение в направлении решения вопроса. Идея конференции пяти (Франции, Великобритании, Соединенных Штатов, Италии и Югославии) оказалась нереалистичной, хотя обе стороны готовы были считать заявление от 8 октября приемлемой отправной точкой. Вместо этого в ноябре 1953 г. начались параллельные переговоры в Лондоне, в ходе которых был достигнут компромисс.

5 октября 1954 г. в британской столице был подписан меморандум о соглашении, которое санкционировало разделение «Свободной зоны Триест» на две уже фактически существующие зоны, с некоторыми уточнениями границы в пользу Югославии. Каждой из двух зон управляла администрация, состоящая из двух заинтересованных сторон (которые только в ноябре 1975 г., подписав договор в Осимо, придали окончательный характер временным формулировкам меморандума о соглашении).

Сказанное позволяет понять значение, которое проблема Триеста оказывала на итальянскую, а также югославскую внешнюю политику и на стабилизацию порядка на Балканах. В самом деле, после того, как с пути было убрано это препятствие, переговоры по поводу новой редакции соглашения между Югославией, Грецией и Турцией возобновились и стороны смогли добиться успеха еще до формального соглашения по Триесту, благодаря подписанию 9 августа 1954 г. самого настоящего договора о союзе сроком на двадцать лет, который предусматривал взаимопомощь в случае нападения. Таким образом Югославия также оказывалась связанной с атлантической системой, хотя и косвенным образом, но,

¹ 3 ноября 1918 г. итальянские берсальеры высадились в Триесте, и в этот же день было подписано перемирие между Австро-Венгрией и Италией, на основе которого капитулировала австро-венгерская армия. — *Прим. переводчика.*

впрочем и весьма временным, поскольку годом позже поворот, произведенный Хрущевым в советской политике в отношении Югославии, и склонность Тито к нейтрализму лишили всякого смысла союз, созданный с трудом и за высокую политическую цену. Однако в 1954 г. такую быструю эволюцию невозможно было предвидеть, и, казалось, что балканский союз добавит новый элемент к совокупности соглашений, которыми были связаны страны, окружающие Советский Союз.

Что касается этих соглашений, то оптимальным вариантом был бы, вероятно, средиземноморский союз, который в тот момент мог бы включить, возможно, все страны, имеющие выход к этому морю. Однако наследие обид и старой вражды, которое разделяло многие страны, препятствовало в прошлом и в рассматриваемый период достижению такого максимального результата. Следовательно, путь частичных соглашений становился неизбежен. Теперь как Великобритания, так и Франция должны были заняться отношениями с арабским миром: темой, крайне сложной не только из-за существования израильской проблемы (которая в тот момент еще не стала элементом, доминирующим в общей ситуации в регионе), но также и из-за тяжелого наследия отношений Великобритании с ее прежними колониями, связанными с Лондоном старыми союзами, и в то же самое время не склонными поддерживать отношения с британским империализмом.

Такой же тяжелой была тема, связанная с наследием французского империализма в отношении Туниса, Алжира и Марокко, которые, не будучи тогда независимыми государствами, не принимались во внимание в качестве потенциальных субъектов договорных отношений. Это касалось и Ливии, независимость которой, полученная в 1950 г., и ставшая реальной 1 января 1952 г., сопровождалась сохранением сильного англо-американского влияния, ставшего очевидным после предоставления Великобритании нескольких небольших баз, а Соединенным Штатам — крупной военно-воздушной базы в Уилус-Филд, в центре пустыни Сахара. Но прежде всего это относилось к государствам, имевшим выход к Восточному Средиземноморью или соединявшим его с Персидским заливом и Индийским океаном.

9.4.4. «ОБОРОНА» БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Именно в отношении этого географического региона американская политика существенно отличалась от британской, и именно по этому вопросу произошел разлад в «особых отношениях» (*special relationship*) между двумя англосаксонскими странами.

В самом деле, англичане были склонны считать весь регион зоной своего преимущественного военно-политического влияния. При этом они не учитывали то обстоятельство, что еще в довоенный период Соединенные Штаты дали значительный импульс своему экономическому присутствию в регионе, в особенности благодаря капиталовложениям в нефтяную отрасль и имели в этом регионе две группы интересов: защита своих инвестиций и поддержание дружественных отношений со странами-производителями нефти.

Сложившаяся ситуация содержала противоречие, с которым должен был соотноситься план создания антисоветской оборонительной системы и на Ближнем Востоке. До тех пор, пока британцы имели надежные точки опоры, такие, как существование монархического режима в Египте, как позиции надежного и решительного союзника в Ираке и экономической гегемонии в Иране, американская администрация не предпринимала шагов, которые могли бы выявить различие интересов. Но когда в 1952 г. король Фарук был свергнут, иракский режим начал демонстрировать меньшую надежность по отношению к ожиданиям британцев, а Мосаддык в 1951 г. бросил вызов Великобритании, национализировав Англо-иранскую нефтяную компанию, потребность в дистанцировании стала более очевидной.

Весной 1953 г. Даллес предпринял длительное путешествие по ближневосточным столицам и вернулся с более ясным пониманием ситуации. Еще ранее по инициативе англичан было создано Объединенное командование для Ближнего и Среднего Востока (MEDO, *Middle East Defense Organization*), в центре внимания которого был Египет. После этого американцы проявили инициативу по реставрации власти иранского шаха (сторонники Мосаддыка вынудили его бежать из страны); он был восстановлен на троне благодаря участию американских спецслужб в обмен на новое соглашение по нефти, в котором интересы британцев были подчинены интересам Соединенных Штатов. Даллес все же считал, что его страна должна избегать прямого вмешательства: следовало, с его точки зрения, ограничиваться поддержкой извне различных инициатив, исходящих от стран региона, благодаря которым должны возникнуть ближневосточный союз и союз стран северной части арабского мира, противостоящий Советам (тогда использовалось выражение *Northern Tier-Северный Ярус*).

Ядром этой конструкции должен был стать турецко-пакистанский договор о союзе (эмбрион Северного Яруса), подписанный 2 апреля 1954 г., к которому 24 февраля 1955 г. добавился так называемый Багдадский пакт между Ираком (где прозападные силы

восстановили контроль над ситуацией) и Турцией. К этому договору впоследствии присоединились Великобритания (30 марта), Пакистан (23 сентября) и Иран (3 ноября). Багдадский пакт должен был стать прочной основой союза, который, включив Египет, полностью закрыл бы Советскому Союзу выход к Средиземноморью.

Однако Египет переживал тогда период глубоких изменений, касавшихся его внутренней жизни, его отношений с Израилем, его отношений с Западом, а также отношений с Советским Союзом. Участие полковника Гамаль Абдель Насера в качестве одной из основных фигур в конференции неприсоединившихся стран, состоявшейся в апреле 1955 г. в Бандунге, было свидетельством отказа нового египетского режима от участия в блоковых союзах. Насер являлся борцом за независимость арабского мира, но это приводило к противоречиям с другими странами региона, в который он вносил элементы нестабильности, что вызывало беспокойство американцев.

Поэтому, хотя Багдадский пакт был создан под руководством американцев и должен был потом превратиться в эмбрион оборонительной организации СЕНТО (*CENTO, Central Treaty Organization*, созданной в 1959 г. и названной «Центральной», чтобы подчеркнуть центральное географическое положение по отношению к атлантической и тихоокеанской зонам), Соединенные Штаты выбрали путь взвешенной и не слишком открытой внешней его поддержки. Такая поддержка не должна была вызывать недовольство британцев и разочарование единственной арабской страны — Ирака, который ради участия в союзе 1955 г. отказался от пан-арабской солидарности, что привело внутри страны в 1958 г. к падению хашемитской монархии и прозападного правительства и к созданию пронасеровской республики. Таким образом из региона с исключительной гегемонией англичан Ближний Восток превращался в регион, раздираемый спорами. Однако главными участниками спора были не только Советский Союз и западные державы, а все страны Ближнего Востока со своими специфическими чертами и со своими особыми проблемами. Суэцкий кризис осени 1956 г. со всей очевидностью высветил сложность проблемы и трудности проведения слишком четких демаркационных линий.

Система союзнических пактов, к которой стремился Даллес, дополнялась в Тихоокеанском регионе уже существовавшим пактом АНЗЮС, то есть союзом Соединенных Штатов с Австралией и Новой Зеландией (заключенным 1 сентября 1951 г.), к которому 8 сентября 1954 г. добавилась СЕАТО (*SEATO, South East Asia Treaty Organization* — Организация договора о Юго-Восточной

Азии). СЕАТО стала организационным оформлением договора о взаимной обороне, который подписали в Маниле представители восьми стран: Соединенных Штатов, Франции, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Филиппин, Таиланда и Пакистана.

Договор являлся политическим ответом Даллеса на поражение французов в Индокитае и на результаты Женевского совещания (см. ниже), поскольку, хотя он и мало что добавлял к военной силе, уже задействованной предыдущими союзами (фактически только Филиппины и Таиланд не были связаны международными правовыми обязательствами с американской системой), но с политической точки зрения он менял многое. В самом деле союз был создан по образцу Атлантического пакта, его предстояло организовать по модели НАТО. В качестве центрального положения новый договор имел статью 4, определявшую зоны, которые обеспечивались гарантиями Союза. Среди них были Малайя и Британское Борнео (в то время как Тайвань и Гонконг не были включены), а также Лаос, Камбоджа и Южный Вьетнам, то есть зоны, бывшие несколько недель назад ареной антифранцузской партизанской войны, а в южной части Вьетнама, согласно Женевскому компромиссу, в течение двух лет должны были состояться выборы для решения вопроса о будущем страны.

«Разъяснительная декларация», с которой американское правительство выступило вслед за подписанием договора, поясняла, что обязательство вмешательства вступало в силу только в случае коммунистической агрессии или нападения. Это была прямая оговорка, призванная убедить Индию в том, что присутствие Пакистана среди участников не характеризует СЕАТО как союз, потенциально расположенный к поддержке исламского государства в возможной войне против Индии. В действительности настоящий смысл договора правильно выразил некоторое время спустя президент Эйзенхауэр, когда 25 октября 1954 г. пообещал президенту Южного Вьетнама прямую американскую помощь в создании государства, «действительно прочного, способного противостоять поползновениям подрывных сил или вооруженной агрессии». Это было первым проявлением самостоятельного по отношению к Франции выбора Соединенных Штатов во Вьетнаме, а также первым шагом на пути, который приведет Соединенные Штаты к тяжелым испытаниям.

Являлись ли различные проявления политики союзов, которую осуществлял Даллес (тогда полемически говорили о «пактомании»), только расширением сферы действия прежней политики? Только способом окружить Советский Союз, а не отразить его нападение? Эти элементы столь явно присутствовали в дипломати-

ческой деятельности Даллеса, что было бы невозможно отрицать их существование. И все же анализ политики Даллеса, ограниченный этими, так сказать традиционными, аспектами, уловил бы лишь одну сторону в эволюции международной деятельности Соединенных Штатов. Действительно, холодная война выходила за пределы Европы и постепенно от нее отдалялась. Однако это не должно вводить в заблуждение. Даллес был также в достаточной степени реалистом для того, чтобы стремиться уловить новые импульсы, исходившие из советского мира. Смерть Сталина глубоко изменила общую картину, и хотя Даллес никогда не отказывался от своих оборонительных тезисов и своего закоренелого недоверия, он не уклонялся от попытки возобновить диалог между великими державами, а в 1955 г. — от попытки придать этому диалогу какую-то конкретную форму.

Колебания или двойственность американской внешней политики проистекали из противоречий, существовавших между проектами и возможностью конкретных действий; к тому же они были в значительной степени результатом вмешательства в работу администрации комиссии сената по деятельности правительства, которая под руководством сенатора Джозефа Маккарти приобрела характер злобного преследования всего, что имело хотя бы отдаленную связь с коммунизмом. Между 1950 и 1953 гг. она стала практически центром самой настоящей «охоты за ведьмами», отравлявшей американскую политическую жизнь почти всегда необоснованными подозрениями с явно реакционными акцентами во имя защиты национальных интересов. Достаточно вспомнить, что Маккарти упорно боролся даже против назначения в качестве посла в Москве Чарльза Болена, одного из крупнейших экспертов по советским проблемам в американской дипломатии, которого поддерживали Даллес и Эйзенхауэр. Еще во время пребывания у власти администрации Трумэна Маккарти удалось породить страхи и распространить инквизиторские методы, сильно навредившие делу американской демократии.

Только Эйзенхауэр обладал достаточным политическим влиянием для того, чтобы вывести из игры персонаж, который стал мешать в момент, когда отношения с СССР надо было строить на других основаниях. Когда Маккарти заявил претензии на проверку лояльности вооруженных сил, главой и видным политическим представителем которых был Эйзенхауэр, президенту удалось добиться того, чтобы следственные методы самого сенатора были подвергнуты расследованию. Маккарти вышел из него политически уничтоженным, вынужденным по телевидению выявить свою подлинную сущность беспринципного демагога. Но тем

временем дух антикоммунистического преследования, посеянный им, оставил свои следы. По предложению Хьюберта Х. Хэмфри (одного из представителей либерального крыла демократической партии), Конгресс разработал законодательство, которое практически ставило вне закона американскую компартию; законодательство, позднее фактически выхолощенное Верховным судом Соединенных Штатов, однако оказавшееся достаточным для того, чтобы прекратить всякую организованную деятельность коммунистической партии в Соединенных Штатах.

9.5. Борьба за сталинское наследство и «десталинизация»

2.5.1. «КОЛЛЕГИАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО»

В последние месяцы жизни Сталина проявления жесткости в его политической деятельности еще более усилились. Становясь все более недоверчивым и подозрительным, он дошел до того, что отдалил самого Молотова, считавшегося его естественным преемником, назначив на это место Маленкова, а министром иностранных дел Вышинского. Маршал Ворошилов, герой войны (без особых военных заслуг) был подвергнут опале с обвинением, что он является британским шпионом. Сотни тысяч человек, едва попавших под подозрение, оказались в тюрьмах и были осуждены на длительные сроки заключения в системе ГУЛАГа.

Самый острый и выходящий за всякие рамки момент репрессий был наступил 3 января 1953 г., когда «Правда», орган КПСС, объявила о раскрытии заговора и аресте определенного числа лиц, среди которых было 15 врачей, в основном евреев, обвиненных в убийстве «ряда советских руководителей, в том числе — Жданова». Два врача умерли под пытками, другие признались в преступлениях, которых они не совершали, и были освобождены через несколько недель после смерти Сталина.

В *окружении* диктатора соперничество становилось все более острым, все стремились занять положение, выгодное для будущего. За пределами Советского Союза немногие поняли, что среди восходящих звезд особенно блистала фигура Никиты Хрущева. Последний отдавал себе отчет в том, что Сталин больше не контролирует полностью свою умственную деятельность. Говоря его словами: «В оркестре каждый играл на своем инструменте когда хотел, но дирижер уже перестал дирижировать». В подобной обстановке любые заговоры и любые предательства приобретали правдоподобие.

Однако такое положение вещей не омрачило в советском общественном мнении и в глазах *мирового* коммунизма культ, который удалось создать вокруг себя Сталину, как всякому другому тоталитарному диктатору, однако с большей решительностью и напыщенностью, усиленный ореолом, приданным великой победой 1945 г., а также связанный со строгим и закрытым стилем жизни. Ярко выраженный культ, окружавший Сталина в восприятии советских людей и всего коммунистического мира, окутывал его мифологическим сиянием недоступности, придавал диктатору в одно и то же время осязаемое выражение власти, надежды и ужаса — нечто сверхчеловеческое, по отношению к которому у людей есть единственная обязанность: подчиняться. Лишь несколько десятилетий спустя после его смерти историки смогут поставить вопрос о величии и чувстве меры Сталина; лишь в течение немногих десятилетий его противоречивые действия рассматриваются уже не как выражение изощренной тактики, но как глубокая неуверенность в стратегии.

Смерть личности столь крупного масштаба неизбежно возымела болезненные последствия. Те, кто привыкли подчиняться или плести заговоры, неожиданно оказались перед необходимостью принимать решения. Это было новое состояние людей, которое не меняло и не могло изменить природу системы, созданной Сталиным, но которое наделяло «руководителей» в новой ситуации большой ответственностью, понимаемой и переживаемой по-разному в зависимости от их отношений в прошлом с диктатором и от различий в способностях осмыслить возможность формирования новой власти, достаточно сильной для того, чтобы справиться с трудностями переходного периода.

В целом, советская экономическая и политическая система основывалась на полной централизации решений в области экономической политики и на распределении инвестиций безоговорочным суждением руководителей КПСС. Это система была направлена на рост, ведомый не невидимой рукой рынка, а видимой рукой государства (то есть партии). Гигантская бюрократия руководила деятельностью этой системы на основе критериев, ставивших на первый план развитие тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса, привлекая в эти предприятия все больше капиталов и рабочей силы, не учитывая адекватным образом возможностей, предоставляемых ростом производительности труда и использованием новых технологий. И все это в ущерб производству потребительских товаров. Поэтому проблема издержек производства была подчинена необходимости достижения определенных целей в количественном, а не в качественном

отношении. Тотальная монополия государственной промышленности, уничтожая всякую возможность конкуренции, довершала характеристику системы: системы, изолированной от остального мира, самодостаточной, но уже с противоречиями, которые в долгосрочном плане угрожали ее существованию, поскольку нехватка человеческих ресурсов и падение нормы накопления были неизбежны в отсутствие необходимого роста производительности труда и в условиях распределения инвестиций скорее по политическим, чем по экономическим соображениям.

Сам Сталин и некоторые его наследники отдавали себе отчет в этих проблемах, но механизм, созданный за годы пятилетнего планирования, оказался настолько мощным, что его трещины не были достаточно заметны для того, чтобы сформировалось четкое понимание необходимости систематического и радикального вмешательства. Многие деятели в последующих постсталинских правительствах намеревались проводить реформистскую политику, но никому это не удалось.

Новая руководящая группа организовалась в два этапа: один — непосредственно после смерти Сталина и другой — спустя две недели. Сильно упрощая, можно сказать, что сложился союз между Хрущевым, Маленковым и Берия; Молотов возобновил членство в Политбюро ЦК КПСС, и от Вооруженных сил присоединился маршал Николай Булганин. Маленков стал председателем Совета министров и в качестве такового приобрел положение, ставшее доминирующим в политическом плане. Рядом с ним было четыре заместителя председателя: Берия, министр внутренних дел, Молотов, министр иностранных дел, Булганин, министр обороны и Лазарь Каганович, отвечавший за экономические вопросы. Маршал Ворошилов был возвращен из забвения и назначен главой государства¹; маршал Жуков, чей военный авторитет отеснял Сталина в тень, был назначен на должность заместителя Булганина. Хрущев, вместе с Михаилом Суловым и другими, возглавил руководство партией еще до назначения Маленкова, чтобы показать, что он был творцом компромисса, давшего жизнь «коллегиальному руководству». 16 апреля «Правда» утверждала, что «коллегиальность» является фундаментальным принципом партийного руководства и критиковала тех, кто мог бы нарушить этот принцип.

За показным единодушием при принятии решений скрывалось, однако, острое столкновение по поводу выбора основных

¹ К.Е. Ворошилов в 1953–1960 гг. являлся председателем Президиума Верховного Совета СССР. — *Прим. переводчика.*

целей. Как это происходило до установления Сталиным своего неоспоримого господства, и как с тех пор почти всегда происходило в советской жизни, руководящая группа провела внутреннюю дискуссию, которая в других странах приняла бы форму плюралистического сопоставления взглядов существующих политических течений. В общем, отдавая себе отчет, что это разделение упрощает гораздо более сложную и богатую личностными аспектами реальность, можно сказать, что в новом советском руководстве существовало прежде всего сильнейшее личное соперничество, как, например, противостояние Маленкова Молотову, бывшему предполагаемому наследнику Сталина, принесенному в жертву по воле диктатора. Однако наиболее важными были расхождения по поводу выбора основных целей в сфере экономики и внешней политики Советского Союза. В сфере экономики группа технократов и политиков во главе с Маленковым и Берия предлагала ревизию основных целей в ущерб накоплению ресурсов в области тяжелой промышленности и в пользу больших инвестиций в легкую промышленность и в сельское хозяйство. В международном плане это должно было привести к поиску диалога и, следовательно, к отказу от того, чтобы считать неизбежным столкновение между социалистическим лагерем и капиталистическим.

Противоположную позицию, т.е. консервативный выбор пути, олицетворял Молотов, который был связан со сталинским опытом, ориентированным на то, чтобы оставить без изменения систему приоритетов в экономической политике и поэтому склонный к продолжению жесткого противостояния по отношению к Западу. Среднюю позицию, отдававшую предпочтение постепенному процессу приспособления с обновлением фасада: более мягкую по форме, но по существу такую же непримиримую в отношении Запада (она выступала за коллективное осуществление власти, но за сохранение преобладания тяжелой промышленности, хотя и с некоторыми решениями в пользу роста производительности сельского хозяйства) олицетворял Хрущев; его поддерживали военные, с которыми он предусмотрительно объединился в целях укрепления собственной власти.

Это столкновение-дискуссия продолжалось примерно полтора года, вплоть до конца 1954 г., и завершилось поражением Маленкова. Однако короткий период эксперимента Маленкова был чрезвычайно важен в качестве модели или парадигмы для всякого последующего советского опыта, вплоть до эпохи Горбачева, поскольку впервые конкретно и диалектически были поставлены проблемы, которые Сталин решал авторитарным и личностным методом. Таким образом характер советской политической жизни

утрачивал часть тех бесчеловечных аспектов, которые проявились в годы сталинского террора, хотя власть партии оказалась как никогда усиленной, гегемония без дискуссий и без терпимости в отношении согласия будет продолжаться в формах, часто не сильно отличающихся от сталинских, хотя и менее волюнтаристских и менее связанных с капризами дряхлого диктатора.

В чисто политическом плане первой жертвой столкновения стал Берия. 10 июля 1953 г. «Правда» сообщила о его аресте, за которым последовало несколько месяцев молчания, а затем, накануне Рождества того же года, — сообщение о приведении в исполнение приговора к смертной казни в отношении министра внутренних дел и шести его сотрудников. Берия являлся главой политической полиции с 1939 г. и в качестве такового нес главную ответственность за создание вместе со Сталиным режима террора и поддержание порядка внутри страны в трудные послевоенные годы. Об обстоятельствах его ареста в то время распространялось много версий. Главное обвинение, предъявленное ему, помимо типично сталинского обвинения в том, что он — агент на службе у иностранного капитала, состояло (и это было более правдоподобно) в подготовке государственного переворота.

Документы, опубликованные в последние годы, позволяют дать более правильное политическое объяснение. Берия, который, конечно, не был выдающимся либералом, считал, однако, необходимым, чтобы Советский Союз принял некоторые меры, предназначенные для смягчения недовольства в странах Восточной Европы, из которых постоянно поступали тревожные сигналы. Возвращаясь отчасти к направлению, которого придерживался Сталин, он ставил в центр германский вопрос и, хотя не очень отчетливо, оценивал деятельность Вальтера Ульбрихта по все более ускоренному социалистическому преобразованию Восточной Германии как ошибку. Она, по его мнению, породила недовольство, проявлявшееся в уходе восточных немцев на Запад. Эта политика препятствовала продолжению попыток Сталина избежать интеграции Федеративной Республики в западную оборонительную систему, и побудить принять предложение о воссоединении в условиях «буржуазного» режима, нейтрального и нейтрализованного (то есть открытого для советского давления).

В первые дни июня 1953 г. идеи Берия возобладали, и Советскому Союзу удалось убедить Ульбрихта издать постановления о замедлении насильственной коллективизации в сельском хозяйстве и некоторой перестройке полицейского режима. Это был очень смелый политический расчет, как это сразу же стало очевидно. В самом деле, едва правительство Восточного Берлина со-

общило о смене курса, в самом Берлине, а затем во всей Восточной Германии началась серия забастовок, в которых участвовали сотни тысяч рабочих и которые вынудили вооруженные формирования режима ГДР и советские войска к жесточайшим репрессиям, приведшим к гибели сотен людей и к резкому повороту политического курса. Ульбрихт удержал власть в Восточной Германии, поскольку не скрывал своего недоверия в отношении советского диктата, однако политическое поражение стало тем предлогом, который позволил сразу же выместить на Берия все враждебные чувства, которые скопились против него в течение его жизни. Тот факт, что опорой насильственного смещения министра внутренних дел была армия, союзница Хрущева, заинтересованная в уменьшении власти политической полиции, возглавляемой Берия, сам по себе говорит о многом. А то обстоятельство, что в последующие месяцы очень энергично обсуждалась тема «социалистической законности», подчеркивает значение, которое хотели придать на этом этапе перераспределению власти.

*9.5.2. «КОЛЛЕКТИВНОЕ РУКОВОДСТВО»
И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. ОСТОРОЖНАЯ РАЗРЯДКА?*

Непрочность и слабость его личной власти не препятствовали Маленкову продвигать с определенной решительностью свою экономическую программу. 8 августа 1953 г. он выступил с важной речью в Верховном Совете, речью, в которой доминировали вопросы внешней политики, но которая также характеризовалась новаторскими подходами во внутренней политике. Основные намеченные проблемы новое правительство намеревалось поставить решительным образом. Необходимо, говорил Маленков, придать новое значение потребностям потребителей, поднять уровень жизни, а для этого — увеличить сельскохозяйственное производство. Следовало также расширить доступность товаров широкого потребления. Маленков подчеркивал тот факт, что СССР обладает «мощной и технически превосходной тяжелой промышленностью», и отмечал: «До сих пор мы не имели возможности развивать легкую и пищевую промышленность такими же темпами. В настоящий момент мы можем это сделать и, следовательно, обязаны, с целью обеспечить более быстрое улучшение материального и культурного уровня жизни народа, любыми способами ускорить развитие легкой промышленности».

Таким образом тема благосостояния народа была поставлена в центр нового правительственного курса, что означало явный поворот по отношению к прошлому. С этого момента соотношение

между глобальным ростом советского ВВП и производством товаров потребления стало одним из критериев как измерения эффективности деятельности правительства, так и оценки ее общих направлений. Однако на том этапе все происходило еще в рамках проекта реформ, нисколько не менявшего концепции, на которой строилась советская экономика. Поэтому дискуссия быстро (и вовремя) превратилась в техническую дискуссию о формах оптимизации производства и развивалась в соответствии с приоритетами, которые Маленков четко наметил в 1953 г., но от которых его преемники позднее дистанцировались.

В плане внешней политики последствия поворота были многозначительными. Маленков восхвалял советскую мощь, которая возросла с производством водородной бомбы, но придавал своим словам отчетливо пацифистский и направленный на уменьшение международной напряженности характер. Он долго говорил об изменениях, произошедших после смерти Сталина, и об атмосфере надежды, распространившейся в мире: «Наше глубокое убеждение состоит в том, что в настоящее время не существует нерешенного или спорного вопроса, который не может быть решен мирным путем посредством взаимного соглашения между заинтересованными сторонами... Мы — за мирное сосуществование между двумя системами».

Это был тезис, который Маленков поддерживал вплоть до занятия 12 марта 1954 г. позиции (противоположной мнению военного руководства и значительной части политической номенклатуры СССР), содержащей утверждение, что ядерная война была бы катастрофой для всего человечества, потому что означала бы его конец. Тезис, который несколько месяцев спустя, когда власть председателя правительства стала ослабевать, был опровергнут как Хрущевым, так и Ворошиловым — они утверждали, что ядерная война приведет прежде всего к окончательному уничтожению капитализма.

Эта атмосфера, которую передал советский писатель Илья Эренбург в своем романе «Оттепель» (начиная с его названия), не случайно появившемся в 1954 г., была воспринята во всем мире. Ситуации, тянувшиеся годами, находили быстрое разрешение; открывались новые сферы для дискуссии. Не всегда это проходило в спокойной обстановке и без полемики. Устремления немногих в коллективном руководстве с трудом одерживали верх над менталитетом многих, испытывавших ностальгию по сталинизму. И все-таки все месяцы, начиная с весны 1953 г. до второй половины 1955 г., были отмечены явным стремлением мирно решать разногласия, а не обострять их.

Во внешней политике «коллективного руководства» доминировал прежде всего поиск диалога с Западом: с позиций силы и без мысленных оговорок в те месяцы, когда у власти был Маленков; с позиций силы и с многочисленными мысленными оговорками — после начала гегемонии Хрущева. Еще более интересно отметить, что в то время, как Сталин концентрировал свое внимание преимущественно на европейских проблемах или на аспектах, связанных с прямым столкновением с Соединенными Штатами, его преемники сразу же расширили круг своих интересов. Ощущение того, что ситуация в Европе уже стабилизировалась, формирование движения неприсоединившихся стран и начало этапа быстрой деколонизации казалось выдвигали и перед Советским Союзом новые проблемы. Поэтому его международная политика быстро приобрела глобальный масштаб, которого никогда не было при Сталине, и его дипломатия с большей уверенностью и другими интонациями заявила о себе в Средиземноморье, в Африке, в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Восточной Азии, в Китае и в Тихоокеанском регионе. В определенном смысле собиралось державное наследие, оставленное Сталиным: поскольку европейский фронт был укреплен (допуская, что дело обстояло именно так), можно было посмотреть на будущее СССР уже не как на будущее сверхдержавы, ограниченной Евразией, но как сверхдержавы, способной заставить считаться с собой во всем мире.

Можно было бы заметить, что расширение сферы интересов входило в противоречие с декларировавшимися намерениями в отношении Запада, направленными на разрядку международной напряженности. В действительности это замечание не лишено основания, и оно указывает границы, в которых могла развиваться политика доброжелательных отношений с западным союзом. В самом деле, именно расширение горизонтов делало невозможным в те годы и равное с Западом присутствие Советов в экономическом и военном планах. Речь шла о стремлении быть действительно глобальной державой, при котором, однако, следовало считаться с реальными фактами, и которое вступало в противоречие с тем обстоятельством, что Соединенные Штаты уже являлись глобальной державой, экономически присутствующей во всем мире и в военном отношении все еще опережавшей СССР на несколько лет.

Таковы были «новые границы» биполярной системы. Кое-кто захотел видеть в ней продолжение логики холодной войны. Хотя эпизоды, для которых была характерна эта логика, повторялись в последующие годы с разной степенью интенсивности, и хотя со-

ветская политика может быть истолкована как ответ на политику Даллеса, — создание системы союзов вдоль всей границы зоны советского влияния, эти новые границы придавали новый смысл и новое значение биполярному столкновению. Приближались годы сосуществования-конкуренции: все еще противостояние, но смягченное стремлением к сосуществованию.

Первым проявлением новых советских ориентаций стало разблокирование (которого, впрочем, хотел и Эйзенхауэр) переговоров по перемирию в Корее. Прерванные уже давно, они возобновились 20 июня 1953 г., в том числе и благодаря инициативе советской стороны, и 27 июля завершились подписанием перемирия в Паньмыньчжоне.

В своей речи от 8 августа Маленков заявил, что Советский Союз отказывается от своих требований в отношении Турции, датированных 1944 г. Одновременно были возобновлены нормальные дипломатические отношения с Югославией и Грецией. Было заявлено о добрых намерениях в отношении Ирана, Индии, Пакистана, Афганистана и всех стран западной системы.

25 января 1954 г. началось Берлинское совещание министров иностранных дел четырех великих держав, оккупировавших Германию. И хотя у него не было главной цели, совещание стало важным поворотом, неохотно принятым Даллесом. С первого дня работы Молотов предложил, чтобы на втором этапе было созвано совещание пяти (с участием Народного Китая) для обсуждения главных тем международной разрядки. Предложение было пересмотрено во время работы совещания из-за отказа Даллеса согласиться на встречу, которая означала бы косвенное признание Народного Китая американской стороной. Однако в конце совещания была найдена компромиссная формула, касающаяся необходимости обсудить мирный договор с Кореей, созвав 26 апреля в Женеве совещание с участием всех сторон, заинтересованных в разрешении корейского конфликта, но также и индокитайского вопроса. Компромисс был найден в формуле, которая отделяла приглашающие державы от приглашенных, с уточнением, что участие в работе последних (то есть Народного Китая и Северной Кореи) не будет означать дипломатического признания этих двух стран. Несмотря на эту оговорку, результат был важным, поскольку Даллес признал, что нельзя обсуждать корейский вопрос без участия Китая, а французы признали, что вопрос об Индокитае уже стал международной проблемой, а не только внутренней проблемой французской колониальной системы.

Совещание в Женеве начало свою работу в момент наиболее острой политической дискуссии во Франции по ЕОС. Оно долго

и безуспешно обсуждало корейский вопрос. Обсуждало все так же безуспешно проблему Индокитая до тех пор, пока во Франции Пьер Мендес-Франс не был назначен председателем Совета министров. Хотя здесь не место для анализа данной темы, следует, однако, подчеркнуть, что прибытие Мендес-Франса в Женеву дало толчок переговорам. После серии контактов на высшем уровне 20–21 июля был подписан пакет соглашений между Францией и различными антагонистами ее господства во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

С точки зрения общего соотношения сил между державами Женевские соглашения отражали новые условия, вытекавшие из переходного периода в системе международных отношений. Тот факт, что совещание состоялось и было завершено конструктивным образом в отношении по крайней мере одной из двух дискутировавшихся тем, само по себе являлось позитивным моментом. После мирных договоров 1947 г. и перемирия в Корее впервые конфликтующие стороны достигли компромисса по важному вопросу.

Участие Китайской Народной Республики подтверждало ту роль, которую она уже приобрела в жизни Азии. Это еще не было всеобщее признание, а, напротив, признание, жестко оспариваемое Соединенными Штатами, однако умеренность министра иностранных дел Чжоу Эньлая показала, что Китай мог также играть решающую роль в Азии, роль, которую его соседи — такие как Индия, Вьетнам и сам Советский Союз — не могли не учитывать. Великобритания до конца выполнила свою задачу посредничества и установления равновесия. Ее вклад был ценен и немало способствовал ее сближению с Францией, результаты которого станут очевидны вскоре, после провала договора о ЕОС.

Советский Союз подтолкнул вьетнамцев к компромиссу принесением в жертву немалых военных успехов. Советская дипломатия могла оценивать результаты как плод собственной деятельности. Даллес, которого на протяжении переговоров почти всегда представлял Уолтер Б. Смит, не препятствовал тому, чтобы примирение состоялось, как будто бы речь шла о событии, лишь косвенно касавшегося Соединенных Штатов. Однако они уже приготовились принять наследство (возможно, горькое) освобождения французов от своих обязательств и готовили подписание договора СЕАТО. Таким образом их отстраненность была лишь видимостью, прикрывавшей как намерение не иметь прямых дипломатических отношений с Народным Китаем — в момент, когда от Тайваня (при поддержке мощного китайского лобби) исходили протесты на высоком уровне по поводу уступок, сделанных

коммунистическим агрессорам — так и гораздо более существенное намерение заменить Францию, не принимая от нее непосредственное наследство, которое имело бы слишком сильный привкус «пещерного» империализма. В этом смысле их формальная отстраненность выражала одну из черт политики администрации Эйзенхауэра в отношении проблемы империализма. В 1954 г. никто не предвидел жизненно важного значения, которое вьетнамский вопрос приобретет для Соединенных Штатов несколько лет спустя.

9.5.3. ВОСХОЖДЕНИЕ НИКИТЫ ХРУЩЕВА

В сентябре 1953 г. Хрушев был избран Первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Контроль над политическим аппаратом реализовывался в виде формальной ответственности. Это был симптом ослабления Маленкова по отношению к его противникам, ослабления уже необратимого. Его предложения по экономической политике в большей степени, чем его международная деятельность (которая, впрочем, возглавлялась сталинистом Молотовым) противопоставили его партии и вооруженным силам. В декабре 1954 г. Маленков был практически смещен со своей должности, но формальное решение было принято Верховным Советом только в конце января 1955 г., когда Маленкова освободили от его обязанностей и назначили заместителем председателя Совета министров. Его пост занял маршал Николай Булганин, в министерстве обороны его заменил маршал Жуков. Это изменение означало возвращение правительства под полное руководство коммунистической партии с разрушением практики, которую пытался установить Маленков. Знаком перемен было то, что Маленкова не постигла участь Берия, и он не был сразу же подвергнут ostracismu, а лишь постепенно выведен из состава советской номенклатуры и в конце концов оказался в полной неизвестности.

Дуэт Булганин—Хрушев усилил деятельность предшествующего руководства в международном плане и в конце концов придал дипломатии СССР совсем новый темп. Если до тех пор главы правительства и партии в СССР весьма неохотно покидали страну, то большее равновесие властей позволило двум советским государственным деятелям развить бурную деятельность как по количеству инициатив, так и по числу предпринятых зондирующих поездок. Среди многочисленных путешествий, которые Булганин и Хрушев осуществили на первом этапе существования своего руководства, выделяются по крайней мере три эпизода: поездка

в Китай в конце 1954 г., поездка в Югославию в середине 1955 г. и поездка в Южную Азию в конце того же 1955 г.

Советско-китайский союз, с трудом создававшийся и с трудом существовавший даже в периоды военного сотрудничества во время войны в Корее, был одним из решающих моментов для международного положения СССР. Сталин не мог навязать Мао Цзэдуно определенную модель построения коммунизма. Мысль и деятельность Мао непосредственно следовала за практикой и китайской традицией. В стране таких размеров, как Китай, в которой аграрная проблема оказывала преобладающее экономическое влияние на все другие аспекты производительной жизни, было невозможно осуществить любой вариант быстрого создания тяжелой промышленности ценой массового уничтожения крестьянства. Согласно Мао, китайский способ производства мог быть изменен в первую очередь с учетом этой реальности, а не советской модели. Две великие страны разделяли также последствия Второй мировой войны, в финальной стадии которой националистический Китай заплатил весьма высокую цену за советское выступление против Японии. Союз 1950 г. отчасти сгладил противоречия, однако не решил все проблемы.

Сначала Маленков, а затем его преемники внимательно подошли к этому вопросу. Не прошло и четырех дней после смерти Сталина, как было заявлено, что советский посол в Пекине, карьерный дипломат, назначенный всего лишь за месяц до этого, заменяется Василием Кузнецовым, заместителем министра иностранных дел. Немного позже, 26 марта, было подписано торговое соглашение, переговоры о котором шли уже в течение многих месяцев и на базе которого Китаю предоставлялась дальнейшая финансовая помощь, оцениваемая историком Адамом Уламом как средство для того, чтобы избежать проявления Пекином открытого недовольства в отношении нового советского руководства. Дальнейший и более важный шаг в том же самом направлении был сделан как раз благодаря первому важному визиту за пределы СССР, совершенному Хрущевым и Булганиным.

Переговоры, предпринятые по этому случаю и завершившиеся 11 октября 1954 г., поставили главные темы во взаимоотношениях между двумя странами. Как и ожидалось, Советский Союз обязался вывести войска из базы в Порт-Артуре, хотя в соответствии с существующими соглашениями это должно было произойти после подписания мирного договора с Японией. Очень сложными оказались экономические переговоры. Был пересмотрен вопрос о советском участии в совместных компаниях по эксплуатации полезных ископаемых и обновлены условия дальнейшей выплаты

долгов (считается, что в общей сложности между 1950 и 1960 гг. Советский Союз предоставил Китаю кредиты на общую сумму два миллиарда долларов, однако по этим данным отсутствует однозначная документация). Большое значение имел также ряд научных соглашений, касавшихся обменов студентами и учеными и советской помощи Китаю в ядерных исследованиях. Критический аспект этой совокупности соглашений представляла, однако, нетерпимая позиция Хрущева относительно того, чтобы Китай оплачивал услуги, товары и оборудование, поставляемые из СССР. Братская помощь не была бескорыстной, и некоторые полагают, что именно сдержанность советской стороны способствовала зарождению у Мао Цзэдуна семян личной враждебности по отношению к Хрущеву; эти семена дали всходы несколько лет спустя.

С другой стороны, постоянное упорство, с которым Соединенные Штаты даже после Паньмыньчжона продолжали отказываться от признания Китая и поддерживать националистическое правительство, нашедшее убежище на Тайване (Формозе), в качестве единственного законного китайского правительства, толкало к соглашению. Напряженность стала уменьшаться лишь в 1955 г., после того, как в течение нескольких месяцев обсуждался вопрос о присутствии войск националистического Китая в виде гарнизонов на островах Куэмой и Мацзу. Эти острова находились вблизи побережья континентального Китая и поэтому на них предъявляло права пекинское правительство, однако Чан Кайши защищал их до последнего, превратив острова в залог и гарантию продолжения военного покровительства Соединенных Штатов и в препятствие для развития диалога между Вашингтоном и Пекином.

Начавшиеся тогда секретные переговоры между американцами и китайцами привели в сентябре этого же года к открытию дипломатического канала для поддержания контактов между двумя странами, фактически заложившего основы для последующих изменений. Это было, однако, трудным делом, поскольку националистический Китай и его сторонники в Соединенных Штатах чинили бесконечные препятствия любому сближению, опасаясь, что оно может привести к нормализации, так что только в 1968 г. было достигнуто соглашение о том, чтобы в Варшаве проходили периодические политические встречи между представителями двух держав (США и КНР).

26 мая 1955 г. Хрущев, сопровождаемый Булганиным и Анастасом Микояном, отправился в Белград и, проявив незаурядное нахальство, завершил пылкими объятьями с президентом Тито столь острый конфликт, разделявший обе страны с 1948 г. Вся ответственность была возложена на Берия, и Хрущев заверил Тито,

что компартия Югославии является настоящей марксистско-ленинской партией. Объятия, консультации и декларация о дружбе, завершившая визит, были важными успехами для Тито, который понял, что признана возможность «существования других форм социалистического развития». Югославский президент никогда не отказывался считать себя настоящим коммунистом, лишь по принципиальным соображениям столкнувшимся с СССР. Когда в июне он отправился с ответным визитом в Москву, атмосфера была еще более дружеская, и Тито пообещал, что Югославия всегда будет вместе с Советским Союзом ради победы коммунизма. Однако ни одно из этих выражений не следовало воспринимать буквально.

Примирение не означало также возвращения к зависимости. Тито, вероятно, не хотел никогда, за исключением моментов наибольших трудностей, считаться врагом Советского Союза, но претендовал на то, чтобы его признавали как одного из крупных лидеров мирового коммунизма, который сумел создать (с весьма ограниченным успехом, можно сказать сегодня) иную форму коммунизма, характеризующуюся самоуправлением, хотя эта формула никогда и не была реализована на практике. Кроме того, едва возникшие благодаря Балканскому союзу связи с Западом, хотя и были лишены военного содержания из-за примирения с Москвой и, кроме того, поворота Югославии к нейтралитету, никогда не прекращались в экономическом плане. Фактически Тито находился между двумя системами, обхаживаемый обеими, и готовый к оппортунистическим решениям или к внешним эффектам триумфов в третьем мире. В действительности, он всегда оставался связанным ситуацией внутри страны, для которой он придумал в то время ряд институциональных реформ, направленных на смягчение расхождений между этническими группами, но способствовавших, напротив, лишь затруднению их интеграции.

Третьей крупной поездкой, открывавшей перед советской политикой новые горизонты, был визит Хрущева и Булганина в Южную Азию 17 ноября — 21 декабря 1955 г. Этапами этой поездки были визиты в Индию, в Бирму и в Афганистан. Визит в Бирму был своего рода данью нейтральной позиции государства, которое было родиной У Тана, будущего генерального секретаря ООН; визит в Кабул был обязательным для нормализации отношений с соседом, важным для новой советской политики в отношении Индии. Самое большое значение имела поездка в Индию с посещением различных частей этого большого государства. В самом деле, она обозначила дальнейший этап перехода Неру с прозападных позиций первых лет его правления после рождения независимой Индии в 1947 г. к нейтралистским позициям 1955 г.,

вплоть до потенциально просоветских позиций, проявившихся именно начиная со встреч с советскими руководителями. Две страны сблизилась благодаря деятельности, которую Неру развернул, начиная с Корейской войны и позднее, предлагая свое посредничество в конфликте между коммунистической системой и Соединенными Штатами. Это посредничество с течением лет приобретало все более критический характер по отношению к Соединенным Штатам. Поэтому антиколониальные заявления Хрущева находили в Индии благодарную аудиторию, тем более что они сопровождались обещаниями технологической помощи и безусловной гарантией, которую Советский Союз давал своей мощью против участия Пакистана в Западном союзе.

В конце встреч был подписан ряд торговых соглашений, чрезвычайно обширных, и ряд политических соглашений, которые утверждали в конфликтных ситуациях нейтральные или же враждебные по отношению к Соединенным Штатам позиции: как, например, необходимость признания КНР и права Народного Китая на членство в ООН; право Китая на Тайвань; необходимость пунктуального выполнения Женевских соглашений; советская поддержка Индии, направленная против существования португальской колонии в Гоа; советская поддержка индийской позиции в конфликте с Пакистаном из-за Кашмира. В целом это были основы рождавшегося союза, который просуществует долго и будет отражаться на всей ситуации в Азии и, в особенности, на отношениях между СССР и Китаем, поскольку Китай и Индия были разделены пограничными конфликтами и вопросом о Тибете.

Могут ли эта активность и расширение перспектив, которое она открывала перед советской внешней политикой, быть сведены к трактовке этого этапа международных отношений как трехлетия разрядки? Не были ли они, напротив, проявлением активности, которая была направлена против интересов Соединенных Штатов и которая соответствовала во всех пунктах шагам Соединенных Штатов? Ответ на эти вопросы не может быть ни однозначным, ни окончательным. После смерти Сталина начался переходный период, результаты которого еще должны были созреть. Только в результате открытого проявления процесса десталинизации можно будет сделать первые выводы относительно этого периода.

Между тем на многообразии международной деятельности накладывалась борьба за власть внутри Советского Союза. На переходном этапе действия в международной сфере могли приобретать агрессивный и конфликтный характер лишь в результате ошибки. Их неудача могла лишь усугубить внутренние проблемы. Однако это не исключало динамизм. Более того, динамизм отмечал

две международные цели, важные для стабильного управления Советским Союзом: поиск постоянного компромисса для Европы и расширение советского присутствия во всей системе международных отношений. Речь шла о двух тесно связанных аспектах, хотя и необязательно не разделяемых. Более того, именно больший динамизм мог оправдать в глазах тех, кто испытывал ностальгию по сталинским «доблестям», уступки, которые в то же самое время делались Западу и представляли собой откровенные шаги в направлении разрядки.

*9.5.4. АВСТРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОГОВОР
И ЖЕНЕВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ 1955 г.*

После укрепления позиций Хрущева эти шаги стали еще более энергичными. Первой была решена австрийская проблема. Дискуссия вокруг мирного договора с Австрией тянулась безрезультатно с 1947 г. В качестве корректного в тот момент использовалось выражение «государственный договор», поскольку в точном смысле Австрия никогда не вступала в войну, став первой жертвой гитлеровской агрессии в 1938 г., и к началу военных действий уже более чем год не являлась субъектом международного права. Аншлюс был объявлен недействительным в 1943 г. во время Московской конференции, и это позволило создать после окончания военных действий временное, а затем свободно избранное австрийское правительство, в то время как территория республики подверглась четырехсторонней оккупации, аналогичной оккупации Германии, при которой Вена оказалась в том же положении, что и Берлин. Аналогия с Германией на этом и заканчивалась. Наличие единого правительства помогло Австрии избежать риска расчленения. Вопрос о мирном договоре, однако, остался отложенным до Женевского совещания 1954 г., когда эта тема вновь была рассмотрена. И хотя конкретных решений принято не было, был сформулирован тезис о том, что на основе мирного договора сама Австрия должна взять на себя обязательство придерживаться постоянного нейтралитета.

Переговоры продолжались вплоть до начала 1955 г., когда Советский Союз отказался от выдвижения в качестве условия для заключения договора по Австрии одновременное решение германской проблемы. Решающая и заключительная стадия переговоров, активными и энергичными участниками которых были австрийцы (в отличие от того, что происходило в 1945–1946 гг. в отношении других мирных договоров), началась в апреле 1955 г. и привела 15 мая к подписанию Государственного договора. Вопрос

о нейтралитете отсылался к решению, которое венское правительство обязывалось принять с помощью парламента. Текст договора содержал, напротив, откровенный запрет на поиск экономического и политического союза с Германией. Предусматривалось, что Австрии будут возвращены ценности, перемещенные в Германию, вместе с тем от Австрии не требовалось никаких репараций, а австрийское правительство отказывалось от предъявления аналогичных требований в отношении Германии или союзных держав.

В октябре, после завершения общего процесса ратификации договора, палаты австрийского парламента проголосовали за постоянный нейтралитет Австрии. Сразу после этого была распущена Союзная контрольная комиссия, и четырехсторонние оккупационные силы покинули австрийскую территорию. Это был случай, как утверждалось впоследствии, добровольного «отбрасывания», поскольку впервые советские войска добровольно ушли с территории «противника», оккупированной во время войны. В этом смысле, а также и по своему значению в целом Государственный договор принадлежал к категории решений, расширявших масштабы разрядки.

Впрочем, возможна и менее невинная трактовка. Советский Союз отказался от прямого контроля над государством, построенным по правилам рыночной экономики, которое не могло быть вовлечено в советскую орбиту. В то же время он, однако, вынудил вывести войска союзников и тем самым серьезно нарушил военную целостность атлантического фронта. Нейтральная Австрия разрывала связь между северным и южным флангами НАТО. При перемещении войск и военных ресурсов из Баварии в Италию и, наоборот, они не могли больше рассчитывать на путь через перевал Бреннер, а должны были преодолевать большое расстояние, в обход территории Австрии и Швейцарии. Время показало, что такая уловка оказалась излишней, но в 1955 г. она являлась ценой, которую Запад заплатил за разрядку.

Атмосфера оптимизма, созданная государственным договором, вписывалась в политику «доброй воли», которую старались проводить четыре великие державы. Её не могло разрушить ни завершение процесса интеграции Германии в НАТО, ни параллельное подписание Варшавского договора. Это были лишь формальные процедуры, предназначенные для закрепления на бумаге существующего уже в течение многих лет положения. Тот факт, что Австрийский договор был подписан на другой день после создания Варшавского пакта (14 мая 1955 г.), подтверждал возможность наложения новых явлений на старые.

В тот самый момент, когда маршал Булганин взял на себя власть, заменив Маленкова, он развернул широкую кампанию за мирное сосуществование. Реакция Запада была сначала осторожной, в особенности с американской стороны. Однако Даллес не исключал, что смена лидерства в Москве могла открыть путь к восстановлению «традиционной дружбы» между СССР и США. Дальнейшему улучшению ситуации способствовало решение Советского Союза отделить австрийский вопрос от германского, что открыло путь к Государственному договору. Иден возглавил сторонников нового международного совещания в верхах, которое породило бы, как в период после Первой мировой войны, новый «дух Женевы».

В этой обстановке в завершающие дни австрийских переговоров западная дипломатия выступила с предложением совещания в верхах глав государств и правительств четырех великих держав. В центре дискуссии должны были находиться германский вопрос и крупные проблемы, касающиеся вооружений. Начались размышления о результатах гонки за ядерное превосходство, начатой в 1950–1953 гг. Запад стал серьезно задумываться над тем, какое влияние новый советский политический курс будет оказывать на мировое общественное мнение. Обе системы уже сложились, но если советская система находилась под строгим контролем коммунистических партий и вооруженных сил, то западная система страдала от тактических слабостей, типичных для открытых и плюралистических режимов, особенно очевидных в периоды, когда становились популярными нейтралитет и неприсоединение.

Местом встречи, назначенной на 18–23 июля (хотя первоначальное предложение ограничивало встречу в верхах 21-м июля), была избрана Женева. Однако теперь речь шла о том, чтобы понять, будет ли совещание возможностью возобновить переговоры в стиле Второй мировой войны, изобилующие торгом и тщательно выверенными взаимными уступками, или же оно будет встречей в верхах, открытой для проявления общественных настроений, главной проблемой которой будет декларация в пропагандистском смысле относительно того, что холодная война закончена, и что у двух сторон нет больше причин бояться друг друга и противостоять друг другу, даже если в действительности они продолжали испытывать глубокое взаимное недоверие.

Намеченная повестка дня состояла из четырех пунктов: 1) объединение Германии; 2) европейская безопасность; 3) разоружение; 4) развитие отношений Восток–Запад. Дискуссия была очень дружественной и достаточно откровенной. Н. Булганин, Н. Хрущев и В. Молотов представляли СССР; Дуайт Эйзенхауэр и Джон

Фостер Даллес — Соединенные Штаты; Эдгар Фор и Антуан Пине — Францию; Антони Иден и Гарольд Макмиллан — Великобританию.

При аналитическом подходе возможно излишне воспроизводить дискуссии тех дней. Большие ожидания оправдались лишь в одном: четверо участников остались полностью несогласными по всем пунктам дискуссии, но в то же время выражали это в цивилизованной форме, заставляющей предположить, что отношения между державами действительно изменились. С другой стороны, хотя ни одна из проблем не создавала возможностей для сближения позиций, были выдвинуты предложения, которые оставили свой след и дали свои плоды годы спустя. План, представленный Иденом по воссоединению Германии после свободных выборов, в совокупности с проектом трех взаимных гарантий, включающих также договор пяти, который должен был предотвратить опасность новой агрессии со стороны Германии, превратился с тех пор в один из двух подходов к германскому вопросу. Другой был представлен проектом советского происхождения (довольно зрелым) по созданию демилитаризованной и нейтральной зоны в центре Европы как предпосылки для воссоединения Германии и вывода всех иностранных войск из Европы после подписания временного договора между двумя группировками. Таким же образом проект Эйзенхауэра по взаимному воздушному контролю, названный «Открытое небо», предвосхищал практику, которой впоследствии американцы будут следовать в одностороннем порядке, но также выдвигал идею системы контроля без регулярных инспекций, имевшую потенциал развития огромного значения (системы самолетов и спутников-шпионов). Наконец, предложение французского представителя Фора по созданию «Фонда развития», связанное с проектом, предлагавшим сделать достоянием гласности уровни соответствующих вооруженных сил и соответствующих военных бюджетов, хотя и отражало обостренную чувствительность, характерную в тот момент для Франции в отношении колониального вопроса, предвосхищало одну из тем, которой суждено было доминировать в 60-е и 70-е годы.

В целом, хотя совещание завершилось фактически безрезультатно и в историографическом плане стало потом интерпретироваться почти как пауза в ходе крупного столкновения, необходимо не игнорировать то, что происходило в ходе самого совещания. Между Эйзенхауэром и Хрущевым не установились такие тесные отношения, как те, что существовали между Сталиным и Рузвельтом. Первый был слишком осторожный и вдумчивый, а другой — слишком хитрый для того, чтобы могла сложиться дей-

ствительно дружеская атмосфера. Французский и английский премьер-министры были лишь временными актерами второго плана, быстро оставившими свои государственные посты. Однако все эти недостатки Женевской встречи компенсируются одним достоинством — тем, что она возобновила практику встреч глав государств на высшем уровне. После этого, с более или менее краткими интервалами, та же самая практика будет возобновляться, часто принося конкретные результаты.

Впрочем, то, что новая атмосфера потенциально существовала, было подтверждено на следующий день после Женевской встречи событием, которое можно интерпретировать по-разному — визитом в Москву канцлера Аденауэра. До 1953–1954 гг. никто не мог себе представить, что главный сторонник интеграции Западной Германии в американскую систему может восприниматься в Москве как желанный гость. И все-таки несколько дней спустя после ратификации Парижских соглашений, создававших ЗЕС, 8 июня, советское правительство направило федеральному канцлеру приглашение отправиться с визитом в Москву.

Прежде чем принять предложение, Аденауэр дождался конца Женевского совещания и провел консультации с союзными правительствами. Его визит состоялся с 8 по 13 сентября 1955 г. Это было непростое испытание для немолодого и жесткого германского государственного деятеля, который умел решать сложные проблемы. В самом деле, советское предложение состояло в том, чтобы он согласился начать прямые переговоры с Германской Демократической Республикой, что лишило бы всякого смысла так называемую доктрину Хальштейна, сформулированную этим близким соратником Аденауэра. В соответствии с этой доктриной, существовала только одна Германия, Федеративная, и тот, кто признает правительство ГДР, тем самым лишится признания другой Германии, и, следовательно, разорвет свои дипломатические отношения с ФРГ. Учитывая эти предпосылки, канцлер по прибытии в Москву подошел к проблеме воссоединения только с точки зрения гарантий, которые свободно объединившаяся Германия могла бы дать СССР. Кроме того, он энергично поставил проблему возвращения немецких военнопленных, еще остававшихся на советской территории: военнопленных, численность которых Аденауэр считал высокой, но по подсчетам советской стороны, их число не превышало 10 тысяч и это были преимущественно военные преступники.

В таких условиях переговоры в Москве не были дружественными и привели к единственному результату — решению установить нормальные дипломатические отношения между двумя странами,

выдвинутому в качестве условия для освобождения немецких военнопленных. Это было условие, вынудившее Аденауэра вступить в противоречие с доктриной Хальштейна, однако оно предоставляло ему возможность вновь поставить вопрос о военнопленных, слишком деликатный и слишком важный для внутренней жизни Германии, так что он согласился заплатить за него ценой отступления от собственной безукоризненной последовательности. Попытка Советского Союза сделать ставку на стремление немцев к единству для раскола Запада не удалась. Однако Аденауэр подал своим союзникам важный сигнал о свободе маневра и возможности альтернатив в его внешней политике. Это было предупреждение для Франции, Великобритании и прежде всего для Соединенных Штатов, чтобы они имели в виду тот факт, что Федеративная Республика Германии являлась основой западной системы в Европе.

Наконец, последним знаком атмосферы разрядки было решение вопроса, который тянулся с 1945 г., и политическое значение и численное выражение которого увеличивалось — вопроса о принятии определенного числа новых членов в ООН. Вопрос деликатный, поскольку от него могло зависеть численное соотношение голосов внутри организации, а также вопрос, отягощенный обидами из-за неоднократных вето русских по поводу принятия Италии, уравнишенных западными вето против принятия Венгрии, Болгарии и Румынии (не говоря уже о проблеме Народного Китая). Понадобился целый год переговоров для того, чтобы прийти к голосованию, которым 14 декабря 1955 г. Совет Безопасности окончательно одобрил компромисс: 16 стран (некоторые из них недавно освободившиеся) были приняты в Объединенные Нации. Число членов организации возросло с 58 до 74. Для ООН начинался этап изменений, которые за немногие годы полностью изменили ее облик и существующее соотношение сил.

9.5.5. «ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ» ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Атмосфера оптимизма и надежды, преобладавшая в те годы, была нарушена неожиданными трудностями, которые процесс десталинизации вызвал в Советском Союзе и во всей Восточной Европе. С самых первых мгновений, последовавших за смертью Сталина, советские руководители, сначала Маленков, а затем Хрущев, пытались поставить на новую основу отношения с правительствами и странами, принадлежащими к советской системе социально-политических союзов. С 1953 по 1955 год имел место ряд случаев вмешательства Советского Союза, направленных на изменение политического курса и руководства, которое должно

было его осуществлять в этих странах. После этого трехлетия ситуация обнаружила всю свою взрывоопасность, выявив внутренние трудные проблемы советской системы.

В самом деле, с 1953 по 1955 г. советское правительство, начав осуществлять новый внутренний курс, было также озабочено тем, чтобы способствовать изменениям в Восточной Европе. В общей картине наиболее деликатной представлялась ситуация в Восточной Германии. Вследствие слишком непосредственного сопоставления с Западной Германией и весьма тесных связей, которые Москва навязывала немецким коммунистам, складывалось сочетание отсталости и отсутствия свободы передвижения, на которое восточные немцы заставили обратить внимание. Когда, начиная с апреля 1953 г., немецкие требования стали известны в Москве, момент еще не был благоприятным для их принятия. Однако в начале июня, по инициативе Берия, СЭВ объявил о серии мер по облегчению финансового бремени, предоставлению большего пространства для частного предпринимательства и приостановке проходившей тогда радикальной коллективизации.

Этого заявления оказалось недостаточно для того, чтобы сдержать сильное недовольство народа в Восточной Германии. 16 и 17 июня в Восточном Берлине и других городах ГДР состоялись массовые демонстрации против правительства Вальтера Ульбрихта и против Советского Союза. Для их подавления понадобилось вмешательство советских танков, нормализовавших ситуацию посредством активных действий, сопровождавшихся сотнями жертв. Однако затем репрессии не были продолжены, а ответственность за совершенные ошибки была переложена на Берия и некоторых членов правительства Восточной Германии. Члены правительства Ульбрихта, со своей стороны, выступили с необходимой самокритикой, обязуясь замедлить политику строительства социализма в стране. На тот момент руководство Ульбрихта и Отто Гротеволья успешно вышло из кризиса и уцелело.

Второй страной с политикой нового курса была Венгрия, до середины 1953 г. возглавлявшаяся Ракоши, символом самого крайнего ортодоксального сталинизма. В результате изменений в Советском Союзе на первый план вышел коммунистический деятель, к которому Ракоши относился враждебно, Имре Надь, осторожный, умеренный коммунист, специалист по проблемам сельского хозяйства. В течение недолгого времени, с 1945 по 1946 г. он был министром внутренних дел, затем оставался в правительстве на более низких должностях до того, как в 1952 г. его назначили заместителем премьер-министра, поручив заниматься проблемами сельского хозяйства. Тот факт, что он избежал судьбы

таких людей, как Райк, относится на счет покровительства, которое ему оказывали Маленков и Берия. Их доверие было подтверждено в июне 1953 г., когда венгерская делегация, возглавлявшаяся Ракоши и Гере, полностью отвечавшими за экономические вопросы, была приглашена в Москву. В нее входил также Надь.

Новые советские лидеры не скрывали от Ракоши глубокой неудовлетворенности в отношении него и с энергией, достойной сталинских методов, заставили его сменить правительство. Ракоши остался первым секретарем партии, однако премьер-министром должен был стать малоизвестный Имре Надь, а его заместителями — Э. Гере и Андраш Хегедюш. Начался период дуализма, подогреваемого столкновением в борьбе за власть между Надем и Ракоши, который на практике бойкотировал меры правительства. Столкновение проходило аналогично тому, что имело место в Москве между Маленковым и Хрущевым. Когда в феврале 1955 г. Маленков был вынужден уйти в отставку, то несколькими неделями позже Надя постигла та же участь. Его вина? — В том, что «недооценил роль партии» и являлся правым уклонистом. Надь отказался занять правительственные посты меньшего значения, и в ноябре 1955 г. был исключен из партии. Поскольку времена изменились, он не был подвергнут суду. Однако с его удалением из правительства новый курс в Венгрии оказался парализованным. Руководство сталиниста Ракоши только усилило возникшую напряженность и привело в конечном итоге в 1956 г. к взрыву.

В других странах советского блока «новый курс» проявился с менее болезненными результатами. В Чехословакии, после смерти Клемента Готвальда в марте 1953 г., президентство республики было доверено Антонину Запотоцкому, а руководство партией перешло к Антонину Новотному, при разделении государственных и партийных функций, которое повторяло советскую практику. Новотный быстро стал бесспорным лидером страны, а его реформы, ограниченные денежной сферой, вызвали в июне 1953 г. некоторые беспорядки, подавленные со сталинской жестокостью. Благодаря обещанию новых реформ внутренняя напряженность в стране начала уменьшаться. В действительности все осталось без изменений: новый чехословацкий курс был отложен более чем на десятилетие.

В Румынии процесс изменений ограничился частичной амнистией. Георгиу-Деж, генеральный секретарь ЦК партии остался фактически в той же должности, которую он занимал с 1945 г., и в августе провозгласил в стране «новый курс» в экономике, замедлявший коллективизацию в сельском хозяйстве.

В Болгарии, хотя и были реабилитированы некоторые коммунистические деятели, казненные в 1949 г. как сторонники Тито (главным из них был Т. Костов), Вилко Червенков продолжал сохранять посты премьер-министра и лидера партии вплоть до 1954 г., когда он должен был передать руководство партией другому сталинскому деятелю Тодору Живкову. Соперничество между ними вылилось на первых порах в начало нового болгарского реформистского курса, однако это не имело действительно новаторских последствий, если не считать окончательную победу Живкова, менее связанного со сталинским наследием.

Последней страной, вступившей на путь изменений, была Польша, и сделала она это в соответствии с аналогичными процедурами, которым следовали почти все другие государства советского блока. В марте 1954 г. Болеслав Берут, доверенное лицо русских, сохранил контроль над партией, но уступил пост председателя Совета министров левому социалисту Юзефу Циранкевичу (бывшему премьер-министром в 1947–1952 гг.). В августе широкая амнистия возвратила свободу тысячам людей, среди которых был и бывший секретарь Польской объединенной рабочей партии Владислав Гомулка. Новые настроения начали распространяться по всей Польше. Правительство приходило в движение медленно, однако оставляло пространство для формирования более свободной общественной атмосферы, открытой для дискуссии.

Усилия отдельных правительств советского блока, параллельные тем, что предпринимал Маленков в Советском Союзе, состояли в попытке изменить характер ряда экономических решений без ослабления контроля над властью. В некоторых из этих стран (таких, как Румыния, Болгария и Чехословакия) такие усилия имели успех. Напротив, венгерские и польские события привели в движение более автономные силы, несогласные с правительством. Десталинизация превращалась в стремление к изменениям в целях подтверждения национальной и культурной идентичности собственных стран, на эволюцию которого события в Советском Союзе имели решающее влияние.

9.5.6. XX СЪЕЗД КПСС И «ДОКЛАД ХРУЩЕВА»

В Советском Союзе Никита Хрущев после победы в конце 1954 — начале 1955 г. в борьбе с Маленковым занялся укреплением своей личной власти и утверждением своей политической линии. Своим успехом он был обязан союзу с военными и с представителями тех отраслей государственной промышленности, которые почувствовали для себя угрозу в решениях Маленкова. Проблема

для Хрущева состояла в том, чтобы предоставить достаточную свободу военным, не попав при этом в зависимость от них. Из этой потребности родился решительный толчок, который он придал наращиванию советского военного потенциала в сфере обычных вооружений, и прежде всего в ядерной и ракетной сферах, толчок, за которым последовали успехи, имевшие большой резонанс.

Поскольку эти успехи проявлялись в период относительной разрядки международной напряженности, они оставляли Хрущеву пространство и время для того, чтобы дополнить экспансию силы серьезной попыткой новых реформ в сельском хозяйстве, в большей степени, чем в сфере производства потребительских товаров, а также для выполнения столь же серьезной задачи — освобождения от контроля старой сталинской гвардии, которая все еще ограничивала его власть. В целом Хрущев полагал, что ключ к росту советской экономики заключается не в перемещении инвестиций из одной отрасли промышленности в другую, а в больших усилиях по решению проблем сельского хозяйства с целью улучшения условий жизни советского народа. Таким образом отражался опыт его работы в данной отрасли и характер его личности — оптимистичный и эмоциональный до такой степени, что он не всегда мог себя контролировать; Сталин не мог найти себе более отличающегося от него преемника. Тот же самый план перейти в отношениях с западным блоком от прямой конфронтации к опосредованному соревнованию подтверждает такое мнение. СССР сумел бы добиться больших успехов, если бы готовился к этому в обстановке, свободной от явных проявлений международной напряженности, и если бы он укрепил экономические связи блока стран, которые были ему верны.

Кульминационный момент восхождения Хрущева представлял XX съезд КПСС, проходивший в Москве с 14 по 25 февраля 1956 г. В ходе этого съезда первый секретарь произнес две речи. Первая, произнесенная при открытии, открытая и посвященная в первую очередь международным вопросам, а затем — внутренним. Вторая, произнесенная во время секретного заседания, состоявшегося 25 февраля, в отсутствие зарубежных делегаций, посвященная почти исключительно «проблеме Сталина», «доклад», считавшийся секретным (исключение составили руководители некоторых крупнейших несоветских компартий), однако скандальным образом сделанный достоянием публики газетой «Нью-Йорк Таймс» 4 июня 1956 г.

В центре международного анализа Хрущева было три вопроса, жизненно важных для мирового развития: мирное сосуществование, возможность избежать войны и различные пути перехода

к социализму в различных странах. Хрущев напомнил, что ленинский принцип «мирного сосуществования государств с различным социальным строем» был и остается «генеральной линией» советской внешней политики и что утверждение этих тезисов означает не отказ от идеологической борьбы против капиталистической системы, но увязывание надежд на «неизбежную победу социализма» с «коренным превосходством социалистической системы». От этой предпосылки Хрущев подходил к ревизии марксистско-ленинского принципа о неизбежности войны до тех пор, пока существует капитализм; устаревшего тезиса, отражавшего эпоху, в которую он был сформулирован, когда существовали только империалистические государства. На смену империалистическим системам тем временем пришли новые силы (очевидно, эта отсылка касалась движения неприсоединившихся стран), сильное ядро стран, «которое активно боролось против войны», и которое вместе с рабочим движением капиталистических стран позволяло утверждать, что если угроза войны еще могла исходить от авантюристического капитализма, война «уже не являлась более фатально неизбежной».

Радикальные изменения в международной обстановке открывали путь новым формам перехода к социализму в зависимости от разнообразия вклада, который каждая страна могла внести в строительство нового общества. Югославия в Европе и Китай в Азии были ярким примером таких позитивных различий. В целом, во всем мире рабочее движение совершило столь значительные шаги вперед, что можно было предположить, что оно сможет завоевать власть мирным путем. Только в странах, где капитализм был все еще достаточно силен, переход к социализму должен был произойти после «ожесточенной борьбы революционного класса».

Оптимистическое видение, наполнявшее хрущевские прогнозы, основывалось на открытии новых пространств, где могла распространиться активность Советского Союза, и на рассмотрении тенденций, становившихся заметными в результате победы антиколониализма. Оно не учитывало ограничений, связанных с ситуацией внутри СССР и непривлекательностью перевозносимой модели. В самом деле, как можно было восхвалять эту модель в тот самый момент, когда явным и тайным образом проявлялись недостатки сталинской системы, из которой вышел Советский Союз? В открытой речи Хрущев ограничился тем, что подчеркнул необходимость укрепления социалистической законности, необходимость коллективного руководства и борьбы против «культы личности». Эта постановка вопроса, в совокупности с более или

менее непосредственным знанием секретного доклада 25 февраля, лишали оптимизм первого секретаря его сути, предлагая гораздо более хрупкий образ «нового советского величия», чем тот, на который рассчитывал Хрущев.

Длинная, полемичная, драматичная и театральная секретная речь была посвящена критике культа личности Сталина, тому, как он мог распространиться и стать в определенный момент «источником целого ряда извращений, все более опасных и пагубных, партийных принципов, партийной демократии, революционной законности». Напомнив о негативной оценке, которую Ленин неоднократно давал Сталину, и все же признав некоторые заслуги последнего, Хрущев рассмотрел отдельные главы своего обвинения покойному диктатору: массовые репрессии не только против врагов ленинизма, но также и против «многих честных коммунистов» или вовсе невиновных людей; нарушения революционной законности; отказ от коллективного руководства; фабрикация процессов против коммунистов на основе фальшивых обвинений и осуждение обвиненных на основе признаний «вырванных под пытками» (из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета, избранных на XVII съезде, 98, то есть 70% были арестованы и расстреляны, преимущественно в 1937–1938 гг.); политика массового террора, вследствие которой «многие тысячи» невиновных и честных коммунистов погибли из-за сфабрикованных в их отношении чудовищных фальсификаций; ошибки в ведении войны против Германии по причине концентрации военных решений в руках одного единственного человека. Заслуга победы принадлежала не Сталину, а всему советскому народу и его стойкости. Во время и после войны имели место массовые депортации целых народностей и ухудшение политической атмосферы: «Сталин стал еще более капризным, раздражительным и грубым и, в особенности, более подозрительным. Его мания преследования достигла немыслимых масштабов. Многие соратники стали в его глазах врагами».

Хрущев продолжал, перечисляя ошибки, совершенные в связи с «постыдным» осуждением Югославии, и ошибки, совершенные в последние годы при соучастии Берия, например, так называемый заговор врачей. И поскольку практика руководства, которой придерживался Сталин в последние годы своей жизни, была серьезным препятствием для социального развития страны, Хрущев завершил свою обвинительную речь призывая к коллективному руководству и к последовательному восстановлению законности в советской жизни. Все, однако, должно было сохраняться в секрете: « Этот вопрос мы не можем вынести за пределы партии, а тем

более в печать. Именно поэтому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обижать перед ними наших язв».

Еще до того, как текст секретного доклада был опубликован в американской печати, критика культа личности вызвала в самом СССР и, более того, в некоторых странах-сателлитах горячую дискуссию. Эта тема доминировала в спорах внутри коммунистических партий всего мира, и в особенности Западной Европы, которые признавали сталинские злоупотребления, и которые в позициях, заявленных Хрущевым, находили аргументы для утверждений о неизбежном демократическом приходе компартий к власти. Объявленный 17 апреля роспуск Коминформа (почти жест любезности по отношению к Тито) являлся символом намерений Хрущева придерживаться тезиса о законности различных путей к социализму.

Резонанс «секретного» доклада был, однако, огромным во всем коммунистическом мире. В Китае, где концепцию национальных путей к коммунизму приветствовали как легитимизацию специфики китайского опыта, секретный доклад рассматривался также как первый симптом изменения в реформистском смысле. Это был мотив для расхождений, пока еще потенциальных, в котором можно обнаружить причины последующей острой конфронтации между Хрущевым и Мао Цзэдуном. Однако прежде всего вспыхнула Восточная Европа и, в особенности, Польша и Венгрия.

9.5.7. КРИЗИС 1956 г. В ПОЛЬШЕ И ВЕНГРИИ

В Польше неожиданно разгорелась и приобрела открытый характер шедшая уже в течение двух лет дискуссия, направленная против сталинской политики, которая трансформировалась в массовое движение, отстаивающее требования профсоюзов. Де-сталинизация не могла ограничиваться политической сферой, она должна была стать стимулом к формированию нового социального порядка. В противном случае она была бы лишь обновлением фасада и корректировкой методов.

28 июня 1956 г. 15 000 рабочих завода по производству локомотивов, железнодорожного и военного оборудования в Познани, в Польше, доведенных до отчаяния отказом удовлетворить их требования о повышении заработной платы и сокращении темпов работы, вышли на улицы города, дав толчок движению протеста, которое в течение нескольких часов превратилось в самое настоящее восстание. Только на следующий день ценой нескольких десятков погибших и сотен раненых полиции удалось восстановить

контроль над ситуацией. С этого дня дискуссия по всей стране обострилась и затронула самые жгучие темы.

Гомулка встал во главе оппозиции, обвиняя правительство в том, что оно вышло за разумные рамки и само спровоцировало рабочее восстание. Таким образом Гомулка стал ориентиром для большинства поляков. Он был лояльным коммунистом, и в его намерения входило вернуть партии утраченный авторитет осуществлением назревших реформ. Смерть Берута сразу же после возвращения с XX съезда КПСС открыла ему дорогу, поскольку Эдвард Осубка, которого русские прочили на место нового лидера партии, назвал имя Гомулки в качестве наиболее подходящего в данных обстоятельствах преемника. Последний взял власть и добился реализации своей программы, хотя и ценой острейшего столкновения внутри самой партии между его сторонниками и сталинистами.

19 октября Хрущев счел необходимым отправиться в Варшаву в сопровождении большого числа советских руководителей, но решил встретиться с новым польским лидером только в аэропорту. Он должен был признать, что ситуация предоставляла только два пути выхода: кровавые репрессии против самого Гомулки, решительно настроенного на продолжение своего курса, или компромисс с группой того же Гомулки, единственного, кто уже сумел мобилизовать массы, не призывая к антисоветской контрреформе, но пообещав поддерживать более тесный контакт с народом. Гомулка был кооптирован в Центральный комитет партии, из которого, напротив, был исключен советский маршал Рокоссовский, являвшийся с 1949 г. польским министром обороны. Это было символическое решение, принятия которого польские коммунисты добились от правительства Москвы в обмен на обязательство избегать того, чтобы движение приняло антисоветский характер. В этом смысле Гомулка был человеком очень подходящим для разрешения кризиса. Его лояльность по отношению к марксизму-ленинизму не могла подвергаться сомнению; его преданность Советскому Союзу также была бесспорной. Своей популярностью он был обязан своему прошлому оппозиционера и своей репутации представителя антисталинского и реформистского течения.

Однако убедить русских в том, что замена политических кадров является благом, было нелегко. Хрущев долго колебался, прежде чем дать свое согласие, и напряженность возросла настолько, что поставила переговоры на грань провала. Только 23 октября он послал Гомулке, поддержанному сотнями тысяч людей, телеграмму, в которой поздравлял его с руководящей ролью,

приобретенной им в руководстве партией и страной, и в которой объявлял о выводе советских войск из Польши. Хрущеву пришлось бороться с силами, выпущенными на волю в результате его собственной политической деятельности. В Польше удалось найти мирное решение кризиса благодаря появлению внутри коммунистической партии таких деятелей, как Гомулка, учитывавших национальные чувства, но не склонных делать из них повод для международного кризиса, то есть для пересмотра отношений с СССР, который оставался, между прочим, главным гарантом стабильности западных границ Польши.

Последствия венгерского восстания очень скоро превзошли эмоциональное воздействие польского кризиса. В самом деле, если в Польше компартии удалось найти внутренние человеческие ресурсы для преодоления кризиса, то совсем иной была внутренняя ситуация в Венгрии, поэтому аналогичные элементы не могли играть такую же роль. На территории Венгрии в соответствии с Варшавским договором находились советские войска, однако социальная структура, свойственная этой стране, всегда затрудняла работу компартии, как об этом свидетельствовали те же медленные темпы советизации. Прошлая полемика между Имре Надем и Ракоши оставила глубокий след.

В среде интеллигенции возникали группы сторонников обновления, которые в марте 1955 г. создали внутри коммунистических структур «Кружок Петефи» (по имени национального поэта, героя антигабсбургского восстания 1848–1849 гг. и символа венгерской нации). С самого начала деятельность кружка оставалась под контролем партии, но вскоре дискуссии стали более напряженными, а кампания Хрущева против Сталина до и после разоблачений секретного доклада отразилась на них болезненным образом. Все новые темы становились предметом дискуссий, которые от внешне абстрактных проблем культуры перешли к постановке важнейших философских и политических вопросов, вплоть до того, что объектом дискуссии стала сама политика партии. Кружок вышел из повиновения его организаторам и стал превращаться в место сосредоточения несогласных.

В июне была рассмотрена тема чисток, проведенных при Ракоши. Вдова Райка отстаивала безукоризненную репутацию своего мужа. Виновником в злоупотреблениях, совершенных в тяжелые послевоенные годы, был сразу же назван Ракоши. Предпринимались попытки заставить кружок замолчать, но было слишком поздно.

17 июля состоялось заседание Центрального Комитета Венгерской партии труда (компартии), а из Советского Союза тем

временем прибыли два главных соратника Хрущева — идеолог Михаил Сулов и авторитетный деятель Анастас Микоян. В наэлектризованной атмосфере было решено, что Ракоши должен быть принесен в жертву (его переправят в Москву) и заменен лицами, которые, впрочем, были к нему близки, например, Э. Гере, избранный первым секретарем партии. Партия к тому времени была глубоко разделена на сталинистское крыло, группу умеренных сторонников обновления (во главе с Яношем Кадаром) и группу сочувствующих Имре Надю, который, впрочем, после исключения из партии отказался выступить с самокритикой, необходимой для его восстановления. Результатом этого раскола стал политический паралич руководящей силы и укрепление элементов оппозиции за пределами компартии. Однородную силу, почти единую в требовании более глубоких перемен, представляла интеллигенция. Простая замена Ракоши на его заместителя рассматривалась как всего лишь обновление фасада. Нужна была новая программа, и Надь представлялся человеком, которого следовало призвать для ее осуществления.

В течение октября напряженность продолжала нарастать. Родственники Райка и других жертв чисток Ракоши потребовали не только полной реабилитации, но также и торжественных похорон; 6 октября их ритуал превратился в крупную массовую манифестацию, прошедшую в суровой, мрачной атмосфере, в ней участвовало около 300 000 человек. Возбуждение нарастало. В середине октября начались студенческие демонстрации, сначала в небольших городах, затем в Будапеште.

Вечером 22 октября в Политехническом институте в Будапеште было созвано студенческое собрание, на котором дискуссия очень быстро приняла самый оживленный характер. Была сформулирована программа из десяти пунктов, которая требовала формирования нового центрального комитета партии, и содержала призыв к Надю возглавить новое правительство. Резолюция требовала также вывести советские войска из страны и снести огромный памятник Сталину. Это требование было провозглашено публично на демонстрации, организованной на следующий день, 23 октября у памятника Петефи, около университета. Она превратилась в еще одну грандиозную пробу сил. На улицах к шествию студентов присоединялись трудящиеся, простые люди. Толпа разрослась и дожидалась вечера, чтобы направиться к площади перед парламентом. Все более пламенные речи способствовали нарастанию напряженности.

Демонстранты обращались к Надю как к человеку, который должен был олицетворять изменения, и требовали, чтобы он пуб-

лично разъяснил свои намерения. Надь, который за десять дней до этого был, наконец, вновь принят в партию, вышел из своего дома и выступил перед людьми, толпившимися на площади Кошута; речь была спокойная и, возможно, даже нерешительная, призывавшая к конституционному порядку и к переговорам внутри партии. Необходимо придать новый импульс движению к социалистической демократии, но сделать это посредством реформ. В определенном смысле умеренность Надя (который не чувствовал себя облеченным никакой властью и не обладал характером харизматического вождя, увлекающего за собой массы) разочаровала толпу и ввела в заблуждение Гере и его соратников относительно возможности восстановить контроль над ситуацией. В речи по радио в этот же вечер первый секретарь компартии осудил беспорядки, взвалив ответственность за них на «ложь, распространяемую врагами социализма». Он пообещал созвать центральный комитет, однако не пошел на другие уступки.

Обещания Гере, настолько оторванные от реальности, вызвали гнев оппозиции. Слова начали соединяться с оружием. Здание радио было окружено тысячами людей. Они или охранявшие здание военные сделали первые выстрелы. Очень скоро конфликт приобрел ожесточенный характер. Из дворца радио по толпе был открыт огонь — десятки раненых, сотни убитых. Это было начало первого этапа столкновений, длившихся всю ночь. Между тем собрался Центральный Комитет и в неопикуемой атмосфере тех часов принял решение назначить Надя премьер-министром, моментально получив согласие Хрущева, в то время как Гере оставался во главе партии.

Относительно склонности Хрущева пассивно следить за развитием ситуации позволительно высказать некоторые сомнения. На венгерской территории находились тогда две дивизии Советской армии, то есть приблизительно тридцать тысяч человек с более чем тысячей танков. В тот самый момент, когда Хрущев согласился с назначением Надя, эти войска начали передвижение. Радио, контролируемое партией, распространило информацию о введении военного положения и о том, что «фашистские и реакционные элементы» развернули вооруженные нападения на общественные здания и части венгерской армии.

Сам Имре Надь обратился с просьбой о вмешательстве Советского Союза, аргументируя его необходимость активностью, которую развернули «контрреволюционные банды». Присутствие некоторых провокаторов в массовом движении было очень вероятно. Ошибка состояла в том, что они одни не могли бы ничего совершить, если бы в действительности массы сами по себе не

были готовы выступить. В течение нескольких дней это создавало трудности для Надя, поскольку утром 24 октября советские танки вошли в Будапешт. Они, однако, не получали четких политических приказов, и это позволяет предположить, что в Москве надеялись еще на «польское» разрешение кризиса. Впрочем, это подтвердилось и одновременным возвращением в Будапешт Микояна и Сулова, которые в течение трех дней обсуждали с венгерскими руководителями формулировки компромисса. Скептицизм был велик, и сам Хрущев (который консультировался по этому вопросу с Тито, и несколько дней спустя, 2 ноября подписал с ним секретные соглашения, имея в виду сотрудничество, способное мирно погасить кризис), колебался при принятии решений.

С другой стороны, ход событий уже ускользал из-под всякого контроля. Будапешт был во власти толпы. С утра 25-го демонстрации возобновились с двумя требованиями: вывод советских войск и отставка Гере, на которого возлагалась ответственность за попытку подавления. И снова манифестации обернулись кровью. Из правительственного дворца раздались первые выстрелы из огнестрельного оружия. Толпа рассеялась и стала искать убежище. На земле осталось по крайней мере 100, возможно 200 убитых. Число раненых осталось неизвестным. С этого момента слово перешло к оружию. Демонстрации прекратились, и началась самая настоящая городская партизанская война между венгерскими повстанцами и советскими войсками или силами, верными партии. Восстание распространилось на всю Венгрию.

Во главе восставших встал генерал венгерской армии Пал Малетер, который, получив приказ атаковать манифестантов с помощью нескольких танков, отказался выполнить его, когда понял, как он сам рассказал несколько дней спустя, что «борцы за свободу — это не бандиты, а сыновья, верные венгерскому народу». В политическом плане ситуация была более неясной, однако эволюция позиции Надя способствовала её прояснению. В самом деле, в первые дни Надя пытался успокоить волнения возобновлением реформистской политики, начатой им самим в 1953 г. Однако это был неподходящий момент для долгосрочных решений. С помощью русских стало возможным 25 октября заменить Гере на Яноша Кадара, одну из жертв преследований Ракоши. Надя надеялся таким образом, что прекратятся бои. Но случилось обратное, и произошел самый настоящий взрыв, выразившийся в политическом неистовстве анархистского толка и в нарастании желания бороться с чужеземцами.

Под воздействием этого импульса Надя получил возможность и необходимые силы для осуществления решительного поворота,

не без оснований полагая, что русские с ним согласятся. 28 октября он заявил, что партийные органы подверглись глубоким изменениям путем исключения всех тех, кто принадлежал к крылу, наиболее связанному с прошлым периода Ракоши. Он заявил также, что достигнуто соглашение относительно вывода советских войск, что распущена секретная полиция и что вместо нее создается новая служба безопасности. Суслов и Микоян, все еще находившиеся в Будапеште, приняли решение, которое, по их мнению, могло уменьшить давление и оттянуть время. Советские танки быстро отошли из Будапешта, и в течение нескольких дней Венгрия наслаждалась вкусом отвоеванной свободы. Впрочем, русские статьи, появившейся в «Правде» 31 октября, кажется, укрепили эти надежды, декларировав намерение вновь обсудить как с венграми, так и с другими странами Варшавского договора вопрос о пребывании своих войск.

В этой атмосфере Надь продемонстрировал масштаб своего собственного поворота. 30-го октября он объявил о формировании нового правительства на плюралистической основе с Малетером в качестве министра обороны. Шел процесс быстрых изменений, охвативший всю страну. Нарастала неопределенность. Авторитет правительства утверждался с трудом. К тому же, как говорил Надь, «свободе угрожали не только внешние силы, но также и необдуманные шаги», скрыто намекая на страх перед радикализацией масс и возникновением военного столкновения между представителями старого режима и новыми силами. Правительство обещало свободные выборы, однако все громче звучало требование, чтобы Венгрия вышла из Варшавского договора, требование, о котором Надь сообщил Микояну уже 31 октября, настаивая на начале переговоров по этому вопросу. Надь заблуждался относительно согласия русских, в котором Микоян и Суслов ему отказали, так что публичное заявление о решении выйти из Варшавского договора было сделано Надем *после* того, как он узнал, что его вводят в заблуждение относительно масштаба вывода советских войск.

В этом смысле венгерский кризис, на который тогда смотрел весь мир, несмотря на временное обострение ситуации в ближневосточном регионе, превращался из внутреннего кризиса советской системы в международный кризис. Поворот 30 октября менял природу «венгерской революции». В предвидении такого развития событий русские уже нарастили свои силы и решились на вмешательство. Именно усиление советских войск спровоцировало, следовательно, заявление 1 ноября о том, что Венгрия выходит из Варшавского договора и выбирает позицию международного

нейтралитета; вместе с решением выпустить на свободу кардинала Миндсенти, содержавшегося в тюрьме или под домашним арестом, было вершиной венгерской революции. Освобождение примаса отражало желание завоевать полную поддержку эксперимента католиками. В речи 3 ноября Миндсенти использовал взвешенные и аккуратные выражения.

Однако солидарности католиков было недостаточно. В действительности Надь был изолирован в международном плане. Его эксперимент проходил как раз в то время, когда Франция и Великобритания предприняли вмешательство в Суэце, создавая мощный отвлекающий момент. Правда, из разных частей западного мира раздавались всякого рода заявления и бурные выражения сочувствия в связи с тем, что происходило в Венгрии. Следовательно, очень вероятно, что венгры почувствовали себя воодушевленными и сопротивлялись в надежде на солидарность извне. Но они ошибались. Инициативу Запада парализовал не только кризис в Суэце. Существовало также глубокое убеждение, что идеи «отбрасывания», которыми тешил себя Даллес, являлись уже контрпродуктивными и, что, следовательно, европейская ситуация не должна подвергаться изменениям. В этом смысле Надь находился в полной изоляции в тот момент, когда хор средств массовой информации создавал у него иллюзию, что он может рассчитывать на поддержку в мире.

Явная неспособность Надя удержать ситуацию под контролем подтолкнула русских к тому, чтобы лишить его своей поддержки, а заявление о выходе из Варшавского договора сделало очевидным масштаб кризиса. Вплоть до 30 октября русские с подозрением наблюдали за инициативами Надя и его соратников. На следующий день они приняли контрмеры. С этого момента позиции стали проясняться. Янош Кадар возглавил новое Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство, созданное 2–3 ноября с советской помощью. Таким образом он готовился стать выразителем компромисса с СССР. Венгерская революция вступила в стадию спада. В самом деле, вечером 1 ноября русские начали продвигать свои войска к венгерской столице, в то время как советский посол Андропов вводил Надя в заблуждение, начав 2 ноября переговоры о выводе советских войск. Ситуация была на распутье между нормализацией и крахом. Однако 3 и 4 ноября ход событий ускорился. На рассвете 4 ноября Надь выступил с драматическим посланием, зафиксированным западными радиостанциями: «Говорит Имре Надь, Председатель Совета министров Венгерской Народной Республики. Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с очевидным

намерением свергнуть законное демократическое венгерское правительство. Наши войска ведут бои. Правительство находится на своем месте. Я сообщаю эту весть народу страны и общественному мнению мира».

Часом позже, в то же самое время, когда Тито солидаризировался с советской интервенцией (как, впрочем, это сделали все другие представители коммунистического мира), Надь с семьей и главными соратниками, был вынужден укрыться в югославском посольстве, предоставившем ему политическое убежище. Эпизодическое сопротивление продолжалось до декабря. Однако основная часть столкновений между русскими и венграми завершилась в течение нескольких дней. Настоящий вооруженный конфликт привел к нескольким тысячам жертв убитыми и ранеными; многочисленным изгнанникам и подвергшимся гонениям.

В это же время Янош Кадар сформировал новое правительство, которое, дистанцируясь от вины Ракоши и Гере, старалось придать себе некоторую респектабельность. Однако сторонники свободного правительства Надя были пойманы и посажены в тюрьмы. Сам Надь, который 22 ноября с югославским пропуском пытался избежать ареста, был заключен в тюрьму. Против него и его соратников развернулся судебный процесс, продлившийся долго, поскольку Хрущев, которому претили крайние меры, был вынужден одобрить их под давлением его внутренних врагов в партии. 15 июня 1958 г. «судебное разбирательство» завершилось смертным приговором И. Надю, П. Малетеру, И. Силади и М. Гимесу, а также несколькими приговорами к различным срокам тюремного заключения для других обвиняемых. 16 июня приговор Имре Надю был приведен в исполнение — предупреждение для всех тех, кто вынашивал планы, угрожающие советской системе.

Венгерская революция продемонстрировала много печальных вещей. Состоявшись после событий, последовавших за берлинским восстанием 1953 г., она показала советской системе, что только сила удерживает вместе группу стран, которые не сплотились ни политически, ни экономически. Она выявила важную характеристику советской системы: видимость глубоких структурных изменений вступала в противоречие с принципиальной невозможностью вырвать с корнем национальное чувство и местные политические и экономические традиции. Преобразования, которые предполагали изменения, не оставляющие странам, вовлеченным в этот процесс, возможности вернуться к прошлому, действительно укоренялись с трудом. Эти трудности существовали во всей Восточной Европе до 1956 г., оставались они и после. Многие осознавали тот факт, что советское господство было по-

верхностным, основанным на бюрократической системе, и что оно не проникло в жизнь общества. Формула «национальных путей к социализму» пыталась отчасти свести эти различия к единой основе. Однако она лишь слегка прикрывала различия, которые не были и не будут стерты временем, и которые периодически будут выявляться во многих частях советской системы до того момента, пока она не придет к своему всеобщему кризису.

Иные последствия венгерский кризис имел для коммунизма в Западной Европе. Это был момент поворота, сравнимого с августом 1939 г., и даже большего масштаба, учитывая, что за это время коммунистические партии Западной Европы стали более сильными и влиятельными. 1956 год показал многим (особенно многим интеллектуалам), что недостатки советского опыта не ограничивались только отклонениями личностного характера сталинской диктатуры. Это были недостатки, внутренне присущие природе «реального социализма», то есть способу, каким СССР превращал в действительность социалистические идеи. С этого переломного момента начался медленный и неотвратимый кровоточащий процесс, который отдалил многих интеллектуалов от коммунистической идеи и пробил брешь в отношениях между западными компартиями и КПСС. Это был малозаметный процесс, за исключением нескольких нашумевших случаев, но также и явление, которое разрушит способность компартий влиять на мировую интеллектуальную жизнь. Мечта о гегемонии меркла; легкое привлечение многих «товарищей с улицы» становилось невозможным.

Путь к выходу из кризиса был найден благодаря международной системе. Несмотря на все призывы и антисоветскую риторику, обрушенную на общественное мнение средствами массовой информации и пропаганды западных правительств, никто не пошевелил и пальцем. Многие венгерские беженцы нашли убежище на Западе, где получили сочувствие и солидарность, но не политическую поддержку. Именно этот печальный опыт служил однозначным индикатором. За исключением критического пункта, в виде Берлина, Европа в тот момент считалась стабильным и мирным континентом, который ни одна из сверхдержав не собиралась тревожить. Последние уже были вовлечены в другие ситуации; эхо венгерских событий было приглушено последствиями Суэцкого кризиса. Для системы международных отношений венгерский кризис был внутренним потрясением советской системы. Всякое вмешательство лишь делало ситуацию более драматичной, вновь обнажая раны, которые первая постсталинская разрядка затянула.

Биполярный конфликт действительно переместился в другую плоскость — конкурентного сосуществования. Европа не являлась более полем сражений или, выражаясь менее напыщенно, ареной столкновений. Она была умиротворенным континентом, который могло потревожить только недовольство местного характера. Ни русские, ни американцы не имели больше причин менять эту ситуацию. Поэтому те, кто рассматривает венгерский кризис как эпизод холодной войны, выражает глубоко ошибочное мнение. Он, напротив, свидетельствовал о том, что холодная война в Европе завершилась.

Часть четвертая

БИПОЛЯРНАЯ СИСТЕМА:
РАЗРЯДКА НАПРЯЖЕННОСТИ И
СОСУЩЕСТВОВАНИЕ-СОПЕРНИЧЕСТВО

Глава десятая

Сосуществование-соперничество
и деколонизация

10.1. Два «лагеря» в первые годы стабилизации

10.1.1. «ВОЗРОЖДЕНИЕ ЕВРОПЫ»

Стабилизация в Европе не сгладила противостояния между двумя «лагерями»: в Европе привыкли к враждебному сосуществованию, отягощенному подозрениями и взаимными обвинениями, и смирились с тем, что континент разделен на две части «железным занавесом», который никто не помышлял устранить и который, в лучшем случае, мог бы стать более проницаемым.

Каждая из двух частей Европы приспособилась, несмотря на внутренне различные процессы, к наличию внешнего фактора стабилизации. В Западной Европе послевоенная реконструкция сменилась мощным ростом экономики. Темпы роста валового национального продукта Федеративной Республики Германии превышали 7% в год; в Италии начался этап так называемого «экономического чуда», когда в среднем рост составлял 6% в год, а порой достигал и 10%. Франция и Великобритания также пережили период процветания, хотя их развитие сдерживалось расходами на ведение колониальных войн (в первой) и меньшей производительностью труда (во второй). С экономической точки зрения в эти годы были заложены основы для возвращения Западной Европы на господствующие позиции в мировой экономике. Однако ее развитие ограничивала фрагментарность рынка, его

раздробленность на отдельные национальные сегменты, что ограничивало свободу торговли и возможности роста. Более того, эта раздробленность позволяла проявляться традиционному соперничеству, которое подрывало европейское могущество еще в прошлые десятилетия, а теперь тормозило развитие. В этих условиях сохранялась тяга к независимости, убежденность в возможности самостоятельно проводить эффективную политику в мировом масштабе. Имперская Франция расплескивала свои ресурсы: на потребности внутреннего роста, на ведение войны в Индокитае, на подавление открытого мятежа в Северной Африке, на содержание имперской администрации в Центральной Африке. Великобритания не решалась отдать предпочтение ни одной из «трех окружностей» своей внешней политики (Британское Содружество, Европа и «особые отношения» с Соединенными Штатами), надеясь, что сумеет искусно маневрировать и в то же время продолжать контролировать через Средний Восток зону к *востоку от Суэца*.

Провал ЕОС и создание ЗЕС продемонстрировали пределы возможностей преодолеть национальные различия за короткий период. Наиболее важные страны Западной Европы получили импульсы для возобновления инициатив в области интеграции как извне, связанные с советской «угрозой», так и изнутри, связанные с производительными силами, с суперактивными «еврократами» и с европейскими движениями, которые после поражения 1954 г. воспряли духом и стали действовать иными методами.

В международном плане этот подъем экономики значительно отличался от послевоенного, т.е. подъема 1947–1954 гг., поскольку он был порожден не объединением европейских ожиданий и американских инициатив, а, напротив, европейскими инициативами и ожиданиями, более или менее понятыми американской стороной. С европейской стороны наиболее яркой личностью был Жан Монне, председатель Высшего руководящего органа ЕОУС (Европейского объединения угля и стали), который сосредоточил все внимание на европейской проблематике, исключив из нее непопулярные военно-политические аспекты. Он сместил центр тяжести в область экономической интеграции, что содействовало включению новой Германии (ФРГ) в институциональные структуры, способные воспрепятствовать развитию угрожающих тенденций, о которых напоминали чуткие в этом отношении французы; однако германские проблемы не были представлены как основной элемент новых европейских предложений. Позиция Великобритании вновь приобрела решающее значение, потому что совершенно очевидна была разница между возрождением огра-

ниченной Европы шести (Франция, ФРГ, Италия и страны Бенилюкса) и Европы семи (плюс Великобритания). Но этот аспект не имел определяющего значения, так как примером для Монне служило ЕОУС, единственное существовавшее тогда наднациональное объединение.

Уже в ноябре 1954 г. Монне объявил, что с 10 февраля 1955 г., со дня истечения его полномочий в качестве председателя Высшего руководящего органа ЕОУС, он снова обретает свободу политической деятельности. Сообщая о своем решении коллегам, он сказал: «То, что удалось сделать в области угля и стали шести странам нашего объединения, должно быть доведено до конца: Соединенные Штаты Европы (...). Наши страны стали слишком маленькими относительно современного мира, в котором сегодня американские или русские масштабы задают шкалу отсчета для современной технологии, а завтра она будет измеряться масштабами Китая или Индии».

Планы, которые с этого момента Монне обсуждал с ведущими деятелями европейской политики, касались двух задач: распространение полномочий ЕОУС на другие отрасли — транспорт и источники традиционной энергии; и создания нового сообщества, которое руководило бы совместным использованием ядерной энергии в мирных целях. В Европе тогда не было установок, работавших на атомной энергии, за исключением Франции. Новое сообщество могло не только способствовать развитию энергетической отрасли, считавшейся в то время стратегической, но и обеспечить руководство и контроль над мирной атомной промышленностью, которая могла бы автономно возникнуть в Германии. В целом эти проекты встретили достаточно благоприятный отклик во всех политических кругах Европы, за исключением Великобритании, в тот момент весьма далекой от идеи принять участие в системе европейской интеграции. Поэтому речь Монне была обращена к ограниченному кругу стран-участниц ЕОУС. В дальнейшем выступление Монне не могло расцениваться как инициатива французов, поскольку доверие к европейским предложениям Франции упало после августа 1954 г. до довольно низкого уровня — политическая борьба во Франции лишала Монне единомышленников, к которым он испытывал бы полное доверие.

В связи с этим родилась идея, чтобы инициатива исходила от стран Бенилюкса. Монне говорил об этом с П.-А. Спааком, который оставался министром иностранных дел Бельгии до весны 1955 г. Спаак считал невозможным возобновить диалог с французами, пока у власти находился П. Мендес-Франс, не пользовав-

шийся расположением европейцев. Пришлось ждать до февраля 1955 г., когда падет правительство Мендес-Франса и к власти придет кабинет, сформированный Эдгаром Фором. С точки зрения европейцев, целесообразно было подождать пока французы ратифицируют соглашения о создании ЗЕС (Западноевропейского союза), и поэтому только в начале апреля 1955 г. Спаак выступил с официальным изложением идей Монне. Как рассказал сам Спаак в своих мемуарах, его инициатива была принята «без энтузиазма». Из Бонна, Парижа и Рима пришли советы набраться терпения и действовать осторожно. Напротив, барон Йохан Виллем Бейен, министр иностранных дел Голландии, Жозеф Бех, министр иностранных дел Люксембурга, ответили одобрением. Бейен даже выступил с критикой идеи интеграции по отраслям и отстаивал «всеобщую интеграцию» — «международное сообщество, целью которого должна стать экономическая интеграция Европы в широком смысле»; добиваться ее следовало постепенно, через две стадии: таможенный союз и экономический союз.

Предложение было слишком смелым, учитывая обстановку, в которой оно было сделано. Но Бейен призывал как Беха, так и Спаака к признанию проекта; выступив 21 апреля с речью, он привлек к нему внимание общественности. После этого план Бейена стал европейской парадигмой каждой из шести стран, призванных принять его. В конце концов, даже Монне преодолел свои колебания в определении задач возрождения. Колебания были связаны как с нерешительностью французов, так и с двойственностью позиции немцев, порожденной различием концепций канцлера Конрада Аденауэра и его министра экономики Людвиг Эрхарда. Министр считал необходимым сотрудничать с Великобританией, по крайней мере, в области ядерной энергетики, а не присоединяться к французским проектам, к тому же он был сторонником либеральной экономической политики в противоположность дирижизму самого Монне и некоторых европейских правительств.

Монне по договоренности с Бейеном и со Спааком подготовил меморандум, в котором в едином тексте были обобщены идея интеграции по отраслям и идея экономической интеграции в целом. 6 мая 1955 г. меморандум был направлен заинтересованным правительствам в качестве основы для работы конференции, участвовать в которой они приглашались. Все еще сохранялась некая двойственность подходов — отраслевая и всеобщая интеграция, но был сделан первый шаг для запуска заржавевшего механизма европейской интеграции.

Приглашение было послано для участия в специальной сессии Конференции министров иностранных дел ЕОУС, которая должна была состояться в Мессине или в Таормине в первых числах июня 1955 г. для назначения преемника Монне на пост руководителя ЕОУС и для обсуждения меморандума Бейена. Во время интенсивного подготовительного периода идеи прояснились. Гипотеза интеграции по отраслям поддерживалась только французами и менее решительно бельгийцами. Все остальные, хотя и по разным причинам, склонялись к созданию двух институтов: один компетентный орган в области сотрудничества по использованию ядерной энергии в мирных целях и другой компетентный орган должен был заложить основы для европейского общего рынка. Существовало абсолютное разногласие о полномочиях будущих институтов (наднациональные или нет), и о политическом значении решений, которые предстояло принять на конференции в Мессине: будут ли они просто успокоительным средством для деятелей, испытывавших ностальгию по европеизму, или же станут подлинным возрождением процесса европейской интеграции.

Покончив с бюрократической проблемой назначения Рене Майера вместо Монне на пост председателя Высшего руководящего органа ЕОУС, участники сессии перешли к реальным проблемам, которые оживленно обсуждались до рассвета 3 июня. Существовало очевидное общее желание принять решения, способные возродить процесс интеграции, но все правительства выступали за разные формулировки, поскольку по-разному представляли себе защиту своих интересов и позиций. Наконец, соглашение было достигнуто благодаря расплывчатой декларации принципов, которая не отдавала предпочтение ни одному из предложенных методов, но утверждала необходимость «следовать по пути создания единой Европы, благодаря развитию общих институтов, постепенному слиянию национальных экономик, созданию общего рынка и постепенному согласованию в проведении социальной политики». Эти безликие выражения приобрели большую конкретность в специальном приложении к общему проекту, в котором закладывались основы для сообщества по использованию атомной энергии в мирных целях (после чего стала употребляться аббревиатура *Евратом*). В документах также утверждалось, что целью политико-экономической деятельности шести стран являлось «поэтапное» создание «европейского общего рынка, внутри которого отменялись бы таможенные сборы и все количественные ограничения».

10.1.2. ПЕРЕГОВОРЫ ПО ПОВОДУ ДОГОВОРА
О ЕВРОПЕЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Чтобы добиться намеченных целей, было проведено несколько заседаний, которые на основе предварительного проекта из восьми пунктов, четко сформулированных в Мессинском заключительном документе, подготовили к 1 октября 1955 г. доклад для представления его Совету министров иностранных дел. Великобритания была приглашена для участия в подготовительной работе.

Председателем комиссии по работе над задачами, поставленными в Мессине, был назначен Спаак, который оказался зажат между собственным стремлением точно определить цели и сроки разных разработанных «этапов» и ограничениями, навязанными ему французской и германской дипломатией. Работы комиссии начались 9 июля при участии британского наблюдателя и закончились с некоторым опозданием относительно намеченных сроков — 20 апреля 1956 г. Объемистый доклад комиссии Спаака был рассмотрен Советом министров иностранных дел ЕОУС, заседавшим в Венеции 29 и 30 мая 1956 г., и не вызвал особых дебатов. Затем начались переговоры по подготовке проектов двух договоров, относившихся к созданию Евратома и Европейского общего рынка, оба договора были подписаны 25 марта 1957 г. в Риме.

Разработка двух документов и сроков их одобрения столкнулась с проблемами, связанными с внутренними трудностями, переживаемыми Францией, с венгерским кризисом и, более того, с Суэцким кризисом (в конце октября — начале ноября 1956 г.), которые выявили значимость и срочность возрождения Европы. Необходимо было сделать так, чтобы оно не осталось пустым звуком, а стало бы чем-то осязаемым и полезным для интересов той же Франции — «великой державы», находившейся в состоянии упадка.

Во время подготовки доклада Спаака, как отмечает Мишель Демулен, разгорались дискуссии, когда проблемы ядерной энергии переплетались с более широкими темами формирования общего рынка. Часто легкость обсуждения вопросов о сотрудничестве в области использования ядерной энергии (т.е. обсуждения того, что еще не существовало), оказывала стимулирующее влияние и подталкивала к принятию политических решений, относящихся к тому, что уже существовало: шесть экономических систем, которых предстояло объединить. Важное решение было принято в начале ноября 1955 г., когда было признано, что конечная цель подготовительных работ заключалась в разработке проекта подлинного общего рынка; при этом полагали, что создание рынка будет проходить через этапы, необходимые для устранения барьеров,

мешающих товарообмену, для установления таможенных режимов по отношению к третьим странам, для согласования различных экономических условий и, следовательно, для создания с этой целью общих институтов.

Конференция в Венеции проходила без особых затруднений, отчасти потому что в эти месяцы внимание Франции и Великобритании было сосредоточено на кризисной ситуации в Северной Африке. В итоге англичане продемонстрировали в декабре 1955 г. свое неприятие программ, которые обсуждались в Брюсселе. Они усмотрели в них опасность развала ОЕЭС (Организации европейского экономического сотрудничества), органа, в задачи которого входила лишь координация, а потому претензии англичан выглядели просто как предлог. Более того, они предложили, чтобы выводы комиссии Спаака соответствовали той работе, которую была способна осуществить вся ОЕЭС. Вместо того, чтобы присоединиться к проектам шести, правительство Лондона готовилось начать с ними арьергардные бои с целью объединить остальные страны ОЕЭС в другую организацию — *Европейскую ассоциацию свободной торговли* (ЕАСТ), действительно созданную 20 ноября 1959 г. Бойкот Великобритании не помешал ни заседанию в Венеции, ни завершению работ комиссии Спаака. Более того, правительство Франции после Суэца преодолело свои колебания, и это отличало ее политику от политики Великобритании. Не меньшее влияние в том же направлении оказал Жан Монне, формально и не участвовавший в переговорах, 11 октября 1955 г. он организовал «Комитет действия за Соединенные Штаты Европы», эффективность которого в значительной мере была связана с влиянием присоединившихся к нему авторитетных политиков соответствующих стран и партий (Ги Молле от французских социалистов, Эрикх Олленхауэр от немецких социалистов, Аминторе Фанфани от итальянских христианских демократов — на авторитет этих деятелей опирался Монне).

10.1.3. ДОГОВОРЫ О ЕВРАТОМЕ И ЕВРОПЕЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Договоры, подписанные в Риме, касались объединения материальных, технических и научных ресурсов для совместного использования благодаря созданию Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) и Европейского экономического сообщества (ЕЭС).

Первое из сообществ соответствовало широко распространенному тогда убеждению, что существует только один источник

производства энергии, располагающий неограниченным сырьем при понижающейся стоимости — это атомная энергия. Три эксперта в области атомной энергии сразу после подписания договоров в Риме представили доклад, в котором говорилось о строительстве в странах Общего рынка в течение десяти лет 75 атомных электростанций, способных производить 15 миллионов киловатт электроэнергии при работе на американских и английских реакторах в соответствии с нормами, исключающими любую попытку использования ядерной энергии в военных целях.

Между тем страны-участницы сообщества под давлением французов, которых робко поддержали итальянцы, не отказались и от использования ядерной энергии в немирных целях. К тому же различие между гражданской и военной сферами применения атома тогда не было столь явным. Когда в 1956 г. французы начали говорить о создании «европейской» установки разделения изотопов, основанной на французской технологии, при финансировании всеми шестью странами, заинтересованными в проекте, то считали возможным применять ее в обоих направлениях использования ядерной энергии.

Эта область сотрудничества представлялась наиболее благоприятной и вызвала наибольшее одобрение в Соединенных Штатах. Американское правительство с тревогой следило за развитием советских исследований в сфере ядерной энергетики и боялось, что отставание в этой области может сдерживать экономический рост Западной Европы, когда в середине 70-х годов, как предполагал Даллес, экономический бум пойдет на спад. Поэтому США видели в Евратоме средство преодолеть это отставание, а также средство тесно привязать Германию к европейскому сообществу, что помешало бы развитию ее автономной ядерной политики, и, наконец, американцы оценивали его как инструмент, который поможет Соединенным Штатам твердо удерживать в своих руках монополию на использование ядерной энергии в военных целях, лишь частично разделяя ее с Великобританией. Наконец, закрытие судоходства по Суэцкому каналу осенью 1956 г. напомнило об опасности, связанной с внезапными энергетическими кризисами. Более того, вопреки ожиданиям американцев, правительство Парижа весной 1954 г. приняло принципиальное решение создать французские ядерные силы, когда делались еще только первые шаги по пути европейского возрождения; решению французов не помешал даже Римский договор. В ноябре 1956 г. правительство Ги Молле, чтобы несколько смягчить унижение, пережитое в связи с Суэцким кризисом, одобрило атомную программу национальной обороны, которая предусматривала в течение 5 лет про-

ведение испытаний ядерных устройств французского производства и планировала сотрудничество в этой сфере с Италией и Германией. Но только при де Голле ядерная ударная сила приобрела исключительно французский характер.

Более сложным был договор о ЕЭС. Страны, подписавшие договор, — Франция, Федеративная Республика Германия, Италия, Бельгия, Голландия и Люксембург — поставили перед новым институтом задачу добиваться с помощью создания общего рынка и постепенного сближения экономических политик стран-участниц гармоничного экономического развития в Сообществе, его непрерывного и равномерного роста, увеличения стабильности, повышения уровня жизни и установления более тесных отношений между странами-участницами. В этих условиях таможенный союз (то есть создание общего рынка, защищенного от внешнего мира единым тарифным барьером, при отмене внутренних пошлин и количественных ограничений) представлял собой предварительное условие для формирования подлинного Сообщества, внутри которого устранялись бы любые препятствия для свободного передвижения людей, услуг и капиталов, разрабатывалась общая политика в области сельского хозяйства и транспорта, создавался режим обеспечения свободной конкуренции, осуществлялась координация экономических политик, предусматривалось создание Европейского социального фонда и учреждение Европейского инвестиционного банка.

Первый период претворения в жизнь договора и формирования структур общего рынка должен был длиться 12 лет (а в случае необходимости 15 лет) и состоять из четырехлетних этапов. В конце каждого этапа, для которого характерно постепенное устранение, в соответствии с принятыми мерами, барьеров внутри Сообщества, Совет министров должен переходить к следующей фазе. Задача претворения договора в жизнь была поручена исполнительному органу, Комиссии, состоявшей из девяти членов (двое от каждой большой страны и по одному от малых стран) и облеченной полномочиями выступать с инициативами и координировать деятельность ЕЭС, но не получившей право принимать решения. Это право было предоставлено Совету министров, руководившего деятельностью Сообщества с учетом пожеланий правительств стран, входивших в ЕЭС: так родилась двуглавая система, в рамках которой вопрос о компетенциях во многом определял будущее Сообщества. Ассамблея, состоящая из 142 членов, была сформирована путем двухступенных выборов. Суд, состоявший из девяти членов, должен был решать споры, связанные с претворением договора в жизнь.

Римские договоры были ратифицированы в течение 1957 г. и оба Сообщества начали существование с 1 января 1958 г., когда правительства и парламенты разных стран назначили своих представителей в соответствующие органы. Председательствовать в Комиссии ЕЭС был приглашен немец Вальтер Хальштейн, в прошлом советник канцлера Аденауэра; Евратом возглавил француз Луи Арман. Огромный институциональный механизм начал свою работу. Теоретически ему предстояло распространять в Европе систему свободной экономической инициативы и конкуренции в соответствии с жесткими правилами рыночной экономики, самыми непреклонными сторонниками которой были немцы.

Две проблемы стояли перед теми, кто вступил на этот путь. С точки зрения экономики, основной вопрос заключался в способности заинтересованных правительств и органов ЕЭС превратить общий рынок в предпосылку для создания подлинного европейского сообщества: это требовало сближения концепций развития и экономического положения, что осуществлялось бы более легко благодаря согласованному экономическому росту шести объединившихся стран. Но этот процесс столкнулся с трудностями из-за различия во внутренней ситуации разных стран; от каждой страны потребовалось в той или иной мере приспособиться к правилам сообщества и проводить согласованную социально-экономическую политику, хотя и не всегда соответствовавшую общим требованиям. Согласовать разнообразные законодательства при различии условий в странах Сообщества было весьма смелой задачей, которая требовала сильной воли и стремления к сближению правительств шестерки, а также незаурядных способностей от руководства институтами Сообщества. Все это выявляло вторую проблему: способность Сообщества обрести собственный политический вес — нечто качественно иное, чем способность координировать проблемы — оставаясь в зависимости от правительств. Необходимо было стать институтом, способным проводить собственную независимую политику. Короче говоря, стоял вопрос о «политических» полномочиях Сообщества или о трансформации ЕЭС из чисто экономического института в политическое Сообщество, способное разрешить проблему отношений с отдельными государствами-членами, не нарушая их национальные интересы.

Представители европейских движений хорошо сознавали сложность этих проблем, так как понимали, что органы Сообщества должны были действовать в определенных институциональных рамках. Прежде всего, это хорошо сознавал генерал де Голль, не смирившийся с двойственностью, которую, по его мнению, следовало устранить. Возвращение де Голля к власти во Франции

в июне 1958 г., когда ЕЭС начало делать первые шаги, было расценено многими как предпосылка неизбежного паралича, в котором незамедлительно окажется Сообщество. Борьба де Голля против ЕОС (Европейское оборонительное сообщество) еще не ушла в далекое прошлое, чтобы можно было не опасаться, что генерал по-прежнему с враждебностью относится к концепции европейской интеграции. Однако де Голль, напротив, разделял цели европейской экономической интеграции, которые считал необходимыми для обновления и модернизации экономики Франции, задачи, которые его правительство решало с первых шагов. Тем не менее, он считал, что выполнение этих задач нельзя доверять органам, лишенным реальной связи с политикой отдельных стран. Простое сравнение полномочий Комиссии и Совета министров ЕЭС свидетельствовало, по мнению генерала, что проблема не решена. ЕЭС должно было стать политическим сообществом, в котором полномочия различных органов имели бы законную силу благодаря определенным формам взаимодействия. Их согласование после изучения заинтересованными правительствами могло предотвратить паралич Сообщества.

Поэтому неудивительно, что де Голль выступил сторонником укрепления ЕЭС и усиления Сообщества как политического института. Иными должны были стать и методы формирования такого института. В 1959 г. де Голль изложил свое видение предложенной им модели: «Объединить в политическом, экономическом и стратегическом отношении государства, расположенные от Рейна и от Альп до Пиренеев. Превратить эту организацию в одну из трех мировых держав и, когда-нибудь, если возможно, в арбитра между двумя противоборствующими лагерями — советским и американским». ЕОУС, существовавшее с 1952 г., и ЕЭС должны были найти свое место в этом грандиозном проекте, который ярко отражал гегемонистские амбиции генерала. Правовая форма разных сообществ, приданная им по договорам, представлялась де Голлю маргинальной проблемой в сравнении с той, что составляла суть его политической инициативы. В августе 1958 г., на следующий день после встречи с председателем Совета министров Италии Фанфани, он охарактеризовал ее как важный шаг, благодаря которому Европа должна «практически стать политической, экономической и культурной реальностью». Такое объединение должно быть осуществлено благодаря серии тесных контактов между руководителями государств Сообщества, в этих политических консультациях должны принимать участие и представители органов ЕЭС.

Резкие выступления де Голля против безответственных «бюрократов», претендующих на управление Европой из Брюсселя, где обосновались руководящие органы Сообщества, часто воспринимались как его неприятие самой концепции интеграции. Но эти критические замечания генерала касались наиболее важной проблемы Сообщества — способности придать решениям технического, организационного характера, принятым без участия народных представителей, политическое значение и весомость выражения общественных интересов: этих элементов тогда недоставало, так как не было соответствующего политического соглашения. При этом не только предложения де Голля содействовали решению проблемы, но они указывали на ее наличие, что сдерживало расширение сферы деятельности ЕЭС и его активности.

В течение первых лет существования ЕЭС функционеры из Брюсселя и правительства стран-участниц работали над реализацией положений договора, касающихся создания общего рынка. Они сумели достичь решения поставленных задач даже раньше намеченного договором срока, т.е. до 1 июля 1968 г., когда был установлен уровень общего внешнего тарифа и завершен процесс снижения таможенных пошлин внутри Сообщества (почти на два года раньше предусмотренных сроков). Но параллельно де Голль продолжал политическую борьбу, сочетая свои амбиции глобального характера с компромиссами в отношении Сообщества. Не добившись успеха в сентябре 1958 г. в организации атлантической директории тройки (Соединенные Штаты, Великобритания и Франция), что обеспечило бы Франции ведущие политические позиции в ЕЭС в отношении НАТО и, следовательно, в отношении Советов, он стремился внушить странам Сообщества свое понимание, что это такое — Европейское политическое сообщество. Идея учреждения органа, обладавшего большей политической властью, чем институты ЕЭС, была впервые осторожно заявлена на встрече с А. Фанфани и К. Аденауэром, затем в 1960 г. была представлена общественности как проект разработки новой структуры Сообщества.

Чтобы не заблудиться в теоретических дебрях (так писал де Голль в документе, врученном Аденауэру в июле 1960 г.), нужно, чтобы Европа стала результатом «организованного сотрудничества между государствами». Поэтому необходимо было изменить уже созданные органы, «неизбежно стремящиеся незаконно превратиться в безответственное супергосударство», и поставить их под контроль правительств; положить конец системе интеграции, сформированной под влиянием американцев, чтобы на новой основе перестроить тот же самый Североатлантический союз. Этого

результата можно было достичь, если ввести в практику периодические встречи глав государств или правительств, подготовленные экспертами по проблемам политического, экономического, культурного сотрудничества, а также в области обороны. Эти идеи выражали стремление к утверждению ведущей роли независимых государств, которая должна была гибко сочетаться — как отмечает Жорж-Анри Суту — с европейским межгосударственным сотрудничеством.

Отсюда родилась идея организовать обсуждение проблемы европейского политического сотрудничества в рамках шестерки. В феврале 1961 г. этот проект был представлен официально, после чего была создана аналитическая комиссия, которую возглавил известный деятель, соратник де Голля, Кристиан Фуше. Комиссия работала с весны 1961 г. по январь 1962 г. Де Голль, который исходил из проекта пересмотра существующих институциональных структур, согласился на ряд компромиссов и признал, что развитие политического сотрудничества совместимо с реформами, ведущими к более ощутимой эффективности Сообщества. Политическое сотрудничество должно было развиваться между правительствами. Институты Сообщества должны действовать внутри того политического союза, формирование которого было главной задачей комиссии Фуше. Таковы были предложения, касавшиеся наиболее деликатных и спорных вопросов, поскольку предполагалось, что политический союз, т.е. организация, созданная на межгосударственной основе, поглотит Сообщество, созданное на базе интеграции.

Всю весну 1962 г. де Голль пытался убедить остальные пять правительств, входившие в Сообщество, принять этот замысел. Он столкнулся с разного рода трудностями. Наконец, оппозиция голландцев привела к окончательному провалу плана, представленного Фуше. ЕЭС было спасено, но главная политическая проблема, от которой зависело его будущее, не была решена. Когда настал момент перейти от решений, устраняющих ограничения в торговле между странами Сообщества, к разработке общей европейской политики, выявились прежние разногласия, но никто из участников не был намерен менять свои позиции.

10.1.4 СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА ПОСЛЕ ВЕНГЕРСКОГО КРИЗИСА

Десталинизация, секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС, мятеж в Венгрии и репрессии, за ним последовавшие, вызвали в советской системе и, более широко, среди коммунисти-

ческих партий всего мира такую реакцию и такое потрясение, которые потребовали решения очень глубоких проблем. Были ли сталинские искажения чрезвычайным явлением или они внутренне присущи «реальному социализму»? Следовало продолжать или прекратить ревизионистскую политику, инициатором которой был Хрущев, и которая вызывала почти непреодолимые трудности? Речь идет не о риторических вопросах, а о проблемах, повлиявших в конце 1956 г. на отношения СССР со своими сателлитами, а также на советскую внешнюю политику в целом.

Для Хрущева венгерский кризис был не более, чем неизбежный инцидент на пути, отступить от которого не следовало. Он затрагивал как идеологические вопросы, так и международные проблемы. Хрущев должен был придерживаться умеренной линии, чтобы не усиливать напряжение в странах, где в большей мере проявились беспокойство и недовольство среди населения. Это объяснение служило обоснованием для развития советской экономической политики внутри страны. Венгерский кризис и напряженность, которая в Польше предшествовала приходу к власти Гомулки, наряду с нормализацией отношений с Тито содействовали тому, что было сделано разъяснение: ортодоксальность не требует полного согласия с советскими позициями. Именно Гомулка в Польше и Кадар, организатор венгерских репрессий, смогли продемонстрировать, что открыты «национальные пути» к коммунизму. В момент своего прихода к власти Гомулка утверждал: «Ликвидация эксплуатации человека человеком остается неизменной в социализме. Пути достижения этой цели могут быть и существуют различные». После советских репрессий в Венгрии поляки даже воздерживались от поддержки СССР в ООН и ограничились одобрением политики правительства Кадара, поскольку она направлена на «братское сотрудничество с другими социалистическими странами» на основе «полного равенства и уважения суверенитета государства». В этом вопросе поляки были близки к югославам, и это сепаратное согласие с позициями друг друга было охарактеризовано как своего рода ревизионистская коалиция трех (Польши, Венгрии, Югославии), которая в конце концов была противопоставлена непреклонным сторонникам коммунистического интернационализма, что означало требование полного равенства несогласных на советские установки.

В то же время советский лидер должен был принимать во внимание позиции правящих коммунистов, опасавшихся скрытого диссидентства (Ульбрихт в Германской Демократической Республике или Новотный в Чехословакии), а потому осуждение любой формы «национального коммунизма» они использовали

для подавления опасной ереси, становившейся все более угрожающей. В то время как они стремились сгладить разногласия, из Китая стали приходить сообщения о растущем недовольстве Мао Цзедуна политикой десталинизации. Мао избрал Тито в качестве мишени для своих полемических выступлений: Тито был олицетворением хрущевской концепции, от которой Мао дистанцировался, но пока не критиковал ее открыто, так же как Хрущев сосредоточил свою критику на албанцах и Энвере Ходже, чтобы явно не полемизировать с Мао. Споры между коммунистическими руководителями нашли наиболее яркое отражение в позиции болгарской партии, четко и однозначно заявившей: «Отношение к Советскому Союзу и советской компартии является критерием и пробным камнем пролетарского интернационализма». При этом в качестве врагов были объединены и ревизионисты, и потенциальные раскольники (китайцы).

В июне 1957 г. конфликт, с неотвратимостью раскалывавший также и высшее руководство КПСС, достиг критического момента. Хрущеву, оказавшемуся в ходе дискуссии с Молотовым, Маленковым и Кагановичем в меньшинстве в Президиуме ЦК КПСС, удалось перенести конфликт в Центральный Комитет партии, где решающей оказалась поддержка, оказанная ему военными. Тема дискуссии в очередной раз касалась пределов десталинизации. Хрущев подтвердил свою политическую линию и представил ее в качестве наиболее эффективной с точки зрения роста престижа Советского Союза в мире. Трех его противников обвиняли в том, что они препятствовали внутренним реформам и международной разрядке. Молотов оказался в этой ситуации «козлом отпущения» из-за своего враждебного отношения к примирению с Югославией, его оппозиции в отношении заключения Государственного договора с Австрией и из-за его отказа признать «возможность предотвращения войн в современную эпоху» и «возможность разных форм перехода к социализму в различных странах». Молотова, Маленкова и Кагановича, обвиненных в том, что они находятся «в плену старых представлений и методов», заклеили как «сектантов» и «догматиков». Хрущев, таким образом, освободился от части внутренней оппозиции и приобрел значительную свободу маневра.

Новым в этой дискуссии был метод, который использовал Хрущев для сосредоточения власти в своих руках. Основываясь в большей степени на консенсусе коллегиального олигархического руководства, чем на личной власти, он избежал физического уничтожения или политического преследования побежденных противников. Сталинские чистки стали к тому времени отжившим

методом. Однако в целях борьбы со своими противниками Хрущеву пришлось сместиться, если так можно выразиться, «вправо», то есть перейти на более ревизионистские позиции, в меньшей степени поддерживаемые внутри советского блока. Поэтому он вынужден был вернуться на центристские позиции в условиях, когда мир был охвачен идеологическим и политическим брожением, но также и испытывал оптимизм, вызванный успехами Советского Союза в ракетном и космическом соревновании с американцами — запуском первой межконтинентальной баллистической ракеты и первого искусственного спутника земли, запущенного на орбиту 4 октября 1957 г.

Ситуация, позволившая оценить последствия такой антиномии, представилась в связи с празднованием 40-й годовщины Октябрьской революции, по случаю которой в середине ноября в Москву съехались представители 68 коммунистических партий всего мира. В действительности было организовано две отдельные конференции: одна — правящих партий, состоявшаяся 14—16 ноября и завершившаяся подписанием общего документа, к которому не захотели присоединиться югославы, другая — всеобщая, направленная на утверждение роли марксистско-ленинской идеологии в международной политической жизни в новых условиях, на укрепление коммунистических партий после кризиса 1956 г. и на провозглашение целей коммунистов в их борьбе с капитализмом в своего рода новом манифесте. Эта декларация последней конференции была подписана всеми партиями, присутствовавшими в Москве.

Во время «открытой» конференции сталкивались, хотя часто и в скрытой и малопонятной для «непосвященных» форме, ревизионистское течение и течение «непримиримых». В самом деле, ревизионисты, чьи позиции выражали фактически только поляки, югославы и итальянцы, излагали свои тезисы перед враждебно настроенной аудиторией, с которой Хрущев предпочитал не слишком откровенничать, предоставляя изложение «непримиримых» позиций (трудно сказать по расчету или в силу объективной необходимости) Мао Цзэдуну. Кстати, именно в эти дни (15 ноября) Китай и Советский Союз подписали соглашение о «новой технологии для национальной обороны», укреплявшее военное сотрудничество между двумя странами, что должно было способствовать восстановлению китайских вооруженных сил после войны в Корее и началу проведения ядерных исследований, благодаря которым позднее, в 1964 г., Китай также стал атомной державой. Иными словами, дискуссия, проходившая в момент, когда Китай, равно

как и европейские компартии были заинтересованы в подтверждении доминирующей роли Советского Союза, делала возможным такое распределение ролей, при котором Хрущеву отводилась взвешенная позиция, а Мао вытаскивался на авансцену «непримиримости». При этом пекинское правительство представало даже как ищущее предлога для развязывания войны.

Китайский лидер вынудил ревизионистов к отступлению, используя двойную тактику. С одной стороны, он подтвердил со всей определенностью главенствующую роль Советского Союза в коммунистическом мире. Мао нарисовал перспективу успехов в борьбе с «бумажным тигром» западного капитализма. Он дошел даже до повторения тезисов Коминформа, начав восхвалять новую мощь, приобретенную социалистическим «лагерем» в сравнении с мощью блока, где доминировал американский империализм. Он также утверждал, что не следует бояться рисков, связанных с экспансией мирового коммунизма. Не следует поддаваться американскому ядерному шантажу. В Китае, напомнил Мао, 600 млн жителей. Если даже половина из них погибнет в результате атомной войны, останется еще 300 для строительства нового коммунистического Китая. Последствия этого экстремистского подхода состояли в том, что ревизионисты и, в частности, Гомулка, вынуждены были перейти на более умеренные позиции, тогда как югославы, только чтобы не начинать немедленно полемику с советским лагерем, предпочли подписать заключительный документ, который не соответствовал их убеждениям, поскольку отчетливо продемонстрировал преобладание самых «непримиримых» тезисов.

Как подчеркивал Франсуа Фейто¹ догматизм определялся как «простительное» отклонение от марксистско-ленинского учения, а ревизионизм, напротив, как выражение идеологии, которая, уничтожая революционную энергию, способствует реставрации капитализма. За кажущимся единством Заключительного документа скрывалось немало противоречивых утверждений, представлявших собой общую позицию, в которой однако присутствовало слишком много противоречивых утверждений. Так, объяснялось, что существуют «общие закономерности» построения социалистического общества при различии путей и способов их осуществления, подтверждалось, что война не была неизбежной, однако при этом делалась немаловажная и неоднозначная оговорка, что «пока сохраняется империализм, будет оставаться и почва для агрессивных войн».

¹ Ф. Фейто — французский исследователь, автор ряда работ по мировому коммунистическому движению. — *Прим. редакции.*

Иными словами, документ, который должен был стать новой хартией мирового коммунизма в годы деколонизации, представал, скорее, как трудный компромисс, с почти догматическим звучанием, но имевший сам по себе сомнительное значение. Мао восхвалял руководящую роль СССР в советском лагере, но Хрущев хорошо понимал, что интонации китайского лидера были ближе к позициям таких догматиков, как Молотов, которых он только что устранил. Поэтому он был вынужден играть роль посредника между потребностями в ревизии, объективно назревшими в европейских странах и в самом Советском Союзе, и необходимостью сильных мобилизующих лозунгов. В Китае Мао провозгласил лозунг «пусть цветут сто цветов» для обозначения многообразия форм социализма. Однако после венгерского кризиса, в середине 1957 г. кампания, развернутая вокруг этого лозунга, была внезапно прервана, а «правый уклонизм» был вновь категорически осужден.

С точки зрения международных отношений, советский лагерь во второй половине 50-х годов был до такой степени расколот, что это вошло в противоречие с его претензиями противостоять империалистическому лагерю как единое целое, идеологически и политически сплоченное и ориентированное на достижение общих целей. В Восточной Европе последствия Второй мировой войны постепенно уходили в прошлое, и встал вопрос об экономическом росте в соответствии с планами, которые нельзя было больше представлять в общей и упрощенной форме. Надежда полностью восстановить контроль над Югославией натолкнулась на сопротивление Тито, его стремление к национальной автономии и проводимые им реформы. Сходная ситуация сложилась в отношениях с Венгрией и Польшей; соперничество с Западной Германией обусловило догматизм Ульбрихта.

В противоположном, хотя и схожем плане действовали китайские коммунисты. У Мао Цзедунa и его соратников были две важные мотивации: одна, специфическая, была связана с развитием китайской экономики и теми трудностями, которые вызывали зигзаги доктрины Мао, а другая объяснялась международной ситуацией, воспринимавшейся с растущим недоверием в связи с изменением отношений между Соединенными Штатами и СССР. Лидеры КПК пытались ограничить свободу маневра Советского Союза, выступив на Московской конференции коммунистических и рабочих партий с заявлениями, которые возвращали к обстановке наиболее острого периода холодной войны: они соответствовали ситуации китайско-американского конфликта и были абсолютно не пригодны на новом этапе развития отношений между сверхдержавами.

СССР в период Хрущева, преодолев критическую фазу дестабилизации, сумел в течение нескольких лет играть роль посредника между двумя этими тенденциями с позиции силы. Успешно прошли внутренние реформы; с 1958 г. одновременно с процессом интеграции Западной Европы активизировал свою деятельность Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), способствовавший рационализации экономических отношений между странами советской системы. С 1959 г. развернулось многостороннее сотрудничество, которое должно было прийти на смену старым двусторонним связям. На этой основе были приняты приоритеты производственных отраслей для различных стран, утвержденные в программном документе 1962 г., озаглавленном «Основные принципы международного социалистического разделения труда», целью которого было формирование взаимодополняющих производственных систем, поскольку дисбаланс ресурсов и потенциалов, существовавший между СССР и другими членами СЭВ, отражался на выполнении экономических планов.

Тем не менее, отношения с Китаем после короткого периода сближения в 1957 г., когда Хрущев уступил давлению китайцев и приостановил предоставление значительных кредитов, обещанных в 1956 г. Югославии, затем обвиненной в подогревании разногласий между Москвой и Пекином, стали ухудшаться, а расхождения углубляться вплоть до полного разрыва.

Сила Хрущева объяснялась заметным улучшением экономических условий в СССР и оптимизмом в связи с технологическими успехами: в эти годы, как никогда раньше, в СССР лелеяли надежду, что смогут превзойти экономические достижения Запада.

На XXI съезде КПСС, состоявшемся в 1959 г., Хрущев отважился дать рискованное обещание, заверив, что к 1970 г. СССР превзойдет Соединенные Штаты по производству промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения, став, таким образом, страной, где люди будут жить в лучших в мире условиях. В действительности пророчества Хрущева были основаны на определенных количественных показателях. В 50-е годы советское промышленное производство росло в среднем на 10% в год (если принять за индекс, равный 100, 1953 год, то индекс 1964 г. будет равен 421). Производство стали, составившее 12,3 млн тонн в 1945 г., увеличилось до 65,3 млн тонн в 1960 г.; производство электроэнергии — с 43,2 млн киловатт до 292. За период с 1956 по 1963 г. в СССР было построено больше жилья, чем за все предшествовавшие 40 лет. Оно было низкого качества, но все же это был огромный прогресс для населения, испытывавшего муки совместного проживания нескольких семей в одной квартире.

Помимо количественных параметров, хрущевский режим пытался улучшить систему также и с организационной точки зрения, посредством реструктуризации систем централизованного планирования в соответствии с критериями, направленными на рационализацию выбора целей и распределения ресурсов. Тем же критерием рационализации руководствовались и при проведении аграрной реформы, которая усилила роль совхозов (предприятий, находившихся под непосредственным руководством государства) по сравнению с ролью колхозов (коллективных сельскохозяйственных предприятий) и положила начало процессу слияния двух форм организации сельского хозяйства. Обе эти формы рационализации быстро привели к многообещающим результатам. Однако, они осуществляли рационализацию не реформируемых систем и поэтому могли создать скорее лишь иллюзию изменений, чем привести к подлинным изменениям.

В первый постсталинский период, до 1958 г. преобладал, таким образом, оптимизм, порожденный отличными конкретными результатами. С 1958 г. до смещения Хрущева в 1964 г. пределы этих реформ становились, однако, все более очевидными. Начиная с 1959 г. темпы роста советского ВВП начали снижаться, что стало постоянной тенденцией, сохранявшейся до момента окончательного кризиса Советского Союза. Это было проявлением структурных ограничителей системы централизованной экономики и внутренне присущей ей слабости в сравнении с системой рыночной экономики. Если в количественном отношении советский ВВП продолжал расти, то с точки зрения качества он начал демонстрировать неспособность к модернизации и отставание некоторых стратегически важных отраслей, в особенности относящихся к производству продуктов питания и потребительских товаров. Мечта «похоронить капитализм» растаяла в тот самый момент, когда она была провозглашена. Поэтому внутренние противоречия советской системы стали набирать силу именно тогда, когда была предпринята попытка от них избавиться, и стали проявляться как в виде противоречий внутри блока, так и в форме стимулов, вынуждавших Советский Союз предпринимать некоторые международные инициативы (как, например, полемика о статусе Берлина, ловко начатая в 1958 г. и поддерживаемая в течение трех лет лишь отчасти по причинам, связанным с советской политикой в Германии).

Возможность устранить разногласия в международном коммунистическом движении, которые оказывали влияние на положение в самой КПСС, представилась на XXII съезде партии, состоявшемся в Москве 17—31 октября 1961 г. Съезд оказал глубокое

влияние на политическую жизнь в СССР и привел к важным изменениям во внешней политике страны. Хрущев использовал съезд для возрождения реформистской политики и сокрушительной критики сталинизма. То, что в 1956 г. было изложено в секретном докладе, на этот раз было сказано открыто. Процесс десталинизации стал официальным, тело Сталина было вынесено из мавзолея на Красной площади в Москве, а Сталинграду, городу понесшему огромные жертвы во время Второй мировой войны, было присвоено новое имя — Волгоград. Политика репрессий, проводимая Сталиным, подверглась осуждению, были даже пересмотрены дела, связанные с проведением «больших чисток» в тридцатые годы, и реабилитировано значительное число их жертв.

Попытка открыть широкий политический диалог в обществе выразилась в том, что литературные журналы, стремившиеся проводить самостоятельную линию, в частности, «Новый мир», получили возможность публиковать произведения авторов, не во всем согласных с официальными установками, например, Бориса Пастернака. Осенью 1962 г. эта либеральная тенденция нашла подтверждение в публикации повести «Один день Ивана Денисовича», написанного малоизвестным тогда автором Александром Солженицыным. Это было описание жизни, полной страданий, в сибирском концентрационном лагере. С тех пор имя и работы Солженицына стали олицетворением стремлений к свободе, и более того, открытием мироощущения старой России. Но эта политика открыто противоречила директивам Жданова в области культуры и прорывала цензурные сети, отсеивавшие все неудобное режиму. Она прорывала, но не разорвала их, потому что большинство советского руководства видело скрытую опасность в новых явлениях советской жизни, развитию которых в весьма ограниченных сферах, способствовал Хрущев. В те годы в Москву приезжала учиться молодежь из разных стран мира, в особенности из новых независимых государств, поэтому некоторая степень свободы была необходима, хотя и сопровождалась постоянным изучением догм марксизма-ленинизма.

В то время как идеологические расхождения с Китаем стали необратимы, в СССР обострилось сопротивление приверженцев старых догматических взглядов, которые с 1962 г. ждали благоприятной ситуации, чтобы избавиться от сильного и энергичного, но зачастую непредсказуемого лидера. В результате реформистских поползновений Хрущева в систему, основанную на жестком планировании, были внесены независимые переменные факторы, которые, став чрезмерными, вызывали раздражение у большей части партийного руководства. В этом заключались причины, которые

на фоне кажущегося провала во время кубинского кризиса в октябре 1962 г. привели к тому, что в Политбюро (тогда Президиуме ЦК КПСС) Хрущев оказался в меньшинстве. В октябре 1964 г. он был отстранен от власти и отправлен на пенсию: он был свободен, не подвергался преследованиям, но оказался в полной изоляции.

*10.1.5. ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ
И СУЭЦКИЙ КРИЗИС 1956 г.*

Внутренняя трансформация и эволюция отношений между двумя европейскими (насколько можно использовать это прилагательное также к Советскому Союзу) блоками отражали, впрочем, изменения в обязательствах сверхдержав перед самой Европой. В 50-е годы на смену напряженности холодной войны постепенно пришли идеи нейтрализации и демилитаризации Центральной Европы, как, например, план, представленный в октябре 1957 г. польским министром иностранных дел Адамом Рапацким и неоднократно возобновлявшийся впоследствии представителями дипломатии советского блока. Речь шла о предложениях, малопривлекательных в обстановке обид и недовольства, оставшейся в наследство от кризиса 1956 г. Но сам факт, что они выдвигались и пробивали себе дорогу с тем, чтобы стать со временем основой нового европейского устройства, созданного немецкой восточной политикой и Хельсинкскими соглашениями 1975 г., свидетельствовал о том, что континентальная Европа не являлась больше центром биполярной конфронтации. Все более очевидным становился, однако, один аспект — смещение зон проявления разногласий к периметру атлантической или «американской» системы в целом: в Тихоокеанский регион, на побережье Китая, во внутривнутриполитическую жизнь таких крупных стран, как Индия, а также Индонезия; на Ближний Восток; в Средиземноморье, где усугублялись противоречия между традиционными колониальными метрополиями и странами, недавно ставшими независимыми или же борющимися за завоевание независимости. Более того, именно Средиземноморье стало регионом, в котором смещение театров конфликтов приобрело наибольшую зримость, ясно показав связь, существовавшую между этой тенденцией и процессом деколонизации.

До 1955 г. американские и британские усилия по созданию системы сдерживания потенциальных советских инициатив не сталкивались с препятствиями, за исключением тех, что были связаны с кризисом французской империи (требования независи-

мости в Тунисе и Марокко, восстание в Алжире) и британским присутствием в Египте. В Египте в 1952 г. была свергнута монархия, и установился режим «полковников», окрепший под руководством Насера. Новое руководство страны считало неприемлемым сохранение остатков колониального режима на Ближнем Востоке, оно решительно начало переговоры о выводе английских войск, базировавшихся в зоне Суэцкого канала по договору 1936 г., и добилось 19 октября 1954 г. соглашения о выводе в течение двух лет этих войск, расположенных в зоне канала.

Сложная ситуация складывалась в связи с ослаблением сотрудничества на Балканах между Югославией, Грецией и Турцией, что несколько уравновешивалось значительным вкладом Италии в сохранение стабильности в Средиземноморье после решения вопроса о Триесте. В связи с этим Соединенные Штаты разработали «стратегию внимания» и «осторожного вмешательства», проводя ближневосточную политику в очень узком коридоре возможностей. Они не могли допустить разрыва атлантической солидарности в регионе, важном с точки зрения энергетических ресурсов, в особенности после иранского кризиса 1951–1953 гг. Они старались умерить противоборство Израиля и арабского мира, чтобы не вызвать разрушительных последствий для региона. Они не могли, конечно, оставить в одиночестве Израиль, который своим существованием был в значительной мере обязан американской поддержке, а своим экономическим ростом — финансированию со стороны американской еврейской общины. Тем не менее, во имя политических интересов они должны были пропагандировать и проводить политику «беспристрастия», которая вынуждала их колебаться между сокращением — или приостановлением — оказания помощи и опасением, что изоляция заставит Израиль предпринять отчаянные и необратимые действия. В результате американцы активизировали развитие отношений с арабским миром.

Именно стремление к беспристрастности толкало американцев к укреплению связей с другими арабскими странами и, в частности, с Саудовской Аравией; при этом они не учитывали, что на Ближнем Востоке Египет играл центральную роль. Несмотря на идеи «неприсоединения», которые Насер поддержал на конференции в Бандунге, конфликт с Израилем не был устранен. перевооружение египетской армии стало приоритетной задачей для египетского руководства. Насер обратился к Соединенным Штатам с просьбой о военной поддержке, но отказ американцев заставил его искать иные возможности решения вопроса о военных поставках. В сентябре 1955 г. было объявлено о соглашении с Чехословакией (оно вступило в силу в июле того же года), благодаря которому

Египет в обмен на хлопок получил оружие. Это соглашение отражало новый элемент во внешней политике страны и имело важное военно-политическое значение для региона в целом. После эфемерного присутствия Советов в первое послевоенное время (от которого остался след в виде непрочного союза с Албанией) Средиземноморье вернулось под жесткий контроль Запада. Соглашение Египта с Чехословакией заложило основы для резкого изменения ситуации, более того, оно свидетельствовало, что открылся новый фронт холодной войны на Ближнем Востоке.

Даллес проанализировал опасность новой ситуации и попытался ее парировать. Внешняя политика Насера отражала его стремление сыграть на противоборстве сверхдержав как в военном, так и в экономическом плане. В связи с этим государственный департамент увидел возможность вновь предложить (декабрь 1955 г.) помощь совместно с Великобританией и Международным банком по финансированию проекта, с которым Насер связывал развитие сельского хозяйства и рост производства в стране: построение в Асуане, недалеко от границы с Суданом, мощной плотины, которая должна была улучшить регулирование вод Нила и увеличить площадь плодородных земель на его берегах. Даллес надеялся, что такое гигантское предприятие помешает Египту разрабатывать военные планы против Израиля.

Стремление американцев сохранить равноудаленность осталась; дипломаты и секретные службы предприняли несколько осторожных шагов, чтобы прозондировать, готов ли Насер — или кто-либо другой, кто придет ему на смену — к прямому диалогу с Израилем. По этому вопросу переговоры продвигались медленно в связи со сложностями, присущими процессу принятия решений в США, а также из-за глубокого недоверия к египетскому диктатору. Действительным препятствием для завершения переговоров были резко антизападные настроения, которые сторонники Насера насаждали во всем регионе. Во время переговоров король Иордании Хусейн внезапно уволил Глабб пашу, английского генерала, командовавшего Арабским легионом, ударным отрядом иорданских вооруженных сил, служившим олицетворением англо-иорданской дружбы. Трудности проведения переговоров были также связаны с предоставлением обещанного кредита (200 млн долларов Международным банком, 56 — Соединенными Штатами и 14 — Великобританией), получение которого было обусловлено согласием Египта со схемой соглашения, предложенной Соединенными Штатами, и обязательством не принимать помощь Советского Союза для тех же целей.

Эти условия вынуждали Насера в течение нескольких месяцев увильнуть от ответа, а между тем, Советы распространяли слухи, что они сами готовы финансировать проект. В результате переговоры растянулись до мая 1956 г., когда министр иностранных дел СССР Дмитрий Шепилов прибыл с официальным визитом в Каир для участия в празднованиях, связанных с выводом последних контингентов английских вооруженных сил из зоны Суэцкого канала. Египтяне надеялись, что в связи с визитом туманные советские обещания приобретут более четкие очертания, но Шепилов ничего не сказал по существу. Поэтому Насер был вынужден вернуться к переговорам с Западом, чтобы ускорить их, но было уже слишком поздно. Тем не менее, Даллес (в отличие от Идена) был еще расположен вновь завязать диалог, поскольку американский финансовый год был уже закончен, а новые ассигнования не были предусмотрены в бюджете на 1956–1957 гг. К тому же и визит Шепилова, и признание Египтом Китая сужали свободу маневра Даллеса. Хотя госсекретарь и строил планы продолжить переговоры, но в столь напряженной обстановке и в год президентских выборов, на которые большое влияние оказывало еврейское лобби, все надежды были исчерпаны. 18 июля Даллес сообщил египетскому послу, что администрация Соединенных Штатов больше не в состоянии гарантировать финансирование и соответствующее предложение следует считать отозванным.

В эти дни Насер был гостем Тито на Бриони вместе с премьер-министром Индии Неру. Египетский лидер обратился к Советам и понял, что они не в состоянии немедленно предоставить помощь как альтернативу западному финансированию. Тогда он публично объявил, что собственность Компании Суэцкого канала национализируется, судоходство по каналу переходит а руки египтян, убытки акционеров Компании будут возмещены в соответствии со стоимостью утраченных акций и что доходы от платежей за проход судов по каналу будут использованы для строительства Асуанской плотины; все расчеты были проведены в соответствии с существовавшей практикой экспроприации.

Так началась интенсивная фаза кризиса, кульминацией которого стала война между Израилем, Великобританией, Францией и Египтом в конце октября — первых числах ноября 1956 г. В Великобритании и во Франции — как и в других западных странах — Насера считали идеологическим врагом, схожим с Гитлером, а потому с ним невозможно было никакое примирение. Для англичан он был стратегическим врагом, поскольку его действия угрожали интересам Великобритании на Ближнем Востоке, а для французов он был еще и противником в военном отношении,

так как активно участвовал в пропаганде арабского национализма и оказывал помощь повстанцам в Алжире. Достаточно вспомнить эпизод с яхтой «Атос», которая была конфискована в середине октября 1956 г., так как везла оружие, отправленное Египтом в Алжир.

Насер действовал в неблагоприятной обстановке: Советский Союз хотя и оказывал поддержку, но издалека, а потому недостаточно эффективно. Любой его смелый шаг мог вызвать опасные ответные меры, и единственной эффективной защитой для него, как это ни парадоксально, были действия Соединенных Штатов, которые могли притормозить ответную реакцию, так как англичане и французы предпочитали быстрое возмещение убытков.

Национализация канала породила безрезультатную юридическую тяжбу; она сопровождалась клеветническими измышлениями с англо-французской стороны относительно неспособности египетских лоцманов обеспечить судоходство в соответствии с нормами конвенции 1888 г., регламентировавшей проход судов по каналу. Соединенные Штаты предприняли попытку привлечь все страны, заинтересованные в свободе судоходства, к участию в конференции, которую намечали провести в Лондоне в середине августа 1956 г. На конференцию были приглашены представители так называемых «морских держав» (но Египет от участия отказался), чтобы прийти к мирному решению спора, учредив Ассоциацию пользователей Суэцкого канала, т.е. автономный орган с участием Египта, а судоходство по каналу обеспечивали бы лоцманы этой Ассоциации.

Это предложение было представлено Насеру 2 сентября и было им незамедлительно отвергнуто. Это поставило в затруднительное положение Даллеса, который пытался найти альтернативные решения, прекрасно понимая, что в противном случае участники конфликта прибегнут к силе. Даллес подсказал учредить автономную ассоциацию, у которой были бы собственные лоцманы, способные заменить египетских. Этот вариант, по его мнению, позволял сохранить национализацию и спасти авторитет Соединенных Штатов как среди сил, выступавших с националистических позиций, так и среди союзников, однако в этом случае предполагалось, что египтяне признали бы де факто интернационализацию (международное управление) канала, а англичане и французы отказались бы от своей цели заставить Насера почувствовать последствия его акции и, прибегнув к силе, устранить египетского диктатора.

На самом деле возмущение Великобритании и Франции было очень сильным, но правящие круги этих стран не понимали, что

находятся в изоляции. Даже среди участников Атлантического Союза раздавались голоса протеста против их непримиримых позиций, которые расценивались как проявление колониалистского недовольства, а оно разделялось лишь немногими. Предложение США, в какой-то мере нашедшее признание даже у Идена и расценивавшееся как попытка разумного компромисса, заключалось в том, чтобы поставить вопрос в ООН и в той или иной мере удовлетворить все заинтересованные стороны. Это казалось возможным в первой половине октября, когда министр иностранных дел Египта Махмуд Фавзи, предупрежденный Даллесом о возможности военных действий со стороны Великобритании и Франции, пошел на переговоры, чтобы выработать договор об общих принципах регулирования судоходства по каналу. Совет Безопасности 14 октября в целом одобрил соглашение, однако, о методах его реализации договориться не удалось.

Таким образом, дипломатические усилия лишь маскировали реальные намерения британцев и в еще большей степени французов. Фактически, с самого начала кризиса правители этих обеих стран лелеяли замыслы прибегнуть к ответной военной акции. Уже 27 июля правительство Идена приняло решение и поручило Генеральному штабу разработать планы вооруженной интервенции. Более того, оно создало Комитет по Египту из представителей различных ведомств и поручило ему следить за развитием кризиса. Британцев сдерживала позиция США, поскольку в течение всего этого времени в Лондоне считали, что военные действия возможны только в том случае, если американцы не будут открыто этому противодействовать, и при условии, что военная акция будет воспринята как юридически обоснованная и предпринятая в ответ на египетские инициативы. Тем не менее, это не помешало Комитету по Египту начать работу и подготовить планы военной операции (получившей кодовое название «Мушкетер»), которую можно было бы предпринять во второй половине сентября.

Международно-правовая казуистика Идена не разделялась даже его известными коллегами, например, Гарольдом Макмилланом, по мнению которого, если бы Великобритания не предприняла тогда решительных действий, то скатилась бы до уровня Нидерландов. Французы тоже не обращали на нее внимания, поскольку они не опасались вызвать ненависть арабов (в это время Франция уже была для них главной мишенью) и не беспокоились по поводу реакции американцев, потому что, по крайней мере с 1954 г., отношения между двумя странами резко ухудшились из-за отказа Франции ратифицировать договор о Европейском оборонительном сообществе, а также в связи с различием в подходе к по-

литике в Индокитае. Как отмечает Морис Вайс, у правительства Ги Молле, бывшего тогда у власти во Франции, не было оснований действовать с оглядкой на американцев, и поэтому уже при первых признаках кризиса оно начало неформальные консультации с британским политическим и военным руководством о согласовании совместных действий.

Колебания Британии разочаровали французов. 10 сентября 1956 г. Ги Молле и министр иностранных дел Кристиан Пино прибыли в Лондон для обсуждения переработанного плана операции «Мушкетер». Последующее обращение в Организацию Объединенных Наций и дальнейшие отсрочки британцев привели к тому, что правительство Парижа стало искать другие пути решения проблемы: французы предприняли попытку договориться с Израилем. Первые двусторонние секретные контакты были предприняты в конце сентября 1956 г. в Париже. Французы надавили на Израиль, уговорив его воспользоваться случаем и разбить своего самого сильного и опасного противника. Между тем, анализ военных планов показал, что без участия Великобритании было бы слишком рискованно приступить к военной операции, так как Израиль должен был лишь выступить с угрозой Иордании, чтобы создать предлог для иностранного вмешательства. Но угрожать Иордании означало избрать метод, неприемлемый для англичан. Премьер-министр Израиля Бен-Гурион отверг предложения Франции, однако полностью не отказался от планов совместного выступления.

Эти планы разрабатывались как раз в то время, когда Совет Безопасности ООН одобрил 14 октября общие принципы достижения намечавшегося компромисса. В те же дни французский генерал Морис Шолль и министр Арман Газье прибыли в Англию, чтобы провести секретные встречи с Иденом и представить ему первый проект плана действий, в котором предусматривалось нападение Израиля на Египет и последующая англо-французская интервенция, оправданная необходимостью предотвратить расширение конфликта. Два дня спустя Иден и министр иностранных дел Селвин Ллойд прилетели в Париж, чтобы сообщить Ги Молле и К. Пино свое согласие на проведение операции.

Колебания в правильности предложенного решения были у премьер-министра Израиля, который не хотел, чтобы именно его страна взяла на себя инициативу агрессии против Египта только для того, чтобы создать предлог для вмешательства Англии и Франции. Но начальник Генерального штаба Моше Даян убедил его, что представляется уникальный случай вывести Израиль из изоляции. Израильская делегация прибыла в Париж 21 октября и

сразу встретила с Ги Молле, К. Пино и министром обороны Морисом Буржес-Монури. 22 октября в Париж прибыл Селвин Ллойд, и вести переговоры стало сложнее, так как выявились разногласия между израильтянами, которые стремились, прежде всего, возобновить судоходство в заливе Акаба, заняв стратегическую базу Шарм-эль-Шейх, и англичанами, которые требовали начать операцию в зоне канала. Противоречия были преодолены, и 24 октября представители трех стран подписали в Севре, пригороде Парижа, секретное соглашение, определявшее их действия в последующие дни. Израиль должен был напасть на Египет в зоне канала, что дало бы возможность Англии и Франции предъявить ультиматум двум воюющим сторонам и потребовать от них отвести войска от канала, по крайней мере, на десять миль, под угрозой англо-французского вмешательства для «разделения двух враждующих сторон».

Военные действия начались как по написанному сценарию: 29 октября израильтяне решительно атаковали египтян и оккупировали почти весь Синай. Нападение показало, что, несмотря на усилия Насера, египетские вооруженные силы оказались не в состоянии противостоять неожиданной агрессии. На следующий день Иден и Ги Молле направили свой ультиматум Египту и 31 октября по истечении установленного срока и в связи с явным отказом египтян принять (мягко говоря несбалансированное) требование, потому что в нем не упоминалась оккупация Синай израильскими войсками, британцы и французы начали бомбардировку египетских военных баз, а 4 ноября сбросили первые парашютные десанты на Порт-Саид и Порт-Фуад, готовясь к операции с воздуха и моря, которая должна была обеспечить контроль над каналом.

В истории деколонизации трудно найти операцию, столь плохо рассчитанную, столь слабо подготовленную и давшую столь нежелательные результаты, как англо-французские действия в зоне Суэцкого канала. В определенной мере можно понять причины выступления израильтян. Участие французов было продиктовано мстительным желанием одним ударом, если удастся, изменить ход колониальной истории, но в случае неудачи предпринятой акции, она обернулась бы против самих ее авторов и резко ухудшила бы их позиции. Еще больше критики заслуживает мягкотелость англичан в связи с агрессивностью французов, поскольку англичане до последнего момента колебались между опасениями испортить «особые отношения» с Соединенными Штатами и стремлением сохранить то, что осталось от их позиций на Ближ-

нем Востоке, поэтому они искали предлог, который позволил бы придать операции внешнюю законность. К тому же на поведение англичан оказывали влияние авторитетные деятели в правительстве Великобритании, которые и в самом деле считали, что настал удобный момент для силового решения сразу двух проблем: вновь обрести контроль над каналом и изгнать Насера, нанеся решительный удар по его авторитету.

Но все произошло иначе, остаться в полной изоляции пришлось Англии и Франции: они попали под огонь критики не только всех молодых независимых государств, но также и своих традиционных союзников — Соединенных Штатов и других стран Североатлантического альянса. В то время, когда общественное внимание всего мира было сосредоточено на событиях в Восточной Европе, и Советский Союз стал объектом критики тех, кто осуждал его действия в Венгрии, англо-французская инициатива оказалась прекрасной отвлекающей акцией. Агрессивные действия Великобритании и Франции привели к следующим результатам: раскололи западный блок, переживавший в то время структурный кризис, и дали возможность Советскому Союзу участвовать в борьбе с колониализмом и вернуть то доверие в общественном мнении, которое было утрачено им в связи с венгерскими событиями.

По указанию Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда, немедленно был созван Совет Безопасности, но принять решение не удалось из-за вето Великобритании и Франции. В 1950 г. американцы, чтобы обойти вето Советского Союза в отношении войны в Корее, побудили принять резолюцию «Uniting for Peace», позволявшую при определенных обстоятельствах, когда Совет Безопасности не мог принять решения из-за осуществления права вето, созвать Генеральную Ассамблею, что и было сделано в данном случае против Франции и Великобритании. Чтобы помешать Советскому Союзу сделать первый шаг и затем использовать его в пропагандистских целях, Соединенные Штаты первыми представили 1 ноября в Генеральную Ассамблею проект резолюции, в котором были изложены требования немедленного прекращения огня, отвода войск воюющих сторон за линию перемирия и прекращения всех военных действий.

Предложение Соединенных Штатов 2 ноября было одобрено 64 голосами (среди которых был и голос Советского Союза) против пяти, при шести воздержавшихся. Раскол стал более, чем очевиден, и положение Великобритании и Франции осложнилось невыполнением принятой резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Последующие военные операции Великобритании и Франции

были предприняты под предлогом, что только вмешательство вооруженных сил ООН могло бы создать условия для прекращения ими военных действий. Давление на них стремительно возрастало. Маршал Булганин, бывший тогда премьер-министром Советского Союза, стал даже угрожать военным вмешательством (угроза маловероятная, но имевшая большой политический резонанс), вплоть до применения атомного оружия, что английские секретные службы не считали совершенно невозможным.

Круг замкнулся, и 6 ноября правительства Лондона и Парижа были вынуждены подчиниться резолюции о прекращении огня. За принятием резолюции последовали долгие переговоры с тем, чтобы добиться ее осуществления и участия сил ООН. Они полностью взяли под свой контроль Синай, что способствовало выводу израильских войск с полуострова, разместили свои базы в Шарм-эль-Шейхе (что было позитивным результатом для Израиля, который смог вновь открыть для судоходства порт Эйлат в заливе Акаба) и в секторе Газа. Выполнение резолюций ООН осуществлялось достаточно медленно и завершилось полным поражением для Великобритании и Франции, которые к 22 декабря 1956 г. должны были вывести свои войска с египетской территории. Для Израиля резолюции ООН были позитивными, поскольку его присутствие в двух стратегически важных для его безопасности и торговли секторах территории сменилось вводом сил Организации Объединенных Наций, размещение которых было завершено в начале марта 1957 г.

Военный кризис, краткий, но интенсивный, был серьезным ударом для французов, питавших надежды удержать под своим контролем положение в Северной Африке. После этих событий для правительства Парижа стало труднее добиться одобрения своей политики в Алжире. Восполнить этот урон удалось только с возвращением де Голля к власти. Англичане, напротив, сумели не потерять более того, что они уже потеряли. Отношения с Соединенными Штатами оставались напряженными в течение нескольких месяцев, но как только Антони Иден вынужден был по состоянию здоровья уйти в отставку (январь 1957 г.), его сменил Гарольд Макмиллан, который, хотя и был одним из тех, кто решительно выступал за военную акцию против Египта, стал активным сторонником нормализации положения. Теперь Великобритания, конечно, должна была уступить Соединенным Штатам преобладающие позиции в Восточном Средиземноморье, но это не привело к полной утрате влияния, сравнимой с той, которую испытали французы.

10.1.6. «ДОКТРИНА ЭЙЗЕНХАУЭРА»
ДЛЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Начался период интенсивных дипломатических переговоров как между западными союзниками по НАТО, так и между Соединенными Штатами и их партнерами на Ближнем Востоке. Вскоре стало ясно, что даже прямое столкновение Египта с Францией и Великобританией не заставило правительство Вашингтона предпринять какие-либо инициативы, противоречащие интересам Соединенных Штатов и их политической линии на Ближнем и Среднем Востоке. В самые тяжелые дни кризиса и в последующее время Даллес и Эйзенхауэр, а также все их сторонники дали понять и словом и делом, что они намерены добиваться двух целей: воспрепятствовать тому, чтобы англо-французская акция воспринималась бы как концепция действий всего Запада в отношении арабских стран, и выработать такую средиземноморскую политику, которая помогла бы наиболее эффективно преодолеть кризис и помешать тому, чтобы Советский Союз извлек из него наибольшую выгоду и одержал бы победу на этом новом фронте холодной войны. Даллес никогда не прерывал контактов с египтянами, никогда не выражал открыто враждебного отношения к решениям Насера о национализации. Напротив, госсекретарь США старался проводить политику посредничества между интересами Англии и Франции, с одной стороны, и Египта, с другой; он стремился также подчеркнуть четкое различие между позициями Соединенных Штатов и двух государств-агрессоров.

Когда была преодолена наиболее острая фаза конфликта, в январе 1957 г. американский президент представил конгрессу «доктрину Эйзенхауэра», т.е. основные направления американской политики на Ближнем Востоке, заверив, что доктрина основывается на продолжении оказания экономической и военной помощи тем странам этого региона, которым грозит агрессия и которые обратятся с просьбой о помощи. Соединенные Штаты обязывались решительно «защищать суверенитет и территориальную целостность свободных государств на Ближнем Востоке», поддерживать их стремление оказать сопротивление коммунистической агрессии. «Доктрина Эйзенхауэра», как позже уточнял Даллес, была нацелена на то, чтобы помешать распространению советского влияния под видом экстремистского арабского национализма. Стремление отмежеваться от прежних колониальных традиций сохранилось, но теперь оно сопровождалось разъяснением, что политика сдерживания (но не отбрасывания) включает весь ближневосточный регион, понимаемый в широком смысле. «Доктрина

Эйзенхауэра» расширяла и усиливала общее содержание доктрины Трумэна, одобренной в 1947 г.

В 1957 г. доктрина была впервые применена в связи с событиями в Иордании. Король Хусейн, которому угрожало сближение Сирии и Египта, обратился за помощью к Соединенным Штатам, и она была ему оказана, но только в косвенной форме: шестой американский флот переместился в воды Восточного Средиземноморья. Второй раз она применялась в июле 1958 г., когда после государственного антимонархического переворота в Ираке президент Ливана Камиль Шамун попросил помощи и добился американского вооруженного вмешательства, чтобы противостоять обострению отношений между христианской и мусульманской общинами в стране. Вмешательство было эффективным, что позволило быстро вывести американские войска и отозвать английские войска из Иордании. Было ясно, что доктрина Эйзенхауэра выражала намерение Соединенных Штатов выполнять свои обязательства на Ближнем и Среднем Востоке в течение длительного времени.

Можно спорить о том, отражали эти обязательства преимущественно антисоветскую направленность американской политики или же они отражали стремление американцев предотвратить перемены, которые могли произойти в регионе под воздействием арабского национализма, находившегося на подъеме и порождавшего постоянное брожение. Следует также учитывать стратегическую важность для американцев энергетических ресурсов Ближнего Востока. Конечно, советское влияние в Восточном Средиземноморье вызывало у американцев неизменное беспокойство. И все же, в конце 50-х — начале 60-х годов американцев больше, чем советское присутствие в регионе, волновала проблема установления корректных и действенных отношений со странами, в которых бурно проявлялся феномен национализма: возникший в арабском мире, он быстро распространялся в странах, освободившихся от колониализма. Перед правительством Вашингтона стояла задача разработать новые концепции, способные противостоять вызову, который бросали старому миру молодые арабские государства, выступавшие не с военной угрозой, а с новой националистической идеологией. Они выражали протест против Запада и Израиля, который в 1956 г. оказал содействие прежним империалистическим метрополиям, стал членом западной коалиции, показав тем самым свое «отличие» от бывших колониальных стран. Националистические устремления отражали потребность в новых формах управления и эффективного развития, способных содействовать укреплению новых стран.

10.2. Деколонизация и сосуществование-соперничество

10.2.1. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Тема колонизации и деколонизации охватывает столько аспектов мировой жизни, что выделение в ней того, что оказало более или менее прямое влияние на международные отношения, чревато излишним упрощением. В самом деле, многообразие ситуаций несводимо к единым аналитическим моделям, если только не прибегать при этом к идеологическим интерпретациям. Последние сыграли бесспорную роль в период борьбы за освобождение, однако в историографическом плане могут рассматриваться только как отдельные аспекты более широкой картины.

Империализм приобрел центральную роль в международной жизни в последние десятилетия XIX и первые десятилетия XX в., поскольку он стал цементом для строительства мощных центров ресурсов и власти, благодаря которым нескольким европейским странам удалось занять господствующие позиции на значительной части земного шара. Представляется очевидным, что империализм был непосредственным образом связан с развитием капиталистической системы в Европе и представлял собой одно из ее наиболее ярких выражений. Система европейских империй проявила динамизм и безграничную способность капиталистической экономики к экспансии как в поисках источников сырья по регулируемым ценам и рынков сбыта для национального производства, так и в качестве возможности для массового перемещения капиталов в регионы с гарантированной прибылью. Ленинский тезис об империализме как высшей стадии капитализма может, вероятно, показаться слишком жестким по своей формулировке, но он затрагивает центральный момент колониальных отношений. В этом смысле колонии и империи были одним из оснований богатства и могущества европейских государств и инструментом их мирового господства. Те, кто в Европе с конца XIX в. боролись с капитализмом, справедливо выступали против империализма, считая, что он подчиняет интересы национальной экономики интересам экономики в глобальных масштабах, в том числе и в ущерб условиям жизни трудящихся некоторых имперских держав. Только очень косвенным путем они получали выгоды, превышавшие издержки колониальных войн, которые капиталистическая система возлагала на государства, то есть на всех их граждан без каких-либо различий.

Как феномен международных отношений современный империализм, если и представлял собой угнетение и политику силы, был также и, вероятно, прежде всего, сложной системой перемещений финансовых и политических капиталов, в которую были вовлечены в различных аспектах колонизованные регионы. Речь шла, в первую очередь, о перемещении политической власти и моделей ее организации, которые надстраивались над автохтонными или заменяли их, власти, которая требовала сотрудничества и соучастия сил местного общества, но и вызывала реакцию со стороны всех тех, кто был ущемлен с точки зрения существовавших ранее властных полномочий, какими бы они ни были — политическими, экономическими или духовными. Речь шла также о колоссальном по своим масштабам перемещении товаров: сырья для крупной промышленности отдельных метрополий и готовой продукции на колониальные рынки — в условиях проведения протекционистской политики или в режиме свободной конкуренции, но всегда с радикальной трансформацией экономической жизни различных колонизованных территорий.

Производство сырья означало также перемещение капиталов — капиталов, необходимых для прибыльных инвестиций в новые территории. Однако результатом таких перемещений стало превращение колониальных обществ в общества, зависимые в экономическом отношении от нового производственного уклада, находящегося под защитой центральной политической власти. Эти изменения нарушали существовавшие ранее формы социального равновесия. Пролетаризация, урбанизация, культурная ассимиляция создавали новые типы социального равновесия, связанные с характером изменений.

Часто перемещение касалось также культуры и технологии. Согласно Даниэлю Р. Хедрику, постоянные инвестиции, которые в потенции могли сделать колониальные территории богатыми, напротив, были подчинены потребностям, связанным с интересами империализма. С этим можно в принципе согласиться, однако, не следует упускать из виду и того, что именно в этих сферах процесс изменений имел менее негативный характер, поскольку он привел к долговременным результатам в виде предприятий, технологических знаний или распространения культуры. Все это было бы функциональным по отношению к колониальной системе, если бы она в принципе смогла выжить.

Итак, империалистическая система хищническим образом захватила территории с различным уровнем культуры, богатства, цивилизации, политической организации. Она вызвала насильственные социальные и политические изменения, подчинила этносы

и способы производства логике рыночной экономики. Она включила Африку, которая до 1870 г. была лишь слегка затронута европейским влиянием, Океанию и обширные территории Восточной Азии (а также старые британские владения в Индии и голландские в Индонезийском архипелаге) в процесс развития капиталистической системы, со всеми противоречиями, которые были для нее характерны в то время. Она превратила территории, ставшие колониями, в предмет обмена и споров между европейскими державами. Мир, существовавший в условиях изоляции, стремительно интегрировался в совершенно иной мир, где доминировало империалистическое соперничество. Результат этих перемещений проявился двояким образом (ни один из которых не открывал для имперских систем перспективу длительного существования) — в виде восстания автохтонных сил против тех, кто лишил их традиционных власти и влияния, или же в виде восприятия критики существующей системы, распространившейся в то время в Европе. Консервативный антиколониализм и революционный антиколониализм объединились и сошлись в том, что открыли старые национальные ценности или же стали разрабатывать новые. Достаточно было контролю со стороны Европы оказаться в кризисе, чтобы эти мотивации начали проявляться весьма заметно.

*10.2.2. ТРАНСФОРМАЦИЯ КОЛОНИАЛЬНЫХ ИМПЕРИЙ
В ПЕРИОД ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Накануне Первой мировой войны Британская империя включала, с разными формами зависимости от Лондона, Ирландию и переселенческие колонии, которые с 1907 г. стали называться доминионами, — Канаду (получившую статус доминиона в 1867 г.), Австралию, Новую Зеландию и Южно-Африканский Союз. В Азии она включала Южную Аравию (в настоящее время входящую в Йемен), эмираты и султанаты, имеющие выход к Персидскому заливу и Оманскому заливу, Индию (частью которой были также территории, сегодня поделенные между Пакистаном и Бангладеш, — Бутан и Сикким), Цейлон (сегодня Шри Ланка), Мальдивы, Бирму, Малайю и Северное Борнео; в Африке — территории, на которых сегодня расположены Гамбия, Сьерра-Леоне, Гана, Нигерия, Египет, Судан (находившейся в кондоминиуме с Египтом), Кения, Уганда, Занзибар (сегодня — часть Танзании), Сейшельские острова, остров Маврикий, Замбия, Зимбабве, Ботсвана, Свазиленд, Лесото и часть Сомали, прилегающая к порту Бербера. В Америке империя включала современный Белиз, некоторые архипелаги в Карибском море и часть Гвианы. Ряд стратеги-

чески важных колоний— Гибралтар, Мальта, Кипр, Сингапур, Гонконг, а также различные архипелаги и острова в трех океанах — Атлантическом, Индийском и Тихом, — довершали британскую систему.

Французская империя включала, с юридическим статусом разного характера, помимо островных владений и нескольких индийских анклавов, часть Гвианы, индокитайские территории, сегодня составляющие Вьетнам (то есть Тонкин, Аннам и Кохинхину), Лаос и Камбоджу; в Африке — Марокко и Тунис в качестве протекторатов, Алжир, Французскую Западную Африку (сегодня поделенную между Мавританией, Мали, Буркина-Фасо и Нигером, Сенегалом, Гвинеей, республикой Кот-д’Ивуар и Бенином), Французскую Экваториальную Африку (поделенную сейчас между Чадом, Центральноафриканской Республикой, Габоном и Конго), часть Сомали, примыкающую к Джибути, Мадагаскар и Коморские острова. Бельгийское господство распространялось на территории современного Конго, раньше называвшегося именно Бельгийским Конго; голландское — на Индонезию, на Западный Тимор, новую Западную Гвинею, на часть Антильских островов и Гвиану. Испания владела в Африке Северным Марокко, Ифни и Рио-де-Оро в Западной Сахаре, а также современной Экваториальной Гвинеей. Португалия, помимо Макао в Китае, Восточного и Северного Тимора, господствовала в Африке в Гвинее-Биссау и на островах Зеленого Мыса, на Сан-Томе и Принсипи, в Анголе, на небольшой территории Кабинда и в Мозамбике. Итальянская империя включала Ливию, Эритрею и Сомали, временно владела Додеканесскими островами, которые, по Лозаннскому договору 1923 г., стали ее постоянной колонией.

После окончания войны в 1920 г., с вступлением в силу режима мандатов, определенного статьей 22 Устава Лиги Наций, Великобритания и Франция обеспечили себе значительную часть распавшейся Османской империи (мандаты категории «А», то есть территории, способные к самоуправлению, за исключением периода временного контроля), а также Германской империи (мандаты категории «В» и «С» — территории, которые сочли неспособными к самоуправлению и нуждающимися, следовательно, в иной степени международной «опеки»). Великобритании передавались Ирак и Палестина (вся ее территория с географической точки зрения), Танганьика (сейчас — часть Танзании) и две части Того и Камеруна. Франция получила более существенную долю этих регионов и вернула некоторые территории, отданные немцам в Экваториальной Африке в 1911 г., но, прежде всего, вернула в качестве мандатов категории «А» территории, соответствующие

современным Сирии и Ливану. Бельгии передавалась Руанда-Урунди (сегодня разделенная на Руанду и Бурунди) и Южно-Африканскому Союзу — Юго-Западная Африка (теперь — Намибия). Португалия получила небольшую территорию Кионга в Восточной Африке.

Япония унаследовала германские владения в Китае и в Океании получила мандат на Марианские, Каролинские, Маршалловы острова, а также острова Палау. Австралия получила мандат на управление германской Новой Гвинеей и архипелагом Бисмарка (в настоящее время — Папуа — Новая Гвинея), а также островом Науру. Новой Зеландии передавался мандат на острова Западное Самоа.

Распад Османской империи и германской колониальной системы породил у других колониальных держав (за существенным исключением в виде Италии, извлекавшей из этого мотивации для своего «ревизионизма») ощущение, что как протест против империализма, имплицитно содержащийся в политике мандатов, инициированной президентом Вильсоном в качестве первого эксперимента по деколонизации, так и пропаганда советских коммунистов против империализма оставались ограниченными рамками простых заявлений. Однако за этой иллюзией просматривалась меняющаяся реальность. Это касалось не столько влияния Советского Союза, которому, несмотря на идеологические заявления, не удалось распространить его за пределы Кавказа и Гималаев (он сумел приобретать сторонников главным образом в Китае), сколько объективного ослабления европейских позиций в тех регионах, которые до 1914 г. являлись объектом не прямого колониального господства, а значительного политического, экономического и культурного воздействия, — таких, как Центральная и Южная Америка и Китай. В первой зоне временное ослабление европейского присутствия, связанное с войной, расчищало путь для все более масштабной финансовой и торговой экспансии Соединенных Штатов. Вашингтонское правительство сумело воспользоваться этим в десятилетие, последовавшее за конфликтом, для оказания политического давления не только на Центральную Америку — где они продолжали использовать методы «долларовой дипломатии» — но также и на страны Южной Америки, где активность американской дипломатии превосходила деятельность Лиги Наций и отдельных европейских стран.

На Дальнем Востоке попытка в период десятилетия, последовавшего за Первой мировой войной, вернуть европейское влияние к довоенному уровню, столкнулась с возрождением китайского национализма и, в особенности в период до 1922 г., — с японскими

амбициями. Политика европейских государств, по существу параллельная политике Соединенных Штатов, в случае с Китаем была направлена на поддержку объединения страны и умеренных элементов Гоминьдана для того, чтобы избежать сначала русской революционной «заразы», а в дальнейшем — сдерживать советские дипломатические маневры. В случае с Японией, в условиях утраты в значительной степени — в результате внезапного исчезновения России — цементирующего начала для англо-японского союза, Соединенные Штаты и Великобритания смогли ограничить на Вашингтонской конференции последствия ее дипломатической победы на Парижской мирной конференции и остановить ее экспансию вплоть до возобновления японского проникновения в Маньчжурию.

Окончание войны совпало, следовательно, с первой серией кризисов колониальных проектов. Двадцать лет социалистической пропаганды и советская революция оставили малозаметный след. Напротив, стремление Соединенных Штатов утвердить право народов на самоопределение в качестве юридического принципа международной жизни и использовать этот принцип не только в Европе, но и на колониальных территориях, как предполагал институт мандатов, являлось системой координат, вынуждавшей колониальные державы менять свои позиции. Речь шла о вызове, касавшемся не только непосредственно подмандатных территорий, но целых колониальных систем; а также о вызове, последствия которого стали ощущаться как во Франции, так и в Великобритании. Оправдание колониальной системы как элемента политического развития колоний и достижения общих экономических преимуществ для центра и периферии столкнулось с соизмеримой ей критикой колониализма за выполняемую им функцию политического угнетения и экономической эксплуатации. В том же 1922 г. в Великобритании и Франции появились две работы, оказавшие сильное воздействие на дискуссию в обеих странах: «Двойной мандат в Тропической Африке» (*The Dual Mandate in Tropical Africa*) лорда Лугарда и «Эксплуатация колоний» (*Mise en valeur des colonies*) Альбера Сарро. Однако французский ответ формировался в значительной мере иначе, чем британский, также как, впрочем, иным был и характер французского колониального господства.

Не считая периода пребывания у власти правительства Народного фронта Леона Блюма, начавшего многообещающую программу реформ, в целом французы демонстрировали гораздо меньшую гибкость, чем британцы в отношении требований колониальных народов. Испытывая теоретические затруднения и путаницу в раз-

делении полномочий с колониальной администрацией, французское правительство не смогло пойти дальше обещания реформ в Индокитае, сформулированного в 1928 г. (в то время как британские колонии продвигались в направлении самоуправления), оставаясь приверженным в Северной Африке формам протектората (Тунис и Марокко), от которых Великобритания тем временем отказывалась. Подмандатные территории на Ближнем Востоке также управлялись в соответствии с критериями, в значительной степени обусловленными приверженностью политике «ассимиляции», противоречившей самой букве норм, регулировавших мандат категории «А». Это вынуждало представителей государственной администрации лишь «способствовать» местным политическим силам в организации их независимости. Напротив, в том, что касается Сирии, французы разработали сложную систему реорганизации управления этой территорией, которая встретила сильное сопротивление местных племен и националистов в период до 1930 г. В том же году французские власти попытались создать стабильное правительство, которое позволило бы им заключать соглашения, аналогичные заключенным англичанами в это время на своих подмандатных территориях. Поставленная цель была достигнута только через шесть лет, в 1936 г., в период Народного фронта и эфиопского кризиса. Однако речь шла лишь о мимолетном эпизоде. Соглашение с сирийцами не было ратифицировано французским правительством после падения правительства Народного фронта, в то время как с сирийской стороны трудные взаимоотношения между правительством, созданным французами, и религиозными меньшинствами парализовали продолжение диалога.

В ходе реализации мандата в Ливане французы избрали в качестве главных партнеров представителей христианско-маронитской общины, требования которой они поддержали, создав в ущерб Сирии Великий Ливан, с большей по сравнению со временем османского господства территорией. Главная политическая дилемма нового государственного образования проявилась в противоречии между контролем христиан над представительными институтами, созданными французами в 1922 г., и тем обстоятельством, что христианское население за десять лет в результате активной арабской иммиграции стало меньшинством населения. Острая борьба политических группировок вынудила французов в 1932 г. приостановить действие конституции, предоставленной шесть лет назад. Это подтолкнуло все ливанские партии к переходу в оппозицию, способствовало взаимодействию христианских и мусульманских политиков в борьбе с французами и стало политической основой для выдвижения требований большей автономии

и независимости. Шагом в этом направлении явился франко-ливанский договор 1936 г., аналогичный тому, что был заключен с Сирией, но, как и тот, впоследствии не утвержденный французами.

Помимо подмандатных территорий, регионами, где французская колониальная система должна была с большим умением реагировать на сложившиеся там ситуации, были Индокитай и Алжир. В Индокитае французская администрация всерьез не стремилась достичь сотрудничества с традиционной властью, предпочитая скорее систему прямого управления, направленного, в первую очередь, на удовлетворение экономических и стратегических интересов метрополии и местных колонистов. Росту национализма противостояла политика жестоких репрессий, вынудившая местную оппозицию перейти на нелегальное положение, что положило начало все более глубоко укорененной традиции и, вполне вероятно, сделало Вьетнамскую коммунистическую партию одной из самых влиятельных политических сил в Юго-Восточной Азии. Французское правительство не сумело и не захотело произвести отбор местных элит и кооптировать их в систему управления в приемлемой форме, упустив, таким образом, возможность плавного перехода власти и уничтожив всякую перспективу не травматического превращения формального контроля во влияние.

Еще большее значение имела ситуация в Алжире, колонии, где французы были наиболее многочисленны и наиболее сильно интегрированы в местное общество. Главная проблема, учитывая присутствие столь сильной французской общины, состояла в том, чтобы найти приемлемый механизм для постепенной ассимиляции мусульманских руководящих групп с тем, чтобы сделать их участниками власти и избежать укрепления позиций националистов, боровшихся за создание независимой алжирской республики. Попытки реформы, предпринятые губернатором Морисом Виолеттом, в 1925—1927 гг. и проекты Блюма—Виолетта 1936 г., предполагавшие распространить политические права на 20 тыс. представителей мусульманского мира, не были реализованы из-за непреклонного сопротивления прежде всего со стороны французских колонистов в Алжире, а также их союзников во Франции. В результате идея независимости оказалась единственным выходом даже для тех, кто с самого начала выступал за сохранение институциональных отношений с Францией. Фактическое отделение, произошедшее во время Второй мировой войны, лишь усилило эту тенденцию. Впрочем, аналогичная, а в некоторых отношениях и более сложная, ситуация существовала в Марокко и в Тунисе, где сосуществование местных властей и французских представителей создавало основу для быстрого перехода к отношениям меньшей зависимости.

На обеих территориях многочисленные националистические манифестации подавлялись с той же жестокостью, с какой в 1921—1926 гг. было подавлено вооруженное восстание против французского и испанского господства, которое возглавил в Рифской республике Абд аль-Керим.

Иным был британский подход к проблеме. Иным — в реализации мандатов категории «А», то есть в Палестине и Месопотамии (Ираке); иным — в реагировании на требования доминионов, в отношении которых английская администрация демонстрировала всю свою гибкость; иным — в столь важном случае, как индийский (или как случаи с Бирмой или с Цейлоном). Иным, наконец, — также и в отношении колоний, где правовая конфигурация колониального господства была неоднородной и где поэтому по-разному воспринимались националистические призывы.

По окончании конфликта, когда была устранена конкуренция со стороны Германии, главной стратегической задачей Британии оставалась, теоретически, защита в стратегическом плане пути в Индию от угроз, которые могли бы появиться вследствие ослабления связей внутри сферы колониального господства. Эти угрозы могли исходить от России, конечно, парализованной революцией, но не навсегда, а также от нарождающихся местных националистических движений, в отношении которых обе крупнейшие колониальные державы во время войны проводили отнюдь не мягкую политику. Главными водными путями с точки зрения безопасности были традиционный путь через Восточное Средиземноморье и путь через Красное море, указывавшие уже тогда — еще до последовавшего позднее открытия крупных нефтяных месторождений — на ключевое значение Ближнего Востока. Контроль над проливами был связан с политическим урегулированием в отношении Анатолии; контроль над Ближним Востоком — с мандатной политикой. В обоих случаях, однако, послевоенные планы Франции и Великобритании натолкнулись на реакцию местного националистического движения, которое разжигалось борющимися сторонами во время конфликта в их собственных интересах, но которое пережило войну и после ее окончания было готово возобновить свою деятельность для достижения целей, которые были ему подсказаны.

Так, Мустафе Кемалю удалось обратиться на пользу Турции статьи Севрского договора, одержав победу над греками, поддерживаемыми Великобританией. При этом он использовал те вооруженные силы, которые немцы помогли создать туркам. Арабские националисты пытались, но с меньшей эффективностью, обратиться себе на пользу англо-французские военные соглашения, предусматривавшие деление региона «плодородного полумесяца» на

сферы влияния двух держав вопреки соглашениям Хусейна — Мак-Магона, предусматривавшим, напротив, создание великого арабского государства, простирающегося до границ Турции. Эти соглашения не касались прибрежной части Палестины, в отношении которой лорд Бальфур заявил о намерении Британии способствовать созданию «еврейского национального очага» (*national home*). В целом, однако, противоречия были таковы, что делали невозможным достижение компромиссов.

Западные державы одержали победу над арабским национализмом, расколотым и недостаточно подготовленным к военным действиям, но решения, навязанные силой, оставили след в виде обид, которые через несколько лет станут культурной почвой для самого непримиримого национализма. Отсутствие тонкого восприятия проблем арабского мира, проявленное франко-британской дипломатией, являлось ярким примером политической близорукости. Арабский национализм делал свои первые шаги, но при этом он имел глубокие культурные и религиозные корни. Воспользоваться им в борьбе со «священной войной», объявленной султаном — союзником Германии, означало подкрепить надежды, вытекавшие из письменных соглашений, реальными фактами. Решение, навязанное в результате установления режима мандатов, могло отчасти рассчитывать на поддержку Хашимитской династии, сохранившей верность союзу с Великобританией, несмотря на разочарования, которые испытали Хусейн-паша и его сын Фейсал. Однако оно все-таки имело насильственный характер, который ни англичанам, ни французам не удалось заставить забыть арабских правителей. Начало ограниченной еврейской иммиграции добавило к этой картине еще один мотив для конфликта.

В Египте британскому правлению также пришлось противостоять возрождению гораздо более укорененного национализма, возглавляемого Саадом Заглул-пашой, лидером движения «Вафд». Во время войны Египет был объявлен протекторатом под контролем Великобритании. В 1922 г. английское правительство односторонним актом провозгласило независимость страны, оставив за собой, впрочем, настолько обширную сферу компетенции, что это сделало декларацию неприемлемой для националистов. Но новый монарх Фуад принял британскую декларацию и получил в 1923 г. королевскую корону. В течение трех последующих десятилетий жизнь Египта характеризовалась разделением власти (и компетенции) между британским правительством, египетской короной и миром политических партий. Только в 1936 г., в контексте действий Италии в Эфиопии различия в соответствующих позициях

сгладились и был заключен первый англо-египетский договор, регламентировавший пребывание английских войск на египетской территории в зоне Суэцкого канала. Тем не менее националистический импульс оставался сильным и вынуждал каирское правительство в период войны всячески лавировать, что подтолкнуло его к сохранению трудного для соблюдения формального нейтралитета, хотя египетская территория и являлась одним из главных полей сражений против держав «Оси». Однако только в феврале 1945 г. египетское правительство приняло формальное решение объявить войну Германии и Японии — когда было объявлено, что такое решение необходимо для участия в Организации Объединенных Наций,

В целом, рассматривая проблемы в краткосрочной перспективе, англичане, благодаря использованию мандата, были способны смягчить столкновения с арабским национализмом, сочетая постепенное предоставление самоуправления с усилением, по существу, своего политического и экономического контроля. В Ираке путь к независимости в период 1920–1932 гг. приобрел форму ряда договоров с Англией. Ирак постепенно, но относительно быстро, расширил пределы местной автономии, вплоть до полной формальной независимости и приема в Лигу Наций. Это произошло в том числе и благодаря стремлению Британии уменьшить финансовое и политическое бремя прямых обязательств, которое можно было заменить рядом соглашений с доверенными представителями правящих групп в обмен на сохранение стратегических баз и свободный доступ к инфраструктуре, имеющей важное значение в случае войны.

Палестина сразу же стала местом пересечения всех противоречий, существовавших между колониальной политикой, мандатной политикой, арабским национализмом и сионистским движением. В период с 1921 по 1923 г. арабы этой подмандатной территории потребовали (не добившись при этом никакого результата) создания национального правительства, отказа от сионистской программы и объединения с другими арабскими странами. Присутствие на палестинской территории конкурирующих меньшинств, полных решимости отстаивать свои права на вожделенные земли, воспринимаемые ими как их собственные, вынудило англичан предпринять ряд попыток уладить разногласия между арабами и евреями. Необходимость соблюдать равноудаленность оказывала влияние на деятельность английского верховного комиссара в Палестине. Впрочем, сделать выбор было невозможно, поскольку это означало бы выбирать между двумя несовместимыми целями: созданием на подмандатной территории еврейского государства

прежде, чем этому воспрепятствует арабская оппозиция, и подавлением нарастающего движения за создание «еврейского национального очага», создать который обещали именно англичане. Приход к власти в Германии Гитлера привел к росту легальной иммиграции евреев в Палестину и к выдвиганию на первый план связанных с этим гуманитарных проблем. Однако рост еврейского населения приводил к недовольству арабов, побуждая их к непрерывным вооруженным акциям.

Именно тогда начали говорить о разделе территории на три отдельные зоны. Приближение войны и усиление повстанческой борьбы арабов вынудили лондонское правительство считаться в то время с масштабом опасности. Без занятия английской стороной более четкой позиции рост влияния немцев в арабском мире принял бы неудержимый характер. В мае 1939 г. была опубликована «Белая книга», формулировавшая цели британской политике в Палестине. В ней предлагалось создать в течение десяти лет независимое палестинское государство, которым управляли бы совместно арабы и евреи. Новое государство должно было подписать договор о союзе с Великобританией. Тем временем еврейская иммиграция могла за пять лет достичь максимальной квоты в 75 тыс. человек. Это была попытка пойти навстречу позициям умеренных арабов, однако она не достигла желаемого результата. Арабское восстание продолжалось, превратившись в период войны в опасную «заразу». Евреи также отвергли этот проект. Ситуация подталкивала их занять сторону Великобритании в борьбе против нацизма, но проарабский выбор англичан надолго оставил у них следы обид. Объективная сложность вовлеченных в ситуацию факторов и ограниченность сроков, за которые могла развернуться активность британцев, стали серьезным препятствием на пути успеха операции по преобразованию подмандатных территорий в независимые государства под английским влиянием. Общий результат поэтому был весьма неопределенным.

Арабы, чья мечта о едином национальном движении была разрушена вмешательством империалистов еще до того, как оно сумело эффективным образом упрочиться изнутри, разделились в своем отношении к позициям англичан. Значительная часть умеренных и консервативных элементов, чья власть была связана с британским присутствием, долгое время, в том числе и после войны, прилагала все усилия для того, чтобы поддерживать диалог с Великобританией и соблюдать ее фундаментальные интересы.

Сложившаяся ситуация отражала базовую концепцию британской колониальной политики — идею о том, что политический и экономический контроль над какой-либо зоной или территорией

можно сохранять также и без формального осуществления властных полномочий и даже без присутствия вооруженных сил и администрации. Эта концепция послужила также основой преобразования империи в Британское Содружество Наций (*British Commonwealth of Nations*).

Сразу же после 1919 г. доминионы приобрели право контролировать собственную внешнюю политику. В 1926 г. имперская конференция признала их независимость, однако лишь в 1931–1932 гг. имперская система была реструктурирована в соответствии как с новым характером юридических отношений между странами-членами, так и с целями, продиктованными способом решения Британией проблемы реконструкции после мирового экономического кризиса. В 1931 г., после принятия британским парламентом Вестминстерского статута, каждый доминион получил право на создание полностью суверенного государства и на аннулирование касавшихся его законов, принятых Великобританией. Год спустя в Оттаве была создана система имперских преференций, сделавшая Великобританию опорой протекционистской политики в торговом обмене, важной для доминионов в момент кризиса и альтернативной по отношению к режиму свободной торговли, что стало причиной противоречий с Соединенными Штатами. Содружество превращалось в сообщество добровольно объединившихся наций, сплоченных единством культуры и языка, а также политической волей, направленной на сохранение особых отношений с Великобританией и, прежде всего, с британской короной в качестве символа преемственности основных концепций, институтов и долговременных и серьезных торговых отношений. Во время войны доминионы с готовностью встали на сторону Великобритании, хотя это и наносило ущерб принципам их независимости. Однако в этом направлении их подталкивала потребность в создании общего фронта перед лицом общей угрозы, застигшей всех не подготовленными в военном отношении.

В период между двумя войнами эволюция «белых» доминионов была принята в качестве парадигмы также для развития отношений с Индией и другими азиатскими и африканскими колониальными владениями. Трудности военного периода и растущая сила индийского национализма, усиленного временным единством действий партии Национальный конгресс и Мусульманская лига, которое было одобрено соглашением в Лакхнау, вынудили англичан принять декларацию министра по делам Индии Монтегю (1917 г.), обещающую постепенный переход к самоуправлению в рамках империи. В конце войны лондонское правительство, однако, оказалось неподготовленным к столкновению с местными властями,

поскольку наметило схему административной реформы, неспособной реагировать на два совершенно непредвиденных обстоятельства. Первое состояло в том, что индийский народ смог мобилизовать весь субконтинент на совместную борьбу против британского господства, второе — в том, что националисты не ограничились административными реформами, касавшимися местного управления, но стремились к контролю над всей страной, начиная с ее центра — Дели.

Эта неспособность вовремя уловить быстрый процесс изменений ситуации в Индии в скором времени обернулась, как всегда случалось в истории деколонизации, совершенно непродуктивной репрессивной реакцией насилия. В последующие годы, однако, хотя соображения сохранения влияния и осторожности вынуждали британское правительство уступать свои позиции крайне медленно, не отказываясь периодически прибегать к репрессиям, становилось все более очевидным, что администрация, сочтя репрессии слишком дорогостоящими и политически ошибочными, сделала выбор в пользу политики постепенного реформизма. Ее целью была изоляция внутри партии Конгресса и национального фронта элементов, считавшихся экстремистскими, — правого крыла, связанного с утопией самодостаточности, борцом за которую выступал Мохандас Ганди, и левого крыла, больше тяготеющего к советскому миру, последователей Джавахарлала Неру — с целью обеспечить расположение более умеренных партнеров.

Такая стратегия нашла выражение в последующих реформах, в основополагающем Законе об управлении Индией (*Government of India Act*) 1935 г.; в экономической политике, направленной на защиту общих интересов метрополии и колонии; в дипломатии, озабоченной тем, чтобы не вызывать враждебных чувств к Великобритании и ослабить силу Конгресса как массовой партии. Гипотетическая цель этой стратегии постепенно формулировалась также и самими англичанами как продвижение Индии в достаточно отдаленном будущем к форме самоуправления, которая, однако, накрепко привязала бы ее к британской политике. Напротив, объявление войны 3 сентября 1939 г., вовлекая в конфликт также и Индию, не обладавшую независимостью и не ставшую еще формально доминионом, хотя и вынуждало Конгресс заявить о своей солидарности с Великобританией в борьбе против нацизма, ставило в конкретном плане проблему институтов управления. В период с 1939 по 1941 г. англичане приняли ряд решений, которые предполагали определенные институциональные изменения, но только в момент наибольшей опасности во время войны они предприняли решительные шаги. В феврале 1942 г. британский

кабинет разработал проект декларации, предусматривавшей предоставление Индии полной независимости и избрание конституционной ассамблеи сразу же после окончания войны, а также признававшей за новым независимым государством право решать вопрос об отделении от Содружества. Это было важное изменение, которое лондонское правительство пыталось пересмотреть в наименее драматичные с военной точки зрения моменты, но которое на деле отрезало возможности для отступления. Тактика проволочек привела лишь к обострению напряженности, нарастанию ожиданий и углубления проблем, касавшихся создания нового или новых индийских государств, учитывая расхождения между индуистской и мусульманской частями общества, в Индии.

Борьба за освобождение Индии, которая велась против господства самой могущественной европейской империи, стала отправной точкой для всего антиколониального национального движения, утвердившись в качестве всеобщей и диверсифицированной (в смысле используемой тактики и достигаемых результатов) модели для требований национальных движений, выдвигаемых в тот период и в последующие годы. В частности, опыт партии Конгресса научил тому, что стоило затрачивать усилия на создание сильных массовых партий, способных шантажировать колониальные державы угрозой массовых и неконтролируемых беспорядков. Он также учил тому, что насильственное вооруженное восстание не являлось единственным средством для принуждения европейского господства к уступкам, в особенности, когда — как, в частности, в британском случае — колониальная администрация не была априори противницей институциональных изменений.

Быстрые шаги, предпринятые в отношении «белых» доминионов и менее быстрые в отношении Индии, показывали как готовность к переменам, так и границы британской гибкости. Реакция центра империи на поведение местных властей была различной и даже противоречивой, когда присутствие белых меньшинств или меньшинств другого происхождения делало ситуацию с требованиями независимости нетипичной. Так, в 1923 г. англичане предоставили очень передовую форму самоуправления Южной Родезии — рассматриваемой, прежде всего, как страна с белым населением — которая отказалась от вхождения в Южно-Африканский Союз. В том же году, напротив, провозглашением Девонширской декларации они утвердили в Кении принципиальное превосходство интересов черного населения по отношению к интересам иммигрантов в том, что касалось перспектив действий центральной администрации. С помощью такого гибкого ответа на многообразие местных ситуаций в итоге закладывались основы — в первом слу-

чае решения проблемы расовой сегрегации, а во втором — напротив, сохранения прямого контроля. Два разных типа решений принимались под воздействием тенденций, возникших в ходе широкой дискуссии общего характера о судьбе колоний, в которой впоследствии, когда от выбора родезийского типа отказались, все отчетливее превалировала идея о том, что метрополия должна вносить непосредственный вклад в экономический и политический прогресс имперской периферии.

Наряду с проблемами, возникшими в ходе оформления двух крупнейших имперских систем, следует также упомянуть — прежде всего, из-за того значения, которое этот опыт имел на этапе деколонизации — проблемы голландской и бельгийской империй. В Индонезии Голландия ввела в 1918 г. представительные органы правления, однако административная система, руководствовавшаяся общими критериями непрямого правления с опорой на традиционную властную иерархию, осталась патерналистской и авторитарной. Она была неспособна признать тот факт, что среди других последствий трансформации, связанной с влиянием Запада и модернизацией, происходил также рост устремлений просвещенных элит, получивших европейское образование, а, следовательно, и рост напряженности в отношениях между ними и традиционными слоями общества. Цензура в отношении любой формы национализма оставалась поэтому железной, а квота для местного персонала в администрации — минимальной, самой низкой в процентном отношении из всех в Юго-Восточной Азии, находившейся под европейским господством.

В 1926–1927 гг. было жестоко подавлено восстание на острове Ява, возглавленное компартией, а в 30-е годы вожди национального движения, среди которых Ахмед Сукарно и Мохаммад Хатта — представители той образованной и некоммунистической элиты, которая могла бы стать наиболее удобным партнером по переговорам для голландцев — были арестованы и депортированы. Отсутствие всякой возможности реформ в направлении предоставления автономии «Нидерландской Ост-Индии», еще в 1922 г. провозглашенной составной частью национальной территории Голландии, привело к тому, что гаагское правительство, уверенное в силе и эффективности своей системы управления, не способно было реалистично оценить будущее своего колониального господства. В конце концов это подтолкнуло националистов к выдвижению требований полной и немедленной независимости. Не случайно, эта тенденция со всей очевидностью проявилась уже во время японской оккупации и была использована японцами в борьбе против западных держав.

Подобно тому, как Голландия в Индонезии, Бельгия в Конго также испытывала абсолютную уверенность в стабильности и долговременности своего контроля. Использование территории в экономических целях и социальный патернализм в отношении автохтонного населения отодвигали на второй план всякое рассмотрение проблем политического развития. Впрочем, поскольку остатки сопротивления местных племен были ликвидированы, бельгийской администрации не пришлось столкнуться ни с одним внушающим беспокойство проявлением национального сознания, и она предпочитала ограничивать свои функции сферой административной компетенции, уделяя слабое внимание проблеме возможной будущей эволюции колонии.

После проводившейся до 1926 г. политики относительной административной децентрализации, создававшей широкие возможности для принятия решений по своему усмотрению губернаторам португальских владений, в Португалии при режиме Салазара стали утверждаться принципы централизованной политики и политики ассимиляции, официально направленные на создание мультирасового «пан-португальского» сообщества. Однако необходимость использовать ресурсы колоний для преодоления слабостей экономического развития метрополии одержала верх над восхваляемой цивилизаторской миссией, что в итоге ужесточило методы господства и заблокировало введение (слишком дорогое) какой бы то ни было альтернативной формы управления.

Испания, после подавления совместно с французскими войсками восстания Абд аль-Керима в Рифской республике, начала проводить политику умиротворения марокканского протектората, допуская элементы терпимости в отношении местного национального движения и связанную с определенной традицией африканизма (сохранившейся в особенности в военных кругах) традицию ощущения гармонии с другим берегом Гибралтара. Национализм мог, таким образом, подпитываться как надеждами, вызванными победой Народного фронта в 1936 г., так и обещаниями автономии, немного позднее данными франкистами и поддержанными, начиная с 1937 г. верховным комиссаром Бейгбедером.

В конце Первой мировой войны итальянская колониальная империя, обширная на карте, в действительности значительно сократилась. Потеряв почти полностью контроль над Ливией и столкнувшись с проблемой племенной раздробленности в Сомали, Италия вынуждена была перед эфиопской кампанией 1936 г. поставить проблему возвращения довоенных колоний. В период фашистского режима военные действия по завоеванию Триполитании, Киренаики и Феццана, уже начатые последними прави-

тельствами дофашистского периода, были завершены жестокими методами в худших колониальных традициях. Ливия была объединена в единое образование, состоявшее из четырех провинций, и в 1939 г., накануне Второй мировой войны, объявлена неотъемлемой частью итальянской метрополии, что, однако, не имело последствий для внутреннего правового устройства колонии. В Сомали после завершения в 1924 г. переговоров с английским правительством по поводу приобретения Нижней Джубы, отошедшей к Италии по Лондонскому договору 1915 г., были приняты меры по усилению контроля над территорией, которые устранили проявления несогласия, существовавшие прежде всего в Северном Сомали. Напротив, колония в Эритрее — где итальянское присутствие было структурно консолидировано — не создавала особых проблем. Итальянцы могли использовать в своих интересах соперничество между эритрейским и эфиопским населением: первое охранялось итальянским присутствием; второе — подвергалось опасности итальянского проникновения, которое началось еще в XIX в. и стало более напористым начиная с 1925 г., когда соглашения Муссолини–Грэхэма подтвердили действие англо-франко-итальянского договора 1906 г., разделявшего эфиопскую территорию на сферы влияния, но на деле послужившего основой для последующего расширения итальянских притязаний.

С завоеванием Эфиопии итальянское колониальное господство стало весьма ощутимым, что заставило переосмыслить отношение к данному явлению. В Восточной Африке итальянские владения были организованы в шесть губернаторств с населением около 12 млн человек. В Аддис-Абебе пост вице-короля занимали один за другим маршал Бадольо, маршал Родольфо Грациани и герцог Амедео д'Аоста. Все трое были заняты осуществлением эффективного контроля над только что завоеванной территорией. Создавая свою систему управления в Африке итальянцы колебались между теоретической поддержкой принципов ассимиляции, пропагандируемой в качестве промежуточной формы между критикуемой колониальной политикой Великобритании и Франции и реализуемой на практике авторитарной и дискриминационной политикой, по отношению к которой предоставление в 1919 г. итальянского гражданства автохтонным народам Триполитании и Киренаики оказалось лишь кратковременным явлением. С приходом к власти фашизма, сделавшего имперское величие Италии одной из своих главных целей, возобладала потребность обеспечить преемственность эффективного господства, которое использовало автохтонные элементы только в целях осуществления собственного контроля или только для выполнения второстепенных

функций. В 1937 г. в подтверждение авторитарного поворота, вызванного необходимостью избежать распада системы итальянского контроля над Эфиопией, были введены — хотя и в контексте признания местных обычаев и юридических норм, а также осуществления реформ, предусматривавших ликвидацию феодального режима и отмену рабства, — ограничения, запрещавшие смешанные брачные союзы. А в 1938 г. на Итальянскую Восточную Африку были распространены расовые законы, с еще более тяжелыми для аборигенов последствиями. Результаты модернизации, вытекавшие из установленного контроля, не сопровождались, следовательно, политикой интеграции местных элит; более того, они трансформировались в политику, которая — прежде всего в Эфиопии, где итальянское господство не имело в распоряжении достаточного времени для консолидации — вылилась в жестокое подавление местных властей.

Соединенные Штаты, также являвшиеся сторонниками самоопределения, стали колониальной державой в 1898 г., когда купили у Испании Филиппины и другие территории. Это вступало в противоречие с традицией антиколониализма, на которой базировалось их собственное существование и которая нуждалась в корректировке. Хотя американское правительство и присвоило себе право, наравне с другими европейскими странами, назначать время и формы перехода к независимости, оно быстро решило эту проблему, признав в 1912 и в 1913 гг. принцип предоставления полной независимости, как только на островах будет сформировано стабильное руководство. И действительно, они проводили политику социального и культурного раскрепощения в качестве базы для перехода архипелага к самоуправлению. Кроме того, они внедрили в практику электоральные механизмы и включили местные кадры во все сферы управления. Эта политика быстрого продвижения в конституционном плане с целью удовлетворения требований националистов и обеспечения вашингтонскому правительству лояльности господствующих слоев, сопровождалась, однако, с американской стороны, выстраиванием классической системы экономической зависимости, отводившей Филиппинам роль производителя сырья и продовольствия, превращавшей их также в оптимальный рынок для американского экспорта. Когда Рузвельт был избран президентом, одним из его наиболее существенных обещаний стало сделанное в 1934 г. заявление об обязательстве предоставить Филиппинам независимость в течение десяти лет в качестве подтверждения своего антиколониализма. Благодаря этому заявлению успешно осуществлялся американский

эксперимент по экспорту в азиатскую страну формул и методов контроля, уже опробованных в отношениях с Латинской Америкой.

Удачные результаты деколонизации, проводимой на Филиппинах, в совокупности с опытом, накопленным на Ближнем Востоке в эксплуатации нефтяных ресурсов под эгидой Великобритании, демонстрировали эффективность формулы влияния, в соответствии с которой защищались экономические интересы, но при этом метрополия не брала на себя бремя политической и военной ответственности, а также не ставила задачу по изменению культурно-политического облика местного населения, что доминировало в позиции европейцев. Это создавало четкое представление об отношении Соединенных Штатов к проблеме европейских империй: они рассматривались лишь как архаичные системы юридических отношений, как дорогостоящие формы господства, которые должны и могут быть изменены с помощью проведения более прозорливой реформистской политики. Именно этот опыт оказал большое воздействие на шаги Соединенных Штатов, когда после окончания Второй мировой войны они взяли на себя роль мирового лидера.

*10.2.3. ПЕРВЫЙ ЭТАП ДЕКОЛОНИЗАЦИИ:
1944–1950 гг.*

Вторая мировая война стала четким водоразделом в процессе деколонизации. Европейские колониальные державы, часто во время военных действий прибегавшие к использованию (на основе принципов Декларации Объединенных Наций) подразделений призывников из колоний для того, чтобы выиграть войну, оказались с начала кризиса «Оси» (то есть, по меньшей мере, с 1943–1944 гг.) в ситуации, когда, ослабленные войной и занятые процессом внутренней реконструкции, они также были вынуждены резко изменить свои подходы к колониальной проблеме. Начался процесс изменений, неодинаковых по темпам, но одинаковых по результатам, изменений, на которые оказала решающее влияние позиция Соединенных Штатов и вызов, брошенный Советским Союзом.

Многие колониальные территории являлись театром войны: Северная и Восточная Африка, Ближний Восток (хотя почти всегда в косвенной и ограниченной форме), вся Восточная Азия, отчасти даже Индия. На этих территориях ничто не сохранилось в прежнем виде. И заблуждались те, кто, как французы, думали, что все может, по существу, остаться без изменений, пусть и с некоторой корректировкой в соответствии с требованиями времени.

Период японской оккупации, краткий, но оказавший существенное влияние на страны Азии, представлял собой проверку ограниченной лояльности колониальных народов в отношении голландцев, британцев или французов, и, предопределив закат господства европейцев, ускорил переход к осознанным требованиям полной независимости.

В отличие от других (неазиатских) колоний, в отношении которых проводилась политика косвенного правления, иной была в краткосрочном плане судьба азиатских колоний, находившихся под непосредственным колониальным управлением. Другим элементом, вскоре дополнившим общую картину, было начало холодной войны. Она не имела в Азии остроты европейского столкновения. Напротив, в том, что касалось Юго-Восточной Азии, как Соединенные Штаты, так и Советский Союз сразу же после окончания войны в целом придерживались позиции невмешательства, выразившейся в молчаливом согласии на то, чтобы будущее региона оказалось в руках британцев и французов. Однако, непосредственное соседство с новой ситуацией в Китае и то, что национал-коммунисты очень быстро оказались на нелегальном положении — все это заставило Соединенные Штаты, которые в принципе должны были ограничивать стремление традиционных колониальных держав к реваншу, на деле считаться с необходимостью не ослаблять своих европейских союзников.

В контексте холодной войны колониальный вопрос наполнился новым смыслом. Поскольку, согласно марксистско-ленинскому теоретическому анализу данной проблемы, колонизаторами были капиталисты, а империализм являлся синонимом последней стадии капитализма, то для многих националистов становилось очевидно, что для быстрейшего завоевания независимости был необходим союз с СССР в борьбе за «освобождение» всего мира. Этот анализ не учитывал тот факт, что такой союз предполагал прямое столкновение с метрополией, а, следовательно, этап кровопролитной войны, цена которой для колониальных территорий была бы очень высока. Кроме того, он не принимал во внимание возможность побудить правительства различных колониальных метрополий к диалогу, на который они, конечно, согласились бы с глубоким недоверием, но который стал бы для всех наименее дорогостоящим вариантом продвижения к независимости. Понадобилось несколько лет, чтобы протагонисты деколонизации осознали тот факт, что союз с СССР не только привязывал их к другой имперской системе, с другими, по сравнению с характерными для традиционного империализма правилами (однако не менее угнетающими, чем последние), но и еще более осложнял

решение проблемы независимости, вынуждая выбирать между противостоящими международными союзами, в то время как этот выбор лишь в незначительной степени являлся аспектом борьбы за освобождение.

Индонезия, Индокитай, французские подмандатные территории на Ближнем Востоке, Палестина и Индийский субконтинент — вот регионы, где впервые начался процесс послевоенной деколонизации. В Индонезии именно японцы дали импульс движению сопротивления. Война способствовала тому, что голландские правители стали более податливыми в отношении требований националистов, однако их уступки были сделаны слишком поздно и преследовали цель воспрепятствовать тому, чтобы японцы взяли на себя роль освободителей от европейского ига. После оккупации Индонезии японцы освободили из тюрем вождей национального движения, таких, как Сукарно и Хатта, а те приняли предложения о сотрудничестве, извлекая из этого максимальную выгоду в последние месяцы войны, когда они были включены в смешанный индонезийско-японский комитет, задачей которого была подготовка к освобождению страны. Следовательно после поражения Японии уже существовала некая власть, поспешившая, в то время как токийское правительство обсуждало условия капитуляции, объявить о независимости Индонезии (17 августа 1945 г.). Проблема состояла в том, чтобы поставить голландцев перед свершившимся фактом, воспользовавшись периодом институционального и военного вакуума между капитуляцией Японии и попыткой восстановления колониальной зависимости. Так, когда англо-индийские войска генерала Кристисона достигли Голландской Ост-Индии (10 сентября 1945 г.), им пришлось столкнуться с независимым административным аппаратом, имевшим уже достаточно времени для того, чтобы упрочить свое положение.

Учитывая, что чисто националистический характер движения преобладал над каким бы то ни было пугающим коммунистическим влиянием, британцы не захотели подавлять только что созданную структуру, а, напротив, пытались убедить голландские власти — тем временем прибывшие в страну в сопровождении своих войск — пойти на соглашение с националистами. Это была сложная задача; в ходе ее осуществления были моменты напряженности, кульминацией которых стали кровавые столкновения в Сурабае в конце 1945 г. Но в условиях мощного сопротивления индонезийцев британским посредникам удалось преодолеть отрицательное отношение голландского парламента к переговорам с джакартским правительством. В феврале 1946 г. губернатор Шемермон предложил создать индонезийскую федерацию, которая обладала бы

широкой внутренней автономией, но оставалась бы связанной с Нидерландами. В соответствии с этим предложением в апреле начались мирные переговоры, прерванные из-за отказа голландцев признать Индонезийскую республику представителем всех островов архипелага, поскольку фактически она контролировала в тот момент только Суматру и Яву. Выход из тупиковой ситуации был найден англичанами, когда они проинформировали голландские власти о выводе своих войск до ноября того же 1946 г. Перспектива опоры только на собственные силы подтолкнула Нидерланды к ускорению хода событий и смягчению условий переговоров.

В ноябре 1946 г. было достигнуто соглашение (Лингаджатское соглашение), позволявшее создать Соединенные Штаты Индонезии, независимые от Нидерландов, но связанные с ними союзом, юридический характер которого предстояло определить до 1 января 1949 г. На деле компромисс отражал слабость голландцев в тот момент, а не их реальные намерения. В соответствии с соглашением, новая республика включала только острова Ява, Суматра и Мадура. Для остальной части архипелага предусматривалось создание собственных политических органов, которые затем решили бы, присоединяться к федерации или нет. Голландское правительство опиралось на эту статью и местное соперничество, чтобы воспрепятствовать расширению сферы влияния индонезийских органов власти. Оно вмешалось в ситуацию, применив военную силу и оккупировав в 1947 г. остров Ява. Бурная реакция во всем мире заставила англичан отказаться от своей роли посредников, а Объединенные Нации — заняться этой проблемой. В августе 1947 г. была создана Комиссия добрых услуг, результатом работы которой стало заключение в январе 1948 г. нового соглашения (Ренвильского соглашения 17 января), отражавшего возросшую силу голландцев, поскольку оно сужало границы федеративной автономии. Вдохновленные этим успехом, голландцы попытались восстановить свою власть в более полном объеме. В декабре 1948 г. их войска оккупировали последние территории, оставшиеся у националистов. Сукарно и Хатта были арестованы. Тем самым правительство Нидерландов продемонстрировало, что оно не собиралось отказываться от контроля над Индонезией, и что процесс деколонизации должен в любом случае осуществляться под руководством голландской администрации.

Важную роль в преодолении этого кризиса сыграло вмешательство Индии (Неру организовал в начале 1949 г. конференцию афро-азиатских стран, потребовавшую немедленного вывода голландских войск из Индонезии), но, прежде всего, — вмешательство Соединенных Штатов. Американцы опасались негативного

влияния на колониальные страны позиции голландцев, сводившей на нет позитивные результаты предоставления самостоятельности Филиппинам и Индии и бросавшей индонезийских националистов в объятия коммунистов. Это входило в противоречие с практикой индонезийского правительства, жестоко подавившего попытку сформировать независимое коммунистическое правительство в Маджуре, на острове Ява. Сильное дипломатическое давление Соединенных Штатов на союзное правительство Нидерландов возымело эффект. Были начаты новые переговоры, увенчавшиеся 27 декабря 1949 г. заключением Гаагских соглашений, признававших независимость Соединенных Штатов Индонезии. При этом оставалось определить, каким образом должны формироваться институциональные связи между прежней метрополией и новой страной в последующем. Эти переговоры продолжались в течение многих лет и были завершены принятием решения о полном отделении Индонезии, принятом в 1954 г.

Не менее двусмысленной и нерешительной была политика Франции в Индокитае. Франция, потерявшая после 1940 г. контроль над территориями региона, могла восстановить его над своими протекторатами в Индокитае и над своей колонией в Кочинхине только после их оккупации британскими и китайскими войсками, которые должны были это сделать по условиям перемирия, заключенного 14 сентября с Японией. Вынужденное совместное управление индокитайскими территориями повлияло на будущее самих территорий. Если на юге, благодаря британской поддержке, французские власти легко восстановили свое управление, то к северу от 16-й параллели они столкнулись с многочисленными препятствиями, прежде чем установили эффективный контроль. Действительно, стремление лаосского и вьетнамского народов к независимости нашло могущественного союзника в лице националистического Китая. Ссылаясь на принцип азиатской солидарности, Гоминьдан пытался использовать оккупацию Индокитая как для утверждения собственной власти в регионе, который традиционно подчинялся Срединной империи, так и для того, чтобы добиться ликвидации экстерриториальных французских концессий в Китае. Поведение французов изменилось только после того, как нанкинское правительство добилось отказа от неравноправных договоров и распространения правил зоны свободной торговли на товарообмен между китайским меньшинством в Индокитае и Китаем.

Однако с выводом китайских войск французы столкнулись с более серьезной проблемой. В период политического вакуума, возникшего перед восстановлением французского господства,

Лига борьбы за независимость Вьетнама (Вьет-Минь) (созданная в 1941 г. для противостояния японцам), в которой преобладало влияние Коммунистической партии во главе с Хо Ши Мином, провозгласила в Ханое независимость страны, заявив о создании Демократической Республики Вьетнам, и выступила за принятие экономической системы советского образца. В Лаосе, после ухода китайцев, возникла аналогичная ситуация. Действительно, 12 октября 1945 г. было провозглашено создание Патет-Лао (Страны Лао), которая с первоначальных умеренно-националистических позиций быстро перешла на непримиримые позиции правительства Ханоя.

В то время как на территориях к северу от 16-й параллели назревали, таким образом, серьезные трудности, в Камбодже и в Южном Вьетнаме французам удалось восстановить свой контроль благодаря сотрудничеству с британцами, а также наличию слоя торговцев и местных властей, в большей степени расположенных к диалогу. В Камбодже благодаря прагматизму принца Нородома Сианука правительство, сформированное японцами, подтвердило в декабре 1945 г. договоры о протекторате 1884 г. Вместе с тем там сложилась группа интеллектуалов — открытых противников компромисса. Эти последние породили подпольное движение сопротивления — партизан Кхмер Иссарака, настроенных откровенно антифранцузски. Однако примирительная позиция камбоджийского монарха побудила французов пойти на создание двусторонней комиссии для изучения проблемы деколонизации протектората.

В наиболее разработанном виде политика в отношении Индокитая начала складываться с начала 1946 г., когда парижское правительство предложило создать в составе Французского союза (*Union Française*) федерацию индокитайских государств, то есть структуры, призванной стать юридической рамкой для территории империи с различным типом устройства, которым намеревались предоставить определенную степень автономии. Вопреки этим утверждениям, такая юридическая схема была направлена на сохранение контролирующей роли Франции в индокитайском регионе, что входило в прямой конфликт с национализмом Вьет-Миня. С другой стороны, несмотря на неоднократные призывы к международной солидарности, ханойское правительство не получило дипломатического признания ни одного иностранного государства (только националистический Китай и Соединенные Штаты предприняли несколько попыток в этом направлении, однако не доведя их до конца). Следовательно, в момент возвращения французов Хо Ши Мин был вынужден смириться с этим, имея

в виду перспективу начала переговоров с ними на основе новой институциональной рамки, предложенной Парижем.

Расхождение в намерениях не замедлило проявиться. Уже на конференции в Далате (май 1946 г.) индокитайским делегациям стало очевидно, что французское правительство не намеревалось пойти дальше предоставления некоторой автономии, сохранив ключевые сферы (управление экономикой, внешней политикой и обороной) в рамках компетенции Французского союза под жестким контролем Парижа. Несогласие с этим выразил Вьет-Минь, в то время как представители других общественных сил согласились. Необходимо было, следовательно, организовать серию переговоров Бидо с Хо Ши Мином, которые состоялись в Фонтенбло в июле — сентябре 1946 г. и обнаружили углубление конфликта между двумя сторонами.

Из вербальной сферы конфликт быстро переместился в военную. В тот самый момент, когда две делегации оживленно обсуждали проект Хо Ши Мина, касавшийся достижения полной независимости, в порту Хайфона в дельте Красной реки начались первые вооруженные столкновения. В условиях быстрого ухудшения ситуации парижское правительство приняло меры предосторожности, пытаясь ускоренными темпами продвинуться к определению юридического статуса различных индокитайских колоний с тем, чтобы изолировать республику Вьет-Минь. В попытке ослабить влияние Хо Ши Мина оно прибегло к созданию фиктивного органа представительства всего вьетнамского народа, заменившего делегацию Хо Ши Мина за столом переговоров. Был образован «Фронт национального единства» во главе с бывшим императором Аннама Бао-Дай, который отошел от Вьет-Миня после краткого периода сотрудничества. Появление более податливого партнера по переговорам позволило сравнительно легко прийти к соглашению — так называемому «Елисейскому соглашению» 8 марта 1949 г., которым в принципе признавалась независимость Вьетнама, в то время как фактически вся его центральная часть (Аннам) и южная (Кохинхина) оставались под контролем французов. За компромиссными предложениями скрывались, следовательно, противоречия политики французов, склонившихся к «непримиримым» позициям. С другой стороны, после решения вьетнамского вопроса, можно было оформить участие Лаоса и Камбоджи во Французском союзе, провозгласив независимость трех государств (2 июля 1949 г. — Вьетнама, 6 февраля 1950 г. — Лаоса, 8 февраля 1951 г. — Камбоджи).

На первый взгляд французский проект предоставления формальной независимости, ограниченной четко определенными

контрольными функциями метрополии, казалось, удался. Не только во Вьетнаме, но и в Лаосе, и в Камбодже правительствам, поддержанным французами, не удалось самостоятельно укорениться, а, впрочем, их примиренческая позиция в отношении колониальной метрополии и не могла завоевать поддержку даже самых умеренных националистов. Более того, попытка изолировать в дипломатическом отношении республику, провозглашенную Вьет-Мином, закончилась полным провалом, поскольку в январе 1950 г., в ответ на призыв Ханоя, страны советского блока сплоченно признали Демократическую Республику Вьетнам. В частности, только что созданная Китайская Народная Республика предложила режиму Хо Ши Мина свою поддержку в борьбе за национальное освобождение. Параллельно в Париж приходили известия о признании западными странами «объединившихся государств» Французского союза. Таким образом, процесс деколонизации в Индокитае выливался в самый масштабный конфликт периода холодной войны.

Другим проявлением непоследовательности в решении французами колониальных проблем стало развитие ситуации в противоположной части Азии — в Сирии и Ливане, двух подмандатных территориях, которым Франция обязалась предоставить независимость. Эти территории уже во время войны, в 1941 г., являлись ареной столкновения между силами, преданными правительству Виши, и французскими частями, поддерживавшими де Голля. После неудачи попыток, предпринятых войсками стран «Оси» на Ближнем Востоке, Сирия и Ливан перешли под контроль «Свободной Франции». В 1943 г. генерал Жорж Катру гарантировал им скорейшее предоставление независимости. За этим обещанием, подтвержденным в момент наибольшей опасности, сразу же последовали свободные выборы, приведшие к руководству обеими территориями умеренных националистов, немедленно приступивших к разработке норм, которые должны были закрепить полную независимость. Именно решительность ливанского президента аль-Хури вызвала ответную реакцию французов, обнаружив ограниченность мышления значительной части военно-политических кругов Парижа.

В ноябре 1943 г. аль-Хури был арестован по приказу французских властей, которые, однако, вынуждены были отказаться от собственного решения в результате вмешательства англичан, озабоченных тем, чтобы не давать повода для недовольства арабскому национализму. В декабре 1943 г. аль-Хури был освобожден, и с этого времени начался завершающий этап процесса получения независимости Ливаном и Сирией. Дипломатическое признание,

сразу же предоставленное Советским Союзом и Соединенными Штатами, защитило обе территории от нападков французов. Действительно, на протяжении всего 1944 г. продолжались переговоры относительно защиты французских интересов и культурных институтов в этих двух странах. С другой стороны, участие двух правительств в подписании договора от 22 марта 1945 г., учредившего Лигу арабских государств, а также их принятие в ООН исключали всякие сомнения. Франции оставалась только возможность подписать с Сирией и Ливаном договоры, которые гарантировали бы сохранение какой-либо формы военно-политического присутствия. Однако эта возможность была упущена в период последнего кризиса, начавшегося в мае 1945 г.

Идея вести переговоры о заключении таких соглашений в Бейруте, в присутствии сенегальского воинского контингента, верного парижскому правительству, вызвало волнения и беспорядки, охватившие весь город. Сирийцы и ливанцы были готовы заявить, что в такой атмосфере они не могут вести переговоры. В последние дни мая беспорядки приняли характер самого настоящего всеобщего восстания, спровоцировав жестокие репрессии со стороны французов. 31 мая Уинстон Черчилль, уже отдавший приказ военному командованию на Ближнем Востоке о восстановлении порядка, в почти ультимативной форме потребовал от де Голля прекратить огонь и отвести французские войска в казармы. Ободренные британской поддержкой, правительства Сирии и Ливана заявили 20 июня о своем решении отстранить всех французских граждан от исполнения обязанностей в администрации двух стран.

Но для того, чтобы окончательное соглашение было достигнуто, понадобилось еще почти полгода дискуссий англичан и французов, проходивших не всегда в спокойной обстановке. 13 декабря обе стороны согласились одновременно вывести свои войска из стран Ближнего Востока, не назначая, однако, никакой точной даты. Сирия и Ливан представили обращение в Совет Безопасности Объединенных Наций, которому не удалось принять резолюцию из-за оппозиции Советского Союза в отношении слишком мягкой рекомендации вывести оккупационные силы с Ближнего Востока. Впрочем, уклончивая позиция французов могла вызвать лишь арьергардные столкновения. В конце декабря 1946 г. последние иностранные войска покинули Ливан.

Война радикальным образом изменила характер Британской империи, превратив ее, с экономической точки зрения, в очень централизованный механизм, подчиненный потребностям и стратегии метрополии. Англичане установили контроль над заработками

в твердой валюте (то есть в долларах) почти на всех территориях, входивших в зону фунта стерлингов для решения проблем, связанных с оплатой поставок оборудования и других товаров из Соединенных Штатов. Эта мера привела к хронической нехватке потребительских и производственных товаров в колониях. Последствия в виде инфляции и замедления экономического развития в годы войны воспринимались как неизбежная жертва. Однако продолжение осуществления такого же контроля Великобританией после окончания конфликта с целью поддержания стоимости фунта стерлингов и равновесия своего платежного баланса вызвало яростные протесты националистов. Решающее значение в этом плане имело сохранение после окончания войны режима централизованного контроля над ценами на товары, экспортируемые с территорий империи. Данная мера, введенная сначала для защиты колониальных производителей от последствий сокращения торгового флота и трансформации рынка, связанной с войной, оказалась выгодной исключительно метрополии, поскольку в условиях роста цен в мировом масштабе Великобритания смогла продолжать покупать товары по низким ценам, в то время как колонии расплачивались за негативные аспекты ситуации, оплачивая импорт по ценам мирового рынка.

Не все, однако, оставалось в таком неизменном виде, как можно было бы подумать после прочтения этой вводной части. Боязнь американского антиколониализма и постоянное давление американцев, направленное против британских имперских преференций, которое стало контрапунктом взаимоотношений между двумя державами с момента принятия закона о ленд-лизе, ускорили процесс переосмысления имперской политики, начатой министерством по делам колоний после «великой депрессии», и нашли конкретное выражение в ассигновании крупных сумм, предназначенных для финансирования развития колоний, что стало прелюдией более динамичного подхода к проблемам империи. На этой основе в конце войны начал проводиться новый курс колониальной политики, прежде всего в Африке, основанный на убеждении, что, несмотря на оказываемое международное давление, британское колониальное господство сохранится еще на протяжении десятилетий.

Империя оказалась незатронутой войной, однако события войны изменили традиционное для доминионов ощущение стратегической зависимости от метрополии. Сдача Сингапура и решающий вклад американцев в возвращение территорий, оккупированных японцами, повлияли на позиции, занятые впоследствии Австралией и Новой Зеландией в отношении британской стратегии на

Дальнем Востоке. Соединенные Штаты предстали как наиболее надежный гарант от опасных изменений, вызванных войной. Даже Канада была вынуждена прибегнуть с целью гарантировать безопасность своего побережья и атлантических связей к помощи Соединенных Штатов, впервые подписав в августе 1940 г. соглашение о союзе между доминионом и внешней по отношению к имперской системе державой. В Южной Африке среди африканцев, то есть белого населения бурского происхождения, распространились республиканские и антибританские настроения, а сам южноафриканский премьер-министр Ян Сметс, умеренный африканер, мечтал о том, чтобы разделить с англичанами контроль над колониальной политикой в Африке. Вся Африка представляла собой континент, где, за немногими исключениями, национальное движение не стало еще силой, разрушающей империю. Настоящие проблемы, с которыми пришлось столкнуться англичанам, касались Юго-Восточной Азии (от Малайи до островов в Тихом океане), Индийского субконтинента и полестинского мандата.

В Индии лидеры партии Конгресса ответили на вовлечение страны в войну без консультаций с ними как открытым несогласием, так и кампанией гражданского неповиновения, объявленной в 1940 г. В 1942 г. они отказались от предложений англичан назначить выборы в конституционную ассамблею после окончания военных действий с перспективой создания индийской федерации со статусом доминиона. Ганди ответил народным восстанием, которое было безжалостно подавлено и привело к аресту всего руководства партии. Учитывая, что в Бирме и Малайе уже находились японцы, необходимо было найти более приемлемых партнеров, которые сделали бы в то же время возможным смягчение колониального режима. Тот факт, что выбор пал на Мусульманскую лигу, которую возглавлял Мухаммед Али Джинна, стремившийся к созданию самостоятельного мусульманского государства, в противоположность унитаристской и централистской программе Конгресса, отодвинул цель сохранения единства Индии на второй план заключительного этапа переговоров.

Это стало очевидным в 1945 г., когда с кардинальным изменением военной ситуации лейбористское правительство Эттли захотело возобновить предложения 1942 г. Проект натолкнулся на оппозицию лидеров Конгресса, убежденных, что колониальная администрация обязательно поддержит требования мусульманской лиги Джинны, и опасавшихся, что за этим может последовать исключение Пенджаба и Бенгалии из будущей индийской федерации. Англичане, со своей стороны, озабоченные тем, чтобы предотвратить возможную гражданскую войну или восстание

в армии, в которой было сильно влияние мусульман, верных союзников военных лет, не были склонны согласиться с навязыванием Конгрессом принципа единства страны.

В 1946 г. отношения между двумя партиями ухудшились; в Лондоне получили подтверждение того, что, как полагал вице-король Индии генерал Уовелл, политика репрессий не могла больше применяться с надеждой на успех. Уовелл начал настаивать на том, чтобы была ясно определена дата вывода британских войск. Ему, однако, не удалось добиться согласия правительства, все еще делавшего ставку на упорядоченную передачу власти и не желавшего предстать инициатором политики разрушения империи. Окончательный поворот произошел с назначением адмирала лорда Луиса Маунтбеттена на место Уовелла. В начале 1947 г., когда рассеялись последние надежды на примирение между Мусульманской лигой и партией Конгресса, лондонское правительство официально высказалось за передачу власти «одному или нескольким» индийским правительствам, согласившись тем самым с идеей единства как приоритетной, но при этом не исключая возможности разделения страны.

Маунтбеттен успешно вел дела в последние месяцы британского правления. Этому способствовало то обстоятельство, что его прибытие совпало с постепенным изменением позиции Конгресса, смирившегося с перспективой разделения страны с целью избежать неконтролируемых беспорядков также и в немусульманских провинциях, восстаний местных правителей и распада всей страны. Кроме того, для сокращения сроков передачи власти Конгресс в принципе согласился также на присоединение к Содружеству двух новых доминионов (Индии и Пакистана), получивших независимость в августе 1947 г. Индия впоследствии унаследовала британские права по контролю над внешней политикой Бутана, ставшего полностью независимым в 1971 г., поглотила французские анклавы в 1954 г., португальские — в 1961 г., а в 1975 г. аннексировала Сикким.

Однако тот способ, каким были созданы два новых государства, отчасти омрачил торжественность отказа Великобритании от жемчужины в своей имперской короне. Первая трудность возникла в связи с проблемой подчинения единому индийскому правительству более 500 княжеств, не зависевших непосредственно от британской короны, а являвшихся протекторатами. Одной из причин ускорения Маунтбеттенем ухода британцев была именно необходимость не дать сепаратистским движениям возможности укрепиться. Вторая и более серьезная сложность касалась определения границ между индийским и мусульманским государствами.

Комиссия, которой было поручено обозначить эту границу, установила, что мусульманское государство должно быть разделено на две части: Бенгалию, с преобладанием мусульманского населения, на территории, примыкающей к Дакке и включающей дельту Ганга, и Западный Пакистан, с регионами Белуджистан, Синд и Пенджаб. Важнейшее значение имело решение о передаче Индии большей части Кашмира. Неопределенность этнических и религиозных границ в Пенджабе и Кашмире привела к массовому переселению людей в обоих направлениях. В атмосфере жестокости, плохо сочетавшейся с величием момента, в столкновениях, сопровождавших этот исход, погибло около двух миллионов человек. Сам Ганди, убитый в январе 1948 г. фанатиком-индуистом, стал одной из жертв этой атмосферы. Но отношения между Индией и Пакистаном по поводу Кашмира приобрели, начиная с 1947 г., конфликтный характер, иногда доходя до открытой войны (1965 г.), распространившейся также на Пенджаб, зону неопределенности, которая оказывала и оказывает до сих пор (1999 г.) определяющее влияние на жизнь на субконтиненте.

История Пакистана с точки зрения международных отношений впоследствии также была непростой. В 1971 г. нарастание конфликта между двумя частями одного и того же государства, так далеко расположенными друг от друга и имеющими столь разные стратегические интересы и экономические условия, привели к гражданской войне восточных бенгальцев против войск Западного Пакистана, присутствовавших на их территории. Поддержка Индии способствовала победе повстанцев и привела к созданию независимого мусульманского государства, получившего название Бангладеш.

В Бирме японская оккупация вызвала ответные действия противоположной направленности. Некоторые националистические элементы сотрудничали с оккупационными силами, надеясь на немедленное предоставление независимости стране; другие организовали движение сопротивления, которое основывалось на недоверии в отношении реальных намерений оккупантов и надежде на политическую компенсацию со стороны метрополии. Аун Сан, молодой лидер «Партии такинов», выступавшей за независимость, получил военную подготовку в Японии и вернулся на родину для создания армии, которая помогала бы оккупационным силам. Однако он быстро убедился в ограниченном характере предложений японцев. Тогда он занялся созданием антияпонского партизанского движения сопротивления, которое, благодаря поддержке Маунтбеттена, в то время британского главнокомандующего в Юго-Восточной Азии, признало в молодом командире

наиболее ценного партнера, сформировавшегося в ходе военных пертурбаций.

После окончания военных действий англичане колебались относительно необходимости сразу же решать вопрос о независимости Бирмы. Однако невозможность восстановить эффективную власть вынудила их сделать ставку на Аун Сана, в том числе и из-за опасения, что он вступит в союз с коммунистами, имевшими довольно сильные позиции в крестьянском мире. Этим шагом Лондон надеялся завоевать доверие единственной силы, которая считалась способной сохранить единство страны, с целью добиться своей главной цели — мягкой передачи власти, без нежелательных последствий стратегического характера и с сохранением экономических связей в будущем. Лидеры лиги Аун Сана, опасаясь потерять поддержку крестьянских масс, в случае отказа от непримиримого отношения к колониальной администрации, не приняли британские предложения и потребовали немедленного предоставления независимости, которую они получили в январе 1948 г. Бирма стала республикой, не связанной с Великобританией даже принадлежностью к Содружеству.

Гораздо более мирным был переход власти в Цейлоне, только косвенно затронутым войной. Конституционный процесс на острове мог продолжаться по пути, предначертанному Лондоном, на основе сотрудничества с местными традиционными элитами, лишенными массовой базы и склонными к компромиссу с европейцами. В 1945 г. англичане еще и не упоминали о возможности предоставления Цейлону статуса доминиона. В 1946 г. на выборах победили умеренные цейлонцы, и английскому правительству удалось начать процесс переговоров. Их результатом стало признание деколонизации и придание Цейлону в 1948 г. статуса доминиона в обмен на соблюдение экономических и военных интересов Британии. Подобная модель перехода казалась тогда идеальной формулой компромисса между целями метрополии и имперской периферии.

По контрасту случай Малайи продемонстрировал, что уход из азиатской части империи не означал для Великобритании отказа от колониального господства, а являлся взвешенным, хотя и вынужденным и болезненным, стратегическим решением, основанным на сопоставлении издержек и выгод от контроля над Центральной и Южной Азией. Лондонское правительство решило, что господство над Малайей — до войны осуществлявшееся в различных формах зависимости и затем ликвидированное японской оккупацией — следовало возобновить и, более того, усилить посредством создания федерации территорий под единым управлением,

что превратило бы страну не только в колонию, имеющую важное экономическое значение, но и в надежного защитника Сингапура, и, следовательно, британского пути на Восток.

Этому проекту, предусматривавшему, в соответствии с конституцией 1946 г., распространение гражданства федерации на индийское и китайское меньшинства, проживавшие на данной территории, противостоял малайский национализм, которому удалось добиться компромиссного решения. Султаны не лишались своего суверенитета, отдельные государства сохраняли некоторые полномочия в финансовой сфере и превосходство малайцев обеспечивалось, прежде всего, предоставлением гражданства лишь небольшому проценту населения. Великобритания, учитывая опасность того, что голландская оппозиция в отношении малайского национализма в Индонезии могла привести и в Малайе к серьезному сопротивлению колониальному контролю, предпочла пойти на уступки и гарантировать себе, таким образом, поддержку умеренных и консервативных слоев, которые играли ведущую роль в малайском национальном движении. Эта поддержка оказывалась в обмен на эффективную экономическую и политическую помощь против наступления китайского меньшинства и коммунистической партизанской войны. Только в 60-е годы, когда Сингапур также получил независимость, встал вопрос о более эффективном устройстве территорий Малайи. Тогда и была создана (между 1963 и 1965 гг.) Малайзия, федерация, которая объединила — хотя и с сохранением значительной местной автономии — все старые британские владения в этой зоне, за исключением самого Сингапура.

10.2.4. СОЗДАНИЕ ИЗРАИЛЯ В 1948 г. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Впрочем, самый мучительный процесс деколонизации Великобритании пережила в связи с ситуацией на территории Палестины. Рассмотрение генезиса израильского государства в рамках процесса деколонизации может показаться неправильным, и, возможно, отчасти это и так. Действительно, проблема территорий Палестины, управляемых Великобританией, быстро приобрела такой резонанс и вовлекла такое количество участников, что вскоре стала крупной международной проблемой. Однако представляется несомненным, что, по крайней мере на начальном этапе, трудности Великобритании в связи с Палестиной состояли главным образом в том, чтобы найти определенную форму устройства для территории, отданной Великобритании в качестве

подмандатной, то есть в качестве географической зоны, приравняемой во всех других случаях к колониальному миру. Конечно, можно было бы обсуждать, существовали ли именно на этой части британских подмандатных территорий условия для принадлежности к мандатам категории «А», то есть, были ли эти территории, уже готовы к независимости при условии помощи извне на подготовительном этапе. В действительности, после отделения Трансиордании на остальной части Палестины не было ни условий для немедленного формирования местного правительства, состоящего из палестинских арабов, ни возможности создания какого-либо другого правительства.

Проблема возникла по существу в период 1935–1947 гг. После 1933 г. в результате еврейской иммиграции соотношение численности евреев и арабов среди палестинского населения, в общей сложности достигавшего примерно одного миллиона человек, составило соответственно 400 тыс. и 600 тыс. «Белая книга» 1939 г., с ее ограничениями и ее обещаниями, не удовлетворяла ни одну из сторон. С начала 40-х годов еврейские общины всего мира и, в особенности, Соединенных Штатов начали требовать создания в Израиле независимого еврейского государства. В 1942 г. это стало официальной целью Всемирной сионистской организации, за достижение которой она боролась с еще большим упорством после того, как, начиная с 1943 г., в мире стали распространяться известия о бойне, устроенной Гитлером в свете так называемого «окончательного решения» еврейского вопроса.

С другой стороны, арабы также продолжали свою борьбу с британцами, и в марте 1945 г. страны, входившие в Лигу арабских государств, с энтузиазмом приняли решение о немедленном создании арабского государства в самой Палестине. Проблема, следовательно, явно выдвигалась в разряд международных. Однако она упиралась в необходимость того, чтобы Великобритания указала — как она это сделала для всех мандатов категории «А» — какое правительство должно быть создано на доверенной ей территории, то есть каким именно образом она намеревается деколонизовать Палестину. Наложение и даже просто соединение еврейских и арабских требований делало проблему чрезвычайно сложной.

Еврейский национализм зародился в XIX веке в среде интеллигенции, проживавшей в условиях несвободы в Российской империи, вдоль границы с польскими и австро-венгерскими землями. Сионизм, то есть движение, имеющее целью возвращение евреев в *Eretz Israel*, землю предков, родился в этой среде, питаемый отчаянием миллионов обездоленных и деятельностью таких интеллектуалов, как Теодор Герцль. Герцль был еврейским журналистом

венгерского происхождения, который в 1884 г. во Франции следил за событиями, связанными с делом Дрейфуса на различных его этапах. Выявление столь глубоких корней французского антисемитизма привело его к написанию в 1896 г. работы под названием «Еврейское государство», в которой он утверждал, что альтернативой антисемитизму является создание самостоятельного государства. Он, однако, не считал, что оно должно непременно находиться в Палестине. В 1903 г., после многих лет организационной и дипломатической работы по распространению его идей, он допускал, что еврейская диаспора может обрести свою родину также и на африканской территории. Сионист светского толка, Герцль оказывался, таким образом, на позициях, противоположных позициям большинства глубоко религиозных евреев Центральной Европы, считавших, что концепция государства не может быть оторвана от мечты вернуться на землю предков, в Палестину. В действительности, настоящей «землей обетованной» для евреев были, скорее, Соединенные Штаты, куда за 1880–1920 гг. эмигрировало около 3 млн евреев, положив начало общине с большой историей и мощным влиянием на американскую политику.

Впрочем, только во время Первой мировой войны распад Османской империи привел к возрождению традиционных сионистских надежд. Намерение, высказанное лордом Бальфуrom в 1917 г. в письме лорду Ротшильду, одному из главных представителей финансовых кругов и британского сионистского мира, поддержать создание «еврейского национального очага» в Палестине, вновь породило надежды и энтузиазм. Постоянный, хотя и неравномерный, поток иммиграции в Палестину привел к увеличению численности еврейской общины, в 1913 г. достигавшей лишь 80 тыс. человек, в пять раз. Это была деятельная община, в значительной части тяготеющая к социальному экспериментированию в коллективистском духе в больших киббуцах, предприятиях, организованных в качестве моделей организации производства и социального эгалитаризма.

Поворот, произошедший в британской политике с 1936 по 1939 г., был тяжелейшим ударом по надеждам как колонистов, так и евреев диаспоры. «Белая книга» 1939 г. стала тяжелым поражением для нового лидера сионистского движения Хаима Вейцмана, сделавшего ставку на диалог с англичанами. Его политика была поставлена под сомнение евреями всего мира, а из-за войны в ловушке оказалась самая крупная еврейская община в Европе — польская. Когда нацисты начали проводить свою политику уничтожения евреев, сионистское движение в Палестине и в Соединенных Штатах смогло лишь пытаться в отчаянии искать какие-то способы для спасения жизни отдельных людей.

В этой атмосфере отчаяния, усугубленной открытым сотрудничеством значительной части арабов с немцами и арабским восстанием против англичан, в Палестине сформировалась еврейская бригада, входившая в английскую армию, возник и ряд нелегальных вооруженных экстремистских группировок: более умеренных, — таких как Хагана (*Haganah*) и террористических, как Иргун Цвай Леумми (*Irgun Zvai Leumi*), или Лехи (*Lehi*), известной также как группа Штерна. Последние проводили политику репрессий против арабов и устрашения Британии. Начался также процесс обновления правящей сионистской группы, где появились такие люди, как Бен Гурион. Последние, хотя и были расположены к сотрудничеству с англичанами в войне против Германии, готовились к решению проблем, которые возникнут по окончании конфликта, когда англичане снова станут их настоящими противниками.

Известия о том, что совершил Гитлер и нацисты в Европе, убийство 6 млн человек привели к дотоле невыносимым изменениям в сознании людей. Сопrotивляться иммиграции, ограниченной, согласно «Белой книге», годовой квотой в 15 тыс. человек, становилось все труднее, в особенности при наличии подпольной иммиграции тех, кто бежал из Европы, лежавшей в руинах, для налаживания жизни на новой родине. Против нелегального переселения выступали англичане, что привело к нежелательным для них результатам. Еврейское сообщество в Палестине активизировало свою антибританскую деятельность в момент, когда англичанам пришлось также столкнуться с целым комплексом проблем, проистекавших из их взаимоотношений с арабским миром.

Решающую роль в тот момент могли сыграть только Соединенные Штаты — благодаря тому влиянию, которое они приобрели в мире, и силе американской еврейской общины. Во время войны американская политика, однако, не была однозначной. Рузвельт уделял большое внимание отношениям с арабским миром и, в особенности, защите американских интересов в Саудовской Аравии. Кроме того, внутри американской администрации существовали весьма разные точки зрения относительно целей, которых следует достичь в регионе Ближнего Востока. Так, до 1945 г. евреи получили ряд обещаний (которые госдепартамент стремился ограничить), сопровождавшихся обязательством, неоднократно дававшимся Рузвельтом представителям арабского мира, — относительно того, что без предварительных консультаций с ними не будет приниматься никаких решений. Только с неожиданным приходом Трумэна в Белый дом, дело сионистов стало пользоваться большей поддержкой.

Несмотря на многочисленные утверждения другого плана, Трумэн не сразу поддержал идею создания еврейского государства в Палестине. Его заинтересованность в вопросе была обусловлена скорее гуманитарными мотивами. Известия, приходившие из Европы сразу после окончания войны, относительно отчаянного положения вернувшихся из немецких концлагерей, вызывали глубокое эмоциональное потрясение. В июне 1945 г. Трумэн счел нужным самостоятельно принять решение о посылке ученого, которому он доверял (профессора Эрл Г. Харрисона, юриста Пенсильванского университета), провести исследование сложившейся ситуации. В августе Харрисон доложил президенту относительно положения, которое он наблюдал. Он рассказал о стремлении евреев эмигрировать в Палестину и рекомендовал ему предложить, чтобы 100 тыс. из них немедленно получили на это разрешение. Трумэн воспользовался этой идеей и сразу же изложил ее англичанам (август 1945 г.).

Таким образом, «почти случайно и не имея конкретного проекта», как пишет Стивен Л. Шпигель, Соединенные Штаты оказались вовлеченными в решение палестинской проблемы. В условиях растущего давления англичан, также не имевших никакого желания вызывать дальнейшую враждебность в арабском мире, они прибегли к тактике проволочек, в частности, к созданию смешанной англо-американской комиссии по расследованию. Комиссии понадобилось немалое время, чтобы прийти к выводам, объявленным в апреле 1946 г. В них высказывалось согласие с идеей немедленной иммиграции 100 тысяч евреев, рекомендовалось смягчить формулировки, содержащиеся в «Белой книге», в особенности в том, что касалось права евреев на приобретение земли в Палестине, и предлагалось создать доверенную администрацию, которая привела бы к созданию двух отдельных национальных государств — арабского и еврейского. Таким образом, даже формулирование идеи создания двух отдельных государств привело к противоречиям.

Выводы относительно работы этой первой комиссии не имели никакого практического результата и разочаровали всех. Единственным их конкретным результатом была поддержка требования Трумэна относительно немедленной иммиграции 100 тысяч евреев. С другой стороны, англичане прибегли к тактике проволочек, предложив сначала создать другую комиссию по расследованию, а затем провести сепаратные переговоры с представителями обеих общин, что привело лишь к углублению враждебности между ними и ухудшению ситуации с поддержанием общественного порядка в Палестине. После всех этих неудач, измученные бесполез-

ными переговорами с американцами, британские правители решили, наконец, передать вопрос Объединенным Нациям (апрель 1947 г.).

Понадобилось еще раз прибегнуть к комиссии по расследованию (*United Nations Special Committee on Palestine — UNSCOP*), в которой Соединенные Штаты не были представлены. Последовали месяцы острой полемики, все более напряженных отношений, антибританских террористических акций и трудных решений. Идея, которая была сформулирована, лишь воспроизводила в более определенных терминах то, что уже обсуждалось ранее: следовало создать два государства, одно — арабское, другое — еврейское, предусмотреть их экономический союз, по крайней мере, на определенный период времени, и интернационализацию Иерусалима. Географическая карта точно обозначала предложенное разделение территории между двумя государствами.

На эти предложения арабы ответили решительным отказом, сионисты восприняли их с большим реализмом. Они согласились с правом на создание еврейского государства на части территории Палестины, которое впервые было признано организацией, выступавшей в тот момент источником норм международной жизни. Доклад UNSCOP обсуждался на Генеральной Ассамблее 29 ноября 1947 г. и был одобрен 33 голосами (включая голоса Соединенных Штатов, Советского Союза и Франции), при 13 голосах против (голоса арабских государств, Индии и Греции) и 10 воздержавшихся (среди которых — Великобритания). Генеральная Ассамблея ООН приняла к сведению, что британский мандат заканчивался 1 августа 1948 г., и назначила комиссию для выполнения принятых резолюций.

Арабы категорически отказались согласиться с решениями ООН. Еще раз, как и после Первой мировой войны, весь арабский мир почувствовал себя преданным западными державами; тем самым были посеяны семена глубокого и долговременного соперничества. Законность голосования Генеральной Ассамблеи ООН была оспорена, и в феврале, в накаленной атмосфере, представители арабских стран приняли решение о том, что их ответом на создание еврейского государства станет организованное сопротивление. Беспорядки, охватившие территорию Палестины, стали прелюдией к войне. Они подтолкнули британцев передвинуть свой уход на более ранний срок — с 1 августа на 15 мая 1948 г. С этого дня Палестина оказалась практически во власти анархии, в которой сионисты проявили наибольшую эффективность и подготовленность. Им удалось заново создать свое государство — Израиль. Группы (вооруженные как Западом, так и Советами и чехослова-

ками) превратились в регулярную армию численностью примерно в 60 тыс. человек. Основной действующей силой этой армии стала группировка Хагана, которой с необычайной эффективностью удавалось противостоять беспорядочным действиям арабов или, точнее, египтян.

К этому следует добавить, что в действительности израильтяне получали не прямую, но существенную поддержку благодаря секретному соглашению, подписанному с правителями Трансиордании, единственной обладательницей военной силы, способной сражаться с подразделениями израильской армии, — Арабским легионом под командованием Глабб-паши. Это секретное соглашение предусматривало, что Иордания займет территорию к западу от реки Иордан, которая должна была стать наиболее процветающей частью арабского палестинского государства. В обмен на это предусматривалось, что действия Арабского легиона против армии Израиля будут носить лишь символический характер. Израильтянам пришлось поэтому воевать против немногим более чем 20 тыс. человек, то есть (поскольку ливанские вооруженные силы не существовали) против нескольких тысяч сирийцев, немногим более 10 тыс. человек, которые мог выставить Египет, слишком далеких иракских сил и части, практически незначительной, Арабского легиона (4 500 человек). Сами палестинские арабы, разделенные на разнородные и плохо скоординированные группы, лишь sporadически имели возможность сражаться за свою еще не существующую родину. В этом состояло, вероятно, главное различие: с одной стороны, израильтяне воевали за осуществление идеи, созревшей веками и ставшей теперь национальной идеей; палестинские арабы воевали против империалистического и израильского вторжения, однако еще не во имя палестинской «нации», которую никто не сумел пока создать. Через несколько недель стало ясно, что Израиль сможет выжить и даже оккупировать более обширную территорию, чем та, которая была прочерчена разделительной линией ООН. К этому следует добавить, что Израиль был сразу же признан Соединенными Штатами (решение было объявлено Белым домом 11 минут спустя после провозглашения Государства Израиль), сразу вслед за этим — Советским Союзом, и большим числом других государств.

Картина, которую представляла собой Палестина, была удручающей: территории, опустошенные войной, подвижные линии фронта, уязвимые из-за слабости арабского сопротивления, сильное желание многих израильтян довести до победного конца свою борьбу, беспорядочное бегство сотен тысяч беженцев, наводнивших соседние страны (один из немногих достоверных источников

говорит о 200 тыс. беженцев в полосе Газы, 465 тыс. — в Иордании, 107 тыс. в Ливане, 80 тыс. в Сирии) и воспринимавшихся как докучливые попрошайки.

Видя такое развитие ситуации, Объединенные Нации прибегли к вмешательству и направили официального посредника в лице шведского графа Ф.Бернадота, начавшего обсуждать проекты временного прекращения боевых действий и серии перемирий между различными воюющими силами по схемам, которые воспроизводили предыдущие решения ООН и которые были отвергнуты арабами и израильтянами (первыми — по принципиальным соображениям, вторыми — потому, что такие планы вынудили бы Израиль отказаться от района Негева). 17 сентября граф Бернадот был, однако, убит израильским террористом. Заменявший его американец Ральф Банч продолжил исполнение функций посредника. Однако найти временное решение стало возможно только тогда, когда израильтяне стали угрожать оккупацией египетской части Синайского полуострова. Очевидное военное превосходство Израиля подталкивало к срочному заключению перемирия, и Банч смог завершить свою работу, выработав четыре отдельных документа, подписанных на о. Родос Египтом, Сирией, Ливаном и Иорданией. Иракцы отказались заключить соглашение о перемирии с Израилем.

Подписание соглашений о перемирии не нормализовало ситуацию, и Объединенные Нации назначили комиссию, которая безуспешно пыталась преобразовать соглашения о перемирии в мирные договоры. Однако перемирие, напротив, рассматривалось (прежде всего, арабами) только как пауза в развитии противостояния. Ситуация оставалась накаленной и наполненной настроенными недовольства. Израильтяне начали переживать с того момента драму в отношении проблемы безопасности их поселений и выживания их государства в условиях противостояния арабов, продолжавшегося, в различных формах, в течение нескольких десятилетий. Арабские страны не смирились с этой ситуацией, бросившей вызов их пониманию проблемы и рассматривавшейся ими как новое проявление британского произвола, к которому теперь присоединились также и Соединенные Штаты.

В результате складывался психологический климат, который, далеко не способствуя возможности преобразования соглашений о перемирии в мирные договоры, заставлял опасаться внезапного возобновления военных действий. Конечно, израильтяне на том этапе были расположены дать всяческие заверения относительно своей воли к миру. Однако этому не верили арабы, считавшие Израиль временной реальностью, подлежащей как можно более

быстрому уничтожению, и как бы то ни было, врагом, от которого можно ожидать только новых актов агрессии. Кроме того, было легко предвидеть, что такое суверенное государство, как Израиль, станет притяжением для иммиграции, единственным ограничителем которой будет способность израильской экономики к ее поглощению. На фоне слаборазвитых стран новое государство, возглавлявшееся на начальном этапе социалистической партией и испытывавшее сильное влияние опыта кибуцев, могло стать полюсом экономического влияния и стремления к переменам. Оно могло бы экспортировать на Ближний Восток не только институты власти, но и организационно-технологические модели Запада.

Напряженность еще более возрастала из-за проблемы беженцев, принятых в ближайших к Израилю арабских странах, но размещенных в нечеловеческих условиях. Их возвращение на родину было невозможным, поскольку их прежнее достояние было экспроприровано израильтянами. С другой стороны, правительство Тель-Авива, ставшего столицей нового государства, не могло, конечно, разрешить массовое возвращение населения, по численности равного еврейскому, что неизбежно создавало бы ситуацию антагонизма и подрывало бы сами основы нового государства. Поэтому беженцы жили, более того, выживали за счет скудной помощи, которую оказывало Агентство ООН по обеспечению и распределению работы (*United Nations Relief and Work Agency*). При этом государства, принявшие у себя беженцев, не могли (или не хотели) способствовать их интеграции в соответствующие общества, по крайней мере, по двум причинам: из-за объективных трудностей, с которыми должно было столкнуться каждое из этих государств для решения своих экономических проблем, и, прежде всего, из-за осознания того обстоятельства, что быстрая ассимиляция палестинских беженцев вскоре лишила бы оппозицию Израилю самого ее смысла. Только в Иордании палестинцы встретили более человечный прием, и за ними было признано право на гражданство. В других случаях лагеря беженцев стали прибежищем для несчастных и всеми покинутых людей, которые через несколько лет стали осознавать свои политические интересы.

Таким образом, британская политика деколонизации в Палестине оставила в наследство конфликт, продолжительность которого было трудно предугадать, а также враждебное отношение арабского мира к Западу, укоренявшееся все больше по мере того, как Израиль утверждал свою жизнеспособность. Поражение арабов выявило силу израильтян, а также слабость и противоречия в арабском мире. Палестинским арабам, лишенным политического представительства, не удалось заставить услышать свой

голос на международной арене. Остальные перекладывали друг на друга ответственность за палестинскую проблему в скрытой борьбе за преобладание в регионе между четырьмя основными арабскими государствами: Египтом, Сирией, Ираком и Саудовской Аравией. Противоречия восходили к давнему соперничеству между Хашимитской династией, правившей в Ираке и Иордании, и Ваххабитской династией в Саудовской Аравии. Сирийские планы создания «Великой Сирии» за счет соседних государств фактически объединяли правительство Дамаска с правительствами Эр-Рияда и Каира, делая их союзниками в борьбе с Иорданием и Ираком. Когда 24 апреля 1950 г. Абдаллах, отказавшийся от титула эмира в пользу титула короля (в знак достигнутой Иорданием независимости от Великобритании), объявил о формальном присоединении территории Восточной Палестины к собственному королевству (которое с того момента официально сменило название Трансиордания на более простое — Иордания), его противники безуспешно пытались исключить его из Лиги арабских государств (организация, созданная в 1945 г. под эгидой Египта с целью координации общей политики арабских государств).

Показателем колоссальной напряженности, царившей в регионе, стали два эпизода. 20 июля 1951 г. убийство короля Абдаллаха исламским экстремистом сделало еще более неустойчивой ситуацию в Иордании, которая лишилась монарха, пользовавшегося авторитетом за свои способности и дипломатическую проницательность. Страна оказалась перед лицом длительного кризиса, связанного с престолонаследием и состоянием здоровья наследного принца Талала. После года формального правления Талала Королевскому совету пришлось лишить его короны и объявить королем сына низложенного монарха еще несовершеннолетнего принца Хусейна, функции которого до достижения им совершеннолетия (в 1953 г.) исполнял Регентский совет.

10.2.5. АНГЛО-ИРАНСКИЙ КРИЗИС: 1951–1954 гг.

Другой крупный кризис имел место в Иране в результате напряженного конфликта между Лондоном и националистическим правительством, созданным 28 апреля 1951 г. Мохаммедом Мосаддыком, главой Национального фронта, который давно боролся за национализацию Англо-иранской нефтяной компании (*Anglo-Iranian Oil Company*), имевшей концессию на эксплуатацию огромных иранских нефтяных ресурсов. Решение о национализации британской компании, принятое Мосаддыком через два дня

после формирования правительства, стало первым серьезным вызовом страны-производителя нефти господству концессионных кампаний (в большинстве своем — британских, американских, голландских). Национализация положила начало изнурительной юридической тяжбе между заинтересованными сторонами, в которой Лондон использовал все свое влияние в пользу Англо-иранской компании. Однако, прежде всего, она стала поводом для острого политического столкновения: в него пытались вмешаться иранские коммунисты, и в нем большую роль сыграли Соединенные Штаты.

В октябре 1952 г., с разрывом дипломатических отношений между Ираном и Великобританией конфликт достиг наивысшей точки. Именно опасность такого конфликта привела к открытому столкновению Мосаддыка с шахом Реза Пехлеви, который до того безуспешно пытался удалить лидера националистов из правительства. Внутренний кризис, усугубленный прекращением производства нефти в результате национализации и бойкота со стороны англичан, подтолкнул Мосаддыка к экстремистским решениям, приведшим к тому, что его постепенно покинули даже ближайшие сторонники.

В августе 1953 г. Мосаддык пытался укрепить власть, которая уже начинала от него ускользать, с помощью плебисцита, в результате которого в стране было установлено тоталитарное правление. После нескольких дней замешательства, во время которых Реза Пехлеви покинул Иран и укрылся в Италии, военная верхушка во главе с генералом Фазлоллой Захеда, поддержанная американскими спецслужбами, одержала победу над сторонниками Мосаддыка. 19 августа Захеда сформировал новое правительство. Через несколько дней шах вернулся из изгнания, принятый подданными как триумфатор. Период Мосаддыка закончился. Однако его опыт оставил глубокий след, который из Ирана распространился на другие страны-производители нефти, породив проблему того, каким образом совмещать обладание ресурсами и способность их эксплуатировать и продавать. Проблема сырья, следовательно, вновь начинала играть центральную роль в международных отношениях. Не был забыт и тот факт, что «отвоевание» иранских позиций стало возможным благодаря вмешательству Соединенных Штатов, в большей мере, чем поведению Великобритании. Это делало невозможным восстановление в прежнем виде позиций, которыми ранее располагала Англо-иранская компания.

После еще одного года длительных переговоров в августе 1954 г. новый консорциум нефтяных компаний подписал соглашение о концессии с иранским правительством. Частью этого консорциума

все еще являлась Англо-иранская компания, имевшая 40% акций; в нее также входили «Ройал датч шелл», с 14% акций, пять американских компаний, располагавших в общей сложности 40% акций и «Компани франсез де петроль», с 6%. Новый консорциум должен был добывать, очищать и продавать нефть от имени Иранской национальной нефтяной компании, созданной Мосаддыком и сохранявшейся в качестве структуры, распределяющей прибыль в установленной пропорции 50 на 50% между новым консорциумом и Ираном. Такое разделение прибыли от производства нефти стало правилом, которое постепенно распространилось на всю отрасль. Оно стало также и первым шагом на пути к увеличению трудностей в урегулировании прав собственников на месторождения в их соотношении с правами на эксплуатацию и распределение прибыли. Возможность для стран-производителей осуществлять полный контроль за производственным процессом, вплоть до его коммерциализации, уже просматривалась, однако технологические проблемы и недостаток финансовых ресурсов не позволяли на этом этапе принять решительные меры в связи с данной проблемой.

10.2.6. РАСПАД ФРАНЦУЗСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

В конце Второй мировой войны арабский национализм стал политическим субъектом, который уже нельзя было игнорировать. В 1952 г. силы, вдохновлявшие его, впервые одержали победу в Египте. Организация «Свободные офицеры», в которой значительную роль играли представители ассоциации Братья-мусульмане, экстремистская группировка движения за исламское возрождение в Египте, вынудила короля Фарука отречься от престола и покинуть египетскую землю (26 июля). Власть взяла группа военных, выразивших стремление к переменам средней и мелкой буржуазии, глашатаем интересов которых была армия, поддерживаемая исламским движением. Под руководством генерала Мухаммеда Нагиба на первом этапе, а позднее, полковника Гамала Абдель Насера (в апреле 1954 г. формально взявшего на себя власть, которую он фактически осуществлял с первого этапа революции) «Свободные офицеры» начали проводить реформистскую внутреннюю политику, которая сделала их главными действующими лицами арабского противостояния Западу. Для всего арабского мира Египет стал с того момента опорным пунктом борьбы против западного колониализма и арабского сопротивления после унижительного поражения 1948 г., понесенного в войне

с Израилем. Насер был среди тех, кто по личному опыту знал о бедственной ситуации в египетских вооруженных силах и намеревался осуществить их радикальное переустройство. Это нашло отражение во внешней политике, которая несла в себе мощный подрывной заряд, направленный против сохранившегося британского присутствия. Кроме того, пример непримиримого национализма, представляемого Насером, был заразителен для движений за независимость в Северной Африке и, в частности, для борьбы против французского присутствия.

Почва для этого оказалась как никогда благодатная. На заключительном этапе войны генерал де Голль пытался рассмотреть в целом проблемы Французской империи, созвав в начале 1944 г. в Браззавиле конференцию представителей всех французских колониальных администраций (с особым упором на страны черной Африки). Конференция подтвердила центральную роль империи в проекте де Голля и, в то же самое время, отметила недостаточное умение Франции пользоваться методом сохранения и, если это возможно, укрепления своего контроля путем уступок в некоторых формальных, а не существенных его аспектах. Реформистские директивы, разработанные в Браззавиле на будущее, имели важное значение, поскольку они предусматривали отмену принудительного труда, создание территориальных ассамблей для объединения в своего рода французскую федерацию, соблюдение принципа представительства народов империи в будущем учредительном собрании метрополии. Однако отсутствовало стремление или способность понять суть проблемы, учитывая что категорически отвергалась всякая возможность эволюции к самоуправлению колониями. Вместе с тем, было принято решение о проведении активного курса на осуществление инвестиций и стимулирование социально-экономического развития контролируемых территорий, который должен был регулировать проявления недовольства наиболее развитых слоев населения в соответствии с концепцией французской колониальной политики, характерной для периода с конца войны до 1956 г.

Создание Французского союза в соответствии с новой конституцией Четвертой французской республики, подтверждавшей «неразрывное единство французского мира» и уточнявшей в ст. 60, что Союз состоит из территории метрополии, в которую включался Алжир, из заморских территорий, присоединившихся территорий и государств (в последнюю категорию были включены Марокко и Тунис), являлось показателем желания французского Учредительного собрания восстановить в новых, модернизированных юридических рамках (лишенных, однако, гибкости) контроль

метрополии. Присоединение к Французскому союзу превращалось, благодаря конституции, в постоянную связь, бросавшую вызов сепаратистским тенденциям, попыткой их рационализации в рамках разных типов отношений и форм представительства.

В результате проверки временем Союз, однако, потерпел полную неудачу в том, что касалось Северной Африки и Индокитая, но, в особенности, Марокко, Алжира и Туниса. В Алжире самый влиятельный и умеренный националистический лидер Ферхат Аббас с 1943 г. выступал с осуждением колониализма и за его отмену, говоря о необходимости самоуправления, основанного на участии народа. В 1944 г. «Истикляль», марокканское движение в поддержку независимости, потребовало отмены режима протектората в знак признания метрополией помощи, оказанной Марокко в возвращении Франции ее позиций. В 1945 г. французская администрация жестко подавила восстание, что привело к кровопролитию, тысячам жертв, аресту Аббаса и роспуску его партии. Возродившееся стремление французов к исполнению своей культурной и цивилизаторской «миссии», подразумевавшее концепцию ассимиляции, исключало всякое разделение верховной власти внутри федерации, что на деле лишь подтверждало главенствующую роль господства метрополии. Вместо того, чтобы прагматическим образом адаптироваться к ситуации, по примеру британцев, французы остались верны своей политике, позволяя проводить реформы только там, где это было неизбежно, и только там, где изменения не могли поставить под сомнение основы формального контроля со стороны метрополии. Такой была позиция де Голля в 1945 г. и такой осталась политика его последователей.

Ответ североафриканских колоний Франции на эту политику был категоричным. В 1947 г. Бургиба заявил из своего изгнания в Египте (куда он скрылся в 1945 г.), что необходимо отменить режим протектората и отвергнуть новые институциональные формулы. «Суверенитет, — писал он, — это не только проблема достоинства, а жизни и смерти для тунисского народа, душе которого угрожает политика, откровенно направленная на его офранцузивание, на его уничтожение путем насильственной интеграции во Французский союз». Такой же была и позиция Марокко. В апреле 1947 г. султан Мухаммед Бен Юсеф заявил, что Марокко — «арабская страна, тесно связанная с арабским Востоком», где доминировал Египет. Это было прямо противоположное тому, чего хотела Франция.

Не исключено, что эта категоричная позиция была связана с юридически ошибочным истолкованием смысла Французского союза. В действительности, подписание договоров об объединении,

хотя и являлось базой для участия протекторатов в новой французской институциональной системе, потенциально заменяло отношения зависимости юридическими формами, предполагавшими существование независимых «государств», хотя и объединенных с французской метрополией. Однако эти юридические тонкости, вероятно, не воспринимались, и формула Французского союза истолковывалась националистами как восстановление постоянной связи, которую они хотели, напротив, разорвать. В результате это привело к тому, что не было принято никакого решения относительно изменения договоров о протекторате, и отношения Франции с Марокко и Тунисом по-прежнему регулировались ранее существовавшими нормами. В результате возникла достаточно двусмысленная ситуация, в силу которой «генеральные представители», то есть представители Франции в Тунисе и Рабате не получили никакой последовательной политической ориентации от метрополии и оставались на своих должностях, не имея точного представления о необходимости изменения их позиции. К тому же и в Париже не ощущали потребности в выработке программы политических действий, направленной на то, чтобы подвести обе страны к новым отношениям с Францией, как это подсказывала сделать и только что завоеванная Ливией независимость.

Ливийский пример был заразителен для националистических сил Северной Африки. В еще большей степени он поощрял антиколониалистские настроения египтян и, в особенности, Насера. В 1950—1954 гг. тунисское и марокканское националистические движения укрепились, завязали взаимные связи. Политике Франции противостояли нарастающие манифестации, инциденты, терроризм, в ответ последовали репрессии. В декабре 1952 г. вмешались Объединенные Нации с мягкими рекомендациями, к которым Париж не прислушался. Более того, в 1953 г. он попытался силой разрешить ситуацию в Марокко, заставив султана Бен Юсефа отречься от престола (19 августа), что привело к противоположным — по отношению к желаемым — результатам, поскольку с этого момента низложенный и изгнанный султан превратился в символ борьбы за независимость до победного конца. Однако и более мягкая политика, проводившаяся в Тунисе, — где в конце 1953 г. попытались провести некоторые реформы, и дело дошло до создания правительства, сформированного в большинстве своем из тунисцев — не имела успеха. Восстание феллахов, то есть крестьянское движение, положило начало всеобщему кризису в стране. Поэтому когда Мендес-Франс пришел к власти в июне 1954 г., то наряду с индокитайским кризисом, он столкнулся с кризисом в Северной Африке.

Французский премьер-министр подошел к ситуации полный решимости, хотя и не уступил сразу же всех позиций. Через несколько дней после его назначения он отправился в Карфаген, где провозгласил внутреннюю автономию Тунисского государства и курс на переговоры между Францией и Тунисом. Вскоре начались переговоры, однако они тормозились из-за того, что французы настаивали на сохранении некоторых ограничений полной независимости. Бургиба, допущенный в страну в июне 1955 г. (после отставки Мендес-Франса переговоры были продолжены его преемниками), был склонен к компромиссному решению как этапу на пути к полной независимости. Его умеренность была преодолена благодаря развитию в то же время ситуации в Марокко (и алжирскому восстанию, начавшемуся в ноябре 1954 г.).

В самом деле, ситуация в Марокко летом 1955 г. стала носить взрывоопасный характер. Только в августе французское правительство согласилось вступить на путь переговоров. Султан, находившийся в изгнании, был вновь призван к власти, и к концу 1955 — началу 1956 г. оба переговорных процесса, проходившие параллельно, были завершены. 20 марта 1956 г. была признана полная независимость Туниса; 2 марта — Марокко. 7 апреля за этим последовал отказ мадридского правительства от выполнения функций протектората над Испанским Марокко, а немного позднее — возвращение султану также международной зоны Танжера. Заканчивались десять лет неопределенности, однако не благодаря спонтанной воле французов, а благодаря потребности Парижа закрыть некоторые из фронтов, на которых ему пришлось действовать в политическом и военном отношении. Алжирское восстание стало кошмаром и детонатором противоречий Четвертой республики. Но оно также являлось одним из аспектов кризиса французского присутствия во всем Средиземноморье и нарастающего ухудшения отношений с насеровским Египтом, не без основания обвинявшегося в финансировании и вооружении националистического сопротивления против Франции во всей Северной Африке.

10.2.7. ВОССТАНИЕ И НЕЗАВИСИМОСТЬ АЛЖИРА

В Алжире непримиримая позиция, занятая французами в послевоенный период, отрезала путь к возможному приходу к власти сильной мусульманской элиты, которая могла бы выступать посредником, смягчать, а, возможно, и избегать конфликта между властью метрополии и проявлениями социального недовольства народных масс. В поисках компромисса, который хотя бы частич-

но пошел навстречу требованиям автономии, парижское правительство ввело в Алжире новый статут, создававший представительную ассамблею, половина которой избиралась европейскими колонистами (около 1 млн человек), а другая половина — местным населением (8 млн). Ассамблея была, однако, наделена ограниченными полномочиями и, более того, ее деятельность изначально блокировалась необходимостью принимать решения большинством в две трети голосов.

Такое решение вызывало недовольство европейских колонистов, усмотревших в этой норме своего рода право вето, предоставляемое алжирцам, и подогревало настроения националистов, усмотревших вызов в вопиющей несоразмерности представительства двух сообществ, существовавших на данной территории. Ассамблея не обрела своей собственной роли; националисты получили стимул к уходу во внепарламентскую оппозицию; начали появляться экстремистски настроенные группы. Организация, возглавляемая Мухаммедом Бен Беллой, которая начала подготовку вооруженных групп в Тунисе и создание сети поддержки в Алжире, была распущена французами, однако, возродилась в 1954 г., создав Фронт национального освобождения (ФНО), поднявший 1 ноября 1954 г. всеобщее восстание.

С этого момента начался самый тяжелый и опасный для французской колониальной политики в Африке этап (между тем, еще не утихла полемика вокруг поражения, понесенного во Вьетнаме). Это был вызов, в котором все внутренние противоречия, присущие метрополии (между консерваторами и крайними колониалистами, неоколониалистскими модернизаторами и антиколониалистскими реформистами), переплелись с институциональным кризисом. Последний был вызван очевидной неспособностью французской политической системы решить слишком большое количество проблем, в те годы обрушившихся на страну, выявив ограниченность ее международного влияния, бесплодность тех, кто не хотел замечать этой ограниченности, драматическое расхождение между обширностью фронтов (политических и военных), на которых нужно было действовать, и неспособностью проявить политическую волю для того, чтобы противостоять противникам. Франция, таким образом, переживала кризис, который вновь, как и в 1940 г., ставил под сомнение почти все аспекты ее внутренней жизни и ее присутствия в мире. Таковы были причины, сделавшие войну в Алжире еще более болезненной, чем только что закончившийся конфликт в Индокитае.

В ответ на восстание Париж прибег к объявлению чрезвычайного положения, аресту ведущих арабских политиков, массовым

репрессиям, осуществлявшимся военным контингентом, численность которого достигла в 1957 г. полумиллиона человек. Метрополия безуспешно пыталась в 1956 г. навязать алжирцам посредством плана Молле-Лакоста (оба — социалисты, первый — председатель Совета министров, второй — генерал-губернатор Алжира) реформистское решение, и на сей раз обходившее вопрос о независимости. Непримируемая позиция Франции способствовала завоеванию политических позиций Фронтом национального освобождения. В результате он предстал единственной организацией, способной адекватным образом вести борьбу за независимость.

Франция стремилась избежать интернационализации конфликта в международном плане. Соединенные Штаты продолжали поддерживать союзника, хотя Франция должна была вывести войска из Европы для их отправки в Северную Африку. Однако Франция вынуждена была защищаться от натиска коммунистического и афро-азиатского блока, который имел в ООН в 1955 г. гораздо более сильные позиции, чем в прошлом. Наибольшим источником беспокойства для метрополии стала, как бы то ни было, взаимосвязь между алжирским конфликтом и отношениями Франции с Тунисом и Марокко. Эта проблема предстала наиболее наглядно в случае с похищением и арестом Бен Беллы, произошедшим в октябре 1956 г., несколько часов спустя после того, как он был принят султаном Бен Юсефом, или же в феврале 1958 г., когда французская авиация совершила налет на тунисскую деревню Сакиет Сиди-Юсеф, убив несколько десятков человек, поскольку в этом районе Туниса находилась база алжирских повстанцев.

Стратегии городской войны, которой придерживался Фронт, с 1957 г. привела к уничтожению ряда его вождей и боевых кадров организации в Алжире. В то же время Франции в 1957–1960 гг. удалось удерживать партизанскую войну под контролем с помощью изучения и использования тактики, применявшейся во Вьетнаме и тактики Великобритании в Малайе, а также организовав серию наступлений, завершившихся почти полным подавлением боеспособности повстанцев. Однако контроль за ходом войны ускользнул от политического руководства как в Париже, так и в Алжире, что привело к созданию атмосферы растущего недоверия между метрополией и колонистами, атмосферы, увеличивавшей свободу маневра для армии, а это способствовало появлению политических заговоров, и, прежде всего, подталкивало политическую систему Четвертой республики к неминуемому кризису. Алжирские колонисты уже давно дистанцировались от правительства, размышляя о создании своей самостоятельной армии. С ними блокировались также представители голлистской правой. Такие, пользовавшиеся

большим авторитетом деятели, как Мишель Дебре и Жак Сустель, поддерживали эти инициативы. Сдержанность военных была преодолена, когда главнокомандующий войсками в Алжире генерал Рауль Салан высказал президенту республики Рене Коти свое несогласие по поводу новых уступок алжирцам, которые стали необходимы с учетом последствий бомбардировки деревни Сакиет.

Это бурлящее недовольство, страх и стремление к военному перевороту привели 7 мая 1958 г. к открытому военному мятежу. Генерал Жак Массю согласился возглавить комитет общественного спасения, заявивший о готовности к сопротивлению до последнего. Из Алжира волны мятежа, казалось, вот-вот распространятся на территорию метрополии. Именно в той обстановке, то есть перед лицом опасности государственного переворота, большинство политических сил в Париже сошлось на том, что только личность такого политического масштаба, как де Голль, способна вернуть ситуацию под контроль. Генерал, имевший среди мятежников множество своих последователей, но наблюдавший за развитием ситуации с абсолютной отстраненностью, ответил, что он готов откликнуться на обращенный к нему призыв, выдвинув в качестве единственного условия то, что его вступление в должность должно происходить законным образом. 1 июня 1958 г. он взял на себя власть во Франции в качестве нового председателя Совета министров, а в конце года — Президента республики.

Обстановка, в которой проходила смена власти в Париже, быстро превратившаяся с созданием новой конституции и рождением Пятой республики в смену режима, была нестабильной. Позиция де Голля, чье возвращение к руководству страной приветствовалось алжирскими путчистами как победа их дела, была, однако, двусмысленной и осторожной. Он сразу же отправился в Алжир, где дал торжественные обещания относительно равенства между алжирцами и колонистами, а также относительно выборов по единой избирательной курии. Можно предположить, что несмотря на его персональные предпочтения в пользу интеграции, генерал уже тогда был склонен к разрешению ситуации путем предоставления Алжиру независимости или, по крайней мере, автономии как присоединившемуся государству с тем, чтобы свободная Франция могла направить свои ресурсы прежде всего на необходимую модернизацию внутренней административной и производственной структуры. Эта модернизация должна была стать основой внешней политики великой державы, протагонистом которой намеревался стать генерал с целью вновь поднять престиж и роль Франции в мире. И можно, следовательно, предположить, что он избегал четкого изложения такой перспективы с целью избежать

реакции колонистов и армии, а также возможной гражданской войны или отделения Алжира. Все это позволяет объяснить почему, хотя партизанская война и носила тогда оборонительный характер и представлялась возможностью добиться военного успеха, силовое решение не было навязано. Давление, оказываемое в этом направлении, было преодолено, и, начиная с лета 1959 г., все более четко определялся курс на предоставление независимости Алжиру, в соответствии с процессом, который охватил всю французскую колониальную систему.

Разочарование и недовольство, распространившиеся вследствие такого непредвиденного развития политики Парижа среди колонистов, а также правых голлистских политиков (и не голлистских, как в случае с Жоржем Бидо), вылились в 1960 г. в формирование гражданских движений сопротивления центральной администрации и в попытку военного переворота в следующем году в Алжире, возглавленную генералом Саланом. Оба движения провалились, добившись лишь укрепления решимости де Голля вести переговоры.

Переговоры с алжирцами начались в июне 1960 г. в сложной обстановке, в момент, характеризовавшийся острым противостоянием де Голля и французских колонистов, а также недоверием со стороны ФНО. Они были с серьезными намерениями возобновлены во Франции в Эвиане в мае 1961 г., но затем вновь заблокированы мятежом Салана в Алжире и террором, который осуществляла ОАС¹. Переговоры возобновились в марте 1962 г., когда было, наконец, достигнуто соглашение относительно прекращения огня и создания независимого Алжира, связанного с Францией только соглашениями, регламентировавшими переходный период и последующее экономическое сотрудничество. На три года алжирцы сохраняли двойное гражданство и могли выбрать одно из них. На этот же период времени французские войска должны были оставаться в Алжире. В течение пяти лет они сохраняли за собой аэропорты и военные базы в Сахаре и пятнадцати — военно-морскую базу Мерс-Эль-Кебир. Обе страны должны были вместе эксплуатировать алжирские нефтяные ресурсы, а Франция — финансировать планы развития нового независимого государства.

Два референдума, один во Франции — 8 апреля, другой в Алжире — 1 июля, высказались подавляющим большинством голосов в пользу соглашений. Однако, в период между референдумами

¹ ОАС — сокращенное от французского Organisation de l'armée secrète (Секретная вооруженная организация) — нелегальная крайне правая организация, созданная в феврале 1961 г. и выступавшая против предоставления независимости Алжиру. — *Прим. редакции.*

ОАС развернула в Алжире оголтелое и бесполезное сопротивление, заставившее французских колонистов покинуть страну, которая становилась независимой, но была наполнена обидами, связанными с жестокостью заключительного этапа борьбы. Из немногим более миллиона французов, проживавших тогда в Алжире, около 800 тыс. нашли убежище в других местах, прежде всего, в метрополии.

Эвианские соглашения завершили эпоху во французской истории, которая только в целях сохранения ясности изложения не была проанализирована во всей ее многогранности. Если самым острым моментом французского имперского кризиса был тот, что с конца войны до 1962 г. характеризовал отношения с арабским миром, то не менее тяжелыми во внутривосточном и внешнеполитическом плане были последствия войны в Индокитае. Не менее обременительными были обязательства французского правительства, направленные на постепенное изменение отношений со всеми другими территориями, входившими в состав империи.

10.2.8. КОНЕЦ ФРАНЦУЗСКОГО ГОСПОДСТВА В ИНДОКИТАЕ

Вплоть до 1950 г. конфликты, связанные с холодной войной в Северо-Восточной Азии, и процесс деколонизации в Юго-Восточной Азии рассматривались — вероятно, так оно и было — как отдельные явления, которые следует обсуждать независимо друг от друга, несмотря на наличие неизбежного взаимодействия между различными театрами конфликтов, трактовавшиеся, впрочем, как второстепенные элементы общей картины. Создание Китайской Народной Республики, китайско-советский договор и война в Корее изменили общее восприятие событий западными державами. Наличие общей границы между Народным Китаем и Вьетнамом вынуждало рассматривать различные аспекты ситуации как части неразрывного целого, в котором цели деколонизации переплетались с целями продвижения к коммунизму. Впрочем, близость к коммунистическому Китаю оказала сильное влияние также на Вьет-Минь, который в значительной мере испытал на себе притягательность китайской модели как в идеологическом плане, так и благодаря существенным военным поставкам, которые стали возможными с того времени. Это побудило западные державы изменить свое отношение к ситуации во Вьетнаме.

В конце 1949 г. Трумэн решил, при определенных условиях, увеличить военную помощь Франции и присоединившимся к ней государствам в Индокитае. Условия, выдвинутые американцами,

состояли, главным образом, в требовании, чтобы помощь способствовала формированию реальной независимости присоединившихся государств, которые, таким образом, стали бы ближе к Западу в идеологическом отношении в конфликте с коммунистическим правительством Ханоя. Под этим политическим нажимом и под военным давлением коммунистов французы стремились навести порядок в системе отношений, сложившихся в результате заключения договоров 1949 г. На конференции, состоявшейся в По, во Франции 27 ноября 1950 г., они предложили проект, предусматривавший своего рода четырехсторонний союз, благодаря которому политика трех индокитайских государств (Вьетнама, Лаоса и Камбоджи) должна была бы согласовываться с Парижем, а Франция сохраняла бы контроль над коллективной безопасностью и системой государственного управления. Крайняя внутренняя неустойчивость присоединившихся государств сделала, впрочем, тщетными попытки осуществить на деле формулы полузависимого правительства, вроде тех, что были придуманы в По.

На всем Индокитайском полуострове власть элит, призванных осуществлять управление, периодически оспаривалась мощными группами давления, требовавшими реальной независимости, или коммунистическими организациями, которые постепенно стали простыми ответвлениями Вьет-Миня. Таким образом, попытка создать жизнеспособные в политическом отношении национальные образования закончилась крахом. Тем временем военные действия Вьет-Миня активизировались до такой степени, что в конце 1950 г. коммунистические силы контролировали около половины территории Тонкина. Весной 1951 г. французский верховный комиссар де Латтр де Тассиньи с успехом провел контрнаступление. Однако это был эфемерный результат. Тассиньи, вынужденного из-за серьезных проблем со здоровьем оставить командование. Его сменил генерал Салан, менее энергичный и в меньшей степени способный завоевывать поддержку коренного населения. В начале 1952 г. положение французов снова ухудшилось, и в 1953 г. войска Хо Ши Мина стали угрожать непосредственно границам Лаоса и Камбоджи, завершая таким образом окружение колониальных сил, сосредоточенных в южной части центрального Вьетнама.

В международном плане расширение конфликта ставило проблемы перед союзниками Франции и, прежде всего, перед Соединенными Штатами. Хотя Эйзенхауэр и Даллес отдавали себе отчет в том, что значительная часть неудач зависела от неэффективности действий французов, они продолжали оказывать свою военную помощь, и, более того, наращивали ее в геометрической прогресс-

сии. Интернационализация конфликта повлекла за собой начало дипломатических и стратегических консультаций между крупнейшими западными державами. Трехсторонние встречи становились все более частыми, и в октябре 1952 г. было решено создать военную комиссию из представителей пяти держав (Франции, Соединенных Штатов, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии) с целью согласования и координации вмешательства этих стран, но, прежде всего, с целью сгладить принципиальные различия между американской концепцией и концепциями европейских стран, в особенности, французской. Действительно, некоторые круги в Белом доме считали, что потеря Вьетнама произведет «эффект домино», то есть приведет к неизбежному распространению влияния коммунистов во всей Юго-Восточной Азии; они предлагали осуществлять прямые нападения на базы военных поставок Вьет-Миню на территории Китая. Это решение обсуждалось, но не было принято. Выход конфликта за пределы вьетнамских границ привел бы фактически к еще более серьезным последствиям, чем те, что имели место в Корее.

В середине 1953 г. Салана сменил генерал Анри Наварр, перед которым была поставлена задача провести реорганизацию войск и создать сильную оперативную войсковую группу, способную противостоять отрядам Вьет-Миня, которые под блестящим руководством Во Нгуен Зиапа снискали славу непобедимых. Однако для того, чтобы задача, поставленная перед Наварром, была осуществима, требовался военный потенциал, которым Франция не располагала и который могли предоставить только Соединенные Штаты. Жорж Бидо, вдохновитель плана Наварра, передавал тем самым Соединенным Штатам право решать избежать ли катастрофы во Вьетнаме или же сразу взять на себя прямые обязательства.

На этом этапе советское правительство, на протяжении конфликта державшееся в тени, но в то же время поставлявшее Вьет-Миню значительную военную помощь через Народный Китай, 4 августа 1953 г. выдвинуло предложение созыва международной конференции для разрешения кризисов в Корее и Индокитае. Неожиданно эта инициатива предстала как своего рода общее подведение итогов для западных держав, которым было предложено извлечь выводы из всей совокупности изменений в Европе и в мире, делавших необходимыми перемену или корректировку политического курса. Франция, то есть страна, самым непосредственным образом вовлеченная в кризис, запуталась в опасных противоречиях. Общественное мнение, и не только находившееся под влиянием крайне левой, все более отчуждалось от мотиваций далекого кон-

фликта, в котором, казалось, были заинтересованы только определенные военные, экономические и финансовые круги. Даже в самом правительстве Жозефа Ланьеля были министры, настроенные против продолжения «грязной войны». И хотя ключевые министры (сам Ланьель, Бидо и Плевен) поддерживали войну, другие выступали за переговоры.

Недоверие французов и вытекающее из него бездействие, лишившее смысла принятие военных решений в Индокитае, отражались на британской позиции. Англичане были категорически против ухудшения ситуации в Индокитае, поскольку опасались последствий этого для новой политики разрядки, которую начали проводить преемники Сталина, а также поскольку действительно боялись «эффекта домино» от углубления кризиса: на полуострове Малакка, где продолжали борьбу очаги коммунистического сопротивления, и в Гонконге, где эскалация кризиса усилила страхи перед возможностью неожиданных действий с китайской стороны. Кроме того, лондонское правительство понимало, что британское влияние на Дальнем Востоке, а также европейские проблемы, связанные с перевооружением Германии, легче будет контролировать, если вьетнамский кризис, вместо того, чтобы развиваться в русле военного конфликта, будет переведен в дипломатический контекст.

Если позиция двух крупнейших европейских колониальных держав, казалось, склонялась к идее переговоров, то позиция Соединенных Штатов существенно отличалась. В глазах Белого дома индокитайский конфликт ставил под сомнение имидж и авторитет Соединенных Штатов во всей Азии. Такая непримиримая позиция была обусловлена тем, что теория домино становилась все более популярной, а также убежденностью в несвоевременности проявления слабости в тот момент. За идеей компромисса просматривалась опасность, что после формального достижения атомного равновесия Советам удастся подтолкнуть развитие событий в нежелательном направлении, навязав диалог на основе полного и действительного политического равенства, которое пока не подтверждалось реальным соотношением сил.

Таким образом, страны западного блока отвечали на советское предложение будучи разрозненными, разделенными различными мотивациями и противоположными устремлениями и, следовательно, оказавшись поставленными под удар инициативой СССР. В противоположность противникам, единым в политике сдерживания, но разделенным разногласиями по колониальному вопросу, социалистический лагерь в тот момент обладал временным единством, характеризовавшим первый этап пребывания у власти

правительства Маленкова. Для СССР предложение решить индокитайскую проблему с помощью проведения конференции давало некоторое преимущество, во-первых, поскольку кризис касался периферийного элемента в глобальной стратегии Советского Союза, и, во-вторых, поскольку позитивный результат мог бы повлиять на политику перевооружения Западной Европы. Кроме того, успех в разрешении кризиса в Индокитае представил бы Советам в качестве лидера борьбы против колониализма. Наконец, дипломатическая победа, легко предсказуемая с учетом позиций на полях сражений и настроений, преобладавших во Франции, обеспечила бы Советам успех, который они разделили бы с Китайской Народной Республикой, чье участие в конференции считалось необходимым, и увеличила бы их авторитет защитников интересов КНР.

Китайцы были благожелательно настроены к идее созыва конференции по многим причинам. Прежде всего, она помогла бы им выйти из международной изоляции, в которой их продолжали держать Соединенные Штаты. Это также означало бы фактическое признание роли Китая как великой державы в деле поддержания мира в Индокитае в момент, когда французское присутствие казалось шатким. Наконец, конференция ограничила бы возможность того, чтобы чрезмерные успехи Вьет-Миня обострили ситуацию, вызвав тем самым американское вмешательство, которое снова поглотило бы китайские ресурсы и отвлекло бы их от сфер, связанных с едва начавшейся экономической реконструкцией. Однако китайская политика расходилась с советской политикой по двум фундаментальным вопросам: для Народного Китая Вьетнам являлся не периферийным элементом мировой политики, а ближайшим соседом, которому он оказывал помощь из геополитических соображений, но от которого, по тем же самым причинам, в духе традиций китайского империализма, он стремился дистанцироваться во избежание рождения новой, слишком самостоятельной и слишком авторитетной власти.

Советское предложение обсуждалось в Берлине на совещании министров иностранных дел четырех держав в январе—феврале 1954 г. Англичане склоняли своих союзников к его принятию, убеждая французов своим примером выйти из состояния неопределенности и стараясь смягчить непримиримую позицию американцев в отношении участия китайцев. Русские и китайцы убедили Хо Ши Мина выступать менее категорично. После преодоления этих препятствий было назначено начало работы совещания на апрель того же 1954 г. в Женеве. Совещание должно было рассмотреть два отдельных вопроса: возможность превращения пере-

мирия в Корею в мирный договор и поиск мирного решения вьетнамского вопроса.

После заявления о созыве совещания Вьет-Минь начал наступление с целью расширить, насколько это было возможно, сферу своего контроля с тем, чтобы вести переговоры с позиции силы. Интенсивная дипломатическая деятельность весной 1954 г. сосредоточилась вокруг американской попытки организовать контрнаступление союзников в ответ на военное давление коммунистов. Однако из-за непреклонной позиции британского правительства и неопределенной французской позиции, усилия Даллеса с целью создания международной коалиции потерпели неудачу. В такой обстановке победили военные инициативы Вьет-Миня. Войска генерала Зиапа осадили укрепленный лагерь Дьенбьенфу, оплот французов, защищавший лаосскую долину реки Меконг, и 7 мая сломили их сопротивление, одержав громкую и сокрушительную победу.

Именно эта победа оказалась для французов окончательным толчком для решения об ускорении темпов работы совещания, начавшегося в Женеве 26 апреля, что быстро привело к конкретным результатам. В самом деле, немногим более чем месяц спустя после падения Дьенбьенфу Мендес-Франс стал премьер-министром, дав торжественное обещание достичь соглашения в Женеве в течение ста дней со дня вынесения вотума доверия правительству, которое он получил 18 июня. С этого момента стало ясно, что цель Франции состояла в том, чтобы достойно выйти из борьбы, которую она была неспособна далее вести. Китайцы и русские лавировали с целью сдержать наиболее далеко идущие требования Вьет-Миня и способствовать заключению перемирия на основе условий, приемлемых для французов, в расчете на то, что такое развитие ситуации, хотя и будет препятствовать полной ликвидации французских интересов в Индокитае, по крайней мере снизит вероятность непосредственного американского вмешательства в регионе.

Согласие было достигнуто в июле, и приняло форму трех отдельных военных соглашений, подписанных 20 и 21 июля французским верховным командованием и верховным командованием Вьет-Миня соответственно от имени Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Согласно этим соглашениям, Вьетнам разделялся по 17-й параллели на две военные зоны (одна отдавалась ханойскому правительству, другая — французам), создались также буферные демилитаризованные зоны. После окончания военных действий должен был состояться обмен пленными. В течение 300 дней каждая из сторон должна была перегруппировать свои силы, переведя их

в отведенную ей зону. Главным пунктом политических договоренностей было решение о том, что вопрос об окончательном устройстве всего Вьетнама должен определяться путем свободных выборов, которые должны состояться в течение двух лет под контролем комиссии по перемирию в составе индийского, канадского и польского представителей. Наконец, Соединенные Штаты, со своей стороны, отказались подписать заключительные соглашения, включавшие в себя военные договоренности, и выразили свое несогласие отъездом Даллеса (замененного его заместителем) из Женевы в момент, когда конференция рассматривала индокитайский вопрос. Кроме того, они в одностороннем порядке объявили, что принимают к сведению три подписанных соглашения о перемирии и заключительную декларацию, обязуются воздерживаться от каких бы то ни было военных инициатив, которые могли бы помешать ее исполнению, но в то же время поддерживают протест правительства Южного Вьетнама по поводу отсутствия консультаций с ним, относительно чего оно выражало сожаление. Что касается Лаоса, то соглашения признавали власть монархического режима и его полную независимость, отвергая протесты коммунистического правительства в изгнании, но соглашаясь с тем, чтобы части Патет-Лао временно оставались в двух провинциях. Была также признана и полная независимость Камбоджи.

Женевские соглашения представляли собой с юридической точки зрения набор разнородных и двусмысленных деклараций, куда каждая из сторон постаралась вставить пункты, защищающие ее интересы, которые в будущем можно было использовать с пользой для себя. Для французов, однако, их ценность состояла в том, что они позволяли почти полностью покончить с проблемой Вьетнама. То, что демаркационная линия была проведена по 17-й параллели, являлось к тому же частичным, хотя и временным, поражением для Вьет-Миня, поскольку он был вынужден вывести гораздо больше войск из южной части Вьетнама, чем французы — из северной. Однако соглашения вписывались в обстановку всеобъемлющего компромисса, который Москва стремилась создать накануне дискуссии во Франции о Европейском оборонительном сообществе; на них сказалось влияние давления на Вьет-Миня со стороны Китая. Чжоу Эньлай разъяснял сопротивлявшемуся Хо Ши Мину, что будущее будет зависеть от силы Вьет-Миня, поскольку Вьетнам мог объединиться под властью коммунистического правительства «путем выборов, когда наступит подходящий момент». Тем временем, считал Чжоу, соглашения изолировали Соединенные Штаты и Южный Вьетнам, чье

правительство, разместившееся в Сайгоне, должно было на деле доказывать свою способность ответить на вызов Севера.

Это правительство, возглавлявшееся католиком Нго Динь Зьемом, провозгласило в 1955 г. создание республики Южный Вьетнам и постепенно начало опираться не на остатки французского влияния, а на растущее американское присутствие. В 1956 г. последние французские представители покинули Сайгон, заявив, что они отказываются от какой бы то ни было ответственности за выполнение Женевских соглашений. Прошел июль 1956 г., — дата, до которой должны были быть назначены предусмотренные соглашениями выборы, но ничего не было сделано. Небольшая группа американских военных советников, находившихся в Сайгоне, не превышавшая по численности лимиты Женевских соглашений, взяла на себя задачу помочь правительству Южного Вьетнама создать свою армию. В 1958 г. на юге вспыхнуло восстание коммунистов, а в мае 1959 г. Центральный комитет Вьетнамской компартии решил возобновить борьбу и поддержать коммунистическое движение на юге страны. Зимой 1959—1960 гг. стали ощущаться первые результаты этого решения. Однако в тот момент проблема не была больше связана с французской деколонизацией. Теперь она касалась Соединенных Штатов.

10.2.9. БАНДУНГСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И РОЖДЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ

Во взаимосвязи с процессом деколонизации и сопровождавшими его вооруженными конфликтами развивался параллельный процесс, в котором в значительной степени отражались основные кризисы (хотя при этом они и проявлялись по-разному). Постепенно в нем выходили на авансцену две тенденции. Первая — все более отчетливое стремление политических элит всех колониальных территорий к завоеванию независимости своей страны, вторая — склонность колониальных держав к более внимательному подсчету соотношения между растущими затратами на содержание имперских систем и все уменьшающимися выгодами, которые они обеспечивали. Это явление касалось не только подопечных территорий Объединенных Наций, в отношении которых Совет по опеке уже давно стал осуществлять все более строгий контроль за выполнением обязательств державами, получившими их в управление, но также и, прежде всего (учитывая географический масштаб данной категории), колоний, которые в системе ООН назывались «несамоуправляющиеся территории» (гл. XI, ст. 73 и 74 Устава). Обязательство, предусмотренное пунктом «е» статьи 73,

в соответствии с которым все колониальные державы должны были ежегодно посылать в Секретариат ООН доклад, содержащий «статистические» сведения по некоторым аспектам развития управляемых территорий, постепенно трансформировалось в обязательство посылать все более обширную и детальную информацию. Наряду с Советом по опеке в декабре 1946 г. была создана *ad hoc* временная комиссия, работа которой первоначально должна была продлиться один год. В ее цели входило представить перечень «несамостоятельных территорий», а также сформулировать требования относительно информации, упоминавшейся в ст.73. Комиссия обновлялась каждый год, затем срок ее деятельности начал продлеваться каждые три года, и требования антиколониальных сил, чтобы она стала своего рода «теневым советом по опеке» стали все более настоятельными.

Впрочем, атмосфера, в которой колониальная система продолжала существовать, только подкрепляла эту тенденцию, поскольку она способствовала созданию стимула к расширению круга информации, требуемой от отдельных правительств, осуществлявших управление территориями, вплоть до собственно политической сферы.

Получение независимости, хотя и ограниченной, новыми государствами, их массовое вступление в ООН в 1955 г. и распространение нейтрализма как противодействия колониализму, события в Северной Африке и Индокитае — все это способствовало консолидации формирующейся коалиции афро-азиатских стран, которая нашла опору для своей деятельности в системе Организации Объединенных Наций. Критика колониализма за короткое время превратилась в его открытое осуждение, и напрасно колониальные державы пытались воспрепятствовать этой тенденции, используя право вето в Совете Безопасности. Генеральная Ассамблея стала органом, где молодые независимые государства при поддержке коалиции коммунистических стран, настойчиво обвиняли колониальные державы в несоблюдении общих принципов самоопределения, которые лежали в основе деятельности ООН.

Важную роль в создании нового климата в международных отношениях, благоприятного для обсуждения колониального вопроса, сыграла конференция, проходившая с 18 по 24 апреля 1955 г. в Бандунге, в Индонезии. Конференция была созвана в результате дискуссий, развернувшихся в азиатских странах в период завершения кризиса в Индокитае и после подписания в сентябре 1954 г. договора, учреждавшего СЕАТО (Организация Договора Юго-Восточной Азии). Правительства пяти азиатских стран — Индии, Пакистана, Цейлона (в настоящее время — Шри Ланка), Бирмы

(в настоящее время — Мьяма) и Индонезии — выступили с инициативой созыва встречи азиатских стран, получивших в последние годы независимость и заинтересованных в своем развитии.

Вначале у конференции не было общей концепции неприсоединения к одному из лагерей, порожденных холодной войной, поскольку среди приглашенных стран был и Пакистан, тесно связанный с Западом договором СЕАТО и вообще всей своей политикой, и Китай, бесспорно поддерживавший СССР, а также Филиппины и Япония, опорные пункты Соединенных Штатов в Тихом океане. На конференцию были приглашены арабские страны и некоторые африканские государства, уже получившие недавно независимость, либо ожидавшие ее получения в скором будущем, а также государства, обладавшие среди молодых стран большим авторитетом. В конференции участвовали и азиатские, и африканские страны. Так, среди приглашенных были Египет, Сирия, Ливан, Либерия, Судан, Эфиопия, Золотой Берег (впоследствии Гана) — всего в Бандунгской конференции участвовало 29 делегаций. Они представляли очень разные страны, проводившие различную внешнюю политику, но все обостренно воспринимали проблему блоков в связи с советско-американским противостоянием, что отражалось на всех странах мира и деформировало действия тех, кто ратовал за развитие экономики. В этом отношении показателен разработанный в 1950 г. для азиатских стран Британского Содружества Наций план Коломбо, принципы которого вдохновляли организаторов конференции, стремившихся придать большую значимость экономическому развитию, а не военным конфликтам.

Первоначальная цель конференции в ходе ее работы была изменена под влиянием таких известных деятелей как Неру, Сукарно, Насер, У Ну и Чжоу Эньлай, которым удалось, вместо проблем участия в том или ином лагере, привлечь внимание делегатов к выработке некоторых общих принципов проведения политики неприсоединения. Право на национальное самоопределение и осуждение колониализма занимали важное место в работе конференции. По второму вопросу разгорелись жаркие споры, поскольку страны, наиболее тесно связанные с Соединенными Штатами (например, Пакистан), требовали, чтобы Советский Союз и международное коммунистическое движение были осуждены вместе с колониальными державами.

С большим вниманием делегаты отнеслись к принятию обязательства, одобренного в целом, «воздержаться от участия в соглашениях по вопросам коллективной безопасности, которые служат особым интересам великих держав». Такова была идея «неприсое-

динения», выраженная, однако, очень расплывчато, что породило самые различные ее толкования. По ряду проблем (Израиль, Тайвань, Индокитай) конференция предложила серьезные решения на основе компромисса, которые не получили широкого практического применения. Бандунгская конференция приобрела значенные символы, она впервые утвердила новые принципы будущего мироустройства. Конференция выступила в защиту независимости колониальных народов, что получило широкий отклик в мире; она объявила о рождении новой коалиции, стоящей на позициях нейтралитета, хотя с первых шагов ее раздирали внутренние противоречия; на конференции впервые проявилось стремление Китая вести в афро-азиатском мире политику, не полностью совпадающую с политикой Советского Союза.

После участия в Женевской конференции (1954 г.) министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай понял, что подлинное значение Китая выходило за рамки формального признания. Позиции, которые Чжоу Эньлай занял в отношении Соединенных Штатов и вообще относительно ситуации в мире, были всегда умеренными и отличались гибкостью и готовностью к диалогу, что стало новым явлением в международной жизни. Итак, неприсоединение многих стран «третьего мира», как тогда стали называть страны, получившие независимость в недавнем прошлом, и то, как Чжоу Эньлай выступал в роли министра, предваряли процесс формирования самостоятельной позиции Китайской Народной Республики относительно СССР.

*10.2.10. КУЛЬМИНАЦИОННЫЙ ЭТАП ДЕКОЛОНИЗАЦИИ:
1956–1963 гг.*

Совокупность этих мотиваций позволяет объяснить, почему с начала 50-х годов разными темпами и разными методами основные колониальные державы встали на путь постепенной деколонизации зависимых от них территорий, хотя порой в противодействовали независимости определенных территорий,

Развитие английской имперской политики в 50-е годы по новому пути стало оперативным ответом английской администрации на появление концепции, согласно которой укрепление на новой основе солидарности внутри Содружества могло оказаться наилучшим инструментом сохранения достойной перспективы для участи Британии. На Ближнем и Среднем Востоке это было в большей степени результатом воздействия более влиятельной силы, чем свободного выбора. Государственный переворот 1958 г. в Ираке, в ходе которого была свергнута Хашимитская династия

и потерпело поражение умеренное правительство Нури Саида, верного союзника Великобритании, показало, что британские позиции в регионе значительно ослабли. В 1967 г. Южная Аравия (Аден и прилегающие территории) стала Народной Демократической Республикой Йемен, которая в 1990 г. объединилась с Северным Йеменом, создав Йеменскую Республику. Из стран Персидского залива в 1961 г. получил независимость Кувейт, в 1970 г. — Оман, в 1971 г. — Бахрейн, Катар и Объединенные Арабские Эмираты. В те годы стратегические интересы Великобритании все больше смещались к востоку от Суэца, преследуя цель усиления ее позиций в Индийском океане и блокирования проникновения в регион других держав, в особенности советского блока. Эволюции в этом направлении способствовал переход контроля над Средиземноморьем от Великобритании к Соединенным Штатам и обеспокоенность англичан как по поводу стабильности в Персидском заливе, так и по поводу коммунистической экспансии в Южной и Юго-Восточной Азии. Новая тенденция, постепенно утвердившаяся в центральной администрации, стала формой приспособления имперских целей к сократившимся возможностям контроля центра над периферией и поэтому позволила более открыто и объективно подойти к рассмотрению требований независимости африканскими странами.

Для того, чтобы стабилизировать роль Великобритании в мире, то есть привести ее в соответствие с локальными вызовами и позициями других держав, необходимы были, однако, благоприятные обстоятельства в международной и колониальной сферах, а также способность страны до конца осуществить трудное преобразование прямого контроля во влияние. Сочетание таких позитивных факторов впоследствии встречалось все реже, вынуждая Великобританию постепенно оставлять позиции, которые она занимала в мире. В Восточной Азии это стало очевидным после создания Малайзии (1963 г.), включившей в себя Малайю, Северное Борнео, Сабах, Саравак, а также Сингапур, восстановивший, однако, в 1965 г. полную независимость. В Малайзию не вошел также Бруней, ставший независимым султанатом с 1 января 1984 г.

Начиная с 1955 г. Великобритания должна была считаться с вооруженной борьбой за независимость и объединение с Грецией, которая велась на Кипре под руководством партии АКЭЛ и которая освящалась авторитетом архиепископа и этнарха (лидера греческой общины) Макариоса. Ответ англичан вначале был жестким, прежде всего по стратегическим соображениям. Когда соотношение сил в регионе после провала английской политики во время Суэцкого кризиса в 1956 г. изменилось, правительству Мак-

миллана удалось разблокировать ситуацию, подтолкнув Макариоса к отказу от целей объединения с Грецией и добившись, таким образом, заключения соглашения между Великобританией, Грецией и Турцией, вылившегося в 1960 г. в предоставление острову независимости. В таком же стратегическом контексте позднее, в 1964 г., происходило предоставление независимости острову Мальта.

В Африке гибкость англичан была связана также с желанием избежать кризиса, сравнимого с воздействием алжирской войны на Францию, и, с другой стороны, с влиянием голлистской политики на французские колонии.

В Западной Африке, в Гане (известной до предоставления независимости как Золотой Берег) под влиянием восстания в Аккре в 1948 г. англичане пошли на удовлетворение требований умеренных националистов, но были вынуждены затем перейти к сотрудничеству с Кваме Нкрумой и созданной им новой массовой партией — Народной партией Конвента (*Convention People's Party*). Эта партия отказалась от первоначального экстремизма и посчитала выгодным сотрудничество с администрацией для ускорения конституционного процесса. Гана первой из стран черной Африки добилась права на самоуправление в 1957 г., через год после получения независимости Суданом, а также Тунисом и Марокко (в результате переговоров с Францией).

В Нигерии, в силу отсутствия территориальных предпосылок для возникновения национализма, который соответствовал бы ожиданиям британцев, связанным с предоставлением независимости, т.е. стабильного правительства, эффективного административного контроля, ускоренного экономического развития — сама колониальная администрация отстаивала необходимость продвижения к самоуправлению. При этом она обуславливала его достижением соглашения между деятелями трех главных регионов, что гарантировало бы функционирование федеральной конституции. После создания такой коалиции страна получила в 1960 г. независимость, однако была ввергнута в последующие годы в продолжительный внутренний кризис. Его кульминацией стало отделение в январе 1967 г. Биафры, северо-восточной области Нигерии, которую нигерийцам удалось вновь включить в состав страны только в 1970 г. после ожесточенной войны. В 1961 г. и в 1965 г. добились независимости соответственно Сьерра-Леоне и Гамбия.

Развитие событий в Западной Африке могло бы показаться ошибкой или провалом британской политики, только если предполагать, что целью ее управления на протяжении 50-х годов оставалось сохранение прямого контроля над регионом. Но если таковой и могла быть первоначальная цель англичан, то затем

они пришли к выводу, что предоставление независимости странам в регионе, имевшем второстепенное стратегическое значение, но представлявшем значительный экономический интерес, являлось разумной ценой за продолжение своего неформального влияния на основе сотрудничества с местными деятелями.

Иной была ситуация в Восточной Африке и, в особенности, в Кении, где стратегические проблемы сочетались с заметным присутствием белых колонистов и азиатских меньшинств. Восстание «Мау Мау» (тайного общества, состоявшего из членов племени гикуйю, главой которого был Джомо Кеньятта, бывший студент Лондонского университета, и ставший позднее политическим лидером и председателем Союза африканцев Кении — *Kenian African Union*), длившееся с 1952 г. до 1956 г., было полностью подавлено. До этого перспектива участия местного населения в управлении страной вообще не обсуждалась. Еще в 1960 г. любая политическая организация африканцев, выходящая за локальные рамки, запрещалась. Восстание, однако, вызвало политические и социальные трансформации, которые, постепенно размывая власть белого сообщества, привели того же Кеньятту к диалогу и сотрудничеству с англичанами. В течение трех лет политические силы Кении были разделены дискуссиями относительно юридической формы будущего Кенийского государства. Но в декабре 1963 г. оно получило независимость и было объявлено республикой (1964 г.). Премьер-министром стала сам Кеньятта, а правящей партией — централизованная единая партия, у которой уже был свой харизматический лидер, возглавивший продвижение страны к независимости, и сильный человек в правительстве, молодой соратник президента Том Мбойя.

В Танганьике, превратившейся в территорию, находившуюся под опекой ООН, англичане пытались ввести в действие сложный конституционный механизм для разделения власти между меньшинствами, направленный на сдерживание требований местных националистов и на концентрацию большей части власти в руках европейцев и азиатов, проживавших в стране. С этой целью предпринимались попытки создать межрасовую партию, однако осуществлению этого проекта помешал рост влияния партии Джулиуса Ньерере (Африканский национальный союз Танганьики — *Tanganila African National Union*), который победил на выборах 1958 г., опираясь на поддержку знати в сельских районах, озабоченной перспективами включения представителей меньшинств в органы местного управления. Ньерере, возглавившему процесс завоевания независимости, с трудом удалось укрепить свою власть и добиться в 1961 г. независимости. Предусматривалось,

что новое государство получит название Танзания и включит в свой состав также остров Занзибар. Однако этот союз оказался возможен только в 1964 г., после того, как на острове было распущено сформированное там полунезависимое правительство, где преобладали прокитайские (или считавшиеся таковыми) элементы.

Кениятта и Ньерере создали в своих странах стабильные и авторитарные правительства, которые на какое-то время сделали их символами эффективности британской модели перехода к независимости. Более сложным был случай Уганды, ставшей независимой в 1962 г. Угандийскому обществу была присуща чрезвычайная раздробленность властных полномочий даже по африканским меркам. В стране присутствовали также националистические силы, связанные с традиционным влиянием отдельных монархических образований, на которые была разделена территория. Продвижение к независимости сопровождалось улаживанием англичанами глубоких разногласий, разделявших представителей местных властей. Только когда Милтон Оботе создал свою партию (Народный конгресс Уганды — *Uganda People's Congress*), появился политический субъект, достаточно сильный для завоевания парламентского большинства, что сделало возможной передачу ему власти. Уганда стала независимой республикой в октябре 1962 г., но союзы, которые позволили сформировать большинство вокруг Оботе, оказались недолговечными и, в отличие от двух других стран Западной Африки, Уганда с 1966 г. вступила в полосу нарастающей нестабильности.

Еще более сложным был комплекс проблем, касавшихся Центральной Африки. После начавшейся в 1953 г. и продолжавшейся десять лет попытки создать из этих территорий федерацию, основанную на власти белого меньшинства, администрация и здесь смирилась с преобладанием черного большинства в местных органах власти, формировавшихся по куриям. В 1959 г. вспыхнули волнения в Ньясаленде, и доклад британской комиссии по расследованию выдвинул серьезные обвинения против методов и целей местной администрации, дав толчок движению страны к независимости. В 1964 г. она добилась независимости, и власть была передана африканскому правительству, а страна стала называться Малави. Несколько позднее, в этом же году состоялась передача власти в Северной Родезии, означавшая рождение Замбии. Напротив, никакого компромисса не смогли достичь в Южной Родезии, где после провала переговоров с Лондоном белые, чтобы удержать политическую монополию в условиях натиска африканцев, в конце 1965 г. провозгласили независимость односторонне приняв декларацию. Год спустя формальная передача власти

состоялась, напротив, по всем правилам в Бечуаналенде и Басутоленде, получивших новые названия Ботсваны и Лесото. В 1968 г. за ними последовали Свазиленд и Маврикий, а в 1976 г. — Сейшельские острова.

В 70-е годы националистические движения африканцев в Родезии, поставленные вне закона Родезийским фронтом Яна Смита, возглавлявшего правительство белого меньшинства, перешли к вооруженной борьбе. Начиная с 1972 г. организации африканцев повели самую настоящую партизанскую войну, поддержанную Советским Союзом и Китаем, в то время как белые получили поддержку Южной Африки и Португалии. Таким образом, продвижение африканцев к власти вписалось в более широкий контекст борьбы за освобождение Южной Африки. Британские санкции и санкции ООН оказались малоэффективными, и отношения с Родезией остались в последующие годы незаживающей раной британской внешней политики в связи с длительным неповиновением колонии. Только в 1979 г. удалось достичь компромиссного соглашения, подписанного в Ланкастер-хаус. Год спустя, в 1980 г., после победы на выборах Мугабе, лидера ведущего освободительного движения, новое государство Зимбабве получило международное признание.

Что касается более фрагментированных частей Британской империи, то после провала идеи создания федерации стран Вест-Индии в британской части Карибского бассейна, из ее владений в Центральной и Южной Америке в разное время (в течение 20 лет) добились независимости: Ямайка, Тринидад и Тобаго (1962), Барбадос и Гвиана (1966), Багамские острова (1973), Гренада (1974), Доминика (1978), Антигуа и Барбуда, а также Белиз, известный ранее как Британский Гондурас (1981), Сент-Китс и Невис (1983). В Азии в 1965 г. независимость получили Мальдивы. В Океании передача власти продолжалась вплоть до 80-х годов. Независимость получили: Самоа (1962), Науру (1968), Фиджи и Тонга (1970), Папуа Новая Гвинея (1975), Соломоновы острова и Тувалу (1978), Кирибати (1979) и Вануату — бывший англо-французский кондоминиум на островах Новые Гебриды (1980).

Что касается Южно-Африканского Союза, то происходившие там процессы можно отнести к британской деколонизации только в расширительном смысле. В 1961 г. Союз, где у власти находилась Националистическая партия, представлявшая белое население бурского происхождения и проводившая политику строгого расового разделения, вышел из Содружества для того, чтобы оградить себя от давления системы стран Британского сообщества и продолжать спокойно проводить политику апартеида, т.е. полного

отделения цветного населения и его подчинения белым. Случай Южно-Африканского Союза вписывается, тем не менее, в процесс деколонизации, поскольку после Первой мировой войны он получил в управление мандат категории «С» на бывшую германскую колонию в Юго-Западной Африке. В 1966 г. под воздействием призывов афро-азиатских стран ООН аннулировала мандат Южно-Африканской Республики на эту территорию, которой, впрочем, южноафриканцы всегда отказывали в переходе на режим опеки. Начиная с 1968 г. эта территория стала называться Намибией, а СВАПО (*South West African's People Organization* — Народная организация Юго-Западной Африки) стала рассматриваться в качестве единственного представителя ее населения. Как бы то ни было, страна оставалась под управлением Южно-Африканской Республики вплоть до 1990 г. После того, как дипломатия развязала многие узлы запутанной международной ситуации, была провозглашена независимость Намибии.

В сравнении с развитием событий в североафриканских колониях, в черной Африке политика Франции достигла больших успехов, поскольку ей удалось в период с окончания войны до 1956 г. приглушить наиболее опасные требования, касавшиеся ликвидации колониального господства. Париж почти во всех случаях сумел найти доверенных партнеров для сохранения влияния метрополии в будущем. Если стратегия французского правительства в этой сфере была аналогична применявшейся в Индокитае или Алжире, то, напротив, совершенно иным был ответ местного национализма, в целом менее организованного, более слабого и разделенного на группировки, более склонного к союзу с колониальным центром для того, чтобы «удержаться в седле» в ходе долгожданной передачи властных полномочий. Различие между отдельными владениями было связано в большей степени с местными переменными факторами (способностью правящей партии привлечь к себе массы и различные силы, способностью добиться доверия Парижа и, следовательно, масштабом помощи, которую просили у метрополии для удержания у власти), нежели с французскими инициативами.

Сенегал обладал политической традицией, глубже связанной, благодаря Ламину Гюю и Леопольду Седару Сенгору, с социалистами метрополии. За этим исключением создание местных партийных организаций стимулировалось главным образом трансформациями, вызванными Второй мировой войной сначала в Западной Африке, а только затем — в Экваториальной Африке. Наиболее солидная организация, предназначенная сначала для противостояния политике французских социалистов в Африке, была создана на территории Берег Слоновой Кости Феликсом Уфуэ-Буаньи.

Устав Французского союза, определенный вторым вариантом конституции Франции в 1946 г. в менее либеральных положениях, чем в предыдущем варианте, вызвал ответную негативную реакцию в стране, что привело к созыву конференции в Бамако, куда собрались сотни делегатов из всех стран Французской Африки. В отсутствие Сенгора и сенегальцев, которые по указанию Парижа и из чувства солидарности в отношении социалистов метрополии решили бойкотировать встречу, Уфуэ-Буаьи и его сторонники проявили себя как наиболее значительная сила африканского национализма во французских владениях и создали на межтерриториальной основе новую группу, названную Африканское демократическое объединение (*Rassemblement Democratique Africain*), которая временно вступила в союз с Французской компартией. После беспорядков, происшедших в 1949 г. на территории Берега Слоновой Кости, Уфуэ безоговорочно избрал умеренный путь, сблизившись с социалистами и сделав ставку на союз с метрополией с целью укрепления своей власти и стимулирования экономического развития страны. Сенгор, напротив, после конгресса в Бамако отошел от социалистов и вошел в новую группу «Независимых заморских территорий» (*Independents d'Outremer*), которая в 1953 г. предложила создать Африканскую федеративную республику в рамках Французского союза. Против проекта выступил Уфуэ, опиравшийся на поддержку метрополии на сей раз не против внутренних противников, а против потенциального преобладания сенегальцев в проектируемом союзе и возможного экономического ущерба для Берега Слоновой Кости.

В июне 1956 г. правительство социалиста Ги Молле, стремясь к развитию отношений с африканскими колониями, добилось принятия закона-рамки (*loi-cadre*), ставшего необходимым, в том числе, и в результате изменений, вызванных в конституционном устройстве Французского союза развитием событий в Северной Африке. Закон вводил всеобщее избирательное право и единые избирательные округа для всех выборов на территориях колоний. Каждая территориальная ассамблея получала расширение своих полномочий, становившихся определяющими, и состоявших в возможности выбирать Совет министров, ответственный, в первую очередь, перед самой ассамблеей. Связь с Францией определялась тем обстоятельством, что председатель Совета министров всегда являлся французским губернатором, и только вице-председатель был африканцем. Это был решительный, но еще не окончательный шаг в направлении «африканизации» полномочий правительства и автономии отдельных территорий. Закон, прошедший благодаря министру-социалисту Гастону Дефферу, хотя

и исходил из принципа единой и неделимой республики, был обусловлен также необходимостью уравнивать различные территории в соответствии с достигнутым уровнем институционального развития, а также для того, чтобы ответить на давление ООН в отношении территорий, переданных Франции в качестве подопечных, например, Того. Такой принцип соответствовал французскому подходу, противоположному практике британской колониальной администрации, концентрировавшейся преимущественно на специфике каждого отдельного случая.

Закон-рамку обвиняли в том, что он стимулировал преждевременный уход из колоний или в том, что он, по мнению критиков, представлял собой коварную попытку разделения Африки на маленькие государства, не способные достичь подлинной независимости. Возможно, Деффер не прислушался к тем, кто задумывал закон именно как средство усиления связей территорий с метрополией, но следует также отметить, что французская администрация, в отличие от британской в Нигерии или в Судане, не сделала ничего для сдерживания центробежных тенденций в разных странах. Впрочем, сами африканцы не имели единого мнения относительно альтернативы между автономией в сложившихся колониальных границах и автономией в рамках французской региональной федерации. Для последующего развития событий определяющим было то, что Уфуэ, главный противник федерализма (решения, против которого не случайно выступали такие богатые страны, как Берег Слоновой Кости и Габон), после триумфальной победы на выборах в собственной стране в 1956 г. стал наиболее авторитетным советником французской администрации по вопросам африканской политики, в особенности после возвращения к власти де Голля.

Учитывая, что сторонники федерации одновременно в целом поддерживали идеи panaфриканизма, возможно, Париж стремился предотвратить формирование блоков на континенте с тем, чтобы было легче его контролировать. Как бы то ни было, закон-рамка отставлял открытой возможность создания федерации и, решительно порывая с французской традицией, создал мощный стимул, прежде всего на территориях Западной Африки, для лихорадочной политической деятельности, в отношении административных новаций, вводимых законом.

После возвращения к власти де Голля в 1958 г., Уфуэ, с одобрения председателя Совета министров Дебре, принял участие в подготовке глав новой конституции, относившихся к преобразованию Французского союза в новое Сообщество (*Communaute*). Оно было задумано генералом как наиболее соответствующее

средство для придания размаха и преемственности мировому величию Франции, позволяющее избежать ошибок, совершенных в Индокитае и в Алжире. Новая конституция, которая трансформировала различные территории в страны-члены самого Сообщества, была поставлена на референдум и принята всеми странами Французской Черной Африки, за исключением Гвинеи, которая таким образом стала в 1958 г. независимой под руководством прокоммунистического лидера Секу Туре (его лозунгом было: «Мы предпочитаем бедность в условиях свободы богатству в условиях рабства»).

Эксперимент с созданием Французского Сообщества был, однако, непродолжительным. Препятствиями к его успеху стали продолжение войны в Алжире, все более осложнявшее африканским странам объединение с Францией; прецедент Гвинеи и сама готовность де Голля к обсуждению наиболее продвинутых решений; а также продвижение британской и бельгийской деколонизации. Как вспоминает Морис Вайс, де Голль, исходящей из приоритета концепции национальной независимости, утверждал, однако: «В мире, таком, как он есть, маленьком, тесном и взаимосвязанном... реальной независимостью, полной независимостью в действительности не обладает никто».

В июне 1960 г. независимость получили Мадагаскар и Федерация Мали; два месяца спустя Сенегал отделился от Мали и подтвердил собственную независимость в качестве самостоятельного государства. За период с июля по ноябрь вся Французская Черная Африка провозгласила независимость и заключила соглашения о более или менее тесном экономическом и военном сотрудничестве с метрополией. Еще в первые месяцы того же года состоялась формальная передача власти в Камеруне и в Того, являвшихся подопечными территориями. В 1961 г. южная часть Камеруна, находившаяся под британской опекой, проголосовала за присоединение к новому государству, в то время как северная часть высказалась за вхождение в Федерацию Нигерии. Британское Того еще в конце 1956 г. проголосовало за объединение с создававшейся Ганой. В 1975 г. получили независимость Коморские острова, а в 1977 г. — Джибути.

Случай Бельгийского Конго (затем Заира, а сегодня — Конго) являлся, без сомнения, частью процесса деколонизации, оказавшего большое политико-юридическое влияние на международные отношения, ибо он в наибольшей степени способствовал формированию нового *ius gentium* (международного права), в соответствии с которым право на колонизацию объявлялось незаконным. Он также не только способствовал серьезному изменению

общественного мнения и содействовал уверенности в возможность преобразования структуры международной экономики, но и сразу же привел к изменениям в международных отношениях.

Бельгийская колониальная политика явно не способствовала проявлению местных политических сил и носила в значительной степени патерналистский характер. Эта линия поведения начала меняться только в 1954 г., с приходом в министерство колоний Огюста Бюисре, который, хотя и был приверженцем осторожного подхода, забрал контроль над образованием у религиозных миссий и начал поощрять политическую деятельность африканцев. Два года спустя он опубликовал сначала в Голландии, а затем в Бельгии исследование, в котором высказывалось пожелание освобождения бельгийских колоний и намечались его этапы на тридцать лет. С другой стороны, именно в июле того же 1956 г. в Леопольдвиле (сегодня — Киншаса) появился первый националистический манифест, подготовленный двумя местными общественными деятелями при участии двух профессоров университета Лувена. С тех пор процесс деколонизации в Конго развивался чрезвычайно быстро по сравнению с другими африканскими владениями. Это было ускорение, превратившееся затем в стремительное падение, чреватое непредсказуемыми последствиями. В период, последовавший сразу же за этими первыми проявлениями национализма, несмотря на ситуацию растущего социального неблагополучия, в стране почти всегда сохранялась спокойная обстановка, за исключением некоторых беспорядков в 1957 г.

Однако националистическое движение радикализировалось, перейдя от примирительной позиции в отношении колониальной власти, выраженной в манифесте 1956 г., к выдвижению в течение двух лет более продвинутых требований, которые не оказали немедленного практического воздействия на политическую борьбу. Исключение составили коммунальные выборы, проведенные с разрешения бельгийцев в трех основных городах. Эти переломные годы характеризовались лихорадочной идеологической работой, подпитываемой примером событий, проходивших в то время в остальной Африке и в колониальных владениях в целом. В январе 1959 г. в Леопольдвиле вспыхнуло националистическое восстание, на которое бельгийцы ответили неадекватным образом как с точки зрения примененных репрессий, так и с точки зрения неожиданно последовавших словесных уступок. Было заявлено не только о желании проводить политику реформ, но даже о возможности независимости, еще не достаточно ясно сформулированной.

Колониальная администрация при недостаточной подготовке оказалась, таким образом, перед необходимостью противостоять одновременно национализму, ставшему внезапно настойчивым и агрессивным под руководством так называемых «продвинутых», то есть наиболее образованных слоев, и назревшему восстанию в деревнях, в особенности на юге, под руководством Ассоциации народов баконго (АБАКО), созданной в 1956 г. Жозефом Касавубу на племенной основе. Последовавшие переломные решения принимались узкой группой лиц в составе министра по делам колоний, политических деятелей и экспертов по колониальным проблемам, а также некоторых представителей колоний, действовавших от себя лично. Африканская администрация и даже некоторые отделы министерства по делам колоний в Брюсселе, а также, практически, и бельгийский парламент были отстранены от процесса выработки ответов на требования националистов.

Основные намерения брюссельской группы первоначально состояли в том, чтобы с учетом ошибок других метрополий, жестко реагировавших на антиколониальные выступления, обеспечить мягкую передачу власти по согласованию с ведущими местными политическими деятелями в течение точно не определенного, но несомненно очень длительного периода. Восстание 1959 г. подорвало иллюзии относительно плавности переходного периода в Конго и вынудило нового министра по делам колоний Мориса ван Хемельрийка пообещать независимость, не указывая пока необходимых для ее достижения сроков. Его преемник, Огюст де Шрайвер уже в октябре 1959 г. представил более детальную программу, которая предусматривала передачу власти в течение приблизительно четырех лет. Два месяца спустя в новой декларации он заявил о предоставлении независимости в следующем году. В начале 1960 г. бельгийско-конголезская конференция назначила дату на июнь того же года.

Эта поспешность может объясняться основным соображением, которым руководствовалась брюссельская группа. Она исходила из предпосылки, что независимость должна быть достигнута в полном согласии с руководством националистов, и что экстремистскими требованиями, выдвинутыми после 1959 г. партиями и движениями, готовыми отстаивать их в борьбе, нельзя пренебречь, даже если их реализация приведет к крайне нежелательным последствиям. В этой перспективе, используя выражения самого Шрайвера, оставалось только надеяться на «ставку», сделанную самими конголезцами. Репрессии привели бы к уничтожению абсолютного преобладания АБАКО в районах, жизненно важных для осуществления внутренних коммуникаций в Конго, а это сделало

бы военные операции невозможными без использования войск метрополии, то есть того типа вмешательства, с которым население Бельгии никогда бы не согласилось.

В самом деле, с первых дней 1959 г. стало очевидно, что никто в Брюсселе не намеревался допустить, чтобы Бельгия втянулась в повторение войны в Алжире, и что правительство для того, чтобы использовать войска в Конго, должно было преодолеть сопротивление мощной оппозиции, возглавляемой социалистами. Очевидно, что протагонистами конголезской борьбы за освобождение были люди вроде Патриса Лумумбы, возможно, самого авторитетного из «продвинутых», или Касавубу и других местных политиков, которые своей деятельностью перечеркнули осторожные планы бельгийцев. Но верно и то, что администрация метрополии и ее небольшая руководящая группа должны были бы в большей мере считаться с влиянием внутренних факторов, а не международных. Что касается традиционных сил, которые доминировали в Конго или осуществляли над ним контроль, то есть местная администрация, церковь и крупные горнодобывающие и торговые компании, то первая из них лишилась всякого влияния, а вторая пыталась избежать отождествления с колониальной политикой для того, чтобы не быть исключенной из игры после получения независимости, и поэтому ограничилась осторожными одобрениями в отношении освободительного движения. Крупные торговые, промышленные и финансовые компании, застигнутые врасплох событиями, также оставались пассивными в отношении действий бельгийского правительства в надежде, вероятно, что получение независимости не поставит под сомнение их позиции на территории Конго. Поэтому они стремились заручиться расположением всех партий и, в особенности, после попытки отделения богатой минеральными ресурсами (ураном, медью, железом, углем, оловом, марганцем) провинции Катанга — лидера сепаратистов М. Чомбе.

Независимость была провозглашена 30 июня 1960 г. Теоретически Конго должен был управляться министерской командой под руководством Лумумбы, а Касавубу должен был стать президентом республики. На деле через несколько дней страна оказалась в совершенно неуправляемом состоянии. Армия была раздроблена серией мятежей, которые ввергли Конго в хаос. 11 июля Чомбе, при поддержке мощной компании «Юньон миньер», провозгласил отделение Катанги. То, чего до этого момента бельгийцы старались по возможности избежать, а именно, превращения процесса деколонизации Конго в еще один глубокий международный кризис, стало неизбежным. На основе обращения премьер-министра Лумумбы Совет Безопасности ООН 18 июля принял

решение быстро вмешаться в ситуацию, направив «чрезвычайные силы», состоявшие из войск нейтральных стран, предоставленных в распоряжение конголезского правительства для того, чтобы помочь ему сохранить порядок и защитить жизни людей. С этого момента Объединенные Нации, оказывая поддержку «законному» правительству Конго, оказались вовлеченными в кризис с непредсказуемыми поворотами, постепенно втянувший их в один из самых серьезных процессов миротворчества (*peacemaking*) за историю ООН. Это имело особые последствия как для внутренней ситуации в Конго, так и для жизни ООН.

Ситуация, с которой войска ООН столкнулись в Конго, была такова, что вынудила их, после серии непрерывных согласований изменить роль, которую Совет Безопасности отводил «чрезвычайным силам». В самом деле, перед Объединенными Нациями предстала картина хаоса — внезапные проявления регионального и племенного соперничества в огромной африканской стране. Правительству Лумумбы, которому они должны были оказать помощь, пришлось столкнуться с медленными темпами вывода бельгийских войск (относительно медленными, учитывая ситуацию, однако понятна была и неотложность этой акции с учетом обстоятельств последних событий). Конголезскому правительству приходилось лавировать между сепаратистскими движениями и попытками международного вмешательства, направленного на подрыв его, впрочем, и без того весьма ограниченного авторитета. Столкнулись две позиции: централистская, которую отстаивал сам Лумумба, и федералистская, поборником которой, помимо самых настоящих сепаратистов, вроде катангца Чомбе, являлся и президент республики Касавубу.

В этой ситуации ООН была вынуждена изменить свои подходы. «Чрезвычайные силы» более не соответствовали масштабам кризиса, а задачи, поставленные перед генеральным секретарем шведом Дагом Хаммаршельдом, оказались слишком ограниченными. 22 июля Совет Безопасности высказался за уход бельгийцев и одобрил быстрое вмешательство Генерального секретаря, призвав все заинтересованные стороны поддержать его действия. Деятельность «чрезвычайных сил» была заменена «Операциями ООН в Конго» (*Operations des Nations Unies au Congo — ONUC*), которые доверили нейтральным войскам, представлявшим в своем большинстве африканские страны. Самой опасной представлялась попытка Катанги к отделению, которая в международном плане трактовалась как последняя попытка бельгийцев оказать сопротивление, защищая свои интересы в горнодобывающей сфере, в чем их поддерживали западные державы. Советский Союз

и его союзники отвергали эту позицию, желая предстать в качестве подлинных защитников единства страны, которой угрожали пережитки колониализма и слабость вмешательства ООН. Хаммаршельда критиковали за его равноудаленную и, следовательно, способствующую сепаратизму позицию.

В действительности, войска ООН должны были столкнуться с решительным протестом Чомбе против их вмешательства в Катанге, вынуждавшим Совет Безопасности занять позицию по сложному вопросу — о внутреннем устройстве Конго. Шла ли речь о компетенции Объединенных Наций? Полемика Лумумбы с ООН по этому вопросу была острой, его поддерживал весь советский блок, а также многие страны, недавно получившие независимость. В сентябре ситуация еще больше ухудшилась, вследствие решения президента Касавубу сместить Лумумбу, а также военного переворота, осуществленного начальником генерального штаба армии полковником Жозефом Мобуту, который ликвидировал все существующие государственные органы, закрыл советское и чехословацкое посольства в Леопольдвиле и взял всю власть в свои руки. В этом ему помогали своим молчаливым согласием Касавубу, санкционировавший также арест Лумумбы и выдачу бывшего премьер-министра для заключения в тюрьму правительству Катанги, по приказу которого его казнили 13 февраля 1961 г.

Под властью Мобуту Конго пережил краткий период стабильности, прерванный возобновлением борьбы против центральной власти партизан сторонников Лумумбы, с одной стороны, и сепаратистов Катанги — с другой. Именно эта ситуация вынудила Объединенные Нации постоянно корректировать масштабы и направленность своего вмешательства. 24 ноября 1961 г. Совет Безопасности осудил сепаратистскую деятельность Катанги и уполномочил Генерального секретаря использовать силу для изгнания из Конго всех иностранцев, которые являлись противниками такого решения (Конго в те месяцы был переполнен наемниками, находившимися на содержании у сепаратистских сил или отдельных группировок). Сопrotивление, оказанное Чомбе этим директивам, вынудило Генерального секретаря в декабре 1961 г. отдать приказ ONUC о проведении широкомасштабной операции против катангского режима. С этого момента территориальное единство Конго оставалось неизменным требованием в позиции Объединенных Наций, использовавших весь свой престиж, при поддержке западных держав и противодействии Советов, наблюдавших, как ООН ускользает от их преобладания, на которое они надеялись в 1960 г. Однако, это была медленная, трудная и длительная работа. Только в 1964 г. войскам ООН удалось восстановить единство

Конго, и они смогли покинуть страну. Лишь концу 70-х годов страна вернулась к нормальной жизни. Тем временем, после окончания бельгийской опеки над Руандой-Урунди в 1962 г. стали независимыми два новых государства — Руанда и Бурунди.

В самые трудные месяцы кризис привел к еще одной печальной жертве: 17 сентября 1961 г. Даг Хаммаршельд, находившийся в Конго с одним из своих периодических политических визитов, погиб в авиационной катастрофе (что, однако, не исключало подозрений в покушении) за день до встречи с Чомбе.

Конголезский кризис, имевший принципиальное значение сам по себе, сыграл также большую роль как выражение столкновения, которое деколонизация породила в Африке и в мире между двумя сверхдержавами, а также благодаря совпадению его кульминационного момента с трансформацией, происходившей в 1960 г. внутри ООН, как с точки зрения ее состава, так и вдохновлявших ее политических принципов. После приема в 1955 г. сразу 16 стран наблюдался постоянный рост числа членов Организации из числа новых независимых государств. Только в 1960 г. целых 15 освободившихся от колониальной зависимости государств вступили в Организацию, где они усилили блок афро-азиатских и нейтральных стран. Неоспоримая гегемония, которую в течение десятилетия (с 1946 по 1955 г.) осуществляли в Организации Соединенные Штаты, была ликвидирована. В Генеральной Ассамблее господствовала коалиция стран, антиколониальных по политической традиции и по идеологическому выбору. Было также очевидно стремление советского блока поддержать эту коалицию с тем, чтобы подорвать превосходство Соединенных Штатов, хотя оно и не увенчалось успехом. Если Совет Безопасности оставался зависимым от правил голосования, то есть наличия права вето у пяти крупнейших держав, то в Ассамблее преобладали новые силы, стремившиеся изменить акценты дискуссий и саму общую политическую ориентацию в интерпретации принципов международного права.

В этом плане важную роль сыграла XII сессия Генеральной Ассамблеи, состоявшаяся в сентябре — декабре 1960 г., в разгар обострения конголезского кризиса. Уже сам факт, что в работе Ассамблеи принимало участие большое число глав государств, указывает на исключительное значение, придававшееся этому событию. В кульминационный момент дискуссии на Ассамблее присутствовали даже Хрушев и Фидель Кастро, несколько месяцев тому назад ставший кубинским диктатором.

В центре дискуссии оказалось одобрение резолюции, которая впервые рассматривала законность колонизации как правовую

проблему. Рассчитывая на политический успех, Хрущев поддержал формулу «полной и немедленной ликвидации колониальной системы». Афро-азиатские страны (сложная коалиция, тесно связанная со странами, к которым прежде принадлежали ее члены) предложили более умеренную формулировку. Колонизация должна была прекратиться «без промедления» — эта формулировка создавала возможности для более гибкой интерпретации. Однако, хотя этот аспект дискуссии и был важен, поскольку он продемонстрировал как стремление Советского Союза возглавить антиколониальную коалицию, выполняющую антиамериканскую роль, так и неудачу этой попытки, но еще более важным с точки зрения принципов было утверждение резолюции афро-азиатских стран, что колониализм «противоречил Уставу ООН». Когда 12 декабря 1960 г. обе резолюции были поставлены на голосование, советская резолюция не была принята, а афро-азиатская — одобрена 89 голосами за, при отсутствии голосов против и девяти воздержавшихся. Это было, таким образом, голосование, означавшее радикальный поворот с точки зрения правовых принципов, которыми руководствовалась ООН. Здесь присутствовала определенная натяжка, поскольку феномен колониализма все-таки регламентировался XI и XII главами Устава, и в качестве такового считался допустимым. Но фактически новая почти единогласная воля Объединенных Наций санкционировала распространение на всех права на самоопределение и конец колониализма. То, что происходило потом, было лишь вялыми арьергардными боями, не имевшими шансов на успех.

*10.2.11. ДВИЖЕНИЕ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СЕВЕР–ЮГ*

Бандунгская конференция, пронизанная духом антиколониализма, отвергла раскол мира на два противостоящих лагеря, порожденный холодной войной. С 1955 г. до конца 60-х годов экономика за пределами Европы не развивалась так же динамично. Борьба за уничтожение традиционных империй приобрела приоритетное значение, поскольку она ставила вполне осуществимые цели; она была обречена на успех. Пропаганда нейтралитета не была столь впечатляющей, она предполагала неучастие в существующих блоках и поиск своего особого места в системе противостояния холодной войны, а это означало взаимодействие с реальностью, которую молодые независимые государства не могли изменить и, в лучшем случае, они надеялись вырваться из нее. Поэтому термин «нейтралитет» утратил свою актуальность и был

заменен другим, менее обязывающим термином «неприсоединение». Эта семантическая тонкость более точно передавала противоречивую реальность. Нейтрализм ограничивал число участников новой коалиции, а термин «неприсоединение» позволял даже членам противостоящих блоков более гибко интерпретировать свою позицию.

После Бандунга значительная часть работы была выполнена благодаря представителям не афро-азиатских государств, круг заинтересованных стран постоянно расширялся. Ведущую роль играли известные политические деятели Насер, Неру и маршал Тито (который после долгих лет колебаний нашел, наконец, место, где Югославия могла играть важную роль в международной жизни). В конце декабря 1957 г. — начале января 1958 г. в Каире состоялась новая конференция, в которой участвовали 44 делегации. В тоне конференции слышались отголоски Суэцкого кризиса 1956 г. Представитель Египта Садат, который председательствовал на заседаниях, весьма категорично определил цель конференции: «Нейтрализм, который мы исповедуем, означает, что мы должны быть вне международных блоков и прилагать усилия к их сближению». Первые шаги к независимости черной Африки означали, что курс выбран правильно. Премьер-министр Ганы стал рупором независимых африканских стран и в декабре 1958 г. созвал в Аккре первую конференцию этих африканских государств, а затем, еще и конференцию с участием всех народов Африки. В таких случаях активный нейтрализм превращался в инструмент антиколониализма. Как сказал Нкрума, конференция народов Африки должна была подготовить «генеральный штурм империализма и колониализма».

Следующий активный период пришелся на 1960–1961 гг. В это время прошла серия конференций солидарности с народами Азии и Африки и, что особенно важно, в декабре 1960 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций благодаря договоренности между Насером, Тито и Сукарно, который принял эстафету от стареющего Неру одобрила документ, осуждающий колониализм. И Генеральная Ассамблея, и последующая подготовительная конференция в Каире в июне 1961 г. заложили основы для конференции в Белграде (1–6 сентября 1961 г.), официально заявившей о создании движения «неприсоединившихся» стран. Но в Белграде понятие «неприсоединения» еще толковалось достаточно жестко: имелись в виду страны, которые не принимали участия в многосторонних военных союзах и которые не имели тесных военных связей с великими державами. Это объясняет, почему на конференции в Югославии не были официально пред-

ставлены ни Народный Китай, ни Япония, ни Пакистан, ни Турция. Приезд делегата Кубы расширял круг участников и на Латинскую Америку, но правила приема в «клуб» были настолько жесткими, что они сразу же были подвергнуты критике.

С 1961 г. был поставлен вопрос о правильной интерпретации концепции «неприсоединения», чтобы не превратить широкую коалицию в замкнутую группу стран, которая не имела бы достаточного влияния. Уже во время работы Белградской конференции впервые к этому вопросу подошли с других позиций: трактовка движения только как инструмента противодействия холодной войне (именно в это время наметились первые признаки разрядки напряженности между сверхдержавами) означала отказ от политической целесообразности, присущей более гибкому подходу. При таком подходе определение могло быть истолковано как отход от линии на широкую и прямую поддержку многосторонних союзов, даже если бы участники движения «неприсоединения» и входили в них. Таким образом, движение «неприсоединения» могло расширяться, а его влияние в международной жизни возрастать, прежде всего в таких крупных международных организациях как ООН. И еще одна возможность — образование организации, занимающейся определенными проблемами — вообще не принималась во внимание.

Белградская конференция не устранила основные противоречия и не разработала систему регулярных консультаций, что содействовало бы укреплению политического курса коалиции. В сложившихся условиях победило более широкое толкование концепции движения: страны, не участвующие непосредственно и активно в многосторонних соглашениях, объявлялись «неприсоединившимися» и могли участвовать в конференциях движения «неприсоединения», созывавшихся с различной периодичностью в последующие годы. Таким образом, движению удалось завоевать ведущие позиции в Организации Объединенных Наций, т.е. коалиция смогла устранить господство американцев в ООН и противостоять попыткам Советского Союза установить свою гегемонию. В 60-е годы она оказалась в руках небольшой, но самой сильной группы участников движения «неприсоединения» — арабских стран, которые оказывали решающее влияние на принятие резолюций Генеральной Ассамблеи. В то же самое время широкое толкование концепции участия в движении «неприсоединения» выявило непрочный и противоречивый политический характер этого движения.

Когда ограничительный характер нейтрализма был преодолен, а противоречия между афро-азиатскими странами даже стали перерастать в войну (китайско-индийский конфликт в 1962 г.), сложилась

новая ситуация. У стран «третьего мира» (не все страны, участвовавшие в движении «неприсоединения», а только те, перед которыми стояла проблема экономического развития) действительно имелись общие интересы, что придавало им вес в международной жизни, но в политическом плане их разделяли столь глубокие противоречия, что термин «неприсоединение» утрачивал свое содержание. Во время официальных заседаний, например, на Генеральной Ассамблее ООН, когда обсуждались общие принципы мирового правопорядка, или на конференциях самого движения, термин, несмотря на обилие риторики, вновь обретал прежнюю притягательность.

В действительности, международные отношения стали настолько сложными, что большая часть неприсоединившихся стран, которым надлежало бороться за нейтралитет, были тесно связаны в экономическом или военно-политическом плане с одним из блоков, в которых руководящую роль играли сверхдержавы. Начавшийся процесс разрядки, казалось, давал основания для развития движения «неприсоединения», в действительности же он лишал его самой сути, так как за распутывание узлов холодной войны взялись ее главные участники. В политическом плане исторический итог движения «неприсоединения» оказался не столь значительным, скорее создается впечатление неиспользованных возможностей. В конце 70-х годов движение «неприсоединения» насчитывало более 80 активных членов, а в широком плане более 100, если к активным членам добавить «наблюдателей» или «приглашенных» участвовать в отдельных конференциях. В общих чертах, движение обладало количественной силой, чтобы пользоваться влиянием в мире, но практически могло сделать очень немного.

Перед странами, получившими политическую независимость, встал вопрос об экономическом развитии, о проведении индустриализации, о росте производительности и сельскохозяйственного производства, об улучшении торговых отношений с развитыми индустриальными странами, в особенности в связи с экспортом сырья, главным источнике богатства развивающихся стран. Результаты были разочаровывающими, если принять во внимание демографический рост, в результате которого общее увеличение валового национального продукта (ВНП) оборачивалось снижением дохода на душу населения. С 1950 г. по 1967 г. доход на душу населения в развивающихся странах, взятых вместе, рос в среднем за год на 2,8% (при очень резких различиях между странами); за те же годы экспорт 22 развивающихся стран, взятых для репрезентативной выборки, увеличивался ежегодно на 4%, а экс-

порт пяти наиболее развитых стран мира (Соединенных Штатов, Великобритании, Федеративной Республики Германии, Франции и Италии) за тот же период рос в среднем на 9% в год. Нефтяной кризис, вызванный арабо-израильской войной 1973 г., изменил это соотношение только частично и только временно, потому что страны-производители нефти превратились в особую категорию развивающихся стран.

Причины такого положения следует искать в характере экспорта из развивающихся стран: в ценах на сырье, которые устанавливались в большей степени рынком, чем производителями, в различиях между спросом на товары широкого потребления, импортируемые в развитые страны, и спросом на товары длительного пользования, импортируемые в развивающиеся страны. В середине 70-х годов цены на сырье (за исключением нефти) продолжали падать, а на промышленные товары расти. Соотношение между доходами от экспорта и расходами на импорт становилось все менее благоприятным для развивающихся стран.

Другой аспект проблемы связан с непрофессиональным руководством экономикой в странах, недавно получивших независимость. Непомерных расходов требовали формировавшаяся бюрократия и раздутые вооруженные силы; стремление производить товары с наименьшими затратами, но невысокого качества, а потому не имевших спроса ни на внутреннем, ни на международном рынке; политика протекционизма и автаркии вела к росту расходов — всё это были элементы одной составляющей, которая усугубляла дальнейшую отсталость.

Немаловажную роль играла и проблема капиталов. Для осуществления инвестиций в экономику страны необходимо накопление капитала, которое в колониальный период происходило исключительно в интересах метрополии, а новые государства вынуждены были начать накопление с низкого уровня или обращаться за помощью к мировому финансовому рынку, где царят железные правила и жесткий контроль. Финансы могли поступать и в виде международной помощи, но политика кооперации делала в это время лишь робкие шаги, и ее масштабы не соответствовали экономическим потребностям более сотни стран. Ничего не оставалось, как терпеливо идти по пути, уже пройденному странами, которые начали свое восхождение к модернизации в XVIII веке, или надеяться, что по политическим мотивам в страны третьего мира будут направлены значительные ресурсы, или ждать, когда международный капитал сочтет выгодным для себя осуществлять инвестиции в развивающиеся страны.

Однако это предполагало радикальное изменение исходных экономических условий в отдельных странах, и, прежде всего, преодоление идеологических предубеждений некоторых деятелей, которые видели в международном капитале, а чаще в транснациональных корпорациях истинных противников развития, виновников эксплуатации и отсталости, производства, основанного на низкой стоимости рабочей силы и небольших капиталовложениях: короче, видели в них олицетворение «неоколониализма». Но ни одно молодое государство не могло ни согласиться с необходимостью сохранения этих уз, ни отказаться от собственных национальных целей, чтобы дать увлечь себя сладкими речами о развитии, предполагавшем интеграцию в систему международного капитализма. Прежде чем это произошло, необходимо было пройти через ряд неудач и дожидаться важных перемен в международной ситуации.

Эти обстоятельства объясняют трудности установления экономически и политически корректных отношений между промышленно развитыми странами и развивающимися странами. Отношения осложнялись и застарелым недоверием к западным странам, болезненными воспоминаниями о колониальном периоде, неготовностью развитых стран решать экономические проблемы, рассчитанные на длительную перспективу и требовавшие разработки многосторонних проектов. Считалось, что эти проблемы чужды основным потребностям западной экономики, либо далеки от нее. Промышленно развитые страны были уверены, что обладают достаточной экономической и политической властью и могут диктовать условия международной торговли. Поэтому до 1973 г. (хотя примеры имелись и в недавнем прошлом) они проводили протекционистскую политику, особенно в отношении сельскохозяйственной продукции развивающихся стран, их основного экспорта, благодаря которому они могли бы занять свою нишу на международном рынке товаров, поскольку отсутствовал рынок для их промышленной продукции; производство ее тогда только начиналось.

Страны «третьего мира» сочли Организацию Объединенных Наций наиболее подходящим местом, где можно было выступить с предложением реформы мирового рынка, хотя проблема была изложена в общем виде и в выражениях, характерных для недавней борьбы за независимость. Уже в декабре 1960 г. Генеральная Ассамблея заявила, что предстоящее десятилетие должно стать «десятилетием развития», что является условием мира и стабильности в мире. В 1962 г. в резолюции ООН была выдвинута формула «Trade not aid» — «Торговля, а не помощь», что означало

смену гуманитарного подхода методами, больше соответствующими характеру экономических проблем.

Организация Объединенных Наций в 1964 г. (23 марта — 15 июня) в Женеве провела конференцию по проблемам торговли и развития (United Nations Conference on Trade and Development), хорошо известную как ЮНКТАД, во время которой впервые были рассмотрены важнейшие экономические и политические аспекты проблемы развития. На конференции обсуждались предложения реформы международной экономической системы, согласно которым было необходимо, чтобы развивающиеся страны открыли свои двери для экспорта и интегрировались в экономику, находящуюся на подъеме. Но еще больше было необходимо, чтобы индустриально развитые государства гарантировали благоприятные цены на сырье и сельскохозяйственную продукцию, экспортировавшиеся из развивающихся стран; выплачивали субсидии странам, не готовым к торговому обмену; пошли на снижение пошлин на тропические и субтропические продукты; провели реорганизацию ГАТТ (Генеральное соглашение по тарифам и торговле), которая содействовала бы торговле с развивающимися странами.

Соперничество между Советским Союзом и Соединенными Штатами заставило страны «третьего мира» лучше понять различные аспекты международной ситуации. Страны советского блока, также недавно освободившиеся от колониальной зависимости, не участвовали в диалоге, начатом ЮНКТАД. В рамках конференции, собравшей представителей 123 государств, сложилась так называемая «группа 77», в рамках которой участники движения «неприсоединения» стремились достичь единства позиций в области экономики, не сумев добиться его в политической сфере. Вес развивающихся стран в Организации Объединенных Наций был настолько значительным, что позволил осуществить институционализацию отношений между промышленно развитыми и развивающимися странами. ЮНКТАД была преобразована в постоянный консультативный орган, который разрабатывал рамочные условия для проведения переговоров.

Тогда начался жесткий диалог, долгий и трудный. Агрессивность политики «группы 77» (в частности, на заседании в Алжире в 1967 г.) привела к обратным результатам. Индустриально развитые страны не были заинтересованы в том, чтобы пойти на уступки, которые могли оказаться напрасными или же пошли бы на пользу политическим противникам. Действительно важного успеха удалось добиться только однажды, во время второй конференции ЮНКТАД, состоявшейся в 1968 г. в Дели, когда развитые страны обязались ежегодно отчислять 1% своего ВВП развиваю-

щимся странам в качестве помощи их экономическому развитию. Следует учесть, что страны советского блока были в состоянии перечислить менее одной пятой от общей суммы, которую предусматривал такой ничтожно малый процент.

Рост цен на нефть, совершивший скачок во время первого нефтяного шока в 1973 г., привел к изменению общей ситуации. В следующем году развитые государства приняли предложение, выдвинутое благодаря преобладанию в «группе 77» стран с умеренным подходом, согласно которому необходимо было начать обсуждение основ нового международного экономического порядка. Этот вопрос был в центре внимания Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1974 г., когда обсуждалась «Хартия экономических прав и обязанностей государств». С тех пор был возобновлен, хотя и со значительными трудностями, более конструктивный диалог.

С 1964 г. Европейское экономическое сообщество начало проводить политику содействия развитию. 18 бывших французских колоний заключили конвенцию в Яунде (Камерун), благодаря которой был создан фонд развития, но, прежде всего, конвенция отражала намерение стран ЕЭС с большей ответственностью решать проблемы развивающихся стран. Впервые конвенция Яунде была изменена в 1974 г., после вступления Великобритании в ЕЭС, и в 1975 г. заменена Ломейской конвенцией. С ее подписанием политика Сообщества охватывала уже 46 стран Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейнов (отсюда аббревиатура АКТ). С тех пор отношения между ЕЭС и странами АКТ регулировались посредством внесения поправок в Ломейскую конвенцию, что способствовало стабилизации торговли и более рациональной организации помощи, эти меры оказали значительное воздействие на всю систему международных отношений.

Со временем характер отношений между промышленно развитыми и развивающимися странами менялся. Развивающиеся страны решали основную проблему их экономической жизни с разными результатами. Считать их однородной группой, требовавшей одинакового подхода, становилось невозможным. Даже страны «третьего мира» больше не представляли собой однородную общность. Часть развивающихся стран благодаря росту цен на нефть, позволившему осуществлять инвестиции, вырвалась из пут отсталости и даже должна была решать проблему избытка финансовой ликвидности. Ряд стран, в особенности в Азии, благодаря тесным связям с транснациональными концернами и низкой стоимости рабочей силы, вошли в группу новых индустриально развитых стран — Малайзия, Тайвань, Южная Корея, Гонконг, Сингапур и, частично, Индонезия.

Страны Латинской Америки, преодолев трудный период политической нестабильности и колебаний в выборе экономического курса, решив, по крайней мере на том этапе, проблему международного долга, возобновили свое развитие, не опасаясь вновь оказаться в состоянии отсталости. Индия и Китай нашли в себе силы развиваться самостоятельно, а в случае с Китаем даже очень интенсивно.

Большая группа стран, преимущественно на Африканском континенте, по разным причинам осталась на исходном уровне развития. Для них родилось определение «четвертый мир», которое включало ряд стран, где неспособность правительств руководить страной, суровая политическая жизнь и нестабильность, перераставшая порой в гражданскую войну, довели их до нищеты. Сюда же следует причислить государства, где темпы демографического роста превышали темпы экономического развития. В связи с этим возникла новая проблема, во главу угла ставились не отношения между промышленно развитыми странами и «третьим миром», а соотношение между Севером и Югом: Север — почти всегда богатый, и даже купающийся в роскоши, и Юг — испытывающий трудности экономического развития и не имеющий возможности совершить в нем рывок.

В 1978 г. неофициальная группа политических деятелей мирового масштаба, которую назвали «Независимой комиссией по проблемам международного развития» под руководством Вилли Брандта, бывшего канцлера Федеративной Республики Германии, приступила к изучению проблемы. Результаты исследования были опубликованы в начале 1980 г. в работе, получившей известность как «Доклад Брандта. Север-Юг. Проблема выживания»; в последующие двадцать лет географическая характеристика несколько изменилась в связи с изменением ситуации в отдельных странах, но общая концепция развития указывала, что это важнейшая международная проблема будущего.

В 80-е годы перипетии международной жизни и болезненные перемены в системе международных отношений превратили эту проблему из ведущей в маргинальную, затрагивающую интересы лишь небольшого числа стран. В 90-е годы, когда структура мировой системы была поколеблена в самой своей основе и миру предстали новые зоны отсталости, проблему отношений между Севером и Югом, между развитыми и развивающимися странами, вновь стали считать основополагающей для любого нового миропорядка, в особенности потому, что бедные страны были не в состоянии выбраться из долговой зависимости от международных кредиторов.

Глава 11

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ 1956 г.

11.1. Выработка норм сосуществования-соперничества

11.1.1. НЕКОТОРЫЕ ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Автор этих страниц полагает, что задача историка — реконструировать в соответствии с доступным материалом источников перипетии прошлого, выявляя моменты, когда ход событий приобретает более или менее быстрые темпы, и выделяя периоды, во время которых разные исторические процессы сплетаются в проблемные узлы. Вокруг них и следует строить изложение проблематики, позволяющее понять совокупность тенденций как систему, показать взаимосвязь различных действующих сил, решений, вырабатываемых в связи с возникающими проблемами и результатов, достигаемых экторами политического процесса.

Если 1946–1949 гг. были отмечены созданием двух блоков, которые, группируясь вокруг Соединенных Штатов и Советского Союза, пережили самые напряженные периоды холодной войны, то в 1957–1963 гг. (при некоторой условности хронологических границ) произошел переход от этапа острых конфликтов к этапу взаимного признания завоеванных позиций. Стороны попытались установить правила, позволившие перейти если не к совместным действиям, то к признанию границ, внутри которых каждая из сверхдержав признавала за другой приоритет в отношении позиций третьих стран или во внутренних конфликтах в соответствующих блоках. Конечно, еще нельзя говорить о «разрядке» в том смысле, который термин приобрел несколько лет спустя, но сегодня можно сказать, что именно в то время, которое было названо «равновесием страха», лидеры сверхдержав осознали серьезную необходимость определить границы собственных интересов и одновременно оценить намерения противника.

Надлежало предугадать соответствующую линию поведения, уважая ценности противника, другими словами, определить элементы параллельного приближения к выработке норм сосуществования в биполярной системе соперничества.

Кажущаяся простота биполярной конструкции позволяет упрощать анализ сложных ситуаций. Однако этого не достаточно, так как упрощение не всегда охватывает многообразие элементов, сливающихся воедино в процессе перехода. В самом деле, процесс перехода относится как к тематике непосредственных взаимоотношений между сверхдержавами, так и к тематике, связанной с отношениями между сверхдержавами и их сателлитами. Его анализ позволяет обозначить пределы, в которых малые державы могли пользоваться «влиянием» внутри своего блока или даже оказывать воздействие на политику ведущей державы, а также выявить те «высшие интересы», которым должны были подчиниться второстепенные национальные интересы.

Раздел Европы или азиатских регионов на сферы влияния более не являлся предметом конфликта сверхдержав. Этот процесс завершился в 1956 г., и тот факт, что Запад не вмешался в венгерский кризис 1956 г., а Советский Союз — в Суэцкий кризис, говорит о последовательности, с которой противники придерживались неписаных правил. После 1956 г. изменился характер противостояния или, лучше сказать, соперничества: это касалось молодых независимых стран и глобализации биполярности; относилось к дискуссиям о космическом и ракетном вооружении — возможности непосредственно поразить противника собственным оружием; затрагивало проблему ядерного соперничества и соответственно способности вызывать у противника реальный, но неопределенный страх (по крайней мере, до 1963 г.) и создавать впечатление, что атомная бойня может разразиться неожиданно, причинив неисчислимы бедствия.

Руководители обеих сверхдержав стремились к завоеванию ядерного превосходства, но в то же время они знали, что оно будет иметь главным образом символическое значение, поскольку невозможно даже приблизительно оценить соотношение издержек и преимуществ, связанных с ядерным конфликтом, учесть разрушения, к которым он приведет. Ставка в игре была и оставалась весьма ощутимой. Однако этот аспект проблемного узла не исчерпывает всей его сложности. Действительно, каждой из сверхдержав приходилось сталкиваться с трудностями внутри собственной системы, при этом они старались не допускать (не всегда успешно) ситуаций, в которых была бы поставлена под сомнение их способность действовать в глобальном масштабе.

Положение Соединенных Штатов было сложным, но не драматичным. После создания в 1955-1957 гг. Европейского экономического сообщества США предстояло пересмотреть свои отношения с Западной Европой. Они должны были заняться решением

проблем, порожденных Суэцким кризисом, и выработать новую концепцию отношений с колониальными странами. Британская политика деколонизации являла собой пример менее болезненного развития этих отношений, а война в Алжире показала всю сложность и важность решения колониальных вопросов.

С приходом де Голля к власти во Франции произошло временное осложнение колониальных проблем и возникла напряженная ситуация в Североатлантическом союзе. А перед Соединенными Штатами встали еще более серьезные проблемы, связанные с глобальными проектами французского президента и его намерением создать автономные ядерные силы, возможно, в сотрудничестве с Италией и Федеративной Республикой Германии. Германский вопрос, таким образом, занял центральное место в европейской политике Соединенных Штатов, поскольку канцлер Аденауэр, хотя и придерживался атлантических обязательств, но был весьма критичен в отношении американской гегемонии в Европе и нацелен на тесное сотрудничество с голлистской Францией. США беспокоила складывавшаяся перспектива, которую следовало учитывать при формировании глобальной мировой политики. Предположения о франко-германском ядерном соглашении не могли расцениваться просто как внутренние расхождения в Западном блоке, этот фактор неизбежно отражался на разработке стратегии отношений с Советским Союзом.

Советскому Союзу, со своей стороны, необходимо было свести воедино гораздо более разнообразные интересы. Во-первых, его руководителям приходилось иметь дело с долговременными последствиями десталинизации и, кроме того, с давлением Ульбрихта, лидера Германской Демократической Республики, требовавшего гораздо более жесткого ответа на ядерные проекты Аденауэра и на проблему межгерманских отношений, которая приобрела драматическое звучание из-за постоянного потока нелегальной эмиграции из Восточной Германии в Западную. Однако наибольшие трудности для Советов принесла с собой ситуация в Азии, где ухудшение отношений с Китайской Народной Республикой, проявившееся уже в 1957-1958 гг., привело к уменьшению советского влияния, что вскоре открыло большие возможности для проникновения туда американцев, нейтрализовавших значение событий, происшедших в начале 60-х годов во Вьетнаме. Наконец, в Центральной Америке приход к власти на Кубе Фиделя Кастро, с одной стороны, предоставлял Советам новые возможности давления на Соединенные Штаты, с другой, подвергал их проверке с точки зрения пределов подобного давления. В этом смысле определяющим был промежуток времени начиная с 1957 г. —

шумного начала космической гонки, 1958 г. — второго Берлинского кризиса, в 1959-1960 гг. — первых попыток прямого диалога русских и американцев, 1960 г. — решающего для процесса деколонизации, 1961 г. — года возведения Берлинской стены, 1962 г. — года Кубинского кризиса и вплоть 1963 г., когда завершилась непрерывная цепь ядерных испытаний в атмосфере. Весь этот промежуток времени, с только что обозначенными темами и многими другими, с ними связанными, может действительно рассматриваться как период, когда две сверхдержавы, осмысливая ситуации внутри соответствующих сфер влияния, фактически или путем специальных переговоров взяли на себя обязательства определить правила сосуществования в биполярной системе, в которой господствовало соперничество, но которая стремилась освободиться от комплекса неизбежности ядерного уничтожения.

11.1.2. СОДЕРЖАНИЕ «СОСУЩЕСТВОВАНИЯ-СОПЕРНИЧЕСТВА»

При всем разнообразии исторически сложившихся ситуаций именно процесс деколонизации значительно изменил сущность международных отношений, в которых раньше доминировал биполярный конфликт. Сверхдержавы и все другие субъекты международной системы должны были по-новому взглянуть на мировой порядок, число участников которого выросло более чем вдвое, а после 1960 г. — более чем втрое.

Сами по себе изменения, даже очень существенные, не имели бы такого влияния на международные отношения, если бы все (или почти все) страны, получившие в недавнем прошлом независимость, не отличала одна общая черта — экономическая отсталость. Перед ними встала одна общая задача — совместить независимость с началом экономического роста. С освобождением народов от империалистического рабства новые политические силы, которые взяли на себя (или получили на свободных выборах) управление той или иной страной, должны были показать, что они в состоянии, победив колониализм, положить конец политической зависимости и экономической эксплуатации, а также начать новую эпоху экономического роста и благосостояния.

Деколонизация, таким образом, изменила ситуацию во многих отношениях. Мы не можем здесь рассматривать все аспекты изменений, однако они неизбежно проецировались на международную атмосферу. В самом деле, появление новой сферы международных отношений вынуждало сверхдержавы менять форму их конфликта и расширять его масштабы. Что касается формы, то

после стабилизации ситуации в Европе проблема представляла уже в ином виде. Если аспекты, связанные с космическим и ядерным соперничеством, не касавшиеся недавно освободившихся стран, теперь отошли на задний план, то, напротив, стала актуальной тема так называемого «существования-соперничества» — какая страна, используя помощь одной из сверхдержав, сможет эффективнее решать проблемы собственного развития: та, что осваивала формы политико-экономической организации, характерные для рыночной экономики, либо, наоборот, та, что следовала экономическим методам «реального социализма».

Биполярный конфликт превращался в соперничество, когда ставился вопрос о необходимости выбора между моделями развития, с совершенно явным намерением способствовать тому, чтобы выбор имел прямые последствия с точки зрения международного влияния. Поэтому конфликт переместился из Европы, он проник в Средиземноморье, распространился на весь мир (включая Латинскую Америку), охватил все аспекты жизни народов. Одновременно отмечалась тенденция к росту взаимосвязей всех стран, недавно добившихся независимости, несмотря на тенденцию к «неприсоединению», которая рассматривалась как альтернатива зависимости, как надежда на свободное развитие.

Проблемы деколонизации не создавали для Соединенных Штатов особых трудностей. Они сами родились в результате первой антиколониальной войны нового времени и всегда боролись с европейским империализмом. Принцип самоуправления был провозглашен Вильсоном как одно из кардинальных условий новой американской внешней политики и подтвержден Рузвельтом во время второй мировой войны. Как вспоминает Эйзенхауэр в своих мемуарах, Соединенные Штаты сражались в двух мировых войнах, не требуя для себя никаких территориальных приращений. «Соединенные Штаты, — пишет он, — не вынашивая никаких планов захвата чужих земель и богатств, были традиционно последовательны в своей антиколониальной политике».

Эти принципы потускнели по мере установления финансово-экономического господства Соединенных Штатов в Латинской Америке и по мере упрочнения изменений глобалистской политики Рузвельта во время второй мировой войны. «Большой план» Рузвельта часто интерпретировался как способ замены откровенного колониализма менее заметным, но более ощутимым влиянием. Кроме того, Соединенные Штаты подвергались упрекам за двойственность позиции, которую они проявили в борьбе за колонии с участием их союзников — Великобритании и Франции. Выдержка из заявления Даллеса, сделанного на заседании Совета

Национальной Безопасности 1 ноября 1956 г., помогает правильно подойти к этой теме: *«На протяжении многих лет, Соединенные Штаты балансировали между обязательством, с одной стороны, сохранять свои давние и крепкие связи со своими английскими и французскими союзниками, а с другой, — попыткой заручиться дружбой и согласием недавно освободившихся стран [...]. Больше мы не можем балансировать на этой тонкой грани. Если нам не удастся сейчас утвердить наше лидерство в отношении этих стран, то они повернутся в сторону Советского Союза».*

Действительно, Советский Союз, хотя и оставался в 1960 г. во главе одной из немногих существовавших в мире империалистических систем, мог гордиться антиколониальными заслугами, которые восходили еще к основоположникам коммунизма и сохранились до эпохи деколонизации.

Н. Хрущев в 1956 г. на XX съезде КПСС также обратил внимание на потенциальные возможности новой ситуации: *«В отличие от довоенного периода, подавляющая часть стран Азии выступает теперь на мировой арене в качестве суверенных государств или государств, упорно отстаивающих свое право на самостоятельную внешнюю политику. Международные отношения вышли за рамки отношений государств, населенных по преимуществу народами белой расы, и начинают приобретать характер подлинно всемирных отношений».*

В действительности антиколониальная революция открыла рынки, поставила проблемы ликвидных средств и стоимости сырья, создала новые сферы господства тех или иных государств, выдвинула проблемы экономического развития перед двумя сверхдержавами, но ни в одной из них не было руководителей, способных быстро реагировать на новые чрезвычайные ситуации.

Вопреки категоричным постулатам марксистско-ленинской пропаганды и теоретической традиции, а также несмотря на четкое понимание Хрущевым решающего значения нового конфликта разрыв, существовавший с точки зрения экономических и финансовых ресурсов, гибкости методов вмешательства и уже достигнутых силовых позиций, был, однако, таков, что исход соперничества, несмотря на иллюзии первого этапа, был предreshен. Советы базировались на идеологической системе, только внешне способной автоматически трансформироваться в идеологию освобождения. Несмотря на большие траты на открытие в Москве учебных заведений для подготовки элиты недавно освободившихся стран советские позиции оставались по ряду причин слабыми.

С геополитической точки зрения Советы пользовались достаточно ограниченным влиянием. В Восточной Азии их влияние

было сильным в Корее и во Вьетнаме, но было подорвано латентным конфликтом с Китайской Народной Республикой. В островных государствах Юго-Восточной Азии они занимали маргинальные позиции (несмотря на присутствие просоветски настроенных партизан) в связи с тем, что Филиппины были тесно связаны с Соединенными Штатами, а в Индонезии Сукарно пользовался доверием разных политических сил, среди которых была и прокитайская коммунистическая партия, то есть опирался на откровенно нейтралистскую коалицию, которую поддерживали Советы.

Впрочем, в сентябре 1965 г. попытка прокоммунистического государственного переворота, предпринятая несколькими высшими армейскими офицерами, послужила поводом для развязывания кровавых репрессий (с сотнями жертв, действительное число которых варьируется в зависимости от источников). В результате к руководству Индонезией пришел генерал Сухарто, положивший конец советскому влиянию. Бирма, которую ее основатели, такие как У Ну, хотели сделать нейтральной, колебалась между китайским влиянием и независимой позицией. С 1962 г. генерал Не Вин, хотя и заверявший китайцев в желании сохранить добрососедские отношения с пекинским правительством, вооруженным путем захватил власть, которую с тех пор он монопольно удерживал, установив тиранию, настроенную отнюдь не благожелательно к внешним влияниям и полностью закрытую для них.

В остальной части Азии Советский Союз мог рассчитывать на дружеские отношения с Индией, но проблемы и масштабы Индийского государства были настолько огромными, что мешали СССР заключить с индийцами договор, который навязывал бы неравноправные отношения стране, недавно получившей независимость. Советский Союз рассчитывал предложить Индии новую модель отношений и установить дипломатическое и техническое сотрудничество, возможно, подразумевавшее и антикитайскую направленность. Подобная линия лишь в немногих случаях сочеталась с отдельными попытками проникновения в некоторые органы государственной администрации.

Что касается исламских стран, в частности на Ближнем и Среднем Востоке, то, за исключением Афганистана, у которого со второй половины XIX века были тесные отношения еще с царской империей, Советский Союз испытывал большие трудности и сталкивался со значительными препятствиями: от религиозных и культурных различий до политического недоверия. Наличие в СССР республик с исламским населением, относительно свободным в исполнении религиозного культа, одновременно способствовало и препятствовало распространению советского влияния в оставшейся части региона.

Надежды СССР заменить англо-французское влияние на Ближнем и Среднем Востоке советским быстро рассеялись из-за американского вмешательства и установления в Турции режима, тесно связанного с Западом и вступившего в Атлантический союз. Неудачи Советского Союза объяснялись тем, что Иран выражал недовольство советским давлением, а страны-производители нефти проявляли недоверие в отношении экономического конкурента, вдохновлявшегося концепциями политических преобразований. В действительности только страны, непосредственно затронутые арабо-израильским конфликтом, испытывали заинтересованность в отношении советского вмешательства. Советский Союз проводил традиционную политику помощи и сотрудничества в отношении Египта, Сирии и Ирака, и если бы не грубые ошибки, то подобная политика принесла бы более существенные результаты. Открывались некоторые возможности для советского проникновения в Латинскую Америку: в Чили, где демократические силы развивались и укреплялись до сентября 1973 года, но, прежде всего, на Кубу, которая после победы революции Кастро, стала настоящим, но очень ограниченным опорным пунктом советского влияния на страны Западного полушария.

Эти геополитические границы, хотя и менялись, были достаточно определенными и сдерживались противодействующим американским влиянием. Но в Африке они отсутствовали полностью. На Африканском континенте в наибольшей степени могло проявиться соперничество Советов с Западом, прежде всего в Северной Африке, в особенности в Алжире, благодаря связям с Египтом и продолжению освободительной борьбы. Это относилось и к другим африканским странам, где новые руководители с доверием относились к Советскому Союзу, который никак не участвовал в колонизации и, более того, воспринимался как образец борьбы с колониализмом. Поэтому Африка стала ареной, где, в сущности, и развернулось соперничество, а точнее говоря, борьба за вовлечение молодых независимых стран в различные направления развития. С этой целью Советский Союз стремился убедить их, что его модель и предлагаемые им средства являются единственно пригодными для нужд африканских стран, даже в большей степени, чем американские рецепты или непродуманные предложения и экономически скудные возможности Народного Китая.

В действительности для СССР возможности соперничества были ограничены недостатками самой советской системы. Во-первых, число стран, к которым она была применима, оказалось невелико, и возникла необходимость приспособлять формы содействия к меняющимся потребностям, что противоречило единообразию

планирования, характерному для советской системы. Во-вторых, трудно было поколебать представление о советской модели как о модели однопартийного государства, что воспринималось положительно в странах, где только одна политическая сила хотела укрепить свои позиции с помощью более или менее социалистической идеологии, адаптированной к местным условиям, и негативно расценивалось там, где существовали традиции политического плюрализма, которые диссонировали с советской моделью.

Как отмечает Алвин З. Рубинштейн, «самым уязвимым моментом советского вмешательства в дела третьего мира была [именно] советская модель развития». В 50-е и в начале 60-х гг. многие представители первого постколониального поколения стремились избавиться не только от тисков политико-дипломатических союзов, но также и от груза слаборазвитости, ведя с ним борьбу с помощью программ ускоренной индустриализации, позаимствованных из советского опыта. *«Сталеплавильный завод, — пишет далее Рубинштейн, — являлся символом модернизации. Надежды на прогресс, социальную справедливость и выход из бедности, а также всяческие проявления враждебности к капиталистической системе, толкали этих деятелей к социализму и Советскому Союзу. Готовность СССР участвовать в финансировании и осуществлении индустриальных проектов в общественном секторе сочеталась с их туманной верой в эффективность централизованной, плановой экономики, в основном национализированной, основанной на развитии городов, в чем они усматривали основные черты советской модели».* Попытки применить такие концепции на практике почти всегда заканчивались провалом. Неудача была в значительной мере связана с мощным контрнаступлением американцев, но прежде всего, с общей концепцией и теми методами, которые Советы использовали, осуществляя свое вмешательство.

Если Сталин концентрировал все свое внимание на евро-азиатском регионе, а у Маленкова не было времени разработать новую стратегию, то Хрущев выразил готовность предоставить развивающимся странам долгосрочные кредиты под небольшие проценты, но на четких условиях в ожидании, возможно, отдаленных, но совершенно определенных по своему духу результатов. Основным условием был отказ от заключения многосторонних соглашений и предпочтение двусторонних договоров, чтобы советские кредиты не были бы распределены среди многих участников, а содействовали укреплению прямых связей.

Первая из этих программ (которую, однако, трудно рассматривать как элемент новой советской стратегии) относится к январю 1954 г. и касалась Афганистана. Затем программы содействия

были разработаны в отношении Индии, Египта, Ирака, Бирмы, Камбоджи, Индонезии, Йемена, Судана, Аргентины. Позже список дополнили африканские страны. К началу шестидесятых годов советские программы охватывали 25 стран «третьего мира», которым были предоставлены кредиты на общую сумму шесть миллиардов долларов: две трети предназначались на оказание экономической помощи и одна треть — на закупку вооружений. Этот аспект советской помощи заслуживает отдельного внимания. Программы экономического содействия зачастую касались строительства таких грандиозных сооружений, как, например, Асуанская плотина или сталелитейные заводы в Бхилаи и Бокаро в Индии и в Эль Хаджар в Алжире. Это свидетельствовало о явной склонности Советов к впечатляющим проектам огромного размаха, но сомнительной пользы, если учесть скромные экономические результаты и ужасающие последствия для окружающей среды.

Что касается военных поставок, то в 1956 г. Советский Союз приступил к созданию океанского флота, которым до 1985 г. командовал адмирал Сергей Горшков. Значение военно-морской мощи для проведения политики мирового масштаба было оценено сразу, и флот получал все более совершенное вооружение, в особенности для ядерных подлодок, способных запускать ракеты. Эта новая политика демонстрации силового присутствия, которая не предполагала действительно использовать военную мощь, но требовала наличия большого числа баз, рассредоточенных по всему миру для того, чтобы сила из демонстративной могла бы в случае необходимости стать реальной. Так появились новые формы советского вмешательства, которые выражались в поставках вооружений для вновь сформированных армий в обмен на создание ряда военно-морских баз в дружественных странах в разных частях мира — от Индийского океана до Северной Атлантики, от Средиземного до Южно-Китайского моря — в полном соответствии с традиционной политикой империализма.

За несколько лет советское влияние, особенно в Африке, значительно возросло. После Египта и Судана, Танзания, Замбия, Зимбабве, Уганда, Мадагаскар, Сомали, а в дальнейшем Эфиопия, Алжир и Ливия установили тесные отношения с Советским Союзом, что, впрочем, не исключило дистанцирования от советской модели, когда ее недостатки стали очевидны, а условия сотрудничества неприемлемы и более обременительны, чем предложения Запада об улучшении отношений. Постепенно увеличивался разрыв между экономическими возможностями и политическими амбициями Советского Союза.

Импорт из стран «третьего мира» в СССР и союзные с ним государства оставался на низком уровне и колебался от одного до двух процентов мировой торговли, и его характер не претерпел существенных изменений. В этом импорте преобладало сырье (в шестидесятые годы сырье составляло 90% всего импорта); экспортировались промышленные товары, изделия металлургии, оборудование, оружие. Идеологические установки не меняли характера торговли, хотя даже прямое участие институтов и предприятий коммунистической системы в сфере образования и торговли, а затем в сельском хозяйстве и горнорудной промышленности стран «третьего мира» рассматривалось в идеологическом плане как средство борьбы с проникновением капитализма. Реализация экономической кооперации и технического содействия зачастую была поручена техническим специалистам из СССР и стран советского блока, но в целом эти меры никогда не были масштабными. В 1978 г., когда в советской системе стали накапливаться кризисные явления, экономическая поддержка, оказанная Советами странам «третьего мира», составляла менее 5% от общего объема получаемой ими помощи.

Неудивительно, что в соперничестве с Западом СССР потерпел неудачу. За десять лет после кульминационной фазы деколонизации Советский Союз не смог установить контроль над обширными районами Африки, за исключением отдельных случаев, когда ему удалось ввести свои войска непосредственно в некоторые страны, а местные власти не могли или не хотели от них освободиться (как это произошло в Египте в 1972 г.). Исключения составляли страны, получившие независимость после 1975 г. и оказавшиеся ввергнутыми в пучину гражданских войн, участники которых обращались за помощью к Советскому Союзу: так случилось в Анголе, Мозамбике, Эфиопии. Но в этих случаях вмешательство, осуществлявшееся кубинскими вооруженными силами и советскими военно-техническими специалистами, приняло характер державной политики, которая не имела ничего общего с великими ожиданиями шестидесятых годов.

С другой стороны, позиции Запада в колониальной сфере имели столь глубокие корни, что кризис формальных отношений не мог устранить наличие серьезных связей, порожденных зависимостью или сохранившимся влиянием прежних колониальных держав. Кроме того, Запад был в состоянии в большей мере удовлетворить потребности развивающихся стран. Французы, покинув свои колонии в Африке, за исключением — и то временным — Алжира и более длительным Гвинеи, сумели привязать страны прежней колониальной империи к системе франка, французской

культуре и экономике. Постепенно напряжение острой фазы деколонизации ослабевало, и французы стали даже гарантами внутривнутриполитической стабильности и защиты границ в местных конфликтах между разными государствами или кланами в их борьбе за власть. История последующих десятилетий изобилует частыми обращениями к правительству Парижа с просьбой вмешаться и восстановить порядок, т.е. подтвердить свое влияние.

Иной была судьба бывших британских колоний. Практика управления на основах автономии не способствовала интеграции между колонизаторами и колонизированным населением, поэтому вслед за получением независимости последовала, за исключением Родезии, полная смена руководящих группировок. Именно эти новые государства были наиболее подвержены коммунистическому влиянию. Однако они представляли относительно небольшую часть Африки в сравнении с новыми государствами, находившимися под американским влиянием.

На Ближнем и Среднем Востоке, за исключением Египта времен Насера, господство Соединенных Штатов прочно держалось на союзе с Саудовской Аравией. Напротив, в Ираке во время революции 1958 г., которой руководили военные, к власти пришли молодые офицеры-сторонники Насера, возглавлявшиеся генералом Абделем Керимом Касемом, и затем последовал длительный период нестабильности, отмеченный рядом политических поворотов во внутренней и внешней политике, в течение которого офицеры-нейтралы, прокоммунистические политики, представители социалистической партии Баас вели кровавую борьбу за власть. Росло советское влияние, но Иракской нефтяной компании удавалось контролировать производство и реализацию иракской нефти-сырца до ее национализации в 1972 г.

В Африке Соединенные Штаты могли опереться на Ливию, где они поддерживали вместе с британцами правительство эмира ас-Сенуси (до революции в 1969 г. под руководством полковника Муамара Каддафи), располагали военно-воздушной базой Уилус-Филд и приступили к эксплуатации ливийских нефтяных ресурсов. У них были прочные связи с Тунисом и султаном Марокко; сохранялись тесные отношения с Южно-Африканским Союзом. Соединенным Штатам удалось, и это весьма важно, навязать свое решение очень тяжелого кризиса, пережитого Африкой в переходный период: они поддержали вмешательство Организации Объединенных Наций с целью сохранить единство Конго, и понесли большую часть расходов, оказав помощь правительству Леподовилы (Киншаса), когда его возглавил Мобуту. В то же время Советы приостановили выплату кредитов, чтобы выразить свою

оппозицию предпринятой акции, которую, тем не менее, одобрило большинство членов ООН, что со всей очевидностью показало ограниченность финансовых и военных возможностей Советского Союза.

Советы предлагали помощь в ограниченных размерах, а ее оказание было поручено техническим специалистам, которые по установившейся в СССР традиции действовали вне местного социально-политического контекста отдельных стран и не сумели интегрироваться в экономико-политическом плане; они лишь работали на строительстве предприятий, проектировавшихся по желанию новых государственных деятелей. Эти лидеры видели в «монументальных» формах советской помощи основание для удовлетворения собственных амбиций, желания оставить свой след благодаря огромным общественным сооружениям. Так решалась проблема экономического роста, при этом не проводился точный анализ технологических вопросов и характера самого роста, не ставилась задача необходимого накопления капиталов, чтобы обеспечить непрерывность роста.

Напротив, там, где существовали элиты, способные руководить развитием в условиях рыночной экономики и традиционной эксплуатации дешевой рабочей силы (что казалось настолько одиозным, что воспринималось как воссоздание своего рода «неоколониализма»), достигались более существенные результаты. Это объяснялось эффективностью и быстрым оборотом капитала, тесно связанным с логикой прибыли, которая была получена благодаря ресурсам, накопленным в других местах. Подобная политика включала страны «третьего мира» в круг развивающихся стран и не создавала иллюзий волшебных «скачков».

Таким образом, «мирное соревнование» превратилось для Советов в упущенный шанс. Деколонизация открывала возможности произвести в новых частях земного шара разрыв рыночной экономики, который в 1917 г. был совершен русской революцией и пространство которого в 1947–1949 гг. включило всю Восточную Европу и Китай. Возможно, если бы перемены происходили не так быстро, то централизованная экономическая система СССР смогла бы найти подходящие средства для решения проблем развития. Но медлительность в одних случаях, неповоротливость и ошибки в других привели к тому, что за начальными успехами последовали серьезные поражения. Благодаря гибкости система рыночной экономики переварила политические перемены, произошедшие в «третьем мире», и использовала их в собственных целях.

Однако это не позволяет утверждать, что во всех случаях принимались четкие и правильные решения: переплетение полити-

ческих, экономических и стратегических факторов сделало переходный период очень сложным, и одни страны оказались в менее благоприятном положении, чем другие. Наиболее бедные страны, не имевшие богатых природных ресурсов, остались на обочине процесса экономического развития, но многие азиатские и некоторые африканские страны, используя предоставленные возможности, поднялись в своем развитии с самого низкого уровня на шкале бедности и добились прогресса в условиях жизни. Это было результатом не советского содействия, а разнообразных методов деятельности представителей западной капиталистической системы: хотя над ними и довлел груз наследия империализма, но они были более приспособлены к использованию любых возможностей местной ситуации, оказавшейся не столь уж безнадежной.

11.1.3. ЯДЕРНОЕ И КОСМИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО СВЕРХДЕРЖАВ

Расширение театра борьбы между сверхдержавами порождало новые политико-экономические проблемы длительного характера. Доктрина сдерживания, развитая резолюцией СНБ-68 и общей стратегической ориентацией Джона Фостера Даллеса, относилась прежде всего к Европе и Восточной Азии. Оставалась в силе идея, высказанная Дж. Кеннаном, что в течение достаточно длительного времени следует терпеливо выжидать, пока проявятся противоречия советской коммунистической системы. В западной культуре сохранялось убеждение в политическом превосходстве институтов плюралистической системы и в большей эффективности рыночной экономики. Вызывала удивление способность Советов вклиниваться в свободные сферы, не открытые Западом. Хрущев был непредсказуем в своих поступках, а Сталин был, напротив, неизменным европоцентристом. Новые обстоятельства, порожденные деколонизацией, выявили умение Советов использовать лакуны, оставленные Западом.

Наряду с необходимостью приспособления к новым условиям политико-дипломатической стратегии великих держав, еще более остро встал вопрос о балансе военных сил. Обе сверхдержавы должны были подвергнуть суровой проверке соотношение их военных потенциалов. Более того, тот факт, что обе стороны, насколько возможно, хранили в секрете собственную подлинную военную мощь, заставил их включиться в бесконечную гонку вооружений. Проблема военных расходов была разрешена следующим образом: как Соединенные Штаты, так и Советский Союз с середины пятидесятых годов стали сокращать расходы на обычные

вооруженные силы. В 1955 г. численность вооруженных сил СССР составляла 5 763 000 человек, а в 1958 г. — 3 623 000. В 1955 г. численность вооруженных сил Соединенных Штатов составляла 2 935 000 человек, в 1958 г. — 2 600 000, а в 1960 г. — 2 476 000. Сокращение расходов на обычные вооружения производилось столь тщательно, что учитывались даже мелочи. Средства для компенсации уменьшения военной мощи и для сохранения оборонительных и наступательных систем изыскивались за счет повышения производительности труда и увеличения эффективности привлекаемых ресурсов.

Центральное место отводилось ядерным вооружениям. Таким образом другой стороной изменения биполярных отношений стала погоня за ядерным превосходством. В политическом плане оно обернулось соперничеством двух моделей; в военном плане ослабление ощущения гарантированной безопасности было вызвано подлинно глобальным присутствием двух сверхдержав. Экономический контекст не позволял ни одной из них неограниченно увеличивать инвестиции в военные отрасли, что превращало ядерное соперничество в центральный элемент соотношения вооруженных сил в общемировом масштабе. «Атомная дипломатия», которая после ядерного взрыва в Хиросиме вяло обсуждалась в течение нескольких месяцев, десятилетие спустя стала обязательным элементом биполярных отношений.

С 1955 г. отношения между Соединенными Штатами и СССР были отмечены очевидным противоречием: обе сверхдержавы, каждая в своих интересах, создавали огромный атомный арсенал, который в случае конфликта мог привести к «гарантированному взаимному уничтожению», и одновременно вели почти непрерывные дипломатические переговоры. С одной стороны, убежденность, что социалистическая система смогла бы вытеснить капиталистическую систему, с другой стороны, убежденность, что реальный социализм рухнет в силу внутренних противоречий, хотя никто не может предвидеть, когда это случится, — все это порождало в отношениях между сверхдержавами перманентное противостояние, которое могло прекратиться только с исчезновением одной из них.

Эта несовместимость была основополагающим элементом, который даже время не могло устранить, поэтому в международной практике она привела к поиску форм возможного сосуществования. Итак, необходимость постоянной уверенности в возможности «уничтожить» другого сочеталась с необходимостью сосуществовать с ним. Выражение «необходимо уничтожить» следует понимать не буквально, а как элемент состояния неопределенно долгого

выживания. Необходимость была лишь абстрактной, на практике она означала ожидание того, что «другой» будет уничтожен силой обстоятельств. Но противник всегда представлял настолько серьезную опасность, что нельзя было, даже под страхом собственной гибели, отказаться от постоянного парирования его намерений. «Враг» теоретически мог нанести неожиданный удар, к которому всегда следовало быть готовым. Но поскольку исторические «абсолюты» смягчаются на практике, никто в пятидесятые годы всерьез не думал, что одна из сверхдержав близка к краху, поэтому наряду с формами сосуществования сверхдержавам были необходимы существенные гарантии их собственной безопасности. В практике международной жизни господствовал страх перед растущей угрозой «грибовидного облака», но дипломатические отношения развивались как бы на другом уровне, и только в исключительные моменты кризисов наступало понимание возможной катастрофы.

Гонка ядерных вооружений началась в 1945 г. Ее первым важным этапом стала утрата американцами в августе 1949 г. атомной монополии, затем в начале 1950 г. Трумэн принял решение о создании водородной бомбы. Вскоре сюрприз преподнесли Советы, которые в августе 1953 г. первыми произвели взрыв в атмосфере двух прототипов водородных бомб (ограниченной мощности в 400 килотонн). С февраля по май 1954 г. американцы произвели шесть экспериментальных взрывов водородных бомб, проводившихся лабораторно с 1952 г. Первый из этих взрывов, осуществленный 28 февраля, имел мощность 15 мегатонн. Что касается разрушительной силы, то соотношение между мощностью американских и советских бомб оставалось неизменным до конечной фазы экспериментальных взрывов термоядерных бомб в атмосфере в феврале 1962 г., когда Советы взорвали бомбу мощностью в 100 мегатонн.

Ядерное соперничество породило две серьезные проблемы. Обладание определенным типом бомбы обеспечивало и определенный разрушительный потенциал. Однако его нельзя было отделить от проблемы средств доставки, с помощью которых можно было поразить намеченные объекты. Такими средствами сначала были лишь самолеты; затем к ним добавились ракеты наземного базирования, а еще позже и ракеты на подводных лодках. Самолеты могли поражать цель достаточно точно, но имели ограничения радиуса действия и мощности доставляемого заряда. С этой точки зрения, бомбардировщики *B-52*, способные выполнять длительные автономные полеты и оснащенные для доставки бомб средней мощности, были сильным компонентом американской мощи. Советы создали серию реактивных межконтинентальных

бомбардировщиков, названных на Западе «Бизонами», но по автономности полета и мощности они уступали американцам, и только в конце пятидесятых годов Советы смогли создать более эффективные межконтинентальные бомбардировщики, но затем они отказались от этого средства доставки, так как добились лучших результатов в производстве ракет. В 1964 г. у Советов было 175 бомбардировщиков с ядерным оружием, а у американцев 630.

Что касается подводных лодок, то их стали использовать в 1960 г., когда американцы произвели первые испытания ракет «Поларис», которые подводные лодки могли запускать, не поднимаясь на поверхность. Во время войны немцы проводили эксперименты с запуском самолетов-снарядов Фау-1 и Фау-2, после войны эта технология была усовершенствована, в частности благодаря сотрудничеству с немецкими учеными, вывезенными в Соединенные Штаты и Советский Союз. С 1953 г. в ФРГ были размещены артиллерийские орудия, способные использовать ядерные заряды. Первые ракеты малого радиуса действия появились в 1954 г., но находились на вооружении лишь американской армии.

Проблема соперничества в ядерных вооружениях обострилась, когда начались экспериментальные запуски ракет промежуточного радиуса действия, которые могли поражать советскую территорию с американских баз, расположенных вокруг нее. В 1957–1958 гг. они появились в арсеналах США и СССР. Американцы проводили эксперименты с ракетами «Юпитер» и «Тор» с радиусом действия 2700–2800 км, некоторое число которых после нелегких переговоров было размещено на территории Великобритании, Италии и Турции (в 1960 г. первые из этих ракет были установлены на английских и итальянских базах и приведены в оперативную готовность).

Вопрос о ядерных вооружениях осложнялся стремлением европейцев располагать автономной возможностью соответствующего ответа. В сотрудничестве с Соединенными Штатами такую возможность получила Великобритания, но иначе стоял вопрос для Франции, Федеративной Республики Германии и еще более туманно для Италии. Поведение американцев во время Суэцкого кризиса вызвало недовольство не только французов, но и немцев. Аденауэр расценил его как «полное презрение» к интересам европейцев и разделял недоверие некоторых европейских стран к доктрине «массированного возмездия», провозглашенной в 1954 г. Даллесом. В самом деле, Суэцкий кризис рассматривался атлантическими союзниками как угроза американским интересам на Ближнем Востоке, а во время венгерского кризиса американские

руководители не пошевелили и пальцем. Какой же европейский кризис мог бы вызвать американское «массированное возмездие», учитывая, что технологические достижения Советов стали прекрасным сдерживающим фактором и они могли бы ответить на «массированное» вмешательство США столь же разрушительным образом?

С января 1957 г. начала формироваться согласованная франко-германская военная политика. 28 ноября 1957 г. был подписан франко-германско-итальянский протокол, который предусматривал в качестве ответа на неравенство, навязанное англо-американцами, сотрудничество трех стран в области «производства ядерных вооружений», разработанных во Франции. Речь шла — как отмечал Жорж-Анри Суту — «о документе исключительной важности, который закладывал основы подлинного стратегического сообщества». В апреле 1958 г. казалось, что тройственное соглашение имеет перспективы. В ходе проходившей в Риме конференции, в которой участвовали министры обороны ФРГ, Италии и Франции (Франц-Йозеф Штраус, Паоло Эмилио Тавиани и Жак Шабан-Дельмас), была достигнута устная договоренность об участии Италии и Федеративной Республики Германии в строительстве французской установки по разделению изотопов урана, что было бы первым шагом к производству ядерного оружия.

Приход к власти де Голля в июне 1958 г. стимулировал французские ядерные программы, но вызвал некоторые сомнения, в первую очередь, у итальянцев, а затем и у немцев. В целом вопрос зависел не от решений двух младших партнеров Франции, а от сложности глобальных проблем, от отношений между блоками; следовательно, затрагивал отношения ФРГ и США, с одной стороны, Восточной Германии и Советского Союза, с другой. Проблема участия европейцев в ядерных вооружениях включалась в общее регламентирование мирного сосуществования. Если западные немцы должны были отказаться от собственного ядерного оружия в связи с противодействием американцев, то бремя расходов на оборону Германии ложилось, прежде всего, на Соединенные Штаты и вынуждало их взять на себя полную и абсолютную ответственность за оборону Европы, что лишало Германию всякой надежды на быстрое объединение страны. Но американская военная опека предполагала консолидацию НАТО в противоположность идее нейтрализации Центральной Европы, которую продолжали отстаивать Советы.

В 1955 г. Советы приняли на вооружение первые ракеты среднего радиуса действия, названные СС-3, а в 1957 г. — СС-4. Но наибольшие трудности были связаны с созданием ракет дальнего

радиуса действия (8-10 000 км) — межконтинентальных баллистических ракет (МБР), способных достигать с советской территории американскую и наоборот. Поскольку Советы не располагали базами, с которых они могли бы поразить американскую территорию, в то время как Советский Союз был окружен базами НАТО или США, то можно понять всю важность возникшей проблемы.

Наличие у Советов межконтинентальных ракет превратило территорию Соединенных Штатов из неуязвимого «священного храма» в мишень для советских ракет. Вопросы о средствах доставки и о ядерных вооружениях составляли поэтому единую проблему. Ядерное соперничество с 1955 г. по 1958 г. переживало мучительный этап, что в значительной мере отразилось на развитии дипломатических отношений.

Поворотный момент в сложившейся ситуации обозначился в 1957 г., когда было произведено, преимущественно американцами, 44 экспериментальных ядерных взрыва. Результаты носили противоречивый характер. После того как американцы провели в 1954 г. испытания бомб мощностью до 15 мегатонн, они приступили к решению проблем их размеров и радиоактивных осадков. Президент Эйзенхауэр проявил особое внимание к этому аспекту проблемы, который вызывал очень большой резонанс в мире, что наносило ущерб имиджу Соединенных Штатов. Поскольку Советский Союз производил испытания на собственной территории, а США производили взрывы в пустыне Невада, а также на атоллах в Тихом океане (Бикини или Эниветок), то их обвиняли в неуважении к чужой территории и проживавшему там населению.

Однако более важным было ожидание результатов испытаний, которые проводили обе стороны, межконтинентальных ракет. Американцы были уверены, что относительно этого типа ракет они обладают значительным преимуществом и запланировали производство по крайней мере 150 МБР в кратчайшие сроки, а также стремились первыми запустить в космос искусственный спутник. Но неожиданный запуск Советским Союзом *спутника* 4 октября 1957 г. вызвал в Соединенных Штатах почти истерическую реакцию. Советский Союз обогнал США в области космической технологии, в то время как американцы считали, что в этой сфере Советы никогда не смогут превзойти их. Поражение в соревновании за первый космический запуск и, прежде всего, успехи Советов в области ракетостроения, усилиями опасения американцев, что они могут не только теоретически, но и практически превратиться в мишень неожиданного атомного нападения, и породили в Соединенных Штатах настоящую панику. Возникшие пессимистические настроения господствовали в стране несмотря

на объективное положение вещей в течение всего последнего этапа президентства Эйзенхауэра, вплоть до января 1961 г.

В обстановке паническо-пессимистических настроений складывались различные политические ориентации: одни требовали активизации гонки ракетных вооружений и намеревались превзойти Советы именно в той области, где они впервые доказали, что могут победить американцев; другие настаивали на пополнении и усовершенствовании атомного арсенала; третьи стремились к возобновлению диалога с Советским Союзом, чтобы проверить его готовность заключить соглашение о запрете на ядерные испытания, а затем и о сокращении стратегических вооружений. Срочного решения требовала проблема проведения испытаний, так как с 1958 по 1962 г. обе державы осуществили десятки экспериментальных взрывов бомб, а Советы впервые взорвали бомбу мощностью 50 мегатонн, а затем и 100 мегатонн, не обращая внимание на тревогу мировой общественности в связи с опасным увеличением радиоактивных выбросов в атмосферу и несмотря на возмущение, которое вызывали испытания, в особенности, у азиатских народов, находившихся наиболее близко к экспериментальным полигонам.

Что касается космического соперничества, то американские ученые и военные быстро поняли, что советское преобладание было случайным и временным. С 1952–1954 гг. атомным оружием располагала и Великобритания, ставшая единственной страной, с которой американцы в знак примирения после Суэцкого кризиса восстановили в 1957 г. сотрудничество, прерванное в 1946 г. Актом МакМагона, который запрещал правительству Вашингтона обмен информацией по ядерной тематике. Поэтому в общей сложности число средств доставки и атомных боеголовок, которыми располагали Соединенные Штаты и Великобритания, значительно превышало советские ядерные вооружения.

Но пропагандистский успех Советов в связи с запуском спутника придал соперничеству бешеный темп. В течение всего 1957 г., несмотря на борьбу за приоритет между отдельными видами американских вооруженных сил, в США работали над ракетой «Вэнгард», испытания которой проводились в декабре того же года и закончились неудачно, что способствовало росту страхов в общественном мнении. И только 31 января 1958 г. произошел первый успешный запуск спутника, названного «Эксплорер I», за которым последовал в марте успешный запуск спутника весом три фунта ракетой «Вэнгард». Между тем, Советы продемонстрировали масштаб своих программ, запустив сначала спутник, на котором находилась собака, вернувшаяся живой на землю, а в мае

1958 г. вывели на орбиту «Спутник III» весом 3000 фунтов: сравнение с «Вэнгардом» было неутешительным.

Американская администрация ответила со свойственной ей энергией трудных времен и продолжала ту же линию и после прихода в январе 1961 г. в Белый Дом президента Джона Кеннеди. Не вдаваясь в технические детали противостояния США и СССР, достаточно отметить, каково было итоговое соотношение сил в 1964 г., когда Хрущев был отстранен от власти и прошел год после убийства Кеннеди. К этому времени у Соединенных Штатов было 834 МБР, у СССР — 190; у США было 416 ракет, расположенных на подводных лодках, у СССР — 107; США располагали 630 стратегическими бомбардировщиками, а СССР — 175. Сложившаяся ситуация никогда не претерпевала радикальных изменений, она подтверждала сохранение американского превосходства в ракетно-ядерных вооружениях, несмотря на сильное впечатление, произведенное запуском первых спутников. Американцы приняли вызов Советов в области соперничества в космосе и, расценив его как кампанию, формировавшую имидж страны, вложили в нее огромные средства и вскоре восстановили престиж, утраченный в 1957 г.

Несмотря на то, что в течение следующего десятилетия сохранялось американское ракетно-ядерное превосходство, успех Советского Союза в создании межконтинентальных ракет оказал достаточно существенное влияние на характер стратегического соперничества между сверхдержавами. Сам факт, что Соединенные Штаты из «священного храма» превратились в потенциальную мишень, лишил смысла доктрину «массированного возмездия» еще до того, как развитие процесса деколонизации привело к утрате ее политического содержания. Этот новый аспект ситуации вместе с огромным ростом разрушительного потенциала ядерных вооружений предполагал пересмотр подходов к проблеме. Строго говоря, Соединенные Штаты должны были поставить вопрос о так называемой «способности к первому и ответному удару», т.е. способности первыми внезапно поразить противника, обеспечив сохранность своих ядерных сил в такой мере, чтобы можно было полномасштабно ответить на удар врага.

Этот аспект проблематики был тесно связан с равновесием сил, т.е. с переменной величиной, находившейся в постоянном изменении, но всегда сохранявшей политическое значение. При этом требовалось, чтобы ракетные вооружения обеих сверхдержав имели бы специальную защиту, для чего необходимо было начать строительство противоатомных убежищ и проектирование противоракетных систем, способных перехватывать ракеты в полете к цели.

Все эти средства частичной защиты не устраняли опасность в принципе. Складывавшееся «равновесие страха» становилось образом жизни, к которому мир мог (или должен был) приспособиться, но человеческий разум не мог с ним смириться.

Поэтому в новой напряженной обстановке необходимо было искать пути к диалогу. Пересмотр американцами стратегии предполагал возможность переговоров о сокращении вооружений и мерах контроля, хотя противники не питали ни малейшего доверия друг к другу. Возникла атмосфера «мирного сосуществования», которая оценивалась как необходимый элемент безопасности. Предполагалось, что даже непреклонные противники могли бы найти проблемы, представляющие взаимный интерес для переговоров. Это помогло бы создать климат доверия, который из очень ограниченных сфер обсуждения мог бы распространиться на другие более значимые области. Об этом стали говорить сразу после смерти Сталина. Теперь непрочность американской позиции толкала Соединенные Штаты к пересмотру своей ориентации. Такой пересмотр не мог быть ни быстрым, ни безболезненным, но, тем не менее, он был неизбежным. Поскольку политическое соперничество вышло за рамки Европы и приобрело глобальный характер, постольку ни одна держава не могла считать себя вне опасности.

На первом этапе этого процесса считали целесообразным укреплять собственные позиции, чтобы избежать внезапного нападения и сохранить способность осуществить контрудар. Но более тщательный анализ показывал, что решение этих вопросов могло привести к столь апокалиптическим ситуациям, которые можно было бы представить как результат ошибки, а не как результат продуманных человеческих решений. Поэтому впечатляет та атмосфера страха, которая поставила человечество перед столь огромной опасностью, что не верилось в возможность действительного использования накопленных вооружений. Перед всем человечеством стояла дилемма, которую государственные деятели, руководившие странами в течение десятилетий после 1955–1957 гг., решали порой успешно, с большой осторожностью в моменты наибольшего напряжения, корректируя германские (и итальянские), а также французские центробежные тенденции и направляя в нужное русло развитие китайского ядерного потенциала.

Первые шаги к контролю над неограниченным наращиванием ядерных вооружений были сделаны под давлением ширящегося протеста против вредных воздействий атомных частиц, попавших в атмосферу вследствие испытаний. Речь шла не о пустых опасениях, рожденных антиядерной пропагандой, а о научно выверенных

данных, которые позволяли сделать вызывающие тревогу заключения о последствиях радиоактивных осадков. Эти опасения были распространены в Соединенных Штатах и Японии после первых испытаний водородных бомб в 1953 г. Сообщение о том, что радиация была зафиксирована на катерах японских рыбаков и привела к смерти одного из них, вызвало огромную тревогу. Во время предвыборной президентской кампании в 1956 г. кандидат от демократов Эдлай Стивенсон включил вопрос о прекращении атомных испытаний в свою избирательную программу. Хотя проблема была важной, но тот факт, что Хрушев тут же поддержал это предложение, не принес электорального успеха Стивенсону. Вместе с тем он показал, что Советский Союз, несмотря на огромные усилия в развитии своего ядерного арсенала, весьма восприимчив к проблеме прекращения испытаний атомного оружия.

В январе 1957 г. делегат Соединенных Штатов в ООН Генри Кэбот Лодж представил официальный проект соглашения о прекращении ядерных испытаний при создании системы международного контроля. Ответ Советского Союза был в принципе положительным, но негативным в отношении международного контроля. Только 16 июня 1957 г. представитель СССР в ООН Валериан Зорин предложил мораторий на испытания ядерного оружия на два или три года и впервые допустил возможность системы международного контроля за соблюдением принятых обязательств. В то время предложение не получило развития, но в сравнении с прошлым оно означало качественные изменения. Используя эту брешь, в июле 1958 г. в Женеве, после ряда дальнейших ядерных испытаний, стороны начали двусторонние переговоры о разработке технических методов возможного проведения инспекций. На переговорах отражались перипетии дипломатических отношений между СССР и США, проявившиеся после начала прямого диалога между Хрущевым и Эйзенхауэром осенью 1959 г.

В ходе переговоров были благоприятные и критические моменты, особенно в 1960 г. под влиянием срыва встречи в верхах в Париже. Переговоры были возобновлены после избрания Кеннеди и второго Берлинского кризиса, который был тесно связан с ядерной проблематикой. За периодом затишья в 1959–1960 гг. последовало двухлетие, когда было проведено наибольшее число испытаний: только в 1962 г. американцы взорвали 86 боезарядов различной мощности, а Советы в 1961 г. взорвали 50 боезарядов и 40 — в 1962 г. В 1960 г. в «атомный клуб» вступила Франция.

За Берлинским кризисом последовал Кубинский кризис в октябре–ноябре 1962 г. При возобновлении сдержанного диалога после завершения Кубинского кризиса вновь был поднят вопрос,

который всегда оставался в повестке дня, несмотря на кризисы и конфликты между сверхдержавами: предпринять, наконец, конкретные шаги в области, столь популярной в общественном мнении. 5 августа 1963 г. после коротких переговоров Соединенные Штаты, Советский Союз и Великобритания (не было ни Франции, которая отказалась присоединиться, ни Китая) подписали бессрочный Договор о запрещении ядерных испытаний, в котором они брали на себя обязательства прекратить ядерные испытания в атмосфере, в космосе и под водой. Это был первый шаг к серии договоров, которые содействовали ограничению опасности использования ядерной энергии в военных целях.

11.1.4. *БЕРЛИНСКИЙ КРИЗИС 1958–1961 гг.
И «ФЕНОМЕН КЕННЕДИ»*

В последние годы президентства Эйзенхауэра, с 1957 по 1961 г., американцы считали, что их позиции в мире значительно ослабли. Во внутреннем плане администрация столкнулась с мощным движением черного населения, которое под руководством таких деятелей как Мартин Лютер Кинг, а также под влиянием политиков, не склонных к диалогу и интеграции в систему, в которой доминировали белые, вело борьбу за «гражданские права» и выступало против расовой дискриминации в южных штатах страны. Эйзенхауэр видел в движении протеста, прежде всего, массовые волнения в крупных городах, которые жестоко подавлялись. Только при Кеннеди и, в большей степени, при Линдоне Джонсоне (1963–1968 гг.) было принято законодательство против сегрегации черных граждан, которое заложило юридические основы (и меньше затронуло экономические и нравственные аспекты) для прекращения дискриминации. Напряжение несколько спало, но никогда не прекращалось вовсе. В отношении черных американская концепция «плавильного котла» для всех рас подвергалась ежедневным испытаниям.

Внутренний кризис был отягощен также настроениями пессимизма и неуверенности, вызванными у американцев политикой равновесия страха. Царившие в послевоенное время и в первой половине пятидесятих годов настроения уверенности, порожденные мужеством и храбростью победителей, были приглушены чувством страха. Появились сомнения в том, что Соединенные Штаты являются самой могущественной и самой цивилизованной страной в мире. Глобальный характер международной политики и распад колониальной системы европейских держав приветствовались как новые возможности для Соединенных Штатов. Но эти огромные возможности таили в себе и скрытые угрозы.

Антиколониализм стран, недавно получивших независимость, стихийно трансформировался в антизападные настроения и в вызов Соединенным Штатам как соперничающей сверхдержаве, что само по себе не было негативным фактором. Более серьезным обстоятельством стало географическое расширение с крахом колониализма зон, чуждых рыночной системе экономики. Сначала Советы и страны, находившиеся под их влиянием, затем Китай и Индия вышли из экономической системы, в которой доминировали США. Расширение этой зоны вызывало опасения, что в борьбе между двумя лагерями не удастся добиться поражения Советов, по крайней мере, в Восточной Европе, как полагал Даллес; более того, одержит верх плановая экономика, и усилится влияние СССР.

Напротив, стала очевидной слабость, даже физическая, американских лидеров. В сентябре 1955 г. у Эйзенхауэра был первый из серии последовавших сердечный приступ, но он смог выполнять полностью свои президентские обязанности и сохранять отличавшую его военную выправку (он умер в 1969 г., когда ему было 79 лет), хотя ощущение слабости сохранялось. Джон Фостер Даллес заболел в 1958 г. раком и умер в следующем году. В сравнении с бьющей через край жизненной энергией Хрущева оба главных представителя американской внешней политики производили впечатление изношенности и усталости, что накладывалось на восприятие их политической деятельности. Излишне говорить, что это представление не соответствовало действительности, но необходимо уточнить, что в действительности, не будучи связанными узлами личной дружбы, Эйзенхауэр и Даллес испытывали глубокое уважение и доверие друг другу. Их сотрудничество было стержнем американской внешней политики. Но их болезненный вид имел отрицательное политическое воздействие. Создавалось впечатление уходящей эпохи, чувствовалась необходимость и рождалась надежда на глубокое обновление политической стратегии, которая могла бы ответить на вызов нового времени.

Победа Джона Кеннеди, который на выборах в ноябре 1960 г. одержал верх над своим соперником Ричардом Никсоном, бывшим вице-президентом Эйзенхауэра, была результатом стремлений к возврату утраченного влияния и к ожидаемым многими американцами переменам. Джон Кеннеди был первым американским президентом, родившимся в XX веке (точнее в 1917 г.). В момент избрания ему было 43 года — символ молодости. Он олицетворял собой роскошь, знания и аристократизм благодаря семье, окончанным учебным заведениям, написанным работам, большому политическому опыту; это был не аутсайдер, и именно

такого политика ждали американцы, чтобы начать новую эпоху. В инаугурационной речи он дал понять, что является президентом «новых рубежей», президентом, который поведет Соединенные Штаты к самым амбициозным заманчивым целям и который не намерен уклоняться от вызова, вновь брошенного Советами.

«С этого момента и с этого времени, — сказал он 21 января 1961 г., — пусть к друзьям и врагам придет весть, что эстафета передана новому поколению американцев, родившихся в этом веке, закаленных войной, воспитанных в условиях сурового и горького мира, гордых своим славным наследием прошлого». Он напомнил о «новом начале»: «Вспомним все, что цивилизованное поведение не означает слабости, а искренность всегда подлежит проверке. Мы никогда не ведем переговоры из страха, тем более не боимся вести переговоры». Задача была трудной: «Нельзя все сделать ни за сто дней, ни за тысячу дней, ни за весь срок наших полномочий и даже за всю нашу жизнь на этой планете. Но мы начинаем». Борьба будет трудной и долгой: «Поэтому, граждане Америки, не спрашивайте, что может сделать для вас ваша страна, спросите себя, что можете сделать вы для вашей страны. Сограждане мира, не спрашивайте, что может сделать для вас Америка, а что мы вместе можем сделать для свободы человека».

Инаугурационные речи президентов являются «литературным жанром», у которого существуют свои правила. Но Кеннеди наполнил эти правила новым смыслом — необходимостью поворота, который он намерен был придать стране своей деятельностью. Годы страха и пессимизма в Соединенных Штатах сменились временем, когда президенты-демократы с присущим им рвением выполняли добровольно взятые на себя обязательства, движимые желанием оставить глубокий след в жизни человечества. За время его короткой деятельности на посту президента (Кеннеди был убит 22 ноября 1963 г.) проявлений этой новой воли было достаточно.

Хрущев должен был учитывать изменения, произошедшие в американском руководстве. На смену старому и больному, но опытному мужественному деятелю, знающему материальную и человеческую цену войне, пришел молодой и честолюбивый противник, решительно принявший вызов и уверенный в победе. Это способствовало выявлению скрытых противоречий динамичного советского лидера. Соединенные Штаты нашли в лице Кеннеди политика, способного совершить переход от старой к новой системе международных отношений: Советский Союз не был больше противником, «сдерживаемым» материальным барьером внутри своего собственного союза, он мог проявить себя в любой части мира. Чтобы противостоять противнику в новых условиях,

нужна была полная мобилизация всех американских сил и ресурсов. Несмотря на грубые ошибки и периоды колебаний и неуверенности, Кеннеди с 1961 по 1963 г. добился своей цели. Если на первом этапе сосуществования-соревнования преимущество было на стороне Советского Союза, то затем выявилась внутренняя ограниченность его системы и впервые обозначились пределы, за которые он не мог выйти.

Глубокие изменения в международных отношениях существенным образом трансформировали американский подход к мировой системе. Даже Даллес должен был пересмотреть свои теории в более прагматическом плане. Эти перемены показали иллюзорность военных концепций, на которых строились стратегические доктрины Соединенных Штатов. Гипотеза о возможности держать противника под контролем с помощью обычного и ядерного оружия оказалась нереалистичной. Уже в 1957 г. американцы должны были пересмотреть стратегию Атлантического пакта и привести ее в соответствие с менее апокалиптическими прогнозами.

Доктрина «массированного возмездия» постепенно заменилась доктриной «гибкого реагирования», т.е. дифференцированного ответа в зависимости от характера и масштабов грозящей опасности. Доверие американцев к «сдерживающей способности» (неудачный неологизм, который означал способность предупредить на основании расчетов возможный ответ и опасность внезапного нападения) было непосредственно связано с доктриной «гибкого реагирования», потому что никто не испытывал бы доверия к гарантиям безопасности, основанным на действительной угрозе превращения американской территории в мишень ядерного нападения. Перемены не могли быть быстрыми и легкими. Американская администрация поняла это уже на последнем этапе президентства Эйзенхауэра и решительно перешла к новой доктрине в годы правления Кеннеди, но НАТО официально приняла ее только в 1967 г.

Перед советскими руководителями изменения в международных отношениях создали те же проблемы в военной области, но совершенно иные — в плане дипломатических отношений. В международной жизни Советы действовали, руководствуясь больше партийными интересами, чем интересами государства как субъекта системы международных отношений. Они привыкли воспринимать отношения с внешним миром как отношения с ведущими политическими силами, которые готовы были считать КПСС и правительство Москвы неоспоримым руководителем, определяющим их решения, или как отношения с лагерем, чуждым и враждебным социализму. В советском лагере, переживавшем внутренние

трудности после окончания войны, до 1956 г. решалась проблема содержания так называемого пролетарского интернационализма, который мог бы стать основой для проведения политического курса, отличавшегося от указаний Москвы. Советская система основывалась на том, что существуют враги, над которыми надо одержать победу. Холодная война приобрела тотальный характер, не оставляя «серых зон». Нейтрализм и деколонизация, напротив, создавали бесчисленное множество «серых зон».

Сначала Советы, занятые борьбой за наследство Сталина, не проявили интереса к происходившим международным переменам. Но захватив власть, группа под руководством Хрущева, в которую входили маршал Николай Булганин, ставший после Маленкова председателем Совета министров, первый заместитель председателя Совета министров Анастас Микоян, министры иностранных дел Дмитрий Шепилов и Андрей Громыко (с 1957 г.), быстро поняла, какие новые возможности открывались в связи с изменениями в международных отношениях. Освободившись от необходимости совмещать международную деятельность с привлечением идеологических союзников, Хрущев, Булганин и их сторонники поняли, что настало время традиционной дипломатии, и оценили ее возможности: личные контакты, политические компромиссы, общие обязательства, обещания солидарных действий. Другими словами, не обремененные идеологией в отношениях с внешним миром, они впервые развернули дипломатическую деятельность, которая позволила превратить Советский Союз в субъект международной жизни, представленный во всех регионах мира.

Таким образом, и советские руководители приспосабливались к переменам, к политике сосуществования-соперничества, боролись за превосходство в ракетно-ядерной области, стремились экспортировать советскую модель в другие страны мира. Они пытались подорвать влияние рыночной экономики и доказывали, что в состоянии сменить в идеологическом и экономическом плане Соединенные Штаты и старые колониальные державы и при этом не вынашивали тайных замыслов неокapиталистического характера (т.е. не были намерены расширять свое влияние).

Подобное мировосприятие господствовало в годы руководства страной Хрущевым, оптимизм и энтузиазм которого столкнулись с реальными возможностями и ресурсами, но превалировала вера в победу, несмотря на несоответствие использовавшихся средств. Внешняя политика Хрущева была переплетением противоречий: он был готов бросить открытый вызов Соединенным Штатам и западным державам в ядерной области или в кризисных точках,

существовавших в мире, в то же время он был склонен принять или даже предложить диалог, так как видел возможность начать процесс реальной разрядки между сверхдержавами. Одновременно сосуществовали соперничество и диалог. Итак, во внешней политике Хрущева существовала кажущаяся антиномия, которую необходимо учитывать, чтобы понять резкие и неожиданные действия советского лидера и столь же внезапные отступления: диалог и столкновение, присутствовавшие одновременно, не следует объяснять только характером личности Хрущева, который, конечно, был импульсивным и необычным политиком, но он был также достаточно дальновидным деятелем, рассчитывавшим результаты предпринятых действий.

Кажущаяся противоречивость политической деятельности Хрущева объясняется положением внутри страны и ситуацией на международной арене, в контексте которых он строил свою внешнюю политику. Дипломатическая инициатива, предпринятая им в 1955 г. в отношении Египта и Югославии, ясно продемонстрировала, каких результатов можно добиться благодаря гибкой политике. Но Суэцкий кризис и десталинизация 1956 г. со всей очевидностью показали, что существовала связь между прочностью советского блока и свободой маневра в международных отношениях.

Политика десталинизации и модернизации новых советских руководителей привела к тому, что Советский Союз стал способен ответить на вызов Запада и даже превзошел Соединенные Штаты в области технологии, где всегда отмечалось американское преимущество, но это требовало мирного периода, свободы маневра и перспективы на достаточно длительное время. Было также необходимо некоторое ослабление напряженности как в отношениях с Соединенными Штатами и Западной Европой, так в отношениях внутри советского блока после потрясшего его в 1956 г. кризиса. Только однородный и умиротворенный блок мог соперничать с противниками, не опасаясь за собственную сплоченность. Другими словами, сосуществование-соперничество было возможно только при условии прочности советского блока. Напротив, любые внутриблоковые разногласия затрудняли Хрущеву задачу предстать за рубежом соперником, вызывающим доверие. Сплоченность означала разрядку, раскол означал дипломатические трения.

Но все же у Хрущева почти всегда существовала оппозиция, что приводило к острым кризисам, как, например, в 1957 г., когда Молотов был отстранен от власти. В периоды относительного внутреннего спокойствия Хрущев мог позволить себе продемонстрировать за пределами блока склонность к разрядке. В периоды

обостренной полемики политика разрядки уступала место напряженности и столкновениям. Прямой зависимости между двумя сторонами одной медали не было, но только так можно объяснить перепады в дипломатии Хрущева. Двудликая дипломатия могла продемонстрировать склонность к многообещающему диалогу и сразу же начать резкую и жаркую полемику.

В октябре 1957 г. польский министр иностранных дел Адам Рапацкий вновь выступил с планом создания безъядерной зоны в Германии, Польше и Чехословакии, который Советы немедленно поддержали и сделали своим. Параллельно, несмотря на чередование разных этапов, продолжались переговоры о возможности подписания соглашения о прекращении ядерных испытаний; в апреле 1959 г. вице-президент Никсон нанес демонстративный дружественный визит и посетил Московскую ярмарку; в мае в Женеве проходила встреча министров иностранных дел четырех великих держав. Некоторое время спустя Хрущева пригласили посетить Соединенные Штаты, и в сентябре 1959 г. он совершил десятидневную поездку по Америке, которая вызвала противоречивые отклики. Визит Хрущева в США завершился двухдневной встречей в Кэмп-Дэвиде, в Вирджинии, во время которой он договорился с Эйзенхауэром о проведении встречи в верхах, которая должна была состояться на следующий год в Париже.

После шумного фиаско несостоявшегося саммита в Париже в мае 1960 г., Хрущев встретился с Кеннеди в Вене в июне 1961 г. для свободного обмена мнениями. Встреча не имела практических результатов, но была полезна для обоих политиков, поскольку позволила Кеннеди лучше узнать динамичного Хрущева. Во время встречи из-за очевидной неопытности Кеннеди Хрущеву удалось добиться существенного поворота в вопросе о Берлине: советский лидер одержал верх над американским президентом и воспрепятствовал стремлениям к атомному вооружению Федеративной Республики Германии. Встреча отражала готовность рассмотреть возможность переговоров о разрядке напряженности на высшем уровне, а не только периодически обсуждать в различных комиссиях Организации Объединенных Наций оттенки изменений определенных позиций в проблеме разоружения.

К диаметрально противоположным результатам привело соперничество, порой весьма острое, в связи с утратой Западом влияния на Ближнем и Среднем Востоке, а также деколонизацией в Африке. Выявились открытое стремление вернуться к европейским проблемам, что создавало впечатление иллюзорности стабилизации, достигнутой в 1955 г., и вызывало опасения, что правительство Москвы намерено подготовиться к новой фазе

столкновений в сердце Европы. Возникло беспокойство из-за поддержки, оказанной Советами кубинским революционерам до победы Кастро в 1959 г., и в дальнейшем союза, заключенного в 1960 г. между Кастро и Советами, еще более опасного для американских интересов в связи с распространением влияния кастризма в обширных регионах Латинской Америки. Особую тревогу вызвали события осени 1962 г., когда Советы попытались установить на Карибском острове свои ракеты среднего радиуса действия, которые были бы нацелены на американскую территорию.

Эта двуликость может быть объяснена переходным этапом в системе международных отношений, который был отмечен выработкой правил мирного сосуществования в биполярной структуре, ставшей более сложной в связи с разнообразием ситуаций, складывавшихся внутри блоков.

С первых шагов разрядки сначала Маленков, а затем Хрущев столкнулись с оппозицией не только внутри страны, но и других стран советского блока. Среди них была Албания, которая занимала стратегически важное положение, но ее политическая изолированность привела к тому, что она не оказывала существенного влияния на выбор Советами курса в международных отношениях. Напротив, большое значение имела позиция Народного Китая, который после захвата власти коммунистическим правительством и после войны в Корее переживал один из наиболее трудных этапов. Он находился в состоянии противоборства с Соединенными Штатами, которые поддерживали националистическое правительство, укrywшееся на Тайване, и требовали от всех своих союзников рассматривать его как единственное законное китайское правительство, что ставило в затруднительное положение новые государства, выразившие намерение признать правительство Пекина.

В сердце Европы происходило то же, что и на Дальнем Востоке: признание существования Германской Демократической Республики, *само по себе* воспринималось как проявление враждебности к Федеративной Республикой Германии. Уже само это сходство было красноречивым, так как ассоциировалось по аналогии с первой фазой войны в Корее. Кроме того, правительство Пекина, действительно, должно было утвердить свой контроль над всей страной (включая Тибет) и показать, что оно в состоянии добиться прогресса в экономике — это было одним из выигрышных аргументов Мао.

Подобные задачи требовали экономических ресурсов и вооружений. Частично ресурсы можно было выжать из китайского народа, которого с помощью утопичных лозунгов побуждали включиться в качестве дешевой рабочей силы в проект модернизации

сельского хозяйства (значение и реальную эффективность которого никогда не разъясняли) и в создание автономной промышленной инфраструктуры. Китайцы рассчитывали получить экономическую и военную помощь из-за рубежа, чтобы противостоять давлению США и угрозе контрреволюции, исходившей с Тайваня. В таком контексте то, что националисты Чан Кайши удерживали под своим контролем два острова (Куэмой и Мацзу), расположенных вблизи континентального побережья, воспринималось в Пекине как демонстрация постоянной угрозы. С 1954 г. КНР регулярно обстреливала эти острова. Националисты также намеревались сохранить свой контроль над островами Дачен, которые находятся в 300 км от Тайваня, но в начале 1955 г. коммунисты предприняли штурм и заняли их. Присутствие националистов на острове Тайвань расценивалось в КНР как перманентная опасность, в связи с чем Мао Цзедун требовал от СССР полной солидарности.

Эта солидарность не была ни безусловной, ни достаточно надежной, чтобы удовлетворить ожидания китайцев. Примирение с Тито было для китайцев первым симптомом угрозы уклонизма в идеологической области. В дипломатической сфере тревожным симптомом для китайцев стала поездка Хрущева и Булганина в Индию в 1955 г., она отражала намерения Советов поддержать возможных противников Китая в Азии. Действительно, правительство Москвы не хотело иметь внутри собственного блока другую державу, которая могла сдерживать его в разных вопросах. После потрясений 1956 г. Китай и Советский Союз в октябре 1957 г. подписали секретное соглашение о кооперации в ядерной сфере, в соответствии с которым китайцы должны были получить помощь для создания своего атомного потенциала. Однако соглашение стало формальной паузой в эволюции обстановки, становившейся все менее дружественной. К тому же невыполнение соглашения еще больше усилило трения в отношениях между Китаем и Советским Союзом.

Летом 1958 г. в напряженных отношениях между странами наступил новый острый этап. В то время как китайские националисты численностью до 100 000 человек сконцентрировались на островах Куэмой и Мацзу, готовые, казалось, высадиться на континент, Хрущев заговорил о необходимости созыва встречи в верхах по проблемам Тихого океана. В ней должны были участвовать четыре великие державы и Индия (но не Китай, поскольку он не занимал место в Совете Безопасности). Формальный предлог (Индия тоже не была постоянным членом Совета Безопасности) приобрел значение антикитайской направленности.

Сразу после завершения заседания Военного комитета Коммунистической партии Китая, который обсудил и одобрил начало

нового решительного выступления против двух островов, Хрущев совершил неожиданный визит в Пекин 31 июля 1958 г. Этот визит обострил кризис, чему способствовало жесткое осуждение китайцами «югославского ревизионизма». Это определение едва прикрывало выступление против хрущевского «ревизионизма». Хрущев остался в Пекине до 5 августа, и в отличие от предыдущих действий он подтвердил свою готовность помочь Китаю в вопросе об островах, но рекомендовал, чтобы проблема Тайваня решалась мирным путем. Напряжение в отношениях между странами в тот момент не нашло прямого выражения.

Несколько дней спустя после отъезда Хрущева из Пекина, обстрелы островов Куэмой и Мацзу возобновились с новой интенсивностью. Концентрация войск националистов создавала для коммунистов удобный повод, но сам выбор момента говорил о том, в какой мере китайцы были готовы дистанцироваться от советской политики сосуществования, он также показывал Советам опасность слишком открытой поддержки политики Мао. Не углубляясь в анализ китайско-советского разрыва, мы можем лишь отметить, что осенью 1958 г. китайская внешняя политика была совершенно иной, чем политика Москвы. В сентябре месяце обстрелы островов Куэмой и Мацзу постепенно были прекращены, так как США не дали вовлечь себя в экстремистскую политику Чан Кайши и убеждали его отказаться от использования силы как средства для завоевания Китая. Хрущев, анализируя состояние советско-китайских отношений, понял, что его призывы к мирному решению вопроса о Тайване не были услышаны. Отношения с Китаем серьезно испортились, когда китайцы впервые выдвинули территориальные требования к Советскому Союзу.

Как писал Марк Трахтенберг, если Тайвань был причиной напряжения между Китаем и СССР, то Берлин стал причиной разногласий между СССР и Германской Демократической Республикой. Когда в сентябре 1959 г. во время встречи с Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде Хрущев отметил, что как неоправданно существование двух Германий, так же неоправданно существование двух Китаев, Эйзенхауэр пренебрег этим замечанием, хотя оно помогает понять, что эти два аспекта одной проблемы не могут быть изолированы друг от друга. Советскому Союзу предстояло разрешать два схожих конфликта, доставшиеся ему в наследство от наиболее напряженного этапа холодной войны, в то время, когда он был намерен начать диалог с Соединенными Штатами.

В Германии их союзники тоже подталкивали американцев к непримиримости (Аденауэр), а руководители ГДР (Ульбрихт) занимали жесткую позицию относительно попыток пересмотра

подходов и смягчения напряженности. После завершения процесса интеграции двух германских государств соответственно в Атлантический блок и в Варшавский договор, а также после поездки Аденауэра в Москву западные немцы подтвердили основополагающий характер доктрины Хальштейна в их отношениях с другими странами. Стремление выступать единственной Германией превалировало во внешней политике Федеративной Республики Германии, несмотря на некоторую осторожность Аденауэра и его сторонников, старавшихся несколько смягчить жесткость этого принципа.

Участие Западной Германии в учредительном договоре ЕЭС (март 1957 г.) усиливало подход в духе доктрины Хальштейна. Различные факторы питали идею единственной Германии. Несмотря на улучшение экономических условий, вследствие политики закручивания гаек, проводившейся Ульбрихтом в культурной и политической жизни Германской Демократической Республики, постоянно сохранялась довольно высокая эмиграция в Западную Германию. С 1949 по 1958 г. около 2 200 000 восточных немцев переехали в Западный Берлин и покинули ГДР. В последующие годы поток оставался неизменным, и в 1961 г. общее число эмигрировавших было немногим меньше трех миллионов. В этой ситуации правительство Ульбрихта предлагало, но безуспешно, перестроить отношения между двумя Германиями, объединившись в конфедерацию. Аденауэр в 1958 г. выступил с ответным предложением «решения по-австрийски»: провести свободные выборы в Восточной Германии, и только в ней, после чего Германская Демократическая Республика могла стать нейтральной, а Берлин (весь Берлин) стал бы столицей нового государства, которое позже могло быть признано Федеративной Республикой Германии как суверенное государство. За этим предложением скрывалось намерение Аденауэра превратить Восточную Германию в буферное государство между двумя блоками, что позволило бы ФРГ играть роль всеми признанной «единственной» Германии, а разделение страны стало бы постоянным.

В середине 1958 г. Хрущев понял, что изменение ситуации в Германии привело бы к ухудшению положения СССР в сердце Европы. Сама мысль, что подобное могло бы произойти, вызывала беспокойство как в Советском Союзе, так и в ГДР. Оба государства с тревогой наблюдали за развитием плана Франца-Йозефа Штрауса интегрировать Федеративную Республику Германии в оборонительную систему, обладающую ядерным оружием, который обсуждался в эти месяцы с Францией и Италией. Особенно был озабочен Ульбрихт, который, как стало известно благодаря

изучению советских и восточно-германских источников (недоступных до 1992 г.), оказывал давление на Хрущева и требовал, чтобы он занял решительную позицию в отношении грозящей опасности.

Две ситуации развивались параллельно, наметив возможную ось Пекин-Панков. Китайские коммунисты влияли на политику Хрущева в Тихом океане и требовали силовых решений; восточные немцы подталкивали Хрущева к подобным же действиям; со своей стороны, он должен был проводить такую политику, которая не подорвала бы перспективы диалога с Западом. Берлинский кризис 1958–1961 гг., свидетельствующий о продолжении холодной войны в Европе, имел глубокие и разнообразные причины. СССР был поставлен перед необходимостью выработать политическую линию, которая уравновесила бы тенденции к непримиримости, исходившие из регионов, наиболее остро ощущавших конфликт с Западом. Кроме того, перед Советами стояла задача не ослаблять усилий, направленных на разрядку международной напряженности, а Хрущев должен был стараться не раздражать оппозиционно настроенных членов Политбюро. В 1958 г. не все сознавали сложность положения СССР, и заслугой Эйзенхауэра и Даллеса было понимание того, что действия Хрущева были инспирированы, чтобы прояснить намерения американцев в отношении Германии, хотя, на первый взгляд, они отражали стремление вызвать новый серьезный кризис, как это было в 1948–1949 гг.

27 ноября 1958 г. советское правительство направило западным державам длинную ноту, в которой объявляло о своем намерении подписать как можно быстрее сепаратный мирный договор с Германской Демократической Республикой. Права западных держав на Западный Берлин сохранялись бы в течение шести месяцев со дня опубликования ноты, т.е. до 27 мая 1959 г., но восточную часть города советское правительство намеревалось передать правительству Ульбрихта, и ему как главе правительства, становившегося суверенным и полностью независимым, надлежало бы вести переговоры с западными державами об их правах в Западном Берлине и о путях коммуникаций, которые вели к бывшей германской столице. В итоге Восточная Германия получала возможность воспрепятствовать передвижениям по этим коммуникациям, а если в результате этого шага она подверглась бы нападению, то могла рассчитывать на поддержку Варшавского договора, либо западные державы вынуждены были бы признать ГДР, что привело бы к ослаблению позиций Аденауэра. Примечательно, что 21 декабря правительство Пекина выступило с одобрением советской ноты.

Нота не была подлинным ультиматумом, но указание срока, в течение которого заявленное намерение могло стать фактом, придавало ей характер ультиматума. Выбор несколько неопределенной формы был связан с желанием не разочаровать восточных немцев и китайцев, а также со стремлением дать понять адресатам, что Советы были намерены вести дело не к разрыву, а к диалогу. Диалог, но о чем? Очевидно, что цели, о которых заявили Советы, могли бы быть реализованы только слишком высокой ценой — ценой прямого столкновения с Западом. Поэтому следует предположить, что подлинная цель этой акции была иной. В широком смысле сама политическая ситуация вынуждала Хрущева выступить с какой-либо инициативой. Если подходить более конкретно, то советская акция должна была показать решимость Советов не оставлять Восточную Германию даже ценой отказа от воссоединения на неопределенный срок и убедить тем самым Ульбрихта в эффективности советской поддержки. Вместе с тем она должна была повлиять на Аденауэра и заставить его отказаться от надежды на автономное ядерное вооружение Федеративной Республики Германии (а не только размещавшихся там американских вооруженных сил). Подлинное стремление Советов к объединению Германии вызывает большие сомнения, точно также можно было бы сказать и о позиции Франции.

Эйзенхауэр должен был включиться в разрешение сложившейся ситуации в тот момент, когда Даллес из-за болезни вынужден был покинуть политическую сцену, не подавая в отставку. Обязанности государственного секретаря сначала фактически, а затем и официально были возложены на Кристиана Гертера. Эйзенхауэр справился с кризисной ситуацией умело и с чувством меры. Он сразу понял, что Хрущев блефовал, поэтому проводил американскую линию гибко и осторожно, даже когда усиление советского контроля западных коммуникаций с Берлином заставляло бояться худшего. В конце концов, несколько недель спустя Хрущев дал понять, каковы его подлинные намерения, пригласив Эйзенхауэра в Москву, где обещал принять его «с сердечным гостеприимством». В свою очередь, американский президент выразил понимание мотивов восточно-германских, а, следовательно, и советских действий.

Несколько месяцев спустя, в разгар споров в связи с установкой ракет промежуточного радиуса действия в союзных с США странах, Эйзенхауэр понимал недовольство СССР, представляя, как должны были бы реагировать Соединенные Штаты, если бы Мексика или Куба стали коммунистическими и установили бы на своей территории советские ракеты. Поэтому на протяжении

всего кризиса он отвергал советские претензии как незаконные, но не оказывал давления, дабы не спровоцировать столкновения, а приветствовал шаги, направленные на разрядку напряженности, выступал за продолжение переговоров о прекращении ядерных испытаний.

Эйзенхауэр поддержал предложение премьер-министра Великобритании Макмиллана, сделанное им во время визита в Москву, созвать встречу министров иностранных дел в Женеве. Однако встреча, состоявшаяся 11 мая 1959 г., оказалась безрезультатной, ее участники фактически проигнорировали советский ультиматум. Вопрос остался открытым; пропало ощущение необходимости срочного решения, которое производил сам тон ноябрьской ноты 1958 г. Приглашение Хрущева в Соединенные Штаты в сентябре и встреча в Кэмп-Дэвиде привели к безрезультатным поискам компромисса. Но они свидетельствовали о том, что первый секретарь ЦК КПСС не был склонен к экстремистским решениям, несмотря на давление со стороны восточных немцев (которое, впрочем, корреспондировалось с жесткостью Аденауэра, непреклонно отстаивавшего принцип свободных выборов как предпосылку любого диалога).

За диалог нужно было платить. Вести переговоры с Хрущевым означало оказывать на него давление стратегией «массированного возмездия», но вместе с тем избегать запугивания СССР проектом предоставления Германии ядерного оружия. С этой точки зрения, акция Хрущева достигла желаемого результата. Проект был снят с повестки дня, что не устранило полностью опасений Советов; в дальнейшем проблема предоставления Германии ядерного оружия всегда рассматривалась как многосторонняя. Как отмечал Марк Трахтенберг, это оказало «глубоко разрушающее действие на Атлантический пакт». В самом деле, в те годы, когда проблема ядерных вооружений была одной из главных в международных отношениях, подход к ней Эйзенхауэра (а затем и Кеннеди) убедил союзников в решимости американцев защитить их в случае советского нападения. Но постепенно закрадывались сомнения, им казалось, что крепнет ядерная мощь Советского Союза, а Соединенные Штаты ему уступают, выдвинув концепцию «гибкого реагирования»: щит казался недостаточно надежным, чтобы вызывать доверие и порождать уверенность. Поэтому вскоре Хрущев мог убедиться в своем успехе.

Между тем решения относительно Берлина не были приняты. Вопрос должен был обсуждаться на встрече в верхах в Париже в середине мая 1960 г. Но встреча не состоялась, Хрущев и на этот раз избежал обсуждения берлинского досье. Причины несостояв-

шейся встречи были связаны с более общими проблемами, лежавшими в основе инициатив сверхдержав.

В 1955–1956 гг., чтобы наблюдать за развитием советских ракетно-ядерных вооружений, американцы создали около тридцати сверхзвуковых самолетов, названных У-2, способных совершать продолжительные полеты на высоте, недостижимой (как предполагалось) для советских противовоздушных средств. Это был способ получения информации, типичный для времен холодной войны, который представлял намерения американцев в неблагоприятном виде. Впрочем, они должны были реагировать на отказ СССР от контроля над атомными испытаниями, и пока подобное соглашение не было достигнуто, секретные полеты были альтернативой шпионской информации. Даже де Голль, не питавший симпатии к Соединенным Штатам, отмечал, что полеты У-2 были так же незаконны, как полеты в космосе советских спутников, которые, возможно, были оснащены фотоаппаратурой. Больше, чем сам факт полетов У-2 (о которых Советский Союз знал и сначала не протестовал против них), поразило то, как они были раскрыты, что поставило в затруднительное положение американцев, которые неожиданно оказали большую услугу Хрущеву.

1 мая 1960 г. самолет У-2 вылетел с базы, расположенной в Пакистане, чтобы пересечь всю территорию СССР и приземлиться в Норвегии. Он был сбит советской ракетой. Пилот Гарри Пауэрс сумел спастись, а большая часть разбитого самолета попала в руки советских специалистов. Когда 5 мая Хрущев заявил об инциденте, американцы попытались опровергнуть его утверждения, но попали в еще более затруднительное положение, когда Советы показали фотографию пилота и обломки самолета, которые за это время были доставлены в Москву. Не могло быть большего унижения. Советский Союз заявил, что считает полет У-2 военной акцией. Тем не менее он не отменил встречу в верхах в Париже. Эйзенхауэр прибыл в столицу Франции 14 мая, а на следующий день ему была передана нота, врученная де Голлю непосредственно Хрущевым, в которой проведение встречи в верхах было обусловлено требованиями к президенту США: осудить шпионскую акцию, отказаться от подобных акций в будущем и наказать лиц, ответственных за полет. Было ясно, что Хрущев постарается извлечь наибольшую выгоду из сложившейся ситуации. Однако он не смог осуществить свои намерения, так как Эйзенхауэр отказался пойти на какие-либо уступки. Более того, временный разрыв был для него полезным.

Кажущееся противоречие объясняется событиями, предшествовавшими поездке в Париж. Противники советского премьера

и диалога с Соединенными Штатами (Суслов, Громыко, представители КГБ, высшее командование армии, которым удалось сместить Жукова, сторонника Хрущева, с поста министра обороны) оценили отрицательно предполагавшуюся поездку Эйзенхауэра в Москву и готовились к тому, чтобы оставить первого секретаря в меньшинстве. Как подтвердил Михаил Наринский, Хрущев во время заседания Президиума ЦК КПСС, проходившего 7 апреля 1960 года, понял масштабы разногласий и был вынужден найти какой-либо предлог, чтобы сорвать встречу в верхах. Инцидент с У-2 вывел его из состояния растерянности, хотя он и должен был спросить себя, почему советские ракеты-перехватчики не сумели этого сделать в предыдущие месяцы.

Советский лидер прибыл в Париж 16 мая, как будто бы он считал, что встреча в верхах возможна. Отношение Эйзенхауэра, которого поддержали французы и англичане, дало возможность первому секретарю громко заявить о своей позиции. Затем он уехал в Берлин. Как отмечал Улам, «мир замер, дрожа от страха», потому что не могло быть момента лучше, чтобы подписать мирный договор с Восточной Германией и вновь создать кризисную ситуацию. Но этого не случилось. Наоборот, Хрущев не аннулировал полностью приглашение Эйзенхауэра посетить Советский Союз, хотя повторил свое предложение провести встречу в верхах при более благоприятных обстоятельствах.

В этой позиции было два аспекта: внешний, «театральный», и основной, «сторонника жесткой политической линии». «Театральность» предназначалась внутренним оппонентам. Жесткость была составной частью внешнеполитической стратегии Хрущева: упорное соперничество, острота проблем, по которым между СССР и США возникали глубокие противоречия, но вместе с тем поиск точек совпадения позиций. Учитывая ядерное отставание Советского Союза, Хрущев пытался удержать ситуацию под контролем: как в Европе в случае ядерного вооружения Западной Германии или нейтрализации Восточной Германии по предложению Аденауэра либо их объединения, так и в Азии, где Хрущев не хотел превращения Китая в ядерную державу. Этот сложный для советского лидера момент совпал с кульминационной фазой предвыборной президентской кампании в США, что позволило ему начать осторожный поиск возможностей для маневра.

Пауза 1960 года в Берлинском кризисе, тем не менее, не означала, что проблема Берлина была забыта, потому что для Восточной Германии эта проблема всегда оставалась открытой. Постоянный поток эмигрантов, который и после 1958 г. устремлялся в Западную Германию, стал наиболее выразительным показателем

нестабильности, что наносило тяжелый урон престижу режима Ульбрихта. Решения, принятые коммунистическим правительством в 1959 г. по вопросу о розничной торговле и занятиях ремеслом, сократили в дальнейшем возможности для частной экономической деятельности. Еще более жестким было решение о завершении в 1960 г. «коллективизации» в сельском хозяйстве. В 1960 г. беженцев было 200 000, и почти все они прошли через Берлин, а за восемь месяцев 1961 г. их число превысило за 275 000 человек.

Еще до того, как Кеннеди официально занял пост президента Соединенных Штатов, Хрущев 6 января 1961 г. неожиданно возобновил кампанию за подписание мирного договора с Восточной Германией. По-видимому, он надеялся воспользоваться трудностями периода перехода от прежнего президента Эйзенхауэра, которого отличал спокойный стиль в решении кризисных моментов, к новому руководству, доверенному молодому государственному деятелю, не имевшему опыта внешнеполитической деятельности.

В феврале Кеннеди решил выступить с инициативой и предложил провести встречу в верхах двух лидеров. Хрущев ответил ему после провала попытки антикастровского вторжения в заливе Кочинос на Кубе, предложив встретиться в июне в Вене. Кеннеди согласился, хотя обстановка для встречи в психологическом плане была не очень благоприятной. Встреча не дала серьезных результатов и завершилась взаимным непониманием. Кеннеди предложил конкретное обсуждение проблем, а Хрущев вновь проявил свой бурный темперамент и повторил свои требования относительно Берлина.

Кеннеди действовал спокойно и сдержанно, Хрущев расценил подобное поведение как проявление слабости и неуверенности. Он вновь стал вести переговоры в свойственном ему агрессивном стиле и впервые на встрече в верхах поставил вопрос о реформе генерального секретариата Организации Объединенных Наций, потребовав, чтобы его представлял не один человек, а трое (один — от западных стран, один — от Советского Союза и один — от нейтральных стран). Между двумя государственными деятелями не произошло дружеского сближения, как в Кэмп-Дэвиде между Хрущевым и Эйзенхауэром. Впрочем, Кеннеди не был молодым неопытным политиком, как полагал Хрущев, он быстро осваивал ремесло президента и стал более хладнокровным и осторожным, чем в первые месяцы своего пребывания у власти. Пока же он увидел, что Хрущев намерен действовать агрессивно, и приготовился к энергичному отпору.

Кеннеди изложил принятые им решения в своем выступлении 25 июля 1961 г., которое было ответом на угрозы Хрущева. Он заявил, что его правительство разработало ряд мер по наращиванию как обычных, так и ядерных вооружений. Он дал понять, что Соединенные Штаты отказываются от спокойного политического стиля Эйзенхауэра и что теперь, даже формально, не позволят считать себя державой, находящейся в состоянии упадка, почти смирившейся с советским превосходством. Соединенные Штаты никогда первыми не нанесут ядерный удар (этого они твердо придерживались), но Советы должны знать, что ядерное преобладание Соединенных Штатов позволяет им противостоять советским угрозам. Таким образом, Кеннеди положил начало формированию динамичного имиджа страны и тем самым к концу 1962 г. вернул американцам веру в самих себя, которую подорвала паника, охватившая их после 1957 г. Теперь Хрущеву предстояло искать выход.

3 августа 1961 г. состоялось совещание руководителей стран Варшавского договора, во время которого Ульбрихт вновь изложил свои требования полного признания ГДР и немедленного подписания мирного договора, который придаст бы Восточной Германии узаконенный международный статус; в противном случае, заявил он, будут предприняты военные меры в отношении Берлина. Во время обсуждения шел поиск компромисса, и в этой ситуации строительство Берлинской стены, которое делало невозможным просачивание эмигрантов на Запад, представляется не как провокационная мера, а как компромисс между непримиримостью Ульбрихта и осторожностью Хрущева.

Теперь Хрущеву надлежало снизить полемический тон, что он и сделал в своей речи 7 августа 1961 г., когда заявил, что у советской стороны не было намерения нарушить законные интересы западных держав на коммуникациях к Западному Берлину и в самом городе. Он показал, что понимает причины, определявшие линию Кеннеди, и изменил тон в отношении Берлина и ядерных проблем. Больше не повторялись антиамериканские инсценировки в стиле, который был продемонстрирован в декабре 1960 г. в Нью-Йорке, когда Хрущев афишировал свое намерение вызвать недовольство противников, встречаясь с Фиделем Кастро, открытым врагом американцев, либо привлекая к себе внимание сценами, которые потом стали широко известны благодаря международным репортажам, как это было во время заседания Генеральной Ассамблеи ООН, когда в ответ на критику Советского Союза он снял с ноги ботинок и стал непрерывно стучать им по скамье.

Что касается Берлина, то с точки зрения отношений между сверхдержавами вопрос остался неурегулированным, его решение было отложено на неопределенно долгий срок. Статус самого города и его положение на территории Германской Демократической Республики определялись директивами Варшавского договора. Два дня спустя после другого выступления Хрущева, в котором он допускал, что ядерное превосходство США вынуждало Советский Союз «терпеть атомный шантаж», 13 августа 1961 г. власти Восточного Берлина начали строить барьеры из колючей проволоки, которые быстро превратились в высокую стену, разделившую город, а также и Германию, на две части. Эти меры должны были воспрепятствовать нарушению запрета на транзит и любой попытке тайного перехода границы, они свидетельствовали о решимости правительства Ульбрихта положить конец уходу беженцев.

Стена стала символом позора и слабости. С точки зрения международной политики она расценивалась очень негативно. Своим видом она как бы утверждала, что берлинская ситуация не может быть изменена, что нельзя касаться западной части города, не идя на слишком большой риск, что Восточная Германия должна быть заперта внутри собственной границы, если хочет положить конец ситуации нестабильности и неуверенности, которая сложилась вследствие полемики, открытой в 1958 г. Это означало, что Кеннеди так же, как раньше Даллес, принял ситуацию, сложившуюся в Центральной Европе. Более того, это означало, что Хрущев должен был посоветовать Ульбрихту в решении проблем, касавшихся стабильности его режима, полагаться на собственные силы, а не надеяться на возможность скорого изменения германской ситуации.

Проблема Берлина сохранялась как замороженный дипломатический вопрос, и стена превращалась в символ невозможности для Хрущева дать Ульбрихту то, что тот просил. Существование-соперничество неизбежно включало правило, что территориальные изменения в Германии недопустимы. Можно согласиться с замечанием Трахтенберга, что события 1958–1962 гг. превратили раскол Германии в «жизненную реальность».

Если после 1957 г. казалось возможным, что Западная Германия получит в какой-либо форме и под определенным контролем ядерное оружие, то в начале шестидесятых годов стало ясно, что этого не будет. Оборона Центральной Европы была доверена Соединенным Штатам на стабильной основе, предусматривавшей их пребывание в Европе неопределенно долгое время. Альтернатива, т.е. появление Германии, располагавшей ядерным оружием, изменила бы границы зон влияния двух сверхдержав слишком угрожающим образом, чтобы обе стороны могли с этим согласиться.

Итак, кризис 1958-1961 гг. лишь подтвердил стабильность ситуации, сложившейся к 1955 г. в Европе. Он показал, что усилия Хрущева решить в Европе проблемы, которые не были европейскими, поскольку касались отношений Советского Союза с Китаем или новых сфер соперничества с Соединенными Штатами, требовали пробы сил в других регионах, например на Кубе.

11.2. Вступление Латинской Америки в мировую политику

11.2.1. ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Латинская Америка завоевала свою независимость с помощью британского флота и сохраняла ее благодаря английскому влиянию, уравновешенному формулой, содержащейся в доктрине Монро 1823 г., которая робко, но небезрезультатно настаивала на том, чтобы европейцы не превращали территории Западного полушария в объект своих завоеваний. Именно таким образом большая часть стран Латинской Америки сохранила свою независимость и воспользовалась в первой половине XIX в. плодами британского неокOLONIALИЗМА. Поскольку Соединенные Штаты все еще были заняты формированием собственного национального единства, то возможность осуществлять значительные инвестиции в богатые малонаселенные земли с почти всегда благоприятным климатом и уже сложившейся за века испанского колониального господства традицией отношений с европейцами предоставлялась британцам, обладавшим бесспорным превосходством на море.

После войны 1846-1848 гг. стало ощущаться давление Соединенных Штатов на Мексику. Однако только после испано-американской войны 1898 г. Соединенные Штаты стали державой-гегемоном в Карибском бассейне и начали проводить действительно панамериканскую политику. После нескольких лет дискуссии на рубеже веков о выборе между колониальным экспансионизмом традиционного типа и инвестициями в сочетании с политикой гегемонии возобладали антиколониалистская направленность. Панамериканские конференции, первая из которых состоялась в 1889 г., стали первой формой проявления превосходства Соединенных Штатов. Второй, и более эффективной, формой стало «дополнение», сделанное Теодором Рузвельтом в декабре 1904 г. к доктрине Монро. Обеспокоенный попытками немецкой экспансии и желая также ограничить британское присутствие, президент уточнил, что действия, предпринимаемые латиноамери-

канскими правительствами с целью противостоять попыткам капиталистического проникновения, могли бы спровоцировать репрессии со стороны стран, заинтересованных в защите своих инвестиций. Поскольку доктрина Монро эффективно предотвращала прямое вмешательство европейских держав, то теперь следовало добавить, что Соединенные Штаты, хотя они этого и не желают, могут прибегнуть к военному вмешательству для защиты интересов инвесторов «в явных случаях нарушения закона или беспомощности» (латиноамериканских правительств). Иными словами, Латинская Америка объявлялась сферой влияния Соединенных Штатов, взявших на себя роль «международной полицейской силы». Сам способ, каким Теодор Рузвельт действовал в 1903 г. для того, чтобы сделать возможным начало работ по строительству Панамского канала, преодолевая сопротивление колумбийского правительства и способствуя созданию независимой Панамской республики, стал ярким подтверждением того, что Рузвельт намеревался сформулировать свое «дополнение» еще до того, как публично изложил его.

Участие в Первой мировой войне, несмотря на неудачу реформистских проектов Вильсона, означало появление Соединенных Штатов на международной сцене в качестве основы нового мирового порядка. Несмотря на возросший военный потенциал, немедленного усиления господства над Латинской Америкой не произошло. Многие деятели этих стран с удовлетворением наблюдали за провалом Вильсона и несостоявшимся участием США в Лиге наций, в которую латиноамериканские страны, напротив, вступили отчасти для того, чтобы сбалансировать преобладание Соединенных Штатов в панамериканских механизмах. Первое послевоенное десятилетие характеризовалось, следовательно, постоянными противоречиями между экспансией американского присутствия, в ряде случаев даже военного, и сопротивлением региональных сил, часто поддерживаемых европейскими странами.

Избрание президентом Ф.Д. Рузвельта положило начало проведению новой политической линии, менее интервенционистской и более примирительной, которую Рузвельт определил как «политика доброго соседа» и которая была продемонстрирована Корделлом Хэллом на седьмой Панамериканской конференции, состоявшейся в Монтевидео в декабре 1933 г. Сразу же после конференции Рузвельт заявил об отказе от какой бы то ни было политики одностороннего вмешательства. В 1934 г. по инициативе самих Соединенных Штатов была отменена так называемая «поправка Платта», которая была насильно включена в кубинскую конституцию и гарантировала Соединенным Штатам право

на вмешательство во внутренние дела Кубы, устанавливая, таким образом, своего рода протекторат над островом. В 1936 г. был подписан новый договор с Панамой, снижавший уровень контроля, который осуществляли Соединенные Штаты за зоной канала. В 1938 г. вашингтонское правительство присоединилось к протоколу об отказе от прямого и косвенного вмешательства американских государств в жизнь других государств.

Однако изначальная двусмысленность этой политики, как и в целом всех отношений между Соединенными Штатами и латиноамериканскими странами, состояла в стремлении местных консервативных сил управлять по своему усмотрению богатыми, но отсталыми странами, перекалдывая на плечи крестьян и рабочих издержки начального этапа индустриализации. Американцы же, напротив, проводили свою политику, ставя перед собой цель достижения экономического роста, функционального по отношению к потребностям рынка и американских финансов; политику, всегда затрагивавшую глубоко укорененные интересы. Конфликт заключался в противоречиях между латифундистским капитализмом, союзником военных режимов и зачастую коррумпированных политиков, и предпринимательским капитализмом, подчиненным целям извлечения прибыли из инвестиций и готовым в поисках надежных союзников поддержать политические силы, в меньшей степени связанные с традиционными слоями общества. Эта ситуация совпала с трансформацией, последовавшей в Латинской Америке за периодом «великой депрессии», а также с началом политики индустриализации, изменившей внутреннюю социальную структуру отдельных государств и создавшей новые объективные возможности для союза с Соединенными Штатами, в том числе и с целью проведения некоторых социальных и экономических реформ. Рузвельт добавил к этой общей сложной картине отказ от наиболее явных проявлений американского превосходства, однако он не мог устранить расхождение интересов, представавшее в слишком разных обличьях для того, чтобы его можно было свести к единой формуле.

Укрепление панамериканской структуры смягчило стратегические разногласия только в международном плане, поскольку всему американскому сообществу отводилась задача защиты Западного полушария. Однако даже это, по крайней мере, вплоть до Второй мировой войны, не помешало Латинской Америке стать сферой проникновения европейской пропаганды и европейских коммерческих интересов. Так, несмотря на принцип невмешательства, содержащийся в доктрине «добраго соседа», оставалось пространство для укрепления традиционных позиций не

только британцев, но также немцев и итальянцев, которые стремились к экономическому участию в Латинской Америке. Немцы действовали в том числе и методами интенсивной пропагандистской политики нацистов, после проникновения на континент сразу же принявшей антиамериканскую направленность; итальянцы — при помощи фашистского прозелитизма, находившего в сплоченных рядах итальянской эмиграции в Аргентине и почти во всей Латинской Америке благодатную почву, хотя на первых порах и не всегда враждебную к Соединенным Штатам.

Опасности, связанные с этой ситуацией, и выгоды от политики «доброго соседа» стали очевидными во время Второй мировой войны. Соединенные Штаты должны были сделать все возможное для того, чтобы опереться на антифашистские элементы и, более того, противодействовать нацистскому проникновению. Пока Соединенные Штаты официально не вступили в войну, это было чрезвычайно трудно, поскольку не было законных оснований для антинемецкой деятельности, которую проводило Управление по координации межамериканских отношений (*Office of the Coordinator of Inter-American Affairs*), возглавлявшееся Дэвидом Рокфеллером. Оно было создано в 1940 г. с целью способствовать экономическому и гуманитарному сотрудничеству в Западном полушарии, но, прежде всего, с целью «внести вклад в дело союзников».

После Пёрл Харбора ситуация прояснилась. Положение улучшилось благодаря атмосфере доброй воли, которую сумела создать администрация Рузвельта, — в особенности деятельности Сэмнера Уэллеса. Сразу же после Пёрл Харбора правительство Соединенных Штатов сочло своевременным сосредоточить свои усилия на Латинской Америке, используя сущность и практику панамериканизма. С этой целью оно созвало консультативное совещание министров иностранных дел американских республик для обсуждения проблем сотрудничества в борьбе против сил «оси». Для вашингтонского правительства важно было создать сплоченный фронт стран, готовых вступить в войну, или, по меньшей мере, разорвать дипломатические отношения с противниками Соединенных Штатов. Отклик на это предложение был огромным, однако Аргентина, поддержанная Чили, отказалась принять какое-либо конкретное предложение. Аргентину и Соединенные Штаты разделяли давние противоречия. Среди латиноамериканских стран Аргентина была вплоть до 1945 г. наиболее восприимчива к нацистской и фашистской пропаганде и в наименьшей степени склонна действовать по подсказке вашингтонского правительства. Таким образом, принятие единогласного решения не состоялось.

Однако через несколько дней латиноамериканские страны разорвали дипломатические отношения со странами «оси» и с Японией. Исключения составили Чили (до января 1943 г.) и Аргентина (до 1944 г.), отложившие свое решение до завершающего этапа войны.

Эти два исключения были важны, однако они не уменьшали значения американского успеха. Противостояние, которое во время Первой мировой войны было столь сильным, в этом случае оказалось всего лишь маргинальным. Соединенные Штаты получили помощь в виде проявления сплоченности и солидарности, а взамен применили к Латинской Америке закон о ленд-лизе. В особенности это касалось Бразилии, которая участвовала в войне, используя свои войска (находившиеся в Италии), и Мексики, вовлеченной в воздушную войну на Тихом океане.

Аргентинская рана оставалась открытой вплоть до марта 1945 г., когда объявление войны стало необходимым условием для участия в конференции в Сан-Франциско по вопросу о создании ООН. В основе конфликта лежала оппозиция США политическому режиму, а затем военной диктатуре, находившимся у власти в Буэнос-Айресе. Деятельность американцев значительно затруднялась тем откровенным покровительством, которое оказывала Аргентине Великобритания, обнаружившая в этой части Западного полушария незанятое пространство для своего экономического присутствия в Латинской Америке. Сначала генерал Эделемиро Фаррелл, а затем полковник Хуан Доминго Перон, избранный президентом только в 1946 г., но уже в то время являвшийся центральной политической фигурой в Аргентине, создали в стране режим, получивший поддержку благодаря национализму, направленному против Соединенных Штатов, а во внутренней политике — благодаря патерналистской политике, защищавшей интересы нового рабочего класса посредством очень развитой социальной политики. Последняя базировалась, однако, на проекте экономического развития, искажавшем естественные перспективы (в основе которых лежали богатое сельское хозяйство и животноводство). Режим ориентировался на неконкурентоспособную индустриализацию, защищенную протекционизмом, что вскоре привело Аргентину к экономической стагнации и чуть ли не к экономической отсталости.

В период войны панамериканский консенсус (исключение составляла Аргентина) внес безоговорочный вклад в дело Соединенных Штатов. Вашингтонское правительство, со своей стороны, сделало все возможное, чтобы превратить исключительные обстоятельства, смягчавшие традиционное противостояние, в постоянную ситуацию. Все латиноамериканские страны, за исклю-

чением Аргентины, были приглашены к участию в деятельности союза Объединенных Наций: подготовительных работах по созданию ФАО (FAO — *Food and Agricultural Organization of the United Nations*); в Бреттон-Вудской системе, в создании Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития. Более сложной была проблема участия в подготовительной работе по созданию ООН, доверенной только представителям крупнейших держав, что вызвало разногласия, связанные с требованием предоставить определенное количество мест в Совете Безопасности странам Латинской Америки. Память о первостепенной роли, которую играла Лига наций, все еще оказывала свое влияние на подготовку послевоенного устройства.

Для преодоления этих разногласий и для обсуждения аргентинского вопроса Вашингтонское правительство согласилось на то, чтобы собрать в феврале—марте 1945 г. в Чапультепекском замке (Мехико) панамериканскую конференцию. Проблемы, стоявшие в центре дискуссии, касались роли Латинской Америки в новом мировом устройстве, будущей межамериканской системы и социально-экономических трудностей, связанных с переходом от войны к миру. Что касается первого вопроса, то Соединенные Штаты были ограничены соглашениями с Великобританией и Советским Союзом. Поэтому им пришлось ограничиться предложением, чтобы позиция латиноамериканских государств была свободно изложена на конференции в Сан-Франциско. Перестройка отношений между американскими государствами привела к более конкретным результатам. Латиноамериканские государства стремились к созданию континентальной оборонительной системы, которая автоматически связала бы обязательствами Соединенные Штаты, без необходимости голосования в Сенате. Результатом стал компромисс из трех пунктов, получивший название Чапультепекский акт (принят 8 марта 1945 г.), предусматривавший обязательства по совместной обороне на весь (теперь уже короткий) период войны; обязательство подписать договор, устанавливающий аналогичные гарантии на будущее; определение достигнутых договоренностей как «регионального соглашения, относящегося к вопросам мира и международной безопасности», которое должно применяться в Западном полушарии и должно соответствовать принципам создаваемой глобальной организации. В тот момент были заложены лишь основы политики, которую следовало, по мере возможности, сформировать. Что касается Аргентины, то было решено, что Чапультепекский акт будет открыт для присоединения к нему, но только 21 апреля, накануне начала

работы конференции в Сан-Франциско правительство Буэнос-Айреса преодолело свои колебания. Соединенные Штаты с трудом добились затем, чтобы оно участвовало в конференции, в рамках компромисса, позволившего Советам добиться отдельного представительства для Украины и Белоруссии.

11.2.2. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПАКТ РИО

Статьи 51–54 Устава ООН предусматривали возможность подписания региональных соглашений и возможность их вступления в силу в целях самообороны до того момента, пока Совет Безопасности не вмешается в конфликт и не примет меры, необходимые для поддержания мира и безопасности. Принцип самообороны, включенный в статью 51 Устава, составлял основное содержание Чапультепекского акта. Однако, латиноамериканские страны полагали, что наличие общей нормы не исключает необходимости подписать договор о межамериканской присутствия в Латинской Америке. Сначала генерал Эделемиро Фаррелл, а затем полковник Хуан Доминго Перон, избранный президентом только в 1946 г., но уже в то время являвшийся центральной политической фигурой в Аргентине, создали в стране режим, получивший поддержку благодаря национализму, направленному против Соединенных Штатов, а во внутренней политике — благодаря патерналистской политике, защищавшей интересы нового рабочего класса посредством очень развитой социальной политики. Последняя базировалась, однако, на проекте экономического развития, искажавшем естественные перспективы (в основе которых лежали богатое сельское хозяйство и животноводство). Режим ориентировался на неконкурентоспособную индустриализацию, защищенную протекционизмом, что вскоре привело Аргентину к экономической стагнации и чуть ли не к экономической отсталости.

В период войны панамериканский консенсус (исключение составляла Аргентина) внес безоговорочный вклад в дело Соединенных Штатов. Вашингтонское правительство со своей стороны сделало все возможное, чтобы превратить исключительные обстоятельства, смягчавшие традиционное противостояние, в постоянную ситуацию. Все латиноамериканские страны, за исключением Аргентины, были приглашены к участию в деятельности союза Объединенных Наций: в подготовительных работах по созданию ФАО (FAO — *Food and Agricultural Organization of the United Nations*); в Бреттон-Вудской системе, в создании Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития.

Более сложной была проблема участия в подготовительной работе по созданию ООН, доверенной только представителям крупнейших держав, что вызвало разногласия, связанные с требованием предоставить определенное количество мест в Совете Безопасности странам Латинской Америки. Память о первостепенной роли, которую играла Лига наций, все еще оказывала свое влияние на подготовку послевоенного устройства.

Для преодоления этих разногласий и для обсуждения аргентинского вопроса Вашингтонское правительство согласилось на то, чтобы собрать в феврале-марте 1945 г. в Чапультепекском замке (Мехико) панамериканскую конференцию. Проблемы, стоявшие в центре дискуссии, касались роли Латинской Америки в новом мировом устройстве, будущей межамериканской системы и социально-экономических трудностей, связанных с переходом от войны к миру. Что касается первого вопроса, то Соединенные Штаты были ограничены соглашениями с Великобританией и Советским Союзом. Поэтому им пришлось ограничиться предложением, чтобы позиция латиноамериканских государств была свободно изложена на конференции в Сан-Франциско. Перестройка отношений между американскими государствами привела к более конкретным результатам. Латиноамериканские государства стремились к созданию континентальной оборонительной системы, которая автоматически связала бы обязательствами Соединенные Штаты, без голосования в Сенате. Результатом стал компромисс из трех пунктов, получивший название Чапультепекский акт (принят 8 марта 1945 г.), предусматривавший обязательства по совместной обороне на весь (теперь уже короткий) период войны; обязательство подписать договор, устанавливающий аналогичные гарантии на будущее; определение достигнутых договоренностей как «регионального соглашения, относящегося к вопросам мира и международной безопасности», которое должно применяться в Западном полушарии и должно соответствовать принципам создаваемой глобальной организации. В тот момент были заложены лишь основы политики, которую следовало, по мере возможности, сформировать. Что касается Аргентины, то было решено, что Чапультепекский акт будет открыт для присоединения к нему, но только 21 апреля накануне начала работы конференции в Сан-Франциско правительство Буэнос-Айреса преодолело свои колебания. Соединенные Штаты затем с трудом добились того, чтобы оно участвовало в конференции: в рамках компромисса, позволившего Советам добиться отдельного представительства для Украины и Белоруссии.

11.2.2. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПАКТ РИО

Статьи 51-54 Устава ООН предусматривали возможность подписания региональных соглашений и возможность их вступления в силу в целях самообороны до того момента, пока Совет Безопасности не вмешается в конфликт и не примет меры, необходимые для поддержания мира и безопасности. Принцип самообороны, включенный в статью 51 Устава, составлял основное содержание Чапультепекского акта. Однако латиноамериканские страны полагали, что наличие общей нормы не исключает необходимости подписать договор о межамериканской безопасности, предусмотренный самим актом. Давление по этому вопросу на Соединенные Штаты продолжилось в преддверии конференции в Рио-де-Жанейро, запланированной на 20 октября 1945 г., в ходе которой должен был быть заключен официальный союз. Отказ Соединенных Штатов подписаться под гарантиями, распространявшимися также на Аргентину, обрек переговоры на неудачу. Вопрос был надолго отложен: конференция в Рио собралась только в августе 1947 г., а 2 сентября был подписан межамериканский договор о взаимной обороне. Все статьи договора идеально соответствовали Уставу ООН, а сам договор увенчал усилия Соединенных Штатов, направленные на юридическое закрепление латиноамериканскими странами позиции, в соответствии с которой любая внешняя агрессия и любой внутренний мятеж могли представлять угрозу для безопасности всего континента и делать легитимным вмешательство (ст. 3 договора). Статья 6, впрочем, добавляла: «Если неприкосновенность и целостность территории, суверенитет или политическая независимость какого-либо американского государства окажутся под угрозой в результате агрессии, представляющей собой вооруженное нападение, или же в результате конфликта за пределами континента, или вследствие какого-либо другого обстоятельства или ситуаций, способных угрожать миру в Америке, то Консультативный орган [то есть исполнительный орган межамериканской системы] соберется немедленно для того, чтобы определить меры, которые в случае агрессии должны быть предприняты для оказания помощи жертве агрессора или, в любом случае, те, что следует предпринять для совместной обороны и для поддержания мира и безопасности на континенте». Формулировка статьи была настолько гибкой, что оставляла широкое поле для интерпретаций того, что является агрессией, и, следовательно, требует вмешательства, — это соответствовало намерениям Вашингтона постоянно иметь в распоряжении гибкий инструмент для сдерживания внутренних противоречий на Американском континенте

и для осуществления посредничества, если таковое понадобится. Как и в случае с Атлантическим пактом, который для Пакта Рио послужил моделью, и даже с гораздо большей тщательностью Пакт Рио формулировал нормы, утверждавшие дипломатический контроль Соединенных Штатов над американским континентом. Он отражал специфику момента, когда полное исчезновение противников и ослабление Британии привели к отсутствию антагонистов и позволили включить в пакт и Аргентину с ее особой позицией, ставшей теперь более взвешенной.

Несколько месяцев спустя, в марте 1948 г., на конференции в Боготе (девятой Панамериканской конференции) была создана Организация Американских Государств (ОАГ). Учредительный договор утверждал постоянную организацию, замышлявшуюся, однако, как вспомогательная по отношению к ООН. Высшим органом ОАГ стала Межамериканская конференция, которая должна была созываться, в соответствии с установленной нормой, каждые пять лет, а в исключительных случаях — по требованию не менее двух третей членов. Прежний Панамериканский союз был преобразован в своего рода Совет и Генеральный секретариат с местопребыванием в Вашингтоне. Совет, имевший функции консультативного органа, состоял из одного представителя от каждой страны-члена и осуществлял свои функции в случае агрессии. По требованию одного из государств-членов могло быть созвано консультативное совещание министров иностранных дел. Учредительный договор определял также формы вмешательства в различные сферы межамериканского сотрудничества и устанавливал цели, принципы, права и обязанности, которые должны были соблюдать государства-члены. Цели и принципы объединяло общее стремление облегчить процедуру мирного разрешения конфликтов, усилить межамериканскую солидарность и повысить уровень социальной, экономической и культурной жизни на континенте.

Создание ОАГ и оформление межамериканской системы стали наивысшей точкой усилий по организации совместной политики, в значительной мере характеризовавшейся полным преобладанием Соединенных Штатов. В те годы холодная война лишь изредка затрагивала Западное полушарие. Соперничество с европейскими государствами почти не имело значения, а сотрудничество в военные годы, казалось, укрепило солидарные связи, существовавшие между странами, столь различающимися с этнической, экономической, социальной и политической точек зрения. Однако, после конструктивного этапа политики «добраго соседа» за этим внешним развитием сотрудничества начали образовываться трещи-

ны новых и более глубоких разногласий. Война ускорила социальные и экономические перемены в Латинской Америке, и финансовые обязательства Соединенных Штатов ставили теперь перед руководством каждой страны проблемы разного, и зачастую противоположного, плана. Разрывы не замедлили проявиться. На отношениях между Соединенными Штатами, ставшими уже ведущей державой системы внесоветского мира, и Латинской Америкой не могли не сказаться как смещение центра интересов самих Соединенных Штатов, так и растущее влияние американской сверхдержавы в мире. Это вновь и вновь выдвигало вопросы панамериканской лояльности, тесно связанные с проблемами экономических и политических отношений.

Отношения с Аргентиной были связаны не с проблемой коммунизма, а с продолжением соперничества, существовавшего до и после Второй мировой войны. Процесс трансформации, который переживала Аргентина, касался системы сельскохозяйственного экспорта, который доминировал вплоть до двадцатых годов, ослабления зависимости от внешнего мира и развития автономной, но пока еще слабой индустриальной системы. Рост промышленности и пролетариата вывел на сцену новые группы и новые потребности, тогда как традиционным силам не удалось адекватно отреагировать на изменения. Существующие институты утратили свою легитимность, а государственная структура проявила всю свою слабость, создав самый настоящий политический вакуум. В этот контекст событий включились (как отмечает Анджело Тренто) «народные массы, в значительной мере открытые для политики и поиска экономической и социальной интеграции». Движения, уловившие эти ожидания, заполнили лакуны, оставленные партиями, связанными с более традиционными социальными силами (консерваторами или прогрессистами). Такой была в общем виде социально-экономическая почва, на которой после войны удалось выйти на авансцену Хуану Доминго Перону как харизматической фигуре, доминирующей в аргентинской политической жизни. 24 февраля 1946 г., преодолев сопротивление традиционных партий и соперничество своих коллег в мире военных, Перон был избран президентом при активной поддержке части *descamisados* (пролетариев), одобрявших его «хустисиалистскую» программу, с ее обещаниями социальной справедливости.

Перон управлял Аргентиной почти десять лет, большую часть из которых он находился в состоянии непримиримых противоречий с Соединенными Штатами: «Глубоко демагогичному и патерналистскому популизму [Перона] были свойственны абстрактные

антиимпериалистические, антиолигархические и националистические заявления, авторитарная институциональная структура, этатистская и индустриалистская экономическая направленность, харизматическое руководство, поощрение бюрократического клиентелизма. Одновременно он дал ответ на ряд требований общества и воплотил их в жизнь, проводя обычно политику перераспределения доходов и ресурсов и способствуя формированию и распространению национальной идентификации, часто шовинистического характера» (Анджело Тренто).

Данные черты, которые порой заставляли причислять Перона к диктаторам фашистского типа, объясняют мотивы его внутренней политики. Своим прямым призывом, обращенным к политическому обществу, он добился высокой степени легитимации своей системы правления, хотя при этом и отменил и сделал излишними традиционные институты. Это был новый союз, оставивший вне своих рамок сельских батраков и уменьшивший роль латифундистов, которые, однако, примирились с режимом из-за сохранения своего социально-экономического господства на местах. Это был также заразительный пример для других латиноамериканских республик, поскольку он добавлял к персоналистскому характеру «каудильизма» реальность очень широкого социального консенсуса, хотя и искаженного национализмом или обещаниями, которые вели не к структурным реформам, а лишь к возникновению новой олигархии, связанной с изменившейся системой производства и ее потребностями.

В плане международных отношений политическая линия Перона представляла собой постоянный раздражитель, как колючая проволока в горле, но не реальную угрозу для Соединенных Штатов. Примеру Перона в Чили последовал генерал Карло Ибаньес, в Эквадоре — Хосе Мария Веласко Ибарра, в Колумбии — генерал Густаво Рохас Пинилья, в Боливии — Херман Буш. Предшественником Перона был Жетулиу Варгас, избранный президентом Бразилии по конституции 1934 г. и остававшийся у власти до 1945 г., а затем с 1951 по 1954 г. Варгас возглавил преобразование Бразилии из преимущественно аграрно-латифундистской в страну, где началась социальная трансформация, связанная с индустриализацией. Сначала Варгас имитировал институты фашизма, но в период войны проявил прозорливость и открыто выступил на стороне Соединенных Штатов, что позволило ему преодолеть послевоенный кризис и продолжить президентскую деятельность под знаком экономического национализма, популизма и патернализма, обращенного к широким слоям народа.

11.2.3. ПЕРВЫЕ ПРИЗНАКИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО
ВЛИЯНИЯ

Перон зачастую не боялся противопоставить себя Соединенным Штатам или Великобритании, обсуждая вопрос о принадлежности архипелага Фолклендских (Мальвинских) островов, являвшихся британской колонией, Аргентине. Но какой бы ни была международная политика названных выше стран, безграничный популизм или наличие авторитарных или умеренных правительств в других странах Латинской Америки никоим образом не создавали серьезных проблем для Соединенных Штатов. В международном плане, несмотря на некоторую усталость материала, прочность межамериканских связей оставалась незыблемой. Реформы, проведенные правительством Перона, также не представлялись опасными для интересов Соединенных Штатов. Действительно, они не являлись симптомами коммунистического влияния, а на том этапе в американской политике доминировало стремление «сдержать» советскую угрозу, где бы она ни появилась.

Уже в Боготе в 1948 г. Панамериканская конференция одобрила резолюцию, объявлявшую «политическую деятельность международного коммунизма» несовместимой с американской концепцией свободы. Эти же позиции воспроизводились в последующие годы без изменений, однако ощущение спокойствия было нарушено в начале 50-х годов. Антиамериканизм, то есть распристранное чувство враждебности к Соединенным Штатам, являлся константой жизни Западного полушария. Лишь в период проведения политики «добраго соседа» он был смягчен, однако в послевоенный период он снова возродился как массовый феномен. Аргентинский пример оказался заразительным. Он начал беспокоить американцев, поскольку они увидели в нем просоветские и прокоммунистические признаки. После избрания президентом Эйзенхауэр подверг критике своего предшественника за пренебрежение делами Латинской Америки и начал реализовывать в этом отношении более активную позицию. В июне 1953 г. он послал свое доверенное лицо, брата Мильтона Эйзенхауэра, способного политика, часто выступавшего в качестве советника президента по проблемам политико-культурной стратегии, с разведывательной миссией. По возвращении Мильтон изложил свои выводы в длинном докладе (ноябрь 1953 г.), в котором акцент делался, в первую очередь, на необходимости улучшить отношения с Латинской Америкой через политику экономического сотрудничества, которая способствовала бы преодолению разрыва в уровне благосостояния в разных странах, в особенности в Центральной

Америке. Такой разрыв следовало уменьшить для того, чтобы избежать больших опасностей, и принять для этого срочные меры с целью предотвращения коммунистического влияния. Впервые в данной связи упоминалось появление конкретной опасности.

Сигнал тревоги по этому поводу подавал также генерал Уолтер Б. Смит, доверенный сотрудник Эйзенхауэра еще со времен войны: коммунистические элементы тайно и незаметно проникли в Гватемалу, где они оказывали решающее влияние на демократическое правительство во главе с Хакобо Арбенсом. Этот тревожный диагноз возник из-за того, что Арбенс инициировал и реализовал политику аграрной реформы, направленной на то, чтобы вывести из-под контроля «Юнайтед фрут компани», американской транснациональной компании, земли, которые она использовала для производства бананов, с тем, чтобы распределить их между мелкими гватемальскими собственниками. Сам по себе этот эпизод имел ограниченное значение, однако следует учитывать, что с тех пор случай с «Юнайтед фрут» рассматривался как символ той роли, которую крупные транснациональные компании играли в эксплуатации слаборазвитых стран, извлекая прибыль в пользу крупных мировых финансовых кругов и игнорируя реальные интересы отдельных стран.

Действительно, проблема обсуждалась в государственном департаменте, где склонялись к благожелательной оценке реформистской политики Арбенса, и считалось, что коммунистической опасностью размахивали как «красным флагом» многочисленные друзья «Юнайтед фрут» среди советников Эйзенхауэра (братья Даллес, Генри Кэбот Лодж и даже Анн Уитмен, личный секретарь президента). Эйзенхауэр, по версии его последнего биографа, солидаризировался с противниками Арбенса отнюдь не для того, чтобы защитить интересы транснациональной компании, но потому, что он был убежден, что сам Арбенс был коммунистом или, по меньшей мере, находился под контролем коммунистов. Поэтому в конце 1953 — начале 1954 г. он дал указание американским спецслужбам (ЦРУ) подготовить необходимые планы для свержения правительства Арбенса и замены его другим, более приемлемым для Соединенных Штатов. В строжайшей тайне был определен преемник. Им стал полковник гватемальской армии Карлос Кастильо Армас, которому была оказана необходимая помощь для подготовки мощных повстанческих сил.

В апреле 1954 г. план был готов. 15 мая шведское торговое судно доставило в Гватемалу груз с оружием и легкой артиллерией чехословацкого производства. Несколько дней спустя Даллес созвал пресс-конференцию для того, чтобы осудить нарушение

«доктрины Монро». Нарушение действительно имело место и было преподнесено американцам на блюдечке с золотой каемочкой, дав им повод для вмешательства. На самом деле Арбенс доставал оружие не для собственной армии, на которую, как он знал, не мог положиться, а для создания народной милиции с тем, чтобы на нее можно было опереться именно в борьбе с армией.

План Соединенных Штатов вступил в действие. Большое количество оружия было послано в страны, граничащие с Гватемалой и управляемые фанатичными антикоммунистами; был отдан приказ о морской блокаде; было созвано совещание ОАГ, и ЦРУ отдало приказ о начале своих операций. В то время как Советы реагировали на ситуацию, готовясь послать помощь Арбенсу, а Вашингтон безуспешно просил у союзников предоставить ему право на проверку в нейтральных водах судов, направляющихся в Гватемалу, Кастильо Армас с горсткой людей 19 июня вторгся на гватемальскую территорию. В течение нескольких дней ситуация оставалась неопределенной, а затем американцы дали указание никарагуанскому диктатору Анастасио Сомосе бомбить столицу страны г. Гватемалу двумя самолетами. Напрасно Арбенс требовал вмешательства Совета Безопасности ООН, в котором США, хотя и находились в изоляции, имели право вето. Под воздействием бомбардировок Арбенс капитулировал, и Кастильо Армас, теперь уже открыто поддерживаемый армией, вошел со своими людьми в столицу Гватемалы.

В конце июня кризис завершился так, как того хотели в Вашингтоне. При незначительном риске американцы добились впечатляющего результата. Трудно сказать, был ли он также убедительным и полезным. Французы и англичане не скрывали своего отрицательного отношения, вызвав большое недовольство в Соединенных Штатах, где в те же самые месяцы обсуждались британско-французские колониальные проблемы и ратификация договора о создании ЕОС. В общественном мнении свободного мира этот эпизод оставил горький осадок. Несмотря на оправдания, было понятно, что страх перед коммунистическим влиянием заставил Соединенные Штаты еще раз, как во времена Теодора Рузвельта, использовать «большую дубинку», суковатую палку, которая должна была служить в качестве предупреждения всем, кто будет вынашивать планы, аналогичные планам Арбенса. Роль «Юнайтед фрут компани», получившей назад конфискованные у нее земли, впоследствии была преувеличена пропагандой, однако связь между защитой интересов транснациональной компании и борьбой против коммунизма стала восприниматься как отрицательная коннотация той битвы, которую американцы вели за свободу

и демократию в других местах. В других местах, а не в Западном полушарии? Кроме того, мнение, что применение репрессий могло остановить коммунистическое влияние, было совершенно ошибочным.

11.2.3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ АНТИАМЕРИКАНИЗМА И УСПЕХ КАСТРО НА КУБЕ

Опыт революции под руководством Кастро явился самым важным поворотным моментом в послевоенный период для отношений между Соединенными Штатами и Латинской Америкой как с точки зрения ее истоков, социального контекста, способа осуществления, так и последствий для Центральной и всей Латинской Америки, ее воздействия на отношения между блоками.

Остров Куба, который до войны 1898 г. являлся испанской колонией, имеет свою особенную социальную историю, ставшую предметом понятного интереса и дискуссий в историографии, в которой она четко отделяется от истории других латиноамериканских стран. Тип экономики, основанный на экспорте сельскохозяйственной продукции (который до «великой депрессии» был аналогичен экспортной модели других латиноамериканских стран), восходит к первым десятилетиям XIX века и оставался в целом неизменным, несмотря на внутренние метаморфозы, вплоть до кануна революции Кастро. Как подчеркивает Антонио Аннино, главным было противоречие между экономикой, основанной на монокультуре сахара, и постепенной утратой контроля со стороны правящей олигархии над производственными факторами и низшими социальными классами. Американское влияние, заменившее испанское колониальное господство, оказалось встроенным в уже существовавший ранее дисбаланс внутри колониальной системы и усугубило его. Неспособность умеренной кубинской олигархии сформировать руководство (*leadership*), способное стать альтернативой испанской власти, привело к тому, что к моменту краха колониализма американское вмешательство не могло опираться на присутствие сильного внутреннего партнера, который выступил бы посредником в реализации господства Соединенных Штатов.

В неоколониальном порядке, установившемся после проникновения американского капитала, олигархия и слабая кубинская буржуазия не смогли удержать контроль над возникшими антиколониальными силами. Одна из них — демократическо-националистическая, связанная с движением за независимость, протагонистом которой в конце XIX в. был Хосе Марти. Другая — пролетарская,

ставшая выражением интересов трудящихся, занятых в процессах выращивания сахарной свеклы, производства сахара и торговли им, а также интересов широких масс средних городских и сельских слоев, находившихся в состоянии упадка. Союз этих двух сил составил питательную среду для революционного движения. Роль Кастро состояла в объединении двух тенденций в одно движение с его ориентацией на революцию.

Существует множество интерпретаций образа Фиделя Кастро, сегодня изрядно пострадавшего из-за того, что ему приходилось приспосабливаться к резко менявшимся обстоятельствам. В центре этих интерпретаций — вопрос о характере его перехода от «прагматического» этапа к откровенно марксистскому этапу. Он родился в 1926 г. и с юных лет посвятил себя политике. Вскоре после начала адвокатской деятельности он возглавил попытку восстания — штурм 26 июля 1953 г. казарм Монкада. Это стоило ему ареста и судебного процесса, где он произнес речь в свою защиту, которую тогда восприняли как первый манифест его программы, поскольку в ней впервые был выражен отказ от понимания революции как постепенного перехода через межклассовый опыт, а также дано четкое определение концепции «народа» как совокупности сельскохозяйственных и промышленных рабочих, мелких торговцев, интеллектуалов и специалистов, лишенных надежной перспективы работы, безработных. Оставшись неизменным до сих пор, это определение предоставляет, по словам Антонио Аннино, «основные данные, благодаря которым можно установить преемственность между восстанием против Батисты (Фульхенсио Батиста был кубинским диктатором), борьбой за национальное освобождение и социализмом». Это, конечно, не означает, что начиная с 1953 г. Кастро «намеревался осуществить социалистическую революцию». Однако поскольку он последовательно добивался достижения цели борьбы, поставленной в 1953 г., то это «не могло не привести к углублению классового конфликта и не поставить руководящую группу перед лицом необратимого выбора». «Прагматизм Кастро трансформировался, таким образом, в способность эффективно подчинить тактику стратегии». А стратегия состояла в том, чтобы развивать борьбу масс, которая заложит основы нового режима.

Амнистированный в 1955 г., Кастро укрылся в Мексике, где он основал Движение 26 июля. В Мексике он познакомился с Эрнесто (Че) Геварой, аргентинским врачом, пережившим гватемальский опыт и сразу ставшим его товарищем по борьбе. В ноябре 1956 г. вместе с 82 товарищами Кастро попытался высадиться на Кубе. Результат был катастрофичным. Только дюжина тех,

кто уцелел, смогли скрыться в горах Сьерра-Маэстра на востоке острова. Оттуда в течение немногим более двух лет Кастро возглавлял борьбу против диктатуры, которую Батиста установил в 1952 г. Количество партизан росло, но никогда не превышало нескольких сотен, возможно, двух тысяч человек. Однако им удалось завязать контакты с крестьянским миром, принявшим их как своих, и с городскими средними слоями. Последние подвергались все большему угнетению режимом Батисты, испытывали сильное влияние антиамериканизма, к которому их толкала неспособность США найти на Кубе политические силы, отличные от тех, что собрались вокруг диктатора, и с которыми можно было бы сотрудничать. Эти слои привлекала программа движения Кастро, не подрывная, а реформистская. Немногим более чем за два года группе революционеров удалось стать центром притяжения всех сил, оппозиционных режиму. 1 января 1959 г. Батиста, чувствуя свою неспособность оказывать сопротивление и сознающий, что его больше не поддерживают США, покинул Гавану, куда триумфально вошли «партизаны» Кастро.

4.1.5. КУБА

Политическая коалиция, во главе которой стоял Фидель Кастро вместе со своим братом Раулем, командующим вооруженными силами (умеренный Мануэль Уррутиа стал при этом президентом республики), сразу же продемонстрировала сильное стремление к моральному обновлению и другим изменениям. Правительство Кастро в социальной сфере развернуло борьбу за ликвидацию безграмотности и бесплатное медицинское обслуживание, имевшие огромный успех и означавшие объективное улучшение условий жизни народа. Единство начало давать трещину, когда Кастро стал проводить свою социально-экономическую политику (резкое снижение арендных платежей, аграрная реформа, наносившая удар по владениям, превышающим 400 гектаров, сельскохозяйственные кооперативы). Уррутиа подал в отставку с поста президента. Народная поддержка революции нарастала, однако возрастала также и потребность в эффективной организационной структуре и в надежной международной поддержке. Кубинская проблема становилась международной проблемой.

Соединенные Штаты своевременно признали режим Кастро, пользовавшийся огромной симпатией в американских либеральных кругах. Эти симпатии были связаны с надеждой разрушить не нравившуюся многим американским политическим деятелям традиционную практику, когда отношения с Латинской Америкой

неизменно должны были проходить через этапы острого столкновения или же через этапы зависимости, слегка прикрытой присутствием у власти олигархических (часто — семейных) групп, чей демократический характер был весьма сомнительным и чья репрессивная политика в конце концов дискредитировала сами Соединенные Штаты. Кастро представлял новую реформистскую модель, укорененную в народе, сотрудничество с которой при определенных условиях представлялось Соединенным Штатам возможным, хотя секретные службы и предупреждали о массовом проникновении коммунистов в движение Кастро. Союз между сторонниками Кастро и коммунистами стал поводом для беспокойства Соединенных Штатов и подтолкнул вашингтонское правительство к оказанию некоторых форм давления на новый кубинский режим.

Кастро ответил национализацией без компенсации или с символической компенсацией имущества, принадлежавшего американским компаниям. С этого момента начался массовый выезд с Кубы, приведший к тому, что несколько сотен тысяч людей, враждебно настроенных к Кастро, эмигрировали главным образом во Флориду, где они стали базой для любого антикастровского движения в будущем.

Атмосфера накалялась все больше, чему способствовали также визит первого заместителя Председателя Совета министров СССР Микояна на Кубу в феврале 1960 года и подписание соглашения, по которому Советский Союз обязался покупать урожай кубинского сахара по цене, меньшей, чем та, что платили американцы, но взамен предоставлял кредит в 100 миллионов долларов под 2,5% годовых. Было ясно, что в атмосфере того особенного года Куба также стала одной из новых арен соперничества между сверхдержавами, и в гораздо большей степени, чем Гватемала в 1954 г., она представляла собой первую серьезную проекцию конфликта США-СССР на Западное полушарие. Соединенные Штаты впервые в своей истории близко столкнулись с опасностью, которой они не могли пренебречь. Первой реакцией Эйзенхауэра было путешествие в Аргентину, Бразилию, Чили и Уругвай, где американскому президенту был оказан восторженный прием. Очевидно, что если многие сомневались в антикоммунистическом «предлоге» применительно к Гватемале в 1954 г., то советское присутствие на Кубе в 1960 г. было настолько явным, что вызвало цепную реакцию, которая заставила олигархические силы забыть о каком бы то ни было искушении опереться в поисках популярности на такое легко возбудимое чувство, присущее массовому сознанию, как оппозиция *yankees*.

В июне 1960 года государственный департамент предложил ввести эмбарго на импорт кубинского сахара, и после одобрения конгресса в следующем месяце Эйзенхауэр провозгласил введение этой меры. Кастро обратился с жалобой в Совет Безопасности ООН по поводу американской «экономической агрессии», и Хрущев ее поддержал, угрожая использовать атомное оружие против Соединенных Штатов в случае, если те вторгнутся на Кубу. Хотя это был чистый блеф, его слова значили очень многое.

Обострение кубинского кризиса вызвало цепную реакцию последствий для политики Соединенных Штатов в отношении Кубы, в частности, и Латинской Америки в период. Оно открыло новую арену советско-американской конфронтации именно в то время, когда кампания по поводу Берлина стала ослабевать, однако своего апогея достигла антиколониальная полемика, и процесс чередования ядерных испытаний и переговоров за их же запрещение переживал сложный момент. Наконец, это обострение имело последствия более общего характера — для отношений между Соединенными Штатами и Европой и, в еще более широком плане, для американской политики в мире. Иными словами, кубинский вопрос начинал перерастать в другой кризис, открытый для разноплановых решений. Такой была почва, на которой основные черты сосуществования в условиях конкуренции были подвергнуты испытанию при большом шуме.

Отношения между Соединенными Штатами и Кубой неуклонно ухудшались как на заключительном этапе правления администрации Эйзенхауэра, так и во время президентства Кеннеди. Для ответа на советские угрозы Вашингтон пытался использовать солидарность ОАГ, не добившись от нее, однако, решительного осуждения вмешательства или угрозы вмешательства держав, находящихся за пределами континента, в американские дела (заявление совещания в Сан-Хосе, в Коста-Рике, в августе 1960 г.).

Кастро объявил об установлении дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой и о том, что Куба принимает советское покровительство. С этого времени начался поток экономической, технической и военной помощи со стороны Советского Союза, направляемой на остров в Карибском море. Когда в начале января 1961 г. Кастро потребовал, чтобы американское посольство в Гаване сократило свой персонал со 130 до 11 человек, вашингтонское правительство решило прервать дипломатические отношения между двумя странами.

Когда Кеннеди стал президентом, он оказался, следовательно, перед существенно ухудшившейся ситуацией, однако позиции правительства в данном вопросе не изменил. Он скорее стремился

ответить на вызов, развернув политическую деятельность большего масштаба, направленную на уменьшение опасности распространения идей Кастро в остальной Латинской Америке, отдавая в первую очередь предпочтение подготовке самой сложной системы экономического сотрудничества, которая когда-либо планировалась Соединенными Штатами в отношении Латинской Америки. Одновременно в 1961 г. он санкционировал осуществление плана, разработанного прежней администрацией (начиная с марта 1960 г.), по решительному перевороту всей ситуации на Кубе — плана, закончившегося полным провалом. 17 апреля 1961 г. около 1200 кубинских беженцев высадились на южном побережье острова Куба, в бухте Кочинос, рассчитывая на то, что их десант послужит искрой для восстания, сравнимого с победоносным восстанием Кастро, начатого с еще меньшими силами.

Предприятие основывалось на ошибочном предположении, что кубинский народ хочет вернуться к «демократии» батистовского типа, которую интервенты — какова бы ни была их настоящая политическая программа — естественным образом представляли. К тому же отсутствовала информация относительно отношения кубинцев к Кастро и популярности, которую он завоевал в первые месяцы правления. Интервенцию готовили секретные службы, не выполнившие свою работу должным образом. Она была санкционирована президентом, который, проявив некоторое легкомыслие, поверил в возможность быстрого успеха до такой степени, что отказался предоставить интервентам поддержку с воздуха для того, чтобы продемонстрировать нейтралитет, в который никто не верил.

В течение трех дней все высадившиеся на берег были взяты в плен войсками Кастро, однако десант не разжег в стране ни малейшего очага восстания. Кеннеди пытался отрицать свою ответственность, подтверждавшуюся многочисленными фактами. Очень скоро стало ясно, что «добровольцы» прошли обучение в ЦРУ и что последнее несло ответственность за всю операцию. Кеннеди попытался переложить ответственность за неудачу на своего предшественника, что было справедливо, но лишь отчасти, поскольку Эйзенхауэр, как он сам нашел возможность сказать Кеннеди, никогда бы не позволил, чтобы, раз уж был затронут американский престиж (как это и было в действительности), «захватчики» двигались почти в темноте, подобно пиратам неизвестного происхождения с непонятными целями. **INS XXIII**

Престиж США потерпел значительный урон. Кастро получил возможность обвинить Соединенные Штаты в агрессивных целях, а все его усилия самозащиты подтверждались историей с провалом

десанта в бухте Кочинос. 1 мая он объявил Кубу социалистической республикой, и с тех пор ее путь в направлении полной трансформации кубинской системы в марксистско-ленинском смысле (то есть смоделированной по советскому образцу) стал необратимым. Однако этот эпизод имел не только позитивное значение для кубинского диктатора. Хрущев, как он написал в своих мемуарах, начал взвешивать бремя обязательств, связывавших — в удачах и опасностях — Советский Союз и Кубу, остров, расположенный слишком близко от Соединенных Штатов, чтобы они могли пассивно воспринимать то, что там происходило. Как отмечает Джон Льюис Гэддис, энтузиазм Кремля в отношении успеха Кастро начинал угасать.

11.2.4. «СОЮЗ РАДИ ПРОГРЕССА»

Кеннеди, испытав сначала некоторую растерянность, тоже извлек правильный вывод из поражения и постарался поставить латиноамериканскую политику Соединенных Штатов на конструктивную основу. Вернувшись к идее, выдвинутой Эйзенхауэром год назад и одобренной конгрессом в марте 1961 года, об ассигновании 500 миллионов долларов Межамериканскому фонду за социальный прогресс, он развил ее до более обширного проекта, которому дал торжественное название «Союз ради прогресса».

5 августа 1961 г. в Уругвае, в Пунта-дель-Эсте, началась конференция министров экономики американских государств, подписавших после двенадцати дней работы документ — декларацию Пунта-дель-Эсте, которая закладывала основы Союза, программы, предназначенной для всех стран континента, за исключением Кубы. По существу речь шла об обязательствах оказать массированную помощь на сумму не менее 20 млрд долларов, предназначенную для программ развития. Это была попытка возобновить с целью сдерживания угрозы со стороны Кастро проведение политики добрососедства, наполнив ее видимым конкретным содержанием. В дополнение к экономической стороне дела в январе 1962 г. на другой конференции министров иностранных дел стран-членов ОАГ большинством голосов (воздержались Аргентина, Чили, Боливия, Эквадор и Мексика) было принято решение об исключении Кубы из организации. Позиция представителей наиболее населенных стран латиноамериканского мира продемонстрировала наличие глубокого несогласия с теми методами, которыми Кеннеди боролся против Кастро. И хотя страны, представленные на конференции, почти единодушно осудили марксистско-ленинский режим Кастро как «несовместимый» с межамериканской

системой, различие позиций Соединенных Штатов и большей части стран Западного полушария проявилось со всей очевидностью.

Обещания значительной экономической помощи не компенсировали многих лет невнимания и действий, откровенно направленных на подчинение других стран. Соединенные Штаты в психологическом и политическом отношении были все еще гораздо более далеки от стран своего полушария, чем от европейских и некоторых азиатских стран. Конечно, экономическая изоляция Кубы усиливалась, однако не таким образом, какого желала американская администрация. Впрочем, возвращение перонистов к власти в Аргентине (март 1962 г.) или, напротив, трудности, с которыми администрация Кеннеди столкнулась в Перу в условиях конфликта между военной диктатурой и АПРА (APRA — Американский народно-революционный альянс), одной из самых старых организаций демократических левых сил на континенте, выявили ограниченность демократии Кеннеди, вынужденной идти на двусмысленные компромиссы.

«Союз ради прогресса» обнаружил конструктивные моменты, а также ограниченность и двойственность латиноамериканской политики Соединенных Штатов. Его концептуальный замысел был аналогичен плану Маршалла и ориентирован на то, что маховик американских капиталов или капиталов, предоставленных крупными международными финансовыми организациями и другими капиталистическими странами, сможет привести в движение механизм развития подобно тому, как это произошло в Европе сразу после второй мировой войны. Недостаток этой концепции коренился в глубоком различии ситуаций в Западной Европе и в Латинской Америке. В Европе план Маршалла также соответствовал потребности придать конструктивный импульс экономическому развитию в противовес проникновению коммунистического влияния, вызванного экономическим застоєм или спадом. Однако в Европе система, на которой основывался план Маршалла, была самой развитой в мире и правящие классы могли руководствоваться антикоммунистическими намерениями: ничего общего ни с латиноамериканскими олигархами, ни с популистски настроенными военными, ни даже (в лучшем случае) с искренними сторонниками демократического развития, не имевшего политических корней.

Психологический эффект Союза мог оказаться даже значительным, как констатировал Кеннеди в июне 1962 г., когда он был восторженно принят во время своего визита в Мехико, столицу страны, одновременно самую близкую и психологически самую отдаленную от Соединенных Штатов из-за этнических и экономи-

ческих различий, а также политических конфликтов, имевших место в прошлом, в том числе и далеком. Однако практический результат оставался все-таки ограниченным. По существу было сложно различить, была ли программа помощи предназначена для *desarrollo*, то есть экономического подъема Латинской Америки, или она была обусловлена принятием программ развития, согласованных с Соединенными Штатами и связанных с процессом демократизации. Теodoro Москосо, руководитель программ Союза смело предсказывал, что через десять лет лицо Латинской Америки изменится. Неграмотность (составлявшая тогда около 90%) будет побеждена, также как и детская смертность (составлявшая около 11%), и во всех странах получит распространение и укоренится современная технологическая культура.

Кеннеди увязывал программу помощи с развитием процесса демократизации; однако политический реализм вынуждал его считаться с ситуациями, которые не предоставляли возможностей для альтернатив. Конечно, вашингтонская администрация содействовала приходу к власти глав государств, избранных демократическим путем, однако она не останавливалась и перед установлением отношений сотрудничества, когда это было необходимо, также и с представителями старых олигархий или новых социальных союзов, которые постепенно складывались вокруг вооруженных сил. Зачастую именно так формировался самый настоящий правящий класс отдельных стран. После смерти Кеннеди и после того, как администрация Джонсона оказалась почти полностью поглощенной войной во Вьетнаме, коммунистическое проникновение в Латинскую Америку стало реальностью. Образ Че Гевары, покинувшего Кубу в 1965 г. для распространения партизанской войны на весь остальной континент, «создав два, три, много вьетнамов», стал символом начала длительной борьбы с неясным исходом, несмотря на то, что действия латиноамериканских повстанческих движений оставались фактически ограниченными отдельными эпизодами.

Поэтому присутствие антикастровских элементов в процессе создания «Союза ради прогресса» не должно удивлять.

Уже в конце 1961 г. Кеннеди распорядился, чтобы была начата подготовка специальных сил для ведения партизанской войны в кубинских джунглях и дестабилизации режима (так называемая «Операция мангуст»). Это наводит на мысль о том, что Союз являлся лишь средством прикрыть традиционное вмешательство в непосредственной форме, характерное для холодной войны. На самом деле военное внимание Соединенных Штатов было направлено в тот период на Кубу, а право на всякое другое вмеша-

тельство в остальной части полушария предоставлялось местным вооруженным силам. Таких эпизодов было немало, однако придавать им значение сущностной основы программы экономического развития означает искажать реальный смысл американского участия, неудавшегося, но как бы то ни было впервые задуманного как способ конкретного выражения добрососедства и демонстрации понимания Соединенными Штатами того, что сосуществование в условиях конкуренции, хотя и проявлялось в тот момент в Африке, в качестве потенциальной арены рассматривало также Латинскую Америку.

Любой успех Советского Союза в Африке или на Кубе способен был осложнить Вашингтону всю ситуацию. Поэтому американское правительство не могло осуществлять свою деятельность лишь по не связанным между собой направлениям, но должно было координировать ее в качестве однородного целого, понимаемого как долгосрочный ответ на новый вызов. «Союз ради прогресса» являлся одним из аспектов новой латиноамериканской политики администрации Кеннеди. Эту политику следует рассматривать не как средство для введения в очередной раз в заблуждение латиноамериканцев относительно подлинных намерений Соединенных Штатов, но как первую серьезную попытку установить отношения сотрудничества и интеграции, менее отравленные негативными прецедентами и историческими разногласиями в рамках Западного полушария. Это был бы медленный процесс, требовавший смены значительной части правящих классов, надежного продвижения Латинской Америки по пути устойчивого экономического развития. Куба и Кастро обостряли осознание проблемы.

11.2.5. КУБИНСКИЙ «РАКЕТНЫЙ КРИЗИС»

Союз Кубы с СССР давал Соединенным Штатам повод для очевидной тревоги. С июня 1959 г. Эйзенхауэр предвидел, что Куба, став коммунистической, обретет ядерное оружие, на которое Соединенные Штаты должны быть готовы реагировать подобно тому, как русские реагировали на размещение ракет среднего радиуса действия на территории Турции (а также и на итальянской территории, что не упоминалось Эйзенхауэром, но являлось прецедентом, равноценным турецкому). Уязвимость советской позиции по существу оставалась той же, что и в начале Берлинского кризиса 1958 г., прежде всего из-за того, что американцы вместе с западными немцами отказывались от признания легитимности устройства, сложившегося в восточной части Германии.

Новые отношения, сложившиеся между Кубой и СССР, предоставляли чрезвычайно благоприятные условия для попытки завершения, по крайней мере отчасти, операции, начатой Москвой в 1957 г. запуском первых межконтинентальных баллистических ракет. Однако русские еще ощутимо отставали от США, обладавших превосходством как по числу атомных боеголовок, так и по их размещению. Советские МБР могли нанести мощный «первый удар» по Соединенным Штатам, которые в любом случае сохранили бы на базах, окружавших советскую территорию, свой ядерный потенциал, более чем достаточный, чтобы пережить первое нападение и поразить русских вторым ударом.

Конечно, речь шла о теоретической гипотезе, однако о гипотезе, на которой строились стратегические расчеты обеих сверхдержав. С этой точки зрения, кубинская территория представляла собой идеальную базу как для того, чтобы сократить разрыв в ракетно-ядерном потенциале, так и для того, чтобы решить проблему, отложенную в результате замораживания Берлинского кризиса, — заставить Соединенные Штаты осознать политический смысл угрозы, слишком приблизившейся к их национальной территории. Американская сторона уже предвидела эту проблему и рассматривала возможность демонтажа системы ракет «Юпитер» и «Тор», которыми были оснащены итальянские, турецкие и британские базы, и принятия программы, основанной на преимущественном использовании ракет «Поларис», запускаемых с ядерных подводных лодок. Эта программа должна была интегрировать национальные вооруженные силы в НАТО с тем, чтобы избежать повторения эпизодов, подобных германскому, и ограничить амбиции де Голля относительно совершенно автономной «ударной силы». Однако в тот момент, когда Советский Союз принимал свои решения в отношении Кубы, новый курс американской стратегии едва обозначился и московское правительство могло основываться только на тех фактах, которые ему были известны.

Идея размещения советских ракетных баз на Кубе родилась в узкой группе членов советского руководства в апреле—мае 1962 г. Она имела в виду три цели: предоставить лучшую защиту оплоту коммунизма в Западном полушарии; уравновесить американское ядерное превосходство; заронить опасение, что кубинская инициатива является новым этапом дипломатического наступления по ядерной проблеме, уже начатого в Берлине. Иными словами, американцы не должны были обольщаться относительно того, что СССР согласится оставить нерешенным такой важный вопрос, как германский, и забывать, что он может возникнуть вновь и уже в непосредственной близости от их территории.

Эта идея в целом была по душе советским руководителям, а также Фиделю Кастро. Когда Рауль Кастро, кубинский министр обороны, в июле 1962 г. отправился в Москву (в августе за ним последовал Че Гевара), был разработан проект договора, предусматривавшего как посылку на Кубу советского военного контингента приблизительно из 45 тыс. человек, так и размещение на острове, в абсолютной секретности, пяти специальных полков, способных произвести запуск в общей сложности не менее 40 ракет типа SS-4 и SS-5 по объектам на территории Соединенных Штатов, а также серии тактических ракет, предназначенных для применения против возможного американского вторжения с моря. По мнению Раймона Л. Гартхофа, советские вооруженные силы, располагавшие в тот момент только 44 межконтинентальными баллистическими ракетами в состоянии боеготовности, благодаря увеличению их числа в результате размещения ракет на кубинских базах (что фактически придавало им значение межконтинентальных ракет среднего радиуса действия, удваивали свои ядерные стратегические силы. В тот момент им противостоял арсенал из 176 американских МБР, усиленных 114 ракетами, размещенными на подводных лодках, и еще около 2700 других видов ядерного оружия (не все из них «стратегического» характера и поэтому — различной дальности и мощности).

Первая информация о более активных, чем обычно, передвижениях войск на кубинской территории стала появляться у американских спецслужб начиная с августа. В конце августа возникли предположения, что русские собираются строить ракетные базы, однако за первыми опасениями последовало несколько недель затишья. Только в начале октября американским спецслужбам удалось встревожить президента и его окружение. 9 октября Роберт Кеннеди, министр юстиции, санкционировал разведывательный полет самолета У-2. 15 октября фотосъемки, сделанные с самолета, показали ясно и недвусмысленно: русские завершали строительство ракетных баз для развертывания баллистических ракет среднего радиуса действия, уже доставленных на Кубу. 16 октября президент Кеннеди был проинформирован о происходящем и инициировал процесс подготовки ответа на советскую инициативу. В тот же самый день группа наиболее близких сотрудников президента собралась на специальное заседание в качестве Executive Committee of National Security Council (сокращенно ExComm), то есть Исполнительного комитета Совета национальной безопасности. С тех пор этот орган (в который входили госсекретарь Дин Риск, министр обороны Роберт Макнамара, директор ЦРУ Джон Маккоун, Роберт Кеннеди и узкий круг высших чиновников и по-

литических, военных и дипломатических советников) заседал почти без перерывов в течение 12 дней вплоть до завершающего момента кризиса и продолжал работать в течение нескольких недель после того, как критическая фаза была преодолена.

Военные угрозы оценивались в связи с возросшей способностью оказывать непосредственное давление на Соединенные Штаты, которую приобрел СССР; стало очевидным, что это привело к важным для Советского Союза, но не решающим изменениям. Более существенными представлялись дипломатические и политические риски в широком смысле. Дипломатические угрозы касались взаимосвязи между действиями на Кубе и событиями в Берлине. Возможно, как полагали некоторые, русские намеревались оказать на Кубе давление, которое они должны были уменьшить в Берлине, для того, чтобы вынудить американцев вновь начать диалог по поводу той же самой Германии. Существовали, однако, и более общие политические аспекты, относившиеся к влиянию американской державы на весь мир (прежде всего — на латиноамериканский континент) и к прочности НАТО, которая после 1956 г. не была еще полностью восстановлена.

Итак, были рассмотрены разные варианты ответа. В то время как некоторые (среди них Роберт Кеннеди, который, впрочем, почти сразу же изменил свое мнение) предлагали немедленные ответные меры, рассчитывая на то, что русские не будут отвечать; другие (в первую очередь президент Кеннеди) ориентировались скорее на промежуточные решения, которые поднимали бы уровень конфронтации, оставляя, однако, обеим сторонам путь к выходу во избежание крайних решений. Из анализа фотографических данных американцы могли получить неопровержимые доказательства относительно того, что происходило на Кубе, поэтому их проблема состояла не в том, чтобы продемонстрировать, что там происходит, сколько в том, чтобы сделать соответствующие выводы. Еще большую парадоксальность этому обстоятельству придавал тот факт, что 18 октября в соответствии с договоренностью, достигнутой еще до того, как было обнаружено размещение ракет, президент принял советского министра Громыко, посетившего его, чтобы потребовать от Соединенных Штатов прекращения угроз в адрес Кастро и заявить, что советская помощь Кубе состоит только из продуктов питания, предназначенных для предотвращения в стране голода. Кеннеди подтвердил позиции, уже высказанные публично, относительно того, что не существует американской угрозы Кубе, но что Соединенные Штаты не потерпят размещения на острове наступательных вооружений. Громыко ответил, что этого никогда не произойдет и у Соединенных Штатов нет никакого повода для беспокойства.

Колебания и дискуссии внутри Исполкома СНБ продлились до 22 октября, когда были обнародованы решения, принятые президентом. В речи к нации, аналогичной обращению, представленному Совету Безопасности Организации Объединенных Наций американским делегатом Эдлаем Стивенсоном, и в личном письме, направленном Хрущеву, Кеннеди разоблачил то, что происходило на Кубе, подчеркнул серьезность опасности и заявил, что Соединенные Штаты устанавливают линию «карантина», за которую они не будут пропускать советские суда, направляющиеся на Кубу с грузом оружия. Суда, которые нарушат запрет, будут подвергаться досмотру и в случае подтверждения подозрений силой поворачиваться обратно. В это же время ветеран американской дипломатии, бывший госсекретарь, Дин Ачесон был отправлен в основные европейские столицы для «информирования» о создавшейся ситуации и о решениях, принятых президентом (и, следовательно, как обратил внимание генерал де Голль, не для «консультаций» с союзниками об ответных мерах, которые следует принять), а также для обращения с призывом к солидарности.

В последующие дни напряжение достигло такого накала, какого оно не достигало со времени войны в Корее и первой блокады Берлина. Это были дни чрезвычайно интенсивных дипломатических контактов и лихорадочного ожидания. Первая реакция Советского Союза и Кубы была негативной, но в Совете Безопасности ООН Стивенсону удалось продемонстрировать основательность имевшихся у него доказательств. Однако на фоне непримиримости шел также процесс размышления и распутывания сложных советских ходов и американских ответных действий. Опасения связывались не столько с непосредственной реакцией Советского Союза на американский «карантин», сколько с ответными мерами против Берлина; и у Хрущева были советники, которые оказывали на него давление в этом направлении. Подобные ответные действия привели бы к ухудшению американских позиций. Соединенные Штаты категорически не могли позволить советским ракетам, будучи обнаруженными, оставаться на Кубе, поэтому они должны были найти способ выйти из кризиса с максимально возможным успехом, однако не переходя при этом критической черты. Не могли недооценивать опасностей возможных ответных мер и в Германии. Следовательно, необходимо было пойти в политическом плане на ряд уступок, сопоставимых с выводом советских ракет, уже размещенных на Кубе.

Под воздействием мирового общественного мнения, воодушевленного также пацифистским выступлением папы Иоанна

XXIII, первый шаг в направлении компромисса сделал Хрущев, который уже 24 октября приказал советским судам не нарушать блокаду. 26 октября он обратился с личным письмом к Кеннеди (которому предшествовал небольшой дипломатический зондаж), где он выражал готовность объявить, что советские суда, направляющиеся на Кубу, не везут ракетное оружие, а также обещал вывезти уже размещенные ракеты. В ответ условия Кеннеди предлагалось публично заявить об отсутствии намерений вторгаться на Кубу, а также обязаться не поддерживать попытки других стран вторгнуться на остров, что сделало бы ненужным присутствие советских «специалистов».

Сразу же после этого письма Хрущев написал второе, гораздо более обстоятельное (переданное по радио в Москве утром 27 октября), в котором вывод ракет с Кубы увязывался с отказом американской стороны от использования ракет «Юпитер», размещенных в Турции. Различие двух позиций очевидно. Первая отражала подход, благодаря которому решительность Кеннеди одерживала верх над решительностью Хрущева, поскольку обмен обязательства отказаться от ракет на обязательство не вторгаться на Кубу был формально самым легким из того, с чем могли согласиться американцы в тот момент (даже «Операция мангуст» была прервана самим ходом событий). В итоге американская администрация «примирилась» бы (или продемонстрировала, что примирилась) с существованием режима Кастро на Кубе. Напротив, вторая позиция усматривала компромиссный путь разрешения кризиса: Куба в обмен на Турцию, причем без консультаций Соединенных Штатов с союзниками по НАТО.

Для того чтобы выйти из тупика, Кеннеди решил действовать довольно хитроумно. Он ответил на два письма Хрущева двумя различными способами так, что они были почти лишены внутренней связи, и для своих ответов выбрал формы, позволяющие ему предстать победителем в схватке. В самом деле, он предпочел публично ответить на первое из двух посланий Хрущева, представляя его как выполненное в риторическом жаре и делая некоторые формальные уточнения. Соглашаясь на обмен по формуле «отказ от ракет в обмен на гарантию отказа от вторжения», он употребил фразу, на первый взгляд общего характера, однако полную смысла, если сравнить ее со вторым письмом Хрущева и с тем, что в это время происходило в дипломатической сфере. Кеннеди написал: «Результат такого соглашения — уменьшение международной напряженности — позволил бы нам работать в направлении заключения более широкого соглашения, касающе-

гося других видов вооружения, как это предложено в Вашем втором, оглашенном публично, письме».

Между тем если говорить о переговорах (как стало известно в 1969 году, когда был опубликован дневник, который вел Роберт Кеннеди во время кризиса), то 27 октября он встречался с новым советским послом в Вашингтоне Анатолием Добрыниным и обсуждал с ним главный компромисс, о котором не говорилось публично и существование которого даже опровергалось госсекретарем Раском в выступлении перед американскими сенаторами. В основе компромисса лежало заявление американцев о намерении вывезти ракеты «Юпитер» из Турции и Италии. Выраженный таким образом компромисс приобретал существенно иной смысл, поскольку представлял как проект сопоставимых и почти равноценных уступок, по крайней мере как его видимость (если учитывать проектом создания многосторонних ядерных сил, над которым между тем работали американцы).

После достижения соглашения острота кризиса быстро уменьшилась. В течение нескольких недель сохранялись следы полемики и моменты колебаний, однако 28 октября 1962 г. стало ясно, что столкновения удалось избежать благодаря умелому сочетанию жесткости и гибкости, которое Кеннеди использовал в управлении кризисом, а также благодаря присутствию у Хрущева чувства меры. Немногие тогда отдавали себе отчет в том, что кризис разрешился благодаря достойному компромиссу и Кеннеди значительно увеличил свой престиж, в то время как Хрущев представлял деятелем, бросившим вызов американскому колоссу и оказавшимся в положении побежденного. В этой ситуации остается объяснить, почему он согласился на самоограничение вплоть до того, чтобы поставить на карту свое политическое влияние внутри советской правящей группы. С точки зрения логики представляется вероятным, что внутри советского пространства характер компромисса со стороны Хрущева получил понятное объяснение. А то, что Хрущев не бросил более откровенный вызов тем, кто оценивал кризис как большой успех твердости Кеннеди, можно отнести на счет более общих причин, не касающихся непосредственно кубинской проблемы, но связанных с целым комплексом проблем, которые обсуждались с 1957 г. и в отношении которых могло быть найдено компромиссное решение. Приближался момент подведения баланса внутри западного блока, советского блока и в отношениях между двумя сверхдержавами.

Для Западной Европы, то есть для отношений внутри атлантической системы, Кубинский кризис означал начало прояснения

некоторых важных моментов. Первое, что бросалось в глаза, — кризис управлялся исключительно двумя державами. Франция, Великобритания, Федеративная Республика Германия и Италия полностью солидаризировались с Вашингтоном, и в связи с проблемой Италии в значительной степени отказались от безопасности, обеспечиваемой им ракетами «Юпитер» (в отношении которой они, впрочем, всегда оставались достаточно скептическими). Однако, принимая решения, вашингтонское правительство не проконсультировалось предварительно ни с одной из этих стран, ни с Советом НАТО. Де Голль, энергично поддерживавший твердость Кеннеди, и Аденауэр, считавший Кубинский кризис своего рода «манной небесной», поскольку он отдалил повторение Берлинского кризиса, усматривали в американском поведении желание полностью взять на себя задачу стратегического руководства всей западной политикой. Отсюда соответствующее решение двух немолодых государственных деятелей осуществить процесс быстрого сближения (из которого оказалась исключена Великобритания, слишком тесно связанная с Соединенными Штатами, что непосредственно отразилось на реакции на просьбу Англии о вступлении в ЕЭС), подтвержденный франко-германским договором от 22 января 1963 г.

Впрочем, разногласия, которые стали проявляться внутри Атлантического союза, совпадали с намерением Кеннеди придать своей внешней политике характер, в большей степени вдохновляемый национальными интересами. В своем выступлении в Совете национальной безопасности 22 января 1963 г. Кеннеди среди прочего говорил: «В ближайшие месяцы будет необходимо сосредоточиться на интересах Соединенных Штатов. Наша [европейская] политика была очень благородной, но мы утратили нашу экономическую мощь и наше влияние на эти страны. Не думайте, что европейцы сделали бы для нас то, что Соединенные Штаты сделали для них. Необходимо, следовательно, чтобы наши представители с большей энергией защищали американские интересы».

Многосторонние ядерные силы являлись одним из возможных выражений этой политики, поскольку, объяснял Кеннеди, они «усилили бы зависимость [европейцев] от Соединенных Штатов». Кубинский кризис являлся моментом поворота. Отказ от ракет «Юпитер» и «Тор», размещенных в Италии и Турции, привел к тому, что ни одна ядерная ракета не была более размещена на территории континентальной Европы вплоть до решений 1979 г. Поэтому в некотором смысле это столкновение завершило определенный этап в истории отношений двух сверхдержав в годы Кеннеди и Хрущева.

11.3. Атлантическая политика и европейская политика

11.3.1 НОВАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ И ЕВРОПА

Кубинский «ракетный кризис» со всей очевидностью обнаружил решимость, с которой американцы собирались осуществлять свои новые программы. Формула «новых рубежей», которую Кеннеди избрал в качестве лозунга своей президентской деятельности, относилась к двум направлениям: внутреннему и внешнему. В международном плане она несла с собой пересмотр позиции Соединенных Штатов в отношении всех аспектов глобальной политики. Основным побудительный политический мотив оставался неизменным, а именно — твердость в защите западной системы от коммунистической «угрозы». Однако эта твердость приобретала новые формы. С первых месяцев своего президентства Кеннеди придавал мощный импульс политике возвращения превосходства в области космоса, а также усилению американского ядерного превосходства, что ярко проявилось в ходе Кубинского кризиса. Начиная с марта 1961 г. Кеннеди предложил военный бюджет, который предусматривал строительство 41 ядерной подлодки (по сравнению с 29 планировавшимися) и 700 новых установок для МБР с разделяющимися боеголовками в дополнение к 500, уже предусмотренным. Именно эта ядерная программа вновь ставила проблему внутреннего устройства западного союза и, в особенности, проблему отношений с другими ядерными державами, такими как Великобритания и Франция, а также с державами, которые могли стремиться к обладанию ядерным оружием, такими как Западная Германия и Италия. Наследство, которое Кеннеди получил от предыдущей администрации, состояло из набора различных амбициозных целей, контрастировавших с подчас унижительными поражениями.

Берлинский и Кубинский кризисы имели важный терапевтический эффект. Впервые оказавшись на своей территории перед угрозой массированного нападения, хотя и не решающего удара, американцы отказались от концепции «массированного возмездия» по отношению к любым наступательным действиям Советского Союза или стран коммунистической ориентации в мире — доктрины, с которой Даллес связывал военные аспекты своей внешней политики. Вашингтон перешел к выработке доктрины так называемого «гибкого реагирования», автором которой был министр обороны Роберт Макнамара и которая стала известна

представителям стран НАТО из речи, произнесенной в Афинах 6 мая 1962 г., когда американский министр обороны выступил даже против создания таких небольших национальных ядерных арсеналов, как французский. На практике речь шла о формальном утверждении того, что было реализовано на практике: американское правительство не считало себя больше обязанным отвечать массированным атомным ударом на агрессию, но предполагало вначале использовать (или предоставить кому-либо возможность использовать) обычные вооружения и лишь затем перейти к тактическому ядерному оружию, и наконец — к стратегическому в зависимости от эскалации ситуации. Следовало избегать умножения числа атомных арсеналов. Другую же сторону медали представлял, хотя и трудный, поиск соглашения с Советским Союзом по контролю за вооружениями.

Новая стратегия, и прежде всего ее концептуализация, имела важные политические и военные последствия. Главное из этих последствий было проверено во время Берлинского и Кубинского кризисов: никто больше не мог предвидеть, будут ли сохранять свое значение обязательства, принятые Соединенными Штатами в рамках их военных союзов. В своих речах Кеннеди высокопарно говорил о необходимости создавать великое атлантическое партнерство, однако фактически действовал так, чтобы сконцентрировать процесс принятия решений в руках Соединенных Штатов. Именно это открывало путь для веера интерпретаций, первой из которых было вновь появившееся ощущение неуверенности в Европе. Как отмечал Аденауэр, если американцы были не в состоянии даже воспрепятствовать прибытию советских военных сил на Кубу, расположенную менее чем в 100 милях от их территории, то что можно предположить относительно их обязательств в отношении Европы, находящейся на далеком расстоянии.

В этой атмосфере недоверия представлялась оправданной решимость, с которой де Голль продолжал создание французских ударных сил, решение о котором было принято Мендес-Франсом и в практическом плане начатое правительством Ги Молле без всякой технической помощи со стороны американцев (весьма немаловажная деталь), так как изменения в Акте Мак-Магона были на руку только Великобритании. Помимо этих трудностей, существенными были также опасения немцев. Германия являлась ареной любого возможного столкновения сверхдержав. Если стратегия «массированного возмездия», по крайней мере теоретически, позволяла думать о столкновении на неизвестном театре военных действий, то стратегия «гибкого реагирования», основанная на превентивном использовании обычных вооружений (или даже

тактических ядерных вооружений), не оставляла сомнений в том, что полем конфронтации, в случае нежелательного возникновения войны, будет Германия. Таким образом, проявлялось противоречие, содержащееся в отказе американцев согласиться с европейским ядерным вооружением.

Сделанное стратегическое вступление создает картину, в рамках которой развивались международные отношения в Европе с 1958 г. вплоть до конца 60-х годов, и представляет конечный результат процесса, начавшегося в 1957 г. и завершившегося односторонними решениями Кеннеди, закрывавшими возможности для автономных инициатив западных союзников подобно тому, как Хрущев на Кубе обозначил периметр советского присутствия в Атлантике. Это вступление дает также отправную точку для исследования, позволяющего объяснить как резкие попытки Франции и Германии уйти от этих сковывающих ограничений, так и эволюцию позиции Великобритании в отношении Европейского Экономического Сообщества.

11.3.2 ВЕЛИКОБРИТАНИЯ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ

Сдержанное отношение Великобритании к ЕЭС было связано в первую очередь с идеей, что договор не будет иметь большого практического успеха, а также с мнением, что приход во Франции к власти де Голля парализует всю структуру Сообщества. Скорость, с которой европейская система была запущена и начала функционировать, и способ, которым де Голль стремился придать ЕЭС новое политическое звучание, не выхолащивая, однако, основ объединенной Европы, а напротив, сближая их с британским прагматизмом, убедили правительство Макмиллана в необходимости сменить курс. Проект, разработанный британским премьер-министром и его сотрудниками в 1960 и первые месяцы 1961 г., был очень амбициозным и сложным. В соответствии с ним все британские интересы должны были быть сформулированы и ориентированы в направлении сближения с ЕЭС, но в то же время все значительные силы «свободного мира» должны были быть реорганизованы в рамках единого проекта, способного оказать сопротивление глобальному давлению коммунистов. Великобритания, благодаря «особым отношениям» с Соединенными Штатами, должна была стать мостом для нормализации отношений США с Францией, возможно, приняв тезис де Голля, требовавшего создания военно-политического англо-франко-американского «триумвирата» в качестве высшего руководящего органа

западной политики, а возможно, трансформировав это предложение, неприятное для американцев, в формулу, основанную на посреднической роли Великобритании и нацеленную на подчинение всех трех элементов одной цели (как, например, при предоставлении британской помощи ядерной программе де Голля). Однако, сближаясь с Европой, Великобритания стремилась остаться центром системы имперских преференций, предоставляемых Содружеством, которые следовало совместить с существованием европейского Общего рынка.

Очень скоро, в результате интенсивных переговоров с американскими и французскими государственными деятелями, Макмиллан понял первостепенную важность ядерного вопроса для благоприятного исхода реализации своего проекта. Французская программа создания «ударной силы» была не плодом националистического «приступа», а результатом последовательной проработки. Раймон Арон, крупный французский ученый и публицист, сыграл в те месяцы важную роль в том, чтобы попытаться (безуспешно) разъяснить в серии статей, появившихся в «Фигаро», что если американцы хотели бы любой ценой сохранить ядерную монополию, то результатом этого было бы подталкивание европейцев к атомному оружию. «Ни одно французское правительство, голлистское или любое другое, — писал он, — не согласится, чтобы американцы поддерживали Великобританию в ядерной области, но отказывали бы в такой же помощи Франции, аргументируя это тем, что французская политика была в меньшей степени, чем британская, ориентирована на Соединенные Штаты». В данной связи Арон писал Макджорджу Банди, советнику президента по национальной безопасности, что если Вашингтон не будет помогать Парижу в его ядерных усилиях, то нельзя исключить выработку общей франко-германской ядерной политики: «Мне кажется, надо исключить возможность того, что европейцы в конце концов предоставят всю полноту ответственности за свою безопасность другой державе, какой бы дружественной она не была».

С самого начала Макмиллан думал, что можно смягчить позицию Кеннеди по этому вопросу и убедить его одобрить концепцию «ударной силы» при условии, что французы согласятся с вступлением Великобритании в Общий рынок. Но эта гипотеза была лишь предположением, на котором строилась британская попытка сблизиться с Европой, не слишком разрушая «особые отношения». Однако понимание сути проблемы не означало наличие способности ее решить. Макмиллану не удалось изменить отношение ни американцев, ни французов. Американцы позитивно оценивали сближение Великобритании с ЕЭС в качестве

долгожданного изменения в соотношении сил внутри Сообщества, слишком зависевшего от экономического роста Германии. Они, следовательно, не видели причин делать уступки британской точке зрения, поскольку лондонское правительство, вступая в ЕЭС, преследовало лишь собственные интересы, и, более того, они полагали, что опоздание англичан было только их ошибкой.

В этом политическом климате было принято решение лондонского правительства о формальном представлении 9 августа 1961 г. председателю Совета министров ЕЭС предложения начать переговоры со странами-участницами о присоединении Великобритании к Сообществу. Британское правительство требовало, чтобы в ходе переговоров учитывались «особые отношения», существующие в Содружестве, структурные интересы британского сельского хозяйства и интересы других стран — членов ЕАСТ (Европейской Ассоциации Свободной Торговли). Темы, обозначенные Макмилланом, составляли основные вопросы дискуссии. Их обсуждение должно было определить условия сначала вступления, а затем участия Великобритании в ЕЭС при неизменном политическом фоне, то есть неспособности Великобритании сделать выбор между «особыми отношениями» с США и вступлением в ЕЭС, включая открытое и безусловное признание французской ядерной политики. Два эти аспекта переговоров были полностью взаимосвязаны, однако решение основной политической проблемы влияло на преодоление технических трудностей.

В торгово-экономическом плане сложность проблемы становилась очевидной. Американцы во имя принципов свободной торговли отказались поддержать требования англичан к ЕЭС в части сохранения имперских преференций. Однако именно при обсуждении ядерной темы проекты Макмиллана столкнулись с наиболее сильными препятствиями, которые, более того, выявили открытый конфликт между британскими целями и французскими концепциями.

«Специальный» англо-американский доклад имел свою сферу применения, особенно важную именно в контексте обсуждения ядерных вопросов. Не следует забывать, что первые атомные бомбы были плодом англо-американского и канадского сотрудничества; ограничения Акта Мак-Магона на некоторый период затруднили такое сотрудничество, хотя и не препятствуя ему в практическом плане. С 1954 г. эти ограничения были сняты в том, что касалось мирного использования атомной энергии, а после встречи на Бермудах в 1957 г. — также и в отношении военного использования. Сотрудничество, следовательно, было довольно интенсивным и еще больше усилилось в 1960 г. после

предоставления Соединенным Штатам британской военной базы в Шотландии в обмен на обещание продать определенное количество ракет «Скайболт», которые тогда испытывали американцы и массовое производство которых они обещали наладить. Кроме того, сотрудничество стало более тесным благодаря обязательству американцев совместно с англичанами проводить некоторые подземные ядерные испытания в обмен на уступку американцам острова Рождества в Тихом океане как места, подходящего для проведения испытаний в атмосфере.

В течение всего 1962 года Макмиллан стремился определить параметры компромисса, который сохранил бы центральное место Великобритании в западной системе международных отношений. Поворот произошел сразу же после Кубинского кризиса. Еще до того, как кризис разразился, специалисты, работавшие с ракетой «Скайболт», испытали технические неудачи и финансовые трудности. Макнамара начал размышлять над целесообразностью продолжения проекта. Неудача первого запуска «Скайболт» поставила под сомнение всю намеченную схему и уже заключенные с Великобританией соглашения. Только месяц спустя англичан проинформировали о новой ориентации американцев, и только 19 декабря, на встрече с Кеннеди в Нассау, на Багамах Макмиллан услышал то, о чем британские дипломаты уже предупреждали его — что программа создания «Скайболт» аннулирована и американцы будут продолжать ее только при условии, что англичане возьмут на себя половину расходов и их производство будет ограничено только потребностями Великобритании.

Неудача, которую предсказывали в прессе, поставила Макмиллана в трудное положение. Предложение Кеннеди было, кроме всего прочего, почти унижительным, поскольку состояло в принятии на себя американской стороной технологического и экономического бремени, предназначенного, по крайней мере в глазах общественного мнения, только для того, чтобы компенсировать слабость Великобритании. В поисках альтернативы в Нассау по существу было решено предложить англичанам взамен «Скайболт» ракеты «Поларис», размещенные на подводных лодках, с тем, чтобы английские подразделения, которые будут ими оснащены, были бы включены Великобританией в оборонительную систему НАТО, возможно в контексте создающихся многосторонних ядерных сил — МЯС. Тем самым Кеннеди стремился не только помочь Макмиллану, но и дать толчок созданию МЯС. Кроме того, Кеннеди и Макмиллан согласились, хотя и после долгих колебаний, попытаться заложить основы переговорного процесса по французской атомной проблеме посредством комп-

ромисса, уже давно предлагавшегося английским премьером: британская ядерная помощь Франции в обмен на принятие Великобританией в ЕЭС. Однако то, что обе стороны представляли как длительный процесс секретных переговоров, было сразу же прервано заявлениями де Голля. Макмиллан надеялся, что создание ядерного оборонительного союза внутри НАТО сможет удовлетворить оборонительные потребности как Великобритании, так и Франции, не демонстрируя откровенно, что Великобритания перед альтернативой выбора между системой, все еще контролируемой одними американцами, и системой, в контроле над которой участвуют также европейцы, предпочла «особые связи» с США сближению с Европой. Он намеревался убедить де Голля в правильности своего выбора, но вынужден был вскоре отказаться от своих надежд.

Генерал Пьер Галлуа, один из главных французских экспертов в ядерной области, к мнению которого внимательно прислушивался сам де Голль, выразительно разъяснил критику французов в отношении англо-американского проекта: «Если Соединенные Штаты и хотели действительно вывести свои баллистические ракеты из Европы [...] , то это было связано не с устареванием этих вооружений, учитывая, что ракеты «Юпитер» состояли на вооружении менее четырех лет, а с тем, что с того момента, как территория США оказалась в зоне досягаемости советских межконтинентальных баллистических ракет, Вашингтон стал стремиться к снижению рисков, вытекающих из общих обязательств, связывавших его с союзниками. Кампания против ракет «Юпитер» и «Тор» вписывалась в новую стратегию: отказ от концепции массированного возмездия, ликвидация части тактического ядерного оружия, принятие доктрины гибкого реагирования [...]. Подводные лодки, оснащенные ракетами «Поларис», должны были убедить [...] турок и итальянцев, что они совершили выгодный обмен, учитывая, что ракеты «Поларис» были более новыми и, без сомнения, более точными, чем «Юпитер». Это означало, что генеральные штабы этих двух стран считались гораздо более наивными, чем они были на самом деле».

Действительно, если бы русские напали на турецкую территорию, не уничтожив ракеты «Юпитер», то они были бы поражены этими ракетами на своей собственной территории; если бы они атаковали базы, где размещались ракеты «Юпитер», то были бы убиты американские военнослужащие и Соединенные Штаты были бы вынуждены реагировать немедленно. «Напротив, с момента, когда подводки, оснащенные ракетами «Поларис», заменили наземные установки, Белый Дом вновь становился ответственным

ным за приказ о запуске ракет “Поларис” и нанесение удара, в первую очередь, по советским городам и базам, однако американские военнослужащие при этом не подвергались нападению. Впрочем, такой удар был нереален, поскольку он, в свою очередь, вызвал бы советский ответный удар».

Эта жесткая аргументация завершается столь же категоричным выводом: «Кризис на Кубе показал, что если Соединенные Штаты не могли терпеть присутствие баллистических ракет и ядерных бомбардировщиков в непосредственной близости от своей территории, они, тем не менее, достаточно легко мирились с уязвимостью своих европейских союзников в отношении угрозы такого же типа. Эта констатация разрушила союз в одно мгновение... Вывоз ракет “Тор” и “Юпитер” на двадцать лет оставил европейские страны НАТО лишенными эквивалента ракетам SS-4 и SS-5, которые русские устанавливали в большом количестве».

11.3.3 ДЕ ГОЛЛЬ, СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ЕЭС

Стратегический анализ генерала Галлуа совпадал с представлениями де Голля о конъюнктурной политической ситуации и подтолкнул французского президента к радикальному решению. Вопрос о вступлении Великобритании в ЕЭС утрачивал все свое политическое значение. Более того, ее принятие включило бы в европейскую систему страну, связанную военными соглашениями, делавшими ее зависимой от Соединенных Штатов, будь она членом ЕЭС или нет.

Этим объясняется быстрота и жесткость двойного маневра, предпринятого де Голлем в январе 1963 г. Действительно, 14 января французский президент созвал пресс-конференцию, в ходе которой демонстративным и категоричным образом выразил свое несогласие с британской кандидатурой на вступление в ЕЭС. Он напомнил, как Великобритания препятствовала созданию самого Сообщества, а затем создала ЕАСТ, договорившись с шестью другими государствами. Новая английская позиция поставила, по мнению де Голля, проблемы «огромного масштаба»: «Действительно, Англия — островное, морское государство, зависящее в своих торговых обменах, в поставках и рынках от самых разных и зачастую самых отдаленных стран». Иными словами, сама экономическая структура, природные и коммерческие характеристики отличали Великобританию от других стран континентального Сообщества. Конечно, вступление Великобритании в Сообщество повлекло бы за собой вступление многих других стран мира, при-

ведя к непредсказуемым последствиям и изменениям в структуре Сообщества: «Сообщество, которое расширилось бы подобным образом, столкнулось бы со всеми проблемами, касающимися его экономических отношений с рядом других государств и с Соединенными Штатами. Следует предвидеть, что сплоченность его членов... долго не устоит, и оно превратится в колоссальное атлантическое сообщество, зависимое от американцев и руководимое ими». Этих акцентов было достаточно для выражения соотношения концепции «атлантической Европы» и «европейской Европы», посредством которой министр иностранных дел Франции Кув де Мюрвиль утверждал самоидентификацию европейцев и обобщал основные моменты антибританских тезисов.

При режиме единогласия французского вето, в соответствии с уставом, было достаточно для того, чтобы воспрепятствовать в тот момент продолжению переговоров. Пять партнеров по ЕЭС по-разному отреагировали на позицию, занятую Францией, — в зависимости от характера их отношений с Соединенными Штатами и от той меры, в которой они были затронуты личностным стилем де Голля в проведении международной политики. Как бы то ни было, в тот момент он не мог не делать необходимых выводов из констатации того, что британский политический выбор был направлен в большей степени на поиск решения внутренней политической проблемы (сохранение престижа Макмиллана) посредством соглашения с Соединенными Штатами, чем на решение фундаментальной европейской политической проблемы — проблемы доверия к атлантической оборонительной системе. Это доверие отсутствовало уже давно, и де Голль стремился своей деятельностью восстановить его основы.

Второй реакцией на соглашение в Нассау было подписание 22 января 1963 г. договора о сотрудничестве с Федеративной Республикой Германии. Во время пресс-конференции 14 января де Голль уже заявил о том, что сотрудничество между двумя странами «абсолютно необходимо» для их жизни и современного развития. Оно составляет также «условие и самое основание для построения Европы и в потенциале может в настоящее время стать важнейшим элементом безопасности на нашем континенте и, возможно, в будущем важнейшим элементом равновесия и мира» между Востоком и Западом.

Определение франко-германского союза как элемента, «важнейшего для европейской безопасности», означало отрицание такого характера англо-американской политики и противопоставление ей сильной и решительной инициативы (учитывая, что речь шла еще и о расширении ЕЭС за счет Испании).

Впрочем, как отмечает теперь М. Вайс, за договором скрывались подоплеку различного характера. Для де Голля он был выражением стремления не связывать оборону Европы лишь с атомным вооружением Соединенных Штатов и недоверия в отношении «глубокого желания достигнуть когда-либо соглашения с русскими», которое он вынес из рассмотрения американской политики. Для Аденауэра договор не противоречил дружбе с Соединенными Штатами, но рассматривался как средство для оказания давления на американское правительство с тем, чтобы добиться от него уступок по германскому вопросу.

Эта двойственность обнаружилась, когда «договор примирения» был вынесен на ратификацию, поскольку Бундестаг предпослал ему одобренную единогласно преамбулу, в которой недвусмысленно подтверждалась необходимость сотрудничать с Соединенными Штатами и решать проблемы безопасности в рамках атлантической зоны, что, по сути, лишало договор его стратегического значения. Франция оставалась, таким образом, довольно изолированной, учитывая также политический закат и скорую отставку с поста канцлера Конрада Аденауэра. Поэтому значение договора ограничилось его сиюминутным и конкретным политическим смыслом, состоявшим в создании реалистической альтернативы англо-американскому союзу. Однако проблема, поставленная де Голлем, оставалась открытой и определяла развитие как ЕЭС, так и НАТО. Значение проекта де Голля, вписанного в более широкий контекст, было переосмыслено так, что немцы могли использовать поддержку французов в целях воспрепятствовать возможным соглашениям с Советским Союзом, которые привели бы к изменению юридической основы, на которой создавалась крепнущая Федеративная Германия.

11.3.4. ФРАНЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Деятельность де Голля влияла также на другие аспекты деятельности НАТО и ЕЭС. Усилия американской администрации по спасению проекта создания Многосторонних ядерных сил продолжались даже и после убийства Кеннеди (22 ноября 1963 г.), правда, безо всякого успеха. Почти одновременно (в октябре 1963 г.) ушли со своих постов Аденауэр и Макмиллан, в то время как новый американский президент Линдон Джонсон мог уделять европейским проблемам незначительное внимание, будучи поглощенным как решением вопросов внутренней политики, так и ситуацией широкомасштабного вмешательства Соединенных Штатов во Вьетнаме.

В 1965 г. проект создания Многосторонних ядерных сил был отложен, в то время как конкретные проблемы ядерной безопасности атлантической Европы оставались открытыми. В данной связи еще одним элементом, способствовавшим кризису, стало объявленное французами в марте 1966 г. решение о выходе из Объединенного командования НАТО. То есть речь шла о том, чтобы оставаться политически связанной с Атлантическим пактом, но освободиться от обязательств, возникших начиная с 1950 г. в связи с созданием вооруженных сил НАТО и верховного главнокомандования, размещавшегося в Париже. Необходимо было постепенно, до 1969 г., переместить это командование из Парижа в Брюссель, однако, прежде всего, было очевидно, что проблемы, поставленные де Голлем, касались вопросов, которые нельзя было обойти. В отношении этих вопросов от Франции и других атлантических стран требовалось проявление последовательной сдержанности с тем, чтобы избежать перерастания организационной разобщенности в политические расхождения.

Провал или, точнее, пауза в переговорах, относящихся к созданию Европейского политического союза, а также к вступлению Великобритании в ЕЭС, не затормозила, тем не менее, процесс создания органов Сообщества. Речь шла в значительной степени об интенсивной работе по устранению препятствий и барьеров для создания зоны свободной торговли, и скорее о принятии мер по выходу из затруднительных ситуаций, чем о решениях, относящихся к созданию подлинной политической альтернативы. Следовательно, эти решения не вступали в противоречие с различными подходами стран ЕЭС к главной политической проблеме. Однако такое противоречие не замедлило проявиться в момент, когда Комиссия, то есть исполнительный орган ЕЭС, вместо того, чтобы принять решения, направленные на отмену различных ограничений, должна была принять решения, наполненные политическим содержанием. В этом случае возражения де Голля по поводу способности Комиссии вести «политическую деятельность» были подробно аргументированы.

Одной из задач Комиссии была разработка сельскохозяйственной политики внутри Сообщества. Члену Комиссии голландцу Сикко Мансхольту было поручено изучить все аспекты проблемы, и в течение 1964 г. были представлены первые результаты его работы. Он утверждал, что совместная аграрная политика должна гарантировать минимальные цены на каждый сельскохозяйственный продукт, что означало, что Комиссия должна вмешиваться в регулирование сельскохозяйственного рынка, когда цены снижаются ниже предусмотренного минимума, с целью их выравнивания.

Но это предполагало, что Сообщество располагает финансовыми ресурсами для проведения такой сельскохозяйственной политики и, следовательно, «собственными» ресурсами, то есть взятыми из собственного бюджета со специальных счетов, непосредственно принадлежащих Сообществу, а не из ассигнований, выделяемых время от времени Советом министров. Это означало, что Сообщество, то есть Комиссия должна будет определить критерии проведения своей сельскохозяйственной политики.

Эти технические вопросы ставили важные политические проблемы. Каким образом обеспечить Сообщество «собственными» ресурсами и как их контролировать? Доверить их Европейскому парламенту или Совету министров? В декабре 1964 г. Комиссия разработала серию проектов, представленных Совету министров 1 апреля 1965 г. в качестве «пакета» мер, которые не могли быть приняты в отдельности. Они касались финансирования общей аграрной политики, получения самим Сообществом ресурсов от системы таможенных пошлин на импортируемые Сообществом сельскохозяйственные продукты, устанавливаемых Европейским фондом планирования и управления сельским хозяйством (FEOGA), а также предложения укрепить роль Европейского парламента в бюджетных вопросах. А это означало — больше полномочий Парламенту и, прежде всего, больше полномочий Комиссии.

Это было именно то, чего не хотели французы. Они благосклонно относились к концепциям, на которых основывалась аграрная политика, поскольку знали, что французские земледельцы получают от нее наибольшую выгоду, однако они были против любого усиления институтов Сообщества, в том виде, в каком это представлялось в тот момент. Для характеристики политической ситуации, стал показательным способ, каким Комиссия пришла к своим решениям. В самом деле, они были одобрены Комиссией посредством резолюции, принятой большинством в семь голосов против двух (двух французских представителей). Это делало предложения пригодными для процедуры утверждения, в соответствии со ст. 201 и 203 Римского договора, и в итоге президент Комиссии немец Вальтер Хальштейн представил их в таком виде Европарламенту. Но этот шаг отражал желание форсировать политические решения, с которыми французское правительство вовсе не стремилось солидаризоваться. В нем имплицитно присутствовало намерение превратить сотрудничество между Комиссией и Европейским парламентом в непосредственное взаимодействие, что при устранении некоторым образом Совет министров усилило бы наднациональный характер институтов ЕЭС и ускорило бы их развитие.

Вопрос был вынесен на заседание Совета министров Сообщества 30 июня 1965 г., и Хальштейн должен был в этой ситуации взвесить последствия своего шага. Учитывая концептуальные приоритеты генерала де Голля, можно было не сомневаться, что он отвергнет компромисс. Представители Франции в Совете министров оспорили позицию Хальштейна и законность решений, принятых Комиссией. Хуже того, они объявили, что начиная со следующего дня они прекращают свое участие в деятельности всех органов ЕЭС (так называемая политика «пустого кресла»).

9 сентября де Голль в своей речи уточнил французскую позицию в теоретическом плане, еще раз изложив уже известные концепции. Он подтвердил желание Франции не выходить из Сообщества, но открыто заявил об «узурпации» компетенций Комиссией и Европарламентом, «не избранным», а назначенным отдельными национальными парламентами. В политическом плане де Голль противостоял давлению в федералистском направлении; его выбор соответствовал видению генералом будущего Европы в качестве конфедерации национальных и суверенных государств. Впрочем, это не помешало ему тогда же добавить, что хотя Франция как таковая не будет участвовать в жизни Сообщества, но примет участие в обсуждении проблем сельского хозяйства, если к ним будет применяться принцип единогласия и как только «прекратится противопоставление вредных и обманчивых мифов здравому смыслу и реальности». Иными словами, Франция вновь займет свое место в ЕЭС при условии, что Комиссия откажется от давления в пользу федералистской интеграции и, в особенности, если Совет министров продолжит и после 1 января 1966 г. принимать решения в соответствии с правилом единогласия.

В результате французской инициативы Сообщество вновь оказалось на распутье. Комиссия продолжила свою работу, однако в течение немногих месяцев стало ясно, что ее деятельность не будет иметь никакого смысла без достижения компромисса, который отодвинет европейские надежды, однако спасет Сообщество, точнее, поможет избежать ускорения развития общеевропейских институтов с опережением возможностей в политической, экономической и социальной реальности Европы того времени. Альтернатива состояла в выборе между формально более совершенным институтом, но лишенным реального содержания, и институтом, зависящим от воли суверенных государств, которому будет суждено более медленное, но более конкретное функционирование.

Компромисс был достигнут посредством соглашений, заключенных в Люксембурге 29 января 1966 г., и хотя они подтверждали

приоритет власти национальных государств над общеевропейскими институтами, но, тем не менее, устанавливали, что начиная с 1970 г. (как это предусматривалось еще с 1962 г.) бюджет ЕЭС сможет располагать «собственными» ресурсами. В политическом плане Люксембургские соглашения подразделялись на четыре пункта:

1. В случае необходимости принятия решений на основании предложений Комиссии, которые затрагивали бы «очень важные интересы» одной или нескольких стран-участниц, Совет министров приложит усилия для того, чтобы в течение разумного времени найти решения, которые все страны-члены сообщества смогут выполнять, не ущемляя своих интересов.

2. Французская делегация, при интерпретации предыдущего параграфа, полагала, что в случае, затрагивающем «очень важные» интересы, следует проводить обсуждение «вплоть до достижения единогласного одобрения».

3. Стороны констатировали расхождение, которое продолжало существовать при отсутствии взаимоприемлемых договоренностей.

4. Однако они не считали, что это расхождение должно препятствовать возобновлению нормальной деятельности институтов Сообщества.

Помимо этого, компромиссные соглашения рекомендовали Комиссии наладить более тесные контакты с Советом министров; оказывать консультации правительствам в случаях «особой важности»; обязаться не обнародовать одобренные предложения до того, как страны-участницы будут о них проинформированы. Последний пункт обязывал Совет министров и Комиссию определить, каким образом можно сделать более эффективным функционирование финансового механизма и осуществление расходов Сообщества.

Люксембургский компромисс создал для ЕЭС лишь видимость возвращения к нормальной ситуации. В действительности он привел к изживанию значительной части надежд или, по выражению де Голля, иллюзий, которые вдохновляли создание европейских институтов. Продвижение к таможенному союзу продолжалось, как это и было предусмотрено, и даже ускоренными темпами, однако разработка «политики Сообщества» продвигалась по все более тернистому пути. Де Голль не скрывал своей нетерпимости по отношению к организации, которой, как он полагал, не достает демократической легитимности, вследствие чего она не способна выразить подлинные чувства и подлинные потребности разных стран Европы, наций, составлявших, по его определению, «Европу отечеств» (единственная концепция, на основе которой

мог возникнуть европейский синтез с учетом традиций, амбиций или особых интересов).

В политическом плане единственным позитивным шагом стало решение, принятое лейбористским правительством во главе с Гарольдом Вильсоном (сменившим в 1964 г. у власти консервативное большинство), о пересмотре отношений между Великобританией и ЕЭС и о возобновлении в новой международной обстановке (обусловленной вьетнамским кризисом и политикой разрядки между США и СССР) переговоров о присоединении Великобритании к ЕЭС. Официальная просьба была представлена 10 мая 1967 г. Она еще раз натолкнулась на враждебность де Голля, в меньшей степени раздраженного двойственностью позиции британцев, проявленной в 1962 г., но все еще озабоченного расширением Сообщества, которое привело бы к чрезмерному увеличению обязательств и финансового бремени ЕЭС из-за связей Великобритании со странами Содружества. Поэтому 27 ноября 1967 г. де Голль снова наложил свое вето, однако на этот раз ни одна из стран-участниц не позволила, чтобы ситуация привела к кризису. Вето де Голля привело не к разрыву переговоров, а скорее стимулировало этап размышлений.

В октябре 1968 г. министр иностранных дел Бельгии Пьер Армель предложил, чтобы страны ЕЭС институционализировали свое политическое сотрудничество в рамках Западноевропейского Союза, расширили в его рамках сотрудничество в сфере обороны, технологической области и в сфере денежной политики. Смысл предложения был очевиден: для изоляции французской оппозиции бельгийский министр намеревался переместить дискуссию в рамки ЗЕС, где не существовало права вето и где связи этой организации с НАТО создавали прочные узы с Соединенными Штатами. Министру иностранных дел Италии Пьетро Ненни было предложено представить оперативные предложения по созыву Совета ЗЕС, планировавшегося на февраль 1969 г. Де Голль еще раз вынужден был противостоять тому, что он считал коварной попыткой англичан проникнуть в европейские институты, не отказываясь от своих «особых отношений» с Соединенными Штатами. Он прибегнул к острой дипломатической полемике, ставшей, однако, его последней политической акцией. 28 апреля, потерпев поражение на референдуме по региональной реформе во Франции, он подал в отставку.

Преемник де Голля в Елисейском Дворце Жорж Помпиду, не обуруемый глобальными устремлениями генерала, возобновил европейский диалог. 10 июля 1969 г. на пресс-конференции он затронул европейскую тему, резюмировав ее в красноречивом

триптихе — завершение, усиление, расширение — политическая установка, доминировавшая все последовавшее трехлетие. Помпиду не имел возражений по поводу вступления Великобритании, однако считал необходимым, чтобы прежде чем принимать решение о расширении Сообщества, была выработана общая аграрная политика и заложены основы экономического и валютно-финансового союза. Состоявшееся 21 октября 1969 г. заседание руководящих органов ЕЭС в Гааге, в котором впервые принял участие новый германский канцлер социал-демократ Вилли Брандт, ознаменовало начало медленного подъема. Были одобрены меры по финансовому регулированию аграрной политики Сообщества, и таким образом значительная часть связанных с этим проблем была решена.

22 апреля 1970 г. страны ЕЭС подписали соглашение относительно того, чтобы определять как «собственные» ресурсы Сообщества (налоги на сельскохозяйственную продукцию, сборы от общеевропейской таможенной политики и даже 1% от НДС). В марте 1971 г. было положено начало созданию экономического и валютно-финансового союза, проводившемуся под контролем и руководством Совета министров, то есть организации, не полностью включенной во внутреннюю институциональную систему ЕЭС. Впрочем, из-за финансового кризиса, спровоцированного в августе того же года решением Никсона приостановить свободную конвертацию доллара, стало еще труднее преодолеть инертность заинтересованных сторон. Поэтому единственным важным новшеством было заключение, наконец, соглашения относительно присоединения к ЕЭС Великобритании, Дании, Ирландии и Норвегии на основании их заявлений, представленных начиная с 1967 г. Серия переговоров завершилась 22 января 1972 г в Брюсселе подписанием договоров о присоединении четырех стран, которые вступали в силу 1 января 1973 г (следует, впрочем, учесть, что норвежцы, поставившие вопрос о присоединении на референдум, провалили решение своего правительства и остались вне Сообщества).

Расширение состава изменило характер и политическое влияние ЕЭС. Одновременно в этом же направлении действовали и стимулы для возобновления конструктивного диалога, направленного на то, чтобы экономический союз был обогащен более тесным политическим сотрудничеством. Вновь вставала тема, выдвинутая де Голлем, а именно — необходимость придать технократическому сотрудничеству более широкое политическое содержание, но в то же время такое, чтобы оно не привело к рождению субъекта, полностью выходящего из-под контроля национальных государств. Воспроизводилась диалектика взаимоотношений между федера-

листами и функционалистами, характерная для всей эволюции ЕЭС. Но прежде, чем эта тема обрела конкретность, необходимо было, чтобы объединенная Европа прошла еще одну проверку — энергетический кризис 1973 г. Учитывая сложность момента, преемник Помпиду Валери Жискар д'Эстен проявил инициативу по принятию принципов, которые фактически меняли институциональную структуру ЕЭС, хотя и открывали путь к большей роли парламентского представительства.

Парижские соглашения 9–10 декабря 1974 г. трансформировали Сообщество, превратив Совет министров в орган, являющийся его подлинной движущей силой, а Комиссию — в исполнительный орган, организующий деятельность Сообщества. Для обеспечения связи между странами-участницами необходимо было, в соответствии с соглашениями, чтобы главы правительств вместе с министрами иностранных дел «собирались три раза в год и каждый раз, когда это будет необходимо, в качестве Совета Сообщества и по вопросам политического сотрудничества». В соглашениях подтверждалось стремление осуществлять «согласованную политику» во всех областях международной жизни, которые затрагивали бы интересы ЕЭС. В качестве компенсации этого институционального поворота, предполагавшего принятие концепций де Голля, соглашения предусматривали проведение выборов в Европейский парламент на основе всеобщего избирательного права по правилам, которые следовало установить не позднее 1978 г. Кроме того, вновь поднималась тема европейского политического союза, и бельгийскому премьер-министру Лео Тиндемансу было поручено подготовить специальный доклад и представить его до конца 1975 года. Наконец, соглашения предусматривали создание Европейского фонда регионального развития, предназначенного для корректировки неравномерности развития внутри Сообщества, наибольшую выгоду от которого в тот момент получали Италия и Великобритания.

Парижскими соглашениями заканчивался первый этап истории Сообщества — этап новаторства, сомнений, принципиальных дискуссий, колебаний в институциональных вопросах, опасений, что ЕЭС может попасть в орбиту других политических и экономических влияний, в особенности, — Соединенных Штатов. В тот момент ЕЭС оставалось тесно связанным с политикой Запада в целом, однако оно стало доминирующим элементом европейской и мировой жизни, новым субъектом системы международных отношений, не обладающим военной силой, но необходимым в политическом плане, а также влиятельным с экономической точки зрения. В этой связи приводимые ниже таблицы дают убедительные

подтверждения зависимости между принадлежностью к ЕЭС, экономическим ростом и интеграцией в сфере торговли стран-участниц.

Доход на душу населения в странах ЕЭС и США (в долларах)

Страны	1955	1960	1964	1966
Бельгия	1033	1260	1671	1910
Франция	1132	1320	1835	2060
Великобритания	1051	1380	1711	1920
Италия	486	680	1036	1180
Люксембург	951	1592	1951	2030
Нидерланды	739	990	1422	1670
ФРГ	867	1280	1786	2010
США	2433	2830	3530	3840

Источник: Main Economic Indicators, OECD. November 1968.

Торговля в рамках ЕЭС в процентах к общему экспорту

Страны	1958 (шесть)	1969 (шесть)	1979 (девять)
Бельгия и Люксембург	45	68	73
Франция	22	48	53
Италия	24	43	49
Нидерланды	42	60	73
ФРГ	27	40	48
ЕЭС	32	48	54

Источник: СЕЕ, «European Economy». п. 18.

11.4. Изменения на Ближнем и Среднем Востоке

11.4.1. БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ СИТУАЦИЯ с 1956 по 1967 г.

Франко-британское политическое поражение во время Суэцкого кризиса 1956 года не сопровождалось таким же поражением Израиля. Поэтому исход военных операций вынудил Объединенные Нации сделать уступки потребностям безопасности в трактовке Тель-Авива в тот самый момент, когда совпадение устремлений сверхдержав обеспечило Насеру в качестве реванша важный политический успех. Этот успех создавал Египту и его диктатору растущее влияние в регионе, расширявшее сферу влияния панарабизма египетского образца, и в то же время предоставлял Насеру возможность избрать позицию относительного нейтралитета в отношении советского присутствия и американского влияния.

Достаточно напомнить, что, хотя русские осуществляли масштабные поставки вооружений Египту и субсидировали строительство Асуанской плотины, Соединенные Штаты продолжали до весны 1967 г. оказывать Египту экономическую помощь. Естественно, речь шла не о благотворительности, но о самом настоящем политическом вложении капитала, основанного на надежде, что Египет может вернуться в сферу влияния Запада, почвой для таких предложений были некоторые нейтралистские акценты, расставляемые несмотря ни на что, Насером. Американцы и египтяне сохраняли простор для маневра в годы, когда закат французского влияния и быстрый упадок английского оставляли сложный для заполнения вакуум, в котором преобладали внутренние проблемы арабского мира, но на который также оказывало влияние растущее советское и американское присутствие. Отсюда идеальные условия для нестабильности и изменений.

Действительно, панарабизм, который Насер избрал в качестве знамени своей международной деятельности, имел большое влияние во всем регионе, в особенности после получения независимости Тунисом и Марокко. Он приобрел еще большее влияние по мере быстрого, хотя и сталкивающегося с препятствиями, приближения полной победы алжирских националистов (1962 г.). После Суэца британское влияние в арабском мире было подорвано, однако укрепление позиций Насера сдерживалось сопротивлением консервативных режимов, выступавших против его туманного националистического и светского социализма. Кроме того, египетский диктатор должен был считаться с влиянием (которое было сильно сначала в Сирии, а потом и в Ираке) партии Баас (партии возрождения), главный теоретик которой сириец Мишель Афляк пытался соединить элементы панарабизма с мотивами, навеянными исламом, с идеями социальной реформы в качестве программы партии сирийских средних классов (и военных), а также, с необходимой корректировкой, — и других частей арабского мира. Светский характер насеровского социализма препятствовал созданию коалиции со сторонниками «Братьев-мусульман», которые оставались в основном противниками египетского военного режима и стали одной из сил, подготовивших взрыв так называемого исламского фундаментализма, начавшийся через несколько лет.

В Судане в 1958 г. военный переворот привел к установлению проегипетского режима; в Алжире в 1965 г. правительство, созданное в момент получения независимости Мухаммедом Бен Беллой, было свергнуто в результате путча во главе с Хуари Бумедьеном, вдохновленным концепциями, близкими к насеровскому

нейтрализму. В итоге силы, находившие у власти на Ближнем Востоке и в значительной части Северной Африки, стали выражением победоносного антиколониального реванша, амбициозного желания проводить реформы, которое не было, однако, подкреплено в достаточной степени опытом и четким пониманием цели. В этой группе государств, хотя и не разделявших идеалы «реального социализма» (в некоторых из них, как, например, в Египте, компартия была вне закона, а ее члены заключались в тюрьмы), доминировали свои внутренние проблемы. В то же время им угрожала региональная нестабильность. Поэтому эти государства все более благосклонно относились к связям с Советами через соглашения о военных поставках, экономической и технологической помощи в обмен на предоставление таких возможностей влиять на регион, каких у Советского Союза никогда не было в Средиземноморье.

Чтобы избежать опасностей, связанных с влиянием Насера, англичане в 1961 г. предоставили полную независимость Кувейту. В последующие годы они продолжали оставлять позиции в Персидском заливе (где позднее возникнут независимые государства, в частности Объединенные Арабские Эмираты). Освобождение Британии от своих обязательств, хотя и подтолкнуло консервативные страны к наращиванию их оборонительных усилий и поиску дополнительной внешней поддержки, привело к тому, что сфера влияния Насера распространилась на Красное море, начиная с 1966 г., когда англичане испытали трудности, связанные с издержками по управлению военной базой и нефтеперерабатывающими предприятиями в Адене и на прилегающей территории, объединенной ими в одну федеративную колонию. Ситуация еще более осложнилась из-за изменений, происшедших в Йемене, где в сентябре 1962 г. коалиция военных и реформистских сил свергла старую династию. В 1964 г. они создали Йеменскую Арабскую Республику (Северный Йемен), политически и юридически отделенную от Южного Йемена, то есть включающую в свой состав территории, которые англичане объединили в федерацию, когда предоставили независимость Адену и прилегающим областям, находившимся под их протекторатом, но юридически принадлежавшим Саудовской Аравии. Теперь уже интересы Египта и Саудовской Аравии определяли некоторые аспекты столкновения между консервативными и реформаторскими силами во всем регионе.

Столь радикальные изменения в регионе, приобретавшем все большее значение в связи с нефтяной проблемой, заставили Соединенные Штаты постепенно отказаться от надежды (которую питали Эйзенхауэр, Кеннеди и Джонсон) вернуть Египет в орбиту

Запада и убедили их в необходимости признать существующее разделение сфер влияния между государствами, заинтересованными в связи с происшедшими изменениями в советской помощи, и государствами, заинтересованными в связи с потенциальными угрозами в том, чтобы оставаться тесно связанными с Западом. Именно на Запад, кстати, они направляли большую часть своего нефтяного экспорта и именно с ним они были связаны соглашениями, заключенными с многонациональными нефтяными компаниями с целью эксплуатации, переработки, продажи сырья и размещения полученной прибыли. Обстоятельства осложнились общими настроениями антиамериканизма, охватившими бывший колониальный мир и арабские страны, а также тем, что в то время шла война во Вьетнаме. С другой стороны, открытая проарабская политика контрастировала с явными произраильскими настроениями президента Джонсона, который в этом вопросе занимал позиции, не отличавшиеся от позиций президента Трумэна.

За несколько лет Соединенные Штаты заменили, следовательно, французов и британцев во всем регионе и установили еще более тесные связи со старыми союзниками — Пакистаном, Ираном, Турцией, Ливией сенуситов, Тунисом (где президент Бургиба проводил политику осторожной модернизации и мягкого авторитаризма), Марокко короля Хасана II (что было во многом обусловлено политической и военной враждой, разделявшей его с Алжиром).

Двумя режимами, на которые должна была опираться арабская политика Соединенных Штатов, были Иордания и Саудовская Аравия. Первая была важна из-за своего географического положения, делавшего ее бастионом и буфером между арабским миром и Израилем. Вторая имела большое значение благодаря своим нефтяным запасам и благодаря влиянию, которым саудовская династия пользовалась на всем Ближнем Востоке, в особенности после того, как король Сауд, больной и подвергавшийся серьезной критике внутри правящей верхушки страны, был заменен в 1964 г. братом Фейсалом, просвещенным монархом, с огромным внутренним престижем и большим опытом международной деятельности, но прежде всего настроенным на решительное противостояние гегемонии Насера в арабском мире.

В Иордании с 1952 г. правил король Хусейн (ему тогда еще не исполнилось восемнадцати лет). Он возглавил страну, раздираемую противоречиями между пронасеровскими импульсами и настроениями лояльности в отношении правящей династии. Эти противоречия создавали сложности для достижения внутривнутриполитического равновесия и для решения проблемы палестинского меньшинства. В 1948 г. арабы, покинувшие оккупированные Из-

раилем территории, были рассеяны. В период их изгнания интенсивная деятельность по политическому воспитанию привела к распространению осознания национальной идентичности палестинским народом, который не может быть интегрирован ни в одной существующей арабской стране и естественным местом проживания которого является Палестина — Палестина, которую предстояло отвоевать. Было создано, в особенности после 1956 г., множество небольших движений. Среди них приобрела влияние группа Фатх, возглавлявшаяся Ясиром Арафатом. В 1964 г. по инициативе Лиги арабских государств, но под непосредственным руководством Египта, была создана Организация Освобождения Палестины (ООП), которую возглавляла группа Фатх, но в которую входили как в движение, претендующее на представительство всей нации, все формирования палестинских арабов. Силы ООП рассеивались по странам, соседствующим с Израилем, однако наибольшей численности они достигли в Иордании, поскольку она занимала часть территории, выделенной еще в 1947 г. арабской Палестине Организацией Объединенных Наций. Именно в Иордании и на западном берегу реки Иордан проживало наиболее многочисленное палестинское меньшинство (за исключением, возможно, сосредоточенного в секторе Газа).

Годы правления Хусейна (1952–1999) прошли, следовательно, в условиях становящегося все более хрупким равновесия, поддерживавшегося благодаря политическим и дипломатическим усилиям и благодаря сознанию необходимости создания между Израилем и большей частью арабского мира (исключая Египет) буферной территории. Таковы были причины, которые, невзирая на обиды израильтян, заставляли Вашингтон оказывать существенную экономическую и военную помощь Иордании, превращая ее в страну, являющуюся союзником Соединенных Штатов и находящуюся под их влиянием. Это создавало противоречие для американской политики растущей поддержки, оказываемой Израилю, и вызывало встревоженную реакцию и сопротивление правительства Тель-Авива, которое считало опасным для собственной безопасности дополнительные вооружения Иордании, чего, напротив, с точки зрения общих американских интересов нельзя было избежать, не опасаясь, что Иордания полностью попадет в орбиту влияния Насера.

Менее сложными были отношения между Соединенными Штатами и Саудовской Аравией. Еще король Сауд в течение многих лет укреплял связи между двумя странами. Фейсал лишь развил эту политическую ориентацию. Программа просвещенного реформистского абсолютизма, которую собирался осуществлять саудов-

ский режим, была связана в финансовом и технологическом отношении с американскими стратегическими ресурсами.

С самого начала века и даже в первые годы после Второй мировой войны Саудовская Аравия выступала серьезной альтернативой интенсивной эксплуатации нефтяных ресурсов Соединенных Штатов. Несмотря на открытие в мире других месторождений, она оставалась страной, потенциально более богатой ресурсами и нефтяными доходами. Это создавало прочную основу солидарности общества, которую не могли поколебать ни коммунистическая идеология, столь далекая от исламизма хранителей Мекки, ни насеровский национализм (который обрушил бы на Саудовскую Аравию нищету десятков миллионов египтян).

Таким образом, между 1956 и серединой 60-х годов на Ближнем Востоке образовались два лагеря, с достаточно четко определенными, хотя порой и неустойчивыми, границами. В какой-то мере политический вакуум был заполнен продвижением Советского Союза и отчасти — созданием потенциальной антинасеровской коалиции. До какой степени, однако, политика Насера совпадала с советским экспансионизмом? И до какой степени Соединенные Штаты считали волну арабского национализма важной угрозой безопасности Израиля, который, впрочем, к тому моменту еще не стал основной опорой американской ближневосточной системы? Было ли еще возможно примирить соблюдение нефтяных интересов, которые контролировали арабы, с поддержкой Израиля?

11.4.2. «ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА» 1967 г.

Указанная проблема стала проясняться (было бы неуместно употребление слова «решаться») между 1966 и 1967 г., когда два лагеря подвергли свои силы испытанию. В начале 1966 г. американцы преодолели свои колебания и, хотя и продолжали посылать вооружения умеренным арабским режимам, нарушили равновесие в своих предпочтениях, откровенно отдав их израильтянам, которым они продали 50 бомбардировщиков и более 200 танков официально для того, чтобы «уравновесить постоянную арабскую угрозу безопасности Израиля».

С другой стороны, очевидная поддержка, оказывавшаяся Насером все более частым партизанским акциям ООП, наряду с постоянными обстрелами с сирийских Голанских высот израильских кибуцев Галилеи, вела к увеличению напряженности.

Сама революционная активность ООП представляла собой весьма отдаленную угрозу для жизни Израиля, где арабское население составляло в тот период незначительное меньшинство (13% от

общей численности населения, которая с 1948 г., благодаря иммиграции, увеличилась более чем вдвое, превысив 2 млн 300 тыс.), и где — благодаря помощи еврейских общин всего мира (в особенности Соединенных Штатов) и репарациям, выплаченным Западной Германией за гитлеровские преследования, — была создана процветающая экономическая система.

В целом друг другу противостояли одна страна, проникнутая сознанием энтузиазма новой родины для евреев, и коалиция, которая должна была взять реванш за два поражения и которая, благодаря советской помощи, могла, вероятно, рассчитывать на более эффективные вооруженные силы. За кулисами сверхдержавы наблюдали за приближением развязки с вниманием, а возможно, и с надеждой: в особенности русские, которые в результате победы Насера над Израилем приобрели бы возросший престиж и определенное влияние на всем Ближнем Востоке.

Однако говорить о победе в войне значит предполагать войну. В мае — начале июня 1967 г. она стремительно приближалась. Инициатива принадлежала Насеру, использовавшему в качестве предлога предположение, сфабрикованное советскими спецслужбами, о предстоящем израильском нападении на Сирию с целью положить конец обстрелам с Голанских высот. Для того чтобы предотвратить это нападение и поставить Израиль в затруднительное положение, в середине мая Насер потребовал от Объединенных Наций вывести часть войск ООН, которые с 1957 г. патрулировали разграничительную линию между Египтом и Израилем. Генеральный секретарь ООН У Тан истолковал это требование как относящееся не к части международного контингента, а ко всем войскам Объединенных Наций, включая те, которые, располагаясь в Шарм-эль-Шейхе, гарантировали свободную навигацию по Тиранскому проливу и заливу Акаба вплоть до порта Эйлат, единственного выхода Израиля к Красному морю.

В течение нескольких дней президент Джонсон пытался уменьшить напряженность, вступив в прямой контакт с Насером, с израильским премьер-министром Леви Эшколом и советским премьер-министром Косыгиным, а также поддержав предложение У Тана отправиться с миссией в Каир. Это дипломатическое посредничество дало понять Насеру, что американцы не будут вмешиваться в военный конфликт и что, следовательно, он может поднять ставки вплоть до принятия решения, ставшего известным 22 мая, заблокировать проход израильских судов через Тиранский пролив. Иными словами, Насер пытался решить кризис как средством сильного военно-политического давления, так и прибегая к риску развязывания войны, из которой он надеялся выйти победителем.

Никакой другой расчет не был настолько необоснованным. В Тель-Авиве уже настроились на военные решения. Израильцы не знали, что они все еще обладают безусловным военным превосходством, благодаря систематическим поставкам вооружений из Франции, а затем и из Соединенных Штатов, и также знали, что в случае их поражения Соединенные Штаты не смогут сохранять свою нейтральную позицию. Теоретически Израиль был окружен враждебной коалицией, образованной Сирией, Иорданией и Египтом. На практике, как и в предыдущих войнах, единственным настоящим противником являлся Египет. Американская обеспокоенность была продиктована страхом, что война может продлиться долго. Но ход военных действий опроверг это предположение.

5 июня 1967 г. израильская авиация неожиданно атаковала египетские аэродромы и авиабазы, нейтрализовав таким образом авиацию Насера до того, как его самолеты смогли подняться в воздух. В последовавшие за этим дни в действие вступили сухопутные войска и танки. Быстрое продвижение войск под командованием начальника израильского главного штаба Ицхака Рабина лишило смысла стратегические планы египтян. За четыре дня израильцы оккупировали весь Синайский полуостров вплоть до восточного берега Суэцкого канала, который они не форсировали. В первый день войны из Тель-Авива раздалось предупреждение Хусейну: в случае, если иорданские войска не будут участвовать в конфликте, израильцы не сдвинутся со своих позиций. Хусейн не мог или не хотел прислушаться к предупреждению, и ответ Израиля был радикальным: он оккупировал весь западный берег реки Иордан так же, как весь Иерусалим. На севере в последние два дня войны израильцы атаковали Голанские высоты, то есть гряду холмов, составлявших границу с Сирией. 9–10 июня эта территория была оккупирована. В полдень 10 июня, в час, на который Советом Безопасности ООН на заседании днем раньше было назначено прекращение военных действий, они дошли до города Кунейтра.

«Шестидневная война» более чем вдвое увеличила территорию, оккупированную Израилем. Израильцы овладели Голанскими высотами, они осуществляли полный контроль над сектором Газа, западным берегом реки Иордан, всем Синайским полуостровом. 28 июня правительство Тель-Авива приняло решение об объединении еврейского и арабского Иерусалима в одну «окончательно» неделимую единицу, в отношении которой единственно возможные переговоры могли касаться норм доступа к христианским и мусульманским святыням.

11.4.3. ПОСЛЕДСТВИЯ УСПЕХА ИЗРАИЛЯ ДЛЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ВСЕГО МИРА

Впечатляющий военный успех Израиля в войне против коалиции, включавшей на бумаге все пронасеровские страны, поддерживаемой общественным мнением всего арабского мира, а в политическом и военном отношении и Советским Союзом, привел к радикальным трансформациям на Ближнем Востоке, затронувшим не только проблемы этого региона, но и международные отношения в целом; более того, он превратил палестинский вопрос и израильскую проблему из проблем, имеющих локальное значение, в проблемы, от которых зависел баланс сил во всем мире. Восточное Средиземноморье вновь стало, как некогда, одним из ключевых регионов политической, религиозной, экономической и культурной жизни мира.

Не все эти аспекты могут быть здесь рассмотрены. И все-таки необходимо дать, по крайней мере, одну общую оценку. Палестинско-израильский вопрос остро выявил проблемы развития, мира, национальных прав, безопасности и свободного доступа к запасам сырья. Он стимулировал более ясное осознание этих проблем в качестве оснований для позиций правительств или дискуссий в общественном мнении (например, в период холодной войны). Страны Западной Европы и американцы узнавали в израильских событиях что-то похожее на их историю: это могли быть остатки колониализма, религиозные мотивы или же воспоминания и угрызения совести по поводу преследований евреев, имевших место главным образом в Европе.

Арабы видели в израильской победе новую демонстрацию своей изоляции, враждебности Запада в их отношении, ограниченности воздействия, которое Советский Союз был способен оказать в защиту палестинского дела. Недавно освободившиеся страны были подвержены двум тенденциям. Часть стран, составлявшая незначительное меньшинство, видела в Израиле модель поразительной трансформации колониального государства в развитую страну. Другая — составлявшая очевидное большинство — видела в Израиле символ сохраняющегося влияния западного капитализма, а следовательно, империализма.

Египет должен был пережить самое унижительное поражение. Влияние Насера как лидера арабских народов в борьбе за реванш заметно уменьшилось. Но поражение поставило также проблему отношений с Советским Союзом, которому ставилось в упрек то, что он не поддержал дело арабов в достаточной мере.

С тех пор в отношения двух стран был привнесен элемент кризиса. Советы были вынуждены усилить свое военное присутствие, увеличив численность своего контингента в Египте приблизительно до 20 тыс. человек, которым придавалась основная военно-техническая инфраструктура, создав шесть аэропортов (что было очевидным симптомом недоверия к военным способностям египтян). Кроме того, они послали военно-морские корабли на базы в Порт-Саиде и Александрии, что стало первым шагом к присутствию крупного советского военного флота в Средиземноморье.

Помимо этого, Советы усилили экономическое вмешательство. Постройка Асуанской плотины была закончена в 1971 г., но одновременно Советский Союз финансировал (всегда на своих условиях, предусматривавших полное возмещение инвестиций, пусть и предоставленных под низкие проценты) сооружение ряда других объектов инфраструктуры и промышленных предприятий в самом Египте и в Иране. Однако именно это усиление вмешательства породило определенные расхождения. Методы, использовавшиеся русскими, не соответствовали потребностям местного населения. Поведение советских специалистов и военных зловеще напоминало поведение оккупационных войск, действовавших в первую очередь в своих собственных интересах, а не в интересах египтян. Это были затруднения, которые не могли проявиться сразу же, в том числе и из-за крайней слабости египтян. Однако, возникнув в тот момент, они привели к неразрешимому противоречию между различными аспектами советского присутствия, что начало проявляться с 1972 г.

Следующим моментом египетского кризиса стала неожиданная смерть 28 сентября 1970 г. президента Насера. Его преемник, полковник Анвар Садат, принадлежал к узкому кругу «молодых офицеров», организовавших в 1952 г. государственный переворот. Опасались, что он будет проводить еще более доброжелательную политику в отношении Советского Союза. Действительно, ему пришлось заняться проблемами укрепления своей власти прежде, чем он смог отойти от внешнеполитического курса (в направлении, противоположном ожидаемому), оставленного в наследство его предшественником.

Не менее тяжелыми были последствия поражения для Иордании и для Сирии. Утрата Западного берега реки Иордан создавала для правительства Аммана и короля Хусейна совершенно новую ситуацию. Иорданию наводнили толпы палестинских беженцев именно в тот момент, когда она потеряла самую плодородную и производительную часть своей территории. Только помощь Сау-

довской Аравии, Кувейта и Ливии (последних двух стран — ограниченная с точки зрения времени и условий) позволила Хусейну выжить. Однако лагеря палестинских беженцев стали также местами для интенсивной антиизраильской деятельности и базой для ведения партизанской войны, которую феодалы ООП вели против врага в соответствии с военными директивами, на которые Иордания не оказывала никакого влияния, но за которые она платила определенную цену в связи с израильскими репрессиями. На практике власть ООП противостояла власти иорданского правительства и поддерживалась Сирией. В сентябре 1970 г. это противоречие обострилось до крайности. Под угрозой заключения соглашения между сирийцами и ООП Хусейн принял радикальные меры против палестинских беженцев. В те дни, позднее получившие известность как «черный сентябрь», тысячи палестинских бойцов были уничтожены, а влияние ООП радикальным образом уменьшилось в результате соглашения, которое Арафат вынужден был подписать с иорданским правительством, в соответствии с которым политическая деятельность ООП в Иордании осуществлялась под контролем правительства Аммана.

Для Сирии последствия поражения также были тяжелыми. Правительство генерала Салах-ад-дин Битара, представителя левого крыла партии Баас, вступило в период глубокого кризиса, который привел в сентябре 1970 г., одновременно с попыткой вмешательства в Иордании, к отстранению самого Салах-ад-дин Битара и его замене представителем этой же партии генералом Хафезом Асадом, использовавшим власть гораздо более прагматичным образом и укреплявшим ее, не стесняясь подавлять противников.

Хотя Ливан и не принимал участие в войне и остался своего рода островом благополучия в регионе, где царил хаос, с 1967 г. он также стал ощущать последствия поражения арабов. Для ООП Ливан, по сравнению с Иорданией, имел пока второстепенное значение в качестве базы для проведения военных операций. Однако рост числа беженцев сразу же выдвинул проблему властных полномочий и регламентации партизанской деятельности. Вмешательство Насера помешало в тот момент развитию ситуации в конфликт, аналогичный тому, что возник в Иордании. В 1969 г. был достигнут компромисс, который ограничивал свободу передвижения ООП южной частью Ливана. После «черного сентября» этот компромисс стал инструментом, благодаря которому ООП удалось обосноваться в Ливане автономным образом в той степени, в какой это не удавалось сделать в Иордании — в качестве государства внутри другого государства.

Иным был характер проблем, с которыми пришлось столкнуться победителям. Неожиданное превращение Израиля из осажденного государства в державу, доминирующую в беспокойном регионе, пронизанном столькими противоречиями, выдвигало проблему придания новой ситуации нового внутреннего и международного смысла. В плане внутренней ситуации оккупация обширных арабских территорий выдвигала перед израильским правительством необходимость регламентировать отношения между двумя этническими группами, которые по численности уже почти сравнялись. Если до войны население Израиля составляло 2 млн 300 тыс. жителей, то в июне 1967 г., несмотря на отъезд многих новых беженцев, израильское население увеличилось до более чем трех с половиной миллионов человек, из которых 1,5 млн — арабы (частично те жители Израиля, которые в 1948 г. не покинули свои дома, частично — более миллиона — арабы, заявлявшие о своей палестинской идентичности).

Впервые Израилю пришлось столкнуться внутри страны и на собственных границах с одной и той же проблемой: признавать ли существование наряду с нациями, которые исторически сформировались после падения Османской империи, также и палестинскую нацию или же отрицать такое признание и отказаться, следовательно, от каких бы то ни было уступок точке зрения арабского мира. Отказу арабов 1948 г. противостоял теперь отказ израильтян, столь же упорный, основывающийся на тезисе, что только отрицание существования палестинской нации создаст гарантии безопасности израильской нации. Однако все это поднимало также юридические проблемы, которые не могли рассматриваться в чисто репрессивных категориях, поскольку внутри Израиля отношение к палестинцам оставалось враждебным, но пока еще пассивным.

Наряду с этой проблемой этнического равновесия возникала также проблема территориального характера. Что делать с оккупированными территориями? Существовало две противоположных тенденции: направленная на создание великого израильского государства, которое аннексировало бы Западный берег реки Иордан, постепенно превратив его в колонию; и тенденция, направленная на поиск компромисса, возможно, с Египтом, который соответствовал бы, по крайней мере частично, резолюциям Совета Безопасности ООН. Два параметра были четко определены: Голанские высоты были главной позицией с точки зрения безопасности Израиля, и их можно было бы уступить только в рамках общего урегулирования, в тот момент еще весьма далекого. Иерусалим должен был остаться столицей Израиля как неделимый город, где находятся святыне для еврейской религии места. Это,

следовательно, исключало переговоры с Иорданией и Сирией. Напротив, проблемы Синайского полуострова рассматривались как поле для возможного компромисса с Египтом. В течение некоторого времени после смерти Насера посредники ООН рассматривали эту гипотезу, однако на том этапе не достигли никакого конкретного результата.

Сверхдержавы ограничились лишь косвенным участием в конфликте. Совокупность проблем, с которыми сталкивалась каждая из них, и желание, чтобы шаги, совершенные в политике разрядки, не были напрасными, не позволяли идти другим путем. Соперничество носило скрытый характер, налагавший на оба правительства строгие ограничения. Однако глубина кризиса ставила под сомнение главные вопросы. Соединенные Штаты, оказавшиеся в ловушке вьетнамской войны, вынуждены были убедиться в том, что Израиль стал доминирующим элементом в Восточном Средиземноморье и что, следовательно, союз с арабским консервативным миром должен совмещаться со все более тесным сотрудничеством с израильским правительством. Это оказалось возможным не сразу, но с избранием в 1968 г. президентом Никсона постепенно становилось все более очевидным и привело к повороту 1972–1973 гг.

Для Советского Союза поражение арабов было болезненным поражением, поскольку косвенно отражало ограниченность того влияния, на которое он мог рассчитывать, и хрупкость антиизраильской коалиции (хрупкость, не восполненную переворотом, который в 1969 г. сверг сенуситскую династию и привел в Ливии к власти полковника Каддафи). Поражение не могло быть принято как таковое, поскольку оно отразилось на всей деятельности Советского Союза в развивающихся странах, что делало необходимым направлять все больше ресурсов в зону, где субъектов, безусловно преданных советским целям, было очень мало. Поддержка Египта являлась императивом с неясными перспективами. С другой стороны, решение Советского Союза порвать в сложившихся обстоятельствах дипломатические отношения с Израилем оказалось необдуманном шагом, вынудившим СССР действовать на Ближнем Востоке только в качестве защитника палестинских интересов и лишив его возможности участвовать в каких бы то ни было посреднических инициативах.

В ходе кризиса границы, которых сверхдержавы вынуждены были придерживаться, и пределы их соответствующего влияния в ближневосточном регионе стали очевидными благодаря тому, каким образом они действовали в Организации Объединенных Наций. Совет Безопасности занялся этим вопросом по инициативе израильтян, разыгравших и в этом случае неожиданную карту. Он об-

судил и одобрил одну за другой несколько рекомендаций с целью положить немедленный конец военным действиям. Израильцы в конце концов согласились со сроками, которые вынуждали их остановить наступление, когда все цели (включая оккупацию Кунейтры) на всех фронтах были достигнуты, — 10 июня. С этого дня сверхдержавы стремились выработать если не полностью идентичную, то, по крайней мере, согласованную линию поведения, как это было в 1956 г.

23 и 25 июня советский премьер-министр Косыгин, участвовавший в работе Генеральной Ассамблеи ООН, встретился в Гласборо, университетском центре штата Нью-Джерси, с президентом Джонсоном. Косыгин пытался побудить своего собеседника твердо осудить действия Израиля с тем, чтобы заставить его немедленно вывести войска с оккупированных территорий. Джонсон, напротив, не намеревался отходить от компромиссных формулировок, приемлемых также и для израильтян. Однако за этой дискуссией просматривалась проблема ограничения стратегических вооружений, и главный вопрос, несмотря на давление русских, в конце концов возобладал над региональными проблемами.

Встреча двух государственных деятелей показала, что региональное соперничество, вовсе не нарушив диалога, сделало его еще более необходимым и что, следовательно, частные противоречия могли быть улажены, если иметь в виду соглашение более широкого масштаба. В этом смысле кризисные дни 1967 г. в том, что касается общей разрядки (то есть тех рамок, в которых происходили региональные кризисы), означали момент гораздо более важного поворота, чем тот, о котором трактуют своеобразные пессимистические оценки, дававшиеся и тогда, и затем в историографии этому этапу робкого возобновления диалога после ухода со сцены Хрущева. Соглашения не последовало, однако сам факт, что два государственных деятеля встретились вскоре после шестидневной войны и во время конфликта во Вьетнаме, демонстрировал, что соображения диалога как никогда преобладали над соображениями соперничества.

В такой атмосфере осуждение израильской агрессии, за которое Генеральная Ассамблея ООН проголосовала 4 июля подавляющим большинством (99 голосов «за», ни одного «против» и 20 воздержавшихся), имело только декларативный смысл. Гораздо более важной была напряженная работа, приведшая к единогласному одобрению Советом Безопасности резолюции № 242, основы для всех дальнейших дискуссий по палестинскому вопросу, в которой был сформулирован мирный план, базировавшийся на двух принципах: вывод израильских войск «с территорий, оккупированных в результате недавнего конфликта» («from territories occupied in the

recent conflict»); прекращение любого состояния войны, уважение и признание «суверенитета, территориальной целостности и политической независимости всех стран региона и их права жить в мире в надежных и признанных границах, свободными от угроз и актов насилия».

Резолюция связывала вывод израильских войск с формированием безопасных, мирных границ, не подверженных угрозам. Но наряду с этой концепцией, однозначной, хотя и допускающей субъективные истолкования, она содержала формулу, которая объективно положила начало бесконечным спорам. Первый из двух одобренных принципов приводился выше в переводе с английского варианта, из которого следовало, что израильские войска должны уйти *«from territories»*, а не *«from the territories»*, то есть с некоторых территорий. Интерпретация этой формулы, в намеренной двусмысленности которой трудно сомневаться, подразумевала, что обязательство вывода войск касалось не всех оккупированных территорий, а могло ограничиваться какой-то их частью, пусть и очень важной. На английском языке статья, следовательно, представляла возможность для различных интерпретаций. Французский текст резолюции был, напротив, гораздо более четким, поскольку предусматривал вывод израильтян *«des territoires»*, то есть со всех оккупированных территорий. Какой из двух языков должен был стать приоритетным также являлось предметом спора, а двусмысленность могла лишь высветить границы компромисса. Однозначная версия, возможно, не была бы принята всеми странами с правом вето в Совете Безопасности. С другой стороны, то, что этот документ был принят, являлось важным результатом как для палестинцев, которых устраивало признание того, что израильтяне должны уйти с оккупированных путем агрессии территорий, так и для израильтян, которых устраивало признание их права на безопасные и мирные границы. С дипломатической точки зрения, английский текст отражал допустимые для сторон пределы компромисса. В последующие годы посредничество ООН с целью выполнения резолюции продолжалось и было поручено способному шведскому дипломату Гуннару Яррингу.

11.5. Вьетнамский кризис 1954–1968 гг.

11.5.1. ПРОВАЛ ЖЕНЕВСКИХ СОГЛАШЕНИЙ 1954 г.

Ни одна из двух частей, на которые был разделен Вьетнам в соответствии с Женевскими соглашениями 1954 года, не соблюдала данные ими обязательства. Свободные выборы, которые в течение двух лет должны были состояться в стране, превратились

в несбыточные иллюзии. Коммунисты Ханоя и проамериканское правительство, которое после изгнания французов было создано в Сайгоне под руководством католического деятеля старой правящей группы президента Нго Динь Зьема, действовали только в интересах укрепления собственных позиций. После 1954 г. и вплоть до начала китайско-советского конфликта Хо Ши Мин и его режим получали постоянную помощь как от русских, так и от китайцев. В самый критический период китайско-советских разногласий (1963–1964 гг.) Северный Вьетнам сблизился с Китаем, от которого он мог получить немедленную помощь; а затем он занял сначала равноудаленную и, наконец, откровенно просоветскую позицию.

Если «культурная революция», борьба за власть в Китае и Вьетнамская война представлялись со стороны разными, но сводимыми вместе моментами борьбы с империалистическим миром, то в конкретной ситуации они развивались по расходящимся направлениям. Во Вьетнаме требовался не беспорядок, привносимый «красными охранниками», а военный приказ, необходимый на войне, ведущейся с соблюдением суровой дисциплины. В этой войне им способны были помочь только Советы, державшие в своих руках, в определенном смысле, ключи от ее исхода, поскольку индокитайский конфликт был для Москвы одним из способов ограничения свободы действия американцев в других регионах и влияния на диалог с Соединенными Штатами.

Сохранение разделения на два разных государства привело затем к возобновлению борьбы, к проникновению националистических (северовьетнамских) сил на Юг и к эскалации американского вмешательства. Локальный конфликт превратился в масштабный международный кризис и национальную трагедию для Соединенных Штатов. С 1964 г. он возбуждал общественное мнение и потряс Соединенные Штаты до основания, поставив под сомнение (именно в те годы, когда по-новому встала проблема черного меньшинства) базовые ценности американского образа жизни: «внутренне присущая справедливая» природа американских институтов; «свободный и либеральный» характер американской политики; смысл американской международной политики. Это были темы, в отношении которых ранее критически высказывались только незначительные группы «радикалов».

Все это сказалось на многих аспектах американской жизни: от масс медиа (телевидение принесло в каждый дом суровую реальность разрушений войны) до литературы, до академической жизни и научных исследований. Это были годы, когда «ревизионистская» школа переосмыслила базовые основания американской

внешней политики и безжалостно высветила недостатки и основные черты державной политики, — годы антиамериканского ожесточения самих американцев. Это было восстание, начавшееся в черных гетто и в университетских кампусах. Постепенно оно приобрело значение смены поколений, переосмысления значительной части традиций и общих характеристик американского образа жизни. Из Соединенных Штатов движение, приспособившись к различным ситуациям, распространилось по всему миру; особенно сильный отзвук оно имело в Европе, где в 1968–1969 гг. оно находилось у истоков самой настоящей революции нравов.

Однако в целом все эти утверждения, хотя и проясняют масштаб и глубину кризиса, вызванного Вьетнамской войной в Америке, не должны и не могут позволять упускать из вида главное соображение: совокупность феноменов, приведенных в движение войной, «в огромной мере», по словам Карло Пиндзани, способствовала «приданию вьетнамским событиям символического смысла, намного превосходящего их реальное политическое и военное значение». Если рассматривать войну во Вьетнаме как проблему биполярной системы периода с 1961 по 1968 г. и еще более обоснованно — до 1975 г., то она представляла собой региональный кризис, выявивший одновременно трудность и необходимость установления глобальных соглашений, которые ограничивали бы масштаб локальных кризисов, предупреждая их превращение в более масштабные конфликты.

Тот факт, что северных вьетнамцев вооружали русские, а южных вьетнамцев вооружали американцы, которые помогли им на полях сражений, может навести на мысль, что война во Вьетнаме повторяла каким-то образом схему Корейской войны — «войны по доверенности», порученной меньшим странам, однако вовлекающей сверхдержавы, не подвергая их крайнему риску. В действительности два этих конфликта глубоко отличались по двум причинам. Первая касается внутренней ситуации. В Южной Корее режим Ли Сын Мана мог рассчитывать на консенсус, не оставивший места проникновению коммунистов, в то время как в Южном Вьетнаме режим Нго Динь Зьема подтачивался неспособностью создать вокруг себя социальный консенсус.

Вторая причина относится к международной ситуации. В 1950 г. Корейская война являлась одним из острых моментов конфликта, границы которого не были обозначены и в котором США и СССР противостояли друг другу с целью расширить сферу поражения противника. В случае с Вьетнамом, хотя поражения американцев играли на руку русским на фоне трудностей, испытываемых ими внутри коммунистического блока, а также в их деятельности

в отношении третьего мира, конечная цель Московского правительства, как, впрочем, и американского, была не расширение зоны поражения противника, а ее ограничение и, как бы то ни было, удержание под контролем. Хотя невозможно утверждать, что между двумя сторонами существовало осознанное обязательство «совместно управлять» рамками, в которых должна была вестись Вьетнамская война (как позднее утверждали многие критики «державной политики»), очевидно, однако, что ни русские, ни американцы не воспользовались чрезвычайными вьетнамскими событиями для того, чтобы создавать друг другу дополнительные трудности. Достаточно вспомнить, что самые важные соглашения за годы разрядки, подписанные в Вашингтоне в июне 1973 г., совпали с одним из наиболее острых этапов вьетнамского кризиса.

*11.5.2. США И ИНДОКИТАЙ ОТ ДАЛЛЕСА ДО КЕННЕДИ.
ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ И СВЕРЖЕНИЕ НГО ДИНЬ ЗЬЕМА*

Задача, выпавшая на долю правительства Нго Динь Зьема в Южном Вьетнаме, была чрезвычайно сложной. В 1954 г. администрация Эйзенхауэра начала оказывать ему серьезную поддержку. О причинах этой поддержки, которая, неожиданно для всех, привела к такому глубокому вовлечению американцев в индокитайскую ситуацию, имела место длительная дискуссия. Эйзенхауэр и Даллес представляли американское вмешательство (являвшееся для договора СЕАТО первым серьезным испытанием) как применение на практике так называемой «теории домино». «Если поставить на ребро одну за другой костяшки домино, — сказал Эйзенхауэр в апреле 1954 г., — и ударить по первой, то в результате обязательно упадет также последняя из них». Вьетнам был первой костяшкой в индокитайском домино. В случае его перехода под контроль коммунистов весь полуостров сразу же был бы обречен на такую же участь, равно как и полуостров Малакка, и Советам открывался путь в Бирму и Индийский океан.

Естественно, столь абстрактная стратегическая концепция опровергалась и может быть опровергнута на основе мотивировок, связанных с более конкретными интересами американцев. Однако не нужно обладать знаниями геополитика для понимания того, что признание тезиса об «эффекте домино» привело бы к катастрофическим последствиям. Если американское правительство действительно было убеждено, что «теория домино» обоснованна (а именно это, пожалуй, являлось темой дискуссии), то оно должно было вмешаться для того, чтобы блокировать продвижение просоветских сил в направлении Индийского океана.

Но серьезность опасности требовала бы обдумывания обязательств, выбора средств и развертывания ресурсов, значительно больших, чем те, которые Вашингтон мог мобилизовать. Поэтому, учитывая средства, задействованные в действительности, трудно поверить, что американская администрация в самом деле рассматривала «эффект домино» как неизбежное следствие победы коммунистов в Индокитае. Предсказывать прошлое слишком легко, но сегодня нельзя не признать, что поражение Соединенных Штатов не привело ни к одному из тех последствий, которых опасались, а, напротив, вызвало ряд схожих действий в противоположном смысле, приведших в этом регионе к «сдерживанию» и даже «изоляции» вьетнамских победителей.

В первые годы политика Зьема, казалось, имела успех. Хотя он должен был продемонстрировать силу демократии в азиатской стране, его методы правления не слишком соответствовали тем принципам, которыми он, согласно его заявлениям, руководствовался. Оппозиционеры (не только коммунисты) были изгнаны или подверглись преследованиям и тюремному заключению. Через несколько лет после 1954 г. Южный Вьетнам представлялся страной, в которой восстановлен мир. Когда в мае 1957 г. Эйзенхауэр нанес визит своему верному союзнику, он оказался более чем удовлетворенным результатом поездки. В заключительном коммюнике по итогам переговоров была даже сформулирована гипотеза, что вскоре после свободных выборов весь Вьетнам будет объединен мирным путем. Впрочем, Эйзенхауэр всегда испытывал чувство восхищения в отношении Зьема, которого он считал «настоящим патриотом», проявившим «большое мужество, талант государственного деятеля и настоящее уважение к институтам свободного общества в ходе своего правления и в процессе развития своей страны».

Видимость умиротворения не соответствовала, однако, реальным фактам. Кое-кто говорил о вьетнамском «чуде», и, конечно, в Южном Вьетнаме в период 1954–1957 гг. наступило кратковременное спокойствие. Но Зьем не предпринял ничего существенного ни для демократической реорганизации армии, ни для изменения ситуации в деревне, где обеспокоенность крестьян по поводу брошенной собственности являлась питательной почвой для коммунизма (она же способствовала позднее развитию партизанской войны). Его политика была, напротив, направлена на консолидацию собственного режима личной власти и на распределение полномочий между людьми, которые были ему верны (или казались таковыми), в том числе и из-за родственных связей с ними. Это относилось к его брату Нго Динь Луену и более влиятельному

Нго Динь Нху, зятю Зьема, уже пользовавшемуся авторитетом в политической жизни страны, в особенности в период становления режима, когда необходимо было отстранить от власти императора Аннама Бао-Дая и взять под контроль бесчисленные религиозные и политические секты, которыми изобилывал Сайгон.

Пределы «чуда» стали проявляться начиная с 1957 г., когда коммунисты вновь стали проникать на Юг и постепенно восстанавливали или завоевали контроль над большей частью деревень. В декабре 1960 г. с созданием Фронта национального освобождения это проникновение получило также политическую этикетку. Внутри фронта партизаны-коммунисты Вьетконга играли ведущую (но не монопольную) роль, поскольку Хо Ши Мину и его соратникам удалось представить свою борьбу как последнюю битву за освобождение Вьетнама от колониализма, который в течение стольких лет после окончания войны все еще не ослаблял свою хватку. Таким образом, Кеннеди, став президентом Соединенных Штатов, получил плохое наследство. Стратегия сдерживания не привела ни к какому результату, и Кеннеди следовало теперь переформулировать американские обязательства: можно было отказаться от них, попытаться перейти в контрнаступление или попытаться вдохнуть новую энергию в Зьема, который не замедлил обратиться со своими просьбами.

Деятельность Кеннеди развивалась под знаком преемственности, но осложнилась и стала более неуверенной из-за одновременного изменения ситуации в Лаосе. Заявленные программы или выдвигавшиеся стратегические установки позволяли надеяться на большую гибкость американцев в подходе к переговорам, в том числе и с теми, кто не желал рассматривать Запад как абсолютное «добро» и выступать на его стороне, а предпочитал выбрать нейтралитет и уделять большее внимание проблемам экономического развития. Именно в этой сфере мощь американцев могла бы одержать верх над советскими моделями.

В случае Вьетнама Кеннеди косвенно прикоснулся к самой сердцевине кризиса именно после того, как ему пришлось столкнуться с лаосским вопросом. В этой стране сразу же после Женевских соглашений было сформировано прозападное правительство, а коммунистические силы Патет-Лао сначала согласились отойти на территорию двух северных провинций. Однако после заключения перемирия их проникновение на юг возобновилось, что сделало их хозяевами страны. Поддержать в Лаосе антикоммунистов означало вовлечь себя в авантюру с по меньшей мере непредсказуемым результатом, учитывая, что Соединенные Штаты не могли физически добраться до Лаоса и что он, напротив,

граничил с Китаем. Однако, по мнению Генри Киссинджера, такова была стратегическая предпосылка серьезного американского вмешательства.

В марте 1961 г. Кеннеди произнес речь, обращенную к китайцам, русским и Вьетконгу, в которой он утверждал, что Соединенные Штаты не потерпят создания во Вьентьяне, столице Лаоса, коммунистического правительства. Эта тема рассматривалась в дипломатических кругах и в апреле приобрела вид англо-советского проекта, предназначенного для скорейшего обсуждения в Женеве с участием всех заинтересованных сторон. Инициатива имела успех и привела к созданию лаосского коалиционного правительства во главе с принцем Суванной Фумой, состоявшего из представителей крупнейших политических сил. В июне 1962 г., когда ситуация во Вьетнаме еще больше ухудшилась, коммунисты вышли из вьентьянского правительства, и гражданская война, причины которой не были устранены недавним компромиссом, вновь начала определять положение в стране, превращая ее в тыл Вьетнамской войны. Следовало учитывать, что по лаосской территории проходила потом «тропа Хо Ши Мина», то есть коммуникации сил Вьетконга из северной в южную часть территории Вьетнама, по которым доставлялась значительная часть помощи, необходимой для ведения партизанской войны в дельте Меконга.

Ситуация в Южном Вьетнаме не могла быть решена такими же методами, как те, что были применены в Лаосе. Нго Динь Зьем, располагавший широкой поддержкой среди беженцев из Северного Вьетнама (их число составляло в 1954 г. более одного миллиона человек), а также поддержкой американцев, не понимал, что он находится перед лицом неминуемой опасности. В то же время администрация Кеннеди думала, что она сможет организовать эффективный ответ на партизанскую войну, которую вели коммунисты. В соответствии со своим менталитетом представители американской Демократической партии, которых Кеннеди привел к власти, полагались в большей степени на идеологическую последовательность и социально-экономический реформизм, чем на идеологический экстремизм, сочетающийся с политическим прагматизмом (как это делали Эйзенхауэр и Даллес). По аналогии с тем, что произошло в Европе в послевоенный период, можно было победить коммунистов на их собственной почве, а именно — на попроще реконструкции и реформ; главное — чтобы проведение последних было передано в надежные и умелые руки. Кроме того, Южный Вьетнам действительно приобрел значение пробного камня для проверки способности американцев оказывать сопротивление коммунизму в Азии. Кен-

Кеннеди несколько колебался, прежде чем принять свои решения, и немалое влияние на эти колебания оказали события в заливе Ко-чинос на Кубе в апреле 1961 г.

Поворот американской политики в Южном Вьетнаме от оказания внешней поддержки к посылке «военных советников» и прямой помощи созрел в течение 1961 г. В мае Кеннеди послал в Сайгон вице-президента Линдона Б. Джонсона с заданием изучить возможности поставок Зьему другой помощи с целью (как писал Кеннеди вьетнамскому президенту) совместно «активизировать усилия для достижения победы в борьбе с коммунизмом и способствовать социальному прогрессу и экономическому продвижению Вьетнама». Джонсон находился под сильным впечатлением от вьетнамского опыта, возможно, как считали некоторые сопровождавшие его в той поездке, повлиявшим на его будущие решения по данному вопросу. Между тем Совет Национальной Безопасности сделал свой выбор. «Главное решение, которое мы должны принять, — докладывал Джонсон Кеннеди, — ...это должны ли мы пытаться ответить на вызов коммунистической экспансии на Юго-Востоке Азии, приложив еще большие усилия в поддержку сил свободы, или прекратить борьбу». Битва с коммунизмом, заявил также Джонсон, «должна вестись в Юго-Восточной Азии активно и решительно с целью добиться победы в этом регионе, поскольку в противном случае Соединенные Штаты должны будут неизбежно уступить всю зону Тихого океана и готовиться к защите собственного побережья». В действительности, СНБ уже принял решение, что борьба против наступления коммунистов в Южном Вьетнаме являлась «национальным интересом» американской политики, для защиты которого необходимо было прилагать усилия по созданию жизнеспособной страны и демократического общества «военными, политическими, экономическими и психологическими средствами», а также посредством секретных операций (*covert actions*), то есть — вмешательства спецслужб.

С тех пор поездки *in loco* повторялись, превратившись в детальную оценку эффективности, которую постепенно приобретало американское вмешательство. Было избрано два пути: посылка военных советников и вмешательство в сельскохозяйственную политику путем создания «стратегических деревень». Джон Кеннет Гэлбрейт, являвшийся тогда послом Соединенных Штатов в Индии, и Честер Боулс, заместитель госсекретаря, также советовали вести поиск мирного решения. Однако контакты, начатые Гарриманом в Женеве во время конференции по Лаосу, натолкнулись на стену непримиримости. Скептицизм Кеннеди относительно эффективности военного вмешательства был преодолен

позднее благодаря результатам миссии в Сайгон генерала Максуэлла Э. Тэйлора, советника президента, и Уолта У. Ростоу, советника Госдепартамента. Уже укоренившаяся в их умах убежденность в необходимости быстрого принятия решения подкреплялась анализом ситуации на месте. В докладе президенту 4 ноября 1961 г. Тэйлор призывал к своевременному вмешательству: *«Во всех частях Юго-Восточной Азии обращения, касающиеся Вьетнама, одинаковы: необходимы энергичные американские действия с целью выиграть время для того, чтобы Вьетнам мобилизовал и организовал свои реальные силы; однако сроки для реализации этих действий почти исчерпаны. А если мы потеряем Вьетнам, то будет очень трудно, если не невозможно, удержать Юго-Восточную Азию. Мы потеряем не только территорию ключевого стратегического значения, но и веру в то, что Соединенные Штаты и могут, и хотят ответить на наступление коммунистов в этом регионе».*

По мнению Тэйлора, необходимо было предпринять инициативы двух типов: военное вмешательство для демонстрации твердости и «включение» американских подразделений во вьетнамскую армию для улучшения ее подготовленности и поднятия боевого духа. Ответственность за ситуацию несли коммунисты, начавшие агрессию, однако в дезорганизации войск Юга были виноваты коррупция, фаворитизм и неэффективность местных властей. Фигура Зьема еще пока не ставилась под сомнение, но эффективность его деятельности уже попала под прицел критики. Тем временем чрезвычайная ситуация, связанная с поражением, требовала участия по крайней мере 10 тыс. американских военных советников, не считая того, что следовало решить вопрос о масштабном вмешательстве армии Соединенных Штатов. Постепенно в течение 1962 г. рекомендации Тэйлора были выполнены. В январе число американцев, вовлеченных в события в Южном Вьетнаме, составляло 4 тыс. человек, а в октябре оно достигло 10 тыс. Рассчитывая на их действия, Вашингтон считал, что у него есть хорошие шансы на победу.

Подобный оптимизм основывался также на решениях по одновременному осуществлению деятельности, направленной против коммунистического проникновения. Центром этой деятельности, отчасти доверенной специальным войскам, стал проект создания «стратегических деревень», с которого могли начаться восстановление контроля над сельской местностью и завоевание ее поддержки. Этот проект был подготовлен в конце 1961 — начале 1962 г. совместно ЦРУ и разведывательными службами Госдепартамента. Для этой цели директор ЦРУ Уильям И. Колби обратился с просьбой о сотрудничестве к британским офицерам,

имевшим опыт победы над коммунистическим восстанием в Малайе. Именно они подсказали идею «стратегических деревень», то есть действий, предусматривавших большую защиту крестьянских центров с целью сделать их жителей менее подверженными коммунистическому влиянию, дать им почувствовать себя в большей безопасности и повысить их уровень жизни. Весьма амбициозный проект. Роджер Хилсман, директор службы информации и исследований Госдепартамента утверждал: «Проблема Вьетконга — это политическая, а не военная проблема или, точнее, — это проблема гражданских действий». Диагноз был верен, но он относился к давно сложившейся реальности, которую можно было изменить только за длительный период. Надежда на то, что «стратегические деревни» за несколько месяцев изменят менталитет и настроения вьетнамских крестьян, отражала чрезмерную веру авторов американского социального проектирования во всеобщую доброжелательность.

В течение первых восьми-девяти месяцев 1962 г. американский оптимизм, казалось, оправдывался достигнутыми результатами. Кое-кто уже подумал, что победа близка, и несколько месяцев тешил себя надеждой, что можно будет начать сокращать американский контингент. Разочарование наступило осенью 1962 г., когда число критиков возросло. У многих американских представителей, посещавших Сайгон, оставалось все менее позитивное впечатление относительно сложившегося положения вещей. В конце года Кеннеди потребовал от Хилсмана и Майкла Форрестола, советника Госдепартамента по Дальнему Востоку, доклада о ситуации. После посещения Вьетнама они попытались обобщить свои впечатления, которые впервые не были столь оптимистичными. Ситуация улучшилась: «возможно мы одержим победу, но, конечно, гораздо более медленно, чем мы предусматривали». Идея «стратегических деревень» концептуально сохраняла свое значение, но ее следовало лучше реализовывать. В секретном приложении, предназначенном только для президента, дипломаты впервые официально ставили проблему Зьема: «Мы должны убедить Зьема принять нашу политику»; «мы должны активнее стимулировать постепенную либерализацию авторитарной политической структуры». А это означало решить, был ли Зьем все еще подходящей фигурой для проведения американской политики, и не настал ли момент для его замены.

В конце 1962 г. в Южном Вьетнаме находилось около 11 тыс. 500 американских военнослужащих, однако ситуация не улучшалась. Увеличить степень участия, которое в тот момент было еще незначительным и малозаметным для общественного мнения,

можно было только ценой поднятия уровня напряженности; ценой превращения Вьетнамской войны во вторую Корейскую кампанию. Кеннеди не решался предпринять шаги в этом направлении. Позднее писали, что он думал отложить свои решения на период после выборов 1964 г. для того, чтобы избежать травмирующих воздействий во время выборов. Но эти утверждения были авторитетно опровергнуты госсекретарем Дином Раском и не нашли фактического подтверждения. Впрочем, пессимизм бюрократов еще не стал широко известен: весной 1963 г. как Раск, так и министр обороны Макнамара еще предсказывали легкую победу, в то время как Кеннеди начинал беспокоиться относительно излишней вовлеченности американцев в то, что, по его мнению, являлось, в конце концов, «гражданской войной».

Действительно, победа без непосредственного участия американских войск (а не только при скромном присутствии «военных советников») предполагала наличие в Сайгоне политической силы, способной повести Южный Вьетнам к этой цели. Зьем же, напротив, стремительно терял свой авторитет. Летом 1963 г. его религиозная политика вызвала реакцию буддистов, начались показательные акции монахов, выразивших свой протест саможжениями в людных местах. Вплоть до этого момента в Соединенных Штатах те, кто руководил политикой во Вьетнаме, расходились в оценке способности Зьема справиться с ситуацией. Начиная с весны 1963 г. эти разногласия проявились в печати и в конгрессе. Когда 11 июня во Вьетнаме поджег себя первый бонза, это произвело огромное впечатление. Из Вашингтона сразу же последовало предупреждение Зьему: если он не изменит своей политики в отношении буддистов, то Соединенные Штаты должны будут публично выразить свое несогласие. Впервые дипломатические протесты вышли за пределы коридоров власти и зазвучали на публике.

В Вашингтоне разрабатывались проекты для формирования правительства под руководством заместителя Зьема-Нгуен Нгок Тхо. Однако, напротив, под влиянием жены президента госпожи Нху преследования буддистов стали более интенсивными, а в конце августа специальные войска, верные Нху, совершили нападение на несколько пагод в разных городах.

В этот момент американцы начали осуществлять проекты, над которыми они давно работали. 21 августа 1963 г., во время встречи в Гонолулу Хилсмана и республиканца Генри Кэбота Лоджа, только что назначенного послом в Южном Вьетнаме, до них дошли известия из Сайгона. 24 августа Хилсман отправил телеграмму в госдепартамент, в тексте которой утверждалось, что

Зьем должен получить достаточно времени для того, чтобы избавиться от антибуддистских фанатиков в своем окружении, но если ему не удастся провести эту чистку, то необходимо лишить его поддержки Соединенных Штатов. Это был первый шаг в направлении государственного переворота, в подготовку которого были вовлечены люди из ЦРУ и разведывательной службы госдепартамента.

Мнения советников Кеннеди полностью разделились. Макнамара и Джонсон были противниками государственного переворота. Гарриман, Джордж Болл, Хилсман и Форрестол считали, что он необходим. 29 августа Кеннеди послал в Сайгон сверхсекретную телеграмму, предлагающую промежуточное решение: он санкционирует «подготовку» к государственному перевороту, но отодвигает его осуществление до момента, пока он сам лично не разрешит действовать. Последовали недели интенсивной дискуссии, во время которой Макнамара и Максвелл Тэйлор еще раз посетили Вьетнам и в начале октября также пришли к выводу, что Соединенные Штаты должны отмежеваться от Зьема, найдя, однако, способ продолжать антикоммунистическое сопротивление. 5 октября самые близкие сотрудники Кеннеди собрались и пришли к заключению, что от Зьема следует избавиться. Когда Кеннеди послал такие указания в Сайгон, он, как отмечает историк Уильям К. Гиббонс, знал, *«что их результатом будет, вероятно, свержение президента Зьема. Он делал это очень неохотно, поскольку несомненно знал, что его личная поддержка помогла бы Зьему завоевать и удержать власть. Но в то же время он, вероятно, чувствовал себя преданным, по его мнению, неспособностью Зьема продолжать осуществлять эффективное политическое руководство и его отказом выполнить обещания, данные Соединенным Штатам»*.

Резолюция № 263, принятая 11 октября Советом Национальной Безопасности, а также предложение сократить, если это возможно, на тысячу человек американский контингент в Индокитае (как бы продемонстрировав отстраненность от событий, рассматриваемых как чисто внутренние) начали осуществляться еще до их официального оформления. Люди из спецслужб и некоторые представители армии Южного Вьетнама приготовились действовать. 27 октября телеграмма относительно «свободы действий», отправленная послу Лоджу, была получена в Сайгоне. 1 ноября президентский дворец был окружен путчистами. Зьем потребовал от американцев предоставить ему самолет для того, чтобы найти убежище за границей. Поскольку ответ задержался, он вынужден был спастись бегством, попал в руки своих противников, и 2 но-

ября был убит. По различным свидетельствам, эта новость вызвала чувство боли и досады у Кеннеди, который всегда считал, что Зьем должен был лишь подвергнуться изгнанию, и надеялся, что государственный переворот может произойти без кровопролития. Похоже, что такая реакция была искренней, и все-таки следует заметить, что если уж вы санкционируете и организуете государственные перевороты, нелогично потом оплакивать пролитую кровь, какими бы ни были испытываемые вами чувства, учитывая, что кровопролитие имманентно присуще такому типу событий и что обстановка, в которой происходило свержение Зьема, не оставляла надежды на то, что смена власти произойдет идиллическим образом.

После государственного переворота власть перешла к хунте офицеров во главе с Зыонг Ван Минем, а гражданское лицо Нгуен Нгок Тхо, бывший заместитель Зьема, стал вице-президентом. Многие политические заключенные были освобождены; люди, принадлежавшие к «клану» Зьема были убиты, и только некоторым из них удалось спастись. Вдова Зьема, госпожа Нху, находившаяся за границей, сумела спасти сыновей и яростно обвиняла американцев в «предательстве». Для директора ЦРУ Колби убийство Зьема было «самой тяжелой ошибкой Вьетнамской войны... Ужасной и глупой вещью». Другие, не столь непосредственно вовлеченные в события, как, например, Лодж, полагали, что, несмотря на тот способ, каким Зьем сошел со сцены, его смерть могла способствовать успеху борьбы против коммунистов. Впрочем, у Кеннеди не было времени для разъяснения своих решений. Может быть, он и хотел действительно снять с себя ответственность в ближайшем будущем, однако его действия до 27 октября и в последующие недели были направлены на сохранение присутствия американских «военных советников» в Южном Вьетнаме для оказания помощи его правительству в борьбе против Вьетконга. Трагическая судьба, сделавшая Кеннеди 22 ноября также жертвой покушения, полностью переложила на плечи Джонсона, неожиданно ставшего президентом, бремя принятия самых трудных решений.

11.5.3. ДЖОНСОН И «ЭСКАЛАЦИЯ» АМЕРИКАНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВЬЕТНАМЕ

Джонсон не стал немедленно менять директивы Кеннеди. Совет Национальной Безопасности, собравшийся 26 ноября, принял резолюцию № 273, даже подтверждавшую идею отзыва тысячи человек, созревшую к началу октября. Однако новому президенту

пришлось сразу же столкнуться с быстро ухудшавшейся обстановкой. Прежде всего ухудшились отношения с Камбоджей, где премьер-министр принц Сианук обвинил ЦРУ в поддержке его противников и отверг впредь всякую американскую помощь, склоняясь к политике нейтралитета, благодаря которой он надеялся спасти собственное правление. Затем накатилась волна наступления Вьетконга в Южном Вьетнаме. В традиционном годовом докладе Макнамары были затронуты самые тревожные вопросы. Новое правительство также неэффективно, как и правительство Зьема, а Вьетконг продолжает продвигаться. Необходимо, следовательно, готовиться к худшему, то есть «к более решительным шагам, если не появятся признаки улучшения ситуации». В конце года картина все еще внушала пессимизм. Тысяча человек были отозваны, но их заменили другие, количество которых стало еще больше. Число американцев, втянутых в события в Южном Вьетнаме, возросло до 20 тыс. человек, что вдвое превышало первоначальные прогнозы, однако никакого положительного результата не было достигнуто. Свержение Зьема оказалось напрасным; затея со «стратегическими деревнями» провалилась.

Предстояло, следовательно, выбрать между двумя путями: элегантно освободиться от обязательств, возможно, путем нейтрализации также и Южного Вьетнама или поворотом в постановке целей американской политики. Путь освобождения от обязательств, нейтрализации, секретных переговоров с представителями ханойского правительства в действительности никогда не отвергался и, более того, имелся в виду на всех стадиях конфликта. Генерал де Голль издали, однако имея за плечами французский опыт и испытывая определенное чувство реванша, связанное с событиями 1954 и 1956 г., в январе 1964 г. рекомендовал начать переговоры об объединении всего Вьетнама. В июне 1964 г. канадский дипломат Дж. Блэр Сиборн, отправившийся во Вьетнам в качестве члена Комиссии по контролю за соблюдением перемирия 1954 г. (!), по поручению американцев вступил в контакт с вьетнамскими представителями и 18 июня впервые встретился (эта встреча состоится еще раз в августе) с премьер-министром Северного Вьетнама Фам Ван Донгом, однако ему не удалось пробить брешь в непримиримости собеседника. У Сиборна сложилось впечатление, что северные вьетнамцы были уверены в том, что они одержат победу, и не считали нужным искать компромиссы.

Джонсон также не хотел унижений. Он говорил, что никогда не будет «первым американским президентом, проигравшим войну». Однако выход из ситуации найти не удавалось. В конце 1964 г.

новый военный переворот устранил генерала Мина и, при поддержке американцев, привел к власти генерала Нгуен Кханя. Было, однако, уже очевидно, что сайгонское правительство превращалось во все менее послушный инструмент в руках американцев. Джонсон был, вероятно, убежден, что вмешательство в Южном Вьетнаме было ошибкой, но он не считал возможным для американцев отказаться от него из-за огромного воздействия, которое это оказало бы на всю антикоммунистическую систему, и из-за последствий для имиджа самого президента. Ведь этот президент в ноябре 1964 г. впервые был вынужден вести кампанию по президентским выборам, где он продолжал играть роль «голубя», то есть пацифиста, против «ястреба» Барри Голдуотера, кандидата от республиканской партии и приверженца политики немедленной интервенции в Северном Вьетнаме.

Таким образом, тревожные новости относительно ухудшения ситуации в Южном Вьетнаме могли привести лишь к одному вынужденному решению: сделать американские обязательства более эффективными и весомыми. Выбор способов выдвигал, прежде всего, одну принципиальную проблему. Если в период правления администрации Кеннеди вмешательство принимало косвенные формы, то теперь, вероятно, наступил момент изменить методы и цели, прибегнув к более массивному вмешательству, иному, главным образом, по своему юридическому характеру, то есть позволяющему американцам непосредственно участвовать в боевых действиях, и, в особенности, в бомбардировках баз противника?

Прошло несколько месяцев колебаний и размышлений, в течение которых было принято единственное существенное решение о дальнейшем увеличении американского контингента, чем фактически было положено начало самой настоящей военной эскалации. Последняя стала позднее самым скандальным и драматическим моментом войны, в наибольшей степени вызывавшим реакцию общественного мнения, которое с течением времени все более болезненно относилось к политике Джонсона.

Поворот созрел в июне-августе 1964 г. В начале июня основные лица, ответственные за военные операции, встретились в Голнолулу. Среди прочих присутствовали генерал Уильям Уэстморленд (недавно ставший главнокомандующим американскими вооруженными силами во Вьетнаме), посол Лодж (который должен был вскоре оставить пост посла в Сайгоне для участия в президентской кампании), Макнамара, Раск, Тэйлор (который несколько позже займет место Лоджа). На встрече категорически не отвергалась и рассматривалась возможность использования в конфликте ядерного оружия. Однако в основном дискуссии сосредото-

точились вокруг двух аспектов: необходимости широкого разъяснения характера американских целей с тем, чтобы рассеять атмосферу враждебности, которую вызвало вмешательство во Вьетнаме, и начала дипломатической деятельности с целью расширить поддержку среди стран, близких к театру военных действий. В ходе дискуссий возникла новая тема: своевременности принятия резолюции конгресса для выражения его мнения относительно происходящих событий. Вплоть до этого момента президент действовал в рамках собственных полномочий. Усиление полемики и подготовка поворота заставили его ощутить потребность в более широкой поддержке, по крайней мере, такой, которая легитимизировала бы его действия.

Эти результаты и дискуссии, вроде бы ограниченные, привели к глубокому повороту. 2–3 августа 1964 г. в международных водах Тонкинского залива, после нескольких недель взаимного наблюдения, во время которого американские и южновьетнамские катера атаковали (ночью 30 июля) северовьетнамские острова, два американских корабля (сначала «*Maddox*», а затем «*Turner Joy*»), вероятно, нарушившие границы территориальных вод Северного Вьетнама, были атакованы тремя вражескими торпедными катерами, которым они дали серьезный отпор.

Инцидент в Тонкинском заливе позднее стал предметом нескончаемых дискуссий. Некоторые подозревали, что он был намеренно спровоцирован американцами для того, чтобы сделать более легкой последующую процедуру в конгрессе. Действительно, хотя многие сомнения и были закономерны, даже самые корректные свидетельства, имевшиеся в распоряжении до сих пор (1999 г.), вынуждены были остановиться на уже известных выводах. Впрочем, сам по себе частный случай имеет второстепенное значение по сравнению с его политическими последствиями. Николас Б. Катценбах, являвшийся тогда заместителем министра юстиции, а позднее заместителем госсекретаря, сказал по этому поводу годы спустя: *«Инцидент в Тонкинском заливе сам по себе был всего лишь пустяком. Конечно, президент Джонсон и правительство воспользовались им, но я не думаю, что характер этих событий имел какое-либо значение. Необходимо было всего лишь найти повод для получения резолюции [конгресса]. И тогда был избран этот инцидент. Если бы его не было, то выбрали бы что-либо другое».*

Действительно, 5 августа президент Джонсон отправил в конгресс проект резолюции, в соответствии с которой, Соединенные Штаты, учитывая жизненную важность безопасности на Юго-Востоке Азии, были готовы (*prepared*) на основе решения президента Соединенных Штатов «предпринять все необходимые шаги,

включая использование силы» для оказания помощи любому государству-члену СЕАТО (а Южный Вьетнам был таковым) «для защиты собственной свободы». Палата представителей одобрила резолюцию единогласно. Сенат обсуждал ее 6 и 7 августа и одобрил 88 голосами против двух, то есть консенсусом, выходящим за рамки всех партийных разногласий и не позволившим выйти на поверхность расколу, который, с другой стороны, стал обнаруживаться в общественном мнении Соединенных Штатов.

Резолюция несла с собой юридические проблемы, на которые обратил внимание только один сенатор (Уэйн Морс), поскольку фактически она предоставляла президенту полномочия, выходящие за пределы положения самой конституции относительно права сената объявлять войну. Однако резолюция была представлена не как шаг к принятию более ответственных решений, а как выражение стремления торжественно продемонстрировать своим противникам и всему миру, что в тот момент президент пользовался поддержкой конгресса, а, следовательно, и страны, вследствие чего прогнозы, опиравшиеся на предположение об американских уступках, были лишены основания. В преддверии выборов резолюция стала большим успехом Джонсона и привела к триумфальной кампании и громкой победе на ноябрьских выборах.

Стоит отметить, что победа Джонсона последовала через несколько дней после смещения Хрущева (14 октября) и известия относительно положительного результата первого китайского испытания атомной бомбы (также в октябре 1964 г.). Обе эти новости предвещали появление у Соединенных Штатов еще более неудобных противников. Однако Джонсон пока еще не намеревался (по всей видимости) превращать Вьетнамскую войну в «американскую» войну. Он был слишком занят внутренней политикой, кампанией борьбы за гражданские права и проведением социальных реформ (где он, выдвигая цель создания «Великого общества» (*Great Society*), то есть более справедливого общества для самых униженных слоев населения Соединенных Штатов, руководствовался рузвельтовским прецедентом). С другой стороны, он, конечно, не хотел равнодушно наблюдать за успехами коммунистов и поэтому был склонен увеличивать американские усилия. Однако он пока еще не думал о прямом вовлечении в войну. Во время избирательной кампании он ясно сказал, что не имеет ни малейшего желания посылать молодых американцев умирать вдали от дома, «чтобы сделать то, что молодые азиаты должны сделать сами». После выборов он не сразу осознал, что механизм косвенного вмешательства поставил американцев перед дилеммой потерпеть военно-политическое поражение или пойти на прямое участие в конфликте.

Эта дилемма возникла с того времени, когда число американских жертв стало внушительным. 1 ноября, накануне выборов, отряды Вьетконга напали на военно-воздушную базу Бьен-хоа, что привело к потерям со стороны американцев пяти человек убитыми; при этом были ранены 76 человек. Момент был неподходящим для немедленных ответных мер (президентские выборы состоялись 3 ноября), но Джонсон именно в день своей победы отдал приказ о подготовке адекватных репрессалий в случае, если инциденты, подобные инциденту с Бьен-хоа, повторятся. Некоторое время спустя сотрудники президента разработали проекты, которые не очень отличались от стратегии предыдущих лет. Они были направлены на то, чтобы сделать сайгонское правительство более решительным и более сильным, не упускать возможность переговорных решений, но в то же время укреплять эффективность армии и полиции, имея в виду также начало прямого военного давления на Северный Вьетнам, если он не прекратит поддерживать Вьетконг и не гарантирует независимость Южного Вьетнама.

Как и можно было предвидеть, выбор в пользу политики умиротворения (*appeasement*) или более решительного вовлечения южных вьетнамцев оказался несостоятельным. Тем временем регулярные жертвы со стороны американских военных продолжались, недоверие между американцами и южными вьетнамцами росло, доходя порой до острого политического конфликта, поскольку американцы не чувствовали, что им в достаточной степени отплатили за их усилия по поддержке коррумпированного и никчемного режима. Вместе с тем вооруженные силы Севера были уже в состоянии контролировать практически всю территорию Юга, за исключением Сайгона и американских баз.

Джонсон преодолел свои колебания довольно быстро. В начале декабря 1964 г. он одобрил, хотя и не заявляя об этом официально, планы бомбардировок Северного Вьетнама. Недоставало лишь повода для их осуществления. Однако он представился в результате еще одного нападения коммунистов. На этот раз целью нападения был Плейку, центр, расположенный на полпути между Сайгоном и 17-й параллелью. Силы коммунистов атаковали неожиданно, убили восемь американских военных и ранили около шестидесяти. Ответ последовал почти незамедлительно, поскольку президент заявил, что американские репрессалии охватят всю территорию, контролируемую коммунистами, включая Северный Вьетнам. Мотивации этого решения были очевидны. Немного менее ясной была общая цель. В конъюнктурном плане бомбардировки лишали северных вьетнамцев своего рода имму-

нитета, которым они до сих пор обладали, напрямую вовлекая их в войну. Надежное убежище, откуда помощь оружием и людьми посылались отрядам Вьетконга, переставало быть таким надежным. Можно было надеяться, что северные вьетнамцы начнут по-другому рассматривать бремя войны, и что, напротив, южные вьетнамцы почувствуют себя воодушевленными на борьбу, будучи менее уверенными в неизбежности поражения.

В общем плане, напротив, бомбардировки имели менее ясные цели, поскольку они представляли не как выражение стремления американцев взять «на себя» тяготы открытого конфликта с Северным Вьетнамом и управление им, но только желания осуществить ограниченное право на репрессалии. Это делало двусмысленным характер вмешательства, развитие которого было легко предсказуемо, но результат не ясен. Предсказуемо, поскольку стойкость северных вьетнамцев перед лицом бомбардировок, уничтожавших города и леса с помощью напалма и дефолиантов, нужных для того, чтобы было легче вести борьбу в джунглях, показала, что они, благодаря своему национальному духу, смогут вынести самые тяжелые лишения, но не отступят. А результат не ясен, поскольку неэффективность бомбардировок вновь ставила перед американцами привычный выбор: продвинуться еще дальше в принятии на себя дополнительных обязательств или пытаться быстро снять с себя обязательства в борьбе, в которую они политически оказались втянутыми по самое горло, но в которой с военной точки зрения они еще не разыграли свои самые важные карты.

В середине марта 1965 г. глава Объединенного комитета начальников штабов американских вооруженных сил генерал Гарольд К. Джонсон был послан в Южный Вьетнам для изучения вместе с Уэстморлендом и Тэйлором вопроса о том, какие дальнейшие меры следует принять. По его возвращении ситуация была глубоко проанализирована, в том числе и в свете новостей из Сайгона, согласно которым в предшествовавшие два месяца коммунисты еще больше увеличили площадь контролируемой территории. Ответ мог быть лишь массивного и военного характера. Когда президент Джонсон встретился с генералом Джонсоном и его ведущими сотрудниками, идея послать подразделения американской морской пехоты в центральную часть вьетнамского плато, вблизи демилитаризованной зоны вдоль 17-й параллели, приобрела конкретные очертания. Вероятно, заявил генерал Джонсон, понадобятся 500 тыс. человек и пять лет войны. Это была мрачная картина, которая постепенно, однако, становилась реальностью. В июле президент объявил о посылке во Вьетнам

около 75 тыс. человек, по-прежнему в качестве военных советников, но используемых также (в соответствии с секретным приказом) в военных операциях. Он все еще не решался перейти к открытой, хотя и необъявленной войне, поскольку печать и телевидение тем временем превратили вьетнамский вопрос в проблему национального масштаба. В середине апреля 1965 г. в Вашингтоне состоялся первый марш протеста против войны. Почти весь мир интеллектуалов и студентов был охвачен волной пацифизма и «ревизионизма». По опросам общественного мнения того времени существовало «молчаливое большинство», которое все еще одобряло политику президента и даже зачастую считало ее слишком слабой. Но это большинство было именно «молчаливым». Напротив, голоса протеста заставляли себя услышать.

В конце июня Уэстморленд потребовал посылки еще 100 тыс. человек. С тех пор вовлеченность американцев непрерывно росла вплоть до конца 1967 г., когда американские вооруженные силы достигли численности более 500 тыс. человек. В течение почти трех лет, в то время как мир переживал глубокие трансформации и сами американцы меняли свои жизненные привычки, вьетнамская проблема стала навязчивым кошмаром для правительства, политиков и многих граждан. Она потребовала высокую моральную, человеческую и финансовую цену. В конце войны подсчитали, что во Вьетнаме погибло 58 тыс. американцев, более чем 300 тыс. было ранено, а издержки достигли в общей сложности 165 млрд долларов. К этим данным следует добавить менее точные в статистическом плане: 200 тыс. погибших в южно-вьетнамской армии и 500 тыс. погибших у Вьетконга и регулярных сил северо-вьетнамской армии.

Здесь не место для рассмотрения хода военных действий. Мы только реконструируем те эпизоды, которые привели сначала Эйзенхауэра и Даллеса, затем Кеннеди и, наконец, Джонсона к принятию ряда мер, которые вовлекли Соединенные Штаты в самый трудный внутренний кризис за всю их историю последнего периода и повлекли за собой принятие ими политических обязательств, смысл которых никогда не был ясен. Процесс принятия решений при разных президентах обладал различными особенностями, но всегда сохранял преемственность с точки зрения его направленности на «сдерживание» национал-коммунистической политики Вьетконга. Действительно, какой смысл имела политика «сдерживания» в Восточной Азии после того, как единство коммунистической системы там было разрушено, а советские правители сделали тогда выбор в пользу продолжения политики

разрядки в отношениях с Соединенными Штатами любой ценой¹ и после того как в Индонезии генерал Сухарто уничтожил «коммунистическую опасность»? Основная причина состояла в стремлении Джонсона показать, что Соединенные Штаты не могут быть побеждены. Однако через сорок лет после войны вполне возможно констатировать, что поражение затронуло бы важную, но, в конечном счете, периферийную для контроля над Тихоокеанским регионом зону. «Теория домино» была абстрактной гипотезой, лишенной реализма. Напротив, более опасным для имиджа Соединенных Штатов было зрелище расколотой страны, президента, действия которого оспаривались, и, что еще хуже, правительства, неспособного окончательно выбрать, вести ли действительно войну, которую оно хотело, должно было и могло выиграть, или мучаться в бесконечных дискуссиях, разрешаемых всегда с помощью частичных и контрпродуктивных паллиативов.

*11.5.4. «ОТРЕЧЕНИЕ» ДЖОНСОНА (МАРТ 1968 г.)
И НАЧАЛО ПАРИЖСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ*

В конце 1967 г. создалось впечатление, что массированное развертывание американских сил принесло положительные результаты. Многие территории были отвоеваны; решимость Вьетконга действовать, казалось, ослабла. Представлялось, что контроль над территорией было легче осуществлять благодаря созданию ряда военных баз, господствовавших над стратегическими для передвижения по стране пунктами. Бомбардировки «тропы Хо Ши Мина», по которой поступала помощь коммунистам с Севера на Юг, как считалось, затруднили регулярное снабжение. Даже южные вьетнамцы демонстрировали, что они хотят более активно участвовать в борьбе и искренне приобщиться к делу демократии. В самом деле, очередной государственный переворот привел к власти в июне 1965 г. группу офицеров во главе с генералами Нгуен Ван Тхиеу и Нгуен Као Ки, настроенных откровенно антикоммунистически. В сентябре 1967 г. они осуществили «демократизацию» своей власти путем проведения выборов, в достоверности результатов которых можно сильно сомневаться. В итоге Тхиеу стал президентом, а Као Ки — вице-президентом.

¹ Советский премьер находился в Ханое в дни после американской бомбардировки Плейку, но Советы не стали увязывать бомбардировку с их отношениями с США хотя бы потому, что растущее американское вмешательство во Вьетнаме делало вашингтонское правительство потенциально более послушным партнером в других областях.

Представлялось, что картина значительно улучшилась. Однако не все были согласны с этим оптимистическим диагнозом. Министр обороны Макнамара, активный сторонник обновления американского ядерного арсенала, начал критиковать эффективность и полезность массированных бомбардировок. Его несогласие стало таким категоричным, что в октябре 1967 г. он принял, в конце концов, предложение о назначении на должность президента Всемирного банка, а его заменил Кларк Клиффорд, ранее входивший в администрацию Трумэна и являвшийся человеком «на все случаи жизни». Однако авторитетные представители демократического большинства в сенате начинали выражать серьезные сомнения. Такие люди, как Майкл Мэнсфилд, лидер сенаторов-демократов, или Уильям Дж. Фулбрайт, председатель комиссии сената по внешним делам, которые раньше держали при себе свои сомнения по поводу действий президента, теперь начали публично высказывать их. Поэтому если сообщения, распространенные до конца января 1968 г. людьми вроде Уолта У. Ростоу о неминуемом крахе Северного Вьетнама, имели значительный отклик, то, когда неожиданно обнаружилась их необоснованность, это получило еще больший резонанс.

31 января 1968 г., в первый день Тэт буддистского нового года, те силы, которые должны были находиться на грани поражения, неожиданно развернули обширное и мощное наступление на почти все провинциальные центры Юга, ряд американских баз и сам Сайгон. Внезапность привела к впечатляющим результатам. Тридцать шесть административных центров Юга попали в руки Вьетконга, который овладел также городом Гуэ, древней императорской столицей, и Бен че, главным городом провинции дельты Меконга.

Американский ответ был очень жестким. После упорной борьбы коммунисты были изгнаны из Сайгона; в результате месячных боев наступление коммунистов могло считаться отбитым. Гуэ стал центром и символом борьбы. Чтобы отразить наступление, американцы целыми днями бомбили город и, в особенности, его монументальные укрепления императорского периода. В конце февраля, после того как погибло около 10 тыс. военных и гражданских лиц, морские пехотинцы смогли водрузить американский флаг над развалинами Гуэ. Таким образом, с военной точки зрения наступление, начатое в день Тэт, завершилось поражением для северных вьетнамцев. В иной политической ситуации это могло бы стать подтверждением поворота в пользу американских сил, уже обозначившегося в предшествовавшие месяцы. Участие южных вьетнамцев в борьбе на этот раз также было впечатляющим. Однако военная победа пришла в неподходящий мо-

мент и стала тревожным сигналом. Сигнал заключался в том, что обнаружилась способность северных вьетнамцев сражаться и в самых безнадежных условиях и сопротивляться, перечеркивая все возможные прогнозы. Окончательная победа над ними представлялась нереальной (возможно, с военной точки зрения, это и было ошибочно), тем более с учетом эволюции внутренней ситуации в Соединенных Штатах.

Жестокость войны, впервые благодаря телевидению вошедшей в дома всех американцев, тот факт, что у большого числа семей кто-то был на фронте, рисковал жизнью или же эти семьи уже были сражены горем, придали полемике по Вьетнаму невиданно острый характер. Всю страну охватила волна выступлений против правительства, оправдывавшего жестокость во имя интересов, которые оно не могло толком разъяснить. Американцы разделились на «ястребов» и «голубей». Однако, «голуби», то есть те, кто требовал прекращения бомбардировок и политического решения конфликта, хотя и не представляли очевидное большинство общественного мнения (поскольку опросы, опубликованные в то время, дают противоречивые данные), являлись его самой влиятельной частью, как бы то ни было, наиболее близкой к президенту и в большей мере способной на него повлиять. В год президентских выборов, каким и был 1968 г., тот, кто хотел продолжать войну, мог выбирать только «ястреба», то есть, по всей видимости, республиканца. Демократы находились в гораздо более сложной ситуации. Во-первых, их позиции в предвыборной кампании были ослаблены присутствием кандидатуры Джорджа Уоллеса, возглавлявшего тогда силы противников интеграции черных американцев и того законодательства, которое Джонсон принял в их пользу. Во-вторых, левые демократы выдвигали своим кандидатом сенатора Юджина Маккарти, сторонника отказа от вмешательства во Вьетнаме, и тот добился на предварительных выборах в Нью-Гэмпшире (первых и часто самых важных американских «праймериз») шумной победы над Джонсоном, который, однако, еще не выставил свою кандидатуру. В-третьих, в середине марта Роберт Кеннеди, брат президента, убитого в 1963 г., выставил свою кандидатуру в качестве символа сплоченности и спасения американской нации.

Военная победа вписывалась, следовательно, в политическую ситуацию, где присутствовали только отрицательные моменты. Именно в таком состоянии духа Джонсон произнес 31 марта речь, которая должна была обозначить коренной поворот и в то же время ответить на требование генерала Уэстморленда, не известное широкой публике, относительно отправки во Вьетнам еще 200 тыс. человек. Джонсон развивал в своей речи три момента. Он утверж-

дал, что американские вооруженные силы выиграли «битву дня Тэт», но признал, что война была для Соединенных Штатов огромным грузом, который было все труднее нести. Поэтому он снова поднимал тему мира и предлагал немедленно начать переговоры с этой целью. Для демонстрации американских намерений он объявил о частичном прекращении бомбардировок территории Северного Вьетнама и заявил о намерении передать южно-вьетнамской армии большую долю ответственности за военные операции. Наконец, он объявил об отказе выставлять свою кандидатуру и не соглашаться на ее выставление на президентских выборах. Он уходил в частную жизнь, а ответственность за разрешение кризиса перекладывал на своего преемника.

Причины решения, созревшего у Джонсона, стали, естественно, предметом широкой политической дискуссии; и о них все еще можно строить только догадки. На первый взгляд, очевидно, что это было «отречение» человека, который чувствовал себя побежденным, — не столько в военном плане, сколько с точки зрения своей способности как политика придать войне доступный пониманию смысл и мобилизовать общественное мнение на поддержку борьбы на основе широкого консенсуса. Джонсон не был ни пацифистом, ни предвзятым милитаристом. Он получил тяжелое наследство и нес на себе его груз. Теперь он согласился заплатить за это и стать «козлом отпущения», отвечающим за то, что должно было ему представляться как вероятное поражение.

В конце апреля — без консультаций с сайгонским правительством, у которого были веские основания чувствовать себя брошенным, и для того, чтобы показать, что оно было против вывода американских войск из Вьетнама — президент назначил Аверела Гарримана главой делегации, которая в Париже должна была вести переговоры с представителями Северного Вьетнама. Последний, пославший в Париж делегацию во главе с Суаном Тхюи, с самого начала переговоров, 13 мая уточнил, что переговоры могут быть продолжены только при условии, что Соединенные Штаты положат окончательный конец бомбардировкам Северного Вьетнама, что Джонсон сделал только 31 октября 1968 г.

11.5.5. НИКСОН И «ВЬЕТНАМИЗАЦИЯ» ВОЙНЫ

«Отречение» Джонсона лишило предвыборную полемику ее эмоционального заряда. В результате убийства Роберта Кеннеди (5 июня 1968 г.) демократическая партия осталась без популярного кандидата. Поединок состоялся между бывшим вице-президентом Джонсона Губертом Г. Хэмфри, представителем либерального крыла демократической партии, и Ричардом Никсоном, канди-

датом от республиканцев, которого Джон Ф. Кеннеди победил с небольшим преимуществом в 1960 г. Во время избирательной кампании оба кандидата обещали искать политическое решение кризиса, но ни один из них не захотел или не смог выдвинуть конкретные предложения. Парижские переговоры шли медленно и в атмосфере острой дискуссии, поскольку условиям Северного Вьетнама Гарриман противопоставил позицию, в соответствии с которой добрые намерения американцев должны были подкрепляться аналогичными жестами со стороны противников, такими как уменьшение помощи отрядам Вьетконга. Впрочем, Вашингтон должен был считаться с отношениями, существовавшими у него с Южным Вьетнамом.

1 ноября, накануне выборов, Джонсон объявил о том, что в мирной конференции будут принимать участие также представители Национального фронта освобождения и правительства Тхьеу. Еще не являясь шагом вперед, это решение создало новые препятствия, поскольку обе вьетнамские делегации сразу же стали противодействовать друг другу, при этом каждая из них требовала исключить другую из процесса переговоров. На конференции были забавные моменты, когда, например, она оказалась надолго заблокирована дискуссией о форме стола, за которым должны были сидеть делегации. Впрочем, настоящая проблема состояла в том, каков будет исход американских выборов. С победой Никсона к власти вернулись республиканцы. Государственным секретарем стал Уильям Роджерс, однако проведение внешней политики взял на себя сам президент, опираясь на важное сотрудничество Генри Киссинджера, исследователя международных отношений, автора серьезных работ по проблемам американской внешней политики, которого Никсон держал возле себя как «специального помощника». Формула, которую Никсон ввел применительно к Вьетнаму, внешне была простой, поскольку выражалась одним словом: «вьетнамизация» конфликта, то есть отказ американцев от своего вмешательства, без отказа от своих политических целей. На деле под этой формулой могли скрываться далеко не новые и, конечно, противоречивые решения, которые следовало выработать за столом дипломатических переговоров, но также и на основе развития военных событий. Однако этот термин имел некий содержавшийся в нем самый смысл: «вьетнамизация» означала уменьшение роли американского вмешательства и начало переговоров о мирном соглашении, которое компенсировало бы поражение проектов, вынашивавшихся Джонсоном и его предшественниками. Республиканцы, которые базировались на непримиримой доктрине, враждебной в принципе компромиссным формулам, еще раз оказались наиболее приспособленными для того, чтобы

прагматически отбросить щепетильность, навязанную идеологизированными обязательствами. Наследство оказалось тяжелым. Проблема состояла в том, чтобы не дать поражению обрушиться на Соединенные Штаты «одним махом», но трансформировать его в наименее травмирующую ситуацию. Эта операция Киссинджеру прекрасно удалась, за исключением последних дней присутствия американцев в Сайгоне.

11.6. Советский лагерь: рост и противоречия

11.6.1. СМЕЩЕНИЕ ХРУЩЕВА И ПОЛИТИКА ЯДЕРНОЙ ДЕРЖАВЫ

Хрущев воплотил совокупность противоречий, характеризовавших переходный для Советского Союза период. Придя к власти в момент, когда последствия второй мировой войны были в значительной мере преодолены, он осуществлял в плане внутренней политики переход от периода восстановления и жертв к созданию общества благосостояния с коллективистскими чертами, которое превратило бы в реальность мечту о социализме и действительно повысило бы уровень жизни народов, населявших страну, в значительной своей части слаборазвитую. Синтезом этих надежд стал уже приводившийся прогноз о том, что к 1970 г. уровень жизни советских людей превысит уровень жизни американцев. Это требовало в экономическом плане тщательного распределения ресурсов и, в особенности, капиталовложений в контексте принципиального выбора между ростом производства предметов потребления и развитием тяжелой промышленности, но прежде всего вынуждало сделать кардинальный выбор между количеством ресурсов, предназначенных для военной промышленности, и ресурсами, предназначенными для гражданских потребностей.

Проблемы внутренней политики переплетались с проблемами политики международной. В теоретическом плане Сталин вырвал у Запада признание равенства, которое Хрущев смог подтвердить и усилить с помощью своих дипломатических кульбитов и благодаря тонкому пониманию возможностей, предоставляемых пропагандой в массовом обществе, которая распространилась уже на все население земного шара. Однако советский лидер должен был считаться и с некоторыми фундаментальными трудностями, связанными с несоответствием между амбициями и ресурсами, находившимися в его распоряжении. В военно-политическом плане паритет по сравнению с Соединенными Штатами признавался формально, но не существовал на деле. Следовательно, вставала проблема подкрепить паритет конкретными обязатель-

ствами посредством принятия таких мер, которые были бы сопоставимы и, возможно, более убедительны в сравнении с теми, что разработал сам Кеннеди в 1961 году.

В дипломатическом плане становилось необходимым избежать того, чтобы выбор в пользу паритета не был понят как средство для обострения Советским Союзом напряженности в отношениях с Западом, и способствовать тому, чтобы он понимался скорее как средство для уменьшения напряженности. Сочетание перевооружения, дипломатической полемики и кризисов, подобных берлинскому и кубинскому, с продолжением диалога для достижения соглашений между сверхдержавами было, однако, дипломатической практикой, которую Хрущев осуществлял, но не всегда эффективно.

Осуществление этой двойственной задачи сделалось к тому же необходимым из-за внутренней ситуации в «коммунистическом» блоке, охваченном столь глубокими разногласиями между Советским Союзом и Китаем, что они связывали руки советской дипломатии. Хрущев делал все возможное, но со все меньшим успехом, чтобы скрыть от мира разногласия, превращавшиеся в открытый конфликт и являвшиеся следствием отказа Советского Союза признать увеличение в мире в целом и внутри коммунистического блока, в частности, количества «моделей» социализма и «ведущих держав» (обладавших необходимыми военными ресурсами, как, например, ядерное оружие, придававшими такой способности быть «ведущей державой» конкретное содержание). В этом плане позиция Хрущева не сильно отличалась от позиции Сталина. В действительности, если и проявлялась большая терпимость по отношению к различию путей социальной трансформации в разных странах, то несогласие с тем, чтобы в рамках коммунистической системы рядом с Советским Союзом находился какой-либо субъект с подобным, если не равным влиянием, оставалось прежним. Необходимо постоянно помнить об этом для того, чтобы понять умолчания, колебания, резкие повороты и сюрпризы Хрущева, поскольку главная проблема перехода, активным сторонником которого он являлся, состояла в необходимости действовать таким образом, чтобы ни в коей мере не поколебать советскую гегемонию внутри коммунистического блока. Даже полемические преувеличения и рискованные шаги отражали именно эту потребность.

С точки зрения внутренней политики второй этап хрущевского эксперимента не был для Советского Союза таким же позитивным, как этап до 1959 г. Семилетний план развития, одобренный XXI съездом КПСС в феврале 1959 г., выдвигал в качестве цели устранение диспропорций, присущих советской экономике, не

замедляя при этом общего экономического роста. Поставленные цели были амбициозными, поскольку речь шла об увеличении вдвое валового продукта. В самом деле, к 1965 г., в соответствии с запланированным, СССР достиг значительных результатов в базовых отраслях промышленности. Однако если рассматривать общие данные с точки зрения их составляющих, то было видно, что существовавшие ранее диспропорции оставались неизменными или усугубились. Военная промышленность, металлургия, производство энергии осуществляли внушительный рост, однако химическая отрасль, текстильная, производство предметов потребления явно отставали. Инфраструктура отчасти улучшилась, но оставалась еще в стадии немногим более чем эмбриональной для современной страны. К тому же сельское хозяйство оставалось в ситуации перманентного кризиса из-за нехватки средств, но, прежде всего, из-за самого способа его организации — насильственной коллективизации, когда крестьяне не имели даже права самостоятельно сменить место жительства (такой порядок ввел еще Сталин в 1932 г.). Положение деревни оставалось плачевным, даже если сравнить его с положением в городе, где проблема жилья только еще начинала решаться. Эта политика встречала противодействие со стороны авторитетных экономистов, таких как Евсей Либерман, который в начале 60-х годов отстаивал необходимость того, чтобы эффективность производственной системы росла за счет «собственно экономических инструментов, основанных на материальном стимулировании труда, прибыли предприятия, системе цен, отражающей рост издержек производства и на сокращении бездумного финансирования убыточных предприятий». Однако против настоящей «экономической реформы» боролись, как отмечает Франческо Бенвенути, «мощные институциональные комплексы тяжелой промышленности и армии, боявшиеся утратить исторически приобретенное превосходство в распределении национальных ресурсов». А в Коммунистической партии, являвшейся необходимым рычагом инноваций, «формировались основные группы политических и социальных интересов, которые были противниками изменений».

Страшная засуха 1963 г. вынудила правительство возобновить нормированное распределение продуктов, и голода удалось избежать только благодаря внушительным закупкам зерна, впервые произведенным на изобильном американском рынке и оплаченным золотом. Для престижа Хрущева, после очевидной дипломатической неудачи на Кубе, это был смертельный удар.

«Действительно, сельскохозяйственное производство, — писал позднее Джузеппе Боффа, — стагнировало на заметно более высоком уровне, чем в сталинскую эпоху. Однако это было слабым утешени-

ем, поскольку за это время потребности страны ощутимо выросли. Городское население стало более многочисленным, и его доходы возросли; все, горожане и крестьяне, стали лучше питаться; животноводство требовало больше кормов; страны-союзницы хотели закупать зерно у СССР, [но] перманентный сельскохозяйственный кризис продлевал существование региональных диспропорций: самое сердце России, полоса Нечерноземья, опустошенная войной, оставалась безлюдной».

Но для всего Советского Союза еще более тяжелым был тот факт, что тогда было положено начало феномену, который с годами неуклонно усугублялся, а именно — тенденции к снижению уровня рентабельности капиталовложений. По иронии истории через несколько десятилетий после того, как Ленин предсказал, что падение нормы прибыли разрушит капиталистическую экономику, именно это явление проникло в коллективистскую экономику, подрывая ее основы.

Такая сохраняющаяся экономическая слабость еще больше осложняла достижение ядерного паритета с американцами, чего добивался Хрущев, а его преемники сохраняли в качестве цели своей военной политики.

После запуска первых МБР советский генеральный штаб приступил к пересмотру стратегии, кульминацией которого стала речь Хрущева в Верховном Совете 14 января 1960 г. Ядерные вооружения, сказал он, превратились в основные элементы войны любого типа, сделав устаревшими многие обычные виды оружия. Ядерная война будет, конечно, непродолжительной, поскольку ее начальный этап обусловит и ее исход. Русские, благодаря обширности своей территории и ядерным вооружениям, которыми они располагают (их эффективность Хрущев подчеркнул еще раз), смогут выжить после первого внезапного нападения. Однако надо было пойти дальше. Необходимо было сократить на треть обычные вооружения и направить высвободившиеся ресурсы на ракетно-ядерные вооружения. НАТО могла рассчитывать на тактические ядерные силы, которыми она уже была оснащена, однако предложение Хрущева предусматривало как ответ с помощью стратегических вооружений, так и сокращение существующего разрыва в области тактического оружия. Иными словами, Хрущев хотел сказать, что как Соединенные Штаты, так и Советский Союз должны были обладать способностью нанести после первого удара ответный удар по совершившему нападение и что «существовала взаимосвязь гарантированного взаимного уничтожения», применительно к которой географические масштабы Советского Союза и рассредоточенность населения составляли преимущество перед Западом.

В соответствии со стратегической установкой (не менявшейся вплоть до 1991 г.) в речи подтверждалась центральная роль ядерных вооружений как решающего средства любого возможного столкновения между двумя сверхдержавами. Кроме того, она представляла собой отправной пункт для обширной программы ядерного перевооружения, которую Советский Союз запустил, в особенности после того, как в 1961 г. убедился, что первенство в запуске ракет-носителей или даже в запуске спутников (в апреле 1961 г. Юрий Гагарин стал первым человеком, запущенным с советской базы в космос на борту космического корабля) не означало действительного ядерного превосходства. Ответ на американскую программу был столь решительным и после Кубинского кризиса привел к такому росту, что за несколько лет русским удалось ликвидировать разрыв и превзойти по числу ракет-носителей, хотя и не по числу ядерных боеголовок, весь потенциал Соединенных Штатов. Следующая таблица показывает, как даже и после отстранения Хрущева от власти наращивание сил продолжалось вплоть до подписания первого договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1 в 1972 г.).

Стратегическое равновесие в ключевые годы, 1964–1974 гг.

Дата	США	СССР
Июль 1964 г.	834 МБР 416 БРПЛ 630 бомб.	190 МБР 107 БРПЛ 175 бомб.
Всего	1880	472
Январь 1967 г. (предложение по ОСВ)	1054 МБР 576 БРПЛ 650 бомб.	500 МБР 100 БРПЛ 155 бомб.
Всего	2280	755
Ноябрь 1969 г. (начало переговоров по ОСВ)	1054 МБР 656 БРПЛ 525 бомб.	1140 МБР 185 БРПЛ 145 бомб.
Всего	2235	1470
Июнь 1972 г. (подписание договора по ОСВ)	1054 МБР 656 БРПЛ 430 бомб.	1527 МБР 459 БРПЛ 156 бомб.
Всего	2140 (3858 боеголовок с РГЧ ИН)	2142 (1986 боеголовок с РГЧ ИН)

МБР — межконтинентальная баллистическая ракета наземного базирования; БРПЛ — баллистическая ракета, запускаемая с подлодки; РГЧ ИН — разделяющиеся головные части индивидуального наведения; бомб. — стратегические бомбардировщики.

Источник: *Holloway D. L'Unione Sovietica e la corsa agli armamenti. P. 114.*

Эта решимость Советского Союза начать также и ядерное соперничество с Соединенными Штатами, соперничество, к которому вскоре присоединилось состязание в сооружении противоракетных систем, способных нейтрализовать возможное внезапное нападение, делает совершенно очевидным стремление к действительному ядерному паритету, с которым Советский Союз связывал перспективы стабильности в мире. Это стремление не должно, однако, вводить в заблуждение. Проблема паритета была для русских прежде всего политической, поскольку наращивание ядерных ресурсов зависело от выдвижения в качестве политического проекта равенства с Соединенными Штатами в распространении своего влияния во всех регионах мира. Естественно, этот проект предполагал, что две сверхдержавы, взаимно парализованные «равновесием страха», воздержатся от дестабилизирующих действий. Поэтому паритет являлся предварительным условием договоренностей по главным вопросам, как показал договор о прекращении ядерных испытаний, а в последующие годы переговоры по ОСВ. Иначе говоря, проект Хрущева и проект его преемников был направлен на проведение державной политики и политики равновесия в традиционном смысле как предпосылки для эффективного решения внутренних проблем СССР. Падение Хрущева стало в действительности симптомом конца переходного периода, но также и высветило те темы, которые остались в результате открытыми.

Хрущев никогда не имел единогласной поддержки в советском руководстве. Новаторский импульс, который он часто беспорядочным, но всегда выразительным образом стремился придать советской системе, сталкивался со слишком многими интересами, чтобы тактические поражения и идеологические разногласия не оказывали давление на его позицию. Ностальгия сталинистов; углубление политических и идеологических разногласий в коммунистическом мире, в особенности с Китаем; неудачи в экономике, прежде всего в сельском хозяйстве в 1963 г.; очевидное дипломатическое поражение на Кубе — все это питало постоянно звучащую критику, использовавшую к тому же волюнтаризм, посредством которого он осуществлял свою политику. В то время, когда он отдыхал на берегу Черного моря, 12 октября 1964 г. собрался Президиум ЦК КПСС. Когда решения уже были приняты, Хрущева вызвали в Москву. 14 октября был созван Пленум Центрального Комитета, который, на основе критического доклада Сулова, утвердил решение об освобождении Хрущева от его обязанностей. На пост первого секретаря ЦК КПСС был избран заместитель Хрущева Леонид Ильич Брежнев, на пост Председателя Совета министров рекомендован Алексей Николаевич Косыгин.

16 октября эта новость получила огласку: Хрущев «освобожден от своих обязанностей в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья». С тех пор он жил под Москвой в условиях изоляции, но преследованиям не подвергался.

Его преемники оставили в основном неизменным его политический курс, трансформировались лишь методы руководства партией. Они по большей части выражали стремление нормализовать ситуацию, ставшую слишком бурной и непредсказуемой. «Впервые в новейшей истории русское правительство предприняло попытку сочетать сохранение принципа предельной концентрации власти и международную роль великой державы с целью достижения максимально возможного благосостояния и социального консенсуса» (Ф. Бенвенути). В международной сфере у них не было причин отходить от уже обозначенных направлений, поскольку в их намерения входило укреплять советский лагерь в военном плане, не ухудшая при этом отношения с западным миром и продолжая, тем не менее, использовать его противоречия в своих интересах. Поэтому преемники Хрущева оставались в рамках тех структур, которые Маленков и Хрущев пытались реформировать, не меняя их радикально, то есть партии и политической системы, оставшихся в наследство от Сталина. Проблема состояла в том, чтобы понять, до каких пределов были возможны реформирование и модернизация при наличии таких ограничителей.

В 1965 г. была начата реформа, вдохновлявшаяся идеями экономиста Либермана, и были предприняты попытки в направлении перераспределения капиталовложений. Определенные преимущества получили производство предметов потребления, строительная промышленность и аграрный сектор. Однако основные структурные характеристики не изменились: жестко централизованное планирование механизма роста и вытекающая из этого тенденция к производству ненужных товаров или отсутствие роста производительности труда. Начиная с 70-х годов уменьшение численности населения выявило также другие ограничители. Кроме того, технологический прогресс, достигнутый в военном плане, не отражался на гражданской сфере вследствие жесткого разделения между двумя секторами и секретности военных новаций — полная противоположность тому, что имело место в Соединенных Штатах.

Недавние исследования очень точно выявляют экономический регресс, характерный для режима Брежнева. Незначительное повышение уровня жизни вынуждало правительство проводить политику, не обманывающую надежды народа, допуская «растущее превышение темпов роста заработной платы над ростом производительности труда». Результатом этой политики было распространение

распределительного эгалитаризма, вознаграждавшего менее квалифицированный труд таким же образом, как и труд более производительный, что порождало настроения «неудовлетворенности, широко распространившиеся среди работников квалифицированного и интеллектуального труда». Повышение производительности труда утратило свое значение, и в городах в огромной степени получили развитие теневая экономика и подпольная торговля, избавленные от государственного контроля и выгодные наиболее предприимчивым индивидам. Правительство терпело все это, а именно «растущее падение трудовой дисциплины и рост прогулов, и допустило усиление коррупции, вплоть до возникновения публичных скандалов». К концу семидесятых годов начала складываться двойная система экономической, общественной и частной жизни, усугублявшая экономический дуализм административного планирования и рыночных анклавов, присутствовавший с начала 30-х годов». В обеих сферах проявлялись «массовые явления деградации, сочетавшиеся с социальным давлением..., имевшим непредсказуемый потенциал».

11.6.2. СОВЕТСКО-КИТАЙСКО КОНФЛИКТ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

На первом этапе послесталинского периода отношения между двумя крупнейшими странами коммунистического блока оставались хорошими. Война в Корее, первый индокитайский кризис и дипломатический конфликт, который сопровождал военную акцию против островов Куэмой и Мацзу, показали, что Китайская Народная Республика намеревалась играть роль лидера на Азиатском континенте, почти всегда в тесном сотрудничестве с Советским Союзом и формально полностью признавая его гегемонию в социалистическом лагере.

Сближение с Индией сделало возможным подписание в апреле 1954 г. китайско-индийского торгового соглашения, которое регламентировало торговые обмены и религиозные контакты, традиционно осуществлявшиеся Индией в регионе. На короткое время показалось, что атмосфера сотрудничества между Индией и Народным Китаем может стать основой нового международного порядка в Азии. Формула «пяти принципов мирного сосуществования», определенная в июне 1954 г. Мао и Неру, а затем поддержанная на Бандунгской конференции, где зародилось движение неприсоединения, приобрела значение философии разрядки в международных отношениях, противостоявшей практике холодной войны. Участие в Бандунгской конференции освятило политику

Китая как вклад в дело мира на Дальнем Востоке. Парадоксальным образом такое восприятие было возможно благодаря особым отношениям, связывавшим Китай с Советским Союзом. Начало восстановления экономики и проведения плановой политики при поддержке Советского Союза способствовало внутренней стабильности страны, позволяя осуществлять дипломатическую стратегию в духе разрядки. Поэтому действия пекинского правительства, опиравшиеся на принадлежность к советскому лагерю, были более свободными и менее вовлеченными в непосредственное противостояние с капиталистическим миром. Кроме того, в момент деколонизации модель освобождения Народного Китая могла стать образцом для других молодых азиатских государств — лучшим способом найти альтернативу советским объятьям и завоевать то самостоятельное международное положение, которое отказывались признать за ними Соединенные Штаты.

Такие предпосылки исчезли, когда отношения между СССР и Китаем в течение нескольких лет проделали эволюцию от состояния союзничества и сотрудничества к дипломатическому соперничеству и даже к военному столкновению. Разногласия начали проявляться после XX съезда КПСС как следствие политики десталинизации, проводившейся Хрущевым. Вначале полемика разворачивалась по идеологическим проблемам. Тезисы Хрущева о мирном сосуществовании, о демократическом переходе к коммунизму и десталинизации давали в те годы пищу для нападок китайцев не только из-за их смысла, но, прежде всего, поскольку они были результатом теоретической разработки, осуществленной в одностороннем порядке Компартией Советского Союза, которая таким образом выражала твердое намерение сохранить гегемонию в процессе теоретической эволюции социалистической мысли. Таким образом, претензия на равное положение с Советами была разрушена до такой степени, что даже лозунг «мирного сосуществования», придуманный руководством КПК, приобрел неприемлемый для китайцев характер. Он превратился в предложение, обращенное только к Соединенным Штатам, то есть предложение, призванное санкционировать биполярный диалог, диктующий свои правила остальному миру.

Именно это вызывало оппозицию Мао и его группы. Уже с конца сороковых годов китайские коммунисты теоретически обосновывали наличие в мире промежуточного региона, открытого для осуществления замыслов империалистов. Это была зона, в которую входили как слаборазвитые страны, так и некоторые государства Запада, жертвы американской пропаганды, направленной на сохранение единства западного лагеря в качестве непре-

менного условия для защиты от коммунизма. В интерпретации китайцев мир строился в соответствии с критериями, приносящими интересы мира и прогресса народов в жертву американским гегемонистским устремлениям. После опыта авторитарной опеки Кремля для китайцев было почти естественным приравнять в своей оценке советский гегемонизм к американскому.

В течение многих лет Китай стремился к поиску иного международного порядка, намечавшегося в годы антифашистской войны, способного гарантировать народам возможность развития и модернизации, основанной на внутренних силах и характерных особенностях конкретной социальной реальности. Следовательно, нельзя было согласиться с тем, что стремился создать Хрущев, а именно — с такой организацией международных отношений, которая вынуждала выбирать между капитализмом (синонимом империализма) и советским социализмом, синонимом бюрократии, глубоких социальных противоречий и второстепенной роли сельского хозяйства. Именно в годы разрыва с Советским Союзом Компартия Китая развернула свою кампанию в поддержку «большого скачка», то есть экономического роста в рамках китайской модели, которая восходила к концепциям, сформировавшимся в начале гражданской войны. Эта кампания породила и первые внутренние расхождения в КПК.

В 1956–1957 гг. разногласия между КПК и КПСС оставались в латентном состоянии. В самом деле, в Китае параллельно с десталинизацией попытались также проводить новую политику открытости, осуществляя курс «пусть цветут сто цветов», претендовавший на то, чтобы стать воплощением национальных путей построения социализма. Долгое время сохранявшееся доверие между двумя сторонами увенчалось подписанием договора о сотрудничестве в ядерной области в октябре 1957 г., а критика Мао в отношении реабилитации Тито была сглажена участием Китая в конференции коммунистических партий, состоявшейся в том же году в советской столице в честь сороковой годовщины Октябрьской революции.

Эта конференция обозначила несомненную вершину в отношениях сотрудничества между КПСС и КПК, но именно по этому случаю престарелый китайский лидер произнес речь, ставшую позднее знаменитой, — «Ветер с Востока преобладает над ветром с Запада» — для напоминания русским о необходимости активной антиимпериалистической политики.

В последующие месяцы кризис углубился; жесточайшая критика руководства КПК в адрес югославского ревизионизма в действительности имела в виду Хрущева. Впрочем, Мао Цзэдун не

скрывал своих мыслей. В июле 1958 года он говорил советскому послу в Пекине: «Из того факта, что мы опираемся на Советский Союз, не следует, что мы повторяем его ошибки», и добавлял: «Меня могут обвинить в том, что я — националист или новый Тито. Мой ответ состоит в том, что вы расширили границы русского национализма до китайских берегов». Русские старались тогда скрыть от остального мира масштабы разногласий, а также найти союзников для того, чтобы ограничить влияние Пекина. Они не нашли их в Соединенных Штатах сначала потому, что те не сразу оценили масштабы столкновения, а затем — поскольку считали раскол чрезвычайно выгодным для американской политики.

С другой стороны, наблюдались явные признаки нетерпимости китайцев в отношении нового советского курса, подтолкнувшие Хрущева к контрнаступлению. Новое появление на повестке дня в 1958 г. «Берлинского вопроса» вписывалось в рамки необходимости продемонстрировать восточным немцам и китайцам советскую нетерпимость по отношению к Западу, однако оно сопровождалось почти одновременным решением не выполнять обещание предоставить Китаю опытную модель ядерного устройства. Хрущев старался смягчить уже ощущавшееся чувство напряженности во время своего визита в Пекин в октябре 1959 г., однако безрезультатно. В 1959 г. напряженность, связанная, в том числе, и с проблемами пограничных территориальных претензий китайцев, стала причиной неоднократных отказов Советского Союза от предложений сотрудничества в целях развития китайского ядерного потенциала. Она достигла пика в июле 1960 г., когда русские решили отозвать специалистов, посланных в Китай для сотрудничества в области осуществления ядерных программ пекинского правительства, с объяснением, что их работа встречала лишь «неблагодарность китайцев». Конфронтация развивалась уже в разных, хотя и взаимосвязанных сферах, что способствовало разрушению двусторонних отношений.

В идеологическом плане столкновение касалось гегемонии в коммунистическом движении. Поединок стал более острым начиная с апреля 1960 г., когда в теоретическом органе Компартии Китая появилась статья «Да здравствует ленинизм», содержащая открытую критику философии разрядки в том виде, как ее понимал Хрущев. Китай пережил годы огромных трудностей (так называемые «черные годы»), ставшие еще более тяжелыми из-за неудачи эксперимента с коммунами в сельском хозяйстве и провалом «большого скачка». Сама Компартия Китая была охвачена глубоким кризисом, отражавшим неуверенность, вызванную постоянными изменениями экономического курса. Отказ от сотрудниче-

ства с Советским Союзом привел к тяжелым лишениям. Для того, чтобы обеспечить послушание китайцев режиму, был воскрешен старый лозунг «опоры на собственные силы», лозунг трудных времен.

В Европе результатом советско-китайских разногласий стал разрыв отношений между Албанией (противницей нормализации отношений с Югославией) и СССР, о котором публично было объявлено в 1961 г., а также стремление Румынии, возглавляемой Николае Чаушеску, получить определенную степень самостоятельности внутри СЭВ и в отношениях с Советским Союзом при поддержке Китая осторожно дистанцироваться от некоторых международных позиций Кремля.

Международные последствия большего масштаба носили вначале латентный характер, но затем проявились со всей очевидностью. Когда пекинское правительство осознало, что технологическое превосходство, которым СССР обладал с 1957 г., односторонне использовалось как инструмент в дипломатической партии с Соединенными Штатами в целях укрепления биполярной гегемонии — вплоть до превращения ее в совместный контроль над миром (в этом состояли подозрения и опасения, распространенные тогда и воспринятые частью историографии), международная деятельность китайцев сконцентрировалась на противодействии такому подходу.

В этом свете деятельность русских по проникновению в Азию, начатая в 1954 г. соглашением с Афганистаном и продолженная посредством других контактов, кульминацией которых стало соглашение с Индией, приобретала отчетливые очертания прямого вызова Китаю. Вновь вспыхнувшее в Тибете весной 1958 г. восстание и тот факт, что Индия предоставила убежище Далай Ламе и приблизительно 13-ти тысячам тибетских беженцев, следовавших за ним, в одно мгновение сделали бессмысленными положения китайско-индийской конвенции 1954 г. Оба поборника азиатского «тьермондизма» быстро двигались к столкновению.

Под предлогом пограничного спора, по которому никогда не заключалось никакого окончательного соглашения, в 1959 г. китайцы предприняли жесткую и агрессивную политическую акцию, оспаривая принадлежность Индии территории в 125 тыс. квадратных километров и обвиняя Неру в проимпериалистической игре в связи с Тибетом. Попытки переговоров были абсолютно безрезультатны. После нескольких пограничных инцидентов, спровоцированных китайцами, 20 октября 1962 г. войска Китайской Народной Республики начали широкое наступление на оспаривавшейся китайцами линии границы и проникли приблизительно

на 40 километров на территорию Индии. Под воздействием военного успеха китайцы сформулировали предложения по переговорам, которые Индия не могла принять. Тогда 12 ноября китайское правительство решило прекратить огонь и вывести свои войска со всей оккупированной территории за исключением части Кашмира, что позволяло сохранить контроль над районом стыка границ с Пакистаном и Афганистаном. Мотивы шага, предпринятого китайцами, следовало искать в надежде на ведение переговоров с позиции силы до того, как индийцы организуют контрнаступление. К тому же китайцы хотели смягчить негативное впечатление от их агрессивной акции в международном плане. Что касается Советов, то они сохраняли нейтралитет в отношении этого конфликта, который, впрочем, плохо скрывал их симпатии к Индии.

Решение китайцев, направленное на уменьшение напряженности, имело немедленные последствия. Правительство Цейлона предложило международное участие для выработки мирного соглашения. Обе конфликтующие стороны приняли эту инициативу и встали на путь двусторонних переговоров, впрочем, длительных и безрезультатных. В конечном счете единственной державой, выигравшей от конфликта, был Советский Союз, ставший для Индии необходимым союзником в противостоянии всякой потенциальной китайской угрозе.

С другой стороны, отношение Советского Союза укрепило в китайцах убеждение, что московское правительство становилось конкретной угрозой для их безопасности. Стремительность дипломатических маневров Хрущева и непринужденность, с которой он перешел от дипломатического конфликта (в Берлине и на Кубе) и от ядерного соперничества к политике разрядки в отношениях с Соединенными Штатами, показывали, что Кремль придерживался стратегической ориентации, противоположной китайской, стремясь к сосуществованию в условиях конкуренции, а не к противостоянию лагерей. В результате с 1963 г. китайское правительство пережило краткий, но насыщенный период заметного динамизма в дипломатической сфере, целиком направленного на оспаривание авторитета Советского Союза в социалистическом лагере. Помимо албанского успеха, к 1965 г. китайцам удалось приблизить к своему политическому курсу Северную Корею, австралийских и индонезийских коммунистов. Они также проводили политику активного проникновения как во Вьетнаме, так и на Кубе.

Подписание 3 августа 1964 г. договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах подтвердило опасения китайцев относи-

тельно стремления Советского Союза изолировать Китай от принятия важнейших международных решений и предоставило пекинскому правительству возможность заявить о своей резкой оппозиции. В то же время совпадение линии Китая с оппозицией голлистской Франции по отношению к договору обеспечило дипломатическое признание Китайской Народной Республики со стороны Парижа. В течение 1964 г. конфликт между Москвой и Пекином продолжал углубляться.

Снятие Хрущева также не привело к изменениям политической ситуации. Более того, именно тот факт, что новые советские руководители заменили тактику фронтального столкновения, которой придерживался Хрущев, на более взвешенные, но также и более эффективные действия, в конечном счете усилил напряженность. Хрущев подготовил проведение в декабре 1964 г. конференции, которая должна была санкционировать окончательное осуждение китайского коммунизма. Брежнев и Косыгин аннулировали проект, избежав при этом предания остракизму партий, проявивших открытые симпатии к Компартии Китая. Более того, посетив Ханой и Пхеньян, новые советские руководители предоставили правительствам Вьетнама и Северной Кореи существенную военную и экономическую помощь, не требуя взамен никакого специального заявления о лояльности по отношению к СССР. Результаты почувствовались незамедлительно, поскольку обе страны быстро перешли на нейтральные позиции в отношении китайско-советского спора, что фактически лишало смысла предшествовавшие успехи китайской дипломатии. Это объясняет, почему мягкой линии Советского Союза Китай противопоставлял все более резкие действия, предприняв целый ряд откровенно раскольнических акций в отношении коммунистических партий, на которые китайцы, по их собственному мнению, имели определенное влияние.

Тем временем радикализация внутривнутриполитической борьбы создавала во внешнем мире образ Китая как ультрареволюционной и нестабильной страны. Ростки политических процессов, приведших к так называемой «культурной революции», означали начало растущей изоляции.

Попытка государственного переворота, предпринятая в Индонезии левыми офицерами, связанными с Компартией Индонезии и с Компартией Китая (сентябрь 1965 г.), привела к тому, что президент Индонезии Сукарно, занимавший нейтральные позиции, был лишен всякой власти. Ее результатом стала также очень жесткая реакция армии, которая, под руководством генерала Сухарто, осуществила контрпереворот, приведший к самому настоя-

щему истреблению коммунистов или считавшихся таковыми: сотни тысяч, возможно, миллион жертв, прежде всего из числа китайской общины. Народный Китай потерял, таким образом, свою самую сильную поддержку в Азии. Ограниченность экономических ресурсов привела к провалу попыток китайцев предстать перед странами Третьего мира, в особенности африканскими, недавно освободившимися, странами, в качестве иной «модели» деколонизации. Большое число договоров о техническом и политическом сотрудничестве, подписанное с этими странами (ориентированными против Советов и против западного присутствия), начало выполняться, но затем было быстро свернуто из-за нехватки ресурсов, которые Китай мог выделять в помощь развивающимся странам. Румыния и Куба отошли от Китая для того, чтобы безоговорочно присоединиться к советским позициям (в особенности это касалось Кубы).

Ответ Мао на политику, проводимую Советским Союзом, пользовался широкой народной поддержкой. Тем не менее именно обвинения в ревизионизме и бюрократизме, которые Мао сделал основой своей кампании, нашли отражение внутри китайской компартии. Внутри нее существовали разногласия по вопросам экономической стратегии и моделей развития в двух направлениях — защиты интересов большинства (такова была позиция Мао) и переосмысления революционных целей с тем, чтобы адаптировать их к новым временам (такова была другая позиция). Это противостояние уходило корнями в различия между политическими направлениями, между поколениями, а также в сложную структуру аппарата социального контроля, охватывавшего всю страну. Недовольство, которое вызывали бюрократизация и привилегии, связанные с осуществлением власти, представляло собой благоприятную почву для развития конфликта.

«В этом смысле, — пишет Энрика Пишель, — культурная революция и сопровождавшие ее конфликты были эпизодами подлинной классовой борьбы. Однако, это была классовая борьба внутри правящего класса, поскольку «широкие массы» были вовлечены в нее в той мере, в какой их привлекали определенные группы внутри властной коалиции, преследовавшие противоположные цели. При отсутствии свободы и наличии всепроникающей пропагандистской мобилизации мотивы, по которым «массы» должны были бороться в защиту собственных интересов за или против различных руководящих групп, не всегда были ясны».

Однако наличие действительного недовольства придавало Мао силы бороться за возвращение партии к защите эгалитаристских ценностей, которые были присущи ее программе ранее.

В 1966 г. он встал во главе «культурной революции», оправдывая ее как ответ на бюрократизацию и появление привилегий, ставших заметными прежде всего в городской жизни. «Красные охранники» (хунвейбины), то есть группы молодежи, которые, размахивая брошюрами с собранием цитат председателя Мао, напали на всех предполагаемых виновников «контрреволюции» и преследовали их, стали выражением того хаотичного социального бурления, способного, как надеялся Мао, возродить новый динамизм и придать порыв Народному Китаю. Первым театром борьбы стала школа. Технические дисциплины были практически отменены и заменены идеологическим обучением. Ярость молодежи была направлена против различных сложившихся форм власти, начиная от власти преподавателя, власти бюрократов, власти руководителей промышленных предприятий и вплоть до власти партийных вождей, которые рассматривались как ответственные за ревизионистские и «буржуазные» проекты. Не пощадили даже крупнейших представителей партийной верхушки КПК. Председатель республики Лю Шаоци подвергся публичным нападкам и был вынужден подвергнуть себя унижительной самокритике. Не в меньшей степени пострадали Дэн Сяопин, генеральный секретарь ЦК партии, а также генерал Пэн Дэхуай, бывший министр обороны и главное действующее лицо в военном сотрудничестве с Советским Союзом в 50-е годы. Сам Чжоу Эньлай едва избежал преследований и подвергся острой критике за китайское поражение в Индонезии.

Именно критическое положение, в котором в какой-то момент оказался Чжоу, подтолкнуло генерала Линь Бяо, восходящее светило и назначенного наследника председателя Мао, выступить за возвращение к порядку. По согласованию с самим Мао, считая, что этап революционных потрясений закончился, он прибег в 1967 г. к вмешательству военных «в защиту левых, но не какой-либо одной группировки», организовав отправку «красных охранников» (хунвейбинов) на работу в трудовые лагеря в деревне и доверив военным властям задачу формирования революционных комитетов, которые воссоздали бы партийную иерархию. Культурная революция закончилась поражением поколения, которое верило в нее, и не только в Китае. Выступление ее сторонников было «потоплено в крови и подверглось тотальной маргинализации в социальной жизни, его участников отправили в отдаленные районы, в драматические материальные условия».

В 1968–1970 гг. военные под руководством Линь Бяо, автора проекта революционного коммунизма на аграрной основе (отличительным признаком которого была, однако, гегемония воору-

женных сил), значительно усилили свою власть. Только в 1971 г., после смерти Линь Бяо в авиакатастрофе, обстоятельства которой были, по меньшей мере, неясными, Чжоу Эньлай — с помощью людей, преследовавшихся «красными охранниками», прежде всего Дэн Сяопина, — сумел сосредоточить основную власть в руках гражданских лиц. Мао старел и не мог препятствовать тому, чтобы партия постепенно воссоздавалась на более умеренной реформистской основе. После его смерти в 1976 г. начался долгий и мучительный переходный этап во внутренней политике.

В период «культурной революции» Советский Союз стал как никогда излюбленной мишенью для антиревизионистских нападок. С усилением внутренних беспорядков со стороны КНР нарастала полемика по вопросу о «царских» границах, отделявших советскую территорию от китайской. Эти настроения отражали глубокую обеспокоенность по поводу границ, которым, как считалось, непосредственно угрожал советский гигант. Страх перед столкновением вызывался также наращиванием советского военного присутствия в Азии. Люди, окружавшие Линь Бяо, были склонны думать, что Советы могут попытаться распространить «доктрину Брежнева» на весь коммунистический мир и перенести ее в том числе и на отношения с Китаем. В этом смысле подготовленная в октябре 1968 г. китайским правительством инициатива, направленная на придание спору относительно границы по Уссури военного характера, представляется сегодня превентивной мерой пекинского правительства в отношении советского гегемонизма.

В эти рамки вписывается нападение, которое китайцы совершили 2 марта 1969 г. на пограничные советские позиции на реке Уссури, заявив о необходимости пересмотра «неравноправных договоров», подписанных в период существования Российской империи XIX века. Напряженность сохранялась в течение нескольких месяцев. В марте был предпринят масштабный советский контрманевр, а когда в августе 1969 г. произошли новые столкновения, стороны решили урегулировать спор путем переговоров, начавшихся в обстановке глубокого взаимного недоверия.

Соединенные Штаты также не были готовы использовать китайскую карту. Политика разрядки, проводившаяся сначала администрацией Джонсона, а затем администрацией Никсона, казалось, закрывала путь для дипломатических маневров. Это была необоснованная оценка, однако до тех пор, пока «Вьетнамский вопрос» доминировал в американской политике, вашингтонское правительство не могло использовать возможности, представлявшиеся расколом коммунистического блока. Однако раскол внутри советского блока являлся, с точки зрения отношений

между сверхдержавами, событием огромного значения, поскольку он фактически лишил Советский Союз возможности играть важную роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе. После падения Сукарно московское правительство могло думать только об одной надежной, но уязвимой точке опоры — воюющем Вьетнаме, или после 1975 г. — победоносном Вьетнаме, изолированном во враждебном ему окружении. Оно могло также рассчитывать на выход к морю на Дальнем Востоке, который, однако, хорошо контролировался американской системой обороны.

*11.6.3. КРИЗИС 1968 г. В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ
И «ДОКТРИНА БРЕЖНЕВА»*

Китайско-советский раскол был лишь наиболее очевидным показателем внутреннего кризиса коммунистического блока. Целый ряд других ситуаций, прежде всего в Восточной Европе, показывал, что Советскому Союзу в течение более чем двадцати лет после окончания второй мировой войны так и не удалось укрепить свой контроль над этими странами и, в первую очередь, добиться того, чтобы его присутствие воспринималось не как нечто навязанное извне, а как реальный структурный фактор.

В отличие от Восточной Германии, управляемой Ульбрихтом «железной рукой» и зависящей от эволюции отношений с Федеративной Германией, а также Болгарии, традиционно близкой к русским, в таких государствах, как Польша, Венгрия и Чехословакия, это несостоявшееся укрепление контроля было особенно очевидно.

Впрочем, в Венгрии режим Яноша Кадара, установленный в 1956 г., проводил умеренно реформистскую политику, направленную на рост благосостояния населения, снимая тем самым угрозу новых политико-экономических кризисов. Кульминационным этапом этой реформистской политики было введение в начале 1968 г. «нового экономического механизма» (НЭМ), ослабившего бюрократическую централизацию разрешением предприятиям и кооперативам составлять свои производственные планы на основе собственных представлений о ситуации на местных рынках. Это делало систему планирования и общую систему формирования цен более гибкой, а также придавало большую эффективность системе обеспечения потребительскими товарами, которая соотносилась с ростом доходов на душу населения. Речь шла о вмешательстве в сложившуюся структуру, которое косвенно было направлено на восстановление политического консенсуса, хотя правительство и ощущало пределы своего воздействия. Они могли

расшириться только в результате политических уступок, которые, с другой стороны, могли стать допустимыми только в рамках определенной терпимости к нелегальному диссидентству. То же самое происходило в Польше. После воодушевления, последовавшего за приходом к власти Гомулки в 1956 г. и за первыми реформами, которые он провел, демократизация постепенно сошла на нет. Параллельно органам, созданным в 1956 г., стали действовать партийные институты, поглотившие значительную часть компетенции, которой добились советы рабочих. Парламент же, напротив, пробудился от многолетнего летаргического сна, и в 1957 г. в него впервые были избраны некоторые представители группы Знак, католического кружка, получившего, в обмен на поддержку Гомулки, право представлять кандидатов на выборы. Речь шла об автономной группе, не связанной с католическим движением Пакс правительственной ориентации и способной поэтому выражать в парламенте мнение, не полностью вписывавшееся в традиции единодушия, свойственные «народным» парламентам. Эти уступки уравнивались, однако, рядом ограничений в сфере политических свобод, прежде всего возобновлением цензуры, за которым последовало «завинчивание гаек» в отношении деятельности независимых органов печати и студенческих и интеллектуальных политических кружков.

Постепенно в 60-е гг. репрессии усилились, что породило в 1968 г. новую цепь ответных действий, предвещающих опасность. Запрет театрального представления по произведению Адама Мицкевича, поэта, воплощавшего польский патриотизм периода 1830–1848 гг., вызвал волну протестов студентов и Союза писателей. Она прокатилась по всей стране и продолжалась почти весь март 1968 г. в Варшаве, Познани, Люблине, Гданьске и Вроцлаве. Порядок был, однако, постепенно восстановлен, без всяких уступок, с помощью тщательной индивидуальной работы полиции и использования репрессивных мер. Популярность Гомулки, уже давшая трещину после значительного подъема цен, навязанного в 1967 г., еще больше снизилась. Деятель, спасший режим в 1956 г., уже исчерпал свои возможности. Волна забастовок в декабре 1970 — январе 1971 г. вновь усилила напряженность до опасного уровня.

Наращение возмущения в обществе вынудило партию еще раз проявить быстроту реакции и осторожность. Гомулка был отстранен от власти и заменен Эдвардом Герекком, коммунистом, представлявшим рабочую традицию. В январе 1971 г. он сумел противостоять новой волне забастовок, начавшихся в Щецине, и принять ряд мер, относившихся к системе заработной платы. Эти меры сделали возможным преодоление кризиса, хотя в то же са-

мое время они впервые позволили рабочим осознать свою силу в переговорах с правительством в партии. В течение всех 70-х годов Гереку удалось удерживать в своих руках власть, несмотря на экономические трудности и брожение в среде рабочих, все более осознававших значение оружия забастовки и возникающей консолидации с частью движения интеллектуалов и, в особенности, с католическим миром для формирования способности к борьбе.

Гораздо в большей степени был чреват последствиями кризис в Чехословакии. Она почти безболезненно прошла этап десталинизации. Под руководством Антонина Новотного, который в 1953 г. был навязан русскими в качестве преемника Готвальда, коммунистическая партия до 1963 г. придерживалась жесткого и сектантского политического курса. Отголоски инакомыслия были сильны, а его мишенью для критики современных «тиранов» был «культ личности» послесталинского периода. Тем не менее оно нашло способ проявить себя более масштабно после экономического кризиса 1962 г., связанного с провалом третьего пятилетнего плана. В самом деле, кризисные явления придали силы оппозиции и вынудили (или побудили) Новотного согласиться начать внутреннюю дискуссию по экономическим проблемам, выдвинувшую на первый план группу молодых экономистов, критиков «культу планирования» и сторонников ревизии экономической программы, направленной на введение принципов рыночного ценообразования и самофинансирования предприятий. Эта экономическая программа была воспринята с опасениями и стала осуществляться только начиная с 1966 г. Однако она стала показателем изменения атмосферы. Теперь представлялось, что Новотный расположен к диалогу не только по проблемам экономики, но также политики и культуры.

С 1963 по 1968 г. жизнь Чехословакии была отмечена появлением возрожденческого течения, в которое влились бесчисленные ручейки, зачастую совместимые с системой, но часто потенциально опасные для нее. Мир интеллектуалов и писателей объединялся вокруг некоторых групп и журналов, настоящих «фабрик» реформистских дискуссий, таких, как «*Literarny Noviny*» («Литературный журнал»), журнал чешских писателей, или «*Kulturny Zivot*» («Литературная жизнь»), журнал словацких писателей. За несколько лет дискуссии приобрели гораздо более острый и свободный характер.

Вновь вышел на первый план национальный вопрос, то есть протест словаков по поводу неравноправного положения, в котором они продолжали находиться также и в рамках народной республики. В 1963 г. во главе Компартии Словакии встал один из

активных участников антифашистского освободительного восстания 1944 г. Александр Дубчек. Постепенно вокруг этого деятеля сложилась оппозиция, направленная против замедленного темпа действий Новотного и трудностей на пути воплощения в жизнь обновленческих импульсов. К концу 1967 г. ситуация еще более обострилась в результате столкновений между полицией и группами пражских студентов. В декабре 1967 — январе 1968 г. Центральный комитет компартии обсудил возможную добровольную отставку Новотного. 3 января, учитывая широкую поддержку кандидатуры Дубчека, Новотный решил отойти от руководства партией, в том числе и для того, чтобы не обострять отношений с представителями словацкого народа.

В бурной атмосфере, ставшей драматичной благодаря массовой реабилитации жертв сталинизма, избрание Дубчека ускорило темп перемен. В марте Новотный оставил пост президента республики (который он сохранил в январе) и был заменен генералом Людвиком Свободой, очень уважаемым, политически нейтральным деятелем. С апреля месяца демократическое брожение приобрело лихорадочные темпы. Это были недели, которые позднее вспоминали как «Пражскую весну», недели обновления и катарсиса. Дубчек, Свобода, председатель Национального собрания Йозеф Смирковский, глава правительства Олдрих Черник разработали проекты, обрисовывавшие в общих чертах грандиозный идеал, выраженный красноречивым лозунгом — создание «социализма с человеческим лицом». Это был лозунг, в полной мере отражавший осознание ограниченности имеющегося опыта и надежду на возможность построения нового, свободного общества, не отказываясь от главных завоеваний социализма.

Подтверждение изменения курса должно было состояться на чрезвычайном съезде Компартии Чехословакии, назначенного на июль-август и готовившегося в атмосфере все более оживленной дискуссии, тон которой был задан манифестом «Две тысячи слов» Людвика Вацулика. Он появился 27 июня в еженедельнике «Литературные листы» и стал почти знаковым текстом, проводившим разграничение между силами обновления, консервативными силами и теми, кто был склонен к компромиссу.

К осторожности и компромиссу призывали также новости из других стран Варшавского договора. В июне учения советской армии уже побудили опасаться военного вмешательства. С начала июля пять европейских союзников Чехословакии (СССР, Восточная Германия, Польша, Болгария и Венгрия) начали оказывать давление с тем, чтобы состоялось коллективное обсуждение ситуа-

ции¹. Дубчек не принял предложения, сочтя его несвоевременным и отказавшись разделить тревогу союзников. Ситуация, считал он, оставалась под контролем, и не было причин ее обсуждать. 14 июля руководители пяти союзников встретились в Варшаве и послали Президиуму ЦК Компартии Чехословакии ультимативное приглашение участвовать в обсуждении. Предложение было отвергнуто, обвинение в подрыве прочности социалистической системы было расценено как необоснованное, наличие контрреволюционной опасности было отвергнуто. В качестве альтернативы было предложено, чтобы 29 июля — 1 августа в Чиерне-над-Тисой, на границе СССР и Словакии состоялась двусторонняя встреча чехословацких и советских представителей.

Встреча в Чиерне, после которой 3 августа состоялась встреча представителей пяти стран с чехословацкими руководителями в Братиславе, была своего рода диалогом глухих. Однако заключительный документ встречи в Братиславе уже содержал выражения обеспокоенности, поскольку он подтверждал необходимость солидарности в международном коммунистическом движении. Противники Дубчека, недооценивавшие народный энтузиазм, разворачивали закулисную деятельность, чтобы повернуть события вспять. Дубчек, рассчитывавший на помощь Тито и Чаушеску, оказался затем в таком же положении, как и Имре Надь в 1956 г.

Ночью 20 августа 1968 г., во время заседания Президиума Центрального комитета Компартии Чехословакии, стало известно, что вооруженные силы Варшавского договора начали вторжение. 21 августа они уже были в Праге. Сотрудники советской службы безопасности проникли в помещение Центрального комитета, взяли Дубчека и его основных соратников и вывезли их в Москву. 22 августа в то время, когда Компартия Чехословакии проводила свой чрезвычайный съезд (при отсутствии словацких делегатов по их собственному нежеланию участвовать или из-за невозможности добраться до Праги) и настоятельно подтверждала свое единство и верность политике Дубчека, поборники нового курса подвергались унижениям в Москве посредством изнурительных дискуссий и угроз относительно будущего их лично и страны в целом.

Поскольку вторжение вооруженных сил Варшавского договора не вызвало массового вооруженного сопротивления в Чехословакии, а лишь спровоцировало спорадические столкновения с немногими десятками жертв и внушительные, но неэффективные

¹ Еще 23 марта 1968 г. в Дрездене состоялась встреча руководителей партий и правительств шести социалистических стран — СССР, Польши, ГДР, Болгарии, Венгрии и ЧССР. На встрече обсуждалось развитие ситуации в Чехословакии. — *Прим. редакции.*

демонстрации, инициаторы и руководители нового курса должны были не столько согласиться с кровавыми репрессиями, сколько принять условия, выдвигавшиеся советским руководством. Они были вынуждены согласиться с нормализацией, то есть с отказом от своих надежд, с отречением от решений, принятых съездом КПЧ, состоявшимся 22 августа, а также с возвращением к прошлому.

Руководство партии предстояло передать Густаву Гусаку, чехословацкому Кадару, человеку практики и приверженцу преемственности по отношению к прошлому. Интермедию Дубчека стремились перечеркнуть, но советские правители хотели, чтобы все происходило без неожиданных поворотов и без кровопролития.

Ради блага своей страны Дубчек, Свобода, Черник и Смирковский вынуждены были вернуться на родину, для того чтобы возглавить «нормализацию», — почти так, как будто за это время ничего не произошло. Однако положение изменилось кардинальным образом после подписания 26 августа протокола, подтверждавшего их поражение и так называемую «доктрину Брежнева». Внешне власть оставалась в их руках, но теперь они действовали в направлении, противоположном прежнему. Они дезориентировали своих сторонников, расчищали путь для преемников и для чисток, которые стали неотвратимыми несколько месяцев спустя, когда страсти немного улеглись. Только в апреле 1969 г. Дубчек был заменен Гусаком. За несколько месяцев в партии была проведена чистка и ей были «вправлены мозги». Началась новая волна эмиграции в Западную Европу, состоявшая почти полностью из очень влиятельных интеллектуалов. Дубчек в течение некоторого времени находился на дипломатическом посту, затем был отозван на родину, исключен из партии и обречен на жизнь в одиночестве в районе Братиславы, где он работал простым рабочим. Позднее он вернулся на политическую сцену, но его имидж был омрачен сенсацией, не меньшей, чем связанная с Надем в 1956 г., — сведениями о том, что он колебался, выступать ли против интервенции. Это, вероятно, правда, как показывают записи его последних телефонных разговоров с Брежневым перед вторжением. Однако это отражает и личную трагедию разрываемого обязательствами политического деятеля, в котором доминировало стремление не дать своим согражданам пережить судьбу, сравнимую с той, что выпала в 1956 г. на долю венгров.

Значение чехословацкого кризиса для международной жизни может быть понято, только если принять во внимание некоторые обстоятельства, благодаря которым эти драматические события сыграли свою роль не только в истории Чехословакии как участника Варшавского договора, но также и в истории советской поли-

тики внутри коммунистического блока. Последствия кризиса повлияли на образ СССР в мире и внутри международного коммунистического движения, а в особенности — на растущее недоверие китайцев.

Что касается последствий кризиса для остальной Восточной Европы, то документы, опубликованные в 1992 г., показывают, что тревога ощущалась прежде всего в Польше и в Восточной Германии. Последствий «пражской весны» особенно опасались Гомулка и Ульбрихт. Именно они, и прежде всего немецкий лидер, оказали давление на Брежнева в поддержку вмешательства. Их деятельности в значительной мере способствовали также некоторые консервативные представители самой Компартии Чехословакии. Пятеро из них, в том числе Алоис Индра и Васил Биляк, за несколько дней до вооруженного вмешательства передали Брежневу два письма (о существовании которых было известно, хотя их текст был опубликован лишь в 1992 г.) с выражением сожаления по поводу ошибок, совершенных друзьями Дубчека, и с просьбой о «помощи и поддержке всеми имеющимися в его распоряжении средствами» для того, чтобы спасти Чехословацкую республику «от опасности неминуемой контрреволюции». Это было нелегким шагом, писали они, однако в условиях, когда возможность сопротивляться контрреволюционной волне была исчерпана, их призыв следовало рассматривать как «неотложную просьбу, призывающую к вмешательству в полном объеме». В соответствующем контексте оба письма делают очевидным одно обстоятельство: в тот момент просоветские элементы рассматривали ситуацию как уже проигранную контрреволюционным элементам («Само существование социализма в нашей стране находится под угрозой», — писали они), а вмешательство Советского Союза — как неизбежное. Пролетарский интернационализм, то есть преданность по отношению к СССР, возобладав, следовательно, над лояльностью по отношению к нации. Призыв делал советское вмешательство в какой-то мере легитимным, поскольку подтверждал Брежневу, что оно встретит поддержку людей, готовых к сотрудничеству.

В международном плане Брежнев оправдал акцию с помощью так называемой «доктрины ограниченного суверенитета». По существу речь шла о приукрашенном варианте режима протектората, то есть делегирования Советскому Союзу в определенных случаях права поддерживать порядок во всех странах коммунистической системы. Зденек Млынарж, один из членов чехословацкой делегации на «переговорах» в Москве в августе 1968 г., вспоминает в своих мемуарах, что Брежнев в той ситуации не скрывал свое

мнение. Жертвы Советского Союза ради освобождения стран Европы от нацизма во время войны оправдывали постоянную опеку в их отношении со стороны Красной Армии. Речь шла не о формальной позиции (хотя через некоторое время министр иностранных дел Громыко повторил аналогичные концепции на заседании Генеральной Ассамблеи ООН), но о смысле этого утверждения, предопределявшем отношения колониального типа.

Хотя внешне «доктрина Брежнева» и демонстрировала стремление к абсолютному доминированию, в действительности она отражала глубокую неуверенность. Помимо всего прочего, начиная с 1948 г., то есть с конфликта с Югославией Тито, и в дальнейшем Советскому Союзу пришлось противостоять почти непрерывным попыткам восстаний, либо сдерживаемых предоставлением каких-либо своевременных уступок, либо подавляемых с помощью насилия, роль которого еще не исследована в полной мере. Это означало, что Советскому Союзу не удалось укорениться в общественной жизни стран, где он доминировал, а также, что концепция лагеря «реального социализма» обретала реальное содержание, только когда границы этого лагеря определялись с помощью силы. Спустя почти четверть века после окончания войны Советскому Союзу все еще приходилось противостоять угрозам нестабильности в Восточной Европе. Поэтому он настойчиво стремился к началу масштабного диалога с Западом с целью созыва конференции по безопасности в Европе. В самом деле, через шесть месяцев после пражских событий русские предложили начать переговоры, которые в 1972 г. положили начало Хельсинкскому процессу, завершившемуся в 1975 г. подписанием Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Вторжение в Чехословакию привело также в движение механизмы, позволившие впоследствии выявить новые проблемы, с которыми пришлось столкнуться режиму Советов. До 1956 г. несогласные с советской политикой выражали свое мнение, постепенно отделяясь от компартии своей страны. В 1968 г. противодействие приобрело иной характер. Коммунистические партии Западной Европы, включенные в плюралистическую политическую систему, обвинялись в том, что выступали приверженцами режима, подавляющего гражданские свободы. Они стали дистанцироваться от системы «реального социализма». Все (или почти все) западные компартии высказали свое несогласие с действиями московского правительства. Именно тогда возникла концепция «еврокоммунизма», теоретический проект, имевший недолгую судьбу, однако оставивший глубокий след. В проекте четко кон-

статировалось, что итальянская, французская и испанская компартии не считают для себя пригодными социально-политические модели, предлагаемые Советским Союзом, и противопоставляют реальному социализму «идеальный социализм» с неопределенными характеристиками, но совместимый с демократическим и плюралистическим обществом, сложившимся на Западе. Многие усмотрели в этом дистанцировании оппортунистическую позицию. На самом деле, оппортунистический подход и действительные разногласия смешивались, приводя к расхождениям в позициях, которые со временем все более углублялись, превращаясь в непреодолимые. Различия касались уже не идеологических норм, а соотношения с реальными моделями. Советская модель навязывалась с такой категоричностью, что представлялась все менее приемлемой.

Другим феноменом, возникшим в ходе Пражского кризиса и развивавшимся после него, стало диссидентство в качестве фактора, не являвшегося более эпизодическим, но способным вовлечь все более широкие круги интеллектуального мира Восточной Европы и СССР. В 1965 г. Г. Ионеску, румынский историк, находившийся в изгнании в Лондоне, опубликовал книгу с пророческим названием «*The Break-up of the Soviet Empire in Eastern Europe*» (то есть «Распад Советской империи в Восточной Европе»). Это был первый значительный сигнал, появившийся на фоне критической публицистики западных авторов, в большей степени, чем Ионеску, принадлежавших к западной культуре. Не прошло и двух лет после вторжения в Прагу, как советский автор Андрей Амальрик сумел передать на Запад свою рукопись, опубликованную в 1970 г. в Нью-Йорке под названием, которое тогда рассматривалось как научно-фантастическое: «*Will the Soviet Union Survive Until 1984?*» («Будет ли Советский Союз существовать в 1984 г.?»). Книга Амальрика была лишь одним из гораздо более широкого круга нелегальных голосов. Диссидентство находило приверженцев по всему Советскому Союзу. Его авторы распространяли свои труды в машинописных рукописях, что оживляло нелегальную, однако как никогда активную, интеллектуальную жизнь. В 1967 г. Александр Солженицын написал новый роман о жизни в сталинских лагерях, «Раковый корпус», название которого было переведено на итальянский как «Отделение С» (С = cancro, то есть рак). Солженицын обратился с просьбой о его опубликовании, однако книга была отвергнута Союзом писателей, и тогда она стала распространяться по всему СССР. Тем не менее рукопись, попавшая на Запад, в 1969 г. была опубликована, хотя и без согласия Солженицына. На следующий год Солженицын получил

Нобелевскую премию по литературе, но не смог поехать ее получить, поскольку, как он писал, власти его страны не гарантировали ему после предоставления выездной визы возможность вернуться на родину. Случай Солженицына был самым известным из целого ряда случаев, составлявших уже все более длинный список. Многим из диссидентов удалось эмигрировать (в 1974 г. — также и Солженицыну); другие, как, например, физик Андрей Сахаров, академик и отец советской водородной бомбы, предпочитали вести борьбу против бюрократического режима внутри страны, используя лазейки, оставляемые официальными нормами или допускаемые органами госбезопасности, не боясь тюрьмы и концентрационных лагерей. Однако его случай уже не был изолированным явлением. В конце шестидесятых годов диссидентство стало характерной чертой советской жизни. Эта форма оппозиции становилась все более распространенной, а поэтому ее было все труднее подавлять. Когда вопрос о защите «прав человека», главными поборниками которых выступали диссиденты, стал предметом дискуссии на переговорах в рамках Хельсинкского совещания, диссидентство превратилось в международную проблему.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Эннио Ди Нольфо — профессор, заведующий кафедрой международных отношений, проректор Флорентийского университета (Италия).

Родился в 1930 г. в Милане, окончил Университет Павии (по специальности «История международных отношений»). Преподавал международные отношения в Университетах Павии и Падуи: с 1968 г. — профессор Университета Падуи, с 1971 г. — директор Института истории Университета Падуи, с 1977 по 1980 гг. — преподавал и руководил факультетом политических наук в Университете LUISS в Риме.

С 1978 г. Эннио Ди Нольфо работает во Флорентийском университете в качестве профессора и заведующего кафедрой. До избрания на пост проректора по международным связям (2000 г.) был деканом факультета политических наук. С 1979 г. является членом Комиссии по опубликованию дипломатических документов Италии. С 1984 г. — председатель диссертационного совета по истории международных отношений Флорентийского университета. С 1985 г. — редактор ежеквартального научного журнала «История международных отношений». В 1988—1995 гг. координировал программы «Эразмус». С 1993 г. — Председатель Союза историков Италии. С 1993 г. — координатор проекта ТЕМПУС-ТАСИС с участием университетов Флоренции, Аугсбурга, Саутхэмптона и Екатеринбург, с 1996 по 2000 гг. — аналогичного проекта с участием университетов Флоренции, Париж-4 Сорбонна, Кингз Колледж (Лондон) и МГИМО.

Перу Эннио Ди Нольфо принадлежит более десятка монографий, сотни статей в научных и публицистических изданиях, под его редакцией были опубликованы коллективные исследования по истории Италии и международных отношений.

ОТ «БОЛЬШОЙ РАЗРЯДКИ» К СОВЕТСКОМУ КРИЗИСУ

Глава двенадцатая «БОЛЬШАЯ РАЗРЯДКА» И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ

12.1. Некоторые общие замечания

На этих страницах, посвященных политической истории, экономические, финансовые, социальные и военные проблемы рассматриваются только косвенно (т.е. в тех случаях, когда содержание требует соответствующих пояснений). В течение всего XX века постепенно, но особенно быстро в последние десятилетия, политические международные отношения переставали быть сферой деятельности традиционных «политиков» и становились все более открытыми для участия новых акторов. Главным среди новых коллективных субъектов стало, несомненно, общественное мнение. Международная политическая деятельность перестала быть тайной дипломатических канцелярий и даже «открытой дипломатии», т.е. опосредованного и активного участия в процессе выработки внешнеполитических решений. Она превратилась в поток информации, направляемый на широкие слои населения все более вездесущими масс медиа. Печать, кино, радио, телевидение — все эти средства позволили обычным людям приблизиться к политической деятельности, в частности к международной политике, сформировать собственные мнения, с которыми не могли не считаться правительства, даже самые репрессивные.

Мощные пропагандистские кампании, предшествовавшие Первой мировой войне, лишь предваряли тот массовый порыв к участию, который образы войны во Вьетнаме вызвали у американского общества. Этот *animus* зачастую намеренно использовали те, кто контролировал средства массовой информации, не с целью

демократизации выработки политики, а для того, чтобы повлиять на деятельность правительств с помощью спонтанного или сформированного общественного мнения. Наиболее красноречивый парадокс заключался в том, что важные международные события освещались не в соответствии с их собственным календарем, а в зависимости от запросов сетки программ ведущих телевизионных каналов.

Итак, общественное мнение и средства массовой информации стали новыми экторами, взаимодействие между которыми представляет собой абсолютно неисследованную область. Этот двуликий субъект способен принимать перекрещивающиеся импульсы, для которых не существует понятия «граница» и которые влияют на менталитет масс своим эмоциональным воздействием или привлечением внимания к неожиданно важным проблемам. Достаточно вспомнить в этой связи проблематику окружающей среды, климата, демографии, вопросы религии, туризма, питания, чтобы оценить, пусть приблизительно, значение этого феномена.

Растущее значение международных организаций как самостоятельных субъектов политической жизни очерчено менее четко, оно часто связано с общей эволюцией политической системы. Несмотря на то, что Лига Наций явила собой весьма посредственный пример, Организация Объединенных Наций стала субъектом, способным осуществлять важную деятельность не только в силу своей численности (188 стран-участниц в 1999 г.). Эта деятельность почти всегда определяется характером политического большинства, складывающегося в организации, и, тем не менее, ООН постепенно стала источником нового международного права: в 1960 г. она торжественно провозгласила необходимость незамедлительно и безоговорочно положить конец колониализму; в 1967 г. выработала требования для установления мира на Ближнем Востоке, а позже — условия для полного завершения процесса получения независимости колониальными странами (Намибия в 1990 г.) и урегулирования отношений между этническими группами (осуждение южно-африканского апартеида).

Но универсальная и гигантская Организация Объединенных Наций — это только одна из десятков организаций, которые стали новыми субъектами международной жизни. Их перечисление здесь неуместно, потому что в него следовало бы включить политические и военные союзы, технические организации, коалиции, объединяющие страны тех или иных континентов, экономические организации, гуманитарные институты. Тем не менее нельзя не отметить, что эта форма организации политических процессов переплеталась с деятельностью традиционных международных

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

субъектов, что способствовало развитию интеграционных тенденций и разработке самими организациями норм, которые постепенно утверждались в мире и которыми не могли пренебрегать даже отдельные очень важные факторы.

Наконец, следует упомянуть католическую церковь: не только как религиозное сообщество, способное осуществлять международную деятельность, а как религиозное сообщество, представленное государственным субъектом — Ватиканом и осуществляющее апостольскую деятельность, которая, в особенности после понтификата Пия XII, и в частности во времена понтификата Павла VI, оказывала и оказывает заметное влияние на международную жизнь. Конечно, в межвоенный период, в течение Второй мировой войны и во время холодной войны Святой Престол осуществлял значительную международную деятельность, которую с трудом можно обрисовать и которая становится более понятной только благодаря внимательному изучению менее ярких аспектов международной дипломатической жизни. С расширением международной папской деятельности в странах, получивших независимость, католическая церковь в период после 1958 г. играла достойную роль и пользовалась значительным влиянием.

Во время Карибского кризиса в октябре 1962 г. папа Ронкалли обратился к Кеннеди и Хрущеву с призывом к миру, за этим важным шагом последовали другие: в начале 1963 г. была опубликована энциклика «*Пацем ин террис*», в которой излагались позиции понтифика по международным проблемам. Павел VI, избранный в 1963 г., в еще большей мере, чем его предшественник, активизировал участие Святого Престола в международной жизни, он положил начало папским визитам за границу. Первым стало паломничество папы в Палестину в 1964 г., а затем последовали еще восемь поездок за пределы Италии, среди которых особенно значительным был визит в октябре 1965 г. в Нью-Йорк, где он выступил на Генеральной Ассамблее ООН с речью, в которой утверждались пацифистские устремления церкви, но прежде всего — ее призвание быть «голосом бедных, обездоленных, страдающих, жаждущих справедливости, достойной жизни, свободы, благосостояния и прогресса». Это были слова, обращенные к тем, кто никогда не был свободным, прежде всего к обездоленным народам. Эта речь представляла церковь Организации Объединенных Наций не как союзницу западной коалиции (что молчаливо или косвенно происходило во времена холодной войны), а как союзницу бедных развивающихся стран: эта проблема легла в основу энциклики «*Популорум прогрессу*» 1967 г. Преемники Павла VI — Иоанн Павел I и, в еще большей мере, Иоанн Павел II с энцикли-

кой «*Соллицитудо реи социалис*» — усиленно подчеркивали, что церковь призвана находиться в сердцевине международной политической жизни; они придали пастырской и политической деятельности Святого Престола такой вес и влияние, которые порой оказывались решающими и с которыми, конечно, нельзя было не считаться.

12.2. Диалог между Соединенными Штатами и Советским Союзом

12.2.1. ДОГОВОР О НЕРАСПРОСТРАНЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

В течение нескольких лет, с 1968 по 1974 г., в системе международных отношений преобладало ощущение, что сверхдержавы, создав условия для сосуществования-соперничества, хотят выработать правила сотрудничества или даже правила общего «управления» системой международных отношений. Речь шла о державной политике, настолько тщательно взвешенной, что она могла позволить себе, как писал Генри Киссинджер в своем знаменитом труде по дипломатии Меттерниха («*A World Restored*»), принятие «критических ценностей», то есть жизненно важных интересов всех крупнейших международных субъектов с целью избежать их вытеснения вне системы международных отношений и занятия ими дестабилизирующих позиций. Это было бы триумфом дипломатии как инструмента для управления международной жизнью.

Таким образом, в шестидесятые годы (хотя некоторые предвосхищающие ситуации признаки уже наблюдались в предыдущие годы) начался период почти двадцатилетнего дуализма, в котором мирное соревнование стало глобальной державной политикой, а Соединенные Штаты проявили готовность признать Советский Союз в качестве равного субъекта.

Термины «глобальный» и «равенство» требуют, однако, разъяснения. Невозможно выразить сомнение в том, что деятельность двух систем охватила весь мир и благодаря соревнованию в космосе вышла также и за его пределы. Гораздо более неопределенным было, однако, реальное содержание понятия «равенства», имплицитно содержащегося в поиске всеобъемлющего компромисса. Постепенно американцы вынуждены были признать, что такое равенство существовало в области вооружений. Что касается равенства экономического и финансового потенциала, то его признание, вероятно, ограничивалось некоторыми пределами. Западный блок, хотя и разделенный стратегическими, политическими, экономическими и финансовыми различиями, подчас глубокими,

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

сохранял структурные предпосылки сплоченности, состоявшие в однородности экономических систем и в проведении политики, имевшей одинаковую направленность в отношении стран «третьего мира», хотя иногда и конкурентную.

С другой стороны, именно стремление к равному статусу налагало на русских обязательства, требовавшие жертв и выявлявшие пределы прочности союзов внутри самой коммунистической системы. А эта система переживала латентный экономический кризис и очевидный взрыв идеологического диссидентства, что дало возможность американской дипломатии в годы Никсона действовать гораздо более эффективно, чем это можно было представить в самые мрачные моменты войны во Вьетнаме. Надежда на то, что политика реформ, проводившаяся Косыгиным в 1965 г., отодвинет угрозу приближавшегося экономического застоя, прелюдии более глубоких кризисов, сохранялась в течение нескольких лет. Восхождение Брежнева к положению единоличного властителя в советской политической жизни, восхождение медленное и не приведшее к удалению Косыгина (ушедшего с поста Председателя Совета министров только в 1980 г.), означало для «советологов» возвращение к догматизму сталинского образца с выдвиганием в качестве приоритетов советской экономики строгого следования принципам централизации и наращивания военного сектора. Природа советской экономической системы не изменилась, а экономические показатели, после еще нескольких лет позитивных результатов, стали свидетельствовать об упадке.

В целом переход от сосуществования-соперничества к новым формам международных отношений вынудил стороны соразмерять риски и привел к таким значительным результатам, как подписание 5 августа 1963 г. договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космосе и под водой (без участия французов и китайцев). 27 января 1967 г. Соединенные Штаты, Советский Союз и Великобритания подписали договор, запрещавший размещение ядерных вооружений в космосе, на Луне и других небесных телах. Договор имел символический характер, учитывая, что спутники можно было испытывать без ядерного заряда и оснащать их этим зарядом в случае кризиса.

Наиболее заметным в политическом и военном отношении результатом, достигнутым до окончания президентства Джонсона, было подписание в июле 1968 г. Договора о нераспространении ядерного оружия. Договор явился результатом длительного процесса переговоров, инициированных Организацией Объединенных Наций, которым две главные ядерные державы воспользовались,

потому что понимали полезность соглашения такого рода для решения объективных внутренних проблем соответствующих союзов.

Действительно, в 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН создала комитет, состоявший из 18 стран-участниц, с целью изучить предложение, касающееся договора о нераспространении ядерного оружия. Комитет работал без конкретных результатов вплоть до 1965 г., когда американцы и русские по очевидным причинам стали проявлять реальную заинтересованность в его деятельности, в то время как французы воздерживались от участия в работе комитета. В 1964 г. состоялось первое китайское ядерное испытание, и этого было достаточно для того, чтобы встряхнуть советскую дипломатию. Одновременно американцам пришлось столкнуться с рядом проблем внутри НАТО, относящихся к их стратегическому планированию, именно в момент, когда они развили максимальную активность во Вьетнаме. Внутри НАТО шла напряженная работа по серьезной ревизии стратегии, которая должна была привести в конце концов к отказу от планов создания многосторонних ядерных сил (МЯС). В них могли быть также включены в совершенно неясной пока форме как французские ядерные программы (которым де Голль дал дальнейший толчок), так и устойчивое стремление Федеративной Германии к обладанию подобным оружием. Многосторонние силы, согласно американским проектам, должны были быть заменены консультативным органом, призванным стать, как сказал Макнамара в июне 1965 г., местом консультаций союзников по вопросам планирования в сфере использования ядерного оружия.

Предложение, изучавшееся специальным комитетом министров с 1965 г. с целью предупреждения односторонних действий французов, привело в 1967 г. к созданию «Группы ядерного планирования» (куда была допущена также Федеративная Германия), которой была поручалось сформулировать ядерную стратегию НАТО. Это, однако, входило в противоречие с проектами оснащения Франции автономными ядерными силами (*force de frappe*) и поэтому имело немаловажное значение для ускорения решения де Голля о выходе из военной организации НАТО. Кроме того, отказ от МЯС означал также и конец ожиданий ФРГ, какими бы опосредованными они ни были. В итоге, исходя из различных, но одноплановых соображений, Соединенные Штаты и СССР стали рассматривать договор о нераспространении уже не как незначительную дискуссию в ООН, а как важное потенциальное соглашение.

Кроме того, следует принять во внимание тот факт, что в

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

этом же направлении действовали изменения, которые вводил в американские концепции и стратегические ресурсы Макнамара. В речи в Сан-Франциско в сентябре 1967 г. американский министр сформулировал в достаточно ясных выражениях опасности, связанные с ядерным состязанием. Хотя и руководствуясь задачей показать, что Соединенные Штаты все еще обладают преимуществами технологи, он ввел определение «гарантированное уничтожение» для обозначения бессмысленности состязания с неисчислимыми жертвами, но с определенным и фатальным результатом. Полемически термин был позднее обогащен прилагательным «взаимный», так что окончательное определение выглядело как «взаимное гарантированное уничтожение, то есть «безумие». Макнамара стремился ограничить ракетное состязание и предложить взамен наращивания производства ракет-носителей изготовление ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). Одна ракета могла нести до десяти боеголовок, при этом пропорционально снижались издержки. Кроме того, Макнамара расширил дискуссию по системам противоракет, то есть по созданию сверхсовременных систем противоракетной обороны (ПРО), своего рода сети стратегической защиты от такой же стратегической угрозы. Это было очень дорогостоящее технологическое нововведение со значительным дестабилизирующим потенциалом. В самом деле, тот, кто сумел бы создать эффективную систему ПРО, оказался бы защищенным от ядерной угрозы и обрек бы противника или на ведение изнуряющего состязания с целью восстановления равновесия, или на постоянное отставание.

Обе идеи продемонстрировали масштаб успехов, достигнутых американцами в технологической области, и обозначили поле дискуссии, на котором в последующие годы развернется острая полемика. В 1967 г. эти изменения и заявления пригодились Джонсону для того, чтобы продолжать диалог с русскими по проектам ограничения стратегических вооружений. Тем временем с середины 1967 до середины 1968 г. почти одновременно с обострением, а затем с уменьшением напряженности во Вьетнаме США и СССР предоставили достаточные обоснования для того, чтобы привести Объединенные Нации к подписанию 1 июля 1968 г. Договора о нераспространении ядерного оружия (после утверждения 12 июня его текста ГА ООН 95 голосами «за», 4 «против» при 21 воздержавшемся). В целом, договор обязывал ядерные державы не передавать ядерное оружие тем, кто им не обладает, а последних — не стремиться к его приобретению.

Очевидно, что речь шла о неравноправном договоре, поскольку он утверждал постоянную гегемонию ядерных держав. Его полити-

ческое значение было очевидным: американцы навсегда отказывались от атомного перевооружения Германии в обмен на осуждение Советским Союзом китайского ядерного перевооружения (французский случай стоял особняком и был, в общем, маргинальным по отношению к доминировавшей тематике). В период между Берлинским кризисом 1958–1962 гг. и чехословацким кризисом (в августе 1968 г. он привел к ликвидации климата доверия, возникшего с подписанием Договора о нераспространении ядерного оружия) обеспокоенность Советского Союза ситуацией в Центральной Европе была столь велика, что, во избежание ядерного перевооружения Германии, московское правительство окончательно отказалось от помощи Китаю в его превращении в ядерную державу, что, соответственно, углубило напряженность между двумя коммунистическими государствами. Для Федеративной Республики Германии, таким образом, исчезла последняя возможность обладания ядерными вооружениями, независимыми от НАТО, хотя и интегрированными в нее.

Напротив, как де Голль, так и Мао Цзэдун чувствовали себя воодушевленными, собираясь продолжать осуществление своих самостоятельных проектов, несмотря на напряженность в отношениях с союзниками, которая во французском случае привела в 1966 году к выходу из военной организации НАТО, скорее формальному и психологическому, чем действительному. В китайском варианте результатами стали вооруженные столкновения на реке Уссури в 1969 г. и полный дипломатический отход от того, что оставалось от социалистического интернационализма.

Только с избранием в ноябре 1968 г. американским президентом Р. Никсона стало возможным преодоление крутого поворота 1967–1968 гг. с целью придать действительно полномасштабный характер разрядке, понимаемой как использование дипломатии в целях ограничения экономических издержек ядерного и космического состязания.

Эта мотивация сначала не была ясна русским, усматривавшим в ней, напротив, только проявление готовности Соединенных Штатов к признанию глобальной биполярности. Поэтому они продолжали невозмутимо развивать свой военно-промышленный комплекс. Они продолжали идти по этому пути, не замечая даже значения технологического взлета Соединенных Штатов, ставшего очевидным после успеха первой экспедиции астронавтов на Луну (21 июля 1969 г.). В этой сфере русские делали ставку на бесполезные и гигантские проекты, в то время как американцы, сначала подвергавшиеся критике за их отставание, сумели до конца использовать технологические результаты инноваций, связанных с космическими программами (в противоположность тому, что проис-

ходило в Советском Союзе, где военные тайны ревностно охранялись).

Впрочем, для Соединенных Штатов Никсона и Киссинджера период первого президентского мандата и первая половина второго были в политическом отношении благоприятными и плодотворными. При этом Никсон в некотором смысле превратился в покладистое *alter ego* своего советника по национальной безопасности, с которым президент прекрасно взаимодействовал. Не вдаваясь пока в детали американской политики, следует сказать, что в целом годы с 1969 по 1974 означали для американской дипломатии настоящий поворот. Все ресурсы державной политики и дипломатии были пущены в ход, в том числе и в самые сложные моменты. Прежде всего, был придан решительный импульс bipolarному диалогу, вырисовывались эпохальные перспективы в случае, если удастся преодолеть инерцию конфронтации двух держав, и превозносились именно достоинства непосредственного сотрудничества между двумя системами, которые имели мало общего. В ходе все более частых встреч на высшем уровне, казалось, находились все более плодотворные аспекты сотрудничества и взаимного обмена. Трудно сказать, осознавали ли собеседники, что они вводили в заблуждение своими соглашениями о сотрудничестве, избыточными военно-техническими результатами и дипломатическими уловками, а также заверениями о стремлении к нему, имевшими в действительности лишь показное значение. Диалог, казалось, создавал впечатление совпадения позиций в сфере управления мировой политикой, тогда как на деле он скрывал взаимное стремление «использовать» политический и экономический вес другой стороны для решения собственных проблем.

Может показаться, что эти оговорки относительно реального значения диалога США–СССР опровергаются содержанием соглашений, заключенных двумя державами в те годы. Однако более внимательный анализ показывает, что эти соглашения были ни чем иным как средствами временной стабилизации. С помощью этих средств каждая из сторон стремилась заблокировать действия, которые могла предпринять противная сторона с целью изменить ситуацию в свою пользу.

Кроме того, следует добавить, Никсон и Киссинджер не боялись ввести в игру народный Китай, чтобы переложить на Советский Союз тот груз противоречий, с которыми сталкивалась американская дипломатия. Налаживание фактических отношений между Соединенными Штатами и Китаем и принятие последнего в ООН на место, ранее занимаемое представителями правительства

Гоминьдана на Тайване (то есть на место, дававшее право вето в момент, когда только что имели место китайско-советские военные столкновения и Москва видела в правительстве КНР противника, с которым следует бороться), вносили в диалектику советско-американских отношений новый элемент, который можно было посчитать второстепенным только при желании преднамеренно исказить реальное соотношение сил.

Народный Китай начинал свое восхождение к статусу мировой державы. Он обладал немалым ядерным арсеналом; выходил из периода внутренних потрясений («культурная революция»), поставивших под сомнение основания его социально-экономической жизни; ему предстояло снова начать путь своего развития. Это не была, следовательно, сверхдержава, со стороны которой можно было опасаться неизбежной агрессии или чрезвычайно динамичной международной деятельности. В течение многих лет внутренние проблемы оставались главным предметом озабоченности пекинских правителей. Но даже с учетом всех этих оговорок, дружественное сближение Пекина и Вашингтона в момент китайско-советского конфликта было столь тяжелым ударом, что поражает, как русские могли это терпеть, не ставя под сомнение свои отношения с Соединенными Штатами.

В самом деле, благодаря нормализации отношений с Китаем американская дипломатия достигла в Азиатско-Тихоокеанском регионе результатов исключительной важности и, в первую очередь, превратила американское поражение во Вьетнаме из национальной трагедии во второстепенный эпизод. Китай не нарушил привилегированных отношений, существовавших между Вьетнамом и Советским Союзом, но фактически изолировал коммунистический Вьетнам с учетом враждебного окружения соседних стран, из которых единственной потенциально дружественной силой была Индия.

В территориальном плане американская дипломатия отодвигала советскую политико-идеологическую границу, начинавшуюся в водах Тихого океана, омывавших Китай, и простиравшуюся до центра Азии, проходя вдоль границ Внешней Монголии и китайской провинции Синьцзян. Наконец, отвлекаясь от геополитических параметров, новые китайско-американские отношения позволяли Соединенным Штатам гордиться сотрудничеством, выведшим китайцев из «империалистической» изоляции. Раз Соединенные Штаты могли в одно и то же время заключать долговременные соглашения с русскими и возобновить дружбу с Китаем, то они уже не представляли в глазах остального мира «врагами» по определению. Если Народный Китай сотрудничает с ними, то так же

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

это могут делать и другие страны «третьего мира» без всякого предубеждения.

Таким образом, разрядка превращалась в упорную дипломатическую борьбу. Советский Союз намеревался извлечь из нее окончательное решение всех проблем, связанных с его безопасностью и его влиянием в мире, тогда как в Соединенных Штатах она, по-видимому, истолковывалась как симптом их слабости, по существу, как отвоевывание позиций, поставленных под сомнение в переходный период. Расчет Соединенных Штатов на реальную гегемонию как в ядерно-стратегическом, так и в военном плане, а также на результаты решения экономических проблем, унаследованных от администрации Джонсона, придавал разрядке смысл, состоявший в перераспределении глобальных ролей и в более точной оценке сил, которые в действительности могла поставить на карту каждая из держав. Сразу же после заключения соглашений ОСВ-1 русским пришлось признать, что результаты разрядки — в отличие от того, что думали многие противники Киссинджера или преемника Никсона Джимми Картера — не были однозначными и благоприятными для СССР. Однако они были и состояли в том, что СССР был вынужден перейти от сосуществования-соперничества к соревнованию, в котором каждый мог бы задействовать собственные ресурсы и в котором, в конце концов, выявилась структурная слабость советской системы.

Процесс разрядки проходил в разных сферах. Первая, и наиболее очевидная, касалась отношений между СССР и США в ядерной области. Осознание необходимости прервать или регламентировать это соревнование еще до 1968 г. нашло подтверждения, о которых говорилось на предыдущих страницах. Это осознание не затронуло пока главной темы — ограничения стратегических вооружений. В январе 1967 г. Джонсон выступил с предложением провести переговоры по ограничению таких вооружений (позднее было использовано сокращение SALT, Strategic Armaments Limitation Talks, то есть «Переговоры по ограничению стратегических вооружений» — ОСВ; следует, однако, учитывать, что аббревиатура по-английски означает также «соль», откровенный намек на «вкус» переговоров). Однако Советский Союз не пошел дальше общего позитивного ответа, данного Косыгиным в марте того же года. Колебания русских являлись следствием враждебного отношения военных кругов к переговорам до тех пор, пока СССР не преодолел разрыв в области производства разделяющихся ядерных боеголовок, и до тех пор, пока не прояснились американские намерения в отношении проектов создания противоракет, то есть системы ПРО. Подготовка к созданию этой системы началась в 1967 г., а в 1969 г.

ее продолжил Никсон.

Ситуация, казалось, сдвинулась с мертвой точки весной 1968 г. после отказа Джонсона выставить свою кандидатуру на президентских выборах на второй срок и прекращения американских бомбардировок Северного Вьетнама. Когда 1 июля 1968 г. был подписан договор о нераспространении ядерного оружия, было объявлено, что русские согласились начать переговоры по ОСВ. Оптимизм был разрушен чехословацким кризисом. После 21 августа ни один американский президент не мог рассматривать как ближайшую перспективу возможность переговоров, которым в тот момент русские придавали особое значение. Занятый изучением программы противоракет, оставленной ему в наследство Джонсоном, Никсон держал русских в неизвестности вплоть до июня 1969 г., когда он согласился, чтобы первый раунд переговоров начался в Хельсинки в ноябре того же года. Исключительно технический характер проблемы делает невозможным анализ хода этих переговоров, вылившихся в серию встреч, продолжавшихся вплоть до подписания договора 26 мая 1972 г.

Помимо обмена информацией о параметрах, уже, вероятно, известных обеим сторонам благодаря существующим системам информации и благодаря решению проблемы «контроля» через разведывательные спутники, которыми располагали обе державы, суть переговоров касалась, прежде всего, определения понятия «стратегические вооружения». Каковы должны быть параметры соглашения, учитывая уже имеющиеся в наличии вооружения и технологические инновации, находившиеся на подходе? Что конкретно имело стратегическое значение? Переговоры по этим вопросам, зависевшие от общего развития отношений между двумя странами, тянулись долго. Лишь к середине 1971 г. стороны согласились распространить договор как на наступательные вооружения (стратегические ракеты, то есть ракеты дальнего радиуса действия), так и на оборонительные, то есть на системы ПРО, которыми теперь располагал также и Советский Союз.

Важно, однако, отметить, что начало переговоров по ОСВ имело серьезные последствия для ряда других аспектов сотрудничества, которые должны были стать настоящей проверкой политической атмосферы разрядки. Переговоры велись одновременно с первыми секретными контактами Киссинджера с китайскими руководителями, а затем стало известно де-факто о возобновлении отношений между Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой. К этому прибавились трудные мирные переговоры по Вьетнаму, прерывавшиеся неоднократными попытками американцев использовать силу и бесчисленными инцидентами,

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

спровоцированными ходом переговоров. 9 апреля 1972 г., в один из наиболее деликатных моментов дискуссии американские, *B-52* возобновили бомбардировки Северного Вьетнама, впервые после приостановки их Джонсоном в 1968 г. 15 и 16 апреля бомбардировке подверглась акватория порта Хайфон, и в ходе этой операции были случайно повреждены также четыре советских судна.

Это не помешало совершению Киссинджером 20–24 апреля тайной поездки в Москву, в ходе которой была окончательно согласована большая часть еще не решенных проблем, прямо или косвенно связанных с переговорами по ОСВ. Позднее, в один из наиболее острых моментов переговоров с вьетнамцами и в то время, когда американцы готовились к выводу последних войск (около 90 000 человек), оставшихся в Южном Вьетнаме, в связи с новым ужесточением позиции северо-вьетнамских представителей на переговорах, 8 мая Никсон отдал приказ о минировании вьетнамских портов. Такой вызов демонстрировал, насколько вьетнамский вопрос, хотя и являвшийся раздражителем для русских, превратился уже в маргинальный фактор в контексте биполярных отношений. Перед Киссинджером стояла задача разъяснить русским, что условия соглашений, лежавших на столе переговоров, включали в себя также отказ от ответных мер по поводу вьетнамских событий и, более того, содержали требование, чтобы русские способствовали смягчению позиций своего союзника и сателлита. Таким образом, не было никакого ужесточения советской позиции, не было повторения (которого боялись американцы) несостоявшейся встречи в верхах в Париже в 1960 г. Напротив, несколько дней спустя, 22 мая Никсон отправился в Москву с первым в истории визитом американского президента в советскую столицу. Визит продлился до 30 мая, а 26-го состоялось подписание соглашений ОСВ-1.

Речь шла о договоре, разделенном на две части, дополненном рядом протоколов, касающихся смежных проблем. Соглашения (заклучавшиеся на неограниченный срок, но с условием пересмотра каждые пять лет) были ориентированы на сокращение вооружений; они предусматривали предельные количественные уровни, которых каждая из держав должна была придерживаться в последующие пять лет. Таким образом, можно было говорить не о разоружении, а лишь о лимитировании стратегических вооружений — не так уж много, однако, несомненно, лучше, чем безудержная гонка вооружений. Соединенные Штаты замораживали свой арсенал межконтинентальных баллистических ракет на уровне 1054 ракет-носителей, а Советы — на уровне 1618; количество ракет, расположенных на подводных лодках (БРПЛ), замораживалось на

уровне 656 для американцев и 740 — для Советов. Очевидное превосходство, признаваемое за Советским Союзом в отношении МБР, компенсировалось количеством ракет с разделяющимися боеголовками, которыми располагали американцы и которые позволяли оценить превосходство Соединенных Штатов как три к одному в отношении числа ядерных боеголовок. К тому же США превосходили Советы по количеству стратегических бомбардировщиков — 455 и 140 (они не лимитировались договором).

Во второй части соглашения решался вопрос об ограничении противоракетных систем (ПРО). В данной сфере обеим сторонам позволялось создавать две системы ПРО: одну — для защиты соответствующих столиц, другую — для защиты наиболее важной военной базы. В действительности, что касалось этой части договора, то по протоколу 1974 г. стороны соглашались ограничиться строительством только одной такой дорогостоящей системы.

Наряду с двумя соглашениями по стратегическим вооружениям Никсон и Брежнев подписали ряд протоколов, призванных показать, что разрядка может привести ко все более интенсивному сотрудничеству. В знаменитой декларации об «Основах взаимоотношений между США и СССР» утверждалось, что в ядерную эпоху отношения между сверхдержавами могли строиться только на принципах «мирного сосуществования». С этой целью стороны обязывались прибегать к взаимным консультациям для того, чтобы избежать военных конфликтов и предотвратить начало ядерной войны. Они обязывались также не стремиться к извлечению односторонних преимуществ за счет противоположной стороны.

Важный раздел соглашений относился к торговому обмену. В нем предусматривалась возможность закупки Советским Союзом в США зерна на сумму до 750 млн долларов в течение трех лет. Были также заложены основы для торгового соглашения более общего характера (подписанного затем в октябре 1972 г.), на основе которого Соединенные Штаты должны были предоставить СССР режим наибольшего благоприятствования. Другие дополнительные протоколы касались сотрудничества в области научных исследований, изучения и использования космического пространства и защиты окружающей среды.

Соглашения были восприняты в целом с большим оптимизмом. Однако были и такие, кто (например, Збигнев Бжезинский, будущий советник президента Картера) отмечали, что фактически аргумент относительно американского технологического превосходства, приводившийся в поддержку согласия на меньшее число ракет-носителей, мог претерпеть изменения в результате успехов новых технологий, которые развивались также и в Советском Союзе. В

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

действительности, в том момент превалировала концепция, согласно которой обе стороны соглашались с принципом двустороннего соблюдения сложившегося соотношения стратегических сил. В случае существенных изменений в этом соотношении торжественно провозглашенные «Основы взаимоотношений», содержащиеся в совместной декларации, утрачивали свое значение.

Визит Никсона в Москву закрепил тенденцию к потеплению в двусторонних отношениях. В течение нескольких месяцев президенты двух стран встречались еще три раза. Брежнев отправился с ответным визитом в Соединенные Штаты 16–25 июня 1973 г., после того как Никсон был триумфально переизбран на второй президентский срок (однако уже тогда в Америке велась политическая дискуссия вокруг Уотергейтского скандала, что поставило под сомнение авторитет президента). Встречи были очень сердечными, подтверждая существовавшую — на поверхности — атмосферу прекрасного взаимопонимания между сверхдержавами. Однако переговоры, подготавливавшие договор ОСВ-2, еще недостаточно продвинулись вперед, и на встрече в верхах вынуждены были ограничиться одобрением соглашения, согласно которому новый договор предполагалось подписать, как только будет достигнуто соглашение о «постоянном» ограничении стратегических вооружений.

Впрочем, во время встречи в США на высшем уровне было подписано большое количество протоколов, некоторые из которых относились к ядерной тематике. Один из них касался мирного использования атомной энергии; другой был направлен на «предотвращение ядерной войны» и содержал ряд правил, которых обе стороны должны были придерживаться, чтобы избежать угрозы силой или ее применения одной стороной против другой, против их союзников и против третьих стран. Остальные соглашения касались широкого спектра вопросов относительно форм сотрудничества, уже намеченных на московской встрече в верхах.

Когда в Москве и в Крыму 27 июня — 3 июля 1974 г. состоялась следующая встреча на высшем уровне, политические позиции Никсона уже были серьезно подорваны Уотергейтским скандалом. Вероятно, поэтому Брежнев, всегда кичившийся своим радушием, не захотел существенно продвигаться в переговорах с президентом, чье дальнейшее пребывание у власти уже вызывало сильные сомнения. Главной темой дискуссии были системы противоракетной обороны. Было принято решение, что, в отличие от соглашения 1972 г., каждая держава будет иметь по одной такой системе, а не по две.

Другая обсуждавшаяся тема касалась подземных испытаний ядерного оружия, по которым было достигнуто соглашение, ограничивавшее мощность используемых в испытаниях устройств 150-ю

килотоннами. К основным соглашениям были добавлены другие протоколы; один из них предусматривал сотрудничество в области исследований по разработке искусственного сердца. В действительности, эта встреча в верхах носила, скорее, переходный характер.

Последняя встреча на высшем уровне в период разрядки состоялась между Брежневым и преемником Никсона Джеральдом Р. Фордом во Владивостоке 23–24 ноября того же 1974 г. На этой встрече были согласованы предварительные договоренности относительно текста договора ОСВ-2. Согласно этим договоренностям, отражавшим требования, выдвинутые американским сенатом в момент ратификации первого договора по ОСВ, подтверждался принцип паритета, состоявший в том, что обе стороны могут располагать равным количеством носителей, зафиксированным на уровне 2400, независимо от их вида (межконтинентальные ракеты наземного базирования, баллистические ракеты на подводных лодках или ракеты, запускаемые с самолетов). Из них не более 1320 могли быть оснащены разделяющимися боеголовками. В конечном счете, утверждение принципа равенства было выгодно русским, которые в 1972 г. не могли располагать столь большим числом носителей с разделяющимися боеголовками. Однако они видели в новых соглашениях уступку со стороны президента, в большей степени зависимость от сената, в том, о чем в 1972 г. они даже не просили, как пишет в своих мемуарах сам Киссинджер.

Впрочем, достигнутые в принципе договоренности стали окончательными только в июне 1979 г., когда Брежнев встретился в Вене с Джимми Э. Картером, на единственном саммите с участием престарелого советского лидера и нового американского президента. К тому времени атмосфера коренным образом изменилась и соглашение уже превратилось почти в пустую оболочку. Однако ни один из двух лидеров не захотел объявить об окончании разрядки. Поэтому принципы Владивостока были подтверждены, хотя и с уточнением, что в последующем десятилетии будет положено начало сокращению числа носителей с максимального числа 2400 до 2250. В то же время был принят ряд дополнительных ограничений, касавшихся допустимого числа разделяющихся боеголовок для каждого класса ракет. Договор, срок действия которого устанавливался до 1985 г., не был, однако, ратифицирован американским сенатом. Советское вторжение в Афганистан в декабре 1979 г. предоставило официальный аргумент, чтобы прервать диалог по ограничению ядерных систем, на который возлагалось столько надежд. Значение этого диалога радикально изменилось в связи с трансформациями в мире в целом.

12.3. Конец вьетнамского кризиса

12.3.1. АЛЬТЕРНАТИВЫ НИКСОНА И ПАРИЖСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Диалог по проблеме ядерных вооружений, вызвавший пристальное внимание общественности, был наиболее ярким свидетельством разрядки. Но политика разрядки отражала разнообразные интересы и требовала устранения многих преград, чтобы стать действительно всеобъемлющей. Первым таким препятствием было наследие вьетнамской войны. Джонсон начал Парижские переговоры и взял курс на «вьетнамизацию» конфликта. Он приступил к выводу американских войск, что еще не означало конец войны, но вело к прекращению ее эскалации и гасило тревожные настроения в американском общественном мнении. Более того, на заключительном этапе войны были отмечены моменты неслыханной жестокости: дипломатические переговоры и ситуация на поле боя были взаимообусловлены.

Никсон и Киссинджер должны были считаться с предшествующими событиями, а также с тем, что война тяжелым бременем давила на экономику страны, платежный баланс которой требовал серьезных вливаний. В статье, опубликованной в январском номере 1969 г. журнала *«Foreign Affairs»*, Киссинджер, чтобы избежать поражения Вашингтона, наметил стратегическую альтернативу в решении американской администрацией вьетнамского кризиса. Эта альтернатива предусматривала два метода действий: военное и политическое решение. Первый метод предусматривал укрепление армии Южного Вьетнама, которое сделало бы возможным постепенный вывод американских войск; второй предполагал готовность правительства Сайгона расширить базу поддержки, на которую оно опиралось, чтобы ему было легче ответить на вызов *Вьетконга*. Это была двуединая политика, благодаря которой Соединенные Штаты могли быстро, и сохраняя достоинство, вывести войска. Киссинджер знал, что в течение шести месяцев возможно, не подвергая США унижительному поражению, исправить последствия трагической ошибки, совершенной Джонсоном.

На деле Киссинджер рассчитывал убедить северных вьетнамцев согласиться на эвакуацию всех американских войск из Южного Вьетнама в обмен на вывод всех вооруженных сил Национального Фронта Освобождения. На этих условиях он одобрил отъезд в Париж Генри Кэбота Лоджа, которому было поручено возглавить американскую делегацию на мирных переговорах. Исходная позиция не могла быть более нереалистичной. Политика двух взаи-

мосвязанных аспектов была неприемлема как для представителей правительства Сайгона, которые не признавали за Парижской конференцией права решать судьбу своей страны, так и для представителей Северного Вьетнама, которые считали, что о выводе войск можно будет говорить только после общего политического соглашения. Иначе говоря, Национальный Фронт Освобождения, уверенный в собственной победе в войне, считал уход американцев неизбежным и полагал, что только победа может решить проблему.

На самом деле, не Киссинджер предлагал двуединую политику, а коммунисты: если правительство Сайгона и его американский союзник не хотят продолжать войну и потерпеть поражение, то им не остается ничего другого, как принять политические условия, которые продиктует правительство Ханоя и которые заключаются в формировании в Сайгоне коалиционного правительства с участием коммунистов (победив в военном отношении, они потенциально стали бы победителями и в политическом плане). В противном случае война продолжалась бы. Лодж призывал к прагматизму: отбросить «обиды и запоздалые обвинения», но ни одна из вьетнамских сторон не признавала законного права партнера на участие в переговорах. Более того, военные силы коммунистов на критическом этапе переговоров (22–23 февраля 1969 г.) яростно атаковали более сотни военных объектов в Южном Вьетнаме, в то время как Никсон и Киссинджер, со своей стороны, посчитали возможным «выборочно» использовать силу и подвергли бомбардировкам также территорию Лаоса и Камбоджи. Как отмечает Поджолини, «непосредственным результатом избранной сторонами стратегии было то, что мирные переговоры выглядели как временная передышка в ожидании военной победы».

12.3.2. «ВЬЕТНАМИЗАЦИЯ» КОНФЛИКТА

Чтобы подтвердить обоснованность своих решений, Киссинджер пригласил в марте 1969 г. в Сайгон министра обороны Мервина Р. Лэрда. По возвращении в США Лэрд высказал свои весьма общие соображения о способности и намерении южновьетнамцев продолжать сопротивление. Если американцы хотят проводить политику «вьетнамизации» конфликта, то они должны сформировать настоящую армию из южновьетнамских подразделений, способную хорошо сражаться самостоятельно, чтобы стал возможен вывод американских войск. Подобная постановка проблемы придавала целесообразность политике «вьетнамизации» и закладывала основы для постепенного ухода американцев из Вьетнама, который не воспринимался бы как поражение. Действительно, с начала апреля

Киссинджер в глубокой тайне начал подготовку к секретным переговорам с новым руководителем северовьетнамской делегации в Париже Ле Дык Тхо, которые должны были привести к постепенному достижению соглашения.

Было необходимо показать южновьетнамцам, что их не бросили. 8 июня Никсон лично встретился с президентом Южного Вьетнама Тхиеу на острове Мидуэй (он не осмелился пригласить его в Соединенные Штаты из опасения демонстраций протеста, которые подобный визит мог бы вызвать). Это не было лицемерием. Именно Тхиеу предложил американцам начать вывод их войск; в обмен Никсон предложил установить прямые контакты с правительством Ханоя: разница заключалась в том, что вывод войск был возможен, а прямые контакты — нет. Тхиеу, по всей вероятности, верил, что уступка требованиям нового американского президента укрепила бы взаимное сотрудничество. Напротив, Никсон рассматривал встречу как первый признак того, что открыта дорога к тому, чтобы «отцепить южновьетнамский вагон».

25 июля 1969 г. президент США выступил с речью на острове Гуам и провозгласил новые направления американской внешней политики, которая должна была сопоставлять мощь Соединенных Штатов с их способностью к реальным действиям. Провозглашенный курс означал переход к политике «низкого профиля»; Соединенные Штаты не должны быть мировым полицейским. Америка сохраняла свои обязательства перед азиатскими союзниками (в частности, перед странами СЕАТО), но «Соединенные Штаты поощряли... азиатские страны взять на себя непосредственную ответственность» в отношении «проблем внутренней безопасности», за исключением ядерной угрозы со стороны какой-либо великой державы. Таким образом, вьетнамский вопрос превращался в «проблему внутренней безопасности», и «вьетнамизация» получала право на существование. Никсон объявил, что в течение августа 25 000 американских солдат уйдут из Вьетнама. Американские войска во Вьетнаме, насчитывавшие в 1969 г. 543 000 человек, будут сокращены до конца 1972 г. до 25 000 человек.

В речи, переданной по телевидению 3 ноября 1969 г., Никсон изложил стратегию американской политики во Вьетнаме и дал стране понять значение поворота событий в сравнении с предшествующим годом. Он стремился также сбить накал яростных выступлений пацифистов, которые, мобилизовав все свои силы, потрясали в те дни страну. Чтобы положить конец войне, сказал президент, существовали два возможных варианта: либо поспешный вывод войск из Вьетнама без учета вероятных последствий принятого решения, либо «поиск справедливого мира, который мог быть

достигнут, по возможности, благодаря соглашению, выработанному путем переговоров, а при необходимости с помощью постепенного завершения программы вьетнамизации». Первый вариант был неприемлем: американский народ никогда бы не согласился бы с тем, чтобы Южный Вьетнам и дело мира потерпели бы поражение, пока еще сохранялись возможности для победы. Напротив, «вьетнамизация» одновременно с постепенным выводом американских войск привела бы, говорил Никсон, к позитивному результату, каким бы ни был исход Парижских переговоров. Выбор между миром победителей и унижительным поражением был предопределен. Никсон, таким образом, получил время, чтобы укрепить свои позиции в общественном мнении и вывести из тупика Парижские переговоры, связанные с военными решениями.

12.3.3. ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ВОЙНЫ И ПОБЕДА СЕВЕРОВЬЕТНАМЦЕВ

В решении вьетнамского вопроса наступил сложный этап, который хронологически совпал с острой фазой советско-китайского кризиса (после столкновений на Уссури в марте 1969 г.) и началом дипломатического маневра, который Киссинджер предпринял, прежде чем перейти к диалогу с Китаем. В 1969 г. связи Советского Союза с Северным Вьетнамом очень упрочились, а с Китаем, напротив, значительно ослабли. Вьетнам нельзя было разбить военным путем, но его можно было изолировать дипломатически, если бы маневры США в отношении Китая принесли успех. В таком случае китайская поддержка вьетнамцам прекратилась бы полностью.

Выбранный курс привел к распространению военно-политических действий американцев и на Камбоджу. С 1969 г. правительство Вашингтона санкционировало бомбардировки с воздуха по вьетконговским храмам, расположенным на территории Камбоджи. В марте 1970 г. Никсон поддержал государственный переворот, осуществленный камбоджийскими военными, во главе которых стоял премьер-министр генерал Лон Нол. Они свергли с престола короля Нородома Сианука, обвинив его в прокоммунистических симпатиях, и сразу потребовали оружия у Соединенных Штатов, но в ответ США прислали американские и южновьетнамские вооруженные части. Их прибытие привело к катастрофическим последствиям для Камбоджи, которая оказалась ввергнутой в водоворот конфликта, разрывавшего страну вплоть до 1998 г.

Никсон принял решение, противоречившее тактике мирных переговоров, но он полагал, что для успеха политики «вьетнами-

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

зации» необходимо поразить базы противников в местах их укрытий, чтобы предотвратить нападения на американские и южно-вьетнамские вооруженные силы. Если американцы продолжали бы терпеть подобную ситуацию, объяснял Никсон свое решение, то все считали бы себя в праве безнаказанно бросать вызов мощи Соединенных Штатов, оказавшихся неспособными противостоять коварному противнику.

Мощная операция, развернутая в Камбодже, не дала определенных и существенных результатов. Дипломатические результаты государственного переворота стали заметны только спустя некоторое время. Ни со стороны Советского Союза, ни со стороны Китая не было серьезной реакции. Только Китай заявил о признании Временного правительства Камбожди (Грунка), которое создал Сианук, находившийся в изгнании в Пекине. Эта относительная пассивность свидетельствовала о том, что ни Советы, ни северовьетнамцы не были заинтересованы в поддержке камбоджийского лидера, проявившего себя ревностным сторонником нейтралитета, который Женевская конференция 1954 г. признала за его страной. Отношение же Китая, оказывавшего ему поддержку, было отнюдь не безразличным. Хотя казалось, что Китай отступает под давлением Советского Союза, правительство Пекина организовало в апреле 1970 г. в Кантоне конференцию, во время которой Чжоу Эньлай заявил, что никакое соглашение по Индокитаю не будет иметь будущего, если его не поддержит Китайская народная республика.

Между тем аргументация Никсона была недостаточной, чтобы американские действия в Камбодже не вызвали активизацию внутренней оппозиции войне во Вьетнаме. Хотя переговоры между Киссинджером и Ле Дук Тхо тайно продолжались, в плане открытых действий Никсон был вынужден ослабить американское военное присутствие, при этом Пентагон интенсифицировал обучение южновьетнамской армии в связи с дальнейшим развитием конфликта. После того, как в феврале 1971 г. вооруженные силы США попытались провести новую операцию на территории Камбоджи, чтобы перекрыть «тропу Хо Ши Мина», усилилась критика действий американской администрации. Несмотря на заверения, что наступательная операция будет иметь «разрушающие» последствия для противника, в результате она привела лишь к тому, что каналы связи с Югом временно переместились в глубь страны. После этого эпизода американская делегация в Париже выступила с официальным предложением — северовьетнамцы должны установить дату прекращения огня и возвращения пленных в обмен на определение крайнего срока завершения вывода американских войск

— которое оказалось безрезультатным, поскольку оно не влияло по существу на реальное соотношение сил.

Все это, однако, не принесло серьезных изменений ситуации. Политика «вьетнамизации», предусматривавшая вывод американских войск, в конце 1972 г., стала реальностью и бросала вызов Фронту освобождения Северного Вьетнама. В марте 1972 г. северовьетнамцы попытались предпринять массированное наступление, во время которого были впервые использованы тяжелые вооружения, поступавшие из Советского Союза. Это позволило американцам действовать таким образом, чтобы подтвердить свое неучастие и в то же самое время показать, что это не является свидетельством поражения американцев: воздушные бомбардировки вооруженных сил коммунистов приобрели необычайную силу, побережье подверглось жесткой блокаде. Как наступление в праздник Тет, так и наступление в марте 1972 г. потребовало от коммунистов очень высокой цены только для того, чтобы не допустить поражения или добиться даже незначительных успехов. Северный Вьетнам заплатил за них жизнью 100 000 человек.

Колоссальные человеческие потери и советы действовать более сдержанно, поступавшие из СССР и Китая (страны, которые Никсон посещал время от времени, успешно развивая дипломатические связи, так что вьетнамская война на их фоне казалась досадной второстепенной помехой, подлежащей устранению), смягчили позиции северовьетнамцев. После президентских выборов в ноябре 1972 г. американцы возобновили массированные бомбардировки с воздуха, и правительство Ханоя, в конце концов, согласилось пойти на компромиссное соглашение о прекращении огня, которое было подписано в Париже 27 января 1973 г. Это был не конец войны, но это был момент прекращения непосредственного участия Соединенных Штатов в конфликте.

Соглашение предусматривало, помимо прекращения боевых действий, вывод всех американских войск и возвращение всех военнопленных. Было установлено, что 17 параллель все еще будет обозначать демаркационную линию между двумя Вьетнамскими государствами и любое пересечение ее войсками запрещено, а гражданские передвижения должны происходить с согласия обоих вьетнамских правительств. Северный Вьетнам обязывался вывести все свои войска из Лаоса и Камбоджи и не использовать территорию этих двух стран для проведения военных действий против Южного Вьетнама. Состав будущего Сайгонского правительства должен был стать предметом переговоров непосредственно между Северным и Южным Вьетнамом.

Итак, политическое условие, выдвинутое делегацией Север-

ного Вьетнама в самом начале переговоров, несмотря на смягчающие статьи, было принято. Соглашение было большим успехом Ле Дук Тхо, но в то же время оно было представлено как компромисс, который должен был сгладить конечный результат и завуалировать поражение американцев. Конечно, это было слабое соглашение, отсутствовали подлинные гарантии его осуществления, но оно получило международное признание на Парижском совещании 12 стран, всегда участвовавших в переговорах по проблемам Индокитая. 12 марта 1973 г. эта конференция одобрила соглашения и назначила контрольную комиссию, которая должна была наблюдать за их реализацией. Поскольку возросла боеспособность вооруженных сил Южного Вьетнама, американская помощь им сократилась, вследствие чего стал падать их боевой дух. В течение оставшегося 1973 и 1974 гг. вместо прекращения огня продолжалась война без американцев. Перед решительными действиями северовьетнамцев и Вьетконга вооруженные силы правительства Сайгона постепенно рассеялись; в начале 1975 г. началось заключительное наступление. В апреле Тхиеу ушел в отставку, и его место несколько дней спустя занял Дуонг Ван Минь, один из ведущих участников борьбы против Нго Дин Дьема. Два дня спустя 30 апреля войска коммунистов вошли в Сайгон. Американский посол вынужден был на борту вертолета поспешно покинуть свою резиденцию.

12.3.4. ИНДОКИТАЙ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Китай в большей мере, чем другие державы, одобрительно отнесся к Парижским соглашениям, он надеялся воспользоваться раздробленностью Индокитая, чтобы на долгий срок установить свое влияние в противоположность далекому Советскому Союзу. Но упорная политика Ханоя по завоеванию всего Вьетнама быстро опрокинула эти планы. Китайско-вьетнамские отношения ухудшились и чуть не дошли до открытого конфликта из-за споров о границе в Тонкинском заливе. Однако именно в вопросе о Камбодже Парижские соглашения были опрокинуты, поскольку в ситуации на Индокитайском полуострове произошли важные изменения.

Режим Лон Нола не смог укрепиться, несмотря на жестокие репрессии, проводимые армией. Ему противостояли две противоборствующие фракции коммунистов: провьетнамская группировка кхмеры Иссарака и группировка красных кхмеров, которые выступали со своей собственной программой и считали своим главным врагом северовьетнамцев, поскольку после Женевских соглашений 1954 г. сторонники Хо Ши Мина оставили их на произвол Сианука. Контролировавшие северную часть страны кхмеры Иссарака пре-

кратили вооруженную борьбу в соответствии с распоряжениями Ханоя, а также потому, что их число резко сократилось в результате войны с американцами и южновьетнамцами. Красные кхмеры, закрепившиеся в северо-западном районе Камбоджи, под руководством Пол Пота установили отношения с Временным правительством Сианука в Пекине, т.е. у них были тесные связи с Народным Китаем, от которого они получали военную и продовольственную помощь.

Менее чем год спустя после вывода американских войск из Вьетнама ситуация в Индокитае резко усложнилась. Возросла поддержка Советского Союза Северному Вьетнаму и его аннексионистской политике. В регионе окрепло советское влияние, целью которого было создание противовеса американо-китайским отношениям и осуществление контроля Китая с юга. Китайцы, в свою очередь, рассчитывали с помощью Камбоджи держать в напряжении окрепший и объединенный Вьетнам, находившийся под защитой Советов. С другой стороны, правительство Вьетнама расценивало контроль над двумя другими государствами индокитайского полуострова как непременное условие своей внутренней безопасности, в особенности в то время, когда с уходом американцев высвобождалось поле борьбы.

Китайские руководители пришли к заключению, что только красные кхмеры могли бы воспрепятствовать империалистическим устремлениям СССР и Вьетнама, и предложили Пол Поту свою поддержку в борьбе с Лон Нолом с тем, чтобы их войска провели операцию быстро и одновременно с наступлением северовьетнамцев на Сайгон. Северовьетнамцы взяли Сайгон 30 апреля 1975 г., а силы Пол Пота смогли разбить режим Лон Нола и захватить 17 апреля столицу Камбоджи Пномпень; одновременно в Лаосе пало нейтральное правительство Суванна Фумы в результате государственного переворота, организованного 21 апреля провьетнамским Патет-Лао. Кусочки индокитайской мозаики складывались и распадались очень быстро, но в соответствии с железной логикой советско-китайского противостояния.

Весной 1975 г., казалось, весь Индокитай был под контролем коммунистических сил. Но эти силы были, в действительности, расколоты острым соперничеством, обусловленным их отношениями с Китаем. Вьетнам, будучи не в состоянии добиться нормализации отношений с Соединенными Штатами, чувствовал потенциальную угрозу как на китайском, так и на камбоджийском фронте. Действительно, в Камбодже (получившей название Кампучия) красные кхмеры начали жестокие репрессии против кхмеров Иссарака и всех, кто препятствовал их продвижению. Репрессии вдохновлялись остервенелым догматизмом и были направлены на

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

истребление действительных и потенциальных противников режима, который намеревались установить люди Пол Пота (позже говорили приблизительно о двух миллионах жертв).

Одновременно отношения между Вьетнамом и Советским Союзом становились все более тесными. Советы создали свою воздушную базу на вьетнамской территории и в ноябре 1978 г. подписали с Вьетнамом двадцатилетний договор о дружбе и сотрудничестве, в который была включена статья (в Пекине ее истолковали как антикитайскую провокацию), которая предусматривала обязательство Советов защищать Вьетнам как своего союзника от любой иностранной агрессии. Таким образом, сформировались два фронта: китайско-камбоджийский и советско-вьетнамский. Они противостояли друг другу из-за пограничных споров и вследствие глубокой политической и этнической неприязни. Напряженность между Вьетнамом и Камбоджей привела в конце 1977 г. к разрыву дипломатических отношений между ними. Вслед за этим провалились переговоры между Китаем и Вьетнамом об определении морских границ. Союз между Москвой и Ханоем заморозил это явно кризисное состояние и создал предпосылки для столкновения сначала между Вьетнамом и Камбоджей, а затем и для китайского нападения на Вьетнам.

Вьетнамское нападение на Камбоджу, завершившееся 1 января 1979 г. вступлением вьетнамских сил в Пномпень, объяснялось в дальнейшем необходимостью положить конец геноциду, учиненному красными кхмерами, которые пытались уничтожить всех тех, кто был связан с миром торговли и с влиянием западного урбанизма во имя экстремистского уравнилельного «идеала». Вьетнамская акция приобрела гражданское звучание, которое, по всей вероятности, изначально ей было чуждо, но которое создало неразрешимую ситуацию. Нападение было незаконным, а режим Пол Пота, хотя и бесчеловечный, всегда признавался международным сообществом.

Наиболее сильный протест вьетнамская акция вызвала у китайцев, которые даже попытались преподать вьетнамцам суровый «урок». В феврале—марте китайцы напали на Вьетнам, но это не принесло существенных результатов. Проникнув на 30 километров вглубь вьетнамской территории, китайцы отступили без переговоров, но тем самым они продемонстрировали, что не приемлют исключительно вьетнамский контроль над ситуацией в Индокитае. Кроме того, они показали пределы союза 1978 г. между Москвой и Ханоем, потому что советское правительство, которое должно было оказать поддержку Вьетнаму, подвергнутому агрессии, ограничи-

лось жестким словесным осуждением, воздержавшись от какой-либо военной акции.

Вьетнам считал, что в 1975 г. он добился мира, но мир был все еще далек и очень зависел от внешнеполитических условий. Развитие отношений между великими державами привело к фактической изоляции Вьетнама, перед которым стояла трудная задача восстановления хозяйства страны после 30 лет войны. Расстановка сил на международной арене поставила Камбоджу в такое политико-правовое положение, что им пришлось заниматься Организации Объединенных Наций; оно же потребовало от Вьетнама расходов средств не на внутреннюю реконструкцию, а на военные операции против партизанских действий, продолжавшихся до 1993 г., а в некоторых районах вплоть до смерти Пол Пота в 1998 г. Лаос оказался в состоянии изоляции, чреватым внутренними конфликтами.

12.4. Киссинджер и «дипломатия треугольника»

12.4.1. ПОЛИТИКА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ В ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ И ЯПОНИЯ

«Большая разрядка» достигла своего наивысшего развития с установлением фактических отношений между Китаем и Соединенными Штатами и с возвращением Китая, по крайней мере потенциальным, к роли влиятельного субъекта международной жизни. Какими бы ни были другие факторы важности этого этапа, достаточно отметить, что, опровергая «теорию домино», он означал провал проникновения Советского Союза в Тихоокеанский регион, несмотря на успех, достигнутый им в результате объединения Вьетнама под властью ханойского правительства и оккупации Камбоджи. Глубокий анализ ситуации и дипломатические способности позволили Киссинджеру, главному советнику Никсона, ограничить последствия поражения, понесенного Соединенными Штатами на Индокитайском полуострове, а затем свести их на нет. СЕАТО, вследствие краха ее главного элемента (то есть Южного Вьетнама) и отказа от участия в ней других союзников, больше не существовала, а на смену «сдерживанию», осуществлявшемуся СЕАТО, пришла совершенно новая и гораздо менее хрупкая система соотношения сил.

Китайско-американское сближение было результатом китайско-советского разрыва и умения американцев использовать ситуацию, созданную этим просчетом. Брежнев и Косыгин изменили тактику,

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

отказавшись от прямых нападок, избегая осуждения компартий, проявлявших свои симпатии к Компартии Китая и предоставляя существенную экономическую и военную помощь как Вьетнаму, так и Северной Корее, при этом не требуя от них выбора какой-либо определенной позиции в отношении «ссоры» с китайцами.

В то время как русские избрали мягкую линию поведения, китайцы, напротив, вели себя все более агрессивно, подстрекая компартии, на которые они имели какое-либо влияние, к отделению от КПСС, как они это уже успешно проделали с Албанией в начале 60-х годов. Совпадение такого курса с внутренними беспорядками и «культурной революцией» имело, однако, контрпродуктивные результаты. Поражение 1965 г. в Индонезии и невозможность обеспечивать достаточными финансовыми ресурсами китайское присутствие в развивающихся странах отодвинули Китай на обочину международного политического процесса. Румыния и Куба, которые с самого начала придерживались критической позиции в отношении русских, в 1966 г. вновь сблизились с КПСС. Последняя (и ее ревизионистская политика) стала главной мишенью критических стрел «культурной революции», а правительство Китая начало проводить непримиримую политику относительно территориальных споров, опасаясь, что русские хотят окружить Китай для того, чтобы напасть на него, возможно, с применением ядерного оружия. Советское вмешательство в Праге лишь усилило эти опасения, которые, в свою очередь, предоставили русским предлог для укрепления их военных позиций в Азии. Кульминацией этих опасений стали столкновения на реке Уссури в марте и августе 1969 г.

Это состояние напряженности не осталось незамеченным американцами. В течение многих лет вашингтонское правительство обсуждало возможности использования ситуации, сложившейся с крахом «нерушимой» китайско-советской дружбы. Администрации Кеннеди и Джонсона, испытывая давление «китайского лобби», то есть влиятельной группировки в правящих кругах, благоволящей к гоминьдану и озабоченной вьетнамским кризисом, а также его предполагаемыми последствиями («эффектом домино»), ограничились продолжением традиционной политики политического ostracизма в отношении Китайской Народной Республики, препятствуя принятию ее в Организацию Объединенных Наций.

В 60-е годы усилия Белого Дома были направлены, скорее, на осуществление сложного переходного этапа в отношениях с Японией. Благодаря американским гарантиям безопасности и режиму

строгого ограничения внутреннего потребления Японии удалось подняться из того униженного положения, в котором она находилась вплоть до первой половины 50-х годов. В 1955 г. образование Либерально-демократической партии, способной вобрать в себя все консервативные и умеренные элементы, входившие в правительство, а также укрепление позиций Социалистической партии в качестве главной оппозиционной силы обеспечили стране политическую стабильность. Это позволило Японии в 60-е годы серьезно заняться как внутренними экономическими, так и политическими проблемами, касающимися отношений с могущественным американским союзником.

Японско-американский диалог развивался в те годы по трем направлениям: проблемы обороны, экономические отношения и территориальные вопросы, по которым Япония выдвигала свои требования. В последние месяцы администрации Эйзенхауэра Соединенные Штаты уступили, наконец, давлению японцев относительно пересмотра Договора безопасности 1951 г. (повторенного по существу в 1954 г.) таким образом, чтобы ликвидировать неравенство в принятии решений, которое он закреплял. Переговоры по его пересмотру, проходившие с 1957 г., завершились подписанием 19 января 1960 г. правительством Нобусукэ Киси нового договора сроком на 10 лет. В договоре предусматривалось формальное прекращение всякого ограничения суверенитета Японии и признание ее права на самооборону. В нем также подтверждалось право Соединенных Штатов использовать японские военные базы для сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил. При этом, правда, уточнялось, что ядерное оружие должно быть исключено из американских вооружений на японской территории и что вопрос об использовании японских военных баз (столь важных для военных операций в Юго-Восточной Азии) должен решаться путем двусторонних консультаций. Обмен нотами между Киси и Гертером, санкционировавший эти новации, не изменил, однако, действительного содержания японо-американского сотрудничества, что привело к антиамериканским протестам (длвшимся несколько месяцев, вплоть до ратификации договора в июне 1960 г.) и отмене визита Эйзенхауэра в Токио, который планировался как раз на этот период. В течение нескольких месяцев демонстрации носили столь яростный характер, что, казалось, под сомнение было поставлено само существование японской политической системы.

В тесной связи с проблемой сотрудничества в сфере обороны находился территориальный вопрос. Соединенные Штаты, имев-

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

шие права на административное управление островами Бонин и Рюкю (включая остров Окинава), превратили последние в огромную военную базу, которая была основой всей американской стратегической системы на Дальнем Востоке. Поскольку эти острова находились вне японской юрисдикции, они были исключены из положений договора Киси–Гертера, однако японцы настоятельно выдвигали относительно них свои требования, которые в течение долгого времени не могли повлиять на вашингтонские власти. Только в 1968 г. США решились возвратить Японии административные права на острова Бонин, не имевшие, впрочем, никакого стратегического значения.

Как бы то ни было, в экономическом плане Соединенные Штаты должны были отдавать себе отчет в изменении ситуации. Беспорядки привели к отставке Киси и формированию нового правительства, во главе которого с июля 1960 г. встал либерал-демократ Х. Икэда. Новый японский премьер-министр был решительным поборником необходимости развивать экономические отношения с Китайской Народной Республикой. Ограничиваясь соглашениями экономического характера, правительство Японии стремилось воспользоваться источниками сырья и, прежде всего, открыть рынок, важный для японской экономики в ее состоянии головокружительного роста. При этом в Токио рассчитывали не вызывать слишком бурной американской реакции. Надежды Икэды, однако, не оправдались. Реакция американцев и китайских националистов с Тайваня не заставила себя ждать.

В ноябре 1964 г. Икэда вынужден был подать в отставку и уступить место более покладистому Эйсаку Сато. Китайско-японский торговый оборот остался ограниченным рамками соглашений об обмене товарами, заключавшимися начиная с 1962 года, а Япония полностью вернулась в орбиту американской политики. Американцы же были тогда озабочены поощрением проникновения японских товаров на новые рынки — такие, как Южная Корея и страны Юго-Восточной Азии, которые объединились в 1967 г., создав Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В 1965 г. торговый баланс между Соединенными Штатами и Японией впервые стал активным в пользу Японии, и поэтому американцы потребовали от Токио, чтобы протекционистские меры, установленные в начале 50-х годов, были отменены.

Впредь, начиная с этого момента, отношения между двумя странами концентрировались вокруг двух проблем: либерализации внутреннего рынка Японии и большего вклада с ее стороны в политику безопасности, проводимую под эгидой Соединенных

Штатов. В условиях беспрецедентного роста японской экономики (в 1967–1968 гг. американский дефицит в торговле с Японией увеличился в четыре раза) началась бесконечная дискуссия. На американские требования либерализации Токио отвечал требованием передачи ему островов Бонин и Рюкю и предоставления возможности начать торговые переговоры с китайцами, однако при этом настаивал на недопустимости осуществлять политику ремилитаризации, способную привести к разрушению социального мира в стране. В 1968 г. двусторонние переговоры, начатые во время президентства Кеннеди, завершились, наконец, соглашением, окончательно одобренным только в июне 1971 г. Согласно этому соглашению, острова Рюкю и Окинава возвращались Японии в обмен на частичную либерализацию японского рынка.

12.4.2. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ США И КИТАЕМ

Япония являлась главной опорой американской системы безопасности на Дальнем Востоке. Это объясняет относительную терпимость, с которой Соединенные Штаты воспринимали жесткость позиции японцев как в сфере торговли, так и в отношении отказа от внедрения даже символического военного контингента во Вьетнам. Она представляла собой также мост для налаживания политических отношений с Китаем.

В самом деле, несмотря на американское противодействие, китайско-японские отношения никогда не были антагонистическими и объем торговли между двумя странами постоянно возрастал, в результате чего торговый дефицит Китая в отношении с Японией в 1970 г. достиг 315 млн долларов. Более того, японский премьер Сато хотел даже посетить Китай, однако ему не удалось осуществить свои планы из-за нежелания китайцев принимать у себя слишком проамериканского политика. Однако все это показывало, что Пекин смотрел на внешний мир уже совсем другими глазами по сравнению с непримиримой и закрытой позицией, характерной для предшествовавшего периода.

Именно в такой атмосфере назрела «дипломатическая революция» в китайско-американских отношениях. Она стала следствием отказа двух сторон продолжать политику жесткого противостояния, основанную на идеологических мотивациях, с целью замены ее политикой сотрудничества или, по крайней мере, сближения позиций, которая диктовалась изменениями геополитической ситуации в Восточной Азии, происшедшими за десятилетие от прихода к власти администрации Кеннеди и до поражения Джонсо-

на. В течение этого десятилетия шел медленный, но глубокий с точки зрения его последствий, процесс. Отражением этой ситуации, в плане обозначения потенциала ее развития, было более успешное развитие китайско-японской торговли по сравнению с решением проблем международной политики. Именно в этом плане распутывалась закрученная нить взаимоотношений между державами, и именно здесь нашли отражение последствия изменившегося соотношения сил на континенте.

С начала 60-х годов и, совершенно очевидно, с середины десятилетия полностью проявились черты нового дипломатического порядка, при котором произошло сближение позиций Соединенных Штатов и народного Китая, сопровождавшееся присоединением к ним все менее зависимой Японии и противостоянием Советского Союза по отношению к этой новой комбинации силы. Именно эти отношения завершили историю политики разрядки. Изменение атмосферы в отношениях с Советским Союзом, конец, по крайней мере видимый, гонки вооружений, соглашения по ограничению стратегических вооружений стабилизировали сложившуюся ситуацию. Напротив, новое дипломатическое равновесие в Восточной Азии создавало систему «сдерживания», которая предоставляла внушительную возможность ограничить советский экспансионизм и которая вынуждала Советский Союз направить свой динамичный потенциал в международной сфере в другие регионы, преимущественно в Африку.

Переосмысление собственной роли в азиатском сценарии происходило в 1969–1972 гг. как в Соединенных Штатах, так и в Китае. Китайцам пришлось признать провал попытки подорвать авторитет Советского Союза внутри социалистического движения, поскольку оно вновь сплотилось вокруг СССР. В то же время столкновения на реках Уссури и Амур подчеркнули неэффективность стратегии народной войны против Советского Союза в регионе, где эта война была невозможна, хотя бы потому, что он был малонаселенным. Кроме того, годы «культурной революции» нанесли жестокий удар по международному престижу народного Китая, обрекая его на опасную и удушающую изоляцию. В частности, поддержка Северным Вьетнамом советского вмешательства в Чехословакию показала пределы равноудаленности правительства Ханоя.

С другой стороны, в восприятии китайцев Соединенные Штаты перестали в тот период представлять угрозу агрессии в результате их поражения в Индокитае, а также кризиса доллара, вследствие которого у них возникли противоречия о взаимоотношениях с союзниками, все чаще предпринимавшими собственные инициативы в

сфере международной политики, не всегда совпадающие с желаниями американцев. Оказавшись в ситуации, созданной американским провалом в Индокитае и советским перевооружением в Азии, направленным целиком против Китая, китайское руководство поставило перед собой задачу выйти из изоляции, сломав зажим сверхдержав, угрожавший, казалось, самим завоеваниям революции. За предложением, сформулированным Брежневым 25 мая 1969 г. демонтировать все оборонительные союзы на Азиатском континенте с целью создания коллективной и нейтральной системы безопасности, просматривались плохо скрываемые устремления Советского Союза к контролю над всем регионом. Для Китая, с учетом имевшихся прецедентов и всей ситуации в Восточной Азии, оправданным решением представлялась ориентация на Соединенные Штаты.

Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай были главными действующими лицами поворота, к которому их подтолкнули, в конце концов, также многие конъюнктурные причины. В первую очередь, в результате секретных контактов с американской дипломатией они почувствовали, что китайская поддержка была бы неоценима для сдерживания динамизма объединенного Вьетнама и для того, чтобы стало возможно вывести 7-й американский флот из морей, омывающих Китай, а это, соответственно, исключило бы также и советское военное присутствие. Во-вторых, изменения в сфере дипломатических отношений не должны были поставить под сомнение характер китайской революции, поскольку ни одна из сторон не намеревалась в тот момент рассматривать вопросы такого рода. В-третьих, Китай получал возможность нормализовать торговые отношения с Соединенными Штатами и Японией, приобретая, таким образом, доступ к технологической информации, делавшей его способным с гораздо большей эффективностью противостоять давлению Советского Союза. В-четвертых, открывшись Соединенным Штатам, Китай приобретал широкое, как никогда в прошлом, поле для дипломатического маневра, вписываясь в международный контекст в качестве субъекта, способного, по своим демографическим и территориальным масштабам, выйти в более или менее отдаленном будущем на уровень сверхдержавы. В-пятых, в качестве формального подтверждения изменений имелась в виду отмена какого бы то ни было вето на принятие в Организацию Объединенных Наций.

Соображения Соединенных Штатов были лишь отчасти зеркальным отражением китайских. В самом деле, как уже говорилось, наряду с двухсторонними, существовали мотивации более общего

характера, относящиеся к архитектуре проекта разрядки, над которым работала администрация Никсона. Мотивации о развитии двухсторонних отношений отражали желание возродить традиционную дружбу, характеризовавшую отношения между двумя странами вплоть до 1949 г. Китай как проводник американской политики в Тихоокеанском регионе; Китай как рынок; Китай как потенциальная сдерживающая сила в отношении Советского Союза и Японии; Китай как реальность, которую уже невозможно было не замечать. В октябре 1967 г., за год до того, как он был избран президентом, Никсон писал в «Foreign Affairs»: «В долгосрочном плане совершенно невозможно верить в то, что можно всегда держать Китай за пределами сообщества наций, чтобы он давал волю своим фантазиям, культивировал свою ненависть и угрожал своим соседям. На нашей маленькой планете не имеет смысла обрекать миллиард ее потенциально самых прилежных обитателей на раздражающую изоляцию... В краткосрочной перспективе это диктует политику крайней сдержанности, отказа от уступок и политику конструктивного противодавления, направленного на убеждение Китая в том, что его коренные интересы могут быть удовлетворены только путем принятия основных правил мировой цивилизации. В долгосрочном плане это означает возвращение Китая в мировое сообщество, однако, в качестве крупного прогрессивного государства, а не как эпицентра мировой революции».

Мотивации общего характера, в разработке которых Никсон был предшественником Киссинджера, восходили, следовательно, к предложению налаживания более насыщенных дипломатических контактов, не обязательно антисоветских, но таких, которые позволяли бы создать, по крайней мере, треугольную систему. В результате мировая политика стала бы более жизнеспособной и подвижной, поскольку снизились бы риски прямой конфронтации между Соединенными Штатами и Советским Союзом и расширилось бы поле для маневра других держав. В полицентрической системе Соединенные Штаты смогли бы лучше утвердить свое превосходство или, по крайней мере, почувствовать себя менее зависимыми от требований военной конфронтации с Советским Союзом. Поэтому, если для Китая нормализация отношений с Соединенными Штатами была результатом желания выйти из изоляции, для Соединенных Штатов деятельность в том же самом направлении приобретала глобальное значение.

Практическое осуществление этих основных направлений началось достаточно быстро. В течение лета 1969 г. Соединенные Штаты постепенно отменили некоторые ограничения в торговле с

китайской Народной республикой. В конце года китайцы вновь выступили с политической инициативой, решив возобновить варшавские переговоры, то есть встречи, проходившие в польской столице между китайским и американским послами. В 1954–1968 гг. состоялись 134 встречи, посвященные техническим вопросам и решению маргинальных споров; они носили откровенно официально-политический характер, позволявший госдепартаменту получать информацию об изменении курса Пекина. Несмотря на государственный переворот, осуществленный с помощью американцев в Камбодже и свергнувший нейтральное правительство принца Сианука, камбоджийского политика, близкого к китайцам и враждебного по отношению к просоветски настроенным вьетнамцам, на протяжении всего 1970 г. наблюдалось все больше признаков разрядки в отношениях между Китаем и Западом (о чем свидетельствовало дипломатическое признание Китая Италией и Канадой). В итоге в ноябре 1970 г. Генеральная Ассамблея ООН высказалась (в том числе по предложению Италии) за то, чтобы правило двух третей, предусмотренное Уставом ООН для определения «важных вопросов», за которые должна голосовать Генеральная Ассамблея, не было применено к голосованию по поводу просьбы китайцев о предоставлении им места в ООН. Этот вопрос имел решающее значение, и еще несколько месяцев американцы искали уловки, надеясь добиться того, чтобы принятие коммунистического Китая, дополненное правом заменить Тайвань в кресле постоянного представителя в Совете безопасности, могло разрешиться с помощью компромисса, который сохранил бы, в соответствии с так называемой теорией «двух Китаев», присутствие Тайваня в организации. Однако такой подход входил в противоречие с тезисом китайских националистов о том, что правительство Гоминьдана являлось единственным легитимным китайским правительством, а также с тем, что коммунистический Китай считал присутствие Тайваня в ООН неприемлемым. Соединенные Штаты учли эту ситуацию, ограничившись голосованием против резолюции, посредством которой Генеральная Ассамблея 25 октября 1971 г. «восстановила законные права Китайской Народной Республики», постановив одновременно немедленно лишить представителей правительства Тайваня занимаемого ими «незаконно» места.

После преодоления этого последнего препятствия, вызвавшего понятную реакцию в Соединенных Штатах и навлекшего на них обвинения в предательстве давнего верного союзника, нормализация получила однозначное направление, без попыток дальнейшего переосмысления ведя к рождению «*entente cordiale*» («сердечного согласия»), важность которого в историографическом плане сравнива-

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

лась с союзом между республиканской Францией и императорской Россией, заключенным в конце XIX века.

Между тем микроскопическим признаком поворота, которому сразу же придали политический смысл, который он, впрочем, имел в действительности, было приглашение в апреле 1971 г. американской команды по настольному теннису участвовать в турне по Китаю. Любопытный способ начать публичный диалог заставил говорить о «дипломатии пинг-понга». В действительности не все происходило столь открыто. Моментом действительного поворота был секретный визит Киссинджера в Китай, совершенный им 9–11 июля этого же 1971 г., в ходе которого были заложены политические основы для потепления отношений и для дальнейшего официального визита Никсона, о котором было предварительно официально объявлено 15 июля, — визита, имевшего очевидные последствия для всего мира.

Если на этом пути и были другие препятствия, то их устранило подписание в сентябре нового договора между Индией и Советским Союзом, обязывавшего стороны проводить политику сотрудничества и консультаций. Одновременно внутренний кризис в Пакистане (который должен был впоследствии привести к отделению западных провинций от восточных, ставших независимыми под названием Бангладеш), последовавшее затем в декабре 1971 г. вступление Индии в войну против Пакистана в поддержку независимости нового государства, так близко отстоящего от южной границы Китая, истолковывались как предвестник индийского наступления против Китая, поддержанного русскими. В этой обстановке визит Никсона в Пекин продемонстрировал второстепенное значение вьетнамского вопроса, вытесненного в тень развитием китайско-американского диалога.

Визит в Китай 21–28 февраля 1972 г. был для Никсона моментом дипломатического триумфа. Повторяющиеся сердечные встречи с китайскими руководителями демонстрировали атмосферу дружбы даже большую, чем это было в реальности. По мнению Киссинджера, китайские руководители представляли «общество, гораздо более стабильное в эмоциональном плане». Кроме того, они были в меньшей степени заинтересованы в формальных деталях и стремились прежде всего к «созданию атмосферы доверия». В заключительном коммюнике признавалось значение произошедшего поворота. Американцы отказывались от теории «двух Китаев», признавая неделимость страны и обязуясь вывести в будущем все свои вооруженные силы, находящиеся в море и на Тайване. Последний в политическом (но не в экономическом) отношении приносился в жертву новой дружбе. Взамен китайцы признавали

американское превосходство в Тихоокеанском регионе (где сила Соединенных Штатов являлась гарантией против советской угрозы), а в финальном документе заявлялось об общей решимости «противостоять любым преступным попыткам третьей державы утвердить свою гегемонию в регионе». Такое положение должно было служить предупреждением Москве: холодная война в Северо-Восточной Азии действительно закончилась, более того, она сменилась китайско-советской конфронтацией, обусловившей недвусмысленный выбор, сделанный Мао, Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопином, тремя собеседниками Никсона.

12.4.3. ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ СИТУАЦИИ В ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Визит Никсона, хотя и имел исключительное значение, не привел, тем не менее, к полной нормализации дипломатических отношений. Соединенные Штаты еще не признали коммунистический Китай в дипломатическом отношении и должны были придерживаться принципа строгой равноудаленности на этапе, когда они имели обязательства также и на советском дипломатическом фронте. Впрочем, в мировом масштабе русские были все еще главными собеседниками не только из-за бесспорного военного превосходства, но также и из-за наличия уже опробованных каналов связи. По этой причине внешняя реакция Советского Союза на визит Никсона не была особенно резкой. Она не сказалась на атмосфере последующего визита Никсона в Москву и подписании соглашений ОСВ-1. Последствия китайско-американского сближения были, напротив, сразу же очевидны в Тихоокеанском регионе.

Таким образом, вопрос об изгнании представителей Гоминьдана из ООН был решен, хотя позднее американцы пытались утешить их с помощью ряда технических соглашений и политики экономического сотрудничества, которая будет способствовать превращению острова в лидеры среди «тигров» экономического развития в Юго-Восточной Азии. Возможности сближения двух Корей, несмотря на начало переговоров об умиротворении, были ничтожны.

Но с наибольшим числом проблем Соединенным Штатам пришлось столкнуться в отношениях с Японией. Еще в соответствии с соглашениями 1969–1971 гг. японцы должны были сделать американцам важные уступки. Речь шла о согласии с принципом молчаливого возобновления договора 1960 г., обязательстве подписать договор о нераспространении ядерного оружия, следовании политике разоружения и согласии со статьей, в которой Япония объявляла защиту Тайваня и Южной Кореи своими жиз-

ненными интересами.

Правительство Сато, хотя и восстановило полностью суверенитет своей территории, уступило, следовательно, в единственном пункте, который до этого момента отличал японскую дипломатию от американской — стремлению не участвовать в военных операциях на континенте. Впрочем, речь шла о продуманном риске, связанном с развитием отношений между Соединенными Штатами и Китаем. Как отмечает историк Акира Ириэ, с 1970 г. японские политики пребывали в страхе, что американцы достигнут сепаратного соглашения с Китаем, оставив Японию без прикрытия. В действительности, эти опасения подтверждались тем фактом, что правительство Токио было проинформировано о предстоящем визите Никсона в Китай только за несколько часов до него. Этот эпизод, названный потом «шок Никсона», оказал глубокое воздействие на доверие японцев американцам.

Первой реакцией японцев было последовать или даже превзойти американский пример в отношении Китая. Проявив редкую «раскованность», 28 июля 1972 г. Сато заявил, что для Японии Тайвань является частью Китайской Народной Республики, и вслед за этим последовало закрытие соответствующих посольств в Токио и Тайбэе. Сразу же после этого японцы предоставили дипломатическое признание пекинскому правительству и подписали официальные торговые соглашения, ставившие отношения между двумя странами на новую основу.

Избавившись от неравноправного положения по отношению к Китаю, Японии пришлось, однако, испытать на себе последствия проектов экономического оздоровления администрации Никсона и согласиться на требование американцев ограничить экспорт в Соединенные Штаты с целью уменьшить дефицит американского торгового баланса. Так начиналось соревнование в области торговли, в основе которого всегда лежали одни и те же компоненты, соревнование, ставшее мотивом постоянной напряженности в экономических отношениях между Японией и Соединенными Штатами.

Пытаясь отодвинуть экспансию японской торговли от американского рынка, администрация Никсона, как и предыдущие администрации, поощряла продвижение Японии в направлении Юго-Восточной Азии. Начиная с 1968 г. американское правительство поддержало идею создания «Тихоокеанской зоны свободной торговли» в качестве пространства, необходимого для экономического процветания и политической стабильности, важной для развития Японии и для стабильности в регионе. Проект принес быстрые плоды, поскольку уже в 1970 г. торговый обмен между Японией и

Юго-Восточной Азией удвоился по сравнению с 1966 г. Тем временем японская экономика становилась моделью для подражания (учитывая новое лицо международной деятельности японского гиганта, это не вызвало опасений относительно политических последствий) для всех стран региона, вступивших на путь ускоренной индустриализации, в процессе которой многие из них достигли исключительных результатов. Речь идет о «тиграх» азиатского экономического развития — Сингапуре, Гонконге, Южной Корее, Малайзии, Тайване.

Между тем развитие отношений между Китаем и Соединенными Штатами не привело в полной мере к ожидавшимся в порыве первоначального энтузиазма позитивным сдвигам. Точнее, оно привело к общим дипломатическим сдвигам, к которым стремилась американская дипломатия, не ставя, однако, целью их превращение в новую настоящую китайско-американскую дружбу. Последняя, под давлением китайцев, неизбежно носила бы открыто антисоветский характер, то есть развивалась бы в соответствии с проектом, который американцы поощряли, но присоединяться к которому у них не было мотивов, поскольку биполярная гегемония всегда составляла главную ось внешней политики сверхдержав. Более того, хотя в июне 1973 г. американские и китайские представительства официально открылись в обеих странах, только 15 декабря 1978 г. правительство Вашингтона решилось официально признать Китайскую Народную Республику, и только 1 января 1979 г. такие отношения действительно были установлены.

Американцев сдерживали, с одной стороны, проблемы, связанные с отношениями с Советским Союзом, а с другой — проблемы, вытекающие из внутренней китайско-американской ситуации.

12.5. Европа в годы разрядки

12.5.1. ЕВРОПА И ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА НИКСОНА

Процесс разрядки, естественно, охватил и Европу как в результате последствий инициатив сверхдержав, так и в результате инициатив, предпринятых самими европейцами. В самом деле, несмотря на проявления неуверенности и кризисы периферийного характера, Западная Европа и, в особенности, ЕЭС продемонстрировали жизнеспособность, которой не мешали политические и институциональные дискуссии внутри Сообщества. Из периферийных кризисов наиболее известным был военный переворот в Греции в апреле 1967 г., который заблокировал эволюцию политической сис-

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

темы к формам эффективной демократии, отодвинул страну на обочину атлантического сообщества и вынудил ЕЭС приостановить действие имевшегося у Греции статуса ассоциированного члена, что впрочем стало прелюдией ее принятия в полноправные члены ЕЭС.

Именно успешное развитие ЕЭС, а в его рамках мощный экономический подъем Федеративной Германии, Франции и Италии поставили с начала 60-х годов проблемы перераспределения обязательств, связанных с безопасностью атлантического союза, и пересмотра экономических и валютно-финансовых отношений. До 1958 г. европейская финансовая и торговая жизнь регулировалась системой Европейского платежного союза, созданного в конце 1950 г. для решения проблем денежной ликвидности в интегрированной экономической системе. В конце 1958 г. после трех лет переговоров 14 государств-членов союза (по согласованию с другими 15 неевропейскими странами) достигли соглашения, восстановившего всеобщую конвертируемость валют на основе золотодолларового стандарта (*gold-dollar standard*), то есть конвертируемости доллара и стабильности соотношения золото—доллар. Таким способом зона хождения доллара и европейская зона (где ранее доминировал фунт стерлингов) соединялись в большую зону действия многосторонних платежей, основанную на либерализации торговли и всеобщей конвертируемости валют, с твердым обменным курсом, привязанным к соотношению доллар—золото, установленному в 1944 г. Бреттон-Вудскими соглашениями из расчета 35 долларов за 1 тройскую унцию золота. Для Соединенных Штатов это было результатом длительного процесса воссоздания (или, можно сказать, создания) финансово-кредитной системы, основы которой закладывались с 1923 г. Такой процесс стимулировал формирование стабильной экономической системы, основанной на правилах рыночной экономики, при доминирующей роли ее наиболее сильного варианта, то есть американского. Все это должно было не провоцировать проблемы, а лишь приносить выгоды от финансового и политического превосходства (исключая циклические колебания и кризисные фазы).

Однако это происходило до тех пор, пока система торговых и платежных балансов не оказалась слишком явно недостаточной. По идее, определение золотодолларового стандарта становилось опорой системы всеобщей конвертируемости валют, результаты которой воспринимались как исключительно позитивные, в особенности для роста мировой экономики. В соответствии с тем, что пишет Херман Ван Дер Вее, «вследствие либерализации торговли и введения принципа конвертируемости, частные банки и финансовые операторы всего мира могли, без вмешательства центральных банков и других

финансовых органов, организовать огромный односторонний рынок, не испытывавший ограничений и в то же время гарантирующий стабильные обменные курсы». Таким образом, США фактически навязывали через золотодолларовый стандарт американский уровень цен всему остальному миру; цен, которые в тот период были еще стабильными и таким образом создавали условия для стабилизации мировых цен.

Все эти преимущества основывались на предпосылке о сохранении постоянного и бесспорного превосходства в мире американской экономики. Однако постепенно произошло перераспределение экономической мощи, что поставило Соединенные Штаты в трудное положение. Это было связано с изменениями, происшедшими в результате возрождения экономик крупнейших европейских стран в рамках ЕЭС и Японии, а также с изменениями, вызванными ростом цен на сырье в результате деятельности правительств недавно получивших независимость стран-производителей, нуждавшихся в ускорении процесса первоначального накопления капитала и вырывавшихся из правил глобального рынка. Американцы попали в ловушку твердого паритета и оказались в кризисе в результате разницы в росте производительности труда в Европе и в Японии по сравнению с Соединенными Штатами. Место доллара, вначале недооцененного и поэтому ставшего источником благосостояния, занял доллар, переоцениваемый, издержки неудачного функционирования которого оплачивали Соединенные Штаты. Жесткая привязка золото-доллар подтолкнула промышленных инвесторов предпочесть деятельность за пределами Соединенных Штатов, в регионах с меньшей стоимостью рабочей силы.

Иначе говоря, американская экономика, после того как она профинансировала европейское и японское восстановление, должна была столкнуться с последствиями этого возрождения в валютно-финансовой сфере в связи с оттоком золотодолларов за пределы Соединенных Штатов. Таким образом, американские власти оказались перед лицом растущего спроса на денежные знаки, что приводило к неизбежной напряженности именно по вопросу соотношения между стоимостью доллара и стоимостью золота. Не следует упускать из виду то обстоятельство, что золотой запас Соединенных Штатов не был неисчерпаемым и что двумя главными производителями золота являлись Южная Африка и Советский Союз. Если доллар оценивался официально в соответствии с соотношением, установленным в Бреттон-Вудсе, в то время как действительная стоимость валюты, измеренная с точки зрения ее покупательной способности, падала, то погоня за накоплением долларов и формированием прибылей в долларах за пределами Соеди-

ненных Штатов вела к масштабным финансовым потрясениям, которые сказывались на американских финансовых институтах, вынуждая их печатать дополнительную валюту, которая официально имела по-прежнему стабильную стоимость, тогда как расходы по ее поддержанию возлагались на американский золотой запас. Любой рост мировой торговли, а, следовательно, и международной ликвидности мог поэтому стать причиной кризиса американской валютно-финансовой системы. Система, задуманная для превознесения американского превосходства, становилась, таким образом, ловушкой, так что доллар был единственной валютой, обесценивание которой для корректировки постоянного дефицита торгового баланса с заграницей было невозможно. Сначала доллар переоценивался для того, чтобы способствовать восстановлению экономики Европы и Японии, а в дальнейшем эта система не была отрегулирована. Последующие девальвации других валют способствовали усугублению диспропорций таких обменных отношений.

«Кроме того, Соединенные Штаты, — замечает Р. Тирски, автор, стремящийся отдать должное Никсону, — вынуждали, из соображений, диктовавшихся интересами общей безопасности, совершать дискриминационные акты против самих себя, поддерживая барьеры в отношении торговли между Востоком и Западом, в то время как страны Западной Европы принимали энергичные меры для завоевания рынка СЭВ. Дискриминации Соединенных Штатов в экономической области соответствовали диспропорции в распределении бремени военных расходов. Меркантильные союзники американцев отказывались адекватно заботиться о своей безопасности, не говоря уже об их поддержке Соединенных Штатов в обеспечении безопасности в других регионах, как, например, во Вьетнаме. Короче говоря, европейцы и японцы были классическими «иждивенцами» имперской системы».

Существовала, следовательно, «имперская система», внутри которой ведущая держава ощущала уменьшение преимуществ от собственного превосходства и осознавала необходимость коренного поворота, способного восстановить политико-экономические условия отношений гегемонии. Речь шла о том, чтобы избежать ситуации, при которой временная слабость, вызванная Вьетнамским кризисом, обернулась бы риском потерять господствующие позиции в системе рыночной экономики. Следовательно, необходимо было принять меры для оказания воздействия на все последующее развитие, каким бы ни был будущий рост европейских экономик, экономик развивающихся стран и цен на сырье. Расходы, связанные с войной во Вьетнаме, помощью странам «третьего мира» или страте-

гически важным странам, и неизменно пассивный платежный баланс сократили американский золотой резерв чуть больше чем на половину: с 22,9 млрд в 1951 г. до 10,9 в 1968 г. Именно так! США расплачивались за свое имперское превосходство так же, как это происходило с Советским Союзом внутри его собственной системы. Это был один из аспектов биполярного соревнования; от исхода внутренних противостояний зависело и происходившее постоянно общее изменение в соотношении сил между сверхдержавами.

Вопрос стал предметом теоретических дискуссий и проектов реформы, из которых выделялись предложения, сформулированные бельгийским экономистом Р. Триффеном и французским экономистом Жаком Рюэффом. Американцы могли бы решить проблему, используя политику жесткой дефляции, но это обернулось бы мировым кризисом с еще более тяжелыми последствиями, чем кризис 1929 г. Согласно Триффену, альтернатива состояла в подписании ряда двухсторонних соглашений, посредством которых американцам удалось бы минимизировать или даже избежать конвертирования долларов в золото. Однако идея была забракована, поскольку фактически она продемонстрировала бы слабость золотодолларового стандарта. Согласно Рюэффу, весьма влиятельному советнику де Голля, альтернатива, напротив, состояла в возвращении к самому настоящему золотому стандарту, то есть в приравнивании стоимости валюты к золоту через политику одновременной девальвации всех валют по отношению к тому же золоту, чтобы таким образом избавиться от уже необоснованного превосходства доллара. В формировании различных ориентаций переплелись политика и экономика, однако ситуация не изменилась. Французы, как, например, Рюэфф, обвиняли Соединенные Штаты в «экспорте» инфляции, которая, однако, уходила корнями не только в американскую, но и в мировую экономику.

Еще администрация Кеннеди проявила проницательность, заметив эту проблему. Был реализован ряд весьма сложных компенсаторных мер, основанных на возрождении института, созданного в 1930 г. для решения проблем того времени, а именно — Банка международных расчетов с местопребыванием в Базеле, который осуществлял операции по спасению различных валют в критических ситуациях. Другая попытка была представлена так называемым «Кеннеди раундом», то есть переговорами с целью понизить в пределах ГАТТ (GATT) тарифы для слабых экономик, какими являлись европейские экономики в периоды восстановления и стали сильными после экономического подъема и формирования ЕЭС. Эти переговоры, призванные стать предпосылкой нового Раха Америгана, поощряли также помощь развивающимся странам и во-

зобновление торговли со странами коммунистической системы, в конце концов, однако, не оправдали возлагавшихся на них надежд.

Другая попытка была предпринята Международным валютным фондом, пытавшимся решить проблему международной ликвидности для недолларовой валюты посредством установления особой формы кредита, названной «специальные права заимствования», то есть ссуды, которую Фонд предоставлял в соответствии с национальными квотами внутри самого Фонда. Однако новшество, одобренное в 1969 г., вступило в силу как раз в начале 70-х годов — кульминационный момент американского финансового кризиса.

Столкнувшись с трудностями, унаследованными от прошлого, администрация Никсона попыталась устранить их с помощью ряда решений в направлении дефляционной валютной политики. Однако они не помогли остановить два главных проявления кризиса, а именно — инфляцию и безработицу, напротив, эти решения посеяли панику среди инвесторов. Как вспоминает Киндельбергер, «сократились сбережения частных лиц, увеличился федеральный дефицит, одновременно с инфляцией и ростом заработной платы подскочило потребление, стимулируя импорт. Производительность труда в американской промышленности снизилась, выросли издержки производства, а оба эти фактора нанесли удар по экспорту». Поэтому в 1970 г. Никсон, в том числе и по предвыборным соображениям, решил уменьшить жесткость валютной политики, что привело к катастрофическим результатам. Весной 1971 г. сильная волна спекуляций против доллара потрясла валютный рынок. Поддерживать политику твердого обменного курса стало невозможно. Исходя из этих предпосылок, 15 августа Никсон лично разъяснил свою «новую экономическую политику» (new economic policy), основой которой было временное приостановление конвертируемости доллара, что означало конец Бреттон-Вудской системы. Она также предусматривала 10%-ный налог на импорт, благодаря которому стремились восстановить равновесие платежного баланса и добиться одобрения союзниками значительной девальвации доллара; кроме того, она устанавливала внутри страны контроль за заработной платой и санкционировала урезание государственных расходов.

По существу, решение Никсона являлось официальным признанием радикальных изменений в международных экономических отношениях. Искусственно завышенная стоимость доллара имела смысл, если это было направлено на помощь союзникам, испытывающим затруднения, однако она утратила его, когда в трудном положении оказались Соединенные Штаты, которые несли бремя политического, экономического и военного превосходства

Запада и которые в том момент осуществляли сложный переход от сосуществования к разрядке. Альтернативой, дал понять Никсон, могло бы стать установление ряда барьеров для защиты американской торговли и доллара от последствий отсутствия паритета в политических и экономических условиях внутри западного союза.

Девальвация не застала европейцев и японцев врасплох, но нанесла по ним жестокий удар. Более углубленный анализ соответствующих решений избавляет от ощущения, что американцы, вместо того чтобы исправить несправедливую саму по себе ситуацию, хотели переложить на союзников свои внутренние трудности. Это не соответствовало действительности. Однако решение, принятое в момент напряженности, связанной с непониманием, проявившимся в период президентства де Голля в отношениях с администрацией Кеннеди и в жестком противопоставлении европейского общественного мнения американской политике во Вьетнаме, внесло новый компонент кризиса в общую картину. Эта картина создавала образ капиталистического Запада, по-прежнему неспособного, как это было в годы великой депрессии, прийти к согласованному решению проблем, которые нельзя было оставлять «невидимой руке рынка», а следовало рассматривать и решать в их взаимосвязи, отказываясь от закрытости и односторонних решений, именно для того, чтобы избежать парализации «невидимой руки рынка» в результате ухищрений политики национальной закрытости.

Эти существенные трудности в отношениях с Соединенными Штатами не были, конечно, сравнимы с теми, что раскалывали единство коммунистического блока. Однако они были достаточны для того, чтобы вызвать чувства взаимного недоверия, постоянных подозрений, частых колебаний, или же, напротив, они вызывали настойчивое обращение к необходимости вновь обсудить проблемы атлантического партнерства. Только в конце 1971 г. так называемые Смитсоновские соглашения (*Smithsonian Agreements*) установили новый паритет между долларом и основными мировыми валютами и ввели принцип, согласно которому эти валюты могли колебаться в диапазоне 2,25% выше или ниже официальных курсов. Официальная цена золота менялась от 35 до 38 долларов за унцию, но создание диапазона колебаний привело к тому, что доллар мог играть роль валюты, к стоимости которой оставались привязанными валюты основных индустриальных стран. В большей степени, чем официальной констатацией, это было результатом развития валютного рынка в том виде, в каком оно осуществлялось после 1973 г., что означало фактическую замену системы золотовалютного стандарта системой долларовой стандарта в том смысле, что доллар

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

продолжал оставаться основной валютой для подсчета трансакций и резервов соответствующих государств.

12.5.2. ПОЛИТИКА РАЗРЯДКИ И ЕВРОПА. БРАНДТ И «НОВАЯ ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА

На представленном выше финансовом фоне вырисовывается политический профиль участия Европы в процессе разрядки, представленном, прежде всего, изменившейся политикой де Голля, началом «новой восточной политики» Германии и Хельсинкским совещанием по европейской безопасности. Что касается европейских институтов, то в ЕЭС в тот период все еще доминировали решения Парижской встречи в верхах 1974 г., от которых ожидали стимулирующего воздействия в плане интеграции и создания Ассамблеи, избираемой всеобщим голосованием. Позиция Франции сама по себе уже была направлена на одностороннюю разрядку, ознаменованную не столько выходом Франции из НАТО (что не меняло основных ориентаций французской внешней политики), сколько предпринятой де Голлем попыткой начать европейский «диалог» своим визитом в Москву в конце июня 1966 г. Во время визита французский президент решительно заявил о своем убеждении, что «холодная война», порождавшая «неустойчивый, обманчивый и бесплодный» мир, уже закончилась и настало время переосмысления проблем Европы как единого целого, простирающегося «от Атлантики до Урала».

С помощью этой инициативы и других попыток найти пути к началу постоянного диалога с русскими де Голль надеялся придать больший масштаб французской внешней политике, а также побудить к динамизму своих атлантических партнеров, в том числе и для того, чтобы опередить действия, которые могли бы предпринять (и предпринимали) в этом направлении Соединенные Штаты. При этом де Голль не избежал откровенной критики американской политики, как, например, во время визита в Камбоджу летом 1966 г., а затем — в Канаду в 1967 г., где он без колебаний поддержал сепаратизм Квебека как выражение сопротивления американскому «проникновению». Его соглашение с Аденауэром было направлено на создание в Европе сильного политического субъекта, который не следовал бы пассивно за американской инициативой и обладал бы также самостоятельностью в сфере собственной обороны.

Пределы доверия де Голля (а также и Аденауэра) в отношении американского фактора сдерживания стали очевидными во время Кубинского кризиса и во время всех споров вокруг МЯС.

Недоверие к американцам и в то же время желание вывести Соединенные Штаты из вьетнамского тупика в направлении решительной политики разрядки, проводимой с вполне обоснованных позиций силы, подталкивали де Голля к сочетанию его национализма с желанием утвердить европейскую систему в качестве потенциально автономного субъекта. Однако отставка Аденауэра в октябре 1963 г. лишила де Голля незаменимого партнера.

Преемник Аденауэра Людвиг Эрхард и министр иностранных дел Герхард Шредер были убежденными атлантистами, которые рассматривали согласие с Соединенными Штатами как абсолютный приоритет германской внешней политики. Поэтому их поддержка политики де Голля была как никогда сдержанной и нашла выражение в открытии торговых представительств в Румынии и Польше в 1963 г., в Венгрии и Болгарии — в 1964 г. Это была политика «малых шагов», которая не противоречила «доктрине Хальштейна» так же, как она не противоречила Рождественскому соглашению 1963 г. о благоприятствовании визитам родственников, проживающих в разных частях Берлина, разделенных стеной.

Настоящие перемены в восточной политике Федеративной Германии произошли в результате изменения ситуации в правительстве. Водоразделом в этом смысле стал 1966 г., поскольку тогда впервые было сформировано правительство «большой коалиции», возглавляемое христианско-демократическим канцлером Куртом Кизингером, а Вилли Брандт, лидер социал-демократов, стал вице-канцлером и министром иностранных дел. Брандт, бывший влиятельный и блестящий бургомистр Берлина, динамичный и активный участник борьбы внутри Социал-демократической партии, вместе с другим авторитетным деятелем Гербертом Венером в 1959 г., благодаря конгрессу в Бад-Годесберге, избавил СДПГ от тисков догматизма и сблизил с западной социал-демократией. Он был одним из наиболее решительных сторонников необходимости изменений в отношении «доктрины Хальштейна» и в подходе ко всем проблемам Восточной Европы. В документе 1964 г., опубликованном во «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» в начале 1965 г., Брандт утверждал, что такие изменения соответствовали бы очевидным интересам всей Германии, а следовательно, и всей Европы. Более тесные контакты с Восточной Европой увеличили, пусть и ограниченную, независимость, которой она обладала; можно было действовать с целью укрепления экономических связей и человеческих контактов, не помышляя о разрушении существующих союзов. В момент, когда разрядка меняла всю ситуацию в Европе, настало время, чтобы ее результаты были восприняты также и в Германии.

Придя к власти, Брандт способствовал аннулированию *de facto* «доктрины Хальштейна». В 1967 г. Федеративная республика установила нормальные дипломатические отношения с Румынией; в 1968 г. — с Югославией. Чехословацкий кризис лета 1968 г. утвердил Брандта в обоснованности его проектов, поскольку единственную альтернативу по отношению к ним представляло пассивное наблюдение за применением «доктрины Брежнева». В сентябре 1969 г. Брандт стал канцлером и возглавил правительство коалиции, в которую входила Свободная демократическая партия. Именно тогда была воплощена в жизнь его «новая восточная политика», которая превратила в общепринятую практику ориентации, проявлявшиеся сначала в отдельных случаях. Конечно, Германия должна была оставаться связанной своими обязательствами по отношению к западным союзам, гарантировавшим ей международный статус и безопасность. Однако во избежание ситуации, когда после принятия НАТО в 1967 г. доктрины «гибкого реагирования» Германия с военной точки зрения оказалась на передовых рубежах, необходимо было, чтобы радикально изменить отношения с Восточной Европой, в особенности отношения с Германской Демократической Республикой и Советским Союзом. Мир в Европе зависел от рождения общей заинтересованности в этом мире. Именно такую общую цель ставила перед собой «новая восточная политика». Кроме того, ее важной составляющей было придание Федеративной республике силы магнита, способного притягивать своим примером других немцев с целью сотрудничества и продемонстрировать, что в новом глобальном климате ФРГ может вести политическую деятельность, менее обусловленную решениями победителей.

Суть «новой восточной политики» состояла, следовательно, не столько в надежде на изменение существующих правил и разграничений, сколько в том, чтобы по-иному действовать в ситуации, которая созрела для того, чтобы эта политика не вела к контрпродуктивным результатам. Относиться к Германии как к стране, разделенной на два государства, означало не смириться с ее разделением, а заложить основы для того, чтобы положение всех немцев улучшилось. Признать новые границы с Польшей и Восточной Германией означало открыть новые возможности для торговли и немецкого присутствия в Польше. Иными словами, «новая восточная политика» воспринимала разделение Европы как историческую данность и рассматривала «берлинскую стену» как символ этой чудовищной аномалии, но в будущем стремилась построить мост между двумя частями континента для того, чтобы сделать немецкую ситуацию более приемлемой. Таково было немецкое понимание раз-

рядки. В самом деле, даже Киссинджер, являвшийся тогда главным внешнеполитическим советником Никсона, признает, что «чем большую наполненность приобретала инициатива Брандта, тем больше Никсон и его сотрудники понимали, что, несмотря на все риски, любая альтернатива «новой восточной политике» будет более опасной».

В действительности, Брандт ожидал от новой политики, что Федеративная Германия получит большую безопасность в результате снижения напряженности в берлинской ситуации; что более частыми будут контакты между двумя частями Германии и это приведет к смягчению гуманитарных аспектов постыдного положения, созданного Берлинской стеной. С 1964 г. правительство Восточного Берлина разрешило восточным пенсионерам (то есть женщинам старше 60 лет и мужчинам старше 65) проводить у своих родственников в Федеративной республике не более четырех недель — проблема, гораздо менее значимая по сравнению с крупными политическими проблемами, однако сама по себе отражающая характер той ситуации, в которой оказались люди в результате разделения Германии. Через этот канал и другие, менее масштабные каналы, человеческие контакты не были перекрыты. Однако, очевидно, что превращение положения в этой области в более нормальное являлось приоритетом «новой восточной политики», путь к осуществлению которого она стремилась найти, не затрагивая существующего политического порядка.

В сентябре 1969 г. Брандт предпринял инициативу с целью положить начало повороту, предложив заключить два договора и ряд политических соглашений, с ним связанных. Договор с СССР должен был иметь общее значение как договор о невмешательстве в дела друг друга и отказе от использования силы в качестве средства разрешения спорных вопросов. Для Польши, в частности, Брандт не вступая в дискуссию по сложным проблемам, связанным с созданием Федеративной республики, предлагал статью, относящуюся к взаимному уважению территориальной целостности, которая, фактически предполагала признание линии Одер—Нейсе в качестве западной границы Польши. Кроме того, Брандт предложил Чехословакии заключить торговый договор и выплатить возмещение ущерба жертвам нацистских преследований. Однако, прежде всего, он заявил, что Федеративная Германия готова начать переговоры с Восточным Берлином на основе полного равноправия. Наконец, в подтверждение присоединения немцев к политике разрядки в ноябре 1969 г. Федеративная республика подписала договор о нераспространении ядерного оружия.

Так, спустя несколько месяцев после чехословацкого кризиса

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

предложения Брандта возобновили, казалось, прерванный диалог и предлагали странам Восточной Европы выход из ситуации, фактически разрушавший жесткую «доктрину Брежнева». Начались интенсивные и трудные переговоры. Хотя в центре переговоров находились отношения с СССР и Польшей, самой трудной была проблема отношений между двумя Германиями. Нормализация отношений с Советским Союзом произошла в результате подписания 12 августа 1970 г. во время визита в Москву Брандта и его министра иностранных дел либерала Вальтера Шееля договора о сотрудничестве и неприменении силы, основанного на признании сложившихся в Европе границ. Более обязывающим был договор, подписанный 7 декабря 1970 г. в Варшаве с поляками, — более обязывающим в этическом плане, поскольку Брандт захотел придать особую эмоциональность своей миссии мира, с которой он прибыл в Варшаву. Там он посетил гетто и преклонил колени перед памятником жертвам нацистских преследований, позволив себе, возможно, рассчитанный, однако полный невысказанного, но очевидного смысла, жест.

Отношения с Восточной Германией развивались более сложным путем. Обе стороны были связаны юридическими обязательствами. Брандт — немецким «Основным законом», который рассматривал Федеративную республику как единственное легитимное германское государство. Ульбрихт — решением, принятым в апреле 1967 г. конференцией европейских коммунистических партий, созванной в Карловых Варах для обсуждения проблем европейской безопасности: нормализация отношений между двумя Германиями должна быть осуществлена путем признания Восточной Германии со стороны Федеративной Германии. Обе формулы не препятствовали переговорам, однако затрудняли их результативное завершение. Брандт встретился с восточным премьер-министром Вилли Штофом в Эрфурте на территории ГДР 19 марта 1970 г. Прием, оказанный населением города федеральному канцлеру, был настолько восторженным, что вызвал некоторую тревогу у его собеседника. Впрочем, речь шла лишь о том, чтобы растопить лед и решить, когда состоится ответный визит Штофа в Федеративную республику. В качестве места визита был выбран город Кассель, а визит был назначен на 21 мая.

Обе встречи не привели к конкретным результатам, но продемонстрировали, что диалог возможен. Для того чтобы он продолжался, необходимо было, однако, устранить главное препятствие — присутствие Ульбрихта в руководстве СЕПГ, Социалистической единой партии Германии. Ульбрихт был воплощением жесткости

и непримиримости; поэтому его пребывание у власти было препятствием для изменений. Под давлением русских он вынужден был подать в отставку в мае 1971 г., и был заменен Эрихом Хонеккером, способным проявлять большую гибкость в отношении к требованиям момента. На заднем плане сейчас просматривается ранее не известный аспект ситуации, который стал доступным после воссоединения Германии, — для московского правительства экономические отношения с Федеративной Германией имели структурное значение, что отодвигало на второй план соображения престижа и самостоятельности Восточной Германии. В этом состоял «кошмар» Ульбрихта так же, как и его преемника, Эриха Хонеккера.

С этого момента число трудностей, с которыми было связано решение Берлинской проблемы, существенно сократилось. Темп дискуссий по германским проблемам ускорился. 3 сентября 1971 г. представители четырех оккупирующих держав подписали ряд соглашений, подтверждавших статус Берлина и права каждой из держав, и рассмотрели проблемы населения, связанные с принадлежностью к различной зоне оккупации, а также с правами на посещение районов за пределами Берлинской стены. Преодоление этих препятствий открыло путь к подписанию 21 декабря 1972 г. договора между двумя Германиями, предусматривавшего «добрососедские отношения на основе равноправия», развитие торговых и культурных отношений, взаимное уважение границ и союзов, которыми были связаны оба сигнатария. Несколько месяцев спустя оба немецких государства были приняты в Организацию Объединенных Наций. Наконец, 29 сентября 1973 г. был подписан германо-чехословацкий договор, признававший Мюнхенское соглашение 1938 г. «ничтожным» и содержащий формулировки относительно сотрудничества и неприменения силы, типичные для подобных соглашений.

Был ли поворот, который осуществил Брандт в германской политике, отступлением от основных принципов, регулировавших жизнь Западной Европы и Федеративной республики, или же это был шаг в направлении своевременного улучшения политического климата, который подтверждал, что в центре Европы больше не существовало причин для локальных конфликтов, а также для конфронтации между сверхдержавами? Многими консервативными кругами и, в особенности, немецкими христианскими демократами «новая восточная политика» подвергалась острой критике как демонстрация слабости. В действительности, речь шла о том, чтобы понять, будет ли она выстроена в долгосрочном плане на основе адекватного представления о будущем Европы,

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

то есть на основе понимания того, что Европа еще в течение долгого времени будет разделена на два «лагеря» в рамках жестко противостоящих друг другу союзов, организованных на фундаменте совершенно противоположных принципов. В этом смысле, имея в виду длительную перспективу, «новая восточная политика» базировалась на ошибочной предпосылке. Однако она представлялась тактически правильной, поскольку, вовлекая Восточную Европу и СССР в атмосферу диалога, она воспроизводила в Европе то, что сверхдержавы начали осуществлять в глобальном плане в области вооружений. И более того, она создавала условия для того, чтобы страны Восточной Европы чувствовали себя все более связанными с Западом и чтобы он их привлекал все в большей степени. Запад представал уже не как осажденная крепость, а как открытое и доступное место для проживания; и это вынуждало правительства Восточной Европы определенным образом приспособляться или же подвергало их риску невыигрышного сравнения.

12.5.3. ХЕЛЬСИНКСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Новая ситуация, возникшая в Европе в результате проводившейся Брандтом внешней политики, не только представала как европейский аспект глобальной дискуссии, но и способствовала конкретизации проекта, который Советский Союз в течение многих лет предлагал в качестве инструмента для реализации своей инициативы по нейтрализации ситуации в Центральной Европе. Однако в атмосфере, созданной «новой восточной политикой», этот проект приобретал совсем другой смысл, учитывая, что проблема оснащения Германии ядерным оружием перестала существовать. Поэтому начиная с марта 1969 г. призывы Политического консультативного комитета начали встречать все менее недоверчивое отношение членов Совета НАТО. Таким образом, к 1970–1971 гг. назрела готовность европейских стран, Канады и Соединенных Штатов участвовать в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), аналогичном переговорам о взаимном сокращении вооруженных сил в Центральной Европе (*Mutual Balanced Force Reduction* — MBFR), которые были подготовлены и официально открыты в Вене в октябре 1973 г. Подготовительные консультации по созыву СБСЕ начались в финской столице 22 ноября 1972 г. Продолжительный и сложный процесс переговоров развивался таким образом, что основное внимание большинства участников проявилось только к заключительному этапу переговоров, продолжавшихся до конца июля 1975 г. 1 августа 1975 г. был подписан итоговый документ совещания, который тогда интерпретировался как своего рода учредительная хартия европейского

порядка, установившегося в результате второй мировой войны.

Длинный документ — официально названный «Заключительным актом» с целью подчеркнуть, что это был не договор с обязывающими конкретными статьями, а декларация принципов, которых стороны добровольно обязывались придерживаться — был подписан 33 европейскими странами (всеми, кроме Албании, но включая государство-город Ватикан), а также Канадой и Соединенными Штатами. Документ подразделялся на четыре части (или четыре «корзины», как было принято говорить на жаргоне совещания). В первом разделе провозглашались политические принципы европейской безопасности, среди которых выделялось обязательное признание нерушимости государственных границ, за исключением изменений, согласованных мирным путем и в соответствии с принципами международного права. Государства-сигнатарии обязывались также не вмешиваться во внутренние дела других стран, признавать право на принадлежность к международным организациям, включая союзы, отказаться от применения силы в международных отношениях, уважать права меньшинств. Такая совокупность норм была направлена на «укрепление доверия и ряда других аспектов безопасности и разоружения» и предусматривала, среди прочего, что стороны обязуются уведомлять заблаговременно о военных учениях войск численностью более 25 000 человек.

Вторая «корзина» касалась сотрудничества в области экономики, науки, техники и окружающей среды и содержала, в частности, пожелание о максимально возможном расширении режима наиболее благоприятствующего нации. Третья «корзина», принятая Советским Союзом только после сильного давления со стороны стран ЕЭС, обусловивших свою подпись одобрением этих норм, относилась к сотрудничеству в культурной и гуманитарной сфере. Она затрагивала тему так называемых «прав человека», то есть совокупности положений, отражавших западную концепцию отношений между людьми в правовом государстве, что вступало в противоречие с действительными условиями жизни в странах «реального социализма». Наконец, четвертая «корзина» предусматривала, что в 1977 г. новое совещание, которое должно было состояться в Белграде, сосредоточится на том, каким образом осуществляются одобренные всеми принципы.

Хельсинкские соглашения были восприняты скептически и с недоверием. Многие усмотрели в них окончательный триумф советской теории, согласно которой соглашения легитимизировали политику, проводившуюся в Европе после Ялтинских соглашений, и гарантировали сохранение *status quo* в Старом Свете. И дей-

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

ствительно, это был основной мотив действий Советского Союза начиная с предварительного этапа переговоров. Однако русские должны были согласиться заплатить цену, способную, на первый взгляд, показаться пустыми словами или заявлениями о благих намерениях, уже много раз повторявшимися в прошлом. На деле всем пришлось пересмотреть свою точку зрения. В той же мере, в какой политико-территориальное содержание в среднесрочном плане не соответствовало консервативной концепции статус-кво, «корзина», относившаяся к правам человека, не была простым упражнением в риторике. Влияние общественного мнения в международной жизни уже приобрело такие масштабы, что стало возможным немедленно строить на этих принципах политическую деятельность, которая высветила противоречие между документом, подписанным в Хельсинки, и многими конкретными ситуациями. Рассматриваемый как подтверждение политики разрядки в Европе, Хельсинкский Заключительный акт явился, напротив, одной из предпосылок поворота, произошедшего в скором времени.

12.6. Проникновение концепций Ф. Кастро в Латинскую Америку и авторитаризм как ответная реакция

До того, как режим Кастро утвердился на Кубе и получил внешнюю поддержку благодаря союзу с СССР, противостояние холодной войны не затрагивало международные отношения в Латинской Америке (понимаемой в прямом смысле, т.е. как вся часть западного полушария к югу от Соединенных Штатов). Проблемы деколонизации едва коснулись международной жизни на континенте, поскольку колониальные державы разными темпами и в разных формах приспособили свое присутствие к требованиям новой международной ситуации или сочли более разумным уйти. Исключение составили Гайана и французские Антильские острова, а также сохранилось, хотя внешне и незначительное, британское господство на Фолклендских (Мальвинских) островах (первое — британское название, а второе — испанское) в юго-восточном регионе Атлантического Океана.

В центре внимания оставалась животрепещущая проблема отношений между странами Западного полушария — между претензиями США на гегемонию и их соотношением с экономическим развитием и политическими режимами на континенте. Такие европейские страны, как Великобритания, Германия и Италия, пытавшиеся до второй мировой войны по-разному оспорить превосходство Соединенных Штатов, в начале шестидесятых годов были

еще не в состоянии заставить прислушаться к своему мнению. Кроме того, хотя проблемы отношений Соединенных Штатов с другими странами часто были схожими, но, тем не менее, их следует разделить на три категории в зависимости от общей значимости: отношения с Мексикой, с Центральной Америкой и с Южной Америкой.

Учитывая влияние латиноамериканских проблем на глобальную картину международных отношений, следует отметить, что только с 1960 г. на континенте стало ощущаться влияние соперничества СССР—США. Это соперничество достигло опасной степени напряженности во время кубинского кризиса в октябре 1962 г., но быстро ослабло, поскольку ситуация вернулась в свои обычные рамки, хотя кубинский пример внес изменения в общую картину. Иначе говоря, кубинский пример имел двойственный эффект: он показал, как латиноамериканские проблемы воспринимались в системе международных отношений руководителями Соединенных Штатов. Во-первых, он послужил предупреждением правительству Вашингтона, заставив его пересмотреть свою латиноамериканскую стратегию и не ограничиваться только политикой толерантного отношения ко всему тому, что не мешало США утверждать свое превосходство. Во-вторых, он показал, что Латинская Америка, как и другие развивающиеся страны, переживала этап социально-экономической напряженности, при которой могли бы повторяться точно такие же казусы, как кубинский, и требовала пристального внимания, а не простого наблюдения, в сочетании с методами прямого вмешательства.

Конечно, ракетный кризис продемонстрировал, что любая новая советская акция в Латинской Америке вызовет бурную реакцию и может навсегда положить конец политике разрядки во всем мире, как это могло произойти в случае советского вмешательства в сферу, находившуюся под защитой НАТО. При подобном подходе проблемам Латинской Америки отводилось маргинальное положение относительно общей проблематики биполярности, и в историографическом плане их следует рассматривать в рамках развития внешней политики Соединенных Штатов. Но именно эти замечания подчеркивают сохранение гегемонии США и требуют выявления причин того, что случаи, хотя и немногочисленные, отклонения от оси, доминирующей в системе Западного полушария, приобретают такой большой резонанс.

Кеннеди проявил понимание происходящих перемен и в 1961 г. создал Союз ради прогресса. Это свидетельствовало о том, что правительство Вашингтона четко видело латиноамериканские проблемы, знало о стоявших задачах и надеялось решить их в те-

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

чение нескольких лет, опираясь на десятилетнюю программу развития. Распространенное мнение, что отставание в развитии и бедность служат питательной средой для коммунизма, толкало Союз к решительным действиям. Если бы предполагаемый 2,5% годовой прирост валового продукта происходил в условиях демократии, то Западное полушарие стало бы оазисом мира и процветания. Однако происходившие события охладили оптимистический настрой, а путь к достижению цели оказался более мучительным.

Прежде всего, выявилась порожденная элементарным детерминизмом необоснованность концепции, что экономическое развитие является колыбелью демократии. С самого начала деятели, ответственные за реализацию замысла Союза, вынуждены были констатировать, что режимы, склонные к демократии или по существу своему демократические, соседствовали с олигархическими или диктаторскими военными режимами. Как свидетельствует Артур М. Шлезингер-младший, сотрудник и биограф Кеннеди, отношение президента к диктаторскому режиму семейства Рафаэля Л. Трухильо в Доминиканской Республике выражалось в следующей фразе: «Существуют три возможных варианта, предпочтение которым отдается по нисходящей: справедливый демократический режим; продолжение режима Трухильо; режим Кастро. Мы должны стремиться к первому, но мы не можем вовсе отказаться от второго, если не уверены, что сможем избежать третьего». Порядок предпочтений был очень показательным: чтобы избежать проникновения коммунистов, следовало терпеть и помогать диктаторским режимам.

Союз ради прогресса столкнулся с этим препятствием. Пропаганда демократических режимов и партий, часто финансировавшаяся за счет огромных средств ЦРУ (как это происходило в начале шестидесятых годов — например, в Чили финансовые вливания осуществлялись в Христианско-демократическую партию Эдуардо Фрея), вступала в противоречие с программами поддержки военных режимов или контрреволюционных сил. Когда были предприняты некоторые ограниченные реформы, особенно в области перераспределения земельной собственности, то оказалось достаточно давления со стороны латифундистов, чтобы парализовать деятельность соответствующих правительств. Как отмечает Абрахам Ф. Ловенталь, «попытки, предпринятые американцами в этот период для развития демократии, были поспешными и непоследовательными. Администрация Кеннеди, разочарованная тем, что ее инициативы не получили признания во многих латиноамериканских странах, так как Соединенные Штаты отказывали в дипломатическом признании [диктатурам] или стремились содействовать демократическим тенденциям,

прекратила свою политику поддержки демократических режимов».

Итак, в тот период, когда в 1960–1965 гг. почти во всех латиноамериканских странах по примеру Кубы возникали первые очаги партизанских выступлений против стоявших у власти олигархических группировок, правительство Вашингтона, в особенности после смерти Кеннеди, ориентировалось в своей политике на поддержание *статус кво* и на признание ситуации такой, «какая она есть», не пытаясь ее изменить. В 1964 г. Джонсон назначил карьерного дипломата Томаса К. Манна заместителем государственного секретаря, сделав его ответственным за политику США в Южной Америке. Т. Манн провозгласил принципы новой доктрины (получившей известность как доктрина Манна), согласно которой Соединенные Штаты больше не намерены были оказывать давление с целью перехода к демократии во всей Южной Америке. Только в трех странах партизаны смогли добиться определенного влияния: в Уругвае, Аргентине и в Бразилии. Во всех других странах их достаточно продолжительное присутствие было лишено реальной политической перспективы.

В 1965 г. Эрнесто Че Гевара покинул Кубу и перебрался в Южную Америку, чтобы вести революционную пропаганду. Он отстаивал утопические взгляды о немедленном переходе к коммунистическому обществу (Гевара оставил Кубу, потому что считал деятельность Кастро слишком умеренной, в то время как, по его мнению, необходимо было немедленно установить «коммунистическое общество», минуя стадию «социалистического общества»), в конце концов, сея страх перед революцией, он нанес большой вред демократическим силам. В октябре 1967 г. «Че» был арестован и убит боливийскими военными. После своей смерти он превратился в легендарного героя революции, в 1968–1969 гг. его образ стал символом молодежного протеста во всем мире, но в Латинской Америке его влияние было сравнительно недолгим.

Более того, ряд государственных переворотов, потрясших страны Латинской Америки с середины шестидесятых годов, свидетельствовал о том, что социально-политическая жизнь на континенте развивалась противоречиво. В 1964 г. в Бразилии после десяти лет демократического правления, представленного избранными президентами (Жуселину Кубичек, Жанио Куадрос и Жоао Гуларт), военные при американской поддержке привели к власти генерала Умберто Кастелло Бранко. В Аргентине, после диктатуры Перона, в течение десяти лет страной управляли президенты Артуро Фрондиси и Артуро Илья, а в 1966 г. к власти снова пришли военные и президентом стал Хуан Онгания. Таким образом, две главные страны континента оказались под контролем

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

сил, которые хотя и представляли новую политическую элиту, но управляли потенциально богатыми странами посредством террора и насилия, закрепляя классовые и групповые привилегии.

Но не все страны Латинской Америки ждала подобная судьба, потому что Венесуэлой и Чили, Коста-Рикой и Мексикой (ею правила Конституционно-революционная партия) руководили демократически избранные правительства, хотя они и прибегали к методам тщательно манипулируемой демократии. Влияние этой ситуации на международные отношения состояло в том, что, за исключением режима Кастро и временных проявлений тенденций к автономии (как это иногда происходило в Мексике или в Бразилии), отношения тесного сотрудничества с Соединенными Штатами оставались неизменной осью внешнеполитического курса латиноамериканских правительств.

В начале семидесятых годов общий поворот к формированию военных правительств был спокойно воспринят администрацией Никсона именно потому, что большая часть офицеров, поддержавших перевороты, прошла подготовку в академиях США, в частности в Межамериканской военной школе, расположенной в Панама. Негативные аспекты военных диктатур были очевидны, особенно когда они беззастенчиво прибегали к постыдным методам и репрессиям, к неограниченному использованию пыток и тюрем, что вызывало негодование мирового общественного мнения.

С другой стороны, южноамериканская военная элита (и не только она) превращалась в объект политического анализа, поскольку ставила проблему взаимоотношений между господствующими классами и военными. Латиноамериканские военные не всегда играли роль защитников сложившегося статус кво. В Сальвадоре, Эквадоре, Гондурасе и Перу они играли совершенно иную роль или пытались выработать собственную концепцию организации гражданского общества как структуры, на которую не распространялось бы влияние партий и господствующих экономических сил. Военная элита призвана была осуществить и модернизацию общества авторитарными методами. В Бразилии, Уругвае, Аргентине и Чили этот курс вдохновлялся одинаковыми концепциями, но осуществлялся в различных формах.

С этой точки зрения, государственный военный переворот 11 сентября 1973 г. в Чили, получивший огромный международный отклик, по существу, остался явлением в рамках двусторонних отношений между Чили и Соединенными Штатами. Чилийский казус приобрел широкое международное звучание скорее благодаря потенциальным возможностям политической ситуации, существовавшей до путча, чем в связи с последствиями акции, со-

вершенной военными. Положение в Чили на демократическом этапе развития порождало международную проблему именно потому, что с 1970 г. наметилась опасность нового проникновения просоветского или прокастровского влияния, внешне ограниченная, но имевшая убедительные основания. Демократические традиции Чили, в развитие которых Соединенные Штаты внесли большой вклад, делали эту страну своего рода исключением из латиноамериканского контекста.

Это помогает понять, почему после президентских выборов в сентябре 1970 г. демохристиане, потерпев серьезное поражение по сравнению с кандидатом консервативных сил Алессандро и кандидатом левых Альенде, решили при голосовании в Конгрессе передать свои голоса кандидату объединенных левых Сальвадору Альенде. Стоит отметить, что Альенде получил на президентских выборах 36,2% голосов, а демохристианский кандидат Родомиро Томич — 27,8%. Сближение между демохристианами и левыми произошло на базе программного соглашения, но, тем не менее, оставалось фактом, что Альенде был законно избран более чем одной третью избирателей. Движение Народное единство руководствовалось марксистской программой, и его лидер Альенде был сторонником социалистического преобразования чилийского общества при соблюдении конституции и законности. Эта политическая особенность осложняла его деятельность на посту президента. Поскольку у него, фактически, не было своего большинства в Конгрессе, то для осуществления политической программы Народного единства, вызывавшей оппозицию большинства в парламенте, Альенде должен был действовать весьма осторожно, чтобы не вступить в прямое столкновение с господствующими интересами.

Кроме того, в Соединенных Штатах с недоверием отнеслись к избранию Альенде, так как там хорошо знали подлинные (а не предвыборные) программы нового президента и вскоре развернули тайную работу, направленную на бойкот его правительства. Киссинджер в своих воспоминаниях отрицает, что подобная деятельность имела место, а помощь американцев наиболее влиятельным элементам, выступавшим против Альенде, сводилась, по его мнению, к нескольким тысячам долларов; более того, он утверждает, что в 1970–1973 гг. американская помощь Чили существенно возросла. Однако трудно согласиться с утверждениями американского политика, так как результаты расследования Сената Соединенных Штатов, опубликованные в 1976 г., документально подтверждают, что в действительности ЦРУ, помимо предоставления помощи в размере около восьми миллионов долларов для поддержки противников Альенде, само непосредственно участвовало в формировании

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

фронта оппозиции чилийскому президенту и сотрудничало с офицерами, осуществившими государственный переворот.

Альенде приступил к реализации программы национализации горнодобывающей промышленности (медь), банковской и финансовой сфер, а также аграрной отрасли хозяйства, что на первом этапе было встречено с одобрением, а затем подорвало отношения Чили с иностранными правительствами и предприятиями (прежде всего с американскими), интересы которых были затронуты. Международный кредит быстро сокращался в то время, как первый этап политики экономического роста привел к повышению внутреннего спроса, что создало условия для раскручивания спирали инфляции, которая в течение месяцев, предшествовавших путчу, достигла 400% (ошеломляющей цифры даже в то время для южноамериканской страны). Чили охватили забастовки (знаменитая забастовка «кастрюль», в которой участвовали тысячи домохозяек, протестовавших против роста цен и нехватки продуктов). Наиболее драматической стала забастовка водителей грузовиков (которые получили американскую помощь — с этим согласен и Киссинджер,). Учитывая географическое расположение Чили, можно представить, как забастовка относительно немногочисленной категории граждан, но играющей важную роль в доставке продуктов питания, могла привести к разрушительным экономическим последствиям.

У Альенде, вынужденного держаться в рамках демократических норм, не было возможности отреагировать. Когда он в марте 1973 г. инициировал в парламентских выборах обновление Конгресса, то потерпел поражение. Правая коалиция сохранила в Конгрессе большинство, которым уже располагала ранее.

Конечно, правительство Вашингтона было озабочено не ухудшением внутренней ситуации в Чили, а тем, что Альенде, заняв безоговорочно прокубинскую позицию, нарушил единство панамериканских организаций и тем самым угрожал прорвать «санитарный кордон», который Соединенные Штаты возвели вокруг режима Фиделя Кастро и который они позволяли нарушать теоретически, но не практически. Разница заключалась в том, что в других случаях солидарность с Кастро на словах не сопровождалась конкретными действиями. Чилийский казус выявил совпадение заявлений Альенде с его политической практикой, что могло бы стать катализатором для формирования коалиции различных сил. Причины американской оппозиции Альенде были связаны с марксистским характером его политической программы, но ее усилил страх перед заразительным примером, которому могли последовать другие страны Латинской Америки.

В условиях неустойчивой внутренней ситуации и враждебности

Конгресса Альенде мог управлять только при поддержке военных. Он безуспешно пытался достигнуть с ними компромисса, особенно с главнокомандующим сухопутными войсками генералом Аугусто Пиночетом Угарте. Именно благодаря вооруженным силам вспыхнул антиправительственный путч: 11 сентября 1973 г. сплоченные действия военных стали неожиданностью для немногих преданных Альенде соратников. Президент попытался оказать сопротивление в своем президентском дворце, но, когда понял безнадежность ситуации и возможность попасть в руки своих противников, покончил с собой.

Генерал Пиночет, которого убедили присоединиться к акции главнокомандующие военно-воздушными и военно-морскими силами, согласился возглавить военную хунту. Под руководством Пиночета правление военных в Чили продолжалось до марта 1990 г., когда ему пришлось передать власть Патрисио Эйльвину, представителю христианско-демократической партии, который наряду с представителями других политических сил стал одним из главных участников конституционного компромисса, позволившего Пиночету сохранить пост главнокомандующего вооруженными силами даже после восстановления демократии.

Такое завершение чилийской диктатуры позволяет вернуться к вопросу о роли военных в политической жизни южноамериканских стран. Репрессии против представителей Народного единства в сентябре 1973 г. были очень жестокими и вызвали в мире волну резкой критики и острой полемики, направленную против Соединенных Штатов, которых не без основания считали вдохновителями путча. Преследования политических деятелей режима, существовавшего до путча, и представителей левых проводилось такими методами, что было очевидно нарушение прав человека, в защиту которых во всем мире выступали Соединенные Штаты и Запад. Чили отражала наиболее явную аномалию в соблюдении этих принципов.

С другой стороны, чилийский опыт не может рассматриваться только с этой точки зрения. Роль военных в жизни страны всегда была центральной, и путч 1973 г. лишь восстановил эту ситуацию. Саму фигуру Пиночета следует очистить от банальностей политической хроники. Он возглавлял правительство военных, но осуществлял функции медиатора в различных аспектах. Что касается военной касты, то в Чили она держалась в стороне от политической борьбы в стране, считая себя хранительницей национальных традиций и этических ценностей, характерных для армейского мира: уважение власти, эффективность, быстрота принятия решений, презрение к политике и политикам. Хотя обычно вос-

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

хваляют чилийскую демократическую традицию, необходимо напомнить, как пишет Мария Розария Стабили в недавнем исследовании, посвященном Чили, «с тридцатых годов все гражданские правительства, чтобы сохранить полномочия, должны были заручиться поддержкой военных, и все политические реформы должны были получить их одобрение». Отстраненное отношение к приоритету политики было постоянной составляющей ценностей чилийских военных, поэтому проблема возвращения к нормальной жизни после путча 1973 г. стала темой развернувшейся дискуссии.

С первых шагов правительство военных, используя репрессивные методы и жесткую монетаристскую политику, поставило задачу восстановления порядка и чилийской экономики в условиях своего рода «ограниченной демократии». Это позволило Чили избежать тех трудностей, с которыми другие страны Латинской Америки столкнулись на пути модернизации и создания социально-экономической системы, отвечавшей потребностям развития. Конечно, остается открытым вопрос о средствах и цене, уплаченной ради достижения этих целей. Использованные средства и методы вызвали однозначную негативную оценку мирового общественного мнения начиная с Соединенных Штатов периода президентства Картера.

С устранением в 1973 г. чилийской аномалии латиноамериканская система, с точки зрения Соединенных Штатов, вновь стала полностью однородной. Преодолев кризис, правительство Никсона с легкостью приняло концепцию, согласно которой дипломатические и экономические отношения с режимами военной диктатуры считались нормой. Соединенные Штаты продолжали отдавать предпочтение демократическим правительствам, но (так думали тогда в Вашингтоне) правительства военных также могли содействовать осуществлению реформ и прогрессу.

После вьетнамского кризиса и падения Никсона в результате Уотергейтского скандала стали меняться установки американской администрации. Радикальный пересмотр американской внешней политики затронул все направления, включая Латинскую Америку и секретную деятельность ЦРУ. В годы президентства Джимми Картера американские секретные службы подверглись суровому контролю, чтобы воспрепятствовать их новому вовлечению в операции, противоречащие «правам человека». В связи с этим политика в отношении Латинской Америки и стран третьего мира подверглась критике со стороны самой администрации за то, что она оказалась в путях «чрезмерного страха перед коммунизмом». Поэтому страх и перед мятежами стали расцениваться как вторичные в сравнении с проблемами защиты идеологического плюра-

лизма, устранения грубейших нарушений прав человека (пытки, длительное содержание под стражей без предъявления обвинения, «исчезновение» противников правящего режима). Было положено начать политику демократической открытости, которая содействовала развитию процессов демократизации в различных южноамериканских странах: Бразилии, Перу, Эквадоре и Доминиканской Республике.

Возвращение к власти республиканцев с избранием Рональда Рейгана на пост президента Соединенных Штатов (ноябрь 1980 г.) приостановило проведение этого курса. В течение нескольких лет администрация Рейгана критиковала политику демократической ориентации, которую проводил Картер. В отношении аргентинских, бразильских военных и того же Пиночета были проявлены жесты доброй воли и дружбы в целях восстановления полномасштабного сотрудничества. Тем не менее после первых лет президентства Рейгана произошло изменение этой политической линии в соответствии с общим смягчением международной политики Соединенных Штатов. Латиноамериканским диктаторам было предложено содействовать более быстрому переходу к демократическому устройству путем свободных выборов (в Чили, Парагвае, Панаме). Особое внимание было уделено проблемам Центральной Америки.

После гватемальского кризиса 1954 г. и кубинского кризиса, начавшегося в 1960 г., проблемы Центральной Америки приобрели особое значение для правительства Вашингтона. Географическая близость к Соединенным Штатам и преобразования, связанные с деколонизацией способствовали значительному росту числа независимых стран. При этом стали очевидны возможности для прямого распространения «губительного влияния Кастро». Некоторые страны пошли по пути демократической эволюции, возможно, благодаря влиянию британской колониальной традиции (Ямайка, Барбадос, Тринидад и Тобаго, Гайана). В других странах сохранялись правительства с устойчивой реформистской традицией (хотя использование этого термина требует осторожности в отношении центральноамериканского региона); такие страны, как Мексика, Венесуэла, Коста-Рика, Панама, за длительный период своего существования восприняли традиции, которые позволили им установить нормальные дипломатические отношения с Кубой, не вызывая опасений у Соединенных Штатов.

С наступлением в 1978–1979 гг. нового этапа и с перемещением кризиса на новую сцену в стадию агонии вступил диктаторский режим Анастасио Сомосы-младшего, последнего представителя семейства, правившего в Никарагуа. В начале 1978 г., после

убийства уважаемого и авторитетного журналиста Педро Хоакина Чаморро, редактора выходившей в Манагуа демократической газеты «Пренса», сложилась коалиция между демократическими представителями средних классов и вождями Сандинистского партизанского движения (партизан-марксистов, назвавших движение в честь революционного вождя Аугусто Сесара Сандино, которого Анастасио Сомоса-старший приказал убить в 1934 г.). Новая коалиция, получившая в атмосфере картеровского обновления поддержку Соединенных Штатов и помощь Венесуэлы и Панамы, сумела свергнуть правительство Сомосы и взять власть.

Успех никарагуанцев послужил стимулом для возобновления борьбы сальвадорскими партизанами, наследниками коммунистической традиции Аугустина Фарабундо Марти. Партизанская война вновь вспыхнула также и в Гватемале. В течение двух лет Центральная Америка превратилась в регион, охваченный кризисом, это произошло именно в тот момент (1979 г.), когда в отношениях США—СССР снова возникло напряжение. Кубинская и советская помощь партизанам рассматривалась, и не без основания, как свидетельство новой советской политики присутствия, доказательства которой наблюдались и в Африке, и в Азии. Хотя сандинисты пользовались большой симпатией в Европе (прежде всего в социал-демократических кругах), их деятельность расценивались как серьезная опасность для стабильности в регионе. Правительство Никарагуа, сформированное Даниэлем Ортега, должно было противостоять партизанской войне, финансируемой Соединенными Штатами, и преодолеть тяжелейший экономический кризис, что вынудило его в 1990 г. согласиться на возвращение к демократическому плюрализму со свободными выборами, которые принесли победу Виолетте Чаморро, вдове Педро Хоакина Чаморро.

В Сальвадоре партизанская война, носившая неслыханно жестокий характер, была порождена противостоянием между левыми, руководимыми Фронтом национального освобождения Фарабундо Марти, и реакционными правыми: партией «Арена» и христианско-демократической партией Наполеона Дуарте. После победы на выборах 1984 г. лидер христианских демократов попытался достичь национального компромисса. Эта попытка оказалась безрезультатной как в связи со смертью самого Дуарте, так и вследствие электоральной победы крайне правых, которых американское правительство, впрочем, пыталось подталкивать к примирению, и не безуспешно.

В Гватемале после этапа наиболее острой борьбы в 1980—1981 гг. вооруженные левые потерпели поражение и должны были

согласиться на диалог с демохристианским президентом Винисио Сересо Аревало, избранным в 1985 г.

Десятилетие, начавшееся в 1978 г., завершалось в обстановке кажущегося возвращения к нормальному состоянию, которое, однако, оставалось неустойчивым в связи с сохранявшимися очагами партизанской войны и контролем со стороны Соединенных Штатов, колебавшихся между косвенным вмешательством и прямым воздействием. В 1983 г. произошел казус Гренады, который был невелик по масштабу, но показателен по своему смыслу. Гренада — небольшой остров, расположенный недалеко от побережья Венесуэлы, бывшая британская колония, которая получила независимость в 1974 г.; это самое маленькое независимое государство Западного полушария. Сложности в отношениях с Соединенными Штатами возникли в 1979 г., когда правительство Мориса Бишоп, взявшее власть насильственным путем, стало проводить откровенно просоветскую внешнюю политику. Бишоп обвинил Соединенные Штаты в намерении осуществить вторжение на остров, но это был скорее экстремистский выпад, который позволил американцам считать свои опасения обоснованными. В октябре 1983 г. Бишоп был убит группой левоэкстремистски настроенных военных. Американцы в ответ на символический призыв к солидарности шести соседних с Гренадой стран отправили 25 октября на остров несколько тысяч солдат, которые за три дня взяли ситуацию под контроль, после чего покинули страну.

Наиболее значительной и наиболее опасной была проблема Панама. В 1977 г. администрация Картера подписала с прогрессистским президентом Панама Омаром Торрихосом договор, на основе которого Соединенные Штаты должны были вернуть правительству страны управление Панамским каналом в начале 2000 г. Николас Ардито Барлетта, преемник Торрихоса, получил пост президента в результате мошенничества на выборах и при поддержке влиятельного панамского политика Мануэля Антонио Норьеги, который пользовался тогда благосклонностью Соединенных Штатов. В 1987 г. ситуация резко изменилась, общественную жизнь Панама потрясли разоблачения причастности Норьеги к коррупции. Соединенные Штаты заняли в отношении него критическую позицию, прекратили экономическую помощь Панаме, а затем перешли к решительному противодействию, когда в 1988 г. стало ясно, что Норьега замешан в международной торговле наркотиками.

Президент Панама Артуро Дельвалье попытался уволить Норьегу, но был устранен Норьегой, который провозгласил себя президентом республики. После этого начался дипломатически-правовой спор, во время которого Норьеге удалось держать в напряжении

Глава 12. «Большая разрядка» и ее пределы

американскую администрацию, которая долго колебалась, прежде чем решиться на военное вмешательство. США приступили к акции только в декабре 1989 г. Сначала Норвега попытался укрыться от своих противников, потом он был схвачен и в 1992 г. осужден американским судом штата Флорида за торговлю наркотиками. В этом случае речь шла не о советской или кубинской опасности, а о способности Соединенных Штатов оказывать влияние в той зоне американского континента, которая имела для них жизненно важное значение.

В 1992 г. в международной ситуации произошли столь глубокие изменения, что проблемы межамериканских отношений предстали в совершенно ином виде. Вопросы экономического развития и государственного долга латиноамериканских стран пришли на смену озабоченности, связанной с безопасностью, и открыли новую главу в отношениях между странами Западного полушария. Ослабление биполярной напряженности в международном плане вело, с одной стороны, к изоляции Кубы, с другой — делало менее жесткой необходимость контроля, которая до этого определяла внешнюю политику Соединенных Штатов. В восьмидесятые годы европейское и японское торговое проникновение в Латинскую Америку постепенно привело к появлению нового аспекта в жизни Западного полушария.

Глава тринадцатая
**ОТ КРИЗИСА РАЗРЯДКИ К СОВЕТСКОМУ
КРИЗИСУ. ПОВОРОТ 1973 г.**

*13.1. Война «судного дня»
и энергетический кризис*

*13.1.1. ПОВОРОТ 1973 г. В МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ*

За годы биполярной конфронтации глубокие изменения произошли также и в экономике. Экономическая политика во всем мире была ориентирована на развитие. Идея «экономического развития» считалась аксиомой как в рыночной, так и в плановой экономике; и хотя в последней эта идея осуществлялась иначе, суть подходов в обоих случаях была сходной. Пятилетние планы, проекты организации капиталистической экономики, рассчитанные на много лет, показатели спонтанного роста валового внутреннего продукта рассматривались как постоянные факторы мировой жизни. Идея экономического роста и благосостояния, которое может постепенно и разными способами распространиться от более богатых стран на все части земного шара, — таков был образ мыслей, едва затронутый сомнениями отдельных авторов катастрофических прогнозов.

Однако речь шла о необоснованной концепции, поскольку она базировалась на необоснованных предпосылках. В самом деле, она опиралась на опровергавшиеся фактами представления общего характера: о существовании повсюду в мире образованных элит, заинтересованных во благе своей страны и благосостоянии населения; наличии достаточного количества дешевой рабочей силы; возможности эксплуатации избыточных сырьевых ресурсов, позволяющих продавать их по ничтожной или по достаточно низкой цене, но способной обеспечить потребление и накопление, необходимые для роста. Однако факты опровергали все эти положения: элиты часто были неспособны и морально не подготовлены к выполнению своего предназначения; стоимость рабочей силы в индустриальном мире, начиная с середины шестидесятых годов и, в особенности, с 1968–1969 гг. быстро росла; стоимость сырья начала ускользать из-под контроля многонациональных компаний, преимущественно его использовавших, и постепенно

превращалась из чисто экономического фактора в инструмент международной политической борьбы.

Откровенно говоря, проблема сырья всегда была навязчивой идеей индустриальных обществ, прежде всего с точки зрения контроля над доступом к ресурсам или с точки зрения более справедливого распределения прибылей. Однако с конца шестидесятых годов она стала столь важным элементом внутренней и международной жизни, что на несколько десятилетий наложила отпечаток также и на методы политики, проводившейся разными странами. Ситуация «перевернулась». «Пределы развитию» возникали теперь не из-за «избытка», а из-за «недостатка» ресурсов. Мечтания прошлого не выдержали жестокого столкновения с реальными политическими и экономическими проблемами, не оставившими в стороне ни одну страну мира. После энергетического кризиса 1973 г. все изменилось. И хотя негативные последствия структурных сдвигов еще не ощущались в полной мере, в 1973 г. даже простым людям пришлось почувствовать наступление новой эпохи.

13.1.2. ВОЙНА «СУДНОГО ДНЯ»

Замечания, сформулированные в предыдущем параграфе, могут помочь оценить масштаб войны, начавшейся 6 октября 1973 г. (в день празднования «йом киппур», то есть «судного дня», самого важного религиозного праздника иудейского календаря) неожиданным нападением египтян на Израиль.

После смерти Насера идеология «насеризма» и идея борьбы против Израиля как общего дела арабского мира получила широкое распространение. Хотя ситуация во многих странах с умеренной ориентацией не изменилась, перевороты полковника Каддафи в Ливии, Джафара Нимейри в Судане, партии Баас, открывшей дорогу к власти Саддаму Хусейну в Ираке и Хафезу Асаду, в Сирии, усилили антиизраильский настрой в политической географии всего региона. Деятельность палестинцев, координируемая ООП, становилась все более решительной и угрожающей. В отношениях между Израилем и арабскими странами существовала атмосфера постоянной напряженности, несмотря на повторявшиеся попытки вмешательства со стороны ООН и американской дипломатии.

Было известно, особенно русским, что продолжателем дела Насера президент Садат ожидает благоприятного случая для того, чтобы взять реванш за поражение 1967 г. Садат не был настроен просоветски и продемонстрировал это в 1972 г., когда 18 июля потребовал выезда из Египта русских военных советников в ответ

на отказ Советского Союза от увеличения поставок оружия Египту. Однако высылка 20 000 «военных советников» еще не означала для Садата демонстрацию полного разрыва с СССР, а представляла собой только ясный намек на то, что если русские не предоставят необходимую помощь, Египет может поменять ориентацию (о чем, впрочем, свидетельствовали секретные контакты Садата с американской дипломатией). Поэтому, как ни парадоксально это выглядело, русским пришлось возобновить массивные поставки вооружения Египту именно тогда, когда они были оттуда изгнаны.

В начале октября 1973 г. Садат посчитал, что наступило время действовать. За несколько дней до этого он проинформировал московское правительство, которое воздерживалось от реализации договоренностей 1972 г. между Брежневым и Никсоном, обязавших сверхдержавы «сделать все, что было в их силах, с целью избежать усиления международной напряженности в результате конфликтов». 6 октября, застав израильтян в день их праздника врасплох, на этот раз неподготовленными к нападению, Садат приказал египетским войскам переправиться на восточный берег Суэцкого канала, форсировав его. В это же время сирийцы атаковали Голанские высоты. В течение нескольких дней действия египтян были успешными. Благодаря вооружению, поставленному русскими, им удалось серьезно осложнить действия израильской авиации, в то время как танковые части быстро продвигались вглубь Синайского полуострова. Русские поспешили предложить немедленное прекращение огня. Теперь, когда миф о непобедимости Израиля был развенчан, прекращение военных действий отвечало, по мнению Брежнева, египетским интересам или, по крайней мере, помогало Советскому Союзу избежать принятия решения о направлении египтянам дальнейшей помощи, что было бы равноценно вызову американцам. Садат не принял предложения, и русские были вынуждены послать воздушным путем новую внушительную помощь.

В действительности, когда эффект неожиданности исчерпал себя, израильтяне реорганизовали свои войска и предприняли мощное контрнаступление. За несколько дней они вернули себе утраченные позиции на Голанских высотах. Спустя неделю после начала военных действий они смогли остановить египетское наступление на Синае и, предприняв смелый военный маневр, окружить войска Садата, достигнув берегов Суэцкого канала и форсировав его таким образом, что образовался прочный плацдарм на западном берегу канала, представлявший непосредственную угрозу самому Каиру. Через несколько дней израильтяне начали вытеснять египтян с позиций, завоеванных ими на Синае. В это

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

время Вашингтон, преодолев, наконец, затянувшиеся колебания, связанные со сложной внутренней ситуацией (именно тогда вице-президент Спиро Агню был вынужден уйти в отставку из-за серьезных обвинений в финансовой нечистоплотности), наладил «воздушный мост» для оказания помощи Израилю.

Война достигла критического момента. Египтяне, впервые действительно развенчавшие миф о непобедимости Израиля, рисковали потерпеть поражение в открытом сражении. Русские заняли позицию их откровенной поддержки, а американцы были на стороне Израиля. Кризис вовлек сверхдержавы, поскольку Советский Союз, помимо посылки военной помощи, поддержал нефтяную блокаду, организованную арабскими странами против Запада, в особенности против Соединенных Штатов и Нидерландов, наиболее твердо поддерживавших Израиль. Другие европейские страны, в большей мере зависевшие от поставок нефти, действовали очень осторожно. Американцы, напротив, дошли до того, что 25 октября объявили общую боевую готовность в своих вооруженных силах, чтобы продемонстрировать свою решимость реагировать на экстремальные последствия кризиса.

Военное развитие событий блокировала дипломатическая инициатива. 22 октября (с опозданием, смысл которого трудно объяснить) Совет Безопасности ООН предписал воюющим сторонам прекратить военные действия. Киссинджер немедленно отправился в Москву, сделав остановку в Тель-Авиве, где израильтяне выразили свое недовольство вмешательством ООН как раз в тот момент, когда они переломили ход войны в свою пользу. Для Москвы сложилась трудная ситуация: Израиль не соглашался прекратить военные действия; русские угрожали массированным военным вмешательством; Киссинджер опирался на аргумент о приведении в боеготовность американских войск. Давление обеих сторон взаимно компенсировалось: американское вмешательство делало еще более умеренными вялые воинственные порывы русских; советская угроза подталкивала израильтян к более мягким вариантам действий. Египтяне оказались изолированными и должны были смириться с положением вещей, упрекая при этом Советский Союз в том, что он не оказал необходимую помощь в самый ответственный момент кризиса. С тех пор расхождения, наметившиеся между двумя сторонами в 1972 году, все более углублялись и привели в конце концов к открытому разрыву.

В этой ситуации Киссинджер развил беспрецедентную дипломатическую активность с целью поставить ситуацию под американский контроль. В самом деле, преимущество Соединенных Штатов состояло в том, что они не зависели напрямую от поставок

нефти с Ближнего Востока, располагая собственными альтернативными ресурсами, но прежде всего, оно состояло в наличии дипломатических контактов как с Египтом, так и с Израилем, что было исключено для Советского Союза. Началась изнуряющая «челночная» дипломатия встреч на 101 километре дороги Суэц–Каир. Киссинджер неоднократно встречался по отдельности с египетскими и израильскими военными представителями и добился подписания соглашения о временном прекращении огня. Затем менее напряженные переговоры привели к подписанию обеими сторонами 18 января 1974 г. на 101 километре соглашений о прекращении военных действий, разводе сил воюющих стран и размещении между ними контингента Объединенных Наций. Враждующие стороны согласились на участие в конференции более общего характера в Женеве, в преддверии всестороннего мирного урегулирования. Конференция проходила под совместным председательством американцев и русских, но фактически режиссировалась одним Киссинджером. Последнему пришлось одновременно следить за заключительным этапом агонии Южного Вьетнама и за гораздо более сложной ситуацией, вызванной внутри Соединенных Штатов Уотергейтским кризисом, который вскоре вынудил Никсона уйти со своего поста. Тем не менее урегулирование военных аспектов конфликта между Египтом и Израилем было подтверждено 31 мая 1974 г.

Военный кризис породил у русских убеждение, что в Африке и на Ближнем Востоке правила разрядки могут применяться более гибко, чем в других частях мира, в том числе и потому, что Запад зависит от результатов новой нефтяной политики арабских стран. Однако советские представления, подтолкнувшие московское правительство к ряду инициатив, противоречивших ограничениям, налагаемым самой разрядкой, были ошибочными в том, что касалось Египта, в частности, и Ближнего Востока в целом.

1.3.1.3. «НЕФТЯНОЕ ОРУЖИЕ»

Важное воздействие на кризис в целом оказала проблема нефти. В ходе предшествовавших десятилетий нефть добывалась все более многочисленными предприятиями и во все большем количестве. В 1972 году она составляла почти две трети сырья, используемого во всем мире для производства энергии. Поэтому вопросы добычи, продажи и переработки нефти стали, начиная с иранского кризиса начала пятидесятых годов, центральной проблемой западного индустриального мира (гораздо в меньшей степени — восточного блока, который мог пользоваться советскими ресурсами, поставляемыми по «политическим» ценам). Открытие новых место-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

рождений в Индонезии, Венесуэле, Нигерии и, в особенности, в арабских странах — от Алжира до Кувейта (естественно помимо стран, где месторождения уже эксплуатировались) — привело в 1960 г. к созданию Организации стран-экспортеров нефти ОПЕК (*OPEC, Organisation of Petroleum Exporting Countries*), которая стремилась, правда, не очень успешно, координировать политические инициативы своих членов.

Эти инициативы были направлены на изменение как режима собственности на нефтедобывающие предприятия, так и распределения прибыли, а также правил транспортировки и переработки нефти и отражали тенденцию к ограничению автономии крупных многонациональных евроамериканских компаний и, в частности, тенденцию к национализации их собственности в нефтяной сфере. Все это не имело особого значения в ситуации избыточного производства, ограниченного спроса и низких цен. В 1973 г. эти цены составляли еще около 3 долларов за баррель сырой нефти. Открытие крупных месторождений в Северном море, в британских и норвежских водах, позволяло предвидеть рост издержек производства, но также и появление производителей, не входящих в объединение и способных ограничить его влияние. Однако в 1973 г. время, когда эти ресурсы станут доступными, еще невозможно было предсказать точно.

Из-за специфики ее состава ОПЕК особенно остро воспринимала проблемы арабских стран и, в частности, арабо-израильский конфликт. Еще во время кризисов 1956 и 1967 гг. было замечено, в какой степени нефтяное оружие может служить палестинскому делу. В 1973 г. это оружие было осознанно использовано всем арабским миром, сразу же объединившимся перед лицом общего врага — Израиля. 16 октября 1973 г. цена за баррель нефти дошла до 5 долларов, однако в декабре цена выросла до 11,65 доллара за баррель. В 1979 г. она достигла 30 долларов, а в 1980-м — 34.

Нефтяное оружие могло быть использовано также двумя другими способами: посредством введения эмбарго против стран, не желавших поддерживать палестинское дело (эмбарго было введено на несколько месяцев против Соединенных Штатов и Нидерландов), и посредством согласования квот из общей добычи нефти с выделением каждой стране определенных процентов с целью избежать возможного падения цен, вызванного перепроизводством.

Если нефтяное оружие играло значительную роль с политической точки зрения, то еще большее значение оно имело с точки зрения экономики. В политическом плане все страны, зависевшие от поставок нефти странами ОПЕК, были заинтересованы в том, чтобы не ухудшать отношения с арабским миром. Среди них такие

страны, как Япония, Федеративная Германия, Италия, Великобритания (до того, как начали эксплуатироваться месторождения в Северном море), Франция — одним словом, все индустриальные страны, за исключением сверхдержав, располагавших собственными ресурсами. Идея выработки общего ответа странам ОПЕК не имела успеха, и каждая страна пыталась решить проблему своего обеспечения нефтью путем двусторонних соглашений. Потребители нефти, хотя и разделяли в политическом плане интересы Израиля, но отстаивали их все менее эффективно; мотивации палестинцев встречали растущее понимание даже тогда, когда они выражались в террористических акциях. Влияние ООП и ее лидера Абу Аммара, более известного как Ясир Арафат, возрастало, и постепенно, несмотря на то, что с Арафатом боролись и многочисленные палестинские соперники, и другие арабские страны, ООП приобрела значение почти государственной власти.

Еще более важными были экономические последствия, однако не все они соответствовали желаниям противников Запада. Первый результат кризиса состоял в углублении депрессии, поразившей мировую экономику в 1973–1974 гг., при этом индустриальные страны вынуждены были сократить производство, для того чтобы снизить его издержки. Только за двухлетие 1973–1974 гг. имела место огромная перекачка финансовых средств, поскольку доходы от нефти стран ОПЕК поднялись с 33 до 108 млрд долларов. В то же время рост их доходов отчасти был сбалансирован расширением торговли стран-производителей промышленных товаров, показывавших значительные активы в соответствующих платежных балансах. Еще больший, чем по индустриально развитым странам, удар был нанесен по странам «третьего мира», вынужденным смириться с непомерно высокими ценами на энергоресурсы, что привело к непреодолимым трудностям в осуществлении политики развития.

Впрочем, ситуация имела и другой аспект. Национальная валюта стран-производителей нефти не обращалась на международном рынке. Приостановка конвертируемости доллара привела к тому, что золото исчезло из оборота в тот момент, когда механизм «специальных прав заимствования» еще не функционировал. Следовательно, только доллар мог являться валютой-прибежищем для огромных излишков и валютой платежа для огромных дефицитов платежных балансов соответствующих стран. В результате доллар превратился из «избыточной» валюты в средство прибежища. Таким образом, на практике возник своего рода заколдованный круг, в результате которого дефицит платежного баланса в

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

значительной степени финансировался благодаря перемещению избытка долларов на Ближний Восток и кредитам, предоставлявшимся странами ОПЕК индустриально развитым странам непосредственно или через такие международные организации, как Международный валютный фонд. Таким путем, отмечает Ван дер Вее, «большая часть нефтедолларов возвращалась на Запад через вклады стран ОПЕК на рынке евровалюты. Многие правительства брали в долг огромные суммы в европейских банках для покрытия собственного дефицита: лондонский рынок евровалюты процветал как никогда».

Повторный кризис после повышения цен на нефть, объявленного в 1979 г., был преодолен аналогичными методами и в обстановке меньшей политической напряженности. В момент политического кризиса казалось, что американское могущество подорвано, что поражение во Вьетнаме и Уотергейтский кризис нанесли урон американскому превосходству. Однако дальнейший ход событий (начиная с приостановки конвертируемости доллара), кульминацией которых было вытеснение русских с Ближнего Востока и накопление нефтедолларов, показал, как теперь все более очевидно, что сам кризис уже находился в стадии преодоления и что американское могущество в финансовом плане усилилось, в военном плане осталось неизменным, а в плане глобального влияния постепенно восстанавливалось.

Очень заметными были последствия кризиса для советской экономики. Оказавшись неожиданно во главе страны — крупнейшего в мире производителя нефти — вынужденной снабжать своих союзников нефтью *по политическим ценам*, советское правительство сконцентрировало усилия на эксплуатации ресурсов, первоначально не очень значительных. Если в 1965 г. ежегодная добыча нефти в Советском Союзе составляла 243 млн тонн, а в 1970 г. — 353 млн тонн, то в 1975 г. она стремительно возросла до 491 млн, а в 1980 — до 603 млн тонн. Это предоставляло правительству Москвы огромные возможности для контроля, но отвлекало ресурсы от более выгодных инвестиций на краткосрочные и дорогостоящие. Таким образом, экономическая система, уже скованная централизованным планированием, фактически искусственно деформировалась, что приближало наступление структурного кризиса. В течение нескольких лет русские выступали источником энергетических ресурсов для своих союзников и спасительным якорем, помогающим им избежать высоких цен на нефть, которые должна была выдерживать экономика других стран мира. Однако экономическая и политическая цена этого выбора оказалась впоследствии губительной.

Вскоре стало очевидно, что, вместо того чтобы привести к большей независимости арабских стран, рост цен привел к отношениям тесной взаимозависимости наиболее важных из них с Западом и, в особенности, с Соединенными Штатами. Потребности и расходы, связанные с нефтяными богатствами арабского мира, предоставили отдельным правительствам возможность осуществления — различными методами — политики устойчивого экономического роста. Однако это развитие было все в большей степени связано с функционированием нефтяного рынка, то есть с наличием покупателей. Координация западной стороной действий в сфере энергетики, направленных на снижение зависимости от нефти как главного источника энергии, и разногласия между странами ОПЕК привели к ослаблению организации, вынужденной в конце концов пойти на снижение цен, соответствующее рыночной стоимости, то есть примерно до 15–20 долларов за баррель, в соответствии с политическими и экономическими условиями 80-х годов. Позднее, в 90-е годы, она снизилась в результате колебаний, обусловленных потребностями рынка, спекуляций и политических обстоятельств — колебаний в пределах от минимальных 11–13 долларов за баррель (которые, с учетом инфляции, соответствовали ценам до кризиса 1973 г.) и до максимальных 20 долларов за баррель.

13.1.4. ДИАЛОГ МЕЖДУ ЕГИПТОМ И ИЗРАИЛЕМ

В этой обстановке позиция Египта оказалась весьма сложной. Являясь производителем нефти, хотя и в небольшом масштабе, он зависел от арабских стран с точки зрения перспектив его экономического развития, но был связан с американской политикой с точки зрения его отношений с Израилем. Разрыв с Советским Союзом стал настолько глубоким, что уже не мог быть преодолен. С избранием на пост президента Джимми Картера ситуация стала развиваться в направлении неожиданного ускорения политического процесса, касающегося отношений между Египтом и Израилем. В самом деле, именно для того, чтобы избавиться от навязчивой идеи безопасности и ограничителей, которые она выдвигала, в том числе и в экономическом плане, для проблем развития, египетский президент Садат в ноябре 1977 г. решил предпринять шаг, имевший с политической точки зрения революционное значение. В Израиле у власти находилась тогда консервативная коалиция, которую возглавлял Менахем Бегин, один из наиболее твердых израильских националистов.

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

После короткого зондажа Садат решил отправиться в Иерусалим для обсуждения непосредственно с израильским премьер-министром возможности заключения мирного соглашения и для выступления в кнессете, израильском парламенте, чтобы подчеркнуть свое стремление к миру. Мир должен был принести Египту ту безопасность, в которой он нуждался для решения экономических проблем, обострившихся в связи с заметным демографическим ростом. Мир, заключенный под эгидой Соединенных Штатов, обеспечил бы Египту также ценную экономическую помощь Америки, учитывая, что Соединенные Штаты, несомненно, позитивным образом расценили бы возникновение вокруг Суэца зоны умиротворения при их гегемонии.

У Бегина были веские причины для того, чтобы не отвергать египетскую инициативу. Израилю, окруженному врагами, необходимо было ослабить постоянное давление на его существование и угрозу его безопасности, в особенности, на Синайском фронте. Поэтому Бегин был готов к переговорам, направленным на заключение мирного договора в обмен на возвращение территорий, оккупированных в 1967 г., за исключением сектора Газа, никогда не принадлежавшего Египту, где были сосредоточены сотни тысяч палестинских беженцев. В центре переговоров находился, однако, вопрос, который ни одна из сторон не могла разрешить, а именно — вопрос о будущем палестинцев.

Кульминационным моментом переговорного процесса, открытого визитом Садата в Иерусалим, стали прямые переговоры между Садатом и Бегиним, проходившие в сентябре 1978 г. в Кэмп-Дэвиде, одной из летних резиденций американского президента, при непосредственном и активном участии самого Картера. После дискуссии, длившейся с 5 по 17 сентября, стороны с трудом пришли к соглашению, которое впервые утверждало установление мирных взаимоотношений между Израилем и одним из арабских государств, более того, крупнейшим из его арабских соседей. Что касается отношений между Египтом и Израилем, то договор, подписанный позднее в Вашингтоне в марте 1979 г., воспроизводил положения, обозначенные еще в начале переговоров. В отношении других проблем он представлялся, напротив, весьма расплывчатым. Вопросы о статусе Иерусалима, Западного берега реки Иордан и о палестинской независимости были едва затронуты. Бегин обязался лишь начать переговоры с палестинцами относительно предоставления им автономного статуса в рамках израильского государства, отказываясь, однако, признать ООП в качестве представителя палестинского народа.

Именно эти ограничители привели Египет к столкновению со всем арабским миром. Кэмп-Дэвидский договор был заклеен как

предательство; Египет был исключен из Лиги арабских государств; отношения с другими арабскими странами вступили в фазу серьезного кризиса. В краткосрочном плане путь, избранный Садатом, был расценен как трагическая ошибка. Садат заплатил за свой смелый выбор жизнью: 6 октября 1981 г. он был убит исламским экстремистом. Тем не менее он наметил путь, который через несколько лет принес свои плоды. Последователь Садата Хосни Мубарак сумел постепенно вывести свою страну из изоляции и превратить египетский пример в образец компромиссного решения палестинской проблемы.

13.2. Возобновление политики советского экспансионизма

13.2.1. СОВЕТСКОЕ И КУБИНСКОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В АФРИКЕ

Понимание собственных интересов как глобальных означало для Соединенных Штатов проведение политики, которая теоретически была обращена к универсализму Вильсона, а на практике осуществлялась такими методами, какими США добились победы во второй мировой войне. Советы постепенно пришли к осознанию того, что могут осуществлять свое влияние и контроль в мировом масштабе. Разрядка в отношениях между США и СССР представляла собой своего рода отражение необходимости установить нормы и правила поведения для обеих сторон, но она не могла устранить исконную американскую привычку считать интересы Соединенных Штатов «глобальными», не могла изменить их убежденность в том, что любое расширение влияния Советов является угрозой для мира в мире или для равновесия сил. Существовало имплицитное противоречие и различные системы оценки действий двух сверхдержав: то, что считалось естественным для Соединенных Штатов, рассматривалось как агрессивная акция, если она была совершена Советами. Это противоречие частично объясняется различием в исходных позициях, также как исторически сложившаяся идеологическая обусловленность внешней политики СССР неизбежно заставляет соотносить любое широкомасштабное проявление советских интересов с ограниченностью реализации его планов на мировое господство.

В годы разрядки обе сверхдержавы проводили свою внешнюю политику в соответствии с концепцией собственных интересов и с разными результатами, однако то, что считалось нормальным для Соединенных Штатов (например, опрокидывание системы союзов в отношении коммунистического Китая), воспринималось как

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

нарушение правил разрядки, если совершалось Советами. Отсюда вытекала разница в осмыслении, которая в те годы вела к утрате реального представления о балансе сил, к преувеличению значения как кризиса Соединенных Штатов, так и советских экспансионистских устремлений.

В период с 1974 по 1979 г. вследствие американо-китайского соглашения Советам был закрыт доступ в Тихоокеанский регион; после изгнания Советов из Египта в 1973 г. и войны Судного дня, которая привела к укреплению американских позиций, было подорвано влияние Москвы на Ближнем Востоке; как показал чилийский кризис в сентябре 1973 г., Советскому Союзу был закрыт доступ в Латинскую Америку, наконец, Советы вынуждены были ограничиться зоной за «железным занавесом» в Европе. Чтобы преодолеть ограничения их влияния, Советы в обстановке разрядки заявили о своих «глобальных» интересах, предприняв ряд инициатив в Африке, которые призваны были компенсировать неудачи в других регионах. Советы решились предпринять эти акции, так как у них появилось чувство уверенности, что Соединенные Штаты не смогут отреагировать соответствующим образом после унижений в связи с окончанием вьетнамской войны и кризиса, вызванного отставкой Никсона в августе 1974 г.

Ответ на эти вопросы могут дать историографические дискуссии, которые сегодня становятся возможными благодаря обилию источников. На принятие Советским Союзом принципиального решения повлиял отказ Сената Соединенных Штатов в декабре 1974 г. ратифицировать торговое соглашение Никсона-Брежневца от 1972 г., при этом отвергалось предоставление Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования (поправка Джексона-Вэника) в связи с сохранением жесткой советской политики в отношении эмиграции, в особенности евреев. Возможно, этот отказ нанес удар по надеждам советских руководителей, и автоматически последовала их реакция (в январе 1975 г. правительство Москвы официально отказалось от соглашения); может быть, отказ лишь дал основание сторонникам жесткой реакции со стороны Советов.

Простое перечисление действий Советов или событий, которые потенциально были благоприятны для Советского Союза, составило бы внушительный список. В апреле 1974 г. диктаторский режим в Португалии во главе с Марсело Каэтано (в 1968 г. он пришел на смену Антонио де Оливейра Салазару) пал в результате государственного военного переворота. К власти пришла хунта во главе с генералом Антонио де Спинола, но очень быстро решающие позиции в ней заняли прокоммунистические элементы. После не-

скольких месяцев ожесточенной внутренней борьбы, когда казалось, что самый давний союзник Великобритании и южный форпост НАТО может попасть под контроль прокоммунистически настроенных лидеров, в апреле 1975 г. состоялись выборы, на которых победили социалисты под руководством Марио Соареша, и ощущение близкой опасности отодвинулось, хотя полностью не исчезло. Новое португальское правительство быстро продвигалось к деколонизации, к предоставлению независимости азиатским и африканским владениям, которому сопротивлялись диктаторские режимы. Двумя главными странами, получившими независимость, стали Мозамбик (июнь 1975 г.) и Ангола (сентябрь 1975 г.).

В Мозамбике, где уже десять лет шла антипортугальская партизанская война, к власти пришел ФРЕЛИМО (Фронт освобождения Мозамбика) под руководством представителя коммунистов Саморы Машела, который обещал проводить перемены постепенно, но сразу же столкнулся с оппозицией группировки партизан РЕНАМО, или МНС (Мозамбикское национальное сопротивление), которую поддерживала Южно-Африканская Республика.

В Анголе также в результате получения независимости к власти пришли представители левых сил, объединенных в МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы), во главе с Агостиньо Нето и Жозе Эдуарду душ Сантушем (который в 1979 г. после смерти Нето занял его пост). Против МПЛА выступали две группировки — ФНЛА (Национальный фронт освобождения Анголы), связанный племенными узами с Заиром (Конго), и УНИТА (Национальный союз за полную независимость Анголы) во главе с Жонасом Савимби, которому оказывали поддержку Соединенные Штаты и Южно-Африканская Республика, поскольку его силы находились в южных областях Анголы вблизи границы с Намибией и служили своего рода амортизатором между ангольскими левыми и СВАПО (Народной организацией Юго-Западной Африки), партизанской политической силой прокоммунистической ориентации, которая господствовала в Намибии.

Другие события, произошедшие в то же время в Африке, еще больше подчеркнули нестабильность ситуации на континенте. В сентябре 1974 г. император Хайле Селассие был отстранен от власти в Эфиопии вследствие государственного переворота, осуществленного группой офицеров, объединившихся в комитет вооруженных сил ДЕРГ (перевод с амхарского слова «комитет»), или ВВАС — Временный военно-административный совет). Пугачевство раздирала глубокая племенная и религиозная вражда, которая выливалась в насилие и террор. В феврале 1977 г. противоречия

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

были преодолены насильственным путем наиболее решительной и откровенно просоветской группировкой во главе с полковником Хайле Мариамом Менгисту, который еще в 1974 г. играл видную роль в свержении императора и установил в Эфиопии диктаторский режим суровой дисциплины. Положение в Эфиопии осложнялось ситуацией в Эритрее. В 1961 г. выявилось намерение Хайле Селасие присоединить к империи Эритрею против воли ее жителей и решений ООН, в соответствии с которыми было предусмотрено ее отделение и полная автономия. Эритрея превратилась в театр вооруженной борьбы, в которой участвовал Фронт освобождения Эритреи и присоединившийся к нему в 1970 г. Народный фронт освобождения Эритреи, организация марксистского толка; они повели скоординированную борьбу.

С первых послевоенных лет и до 1974 г. Эфиопия занимала проамериканские позиции. Это объясняет, почему независимое с 1960 г. государство Сомали, где в 1969 г. была установлена диктатура одного из могущественных вождей племен Мохаммеда Сиада Барре, заключившее в июле 1974 г. союз с Москвой против Эфиопии, в феврале 1977 г. решило начать борьбу за «освобождение» Огадена, обширной территории, вклинившейся между северной и восточной частями Сомали, на которой проживали кочевые племена (ее границы были настолько неопределенны, что это послужило поводом для Италии в 1934–1935 гг. начать агрессию против Эфиопии). Расчет Барре был необоснованным, потому что после изменения ситуации в Аддис-Абебе, столице Эфиопии, он столкнулся с неожиданным дипломатическим поворотом Советов, которые резко изменили свое отношение к Сомали. Сиад Барре был предоставлен самому себе (с тех пор он стал союзником западных держав), в то время как СССР выступил в поддержку нового эфиопского правительства и против агрессии Сомали в Огадене.

Резкое изменение ситуации в Африке сопровождалось рядом важных дипломатических и военных акций, которые отличались характерной особенностью. Они свидетельствовали, что после неудачи в Заире (Конго) Советы, несмотря на конкуренцию китайцев, продолжали поддерживать тесные отношения с большим числом африканских стран, недавно получивших независимость. Вместе с кубинцами они оказывали поддержку алжирскому правительству в его конфликте с прозападным правительством Марокко (1963 г.). После того как на смену Хрущеву пришел Брежнев, в СССР получила развитие стратегическая концепция вмешательства в дела стран третьего мира, которая осуществлялась в сотрудничестве с правительством Кубы.

В 1965 г. Че Гевара пересек Африку южнее Сахары и встретился в Дар-эс-Саламе (тогда в составе Танзании) с представителями африканских освободительных движений. Затем была предоставлена поддержка Конго со столицей в Браззавиле, которое боялось нападения со стороны наемников бывшего Бельгийского Конго; были отправлены добровольцы в Центрально-Африканскую Республику; была оказана помощь СВАПО и Африканскому национальному конгрессу, боровшемуся против режима сегрегации в Южно-Африканском Союзе; получили помощь и партизаны в Гвинее-Бисау, которые с 1966 по 1974 г. боролись против португальского колониального режима.

Итак, во вмешательстве в Анголу и Эфиопию не было ничего неожиданного. Руководители МПЛА стали устанавливать связи с кубинцами и с Советами еще с 1965 г., и с получением независимости появилась возможность проверить их на прочность. В военном плане произошли важные события. В сентябре 1975 г. в условиях разрастания гражданской войны в Анголе, а также вмешательства южноафриканцев и американцев (которое в июле приняло форму внушительной акции секретных служб США в поддержку УНИТА) советское правительство сначала с опасением отнеслось к действиям Кастро, поскольку они могли повредить разрядке в отношениях между СССР и Соединенными Штатами. Затем Москва пересмотрела свою оценку ситуации и приступила к отправке помощи и военных советников, число которых возросло до нескольких сот.

С оказанием помощи другим африканским странам: Алжиру, Гвинее, Танзании, Мали — численность кубинских солдат и техников увеличилась до 23 000 человек. Благодаря их присутствию режим Нето, а затем и душ Сантоса смог удержать контроль над столицей Луандой и частью ангольской территории. Кубинское присутствие предвещало советское участие. В октябре 1976 г. был подписан договор о дружбе и сотрудничестве между правительствами Анголы и Советского Союза, который служил правительству Анголы опорой в борьбе против военного давления со стороны УНИТА Савимби до 1988 г.; тогда и Ангола почувствовала воздействие советского кризиса. Доказательством угрозы дестабилизации в связи с присутствием кубинцев послужила попытка, предпринятая ангольскими и кубинскими силами в марте—июне 1977 г., осуществить вторжение в заирскую провинцию Шаба (в прошлом Катанга). Это была прямая угроза интересам Запада в горнодобывающей отрасли.

Приблизительно в том же ключе развивались события в Мозамбике, правительство которого стремилось укрепить свои позиции в связи с давлением со стороны Южной Африки и близости Родезии,

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

где сохранялось правление белых. Оно подписало договор о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом. Однако наиболее резкие изменения произошли в отношениях между Сомали и Эфиопией. Вскоре после смещения Менгисту и до вторжения Сомали в Огаден Советы пытались примирить обе противоборствующие стороны, не разрывая отношений ни с одной из них и сохраняя как союз с Сомали, так и свое дружественное отношение к новой власти в Эфиопии, но затем решительно изменили свою политику.

После секретного визита Менгисту в Гавану и Москву в августе 1977 г. было принято решение об отправке в Эфиопию нескольких тысяч советских и кубинских военнослужащих. Под их руководством и при их содействии нападавшие сомалийцы были отброшены, и Сиад Барре заявил о расторжении договора 1974 г. с СССР. Наиболее важным в этом случае представляется масштаб прямого участия СССР ввиду сравнительно незначительной угрозы со стороны Сомали. Участие Москвы выражало желание не столько предоставить помощь, сколько продемонстрировать намерение превратить Эфиопию в своего сателлита. Так и происходило до тех пор, пока в феврале 1991 г. полковник Менгисту не вынужден был уступить власть в связи с победным наступлением Эритреи. Именно этот политический курс оказал заметное влияние на отношения между сверхдержавами, поскольку непосредственно затрагивал их интересы. Советник президента Картера по вопросам национальной безопасности Бжезинский весьма образно написал: «Соглашение ОСВ-2 (которое еще предстояло подписать) было погребено в песках Огадена».

13.3. Президентство Джимми Картера: пересмотр политики

13.3.1. КАРТЕР И «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»

С вступлением в должность президента США Джимми Картера, несправимого идеалиста, не склонного к компромиссным решениям по принципиальным вопросам (потому-то ему не суждено было в течение длительного времени управлять такой сложной страной, как Америка: в 1980 г. он потерпел решительное поражение от Рональда Рейгана), отношения между сверхдержавами не претерпели немедленного ухудшения, однако они оказались открытыми для реализации новых сценариев. Некоторые инициативы Картера не могли понравиться русским. Упорство, с которым он настаивал на необходимости действительной реализации третьей «корзины» Хельсинкских соглашений, и его полемический вызов

московскому правительству по проблеме прав человека не были просто набором колкостей.

Деятельность Картера стимулировала идеологические разногласия внутри Советского Союза. В феврале 1977 г., вскоре после прихода к власти, Картер направил открытое письмо физику Андрею Сахарову, вероятно, самому видному представителю диссидентства, и написал также послание самому Брежневу, выступив в защиту диссидентов. Ответ Брежнева был немедленным и резким: Сахаров — ренегат, ставший «врагом советского государства». Однако идеологическое наступление Картера было как никогда решительным. Он сам и его советник Зб. Бжезинский, польского происхождения, пребывали в полной уверенности, что разрядка в отношениях с СССР не означала ни отказа от защиты американских интересов (хотя и менее бесцеремонными способами, чем это делали республиканцы при Никсоне), ни отказа от стремления способствовать противоречиям, подрывавшим социалистическую систему.

Существовало четкое разграничение внешней и внутренней политики, но первую нельзя было отделить от оценок внутривнутриполитической ситуации. Кроме того, выявление нарушений прав человека в Советском Союзе привело к тому, что правительство Москвы ушло в оборону и не могло использовать против Запада свои привычные аргументы. Обратив внимание на реальные условия жизни в социалистических странах, Запад сумел повернуть советские доводы против СССР. В этом вопросе Советы были особенно уязвимы, но вместо того, чтобы смягчить свою репрессивную политику, они ужесточили ее и в мае 1979 г. осудили на заключение в концентрационных лагерях диссидентов, хорошо известных на западе (Юрия Орлова, Натана Щаранского); в январе 1980 г. академика Андрея Сахарова вынудили покинуть Москву и жить в изгнании в городе Горьком почти в полной изоляции, лишив всех привилегий, положенных члену Академии Наук.

Политический расчет Картера был весьма тонким, поскольку он стремился дискредитировать советских руководителей и даже разжечь разногласия между СССР и коммунистическими партиями Западной Европы, которые именно в эти годы осуществляли, особенно в Италии и Испании, политическую линию противостояния руководству КПСС, что привело их к полному разрыву прежде тесных связей с советской компартией.

Несмотря на такие позиции Картера, политика разрядки всегда оставалась, тем не менее, главным императивом его международной деятельности. Политический момент был для Соединенных Штатов (а, возможно, и для обеих сверхдержав) неблагоприятным из-за по-

су...

стоянных трансформаций, ускользавших из-под их контроля и, следовательно, не дававших возможности рациональным образом предусмотреть их. Китай, Иран, Восточная Европа, Западная Европа, Юго-Восточная Азия были ареной изменений, которые ни Соединенные Штаты (вследствие сделанного выбора и трудностей экономического спада, унаследованного Картером от Никсона и Джеральда Форда), ни Советский Союз не были способны постоянно контролировать. Следует упомянуть также обострение кризиса в африканских странах: Анголе, Мозамбике, Эфиопии; усиление напряженности вокруг Южной Африки вследствие ее нежелания отказаться от контроля над Намибией и ужесточения политики расовой дискриминации; трудности в решении проблемы Родезии, где правительству белых не удавалось найти компромисс с черным большинством. Все это, вместе с новыми осложнениями, возникшими для администрации Соединенных Штатов из-за ситуации в Центральной Америке, способствовало продолжению курса на сотрудничество с Советским Союзом и подписанию договора ОСВ-2 (июнь 1979 г.), несмотря на ощущение, что соглашение относилось к ситуации, фактически уже пройденной. Правила разрядки представлялись все еще предпочтительнее дорогостоящего возобновления конфронтации. Советский Союз, подобно Соединенным Штатам — но не в конъюнктурном, а в структурном плане — вступал в фазу экономического кризиса, который неизбежно должен был повлиять на его политический выбор.

13.3.2. СОВЕТСКАЯ ОККУПАЦИЯ АФГАНИСТАНА

Следовать подобной ориентации стало еще труднее в 1979 г., когда к комплексу существующих противоречий добавилось два новых элемента, вернувших сверхдержавы к противостоянию. В краткосрочном плане это противостояние воспринималось как возвращение к суровой атмосфере холодной войны. В действительности, последующее развитие событий и анализ источников показали ограниченность кризиса, возникшего в декабре 1979 г., выявив его преходящий характер и преувеличения сопровождавшей его пропаганды, которая еще более накаляла обстановку вокруг него. Скорее можно говорить о двух событиях, значение которых было существенно преувеличено средствами массовой информации (сверхдержавы тогда были по разным причинам в этом заинтересованы), а не о новой холодной войне. Однако эти события касались внутреннего равновесия двух имперских систем; это были *внутрисистемные* кризисы, а не *межсистемные*, хотя (как это было в 1956 или 1968 гг.) их внешние последствия

привели к ожесточенной полемике.

Двумя причинами обострения напряженности стали размещение в Европе советских и американских ракет средней дальности и советское вторжение в Афганистан в конце декабря 1979 г.

Вторжение в Афганистан началось накануне рождества 1979 г., за несколько дней в эту горную страну вторглись 75 000 советских солдат, а через несколько недель их число возросло до 100 000. Брежнев объяснял вторжение ответом на обращение правительства Кабула, которого в тот момент не существовало, хотя его формирование и было поручено Бабраку Кармалю. При этом Кремль ссылался на ст. 51 Устава ООН, которая предусматривала меры для предотвращения угрозы агрессии со стороны афганских повстанцев, которые получали поддержку Пакистана, Китая и ЦРУ. В действительности, эта массированная советская акция происходила в очень сложном международном контексте и вызвала большую тревогу, так как впервые столь откровенное военное вмешательство было отмечено за пределами традиционной зоны влияния Советов.

Общественно-политическая ситуация в Афганистане была достаточно стабильной до 1973 г., когда в результате бескровного государственного переворота, произошедшего при поддержке военных, правивший в стране Захир Шах был смещен своим двоюродным братом принцем Мохаммедом Даудом. Новый правитель, в прошлом неоднократно бывший законным премьер-министром, намеревался проводить политику нейтралитета, которая предполагала сочетание добрососедства с Советским Союзом (связанном с Афганистаном договором о сотрудничестве от 1955 г.) с тесным сотрудничеством с Соединенными Штатами (достаточно вспомнить, что в 1970 г. Кабул посетил Никсон, а в 1974 г. — Киссинджер). В 1978 г. сам Дауд был смещен и убит во время другого государственного переворота, руководимого Народно-демократической партией — партией Хальк (что означает народ) марксистской ориентации.

Чтобы понять направление изменений, необходимо учесть, что наряду с народной партией, возглавлявшейся в то время Нур Мухаммедом Тараки и Хафизуллой Амином, существовала еще одна партия марксистской ориентации, связанная с Хальк и называвшаяся Парчам (что означает знамя). В действительности, речь шла об одной коммунистической партии, разделенной на две враждебные группировки: Хальк ориентировалась на радикально-экстремистское направление, Парчам (главным представителем которой был Бабрак Кармаль) — на постепенные перемены. Государственный переворот против Дауда был результатом временного со-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

впадения взглядов двух группировок, сотрудничество между которыми вскоре стало совершенно невозможным. В результате Кармаль был вынужден покинуть правительство, в котором он участвовал, и с группой своих сторонников под прикрытием Советов нашел убежище в Чехословакии.

Внутри партии Хальк также существовало мощное соперничество между отдельными деятелями, предлагавшими различные методы борьбы. Тараки намеревался проводить радикальную политику реформ с одобрения и при поддержке Советов. Архаичную социальную систему страны потрясла волна революционных преобразований и светских реформ, что немедленно породило широкий протест, тем более опасный, поскольку он распространялся в стране, граничащей с Ираном, переживавшем подъем шиитской революции. Хотя мусульмане Афганистана были в большинстве своем суннитами, объективно существовала проблема взаимосвязи между движениями, апеллировавшими к религиозным чувствам.

Кроме того, набирало силу личное соперничество между Тараки и его вторым «я» Амином. Последний поддерживал тесные отношения с американским посольством, где он ранее работал переводчиком. Тем самым он давал основания для подозрений, что в отношении СССР у него существовали планы, сходные с теми, которые реализовал Садат, выгнавший в 1972 г. советских военных советников из Египта. Эти опасения приобрели более ясные очертания, когда Тараки после визита в Москву в 1979 г. попытался освободиться от Амина, но тот, захватив власть, одержал верх и физически уничтожил соперника. Поэтому осенью 1979 г. в Кабуле у руководства страной было экстремистское крыло партии Хальк, к которому в Москве относились с неприязнью и подозревали его в сотрудничестве с американцами. К тому же оно проводило столь радикальную политику, что вызывало во всем Афганистане волнения, которые впитывали все местные движения протеста.

Эту картину внутренней жизни страны следует соотносить с международной ситуацией. Советский Союз находился на этапе своего активного проникновения в Африку, некоторое время назад он провозгласил воссоединение между Северным и Южным Йеменом, но с опасением следил за непредвиденным развитием политической борьбы между просоветским течением и силами, получавшими поддержку из Саудовской Аравии. В другом географическом регионе Советский Союз, подписав в ноябре 1978 г. договор о дружбе и сотрудничестве с Вьетнамом, следил за ходом военных операций, которые вьетнамские войска вели с января 1979 г. в

Камбодже. Москва видела, что даже самые суровые критики красных кхмеров протестовали против незаконных действий правительства Ханоя. Как раз в конце 1979 г. силы Северного Вьетнама завершили оккупацию Камбоджи и образовали зависимое правительство, которое правил в стране вплоть до вступления в 1989 г. сил ООН и до свободных выборов 1993 г., в результате которых к власти вернулся принц Нородом Сианук, вновь занявший королевский трон.

Эти акции, укрепившие заключенные Советским Союзом соглашения, были ответом на ряд американских инициатив, которые вели к потерям СССР в дипломатическом плане. Мир между Египтом и Израилем был заключен в Кэмп-Дэвиде в 1978 г. и его реализация осуществлялась в течение 1979 г. Но правительство Москвы не могло принимать в этом участия, единственной альтернативой для него оставалось укрепление связей с Сирией подписанием в октябре 1980 г. договора о дружбе. Ухудшение отношений между Китаем и Вьетнамом сопровождалось опасным улучшением отношений между Китаем и Соединенными Штатами и между Китаем и Японией.

Вторжению Вьетнама в Камбоджу предшествовало установление официальных дипломатических отношений между КНР и Соединенными Штатами 1 января 1979 г., о котором было объявлено еще 15 декабря 1978 г. Это событие было отмечено очень торжественно во время продолжительного визита Дэн Сяопина в Вашингтон в конце января — начале марта 1979 г. Во время своего визита Дэн неоднократно говорил о том, что Вьетнаму необходимо «дать урок». За словами последовали дела: китайские войска напали на Вьетнам, что, однако, не принесло реальных результатов, за исключением того, что продемонстрировало жалкое состояние китайской армии вследствие хаоса, вызванного «культурной революцией» 1966 г.

Укреплению китайско-американских отношений предшествовала нормализация отношений между Китаем и Японией, что привело к подписанию 12 августа 1978 г. договора о мире и дружбе между двумя странами. Договор стал не только официальным завершением конфликта, длившегося более 40 лет, но и позволил развивать исключительно важные торговые отношения. В дипломатическом плане документ имел антисоветскую направленность, поскольку основывался на обязательстве Китая не возобновлять договор о дружбе с СССР от 1950 г.; кроме того, в статье 3-ей было выражено намерение «противостоять усилиям любого другого государства или группы государств» утвердить свою гегемонию в Азии или в Тихоокеанском регионе. Антисоветская направленность доку-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

мента была столь очевидной, что в Москве его расценили как «угрозу стабильности в Азии» и затем последовало решение укрепить Курильские острова, занятые Советами в 1945 г. на основе военных межсоюзнических соглашений (что постоянно оспаривалось японцами), а также усилить военные контингенты вдоль границы с Китаем, снабдив их стратегическими бомбардировщиками и ракетами средней дальности с разделяющимися боеголовками.

Итак, в 1978–1979 гг. советские действия и противодействия, призванные сдержать СССР, почти уравновешивали друг друга и порождали новое напряжение вдоль южных и восточных границ сферы интересов СССР. Иранская революция вызвала в Москве удовлетворение и в то же время обеспокоенность. Соединенные Штаты располагали важными станциями электронного слежения в северо-восточном Иране, с территории которого они были изгнаны, но Советы опасались, что ненадежный афганский лидер Амин будет содействовать их перемещению на территорию Афганистана. Трудно сказать, насколько обоснованными были эти опасения, но советский министр обороны Устинов и глава КГБ Андропов сумели разжечь в Политбюро недоверие к Амину, который якобы мог действовать в пользу США и разрешить американцам развернуть на афганской территории ракетные установки средней дальности, нацеленные на Казахстан, Сибирь и на пограничный район СССР с Китаем.

Эта проблема обсуждалась в Москве уже с марта 1979 г., когда впервые в обстановке острых разногласий возникла гипотеза военного вмешательства. Решительный поворот произошел после того, как Амину удалось одержать верх над Тараки и убить его. В ноябре 1979 г. идея силового решения преодолела колебания тех, кто опасался, что Советы, как тогда говорили, попадут в ловушку, похожую на американский Вьетнам. Однако в Москве считали, что достаточно послать экспедиционный корпус в 75 000 человек с целью захватить столицу и контролировать границы с Пакистаном и Ираном, чтобы перекрыть пути помощи «контрреволюционерам», это позволило бы в течение нескольких месяцев взять ситуацию под контроль.

Все эти рассуждения свидетельствуют о том, что Советы рассматривали вторжение в Афганистан, если можно так сказать, как распространение на Азию доктрины Брежнева 1968 г., т.е. как законную акцию в отношении страны, уже находившейся под советским контролем, но попавшей под угрозу дестабилизации. Основным фактором принятия решений послужили вопросы обороны, хотя не было ясного понимания рисков предстоявшей акции.

Постановление Политбюро было принято два дня спустя после

решения НАТО о размещении ракет средней дальности в Европе. Этот импульс был потом смазан тем, что вторжение было представлено международному общественному мнению как ответ на обращение несуществующего правительства, т.е. правительства Бабрака Кармаля, лидера партии Парчам, поспешно вызванного из чехословацкой ссылки и прибывшего в Кабул вместе с советскими войсками, если не позже.

Американская реакция на советскую акцию была неожиданной и жесткой. 3 января 1980 г. президент Картер внес в Сенат предложение отодвинуть на неопределенный срок ратификацию договора ОСВ-2. На следующий день он принял новые ограничительные меры, среди них наиболее заметным было сокращение экспорта зерна из Соединенных Штатов в СССР (в чем Советы в последние годы особенно нуждались). Была прекращена поставка высокотехнологичных товаров, включая оборудование для бурения нефтяных скважин, и продажа компьютеров. Было решено, что в обеих странах больше не будут открываться новые консульства. Кроме того, было объявлено, что Соединенные Штаты не примут участия в Олимпийских играх, запланированных в Москве на лето 1980 г., как это и произошло в действительности.

На Генеральной Ассамблее ООН советская акция была осуждена большинством голосов, что напоминало антиамериканское большинство в годы активной деколонизации. Ассамблея 104 голосами против 18 при немногих воздержавшихся и отсутствовавших потребовала немедленного вывода иностранных войск из Афганистана. Итак, вторжение в Афганистан было использовано Западом в качестве мощного пропагандистского оружия, которое заставило Советы почувствовать, как тяжело иметь против себя мировое общественное мнение, вместе с тем оно позволило странам НАТО смягчить эффект советской пропаганды против развертывания «евроракет». От холодной войны оставалось очень немного, но противостояние раздувалось средствами массовой информации и использовалось правительствами в электоральных целях.

Уже в январе 1980 г. после визита Андропова в Кабул стало ясно, что вторжение было порождено ошибкой в расчетах, и Политбюро пришло к заключению, что советские войска должны остаться в Афганистане на неопределенное время. Присутствие этих сил привело не к умиротворению, а к разжиганию партизанской войны, созданию объединенного фронта исламских группировок против советских войск и афганских коллаборационистов, а также к массовому исходу беженцев (их насчитывалось почти четыре миллиона) в Иран и Пакистан. Последний стал получать огромную и

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

все возраставшую помощь Соединенных Штатов для вооружения антисоветских партизан. Наконец, вторжение в Афганистан породило подозрение, что СССР, воспользовавшись иранским кризисом и обострением отношений между Ираном и Соединенными Штатами, попытается развить продвижение вплоть до Персидского залива. Оккупация превратилась в непрерывные бои, что привело к гибели 15 000 советских военных и к неисчислимым жертвам среди афганцев (достоверные источники говорят о миллионе погибших); в этих боях Советы не сумели добиться победы.

После смерти Брежнева Андропов безрезультатно пытался в 1982 г. прибегнуть к посредничеству ООН; после 1985 г. Горбачев стал использовать средства, сходные с методами Никсона во Вьетнаме: Советы были готовы вывести войска, но при условии, что в Афганистане будет сформировано более стабильное правительство. Не случайно, 1985–1986 гг. стали периодом наиболее острой борьбы, поэтому правительство Москвы заменило Кармалю более энергичным Наджибуллой, который, казалось, был способен восстановить контроль над положением в стране; но внутренняя ситуация в стране была слишком накалена, а положение дел в Москве ухудшалось. В совершенно новом международном контексте Советам оставалось лишь согласиться на вывод своих войск, что они и сделали в феврале 1989 г.

13.3.3. ВОПРОС О «ЕВРОПАКЕТАХ»

Другим фактором нарастания напряженности, еще более связанным с традициями биполярного противостояния и частично с условиями соглашений, заключенных в период с 1964 по 1979 г., стал вопрос о ракетах средней дальности и их размещении в Европе.

Вопрос о евроракетах был тесно связан с общей проблемой равновесия сил между сверхдержавами и с отношениями между Соединенными Штатами, Европой и Советским Союзом. Однако этот вопрос приобрел в 1979–1980 гг. новые грани, вновь вызвав полемику внутри НАТО и вместе с тем поставив на карту всю систему глобального соотношения военных сил.

После подписания в 1972 г. соглашения ОСВ-1 советские военные круги начали оказывать сильное давление на правительство с тем, чтобы оно продолжило переговоры на более выгодных условиях. В действительности, если количественные показатели вроде бы свидетельствовали в пользу Советского Союза, то качество технологий позволило американской стороне по соглашению создать баланс в свою пользу. По этим причинам правитель-

ство было вынуждено уступить давлению министерства обороны во главе с Андреем Гречко, добивавшегося оснащения советских ядерных сил более совершенными вооружениями и, в особенности, новыми межконтинентальными ракетами СС-18, СС-19 и СС-20 (с радиусом действия около 3000 миль) с тремя боеголовками, на твердом топливе и потому быстро действующими, более точными и современными, которые легче было скрыть от противника. Они устанавливались начиная с 1976 г. и приводились в оперативную готовность в течение 1977 г. К тому же старые бомбардировщики средней дальности были заменены новыми бомбардировщиками «Backfire» — в целом советский стратегический арсенал стал значительно более эффективным.

Означало ли «более эффективным» также «более опасным»? С точки зрения советских стратегических доктрин, исключавших Европу из возможных целей ядерных атак, поскольку это было бы равноценно развязыванию всеобщего конфликта, новые вооружения имели оборонительный характер, они способствовали усилению советского фактора сдерживания, не представляя собой качественно новой угрозы для Европы, но улучшая позиции СССР накануне заключения договора ОСВ-2. Кроме того, они не нарушали договор ОСВ-1, не исключавший модернизацию сторонами своих стратегических систем. В самом деле, учитывая их поражающие возможности, русские рассматривали СС-20 как имевшие стратегическое значение, а не как ракеты театра военных действий. Однако именно в этом состоял критический накал ситуации, поскольку Запад и, в особенности, европейские страны не разделяли советскую концепцию и усматривали в СС-20 новую угрозу, направленную непосредственно против Европы. Новые советские ракеты устанавливались не только по военным, но также и по политическим соображениям: с целью углубить различия между Соединенными Штатами и некоторыми европейскими странами, возникшие в результате принятия доктрины «гибкого реагирования».

Действительно, в странах НАТО, в частности в Германии, размещение ракет СС-20 вызвало широкий отклик, который вновь привлек внимание к проблеме, выявившейся фактически в 1962 г., а в теоретическом плане в 1967 г., когда была формально принята доктрина «гибкого реагирования», — проблеме доверия к американским гарантиям. В условиях новой структуры советских ядерных сил, учитывая, что первой целью ракет СС-20 могла стать Европа (это ощущение оставалось неустранимым и весьма очевидным фактором, несмотря на то, что советская военная доктрина это исключала), последняя оказывалась перед серьезной опасностью, не будучи

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

уверенной в прочности атлантических (то есть американских) гарантий.

В реальности такое восприятие было не совсем оправданным. Американцы также предприняли до и после подписания договора ОСВ-1 пересмотр своего ядерного арсенала, обнаружив недостатки как стратегических, так и тактических вооружений, в частности вооружений театра военных действий. С 1973 г. началась замена уже устаревших тактических ракет, переданных американским подразделениям в Европе («*Honest John*» или «*Sergeant*»), на новые ракеты («*Lance*»). А с 1972 года осуществлялось проектирование новых ракет средней дальности, таких как «Першинг-2», дальностью около 700 км, с самой низкой возможной погрешностью отклонения от цели. Наряду с этими изменениями были также проведены испытания крылатых ракет, преимущество которых состояло в том, что они достигали цели на расстоянии до 3000 км, перемещаясь на небольшой высоте от поверхности земли, таким образом избегая контроля радаров противника. Кроме того, ускорилась работа над изучением нейтронной бомбы, то есть бомбы небольшого радиуса действия, использование которой существенно ограничивало бы ущерб, причиняемый материальным ценностям на территории, примыкающей к пораженным целям. В 1973–1975 гг. проблема адаптации американской ракетной системы была предметом интенсивного изучения и внимательного политического анализа. В 1975 г. после завершения работ, начатых Дж. Шлесинджером, министром обороны при Никсоне, и его преемником Д. Рамсфельдом, программа модернизации оперативно-тактических ракет была выполнена, в то время как проблема технологического обновления стратегических вооружений еще оставалась предметом изучения.

С избранием Картера на пост президента дискуссии по поводу осуществления новых программ в вашингтонской администрации и в НАТО несколько утихли, поскольку новый президент в первую очередь постарался поставить полностью под свой контроль проблему военных расходов и функционирования Пентагона и сам избрал в качестве приоритета американской политики в военной области укрепление обычных вооружений. В 1977 г., когда были обнаружены новые достижения русских, произошла смена курса, подтолкнувшая Вашингтон поставить на обсуждение в Атлантическом союзе проблему модернизации оборонительных вооружений и в целом проблему безопасности НАТО.

Первым был рассмотрен вопрос о «нейтронной бомбе». Любопытно, что дискуссия приобрела скорее этический, чем технический характер, поскольку обсуждалась аморальность оружия,

которое, сводя к минимуму ущерб материальным предметам, сохраняло бы здания, но уничтожало бы людей. На волне этой полемики, воспользовавшись моральной атмосферой в Соединенных Штатах и в Европе, Картер решил в апреле 1978 г. отказаться от производства оружия этого типа. Однако его решение, выявив основные параметры стратегических проблем, стоявших перед европейцами и американцами, привело к выбору, сделанному впоследствии.

Пространная гамма решений, предлагавшихся американцами, была расценена в Европе, в особенности в Германии канцлером социал-демократом Гельмутом Шмидтом, как свидетельство неуверенности и колебаний, что не осталось без ответной реакции американской администрации. В самом деле, Картер гораздо в большей степени, чем его предшественники, уделял внимание как ограничению американской зоны ответственности, так и одновременно четкому определению обязательств, которые Соединенные Штаты должны были принять в отношении Европы. Поскольку доктрина «гибкого реагирования» открыла простор сомнениям и расхождениям внутри НАТО, то нужно было устранить эти сомнения и восстановить доверие. Иными словами, Картер солидаризировался с концепциями Трумэна и Эйзенхауэра о необходимости того, чтобы НАТО являлась не только внушительным фасадом, но и действующей реальностью. Хотя как Сайрус Вэнс, госсекретарь Картера, так и Гарольд Браун, министр обороны, были уверены, что угроза, представляемая СС-20, была не настолько велика, чтобы американцы не могли с помощью ядерного реагирования ее парировать, администрация Картера отдавала себе отчет в преимущественно политическом характере проблемы.

На деятельность Картера наложило отпечаток европейское, прежде всего германское, давление. В речи, произнесенной в Лондоне в октябре 1977 г., немецкий канцлер социал-демократ Гельмут Шмидт затронул проблему паритета стратегических вооружений между двумя блоками, заявив, что подсчет должен учитывать типы вооружений, не относящиеся к обычным вооружениям (которые, вероятно, могут быть использованы первыми в Европе, в частности на территории Германии). Соглашения 1972 г. и последовавшие позже, относительно которых американцы и русские вели переговоры по ОСВ-2, фиксировали, по его мнению, ядерные стратегические потенциалы сверхдержав, нейтрализуя их. В итоге это вело к увеличению разрыва между двумя сторонами в Европе, поскольку соглашения не принимали во внимание обычные вооружения и ракеты средней дальности. Как отмечает Ньюхаус, американцы считали «стратегическими» только межконтинентальные ракеты, однако для европейцев любая ракета средней

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

дальности, запущенная с советской территории, являлась «стратегической», а не «ракетой театра военных действий». Необходимо было устранить это «искаженное» истолкование, поскольку новые соглашения ОСВ, казалось, делали менее вероятной возможность использования американцами своих межконтинентальных ракет для защиты Европы, что играло на руку Советскому Союзу в его стремлении угрожать самой Европе.

Речь Шмидта в определенном смысле привела к желаемому эффекту. Картер был готов снабдить вооруженные силы в Европе нейтронной бомбой, однако мотивации, которые привели к прекращению исследований в этом направлении, помешали ему предложить ее как ответ на европейские опасения без согласия заинтересованной стороны. А поскольку оно отсутствовало, от этой идеи отказались, и, пока продолжались переговоры с русскими, вели поиски других вариантов действий. В их основе лежало стремление американцев не принимать решений, которые обеспокоили бы русских и помешали бы стратегическому диалогу. Первый шаг в этом направлении был сделан Президентом в сентябре 1978 г., когда он одобрил рекомендации своих ближайших советников, предусматривавшие техническую модернизацию систем вооружений, которыми Соединенные Штаты должны были располагать в Европе по согласованию со своими союзниками. С тех пор и на протяжении всего 1979 г. осуществлялись интенсивные консультации, которые привели, в конце концов, к единогласному одобрению 11–14 декабря Советом министров иностранных дел и обороны НАТО «двойного решения», признававшего необходимость развертывания новых вооружений театра военных действий и в то же время ведения переговоров по их сокращению. От хода переговоров должно было зависеть осуществление этого решения. Между тем, оно предусматривало, что на территории европейских стран НАТО, каких именно договорились определить позже, будут установлены новые американские ракеты — всего 572 единицы: 108 «Першинг-2» (вместо устаревших «Першинг-1») и 464 крылатые ракеты. Однако что же заставило Картера пренебречь предсказуемой реакцией Советского Союза и атмосферой сотрудничества, установившейся в июне того же самого 1979 г. в результате подписания соглашений ОСВ-2?

Было уже неоднократно отмечено, что решение Совета НАТО явилось результатом давления европейских стран. В действительности, анализ фактов обнаруживает тонкое понимание проблемы Соединенными Штатами и своевременность принятых американцами решений. На европейские правительства, в свою очередь, оказывала влияние одна из самых интенсивных пацифистских

кампаний, когда-либо осуществлявших за период после Второй мировой войны. Она поддерживалась решительными протестами Советского Союза против решения, менявшего, по мнению московского правительства, стратегическое соотношение сил в балансах вооружений не только европейского и средиземноморского театра военных действий. Призыв Шмидта и французского президента Валери Жискар д'Эстена к американской администрации содержал требование поставить на первое место в своих программах в сфере обороны соблюдение ядерного равновесия в Европе. На самом деле, Шмидт лишь дал разъяснения по поводу приоритета, на который Пентагон обратил внимание начиная с 1973–1974 гг. и который администрация Картера выдвигала одновременно с ростом озабоченности европейцев, иногда предлагая при этом своевременные альтернативные решения, отвергаемые самими европейцами.

Путь к голосованию в декабре 1979 г. был затем открыт англо-франко-германско-американской встречей в верхах, состоявшейся в Гваделупе в январе того же года (при намеренном исключении из нее Италии, которая, как опасались, не поддержит решение НАТО). В ходе встречи были прояснены общие параметры соглашения, которое должно было предложить Советскому Союзу немедленно начать переговоры в Женеве по сокращению ракет европейского театра военных действий. Это предложение представляло правительствам стран НАТО убедительный аргумент в полемике с наступавшим пацифизмом, в гораздо большей степени прислушивавшимся к советским опасениям, нежели к западным. Однако, принимая решение, как американцы, так и европейцы хорошо сознавали, что оно имело преимущественно политический характер. В действительности, Европа уже находилась под потенциальной угрозой со стороны советских ракетных систем, и никакой принципиальной разницы в осознании опасности быть пораженными устаревшей в технологическом отношении или же более современной системой не было. Суть политической проблемы состояла в возможности, которую предвидели ведущие европейские деятели — заставить Соединенные Штаты изменить их позицию предоставления ограниченных гарантий Европе, вынудив их к прямым обязательствам, придававшим гораздо большую убедительность доктрине сдерживания. Бжезинский, советник Картера по национальной безопасности, написал потом, что сотрудники убедили его в «политической необходимости развернуть систему ядерного ответа в Европе». По мнению Киссинджера, «евроракеты» органически связывали «стратегическую оборону Европы и Соединенных Штатов», заполняли вакуум в проекте «сдерживания» и, наконец, устраняли американскую озабоченность относительно того,

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

что при отсутствии весомого ответа на германские требования социал-демократы Федеративной Республики могут оказаться во власти нейтралистских настроений, которые были там традиционно сильны.

В практическом плане единогласное решение встретило затем сильное сопротивление в Норвегии и в Дании, и поэтому его реализация, в конце концов, стала относиться преимущественно к Германии, Италии, Великобритании, Нидерландам и Бельгии. Однако главным аспектом проблемы по-прежнему оставался политический. В самом деле, она сводилась не только к военно-техническим вопросам, но и создала ситуацию, в которой решение Атлантического совета представляло серьезное политическое поражение для Советского Союза и восстанавливало баланс отношений внутри НАТО. Главный советский ресурс в отношении Западной Европы состоял (как всегда говорил де Голль) в ограниченном на практике значении американской атомной гарантии. Атомный зонтик Соединенных Штатов существовал, но он не был раскрыт над Европой.

Стратегия «гибкого реагирования» еще больше снизила доверие к американским гарантиям. Именно этот фактор способствовал деятельности советской дипломатии по созданию зоны безопасности в Европе в тот самый момент, когда Советский Союз готовился к модернизации своего ядерного арсенала. Возникали ножницы между тем, как внешне представлялись атлантические гарантии, и их реальным содержанием, что в обстановке разрядки могло быть приемлемым, но в атмосфере вновь возникающей напряженности создавало у европейцев тревожное ощущение отказа американцев от своей ответственности в условиях, когда администрация Картера с трудом вырабатывала свои решения. Эта администрация воспринималась европейцами как слабое, нерешительное правительство, вовлеченное в решение неевропейских проблем (как, например, пусть и важного, ближневосточного вопроса) и вынужденное заниматься кризисом, вызванным свержением иранского шаха, и теми унижительными последствиями, которые оно повлекло для американской дипломатии. Сегодня, учитывая то обстоятельство, что восприятие европейцев было необоснованным, приходится признать: проявления взаимного недоверия привели к тому, что за несколько лет НАТО приобрела такую силу и такой вес, какими она не обладала никогда в прошлом.

В 1979–1980 гг. вопрос о евроракетах вместе с афганским кризисом создали ощущение, что короткий период разрядки закончился или даже что разрядка была ничем иным как иллюзией, присущей относительно спокойному этапу биполярных отноше-

ний, на протяжении которого, несмотря на внешнее успокоение, конфликт продолжался, не ослабевая. Напротив, и следует это повторить, учитывая явно ограниченный масштаб двух эпизодов, можно утверждать, что они являлись моментами трудного процесса приспособления сверхдержав к изменениям внутри самих блоков.

13.4. Рейган и Горбачев у власти

13.4.1. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРЕЗИДЕНТСТВА РЕЙГАНА

Согласно общепринятому мнению, на президентские выборы в США вопросы внешней политики оказывают значительно меньшее влияние, чем вопросы внутренней политики. Выборы 1980 г. были одним из немногих исключений из этого правила. И действительно, на результат выборов, унижительный для действующего президента, повлияла экономическая ситуация в Соединенных Штатах, когда были отмечены нулевой экономический рост, вызывающая опасения безработица, а уровень инфляции достиг 9%. Большинство электората считало, что при Картере были подорваны престиж и влияние Соединенных Штатов в мире. Выборы проходили в сложной обстановке: не был решен вопрос о 50 заложниках, захваченных в Тегеране 4 ноября 1979 г. студентами, сторонниками Хомейни, провалилась попытка освободить их с помощью внезапного нападения — эти события, казалось, с математической точностью подтверждали падение авторитета американского президента. Кроме того, утверждения, что разрядка принесла односторонние преимущества Советам, не получили столь же решительного отпора, какой Соединенные Штаты дали в ответ на советское вторжение в 1979 г. в Афганистан.

Хотя в последующие годы президентство Картера оценивалось более взвешенно и в большей мере были отмечены многие заслуги президента-демократа, в 1980 г. внешняя политика США способствовала избранию Рейгана, бывшего актера Голливуда, к которому многие демократы относились свысока, но который, напротив, в период своего правления проявил исключительные коммуникабельные способности и поразительный политический инстинкт как при принятии важных решений, так и в выборе ближайших сотрудников, как в обращении к массам телезрителей, так и в беседах с ведущими мировыми политиками. Свой небольшой кредит доверия он сумел расширить благодаря инстинктивной предусмотрительности и умению адаптироваться, которые он продемонстрировал во время своего президентства. Оно продолжалось два срока подряд: с начала 1981 г. до начала 1989 г. Оба президентских

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

срока были различны с точки зрения международной политики: первый период был отмечен разгулом антисоветской пропаганды, развернутой американской администрацией, второй — началом диалога, который с приходом к власти в Советском Союзе Андропова и до прихода Горбачева полностью изменил характер отношений между сверхдержавами.

Определить различия между пропагандистским аспектом и серьезными политическими концепциями очень трудно. После вторжения в Афганистан Картер утверждал, что ознакомление с характером советской внешней политики стало для него горькой неожиданностью. В действительности, президент, у которого советником был Зб. Бжезинский, политолог польского происхождения, глубоко убежденный во внутренней слабости советской системы, не мог позволить себе подобных заявлений, разве что в силу особых причин. У него не было никакого разочарования, возможно, была некоторая озабоченность, и его антисоветизм был столь же глубоким, как и у его предшественников, хотя Картер проявлял его не так грубо. Искусственное ранжирование американских президентов в соответствии с парадигмой антисоветизма было бы нонсенсом, потому что не помогло бы выявить никаких различий. Если же говорить о различии между стратегиями, то в этом плане Картер шел по довольно извилистому пути.

Рейган же, напротив, проявив всю свою способность адаптироваться к обстоятельствам, никогда не испытывал сомнений относительно того, как символически представить противников. Со времен избирательной кампании он говорил о том, что не следует заблуждаться относительно разрядки, необходимо помешать ее использованию к односторонней выгоде Советов, а пресловутую уступчивость Картера он сделал одним из своих предвыборных коньков. Теперь известно, что, помимо субъективных колебаний, политическая деятельность Картера, в общих чертах, была в большей мере «атлантической», чем деятельность его преемника. Рейган, чутко реагирующий на квази-изоляционистские настроения, которые были тогда сильны в Соединенных Штатах, стал утверждать, что СССР — это, прежде всего, враг. И опасный враг, которого надо было поставить в жестко ограниченные рамки, прежде, чем начинать с ним переговоры. На пресс-конференции, проведенной сразу после вступления на пост президента, он сказал: «До сих пор разрядка была дорогой с односторонним движением, которой Советский Союз воспользовался для достижения своих целей... Нет советского руководителя, который бы неоднократно не заявлял, что главной целью должно быть распространение мировой революции и установление всемирного социалистического

или коммунистического государства, какой бы термин вы ни использовали».

Рейган был окружен людьми, которые частично разделяли это, в сущности, антикоммунистическое видение социальных отношений, среди них были министр обороны Каспар Уайнбергер и его заместитель Ричард Перл, ответственный за международную безопасность. В его окружении были также люди, которые считали приоритетным государственный, а не идеологический аспект и полагали, что американские решения должны учитывать действия, предпринятые Советами, на основе принципа увязки советских инициатив и ответов США, среди них были государственные секретари Александр Хэйг (до июня 1982 г.) и его преемник Джордж Шульц.

Внутри администрации сосуществовали оба направления, но есть основания считать, что Рейган отдавал предпочтение антикоммунистическим тезисам и повторял выражение, использованное им в предвыборной кампании, что Советский Союз был «империей зла», а потому необходимо было превратить Америку в неприступную крепость, которая утвердила бы как экономический, так и военный приоритет Соединенных Штатов. Тогда США могли бы бросить Советскому Союзу, т.е. коммунистической России, столь мощный вызов, что вынудили бы советских руководителей в период начинавшегося экономического кризиса сделать выбор между глобальными (политическими и военными) обязательствами и необходимостью устранить дисфункции советского общества, становившиеся все более очевидными и все менее терпимыми для граждан СССР. Эта позиция, как оказалось, возымела убедительное воздействие на мнение средних американцев, что было очень важно для Рейгана, который на первом этапе своего президентства уделял внимание преимущественно внутренним проблемам.

С января 1981 до середины 1982 г. государственный секретарь Хэйг старался утвердить теорию «увязки», чтобы показать ее эффективность. В июне 1981 г. он убедил Рейгана приостановить эмбарго на продажу зерна Советам, установленное Картером после советского вторжения в Афганистан. Кроме того, после серии переговоров с Москвой ему удалось добиться соглашения, обнародованного в конце сентября 1981 г., о начале 30 ноября в Женеве переговоров, которых требовало решение НАТО, принятое в декабре 1979 г., и от исхода которых зависела окончательная судьба «евроракет». На переговорах Соединенные Штаты должен был представлять один из наиболее опытных дипломатов Пол Нитце, а Советам назначили посла Юлия Квицинского.

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

Тем не менее Хэйг, со своей готовностью к переговорам, оказался в изоляции, как и во время обсуждения в американской администрации проблем координации позиции США и интересов их союзников по НАТО. Эти вопросы наиболее остро встали во время кризиса, начавшегося в марте 1982 г. по вопросу о Фолклендских (Мальвинских) островах, и во время напряженных дискуссий о строительстве огромного газопровода из Сибири в Западную Европу, которому резко противились Соединенные Штаты и в котором была, в частности, заинтересована Италия. Эта изоляция вынудила Хэйга в июне 1982 г. уйти в отставку, при этом он публично заявил о своем несогласии с отходом администрации Рейгана от «четкости, последовательности и твердости намерений» в вопросах внешней политики.

Преемник Хэйга на посту госсекретаря Джордж Шульц сумел смягчить произошедшие перемены и подтвердил интерес Государственного департамента к диалогу с Советами, но обстоятельства способствовали утверждению представлений, которые отстаивал Уайнбергер. Инициатива возможной встречи в верхах между Рейганом и Брежневым совпала с американским предложением о возобновлении переговоров по стратегическим вооружениям (после отказа ратификации договора ОСВ-2, в отношении которого обе заинтересованные стороны заявляли о своем намерении придерживаться его положений даже при отсутствии юридических обязательств). В мае 1982 г. американский президент выступил с идеей начала переговоров, которые он предложил назвать СНВ — START (Strategic Arms Reduction Talks), чтобы придать сокращению значение доброго пожелания, поскольку по-английски «start» означает «начало». Брежнев с готовностью принял предложение о проведении переговоров, которые начались 29 июня 1982 г. параллельно с переговорами по «евроракетам». Но трудности, возникшие при обсуждении этой последней проблемы, немедленно отразились и на переговорах о стратегических вооружениях.

Между тем Департамент обороны распространил специальный доклад под заголовком «Советская военная мощь», в котором были представлены данные и документы, свидетельствовавшие о советском военном превосходстве и об опасности односторонних уступок Западу. Это было только началом психологической войны, в обстановке которой проходили все переговоры вплоть до их приостановления, когда началось развертывание «евроракет» на европейских базах. Советы (которые в эти месяцы были не в состоянии выработать достойный ответ в связи с ухудшением состояния здоровья Андропова) расценили это как провокацию.

В этой ситуации был заслуживающий внимания момент, ко-

торый предвещал на несколько лет завершение этих событий и красноречиво свидетельствовал о биполярном характере происходившего диалога и о реальном значении решений, принятых в декабре 1979 г. Накануне начала переговоров СНВ Рейган, желая продемонстрировать готовность американцев к компромиссу, представил свой вариант решения вопроса о «евроракетах» — так называемый «нулевой вариант», т.е. отказ американцев от развертывания «евроракет» в обмен на демонтаж всех ракет СС-20, а не только СС-4 и СС-5, ранее развернутых Советским Союзом.

Этим предложением, внешне четким и сбалансированным, Рейган, в сущности, разрушал то, что создал Картер в 1979 г., и отказывался от обязательства США учитывать точку зрения европейцев. Вместо американских гарантий в связи с развертыванием «евроракет» провозглашался возврат к *status quo ante*, к прежнему состоянию, т.е. была предложена возможность гибкого ответа, который сопровождался обманчивыми заявлениями о разоружении, а на самом деле означал отказ от бремени, которое Картер безрассудно возложил на Соединенные Штаты и от которого Рейган, президент, придерживавшийся изоляционистских взглядов, желал освободиться.

Между тем от идеи встречи Рейгана и Брежнева пришлось отказаться, когда стало ясно, что советский лидер тяжело болен и практически не способен руководить страной и что его замена откладывалась только потому, что не удавалось преодолеть политические противоречия внутри Политбюро. Когда в ноябре 1982 г. умер Брежнев, а Юрий Андропов был избран его преемником, наступил короткий период разрядки, прерванный болезнью самого Андропова и обострением столкновения по вопросу о практическом применении «двойного решения» НАТО от декабря 1979 г. Это привело к прекращению в ноябре 1983 г. Женевских переговоров (в ходе которых между Нитце и Квицинским наметился компромисс на основе значительного сокращения числа размещаемых ракет) и проходивших параллельно переговоров СНВ. Только когда кризис с «евроракетами» миновал свой апогей, стало возможно возобновление диалога. Однако американцам было известно о серьезной болезни Андропова, и у них сложилось убеждение, что у нового лидера было недостаточно времени для укрепления своего авторитета.

Андропов умер в феврале 1984 г., и ему на смену пришел другой старец — Константин Черненко, выбор которого продемонстрировал, как трудно было советским руководителям решить вопрос о преемниках для деятелей брежневского поколения. Именно этот длительный период инерции советского руководства, которую не

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

могло компенсировать присутствие авторитетного министра иностранных дел Громыко, помешал восстановлению диалога в течение всего первого мандата американского президента.

Возможно, эта аргументация придает чрезмерное значение чисто внешним обстоятельствам, но факт остается фактом, что отсутствие прогресса в межгосударственных дипломатических отношениях позволило антикоммунистическому крылу, наиболее близкому к американской «новой правой», спланировать и частично реализовать ряд инициатив, которые оказали серьезное дестабилизирующее воздействие на баланс в области вооружений между СССР и США. К тому же они поставили советское правительство перед очень трудным выбором: отреагировать на антикоммунистический вызов США или постараться уклониться от него, поскольку ситуация внутри советского блока быстро ухудшалась и невозможно было добиться ее улучшения, если не принять радикальные решения о приоритетах в использовании экономических ресурсов.

В сложившейся ситуации смогла утвердиться новая Америка, сформировавшаяся в результате реформ, проведенных в предыдущие годы, в которой необузданный рейганизм возродил предпринимательский порыв. В области внешней политики, наряду с традиционной дипломатией, произошел огромный рост военных расходов, были приняты некоторые важные военно-стратегические решения. Как и Картер, Рейган выделял значительные средства на развитие обычных вооружений. Соединенные Штаты должны были поддерживать свое присутствие во всем мире и, в частности, в молодых независимых государствах. Была создана новая командная структура для координации американского вмешательства в 19 стран Западной Азии и Ближнего Востока. Флот стал центральным элементом в системе перевооружения. Число его единиц возросло с 455 до 600, включая два ядерных авианосца и 58 боевых кораблей.

В ядерной области министр обороны Уайнбергер вновь обратился к планам, которые не были завершены в эпоху Картера. Были продолжены исследования в области нейтронной бомбы, разработки производства бомбардировщиков *B-1*, межконтинентальных ракет *MX*, подводных лодок *Трайидент* (более современных, чем *Полярис*), с атомными двигателями и вооруженных ракетами с разделяющимися боеголовками, было решено увеличить число боеголовок американского ядерного арсенала на 70%. И последнее в перечислении, но не по значению — было положено начало так называемой *Стратегической оборонной инициативе* (СОИ), т.е. проекту создания системы противоракетной обороны, способной защитить всю амери-

канскую территорию от угрозы превратиться в мишень для атомного нападения. Бюджетное финансирование военных расходов возросло с 1981 по 1987 г., когда Уайнбергер ушел в отставку, и составило, в неизменных ценах, почти 43% бюджетных расходов. Они увеличились с 208,9 млрд долларов в текущих ценах в 1983 г. до 377 млрд долларов в 1988 г.

Наиболее важный аспект этой программы был изложен в речи Рейгана, произнесенной им 23 марта 1983 г., в которой он выдвинул проект СОИ и обратился с призывом к американской науке и технологии создать противоспутниковые системы и сделать спутники менее уязвимыми для нападения; развивать исследования в целях увеличения числа и функций спутников, находящихся на орбите; развивать производство высокочастотных лазеров, систем пучкового оружия и исследования возможностей использования этих типов оружия для противоракетной обороны в космосе. Рейган представил невероятно амбициозный и спорный в юридическом отношении проект с учетом положений договора по ПРО, в соответствии с которым каждой державе разрешалось создание только одной ограниченной системы противоракетной обороны. Речь шла о проекте, который утверждал превосходство американских космических технологий во всем мире (в такой степени, что французский президент Франсуа Миттеран, в свою очередь, выступил с мирной программой технологических исследований, названной «Эврика»).

Предложенный проект имел не столько военное, сколько политическое значение. Касаясь разногласий между Соединенными Штатами и европейскими союзниками по вопросу о передаче Советскому Союзу технологической информации, Уайнбергер откровенно заявил при представлении в Конгрессе проекта бюджета на 1982 г.: «Не имея доступа к передовым западным технологиям, советское руководство будет вынуждено сделать выбор между приоритетом военно-промышленной политики и сохранением жестко контролируемой политической системы». Без западных технологий Советы окажутся перед дилеммой, которую они не в состоянии игнорировать.

За этой аргументацией, усиленной напыщенной риторикой, скрывалось существо американского вызова Советскому Союзу. Правительство Соединенных Штатов, судя по многочисленным признакам, хорошо знало о трудностях советской системы и о том, что советской экономике грозил застой. Ученые и политики во всем мире уже знали, что советское общество вступило в период депрессии, предшествовавшей упадку. Это происходило в экономической системе, где централизованные решения мешали произвести необхо-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

димую наладку механизма распределения инвестиций, чтобы этот спад был менее тяжелым; более того, военно-промышленный комплекс при поддержке КПСС оказывал давление, продолжая навязывать свои приоритеты и сохранение за Советским Союзом роли мировой сверхдержавы. Но эта цель, если и была достижима при очень высокой цене в период экономического роста, который СССР переживал в предшествующие десятилетия, становилась несовместимой с политической системой, больше не опиравшейся, как сталинская, на террор, которому не было оправданий даже в условиях грозившей опасности.

Именно эту альтернативу, обостренную американским вызовом, предстояло решить Михаилу Горбачеву, который после смерти Черненко в марте 1985 г. в возрасте 54 лет был избран генеральным секретарем ЦК КПСС. Вполне возможно, что проекты Рейгана и Уайнбергера (которые требовали ассигнований в 26 млрд долларов) были нереальными, потому что создание системы абсолютной защиты от ракетного нападения не имело в своем основании технологических достижений, достаточных для ее реализации. Тем не менее этот вызов существовал, и Горбачеву неоднократно приходилось принимать решения под его влиянием.

13.5. Кризис биполярности? Первые симптомы

13.5.1. НОВАЯ РОЛЬ НАТО?

Расхождения между интересами американцев и европейцев относительно сырья, в особенности нефти и природного газа; непрерывные споры о значении разрядки и ответственности, которую она налагала; массовая пацифистская кампания против размещения «евроракет» и недоверие европейцев, даже атлантических политиков, в связи с колебаниями американцев в этом вопросе; жесткая антисоветская позиция Рейгана; изменения, произошедшие в Европе с возобновлением институционального и политического развития ЕЭС и включения в него новых стран, в которых раньше существовали авторитарные режимы, пользовавшиеся поддержкой Соединенных Штатов, не особенно прислушивавшихся к европейскому общественному мнению, — все эти элементы в совокупности привели к изменениям отношений внутри Атлантического Союза. Даже замена такой личности, как Картер, к которому европейцы испытывали сложные чувства, на Рейгана, способного без интеллектуальных околичностей прямо выражать свои мысли (хотя сложную американскую систему нельзя свести к одной лишь личности президента, который является лишь ее символом), оказала свое влияние

на этот процесс. НАТО и ЕЭС в восьмидесятые годы совершенно отличались от тех институтов, какими они были в момент создания.

Встает вопрос, обоснованно ли все еще считать биполярное противостояние основной осью структуры международных отношений в эти годы либо следует учитывать различные факторы. Сведение же всех факторов только к биполярности оказывается недостаточным, а потому необходимо давать иные оценки или, по крайней мере, принимать во внимание, что в одной из сверхдержав назревал глубокий кризис.

Если администрация Картера была восприимчива к интересам европейцев, когда брала на себя обязательства по развертыванию «евроракет», то европейские страны—члены НАТО должны были так же проявить солидарность с американцами в их отношении к Советскому Союзу и, в частности, с их реакцией на вторжение в Афганистан. Несмотря на ожидаемую солидарность, которая должна была продемонстрировать общий взгляд на мировые проблемы, ведущие страны НАТО дистанцировались от Соединенных Штатов, посчитав азиатский вопрос, находящимся вне сферы их интересов, как тогда стали говорить, т.е. вне сферы, гарантированной действием североатлантического договора. Они не расценивали афганские события (и даже иранские события) как прямую угрозу европейской безопасности. Канцлер Германии Шмидт заявил, что вторжение в Афганистан создает проблему Восток—Юг (касающуюся отношений Советов с исламским миром), а не проблему Восток—Запад, затрагивающую Европу. В свою очередь, французский президент Валери Жискар д'Эстэн на встрече с Брежневым в Варшаве в мае 1980 г. пытался разъяснить ему, что Западная Европа оценивает мировую ситуацию иначе, чем американцы, и не намерена пожертвовать результатами европейской разрядки ради широко обсуждавшейся концепции «неделимости разрядки» (проще говоря, взаимозависимости между действиями различных держав в разных частях света). Усилия Вашингтона убедить европейцев последовать его примеру и поддержать санкции против Ирана, управляемого Хомейни, или также бойкотировать Олимпийские игры 1980 г. в Москве оказались напрасными к большому огорчению самих американцев.

Эти разногласия в вопросах, относительно которых должны были существовать общие интересы и взаимосвязанность, т.е. *увязка*, между различными театрами мировой политики, вызывали у европейцев опасение оказаться втянутыми в международные кризисы, которые не представляли для них интереса и требовали больших расходов. На первом этапе внешняя политика Рейгана лишь усилила эти расхождения, породившие один из самых глу-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

боких кризисов в Атлантическом альянсе, который еще больше усилился в связи с пацифистскими антиамериканскими выступлениями против развертывания «евроракет». Кроме того, Рейган до 1980 г. не пользовался симпатией на старом континенте, где новая Америка, представленная бывшим калифорнийским актером, избранным благодаря голосам Южных Штатов, куда переместился центр американской экономической мощи, была недостаточно понята. Для большинства европейских руководителей избрание Рейгана произошло скорее благодаря усилиям средств массовой информации, чем политическим качествам президента-республиканца.

Выявилась неспособность европейцев понять, что политика Рейгана означала глобальный ответ Советскому Союзу. Она стала выражением осознанного намерения окончательно свести счеты с СССР, конечно, не военными средствами, а благодаря соревнованию в экономике и технологии, ключевых областях революции в производительной сфере последних десятилетий XX века, которое выявило ограниченность советской мощи и оказалось губительной для абсолютной власти московских правителей.

Формулируя эти замечания, необходимо учитывать попытку, которую неизбежно предпримут историки, выявить логическую взаимосвязь сложных, но случайных событий. Тем не менее следует отметить, что стремление добиться уменьшения мощи Советского Союза не только в экономической сфере, но и в плане соотношения вооруженных сил было характерно для политической деятельности команды Рейгана, которая привела к грандиозному внутреннему обновлению Соединенных Штатов в результате рейгановских реформ. Американская администрация была менее склонна к выжиданию, чем это предусматривалось концепцией «сдерживания», которую Джордж Кеннан разработал в начале холодной войны. Теперь речь шла не о «сдерживании», а о необходимости проверить, не пришло ли время для реализации предвидений Кеннана, предрекавшего взрыв внутренних противоречий советской системы в отдаленном будущем.

Новая американская стратегия предусматривала применение ряда ограничительных мер в торговых отношениях с Советским Союзом именно в те годы, когда европейцы начали осуществлять совместные с СССР капиталовложения. Вашингтон разработал новый подход к проблемам развития таких регионов в непосредственной близости от Соединенных Штатов, как Центральная Америка или Ливия и Ливан, в которых затрагивались интересы Европы, а также доктрину военного вмешательства в эти страны. Было запланировано массированное перевооружение и интенсивное технологическое

развитие, которые заставили бы Советский Союз действительно пойти на уступки, а не на выхолощенные соглашения, как оба договора по ОСВ.

В течение нескольких месяцев после окончания мандата Картера и начала правления Рейгана, казалось, сбывались самые мрачные предсказания. С 1980 г. американцы оказывали щедрую помощь Пакистану, ставшему базой для антисоветской партизанской войны; оказывали поддержку силам УНИТА в Анголе, антисандинистским контрастам в Никарагуа, умеренным и консервативным правительствам Сальвадора и Гватемалы. Европейские государства-члены НАТО выразили явное сочувствие только по афганскому вопросу, но не предприняли никаких действий. Европейцы полагали, что проблемы Центральной Америки, которые считались исключительно компетенцией Соединенных Штатов, следовало решать с помощью реформ, которые помогли бы левым силам управлять демократическими методами. Этот подход, возможно, и был справедливым, но не учитывал, что для Соединенных Штатов и сандинисты, и партизаны были лишь союзниками СССР, которые сотрудничали с Советами с целью подорвать гегемонию США в Латинской Америке.

Некоторые события 1982–1983 гг. смягчили эту напряженность и недоверие и привели к изменению климата внутри НАТО, к восстановлению отношений тесного сотрудничества даже в тех зонах, которые непосредственно не примыкали к атлантическому региону. Наиболее поразительна в этом плане та легкость, с какой были ратифицированы соглашения о «евроракетах». Избрание социалиста Франсуа Миттерана на пост президента Франции в мае 1981 г. и создание затем правительства с участием министров-коммунистов (впервые после 1947 г.) породило опасения, что Франция в еще большей мере дистанцируется от НАТО и будет выступать за отказ от «евроракет». Однако Миттеран учел реакцию французского общественного мнения, глубоко потрясенного установлением военного положения в Польше для подавления движения рабочих «Солидарность» и негативно воспринимавшего милитаризацию советской внешней политики. Хотя размещение «евроракет» не затронуло Францию, правительство Парижа развернуло энергичную кампанию в поддержку этой акции, направленную специально на то, чтобы развеять опасения итальянских социалистов (входивших тогда в правительство) и помочь германскому канцлеру Гельмуту Колю преодолеть оппозицию. Эта кампания Миттерана приняла такие крайние формы, как его прямое давление на избирателей в ФРГ (в январе 1983 г.) в поддержку политики

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

Коля против колебаний тех же социал-демократов.

Помимо этого мощного и неожиданного возрождения французского атлантизма (весьма эффективно воздействовавшего на Германию), одновременно прошло голосование в поддержку «евроракет» в других странах: Италии, Бельгии и Голландии (которая проголосовала «за» с некоторой отсрочкой по времени). Правда, в то же время в Женеве начались переговоры, которые выдвигали теоретическую альтернативу решению, предложенному НАТО. Но в 1982 г. и в еще большей мере в 1983 г. немногие верили, что в Женеве можно достичь приемлемого компромисса.

Решение о развертывании «евроракет» содействовало укреплению НАТО, завершению этого процесса способствовали два менее значимых события, но которые также показали притягательную силу западного альянса. Первое — возвращение Греции в интегрированную структуру НАТО. Греция пережила период своеобразного карантина после установления военной диктатуры в апреле 1967 г. в результате государственного переворота. Однако греческие «черные полковники» потерпели политическое поражение на Кипре, где они пытались сместить президента архиепископа Макариоса. В действительности их действия привели к турецкому вторжению, и с тех пор остров оказался разделенным скорее по линии военного, чем этнического противостояния. После этого в августе 1974 г. греческое правительство военных было свергнуто и на смену ему пришли «умеренные» под руководством Константиноса Караманлиса. Новое правительство Афин, протестуя против ситуации на Кипре, сложившейся при попустительстве НАТО и при участии Турции, члена атлантического альянса, решило последовать примеру де Голля (в 1966 г.) и выйти из интегрированной военной структуры Североатлантического блока. Приход социалистов к власти в 1980 г. поставил вопрос о совместимости результатов греческих выборов с международными обязательствами страны, что подтолкнуло правительство Афин заявить о своей атлантической ориентации: 20 октября Греция вернулась в структуру НАТО.

Второе — присоединение Испании к Атлантическому пакту и интеграция ее вооруженных сил в НАТО (30 мая 1982 г.). Итак, к концу этого года Атлантический альянс включал 16 государств-членов, 15 из которых были интегрированы в военный механизм НАТО.

Два международных кризиса послужили проверкой атлантической сплоченности на прочность. Хронологически первым был кризис на Фолклендах (Мальвинах), который начался 2 апреля и

закончился 14 июня 1982 г. Он возник в связи с тем, что аргентинское военное правительство, пытаясь вернуть кредит доверия, утраченный вследствие экономического кризиса и политических репрессий, решило внезапной акцией занять и присоединить к территории страны архипелаг Фолклендских (Мальвинских) островов, бывших британской колонией с 1833 г. и населенных потомками шотландских пастухов, но географически примыкавших к Аргентине. При этом в Буэнос-Айресе надеялись, что близ архипелага находятся большие нефтяные запасы.

Планы аргентинского военного правительства с легкостью вернуть престиж с помощью этой акции рухнули, поскольку британский премьер-министр отреагировала очень решительно. Несмотря на большое расстояние (11 000 км от Лондона), госпожа Тэтчер отправила экспедиционный корпус, который в течение нескольких дней в начале июня 1982 г. после небольших столкновений на море, сумел преодолеть символическое сопротивление аргентинцев и восстановил на островах суверенитет Ее Величества, что вызвало у аргентинцев сильное недовольство Великобританией.

Аргентинская проблема создала сложности в отношениях Соединенных Штатов, Испании и Италии с Латинской Америкой. Аргентина предприняла свои действия, будучи убежденной, что НАТО переживает кризисный момент и англичане будут вынуждены оставить эту акцию без внимания. Но ее расчет оказался ошибочным. Как пишет госсекретарь Хэйг в своих мемуарах, правительство Вашингтона полагало, что все развитие субконтинента в международных отношениях должно основываться на правовых нормах, чтобы избежать, и без того многочисленных, попыток силовых действий. Кроме того, несмотря на незначительность фолклендского кризиса, был поставлен вопрос о законности самой акции и о полной политической солидарности с Великобританией, потребовавшейся в тот момент от США. Точно так же акция потребовала солидарности и от других стран атлантического альянса, хотя все они склонялись к компромиссному решению.

Результаты кризиса были катастрофическими для аргентинских военных, которые вскоре утратили власть и освободили дорогу для прихода гражданского правительства. Исход кризиса был важен и для НАТО, так как требовалось действовать быстро и не дать проявиться внутренним противоречиям: напротив, демонстрация солидарности способствовала сплочению альянса. В конце мая Атлантический Совет единодушно осудил аргентинскую акцию, рекомендуя продолжать поиски мирного решения, вместе с тем он подтвердил

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

осуждение безоговорочного использования силы. Возможно, затягивание кризиса привело бы к иным ситуациям, но для их возникновения не было времени.

Еще более важным стал ливанский кризис. Имело значение не столько участие НАТО как организации *вне сферы* ответственности блока, сколько использование вооруженных сил некоторых стран альянса (Соединенных Штатов, Франции и Италии). Конечно, при рассмотрении этого вмешательства следует принимать во внимание не столько его военный итог, в основном негативный, сколько политическое значение коллективного участия в операции такого рода. Можно сказать, что вмешательство в Ливане предвосхитило, в определенном смысле, коалицию 1991 г. против Ирака.

После «черного сентября» 1970 г. и Кэмп-Дэвидских соглашений Ливан стал местом наибольшей концентрации вооруженных отрядов. Влияние ООП (Организации освобождения Палестины) пришло в столкновение с властью правительства Бейрута, подорванной религиозно-этническими противоречиями и ухудшением общественного порядка. В июне 1982 г. израильское правительство, намереваясь изменить оперативную ситуацию, позволявшую непрерывно совершать нападения на израильскую территорию, решило предпринять массированное вторжение в Южный Ливан и дойти до Бейрута, ввязавшись в борьбу, которая вскоре приняла неслыханно жестокий характер.

В поддержку палестинцев в июле 1982 г. выступила сирийская армия, наметилась угроза расширения конфликта, несмотря на глубокие разногласия, разделявшие сирийского президента Асада и лидера ООП Арафата. Пытаясь предотвратить эту опасность и добиться мирного решения конфликта, американская дипломатия предложила компромисс, в соответствии с которым Израиль должен был снять осаду Бейрута, а ему на смену должны были прийти американские, французские и итальянские войска, чтобы контролировать уход палестинцев (ООП) в Тунис и Иорданию.

Размещение этих войск позволило установить короткое перемирие, во время которого президент Рейган представил решение палестинского вопроса, сходное с Кэмп-Дэвидскими соглашениями, дополненными проектом конфедерации эвентуального палестинского государства с Иорданией. Израильяне отвергли этот план и вследствие обострения ливанского кризиса в связи с убийством президента Башира Жмайеля вернулись в Бейрут, установив сотрудничество с военными из так называемой «христианской фаланги» вооруженных отрядов христианско-маронитского населения Ливана. Именно эти военные вошли в палестинские

лагеря Сабра и Шатила, убив сотни мужчин, женщин и детей, что вызвало осуждение со стороны мирового общественного мнения, которое, возможно, впервые выступило в защиту палестинских «террористов» и их погибших семей. Наступил важный психологический перелом. Новое нападение заставило многонациональные силы вернуться, а израильтян вывести свои войска.

С точки зрения Израиля акция принесла нежелательный результат, поскольку объединила сирийцев с ливанскими религиозно-этническими группами разных конфессий, открыв дорогу сирийскому военному вмешательству в Ливане во имя установления мира. Многонациональным силам не оставалось ничего, кроме невозможности отразить атаки на их позиции и позорной потери 350 американских и французских солдат, что повлекло за собой вывод войск, а также решение ограничить с моря бомбардировку позиций друзов (одной из групп, выступавших в союзе с сирийцами).

Это был спорный итог, но операция в целом, если ее рассматривать сквозь призму проблем атлантической солидарности, показала, что, несмотря на неудачу, страны, наиболее заинтересованные в ситуации в Восточном Средиземноморье, оказались в состоянии, без особых стратегических разногласий, мобилизовать свои силы. Тогда не существовало соглашения между европейцами и американцами по палестинскому вопросу (это объясняет поспешный вывод американского контингента, присутствие которого не было подкреплено четким политическим планом), у них не имелось и договоренности о том, что важно держать под контролем стратегически важную и взрывоопасную ситуацию в Ливане и весь кризисный регион. В этом смысле провалившаяся ливанская экспедиция стала, хоть и малым, вкладом в укрепление сплоченности Атлантического альянса. Благодаря этой сплоченности стало возможно преодолеть разногласия предыдущих лет (до 1985 г.). Они касались как подхода к проблемам торговли с Восточной Европой — политический курс Рейгана противоречил намерению европейцев увеличить товарообмен между ЕЭС и СЭВ — так и совместимости между происходящими изменениями в Европе, новой политико-экономической мощью ЕЭС и пребыванием в Европе в рамках структуры НАТО около 350 000 американских солдат, что требовало финансовых расходов со стороны Соединенных Штатов, государственный долг которых вырос вследствие внутренней экономической политики республиканцев.

В начале восьмидесятых годов было трудно отделить вопросы НАТО, касавшиеся отношений между 14 европейскими странами, Канадой и Соединенными Штатами, от проблем нового этапа развития, который переживали европейские страны, входящие в

ЕЭС. Новая ситуация породила качественные изменения западной системы: ее военной и экономической структуры.

13.5.2. РАСШИРЕНИЕ И УГЛУБЛЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

29 декабря 1975 г. премьер-министр Бельгии Лео Тиндеманс представил доклад, порученный ему подготовить год назад Парижской встречей премьер-министров и глав государств ЕЭС. Хотя содержащиеся в нем предложения были изложены очень сдержанно, они послужили основой для формирования новой Комиссии, которая начала свою работу в 1977 г. под председательством энергичного Роя Дженкинса, бывшего министра-лейбориста и горячего сторонника европеизма. В своем выступлении 29 октября 1977 г. во Флоренции Дженкинс заявил о необходимости как можно быстрее учредить валютно-экономический союз стран ЕЭС, который содействовал бы преодолению общего спада, вызванного ростом цен на нефть, произошедшим в 1973 г., а предусмотренным к 1979 г.

На этой основе Европейский Совет 6–7 июля 1978 г. вернулся к планам Комиссии и предложил создать «Европейскую валютную систему» (ЕВС), которая должна была вступить в действие с 1 января 1979 г. Она предусматривала установить пределы колебаний курсов валют стран ЕЭС внутри определенного диапазона, чтобы снизить риски внезапных изменений стоимости различных валют. Кроме того, намечалось учреждение общего фонда в качестве первоочередного валютного резерва и инструмента создания «европейской валютной единицы», которую можно было бы использовать в сделках между центральными банками вместо доллара и в ожидании появления европейской валюты. Только семь из девяти стран ЕЭС (за исключением Великобритании и Ирландии) сразу присоединились к ЕВС, потому что финансовая ситуация в двух невошедших странах не позволяла им согласиться с жестким валютным регулированием. На основе установления более широких границ колебаний валютных курсов стало возможно получить согласие Италии и Ирландии на участие в ЕВС, и система начала функционировать с 13 марта 1979 г. Великобритания, преодолевая нежелание, присоединилась к ней в октябре 1990 г.

Проложив дорогу к валютному союзу, ЕЭС приступило к решению другой проблемы европейского устройства — всеобщих выборов в Парламентскую Ассамблею. Они прошли в разные сроки весной 1979 г. Однако первый избранный парламент был лишен реальных полномочий, за исключением тех, что были предусмотрены учредительным договором ЕЭС, позволявшим голо-

сованием выражать свое мнение о бюджете и тем самым косвенно контролировать комиссию. Можно сказать, что с проведением выборов в Европейский парламент для институциональной структуры ЕЭС наступил период неизбежных перемен. Избранный парламент не мог согласиться лишь с консультативной ролью, без предоставления полномочий по существу. В экономическом плане начало функционирования ЕВС столь же неизбежно поставило вопрос о бюджете, который оставался в компетенции Комиссии, Совета министров и самого парламента. Кроме того, в июне 1979 г. Греция подписала договор о вступлении в Сообщество, вошедший в силу в 1981 г. Затем Испания и Португалия подписали аналогичные договоры в июне 1985 г., вступившие в силу в начале следующего года. Расширение Сообщества побуждало пересмотреть институциональные отношения и переосмыслить его политические цели.

Группа депутатов по инициативе Альтиеро Спинелли, в прошлом члена Комиссии, самостоятельно приступила к тщательной работе по пересмотру Римских договоров, подготовив окончательный документ в форме договора об учреждении Европейского Союза, который Европейский парламент одобрил 14 февраля 1984 г. большинством голосов. Инициатива, возникшая снизу, не осталась без внимания. В январе 1985 г. была учреждена новая Комиссия под председательством убежденного европейца Жака Делора, который смог столь убедительно выразить волю структур ЕЭС, что с ней нельзя было не считаться. Работа этой комиссии и парламентское давление нашли отклик на сессии Европейского совета, состоявшейся 28–29 июня в Милане. В связи с этим представитель Италии Беттино Кракси, используя возможность поддержки большинством голосов согласно учредительному договору (ст. 236) и благодаря совпадению воли французского, германского и итальянского правительств, смог добиться решения о созыве межправительственной конференции по реформе ЕЭС, несмотря на оппозицию Англии, Дании и Греции. Эта конференция должна была подготовить новый проект конвенции, касающейся «общей внешней политики и политики безопасности» на основе предложений, представленных французами, немцами, итальянцами и англичанами. Кроме того, необходимо было отразить все изменения, внесенные в учредительный договор ЕЭС, касающиеся полномочий Совета, Комиссии и Парламента, а также расширения сфер деятельности Сообщества.

Миланские решения положили начало переговорам, которые завершились подписанием 17 декабря 1985 г. Единого Европейского Акта — первой попытки придать новое содержание органи-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

зации, существовавшей уже почти тридцать лет и превратившейся в ведущего участника международной жизни в торгово-экономической и политической сферах, оставаясь в рамках атлантического партнерства. Хотя Единый Акт был небольшим шагом в направлении институциональных реформ, но с ним связаны два важных решения. Расширился круг вопросов, по которым стало возможно принимать решения большинством голосов, и были определены сферы сотрудничества в рамках сообщества (развитие технологий, охрана окружающей среды, экономическая и валютная сферы). Особенно выделялось решение придать институциональный характер «Европейскому политическому сотрудничеству». Предусматривалась специальная процедура, с помощью которой Комиссия по согласованию с Советом получала полномочия выражать позицию ЕЭС по основным проблемам международной жизни. С тех пор применявшаяся практика стала юридически санкционированным обязательством, действующим с момента вступления в силу Единого Акта после завершения процесса ратификации — 1 июля 1987 г.

Широкомасштабная разрядка между Соединенными Штатами и Советским Союзом открыла перед ЕЭС новые возможности для развития интеграции, но в то же самое время потребовала приспособления к новой ситуации в связи с завершением ряда конфликтов в Европе. Единый Акт был переходным документом, который предполагал достижение в дальнейшем еще более амбициозных целей — создание такого экономического и валютного союза, который заложил бы основы для создания политического сообщества. Комиссия под председательством Делора энергично действовала в этом направлении и уже в июне 1989 г. представила соответствующие проекты. Это были весьма важные предложения, потому что они, используя определения, которые уже давно употреблялись в системе сообществ, намечали конкретные условия их трансформации. Речь шла о том, чтобы сделать всеобщей конвертируемость валют, создать условия для эффективной и полной либерализации движения капиталов, установить неизменные фиксированные валютные курсы: два последних условия способствовали созданию европейского экономического и валютного союза.

Эти проблемы обсуждались в обстановке особой эйфории, вызванной падением Берлинской стены и началом процесса объединения Германии. Тогда не все понимали, что эти перемены будут иметь важные последствия и для системы ЕЭС. Но в ситуации тех лет все казалось легко реализуемым, даже возобновление диалога о политическом объединении. Заседание Европейского Со-

вета в Риме 14 декабря 1989 г. завершило подготовку к двум конференциям: об экономическом союзе и о политическом союзе, которые должны были состояться в следующем году. Не вникая в детали переговоров в рамках Сообщества, необходимо, однако, отметить, что они в течение 1991 г. развивались весьма интенсивно в атмосфере оптимизма, царившего тогда в Европе. Эти переговоры привели к соглашению, достигнутому в Маастрихте (Голландия) в ночь с 10 на 11 декабря 1991 г., несмотря на сильное сопротивление британского премьер-министра Маргарет Тэтчер (на смену которой осенью 1991 г. пришел Джон Мэйджер). Два месяца спустя, 7 февраля 1992 г., в том же Маастрихте представители десяти стран ЕЭС подписали текст нового договора, содержащего 252 статьи, 17 протоколов и 31 заявление. В целом, договор составил юридическую основу для создания позднее, в 1999 г., экономического и валютного союза и послужил фундаментом для формирования политического союза, определение характеристик и полномочий которого было отложено до внимательного рассмотрения проблемы в 1996 г.

Благодаря решениям Маастрихта состоялось официальное оформление Европейского Союза — новое название Европейского Экономического Сообщества — ставшего субъектом международной системы. Было ли это победным завершением процесса, начавшегося то ли в 1947, то ли в 1950 г., то ли в 1957 г., или поспешной стабилизацией уже зрелой европейской системы до того, как глобальные перемены повлияют на отношения внутри Европы? Уже создание ЕЭС было большим успехом в рамках западной системы. В период 1957–1992 гг. образовался и сформировался экономический гигант и политический субъект, солидарный с Соединенными Штатами, но потенциально способный соперничать с ними.

Маастрихтские соглашения, процесс ратификации которых завершился в октябре 1993 г., вступили в силу 1 ноября того же года, и для Европейского Союза начался период адаптации к новым институциональным нормам. Этот этап, совпавший с фазой экономического спада, начавшейся в 1992 г., поставил Союз перед решением проблем, порожденных трудностями перехода от старого к новому институциональному устройству. Новый субъект на международной арене не располагал еще ни устойчивостью, ни четкой структурой, подвергаясь воздействию дестабилизирующих центробежных тенденций. Тем не менее ЕС содействовал усилению роли Европы в международной системе рыночной экономики, которую укрепляло общее сознание взаимозависимости основных экономико-политических решений. Именно это делало важным формирова-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

ние, наряду с Соединенными Штатами, субъектов, обладающих достаточными ресурсами для того, чтобы уравновешивать американскую гегемонию и осуществлять координацию через соответствующие образования (как, например, «Группа 7» (G-7), т.е. группа, состоявшая из семи ведущих индустриально-развитых держав — Соединенных Штатов, Японии, Германии, Франции, Великобритании, Италии и Канады). Эти институты были призваны периодически обсуждать проблемы взаимосвязи между политическими и финансово-экономическими решениями в рамках глобальной интегрированной системы, временно определявшейся ориентацией ведущего эктора — Соединенных Штатов. Таким образом, новая Европа, рожденная в Маастрихте, недвусмысленно выражала международное одобрение переговорным механизмам и институтам в управлении существующими в мире структурами (в противовес центробежным тенденциям и националистическим выступлениям).

13.6. Кризис советской системы

13.6.1. «СОЛИДАРНОСТЬ» И КРИЗИС КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В ПОЛЬШЕ

Подъем американской экономики и успехи Европейского сообщества после преодоления спада 1977–1982 гг. с особой силой выявили кризис советской системы в Восточной Европе. Он выражался во внутреннем кризисе, который здесь нет возможности подробно анализировать, но необходимо сделать несколько замечаний. Прежде всего, нарастал внешнеполитический кризис, т.е. расхождение между огромной военной мощью, накопленной Советским Союзом, и все большей экономической отсталостью, которое стало столь очевидным, что фактически парализовало деятельность правительства Москвы и привело к кризису союзнических связей и гегемонии КПСС в системе братских партий Восточной Европы. События, которые оказали непосредственное влияние на всю структуру отношений между странами Варшавского договора, развернулись в Польше с 1980 г. (при знаменательном предвосхищении в 1976 г.).

При анализе этих событий с учетом идеологических и экономических, но, прежде всего, политических аспектов советского кризиса, не следует забывать, что Польша была «жемчужиной» советской империи. Для Сталина контроль над Польшей представлял собой главный политико-стратегический результат войны. Даже преемники Сталина разделяли эту оценку и всегда считали отношения с правительством Варшавы (а затем и с восточногер-

манским правительством) сутью советской политики безопасности. Эти замечания позволяют понять степень озабоченности, с которой Советы относились к переменам в Польше: они были готовы к силовому вмешательству, но внимательно следили за тем, чтобы не сделать ошибочных шагов, которые бы дали нежелательный в стратегическом плане результат. Ситуация в Восточной Европе развивалась очень быстро, и в Москве не сразу почувствовали приближение осложнений.

В Польше между коммунистической партией (ПОРП) и рабочими не было полного организационного и идеологического единения. Польские рабочие, не колеблясь, часто проявляли недовольство, особенно внушительные волны забастовок прокатились в 1970 г. и в 1976 г. Экономическая ситуация в стране серьезно осложнилась, валовой национальный продукт сократился в 1979 г. на 2,3%, а в 1980 г. он уменьшился еще на 4 % и в 1981 г. — на 15 %.

На польский пролетариат большое влияние оказывала католическая церковь, которая уделяла большое внимание тем сферам, в которых правительство предоставляло возможности для папырской деятельности. Поэтому трудно было не заметить, что избрание 16 ноября 1978 г. архиепископа Кракова Кароля Войтылы папой под именем Иоанна Павла II (спустя 456 лет впервые папой стал не итальянец) имело серьезные последствия на родине нового понтифика. Во время визита в июне 1979 г. папы в Польшу, которому правительство не посмело помешать, ему был оказан прием, свидетельствующий о том, что для поляков наступил момент прозрения. Конечно, связывать дальнейшую историю Польши непосредственно с визитом папы было бы неоправданно. Но открытое тяготение движения протеста к католицизму и проявление благочестивого послушания церкви, которого его представители никогда не скрывали, не могут рассматриваться лишь как элементы внешней окраски.

В рабочих низах формировались движения, объединявшие недовольных. Решение правительства поднять на 10% цены на мясо с 1 июля 1980 г. стало искрой, от которой вспыхнуло пламя профсоюзного возмущения. С 7 по 14 августа начались забастовки в Варшаве и других польских городах. 14 августа в забастовочное движение включились рабочие Гданьской судостроительной верфи имени Ленина. Они выдвинули ряд требований, ставших программной основой (21 требование) движения «Солидарность», которое сформировали бастовавшие под руководством электротехника Леха Валенсы, обладавшего ярким красноречием и мобилизующим воздействием. Признание права на забастовку и права на свободу объединения в независимые профсоюзы — таковы были основные требования

су...

рабочих Гданьска. Город Гданьск стал символом движения, распространившегося по всей Польше. 28 августа его рабочие провозгласили всеобщую забастовку. Перед лицом этой угрозы правительство вынуждено было уступить, подписав 31 августа соглашение с рабочими, в первом пункте которого содержалось обязательство признать свободу профсоюзных организаций, т.е. свободу для «Солидарности». Спустя некоторое время первый секретарь ЦК ПОРП Э. Герек был отстранен от власти и ему на смену в сентябре 1980 г. пришел Станислав Кania. Его считали более способным к поискам компромисса с движением, которое охватило всю страну, собрав под свои знамена 10 миллионов поляков, в том числе и членов коммунистической партии.

Успех «Солидарности» был связан с двумя обстоятельствами. Во-первых, компартия находилась в состоянии подавленности и дезориентации. Ее новые руководители проявляли внешнюю готовность к диалогу со свободным профсоюзом. Компартия не могла рассчитывать даже на поддержку вооруженных сил. Генерал Ярузельский, который тогда руководил вооруженными силами, четко заявил представителям Центрального Комитета ПОРП, что армия не будет вмешиваться, чтобы изгнать бастующих рабочих с заводов. У партии не оставалось иной альтернативы, кроме компромисса или советского вмешательства. Польские коммунистические руководители боялись советского вмешательства больше, чем сами свободные профсоюзы. Они признавали необходимость не ставить под сомнение отношения с СССР, но полагали, что силовые действия могут осложнить ситуацию настолько, что станут напрасными все усилия Кани и его соратников по восстановлению контроля над страной. Именно это решение давало «Солидарности» возможности для организации, чего не было ни в Венгрии в 1956 г., ни в Чехословакии в 1968 г.

Во-вторых, успеху «Солидарности» способствовало возрождение сплоченности польской интеллигенции с рабочими, которая была подорвана событиями в послевоенной Польше. Бронислав Геремек и Тадеуш Мазовецкий, ведущие представители диссидентских групп польской интеллигенции, привезли бастующим Гданьска выражение солидарности варшавской интеллигенции, создав тем самым новые прочные и действенные связи с рабочими. С того времени стали формироваться условия для сотрудничества, прошедшего ряд этапов, между свободным профсоюзом, выразителем рабочего класса, и польской интеллигенцией, выразительницей католической мысли, а также либеральных и реформистских взглядов. Это сотрудничество развивалось на протяжении почти всех восьмидесятих годов, преодолев опасности, связанные с гегемонией представи-

телей католицизма, настроенных порой весьма консервативно.

Итак, одновременно развивались два движения: одно, внутри ПОРП, было нацелено на разработку средств восстановления социального контроля; другое, внутри оппозиции, стремилось к укреплению недавно сформировавшихся союзов, чтобы придать им способность к управлению. Реформистское крыло коммунистической партии, представленное Каней, было склонно к «умеренному обновлению», но ему противостояла группа «непримиримых», возглавляемая Стефаном Ольшовским.

В середине июля 1981 г. съезд ПОРП поставил во главе правительства генерала Ярузельского, который, сохранив полномочия министра обороны, продолжил переговоры с Москвой (начатые им летом 1980 г.) о способах и времени введения военного положения. В октябре 1981 г. Каня был смещен со своего поста, первым секретарем ПОРП был избран генерал Ярузельский. Внутри свободного профсоюза также возникла дискуссия между умеренным крылом и сторонниками борьбы с правительством до победного конца. На съезде профсоюза, проходившем в два этапа, 5–10 сентября и 26 сентября — 1 октября 1981 г., доминировало радикальное крыло. Валенса остался во главе «Солидарности», но многие из его окружения ратовали за полную либерализацию режима в антисоветском духе.

Осенью 1981 г. наступил самый сложный для Польши момент. Из Москвы, где еще правил Брежнев, прибыли влиятельные деятели, очень озабоченные положением в стране. Думали ли они о возможности вернуться к «доктрине Брежнева» от 1968 г.? Советское решение было многозначительным. Военное вмешательство против «Солидарности», на котором настаивали правительства Чехословакии и Восточной Германии, потребовало бы отправки 30 дивизий (некоторые полагали 45) в страну, охваченную враждебным движением, в то время как советские силы были заняты в других регионах, прежде всего в Афганистане. Итак, предстоял выбор между разными театрами действий, что выявляло ограниченность возможностей Москвы.

Уже в августе 1980 г. в Кремле была создана комиссия, включавшая идеолога Суслова, Андропова, Громыко и министра обороны Устинова, которой было поручено следить за развитием ситуации в Польше. В декабре участники событий обсуждали способы военного вмешательства, но были блокированы жестким нажимом советника Картера Бжезинского, который обратил внимание Кремля на преимущества сдержанности и высокую цену вмешательства, а также настойчивостью Кани, сумевшего 5 декабря на совещании в Москве убедить Брежнева в возможности

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

решить кризис политическими средствами. Ярузельский, напротив, как только стал премьер-министром, ускорил подготовку переворота, но долго колебался, прежде чем предпринять его, и надеялся, что его решение будет поддержано внушительной советской военной помощью, которую Москва не намеревалась или была не в состоянии предоставить.

Позже польский генерал представлял как свою заслугу, что ответственность за столь трудное решение он взял полностью на себя. Но до сих пор это утверждение вызывает оживленные споры. В конце октября Советы отказались от любого вида вмешательства, что подтверждают и некоторые более поздние документы. В связи с этим представляются необоснованными аргументы, что внутренний переворот был неизбежен, так как необходимо было предотвратить вступление Красной Армии на территорию Польши. В своем выступлении на Политбюро 10 декабря Андропов так объяснил отказ поддержать намерения Ярузельского: «Мы должны подумать о нашей стране». Суслов поддержал его, поскольку считал, что вмешательство нанесет вред политике разрядки: «Для нас невозможно изменить позицию. Мировое общественное мнение не позволило бы нам сделать это». Даже Политбюро должно было считаться с мировым общественным мнением!

Как критически замечает Мастны, польского генерала накануне принятия решения о силовых действиях беспокоила не столько угроза советского вмешательства, сколько уверенность в невмешательстве Москвы. В этой ситуации 13 декабря 1981 г. Ярузельский «с тяжелым сердцем» объявил о своем решении: в Польше было введено военное положение, был образован «Военный Совет национального спасения», во главе которого встал сам Ярузельский. «Солидарность» была объявлена вне закона, а ее лидеры были интернированы. Мастны отмечает, что Ярузельский в тот момент мог только «маскироваться» под спасителя отечества, но на самом деле все было совсем иначе.

Государственный переворот, совершенный внутренними силами, не предотвратил советское вмешательство, потому что оно и не планировалось. Между тем он застал врасплох представителей свободного профсоюза, расстроил ряды оппозиции и на некоторое время привел к установлению порядка в Польше. Для «Солидарности» начался полулегальный период, а иностранные правительства по-разному реагировали на действия Ярузельского. Соединенные Штаты выступали в тот период за разрыв экономических отношений с СЭВ, и польские события послужили основанием для этих требований. Европейцы, более заинтересованные в тесном сотрудничестве с Восточной Европой, понимали усиливающееся там брожение, про-

являли большую готовность к компромиссу: в частности, немцы в тот момент были заняты налаживанием сотрудничества между обеими Германиями.

Между тем «военное положение» могло быть лишь временным решением. Оно показало непрочность едва созданной организации — профсоюза «Солидарность», что было очевидно. Речь шла о том, приведет ли арест 10 000 руководителей к дезорганизации 10 миллионов участников свободного профсоюза. Этого не произошло. На политической сцене оставалась церковь, которая играла посредническую роль в связи с визитом Иоанна Павла II в Польшу, запланированным на август 1982 г.

Постепенно ситуация нормализовалась, и 13 декабря 1982 г. меры военного положения были частично отменены (полностью его отменили 22 июля 1983 г.), Валенса был освобожден, из заключения по амнистии были выпущены другие профсоюзные руководители. Понтифик был приглашен посетить Польшу в июне 1983 г., и во время его второго визита свободный профсоюз фактически продемонстрировал, что его силы оставались внушительными. В более широком смысле можно сказать, что коммунистическая партия и «Солидарность» вели мирную, но упорную борьбу с целью показать подлинные масштабы поддержки, которой обе силы располагали в стране.

В декабре 1985 г. состоялись выборы на основе норм, определенных правящим режимом, генерал Ярузельский стал президентом Республики, и в Варшаве было сформировано гражданское правительство. За кажущейся нормализацией скрывались трудности перехода к новому этапу. Когда результаты политики Горбачева сказались и в Польше, то стало ясно, что операция Ярузельского не удалась. На референдуме, проведенном в ноябре 1987 г., его идеи не получили желаемой поддержки и потерпели поражение. Диалог с оппозицией был восстановлен и продолжался до 1989 года — года, ознаменовавшего переход к новым формам демократии во всей Восточной Европе. На этом этапе правительство пыталось установить новые правила политического сосуществования с «Солидарностью». Был созван круглый стол, который с трудом привел к легитимизации свободного профсоюза и к организации новых выборов в июне 1989 г., которые должны были осуществляться на основе мажоритарного избирательного закона, в соответствии с которым меньшинству отводилось 35 мест в Палате депутатов, выборы же в Сенат должны были проходить на пропорциональной основе.

Настроения поляков в тот момент наиболее ярко отразили выборы в Сенат, где 99 из 100 сенаторов представляли «Солидар-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

ность». В Сейме, Палате депутатов, коммунистическая коалиция добилась незначительного преимущества, но раскололась после выборов, когда Крестьянская партия, которая после 1947 г. была вынуждена пойти на стабильную коалицию с коммунистами, решила выйти из нее. Благодаря этому решению сложилась коалиция между депутатами от «Солидарности» и депутатами от Крестьянской партии, получившая большинство, и в августе 1989 г. под руководством Тадеуша Мазовецкого она сформировала первое послевоенное правительство, в котором премьер-министр не был членом коммунистической партии, хотя в его кабинете еще участвовали 4 представителя ПОРП. Ярузельский был переизбран на пост президента Республики в знак умиротворения и признания оснований (которые тогда мало кто оспаривал) для государственного переворота, совершенного им в 1981 г.

С точки зрения международных отношений польский казус выявил либо намерение Советов допустить «финляндизацию» Польши, чтобы избежать репрессий дорогой ценой, либо неспособность Советов действовать эффективно и сохранить контроль над Восточной Европой. В любом случае это был первый симптом слабости, который, впрочем, не являлся неожиданным.

В годы «Солидарности» в других странах советской системы в Европе условия для перехода к обновлению созревали более медленно. Для всех был характерен экономический спад, т.е. снижение темпов роста национального производства: это было результатом мировой рецессии, а также следствием советского застоя и местных трудностей. В Румынии неограниченная диктатура Николае Чаушеску за фасадом частичной независимости внешней политики от СССР (например, Румыния участвовала в Олимпийских играх в Лос-Анджелесе в 1984 г., отказавшись бойкотировать их вместе с другими странами советского блока) скрывала реальность, абсолютно утратившую социалистический характер и превратившуюся в почти карикатурный культ личности.

Совершенно иная ситуация была в Венгрии, Восточной Германии и Чехословакии. В Венгрии Кадар сумел достичь того, что страна почти забыла 1956 г., и постепенно отладил экономический механизм, отойдя от идеологических догм и поручив управление специалистам-реформаторам, что предотвратило, по крайней мере, до 1981 г. возрождение влиятельных оппозиционных движений, а затем помогло осуществить бескровный переход к демократии. Постепенно, благодаря ряду политико-экономических мер, венгерская экономика была открыта для контактов с мировой экономикой; политические инициативы позволили возродить ценности, ранее принесенные на алтарь сплоченности. Фигура Надя была реабилитиро-

вана, а сам Кадар частично отказался от центральной роли в политике.

В июле 1987 г. была осуществлена перестановка в правительстве, в результате которой премьер-министром стал Кароль Грос. Он никогда не отличался реформаторским пылом, и в ответ на критику в печати своей деятельности попытался ограничить ее рамками, установленными правительством. Но это был ошибочный расчет. Брожение, которое охватило общественное мнение и определенные группы венгерского общества, выходило из-под контроля консервативных сил. В сентябре был создан «Демократический форум», первое организационное ядро оппозиции. В 1987–1989 гг. события развивались очень быстро. Лишенный поддержки со стороны Горбачева, Кадар после организационной конференции 20–22 мая 1988 г. должен был отказаться от руководства Венгерской социалистической рабочей партией (компартией), оставив Гросу пост первого секретаря, к тому же ему пришлось согласиться на включение видных реформистов в руководство партии. Однако это были запоздалые меры. Политические силы теперь уже больше ориентировались на другие организации, более или менее нелегальные, но которые правительство по необходимости терпело.

В 1989 г. Венгрия тоже была готова перейти к плюрализму. Коммунистическая партия (которая стала называться социалистической) была вынуждена 18 сентября пойти на соглашение с частью оппозиции и провести в ноябре референдум, который открыл дорогу к демократическому правлению и за которым последовали выборы в два тура, назначенные на март и апрель 1990 г. Результат этих выборов подтвердил размах происходящих перемен. «Демократический форум» завоевал 165 депутатских мест из общего числа 386. Остальные места достались таким партиям, как бывшая коммунистическая партия, которая получила лишь 8% голосов и 33 места.

В Чехословакии действовали с большой осторожностью. Слишком болезненными были воспоминания о недалеком 1968 годе и о репрессиях против «Хартии-77» — группы интеллектуалов, возглавляемой Вацлавом Гавелом. Настроения протеста росли, не прорываясь наружу, как будто в ожидании внешнего толчка или инициативы со стороны самого правительства. И действительно, инициатива пришла извне благодаря сотрудничеству между Горбачевым и чехословацким премьер-министром Любомиром Штроугалом, который представлял умеренное крыло правительства в противовес ортодоксам во главе с Василем Биляком. После визита советского лидера в Прагу в апреле 1987 г. ситуация стала понемногу меняться. Недо-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

вольство постоянными репрессиями против любых форм протеста было снято решительным заявлением Горбачева о необходимости реформировать методы управления в социалистическом государстве. В связи с этим возник спор. Произошла мобилизация общественного мнения. Сотни, а затем и тысячи демонстрантов стали собираться в месте традиционного проведения пражских манифестаций — на площади Святого Вацлава.

В декабре даже самые непримиримые противники нового поняли, что поворот неизбежен. 17 декабря Генеральный секретарь партии Густав Гусак был смещен со своего поста и ему на смену пришел Миклош Якеш. Он не меньше, чем его предшественник участвовал в репрессиях, прошедших после «Пражской весны», и вместе с тем формально он был менее скомпрометирован, так что смог выступить в роли вершителя перемен, политика, проводившего экономические и политические реформы. Движение «Хартия-77» вновь заявило о себе и в 20-ю годовщину в 1968 г. организовало мощные мирные демонстрации, которые получили самый широкий отклик и продолжали пользоваться поддержкой в течение всего 1989 г. В конце ноября 1989 г. коммунистическая партия поняла, что не в состоянии дальше контролировать ситуацию. И тогда то ли в связи с колебаниями коммунистов, то ли благодаря смелости оппозиции вокруг Вацлава Гавела (который еще год назад находился в заключении за антигосударственную деятельность) сформировалось временное коалиционное правительство без участия коммунистов, которое выдвинуло Гавела на пост президента республики. Так свершилась «бархатная революция».

Коммунистическая партия пыталась сохранить свои позиции в административных структурах вплоть до выборов в июне 1990 г., когда она потерпела полное поражение и победу одержал «Гражданский форум», в который вошли различные демократические течения. При президенте Гавеле произошло политическое восхождение Александра Дубчека, избранного председателем чехословацкого парламента: частично ради сохранения традиции либерального коммунизма, частично ради удовлетворения надежд словаков. Во время совещания представителей стран Варшавского договора в декабре 1989 г. пять стран, участвовавших во вторжении в Чехословакию в августе 1968 г., заявили, что это было «незаконной акцией», и таким образом фактически дезавуировали доктрину Брежнева. К этому Советы в одностороннем порядке добавили заявление, в котором утверждалось, что вторжение 1968 г. было необоснованным и что это решение было «ошибкой».

Наиболее серьезные последствия, чреватые особыми осложнениями в международном плане, польские события вызвали в Гер-

мании. Первой реакцией режима Хонеккера было опасение заразительности польского казуса для Германии (многие прецеденты подтверждали эту возможность). В октябре 1980 г., некоторое время спустя после Гданьских соглашений, правительство Панкова неожиданно объявило о значительном увеличении количества западных марок, которые посетители Восточной Германии должны были обменивать на каждый день визита. Только после «государственного переворота» Ярузельского Хонеккер почувствовал себя несколько более спокойно и смог вновь возобновить контакты с западными немцами.

Но, как часто бывает в таких случаях, только победа в Западной Германии христианских демократов над социал-демократами на выборах в 1982 г., которая привела к власти Гельмута Коля на смену канцлеру Шмидту, смягчила недоверие: идеологическим противникам легче договориться, чем родственникам, которых разделяют принципиальные разногласия. Отношения между Колем и Хонеккером развивались интенсивно, что практически превратило коммунистическую Германию в важного экономического партнера Федеративной Германии. В июне 1983 г. немецкие банки согласились под гарантию федерального правительства предоставить Восточной Германии заем в миллиард марок, год спустя последовал еще один кредит в 950 млн западных марок. При этом было выдвинуто условие, чтобы правительство Панкова изменило свою политику в области прав человека и контроля над восточными немцами, которые стали обращаться с просьбами о предоставлении политического убежища в посольства Федеративной Германии, расположенные в Австрии или в Венгрии.

Все это происходило в то время, когда отношения Восток-Запад переживали наиболее острый кризис вследствие спора о «евроракетах». Много лет Хонеккер планировал визит в Западную Германию, но не мог его предпринять, пока были живы Андропов и Черненко. Только с приходом к власти Горбачева Хонеккер прибыл в 1987 г. с визитом в Западную Германию и, частности, в Саар, на свою родину, и был повсюду принят очень тепло. Все это не перечеркнуло различия и недоверие между обеими Германиями и, более того, лишь способствовало нарастанию советской угрозы (но также и угрозы со стороны западных держав) сближению между Германиями, полезному для немцев, но отягощенному тяжелыми воспоминаниями для их соседей. С другой стороны, прагматизм Бонна должен был продемонстрировать преимущества сотрудничества и различие между ситуациями в двух Германиях. Восточная Германия понимала, что, будучи самой богатой в советском блоке страной, она находилась на положении развивающейся страны в

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

сравнении с Западной Германией. В эпоху быстрой смены настроений масс и увеличения возможностей необычайно легко устанавливать личные или опосредованные (например, с помощью телевидения) связи эта открытость контактам подорвала положение правительства Хонеккера, вырыв яму, в которую в 1989 г. с треском провалился коммунистический режим.

***13.7. Внесистемные изменения:
война Иран–Ирак***

Наблюдались схожие тенденции с различными последствиями: обе сверхдержавы должны были ответить в рамках своих интегрированных систем союзов на новый вызов, который поставил под сомнение их способность удерживать под контролем саму систему. Если в странах Запада это вызвало рост конкуренции, то в Восточной Европе это привело к выявлению в советской системе глубоких трещин и зародило сомнения в возможностях Советского Союза обеспечить сплоченность своих союзников. Именно эти внутренние трудности уменьшили потенции как американцев, так и Советов контролировать страны, расположенные на периферии системы; они вынуждали сверхдержавы смириться с переменами, выявившими пределы их возможного вмешательства, даже когда подобные перемены касались основных интересов или традиционных союзов. Способность осуществлять глобальный контроль, которую движение неприсоединения длительное время пыталось безуспешно поколебать, с конца шестидесятых годов оказалась значительно ограниченной.

Был ли это сигнал возврата к полицентризму или сбой в системе биполярного контроля? В течение нескольких лет советский кризис продемонстрировал, что ни одна из этих двух гипотез не имеет основания, что началось разрушение структуры международной системы и наступил переходный этап с непредсказуемыми последствиями. В игру включились новые переменные величины, вызвав более глубокие изменения, чем можно было предвидеть. В новых кризисных сферах возникала совершенно новая реальность, которую почти никогда нельзя было реинтегрировать в систему отношений, проверенную опытом или скрепленную однородностью экономических структур.

Первый по времени из этих кризисов охватил в 1979 г. иранскую монархию. На политико-экономический кризис впервые в современную эпоху наложился религиозный фактор. Религиозная революция стала новым явлением во всем исламском мире, это была реакция религиозной веры с ее ценностями и священными

книгами на идеологию современного общества и, в еще большей мере, на изменения, вызванные социальной модернизацией, которая не отвечала ожиданиям верующих в Аллаха шиитов и суннитов. Эти два направления в исламе имеют разный вес в мусульманском мире, но их политическое влияние не пропорционально численному соотношению. Около 90% верующих мусульман принадлежат к суннитам (от арабского «сунна» — привычка или обычай), и только 10% — к шиитам (от арабского «шиа» — секта). Они, в основном, сконцентрированы в Иране (где почти все мусульмане являются шиитами), а также рассеяны в Азербайджане, Ираке, в некоторых странах Персидского залива, в Сирии, в Ливане и в Центральной Азии.

По своему происхождению, условиям существования и по своей интерпретации учения Магомета, который в Мекке был защитником бедных и неимущих, шииты были авангардом в борьбе против привилегий и угнетения, а, следовательно, в борьбе против власть имущих (в Иране это был режим шаха) за утверждение подлинного учения Корана. Для суннитов, которые, напротив, были сторонниками сохранения обычаев и преимущественно устоявшейся религиозной практики, отношения с политикой сводились к сохранению традиционных религиозно-социальных институтов. Сунниты восхваляли уважение к религиозно-политической власти; шииты повиновались религиозным властям в социально-политических вопросах.

Это замечание помогает понять ход иранской революции. Шах Реза Пехлеви II правил с 1941 г. и пережил немало трудных моментов. Вследствие кризиса, связанного с отставкой правительства Мосаддыка в 1953 г., он был вынужден опираться на союз с Соединенными Штатами, который обеспечил ему продолжение правления. Доход от нефти дал шаху возможность превратить иранскую армию в самую сильную на Ближнем Востоке и попытаться модернизировать администрацию страны, что вызвало глубокое недовольство в разных слоях иранского общества, в частности среди мелкой буржуазии, торговцев и студенчества.

В 1971 г. он праздновал в Персеполе (близ Шираза) тридцатилетие со дня коронации и присвоил титулы «царь Вавилона, царь стран» и провозгласил себя наследником древней традиции Великого Кира II, правившего по божественному праву. Хотя показная демонстрация мощи произвела некоторый эффект в определенных слоях мирового общественного мнения, она вызвала раздражение в исламском религиозном мире, который никогда не был близок к шаху и усмотрел еретические намерения в претензиях стать выше учения Аллаха. Последствия этих противоречий

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

стали заметны не сразу, потому что война Судного дня 1973 г. и санкции против западных держав превратили Иран в ценного поставщика нефти, ставшего еще богаче, поскольку шах одним из первых потребовал повышения цен на сырье. Он получил поддержку Соединенных Штатов, которые, стремясь не допустить контроля Советов над Ближним Востоком, были весьма благосклонны к запросам на поставки вооружения, поступавшим из Тегерана.

Чтобы не допустить проникновение Советов, считал тогда Киссинджер, необходимо было проводить следующую политику: либо вооружить местные антикоммунистические силы, либо направить в регион американский экспедиционный корпус. Киссинджер писал по этому поводу в своих мемуарах: «Послать американские силы в регион Индийского океана в разгар войны во Вьетнаме не было никакой возможности, поскольку Америка была травмирована войной... Вакуум, оставшийся после ухода Великобритании, создавал угрозу советского проникновения; с момента радикализации ситуации его требовалось заполнить благоприятно настроенной к нам местной силой. Ирак не решился бы предпринять рискованные действия против Арабских Эмиратов Залива, Иордании или Саудовской Аравии. Более сильный Иран пресек бы попытки Индии завоевать весь Пакистан. Все это можно было бы сделать без мобилизации американских ресурсов, потому что шах готов был платить за вооружения поступлениями от продажи нефти».

Эта цитата очень красноречива, потому что показывает, как поощрялось появление независимого субъекта, еще находившегося внутри американской системы; красноречивость цитаты заключается также в том, что она раскрывает стратегическое значение роли Ирана. Оптимизм и опасения стран, граничащих с Ираном, в связи с возникновением новой военной державы развеялся, так как в Иране разразился кризис. Шах столкнулся с нарастающим недовольством масс. В ответ он предпринял военные меры, а часть мусульманского духовенства в результате преследований эмигрировала за границу.

Среди находившихся в изгнании был улем (мусульманский богослов, толкователь принципов исламской науки и веры), который не входил в число самых авторитетных специалистов по религиозной доктрине, однако был одним из тех представителей шиитского духовенства, которые вели самую непримиримую политическую борьбу против шаха. Речь идет об аятолле (буквально «Божественное знамение», высшее духовное звание шиитов) Рухолле Хомейни, который своими проповедями против режима шаха, воодушевлял верующих. Пока его призывы к свержению

шаха звучали только в изгнании, их влияние было ограниченным, но их воздействие резко возросло, когда Хомейни, используя современные технологии, стал отправлять на родину кассеты со своими речами, которые расходились по всей стране с невероятной скоростью, благодаря легкости и быстроте их воспроизведения.

В начале 1979 г. большая часть иранского духовенства в той или иной мере участвовала в борьбе против шаха Реза Пехлеви. Конечно, стимулом антишахских проповедей были причины не только религиозного характера. Исламский фундаментализм нельзя оценивать в отрыве от социальных условий различных стран, но повсюду заставлявших ставить вопросы о справедливости. Марксизм, пропитанный атеизмом, не мог служить средством решения этих проблем, и, тем не менее, в исламском мире движение против власти, союзницы Соединенных Штатов, не могло не почувствовать притягательности социалистических идей. Лозунги перемен, характерные для исламских проповедей, были и являются предметом широкого обсуждения. Возникает вопрос, вырабатывают ли религиозные доктрины социального реформизма рецепты, пригодные лишь в каждом отдельном случае. В отношении Ирана трудно сказать, что реформизм Хомейни пошел дальше уже укоренившегося патернализма. Потенциально ему предстояло столкнуться с более передовыми идеями других политических и религиозных деятелей Ирана; тем не менее борьба против шаха была объединяющим стержнем, который обеспечивал Хомейни руководящую роль в развитии ситуации в стране.

В феврале 1978 г. начались массовые демонстрации в священном иранском городе Кум. Они распространились по всей стране, и даже репрессии не могли их остановить. В январе 1979 г. Реза Пехлеви признал, что он не в состоянии контролировать ситуацию и покинул родину. Месяц спустя Хомейни с триумфом вернулся в Иран. Начался короткий переходный период, когда шах не отрекся официально от престола и, более того, обещал вернуться. Это грозило повторением событий 1953 г. Временное правительство, руководимое умеренным представителем оппозиции Шахпуром Бахтияром, было свергнуто и заменено правительством во главе с Мехди Базарганом, осторожным сторонником Хомейни. Он управлял Ираном до референдума, состоявшегося в ноябре 1979 г. и провозгласившего Иран Исламской республикой.

С тех пор и до смерти Хомейни 3 июня 1989 г. перемены в Иране происходили в соответствии с указаниями влиятельного религиозного проповедника. На политическую жизнь страны оказывала воздействие также и глухая борьба ортодоксальных сторонников Хомейни и политических деятелей, лояльных в от-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

ношении нового режима, но более восприимчивых к современному прагматизму. Оппозиционеры как внутри страны, так и в эмиграции, независимо от их политических убеждений подвергались систематическим преследованиям. Почти 10 000 иранцев были казнены и около полумиллиона бежали из страны. После смерти Хомейни и борьбы с ортодоксальными сторонниками сохранения его наследия властителем страны стал председатель парламента Али Абкар Хашеми Рафсанджани, который сумел частично смягчить некоторые стороны режима аятоллы, поддерживав политический курс на сохранение полной независимости.

Потеря такого союзника как Реза Пехлеви подрывала влияние Соединенных Штатов в регионе. Еще более тяжелым оказался удар, нанесенный исламскими студентами, которые в день американского праздника 4 ноября 1979 г. захватили посольство Соединенных Штатов в Тегеране в качестве протеста против предоставления американским правительством убежища шаху, который прибыл в октябре в Нью-Йорк для лечения в больнице от смертельной болезни. Студенты 444 дня удерживали в посольстве 50 заложников. Безуспешная попытка освободить заложников, предпринятая американцами, осложнила мирное решение вопроса и способствовала поражению Картера на выборах. Но она показала, что между двумя странами возникла преграда, которую при взаимном недоверии можно было устранить только постепенно. В плане международной политики Иран не поддавался прогнозированию; советское вторжение в Афганистан также свидетельствовало об опасности распространения исламского фундаментализма.

Иранская революция была дестабилизирующим фактором также еще и потому, что могла стать опасным примером для других исламских обществ, в особенности для стран, управляемых светскими партиями, но, прежде всего, она грозила распространиться на ближайшие к Ирану страны, а также на те, где имелись шиитские меньшинства, в первую очередь — на Ирак. Багдад десятилетиями терпел политическое господство Ирана. В марте 1975 г. две страны заключили договор, который предусматривал взаимное невмешательство во внутренние дела (это было важно для установления контроля над курдским меньшинством) и признавал, что граница между двумя странами проходит по тальвегу реки Шатт-Эль-Араб, т.е. по наиболее глубокой срединной линии дельты Тигра и Евфрата. Этим решением иракцы были недовольны, поскольку видели в нем подтверждение господствующего положения Ирана в Персидском заливе, чему способствовал его косвенный контроль над эмиратами Залива и над независимым островом Бахрейн.

Сильный лидер Ирака премьер-министр Саддам Хусейн посчи-

тал, что внутренние трудности Ирана, вызванные революцией, создали удобный момент для сдерживания шиитской революции, решения вопроса о границе по реке Шатт-Эль-Араб и изменения ситуации в пользу Багдада. Он надеялся изменить соглашения от 1975 г., добиться полного контроля Ирака над всей рекой и установления собственной гегемонии в регионе.

В сентябре 1980 г. иракцы вторглись в Иран вдоль всей границы, планируя быстрое наступление на Тегеран. Однако медленное продвижение военных и ошибка в расчетах Багдада, делавшего ставку на неготовность иранской армии, привели к провалу замысла. Вооруженные силы Ирана, хотя и были связаны с шахскими традициями, не распались после революции. Оставалось значительное число офицеров среднего звена и солдат, а также высших офицеров, способных реформировать самую сильную армию в регионе. Кроме того, была мобилизована и «революционная гвардия», т.е. добровольческие формирования, поддерживавшие революцию, которая насчитывала более 300 000 человек и своим религиозным рвением воодушевляла военных. На первом этапе войны иракские силы проникли на несколько десятков километров вглубь иранской территории, но, столкнувшись с мощным сопротивлением противника, были блокированы на много месяцев на позициях, занятых в 1980 г. Контрнаступление иранской армии, два года спустя, привело к возврату почти всех утраченных территорий и к тяжелым потерям со стороны иракских сил.

Война протекала почти при полном равнодушии других стран. Но, конечно, о ней не забыли израильтяне, которые считали, что конфликт между исламскими государствами способствовал их безопасности. Не забыли о войне и соседние страны: Ливия и Сирия поддержали Иран, а Саудовская Аравия и Арабские Эмираты Залива встали на сторону Ирака, что свидетельствовало о расколе в арабском мире. Эмираты, обеспокоенные ростом военно-политической напряженности в регионе, решили 26 мая 1981 г. учредить координирующий орган, названный Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива, в который вошли Саудовская Аравия, Катар, Кувейт и Бахрейн.

Ведущие державы извлекли свою выгоду из конфликта, так как обе воюющие стороны стали крупными покупателями самого современного оружия, поставлявшегося Соединенными Штатами и Советским Союзом, а также другими странами, которые неустанно заявляли о последовательном миролюбии своей внешней политики. Вмешательство Соединенных Штатов имело важное значение, когда правительство Кувейта заявило об опасности, уг-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

рожавшей его нефтеналивным судам со стороны воевавших стран. Американцы решили поднять свой флаг на кувейтских судах, получив, таким образом, возможность организовать их военное сопровождение, а также направить американский военно-морской флот в Персидский залив. Но помощь обеим воюющим сторонам посылали соответственно обе сверхдержавы.

Во время войны было использовано также и химическое оружие. В марте 1988 г. Ирак предпринял химическое нападение на город Халабджа, расположенный на иракской территории, но населенный курдами, враждебными Хусейну. Погибли 5 000 человек, но это были только первые жертвы из огромного числа погибших вследствие применения химического оружия, которое Ирак продолжал использовать в войне с Ираном.

Применение подобного оружия и военные успехи иракцев, которые почти вышли к довоенным границам, убедили обе стороны в невозможности продолжать войну. Хусейн предложил перемирие при гарантиях Организации Объединенных Наций в 1987 г., когда военная ситуация была еще благоприятна для Ирана. Совет Безопасности под влиянием держав, опасавшихся роста напряженности в Персидском заливе и неблагоприятных последствий для торговли нефтью, одобрил в июле 1987 г. резолюцию, в соответствии с которой воюющие стороны должны были немедленно прекратить военные действия и вернуться на исходные позиции. Хомейни в ответ потребовал репараций и возврата к *статус кво*. В 1988 г. аятолла, понеся крупные потери вследствие иракского наступления, понял, что бесполезно продолжать войну, которая грозит истощением иранских ресурсов и препятствует реализации других планов исламского режима. Он принял 18 июля 1988 г. мирные предложения Организации Объединенных Наций, вступившие в силу 20 августа после прибытия небольшого числа наблюдателей ООН за реализацией мирных соглашений.

Таким образом, Ирак вышел из войны, не добившись поставленных целей, но он занял достаточно сильные позиции, вынудив Хомейни пойти на нежелательный мир. К тому же признание Ираном резолюции ООН было связано с тем, что война тяжелым грузом давила на страну, ослабляла ее потенциал и вела к резкому ухудшению условий жизни, в то время как режим Хомейни обещал добиться совсем иных результатов. Престиж победителя достался Саддаму Хусейну, и он использовал его, чтобы добиваться новых амбициозных целей.

13.8. Китай: от ортодоксальности к экономическому развитию

13.8.1. СМЕРТЬ МАО ЦЗЕДУНА И ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ

Китайско-американское сближение 1971–1972 гг. стало возможно благодаря возврату к старой традиции совпадения интересов в связи с существованием общего врага — Советского Союза. Этот негативный стимул усилился после вторжения СССР в Афганистан, которое подтолкнуло американцев незамедлительно (5–9 января 1980 г.) отправить в Пекин министра обороны Гарольда Брауна с целью начать диалог по вопросам безопасности в Азии, который был непосредственно связан с советской акцией. Сотрудничество стало еще более тесным, когда Соединенные Штаты объявили в конце января о своем решении продать Китаю «оборонительные» вооружения. Одновременно дипломатические отношения, которые оставались только на уровне *де факто*, были нормализованы. Произошло официальное дипломатическое признание с отправкой послов в соответствующие столицы. Между тем этап интенсивного развития двусторонних отношений сменился коротким периодом охлаждения и недоверия.

Во время предвыборной кампании 1980 г. кандидат от республиканской партии Рейган резко критиковал «*Taiwan Relations Act*», пытаясь вынудить китайских националистов смириться с официальным разрывом отношений с Соединенными Штатами и с отказом Вашингтона от договора о взаимной обороне 1954 г. При этом американцы обязывались продолжать оказание военной и экономической помощи в соответствии с нормами, которые предстояло выработать. Рейган осудил постыдное предательство старых союзников и обещал, что, в случае своего избрания, ответ решения Картера. Став президентом, Рейган не выполнил свои предвыборные обещания. Тем временем между Народным Китаем и Соединенными Штатами наступил период охлаждения, что, впрочем, отвечало намерению китайцев не провоцировать открыто СССР и не препятствовать советским усилиям (сентябрь 1981 г.) смягчить конфликт с Китаем, возобновив переговоры о пограничных вопросах.

Между тем американо-китайское охлаждение означало лишь то, что наступил период выжидания. В своей дипломатической войне против «империи зла» Рейган нуждался в сотрудничестве с Китаем, в то время как китайцы, в свою очередь, испытывали

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

потребность в американской помощи для успешной реализации своих усилий по проведению экономической реформы. Поэтому через несколько лет дружественная атмосфера была полностью восстановлена.

Тем временем завершилась борьба за наследование после смерти в 1975 г. Чжоу Эньлая, а затем и Мао Цзедун в сентябре 1976 г. Главной участницей схватки стала предполагаемая наследница «культурной революции» так называемая «банда четырех», во главе которой стояла жена Мао-Цзян Цин. Вместе с тем Мао реабилитировал деятелей, изгнанных во времена «культурной революции», прежде всего наиболее прагматичного политика Дэн Сяопина, который, вернувшись к власти, выдвинул теорию «четырех модернизаций» (науки, промышленности, экономики и вооруженных сил) как средство восстановления хозяйства после ущерба, нанесенного в годы правления экстремистов.

После смерти Чжоу руководство Коммунистической партией было временно поручено менее известному деятелю, бывшему министру обороны Хуа Гофэну, который получил поддержку Дэна. Последний предпочитал держаться в стороне, чтобы не вызывать враждебности у своих оппонентов, обеспокоенных народными демонстрациями, которые поддерживали его программу «модернизаций». Со смертью Мао, наступившей 13 сентября 1976 г., ситуация стала проясняться: умеренные деятели, разделявшие позиции Дэна, пошли на союз с Хуа Гофэном, ставшим премьер-министром со всеми полномочиями, и вместе вступили в борьбу с экстремистской группой, возглавляемой «бандой четырех». Цзян Цин и ее товарищи были арестованы по обвинению в причастности к неудавшемуся государственному перевороту, который в 1971 г. пытался совершить Линь Бяо. В 1980 г. они были отданы под суд, приговоривший некоторых из них к смертной казни, замененной пожизненным заключением.

13.8.2. ДЭН СЯОПИН: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ

Тем временем Дэн Сяопин полностью восстановил контроль над ситуацией, сумел избавиться от Хуа Гофена и при содействии нового генерального секретаря Коммунистической партии Китая Ху Яобана начал осуществлять некоторые изменения в области внешней политики. В 1978 г. он отказался от маоистской политики в сфере сельского хозяйства и обратился к новым концепциям,

которые основывались на стимулировании индивидуального и семейного производства, на включении сел и деревень в рыночную экономику, из которой были изгнаны сельские партийные кадры.

Эта новая сельскохозяйственная стратегия сопровождалась грандиозным экспериментом — проведением всеобщей экономической реформы, созданием (1980–1984 гг.) «особых экономических зон», где рыночная экономика внедрялась и в сфере промышленного производства. Экономический эксперимент осуществлялся в жестко ограниченных политико-административных рамках в соответствии с «четырьмя основными принципами» китайского государства: социалистический характер государства; правящая роль Коммунистической партии Китая; народно-демократическая диктатура; марксистско-ленинское и маоистское учение. Иначе говоря, свободный эксперимент мог осуществляться в определенных рамках, не ставя под сомнение руководящую роль КПК (идеологические аспекты не имели значения для такого прагматика, как Дэн).

Экономические реформы быстро дали ощутимый эффект. Впервые сельскохозяйственное производство превысило потребности, связанные с демографическим ростом, оно стало сопоставимо с производством в других самообеспечивающихся странах и смогло гарантировать более высокий уровень жизни (при этом проводилась жесткая демографическая политика ограничения рождаемости. Благодаря этим переменам в области сельского хозяйства начался процесс, завершение которого продолжалось в 2000 г.; его результатом должно было стать перераспределение китайского населения из сельскохозяйственных районов (особенно из менее развитых) в разные по масштабам поселения городского типа. В торгово-промышленном отношении реформы породили бурный рост и привели к необычайным достижениям. Темпы валового национального производства увеличились на 9% в год и достигли устойчивого роста свыше 14%.

Наибольшие трудности этого процесса были связаны с острыми противоречиями между экономическими переменами и надеждами на политические перемены. Движение за политические реформы вспыхнуло с небывалой силой в 1989 г. и достигло кульминации 4 мая, когда должны были состояться назначенные правительством празднования годовщины студенческих волнений 1919 г., в результате которых и была создана КПК. Около 100 000 диссидентски настроенных студентов собрались 4 мая 1989 г. на главной площади Пекина Тяньаньмэнь с молчаливым требованием реформ и в ожидании Горбачева, который должен был прибыть 15 мая с визитом уже не как враг, а как олицетворение реформ.

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

Это был вызов господству партии, который ставил под вопрос позиции руководящей группы в Китае. День за днем толпа росла, превращая площадь в огромный лагерь, вместивший около миллиона человек. Но 18 мая, когда Горбачев закончил свой визит, правительство перешло в контрнаступление. Чжао Цзыян, генеральный секретарь компартии, безуспешно пытался убедить студентов разойтись. Ему также не удалось добиться согласия правительства пойти на компромисс; ситуация ускользала из-под контроля властей. Чжао сделали козлом отпущения и сместили с поста генерального секретаря. В то время как Дэн оставался за кулисами, руководя выработкой решений партии, премьер-министр Ли Пэн обратился к студентам с суровым предупреждением. 20 мая было объявлено осадное положение, и к 4 июня студенты были удалены с площади силой. В те дни состоялось несколько острых столкновений, которые привели к гибели 3000 человек.

Затем правительство приступило к чистке, чтобы устранить всех зачинщиков беспорядков. Но экономические реформы не были прерваны: история рыночной экономики учит, что экономический рост может иметь место и при авторитарном режиме.

В плане международных отношений политика модернизации требовала устранения ненужной напряженности. Правительство Пекина, отказавшись от силовых решений, восстановило в 1982–1984 гг. добрые отношения с Соединенными Штатами и начало в 1981 г. переговоры с СССР. В Пекине считали, что три проблемы препятствовали полной нормализации отношений с Советами: их вторжение в Афганистан, вьетнамское вторжение в Камбоджу и присутствие советских войск и ракет на границе с Китаем. Относительно Соединенных Штатов, Пекин был очень озабочен тем, что рост американских финансовых инвестиций в связи с происходящими экономическими переменами может содействовать развитию тенденций «буржуазного либерализма», первые признаки которых уже проявились. Кроме того, программы перевооружения, осуществлявшиеся Рейганом, заставляли Китай разделять опасения Советского Союза.

Ко всему вышесказанному добавлялась озабоченность КНР в связи с особым положением Гонконга. Это была цитадель капитализма на китайской территории, а также пункт пересечения финансовых интересов азиатских стран; кроме того, здесь находилась британская колониальная администрация, с которой предстояло выработать соглашение ввиду истечения срока аренды Великобританией управляемой ею территории, учитывая при этом озабоченность англичан относительно будущего Гонконга. Это

соглашение было подписано в 1984 г. и предусматривало мирное возвращение Гонконга Китайской Народной Республике в 1997 г., что и произошло; при этом гарантировалось сохранение на этой территории в течение длительного времени британских учреждений, признавался особый характер существовавших там капиталистических экономических институтов; иными словами, констатировалось, что Гонконг будет продолжать играть роль канала, через который иностранные финансы будут поступать в Китай, в частности в Южный Китай.

Приход к власти Горбачева и новый курс в советской внешней политике изменили основы, на которых строились отношения Китая со сверхдержавами; была устранена зависимость от биполярного противостояния, и КНР вновь обрела способность разрабатывать в соответствующее время и соответствующим образом собственную внешнюю политику в новой системе международных отношений. Изменения в советско-американских отношениях отразились на позиции Китая, придавая ей более стабильный характер.

Горбачев, признавая Китай социалистическим государством, отказался от идеологических мотивов, служивших причиной раскола между Москвой и Пекином; его политика разрядки дополнила намечавшуюся картину. Вывод советских войск из Афганистана (февраль 1989 г.) устранил одну из причин существовавших разногласий; экономический коллапс Вьетнама и начало переговоров по решению камбоджийской проблемы элиминировали вторую причину. Крах Советского Союза мог вызвать некоторую озабоченность в Китае, но не настолько, чтобы взвалить ответственность на новую Россию.

Наступил этап нормализации отношений и с Соединенными Штатами, так как они больше не находились в зависимости от чрезвычайных критических ситуаций. Только кризис, вызванный событиями на площади Тяньаньмэнь, вызвал охлаждение к Китаю. Американцы обвиняли китайцев в нежелании проводить политические реформы и в осуществлении жестоких репрессий. Американское посольство стало прибежищем для некоторых диссидентов, которым грозила наибольшая опасность, прежде всего для астрофизика Фан Личжи. Но подлинного разрыва удалось избежать, потому что тем временем президентом Соединенных Штатов был избран Джордж Буш, хорошо известный в Китае, поскольку долгие годы был в Пекине руководителем бюро американо-китайских связей до установления полномасштабных дипломатических отношений.

Буш публично присоединился к осуждению китайского пра-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

вительства, но в тайне он дал понять китайцам, что не намерен слишком усердствовать в этом направлении. Дважды после кризиса, вызванного событиями на Тяньаньмэнь, он направлял в Пекин Брента Скоукрофта, авторитетного члена Совета национальной безопасности, с целью избежать ухудшения ситуации в связи с публичной полемикой. Кроме того, Буш пытался, но безуспешно, предотвратить отклонение Конгрессом закона о предоставлении Китаю режима наибольшего благоприятствования в торговле. С другой стороны, китайцы дали почувствовать Бушу свое расположение и в декабре 1990 г. разрешили заместителю госсекретаря по вопросу о правах человека Ричарду Шифтеру посетить Пекин, чтобы разъяснить точку зрения правительства Вашингтона. Китайцы намеревались постепенно пойти на небольшие уступки по этой проблеме, как, например, разрешить отъезд Фан Личжи в Соединенные Штаты.

*13.9. Восточная Азия
и индийский субконтинент*

*13.9.1. ЯПОНИЯ В СЕМИДЕСЯТЫЕ
И ВОСЬМИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ*

При общем широком изложении невозможно подробно рассмотреть интенсивные перемены восьмидесятых годов в странах Восточной Азии и субконтинента Индостан. Их объединяет возрастание стратегического значения и экономического веса в глобальной системе международных отношений. Даже не прибегая к обобщениям, очевидно, что ареал Тихого и Индийского океанов перестал быть огромной зоной отсталости, непредсказуемой периферией индустриально развитой системы и становился — или вновь становился — регионом, вокруг которого концентрировались растущие политико-экономические интересы множества стран. Здесь пересекались мощные потоки различных интересов, что превращало внутреннюю жизнь и международные отношения каждой страны этого региона в один из важнейших аспектов современного мира.

В центре этого подъема — рост политического веса Японии; на периферии располагаются страны АСЕАН или связанные с ними, так называемые *новые индустриальные страны*, в то время как в Индии ситуация полна противоречий. В годы войны во Вьетнаме для Соединенных Штатов возросло значение союза с Японией. Общая политика диалога с Китаем и одновременно «сдерживания» Советского Союза была направлена на достижение единой внешнеполитической цели. Соединенные Штаты оказывали давление, чтобы единство цели касалось и военной области, так как Япония придер-

живалась иных взглядов в вопросах перевооружения. История сыграла интересную шутку с Вашингтоном, так как именно США, которые в 1945 г. настаивали на том, чтобы Япония включила в конституцию статьи, направленные против перевооружения, теперь хотели, чтобы правительство Токио избрало другой путь.

Причина стремления к общей позиции в этом вопросе была ясна: как же такой экономический «гигант», не обремененный военными расходами, в то же время оставался «политическим карликом», каковым была Япония, и направлял все свои ресурсы в экономику и торговлю, не инвестируя сектор вооружений. В этой ситуации Соединенные Штаты могли использовать два варианта вмешательства: оказать давление на своих сторонников в политическом истеблишменте Японии, чтобы добиться пересмотра политики неучастия в гонке вооружений, или создать препятствия для японской торговой экспансии с помощью политики протекционизма, а также заставить правительство Токио вынудить японских предпринимателей ограничить свою активность на американском рынке и конкуренцию с американской продукцией.

Первый из этих методов был применен в начале семидесятых годов при активной роли влиятельного японского политика Ясучиро Накасонэ, руководителя Агентства национальной обороны, который представил предложение по вооружениям, отвергнутое японским парламентом. Этот шаг привел к непрерывному обмену взаимными жалобами и протекционистскими ограничениями двух ведущих тихоокеанских держав, а также двух крупнейших мировых экономических центров, и к безвыходной ситуации противостояния. Более того, обе державы включились в борьбу за преобладание в Восточной Азии и на других мировых рынках. Одновременно с нефтяным кризисом 1973 г. проявились последствия ухудшения двусторонних японо-американских отношений, поскольку правительство Кокуэя Танаки стало проводить независимую политику в отношении арабских стран, от нефтяных поставок которых оно зависело, и заняло позиции, близкие к ЕЭС, дистанцировавшись от Соединенных Штатов.

Противоречия по проблемам торговли и обороны не смягчились даже с приходом к власти правительства Накасонэ и сохранялись в течение достаточно длительного времени, т.е. с 1982 г. по 1987 г. (что почти совпало с президентством Рейгана). Планы перевооружения, намеченные Накасонэ, по-прежнему вызывали противодействие оппозиционных партий и промышленных кругов. Не только экономические, но и политические причины определяли эту оппозицию: появление новой военной угрозы со стороны Токио изменило бы торговые отношения Японии со странами всего Тихоокеанского бассейна, в то время как скрытая экспансия неокOLONиалистского

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

толка предоставляла более существенные политико-экономические преимущества. Отстаивание этих последовательных торгово-экономических планов сталкивалось с американским стремлением изменить торговые отношения на основе ревальвации японской иены и либерализации сельскохозяйственного рынка, находившегося под охраной японского протекционизма, который в Соединенных Штатах расценивался как противоречивший японской торгово-экономической политике в целом.

С началом Уругвайского раунда в сентябре 1986 г., т.е. переговоров, направленных на общий пересмотр системы ГАТТ (они завершились только в апреле 1994 г. после преодоления разногласий по проблеме протекционизма и ограничений в области сельского хозяйства), противоречие, присущее позиции Японии, превратилось из двусторонней в многостороннюю международную проблему. В 1987 г., во время совещания G-7 в Венеции, Накасонэ объявил о начале нового этапа в японской внешней политике, поскольку японское правительство намеревалось проводить новый курс и внести свой вклад в программы развития третьего мира и одновременно взять на себя обязательства (и расходы) по поддержанию мира. Нобору Такэсита, преемник Накасонэ, также обязался следовать этому курсу, что вызвало сопротивление истеблишмента внутри страны при пересмотре экономической политики правительства и настороженность западных держав в отношении возрастания роли Японии в мире.

В 1989 г. произошли важные изменения на политической сцене Японии. Со смертью императора Хирохито перестал существовать последний исторический деятель, связанный с периодом Второй мировой войны и атомных бомбардировок. Эпоха Хирохито по японской символической терминологии получила название Showa, т.е. «светящаяся гармония»; с вступлением на трон нового императора Акихито началась эра Heisei, «построение мира», название, которое отражало решимость японцев взять на себя долю бремени, связанного с поддержанием международного мира, чего уже много лет добивались от них Соединенные Штаты.

Подлинный поворот в японской политике начался с перемен во внутренней политике. Наступил этап кризиса длительного господства Либерально-демократической партии, представлявшей собой коалицию группировок, руководимых не всегда авторитетными деятелями, но которые обеспечивали власть правящей коалиции, что требовало от партии соблюдения ротации и сохранения окостеневших методов управления. Разразившиеся финансовые скандалы вынудили партию именно в этом году назначить премьер-министром нового деятеля, менее заметного на политической арене, но морально не-

запятнанного, каким был Тосики Кайфу. Несмотря на неблагоприятные прогнозы, он оказался способным вернуть партии поддержку в стране и приступить к ее глубокому обновлению. Его предложения по реформе избирательной системы, направленные на ослабление власти «серых кардиналов» Либерально-демократической партии, были провалены парламентом, который боялся возможных последствий.

В октябре 1991 г. Кайфу вынужден был подать в отставку, и его преемником был назначен Киити Миядзьява, который был замешан в одном из самых грязных скандалов тех лет. Расчет консерваторов оказался глубоко ошибочным, потому что иммобилистский курс привел к глубокому расколу внутри Либерально-демократической партии. От нее отошли элементы, не связанные с коррумпированными фракциями и стремившиеся сформировать новую руководящую группу, способную заменить прежнее руководство Либерально-демократической партии, не уступая политическое пространство Социалистической партии Японии госпожи Такако Дои, которая получила широкую избирательную поддержку в связи со скандалами, сотрясавшими ЛДП. Раскол в партии сказался на результатах выборов, состоявшихся 18 июля 1993 г., когда впервые за много лет Либерально-демократическая партия осталась в меньшинстве. Спустя несколько десятилетий Япония вновь вернулась к эпохе политической нестабильности. Морихиро Хасокава, лидер Партии новой Японии, возникшей вследствие раскола ЛДП и добившейся успеха на выборах, сформировал центристскую коалицию из оппозиционных партий. В истории Японии начался период глубоких политических перемен.

Политический кризис не стал, однако, тормозом для японской экономической активности и не подорвал политическое соглашение с Соединенными Штатами. Противоречивость совпадения политических и расхождения экономических интересов двух держав стала одной из серьезнейших проблем, с которыми столкнулось новое японское правительство. Тем не менее представители нового курса политического равновесия в большей мере, чем их предшественники, сознавали, что Япония не могла больше восприниматься и считать себя азиатской державой. Если в 1991 г. она смогла уклониться от участия в войне в Персидском заливе, основываясь на конституционных нормах, запрещавших вооружение страны, то теперь она начала проводить новую международную политику, что было важно для ситуации в зоне Тихого океана, а также для стран Азии и всей мировой экономики.

Существуют два японских выражения, которые дают яркое представление об условиях, в которых действовало правительство

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

Токио. Правительство может спокойно согласиться на внешнее давление («gaiatsu» по-японски), если хочет продемонстрировать, что оно «вынуждено» принять непопулярные, но необходимые политические решения; и, напротив, правительство может отнестись с большим вниманием к давлению внутри страны («naiatsu» по-японски), если считает, что перемены должны отвечать требованиям поддерживающих его внутренних сил. Первому критерию соответствовал Миядзюва, второму — Хосакава. Противоречие между этими двумя выражениями как нельзя лучше характеризует крайности двух аспектов трудной японской ситуации.

13.9.2. ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Юго-Восточная Азия представляла собой еще один важный регион Тихого океана благодаря невероятному и заразительному экономическому подъему и стала отражением предпринимательского динамизма, характерного для АТР. Конечно, Япония оказывала на Китай стимулирующее влияние, но определяющим фактором стало необычайное сочетание инвестиций, поступавших из разных стран мира, низкой стоимости рабочей силы, у которой было сильно развито религиозное (конфуцианское) чувство почтения к власти, использования сверхсовременных технологий, наличия удобных коммуникаций и (почти постоянной) правительственной стабильности, которую контролировали предпринимательские слои. С превращением Китая из угрозы в пример, достойный подражания, и с прекращением антиправительственных партизанских действий, зачастую возглавлявшихся коммунистами, стабильность в регионе стала почти константой.

Страны ЮВА следует разделить на несколько групп как по географическому положению, так и по различию в достигнутых результатах. К числу новых индустриальных стран принадлежат на континенте Южная Корея, Гонконг, Сингапур и, хотя он стоит на ступеньку ниже, Таиланд; вне континента — Тайвань и (по крайней мере, частично) Малайзия; еще на ступеньку ниже — Филиппины и Индонезия. Высокие темпы роста валового внутреннего продукта — в среднем около 10% в год — отмеченные со второй половины семидесятых годов до 1997 г., хотя и с некоторыми конъюнктурными паузами, превратили колониальные в прошлом территории в производителей и экспортеров огромного количества товаров, но оказали негативное влияние на условия жизни в этих странах.

Упадок влияния СССР и одновременно перемены в Китае и

Японии создали благоприятные внешние условия для экономических преобразований в регионе, но и некоторые трудности в международном плане. Южная Корея по-прежнему была разделена с Северной Кореей, которая оставалась одним из немногих островов коммунизма в мире. До 1994 г. Северная Корея находилась под управлением Ким Ир Сена, а затем — под неуверенным руководством его сына Ким Чен Ира. Предложения компромисса, исходившие от КНДР, чередовались с заявлениями о том, что режим Пхеньяна намерен обзавестись собственным атомным оружием, которые вызвали обеспокоенность в мировом сообществе и стали постоянным фактором, а потому их приходилось учитывать в перспективе объединения.

В Гонконге, воспринимавшемся как витрина западного благополучия другой частью Китая, с осторожностью и недоверием ждали наступления 1997 г. — года объединения с Китайской Народной Республикой. Сингапур, с 1964 г. независимый город-государство, играл вместе с Гонконгом роль центра торговли между Тихоокеанским регионом и остальным миром и под управлением (прямым или косвенным) Ли Куан Ю достиг такого же уровня процветания (почти 13 000 долларов дохода на душу населения в 1991 г.). На Тайване, пережившем потрясения в связи с отстранением от власти Гоминьдана (наследника партии Чан Кайши) и появлением новых сил на местной политической арене, средний валовой доход на душу населения в 1990 г. достиг 7500 долларов. Эта цифра весьма красноречиво отражает различия уровней развития при сравнении с Народным Китаем, где в то время ВВП на душу населения был менее 400 долларов; конечно, темпы роста в Китае были головокружительными, но доходы были все еще далеки от тайваньских.

Малайзия, где ВВП на душу населения составлял в 1990 г. приблизительно 2 500 долларов, испытывала большие трудности в связи с особенностями географического положения и политической ситуации, а также более поздним началом экономического взлета. В свою очередь, Таиланд находился только на начальном этапе экономического подъема, так же как Филиппины, пережившие тяжелый внутривнутриполитический кризис, обусловленный диктатурой Фердинандо Маркоса и революцией, восстановившей в 1986 г. демократическое устройство. Период политического перехода не улучшил положение бедного населения, которое определялось господством латифундий в сельскохозяйственном производстве (доход на душу населения составлял 700 долларов), хотя и появились первые признаки экономического роста.

Последнее из крупных государств Юго-Восточной Азии —

Индонезия, которой управлял генерал Сухарто, совершивший государственный переворот в 1965 г., насчитывает 17 000 островов. Ее исходное состояние было настолько бедным, что было сопоставимо с наиболее жалким положением в странах азиатского юга. Она только в конце восьмидесятых годов почувствовала результаты экономической реформы, что, однако, следовало соотнести с 200-ми миллионами жителей; валовой внутренний продукт стал медленно расти от минимальных показателей до приблизительно 500 долларов на душу населения в 1990 г.

На континентальной территории находятся три государства, политическая история которых была далеко не гладкой, а судьба различной. Вьетнам после победы в 1975 г. оказался в изоляции и подвергся американскому экономическому бойкоту, усилившемуся после вторжения вьетнамцев в Камбоджу (1979 г.). Вьетнамское правительство, испытывая недостаток в советской помощи, должно было восстанавливать страну, разрушенную более чем 30-летней войной и разделенную глубокими политическими, этническими и религиозными противоречиями. Примером для него служила традиционная советская модель, при этом оно не располагало столь огромными исходными ресурсами, которые советская плановая система могла использовать во время своего существования. Через несколько лет стало очевидным, что меры руководителей Вьетнама по преобразованию страны провалились.

В 1990 г. годовой доход на душу населения составлял 230 долларов; положение в стране было настолько тяжелым, что породило трагический феномен *boat people*, когда десятки или даже сотни беженцев, используя случайные плавсредства, пускались в безнадежное плавание в водах Южно-Китайского моря в поисках убежища, достичь которого удавалось только единицам. Ужасная трагедия прекратилась только в начале девяностых годов благодаря постепенному включению Вьетнама, отказавшегося от империалистических устремлений недавнего прошлого, в сообщество соседних стран. Не особенно отличалось и положение Лаоса, еще более бедного и изолированного от остального мира.

Для ситуации в Камбодже после 1975 г. были характерны всевозможные аномалии. Управляемая в 1975–1979 гг. красными кхмерами, Камбоджа превратилась в «театр политических репрессий», т.е. систематического уничтожения всех тех граждан, которые, как могло показаться, проявляли склонность к концепциям, отличным от эгалитарного коммунизма. Вторжение, предпринятое Вьетнамом в 1979 г., привело к установлению зависимого от него режима. Если с точки зрения гуманности вторжение представлялось оправданным, то с юридической точки зрения оно

было агрессией против дружественного и независимого государства. Началась противоречивая игра сторон, непонятная, если не рассматривать ее в рамках отношений между Китаем, СССР и Соединенными Штатами.

Провьетнамское правительство не было признано Организацией Объединенных Наций, и на территории Камбоджи началась партизанская война, которую вели красные кхмеры и партизаны экс-короля Нородома Сианука против правительства, поддержанного вьетнамцами. Эта ситуация длилась до 1993 г., когда вследствие изменений на международной арене Организация Объединенных Наций смогла добиться компромиссного решения, которое предусматривало свободные выборы и формирование коалиционного правительства. После проведения выборов было сформировано правительство с участием двух противоборствовавших сил (красные кхмеры решили остаться вне политической борьбы, укрывшись на своих военных базах). Нородом Сианук вернулся к власти, стал королем Камбоджи и поручил руководство правительством сыну Ранариту. Тем не менее партизанская война, хотя и не столь яростная, как раньше, продолжалась до 1998 г., когда смерть Пол Пота убедила даже самых непреклонных его сторонников прекратить борьбу.

За пределами Тихого океана на Индийском субконтиненте странная ситуация сложилась в Мьянме (Бирме), где контролировавшая ее военная диктатура обрекла страну на самоизоляцию, и до 1990 г. страна не участвовала в мировой политике. В течение этого периода президент Не Вин был вынужден держаться в стороне от дел, сохраняя в своих руках лишь общий контроль. Правительство военных, которому принадлежала реальная власть, было вынуждено вследствие студенческих волнений согласиться на проведение свободных выборов, которые выиграла, получив большинство голосов, оппозиционная партия, руководимая Аунг Сан Су Чжи, дочерью Аунг Сана, одного из основателей Бирмы, убитого в 1947 г. После проведения выборов давление на военных уменьшилось и они смогли восстановить свой контроль над ситуацией, подавив все диссидентские движения и заключив в тюрьму представителей оппозиции. Бирма, переименованная в Мьянму, вышла из изоляции благодаря торговым контактам с Таиландом и призывам представителей оппозиции, которым удалось переправить свои обращения за пределы страны.

13.9.3. ПАКИСТАН И ИНДИЯ

На Индию и Пакистан международные изменения оказали

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

прямое воздействие. Стратегическое значение Пакистана, тесно связанного с Соединенными Штатами, в особенности после советского вторжения в Афганистан, очень возросло, он почувствовал себя на переднем крае борьбы не только в отношении СССР и Индии, но и революционного Ирана. Пакистан предоставлял убежище афганским беженцам и служил базой для подготовки операций в ходе антисоветской партизанской войны. Правители Исламабада испытывали страх, что за оккупацией Афганистана кроется более обширный план, нацеленный на захват Белуджистана, что открыло бы СССР дорогу к Индийскому океану.

Постоянная международная напряженность превращала Пакистан в одно из ключевых государств в плане поддержания глобального равновесия в период холодной войны. Положение осложнялось также вследствие внутренних трудностей пакистанского правительства, проявившихся во время кризиса 1971 г., который привел к отделению Бангладеш. Противоречия между военной и политической верхушкой, а также среди аристократической олигархии, связанной с делением Пакистана на провинции, в особенности, это относилось к соперничеству между Синдом (провинцией Бхутто) и Пенджабом (самой богатой провинцией страны), обостряли политическую обстановку в Пакистане.

До 1974 г. у власти в Пакистане находилось гражданское правительство во главе с Зульфикаром Али Бхутто. Но поражение в войне с Индией и отделение Бангладеш подорвали авторитет гражданского правительства, и в 1974 г. военные взяли власть непосредственно в свои руки. Ими руководил генерал Мохаммед Зия-уль-Хак, диктатор, власть которого опиралась на сотрудничество с американцами. Но военные внезапно утратили свою власть в августе 1988 г., когда генерал Зия погиб в авиакатастрофе, ставшей, возможно, следствием покушения. Военные, контролировавшие власть президента республики, посчитали необходимым с учетом перемен на международной арене допустить к власти гражданское правительство. Они пытались смягчить давление Пакистанской народной партии, руководимой Беназир Бхутто, дочь премьер-министра, смещенного в 1974 г. и приговоренного к смерти в 1979 г. Выборы принесли триумфальную победу молодой (35 лет) дочери Бхутто, которая стала премьер-министром — первой женщиной, занявшей такой пост в мусульманской стране. Тем не менее ее руководство правительством продолжалось недолго. В 1990 г. Беназир Бхутто обвинили в содействии коррупции и в нарушении законности. Она была арестована, затем была вынуждена прекратить политическую деятельность и укрыться у себя в доме, а позднее покинуть страну. На новых выборах успеха добилась Паки-

танская народная партия под руководством Наваза Шарифа. Но и это не принесло стабильности: в 1993 г. Шариф был смещен военными, и только Верховный Суд вернул его на пост премьера.

Внутренняя ситуация в Пакистане обострялась в связи со сложными демографическими проблемами (присутствие афганских беженцев), а также вследствие развития движения исламистов, усилившего свое влияние по всей стране. Внутреннее положение ухудшалось еще и потому, что Пакистан частично утратил свою прежнюю стратегическую роль. Завершение холодной войны ослабило связи с Соединенными Штатами и оставило Пакистан во власти страха перед мощным индийским соседом, вследствие чего ему пришлось самостоятельно решать вопрос о собственной безопасности. В этой ситуации стала реализовываться идея создания национального атомного оружия, что, однако, не способствовало росту безопасности, более того, порождало ненависть к стране, которая с трудом пыталась включиться в процесс экономического роста, добившись некоторого успеха, но чувствовала себя еще очень неуверенно. Наибольшие опасения Пакистан вызывал у Индии в связи с бесконечным спором за обладание Кашмиром и угрозой новой открытой войны между двумя странами (1999 г.).

В годы холодной войны вес Индии в международных делах проявлялся лишь косвенным образом, несмотря на масштабы страны и огромный потенциал, который ей еще предстояло приобрести после урегулирования внутренних противоречий. Страной руководил Индийский национальный конгресс, во главе которого сначала стоял Неру, а затем его дочь — Индира Ганди (она была убита в октябре 1984 г.). Численность населения Индии выросла с 370 миллионов жителей в 1947 г. до приблизительно 866 миллионов в 1992 г. Таким образом, речь шла о стране по численности населения второй в мире после Китая.

Индия была бедной страной, правительство которой сталкивалось с многочисленными трудностями, связанными с религиозными традициями, социальным расслоением, со сложностью самой системы управления, поскольку на ее территории сосуществовали более сотни правителей, обладавших собственными полномочиями, и потому в задачу центральной власти входило не допустить процветания местничества. Страну раздирало вековое противоборство между мусульманским меньшинством, составлявшим примерно 11% населения, и огромным индуистским большинством. В последние годы это противостояние вновь обострилось, усилился протест индуистов против исламского фундаментализма, возник индуистский экстремизм, что привело к непрерывным столкновениям между сто-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

ронниками разных религий.

Эти трудности не помешали Индии выйти из состояния нищеты и голода и стать страной, способной обеспечить себя продуктами питания, в ней даже возникли островки благополучия. Так называемая «зеленая революция», т.е. рационализация сельскохозяйственного производства, сделала возможным рост производства продуктов питания, хотя и неравномерный в разных регионах, что неизбежно при географических масштабах Индии и многообразии форм собственности (наряду с мелкой собственностью и батрачеством существовали крупные земельные латифундии). Урбанизация и индустриализация изменили экономическую ситуацию, хотя необходимый уровень самообеспечения, соответствующий подлинной модернизации, так и не был достигнут.

Ограниченность уровня развития Индии была связана с политической нестабильностью, наступившей после убийства Индиры Ганди. С гибелью в 1991 г. Раджива Ганди, второго сына Индиры и ее преемника, начался период смуты, отмеченный падением авторитета партии Конгресса в стране и ростом влияния партии Бхаратия Джаната, стремившейся использовать индуистский фундаментализм против плюрализма партии Конгресса.

Во внешнеполитическом плане Индия заняла позицию противостояния Китаю, дистанцирования от Соединенных Штатов, поскольку она играла ведущую роль в движении неприсоединения, а также в связи с обострением ее конфликта с Пакистаном. Вплоть до конца холодной войны Индия во внешней политике ориентировалась на союз с СССР, хотя никогда не принимала решений, вызывавших шумный отклик. В первой половине девяностых годов после решения проблемы Вьетнама на некоторое время смягчились противоречия с Китаем и прежние споры по пограничным вопросам, порожденные взаимным недоверием в отношении определения границ соответствующих сфер влияния. Индия успешно включилась в благоприятную международную конъюнктуру, и ей впервые представилась возможность определить собственные национальные интересы самостоятельно, в соответствии с воззрениями ее руководящих политиков, а не под воздействием давления извне. Внутренний политический кризис, хотя и не приостановил экономический рост, заставил Индию сосредоточить внимание на проблемах своего полуострова.

*13.10. Приход Горбачева к власти
в Советском Союзе*

13.10.1. СТРУКТУРНЫЙ ХАРАКТЕР

СОВЕТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Во время первого президентского мандата Рональда Рейгана (1981–1984 гг.) Соединенные Штаты переживали благодаря его политике период мощного экономического подъема, роста инвестиций как в гражданское производство, так и в гонку вооружений. Они содействовали изменению характера биполярной системы, писанных и неписанных норм сосуществования, бросив вызов советским претензиям добиться аналогичных целей. Этот вызов должен был выявить, остаются ли успехи Советов в области вооружений единственной альтернативой социально-экономическому кризису, нависшему над Советским Союзом.

Было известно, что советское общество уже много лет находится в состоянии упадка. Правительство Москвы безуспешно пыталось скрыть, прежде всего, от своих граждан, истинное положение вещей, но эксперты всего мира знали реальные условия развития советского общества. Маленков, Хрущев, Косыгин и Брежнев разными способами безрезультатно пытались нащупать пути реформ. Извне раздавались суровые оценки. Падение темпов роста, быстрое истощение ресурсов, необходимых для продолжения процесса развития, технологическая отсталость в разных секторах, диспропорции между расходами на военные и гражданские нужды создавали представление о Советском Союзе как о войне, которого удерживали на ногах только его доспехи; в нем видели общество, неспособное преодолеть власть огромного, косного и коррумпированного бюрократического аппарата, общество, вынужденное молчать в связи с принудительным выездом или ссылкой диссидентов и неотвратимо катившееся к упадку. Некоторые статистические данные дают представление о масштабах кризисных явлений. Нижеприведенная таблица отражает рост валового национального продукта и производительность труда в процентном соотношении, при этом стоит отметить, что в Советском Союзе производительность в промышленности составляла 55% от американской, а в сельском хозяйстве — 10%.

Рост производства и производительности труда в СССР

Показатель	Годы				
	1960–1965	1965–1970	1970–1975	1975–1980	1980
ВВП	5,0	5,3	3,7	2,7	1,4
Производительность труда, чел. · ч	3,4	3,2	2,0	1,3	0,2
Общая производитель-	0,6	1,1	–0,5	–0,8	–1,9

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

ность (с учетом затрат
труда, капитала, земли)

Промышленное производство	6,6	6,3	5,9	3,6	3,4
Производительность труда в промышленности, чел. · ч	3,6	3,1	4,4	2,0	2,4
Общая производительность в промышленности (производство с учетом затрат человекочасов и капиталов)	-0,1	-0,5	1,1	-0,6	-0,2

Источник: *Bialer S. The Soviet Paradox: external expansion, internal decline.* London, 1986. P. 60.

Темпы роста советского сельскохозяйственного производства в целом снизились с 4,3% в 1951–1960 гг. до 3,7% в 1961–1970 гг. и до 0,9% в десятилетие 1971–1979 гг. В 1983–1985 гг. темпы роста сельскохозяйственного производства на душу населения снизились на 2%. Темпы роста общего объема промышленного производства были следующими: 10,2 (1951–1955); 8,3 (1956–1960); 6,6 (1961–1965); 6,3 (1966–1970); 5,9 (1971–1975); 3,4 (1976–1980). Можно отметить, что снижение прироста производства продуктов питания и предметов потребления было драматическим, в области машиностроения снижение темпов роста было значительным, но не критическим.

Другие данные, приведенные Северином Байлером, относятся к сельскохозяйственному производству, где в 1981 г. было занято 26% рабочей силы (при этом в Соединенных Штатах, в Федеративной Республике Германии и Франции соответственно 3%, 6% и 8%). Тракторный парк СССР в 1981 г. достигал 2 600 000 против 4 655 000 единиц в Соединенных Штатах, нет смысла говорить о качестве и условиях ремонта.

Можно сопоставлять и другие данные, но они не касаются напрямую международных отношений, хотя и влияют на них. Общая картина подтверждала неспособность советской системы преодолеть отставание. Непроизводительное сельское хозяйство, которое зависело от внешних закупок (в 1981 г. СССР импортировал из Соединенных Штатов 40 млн тонн зерна), отсталая промышленность, технологии, недостойные великой страны, — все это свидетельствовало о том, что СССР смог стать великой ядерной и космической державой, но не решил, более того, усугубил проблемы, которые были причинами революции 1917 г.: отсутствие необходимо-

го увеличения национального богатства и более равномерного его распределения; неравенство в благосостоянии; неудача устремлений к справедливости и свободе. В Советском Союзе начала восьмидесятих годов не было ни свободы, ни благосостояния, ни справедливости.

Корни кризиса лежали в самой концепции Сталина, создавшего централизованную экономику, основанную на общественной собственности средств производства и на планировании по пятилеткам. Контроль над распределением капиталовложений при изобилии ресурсов, наличии дешевой рабочей силы и простейших технологиях был возможен до тех пор, пока существовала одна или несколько из этих составляющих. В 60-е годы стало ясно, что советская власть не может больше опираться на эти факторы, характерные для развивающейся страны, и должна решать проблемы модернизации общества.

Реформы стали необходимы, и советские руководители в течение многих лет пытались устранить противоречия концепции производительной системы, ее слабые места, становившиеся все более очевидными. Проблемы обострились в связи с тем, что любая реформа нарушала соотношение между инвестициями в военно-промышленный комплекс и инвестициями в производство предметов потребления. Между тем потребители становились все более требовательными, вследствие изменения внутренних критериев и сравнения с качеством западных изделий, что было неизбежно благодаря средствам массовой информации.

Дряхлеющее руководство стояло перед альтернативой, требовавшей новой энергии и способности выработать новые подходы. Оно должно было решить проблему, которую не могла обойти даже плановая экономика, — необходимость выбора. Даже в условиях реального социализма был неизбежен экономический выбор, который означал определение приоритета между расходами на военные цели, на космические исследования, на развитие тяжелой промышленности и расходами на другие нужды. Уклоняться от выбора означало скатываться к тяжелому кризису. Поэтому момент принятия решения приближался очень быстро. Советские руководители это хорошо осознавали, и Андропов, который долгое время возглавлял КГБ (т.е. советские секретные службы), знал реальное положение вещей и пытался сдвинуть дело с мертвой точки за то короткое время, когда он был генеральным секретарем ЦК КПСС.

Колебания, наконец, закончились. Признание неотложности сокращения капиталовложений в военные отрасли означало необходимость создания иного международного политического кли-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

мата, обеспечивавшего уменьшение риска при реализации этого решения для системы, которая всегда ставила безопасность во главу угла. Иначе говоря, еще более актуальным становилось переосмысление отношений с Соединенными Штатами, чтобы обеспечить установление длительного мира, а также постоянного и искреннего согласия, что позволило бы предотвратить военные инциденты, которые могли помешать реконверсии, разработанной советскими плановыми органами. Таким образом, связь между внешней и внутренней политикой проявлялась в полной мере, подтверждая постулат, что выбор внешнеполитического курса определяется внутренними факторами.

13.10.2. ПРИХОД ГОРБАЧЕВА К ВЛАСТИ. ПЕРВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ С РЕЙГАНОМ

После смерти Черненко решать эту важную задачу предстояло Михаилу Горбачеву, родившемуся в 1931 г. и потому выражавшему настроения нового поколения советских политиков, сформировавшихся после революции. 11 марта 1985 г. генеральным секретарем ЦК КПСС был избран новый политик для поиска новых решений. В годы пребывания у власти и, в еще большей степени, после того как в 1991 г. он вынужден был оставить свой пост, личность Горбачева вызвала многочисленные споры и различные оценки. Постепенно сложился его образ как своего рода одинокого героя, бросившего вызов непобедимой системе, как личности, обладающей широким кругозором и удивительной интуицией, как эффективного пропагандиста, как деятеля, несущего миру мир и демократию Советскому Союзу, как человека разумного и осмотрительного, который хотел постепенно «вытащить» Советский Союз из болота трудностей на берег демократии и процветания. И наконец, в нем видели человека, которого в августе 1991 г. предали самые близкие соратники, человека, обреченного на преждевременный, но не унижительный политический закат, потому что за ним сохранился престиж политика, положившего конец холодной войне; он почти навязал ее завершение непримиримому Рейгану и закрепил его с Джорджем Бушем. С течением времени личность Горбачева предстала в новом свете. План организованного переходного периода, который он предлагал, приобрел новое значение в сравнении с хаотичным переходным этапом, который переживает Россия.

Избрание Горбачева на пост руководителя Коммунистической партии Советского Союза произошло не в результате внезапного

озарения, а вследствие процесса трудной борьбы внутри Политбюро и поиска человека, который соответствовал бы требованиям сложившейся ситуации. В 1985 г., в свои 54 года, Горбачев уже принадлежал (и давно) к советской номенклатуре. Итак, еще во время болезни Брежнева его имя называли среди немногих возможных преемников как коммунистического руководителя, обладавшего необходимыми способностями для решения проблем партии. Избрание Андропова и Черненко свидетельствовало о намеренном промежуточном решении, чтобы дать возможность поколению Брежнева исчерпать свои кандидатуры. Но в случае с Черненко выбор явно означал обычную попытку потянуть время и преодолеть последнее сопротивление при выборе реформатора.

Итак, Горбачев давно стремился занять пост генерального секретаря, имея четкую цель — сделать партию более эффективной, более современной, более достойной. Сначала он решил, что необходимо осуществить *перестройку*, т.е. реформы, и ввести *гласность*, т.е. свободу слова. Вот те главные элементы, на которые он, как лидер КПСС, опирался, чтобы коммунизм и государство в Советском Союзе смогли дать ответ требованиям времени. Не вызывали сомнений его лояльность как коммуниста, и его намерения действовать в рамках партийной идеологии, чтобы приспособить ее к новым временам. Об этом свидетельствовали выступления Горбачева, относящиеся к первому этапу его руководства. Относительно внутренней политики он утверждал, что не питает сомнений в превосходстве социалистической системы, в тех благоприятных результатах, которые она принесла советскому народу и в необходимости оставаться верными социалистической идее. Он говорил: «Социализм должен вести к прогрессу по-своему, своими методами или, чтобы быть точнее, советскими методами». Поэтому необходимо сплотить все силы, чтобы добиться национального подъема, благодаря твердой решимости «поставить прочный барьер отклонениям от социалистических принципов». Преданность делу и социалистическая дисциплина были той базой, опираясь на которую, можно было идти дальше, не компрометируя уже достигнутые результаты.

Это были старые идеи, но Горбачев внес в них смелость, решительность, остроту в понимании причин застоя, свою волю и намерение бороться с разбазариванием средств, злоупотреблениями и несправедливостью, с отклонениями от правовых норм. Но все это рассматривалось в плане улучшения коммунизма. Горбачев понимал, и с течением времени все лучше, масштабы кризиса, охватившего страну, который был отягощен еще и националистическими движе-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

ниями во многих регионах империи, но он обладал оптимизмом и энергией и был убежден в том, что болезнь еще можно вылечить. Он был чужд мысли, что СССР доживает последние годы коммунистической эпохи, также он был далек от действительного понимания значения «демократии» в капиталистическом обществе. Его стратегия была связана не с концепцией революции изнутри, а скорее с концепцией реформ.

Многие сравнивали, и не без основания, перестройку с новым изданием «Новой экономической политики» (НЭП), задуманной Лениным в 20-е годы. Реформы рассматривались как наладка существовавшего механизма, которая должна была исправить положение вещей, но не менять само их устройство. В промышленности и сельском хозяйстве, в области прав человека и в неожиданно накалившемся вопросе межнациональных отношений Горбачев добился некоторых изменений, но он никогда не переступал порог, за которым перемены стали бы необратимыми. Он старался действовать осторожно, чтобы не вызвать болезненного раскола социальных и экономических сил в стране. Он порождает растущие ожидания, но в итоге вызвал разочарование в громких обещаниях, так как предпринятые меры привели к небольшим результатам.

Важнейшими проблемами был и вопрос о правах человека, реформа прав собственности в сельском хозяйстве, изменение системы управления в промышленности и пересмотр межнациональных отношений в Советском Союзе. Горбачев подошел к решению этих проблем, планируя внести улучшения, сохраняя саму структуру, а не создавая новую. Угрожавшее ему политическое поражение было следствием иллюзии, что возможно реформировать режим реального социализма в стране, которой управляли в соответствии с доставшимися в наследство сталинскими методами. Нельзя отрицать, что Горбачев всячески пытался вылечить больного, но больной был уже неизлечим.

В этих условиях Горбачев, избавившись от личных пристрастий, развернул активную и последовательную внешнеполитическую деятельность. Она стала предварительным условием перестройки.

Хотя перестройка никогда не была осуществлена в соответствии с замыслом Горбачева, но решения, призванные сделать ее возможной, прежде всего пересмотр отношений с Соединенными Штатами или, как говорят многие, «окончание холодной войны», — вот подлинный результат, с которым было и будет связано имя Горбачева. Цель (т.е. реформа коммунистической системы) не была достигнута и превратилась в миф, а средство превратилось в цель.

В начале своей деятельности в качестве генерального секретаря

ря Горбачев считал, что после достижения пика международной напряженности, связанной с развертыванием ракет СС-20 и разрывом Женевских переговоров, произошло некоторое ее смягчение, когда после переизбрания Рейгана на пост президента в ноябре 1984 г. между Громыко и государственным секретарем США Шульцем была достигнута общая договоренность о возобновлении переговоров. Действительно, 12 марта 1985 г. начались переговоры, но они натолкнулись на препятствие, которое могло помешать будущему развитию отношений между сверхдержавами, в виде советской опции (СОИ), разработанной Рейганом и Уайнбергером и ставшей предметом разногласий между Соединенными Штатами и СССР. Уайнбергер намеревался продемонстрировать необходимость использования технологических ресурсов, которыми обладало только передовое общество, поэтому он поставил Советам перед дилеммой: скрыть свое отставание в ожидании, когда оно будет с большим трудом преодолено, или открыто заявить о своей слабости в надежде на американские уступки. Горбачев после своего избрания выбрал второй вариант и начал переговоры об отказе американцев от СОИ как условии для более широкого соглашения. Он надеялся на уступку со стороны американцев, но этого не произошло, и он был вынужден признать отставание своей страны, подписав стратегические соглашения, которые впервые оказали существенное влияние на реальное соотношение сил между двумя сверхдержавами.

Первый острый этап дискуссий по этому вопросу относится к периоду между сентябрем 1985 г., когда Советам представили свои предложения по разоружению и впервые приняли принцип существенного сокращения стратегических вооружений, и 20–21 ноября, когда Горбачев и Рейган впервые встретились в Женеве, возобновив практику регулярных саммитов, прерванную после встречи Брежнева и Картера в 1979 г. В Женеве состоялась сердечная встреча, которая продемонстрировала Рейгану достоинства собеседника. Горбачев, как вспоминает Шульц в своих дневниках, отстаивал преимущество внешней и внутренней советской политики, но вместе с тем проявил себя как «политик, с которым можно начать принципиально новые переговоры». Шульц увидел в Горбачеве человека, «совершенно непохожего на тех советских представителей, которых знали американцы», и стремившегося к компромиссу, ради которого можно было пожертвовать даже СОИ. Итак, Шульц рассуждал еще в терминах баланса сил между сверхдержавами, в то время как Рейган, более близкий к Уайнбергеру, используя все свои дипломатические способности, напо-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

ристо вел переговоры, добиваясь не компромисса, а полной капитуляции собеседника.

В Женеве не удалось достичь никакого результата, но оба лидера обязались продолжать начатые переговоры, согласившись принять за основу принцип 50% сокращения ядерных вооружений каждой стороной. Употребление термина «ядерные вооружения» означало, что на переговорах не была решена проблема «евроракет», т.е. не было достигнуто соглашение по вопросу о том, включать ли их в стратегические вооружения (советское предложение) или считать оружием театра военных действий, о котором следует вести переговоры отдельно (американское предложение).

Проблема СОИ в еще большей мере повлияла на второй этап переговоров, до начала которого обе стороны вели открытую пропагандистскую кампанию. С января по октябрь 1986 г. вопрос об отказе от СОИ был доминирующим, потому что он выдвигался в качестве предварительного условия всех предложений о компромиссе со стороны Советов и постоянно отвергался американцами. Горбачев пытался смягчить жесткость их позиции, объявив о намерении Советов вывести войска из Афганистана в соответствии с графиком, который вскоре предстояло определить. Трудности внутри СССР выявились в апреле 1986 г. с трагической аварией на атомной станции в Чернобыле на Украине. Она не только привела к большому числу жертв и вызвала широкую волну страха в связи с выпадением радиоактивных осадков по всей Европе, но и продемонстрировала технологическую отсталость советских атомных предприятий, т.е. предприятий, являвшихся передовой отраслью, тесно связанной с научными достижениями СССР.

Чернобыльская авария вынудила Горбачева занять оборонительные позиции. Рейган, воспользовавшись моментом слабости своего противника, заявил 27 мая, что Соединенные Штаты не считают себя больше связанными договором ОСВ-2 1979 г. (который никогда не был ратифицирован и в нарушении которого Рейган неоднократно обвинял Советы) и во всех своих решениях по ядерной проблеме США будут исходить из собственной оценки характера стратегической угрозы с советской стороны, а не основываться на достигнутых договоренностях. Трудности сложившейся ситуации в полной мере продемонстрировал саммит Рейган–Горбачев, проходивший 11–12 октября 1986 г. в столице Исландии Рейкьявике. Хотя обстановка на переговорах была конструктивной, но проблема СОИ, словно камень преткновения, довлела над участниками саммита. Удалось значительно продвинуться по пути договоренности о сокращении стратегических вооружений; было решено,

что каждая из сторон не будет иметь свыше 1600 носителей и не более 6000 боеголовок; было достигнуто соглашение о стратегических бомбардировщиках, но все это при условии, что соглашение будет включать также отказ Рейгана от СОИ. Испытывая давление со стороны военных, Горбачев был не в состоянии сделать уступки в этом вопросе.

Таким образом, саммит в Рейкьявике стал «моментом истины» для развития отношений между обеими державами и для будущего процесса разоружения. Для достижения договоренности Горбачеву предстояло показать, готов ли он согласиться с тем, что Соединенные Штаты продолжат эксперимент, который Советский Союз в то время не мог себе позволить. Он должен был продемонстрировать, равнозначен ли поиск компромисса политике разрядки, которую проводил Брежнев, или же он является следствием признания советской слабости, отставания от Соединенных Штатов, признанием провала усилий Сталина и его преемников после 1945 г., направленных на то, чтобы добиться стратегического паритета с Соединенными Штатами и даже превосходства над ними.

Весь 1987 г. Горбачев и советские дипломаты были заняты поиском такого выхода из тупика, возникшего во время переговоров в Рейкьявике, который позволил бы скрыть отказ Советского Союза от его позиции. Этот год был отмечен и кризисными моментами, и демонстрацией доброй воли, как, например, разрешение Горбачева в канун рождества 1986 г. Андрею Сахарову вернуться из ссылки к полноценной научной академической работе в Москве. Дипломатическую работу большей частью вели эксперты и министры иностранных дел: Шульц с американской стороны и новый советский министр Эдуард Шеварднадзе, сменивший Громыко, выдвинутого (т.е. задвинутого) на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Наиболее легко Рейган пошел на отказ от развертывания и на вывод уже установленных «евроракет». Горбачев вновь выступил в феврале с предложением «нулевого варианта», столь дорогого для Рейгана. Но в этом вопросе существовало препятствие юридического характера, связанное с тем, что решение подобного рода касалось не только Соединенных Штатов, но и всех участников НАТО и отдельных правительств, которые путем двусторонних соглашений договорились о размещении на их территории баз для ракет типа Першинг-2 и крылатых ракет. Сохранялась ли у европейцев потребность в американской защите или произошедшие изменения сделали ее менее необходимой, а «евроракеты» излишними? В августе 1987 г. канцлер ФРГ Коль убрал камень

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

преткновения на пути переговоров, когда заявил о своей готовности отказаться от новых ракет, чтобы Советы и американцы пришли к соглашению об уничтожении всех ракет среднего и меньшего радиуса действия, размещенных в Европе.

Так был открыт путь к третьей встрече в верхах между Рейганом и Горбачевым, прошедшей в Вашингтоне в атмосфере демонстративной сердечности 7–10 декабря 1987 г. Впервые после второй мировой войны встреча на высшем уровне принесла столь ощутимые результаты и стала прелюдией к уничтожению определенного типа вооружений, а не только к их ограничению. Договор, подписанный 8 декабря в столице Соединенных Штатов, устанавливал, что в течение трех лет все ракеты радиусом действия от 500 до 5500 километров, т.е. «ракеты театра военных действий», должны быть уничтожены, за исключением тех, которые относились к системам национальной ядерной обороны Франции и Великобритании.

Впервые было достигнуто соглашение об уничтожении определенного типа атомного оружия, и, хотя решение касалось только 3–4% существующего в мире ядерного потенциала, оно вызвало обоснованный энтузиазм и чувство взаимного удовлетворения у участников переговоров. К тому же, договор предусматривал механизм инспекций для проверки его выполнения на соответствующих базах, что привело к необходимости заключения специального соглашения с пятью странами НАТО, где были размещены «евроракеты»: Германией, Англией, Италией, Бельгией и Голландией. Договор впервые пробил брешь в традиционной подозрительности Советов, опасавшихся допускать на свои военные базы инспекции потенциальных противников.

Ограниченность договора, с европейской точки зрения, заключалась в том, что в нем отсутствовали статьи об уничтожении тактических ракет, т.е. ракет с радиусом действия менее 500 км, используемых в традиционных конфликтах. Этот вопрос касался, прежде всего, Германии, которая занимала положение форпоста в случае предполагаемого конфликта. Но эта гипотеза оставалась в силе лишь очень короткое время, так как новые события лишили ее всякого обоснования.

Вашингтонские соглашения не решили, однако, проблемы стратегических вооружений (она была перенесена на Женевские переговоры по СНВ); тем не менее они наметили условия возможного компромисса: сокращение, уже предусмотренное в Рейкьявике, на 50% соответствующих арсеналов и установление лимита в 1600 носителей и 6000 ядерных боеголовок. К этим ограничениям добавлялись

соглашение о количестве наиболее мощных ракет (154 ракеты и 1540 боеголовок), обязательство продолжать переговоры о стратегических бомбардировщиках и межконтинентальных мобильных ракетах, и, наконец, предусматривалось, что общее число ядерных боеголовок на баллистических ракетах не должно было превышать 4900 единиц для каждой из двух сторон.

Четвертая — и последняя — официальная встреча в верхах между Рейганом и Горбачевым состоялась 29 мая — 2 июня 1988 г. в Москве, однако соглашение о стратегических ракетах снова не было достигнуто. Встреча, как рассказывает Шульц в своих мемуарах, превратилась почти в церемонию прощания старого американского президента с его более молодым советским коллегой. Встреча протекала в общих беседах о проблемах прав человека, спорах по поводу задержки вывода советских войск из Афганистана (завершившегося в феврале 1989 г.) и в демонстративном выражении дружбы и взаимного доверия, предназначенном скорее для пропаганды, чем отражавшим политическую реальность. Горбачев знал, что Рейган по истечении второго мандата не может быть переизбран, и готовил почву для взаимопонимания с его возможным преемником, тогда вице-президентом Джорджем Бушем, старым знакомым советской дипломатии.

13.10.3. ГОРБАЧЕВ, БУШ И СОГЛАШЕНИЯ СНВ

С президентством Буша начался заключительный этап процесса демонтажа политико-правового и военного арсенала холодной войны в Европе. Уже в декабре 1988 г., выступая на Генеральной Ассамблее ООН, Горбачев объявил о своем намерении вывести в одностороннем порядке советские войска из стран Варшавского договора: еще один шаг в сторону разрядки, который, вместе с тем, скрывал растущие трудности, возникшие в отношениях СССР с союзниками.

Горбачев продолжал поиски окончательных договоренностей с Бушем по стратегическим вооружениям, но ему удалось добиться только частичных результатов. Первая встреча нового американского президента с Горбачевым состоялась на рейде Мальты 2–3 декабря 1989 г. после падения Берлинской стены. С первого взгляда реальные результаты встречи было трудно оценить, но в действительности она означала поворотный момент в двусторонних отношениях. Во время прямых переговоров Горбачев поднял все критические вопросы международной ситуации, не исключая угро-

су...

зы в связи с началом отделения Прибалтийских стран от Советского Союза.

Не колеблясь, Горбачев открыто говорил и о внутренних трудностях. Он говорил о проблемах бюджета, о последствиях Чернобыля. «Главное испытание, которое ему предстояло, заключалось в том, чтобы покончить с недостатком потребительских товаров». Для достижения этого результата, по мнению Горбачева, было недостаточно реформировать экономические структуры: «нужно было изменить отношение трудящихся к труду». Затем участники переговоров перешли к обсуждению закрытых вопросов, и этот момент доверительности показал американскому президенту, что Горбачев, наконец, признал слабость своей позиции. Хотя он и продолжал утверждать, что Советы сохраняют превосходство в Европе, но при этом заявил: «Вы не являетесь больше нашими врагами. Времена изменились. Вы нужны в Европе. Вы должны оставаться в Европе. Для будущего континента важно, чтобы вы присутствовали». Государственный секретарь Джеймс Бэйкер оценил эти заявления как самые важные и многообещающие из тех, что сделал Горбачев. Именно в то время, когда советская империя в Восточной Европе разваливалась, Горбачев подтвердил свою готовность связать советскую внешнюю политику с доминированием американцев. С другой стороны, переговоры на Мальте убедили Буша, что Горбачев — лучший из возможных собеседников на тот момент; надежный партнер в эпоху новых отношений между Москвой и Вашингтоном; гораздо более надежный, чем такие непредсказуемые политики как Валенса или появившийся на политической арене Ельцин.

В этой обстановке глубоких политических перемен Буш и Горбачев на Мальте весьма решительно обязались продолжать в последующие месяцы переговоры о разоружении и подошли к ситуации с такой обостренной заинтересованностью, которой, возможно, и не требовалось. Они договорились о существенном ограничении своих войск, размещенных в Европе. Получив одобрение НАТО и Варшавского договора (в продолжительности существования которого уже появились законные сомнения), 13 февраля 1990 г. в Оттаве состоялась встреча представителей двух союзов, которые установили максимальный предел — в 195 000 человек — для советских и американских войск в Европе. Внешне это казалось большим завоеванием, так как число американских войск в Европе достигало 350 000, а советских — 600 000, но мало кто тогда знал, что Советы держали свои войска за рубе-

жом, потому что не знали, как разместить их, если они вернутся на родину.

Буш и Горбачев снова встретились 30 мая — 3 июня 1990 г. в Вашингтоне и Кэмп-Дэвиде. На этот раз они договорились, что переговоры СНВ должны быть завершены, подтвердили обязательство сократить на 50% соответствующие ядерные силы, уничтожить арсеналы химического оружия и подписать новое торговое соглашение.

Прежде, чем соглашение, достигнутое во время встречи в верхах в 1990 г., стало официальным договором, на пути к разоружению был сделан новый важный шаг: в Париже завершились переговоры, начатые в Вене в 1973 г. о взаимном и сбалансированном сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе. Соглашение было одобрено на встрече глав государств и правительств СБСЕ, которая состоялась 19 ноября 1990 г. во французской столице, где были подписаны два документа. Первый из них, подписанный 22 участниками официально еще существовавших военно-политических союзов, был Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ОВСЕ). Он подтверждал обязательства, уже содержавшиеся в Заключительном Хельсинкском акте, и устранял возможность неожиданного нападения и проведения крупных наступательных операций в Европе. Второй документ, подписанный 21 ноября всеми странами-участницами СБСЕ, провозглашал принципы «Парижской хартии для новой Европы», т.е. правила будущего мирного сосуществования на Европейском континенте.

Заключение этого договора открыло путь к соглашению о стратегических вооружениях. Переговоры по этой проблеме завершились 31 июля 1991 г., когда Буш и Горбачев подписали в Москве договор СНВ-1, т.е. договор о сокращении стратегических наступательных вооружений. Договор СНВ-1 завершил долгую работу, начатую договорами по ОСВ и продолженную после 1981 г. на переговорах в Женеве, он открывал действительно новую эру в истории международных отношений. Соглашение отражало договоренности, достигнутые на разных стадиях в ходе встреч на высшем уровне Горбачева с Рейганом и Бушем. Их результаты отражает нижеследующая таблица.

	Силы до СНВ-1		Лимит СНВ
	США	СССР	
МБР	2450	6612	4900*
БРПЛ	5760	2804	

Таблица 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

Ядерные боеголовки В целом	ТБ		6000
	2353	855	
	10 563	10 271	

МБР — межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования; БРПЛ — баллистические ракеты на подводных лодках; ТБ — тяжелые бомбардировщики, оснащенные ракетами с ядерными боеголовками; * — Лимит в 4900 в первой строке таблицы относится к общему количеству боезарядов на баллистических ракетах морского и наземного базирования, разрешенных каждой державе.

Эти переговоры завершились в январе 1993 г. заключением нового договора между Бушем и Ельциным, названного СНВ-2, в соответствии с параметрами, согласованными в целом во время встречи двух государственных деятелей в Вашингтоне 16–17 июня 1992 г. Новый договор практически вдвое снижал лимиты, установленные первым договором СНВ, и допускал, чтобы США и Россия имели по 500 межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования и соответственно 1728 и 1744 баллистические ракеты, размещенные на подлодках, а также 1264 и 800 тяжелых бомбардировщиков. Общее количество ядерных боеголовок в соответствии с договором составляло для Соединенных Штатов — 3492, а для России — 3044.

Соглашения от 31 июля 1991 г. были для Горбачева кульминационным и заключительным моментом его международной деятельности как руководителя государства.

После этого наступила острая фаза кризиса в Советском Союзе — в августе 1991 г. произошел государственный переворот и Горбачев был практически отстранен от власти, а в декабре 1991 г. он официально прекратил исполнение обязанностей президента СССР. Одновременно Советский Союз перестал существовать «как субъект международного права и геополитическая реальность». 9 декабря 1991 г. Ельцин приступил к формированию отношений между бывшими советскими республиками на новой основе: до этого вопрос оставался открытым, так как в августе не был подписан новый Союзный договор. Американскому правительству предстояло сделать выбор между четырьмя субъектами, обладавшими атомным оружием, которым располагал бывший Советский Союз, т.е. между Российской Федерацией, Украиной, Белоруссией и Казахстаном. Выбор должен был пасть на самого сильного преемника и наиболее надежного с точки зрения ответственности, которая предполагала способность контролировать атомный арсенал, еще достаточно мощный и как никогда ранее опасный.

Осенью 1991 г. Буш приступил к переговорам с президентом Российской Федерации Борисом Ельциным, и именно с ним в

январе 1993 г. было, наконец, подписано соглашение СНВ-2. Между тем в момент подписания соглашения наступил кризисный этап, так как было трудно понять, в какой мере Ельцин контролирует бывший советский ядерный арсенал. Распад СССР породил проблемы, неизвестные в прошлом. Политика Горбачева привела к окончанию холодной войны, но после его ухода во внутренней ситуации всего региона, прямо или косвенно находившегося под влиянием Советского Союза, начался процесс дестабилизации с непредсказуемыми результатами.

*13.10.4. «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ»
В АВГУСТЕ 1991 Г. И ПРИХОД К ВЛАСТИ ЕЛЬЦИНА*

Успехи Горбачева во внешней политике сопровождались нарастающими трудностями во внутренней политике. В 1988 г. в качестве поправки в действующую конституцию Горбачев внес предложение о выборах Съезда народных депутатов, который должен был формироваться из 2500 депутатов, частью определенных по партийным спискам и частью избранных по одномандатным округам из нескольких кандидатов. Это было серьезное новшество, которое создавало возможности для плюрализма мнений и для формирования почти всегда разногласного хора. В Москве и Ленинграде коммунисты потерпели шумное поражение. На съезде сложилась диалектическая взаимосвязь большинство-оппозиция, что стало подлинным новшеством для Советского Союза. Очень долго обсуждалась отмена ст. 6 Конституции, принятой при Брежнев в 1977 г., в которой закреплялась «руководящая роль» Коммунистической партии, и только в феврале 1990 г. после длительных колебаний Горбачева эта мера была одобрена. Сам Горбачев был избран президентом СССР, сохранив за собой руководство партией, несмотря на оппозицию наиболее консервативных коммунистов во главе с Егором Лигачевым.

Во время дискуссии возникла фигура Ельцина, представителя Екатеринбург (Свердловска), в прошлом члена партийного руководства, а теперь диссидента и сторонника более открытых форм демократии и либеральной экономической политики. В марте 1990 г. Ельцин был избран председателем Верховного Совета Российской Федеративной Республики (тогда входившей в Советский Союз) и в июне 1991 г. был избран президентом РСФСР. Внешне Ельцин разделял реформаторский порыв Горбачева. В действительности, упрощая ситуацию, можно сказать, что в 1990 г. в Советском Союзе сложились три политические силы: радикально-реформистская во главе с Ельциным, консервативная под ру-

ководством Лигачева и реформистско-центристская, естественным представителем которой был Горбачев.

Постепенно становилось все более очевидным, что политика перестройки наталкивалась на гораздо более серьезные препятствия, чем можно было предположить. С точки зрения экономики реформы вызвали глубокую неуверенность, чему способствовали постоянные смены программ и советников, которым Горбачев поручал проведение реформ. Приостановление экономического спада в 1987 г. было кратковременным и не меняло тенденции в целом; реформы натолкнулись на сопротивление бюрократического аппарата и так называемого военно-промышленного комплекса, которые не собирались менять привычки, сложившиеся в течение десятилетий существования централизованной системы. В деревнях попытка развязать частную инициативу была успешной, но подавлялась из центра огромными налогами на продукцию с небольших земельных участков, изъятых у коллективных хозяйств и предоставленных в частное пользование.

Эти проблемы только подтверждали невозможность реформирования экономической системы, в жизнеспособности которой многие стали открыто сомневаться. Постепенно появлялись сторонники глубоких структурных перемен в советской экономике путем отказа от планирования и формирования рыночной экономики, приватизации большей части предприятий и государственной собственности. Но эти планы были противоположны тому, что предлагал Горбачев. Он хотел реформировать систему, а не ломать ее. В 1990 г. он продолжал верить в эффективность этой политической линии. Впрочем, Горбачев считал, что в политическом плане он еще может рассчитывать на поддержку Съезда народных депутатов.

Такое убеждение противоречило реальной ситуации в стране, где к экономическим трудностям добавился мятежный протест национальностей, входивших в Советский Союз. Горбачев обещал пересмотр норм институционального устройства Советского Союза, но события его опережали. В Прибалтийских государствах (Эстонии, Латвии и Литве), в Армении, Грузии, Азербайджане и в Молдавии появились движения за независимость, к которым с энтузиазмом присоединились народные массы. Призывы к независимости встречали поддержку даже в Белоруссии и, что еще хуже, на Украине.

Перед угрозой развала Советского Союза под ударами национальных революций Горбачев с конца 1990 г. счел необходимым проводить осторожную политику, основанную на частичном восстановлении роли старой гвардии, то есть на сближении с кон-

серваторами. Он сформировал такое Политбюро, в которое вошли бесцветные политики или сторонники замедления реформ. Премьер-министр Николай Рыжков и министр иностранных дел Шеварднадзе ушли со своих постов, при этом последний дал понять, что он не разделяет уступок, сделанных консерваторам. Но именно с консерваторами Горбачев должен был договариваться о новых основах отношений с республиками, входившими в СССР. С начала 1991 г. консерваторы не скрывали своего недовольства уступками, которые, по их мнению, угрожали существованию Союза, в то время как республики требовали определения новых правил, выработанных не в результате диктата центра, а согласованием с периферией. Таким образом, Горбачев, оставшийся на центристских позициях, оказался в изоляции. Его положение еще более осложнилось в связи с возникновением в Москве, по всей России и в других республиках новых политических организаций антикоммунистического, демократического характера, которые в соответствии с нормами гласности невозможно было запретить.

Горбачев был поставлен перед выбором. В международном плане на встрече Группы семи в Лондоне в июле 1991 г. у него появилась последняя возможность заявить о своих просьбах, однако он понял, что помощь западных государств будет обусловлена проведением структурных реформ в советской экономике. Он обратился с просьбой о принятии Советского Союза в Международный Банк и в Международный валютный фонд, но ему был предоставлен только статус «особого ассоциированного» участника — это ярко свидетельствовало о том, что мировое экономическое сообщество ждало от него новых шагов по пути преобразований.

У себя на родине Горбачев приступил к трансформации СССР в конфедерацию и готовился 20 августа 1991 г. подписать текст нового договора о Союзе. Но именно в этот момент он был предан окружавшими его консервативными деятелями. 19 августа, т.е. накануне дня, намеченного для подписания нового договора, они попытались сместить его или заставить отказаться от большей части реформ. В тот день Горбачев находился на отдыхе в Крыму и был изолирован от остального руководства. Только Борис Ельцин, избранный президентом Российской Федерации, сумел со своей энергией мобилизовать общественное мнение и парламент против руководителей переворота и позволил Горбачеву вернуться на несколько месяцев к власти, но почти на положении заложника в руках самого Ельцина. Последний стал главным поборником радикальных преобразований в России, основанных на отказе от коммунистической системы и руководящей роли партии (деятельность которой была приостановлена с 29 августа 1991 г. после провала госу-

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

дарственного переворота) и переходе к рыночной экономике.

Это был единственный путь для России и других государств, которые решили создать вместе с ней новую конфедерацию и преобразовать ее в современное и эффективное государство, но это был путь преодоления препятствий, чреватый жертвами и ошибками. На этот путь Ельцин, сознавая безграничный риск, встал еще в 1990 г. Эксперимент по почти полному слому старой структуры и искусственному построению новой, абсолютно иной, системы требовал искусства реализации замысла через воссоздание естественных сил политической системы. В этом методе заключено противоречие, которое не позволяет увидеть ситуацию целиком и те результаты, к которым все это приведет. У истоков этих перемен был распад Советского Союза, исчезновение сверхдержавы, которая с 1945 г. противостояла гегемонии Соединенных Штатов. Осталась Россия Ельцина, но она с большими внутренними трудностями пыталась преобразовать свою экономическую систему и решить проблему отношений с прежними советскими республиками.

13.10.4. ПЕРВЫЙ ЭТАП ПРАВЛЕНИЯ ЕЛЬЦИНА

Во внутреннем плане политика Ельцина с первых шагов встретила с неизбежными трудностями резкого перехода от централизованной системы планирования к системе приватизации и приоритета рынка. Что касается бывших советских республик, Ельцин сумел весьма хитро плести сложные и тонкие интриги, пытаясь перестроить отношения с ними по новым правилам, менее отягощенным колониалистским наследием. Вероятно, он стремился создать такую структуру государств, которая позволила бы России и ее соседям, связанным с ней новыми узами, восстановить влияние в глобальном масштабе, казалось, временно утраченное в связи с кризисом.

На этом пути Ельцин в декабре 1991 г. заключил соглашение с Белоруссией и Украиной о создании «Союза трех славянских республик» (встреча под Минском 9 декабря 1991 г.). Между тем президент Украины Леонид Кравчук и председатель Верховного Совета Белоруссии Станислав Шушкевич видели в замыслах Ельцина намерение сохранить гегемонию России, что подтверждали споры о контроле над стратегическими ракетами или над бывшим советским черноморским флотом, а также о суверенитете Крыма, входившего в состав Украины. Более широкое содружество несомненно смогло бы противостоять связанным с этим опасностям. Изложенные причины способствовали тому, что Минский договор был

открыт для участия других постсоветских республик, прежде всего для Казахстана. Таким образом, 21 декабря 1991 г. было создано Содружество Независимых Государств (СНГ), к которому согласно договору подписанному в тот день в Алма-Ате присоединились еще восемь бывших советских республик: Армения, Азербайджан, Молдавия, Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан. В сравнении с СССР в новое объединение не вошли Прибалтийские государства и Грузия, которая присоединилась к новому союзу в ноябре 1993 г. Советский Союз перестал существовать не только фактически, но и юридически.

В тот момент СНГ было лишь аббревиатурой, которая должна была обрести политико-экономическое и правовое содержание. Столкнувшись с комплексом сложных проблем Содружество быстро село на мель. Весной 1992 г. уже упоминавшиеся военные вопросы составляли только часть споров, которые предстояло решить; они касались распределения между республиками советского наследства и государственного долга, судьбы Государственного Банка, сохранения или упразднения рубля в качестве общей валюты.

Россия действовала так, чтобы за ней признали роль «первой среди равных» относительно более малых республик. Все новые независимые государства, как и страны Балтии, были приняты в ООН, получили статус наблюдателей при ЕЭС, в январе 1992 г. стали участниками СБСЕ, в августе того же года — Международного Валютного Фонда. Россия сумела приобрести желаемый имидж благодаря признанию со стороны ООН того факта, что она в качестве преемницы СССР стала постоянным членом Совета Безопасности ООН, а также согласилась взять на себя большую часть советского государственного долга и расходы по содержанию войск Советской Армии, которые предстояло вывести из Прибалтийских государств и Восточной Европы.

Но это преобладание России оставалось спорным в связи с практическими трудностями в решении многих проблем и стремлением, прежде всего, Украины политически использовать проблему унитарного контроля над ядерным арсеналом и спорами по вопросу о ценах в межгосударственной торговле. В мае 1992 г. в Ташкенте был подписан Договор о коллективной безопасности между государствами-членами СНГ, однако он не был наполнен конкретным содержанием. СНГ столкнулось с необходимостью решать одновременно несколько комплексов проблем: последствия отделения стран Балтии; положение в Грузии, которая была измучена гражданской войной с Абхазией; война между Арменией и Азербайджаном за контроль над автономным районом Нагорного Карабаха, большого армянского анклава внутри азербайджанского государства;

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

периодически возникающее напряжение в государствах Центральной Азии, населенных преимущественно мусульманами. Отсутствие нового учредительного договора, который юридически определил бы характер СНГ и отношения между входящими в него государствами, способствовало превращению постсоветского пространства в эксперимент перехода от колониальной системы к новой экономической и правовой реальности.

Внутренние проблемы лишали Россию свободы маневра в отношении Запада и в разрешении проблемы наследования отношений советского правительства с другими странами мира. В Азии после ухода из Афганистана были нормализованы отношения с Китаем, подтверждены уже установленные — с Индией, зона русского влияния расширилась и распространилась на другие страны Тихоокеанского региона, за исключением Японии, спор с которой относительно Курильских островов стал непреодолимым символическим препятствием.

В связи с этим отпали причины соперничества с Соединенными Штатами, потому что кризис не позволял России соревноваться с американцами, как это делал ранее Советский Союз. Таким образом, все государства, которые так или иначе были связаны с Советским Союзом, столкнулись с жесткой реальностью изоляции и должны были переосмыслить свои отношения с Соединенными Штатами и западным миром. Это затронуло на Ближнем Востоке Сирию и некоторые палестинские группировки, в Северной Африке — Ливию, в Центральной Африке — Анголу и Мозамбик, в Азии — Камбоджу.

Самым ярким казусом стала Куба. Фидель Кастро на острове в Карибском море не собирался отказываться от социалистического знамени, оставшись одним из немногих его пропагандистов. Между тем помощь, которая помогала режиму Кастро выжить, в начале девяностых годов резко сократилась. Поставки сырой нефти на Кубу достигали 13 млн тонн в год и осуществлялись по политическим ценам или в форме бартерного обмена на сахар, в 1992 г. они сократились до 3,5 млн тонн. Кастро понял, что остался один и должен считаться с новой реальностью.

Позиция России в Организации Объединенных Наций лишь подтверждала ее новую ориентацию в связи с необходимостью получения русскими все более внушительных кредитов от международных финансовых институтов. Несмотря на очевидное внутреннее противодействие, особенно до падения Горбачева, политика СССР, а затем и России искала точки соприкосновения с Соединенными Штатами. Наиболее ярким примером может служить кувейтский кризис, когда Советы показали, что еще могут играть независимую

посредническую роль, но, в конце концов, присоединились ко всем тезисам Соединенных Штатов, узаконив тем самым американские военные действия против Ирака.

13.11. Демократическая революция в Восточной Европе

13.11.1. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Процесс, начавшийся в восьмидесятые годы в Польше и в Венгрии, а затем охвативший и Чехословакию, привел к тому, что большая часть стран Восточной Европы в разной степени и весьма неодинаково была подготовлена к внешнеполитическому повороту, предпринятому Горбачевым и поддержанному Ельциным. В 1989 г. произошли радикальные изменения в ирреальной картине международных отношений, в которой будто не существовало взаимозависимости между советской системой и изменениями во внутреннем положении стран Варшавского договора. Формирование в 1989 г. правительства Мазовецкого в Польше, Йожефа Антала — в Венгрии, Вацлава Клауса — в Чехословакии стало прямым вызовом Варшавскому Договору. Устранение от власти коммунистических партий, а в некоторых случаях и откровенное давление с целью лишить их руководящей роли, стало правилом. Демократическая Германия, которая стремилась преодолеть кризис путем улучшения отношений с Федеративной Германией, должна была принять уход с политической сцены Хонеккера, на смену которому сначала (18 октября 1989 г.) пришел Эгон Кренц, а затем (в декабре) Грегор Гизи. Начался период нарастающей нестабильности, которая привела к радикальным переменам.

Оставалась Румыния, где диктатор Чаушеску обладал огромными полномочиями и, в конце концов, занял чрезвычайно националистические позиции, подавляя венгерское население, проживавшее в Трансильвании. Попытки полностью уничтожить в городах все венгерские памятники и символы вызвали массовые демонстрации, которые из Тимишоары в Трансильвании распространились на всю Румынию. В конце ноября 1989 г. Чаушеску был переизбран генеральным секретарем коммунистической партии, так что враждебная реакция народа стала для него совершенно неожиданной. Напряженность в стране, не затронутой переменами, происходящими во всех соседних странах, достигла такого уровня, что угрожала ее целостности. Происходили тайные споры между теми, кто хотел освободиться от диктатора и сохранить в Румынии коммунистический режим, и теми, кто хотел подлинных перемен в плюралистическом

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

направлении. Обе силы сотрудничали в организации уличных демонстраций, которые 22 декабря переросли в штурм правительственного дворца. Чаушеску и его супруга, а также главные сообщники диктатора, были схвачены и убиты.

В течение нескольких месяцев эти силы продолжали двусмысленное сотрудничество. Тем временем коммунисты решили убрать определения, которые напоминали об их истинных политических позициях и согласились не называть больше Румынию социалистическим государством. Коммунисты пошли на проведение 20 мая 1990 г. новых выборов, в которых они, маскируясь, приняли участие в рамках Фронта национального спасения, победившего и приведшего на пост президента республики Иона Илиеску, двучленного эпитгона прошлой системы, а на большинство правительственных постов — наследников коммунистической партии.

В Румынии наследие предыдущих лет могло быть устранено лишь внешне и в значительно меньшей мере, чем это произошло в Болгарии. В этой стране, которая была самым преданным вассалом СССР, 10 ноября 1989 г. лидер коммунистической партии Тодор Живков был вынужден уйти в отставку, а в январе 1990 г. был заключен в тюрьму. Выборы, прошедшие в том же месяце, привели к избранию нового парламента, который отменил положение о руководящей роли коммунистической партии и начал процесс реформ.

Наконец, некоторое время спустя перемены начались и в Албании. После смерти Энвера Ходжи (11 апреля 1985 г.), навязавшего беднейшей стране политику бесконтрольной личной диктатуры и полной изоляции от внешнего мира, Албания предстала во всей своей нищете, к которой ее привели почти 40 лет тирании. Место Ходжи занял Рамиз Алия, который пытался начать перестройку и восстановить отношения с соседними странами. В 1991 г. было отменено положение о руководящей роли коммунистической партии, Албания развернулась в сторону плюрализма. В марте 1992 г. новые выборы устранили остатки коммунистического влияния, вернув албанцам надежду как можно быстрее преодолеть состояние отсталости. Власть перешла к лидеру демократической партии Сали Бериша. Но это была только видимость демократии. Трагедия Албании заключалась в том, что ее руководящий класс был слишком слаб, продолжалась борьба региональных кланов, разделенных глубокой ненавистью, которую их лидеры переводили на язык политики.

13.11.2. КОНЕЦ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

Во всей Восточной Европе произошли радикальные изменения. Коммунистическая система уступила место плюралистическим многопартийным правительствам. Они стремились трансформировать экономику своих стран в рыночную, установить связи с ЕЭС и стать частью «общего европейского дома» Горбачева. Процессы внутреннего развития требовали перехода к новым международным отношениям. С того времени, как политика разоружения и соответствующие (или находившиеся в стадии подготовки) соглашения устранили опасность американской агрессии, а точнее, с того времени, как все государства Восточной Европы захотели сблизиться с ЕЭС, и даже быть принятыми и сотрудничать с Западной Европой, целесообразно ли было сохранять такую оборонительную организацию, как Варшавский договор? Вопрос требует дополнения: был ли смысл сохранять Организацию Варшавского Договора, даже если ничто не предвещало, что НАТО в скором времени может исчезнуть? Если оба союза играли симметричную роль, то связь между их существованием была бы неизбежной. Действительность показала, что такой симметрии не существовало. Варшавский договор был инструментом советского контроля, НАТО — средством западной координации. Между двумя определениями существовало глубокое различие, что подтвердил тот факт, что кризис Советского Союза повлек за собой кризис Варшавского договора, в то время как НАТО выжила и окрепла, несмотря на постоянную критику, которую она вызывала с самого момента своего формирования.

Вопрос можно рассмотреть и с другой точки зрения. Поскольку страны Восточной Европы, выполняя Ялтинские соглашения, наконец, свободно избрали свои правительства, то разве не было бы законным, чтобы Советский Союз получил гарантии своей безопасности в виде союза, который гарантировал бы невозможность нападения западных стран, несмотря на события по восточную сторону железного занавеса? Ответ мог бы быть утвердительным, если бы ему не противоречил тот факт, что именно заинтересованные страны своими действиями подорвали коммунистический лагерь и что они были бы более опасны для Советского Союза, вынужденно оставаясь в рамках организации, ставшей для них неприемлемой.

Горбачев пытался сохранять Варшавский договор до конца. После падения Берлинской стены он заявил, что СССР не будет возражать против формирования некоммунистического режима в Восточной Германии при условии, что она останется в Варшавском договоре. Такое же отношение было проявлено в августе

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

1989 г. и к решению генерала Ярузельского поручить формирование правительства католику Мазовецкому. Даже в 1990 г. Горбачев считал Варшавский договор «главным атрибутом статуса СССР как европейской державы и — поскольку он создавал определенную симметрию в отношении Соединенных Штатов, возглавлявших НАТО, — статуса великой державы». Однако, несмотря на это, сохранить систему советского контроля над Восточной Европой оказалось невозможно.

В январе 1990 г. страны СЭВ приступили к переговорам о форме системы экономического сотрудничества. В последующие месяцы Чехословакия, Польша и Венгрия потребовали вывода с их территории советских войск, и Горбачев должен был с этим согласиться. На совещании, состоявшемся в Москве 7 июня 1990 г. представители стран-членов Варшавского договора обсуждали его будущее и согласились, что необходима серьезная реорганизация ОВД как военного союза. После подписания в ноябре 1990 г. Парижских соглашений о сокращении обычных вооружений в Европе (ДОВСЕ) верх одержала точка зрения, предлагавшая превратить в течение 1992 г. Варшавский Договор в механизм регулярных консультаций по вопросам разоружения. 31 марта 1991 г. Горбачев признал, что Варшавский договор перестал существовать как военный союз. 1 июля того же года на заседании Политического консультативного комитета ОВД 6 государств-членов приняли решение о роспуске организации.

13.12. Объединение Германии

13.12.1. ГОРБАЧЕВ И ВОСТОЧНАЯ ГЕРМАНИЯ

В 1914 г. германский вопрос был в центре конфликта, который привел к первой мировой войне. С 1919 г. вопрос о возможном реванше Германии и связанная с этой угрозой проблема безопасности Франции доминировала в решениях европейских держав. С 1933 г. и в еще большей мере с 1936 г. германский ревизионизм стал угрозой миру, и в 1939 г. агрессивность гитлеровской Германии привела к началу второй мировой войны. Проблема послевоенного переустройства Германии была центральной в отношениях между державами-победительницами и стала препятствием для союза СССР с западными державами, прежде всего с Соединенными Штатами.

В результате этих противоречий было решено в 1949 г. создать два различных и противостоящих германских государства: Федеративную Республику Германии и Германскую Демократическую Республику. Вопрос о международном положении этих госу-

дарств стал предметом жестких политических споров, по крайней мере, до 1955 г., когда Западная Германия окончательно интегрировалась в систему союзов Запада, а Восточная Германия — в советскую систему союзов. Раскол Германии мог показаться, на первый взгляд, оптимальным решением для всех, кто считал существование единой, экономически восстановленной Германии потенциальной угрозой европейскому равновесию и, следовательно, миру. В 1961 г. возведение Берлинской стены, каким бы одиозным оно ни казалось, зримо подтверждало подобный раскол и было призвано остановить поток эмиграции из Восточной в Западную Германию. Это сделало ошутимым раздел Европы (и мира) на два лагеря, которые должны были противостоять друг другу долго и стойко, как бетон, из которого была сделана Берлинская стена.

В этой обстановке в 1975 г. стало возможным подписание Заключительного акта Хельсинкской конференции, который внешне закрепил *статус кво*, включив раскол Германии в рамки концепции европейской безопасности, одобренной СБСЕ. За внешней гладкостью решений скрывалась меняющаяся реальность. То, что представлялось приемлемым или даже желаемым для европейских стран, не было таковым для немцев. *Восточная политика* Брандта и *Западная политика* Хонеккера свидетельствовали о том, что наряду с международно-правовой реальностью существовала необходимость интеграции двух Германий, которую недавняя история не смогла разрушить.

Если извне действовали центробежные силы, то внутри Германии действовала центростремительная энергия. Самосознание немцев как единого народа, независимо от вины Гитлера и воли победителей, выжило и устремилось по руслу, открытым двусторонними соглашениями между двумя Германиями. Когда сплоченность одного из блоков начала разрушаться и исчезли причины, вследствие которых каналы межгерманских связей пролегли скрыто, как карстовые реки, тогда и факторы раскола стали казаться уже менее весомыми, чем факторы воссоединения, которое становилось неотложным и стремление к нему развивалось с такой быстротой и политической силой, что опрокидывало всякое сопротивление. Первым и главным результатом большой европейской разрядки и советского кризиса стало возрождение единой Германии, интегрированной в западную систему.

Правительство Восточной Германии игнорировало уроки внешней политики Горбачева и стремительность вызванных ею последствий. Нельзя сказать *a priori*, что это было результатом политической слепоты; более вероятно, что бездействие отвечало стремлению не дать рухнуть карточному домику. Но германское

су...

«своеобразие» противоречило советским намерениям, так как Горбачев считал, что более гибкая и уступчивая политика Восточной Германии облегчила бы реорганизацию ее внутреннего режима таким образом, чтобы сделать его более жизнеспособным. Как видим, это была часть оптимистического видения Горбачевым результатов *перестройки*, трактуемой универсально, и в этой связи германское «своеобразие» не нравилось новому советскому коммунистическому руководству.

Горбачеву дважды представился случай открыто высказать свою точку зрения. В июне 1989 г. он впервые посетил Федеративную Республику Германии, где был очень тепло принят и подписал заявление, в котором провозглашалось «право любой страны и любого народа свободно определять свою судьбу», обе стороны обязывались «способствовать преодолению раскола Европы». Эти две цели вне Германии имели слишком общее звучание, а в Германии приобретали особое значение.

Второй случай связан с празднованием 7 октября того же года 40-й годовщины создания Германской Демократической Республики. На первый взгляд празднование было похоже на все другие церемонии, которые полагались по ритуалу в подобных случаях. Хонеккер превозносил завоевания своего режима, «бастиона социализма против западногерманского империализма», и повторял пропагандистские формулировки, как будто бы ничего в мире не изменилось и Германская Демократическая Республика жила в своем изолированном мирке радости и благополучия. Сам Горбачев нарушил эту праздничную атмосферу, когда, выступая с речью, выразил одобрение по поводу перемен, происходящих во многих социалистических странах, и свое недовольство инертностью Хонеккера, бросив камень в его болото: «Кто опаздывает, — сказал он, — того наказывает жизнь». Несомненно, в тот момент советский лидер хотел подчеркнуть несогласие со своим союзником и подтолкнуть немцев к проведению реформ, как в других социалистических странах, прежде, чем станет слишком поздно.

13.12.2. ПАДЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

И, действительно, было уже поздно. Уже несколько месяцев наблюдался феномен, который свидетельствовал о трудностях режима Хонеккера: тысячи восточных немцев, благодаря возможности свободно передвигаться внутри границ стран Варшавского договора, начали своего рода трансмиграцию. Они приезжали в Чехословакию или Венгрию, затем добирались до австрийской

границы или искали убежище в посольствах Западной Германии в Праге и Будапеште в ожидании транзитной визы в Австрию и уже оттуда переезжали в Западную Германию. Стену, которая разделяла обе Германии, обходили с изумлявшей всех военной хитростью.

В мае 1989 г. первые попытки такого перехода удались и прошли почти незамеченными, но летом число беглецов возросло до такой степени, что стало политической проблемой, которая вынуждала правительство Будапешта (страдавшее более, чем чехословацкое, потому что дальше продвинулось по пути реформ) принять решение: отсылать ли страждущих скитальцев к месту отъезда и тем самым выполнять существующие соглашения с ГДР или нарушить их, демонстративно прорвав железный занавес. Когда Горбачева спросили о его мнении по этому поводу, то он сослался на решения венгров. Правительство Будапешта 11 сентября приняло недвусмысленное постановление открыть границу с Австрией. Только за три дня 15 000 человек прошли по открытому пути как авангард счастливых туристов, которые спешили в землю обетованную.

Слова Горбачева, сказанные 7 октября, нашли отклик в этих событиях, потому что столь мощный людской поток без слов свидетельствовал, что Восточная Германия стала тюрьмой, из которой нужно бежать любым путем. Горбачев предпринял все усилия для того, чтобы Восточная Европа не казалась тюрьмой. Быстрые, хотя и запоздалые, перемены были необходимы. 18 октября на смену Хонеккеру пришел Эгон Кренц, которого, однако, считали естественным и назначенным наследником. Несколько дней спустя новый лидер понял, что было уже слишком поздно: 23 октября несколько сот тысяч человек (насчитывают около 300 000) вышли на площадь с демонстрацией протеста против нового правительства, требуя демократии и свободных выборов. Это стало еще яснее 4 ноября, когда около миллиона демонстрантов собрались на Александер-плац в Берлине, выдвигая те же требования.

Начался быстрый распад политической системы и властных структур, находившихся под контролем коммунистической партии (СЕПГ). Вилли Штоф ушел с поста премьер-министра; партийная иерархия и структуры стали разрушаться; 8 ноября в отставку ушло все Политбюро. В этой ситуации вечером 9 ноября радио передало сообщение о постановлении правительства разрешить всем гражданам, желающим покинуть Восточную Германию, сделать это через любой контрольный пункт, а следовательно, и через Берлин. Таким образом, стена неожиданно превратилась лишь в материальную преграду между двумя Германиями. В одну эту ночь тысячи людей

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

бросились на стену, чтобы уничтожить ее даже физически: эта акция требовала много времени, но ее начало символизировало конец разделения древней столицы Германии.

С этого момента возникли большие внутренние и международные проблемы. Каковы могли быть последствия для отношений между двумя Германиями, как реагировала остальная Европа на эти события? В связи с этим стоит напомнить, что Берлин в тот момент находился под межсоюзническим контролем, а потому все, что там происходило, неизбежно получало международный отклик.

Процесс перемен, однако, стремительно ускорялся. Его развитие поставило два вопроса: как следовало принимать на Западе беглецов с Востока, поскольку только в ноябре 1989 г. их количество достигло 130 000 человек? Более того, могла (или должна) была еще существовать Германская Демократическая Республика? Первая проблема касалась германского правительства, вторая — международного сообщества.

Спасение Германской Демократической Республики было поручено 13 ноября Хансу Модрову, политику, который считался умеренным лидером и сторонником политики Горбачева. Он быстро приступил к консультациям, чтобы определить, какие реформы были самыми срочными. 28 января 1990 г. правительство объявило, что первые свободные выборы будут проведены 18 марта, т.е. раньше, чем предполагалось.

В центре избирательной кампании оказались споры о будущем Германской Демократической Республики и о способах объединения с Западной Германией. В дискуссиях участвовали 24 политические группы, которые, в сущности, сосредоточились на обсуждении двух вариантов: предложения христианских демократов о немедленном объединении и предложения СЕПГ о постепенном объединении, растянутом во времени. Результаты выборов, на которые повлиял эмоциональный порыв, охвативший немцев, говорили об однозначном решении. В голосовании участвовало около 94% граждан ГДР, имевших право голоса, выборы продемонстрировали успех центристского блока, руководимого христианскими демократами. Блок получил 54% голосов, из которых 41% принадлежал самим христианским демократам. Второе место заняли социал-демократы, получившие 22% голосов, а третье — бывшие коммунисты, получившие немногим более 16% голосов. Предвыборные зондажи предсказывали успех социал-демократам. Но всенародное голосование выразило поддержку курсу канцлера Коля, который, лично вступив в предвыборную борьбу, лучше дру-

гих почувствовал символическое значение идеи объединения, в особенности, по сравнению с теми, кто высказывал разумные возражения и предвидел трудности, которые вызовет ускоренный процесс интеграции радикально различных экономических систем.

Результаты выборов позволили начаться этому процессу. Новый премьер-министр ГДР христианский демократ Лотар де Мэзьер в своей речи при вступлении в должность 20 апреля 1990 г. выделил два условия объединения: паритетное сотрудничество между двумя правительствами и требование, чтобы валютный вопрос был решен без предвзятости на основе признания паритета восточной и западной марки. В международном плане положение объединенной Германии определялось ее будущим участием в НАТО, хотя и на условии отказа от быстро устаревавших доктрин, которыми до того времени руководствовалась военная стратегия Североатлантического альянса. В правовом отношении объединение должно было быть осуществлено на основе ст. 23 Основного закона Федеративной Республики Германии, которая четко предусматривала присоединение других немецких земель.

18 мая облеченные полномочиями соответствующие министры подписали договор об экономическом, валютном и социальном союзе, и 31 августа был заключен германо-германский Договор об объединении страны, определявший его административно-юридические аспекты и дату вступления в силу — 3 октября. Этот день был признан днем рождения нового объединенного германского государства, т.е. присоединения к Федеративной Республике Германии, которая не меняла своего названия, земель прекратившей свое существование Германской Демократической Республики.

13.12.3. ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СООБЩЕСТВО

Ускорение процесса объединения Германии создавало для непосредственно заинтересованных государств ряд немаловажных политико-правовых проблем. Новая ситуация требовала от других наций, которые должны были к ней приспособиться, большой гибкости и мужества, потому что объединение потребовало жертв от многих стран, которых оно затрагивало; оно создавало проблемы, прежде всего, для Франции, Польши и, в еще большей мере, для Советского Союза.

Когда немцы провозгласили право на самоопределение, страны ЕЭС признали его на встрече в верхах в Страсбурге 8–9 декабря 1989 г., но со многими невысказанными оговорками. После

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

су...

встречи, организованной Советами 11 декабря 1989 г., к этому добавилось возрождение давно забытого, но еще существовавшего органа: Союзного контрольного совета, который действовал в Берлине и вновь возник из небытия, чтобы обозначить существование проблемы, которой ни Советы, ни французы не намеревались пренебрегать. Вопрос касался, по крайней мере, шести стран (двух германских государств и четырех ведущих союзных держав), но затрагивал также и другие страны НАТО и Варшавского договора, по крайней мере Польшу и Чехословакию.

В феврале 1990 г. Горбачев заявил о своей готовности согласиться с решениями, которые примет новый парламент, но он говорил о плане постепенного германского объединения, которое должно было пройти этап конфедерации и создать федерацию с единым правительством и столицей в Берлине. Новое государство должно стать по возможности нейтральным либо, как предлагал советский лидер, участвовать одновременно в НАТО и в Варшавском договоре.

Однако канцлер Коль решительно взял в свои руки лидерство в переговорах с целью достижения полного и безусловного объединения, которое он считал возможным еще в ноябре 1989 г. Курс на объединение Германии стал реализовываться благодаря тесному сотрудничеству между Колем и президентом Бушем, которое с февраля 1990 г. начало приносить свои плоды. 14 февраля в кулуарах конференции СБСЕ по проблеме «в Оттаве открытого неба» было принято решение, что процедура объединения должна пройти в два этапа: сначала германские государства определяют условия своего соглашения, а затем четыре державы-победительницы во второй мировой войне договорятся о прекращении их прав на Германию в целом. Формула «2 + 4» не нравилась никому, потому что исключала из процесса переговоров некоторые заинтересованные европейские страны, и, тем не менее, она показалась более логичной, чтобы одновременно признать полную суверенную свободу двух германских государств и оставшиеся права держав-победительниц во второй мировой войне.

Эти формальные компромиссные договоренности не устранили трудности в вопросе о будущем международном положении Германии. Выход был найден, благодаря смелому решению Коля обсудить проблему непосредственно с Горбачевым. Важная беседа состоялась 16 июля 1990 г., когда Коль приехал на родину Горбачева в Архыз (Северный Кавказ), чтобы выступить не как ходатай, запрашивающий уступки для Германии, а как представитель богатой

Центральной Европы, которая несомненно могла бы способствовать успеху перестройки. Коль очень хорошо понимал переплетение двух аспектов реформаторской политики Горбачева: внутреннего и внешнего. Он использовал их соединение, чтобы показать советскому лидеру, что рождение объединенной Германии благоприятно повлияет на достижение его подлинной цели, т.е. успеха политики реформ. Горбачев уже почувствовал, что американцы не готовы оказать конкретную поддержку советским реформам и очень внимательно отнесся к словам Коля по этому вопросу.

Соглашение, достигнутое 16 июля, отражало эту ситуацию. Советский Союз заявил о своей готовности признать полное объединение и международный суверенитет Германии, а следовательно, возможность продолжения участия Федеративной Республики Германии в НАТО и в других союзах. В свою очередь, Федеративная Республика Германии признала, что в течение определенного времени (до полного вывода советских войск) на территории бывшей Германской Демократической Республики не будут размещены войска НАТО и не будут созданы ее структуры. После вывода советских войск в Восточной Германии возможно будет разместить войска НАТО, но состоящие только из немецких частей. Федеральное правительство обязывалось также выделить средства на содержание советских солдат, размещенных в Германии, и профинансировать комплекс мер, необходимых для их обустройства в Советском Союзе. Кроме того, Коль согласился сократить общую численность вооруженных сил объединенной Германии до 370 000 человек в соответствии с Парижским договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ); он обязался отказаться от производства и обладания атомным, бактериологическим и химическим оружием, продолжая соблюдать договор о ядерном нераспространении. Наконец, Коль обязался с помощью «большого» договора определить формы дальнейшего экономического сотрудничества между двумя странами. «Нравится нам или нет, — сказал Горбачев, одобряя компромисс, — придет время, когда объединенная Германия станет участником НАТО, если она примет подобное решение. Если таков будет ее выбор, форму которого предстоит определить, то Германия сможет сотрудничать с Советским Союзом».

Соглашение от 16 июля было главным прорывом в дипломатическом плане и открыло дорогу к преодолению оставшихся трудностей. 12 сентября в Москве был подписан Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии, что означало признание двусторонних соглашений и воссоединения Германии на основе тезисов канцлера Коля.

Глава 13. От кризиса разрядки к советскому кризису...

Другие вопросы международного характера были рассмотрены и решены в последующие месяцы. 14 ноября 1990 г. был подписан германо-польский Договор о границе, по которому ФРГ признавала границу, установленную в 1945 г., что положило конец опасениям, порожденным в Варшаве некоторой уклончивостью выражений, использованных немцами. Наконец, участие Германии в Парижских соглашениях от 19 и 21 ноября по вопросу об обычных вооружениях дополнило картину международных трансформаций в Центральной Европе.

Таким образом, в течение года то, что считалось неизменным, переменялось радикально. Германия, которой восхищались и опасались, возродилась как единое государство, хотя и лишенное территорий, которые оно потеряло в конце второй мировой войны. В европейской жизни начался новый этап, так как исчезло убеждение, что прочный мир на континенте возможен только при условии сохранения раскола Германии. Еще долгое время Германии предстоит решать внутренние проблемы, связанные с интеграцией двух столь различных структур, которые перестали существовать в 1990 г. Поэтому новая Германия будет оставаться в европейских институтах, благодаря которым стало возможно возрождение, ее рост и воссоединение.

Горбачев заплатил очень высокую цену, чтобы добиться сотрудничества, участником которого ему не суждено было стать. Он заплатил эту цену, преодолевая советское недоверие и польскую враждебность, заставив также и Францию сделать хорошую мину при игре, которой Париж был не совсем доволен. Может быть, для Европы это и был главный результат окончания биполярного противостояния. Год спустя, распад Советского Союза придал новое значение этому результату, потому что для Германии исчезла держава, способная сдерживать ее на востоке. Тем не менее немцы, как и другие европейцы, поняли в послевоенный период, что политика влияния является более плодотворной, чем политика господства.

Конец биполярности застал Европу в состоянии трансформации, но не в состоянии беспокойства. ЕЭС оказалось очень привлекательным для разных стран, ранее входивших в советскую систему или проводивших политику нейтралитета. Поэтому ослабление жесткого контроля, который обеспечивал стабильность, но навязывал ведущим державам правила совместного сосуществования, воспринималось спокойно. Это происходило также и потому, что Европа, включая объединенную Германию, в рамках организации НАТО оставалась связанной с Соединенными Штатами.

тами, т.е. с единственной сверхдержавой, которая к тому времени доминировала в международной системе, стремясь преобразовать ее в новый миропорядок.

Оглавление

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие: новый международный порядок?	7
От редактора	10
Введение	15

Часть первая

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

Глава первая

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ СИСТЕМЫ И ИЛЛЮЗИИ СТАБИЛИЗАЦИИ

1.1. Реконструкция европейской системы: общие аспекты	24
1.2. Лига Наций	31
1.3. Франко-германский мир и проблема безопасности Франции	
1.4. Изменения в мировой экономической системе. Вопрос о репарациях в период с 1920 г. до плана Дауэса	34
1.5. Урегулирование в Центральной Европе и советская проблема ...	49
1.6. Хрупкость нового порядка в Дунайско-Балканском регионе ..	75
1.7. Нормализация дипломатических отношений с СССР	80
1.8. Ситуация в Дунайско-Балканском регионе между стабилизацией и ревизионизмом	84
1.9. Кризис и конец Оттоманской империи. Кемалистская Турция. Мандатная система на Ближнем Востоке	93
1.10. Послевоенная ситуация на Дальнем Востоке. Вашингтонская конференция и японская политика	100
1.11. Последние иллюзии коллективной безопасности	105
1.12. Несостоявшаяся социально-экономическая стабилизация и внутренняя политика	112

Глава вторая

«ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ» И ПЕРВЫЙ КРИЗИС ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

2.1. Общие соображения	128
2.2. Финансовый кризис и кризис производства	131
2.3. Политические последствия экономического кризиса. Рост нацизма в Германии	142
2.4. Последствия кризиса для балканской политики. Италия и Франция перед лицом возрождения влияния Германии	150
2.5. Германская внешняя политика и проблема всеобщего разоружения от Брюнинга до Гитлера	159
2.6. Общие соображения относительно поворота, происшедшего в первой половине 30-х годов	165

Глава третья
КРИЗИС И КРАХ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

3.1. Внешняя политика Японии и захват Маньчжурии	168
3.2. Колебания Муссолини между германским ревизионизмом и политикой европейской безопасности. Австрийский вопрос ..	175
3.3. Реакция Франции на приход Гитлера к власти. Поиск новых союзов: Италия и СССР	185
3.4. Противоречия «фронта Стрезы». Советско-французский договор и англо-германское соглашение по морским вооружениям	200
3.5. Итальянская агрессия в Эфиопии и ее последствия	205
3.6. Ремилитаризация Рейнской области и создание «Оси»	217
3.7. Гражданская война в Испании, Средиземноморье и политика «невмешательства»	224
3.8. «Аншлюс» и британская политика «умиротворения»	242
3.9. «Умиротворение». Судетский вопрос и Мюнхенская конференция	248

Часть вторая
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Глава четвертая
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

4.1. Европа после Мюнхена	262
4.2. Раздел чехословакии	273
4.3. Конец политики «умиротворения»	277
4.4. Реакция Италии на политику Германии	288
4.5. Балканские отклики на германский ревизионизм	295
4.6. Советско-нацистский пакт	299

Глава пятая
ПЕРВЫЙ ЭТАП ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

5.1. Общие замечания о характере войны	314
5.2. Начало войны и ее последствия для всего мира	322
5.3. Поражение Польши и новые германо-советские соглашения. «Зимняя война»	331
5.4. Военное поражение Франции	348
5.5. Стратегические альтернативы Гитлера после поражения Франции	373
5.6. Военные действия Италии	386

Глава шестая
ГЛОБАЛЬНАЯ ВОЙНА

6.1. Нападение Германии на Советский Союз	396
6.2. Отношения между англо-американскими союзниками и Советами. Закон о ленд-лизе	412

6.3. Военные операции на других театрах военных действий вплоть до Эль-Аламейна	432
6.4. Японский экспансионизм и начало войны на Тихом океане ..	439
6.5. Цели войны с точки зрения Соединенных Штатов, Великобритании и Советского Союза	454
6.6. Падение Муссолини и перемирие с Италией	478

Глава седьмая

ПОБЕДА СОЮЗНИКОВ И ПОДГОТОВКА ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА

7.1. Военные действия в 1943 г.	486
7.2. Проблемы антифашистского союза после капитуляции Италии. Московская и Тегеранская конференции	490
7.3. «Итальянский прецедент» и его последствия. Создание Организации Объединенных Наций	505
7.4. Отношения между европейским движением Сопротивления и союзниками в 1944–1945 гг.	518
7.5. Ялтинская конференция	525
7.6. Накануне окончания войны в Европе	543
7.7. Послевоенная напряженность	546
7.8. Последний этап войны на Тихом океане	555
7.9. Атомная проблема	564
7.10. Американские проекты послевоенного устройства	573

Часть третья

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Глава восьмая

ЕДИНАЯ ПОЛИТИКА РЕКОНСТРУКЦИИ ИЛИ НЕСКОЛЬКО ПОЛИТИК?

8.1. Проблемы реконструкции	587
8.2. Приметы генезиса холодной войны	614
8.3. Поворот американской политики в Европе	658
8.4. Рождение Коминформа и положение в Восточной Европе	699

Глава девятая

ОБРАЗОВАНИЕ БЛОКОВ И ЭВОЛЮЦИЯ ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

9.1. Создание Атлантического пакта. Европейская составляющая	716
9.2. Победа коммунистов в Китае и война в Корее. Японский вопрос	731
9.3. Милитаризация периода холодной войны в Европе	767
9.4. Поворот 1953 г. К первой разрядке?	790
9.5. Борьба за сталинское наследие и «десталинизация»	809

Часть четвертая
БИПОЛЯРНАЯ СИСТЕМА:
РАЗРЯДКА НАПРЯЖЕННОСТИ
И СОСУЩЕСТВОВАНИЕ-СОПЕРНИЧЕСТВО

Глава десятая
СОСУЩЕСТВОВАНИЕ-СОПЕРНИЧЕСТВО
И ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ

10.1. Два «лагеря» в первые годы стабилизации	847
10.2. Деколонизация и сосуществование-соперничество	880

Глава одиннадцатая
СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ПОСЛЕ 1956 г.

11.1. Выработка норм сосуществования-соперничества	968
11.2. Включение Латинской Америки в мировую политику	1010
11.3. Атлантическая политика и европейская политика	1042
11.4. Изменения на Ближнем и Среднем Востоке	1069
11.5. Вьетнамский кризис 1954–1968 гг.	1073
11.6. Советский лагерь: рост и противоречия	1098

Часть пятая
ОТ «БОЛЬШОЙ РАЗРЯДКИ»
К СОВЕТСКОМУ КРИЗИСУ

Глава двенадцатая
«БОЛЬШАЯ РАЗРЯДКА» И ЕЕ ПРЕДЕЛЫ

12.1. Некоторые общие замечания	1125
12.2. Диалог между Соединенными Штатами и Советским Союзом	1128
12.3. Конец вьетнамского кризиса	1141
12.4. Киссинджер и «дипломатия Треугольника»	1150
12.5. Европа в годы разрядки	1162
12.6. Проникновение идей Кастро в Латинскую Америку и авторитаризм как ответная реакция	1177

Глава тринадцатая
ОТ КРИЗИСА РАЗРЯДКИ К СОВЕТСКОМУ КРИЗИСУ.
ПОВОРОТ 1973 г.

13.1. Война «судного дня» и энергетический кризис	1190
13.2. Возобновление политики советского экспансионизма	1200
13.3. Президентство Джимми Картера: пересмотр политики	
13.4. Рейган и Горбачев у власти	1205
13.5. Кризис биполярности? Первые симптомы	1220
13.6. Кризис советской системы	1227

13.7. Внесистемные изменения: война Иран–Ирак	1249
13.8. Китай: от ортодоксальности к экономическому развитию	1256
13.9. Восточная Азия и индийский субконтинент	1261
13.10. Приход Горбачева к власти в Советском Союзе	1272
13.11. Демократическая революция в Восточной Европе	1292
13.12. Объединение Германии	1295

